

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 2 2012

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

В.Г. Агаков, кандидат физико-математических наук, профессор

Заместитель главного редактора

В.В. Афанасьев, доктор технических наук, профессор

Члены редакционной коллегии

А.Ю. Егоров, доктор экономических наук, профессор

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор

Л.П. Кураков, доктор экономических наук, профессор

Е.К. Минеева, доктор исторических наук, доцент

Е.Л. Николаев, доктор медицинских наук, профессор

В.Г. Родионов, доктор филологических наук, профессор

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15,
тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)
e-mail: vestnik@chuvsu.ru
<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 9.94 (3)

А.А. БЕРЕЗИН

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В I ВЕКЕ НОВОЙ ЭРЫ

Ключевые слова: политика Рима на Востоке, буферная зона, Боспорское царство, Херсонес, Тира, Ольвия, Горгиппия, античная эпоха, варварский мир.

На основе последних историографических и археологических документов приводится хронология построения взаимоотношений Римской империи с государствами Северного Причерноморья. Прослеживается вся цепочка эволюционного развития региона в первые века нашей эры, с периода агрессивной колонизаторской политики Рима до свертывания идей гегемонии и вынужденного субсидирования местных царств ради сохранения буферной зоны между границами влияния Империи и варварского мира. Данные формы сотрудничества, несколько видоизменяясь, просуществовали вплоть до заката античного мира в целом, в IV в. н.э.

A.A. BEREZIN

MILITARY AND POLITICAL SITUATION IN NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE FIRST CENTURIES AD

Key words: policy of Rome in the East, buffer zone, Bosphorus kingdom Chersonese, Tira, Olbia, Gorgyppia, antique era, barbaric world.

This essay uses latest historiographic and archaeological documents in order to build chronology of relations between Roman empire with states of Northern Black Sea. We can trace the entire chain of evolution of this region during the first centuries AD, from the period of aggressive colonization policy of Rome until the point of termination of hegemonic ideas and compulsory subsidizing local kingdom in order to preserve buffer zone between the borders of the area of influence of the Empire and barbaric world. Such forms of cooperation, somewhat changing overtime, existed until the decline of antique world as a whole, in the 4th century AD.

Первое десятилетие нынешнего столетия ознаменовалось значительным пополнением отечественной историографической базы в вопросах, связанных с изучением взаимоотношений Римской империи с государствами Северного Причерноморья, чью географическую привязку можно традиционно очертить от Нижнего Дуная до Северного Кавказа, т.е. от современного Белгород-Днепровского в Одесской области до курортных Анапы и Новороссийска [7. С. 14]. Беря во внимание, что данный регион является единственным представителем от нашей страны, вошедшим в историю античного мира, интерес к изучению его многовекового наследия не ослабевает с самого появления отечественной гуманитарной школы. Новационный характер современных исследований характеризуется, прежде всего, освобождением от принятых политико-правовых догм, присущих советской школе, а также появлением целого ряда памятников археологического и эпиграфического толка, дающих повод для переоценки и иной интерпретации ряда сделанных ранее выводов.

Поражение Митридата-Евпатора, в Черноморском бассейне не оставило серьезной силы, способной противостоять воли римлян [App., Mithr., 110-114]. Более того, по мнению большинства исследователей, именно после триумфа Помпея в Риме началась практически реализовываться схема взаимоотношений с клиентскими странами в условиях гегемонии одного государства по отношению к другим. Приведенную точку зрения в большинстве своем разделяют как отечественные, так и западные исследователи [24. С. 468]. В условиях Причерноморья, известный принцип *divide et impera* вылился в ряд превен-

тивных мер, нацеленных на прогнозируемое развитие ситуации в доминирующем царстве региона – Боспорском. Однако нестабильность в самом Риме, помноженная на географическую отдаленность района от античного центра давали возможность местным лидерам на проведение самостоятельной политики, вплоть до открытого противоборства с Империей.

Окончательно ситуация стабилизировалась лишь с приходом к власти Октавиана Августа и установлением системы принципата. К указанному моменту римской администрации фактически удалось организовать политическое управление государств Черноморского бассейна по образцу вассальных царств с формальным сохранением независимости, связанных «союзным» договором *foedus iniquum*. Данные процессы привели к созданию столь необходимой буферной зоны между цивилизованной Империей и бескрайним варварским миром [De Bell. Alex., 78]. Долгое время в науке доминировало мнение, что Рим остановил свою экспансию на Восток лишь после того, как были достигнуты границы областей с традицией иранской культуры, а не эллинистической [25. С. 303]. Однако сегодняшние исследователи трактуют этот момент более прозаически, относя довольствования римлян в регионе границами прибрежных государств стратегической нецелесообразностью дальнейшего продвижения вглубь материка [14. С. 27].

В силу ряда объективных причин хронология событий, происходящих в Северном Причерноморье на рубеже эр, зафиксированных в письменных памятниках, до наших дней практически не сохранились. Приведенные исторические лакуны породили огромное количество различных реконструкций, что не может не вносить сумятицу в общую канву исследования. Нам известно, что паннонско-далматийское восстание, с последующим поражением Квинтилия Вара, перенацелило политику Рима на оборонительный характер с главной задачей – удержание имеющихся рубежей [Cass.Dio, LV, 28-34, LVI, 11-17]. Что касается рассматриваемого региона, мрак неизвестности прерывается 14-15 годами I в., когда сначала Октавиан [22. С. 70], а после его смерти и Тиберий подтвердили права на Боспорский трон царя Аспурга, с наделением последнего титулом «друга римлян» – *amicus populi Romani* [КБН, № 39]. Боспорский царь не подвел метрополию – вплоть до своей кончины в 37-38 гг. он планомерно и четко укреплял границы собственного царства, успешно воевал с варварами, выполнял союзнические обязательства перед другими городами ойкумены.

К описываемому моменту Тира, тяготевшая к большей самостоятельности по отношению к Боспору, по всей вероятности, была поставлена под защиту Фракии, чему косвенным подтверждением служит обнаруженный археологами в конце XX в. на раскопках городища клад монет одрисских царей, относящийся к рубежу эр, и фрагмент неустановленного посвящения одного из фракийских царей [8. С. 27]. С конца I в. дохристианской эпохи Херсонес был выведен из-под опеки Боспора и наделен правами, близкими к автономии, а на Боспор была возложена обязанность в военной защите города, в силу малочисленности последнего. После побед Аспурга в Таврике благодарный царь за оказанную поддержку поставил в Херсонесе статую [IOSPE, I², № 573], чей фрагмент, обнаруженный археологами сравнительно недавно, служит подтверждением независимости Херсонеса и существования союзнических обязательств с Боспором. Относительно Ольвии следует помнить, что после гетского нашествия в середине I в. до н.э. [Dio Chrys., XXXVI, 4] город оправился не скоро – на данный момент мы не располагаем какими-либо памятниками периода рубежа эр, а на городище полностью отсутствует культурный слой исследуемого времени. Обет забвения прерывается в середине I в. – существует эпиграфический памятник, с посвящением Абаба, сына Каллисфена,

портика Августу и Тиберию (IOSPE, I², № 181). Археологами установлено, что возрождающееся поселение в несколько раз уступало по своим размерам городу до гуннского нашествия и былого величия оно так и не достигло [13. С. 86]. Следовательно, можно разделить доминирующее в современной науке мнение, что римляне не рассматривали Ольвию как серьезного игрока. Хотя имеет право на жизнь и обратная точка зрения, утверждающая кровную заинтересованность римлян в превращении в свои надежные форпосты греческих городов в бассейне Днестра – Тиры, Ольвии, Истрии – в ходе экспансии на западном направлении, вглубь материка [3. С. 45]. Мы вынуждены в очередной раз подтвердить, что без обнаружения и вывода на научную арену новых исторических фактов, относящихся к исследуемому периоду, окончательно четкой картины создать не представляется возможным.

Правление династии Юлиев – Клавдиев ознаменовалось в Причерноморье римско-боспорской войной, вызванной прежде всего невзвешенной политикой императора Калигулы, утвердившего на Боспорский престол понтийского царя Полемона II – Последнего. Сделанное назначение лишний раз подтверждает желание римской администрации в создании единой унии Понт–Боспор, однако фактические реалии делали данный шаг слишком опрометчивым. Старший сын Аспурга и Гипепирии Митридат III (VIII) оказал вооруженное сопротивление Полемону (39/40 гг.), и, несмотря на наличие в рядах понтийца римских и херсонесских войск, вышел победителем [IOSPE, I², № 419]. Не известно, чем бы закончилось данное противостояние, но взошедший в январе 41 г. на императорский трон Клавдий оперативно отменил распоряжения предшественника. В результате за Митридатом утвердили Боспор, а утешением Полемону вышла область в Киликии [Cass.Dio, LX, 8,2].

Несмотря на благоприятный исход дела для Митридата, в проведении курса собственной политики он изначально начал тяготиться к варварскому окружению, нежели к Риму [Тас.Апп., XII, 15-19], что находит подтверждение в эпиграфических памятниках, где царь начинает именоваться, в отличие от предшественников, «другом Отечества и другом союзников» вовсе без упоминания империи и императора [КБН. № 1123. С. 657]. Однако дабы не лишать себя благосклонности Вечного города, в Рим боспорец послал своего младшего брата – Котиса, который, в результате, и представил Митридата как решительного затейника новой войны с Империей.

По всей вероятности, римлянам особо не требовалась какая-либо аргументация доноса Котиса, куда важнее был сам легальный повод к войне – *Casus belli*, ибо самозахват власти Митридатом расстроил планы о создании единого причерноморского блока в составе, прежде всего, Понта и Боспора. Античная историография, разделив официальную точку зрения, относит кампанию для римлян к оборонительному характеру [Cass.Dio, LX, 28, 7], что современной наукой подвергнуто конструктивной критике [8. С. 158]. Как бы там ни было: Дидий Галл возглавил карательную экспедицию, а Котис, точнее уже Котис I, согласно устоявшейся традиции, был наделен правами на трон.

Свержение Митридата с престола Тацит относит к 45/46 гг., однако окончательную победу Котис справил лишь в 49-м г., когда Эвноном, царем аорсов, был выдан Митридат. Последнего после поражения доставили в Рим, где уже в 68-м г. боспорца казнили за участие в заговоре против императора Гальбы [Тас.Апп., XII, 15-21]. Несмотря на повествовательную лаконичность, данная кампания потребовала от Империи достаточного напряжения ресурсов, недаром, после победы, Византий, к примеру, был освобожден от уплаты налогов на пять лет в силу финансового истощения в ходе войн с фракийскими царями и Боспором [Тас.Апп., XII, 63].

Проримское участие Херсонеса в приведенном конфликте, бесспорно, более того, обязанность союзнической защиты города от варваров была передана Мёзии, что стоит рассматривать как определенный бонус для горожан. Поведение же остальных городов региона ничем особым не отличалось. Горгиппия не упоминается вовсе [21. С. 116]. Что касается Тиры – вопрос ее юридического статуса по отношению к Империи в годы правления Нерона до конца не изучен. Известно, что в этот период город не чеканил собственной монеты, но в то же время не выплачивал и пошлин [IOSPE, I², № 4].

До 80-х гг. минувшего столетия считалось, что в середине I в. сармат Фарзой, захватив Ольвию, узурпировал здесь власть. Ряд исследователей объясняли данным событием введение в 46 г. новой Ольвийской эры и даже размещение по просьбе ольвиополитов на месте римского воинского континента. Однако более тщательное изучение имеющихся источников, помноженное на современный анализ монетной чеканки и весовых денежных норм в рассматриваемый период, позволило несколько иначе интерпретировать события двухтысячелетней давности. По всей вероятности, Фарзой был царем Аорсии, а наместник Мёзии, Плавтий Сильван, принудил его к заключению с Ольвией оборонительного союза, но никак не к включению города в состав его царства.

Логичным витком взаимоотношений Империи с восточными соседями стала аннексия в 64 г. Понтийского царства с превращением оного в Римскую империю – как результат десятилетней войны с Парфией. Приведенным фактом объясняется исчезновение чеканки на Боспоре золотых статеров, а с медных денег исчезает монограмма Котиса I, что, однако, не дает повода думать о лишении Боспора административной самостоятельности. Корень создавшейся проблемы следует искать в личности императора Нерона, который безудержным стилем правления привел казну Империи в плачевное состояние и, соответственно, вынужден был прибегать к различным непопулярным методам добывания средств [Тас.Апп., XV, 45]. Политический вес непосредственно Котиса в данный период еще более укрепился – в титулатуре царей появляется термин «Тиберий Юлий», помимо установленного «друга Цезаря и друга римлян» [25. С. 350].

Во второй половине I столетия в регионе наметилась очередная активизация варварского движения, вызванная продвижением западных племен сарматов к устью Истра. Наместник Мёзии – Тиберий Плавтий Сильван, связанный союзническими обязательствами с Херсонесом, опираясь на просьбу горожан последнего [IOSPE, I², № 320] о защите от нависшей угрозы, в результате смелых и решительных действий не только отогнал варваров от Херсонеса, но и предпринял ряд мер по укреплению его обороноспособности.

В последние годы приведенная выше весьма расплывчатая фраза приобрела более четкое содержание: в промежуток между 63 и 66 годами римляне при поддержке кораблей Равеннской эскадры, дислоцировавшейся на западе Понта, предприняли ряд военных операций на территории Крыма против варваров [IOSPE, I², № 320], косвенным подтверждением чего следует считать зафиксированные археологами следы пожаров ряда позднескифских городищ. Для закрепления одержанных побед подразделениями морской пехоты указанной эскадры был основан опорный пункт на мысе Ай-Тодор, больше известный как Харакс [8. С. 161]. Благодаря археологическим раскопкам мы можем реконструировать присутствие римских войск здесь только начиная со II в., т.е. войска покинули крепость после завершения ее строительства [IOSPE, I², № 444, 446]. К сожалению, нам до сих пор не известно, оплачивал ли каким-либо образом Херсонес собственную защиту, но то, что город попал под более жесткий контроль Рима, не вызывает сомнений.

Описываемые мероприятия по укреплению в регионе позиций Рима привели в результате к выполнению условий мирного договора с Парфией и Ар-

мений в 66 г. После получения Тиридатом короны из рук Нерона император отказался от идеи Кавказского похода [Cass.Dio, LXVIII, 8, 1]. Однако достигнутые внешнеполитические успехи не спасли его от внутренней смуты, повлекшей за собой восстание в провинциях, бунт легионов, очередную гражданскую войну, финалом чего стало воцарением в 70-м г. новой императорской династии – Флавиев в лице Веспасиана [Tac. Hist.III, 79, 82].

Несмотря на ослабление централизованной власти, в указанный период государства Северного Причерноморья не предпринимали каких-либо мер к выходу из-под римской опеки. В момент, когда история еще не знала, кто в результате выйдет победителем – Веспасиан или Вителлий, на Боспоре скончался Котис I. Трон перешел к Рескупориду I (68/69-91/92), который, дождавшись победы Веспасиана, получил от императора соответствующие права на престол [КБН, № 1047]. Показная покорность Рескупорида отмечается не личной безропотностью, а глобальной перетасовкой внешнеполитических ориентиров, вызванных кровной заинтересованностью всей эллинистической ойкумены в сильном и стабильном центре, единственным претендентом на роль которого и подходил Рим.

В последующем Рескупорид, получив более широкие права, не привлекал к себе внимания ни администрации, ни историков. Римлянам было выгодно иметь надежного союзника, не задействуя в регионе собственные ресурсы. Судя по нумизматическим данным, уже в годы правления Домициана вспомогательные боспорские части участвовали в попытке римлян в выходе к Каспию, которая правда, не увенчалась для них успехом. В 92 г. к власти на Боспоре пришел Савромат, чье царствование пришлось на период династии Антонинов и вошло в историю как время расцвета политического и экономического могущества Боспорского царства.

Веспасиан, по заведенной традиции, должен либо подтвердить, либо отменить распоряжения предшественника, в том числе и в вопросах союзных городов. Новый император отменил дарованные Нероном привилегии [Cass.Dio, LXIII, 14], не стали исключением и античные образования Северного Причерноморья, но это отнюдь не оказало заметного влияния на общую канву взаимоотношений. Как уже писалось, к I в. н.э. стало понятно обоюдное стремление Рима и царств рассматриваемого региона к взаимопомощи и сохранению существующих политико-административных институтов.

К сожалению, мы не имеем данных о хронологии развития событий в Тире, досконально известно лишь, что в начале II столетия, после образования Траяном провинции Дакия, здесь расположился римский гарнизон. Материалы об Ольвии также не отличаются насыщенностью. Опираясь на нумизматические данные, можно с большой долей вероятности предположить, что, по крайней мере, до 80-х гг. под протекторатом римлян продолжал функционировать ольвийско-сарматский союз. Однако, по словам Диона Хрисостома (в период правления императора Нерва, 96-98 гг.), Ольвия в момент его посещения города уже испытывала вооруженное притеснение от сарматов [Dio Chrys., XXXVI, 8, 14]. Конец I столетия ознаменовался для херсонеситов упрочнением отношений с Римом – дважды, в 80-м и 85-х гг. была возобновлена чеканка собственной золотой монеты, а город украсили статуи легатов Мёзии [IOSPE, I², № 421,422]. Данные факты говорят о том, что Херсонес пусть и на второстепенных ролях, все-таки не выходил из поля зрения римской администрации, и более того – благосклонное расположение императоров выливалось для города в вполне очевидную помощь.

Опираясь на имеющиеся данные, можно отметить с определенными оговорками, что в рассматриваемый период была апробирована абсолютно новая,

больше вынужденная, форма провинциальной политики Империи и произведен качественный переход в построении взаимоотношений Рима с подвластными территориями на рельсы взаимовыгодного союза, обоснованного как все возрастающей варварской угрозой, так и необходимостью повышения уровня экономического круговорота. Экспорт хлеба и соленой рыбы в Империю стал одним из самых важных направлений деятельности в регионе. Приведенная формула показала свою жизнеспособность вплоть до заката античной эпохи в целом, и более того, по принципу континуитета, послужила определенным базисом для построения взаимоотношения молодых государств региона в раннее Средневековье.

Литература

1. Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев: Одигидрия, 1999.
2. Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь: СГУ, 2003.
3. Булкин И.Ю. Этапы и характер римского военного проникновения в Северное Причерноморье в I в. до н.э. – III в. н.э. Саратов: СГТУ, 1999.
4. Виноградов Ю.А. Там закололся Митридат. М.: Филоматис, 2004.
5. Горончаровский В.А. Между империей и варварами. Военное дело Боспора Римского времени. М.: Филоматис, 2003.
6. Журавлев Д.В. Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М.: Исторический музей, 2006.
7. Зубарев В.Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры, 2005.
8. Зубарь В.М., Русяева А.С. На берегах Боспора Киммерийского. Киев: Стило, 2004.
9. Ивенок А.В. Военная организация Боспора. Пермь: ПГУ, 2006.
10. Макаров И.А. Две метрические эпитафии римского времени из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2009. № 3. С. 113-121.
11. Милеева Ю.В. Периферия античного мира в период кризиса III века (на примере государств Северного Причерноморья). Тула: ТГУ, 2006.
12. Новицкий А.М. Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. // ВДИ. 2009. № 1. С. 110-118.
13. Островерхов А.С. Материалы к Корпусу глиптики Ольвии Понтийской (VI-I вв. до н.э.) // ВДИ. 2010. № 3. С. 85-112.
14. Панов А.Р. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья (II в. до н.э. – II в. н.э.). Н. Новгород: НГУ им. Лобачевского, 2009.
15. Рябцева М.Л. Боспор и германцы в IV-VI веках. Белгород: БГПУ, 2009.
16. Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука, 2002.
17. Таскаев В.Н. Античная подводная археология Северного Причерноморья. М.: МГТУ, 2007.
18. Токарева И.Н. Северное Причерноморье в позднеантичный и ранневизантийский период. Тула: ТГПУ имени Толстого, 2005.
19. Требелева Г.В. Оборона территорий Боспорского царства в первые века нашей эры: историческое моделирование на основе ГИС-технологий. М.: ИА РАН, 2005.
20. Фролова Н.А. КATALOGI монет античной Тиры. М.: РОССПЭН, 2006.
21. Шевченко Н.Ф., Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мемзай // ВДИ. 2011. № 1. С. 115-152.
22. Щетинин М.Н. Провинциальная политика раннего принципата. М.: В. Новгород: ВНИИЦ, 2001.
23. Яйленко В.П. Тысячелетний боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V н.э. Тула: Гриф и К°, 2010.
24. Magic D. Roman rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 1.
25. Sherwin-White A.N. Roman foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. I. Oklahoma, 1984.

БЕРЕЗИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры всеобщей истории, Московский государственный гуманитарный университет имени М. Шолохова, Россия, Москва (berezin-79@yandex.ru).

BEREZIN ALEXANDER ALEKSEEVICH – a competitor of scientific degree of Historical Sciences Candidate of Universal history Chair, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Russia, Moscow.

УДК 347.995(470.344)"1917/1918"

Ж.С. ВАСИЛЬЕВА, С.Ю. МИХАЙЛОВА

**ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СТАНОВЛЕНИЕ МЕСТНЫХ НАРОДНЫХ СУДОВ
ЦИВИЛЬСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ДЕКАБРЕ 1917 – МАЕ 1918 ГОДОВ***

Ключевые слова: судебное строительство, судебная система, местные народные суды, формирование, Казанская губерния, Цивильский уезд.

Рассмотрен процесс формирования организационно-правовой основы деятельности местных народных судов Цивильского уезда Казанской губернии. Особое внимание уделено местной специфике судебного строительства. Сделан вывод о преобладании тенденции к единообразию судебных органов на местах.

J.S. VASILIEVA, S.Yu. MIKHAYLOVA

**CONSTRUCTION DEVELOPMENT OF LOCAL PEOPLE'S COURTS
OF TSIVILSK DISTRICT OF KAZAN PROVINCE FROM DECEMBER 1917 TO MAY 1918**

Key words: court construction, judicial system, local people's courts, formation, Kazan province, Tsvilsk district.

There has been considered the process of structural and legal basis formation of local people's court activity in Tsvilsk district of Kazan province. A special attention is paid to specific character of court construction. A conclusion is made on prevailing tendency to uniformity of local judicial bodies.

Социальные потрясения Октября 1917 г. в России коренным образом изменили судебную систему страны. Советская власть издала специальные акты, направленные на упразднение старой судебной системы. Причем большевики ставили задачу «не только отменить отдельные законы, не кое-где и кое-как починить их, но разрушить все от века существующие основы буржуазного общества и на развалинах создать новое право, пролетарское право» [5. С. 46]. Строительство нового советского суда происходило на основе активной правотворческой деятельности населения. Во многих губерниях начали создаваться через местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, на общих собраниях граждан разнообразные революционные суды – «революционный народный суд», «суд общественной совести», «революционный трибунал», «крестьянский суд» и другие, которые в своих решениях руководствовались «революционным правосознанием», «революционной совестью» и обычаями.

В то же самое время во всех регионах продолжали действовать старые судебные учреждения, которые рассматривали уголовные и гражданские дела в соответствии с Уставами 1864 г. Использование отдельных элементов старой системы объяснялось, прежде всего, возрастанием преступности. В 1917 г. число преступлений выросло в шесть раз [3. С. 147]. Кроме того, резко увеличилось количество ждущих своего разрешения уголовных и гражданских дел.

Разнообразие и разобщенность судебных учреждений серьезно осложняли процесс поддержания правопорядка в стране. Формирование единой судебной системы началось с Декрета о суде № 1, принятого СНК РСФСР 5 декабря и вступившего в силу 7 декабря 1917 г. [8].

Декрет о суде № 1 создал местный суд как основное звено советской судебной системы, предназначавшийся для рассмотрения в первой инстанции подавляющего большинства уголовных и гражданских дел. Декрет упразднил ранее существовавшие судебные установления, институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры. Согласно

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-13-21007а/В).

декрету было приостановлено действие института мировых судей. Он так и не был восстановлен, со временем его постигла та же участь, что и окружные, военные, морские и коммерческие суды.

Мировые судьи, избираемые непрямыми выборами, заменялись местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашавшихся на каждую сессию по особым спискам очередных судей. Причем прежние мировые судьи не лишались права, при изъявлении ими на то согласия, быть избранными в местные судьи.

Местные судьи избирались на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно – районными и волостными, а где таковых не было, уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Советы составляли списки очередных заседателей и определяли очередь их явки на сессию.

Характерной чертой местных судов являлось участие в их работе трудящихся в качестве народных заседателей. Кроме того, обвинителями по уголовным делам и поверенными по гражданским делам могли выступать любые неопороченные граждане, пользовавшиеся гражданскими правами.

Компетенция местных судов ограничивалась рассмотрением гражданских дел по искам на сумму до 3 тыс. руб. и уголовных дел, по которым могло быть назначено наказание не более 2 лет лишения свободы. Приговоры и решения местных судов были окончательны и обжалованию не подлежали. Однако был установлен кассационный порядок пересмотра приговоров и решений местных судов, по которым присуждено денежное взыскание свыше 100 руб. или лишение свободы свыше 7 дней. Кассационной инстанцией являлся уездный, в столицах – столичный съезд местных судей.

Местные суды решали дела именем Российской Республики и руководствовались в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не были отменены революцией и не противоречили революционной совести и революционному правосознанию.

В научной литературе существуют разные оценки Декрета о суде № 1. По мнению одних авторов, декрет закреплял судебную систему, которая в отдельных местностях уже была создана трудящимися, революционное правосознание которых соответствовало сознанию и воле представителей центральных законодательных органов. Другие исследователи считают, что благодаря декрету был введен в нужное советскому правительству русло процесс местного нормотворчества в области судоустройства и судопроизводства. Ряд специалистов полагают, что принятие декрета практически не повлияло на ситуацию на местах в ноябре 1917 – июне 1918 г. По-видимому, подобный разброс мнений отражает разнообразие обстоятельств, которые складывались в различных местностях огромной страны.

В Цивильском уезде Казанской губернии отсутствовали большевистские организации, рабочие были малочисленны (по этой причине им было даже отказано в представительстве в Цивильском уездном Совете солдатских и крестьянских депутатов в ноябре 1917 г.). Единственную организованную политическую силу в уезде представляли левые эсеры и их сторонники в лице солдатского объединения. Поэтому инициатива создания новых органов власти исходила от Цивильского военного комитета при уездном воинском начальнике. Председатель комитета созвал 3 ноября 1917 г. экстренное собрание членов комитета совместно с представителями уездных учреждений для организации Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. На собра-

нии был создан временно-организационный комитет по формированию Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. 23 ноября 1917 г. комитет провел собрание с участием представителей уездного земского собрания, волостных земств, военного комитета, уездных и городских учреждений, а также общественных организаций. Собрание упразднило должность уездного комиссара и организовало Совет солдатских и крестьянских депутатов, который был провозглашен местной руководящей и исполнительной властью, осуществлявший надзор за всеми находившимися в уезде органами. Как видно, Цивильский уездный Совет солдатских и крестьянских депутатов не был правомочным всенародно избранным революционным органом. В действительности он «не проявлял никакой инициативы в своей деятельности, и на деле все управление уездом оставалось по-прежнему в руках уездной [земской] управы. Фактически продолжали функционировать все старые учреждения Временного правительства ...» [2. С. 42].

В свете этого высказывания становится понятным, почему после вступления в силу Декрета о суде № 1 Цивильское уездное земское собрание 25 декабря 1917 г. утвердило ходатайства Цивильского съезда мировых судей о времени и месте проведения срочных съездов мировых судей, о расписании срочных заседаний Цивильского съезда мировых судей на 1918 г., а также об определении границ мировых участков [1. Л. 2, 5]. В итоге Цивильский уезд был разбит на семь судебных участков:

- первый – г. Цивильск и Чуратчинская волость;
- второй – Цивильская и Яниково-Шоркисринская волости;
- третий – Шибылгинская и Шихазанская волости;
- четвертый – Мамеевская волость и линия отчуждения под железную дорогу в пределах Шихазанской и Мамеевской волостей;
- пятый – Кошелевская и Хормалинская волости;
- шестой – Старо-Тябердинская и Янтиковская волости;
- седьмой – Ново-Ковалинская и Старо-Арабосинская волости.

22 января 1918 г. в г. Цивильск состоялся I уездный съезд солдатских и крестьянских депутатов, который утвердил резолюцию о передаче всей власти Советам. На съезде было принято решение о повсеместном создании волостных и сельских Советов солдатских и крестьянских депутатов. 7-12 марта 1918 г. состоялся II уездный съезд Советов солдатских и крестьянских депутатов. Его участники проголосовали за ликвидацию уездной земской управы. В марте 1918 г. в уезде стали создаваться волостные Советы.

21 марта 1918 г. Цивильский Совет солдатских и крестьянских депутатов довел до съезда мировых судей Цивильского мирового округа следующее предписание: «Сим доводится до сведения, что по распоряжению Комиссариата Юстиции Казанской Рабоче-Крестьянской республики все запросы, сметы, предложения и т.п., подлежащие представлению в Казанский Совет Рабочих и Крестьянских депутатов, должны быть направлены через Комиссариат Юстиции на предмет составления заключения и дальнейшего представления по назначению в целях осведомления Комиссариата о всех мероприятиях местных учреждений, чтобы дать течению дел единообразное разрешение» [1. Л. 10].

29 марта 1918 г. съезд мировых судей Цивильского мирового округа начал рассылать по судебным участкам письма с просьбой сообщить в волостную земскую управу сведения о лицах, избранных на должность мирового судьи. В ответ Чуратчинская волостная земская управа сообщила 1 апреля 1918 г., что 21 марта этого же года местным судьей был избран уроженец с. Чуратчиново Ф.В. Степанов 17 апреля 1918 г. Чуратчинская волостная земская управа до-

вела до сведения уже Цивильского Совета солдатских и крестьянских депутатов, что «выборы в местные судьи и очередные заседатели произведены», «список о лицах, избранных в местный суд управою, представлен в Совет 23 марта сего года» [1. Л. 12, 24].

19 апреля 1918 г. Ново-Мамеевская волостная земская управа сообщила съезду мировых судей, что местным судьей был избран житель д. Елмачи В. Степанов. Ново-Ковалинская волостная земская управа доложила о том, что 19 апреля 1918 г. местным судьей стал житель с. Ковалеи Г.Н. Артюков В Шихазановской волости местным судьей стал Егоров П. из д. Чел Касы 25 марта, в Шибылгинской волости – Е.Т. Волков из с. Шибылгов 28 марта. 16 апреля Кошелевская волостная земская управа уведомила о том, что «местным судьей избран Борис Сергеевич Маландин, 33 лет, бывший до сего времени мировым судьей» [1. Л. 14-16, 19-22].

Большой интерес представляет письмо Старо-Тябердинской волостной земской управы от 23 апреля 1918 г. № 1920, в котором содержатся довольно подробные сведения о местном народном судье В.К. Кузьмине: «Сообщается, что на должность местного судьи избран гражданин дер. Тюмеревая Владимир Кузьмич Кузьмин, 28 лет, имеющий следующую биографию. До военной службы занимался хлебопашеством. На службу поступил 15 октября 1911 года. С 1 августа 1912 года по 4 декабря 1917 года находился в полковой канцелярии, где около полугода был писарем по судебной части, а затем в хозяйственной части. Также пять месяцев исполнял должность делопроизводителя по хозяйственной части. Выдержав экзамен, состоял военным чиновником. С фронта прибыл 17 декабря 1917 года. По выбору волостного земского собрания состоял председателем земельного комитета с 17 декабря 1917 года по 10 февраля сего года, причем должность оставил по своему личному желанию. Обучался в Янтиковском двухклассном училище, но курс не окончил» [1. Л. 18].

К маю 1918 г. в Цивильском уезде повсеместно были проведены волостные съезды крестьянских депутатов, которые избрали новые органы власти – волостные Советы, были упразднены старые органы самоуправления – уездные и волостные земские собрания и управы. Это привело к важным организационным изменениям в судебном строительстве на территории уезда. Согласно информации, размещенной на официальном сайте в сети Интернет Цивильского районного суда Чувашской Республики по адресу <http://civilsky.chv.sudrf.ru>, к маю 1918 г. Цивильский уезд был разделен на три судебных участка. 9 мая 1918 г. судьей в г. Цивильск был избран В.А. Сорокин. Судьей второго участка стал Е.А. Боровков, судьей третьего участка – В.Г. Герасимов.

Особенности организационного становления местных народных судов Цивильского уезда Казанской губернии были обусловлены следующими факторами. Во-первых, следует отметить неурегулированность ряда вопросов в общегосударственном масштабе. Нарком юстиции РСФСР П.И. Стучка, говоря о судебном строительстве на местах зимой 1918 г., признавал, что «центральная власть в этом процессе непосредственного участия принимать не могла и ограничилась лишь общими директивами» [7. С. 2].

Во-вторых, отсутствовала должная связь между центральными и местными органами государственной власти и управления. Многие декреты и постановления ВЦИК, СНК РСФСР, решения других центральных органов поступали на места с большим опозданием, а в ряде случаев вообще не поступали в связи с нарушением работы транспорта и почтово-телеграфной связи. Как сообщал казанский губернский комиссар юстиции, «не имея почти никакой

связи с центральными органами за расштанностью транспорта, местные организации работают по своему почину и по своим приемам. Последние, конечно, по большей части разнообразны и сплошь и рядом противоречивы. Известия о реформах приходят на места месяцами позже, чем следовало бы. Отсюда различные лица и ведомства не могут ясно разграничить пределы своих полномочий» [6]. С мест шли послания о невозможности нормального функционирования судов. Хормалинская волостная земская управа просила Цивильский съезд местных судей и Цивильский Совет солдатских и крестьянских депутатов о «высылке подробного руководства, дабы местный суд немедленно приступил к своим обязанностям». Чуратчинская волостная земская управа сообщала, что «местный суд не функционирует ввиду неимения по местным судам руководящих указаний и правил» [1. Л. 24, 26].

В-третьих, судебное строительство шло под влиянием идеологии левых эсеров, которые полностью правили в Цивильском Совете солдатских и крестьянских депутатов. Их идея заключалась в демонтаже отдельных структур судебного здания. В частности, левые эсеры выступали за сохранение прежнего деления дел на «мировую» и «общую» подсудность [4. С. 88-89]. Местные народные суды Цивильского уезда соответствовали в основном судебной модели левых эсеров, олицетворяя «мировую» подсудность.

Таким образом, период с ноября 1917 г. по июнь 1918 г. для местных судебных учреждений Цивильского уезда Казанской губернии являлся непростым временем постепенного становления такой формы организации, которая защищала бы установившийся государственный строй от любых посягательств на него, была бы подконтрольна центру и функционировала на основе принимаемых им нормативных правовых актов.

Литература и источники

1. ГИА ЧР. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 2.
2. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. Кн. 1. 1917-1945. 264 с.
3. Колемасов В.Н. Организация работы советской судебной системы в 1920-е годы // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2011. № 2. С. 146-150.
4. Коссов И.А. Окружные народные суды в судебной системе РСФСР (февраль – ноябрь 1918 г.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 11. С. 87-96.
5. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М.: Юрид. изд-во, 1948. 196 с.
6. Материалы НКЮ. 1918. Вып. 1. Ст. 29.
7. Стучка П.И. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1-8.
8. СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

ВАСИЛЬЕВА ЖАННА СЕРГЕЕВНА – ассистент кафедры публичного права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (diana-solnushko@mail.ru).

VASILIEVA JEANNE SERGEEVNA – assistant of Public Law Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

МИХАЙЛОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры архивоведения и документоведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svemikh1@rambler.ru).

MIKHAYLOVA SVETLANA YURIEVNA – doctor of historical sciences, professor of Archival and Document Management Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 61(470.344)''1917/1941''(091)

О.Н. ВИКТОРОВ

ПРОБЛЕМЫ КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ СИСТЕМЫ ЧУВАШИИ В 1917-1941 ГОДАХ

Ключевые слова: медицинские кадры, здравоохранение, врачи, средние медицинские работники.

Статья посвящена ключевым этапам развития кадров медицинских работников Чувашии в 1917-1941 гг. Для этого периода были характерны трудности, унаследованные во многом от предыдущего дореволюционного периода. В 1920-е гг. кадровый состав медицинских работников Чувашии обновлялся во многом вне систематической работы системы высшего медицинского образования. Решающие перемены произошли в 1930-х гг. благодаря развитию и укреплению медицинских высших учебных заведений.

O.N. VIKTOROV

MANPOWER PROVISION PROBLEM IN PUBLIC HEALTH SYSTEM OF CHUVASHIA FROM 1917 TO 1941

Key words: manpower in medicine, public health, physicians, paramedics.

The key stages of the development of manpower in medicine of Chuvashia from 1917 to 1941 are considered. All difficulties of those times were inherited from the pre-revolutionary period. In 1920-ies the manpower in medicine was provided from the sources outside the higher medical education. The 1930-ies witnessed a rapid development of higher medical educational establishments.

Вопрос кадрового обеспечения в медицинской системе – один из самых сложных. Подготовка квалифицированных врачей требует определенной материальной базы и кадров уже имеющихся специалистов преподавателей и научных руководителей. Срок качественной подготовки врача достаточной большой, поэтому такая проблема по объективным причинам не может быть решена одновременно. Система подготовки медицинских кадров в дореволюционной России не была идеальной. Она ориентирована прежде всего на обучение ограниченного количества высококвалифицированных профессионалов в императорских вузах России, которых явно не хватало для удовлетворения нужд огромной страны, особенно в ее сельских районах.

В регионе Среднего Поволжья эта потребность удовлетворялась за счет выпускников лечебного факультета Казанского университета. Подготовка этих специалистов была исключительно высокой по качеству (напомним, что из стен факультета вышла целая плеяда замечательных врачей). Однако нехватка, особенно в сельской местности, земских врачей ощущалась весь предреволюционный этап. Достоинством этой категории специалистов являлись присущий им демократизм и внутренняя готовность принять изменения, произошедшие в стране в 1917 г. Из выпускников Казанского университета, в том числе врачей, вышел ряд деятелей революционного движения России. Этот университет, например, окончил первый народный комиссар здравоохранения РСФСР, а затем СССР Н.А. Семашко. Следует добавить, что профессиональный подход врачей к событиям, произошедшим в России в 1917 г., иной, чем у других представителей интеллигенции. В данном случае большая редкость – факты прямого саботажа или идеологического противостояния с большевистской властью, как это, например, было среди инженерно-технических работников. Причина тому именно в самом корневом принципе профессионального подхода врача, стоящего на позициях гуманизма. Эта высокая идея служения людям вне зависимости от внутренних убеждений была издавна свойственна российским врачам. Поэтому большое их количество мы встречаем, например, в рядах Красной армии, в составе эвакуационных и госпи-

талей, начиная с первых дней Гражданской войны. Можно отметить, что для русских врачей ответ на вопрос, лечить или не лечить в связи с обострением внутривнутриполитической обстановки, давался однозначно: лечить и притом вне зависимости от партийной или социальной принадлежности пациента.

В первый послереволюционный период новые власти в Чувашском крае, как и в России в целом, не успели заняться проблемой кадрового обеспечения системы здравоохранения. Начавшаяся вскоре Гражданская война потребовала мобилизации врачей, в том числе из особо востребованной категории земских врачей. В уездах с чувашским населением, с одной стороны, наблюдается появление врачей извне, приезжавших в составе частей Красной армии, с другой – только начавшие, по существу, формироваться местные медицинские кадры поступают в пользование военного командования. Под нужды армии забирали и часть действовавших в регионе медицинских учреждений, обслуживавших ранее местное население.

Уже в июле 1918 г. Совет Народных Комиссаров принимает декрет о мобилизации медицинского персонала на Восточный фронт, согласно которому в октябре 1919 г. части Красной армии получили 122 врача, 467 лекамов и 33 медицинские сестры [2. С. 73]. Осенью 1919 г. обстановка на фронте нормализовалась, территория Среднего Поволжья перешла в подчинение большевистских властей. Здесь открыли Управление санитарной части, имевшее свой штат из 55 работников. В управлениях санитарных частей отдельных армий и дивизий работали 55 человек. Санитарная часть 5-й армии в условиях военных действий подчиняла себе кроме военных медицинских учреждений тыловые лазареты. Санитарной частью в армии руководили врачи с большим опытом работы.

На территории современной Чувашии было открыто 9 военных медицинских учреждений, больше всего из них в Алатыре (6), 2 госпиталя работали в Шихазанах и один – в Ибресях [2. С. 74]. Размещали эти госпитали в основном на дореволюционной базе больниц, используя местные медицинские кадры.

Работа врачей Чувашского края нормализуется и отделяется от системы военно-санитарной службы лишь с окончанием Гражданской войны. В конце 1919-1920 гг. сюда возвращается часть специалистов, мобилизованных в период боевых действий. Так, в числе других, например, в 1918 г. после участия в Первой мировой войне в Ядрин возвращается знаменитый в здешних краях врач и организатор медицинской помощи населению К.В. Волков. Еще в дореволюционный период он спроектировал больницу в Ядрине и был инициатором ее строительства. Сторонник Октябрьской революции, он был военным врачом. В тот период ядринская больница была временно отдана под размещение уездного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Вернувшись домой, К.В. Волков не мог остаться вне медицины. Человек активной жизненной позиции, в 1919 г. он был назначен заведующим отделом здравоохранения Ядринского уезда [4. С. 40]. В том же году К.В. Волков добивается восстановления ядринской лечебницы, имевшей тогда глазную и хирургическую специализацию, что само по себе было редкостью [6].

Дальнейшая работа по восстановлению и качественному развитию врачебных кадров была прервана известной ситуацией голода в Поволжье в 1921-1922 гг. В силу этого, а также в силу проблем, существовавших в системе медицинского образования, мы практически не наблюдаем динамики развития медицинских кадров в Чувашском крае в начале 1920-х гг. В сельском здравоохранении в 1920 г. трудились 17 врачей и 53 фельдшера. В дальнейшем количество врачей не только не растет, но даже сокращается. В 1921 г. – 13 врачей, в 1922 г. – 15 врачей, а в 1923 г. – 13. Между тем росло количество фельдшеров, в 1921 г. их трудилось 66 человек, в 1922 г. – 75, а в 1923 г. – 101 [3. С. 121].

Первые существенные изменения происходят лишь в середине 1920-х гг. В 1924 г. в сельском здравоохранении Чувашской автономной области работали 22 врача, через год этот показатель сохранился, а в 1926 г. в Чувашской автономной республике он составил 38 врачей. Зато фельдшерские кадры в этот период количественно не росли: в 1924 г. трудился 101 фельдшер, в 1925 г. – 103, в 1926 г. – 105.

Так, если рассматривать ситуацию в целом по республике, включая городские медицинские учреждения, то динамика становится более заметной. В 1923 г. в Чувашии трудились 34 врача и 127 фельдшеров, а в 1926 г., соответственно, 78 и 141.

Тогда же, с середины 1920-х гг. органы управления системой здравоохранения Чувашии стали обращать внимание на профессиональный состав медицинских кадров. Регулярно стали проводиться совещания медицинских работников, на которых решались задачи борьбы с социально-бытовыми болезнями. Такие совещания проводились в Чебоксарах, Батыреве, Цивильске, Ядрине, Ибресях. Подобная форма работы была тогда общепринятой по всей стране. В 1924 г., например, прошел Всероссийский съезд отделов здравоохранения. Он предложил свою программу развития медицинской науки, наметил главные и неотложные меры по проведению реформы высшего медицинского образования. В 1925 г. состоялся Всесоюзный съезд участковых врачей, в котором приняли участие более 1 тыс. чел. [1. С. 31, 33]. Подобные мероприятия, кроме решения организационных вопросов, сыграли определённую роль и в профессиональном росте медицинских кадров.

Немалую помощь в подготовке медицинских кадров оказала деятельность врачебных отрядов. В условиях сохранявшегося дефицита кадров работа таких отрядов в молодой республике имела характер шефской помощи. Формирование таких отрядов и их последующая работа шли не только в Чувашии, но и по всей России и Советскому Союзу [7]. Эта была во многом вынужденная мера, когда государство и народный комиссариат здравоохранения РСФСР искали быстрые способы для улучшения медико-санитарной обстановки в стране и ликвидации последствий Гражданской войны в этой сфере.

В Чувашии работа таких отрядов была в основном посвящена проблеме борьбы с таким страшным заболеванием, как трахома. Руководители отрядов и работавшие в них специалисты проводили консультирование врачей и фельдшеров, на месте повышая их уровень подготовки, вели обмен опытом. В их прямую обязанность вменялась организация учебы среднего медицинского персонала. В составе отрядов приезжали признанные специалисты высокого класса, так, например, глазной врачебный отряд в Цивильском уезде возглавлял В.И. Роцин, работавший в Казанском институте усовершенствования врачей [5]. В 1932 г. подобный отряд приедет в Чувашию уже из Ленинградского медицинского института, а руководить им будет заведующий кафедрой глазных болезней, профессор В.В. Чирковский.

В условиях, когда централизованная система подготовки врачей и медицинского персонала испытывала определенные объективные трудности, многое зависело от личных усилий энтузиастов-специалистов. Уже упоминавшийся выше К.В. Волков фактически создал врачебный учебный центр на базе ставшей для него родной Ядринской больницы. Для этого районный исполком принял специальное постановление, адресованное руководству местных органов здравоохранения. Они были обязаны отправлять своих участковых врачей в Ядринскую больницу, где действовали двухмесячные курсы повышения квалификации по хирургии. Значение этой больницы как учебного центра для хирургов и окулистов фактически вышло за пределы района, предполагая уже наработанный авторитет К.В. Волкова как специалиста, она стала республиканским центром [4. С. 43].

Среди учеников К.В. Волкова тех лет целая плеяда известных имен. В 1924 г. его учеником был выпускник Казанского университета, будущий главный хирург республики И.М. Кузнецов. Еще в 1918 г. на четырехмесячных курсах у него же занимался выпускник Казанского университета 1914 г., будущий ведущий хирург Алатыря М.В. Покровский. На подобных курсах в 1924 г. обучался окончивший в том же году Казанский университет П.С. Кафтанников, ставший позже ведущим специалистом в поселке (с 1937 г. – городе) Шумерле. Широко была известна в республике деятельность профессора Казанского университета Н.А. Геркена. Еще в молодые годы он занимался исследованием трахомы в Чувашии (в начале 90-х гг. XIX в.), затем вел успешную научную и врачебную деятельность в стенах родного для него университета. Уже в преклонном возрасте, в 1927 г. он покинул университет по политическим мотивам и принял приглашение поработать в больнице Мариинского Посада. Здесь Н.А. Геркен, помимо врачебной деятельности, успешно передавал свой обширный научный и профессиональный опыт молодым специалистам в системе повышения квалификации врачей своего района [4. С. 74].

Следует отметить, что медицинский персонал республики имел, прежде всего, налаженные профессиональные контакты с медицинским факультетом Казанского университета, ставшим позже самостоятельным медицинским вузом. Не последнюю роль в этом вопросе играла в первую очередь территориальная близость к указанному научному центру, а также традиционность этих связей еще с XIX в. Например, еще в 1922 г. Областной отдел здравоохранения Чувашской автономной области пригласил к себе 25 студентов-старшекурсников указанного факультета для исследования эпидемиологии трахомы. Среди участников этого мероприятия были и уже известные нам будущие светила врачебного дела Чувашии, такие как И.М. Кузнецов и другие местные уроженцы, а также приезжие специалисты, не знавшие до этого Чувашию. В составе трех групп студенты работали под руководством местных врачей в Козьмодемьянском, Ядринском и Цивильском уездах.

Однако все указанные выше мероприятия, в том числе способствовавшие поддержанию должного уровня качества медицинских кадров в Чувашии, трудно назвать достаточными. Этому направлению работы все еще не хватало системности и организованности. Впрочем, подобные проблемы испытывала вся система подготовки медицинских кадров стране.

Соответствующие изменения возникли только в 1930-е гг., когда в стране появляется возможность для налаживания планомерной работы в этом направлении. В 1930 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принимает постановление «О реорганизации системы подготовки врачебных кадров». В свою очередь, ЦИК и Совет Народных Комиссаров СССР принимают постановление «О реорганизации высших учебных заведений, техникумов и рабочих факультетов». Эти решения были непосредственно посвящены вопросам подготовки специалистов с высшим и средним образованием, в том числе в медицинской сфере, а также коренной реорганизации специального медицинского образования [1. С. 42].

В целях повышения квалификации врачей создавалась унифицированная общесоюзная структура – открытый в 1930 г. Центральный институт усовершенствования врачей, он стал настоящим научно-методическим центром по вопросам специализации, усовершенствования и повышения квалификации врачей.

В 1931 г. вопросом кадрового дефицита в медицинской сфере занялось даже руководство большевистской партии. В тот период участие правящей партии в конечном счете обеспечивало эффективность исполнения намеченных мер. ЦК ВКП (б) приняло постановление «О медицинских кадрах». В нем, в частности, было намечено дальнейшее расширение приема студентов и

подготовки аспирантов в медицинских вузах, предполагались увеличение мест по приему студентов в профильные учебные заведения и открытие новых медицинских вузов. В дальнейшем руководство страны еще неоднократно возвращалось к этой проблеме. В 1934 г. выходит постановление ЦИК СССР «О подготовке врачей», а в 1936 г. – совместное постановление ЦК ВКП (б) и Совета Народных Комиссаров СССР (тогда решения государственных и партийных органов часто имели совместное авторство в целях усиления идеологического эффекта и исполнительской дисциплины) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой». Указанные меры не могли не сказаться. К 1940 г. в СССР уже насчитывалось 72 медицинских вуза [1. С. 43].

Не менее востребованы были меры по насыщению потребности в кадрах среднего медицинского персонала – фельдшерах, от практической работы которых на местах, особенно в сельской глубинке, зависело очень многое. В 1936 г. Совет Народных Комиссаров СССР принимает постановление «О подготовке средних медицинских, зубоврачебных и фармацевтических кадров». Согласно ему вместо существовавших ранее медицинских техникумов стали открывать фельдшерские и акушерские школы медицинских и ясельных сестер, курсы медицинских лаборантов, зубоврачебные и фармацевтические школы. В результате существенно изменились базовые методические подходы к вопросам подготовки зубоврачебных и фармацевтических кадров высшей квалификации, а также фельдшеров и акушеров. В 1939 г. для дальнейшего усиления работы в этом направлении Совет Народных Комиссаров СССР принял новое постановление «Об улучшении подготовки средних медицинских кадров».

В то же время было уделено внимание развитию медицинской науки. Постановлением СНК СССР в 1932 г. был открыт Всесоюзный институт экспериментальной медицины, научные институты стали открывать и на местах.

Наконец, в середине 1930-х гг. руководство страны занялось и вопросом материального состояния медицинских работников. В 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли совместное постановление «О повышении заработной платы медицинским работникам и об увеличении ассигнований на здравоохранение в 1935 году». Согласно ему заработную плату повысили большому числу врачей и средних медицинских работников, включая медсестер. Правда, в центральных районах страны, в том числе и в Поволжье, эти меры были ограниченными. Постановление в первую очередь касалось медицинских работников Крайнего Севера, Дальнего Востока, Забайкалья, Средней Азии, т.е. окраинных районов, где ситуация с кадровым обеспечением системы здравоохранения была еще более тяжелой.

Тем не менее вышеперечисленные меры дали о себе знать и в Чувашской Республике. В результате увеличился приток специалистов в медицинской сфере, выпускников медицинских вузов. Первые сдвиги почувствовались в начале 1930-х гг. В 1932 г. в республике трудились 125 врачей и 425 средних медицинских работников. К концу 1930-х гг. этот показатель резко возрастает. В 1937 г. в Чувашии работали уже 239 врачей и 1660 средних медицинских работников.

Конечно, это не означало полного и окончательного решения проблемы кадрового обеспечения. Однако ситуация заметно улучшилась, в том числе в сравнении с «благополучным» дореволюционным и довоенным временем.

Правда, определенную помеху на пути качественного развития медицинских кадров создала нездоровая ситуация политических репрессий 1937-1938 гг., охватившая в том числе и медицинскую сферу. В сложившейся обстановке часть специалистов была вынуждена покинуть республику, другие просто не смогли вести нормальную врачебную и научную деятельность.

Незаслуженно пострадал, например, врач и общественный деятель К.В. Волков. В 1937 г. его объявили «врагом народа», исключили из партии, вывели из состава городского совета Ядрина и Центрального исполнительного комитета Чувашской АССР. Однако он еще оставался врачом в своей клинике, которой он отдал столько сил, но было понятно, чем закончатся вышеописанные меры в отношении этого врача с большой буквы. Ситуацию спасла, как это ни страшно, безвременная кончина К.В. Волкова. Измученный страшными испытаниями, он умер в своей же клинике [4. С. 44].

По существу, был разгромлен Чувашский трахоматозный институт, являвшийся некогда настоящим общесоюзным флагманом в этой области. Достижения этого института изучались и обобщались на самом высоком уровне для организации подобной борьбы с трахомой в других регионах СССР. Директора института К.А. Забугина в 1937 г. обвинили во вредительстве, «врагами народа» объявили профессоров этого института Г.А. Гутмана, П.С. Занченко, И.А. Остановова. Во вредительстве обвинили также и государственного санитарного инспектора Чувашии П.Н. Журина, как оказалось, он якобы «потворствовал распространению эпидемии». Как «врага народа» арестовали талантливейшего врача-исследователя Ф.Е. Тайкова. К.А. Забугин, Г.А. Гутман, П.С. Занченко в итоге спаслись тем, что выехали из республики, но для развития национальных медицинских кадров это была несомненная потеря. Причем подобные потери несли в целом вся система здравоохранения на разных уровнях. В 1937-1938 гг., например, от работы по вышеописанным мотивам были освобождены 33 трахоматозные медицинские сестры [3. С. 222].

В целом можно говорить о существенном качественном и количественном росте кадрового состава медицинских работников к концу 1930-х гг. Это не просто увеличение числа врачей, в том числе в сельской местности, наиболее проблемной в регионе. Это – формирование новой системы здравоохранения, заменившей прежнюю форму обслуживания населения земскими врачами, как менее эффективную и не удовлетворявшую все более возрастающим потребностям. Данной новой системе оказалось вполне по силам решение сложнейших вопросов, которые в предыдущий период казались неразрешимыми, например борьба с ликвидацией массовых заболеваний, таких как трахома. Дальнейшее развитие кадрового состава медицинских работников Чувашии было приостановлено Великой Отечественной войной, когда вновь произошел отток медиков для удовлетворения нужд фронта.

Литература

1. 70 лет советского здравоохранения. М.: Медицина, 1987. 512 с.
2. Алексеев Г.А. Военно-санитарная служба в Чувашии. Чебоксары: ГОУ ДПО ИУВ, 2011. 312 с.
3. Алексеев Г.А. Обретение света. История ликвидации трахомы в Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН, 2008. 365 с.
4. Григорьев Н.Г. Хирургия Чувашии в пути. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. 336 с.
5. ГИА ЧР. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 285. Л. 299, 341.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-238. Оп. 1. Д. 269. Л. 1-2.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-259. Оп. 1. Д. 263. Л. 3.

ВИКТОРОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и организации здравоохранения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (oleg-viktorov21@rambler.ru).

VIKTOROV OLEG NIKOLAEVICH – candidate of economics sciences, assistant professor of Economics and Health Organization Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 39(470.344)

О.В. ЕГОРОВА, П.В. ДЕНИСОВ, К.Н. САНУКОВ, Г.И. ФЕДОРОВ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЧУВАШЕЙ И ТАТАР**Ключевые слова:** религия, верования, обряд, традиции.

В данной статье ставится цель проследить на основе анализа межэтнических контактов чувашей и татар влияние религий на родильную обрядность чувашей. Взаимопроникновение традиционных культурных норм, действий и обрядов одинаково активно происходило как у чувашей и татар, проповедовавших ислам, так и чувашей и крещеных татар. Сегодня продолжается активное межэтническое взаимодействие чувашей и татар, однако оно протекает в условиях постепенной утраты традиционных обрядовых действий.

**O.V. EGOROVA, P.V. DENISOV, K.N. SANUKOV, G.I. FEDOROV
INTERETHNIC RELATIONS BETWEEN THE CHUVASH AND TATARS****Key words:** religion, belief, a ceremony, tradition.

In the paper the authors analyzes interethnic contacts of Chuvash people and Tatars in order to investigate the influence of religions on Chuvash maternity rites. Interpenetration of traditional cultural norms, activities and ceremonies occurred equally actively among Chuvash people and Tatars preaching Islam and among christened Chuvash people and Tatars. Nowadays active interethnic cooperation between Chuvash people and Tatars is being continued, however, traditional rituals are being gradually lost.

Тема межконфессиональных и межэтнических отношений, взаимоотношений народов с различными культурами и религиями является весьма актуальной для современной многонациональной России. Для Чувашской Республики, и особенно чувашских диаспор, данные вопросы также важны, так как в последние десятилетия заметно обострился вопрос сохранения самобытности чувашей, продолжения национальных традиций и укрепления этнических связей. Многие чувашские поселения регионов России, несмотря на то, что находились в сложной системе межэтнических отношений, смогли сохранить за сотни лет традиционные обряды и обычаи в большей степени, чем селения, расположенные на территории современной Чувашии. Именно на их примере сегодня хорошо прослеживаются особенности контактов между различными народностями, в которых наиболее выделяются религиозно-культурные связи чувашей и татар. В данной статье ставится цель проследить на основе анализа межэтнических контактов чувашей и татар влияние религий на родильную обрядность чувашей.

Взаимопроникновение традиционных культурных норм, действий и обрядов одинаково активно происходило как у чувашей и татар, проповедовавших ислам, так и у чувашей и крещеных татар. Понятие «душа» у чувашей неразрывно связано с явлениями рождения и смерти человека. По верованиям, душа жила в теле человека в самой середине его, но где именно, не знали. Приписывали ей даже цвет, по которому различали души людей и разных животных. Душа имела тот же самый образ, какой имело тело, в котором она жила. По выходу из тела она купалась. Потом поступала в руки ангелов и переходила в загробный мир по определению Божьего суда. Душа слышала и видела все, что о ней говорили и делали вокруг тела, пока последнее находилось дома [11. С. 75]. По утверждению этнографа П.В. Денисова, как у многих тюркоязычных народов Саяно-Алтая, у чувашей понятию нематериальной души «чун» противопоставлялось материальное воплощение «хăт» или «кăт» (древнетюркское *qut* – душа, жизненная сила, дух; счастье, благополучие, достоинство, величие). Однако первоначальное значение «хăт», связанное с понятием «дух, душа, эмбрион», было утрачено, ныне этот термин означает «красота, счастье и достоинство» [7. С. 74-75]. По верованиям алтайцев, *кут* как зародыш приходил извне, давался человеку от небожителя Ульгена – творца человеческого кута, который дарил ребенку метку – *мэнг* (родимое пятно) [21. С. 11]. У тувинцев *уруг куду* (кут ребенка) – «душа»-зародыш, жиз-

ненная сила ребенка периода младенчества. Существовали также многочисленные символы, ее представляющие [23. С. 97].

Во время беременности чувашки проводили обряд жертвоприношения духу *пярей*. Аналогичный дух есть у башкир (*лэрей*) [3. С. 99] и вотяков (*ибыр*) в виде коромысла [4. С. 87]. Крещенные татары под именем «*пярей*» подразумевали род духов, которые желали людям только зла и постоянно старались вводить людей в заблуждение. Само название этих духов указывает на их персидское происхождение (от перс. *пярей* – крылатый дух). О духах *пярей* крещенные татары рассказывали, что они всегда являлись в очень некрасивом человеческом образе. Очень черное лицо их кажется особенно неприятным от того, что вместо двух глаз у *пярей* посредине лба светился только один глаз; зубы у них бывали постоянно оскалены, волосы взъерошены и торчали вверх. По верованию крещенных татар, такие злобные существа жили в банях и домах [14. С. 22]. По поверью чувашей, они могли похитить ребенка у беременной женщины. Поэтому женщины, укладывавшаяся спать, клали под подушку нож (или любой другой железный предмет). Если женщина находилась дома одна, то рядом клала мужскую шапку, чтобы *пярей* не подумал, что у неё нет мужа. Новорожденного не оставляли одного в избе, иначе его может похитить *пярей*, а на его место принести своего уродца.

Учитель казанской крещенотатарской школы Семен Максимов вспоминал мальчика, которого в деревне называли детенышем-*пярей*. Он еще «с малых лет часто один сживал в землянке. На вид был очень некрасивый. Лицо черное, голова продолговатая, глаза черные и большие, шея длинная и тонкая. Ходил босиком с пеной на губах». В объяснение такого страшного вида этого мальчика крещенные говорили, что этот мальчик был дитя *пярей*, подложенный своим родителями-духами на место новорожденного дитя крещенина, оставленного после рождения в бане без всякого присмотра [14. С. 24-25].

У чувашей и татар роды принимали бабки-повитухи. За свой труд они получали хлеб, платок, мыло. Я.Д. Коблов отмечал, что татарки-повитухи получали и денежное вознаграждение от 20 коп. до 1 руб. [10. С. 5]. В качестве денежного вознаграждения у чувашских повитух были деньги, которые давали во время проведения обряда приготовления каши (супа, сыра), проводимого в честь рождения ребенка. Чувашки окрестностей села Больших Яльчик Тетюшского уезда опытными повитухами считали татарок и часто обращались за их помощью [31. Л. 444]. Сразу же после родов чувашки смазывали рот ребенка сливочным маслом домашнего приготовления [27. С. 157] или медом, чтобы он не вырос сквернословом [25. С. 80]. В источниках начала XX в. упоминается, что одновременно давали мед с маслом. Татары проводили аналогичный обряд с пожеланием благополучия, удачи в жизни, чтобы ребенок вырос добрым и ласковым [24. С. 356].

По магометанскому закону после рождения следовало давать имя новорожденному, но обычно это дело откладывалось до времени выздоровления родильницы [10. С. 5]. Чувашки, живущие в окружении татар, нарекали детей их именами и приглашали для этого муллу. Чувашки имя ребенку давали в течение 2-3 дней, в крайнем случае – в течение 40 дней. Такая спешка была связана и с верой в то, что ребенок без имени будто бы очень беспокоен и плаксив. Существовало ещё поверье, что безымянному ребенку могут дать имя черти, а злые духи могут его поменять и забрать душу младенца (есть легенды, что вместо человеческого дитя в колыбели оказывался чурбан в виде ребенка и т.п.). Крещенные татары и чувашки крестили слаборожденных детей в день их рождения. В зависимости от дальнейшего состояния младенца могли к первому имени прибавить второе имя.

В с. Новое Ильмово Черемшанского района РТ в семьях, где дети умирали, новорожденным давали татарское имя – *Туктар* (остановится) [16. С. 237]. Вотяки также называли мужчин татарским именем *Туктар*. Это имя ими давалось большей частью тогда, когда дети умирали или родильнице не хотелось

иметь детей [4. С. 68-79]. Среди имен-оберегов у тюркских народов Среднего Поволжья и Приуралья встречаются имена, связанные с металлом. Например – Тимеркке (у чувашей), Тимергали, Тимервали, Тимеркай (у башкир и татар). Металл был оберегом. Чуваша с. Кожай-Семеновка Миякинского района Республики Башкортостан детей называли татарскими именами *Таштимер*, где «таш» означает «камень, каменный» в значении «крепкий», *Тимер* – «железо», «железный» [16. С. 234, 236].

Н.В. Никольский отмечал, что в документах XVI в. г. Новоструева насчитали 37 чувашских имен с татарским звучанием. Совершенно по-татарски звучали следующие имена: Худябей, Урманчеев, Такбулат Кудеяров, Кайперда Кайбичев, Айтуган Утешев [19. С. 140].

Влияние татар замечено при исследовании с. Казанлы Саратовской области. Т. Акимова отмечала, что встречались имена, образованные от татарских слов: «Бикмурза», «Мурзабайка», «Ашмурза» и т.д. [1. С. 26]. Ко времени III ревизии можно было наблюдать русское влияние. Среди старых чувашских имен встречается до 33% русских (в то время как в других деревнях среди языческих имен русских встречается 10-12%). Например Федька Абсанаев по крещении Федор Иванов или Савандей Иванов, Яшлюнь Данилов и т.д. [1. С. 26].

Если на лице ребенка у чувашей появлялось красное пятно, то детям давали имена, начинающиеся с «мин» или «мини» (пятно). Например, девочек называли – Минкке, Минккей, Миниккей, Минеслу и др., мальчиков называли – Минтукка, Минхевер, Минюхха, Минтукан, Минетер и др. Чуваша считали, что это приводит к излечению [33. Л. 473]. Жители д. Кошки-Куликеево Яльчикского района ЧР, называя ребенка подобным именем, кричали в печную трубу «Минке». Аналогичный обряд совершали и татары. Произносно заклинание, в печную трубу бросали ложку, а ребенку меняли имя [24. С. 359]. Башкиры Зилаирского и Хайбуллинского районов кричали в печную трубу имя с добавлением «мин». Это повторялось несколько раз. Подобный обряд с той же целью исполнял и мулла, но он не просто выкрикивал имя, а после прочтения молитв нарекал ребенка новым именем. По представлению башкир, родинка могла быть уязвимой для ребенка [3. С. 107].

Чуваша, проживающие в контактных зонах с татарами, часто в качестве крестных выбирали крещеных татар [5. Л. 124об.]. Такие примеры можем встретить среди жителей округа с. Большая Тетюшского уезда [29. С. 194], с. Старые Шигали, с. Ковали Цивильского уезда. Особенно часто подобные случаи встречались в середине XIX в. в Цивильском уезде, когда крещеные татары из д. Сунчелеевой, Бакарчей (ныне Звениговского района Татарстана) восприемников выбирали из чувашских деревень Житницы, Козыльяр, Тегешево Цивильского уезда и наоборот [6]. К началу XX в. таких примеров становится меньше. Браки среди татар-мусульман и чувашей были очень редким данных приходов явлением.

В ряде деревень Аксубаевского района Республики Татарстан чуваша проводили символическое обрезание волос на голове ребенка с трех мест по одной линии, чтобы зло не доходило до ребенка [9. С. 71]. Подобный обряд встречался среди татар, проживавших в аулах Пензенской области: через неделю после рождения с головы младенца состригали, пропустив через золотое кольцо, пучок волос [24. С. 358].

С колыбелью было связано множество примет и поверий. Н. Плосс отмечал, что татарами колыбель не используется. Днем ребенок находился в висячей койке (*науни*), а ночью – в постели матери [20. С. 78]. На самом деле зыбка была повсеместно распространена у народов Среднего Поволжья. Довольно стойко бытовала вера в то, что первые 40 дней жизни младенца особенно опасны. Оставляя ребенка одного, татары клали ему в люльку железные предметы, старый веник или веточку можжевельника. Ветку можжевель-

ника чуваша использовали для изготовления дужки у зыбки [28. Л. 619]. Чуваша с. Бикмурзино Пензенской области, с. Старое Ильмово, с. Городище Дрожжановского района Республики Татарстан под зыбку клали березовый веник, чтобы не приставал злой дух. Народы Среднего Поволжья повсеместно клали железный предмет к изголовью ребенка.

Чуваша и татары тщательно берегли ребенка от сглаза. Казанские татары, чувствуя, что ребенка сглазили, сразу после ухода человека мыли скобу двери или то место, где сидел этот человек. Затем этой водой мыли ребенка. Кроме того, применяли «предохранительные меры»: веточку рябины привязывали к зыбке, ракушку каури пришивали к шапочке, лобик мазали сажей [28. Л. 619; 24. С. 358]. Практически каждый мог проделать несложную церемонию по предупреждению или лечению от сглаза. На это не требовалось каких-либо особых способностей.

Некоторая часть чувашей не только соприкасалась с исламом, но и подвергалась исламизации и этнической ассимиляции. *Џу чăваш* – так называли чувашей, которые жили наполовину по-христиански, наполовину по-мусульмански (в Избахтине). Чуваша д. Избахтино, писал миссионер Рекеев, приводили детей к муллам для отчитывания «*угытма*» или «*шикерне*». Ими переняты обычаи угощения татар. Татары устраивают званые обеды «ашка». К таким обедам готовили особые кушанья, называемые «пелешь», «корт». Избахтинские татары и чуваша часто ходили друг к другу в гости [13. С. 1075].

В национально-смешанных семьях возникал вопрос о языке ребенка. Если мать или отец были русскими и не понимали чувашского языка, то дети, соответственно, говорили на русском языке. В семьях, где отец татарин, а мать чувашка, говорили на татарском языке. В результате близкого общения с татарами соседних селений, по словам Н.М. Охотникова, не только взрослые, но и дети из его родного селения свободно владели татарским языком, охотно пели татарские народные песни, устраивали совместные праздничные гуляния и игры [8. С. 19]. В с. Ковали Урмарского района Чувашской Республики во время проведения ярмарки приходили татары, которые дружно пели свои национальные песни. Чувашские и татарские дети вместе играли, купив свистульки, насвистывали по улицам. В с. Можарки Цивильского уезда на базар и ярмарку съезжались также русские и татарские купцы из разных мест [27. Л. 342-343].

Чуваша из селений Ново-Ковалинской и Кошелевской волостей, соседних с татарскими, умели говорить по-татарски, но чувашский язык считали своим природным и между собой объяснялись исключительно на нем. В свою очередь, татары этого района знали чувашский язык, иногда даже лучше, чем чуваша татарский. В силу этого татары при разговорах с чувашами придерживались языка последних [17. Л. 5]. Тетюшский уездный исправник, рапортуя в Казанское уездное правление, отмечал, что в результате частого общения чуваша прекрасно знают татарский и татары владеют чувашским языком [17. Л. 80б]. Петр Томлеев из д. Старых Курбаш Цивильского уезда, вспоминая свое детство, отмечал, что кряшены мало отличались от русских. Григорий Федоров из д. Верхних Метеряк Лаишевского кантона Казанской губернии хорошо помнил, как его отец по вечерам читал русские книги, переводя на кряшенский язык [32. Л. 95].

Чуваша-портные, приходившие в татарские селения, старались заслужить симпатию со стороны заказчиков – надевали тубетейки. Родители заставляли детей учить татарский язык [18. С. 69]. Некоторые чуваша покупали специальные талисманы из кожи четырехугольной формы (*pămtŭ*) у татар-разносчиков. Внутри него находилось изречение из Корана [31. Л. 460].

Гурий Комиссаров в работе «Чуваша Казанского Заволжья» записал, как капризничающих и плачущих детей родители пугали прежде всего татарами, а потом русскими. Такое отношение сложилось постепенно и объяснялось тем, что «татары, приезжая к ним, не церемонились с ними: обманывали, обдували их, почти без при-

глашения садились за стол обедать, ели часто не снимая шапки, и т.п. В свое время масса татар-лентяев (главным образом из Симбирской губернии, под видом нищих, являлась в страну чуваш и совершала над чувашами всевозможные насилия: грабили дома, амбары, уводили лошадей и другую скотину... Эти дела татар оставили тяжелые следы в среде чуваш-вирьялок, а потом здешние чуваш симпатии к татарам не питают, хотя и не обижают их никогда» [12. С. 415-416].

Умение видеть, различать чужих, незнакомых людей необходимое условие освоения ребенком социального пространства. Однако конкретное его выражение зависит не только от индивидуального склада ребенка, но и от типа культуры, в условиях которого он воспитывается. А.К. Байбурун обращает внимание на то, что «чужое» начинается там, где кончается «свое», и эта граница путешествует вместе с человеком. Опасная зона начинается сразу за порогом дома. На улице многократно увеличивалась опасность встречи с чужими людьми, представляющими угрозу жизни ребенка. В их числе могли быть представители потустороннего мира или представители иных этнических и социальных групп [26. С. 172].

Александр Можаровский отмечал, что прозвища произошли или естественно от дурного впечатления, произведенного известным явлением на известное лицо, или же просто по грубости, из одного побуждения всячески осмеять другого. По ним в некоторой степени можно судить как о детском взгляде на физические и нравственные недостатки других и об отношении к другим народам [15. С. 20].

Про татар пели:

*Татар Якши,
Продай лапши,
Купи вина,
Напой меня!
Татарин – собака,
Татарин – басурман,
Посадил девку в карман:
Девка плачет и ревет,
Свои волосы дерет.*

Одна из самых больших проблем в дореволюционной России – высокая детская смертность. По данным за 1896 г. о смертности детей в России, в Свияжском уезде на 1000 христиан умирало 44%, у татар 33%; в Тетюшском – христиан 39,3%, татар 29,1%, в Цивильском – христиан – 39,8%, татар 23,9%. Даже в неурожайный 1891 г. в Казанском уезде христиан умерло 40%, татар же – 22,8% [22. С. 46]. Объясняли такую разницу тем, что татарские грудные дети находились в значительно лучших условиях питания, благодаря чему и выживали в 3 раза чаще, чем православные грудные дети. Кормили грудных детей татарки, в силу правил Корана, исключительно грудью. Причем татарки всюду возили ребенка с собой и до 1-2 лет не отнимали его от груди, начиная прикармливание со второго года коровьим, козьим молоком и т.д. [22. С. 47, 49].

Все амулеты, обереги, магические приемы, различные методы лечения преследовали одну главную цель – сохранить жизнь ребенка. В связи с этим традиционный народный опыт в области охраны здоровья детей и лечения детских болезней отражает сложный комплекс религиозных представлений чувашей и татар, особенности его мировоззрения. Анализ фактов и материалов показывает, что часто в сложных жизненных ситуациях (высокая детская смертность и заболеваемость) чуваш были вынуждены обращаться за помощью к повитухам-татаркам. Чужое, малознакомое казалось более эффективным, сакральным, неизвестным окружающим, что, по представлению чувашей, было немаловажно для сохранения жизни ребенка. Возможность решения проблем на стороне позволяло надеяться на неразглашение определенного рода информации, которая в противном случае могла неблагоприятно повлиять на жизнь женщины и ее ребенка.

Трансформация родильной обрядности чувашей происходила в условиях проникновения отдельных элементов, а часто – даже целых обрядовых комплексов в повседневность чувашей. Особенно активно происходило смешение обрядовых действий и закрепление в чувашской культуре народных традиций крещеных татар. Многие обычаи легче проникали в культуру через религиозные христианские обряды. Тесные межэтнические связи чувашей и татар накладывали значительный отпечаток на особенности традиционной обрядовой культуры чувашей. Сегодня продолжается активное межэтническое взаимодействие чувашей и татар, однако оно протекает в условиях постепенной утраты традиционных обрядовых действий.

Литература и источники

1. *Акимов Т.* Чуваши с. Казанлы Вольского уезда Саратовской губернии // Труды Нижно-Волжского Областного научного общества краеведения. Этнографический сборник. Саратов, 1926.
2. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. II.
3. *Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф.* Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка // Семейный быт башкир XIX-XX вв. М.: Наука, 1991. С. 86-117.
4. *Гаврилов Б.Г.* Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урятьев-Учинского прихода // Труды IV Археологического съезда России. Казань, 1891.
5. Государственный исторический архив ЧР (далее ГИА ЧР). Ф. 408. Оп. 1. Д. 1. Л. 124об.
6. ГИА ЧР. Ф. 557. Оп. 7. Ед.хр. 294.
7. *Денисов П.В.* Древнетюркские черты в религиозных верованиях чувашей // Чувашия глазами этнографа: поиски и находки: статьи, очерки, рецензии. Чебоксары: Новое время, 2008. С. 55-81.
8. *Денисов П.В.* Никифор Охотников. Очерк жизни и творческой деятельности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986.
9. *Егорова О.В.* Обычаи и обряды, связанные с родами, уходом за новорожденными и лечением детских болезней в среде закамских чувашей (По материалам полевых исследований) // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 62-74.
10. *Коблов Я.Д.* Религиозные обряды и обычаи татар магометан. Казань, 1908.
11. *Комиссаров Г.И.* О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003.
12. *Комиссаров Г.И.* Чуваши Казанского Заволжья // ИОАИЭ. 1911. Т. 27. Вып. 5.
13. *Кремлев А.* Отчет Казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 год // Известия по Казанской епархии. № 36. 1913. С. 1067-1078.
14. *Максимов С.* Остатки язычества в современных верованиях крещеных татар Казанской губернии. Казань, 1876.
15. *Можаровский А.* Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. Потехи, забавы, остроты, прозвища, стишки и песни. Казань, 1882.
16. Мусульманские имена. Словарь-справочник. СПб.: Диля, 2006.
17. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 2. Оп. 2. Д. 8335.
18. *Никольский Н.В.* Краткий конспект по этнографии чуваш // Никольский Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 33-106.
19. *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI-XVIII веках // Никольский Н.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 126-356.
20. *Плосс Н.* Ребенок от колыбели до первого шага. СПб., 1881.
21. *Скрынникова Т.Д., Батоева Д.Б.* Обряд испрашивания сулдэ ребенка // Обряды в традиционной культуре бурят. М.: Вост. лит., 2002.
22. *Соколов Д.А., Гребенников В.И.* Смертность в России и борьба с нею. СПб., 1901.
23. *Соломатина С.Н.* К реконструкции пространственно-временной структуры традиционного мировосприятия тувинцев // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л.: Наука, 1990.
24. Татары. М.: Наука, 2001.
25. *Фокин П.П.* Современная семейная обрядность чувашей // Вопросы традиционной духовной культуры чувашей: сб. ст. / Науч.-исслед. ин-т яз., лит-ры, ист. и экон. при СМ Чуваш. АССР; ред. Б.Н. Путилов, А.К. Салмин. Чебоксары, 1989. С. 75-99.
26. *Чередникова М.П.* Русская детская мифология. М.: Лабиринт, 2002.
27. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (далее ЧГИГН). Отд. I. Ед.хр. 150. Инв. № 4570. Л. 342-343.
28. ЧГИГН. Отд. I. Т. 168.
29. ЧГИГН. Отд. I. Т. 159. Инв. № 4716.

30. ЧГИГН. Отд. I. Т. 258.
31. ЧГИГН. Отд. I. Т. 285. Инв. № 6059.
32. ЧГИГН. Отд. I. Т. 320. Инв. № 6233.
33. ЧГИГН. Отд. III. Ед.хр. 187.

ЕГОРОВА ОКСАНА ВЕНИАМИНОВНА – доктор исторических наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (eoks71@rambler.ru).

EGOROVA OKSANA VENIAMINOVNA – doctor of historical sciences, associate professor of Archeology, Ethnography and Regional History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ДЕНИСОВ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

DENISOV PETR VLADIMIROVICH – doctor of historical sciences, professor of Archeology, Ethnography and Regional History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

САНУКОВ КСЕНОФОНТ НИКАНОРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола.

SANUKOV KSENOFONT NIKANOROVICH – doctor of historical sciences, professor of Regional History Chair, Mary State University, Russia, Yoshkar-Ola.

ФЕДОРОВ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

FEDOROV GEORGIY IOSIFOVICH – doctor of philological sciences, professor of Culturalology and Intercultural Communication Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 908(470.343)"190-191"

А.Г. ИВАНОВ, Г.Н. АЙПЛАТОВ, А.А. ФИЛОНОВ

К ВОПРОСУ О ПЕРЕДАЧЕ В ОПЕКУНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ МАРИИНСКОГО ЛЕСОПИЛЬНОГО ЗАВОДА КОЗЬМОДЕМЬЯНСКОГО КУПЦА А.И. ШИШОКИНА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Ключевые слова: Мариинский лесопильный завод, опекунское управление, лесная промышленность, Мариинско-Посадское лесничество, опись и оценка имущества, торги.

Предпринята попытка проследить судьбу Мариинского лесопильного завода после разорения его владельца – козьмодемьянского купца второй гильдии А.И. Шишочкина в начале XX в.

**A.G. IVANOV, G.N. AYPLATOV, A.A. FILONOV
TO THE QUESTION ON TRANSFER OF KOZMODEMYANSK MERCHANT A.I. SHISHOKIN'S
MARIINSKY SAWING FACTORY TO TUTORIAL MANAGEMENT
IN THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY**

Key words: Mariinsky sawing factory, tutorial management, the timber industry, Mariinsky-Posad forest area, the property inventory and estimation, the auction.

The article deals with the attempt to track the destiny of Mariinsky sawing factory after the bankruptcy of its owner – Kozmodemyansky merchant of the second guild A.I. Shishokin in the beginning of the XXth century.

Как известно, одну из операций лесопромышленности составляет лесопильное производство, быстрому развитию которого способствовал постоянно растущий спрос на пиломатериалы. Козьмодемьянский купец второй гильдии А.И. Шишочкин в 90-е гг. XIX в. являлся одним из наиболее крупных лесопромышленников на территории Марийского края. Торговый дом Шишочкина имел широкие деловые связи с банками, конторами, страховыми обществами и торговыми домами в Казани, Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде и других городах. К 1896 г. А.И. Шишочкину принадлежало 3 паровых лесопильных завода: Лопатинский, Кушерегский и Мариинский (Сокольно-Кокшагский), на ко-

торых из заготовленной деловой древесины вырабатывали бревна, московский брус, тес, шпалы, подтоварник, телеграфные столбы и другие материалы [4]. На лесопильных заводах А.И. Шишкина работали машинисты, слесари, плотники, литейщики, токари, кочегары, опиловщики, лодочники, скобельщики бревен, рамщики, тележечники, укладчики, развальщики, сортировщики и другие рабочие [5. С. 141]. Лесопромышленная деятельность Шишкина достигла своего пика в 1897 г. Торговый оборот от продаваемой древесины за этот год составил около 200 тыс. руб. [3. С. 465]. Такие большие дела требовали соответствующих затрат. А.И. Шишкин не рассчитал должным образом своих возможностей и оказался в долгах, общая сумма которых по Нижегородской, Вятской, Вологодской и Казанской губерниям составляла более 110 тыс. руб. В сложившихся условиях Казанское губернское правление начало продажу шишкинских лесопильных заводов и пыталось назначить на них опекунов [4].

В данной статье автором делается попытка на основании впервые введенных в научный оборот архивный материалов, извлеченных из Государственного исторического архива Чувашской Республики, проследить судьбу Мариинского лесопильного завода после разорения А.И. Шишкина и объявления его несостоятельным должником.

В конце XIX в. Мариинский лесопильный завод находился в Чебоксарском уезде на казенной земле Больше-Липшинской дачи Кокшайского лесничества в 3 верстах от Мариинского Посада, в 30 верстах от уездного города Чебоксары, в 114 верстах от губернского города Казани, в 70 верстах от ближайшей станции Московско-Казанской железной дороги «Тюрлема», в 106 верстах от Козьмодемьянской лесной ярмарки [1. Л. 5]. По решению съезда лесничих южная часть Больше-Липшинской дачи Кокшайского лесничества в составе полных кварталов под № 146, 152, 153, 160, 161 и части кварталов под № 133, 147, 154, 155, лежавших по правому берегу реки Большой Кокшаги на площади около 3000 десятин, с 1 октября 1900 г. присоединялась к лесам Мариинско-Посадского лесничества [2. Л. 17об.].

Предписанием от 25 сентября 1900 г. Мариинский лесопильный завод находился в залоге Управления государственными имуществами Казанской и Симбирской губернии. После разорения А.И. Шишкина завод был передан Чебоксарским сиротским судом в опекуновское управление члену вышеупомянутого суда Я.А. Тякину. Принимая во внимание тот факт, что частые поездки Я.А. Тякина из Чебоксар в Мариинский Посад для наблюдения за сохранностью завода были сопряжены со значительными почтовыми и путевыми расходами и то, что Мариинский завод находился на территории Мариинско-Посадского лесничества, Казанское губернское правление предложило Чебоксарскому сиротскому суду определить завод к опеке лесничего Мариинско-Посадского лесничества С.В. Дьякова. В итоге Дьяков принял в опекуновское управление Мариинский лесопильный завод 15 января 1901 г. и должен был «следить за охранением завода через состоящего для сей цели лесника и содержать завод местными средствами в возможной исправности» [1. Л. 1-1об., 4об., 43об.].

Согласно указу Казанского губернского правления от 12 октября 1901 г., Мариинский лесопильный завод был описан на пополнение долга казне. 23 ноября 1901 г. вследствие предписания Казанского управления государственных имуществ от 17 октября того же года Мариинский завод был передан от опекуна-лесничего Мариинско-Посадского лесничества Дьякова в Чебоксарское уездное полицейское управление приставу первого стана Чебоксарского уезда коллежскому секретарю Ловейко [1. Л. 39, 58об.]. При этом губернским правлением 17 октября 1901 г. было поручено Чебоксарскому уездному полицейскому управлению немедленно приступить к описи, оценке и по-

следующей продаже Мариинского лесопильного завода. Управление государственными имуществами поручило С.В. Дьякову присутствовать на всех действиях по продаже завода в качестве представителя истца-казны [1. Л. 35-35об.].

При описи, произведенной 25 ноября 1901 г., оказалось, что имущество Мариинского завода включало следующие предметы: лесопильный сарай, машинное отделение, котельное помещение, мастерскую, помещение для пилоточки, колодец, двухэтажный дом для заводских служащих, лесные материалы (старые доски) от бывшей караулки, амбар, помещение для кузницы и слесарной мастерской, деревянную конюшню с пристроенным к ней сеновалом, помещение для складки угля, баню, пожарную машину с приемным и выкидным рукавом, подержанные лампы с принадлежностями, приводную чугунную раму, трубчатый котел, паровую горизонтальную машину завода «Бромлей» мощностью 20 сил, паровую горизонтальную машину мощностью $3\frac{1}{2}$ сил, чугунную динамо-машину «Сименс», крытый тесом одноэтажный жилой дом, чугунный пилоточно-наждачный станок, деревянный бак с железными обручами, кузнечный голландский мех, кузнечные инструменты, слесарные инструменты, молотки, чугунную поверочную плиту, винторезные доски, гаечные ключи для сбора разных машин, старое железо, запасные части для разных машин (гайки, винты и т.д.), железные тиски, наковальню, медные колокола, резиновые приводы, цепь для котловой трубы, напильники по металлу, каменное точило, цепи с крючьями для перевозки бревен, бочки из-под масла и керосина, фонари, комнатные печи, канифоль, домашние инструменты (лопаты, мотыги, багры и т.д.), масло, конторские счета, сани на железных полозьях, деревянные столы и стулья [1. Л. 43-47об.].

При проведении описи и оценки имущества 25 ноября 1901 г. стоимость Мариинского лесопильного завода и находившихся при нем строений при условии продажи на снос была определена в 4762 руб. 70 коп., а при условии оставления на месте – в 6530 руб. 70 коп. Для сравнения, в 1897 г. Мариинский завод был оценен в 31 988 руб., а в 1900 г. – в 16 930 руб. [1. Л. 8, 14, 41]. Таким образом, как здания, так и машины со временем теряли свою ценность вследствие недостатка тщательного ремонта. Кроме того, значительное понижение стоимости завода было сделано оценщиками ввиду его недостаточно выгодного местоположения. Завод был отдален от мест рубки леса на 20-40 верст. Экспертами отмечалось и неудобное положение завода для сплава выработанных здесь лесоматериалов. Неудобство заключалось в том, что приходилось спешить с погрузкой товаров, чтобы сплавить их до обмеления реки Волжки, на которой был расположен завод, и, в особенности, до обмеления места ее выхода в Волгу. Малейшее промедление в этом вызывало необходимость предварительного сплава лесоматериалов к устью реки Большой Кокшаги, где производилась дополнительная грузка белян. Сплаваемые таким путем лесоматериалы теряли свой товарный вид и понижались в цене. С.В. Дьяков находил нужным во избежание искусственного понижения цен на первых торгах определить стартовую цену при условии продажи Мариинского завода на снос – в 10 000 руб., а при условии оставления на месте – в 15 000 руб. [1. Л. 41-42].

Публичная продажа завода была назначена на 22 января 1902 г. В объявлении к торгам отмечалось, что продажа будет производиться одной торговой единицей на следующих условиях: покупатель не имел права переносить действие Мариинского завода в другое место; находившаяся под заводом земля площадью 2 дес. 1750 кв. саж. отдавалась покупателю без торгов в 48-летнее арендное содержание с уплатой в казну оброка в размере не более 120 руб. в год; по окончании 48-летнего срока покупатель должен был убрать завод из лесной дачи, если на продолжение его действий не последовало со-

гласия со стороны Министерства земледелия и государственных имуществ. Торги были начаты в 12 часов дня со стартовой цены в 15 000 руб., но продажа завода 22 января не состоялась [1. Л. 58-59, 63].

Повторные торги на продажу Мариинского лесопильного завода были назначены Чебоксарским уездным полицейским управлением на 19 февраля и 4 марта 1902 г. Стартовая цена торгов была назначена в 6530 руб. 70 коп., но желавших приобрести завод за такую сумму не оказалось. В торгах 4 марта приняли участие казанский мещанин Г. Зискин, лаишевский купец А. Поздняков, доверенный мариинско-посадского купца С. Забродина А. Забродин, лаишевский купец Г. Рукавишников, чебоксарский мещанин, проживавший в д. Козловке Чебоксарского уезда, К. Забродин, мещанин Мариинского Посада И. Соснин. Наивысшая цена была предложена А. Забродиным и составляла 2206 руб. Ввиду того, что эта сумма была несоразмерно ниже реальной стоимости завода, присутствовавший на торгах С.В. Дьяков принял решение оставить завод за казной [1. Л. 62, 65, 66-67, 80]. 13 апреля 1902 г. завод был вновь принят в заведывание С.В. Дьяковым [1. Л. 70об.].

Оставленный на торгах за казной завод перед обращением его в продажу планировалось отдать в арендное содержание сроком от 6 до 12 лет на льготных для арендаторов условиях: при необременительных для них залогах с назначением на первые годы невысокой арендной платы, постепенно повышаемой к концу договорного срока, с возложением на лиц, заарендовавших завод, обязанности страховать его на сумму, не превышающую действительной стоимости завода. Такое предложение было разослано лесопромышленникам, закупавшим лес в Мариинско-Посадском лесничестве, но желающих взять завод в аренду не оказалось [1. Л. 73-73об., 79]. В этой связи казной было принято решение начать продажу Мариинского лесопильного завода с торгов по частям отдельными торговыми единицами. 17 июня 1902 г. была произведена новая оценка завода, по которой стоимость его составила уже 2763 руб. 20 коп. [1. Л. 83].

Согласно ведомости о результатах торгов, состоявшихся в Посадско-Сотниковском волостном правлении 22, 26 и 31 августа 1902 г., мещанин Мариинского Посада Никифор Дубов приобрел 24 жестяные и стеклянные подержанные лампы разной величины и 48 стекол к ним за 2 руб. 35 коп., 1 железные тиски весом 2 пуда 10 фунтов за 10 руб. 17 коп. и 1 такие же тиски весом 3 пуда за 14 руб., 7 цепей из толстых железных колец с крючьями для перевозки бревен каждая длиной 5 аршин за 7 руб. 36 коп., 5 старых железных комнатных печей на ножках и к ним 30 труб длиной от 1 до 2 аршин за 3 руб. 12 коп., 3 фунта канифоли в деревянном ящике за 20 коп., 1 пуд масла в деревянной бочке за 75 коп., старые троечные сани на железных полозьях за 3 руб. 40 коп. Крестьянин города Цивильска Алексей Муштаков купил на этих торгах деревянный бак из соснового дерева с 3 железными обручами за 5 руб. 15 коп., цепь из железных прутьев для котловой трубы за 1 руб. 60 коп., 7 столов и 10 стульев из елового леса за 3 руб. Также в торгах принимали участие мещанин Мариинского Посада Иван Катков, заторговавший кузнечный голландский мех за 6 руб. 72 коп., 74 штуки железно-слесарного инструмента за 10 руб. 10 коп., 30 пудов старого железа (обломков, гаек, пластинок, печных принадлежностей) за 16 руб. 04 коп., 2 старых резиновых привода за 1 руб. 16 коп.; поселянин Самарской губернии Яков Пиннер приобрел кузнечный инструмент в количестве 110 штук за 15 руб. 35 коп., запасные части для разных машин в количестве 347 штук массой 4 пуда 30 фунтов за 6 руб. 10 коп.; мещанин Мариинского Посада Петр Краснов – 3 молотка с деревянными рукоят-

ками за 1 руб. 32 коп., 10 ламповых фонарей разной величины за 1 руб. 80 коп.; мещанин Мариинского Посада Андрей Шарабрин – железную наковальню весом 4 $\frac{1}{2}$ пуда за 15 руб. 68 коп.; мещанин Мариинского Посада Николай Генералов – 3 медных колокола за 2 руб. 10 коп., 45 железных слесарных напильников по металлу – за 5 руб. 72 коп., каменное точило на деревянной стойке за 6 руб. 80 коп.; крестьянин д. Кокшамар Николай Матюков – 13 бочек с железными обручами емкостью от 5 до 10 пудов за 6 руб. 55 коп., конторские счета за 1 руб.; мещанин Мариинского Посада Иван Лифинцев – 4 лопаты, 2 мотыги, 2 багра и 5 пил за 3 руб.; мещанин Мариинского Посада Сергей Коротков – переносную ручную пожарную машину с приемным и выкидным рукавом за 120 руб. 50 коп.; мещанин Троицкого Посада Петр Корытников – находившуюся в разобранном виде приводную чугунную раму с 2 тележками, 24 саженьями рельс и другими принадлежностями за 1312 руб., чугунный пилоточно-наждачный станок с подвижной кареткой за 26 руб.; купеческий сын Абрам Авербух – трубчатый железный котел в разобранном виде с комплектом труб за 301 руб. 50 коп., находившуюся в разобранном виде паровую горизонтальную машину завода «Н.Э. Бромлей в Москве» мощностью 20 сил с принадлежностями за 769 руб., паровую горизонтальную машину в разобранном виде мощностью 3 $\frac{1}{2}$ сил с принадлежностями за 140 руб., чугунную плиту для проверки машинных частей за 15 руб. 50 коп., 2 винторезные доски с 20 стальными плашками и 19 метчиков за 22 руб., 32 железных гаечных ключа за 12 руб.; мещанин города Цивильска Николай Скородумов – чугунную динамомашину «Сименс» с проводами, лампочкам, коммутаторами за 280 руб. 50 коп. Всего участниками торгов 22, 26 и 31 августа 1902 г. было приобретено различных предметов на 3149 руб. 54 коп. Сразу после торгов ими был оставлен 10% залог в размере 315 руб. 08 коп. [1. Л. 93-94об.]. Оставшиеся деньги покупатели должны были внести в 7-дневный и принять заторгованное имущество в месячный срок со дня получения повестки, в которой говорилось об утверждении Казанским управлением государственных имуществ совершенной покупки [1. Л. 99-99об.]. Покупатели И. Катков и П. Корытников не внесли в установленный срок требующегося платежа в пользу казны и заторгованные ими 6 единиц были назначены к продаже с новых торгов, а 10% залог от стоимости приобретенного Катковым и Корытниковым имущества был удержан казной [1. Л. 119-119об.].

На торгах, состоявшихся в Мариинском Посаде 11 марта 1903 г., приняли участие 2 лица. Приобретенный ранее И. Катковым кузнечный голландский мех заторговал мещанин Мариинского Посада Никифор Дубов за 3 руб. 50 коп., а 2 резиновых привода – крестьянин города Цивильска Алексей Муштаков за 1 руб. 27 коп. [1. Л. 138, 140об.]. Таким образом, непроданными оставались приобретенная П. Корытниковым за 1312 руб. приводная чугунная рама с принадлежностями и купленный им за 26 руб. пилоточно-наждачный станок, а также заторгованные И. Катковым на общую сумму 26 руб. 14 коп. железно-слесарный инструмент и старое железо. Торги для продажи этих 4 единиц состоялись 15 марта, 12, 16 мая 1903 г., 12 июля, 18, 22 сентября 1904 г., но желающих торговаться не явилось [1. Л. 139, 141об., 190-192, 196-198]. В итоге 23 декабря 1904 г. была произведена переоценка имущества, в результате которой стоимость чугунной рамы была определена в 550 руб., наждачного станка – в 8 руб., слесарных инструментов – в 3 руб. и старого железа – в 3 руб. [1. Л. 224-224об.]. В торгах, состоявшихся 20 февраля 1905 г. в Посадско-Сотниковском волостном правлении, приняли участие 2 лица. В результате 3 последние из вышеперечисленных единиц были заторгованы А. Авербухом за

24 руб. [1. Л. 226]. 5 апреля 1905 г. было подписано условие между С.В. Дьяковым и А. Авербухом на продажу хозяйственным способом находившейся в разобранном состоянии чугунной лесопильной рамы с принадлежностями. Стоимость покупки составила 836 руб. [1. Л. 237-237об.]. С учетом вышеприведенных данных можно сказать, что от продажи имущества, состоявшего при Мариинском лесопильном заводе, казне удалось выручить 2642 руб. 29 коп. [1. Л. 258].

Согласно распоряжению Управления земледелия и государственных имуществ от 10 января 1905 г. находившиеся при заводе лесопильный сарай из елового и соснового дерева, здание машинного отделения с кирпичным полом, помещение для пилоточки, котельное помещение с кирпичным полом и деревянным потолком, мастерская, колодец, одноэтажный жилой дом с 6 комнатами были предназначены для устройства сеяносушилки. Двухэтажный дом для заводских служащих, лесные материалы (старые доски) от бывшей караулки, амбар из елового и соснового полубревенника, помещение для кузницы и слесарной, угольник из горбылей елового и соснового дерева, конюшня и баня по распоряжению Управления земледелия и государственных имуществ от 7 августа 1902 г. были заняты лесной стражей Мариинско-Посадского лесничества [1. Л. 250об.-253]. Стоимость этих строений оценивалась в 768 руб. [1. Л. 258]. Таким образом, с учетом средств, поступивших от продажи имущества с торгов, и стоимости строений, занятых под сеяносушилку и размещение лесной стражи, казне удалось выручить от поступившего в ее распоряжение Мариинского лесопильного завода 3410 руб. 29 коп. Эта сумма составляла только малую долю от общей величины долгов, числившихся за А.И. Шишочкиным, которые в полной мере козымодемьянскому купцу возместить казне так и не удалось.

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 189. Оп. 1. Д. 1222. 262 л.
2. ГИА ЧР. Ф. 565. Оп. 1. Д. 60. 154 л.
3. Козымодемьянск в конце XVI – начале XX вв. / сост., предисл. и ком. А.Г. Иванова. Йошкар-Ола: МарГУ, 2008. 616 с.
4. Муравьев А.В. Крах купца Шишочкина // Ведомости Козьмы и Дамиана. 2009. 24 дек. С. 10.
5. Филонов А.А. Лесопромышленная деятельность козымодемьянского купца А.И. Шишочкина (из материалов личного фонда) // Марийский археографический вестник. 2011. Вып. 21. С. 141-153.

ИВАНОВ АНАНИЙ ГЕРАСИМОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (anani@marsu.ru).

IVANOV ANANY GERASIMOVICH – doctor of historical sciences, professor, head of Russian History Chair, Mari State University, Yoshkar-Ola.

АЙПЛАТОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (anani@marsu.ru).

AYPLATOV GENNADY NIKOLAEVICH – doctor of historical sciences, professor of Russian History Chair, Mari State University, Yoshkar-Ola.

ФИЛОНОВ АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ – аспирант кафедры Отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (fil88meat@rambler.ru).

FILONOV ALEKSANDR ANATOLYEVICH – post-graduate student of Russian History Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 94(470.344)«20/21»

И.Е. ИЛЫН

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ**

Ключевые слова: *российское село, социальные процессы, аграрная реформа, крестьянство, социальная структура, безработица, социальная политика.*

Проанализированы аграрные преобразования российского села на примере Чувашской Республики. Рассмотрены социальные результаты либеральных преобразований в сельском хозяйстве региона: материально-техническая база, человеческий потенциал сельского социума, некоторые аспекты социальной структуры, социальные ожидания крестьянства.

I.E. ILYIN

AGRICULTURE AND PEASANTRY CHUVASHIA REPUBLIC AT THE TURN XX-XXI THE CENTURIES

Key words: *russian countryside, social processes, agrarian reform, social structure, unemployment, social policy, peasantry.*

The article deals with the problems of agrarian reforming in Russian rural economy based on statistic data and sociological approach, the Chuvash Republic being taken as a model. The analysis reveals social results of the liberal modernisation of regional agriculture: material and technical basis, human potential of rural socium, some aspects of social structure, social hopes of the peasantry.

Актуальность темы исследования определяется значимостью агропромышленного комплекса для благополучия общества, продовольственной и национальной безопасности. Современная российская деревня не только производит продукцию, но и является источником сохранения национальной культуры, поддержания здоровья человека, обеспечивает будущее страны.

Эмпирическую базу статьи составили статистические материалы российского и регионального уровня, комплексные социологические исследования, архивные данные и периодическая печать.

На рубеже XX-XXI вв. в сельском хозяйстве произошли радикальные изменения, объективная оценка которых позволяет разделить их на несколько групп. Во-первых, это позитивные изменения, связанные с преодолением полного огосударствления аграрной экономики, появление многоукладности в сельском хозяйстве, принятие Земельного кодекса, денационализация большей части земельных угодий и расширение землевладений. Во-вторых, это изменения дестабилизирующего характера: не повышается уровень жизни сельского населения, уменьшается доля экономически активных и профессионально подготовленных специалистов, занятых в аграрно-промышленном производстве; тормозится развитие цивилизованной кооперации; снижается социальный статус крестьянства.

Историография современной аграрной реформы, являющейся составной частью аграрной политики и важнейшей функцией государства, насчитывает сотни трудов представителей гуманитарной общественной мысли: историков, социологов, экономистов. Однако консолидирующей, аккумулирующей наукой является история, огромный вклад в которую внесли труды В.П. Данилова, раскрывающие динамику развития аграрных отношений в России в длительной исторической ретроспективе [1]. Многолетние крестьяноведческие социально-экономические исследования получили отражение в ученых записках «Крестьяноведение: Теория. История. Современность». Авторы этих ученых записок – представители различных научных дисциплин, школ и направлений, но все они были объединены семинаром Центра крестьяноведения и аграрных реформ, который работал с 1995 по 2010 г. на базе Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН) под руководством В.П. Данилова, Т. Шанина и А.М. Никулина. В конце 2010 г. на базе Центра крестьяноведения МВШСЭН был создан Центр

аграрных исследований РАНХиГС при Президенте РФ. В этом событии ученые видят признание важности аграрных наук, стремление к их поддержке и развитию со стороны крупнейшего государственного исследовательского и образовательного учреждения России. Центр аграрных исследований, сохраняя традиции Центра крестьяноведения, является междисциплинарной исследовательской организацией, стремящейся в синтезе исследовательских усилий различных научных дисциплин – экономики, социологии, истории, географии, антропологии, культурологии – проводить комплексные аграрные исследования для решения фундаментальных и прикладных задач аграрной науки и изучения российских и международных вопросов сельской жизни [2, 3, 7].

В Чувашской Республике производственный потенциал аграрного сектора понес серьезные потери. Особую тревогу вызывает запущенность основного средства производства в сельском хозяйстве – земли. В 2011 г. по сравнению с 1990 г. посевные площади уменьшились с 799,8 до 571,9 тыс. га. За 1990-2009 гг. в Чувашской Республике посевные площади сельскохозяйственных предприятий сократились с 754,5 до 396,6 тыс. га (на 357,9 тыс.), а в хозяйствах населения увеличились в 3 раза (с 45,3 до 137,2 тыс. га). За этот период поголовье коров в хозяйствах всех категорий уменьшилось с 202,0 до 118,9 тыс., свиней – с 507,8 до 225,8 тыс., овец и коз – с 401,0 до 175,8 тыс. голов. В то же время в хозяйствах населения эти потери были незначительны, а поголовье свиней увеличилось с 51,3 до 79,0 тыс. [8. С. 33; 11. С. 68-69].

По материалам Всероссийской переписи 2002 г., личные подсобные хозяйства как источник средств к существованию назвали 30,2% проживающих в Чувашской Республике. Это в 2,5 раза больше российского показателя. В 2010 г. данный пункт выделили 23,9% жителей республики [9].

Тяжелые финансово-экономические условия хозяйствования привели к ухудшению соотношения заработной платы в сельском хозяйстве и в других отраслях экономики. Сельскохозяйственный труд полностью обесценился. В 1990 г. среднемесячная заработная плата работников сельского хозяйства составляла 83,1%, в 1995 г. – 50,4%, в 2000 г. – 35,1%, в 2008 г. – 52,1%, а в 2010 г. – 57,3% от среднего уровня оплаты труда в Чувашской Республике [10. С. 155-156].

В результате реорганизации коллективных хозяйств был сделан первый шаг на пути создания многоукладной аграрной экономики на базе равноправия всех форм собственности и форм хозяйствования на земле. Однако ощутимых положительных результатов в повышении эффективности сельскохозяйственного производства и увеличении его объемов эта реорганизация не принесла. Объемы производства и доля коллективных сельскохозяйственных предприятий в производстве продукции после их реорганизации неуклонно падают. Фермерские хозяйства не дали ощутимых результатов, в ближайшей перспективе они вряд ли смогут кардинально изменить ситуацию в сфере производства сельскохозяйственной продукции.

Материалы социологических исследований автора показали, что в 2000 г. 52,5%, в 2009 г. 37,7% опрошенных крестьян Чувашии ответили, что реорганизация колхозов и совхозов в 1990-х гг. отрицательно повлияла на экономическое положение сельскохозяйственных предприятий [4. С. 5].

В Чувашии среди форм организации сельскохозяйственного производства наиболее эффективными были названы колхоз (29,5% – в 2000 г. и 18,0% – в 2009 г.), агропромышленный комбинат, агрофирма (16,1% – в 2000 г. и 13,8% – в 2009 г.), а 33,9% в 2000 г. и 46,1% респондентов в 2009 г. согласны с существованием различных форм хозяйствования.

Чувашская Республика – это регион, в котором парадоксальным образом рельефно проявляются две особенности: с одной стороны, достаточно низкий уровень социально-экономического развития и невысокий уровень жизни на-

селения, по которому республика занимала в советский период и до сих пор занимает одно из последних мест в России. В 2007 г. Чувашия занимала 75-е место по величине среднедушевых ежемесячных денежных доходов, 67-е место по величине среднемесячной номинальной заработной платы, 58-е место по величине валового регионального продукта на душу населения [6. С. 34-35].

С другой стороны, высоки социальные показатели, которые ставят республику в один ряд с регионами с относительно высоким качеством жизни (42-е место в 2006 г.) и индексом развития человеческого потенциала (33-е место в 2006 г.). Республика лидирует не только в Приволжском федеральном округе, но и в России в целом по объему ввода жилья на человека (4-е место), строительству дорог, сельской газификации [5. С. 492-493].

Социальным итогом преобразований в аграрном секторе явились резкое обнищание сельского населения, деградация социальной сферы села, обусловленная в значительной степени передачей социальной сферы с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местной администрации.

Исследования свидетельствуют о наличии в сельском социуме Чувашии большого количества людей, которые не надеются на улучшение своей жизни. В 2009 г. всего 8,3% и в 2010 г. 9,2% опрошенных селян надеялись на улучшение жизни в ближайшие 5 лет, что не позволяет делать оптимистические выводы.

В 2009 г. на вопрос: «С каким настроением Вы смотрите в будущее?» 31,7% всех опрошенных сказали, что с надеждой и оптимизмом. Однако 28,2% респондентов обеспокоены своим будущим.

Итак, треть респондентов озабочена будущим, многие не надеются на улучшение жизненной ситуации в условиях мирового финансового кризиса, растет численность неудовлетворенных курсом реформ. В 2009 г. 43,1% и в 2010 г. 46,2% опрошенных селян Чувашии готовы были принять участие в акциях протеста против снижения уровня и качества жизни, прав и свобод человека.

Происходящие трансформационные процессы в стране затронули и ее сельские провинции (регионы). Сегодня социальные реалии таковы: сельский социум разделен на отдельные группы, которые исследователи называют по-разному: бедные и богатые, проигравшие и выигравшие, выживающие и преуспевающие и т.д.

В этих условиях эффективно должна действовать региональная социальная политика как фактор стабилизации сельского социума. Большинство ученых рассматривают социальную политику как деятельность государственных, общественных структур, трудовых коллективов, в целом властных структур по повышению материального благосостояния, улучшению условий, образа, уровня и качества жизни населения. А в конечном счете сутью социальной политики в стране, ее регионах является достижение социальной стабильности.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о неудовлетворенности селян Чувашии практически по всему спектру потребностей. В 2009 г. по важнейшим параметрам доля неудовлетворенных составляла: материальным положением – 62,8%, количеством свободного времени – 32,4%, способами проведения свободного времени – 34,4%, работа не удовлетворяет 23,1%, жизнью в целом недовольны 20,0% респондентов.

У значительной части сельского населения вызывают тревогу изменения во внутренней жизни сельского сообщества, свидетельствующие, что реформы в социальной сфере в определенной степени пробуксовывают. Вновь возвратились в села так называемые «социальные», т.е. имеющие первопричину в ухудшении материальных и духовных условий жизни, болезни – туберкулез, венерические болезни. К ним добавились наркомания, психические расстройства, отравления алкогольными суррогатами, самоубийства и т.п.

В 2002 г. 64,5%, в 2009 г. 65,6%, а в 2010 г. 65,7% опрошенных нами сельских жителей Чувашии среди наиболее социально опасных явлений вы-

делили злоупотребление алкоголем, а, соответственно, 26,4%, 30,4% и 25,6% – злоупотребление наркотиками.

Проанализировав аграрные преобразования, автор разделяет мнение В.П. Данилова о происхождении и характеристике трудностей в постсоветской аграрной реформе. «Опыт истории – опыт вполне практический – показывает со всей убедительностью, что попытки форсированного проведения сверху аграрной реформы приведут с неизбежностью к результатам, сопоставимым с результатами "сплошной коллективизации". Аграрная реформа призвана обеспечить не возвращение к мелкому крестьянскому хозяйству (натурально-потребительскому по своей сущности), а движение вперед к современным формам крупного производства, способным к динамичному развитию и приспособлению к постоянно меняющимся производственно-техническим и рыночным условиям конца XX – начала XXI века» [1. С. 679].

Современная аграрная реформа имеет позитивные результаты, которые нужно учитывать в дальнейших отношениях с селом. В сельском сообществе происходит укрепление социальной базы аграрных преобразований, т.е. тех социальных групп населения, которые поддерживают реформу и активно в ней участвуют. Личные подсобные хозяйства стали заметным сектором аграрной экономики, но не как результат реформирования, а как следствие реализации человеческого потенциала села, которые заняли свое место среди хозяйственных укладов. Именно здесь и в фермерских хозяйствах формируются новая рыночная культура труда, способность к риску, социальная ответственность, появляющиеся навыки предпринимчивости, уверенности в своих силах.

Фундаментом формирования мировоззренческих ориентиров сельского населения является стабильное социально-экономическое, политическое развитие страны, регионов, которое в значительной степени предопределяет повседневную жизнь селян. Исторический опыт показывает, что крестьяне лишь тогда поддерживают те или иные преобразования сельского бытия, результаты которых реально способствуют улучшению их жизненного уровня и социального самочувствия.

Литература

1. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке: избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011. Ч. 2. 831 с.
2. Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2005. Вып. 5 / Т. Шанин, А.М. Никулин, В.П. Данилов и др.; под ред. Т. Шанина, А. Никулина. М.: МВШСЭН, 2006. 432 с.
3. Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6 / Т. Шанин, А.М. Никулин и др.; под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, И.В. Троцук. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. 416 с.
4. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. X. Ед.хр. 3168.
5. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Н.И. Лапин, Л.А. Беляева, И.И. Бойко и др. М.: Academia, 2009. 808 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008 / Росстат. М., 2008. 999 с.
7. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева и др.; под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002. 592 с.
8. Сельское хозяйство Чувашской Республики, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. 103 с.
9. Советская Чувашия. 2012. 12 янв.
10. Труд в Чувашской Республике, 2011 / Чувашстат. Чебоксары, 2011. 173 с.
11. Чувашия – цифры и факты, 2008 / Чувашстат. Чебоксары, 2008. 96 с.

ИЛЬИН ИВАН ЕГОРОВИЧ – кандидат философских наук, докторант кафедры отечественной и региональной истории, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (ivani52@yandex.ru).

ILYIN IVAN EGOROVICH – candidate of philosophical sciences, associate professor of Russian and Regional History Chair, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary.

УДК 94(470.344) «20/21»

И.Е. ИЛЫН

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКОГО СЕЛА НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: *российское село, социальные процессы, человеческий капитал, социальная структура, безработица, крестьянство, здоровье, образование, социальная политика.*

На архивных материалах, данных статистики и социологических исследований анализируется человеческий капитал российского села на примере Чувашской Республики. Рассмотрены некоторые аспекты социальной структуры (демографическая, профессионально-квалификационная, этническая) сельского населения региона, изучена проблема подготовки специалистов сельского хозяйства, кадров массовых профессий, их трудоустройство в сельской местности.

I.E. ILYIN

HUMAN CAPITAL OF RUSSIAN VILLAGE AT THE TURN XX-XXI THE CENTURIES: MODERN SITUATION, PROBLEMS, PERSPECTIVES

Key words: *russian village, social processes, human capital, social structure, unemployment, peasantry, health, education, social policy.*

Using statistic data and archive materials the author analyses human capital of a Russian village by the example of the Chuvash Republic. Social structure (demographic, professional and qualificalational, ethnic) of rural population is considered in the article. The problems of training of specialists for agriculture, personnel for mass professions, their employment in rural area are also studied.

Рыночная трансформация аграрных отношений в новой России, регионах продолжается более двадцати лет. Аграрная реформа и ее социальные последствия затронули все стороны жизнедеятельности сельского социума: отношения собственности, сферу труда, материальной и духовно-нравственной жизни, культуру, социальную структуру и образ жизни, продовольственную и национальную безопасность. Разрешена купля-продажа земли, расширяется социальная база аграрных преобразований в лице фермеров, сельских предпринимателей, формируется облик хозяина земли нового столетия. Наряду с этим произошел спад сельскохозяйственного производства, ухудшилась демографическая ситуация в сельской местности (падает рождаемость, увеличивается удельный вес людей пенсионного возраста, снижается численность трудоспособного населения и т.д.). Ключевыми проблемами являются трудоустройство сельских жителей, сокращение числа безработных, обеспеченность сельскохозяйственных предприятий специалистами, кадрами массовых профессий: механизаторами, водителями, животноводами, доярками и т.д. Происходят негативные процессы в человеческом капитале современного села: ухудшается здоровье, не увеличивается продолжительность жизни, не повышается материальное благосостояние большинства сельского населения, трудоспособная и наиболее активная часть уезжает на заработки в города, северные регионы страны.

Чувашская Республика имеет некоторые демографические, этносоциальные особенности: здесь сельское население в отличие от других регионов имеет большую долю, по переписи 2010 г. численность сельского населения составляла 41,2% от общей численности (1251,6 тыс. человек). Большинство населения республики – чуваша 65,1% (814,8 тыс. человек), а структуре сельского населения – их более 85%. В республике высока плотность населения – 68,4 человека на квадратный километр, а также уровень поселенческой концентрации: 63% сельчан проживают в 1161 населенном пункте с числом жителей от 101 до 1000 человек [11].

Постоянное сокращение численности сельских жителей является характерной чертой развития России в XX в. В ряде российских регионов за 100 лет

их убыль составляла примерно 2/3 от исходного уровня. В 1990-е гг. развитие демографических процессов в сельской местности имело свою специфику. Данное своеобразие определялось глубокими отличиями в возрастном составе сельского населения, накопившимися за долгие годы миграционного «вымывания» молодежи из села. Основным итогом развития демографических процессов в российской деревне 1990-х гг. стало дальнейшее углубление депопуляции, которая приобрела устойчивый и длительный характер, превратившись в общенациональное бедствие [2].

Вопросам производительных сил, человеческому капиталу села уделяется большое внимание в работе симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [4], в деятельности Института российской истории РАН. Так, Н.Н. Авдеева подчеркивает, что сложная, нестабильная социально-экономическая ситуация в России, снижение уровня жизни, увеличение числа семей, находящихся на грани или за чертой бедности, ослабление инфраструктуры здравоохранения, образования и культуры ухудшают возможности семьи и государства по жизнеобеспечению, ставят под угрозу будущее человеческого потенциала России [1].

Проанализировав социально-экономическое развитие нечерноземной деревни, Т.Г. Нефедова выделяет национально-региональные особенности в пространственной организации сельской местности. «Национальные различия наиболее ярко проявляются в разнообразии *индивидуальных* сельских хозяйств, их специализации и товарности, но влияют и на агропредприятия. Периферийные нечерноземные районы, в которых преобладает русское население с его сильной депопуляцией и длительным негативным отбором, явно контрастируют с демографически более полноценными сельскими сообществами таких же окраинных чувашских, татарских, башкирских сел. Архаичные «островные» этнические сообщества в современных кризисных условиях оказались более устойчивыми и зачастую даже более гибкими» [7. С. 61].

При формировании современной агропродовольственной политики Российской Федерации, подчеркивает Е.Б. Скрынник, необходимо учитывать экономические, природно-географические, социально-демографические и другие условия регионов. В этом аспекте в региональной агропродовольственной политике основной стратегической целью должны стать увеличение человеческого капитала через улучшение демографической обстановки в сельской местности, поддержка молодых семей, развитие кадрового потенциала в отрасли [10].

Реорганизация колхозов и совхозов, создание на их основе новых организационных форм сельскохозяйственного производства нанесли урон кадрам руководителей, практически являющимся решающей силой подъема сельского хозяйства. Неудача аграрной реформы объясняется большой нехваткой руководителей, способных организовать дело по-новому, в соответствии с изменившимися условиями и поставленными задачами. Неправильно считать, что таких людей не было: среди прежних руководителей колхозов и совхозов имелось немало опытных, компетентных, преданных селу талантливых организаторов, управленцев, хозяйственников.

В 2009 г. мы задали сельским жителям Чувашии вопрос о том, что в советское время много говорилось о чувстве хозяина, т.е. беспокойном, заботливом земледельце. Существовал ли такой тип или это был идеологический прием, чтобы мобилизовать на «борьбу» за урожай? 32,1% опрошенных ответили, что существовал, а 23,6% были уверены в существовании таких людей, как «хозяина земли», и сегодня.

Параллельно с уменьшением количества сельскохозяйственных организаций, спадом объемов производства шло сокращение работников, занятых в этом секторе. За 1997-2011 гг. в Чувашской Республике численность руководящих ра-

ботников и специалистов сократилась с 10 507 до 3907; в 3 раза произошло сокращение главных специалистов (с 2457 до 860) и руководителей среднего звена (с 2285 до 978). Происходит постоянное сокращение рабочих кадров (за 2005-2011 гг. – с 32 143 до 11 676 (на 20 467 человек). В 2009 г., объявленном Годом земледельца в Чувашской Республике, 1057 специалистов (7,5%) были в возрасте до 30 лет, а 897 человек (6,4%) являлись пенсионерами. В 2009 г. среди 427 работающих руководителей хозяйств 96 человек (22,5%) имели стаж работы в должности руководителя от 5 до 10 лет, а 65 человек (15,2%) – более 10 лет. Компетентные высококвалифицированные руководители не растерялись в сложные годы перехода на рыночную экономику, сохранили динамику производства, обеспечили занятость работников вверенных предприятий, своевременную оплату труда [12].

Прослеживается тенденция сокращения доли молодых специалистов, молодежь больше ориентируется на городской образ жизни, выбирает более высокооплачиваемые сферы экономики. В 2007 г. большинство выпускников Чувашской государственной сельскохозяйственной академии трудоустроились в Чебоксарах: 2/3 выпускников смогли устроиться работать по специальности, 31% опрошенных – не по профилю полученной в вузе специальности. При поступлении на учебу 60,7% опрошенных молодых специалистов имели самое общее представление о своей будущей профессии. На выбор будущей профессии оказывают влияние родители, школа, однако 59% респондентов сделали это самостоятельно [6. С. 31].

По приоритетному национальному проекту «Развитие АПК» молодым специалистам предоставляется жилье, но желающих ехать на работу в село мало. В 2011 г. в сельскохозяйственные организации республики из 489 выпускников очной формы обучения трудоустроились лишь 32 молодых специалиста с высшим образованием.

Вопросы обучения, трудоустройства агрономов, зоотехников, инженеров всегда находились в центре внимания руководителей сельскохозяйственных учебных заведений. В 1986 г. в отчете Чувашского сельскохозяйственного института о выполнении подготовки специалистов указано, что численность так называемых «невозвращенцев» в родные колхозы и совхозы увеличивается [9].

В начале 1990-х гг. центральное место в аграрных преобразованиях занимали вопросы подготовки квалифицированных кадров для агропромышленного комплекса Чувашской Республики. Совершенствование системы подготовки специалистов, кадров массовых профессий, их трудоустройство – все это имело актуальное значение в работе органов власти региона [3].

Резервы развития человеческого капитала за счет повышения уровня образования и образованности в большинстве регионов исчерпаны. Этой ситуации способствует снижение численности детей школьного возраста в сельской местности Чувашской Республики, где за 1990-2010 гг. число дневных общеобразовательных школ сократилось с 572 до 387, а численность учащихся – с 92,8 тыс. до 56,4 тыс. [13. С. 41].

Достаточно тревожная ситуация складывается в сфере здравоохранения на селе: слабая обеспеченность врачами и средними медицинскими работниками, продолжительность жизни сельского населения ниже городского, а средний возраст селян выше горожан. Состояние здоровья сельского населения значительно хуже, чем городского. Это касается и взрослых, и детей. Среди сельских жителей отмечается высокий уровень заболеваемости туберкулезом, кишечными инфекциями, заболеваниями, передающимися половым путем, психическими и наркологическими расстройствами [5, 8].

Сегодня необходим комплексный подход при решении социально-экономических проблем современного села. Без создания соответствующих XXI веку рабочих мест, повышения уровня и качества жизни селян вне зависимости от того, в какой сфере народного хозяйства они заняты, кадровых проблем не

решить. И здесь востребованы временем согласованные действия власти, бизнеса, науки в отношении человеческого капитала, в определении приоритетов в образовании, здравоохранении, подготовке и закреплении квалифицированных кадров в сельской местности.

Литература

1. Авдеева Н.Н. Социально-экологические проблемы развития человеческого потенциала России // Историческая экология и историческая демография / под ред. Ю.А. Полякова. М.: РОССПЭН, 2003. С. 134-143.
2. Вербицкая О.М. Население российской деревни в демографическом кризисе 1990-х годов // Российская история. 2009. № 4. С. 114-131.
3. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 203. Оп. 24. Д. 4358.
4. Козлов С.А., Швейковская Е.Н. Проблемы социально-экономической истории в работе симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958-2003) // Отечественная история. 2003. № 6. С. 158-173.
5. Личность и здоровье в эпоху новых ценностей // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2008. № 4. 339 с.
6. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. 10. Ед.хр. 1948.
7. Нефедова Т.Г. Географические вариации сельского хозяйства и их возможные изменения // Отечественные записки. 2004. № 1.
8. Реализация приоритетного национального проекта «Здоровье» в Чувашской Республике / Чувашстат. Чебоксары, 2008. 168 с.
9. Российский государственный архив экономики. Ф. 650. Оп. 1. Л. 38.
10. Скрынник Е.Б. Формирование современной агропродовольственной политики Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. экон. наук. М., 2010.
11. Советская Чувашия. 2012. 12 янв.
12. Текущий архив Министерства сельского хозяйства Чувашской Республики.
13. Чувашия: 1920-2010. Цифры и факты / Чувашстат. Чебоксары, 2010.

ИЛЬИН ИВАН ЕГОРОВИЧ. См. с. 35.

УДК 94(470.344)+378

В.И. КАПРАНОВ

«ОФИЦЕРОВ НУЖНО ГОТОВИТЬ В ВУЗАХ...»: к 50-летию начала подготовки офицеров запаса в Чувашии

Ключевые слова: офицеры запаса, гражданские высшие учебные заведения, военная подготовка студентов, Волжский филиал Московского энергетического института, военная кафедра.

Рассмотрен генезис системы подготовки офицеров запаса в Чувашской Республике. Центральное место отведено деятельности военной кафедры Волжского филиала Московского энергетического института. Обоснованы выводы о причинах и следствиях начала военной подготовки студентов в гражданском высшем учебном заведении.

V.I. KAPRANOV

**«OFFICERS MUST BE PREPARED IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS ...»:
50th ANNIVERSARY OF TRAINING RESERVE OFFICERS BEGINNING IN THE CHUVASH REPUBLIC**

Key words: reserve officers, civilian higher educational institutions, military training of students, Volga Branch the Moscow Power Engineering Institute, military department.

This article describes the genesis of the reserve officers training system in the Chuvash Republic. The central place is given to the military department activities of the Volga branch, the Moscow Power Engineering Institute. The article justified conclusions about the causes and consequences of students military training in the civil higher educational institution.

«Офицеров запаса нужно готовить в вузах, иначе нельзя. И мы в этом заинтересованы, в этом заинтересованы все молодые люди, которые получают высшее образование» [4. Л. 78]. Профессор С.Ф. Сайкин – первый ректор Чувашского государственного университета – имел все основания это утверждать. Этим словам, прозвучавшим в 1971 г., предшествовал почти десяти-

летний опыт работы по подготовке офицеров запаса в вузе. Начало ей было положено кафедрой специальной подготовки и физического воспитания Волжского филиала Московского энергетического института, на базе которого в 1967 г. был создан национальный университет.

16 августа 1961 г. министр высшего и среднего специального образования РСФСР В.Н. Столетов подписал приказ № 484 «Об организации филиала Московского энергетического института в г. Чебоксарах», в котором содержалось следующее: «В целях развития высшего технического образования и приближения его непосредственно к промышленным районам приказываю: 1. Организовать в г. Чебоксарах с 1 августа 1961 г. филиал Московского энергетического института с заочной и вечерней формой обучения студентов» [1. Л. 7]. 8 сентября 1961 г. был издан приказ № 562 «Об организации работы в филиале Московского энергетического института в г. Чебоксарах». Документ предписывал: «1. Организовать в филиале Московского энергетического института в г. Чебоксарах следующие вечерние факультеты с общетехнической подготовкой:

1. Факультет электрификации промышленности со специальностями:

0503 – Электроснабжение промышленных предприятий и городов

0628 – Электропривод и автоматизация промышленных установок

2. Электротехнический факультет со специальностями:

0601 – Электрические машины и аппараты

0611 – Электронные аппараты

...

12. В соответствии с просьбой Чувашского совнархоза и Московского энергетического института именовать филиал Московского энергетического института в г. Чебоксарах – «Волжский филиал Московского института в г. Чебоксарах»» [1. Л. 8].

С 1 октября 1961 г. началось обучение студентов в Волжском филиале Московского энергетического института (ВФ МЭИ), а 7 октября, в праздничный День Конституции СССР, состоялось торжественное открытие нового вуза с участием руководителей Чувашской АССР.

В 1962 г. в филиале было открыто дневное отделение. В соответствии с приказом Министерства обороны СССР № 0201 от 8 августа 1962 г. в ВФ МЭИ была начата военная подготовка студентов дневной формы обучения на кафедре специальной подготовки и физического воспитания. Она осуществлялась по профилю ВУС-186: «Инженер по эксплуатации автоматического, электрического и приборного оборудования и летательных аппаратов» согласно программе подготовки офицеров запаса 1961 г.: занятия в вузе – 450 ч, занятия в войсковых частях на сборах – 160 ч.

Занятия по циклу военной подготовки первым стал проводить майор запаса Ф.С. Кравчук в августе 1962 г. С 1 января 1963 г. была введена должность начальника кафедры специальной подготовки и физического воспитания. Первым начальником кафедры стал инженер-подполковник Ю.С. Краснов, назначение которого состоялось 15 февраля 1963 г. В июле 1963 г. преподавателями кафедры были назначены инженер-подполковник А.В. Осипов, инженер-майор Ю.М. Меркулов, в августе этого же года – инженер-подполковник В.М. Космодамианский [2. Л. 1].

Учебно-методическая работа по подготовке офицеров запаса включала проведение занятий по дисциплине «Гражданская оборона», по специальным предметам (СП-1, СП-2, СП-3, СП-4). К примеру, курс СП-1 («Общевойсковая подготовка») состоял из следующих разделов: вводная лекция – 2 ч, строевая подготовка – 8 ч, уставы – 8 ч, огневая подготовка – 8 ч, военная подготовка – 8 ч, практическая подготовка – 16 ч, партийно-политическая работа в войсках – 10 ч [2. Л. 11].

Преподаватели разрабатывали лекционные курсы, планы проведения лабораторных работ, задания для самостоятельной работы студентов. На заседаниях кафедры заслушивались отчеты офицеров о ходе выполнения учебных планов и программ, о взаимных посещениях открытых и пробных занятий. Разрабатывались учебные пособия – планы-конспекты лекций, лабораторные практикумы, однако их не хватало. В связи с этим стали практиковаться классно-групповые занятия вместо самостоятельной работы студентов [2. Л. 5].

Параллельно преподаватели кафедры проводили большую работу по созданию нормальных условий для учебного процесса. Они участвовали в мероприятиях по созданию и оборудованию самолетной площадки, по обеспечению электроснабжения учебных лабораторий, по изготовлению наглядных пособий (плакатов, стендов, макетов); вели методические занятия с лаборантским составом кафедры; выезжали в гг. Москва, Йошкар-Ола, Шумерля за авиационным оборудованием или учебной мебелью. Особое внимание отводилось организации хранения учебного оружия, секретных рабочих тетрадей студентов.

Работа с обучаемыми по циклу военной подготовке предусматривала проведение индивидуальных консультаций по курсу, индивидуальных бесед по вопросам жизни Советской Армии, текущей политики, контроль дежурств студентов на кафедре, ведение личных дел военнообязанных студентов, посещение студенческих общежитий не реже одного раза в месяц, оказание помощи студентам в налаживании нормального быта.

Повышение квалификации преподавателей военного цикла проходило в форме командирской подготовки, в рамках которой офицеры:

- участвовали в окружных учебно-методических сборах в Москве и Куйбышеве; прослушивали лекции и выступали с докладами на сборах офицеров запаса МЭИ, организовывали учебно-методические сборы на кафедре специальной подготовки и физического воспитания ВФ МЭИ;

- проводили сборы офицеров запаса ВФ МЭИ, занятия с офицерами запаса инженерно-технического состава ВВС по Чебоксарскому горвоенкомату;

- знакомились с новинками военной, военно-технической и военно-исторической литературы;

- изучали устройство автопилотов АП-15, АП-5, АП-5-2М, материальную часть автомата Калашникова, пистолета Марголина, пистолета Макарова и наставления по стрелковому делу;

- изучали приказы Министерства обороны СССР, указания, регламентирующие работу цикла военной подготовки, методические записки преподавателей военной кафедры МЭИ об учебно-воспитательной работе с военнообязанными студентами, решения совета ВФ МЭИ;

- готовили доклады по различной тематике: военной («История развития ракетостроения», «История развития советской авиации», «Новое в авиационной технике», «Классификация аэродромов», «Устав Внутренней службы ВС СССР» и др.), общественно-политической («Коммунистическая партия – организатор, руководитель, воспитатель советских Вооруженных Сил». «Мирное сосуществование и мировой революционный процесс (по материалам газеты «Правда») и др.); философской («Материя и сознание», «Диалектический материализм» и др.).

С целью повышения квалификации преподаватели кафедры специальной подготовки и физического воспитания ВФ МЭИ посещали расположенные в г. Чебоксары заводы, промышленные предприятия, ОКБ, а также высшие учебные заведения (ЧСХИ, ЧГПИ).

Преподаватели цикла военной подготовки кафедры специальной подготовки и физического воспитания принимали активное участие в жизни ВФ

МЭИ: работали в штабе ГО и в ДНД, в комитете ДОСААФ и в секции общества «Знание», посещали комсомольские собрания, участвовали в спортивных мероприятиях, содействовали развитию военно-прикладных видов спорта. Вместе со студентами они занимались благоустройством территории филиала, собирали урожай картофеля в колхозах.

В соответствии с приказом Главнокомандующего ВВС № 0453 от 24 апреля 1964 г. в ВФ МЭИ была создана отдельная кафедра специальной подготовки – военная кафедра. По сути, она являлась самостоятельным учебным заведением, в котором были широкий спектр военных дисциплин, довольно большой контингент обучающихся, разнообразная инфраструктура. Следует иметь в виду, что в армейских условиях военные кафедры приравнялись к соединениям, дивизиям, а циклы военной подготовки – к полкам и возглавлялись командирами полков, полковниками.

Спустя пять лет после начала подготовки офицеров запаса в ВФ МЭИ количество преподавателей заметно увеличилось. Коллектив преподавателей военной кафедры ВФ МЭИ составляли инженер-подполковник Ю.С. Краснов, инженер-подполковник А.В. Осипов, инженер-майор В.А. Лыска, майор Б.К. Оленин, майор запаса Ф.С. Кравчук, майор запаса В.В. Карпеев [3. Л. 40].

В рамках военной кафедры получили дальнейшее развитие основные направления деятельности кафедры специальной подготовки и физического воспитания ВФ МЭИ. Этому в немалой степени способствовало укрепление материально-технической базы подготовки офицеров запаса. В 1966/1967 учебном году было закончено строительство и завершено оснащение учебным имуществом и наглядными пособиями аудиторного фонда нового, отдельно расположенного двухэтажного здания военной кафедры со стрелковым тиром в подвале. Во дворе здания находился строевой асфальтированный плац. Завершилось строительство самолетного ангара, складских помещений.

Важной вехой в подготовке офицеров запаса стал 1965 год. При авиационной части Балашовского высшего военного училища летчиков впервые прошли учебные сборы студентов, защитивших дипломные проекты в ВФ МЭИ. После окончания сборов на военной кафедре филиала состоялся первый выпуск офицеров запаса ВВС. Выпускникам были присвоены офицерские звания «Младший инженер – лейтенант запаса» и присвоена квалификация «Инженер по эксплуатации автоматического, электрического и приборного оборудования летательных аппаратов» (ВУС-186). Этот порядок организации военной подготовки студентов по данному профилю существовал до 1970 г.

В 1965/1966 учебном году подготовка офицеров запаса на военной кафедре была приведена в соответствие с Положением о военной подготовке студентов, курсантов и учащихся высших и средних специальных учебных заведений (1965 г.), в котором было предусмотрено большее количество часов на практические и полевые занятия.

Произошло увеличение количества спецпредметов за счет курсов СП-5 и СП-6. Стали практиковаться дифференцированный зачет, программированный опрос. Преподаватели военной кафедры знакомились с программами смежных дисциплин других кафедр филиала и принимали меры по исключению дублирования в преподавании курсов СП-4 и СП-5.

По-прежнему существовала проблема с обеспечением военной кафедры учебной литературой. Если по курсу «Гражданская оборона» имелись учебные пособия в достаточном количестве, то «с большим трудом удалось достать для преподавателя несколько секретных учебных пособий по СП-3 у Киевского высшего инженерно-авиационного военного училища ВВС и конспект лекции военной кафедры МЭИ» [2. Л. 77].

Офицеры продолжили работу по совершенствованию учебного оборудования: обеспечили электропитанием два самолета МИГ-15 на самолетной площадке, подняли воздушное давление в самолетных колесных камерах, изготовили недостающую часть киля самолета МИГ-15. Представители кафедры выезжали в г. Сердобск за учебным стрелковым оружием, в г. Казань за авиационно-техническим имуществом, на ст. Щербинка Московской области за техническим имуществом для оборудования лаборатории. В январе 1966 г. военной кафедрой было принято решение: «1. Завести с февраля 1966 г. записные книжку каждому лаборанту, где отмечать свою работу за день. 2. К концу рабочего каждому лаборанту докладывать о проделанной работе. 3. Ведущим преподавателям принимать активное участие в организации и проведении работ лаборантов по модернизации и монтажу лабораторий» [2. Л. 89].

В командирскую подготовку были включены: изучение материальной части авиационных автоматических пушек НР-23 и Н-37, проведение лекций по истории КПСС. Офицеры военной кафедры стали посещать занятия на гражданских кафедрах филиала по смежным дисциплинам, выступать с докладами и научными сообщениями на промышленных предприятиях и заводах, в ОКБ.

Работа с обучаемыми была дополнена ведением классных журналов учета посещаемости и успеваемости студентов, назначением старост в учебных группах и «секретчиков» в группах студентов четвертого курса с сентября 1964 г., оформлением Доски почета студентов-отличников по военной подготовке в сентябре 1965 г. Как и раньше, преподаватели кафедры ежегодно обрабатывали материалы о военнообязанных студентах нового приема, заполняли учетные карточки военнообязанных студентов, готовили приказы по ВФ МЭИ о привлечении их к военной подготовке, разъясняли им условия и требования военной подготовки в ВФ МЭИ. Предпринимались шаги по развертыванию изобретательской и научно-исследовательской работы студентов в лаборатории по курсам СП-4 и СП-5. 21 сентября 1965 г. на заседании военной кафедры было принято решение: «1. Необходимо создать студенческие кружки по предметам СП-1, СП-2, СП-4, СП-5, СП-6. 2. Работа этих кружков должна быть направлена на создание новых и совершенствование старых лабораторных стендов, на изготовление учебных наглядных пособий, схем и т.д. 3. Ознакомиться с опытом работы гражданских кафедр филиала по организации работы в студенческих научных кружках. 4. Проводить работу со студентами в кружках по 2 часа в месяц во внеучебное время» [2. Л. 75].

В целях улучшения спортивно-массовой и воспитательной работы со студентами военная кафедра совместно с кафедрой физического воспитания разрабатывала и проводила мероприятия. Так, 6 января 1967 г. на совместном заседании кафедр военной и физического воспитания было принято решение «обеспечить совместной работой сдачу норм на значок ГЗР [«Готов к защите Родины»] всеми военнообязанными студентами. Прием норм по спортивному комплексу проводить на кафедре физического воспитания, а военно-технических норм на военной кафедре» [3. Л. 25].

На заседаниях военной кафедры постоянно обсуждались вопросы воспитания будущих офицеров запаса, заслушивались отчеты офицеров, прикрепленных к учебным группам. Так, на заседании 11 мая 1965 г. инженер-подполковник В.М. Космодамианский докладывал: «Требовал четкости и точности в выполнении устава. Предъявлял требовательность к внешнему виду. Проводил беседы о поведении студентов в городе». Инженер-подполковник А.В. Осипов говорил о том, что «заведен список всех студентов, где указано, какие нагрузки выполняет студент, в каких занимается секциях. На каждого студента писал характеристику» [2. Л. 62].

Военная кафедра установила тесные связи с городским штабом ГО, организовала формирования ГО с участием студентов ВФ МЭИ – будущих офицеров запаса, осуществляла общее руководство их деятельностью. Также преподаватели кафедры посещали объекты ГО на заводах и предприятиях. Офицеры продолжали оказывать содействие в работе комитета ДОСААФ, в частности, организовали стрелковую секцию и проводили стрелковые соревнования, помогали подшефной школе № 20 г. Чебоксары в организации оборонно-спортивной работы.

Подготовка офицеров запаса проходила под постоянным контролем органов военного управления. В июне 1965 г. работа военной кафедры ВФ МЭИ была проверена и положительно оценена представителем управления Приволжского военного округа. В июле 1967 г. Министерство обороны СССР осуществило проверку проведения учебных сборов в войсках, по результатам которой были сделаны положительные выводы.

Как показало время, военная кафедра ВФ МЭИ была тем первоначальным элементом, вокруг которого со временем сформировалась система подготовки офицеров запаса в национальной республике, включающая органы военного управления, прежде всего, Чувашский облвоенкомат, Чебоксарский горвоенкомат, а также республиканские, городские и районные органы власти, службу ГО, различные общественные организации (партийные, комсомольские, профсоюзные, оборонно-спортивные, спортивные, общество «Знание»), промышленные предприятия и заводы. В то же время система подготовки офицеров запаса в Чувашской АССР была неотъемлемым звеном общегосударственной системы военной подготовки студентов в гражданских вузах, являвшейся мощным мобилизационным резервом для Вооруженных Сил.

Появление военной кафедры ВФ МЭИ как базы подготовки офицеров запаса в Чувашии стало возможным в результате взаимодействия внешних и внутренних факторов. К первым из них могут быть отнесены особенности демографической ситуации в стране, потребности кадрового обеспечения военного строительства в условиях развертывания военно-технического прогресса в СССР, государственная политика по военной подготовке студентов гражданских вузов. Внутренние факторы – это ускоренное индустриальное развитие Чувашской АССР, становление высшего технического образования в республике.

Военная кафедра ВФ МЭИ решала не только задачу подготовки для ВС СССР квалифицированных офицеров запаса, способных успешно выполнять боевые задачи и свои функциональные обязанности в условиях современного боя, обладавших необходимыми навыками в обучении и воспитании подчиненных, но и задачи обороны страны, воспитания молодежи.

Литература и источники

1. ГИА ЧР. Ф. Р-1981. Оп. 1. Д. 1.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-1981. Оп. 2. Д. 7.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-1981. Оп. 2. Д. 27.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-2453. Оп. 1. Д. 637.

КАПРАНОВ ВИКТОР ИВАНОВИЧ – соискатель учёной степени кандидата исторических наук, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Kapranov@chuvsu.ru).

KAPRANOV VIKTOR IVANOVICH – a competitor of scientific degree of Historical Sciences Candidate, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 342.553:352(470.344)

А.М. КИРИЛЛОВА, О.Н. ШИРОКОВ

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ
«ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ»
(на примере сельских поселений Чувашии)**

Ключевые слова: территориальные основы местного самоуправления, местное самоуправление, Конституция Российской Федерации, территория и границы муниципального образования, сельские поселения.

Органы местного самоуправления действуют в границах определенных территориальных единиц. Выделено четыре вида муниципальных образований общего типа: сельское поселение; городское поселение; муниципальный район; городской округ. Местное самоуправление в сельских поселениях осуществляется на всей территории страны, являясь первоосновой местного самоуправления в сельской местности. В законодательстве нет определения понятия границы муниципального образования, что на практике не способствует качественному проведению муниципальной реформы.

А.М. KIRILLOVA, O.N. SHIROKOV

HISTORICAL-JUDICIARY ANALYSIS OF THE CONCEPT «TERRITORIAL FUNDAMENTALS OF LOCAL GOVERNMENT» (THE CASE OF RURAL SETTLEMENTS OF CHUVASHIA)

Key words: territorial fundamentals of local government, local government, Constitution of the Russian Federation, territory and boundaries of municipal formation, rural settlement.

Local government functions in the boundaries of definite geographical units. Four kinds of municipal formations of general type are marked: rural settlement; urban settlement; municipal district; urban district. Local government in rural settlements is carried out over the whole territory of the country, being the fundamental principle of local government in the rural area. In the legislation there's no definition of the concept of boundary of municipal formation, which in practice doesn't encourage qualitative realization of municipal reform.

Вопрос о территориальных основах все годы становления местного самоуправления в нашей стране остается одним из актуальных и спорных, вызывающих оживленные дискуссии в кругах научных и практических работников. Анализ теории и практики свидетельствует о значительном разбросе мнений и практики муниципального строительства по определению территорий муниципальных образований. Местное самоуправление – это специфический уровень власти, особая форма ее осуществления, которая предполагает иные принципы организации и взаимодействия муниципальных органов власти, нежели те, что характеризуют построение государственной системы управления. Но вместе с тем органы местного самоуправления действуют в границах определенных территориальных единиц, составляющих территориальные основы местного самоуправления [1. С. 4].

Конституция Российской Федерации самостоятельную деятельность населения муниципального образования по осуществлению местного самоуправления связывает, во-первых, с определением территории, на которой население вправе осуществлять местное самоуправление; во-вторых, с наделением органов местного самоуправления полномочиями по самостоятельному управлению муниципальной собственностью, формированию, утверждению и исполнению местного бюджета, установлению местных налогов и сборов.

В Чувашии в 2004 г. были приняты законы Чувашской Республики «Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике» и «Об установлении границ муниципальных образований Чувашской Республики и наделении их статусом городского, сельского поселения, муниципального района и городского округа». Проанализировав закон Чувашской Республики «Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике», можно выделить основные элементы, составляющие понятие «территориальные основы местного самоуправления»:

– местное самоуправление осуществляется на всей территории Чувашской Республики в городских, сельских поселениях, муниципальных районах и городских округах;

- территории муниципальных образований устанавливаются законами Чувашской Республики в соответствии с требованиями, установленными Федеральным законом с учетом исторических и иных местных традиций;

- территории внутригородских муниципальных образований устанавливаются с учетом мнения населения представительным органом местного самоуправления;

- установление и изменение границ муниципального образования осуществляется с учетом исторических и иных местных традиций субъектами Российской Федерации;

- изменение границ муниципального образования без учета мнения населения соответствующей территории не допускается;

- порядок образования, объединения, преобразования или упразднения муниципальных образований, установления и изменения их границ и наименований определяется законом субъекта Российской Федерации.

Проанализировав эти составные элементы, можно приступить к формулированию понятия «территориальные основы местного самоуправления» сельских поселений. Отметим, что существует много определений, раскрывающих это понятие. К примеру, О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев определяют понятие «территориальные основы местного самоуправления» как институт муниципального права, который представляет собой совокупность муниципально-правовых норм, закрепляющих и регулирующих территориальную организацию местного самоуправления: формирование и состав территорий муниципального образования, границы территорий муниципального образования, порядок их установления и изменения [2. С. 4].

Таким образом, территориальная основа местного самоуправления – это, во-первых, институт муниципального права, представляющий собой совокупность муниципально-правовых норм, во-вторых, данные муниципально-правовые нормы закрепляют и регулируют «территориальную организацию местного самоуправления», в-третьих, под «территориальной организацией» понимаются формирование и состав территорий муниципального образования, границы территории муниципального образования, порядок их установления и изменения [3. С. 4].

В законодательстве на основе ст. 12, 16, 55 Конституции Российской Федерации и ст. 10 Федерального закона № 131-ФЗ 2003 г. императивно закрепляется принцип осуществления местного самоуправления на всей территории Российской Федерации с использованием сельского поселения в качестве универсальной территориальной единицы. Теперь муниципальные образования должны создаваться в предназначенных для этого территориях, а именно – в сельских поселениях. Без их участия как равноправного публично-правового образования (наряду с Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации), к примеру, сегодня невозможно верно разрешить некоторые споры, связанные с разграничением государственной собственности на землю [4. С. 4].

Во многих субъектах Российской Федерации, в том числе в Чувашской Республике, при создании сельских поселений в их состав по традиции включали сельские населенные пункты, которые ранее были объединены в рамках существовавшего сельского совета. По мнению И.В. Выдрина, такое решение региональной власти и органов местного самоуправления полностью согласуется со сложившейся современной правовой системой России, включающей возможность использования наравне с другими формами права и обычаев, в данном случае сложившихся за период существования советской власти [5. С. 5].

В соответствии с законом Чувашской Республики «Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике» (ст. 13) выделено четыре вида муниципальных образований общего типа: сельское поселение; городское поселение; муниципальный район; городской округ. Внутри группы общего типа муниципальные образования отличаются между собой по нескольким основаниям, в том числе по территориальной организации: некоторые организо-

ваны по поселенческому принципу, а другие – по территориальному. Муниципальные образования общего типа представляют собой массовое звено местного самоуправления Российской Федерации, специальные – единичны с особенностями, установленными федеральным законодательством. Сельское поселение, несомненно, имеет специфику территориальной организации.

Местное самоуправление в сельских поселениях осуществляется на всей территории страны, являясь первоосновой местного самоуправления в сельской местности. Такой тип муниципального образования может объединять в своих границах несколько поселений. Но даже с учетом этого, не каждый населенный пункт наделяется статусом административно-территориальной единицы.

В региональном законодательстве Чувашии так же, как и в федеральном законодательстве, нет определения понятия границы муниципального образования, что на практике не способствует качественному проведению муниципальной реформы. Можно сказать, что понятия «граница» и «территория» муниципального образования сельских поселений соотносятся как общее и особенное. Это характерный недостаток для закона Чувашии, ст. 13 начинается со слов: «территория муниципальных образований», а ст. 15 называется «Изменение границ муниципальных образований».

Можно говорить о территории муниципального образования (поселения), которая должна определяться границей, и в то же время, говоря о территории местного самоуправления как о специфической форме деятельности, здесь трудно определить границы в территориальном смысле. Утвержденную в установленном порядке непрерывную линию, очерчивающую территорию муниципального образования и отделяющую одно муниципальное образование от другого муниципального образования и (или) выделяющую одно муниципальное образование в составе другого муниципального образования, следует рассматривать как границу муниципального образования [6. С. 5].

На наш взгляд, ответ на поставленную задачу находится в понятийных рамках концепции устойчивого развития регионов России. Исходя из этой общей конструкции, мы можем проводить качественный анализ эффективности территориального устройства. Итогом проводимого исследования должны стать практические методы оптимизации территориальной организации местного самоуправления Чувашии.

Литература

1. *Выдрин И.В.* Территориальная организация местного самоуправления в свете нового федерального законодательства // Проблемы местного самоуправления в Российской Федерации. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 93 с.
2. *Гуталин О.Е., Фадеев В.И.* Муниципальное право Российской Федерации. М.: Юрист, 1997. 428 с.
3. *Казанчев Ю.Д., Писарев А.И.* Муниципальное право. М.: Новый Юрист, 1998. 75 с.
4. *Кутафин О.Е., Фадеев В.И.* Муниципальное право Российской Федерации. М.: Юрист, 1997. 195 с.
5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.04.2006 г. № 12227/05 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2006. № 7. С. 90-93.
6. *Фальков В.Н.* Соотношение административно-территориального устройства субъектов Российской Федерации и территориальной организации местного самоуправления // Проблемы местного самоуправления в Российской Федерации. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 217 с.

КИРИЛЛОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (semenova.alena.m@mail.ru).
KIRILLOVA ALENA MIKHAYLOVNA – assistant of Civil and Law Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ШИРОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, декан историко-географического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (425954@rambler.ru).

SHIROKOV OLEG NIKOLAEVICH – doctor of historical sciences, professor, dean of Historical and Geographical Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94(470.62):63

О.И. КОНОНОВ

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ СИСТЕМЫ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(1993-1997 гг.)**

Ключевые слова: Советы, местное самоуправление, конституционная реформа, политический процесс.

Рассмотрены основные черты модернизации системы местного самоуправления России в 1993-1997 гг. в свете конституционной реформы 1993 г.

O.I. KONONOV

**ON THE FORMATION OF A NEW SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT
IN THE RUSSIAN FEDERATION (1993-1997)**

Key words: councils, local government, constitutional reform, the political process.

The main features of the modernization of local government system of Russia in 1993-1997 in light of the constitutional reform of 1993.

Открытое столкновение президентской и законодательной ветвей власти, получившее в октябре 1993 г. вид вооруженного противоборства, обусловило радикальное изменение в общественно-политическом строе России. Уже в октябре Президент РФ издал серию Указов о прекращении деятельности Советов разного уровня.

Так, Указ от 9 октября 1993 г. «О реформе представительных органов власти и органов местного самоуправления» № 1617 предусматривал прекращение деятельности районных в городах, городских, районных, поселковых, сельских Советов народных депутатов, а также передачу их функций соответствующей местной администрации [8]. В свою очередь, Указом от 26 октября 1993 г. «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» № 1760 было подтверждено прекращение деятельности районных и городских Советов. Одновременно было утверждено Положение об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы [9].

Необходимо отметить, что данные президентские Указы были восприняты неоднозначно как в обществе, так и, особенно, среди народных избранников. С одной стороны, большинство депутатов местных Советов, политически активная общественность осознавали несовершенство форм организации, способов и в особенности результатов деятельности местных Советов. С другой стороны, они не могли согласиться с тем, что вся вина за системный кризис, охвативший к этому времени Россию, была возложена на Советы. Доминирующее отношение к роспуску местных Советов отражала, к примеру, мнение одного из депутатов Волгоградского Совета, отмечавшего: «пусть эта власть была порой робкой, а порой излишне пылкой, пусть она не всегда была способна разобраться в хитросплетениях бюрократического действа. Но в целом депутатский корпус и был отражением того многообразия, бурного человеческого моря, которое на политическом жаргоне именуется избирателями, а в просторечии – народом. Именно через депутатов горожане могли бросить пусть по-обывательски ограниченный, но трезвый и всегда собственный взгляд на то, что творилось в городском хозяйстве и управлении» [3].

Анализ материалов конца 1993 – начала 1994 гг. позволяет констатировать, что произошедшая без достаточной концептуальной проработки ликвидация Советов, привела к некоторому вакууму власти на местах. Еще недавно освободившиеся от плотной опеки партийных комитетов Советы, казалось бы, получили необходимую и реальную силу. Однако начавшийся демонтаж системы Советов, в основном распространившийся и на местный уровень, обусловил наступление настоящего паралича местного самоуправления. Это породило неуправляемую ситуацию, в которой еще сильнее стал сказываться спад произ-

водства, усилились безработица, преступность, подверглись эрозии моральные принципы и жизненные устои значительной части общества.

Тем не менее в исторической эволюции отечественного местного самоуправления 1993 год имел, несомненно, рубежное место. В стране начала формироваться в значительной степени отличная от прежней система местного самоуправления. Основным вектор ее развития был определен принятой 12 декабря 1993 г. Конституцией РФ, положения которой четко определяли, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти (ст. 12), причем население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления (ст. 131).

Одним из основных инструментов утверждения новых форм местного самоуправления стал эксперимент по отработке модели его организации, начавшийся на основе Приказа № 104 Министерства Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям от 28 сентября 1994 г. Он стал первой акцией федерального центра, направленной на практическую реализацию Конституции в сфере местного самоуправления. К концу 1996 г. в эксперименте участвовало 7 субъектов Российской Федерации, 15 субъектов местного самоуправления. В их числе Псковская, Калужская, Московская и Свердловская области и т.д. В ходе его выявлялись пробелы и противоречия в законодательстве, определялись оптимальные организационные формы, уточнялась компетенция местного самоуправления, вырабатывались механизмы взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти, совершенствовались механизмы финансово-хозяйственной деятельности органов местного самоуправления. Главной целью эксперимента стало создание сети опорных зон по отработке комплекса вопросов, связанных с формированием системы управления социально-экономическим развитием региона в новых политических условиях на базе современных технологий [7].

К концу 1995 г. обозначились три модели местного самоуправления: в городах, имеющих численность свыше одного миллиона человек, малых городах и сельских территориях. Крупные города в деле развития самоуправления продвигались более или менее успешно. Малые города почти остановились в своем развитии. В районах дело обстояло сложнее. С одной стороны, происходила интеграция сельских населенных пунктов в масштабе района. С другой стороны, значительный объем работы, который выполнялся главами местных администраций, был связан с государственными делами [6]. При этом также становился все более очевидным тот факт, что становление в России местного самоуправления, в целом, идет вне какой-либо унифицированной модели.

При подготовке базового Федерального закона, впоследствии получившего наименование «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» основная концептуальная борьба развернулась между двумя его проектами. Первый был подготовлен Комитетом по вопросам местного самоуправления Государственной Думы, а второй в Министерстве национальностей и региональной политики РФ. Последний проект был одобрен Президентом и официально внесен в Государственную Думу. Однако здесь, в результате достаточно острой борьбы, за основу будущего Федерального закона был принят именно проект Комитета Госдумы [12]. Тем самым Дума заявила о своей решимости играть ведущую роль в определении основных параметров системы местного самоуправления в России. Заметим, что ей это удалось в полной мере.

Принятый в итоге закон имел компромиссный характер. В нем все же учитывались многие положения прежнего правительственного варианта [1]. Закон 1995 г. имел скорее рамочный характер. Он в основном закреплял общие принципы организации местного самоуправления, не предусматривая особенностей управления в различных областях и сферах местной жизни [4]. К наиболее суще-

ственным проблемам следует отнести значительную неясность вопросов компетенции различных органов в бюджетной сфере, в силу чего полномочия органов местного самоуправления в итоге были серьезно ограничены и ущемлены.

Следует согласиться с авторами, полагающими, что главным тормозом в реализации закона стало сопротивление чиновничества [2]. Его нежелание делиться властью с кем бы то ни было отразилось и на самом законе, и, в особенности, на практическом решении вопроса о компетенции органов местного самоуправления.

Существенное влияние на эволюцию системы местного самоуправления в рассматриваемый период оказали процессы, протекавшие на региональном уровне и связанные с формированием новой системы федеративных отношений в рамках Российской Федерации. Республики, края и области РФ стали стремительно усиливать свои позиции, захватывая предложенный им суверенитет. Запоздывание федерального центра с принятием общероссийского законодательства, регламентирующего данную сферу, привело к тому, что процесс формирования законодательства по вопросам местного самоуправления переместился в субъекты федерации. Первые документы здесь были приняты еще в 1994-1995 гг. [5]

К началу 1997 г. в 68 субъектах РФ были приняты законы, регламентирующие деятельность органов местного самоуправления. Однако только в ряде регионов (Ленинградская, Рязанская, Оренбургская, Свердловская и Тюменская области) правовая база была признана специалистами удовлетворительной [11]. Более того, в республиках Башкирия, Коми, Калмыкия, Хабаровском крае, Кемеровской, Мурманской, Рязанской, Тульской областях местные органы были попросту включены в единую систему исполнительной государственной власти [12].

Большинство региональных законов о местном самоуправлении принималось со значительными нарушениями федерального законодательства. Так, законами ряда субъектов федерации устанавливались структура органов местного самоуправления, соподчиненность муниципальных образований и даже ограничивались избирательные права при выборах органов местного самоуправления [8]. Соответственно, в большинстве регионов процесс становления местного самоуправления протекал крайне противоречиво и конфликтно. В ряде территориальных образований имели место «лобовые» столкновения между уровнями власти.

В 1995-1996 гг. в России развернулся активный процесс создания нормативно-правовой базы местного самоуправления. На конец 1996 г. было зарегистрировано 1106 уставов муниципальных образований [12]. Однако данный процесс, по сути, шел параллельно с реальной политической жизнью, отличавшейся весьма неудовлетворительным состоянием законности, крайней нестабильностью общества и достаточно острой политической борьбой, связанной с выборами мэров и депутатов муниципальных представительных собраний.

Литература и источники

1. Авакьян С.А. Местное самоуправление в Российской Федерации: концепции и решения нового закона // Вестник Московского ун-та. Сер. Право. 1996. № 2. С. 9.
2. Герасименко Г.А. Два закона: (историко-сравнительный анализ земств и современного местного самоуправления) // Земский вестник. 1996. № 1-2. С. 51.
3. Марченко Н.А. А кворум все-таки был... // Волгоградская правда. 1993. 11 нояб.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон № 154-ФЗ от 28.08.1995 г. // Собр. законодательства РФ. 1995. № 35. Ст. 3506.
5. Положение об органах общественного самоуправления в республике Калмыкия: утв. Парламентом Республики Калмыкия 16 июля 1993 г. Элиста, 1995.
6. Правда. 1995. 12 окт.
7. Российская газета. 1996. 20 июня.
8. Российская газета. 1997. 4 июля.
9. Собрание актов Президента и Правительства РФ (САПП РФ). 1993. № 44. Ст. 4188.
10. САПП РФ. 1993. № 4. Ст. 3924.
11. Соверанская О.Л. Правовые основы местного самоуправления // Социс. 1997. № 1. С. 114.
12. ТА Государственной Думы ФС РФ.

КОНОНОВ ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Институт истории, экономики и права, Россия, Москва (g197412@yandex.ru).

KONONOV OLEG IGOREVICH – a competitor of scientific degree of historical sciences, Institute of History, Economics and Law, Moscow, Russia.

УДК 070.23 (470.344-32)

А.П. ЛЕОНТЬЕВ

КТО И КАК «СОВЕТИЗИРОВАЛ» «ХЫПАР»

Ключевые слова: газета «Хыпар», Чувашское национальное общество, правые эсеры, Центральный чувашский военный совет, левые эсеры, газета «Канаш».

Рассмотрен один из аспектов раскола Чувашской организации партии социалистов-революционеров – ретроспектива захвата левыми эсерами правозэсеровской газеты «Хыпар», создание на ее базе просоветской газеты «Канаш» (Совет).

A.P. LEONTYEV

WHO SOVIETIZES THE HYPAR AND HOW

Key words: newspaper the Hypar, Chuvash National Society, right socialist-revolutionaries, Chuvash Central Military Commission, left socialist-revolutionaries, newspaper the Kanash.

In the article one of the aspects of the split of the Chuvash organisation of the socialist-revolutionary party, the capture of the right socialist-revolutionary's newspaper the Hypar by left socialist-revolutionaries in retrospect, the development of the pro-Soviet newspaper the Kanash (the Soviet) on the base of the Hypar are considered.

В истории газеты «Хыпар» есть страницы как драматические, так и характерные для советского ее периода, когда идеология доминировала над реальностью. О том, как закрывали возрожденную газету «Хыпар» («Весть») (она выходила с 1 мая 1917 г. по 28 февраля 1918 г.), и начали издавать газету «Канаш» («Совет»), рассказывал не один участник тех событий. «Когда с помощью Казанского ревкома из рук правых эсеров был изъят и Национальный фонд, последние совершенно сошли с политической арены... К тому времени, когда экспроприировали Национальный фонд ЧНО, инициативная группа в составе двух матросов и шести левых эсеров, которая на свой страх и риск совершила налет (курсив наш. – А.Л.) на редакцию газеты "Хыпар", вывезла все ее имущество и начала издавать другую газету под названием "Канаш" ("Совет")» [7. С. 46], по существу, политические дискуссии уже начали переходить в «горячую фазу». (Ее итог – гражданская война, в которой сгинули тысячи представителей чувашской интеллигенции, взращенной в течение нескольких десятилетий.) Однако автор приведенной цитаты Д.П. Петров (Мётри Юман) не упоминает себя в группе «налетчиков», но ведь именно он является инициатором закрытия «Хыпара». Подтверждение тому – воспоминания А.Д. Краснова, видного деятеля революционного движения среди чувашей, левого эсера, с августа 1917 г. – председателя Казанского чувашского военного комитета, с февраля 1918 г. – члена Центрального чувашского военного совета, в 1930-е годы репрессированного (умер в тюрьме в 1951 г.).

«В исполнительном Совете Д. Петров, когда я председательствовал на заседании, мне на ухо шепнул о необходимости проголосовать о принятии решения по закрытию газеты "Хыпар". Я оперативно провел голосование. <...> Но "правое" крыло заседания с итогом голосования категорически не согласилось. Считая нашу инициативу слишком революционно опасной, часть и "левых" товарищей не согласилась с предложением. <...> Но все равно мы на следующий день создали инициативную группу и закрыли газету. На заседании этой группы были следующие товарищи: Д.П. Петров, председатель заседания, члены: В.А. Алексеев, Г.Г. Герасимов, М. Слюбкин, Д.Е. Ефимов, М.П. Петров /матрос/ и А.Д. Краснов, <...> Закрытие газеты возложили на мат-

росов М. Слюбкина и М. Петрова, а также на Д. Ефимова. Договориться с председателем революционного комитета и председателем Совета крестьянских депутатов об обеспечении оружием нашего акта обязали меня. Так закрылась пробуржуйская газета, называвшая себя газетой Чувашского национально-го общества и чувашских правых социал-революционеров...» [5. С. 52-53].

Итак, кто поручил Д.П. Петрову инициировать вопрос о закрытии газеты «Хыпар»? «Все помещение было пусто, не было никакой мебели, – даже спустя десятилетия детально вспоминал пражский эмигрант, один из лидеров чувашских эсеров С.Н. Николаев. – На мой зов к живой душе наконец появилось какое-то живое существо в образе и платье женщины и осведомило меня, что со вчерашнего вечера всю мебель и принадлежности конторы увезли куда-то, а куда именно – она не знает.

Оставалось мне не что иное, как направиться к моим приятелям [Г.Ф.] Алюнову и [И.В.] Васильеву в номера Щетинкина, где они проживали. Здесь они ошеломили меня новостью, из ряда вон выходящею, а именно: вчера вечером наш коллега по партии и У[чредительному] С[обранию] Димитрий Петрович Петров, сопровождаемый свитой из солдат и матросов, в порядке революционной целесообразности, захватил явочным порядком редакцию и контору газеты и все имущество их перевез неизвестно куда. Это был ничем не прикрытый захват чужого имущества, и никакими законными мерами в то время невозможно было защититься от подобных налетов. Вступить же с Петровым и его окружением в борьбу с теми же средствами и мерами не было ни желания, ни возможности... Поступок Петрова имел одно последствие: загубил дело и лишил чуваш своей газеты» [6. С. 73].

Ликвидацию «Хыпара»-2 предваряли следующие события. В стане доселе монолитной партии чувашских социалистов-революционеров произошел раскол. А.В. Изоркин пишет: «В феврале [1918 г.] из организации чувашских (правых. – А.Л.) эсеров выходят председатель правления Чувашского национально-го общества Андрей Васильевич Васильев, один из редакторов "Хыпара" Алексей Прокопьевич Прокопьев (Милли), заведующий экспедицией газеты Александр Петрович Лбов и др. Они возвестили о своем примыкании к левым эсерам. Войдя в заговор с Д. Петровым-Юманом, они 27 февраля все имущество и деньги отобрали у правых эсеров и вместо "Хыпара" создали газету "Канаш"» [2. С. 3].

Закрытие «Хыпара» было чувствительным ударом по чувашским учредителям. «Алюновы начали добиваться возвращения издательства. 26 февраля – 2 марта состоялось объединенное заседание чувашских центральных организаций под председательством учредителя С.Н. Николаева (будущего секретаря Комуч), на котором было поставлено на обсуждение заявление правления ЧНО о захвате газеты «Хыпар». Собрание, выдав самую лестную характеристику «Хыпару», как общенациональному органу и национальному достоянию, осудило захват и предложило вернуть газету и имущество ЧНО. Но последнему не удалось все-таки восстановить свой орган, так как Казанский революционный штаб узаконил закрытие газеты «Хыпар» и появление газеты "Канаш"» [7. С. 79-80].

Бывший левый эсер, в то время член Центрального чувашского военного совета, В.А. Алексеев повествовал:

«<...>Нас, сторонников Советской власти, беспокоила деятельность анти-советской газеты Чувашского национального общества и эсеров. Не проходило собрания, где бы не требовали: "Заткнуть глотку гадине!" Пожелание общественности было выполнено: "Хыпар" замолчала. Сделано это было так. Сначала при помощи солдат гарнизона мы приняли решение о ее закрытии на заседании Чувашского военного совета. После заседания А.Д. Краснов, Г.Г. Герасимов, М.С. Слюбкин, М.П. Петров, Д.Е. Ефимов, Г.С. Зайцев и автор этих строк организовали "операцию" закрытия газеты» [1. С. 38-40].

Матрос М.С. Слюбкин, ставший к 1957 г. инженер-полковником Военно-морского флота СССР, в своих воспоминаниях тоже откровенен: «В феврале [1918 г.] среди чувашей некоторые сторонники Советской власти создали социалистический комитет и решили закрыть газету "Хыпар", выпустить новую газету. Склонив на свою сторону солдат, они пошли в редакцию "Хыпара" и отобрали имущество с типографией.

Номер газеты "Хыпар" уже был готов к печати. Что делать? Заменяли название "Хыпар" на "Канаш". Больше ничего не предпринимали, остались даже объявления с призывом о финансовой помощи "Хыпару". Поэтому нет первого номера новой газеты, "Канаш" стал последним, 70-м номером газеты "Хыпар". Лишь со 2 марта 1918 г. газета "Канаш" начала свой отсчет» [4. С. 2].

Любопытны воспоминания и других активных участников акта экспроприации-советизации «Хыпара». Бывший редактор, первый прокурор Чувашской автономной области А.П. Лбов: «Первый номер газеты "Канаш" вышел 28 февраля 1918 г. В действительности этот номер лишь по названию «Канаш», а содержание его составляли набранные-сверстанные материалы № 12(70) эсеровской газеты «Хыпар», даже был поставлен на печатной машине. Мы, члены новой редколлегии, запыхавшись, ворвались в типографию университета – "Хыпар" печатался там. Сначала убрали название "Хыпар", составленное из деревянных букв, установили такого же размера буквы "Канаш".

Первый номер «Канаша» оказался как мужчина, повязавший женский платок. <...> Таким образом, нет на белом свете 1-го номера газеты "Канаш". Настоящий "Канаш" вышел в марте 1918 г.» [3. С. 2].

«Самыми трудными оказались для нас дни, следовавшие за закрытием газеты, – вспоминает В.А. Алексеев. – Надо было организовать не только свою, советскую, газету, но и отбиться от контратаки "хыпаровцев", в первую очередь от уполномоченного лидера чувашских националистов Г.Ф. Алюнова, секретаря редакции Агафьи Гавриловой и ее помощника "правого" эсера Н.И. Рубачева. [...] Вскоре мы убедились, что "операция" "Хыпар" была далеко не главной задачей. Издание новой газеты, которую мы решили назвать самым популярным словом "Канаш" ("Совет"), требовало грамотных в общеобразовательном и политическом смысле людей. Вышли из положения назначением редакционной коллегии во главе с более грамотным среди нас Д.Е. Ефимовым. Деятельность этой группы людей, вернее Д.Е. Ефимова-редактора, продолжалась недолго, пришлось назначить нового редактора – А.П. Лбова» [1. С. 40-41].

В изменении названия и содержания, «советизации» газеты проявилась историческая необходимость. Рассматриваемые процессы следует анализировать в контексте проявления общих закономерностей: старый мир шел на слом, новый – на постепенное утверждение. Движущей силой советизации стала партия большевиков, которая в крестьянской стране, будучи малочисленной, но организованной, имея, пусть беспринципных, но по-настоящему ярких лидеров, сумела достичь своих целей. Одним из результатов стало перерождение «Хыпар» в «Канаш».

Литература

1. Алексеев В.А. Дорогой Октября. Чебоксары: Чувашкигоиздат, 1961. С. 38-40.
2. Изоркин А.В. «Канаш» – Советсен хаҫачё // Хыпар. 1998. № 43. 17 февр.
3. Канаш. 1922. № 35. 22 февр.
4. Коммунизм ялаве. 1957. № 41(10000). 17 февр.
5. Краснов А.Д. Нарăсна Юпа уйăхё. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1931. С. 52-53.
6. Николаев С.Н. Воспоминания // ЛИК. 2006. № 4. С. 73.
7. Петров Д.П. Чувашия: историко-политический и социально-экономический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1926. С. 46.

ЛЕОНТЬЕВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ – аспирант кафедры архивоведения и документо-ведения, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (hypar@chtt.ru).

LEONTYEV ALEXEY PETROVICH – post-graduate student of Archivistics and Document Science Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 338:666(470.4)"1940/1950

А.П. MATVEEV

**СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ
СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ**

***Ключевые слова:** система управления, промышленность строительных материалов, позднеиндустриальная модернизация, республики Среднего Поволжья.*

Проанализированы процессы перестройки системы управления промышленностью строительных материалов в послевоенные годы и начала ее функционирования в условиях мирного времени. Статья написана на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР.

A.P. MATVEEV

**CONTROL SYSTEM OF BUILDING MATERIALS INDUSTRY
IN THE SECOND HALF OF 1940 – THE BEGINNING OF 1950: THE REGIONAL LEVEL**

***Key words:** control system, building materials, lateindustrial modernization, the Middle Volga republics.*

The article describes the restructuring processes of the control system of construction materials industry in the postwar years and the beginning of its operation in peacetime. This article was written on the materials of the Mari, Mordovia and Chuvash ASSR.

Окончание Великой Отечественной войны поставило перед страной задачу перевода экономики на мирное производство, достижения довоенного уровня производства гражданской продукции и восстановления разрушенного хозяйства районов страны, которые пострадали от оккупации. Сложность реализации задач была обусловлена не только последствиями войны, но и необходимостью изменения территориальных пропорций в развитии экономики. Фактически одновременно с перестройкой экономики на мирный лад в регионах страны, в частности Среднем Поволжье, начались модернизационные процессы, носившие характер позднеиндустриальной модернизации.

Особенностью социально-экономического развития республик Среднего Поволжья, в частности Марийской, Мордовской и Чувашской АССР, являлось то, что на протяжении веков они были аграрными. Сельскохозяйственное производство, несмотря на изменение производственных отношений, форм хозяйствования, орудий труда и т.п., достаточно длительное время было основой экономики республик, их функционирования и развития. Лишь в начале XX в. положение начинает меняться в связи с интегрированием республик в рыночную инфраструктуру России. Однако перелом произошел лишь в 1930-е гг. в ходе ускоренной индустриализации, которая совпала с завершением восстановления фабрично-заводской промышленности, разрушенной в годы первой мировой и гражданской войн, массовой коллективизацией [7]. В 1930-е гг. республики превратилась в аграрно-индустриальный регион, однако для дальнейшего развития промышленности в них имелись серьезные препятствия. Среди последних следует выделить отсутствие необходимых полезных ископаемых и природных условий для развития многих отраслей промышленности, весьма немногочисленный отряд рабочего класса, сравнительно большой процент неграмотности населения, малое количество городов, слабое развитие инфраструктуры и т.д. [7. С. 19].

Особое место в послевоенном развитии экономики как страны в целом, так и ее регионов занимали строительство и производство строительных материалов, которые выступали как база не только восстановления народного хозяйства, но и его модернизации. Их дальнейшее развитие определялось политикой центральных и региональных органов власти, в основу которой были положены задачи пятилетнего плана восстановления и развития народного

хозяйства СССР на 1946-1950 гг. и соответствующих планов, принятых в республиках Среднего Поволжья. В целях восстановления довоенного уровня и последующего развития в сфере строительства и производства строительных материалов основными приоритетами были определены:

- всемерное развитие строительной индустрии;
- особое внимание внедрению передовой строительной техники;
- механизация строительных работ;
- создание производственной базы по выпуску строительных механизмов;
- восстановление и дальнейшее строительство городов и сел;
- увеличение жилищного фонда страны и ее регионов;
- создание массового фабрично-заводского изготовления жилых домов

[8. С. 251].

Пятилетний план предусматривал для выполнения установленной программы производства строительных материалов провести механизацию трудоемких процессов, особенно в цементной промышленности, путем внедрения электрических экскаваторов, большегрузных саморазгружающихся вагонеток, гриферных кранов. Предполагалось широко внедрить новую технику, в частности метод одновременной сушки и помола угля, высокопроизводительные вращающиеся печи для обжига клинкера, безлодочное вытягивание листового стекла, поточный метод транспортировки и резки стекла [8. С. 267].

Большой размах капитального строительства потребовал дальнейшего развития строительной индустрии. Капитальные вложения в нее в годы четвертой пятилетки в целом по стране составили 1108 млн руб., т.е. в 6,5 раза больше, чем в годы третьей пятилетки, и в 3,6 раза, чем в годы Великой Отечественной войны [6. С. 57].

Развитие промышленности строительных материалов в автономных республиках Среднего Поволжья в послевоенное время проходило в трудных условиях и с помощью инвестиций из союзного и федерального бюджетов. Однако выделяемых средств на капитальный ремонт предприятий не хватало, а имеющееся оборудование физически и морально устарело. На заводах преобладал тяжёлый физический труд. Образование республиканских управленческих структур промышленности строительных материалов в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР сыграло положительную роль в развитии этой отрасли индустрии. Их создание явилось составной частью процесса рационализации управления в регионе с целью повышения его эффективности. Были созданы сравнительно мощная по региональным меркам индустрия строительства и тысячи рабочих мест. Вместе с тем приходится констатировать, что в то время был заложен пресловутый механизм торможения, в результате чего наметилось отставание от развитых западных стран в технологии производства строительных материалов, а проблема «догоняющего развития» до сей поры является актуальной.

Существует мнение, наиболее полно представленное в работах Т. Ригби, о том, что после войны все институты системы управления в СССР, в том числе и региональные, «постепенно растворялись в кислоте деспотизма» и что «были предприняты лишь минимальные усилия для того, чтобы обратить вспять атрофию официальных органов власти и на партийном, и на государственном уровне» [14. Р. 27, 31]. Однако материал складывания структуры управления в регионах свидетельствует об институциональной консолидации, а не о разложении путем «растворения в кислоте деспотизма».

Система управления промышленностью строительных материалов на уровне автономной республики в исследуемом регионе ранее всего сложилась в Чувашской АССР. Управление промышленностью строительных материалов при СНК Чувашкой АССР было образовано 22 июня 1942 г. (с марта

1946 г. – при Совете Министров ЧАССР)¹. Ему были переданы: Алатырский (г. Алатырь), Ивановский (20 км восточнее г. Чебоксар), Чебоксарский (г. Чебоксары), Шумерлинский (г. Шумерля), Канашский кирпичные заводы (20 км восточнее г. Канаш), Янтиковский (д. Гришино, Янтиковский район) и Козловский известковые заводы (7 км восточнее р. п. Козловка, Козловский район)². Просуществовало оно до октября 1957 г. и было ликвидировано.

Штат аппарата управления состоял из 11 человек, в том числе были должности: начальника (оклад 1100 руб.³ в месяц), заместителя начальника – главного инженера (935 руб.), начальников производственно-технического и планово-финансового отделов (740-690 руб.). В этих отделах было по одному специалисту (инженер-строитель и старший товаровед) с окладом 640 руб. В бухгалтерии работало 2 человека (главный бухгалтер и бухгалтер-ревизор), которые получали, соответственно, 690 и 600 руб. Административно-хозяйственная часть состояла из 3 человек: машинистки (450 руб.), шофёра (205 руб.) и уборщицы (225 руб.) [4. Д. 18. Л. 17]. Начальниками управления работали Л. Спасов, А.К. Дембицкий, М.И. Репкин, П.В. Румянцев.

Управление промышленности строительных материалов при Совете Министров Мордовской АССР⁴ было образовано в соответствии с распоряжением № 3546-р СНК СССР от 15 марта 1946 г., Постановлением № 337 Совета Министров МАССР от 27 марта 1946 г. и Указом Президиума Верховного Совета МАССР от 4 мая 1946 г. [12. Д. 1. Л. 2, 5; 10. Д. 530. Л. 170-175].

Из Министерства местной промышленности Мордовской АССР управлению были переданы: Рузаевский⁵, Атемарский⁶, Саранский⁷ кирпичные заводы и Трепаловский лесопильный завод⁸, а из системы Управления промысловой кооперации МАССР – Ковылкинский лесопильный завод и Атяшевский меловой карьер [12. Д. 1. Л. 3]. В соответствии с Постановлением № 610 Совета Министров МАССР от 25 мая 1946 г. «О передаче Лудяевского глазурного завода коопинсоюза, Кергудского и Шишкеевского черепичных заводов Министерства местной промышленности в ведение Управления промышленности строительных материалов при Совете Министров Мордовской АССР» до 1 июня 1946 г. в систему управления были переданы Лудяевский глазурный завод, Кергудский⁹ и Шишкеевский¹⁰ черепичные заводы [12. Д. 1. Л. 24]. С этого момента началось развитие этой отрасли производства как самостоятельной единицы народнохозяйственного комплекса республики.

Штат аппарата управления был небольшой и состоял из общего отдела, планово-производственного отдела и бухгалтерии, в которых трудилось 14 человек: начальник управления с месячным окладом в 1500 руб., замести-

¹ В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Чувашской АССР 26 апреля 1939 г. было создано Управление промышленности строительных материалов при Совнарком Чувашской АССР, однако 16 апреля 1941 г. ведомство было ликвидировано.

² Эти предприятия были построены в годы первой пятилетки (1929-1931 гг.), а Чебоксарский кирпичный завод в 1923-1931 гг. [4. Д. 3. Л. 10; Д. 16. Л. 222].

³ В ценах тех лет.

⁴ В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета Мордовской АССР 2 июля 1939 г. было создано Управление промышленности строительных материалов при Совнарком Мордовской АССР. Однако Постановлением СНК МАССР от 11 апреля 1941 г. это ведомство было ликвидировано, а его предприятия переданы Народному комиссариату местной промышленности МАССР.

⁵ Это предприятие построено в годы первой пятилетки (1929-1931 гг.) [5. С. 145].

⁶ Это предприятие было создано в 1933 г. и располагалось в с. Атемары Саранского района, а с 1958 г. Лямбирского района Мордовской АССР. Имело сезонный цикл работы [11. Д. 4. Л. 13].

⁷ Это предприятие построено в годы первой пятилетки (1929-1931 гг.) [5. С. 145].

⁸ Располагался в Ардатовском районе Мордовской АССР, в 1,5 км от с. Трепаловка.

⁹ Располагался в с. Кергуды Ичалковского района Мордовской АССР.

¹⁰ Располагался в с. Шишкеево Рузаевского района Мордовской АССР.

тель начальника – главный инженер (1200 руб.); в общий отдел входили: управделами – секретарь (350 руб.), курьер-уборщица (150 руб.), шофёр (300 руб.); в планово-производственном отделе, который возглавлял начальник (1000 руб.), состояли инженер-экономист (1000 руб.), инженер по кирпичной промышленности (800 руб.), инженер-механик (800 руб.), инспектор по кадрам и спецчасти (600 руб.), начальник снабжения (700 руб.); в бухгалтерии – главный бухгалтер (1000 руб.), заместитель главного бухгалтера (800 руб.), бухгалтер-ревизор (700 руб.) [13. Д. 6. Л. 72; Оп. 1. Д. 1. Л. 13]. В аппарате управления работали А.Н. Ягодин (заместитель начальника – главный инженер)¹¹, Л.Н. Максимова (инженер-механик), Е.А. Борисевич (главный бухгалтер), В.О. Тинникова (старший экономист) и др.

11 мая 1948 г. на должность начальника управления был назначен М.Т. Мурюмин¹², с которой он был уволен по собственному желанию 28 января 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета МАССР [12. Д. 98. Л. 1, 10]. Начальником Управления промышленности строительных материалов при Совете Министров Мордовской АССР назначается Н.А. Свитин¹³, ранее работавший заместителем промышленно-транспортного отдела Мордовского обкома КПСС. Он проработает в этой должности вплоть до упразднения управления в марте 1959 г. [12. Д. 126. Л. 1, 5, 6].

Административно-хозяйственные расходы на аппарат управления были небольшими. Так, в 1949 г. они составляли 15 тыс. руб., а годовой фонд заработной платы – 75,5 тыс. руб. и 3,3 тыс. руб. составляли начисления на зарплату. Для сравнения – содержание аппарата управляющего делами Президиума Верховного Совета Мордовской АССР в год обходилось в 265,1 тыс. руб., а аппарата управделами Совета Министров МАССР – 1 233,9 тыс. руб.¹⁴

К 1948 г. аппарат управления состоял из 9 человек (начальник, главный инженер, инженер производственного отдела, инженер-механик, главный бухгалтер, бухгалтер-ревизор, старший экономист, секретарь-машинистка, уборщица). Высшее образование имели только 2 человека – руководители, 3 человека – среднее и неполное среднее, из них 2 человека имели педагогическое образование, а остальные – 4-6 классов. Среди работников было 3 члена КПСС. По национальному составу специалисты и служащие управления подразделялись следующим образом: русских – 6 человек, белорусов – 2, мордвы – 1 [13. Д. 19. Л. 13].

В целях дальнейшего развития промышленности строительных материалов в соответствии с распоряжениями Совета Министров СССР от 29 июня 1950 г. (№ 9972-р) и Совета Министров РСФСР от 7 июня 1950 г. (№ 2205-р), а также Постановлением Совета Министров Марийской АССР от 23 октября 1950 г. (№ 964) было создано Управление промышленности строительных материалов при Совете Министров Марийской АССР [3. Д. 2. Л. 1].

¹¹ Ягодин Алексей Николаевич, 1913 г. р., образование высшее, член ВКП(б), по национальности русский, окончил Казанский индустриальный институт по специальности инженер-строитель.

¹² Мурюмин М.Т. родился в Краснослободском районе Мордовии в 1905 г., по национальности русский, член КПСС с 1927 г., имел высшее образование. В 1934 г. он окончил Московский инженерно-педагогический институт по специальности преподаватель теоретической механики, а также 4 курса ЦПША. На момент назначения стаж его работы составлял 25 лет. К военной службе был негоден [12. Д. 98. Л. 1, 10].

¹³ Н.А. Свитин родился в г. Саранске 8 декабря 1918 г., по национальности русский. На момент назначения общий стаж его работы составлял 14 лет. В 1935-1943 гг. Николай Александрович был комсомольцем, членом КПСС стал в военном 1944 г. Свитин имел высшее образование, закончив Московский электромеханический институт инженеров транспорта по специальности инженер-механик и воинское звание – старший лейтенант. Владел немецким языком [12. Д. 126. Л. 1, 5, 6].

¹⁴ Подсчитано автором по данным [12. Д. 21. Л. 31].

Аппарат управления первоначально насчитывал 6 работников, а позже был увеличен до 8 человек (3 служащих и 5 инженерно-технических работников). Высшее образование имел только 1 человек [3. Д. 135. Л. 165об.¹⁵]. Должностной оклад начальника управления составлял 1100 руб. в месяц¹⁵, заместителя начальника управления (главного инженера) – 935 руб., старшего инженера-диспетчера – 790 руб., старшего экономиста – 690 руб., старшего бухгалтера – 600 руб. и секретаря-машинистки – 360 руб. [3. Д. 2. Л. 2.]

Постановлением № 984 Совета Министров Марийской АССР от 3 ноября 1950 г. исполняющим обязанности начальника управления был назначен О.А. Червошкин, а позже – С.И. Горбунов [3. Д. 2. Л. 25].

В подчинение управления из Министерства местной промышленности Марийской АССР перешли Йошкар-Олинский кирпичный завод им. «12 лет Октября» (г. Йошкар-Ола), кирпичный цех Мари-Турекского районного промкомбината (с. Мари-Турек), кирпичный цех Горно-Марийского районного промкомбината (г. Козьмодемьянск), Мышинский кирпичный завод (д. Мышино, Медведевский район), а от Марийского промыслового совета – известковый завод артели «Победа» (д. Шуледур, Ронгинский район) [3. Д. 3. Л. 1; Д. 2. Л. 3. 19].

Основной причиной создания управлений промышленностью строительных материалов в автономных республиках Среднего Поволжья явилось стремление организовать нормальное бесперебойное производство строительных материалов из местного сырья. Достаточно типичной была ситуация в Мордовии. Так, во втором квартале 1946 г. план производства кирпича-сырца министерством местной промышленности был выполнен только на 60%, а артелями управления промкооперации – на 56%. Еще хуже обстояло дело с обжигом кирпича, по которому артели управления промкооперации план выполнили только на 15%, а предприятия министерства местной промышленности совсем не приступали к обжигу. Управлением промкооперации был сорван план и по производству извести [1. С. 41]. На восьмой сессии Верховного Совета Мордовской АССР с критикой создавшегося положения выступил депутат Л.С. Кузнецов, который заявил: «Республика должна в несколько раз увеличить производство строительных материалов и возможности для этого есть. Мордовия богата лесами, строительной глиной, камнем. До войны во многих районах имелись кирпичные, черепичные заводы. Сейчас большинство из них стоит, а некоторые разрушены. По существу совсем не работают: Zubovo-Полянский, Резоватовский, Чамзинский, Ардатовский кирпичные заводы, а до войны хорошую черепицу производил Кергудский завод, делали черепицу также в Рузаевском районе, в селе Шишкеево» [1. С. 41]. Он поддержал создание управления промышленностью строительных материалов и предложил его начальнику «серьезно подумать об организации и развитии местной районной промышленности строительных материалов и не ожидать привоза кирпича и черепицы из других областей» [1. С. 42]. Председатель правительства Мордовии Н.Я. Тингаев, говоря именно о производстве строительных материалов, подчеркивал: «Нужно широко развернуть соревнование между отдельными предприятиями и артелями за более полное использование местного недефицитного сырья, за максимальное расширение производства продукции прежде всего на местных видах сырья» [1. С. 99]. Аналогично ситуация складывалась и в Марийской, и в Чувашской АССР.

Вновь созданные органы управления промышленностью строительных материалов в автономных республиках Среднего Поволжья имели двойное подчинение – правительству соответствующей республики и органам управления в Москве. Так, в постановлении Совета Министров Марийской АССР от

¹⁵ В ценах тех лет.

23 октября 1950 г. подчеркивалось, что вновь создаваемое ведомство в своей деятельности подчинялось правительству Марийской АССР и Министерству промышленности строительных материалов РСФСР [3. Д. 2. Л. 1, 8].

В ряде случаев кадровый потенциал управлений не справлялся с организацией нормальной работы. Так, 4 мая 1946 г. начальником Управления промышленности строительных материалов Указом Президиума Верховного Совета Мордовской АССР [12. Д. 103. Л. 1] был назначен И.Г. Максимов¹⁶. В характеристике от 28 октября 1946 г. на И.Г. Максимова, подписанной председателем Совета Министров Мордовской АССР Н.Я. Тингаевым, отмечалось, что он «...имеет большой опыт руководящей работы в промышленности, инициативный и выдержанный работник, знает работу предприятий промышленности строительных материалов» [12. Д. 103. Л. 5]. Однако уже в июле 1947 г. на второй сессии Верховного Совета МАССР он подвергнут жесткой критике за неумение «устранить вскрытые недочеты и коренным образом перестроить свою работу» [1. С. 37]. 21 января 1948 г. Совет Министров Мордовской АССР, за слабый контроль и допущенные приписки в государственной отчетности по выполнению плана 11 месяцев 1947 г. подведомственными управлениями предприятиями, объявил Максиму строгий выговор [12. Д. 103. Л. 7], а Указом Президиума Верховного Совета МАССР от 11 мая 1948 г. он был освобожден от должности начальника УПСМ [12. Д. 103. Л. 9].

При анализе позднесталинской системы руководства и управления российский исследователь О.В. Хлевнюк и английский профессор И. Горлицкий выделили две противоречащих друг другу тенденции: «Одна из них предполагала создание специализированных и регулярных бюрократических структур, нацеленных на повышение отдачи советской экономики. Другая была связана с развитием диктатуры, исходила из приоритетности личной преданности функционера вождю и имела преимущественно репрессивный неформальный характер. Эта тенденция подрывала систему регламентированной бюрократии» [9. С. 12]. Оформление особой системы управления производством строительных материалов как в масштабах страны, так и в регионах, явилось конкретным проявлением первой тенденции. Ее создание в послевоенные годы было обусловлено огромной потребностью в них в условиях восстановления пострадавшей за годы войны экономики. Кирпич, цемент, строительная известь фактически стали стратегическими материалами, от которых зависели как темпы и сроки восстановления народного хозяйства, так и его модернизация.

Литература

1. Восьмая сессия Верховного Совета Мордовской АССР. 25-26 июля 1946 года: стенограф. отчет. Саранск, 1946.

2. Вторая сессия Верховного Совета Мордовской АССР. 15-16 июля 1947 года: стенограф. отчет. Саранск, 1947.

¹⁶ И.Г. Максимов родился в 1897 г. в Пензенской губернии, по национальности русский, происходил из рабочей семьи. Тридцать лет был рабочим. В годы Первой мировой войны, в 1916-1917 гг., воевал в составе артиллерийской бригады на германском фронте. Немного знал немецкий язык. В 1917-1920 гг. был красноармейцем и принимал участие в боях на Восточном фронте. В Гражданскую войну и в 1920-х гг. избирался депутатом Саранского городского совета рабочих и красноармейских депутатов, а в 1928-1930 гг. был членом бюро горкома ВКП(б). В 1920-1927 гг. Максимов – слушатель военно-учебных заведений г. Москвы, Самары и Киева, имел воинское звание подполковник запаса. В 1921 г. он закончил Самарскую инженерную школу, а в 1924-1932 гг. учился в Куйбышевском институте. Получил высшее образование по профессии инженер-строитель. С марта 1920 г. член ВКП(б), в других партиях он не состоял. В 1927-1946 гг. работал в г. Пензе, Куйбышеве, Туле, Челябинске. С 1927 по 1946 г. Иван Григорьевич трудился на руководящих должностях (заместитель директора завода, начальник строительства и управляющий строительно-монтажным трестом № 1) в Наркомате боеприпасов СССР и директором завода № 583. Он был женат, воспитывал сына. В 1945 г. награжден медалью «За доблестный труд» [12. Д. 103. Л. 2-3, Зоб., 4-6].

3. ГА РМЭ. Ф. Р-762. Оп. 1.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-1332. Оп. 2.
5. История Мордовской АССР. 1917-1981 гг.: в 2 т. Саранск: Морд. кн. из-во, 1981. Т. 2.
6. История социалистической экономики СССР. Т. 6. Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма. 1946 – начало 1960-х годов. М.: Наука, 1980.
7. *Каштанов О.А.* Промышленность и рабочий класс Мордовии в период осуществления политики индустриализации страны. 1926-1941 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Саранск, 1996.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941-1952 годы. М.: политиздат, 1968.
9. *Хлевнюк О. В., Горлицкий И.* Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2011.
10. ЦГА РМ. Ф. Р-234. Оп. 4.
11. ЦГА РМ. Ф. Р-624. Оп. 2.
12. ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 1.
13. ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 2.
14. *Rigby T.H.* The Government in the Soviet Political System // Executive Power and Soviet Politics: The Rise and Decline of the Soviet State / Ed. by E. Huskey. Armonk; N.Y., 1992.

МАТВЕЕВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (factusest@yandex.ru).

MATVEEV ANDREY PAVLOVICH – candidate of juridical sciences, associate professor, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 338:666(470.4)"1950/1960"

А.П. МАТВЕЕВ

**ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
СЕРЕДИНЫ 1950-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1960-х ГОДОВ
(на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)**

***Ключевые слова:** промышленность строительных материалов, модернизация, организация труда, рабочая сила, подготовка кадров, республики Среднего Поволжья.*

Проанализированы процессы организации труда в промышленности строительных материалов в условиях реформирования социально-экономического развития середины 1950-х – первой половины 1960-х гг. Статья написана на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР.

А.Р. МАТВЕЕВ

**LABOUR ORGANIZATION IN BUILDING MATERIALS INDUSTRY DURING
THE SOCIO-ECONOMIC REFORMS IN THE MIDDLE OF 1950 – THE FIRST HALF OF 1960
(THE MATERIALS OF THE MARI, MORDOVIA AND THE CHUVASH ASSR)**

***Key words:** building materials industry, modernization, work organization, labor, training, the Middle Volga republics.*

The article describes the organization processes of construction materials industry during the socio-economic reforms in the middle of 1950 – the first half of 1960s. This article was written on the materials of the Mari, Mordovia and Chuvash ASSR.

В условиях модернизации промышленности строительных материалов во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. проблема организации труда приобрела первостепенное значение. От нее зависели использование всех возможностей современной техники и эффективность живого труда, рациональное использование рабочей силы. Важнейшими народнохозяйственными проблемами в эти годы являлись обеспечение отраслей промышленности рабочей силой, улучшение качества подготовки кадров, их рационального распределения и использования. Намечались три пути обеспечения промышленности строительных материалов рабочей силой:

- вовлечение молодежи, вступающей в рабочий возраст;
- привлечение трудоспособного, не занятого в общественном производстве населения (преимущественно женского);
- территориальное перераспределение рабочей силы.

Динамику рабочей силы на предприятиях промышленности строительных материалов Марийской, Мордовской и Чувашской АССР позволяют представить архивные данные. Так, в 1957 г. на предприятиях Чувашского управления промышленности строительных материалов трудилось 1511 человек, в том числе 896 рабочих [5. Д. 7. Л. 6, 15], а в 1958 г. – уже 1987 человек, в том числе 1440 промышленных рабочих, из них на Чебоксарском заводе было занято 450, на Ивановском – 214, на Алатырском – 119, на Шумерлинском – 123, на Канашском – 98, на Шоркистринском – 190, на Козловском – 80, на Урмарском – 134 и на Янтиковском – 32 рабочих. В строительстве трудились 225 работников [5. Д. 11. Л. 11, 40, 40об.]. Затем их число выросло и достигло 2834 человека, в том числе 2269 рабочих, 175 ИТР, 93 служащих, 30 человек младшего обслуживающего персонала и 297 работников непромышленной сферы. С высшим образованием было 25 специалистов, из них 19 инженеров, 7 женщин, 6 членов и кандидатов в члены КПСС, 10 комсомольцев. По национальности они подразделялись следующим образом: 9 русских, 2 украинца, 2 татар, 11 чувашей и 1 еврей. Со средним специальным образованием было 138 специалистов, в том числе 71 женщина, 27 членов и кандидатов в члены КПСС, 74 комсомольца. Из числа этих специалистов русских было 84 человека, в том числе 54 женщины, а также: чувашей – 51, в том числе 17 женщин, мордвы – 1, татар – 1 человек [4. Д. 43. Л. 31об., 33, 33об., 34, 34об.]. На предприятиях Чувашского управления к середине 1960-х гг. трудилось 3048 человек, в том числе на Чебоксарском кирпичном заводе – 620, на Вурманкасинском заводе керамических блоков – 521, на Ивановском кирпичном заводе – 401, на Канашском заводе строительных материалов – 875, на Алатырском кирпичном заводе – 164, на Порецком кирпичном заводе – 122, на Шумерлинском кирпичном заводе – 113, на Урмарском известковом заводе – 110, на Ибресинском – 60 и на Марпосадском заводе строительных материалов – 62 человека [3. Д. 58. Л. 50].

В 1958 г. на совнархозных предприятиях промышленности строительных материалов Марийской АССР трудилось 1637 человек, в том числе 1142 рабочих, 81 ИТР, 42 служащих, 21 работник МОП и охраны. С высшим образованием было 16 специалистов, из них 14 инженеров. Среднее специальное образование имели 40 специалистов, в том числе 23 техника. Из специалистов со средним специальным образованием русских было 34 человека, марийцев – 3, мордвы – 1, татар – 1, евреев – 1. Партийный билет имели 13 человек, а члена ВЛКСМ – 22 работника [2. Д. 135. Л. 159об., 163, 163об.]. В 1965 г. в Марийской АССР на Йошкар-Олинский кирпичный завод им. «12 лет Октября» трудилось 450 работников, на Марийском заводе силикатного кирпича – 610, на Мари-Турекском кирпичном заводе – 109, Горно-Марийском кирпичном заводе – 103, в Ронгинском карьерном управлении – 300, в Коркатовском – 130, в Студенковском песчаном карьере – 44 работника. Всего на предприятиях управления было занято 1746 человек [1. Оп. 1. Д. 1. Л. 14-16].

В 1957 г. на предприятиях Управления промышленности строительных материалов Мордовской АССР было занято 368 человек промышленно-производственного персонала, 321 рабочий, 28 ИТР, 2 человека младшего обслуживающего персонала и 3 сотрудника охраны, а в 1958 г. – 381 человек (рабочих – 332 человека, ИТР – 29, служащих – 16, сотрудников охраны – 3). Численность непромышленных работников составляла 35 человек, в том числе в жилищно-коммунальном хозяйстве – 6. На кирпичных и черепичных предприятиях труди-

лось 237 рабочих, а лесопroduкцию делали 83 рабочих. Годовая выработка на одного рабочего на Трепаловском лесопильном заводе составляла 34 360 руб. и была на 3,7% выше плановой [16. Д. 126. Л. 1-3; Д. 102. Л. 15-17].

На Трепаловском лесопильном предприятии было 88 работников, в том числе 75 рабочих, 5 ИТР, 5 служащих, 1 сторож и 2 работника, относящихся к персоналу неосновной деятельности (работники жилищно-коммунального хозяйства, культурно-бытовых учреждений, детских садов, шоферы, строители). Женщины составляли 40% персонала. Возраст до 40 лет имели половина тружеников, а от 40 до 45 лет – 15 человек [16. Д. 130. Л. 40-41]. На Рузаевском предприятии трудилось 180 работников, из них 113 рабочих, 18 ИТР, 6 служащих, 2 человека МОП и охраны, 41 работник персонала непроизводственной деятельности. На заводе трудилось 85 женщин. В возрасте до 40 лет было 103 человека, от 40 до 45 лет – 35 [16. Д. 130. Л. 39-40]. На Кергудском заводе числилось 17 работников (13 рабочих, 2 ИТР, 1 служащий, 1 сторож). Было 9 женщин, а в возрасте до 40 лет – 14 тружеников [16. Д. 130. Л. 42об., 43]. На Шишкеевском предприятии работал 31 человек, в том числе 29 рабочих, 1 инженерно-технический работник и 1 служащий, а женщин было 6 [16. Д. 130. Л. 44об., 45].

В 1959 г. на предприятиях Управления промышленности строительных материалов Мордовского совнархоза было занято 4698 человек, в том числе на Алексеевском цементном заводе трудилось 1313 человек, на Саранском кирпичном заводе – 830, на Рузаевском – 325, на Ковылкинском заводе силикатных блоков – 212, на Алексеевском заводе асбоцементных изделий – 586, на Саранском комбинате теплоизоляционных изделий – 231, на Атемарском заводе строительных материалов – 171, на нерудном предприятии – 81, на Ичалковском лесокombинате – 121, на Умётском ДОКе – 816 и железобетонном заводе – 12 человек [14. Д. 18. Л. 62-64]. Для сравнения отметим, что на предприятиях Чувашского управления промышленности строительных материалов было занято 4000 работников, том числе 2979 рабочих, 300 ИТР, 143 служащих, 87 сотрудников МОП, 25 охранников, 16 учеников и 450 человек непроизводственной сферы [5. Д. 130. Л. 46]. Однако на заводах не хватало специалистов с высшим образованием, их было только 48 человек, в том числе 33 инженера, а всего было 55 человек с дипломами вузов и институтов. Русских было 34, чувашей – 14, украинцев – 2, остальные других национальностей. Среди лиц с высшим образованием было 27 женщин. Среднее специальное образование имели 228 человек, в том числе 167 техников и 119 женщин. Среди них было 135 русских, 87 чувашей, а также 1 человек мордовской, 2 – татарской, 1 – еврейской и 2 – украинской национальности [5. Д. 129. Л. 1, 1об., 5об., 77, 85, 85об.]. К середине 1960-х гг. количество работающих на предприятиях совнархозной промышленности строительных материалов Мордовии составило 4038 человек, из которых промышленно-производственный персонал – 3508 человек, рабочие – 3 026, ученики – 268, ИТР – 122, младший обслуживающий персонал – 13, сторожа – 79, а в непромышленной сфере было занято 530 работников [11. Д. 92. Л. 28об.].

Как уже отмечалось, в декабре 1962 г. были образованы экономические районы РСФСР и укрупнены совнархозы, в том числе и Волго-Вятский, в связи с чем совнархозы Марийского, Мордовского и Чувашского экономических административных районов были ликвидированы. При этом отдельные предприятия промышленности строительных материалов передавались региональным структурам. Так, в Мордовии ряд предприятий промышленности строительных материалов передали Министерству местной промышленности МАССР, на которых трудился 391 человек (таблица).

**Численность работающих на предприятиях строительной промышленности
Мордовской АССР в 1962 г., чел.**

Предприятие	Категории персонала						
	Всего работников	ППП	Рабочие	ИТР	Служащие	МОП	Охрана
Рузаевский кирпичный завод	239	222	194	19	7	1	1
Трепаловский лесопильный завод	103	96	82	7	6	-	1
Кергудский черепичный завод	20	18	14	2	1	-	1
Шишкеевский черепичный завод	29	24	20	3	1	-	1
Итого	391	360	310	31	15	1	4

Примечание. Знак (-) означает отсутствие явления. Таблица составлена по данным [18. Д. 3. Л. 2].

Как видно из данных таблицы, рабочие составляли 79,3% от числа работающих, инженерно-технические работники – 7,9%, служащие – 3,8%, сторожа – 1,0%. Основное число этих работников было сосредоточено на Рузаевском заводе.

На заводах совнархозовской промышленности стройматериалов Мордовии трудилось 2097 человек, из их 58,5% женщин. Промышленно-производственный персонал составлял 1883 человека, в том числе 1649 рабочих, 135 инженерно-технических работника, 68 служащих, 9 человек младшего обслуживающего персонала и 22 сотрудника военизированной, вооружено-вахтёрской и профессионально-пожарной охраны. В непромышленных организациях было занято 214 человек, из них на транспорте – 34 человек, в ЖКХ – 23, в капитальном ремонте – 50, воспитателей в детских садах – 51, в медицинских учреждениях и яслях – 18 человек. Среди рабочих было 59% женщин и 17 подростков (до 17 лет) [17. Д. 6. Л. 1]. Отметим, что на кирпичных предприятиях в основном работали женщины.

На Саранском кирпичном заводе трудилось 760 человек, из них 66,9% женщин. Промышленно-производственного персонала было 665 человек, из них 587 рабочих, 47 ИТР, 24 служащих, 5 человека младшего обслуживающего персонала и 2 сторожа. Среди рабочих было 68,8% женщин. В непромышленной сфере работало 95 человек [17. Д. 6. Л. 2]. На Рузаевском кирпичном заводе работало 344 человека, из них 67,4% женщин. Промышленно-производственного персонала было 314 человек, из них 289 рабочих, 17 ИТР, 7 служащих и 1 человек младшего обслуживающего персонала. Среди рабочих было 66,1% женщин. В непромышленной сфере работало 30 человек [17. Д. 6. Л. 3]. На Саранском комбинате теплоизоляционных изделий работало 299 человек, из них 60,9% женщин. Промышленно-производственного персонала было 291 человек, в том числе 245 рабочих, 27 ИТР, 16 служащих, 1 человек младшего обслуживающего персонала и 2 сотрудника военизированной, вооружено-вахтёрской и профессионально-пожарной охраны. Среди рабочих было 65% женщин. В непромышленной сфере трудилось 8 человек [17. Д. 6. Л. 4].

Специфика отрасли предполагала использование на промышленных предприятиях сезонных рабочих, что обуславливало оргнаборы рабочей силы. Для сезонной работы в весенне-летний период предприятия местной промышленности строительных материалов Мордовии проводили организованный набор рабочих. В 1957, 1958 и 1959 гг. завербовали, соответственно, 165, 210 и 250 человек [17. Оп. 2. Д. 130. Л. 58]. Подобная практика существовала и в Чувашии. Так, 29 января 1959 г. вышло распоряжение № 70-р Совета Министров ЧАССР, в соответствии с которым председатели райисполкомов обязывались оказывать содействие предприятиям и организациям в проведении

организационного набора рабочих в количестве 600 человек на сезонные работы на заводах Управления промышленности строительных материалов СНХ. Из 26 районов 11 получили план по привлечению работников на сезонные работы: Аликовский и Ишлейский районы – по 25 человек, Комсомольский – 60, Канашский – 80, Красно-Четайский – 30, Моргаушский – 75, Сундырский – 30, Урмарский – 100, Цивильский – 75, Чебоксарский – 20 и Шумерлинский – 80 [5. Д. 15. Л. 210-211].

По оргнабору пополняли ряды специалистов и на предприятиях Управления промышленности строительных материалов Марийского совнархоза. Так, к примеру в 1959 г. на Горно-Марийский и Мари-Турекский кирпичные заводы были направлены 2 инженера, а на Коркатовский карьер – 2 горных мастера [2. Д. 135. Л. 103]. Отметим, что в совнархозный период открывались новые учебные заведения, что позволило повысить уровень образования работников промышленности строительных материалов.

С 1963 г. в соответствии с Постановлением № 1332-142 Совета Министров РСФСР «О мерах по усилению борьбы с бродяжничеством, попрошайничеством и улучшению работы по трудоустройству лиц освобождённых из мест лишения свободы» от 16 ноября 1963 г. на предприятия промышленности строительных материалов стали брать этот спецконтингент. В автономных республиках правительства тоже приняли соответствующие постановления, однако работа в этом направлении шла плохо, особенно в Чувашской АССР.

Курс на модернизацию и подъем экономики обусловил необходимость дальнейшего развития и совершенствования движения передовиков и новаторов производства. Официальные документы фиксируют их рост на заводах отрасли. Среди новаторов производства следует выделить начальника производственно-технического отдела Чебоксарского завода ЖБИ № 1 Ю.К. Ерёмину, мастера Н.Г. Кожевникова, бригадира бетонщиков В.М. Степанова, механика Н.И. Лаптева, инженера-конструктора П.К. Спиридонова, электрика Г.П. Петрова, бригадира арматурщиков С.М. Бадюдина, главного инженера завода ЖБИ № 2 Ю.Г. Анчикова, главного механика А.К. Жданова, энергетика М.Н. Старостина, бригадира бетонщиков завода ЖБИ № 2 Л.Л. Кузнецова, бригадира слесарей В.К. Калыкина, мастера С.И. Курбакова, бетонщиков Г.А. Белаш и В.А. Тувалёву.

Новаторами и передовиками производства в Марийской АССР были механик Йошкар-Олинского кирпичного завода им. «12 лет Октября» П.Л. Коптелин и нормировщица А.К. Поздеева, на Марийском заводе силикатного кирпича – начальник цеха А.В. Сабанцев и механик Е.С. Малахова, на Горно-Марийском кирпичном заводе – технолог А.А. Афанасьев и механики А.И. Захаров, В.С. Киримов и Л.В. Лазарев, на Ронгинском каменном карьере – технолог Д.Д. Владимиров и механик Л.И. Ключев, на Коркатовском карьероуправлении – начальник планового отдела Д.А. Сырейщиков, на Йошкар-Олинском песчаном карьере – горный мастер Е.М. Серебряков и прораб И.В. Антонов [2. Д. 155. Л. 98-100].

По итогам выполнения плановых заданий 1962 г. и в связи с 45-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции 8 работникам предприятий Управления промышленности строительных материалов Мордовского совнархоза были присвоены звания «Отличник социалистического соревнования РСФСР», среди них электросварщица Умётского ДОКа М.И. Долгова, машинист Алексеевского завода асбоцементных изделий Н.Г. Миронов, главный инженер Алексеевского цементного завода В.И. Ермак, бульдозерист нерудного предприятия Н.А. Гавкин. Почётные грамоты совнархоза и областного совета профсоюзов вручили 8 передовикам производства Умётского ДОКа и Алексеевских заводов, в том числе столяру Умётского ДОКа Н.В. Столярову, мастеру Алексеевского завода асбоцементных изделий А.И. Романову, бригадиру слесарей Алексеевского цементного завода М.А. Рабину [15. Д. 70. Л. 13].

Следует отметить, что заводы возглавляли опытные производственники. Наиболее продвинутыми директорами заводов были Н.Н. Янковский (Чебоксарский завод ЖБИ № 1), В.М. Паршин, И.Е. Егоров и Б.А. Ветров (Козловский известковый завод). Директором Канашского завода асбестосмоляных плиток работал В.А. Ветров, Алатырского кирпичного завода – Г.П. Громилов, Шумерлинского кирпичного завода – П.Я. Яковлев, Канашского кирпичного завода – К.А. Николаев, Шоркистринского кирпичного завода – Н.А. Львов. Янтиковского черепичного завода – С.А. Шерне, Урмарского известкового завода – П.С. Степанов, Вурманкасинского завода керамических блоков – Р.С. Семёнов, Чебоксарского завода ЖБК № 2 – М.В. Шувалов, Ивановского кирпичного завода – П.П. Золотов.

В Марийской АССР директором Ронгинского каменного карьера работал М.Г. Голова, Кокатовского карьероуправления Л.Т. Яровиков и В.С. Журавлёв, Йошкар-Олинского песчаного карьера И.А. Конаков, Горно-Марийского кирпичного завода – В.Г. Шерлаимов, кирпичного завода им. «12 лет Октября» – А.К. Корюкин, Марийского завода силикатного кирпича – В.П. Андриянов, Мари-Турекского кирпичного завода – Н.П. Плотников [2. Д. 151. Л. 25-27].

Во второй половине 1950-х гг. в промышленном производстве стала резко возрастать роль технического прогресса и науки. Данные вопросы рассматривались на специальном пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г. В докладе председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина отмечалось: «Мы стоим на пороге новой научно-технической и промышленной революции, далеко превосходящей по своему значению промышленные революции, связанные с появлением пара и электричества» [12]. Конкретным проявлением возрастания роли научно-технического прогресса в регионах страны стало движение рационализаторов и изобретателей. В 1959 г. в Марийской, Мордовской и Чувашской республиках прошёл кастинг достижений рационализаторов и изобретателей. По его итогам 11 декабря 1959 г. Совет народного хозяйства Чувашского экономического административного района и президиум областного Совета профсоюзов приняли совместное постановление № 211 «Об итогах смотра-конкурса по рационализации и изобретательству», в котором отмечалось, что с апреля по декабрь 1959 г. всего поступило 1703 рацпредложения, в том числе по промышленности строительных материалов – 109, а условная годовая экономия от их внедрения составила в ценах тех лет, соответственно, 8625 тыс. руб. и 1454,4 тыс. руб. [5. Д. 15. Л. 1]. Отметим, что планом по Управлению промышленности строительных материалов была предусмотрена экономия от внедрения рацпредложений в размере 130 тыс. руб. [5. Д. 15. Л. 2]. Так, рационализаторы Чебоксарского кирпичного завода под руководством А. Евдокимова создали технологическую нитку по вводу добавок в кирпич-сырец, при этом использовали отходы производства и щебень. Внедрение этого предложения позволило установить строгую дозировку вводимых в производственный цикл компонентов и получать материал нужной фракции и качества. Экономический эффект от внедрения этого предложения в производство составил 267, 2 тыс. руб. [5. Д. 15. Л. 2].

По итогам смотра-конкурса главный механик Чебоксарского кирпичного завода Н.Н. Иванов, слесарь В. Барзаев, сантехник М.М. Веселов и электросварщик В. Асанин получили премии в размере от 300 до 150 руб. Механик Шумерлинского кирпичного завода В.А. Киселёв – 300 руб., по 150 руб. начислили мастеру предприятия Е.К. Барягину, обжигальщикам кирпича А.И. Никоноровой и М.М. Бардиной, начальнику цеха П.Н. Шеглодаеву, рабочим Р.М. Маливой и М.М. Ивановой. На Чебоксарском заводе ЖБИ № 1 выписали премиальные в размере 300 руб. начальнику производственно-технического отдела Н.Н. Янковскому [5. Д. 15. Л. 17].

13 января 1960 г. Совет народного хозяйства Чувашского экономического административного района принял постановление № 4 «О плане по рациона-

лизации и изобретательству на 1960 год», в котором предписывалось в 10-дневный срок довести до каждого предприятия плановые задания по рационализаторским предложениям. По Управлению промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза предусматривалась ежегодная экономия от внедрения рацпредложений в ценах тех лет в 1,5 млн руб., а на 100 работников планировалось 4 рационализатора. Количество внедрённых предложений должно было составлять 90% [5. Д. 45. Л. 2-3]. В основном эти параметры были реализованы. Так, в сентябре 1961 г. поступило 33 предложения, из них 20 было внедрено, а в 1963 г. – внедрили 80% от всех поступивших предложений [5. Д. 106. Л. 7; Д. 122. Л. 66].

В целях улучшения работы рационализаторов и изобретателей 12 октября 1960 г. при Управлении строительства и промышленности строительных материалов Марийского совнархоза было организовано БРиЗ в составе заместителя начальника ПТО управления И.А. Мошкова (председатель) и 6 членов (инженер ПТО управления В.И. Иванов; старший инженер ПТО управления М.Ф. Барабин; начальник ПТО строительного треста № 116 В.С. Автономов; главный инженер кирпичного завода им. «12 лет Октября» А.А. Царегородцев; начальник ПТО управления И.С. Тимофеев; и.о. начальника ПТО завода железобетонных конструкций Н.А. Кузнецов) [2. Д. 155. Л. 33].

Несмотря на то, что в регионах слабо была поставлена работа по повышению уровня технико-экономических знаний работников, движение рационализаторов развивалось. Так, к примеру по Управлению промышленности строительных материалов Мордовского совнархоза в 1960 г. поступило 388 рационализаторских предложений, из них 246 было внедрено в производство, что дало экономический эффект на 244,2 тыс. руб. Всего на предприятиях было 194 рационализатора из 4571 работника, или 4,2% [14. Д. 2. Л. 49; Д. 34. Л. 125]. Среди рационализаторов выделялись А.П. Пузиков, А.В. Ананьев, И.Ф. Курысько, А.И. Сычёв на Алексеевском цементном заводе, работники Умётского ДОКа – В.И. Наумкин и В.Н. Бурушкевич. Вместе с тем неудовлетворительно была поставлена работа на Рузаевском кирпичном заводе и нерудном предприятии [14. Д. 34. Л. 131].

В 1962 г. на предприятиях было 319 рационализаторов, что на 22 меньше, чем в 1961 г. Они подали 514 рацпредложений, а внедрено было 394 с экономическим эффектом в 229,4 тыс. руб. Отметим, что в 1961 г. подали 542 предложения, а внедрили 388. Они дали годовой экономический эффект на сумму 273,8 тыс. руб. [15. Д. 92. Л. 5]. Наиболее активно движение рационализаторов и изобретателей развивалось на алексеевских цементном и асбоцементном заводах и Ковылкинском заводе силикатных блоков, а неудовлетворительно – на Саранском и Рузаевском кирпичных заводах.

Особое внимание в процессе модернизации промышленного производства уделялось подготовке кадров для отраслей народного хозяйства. В соответствии с Постановлением № 1099 Совета Министров СССР «Об участии промышленных предприятий, совхозов и колхозов в комплектовании вузов и техникумов и в подготовке специалистов для своих предприятий» от 18 сентября 1960 г., начиная с 1960 г., наряду с общим порядком поступления в учебные заведения, вводился приём абитуриентов в вузы и техникумы по направлению промышленных предприятий,строек, совхозов и колхозов [2. Д. 151. Л. 111-112]. Перелом в структуру подготовки кадров и оснащение ими народнохозяйственного комплекса Мордовской АССР внесло открытие 2 октября 1957 г. в г. Саранске Мордовского государственного университета [10. С. 54]. К этому времени в республике «сформировался высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, что дало возможность республике перейти к новому этапу развития. Создание на базе госпединститута Мордовского государственного университета наглядно продемонстриро-

вало тот факт, что процесс становления научно-педагогических кадров республики был завершен» [9. С. 21].

Создавались и средние специальные учебные заведения. В феврале 1958 г. был открыт Саранский индустриальный техникум [13. Д. 468. Л. 44], 10 сентября 1962 г. – медицинское училище в г. Инсаре, 9 сентября 1964 г. – медицинское училище в г. Ардатове [6. С. 79], в 1965 г. – Саранский машиностроительный и Рузаевский политехнический техникумы [11. С. 523].

В целях обеспечения учебно-методического руководства производственно-техническим обучением рабочих, повышением квалификации руководящих и инженерно-технических работников в соответствии с постановлением № 148 совнархоза Чувашского экономического административного района от 12 сентября 1962 г. «Об организации учебно-курсового комбината» 1 декабря 1962 г. был создан учебно-курсовой комбинат, который подчинялся отделу кадров и учебных заведений совнархоза [5. Д. 120. Л. 1]. Для подготовки инженерных кадров в 1958 г. в г. Чебоксары открыли филиал вечернего факультета Горьковского политехнического института. Кроме того, специалистов со средним специальным образованием готовили 22 техникума и училища, в которых к 1964/1965 учебному году обучалось более 15,3 тыс. человек. Рост ученического контингента за совнархозный период составил более чем в 2 раза [8. С. 129].

Однако качество подготовки рабочих чаще всего было неудовлетворительное. Поэтому 5 июня 1958 г. было принято постановление № 60 совнархоза Чувашского экономического административного района «О мерах по улучшению качества подготовки квалифицированных рабочих в технических и специальных училищах и школах системы трудовых резервов и совнархоза», в котором устанавливалась номенклатура подготовки рабочих кадров и утверждались базовые предприятия для школ и училищ.

Квалифицированных работников обучали в школе ФЗУ при Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате» управления совнархоза «Чувашлегпром», в Алатырском лесотехническом училище управления совнархоза «Чувашлесдрепром», в техническом училище № 11, строительном училище № 4 (г. Чебоксары), ПТУ № 6 (г. Шумерля) и в Шумерлинском строительном училище № 15 Управления трудовых резервов [5. Д. 6. Л. 1-7]. Однако на базе предприятий промышленности строительных материалов не было училищ и школ.

Ежегодно совнархозы принимали постановления о распределении специалистов, окончивших средние специальные учебные заведения. К примеру, 3 февраля 1958 г. Чувашский совнархоз принял постановление № 14 «О плане распределения специалистов, окончивших в 1958 г. средние специальные учебные заведения», в соответствии с которым на предприятия Управления промышленности строительных материалов было направлено работать 14 человек, в том числе на Чебоксарский кирпичный завод – 4, на Ивановский – 3, на Алатырский – 2, на Шумерлинский – 2, на Канашский – 2 и на Янтиковский черепичный завод – 1 специалист [5. Д. 1. Л. 76].

Значительное внимание подготовке кадров и повышению их квалификации уделялось на предприятиях Марийского совнархоза. Этим занимался отдел кадров и учебных заведений совнархоза. Работа велась на плановой основе. Так, к примеру, в 1960 г. для Управления строительства и промышленности строительных материалов было подготовлено 4 автоэлектрокрановщика, 10 взрывников для карьеров, 15 электросварщиков, 25 машинистов узкоколейных мотовозов, 15 бульдозеристов, а курсы повышения квалификации посетили 37 рабочих [2. Д. 135. Л. 107]. В соответствии с распоряжением № 675-р совнархоза Марийского экономического административного района от 25 октября 1960 г., «в целях повышения технической культуры трудящихся, обоб-

щения и массового внедрения передового опыта в производство, повышения квалификации рабочих и ИТР», при бюро технической информации совнархоза был организован университет технической культуры – курсы по повышению квалификации [2. Д. 153. Л. 139].

Вторая половина 1950-х гг. является временем серьезных изменений в социальной политике государства. В 1955 г. по инициативе Н.С. Хрущева был поднят вопрос о заработной плате в различных отраслях экономики. Первый секретарь ЦК КПСС был убежден, что «вопрос о повышении заработной платы низкооплачиваемых рабочих и служащих является очень актуальным и необходимо ускорить его решение» [7. С. 79]. Он писал: «Мне кажется, что этот вопрос нельзя решить только путем повышения производительности труда, снижения цен и другими мерами. По-видимому, нам надо пойти на прямое увеличение заработной платы низкооплачиваемых работников...» [7. С. 79]. Работники промышленности строительных материалов относились именно к этой категории. В Марийской, Мордовской и Чувашской республиках средняя заработная плата рабочего-строителя составляла 5610 руб. В 1957 г. средняя зарплата строителя уступала оплате труда рабочего, которая составляла в среднем 6838 руб., инженерно-технического работника (10 535 руб.), служащего (6428 руб.), но была больше зарплаты младшего обслуживающего персонала (3500 руб.) и охраны (3650 руб.) [16. Д. 129. Л. 12].

В 1959 г. в Мордовии на предприятиях промышленности строительных материалов средняя годовая заработная плата рабочих составляла 7215 руб., инженерно-технических работников – 9766 руб., служащих – 7120 руб., младшего обслуживающего персонала – 3600 руб. и сторожей – 3730 руб. [16. Д. 129. Л. 24, 70]. На Трепаловском лесопильном заводе зарплата рабочего была ниже и составляла 6045 руб. [16. Д. 126. Л. 1-3]. В 1965 г. рабочий получал за свой труд 7500 руб. в год. В 1957 г. на предприятиях Чувашии средняя месячная заработная плата рабочих составляла 611 руб. 50 коп. Наибольшей она была на Чебоксарском кирпичном заводе (695 руб. 83 коп), наименьшей – на Янтиковском черепичном заводе (455 руб. 17 коп.)¹.

Однако социальные проблемы сводились не только к низкой заработной плате. Остро стояли вопросы обеспечения жильем, нормальными условиями труда и т.п. Социальные проблемы работников предприятий решались очень медленно. Так, для тружеников Вурманкасинского завода керамических блоков, Чебоксарского, Ивановского, Алатырского, Шумерлинского, Канашского кирпичных заводов, Козловского и Урмарского известковых заводов было построено только 7,5 тыс. кв. м жилья. Для Чебоксарского и Вурманкасинского и Канашского предприятий были построены детские ясли, соответственно, на 100, 90 и 25 мест, а также баня на 24 человека, столовая на 50 мест и магазин для Вурманкасинского завода [5. Д. 28. Л. 2, 3].

Бытовые условия труда рабочих были плохими. Так, на Урмарском известковом заводе не было бытового помещения, отвечающего санитарно-гигиеническим требованиям. Отдыхали рабочие и принимали пищу в землянке, а столовая работала только 3-4 ч в сутки. Вода для питья кипятилась в грязном баке, душевых, умывальников, мыла и полотенец не было. В аптечках отсутствовали медикаменты для оказания первой помощи. Туалет и вовсе отсутствовал [5. Д. 84. Л. 152]. Такая же ситуация была и на предприятиях Марийской АССР. В приказе № 16-33 по Управлению строительства и промышленности строительных материалов совнархоза от 23 августа 1960 г. отмечалось, что рабочие не снабжались кипячёной водой, у них отсутствовали

¹ Подсчитано по данным [4. Д. 10. Л. 11].

средства индивидуальной защиты (рукавицы, очки, респираторы) на работах по дроблению камня и его погрузке [2. Д. 155. Л. 22].

Сложнейшая ситуация сложилась в деле обеспечения безопасности труда и ликвидации травматизма. 6 апреля 1959 г. Совет народного хозяйства Чувашского экономического административного района и президиум областного Совета профсоюзов приняли совместное постановление № 42 «О состоянии охраны труда и техники безопасности на предприятиях совнархоза», а 30 декабря 1959 г. – постановление № 223 «О ходе выполнения постановления Совета народного хозяйства и президиума областного Совета профсоюзов от 6 апреля 1959 года», в котором отмечалось, что работа по снижению травматизма на предприятиях ведётся неудовлетворительно. Так, на Ивановском кирпичном заводе допуск труженников на работу осуществлялся без инструктажа, а на Шумерлинском и Чебоксарском кирпичных заводах рабочие заходили в камеры обжига кирпича-сырца без предварительного замера температуры [5. Д. 45. Л. 4, 5]. Не улучшилось положение дел и в последующие годы. Не отличались в этом плане и промышленные предприятия Марийской АССР. Так, в 1959 г. количество несчастных случаев по отношению к предыдущим годам выросло. На Йошкар-Олинском кирпичном заводе «12 лет Октября» их было 62, на Горно-Марийском кирпичном заводе – 11, на Мари-Турекском кирпичном заводе – 3, на заводе силикатного кирпича – 37, в Ронгинском карьере – 11, в Коркатовском карьере – 23 [2. Оп. 1. Д. 152. Л. 77]. На создание безопасных условий труда в Мордовии в отрасли в 1960 г. было израсходовано 63,5 тыс. руб., примерно столько же тратилось и в предыдущие годы. Однако произошёл 201 несчастный случай [14. Д. 34. Л. 128-130]. Особенно часто рабочие получали увечья на Рузаевском и Саранском кирпичных заводах, Умётском ДОКе и Алексеевском цементном заводе. В Чувашии высокая степень травматизма была на Алатырском, Шумерлинском, Чебоксарском и Янтиковском кирпичных заводах.

Условия труда в немалой степени вели к высокой текучести рабочей силы. Так, в 1960 г. по сравнению с 1959 г. травматизм на предприятиях Управления промышленности строительных материалов Чувашского совнархоза вырос на 10%. Соответственно с них уволилось 1024 рабочих, или 42% от их общей среднегодовой численности.

Остро стояла проблема с трудовой дисциплиной, за несоблюдение которой на марийских предприятиях в 1960 г. было уволено 67 человек, а прогулы совершили 190 рабочих [5. Д. 82. Л. 65]. Отметим, что до 14 июля 1951 г., когда Верховный Совет СССР принял Указ «О замене судебной ответственности рабочих и служащих за прогулы мерами дисциплинарного и общественного воздействия», такой проблемы не было.

Таким образом, в совнархозный период промышленность строительных материалов в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР развивалась динамично, а в последней она росла опережающими темпами по сравнению со всей индустрией. Все это породило проблему кадрового обеспечения предприятий отрасли. Между тем ситуация в данной сфере была очень сложной. Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. на кирпичных заводах Мордовии и Чувашии в основном трудились женщины, а в Мордовской АССР использовался труд детей в возрасте 16 лет и старше, причём это было тяжёлое в физическом отношении ремесло. На предприятиях не хватало лиц с высшим и средним специальным образованием. Сложилась диспропорция между модернизационными процессами, которые шли в отрасли, и нерешённостью социальных проблем.

Литература

1. ГА РМЭ. Ф. Р-1073. Оп. 1.
2. ГА РМЭ. Ф. Р-762. Оп. 1.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-1332. Оп. 3.
4. ГИА ЧР. Ф. Р-1832. Оп. 1.

5. ГИА ЧР. Ф. Р-1832. Оп. 2.
6. Горюнов Н.В. История становления и развития среднего профессионального образования в Мордовии: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001.
7. Иванова Г.М. На пороге «государства всеобщего благосостояния». Социальная политика в СССР (середина 1950-х – начало 1970-х годов). М.: ИРИ РАН, 2011.
8. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Кн. 2.
9. Крисанова Н.А. Высшая школа Мордовии 1931-1956 гг. (формирование научно-педагогических кадров): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1999.
10. Мордовский государственный университет. 75 лет. Саранск: Изд-во Морд. ун-та; Калининград: Фоли Ант, 2006.
11. Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1979.
12. Правда. 1955. 17 июля.
13. ЦГА РМ Ф. Р-1439. Оп. 1.
14. ЦГА РМ. Ф. Р-624. Оп. 1.
15. ЦГА РМ. Ф. Р-624. Оп. 2.
16. ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 2.
17. ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 5.

МАТВЕЕВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ. См. с. 60.

УДК 930.25

Е.К. МИНЕЕВА, Л.В. СОЛОМИНА

РАЗВИТИЕ АРХИВНОГО ДЕЛА В ЯМАЛО-НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА*

Ключевые слова: Ямало-Ненецкий автономный округ, сибирские архивы, архивное строительство, публикации по истории архивов, периодизация.

Впервые проанализирован материал по историографии архивного дела в Ямало-Ненецком автономном округе в XX – начале XXI вв. Поэтапное освещение вопроса дает представление об основных тенденциях публикуемой по архивному строительству в округе информации, указаны причины обращения к данной теме в разные исторические периоды. Статья имеет практическое значение как для специалистов в архивной отрасли, так и для историков.

E.K. MINEEVA, L.V. SOLOMINA

THE DEVELOPMENT OF ARCHIVAL BUSINESS IN THE YAMALO-NENETS AUTONOMOUS DISTRICT: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Key words: Yamalo-Nenetsky autonomous okrug, Siberian archives, archival construction, publications on the history of archives, periodization.

The material on the historiography of the archive work in the Yamal-Nenets autonomous district in the XX – beginning of the XXI centuries in this article for the first time analyzed. The gradual illumination of the question gives an idea of the main trends in publications hed on archival construction in the district of information, the reasons for the infenest to this topic in different historical periods. The article has practical importance both for experts in the archive of the sphere industry, as well as for historians.

Состояние современного общества в последние годы достаточно отчетливо свидетельствует о проблеме зависимости духовной культуры от сохраненного поколениями наследия, в том числе и документального. Интерес к архивным документам как первоисточникам исторических сведений, к процессу появления этих значимых свидетельств времени и возникновению архивных учреждений различного уровня проявляется в возросшем количестве работ по истории архивного строительства. До последнего времени обозначенная тема относилась к малоизученным, особенно это касается региональных

* Исследование выполнено в рамках госконтракта № 16.740.11.0408 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

исследований. Основное внимание историков-архивистов было направлено на изучение вопросов сохранности документального наследия, его использования, создания научно-справочного аппарата и др., касающихся специфики работы отрасли. В результате для историографии развития государственных архивов характерны фрагментарность и неравномерность.

Прежде всего, обратимся к периодизации историографии. В этой связи нам ближе всего данные исследователей сибирских архивов В.С. Бобровой [3] и С.Е. Черноуховой [16], выделяющих в отечественной историографии проблемы четыре периода: 1920-1930-е гг.; 1940 – первая половина 1950-х; вторая половина 1950-х – первая половина 1980-х гг.; со второй половины 1980-х гг. Однако при таком подходе остаются необозначенными два этапа: советский и постсоветский. Видный ученый, архивист А.И. Костанов [9] предложил периодизацию с выделением постсоветского периода (с начала 1990-х гг. по настоящее время). На наш взгляд, с точки зрения изучаемой темы, в этом периоде следует выделить два этапа, рамки которых определены рубежом веков: сложного перестроенного процесса с присущим ему отрицанием положительного опыта предыдущего этапа и осмыслением трансформации архивной отрасли в начале XXI в.

Таким образом, считаем целесообразным выделение в историографии проблемы развития архивного дела в Ямальском (Ненецком) национальном округе в 1920-1960-е гг. советского (1920-е – первая половина 1980-х гг.) и постсоветского (вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.) периодов, каждый из которых, в свою очередь, делится на несколько этапов. Так, в первом периоде особо следует выделить 1920-е гг., когда шел процесс сбора и первичной обработки доступных сведений о деятельности архивов; начало 1930-х – середину 1950-х гг., в которые присутствовала явно политизированная оценка архивного делопроизводства, рассматривавшегося в качестве успешной деятельности архивного строительства в стране Советов, была предпринята первая попытка систематизации накопленных сведений; вторую половину 1950-х – первую половину 1980-х гг., связанных с созданием комплекса учебных пособий по различным направлениям архивной отрасли.

Постсоветский период включает два основных этапа: вторую половину 1980-х – конец 1990-х гг., в которые проводилась новая трактовка опыта архивного строительства в предыдущие годы, полемика по ряду вопросов; первое десятилетие XXI в., время переосмысления наработанного советского и перестроенного опыта архивной службы, введения новых трактовок по различным вопросам деятельности изучаемой отрасли, расширения тематики исследований архивного дела.

В свою очередь, каждый из периодов (этапов) подразделяется на центральный и региональный уровни исследований, имеющие свои закономерные особенности. Следует отметить, что административные центры, в ведомстве которых находилось архивное дело Ямала (Обского Севера), менялись: Тобольск, Тюмень, Екатеринбург (Свердловск), Омск. Поэтому вопросы историографии сибирских архивов также являются объектом анализа в рамках данной статьи.

Основоположниками историографии истории архивного дела советского периода являются руководители архивных учреждений страны, задававшие основные направления отечественной историографии. М.Н. Покровский, возглавлявший центральное архивное ведомство в 1920-1929 гг., первоначально исходил из того, что ведущая функция архивов – общекультурная. Позже в его концепции архивного строительства стала превалировать политическая функция архивов, действующих на основе классовых партийных интересов государства.

Огромное значение для развития архивного дела в национальных автономиях в этот период сыграла работа Б. Анфилова [7]. По мнению ученого, федеральная власть в деле законодательного регулирования должна учитывать особенности их национальной природы. Он особо отметил, что органи-

зация отделов национальной истории должна быть признана одной из важнейших задач архивного строительства в автономных республиках. Такая постановка вопроса была своевременной и важной для периода организации архивного дела, связанного с процессами централизации.

Зарождавшаяся советская историография мало обращалась к теме документального наследия Сибири, как и вообще в указанный период к истории регионального строительства архивного дела. Первым региональным исследованием стало сообщение заместителя заведующего Пермского губархива А.А. Введенского [8]. Автор дал краткую характеристику фондам личного происхождения и назвал ряд утраченных архивов региона. Архивные хранилища Сибири уничтожались, «несмотря ни на какие вразумительные доказательства целесообразности и вреда общекультурному делу» [4. С. 11].

О неудовлетворительном состоянии архивов Сибири накануне Октябрьской революции и в первые годы советской власти посвящены работы сибирского архивиста Н.Н. Бакая [12]. Внимания заслуживают статьи Сибирской советской энциклопедии, среди которых обзорная статья «Архивы Сибири» В.Д. Вегмана [5. С. 143-148]. В статье В.Д. Вегман «раскрыл» побудительные причины архивного строительства в советское время: «Советская власть оценила архивы как исключительно ценное орудие пролетариата для разоблачения закулисных интриг международных империалистов и, признав, какую колоссальную пользу могут принести архивы, как материал для нашего советского и социалистического хозяйственного строительства, в 1918 г. организовала Главное управление архивным делом».

Таким образом, на первом этапе советской отечественной историографии авторами работ были в основном руководители и непосредственные работники архивов, которые фактически выполняли задачи первоначального исследования: сбора и систематизации доступных сведений. Историографию этого периода отличают партийная идеологизация, повышенное внимание к политической роли архивов. Для региональной историографии с учетом развернувшейся борьбы за исторические документы этого края, активной краеведческой деятельности университетских центров в сибирских городах характерны вопросы по сбору сведений об архивах и упорядочению архивного дела на отдаленных территориях.

Второй этап советского периода совпал с периодом формирования военно-промышленного государства с тоталитарным типом идеологии. Несмотря на усиление политического давления идеологических и карательных органов, охватившего все стороны общественно-политической и научной жизни в СССР в 1930-е гг., архивоведческая мысль получила значительное развитие. Возросло количество авторов, разрабатывавших различные аспекты архивной проблематики. Состояние дел в отрасли получило развернутую оценку в юбилейной редакционной статье главного печатного органа архивистов – журнале «Архивное дело», в котором констатировались достижения архивных организаций всех уровней. Ряд статей в журнале был посвящен борьбе с вредительством.

Знаковым событием данного этапа в архивном деле стал выход первого советского учебника по истории отечественного архивного дела А.В. Чернова [15], автор которого впервые систематизировал материалы по истории архивного строительства при советской власти. Существенным концептуальным отличием позиции исследователя от взглядов предшественников стала попытка охарактеризовать созданную систему государственных архивных учреждений, нацеленную на решение научно-исследовательских, а не политических проблем.

В региональной историографии, в Сибири и на Урале, этот период не представлен столь широким многообразием работ. Если еще в начале 1930-х гг. появились своеобразные справочники: «Западно-Сибирский архив и наше социалистическое строительство», «Сибирский архивист», обзоры сибирских

архивистов о работе того или иного архива, то позднее архивоведческая проблематика сибирских архивов исчезает со страниц вовсе.

Таким образом, для данного этапа характерны достаточно противоречивые особенности: расширение тематики и географии архивоведческих работ, появление большого числа авторов в центральных районах страны и в то же время – отсутствие работ по архивной тематике о Сибири и в Сибири. Политизация идеологии в государстве повлияла на историографию вопроса, прежде всего преувеличение успехов советской власти в сфере архивного дела.

Третий этап советского периода историографии проблемы начался с середины 1950-х гг., когда идеологический прессинг на историческую науку был несколько ослаблен. А.И. Костанов обозначает начало этапа «решениями XX съезда КПСС, провозгласившими курс на восстановление «ленинской концепции» исторического процесса» [9. С. 11].

Событием этого времени стал выход в 1959 г. нового учебника по истории архивного строительства, автором которого был В.В. Максаков, бывший заместитель управляющего Центрархива РСФСР (позже – ЦАУ СССР). Он впервые обстоятельно проанализировал многие законодательные и нормативные акты советского государства по архивному делу, осветил развитие архивного дела в первые годы централизации, дал оценку и трактовку ленинским декретам, народнохозяйственным и научно-исследовательским целям.

С первых номеров «Информационного бюллетеня» стали появляться материалы об архивах Западной Сибири [10. С. 37], в частности Тюменской области, в которую входил Ямало-Ненецкий национальный округ. Так, в статье «Некоторые вопросы комплектования государственных архивов Тюменской области» научный сотрудник архивного отдела УВД Тюменского облисполкома А.И. Ефимова освещает изменения штата сотрудников Ямало-Ненецкого окргосархива и создание в округе районных архивов. На страницах бюллетеня поднимаются и другие вопросы: формирование условий для лучшего использования документальных материалов архивов, методическое руководство по созданию путеводителей, рекомендации по публикации документов советского Севера.

Первой заметкой о государственном архиве Ямало-Ненецкого национального округа послужило интервью журналиста А.К. Омельчука [11], взятое у директора окружного архива А.А. Исакова «Живое дело архивистов» в июне 1976 г. В заметке идет речь о работе архива и его небольшом коллективе, выполнявшем «необходимую работу по сохранению архивных документов, о комплектовании архива».

В период победоносных открытий месторождений нефти и газа на территории Тюменской области активизировались все отрасли, в том числе и архивное дело. Появились первые сборники документов, например, «Нефть и газ Тюмени в документах». Выявление этих материалов проводилось в государственных и ведомственных архивах Тюменской области, в том числе и Ямало-Ненецкого окружного архива КПСС. Архивы Ямала начинают упоминаться в публикациях журнала «Советские архивы» [6].

Первый справочник-путеводитель «Государственные архивы РСФСР» информировал о фондах и истории образования каждого из государственных архивов. Однако в статье о Государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа историческая справка и библиографические сведения не приведены, вся информация заключена в предложении «создан в 1934 г.» . Это понятно, в этот период другой информации об архиве и не было известно. В 1981 г. вышло первое региональное издание «Краткого справочника по фондам государственных архивов Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов», подготовленное сотрудниками Государственного архива Тюменской области. Справочник содержал краткую характеристику фондов указанных архивов.

Таким образом, для третьего этапа советского периода отечественной историографии характерно то, что в это время начали появляться как фундаментальные работы по истории государственных архивов центра страны, так и краткие сведения о региональных архивах. Именно в эти годы сформировалась тенденция, суть которой сводилась к преобладанию определенной заданности трактовки архивного дела как непрерывного прогрессивного развития благодаря «заботе партии и правительства». Региональные аспекты истории архивов Сибири нашли отражение на страницах журналов через широкое привлечение сотрудников архивной отрасли к отдельным видам публикаторской работы. Положительный сдвиг в данном направлении архивистов Западной Сибири обусловлен задачей сохранения для истории архивных документов о деятельности первопроходцев, геологов, нефтяников и пр.

Начало постсоветского периода связано с поиском новых подходов к разработке проблем истории российских архивов в обстановке всеобщей атмосферы «перестройки», началом обновления во всех сферах жизни и деятельности общества и государства. В архивоведении наметилась линия на пересмотр функций архивов, смены приоритетов в развитии архивного дела.

Одной из характерных особенностей в работе историков стало стремление опубликовать ранее неизвестные материалы как по истории России в целом, так и по истории архивного строительства в частности. Исследователи все чаще начали обращаться к творческому наследию Г. Миллера, Д.Я. Самоквасова, Н.В. Калачова, А.С. Лаппо-Данилевского, С.Ф. Платонова и других историков, вклад которых ранее освещался односторонне.

Тогда же выросло число кандидатских диссертаций, защищавшихся в МГИАИ и в региональных научных центрах, что свидетельствовало об усилении внимания к опыту архивного строительства. Например, диссертация О.В. Пеки [3] «Архивы и архивные документы в политической жизни советского общества» (1992) была написана уже на новых концептуальных основаниях, она определяла архивное дело как «составную часть пропагандистской машины тоталитарного государства».

Сибирские, уральские архивисты в общей атмосфере пересмотра исторических процессов архивного строительства активно обсуждали роль в архивном деле выдающихся, но забытых архивистов Сибири В. Д. Вегмана, А.А. Введенского и других. Значительным прорывом в деле исследования и пропаганды роли архивов в России стало издание в 1995 г. зонального научно-популярного журнала «Архивы Урала». Ряд его статей и сообщений закономерно посвящен истории государственных и партийных архивов Пермской, Свердловской и Челябинской областей. Их авторы, в основном сами работники этих архивных учреждений, кратко охарактеризовали историю указанных архивных хранилищ страны за последние десятилетия, состав фондов и основные направления их деятельности.

Исторические справки о создании Ямало-Ненецкого окружного архива, кадровом составе, особенностях работы появились в городской газете «Поллярный круг» (г. Салехард), самиздатовском журнале «Ямальский архивист» (1994), региональном журнале «Архивы Урала». Это было связано с реорганизацией структуры окружных органов власти, куда вошел государственный архив, новом подходе к рассмотрению вопросов по архивной части.

Таким образом, первый этап постсоветского периода характеризуется эволюцией теории архивного строительства. История советских архивных учреждений начала рассматриваться в контексте основных тенденций общественно-политического развития страны в эти годы, подчас на «злобу дня» — достаточно резкие критические замечания по поводу советских преобразований в архивном деле. Своеобразным итогом указанного этапа историографии стала развернувшаяся дискуссия между ведущими архивистами страны:

Т.И. Хорхординой [17], В.П. Козловым, Д.М. Володихиным и А.Н. Артизовым, В.В. Цаплиным, З.В. Крайской и др.

На региональном уровне больше внимания было уделено изданию сборников документов. В выявлении архивных документов для публикации тематических сборников участвовали и ямальские архивисты, но статьи по истории архивного дела в основном носили характер заметок, выпускаемых в рамках юбилейных мероприятий и кратких исторических справок. При этом происходила путаница по поводу даты создания первого государственного архива на Ямале – 20 марта или 23 сентября 1934 г.

«Переход человечества в новое столетие и тысячелетие», по словам руководителя Федерального архивного агентства в этот период В.П. Козлова [7. С. 7], для историков-архивистов имел «высший смысл», поскольку именно они ощущают движение времени из прошлого через настоящее в будущее». Этот момент был ознаменован выходом обширной группы публикаций к 2000-летию Рождества Христова. Трансформация идеологических оценок роли религии и церкви в истории России обострили интерес учёных к документальным источникам конфессионального происхождения и, прежде всего, к архивам Русской Православной Церкви. Появляется большое количество работ религиозно-ведческой проблематики, справочно-информационных изданий и многочисленных обзоров фондов, сформировавшихся до отделения церкви от государства.

В эти годы на страницах журнала «Отечественные архивы» вновь оживилась исследовательская работа сибирских архивистов и историков. Следует назвать и ряд диссертаций, посвященных региональной истории архивного дела: А.И. Костанова (Сибирь и Дальний Восток) [9], В.С. Бобровой (Сибирь) [3], С.С. Черноуховой (Урал) [16]. В них выявлены и охарактеризованы основные этапы развития архивного дела в каждом из регионов, определены изменения статуса и структуры учреждений архивных служб, рассмотрены взаимоотношения центральных органов управления архивным делом и региональных архивных учреждений, прослежена реализация общих тенденций правового регулирования, выявлены особенности в контексте составных, органичных и неотъемлемых частей России исторического развития архивного дела на каждой самостоятельной территории. Отдельно следует сказать о диссертации С.С. Черноуховой (Урал) [16], так как Ямало-Ненецкий автономный округ с 1923 г. по 1934 г. входил в состав Уральской области и архивное дело Ямала находилось под руководством Уральского областного архива. К сожалению, история развития архивного дела северных территорий Урала в работе прослеживается только на уровне отчетов о количестве архивов, автор в большей степени касается центральных районов Урала.

В энциклопедической статье «Архивное дело округа», вышедшей в 2004 г. в «Энциклопедии Ямало-Ненецкого автономного округа», указано, что «архивное дело округа ведет историю с ноября 1924 г., когда в Обдорском создан стат. стол». Такие же сведения даны в тюменских справочниках.

В 2004 г. в буклете, посвященном юбилейной дате государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа, была опубликована статья В.Л. Реусовой «70 лет Государственному архиву ЯНАО» [1]. Краткое содержание этой работы включено в «Научный вестник» № 5(31), изданного по материалам региональной научно-практической конференции «Страницы истории Ямала в архивных документах». В статье содержатся исторические сведения о Государственном архиве ЯНАО и его сотрудниках. В течение последнего десятилетия дважды переиздавался «Краткий справочник по фондам Ямало-Ненецкого автономного округа» – в 2005 г. и 2010 г. Фрагменты из истории ГА ЯНАО содержатся в предисловии к кратким справочникам.

К 90-летию архивной службы России в 2008 г. был издан справочник «Архивы Ямала» [2], с краткими историческими справками об архивных учрежде-

ниях округа. На данный момент справочник содержит наиболее полную информацию по истории архивного дела в автономном округе. В 2008 г. в выпуске № 5(57) «Научного вестника» была опубликована работа, в которой впервые дана периодизация архивного дела в округе [14]. В региональном журнале «Ямальский меридиан» в последние годы были опубликованы публицистические статьи о развитии архивного дела на территории Ямала в первые годы советской власти [13]. Кроме того, история архивного дела в ЯНАО представлена в виде кратких упоминаний об архивных учреждениях Ямала в изданиях, посвященных истории архивного дела страны. Информационный характер носит статья в книге Ю. Морозова, В.А. Пермякова «Ямал: Власть и Север» [18]. Написанные сотрудниками архивных учреждений ЯНАО статьи и заметки, посвященные архивному делу каждого муниципального образования и различным аспектам развития архивного дела, были опубликованы также в региональных и муниципальных печатных изданиях средств массовой информации. Данные по истории архивов автономного округа имеются и в кратких справочниках по фондам архивных учреждений ЯНАО, в буклетах, посвященных юбилейным датам.

Так, на втором этапе постсоветского периода продолжается трансформация идеологических оценок, идет осмысление ситуации «негативизма» в предыдущие годы, советской эпохи и «перестроечные». Истории архивов и их деятелей – выходящихся архивистов – в последние годы уделяется особое внимание.

Таким образом, на этапе «архивной революции» начала XXI в. у историков-архивистов появилась возможность сосредоточить внимание на выявлении и систематизации ранее неизвестных источников исторической информации, обратиться к архивным документам без предвзятости «политических формулировок» и негативизма к опыту прошлых лет. Появились фундаментальные исследования, расширилась тематика работ и на региональном уровне.

Пожалуй, рано еще говорить о едином информационном пространстве в деятельности архивных учреждений федерального и регионального уровня, тем не менее работа в этом направлении заметно активизировалась. Возникли публикации в результате совместного труда по выявлению и популяризации архивных источников. Однако комплексного исследования по развитию архивов Западной Сибири, в частности ее северных территорий, на данный момент пока нет. Публикации по истории архивного дела Ямало-Ненецкого автономного округа носят фрагментарный, частный характер, в большинстве случаев данные на уровне справочных материалов. В целом, изучив историографию вопроса, следует отметить, что тема развития архивного дела в Ямало-Ненецком автономном округе требует дальнейшего всестороннего аналитического изучения.

Литература

1. 70 лет Государственному архиву Ямало-Ненецкого автономного округа: сб. ст. Салехард: Красный Север, 2004.
2. *Архивы Ямала*: справочник. Салехард: Артвид, 2008. 36 с.
3. *Боброва В.С.* Государственные архивы Сибири (1920-1930-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 24 с.
4. *Введенский А.А.* Дела и дни // Исторический журнал. Пг., 1920. Кн.1.
5. *Вегман В.Д.* Архивы и архивное дело // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск: Сибирское краевое изд-во, 1928. Т. 1. 620 с.
6. *Вокуев Н.Т.* Развитие архивного дела в Тюменской области // Советские архивы. 1982. № 3. С. 8-12.
7. *Ертмакова Г.В.* Центральный государственный архив Чувашской АССР в 1920-1991 г.: исторический аспект становления и функционирования: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.
8. *Козлов В.П.* Результаты 2001 г. дают основания для сдержанного оптимизма (доклад на расширенном заседании коллегии Федеральной архивной службы России // Отечественные архивы. 2002. № 2. С. 3-12.
9. *Костанов А.И.* История формирования, сохранения и использования документального наследия Сибири и Дальнего Востока (конец XVI – первая четверть XX вв.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2010. 47 с.

10. Кривошеева Е.А., Шпаров Ю.А. Создать условий для лучшего использования документальных материалов архивов Западной Сибири в интересах науки // Информационный бюллетень Архивного управления МВД РСФСР. 1958. № 5. С. 37-41.
11. Омельчук А.К. Живое дело архивистов // Красный Север. 1976. № 37, 29 июня.
12. Первый Сибирский краевой научно-исследовательский съезд. Новосибирск, 1928. Т. 5.
13. Соломина Л.В. Учрежденческие архивы села Обдорского // Ямальский меридиан. 2009. № 12. С. 62-74.
14. Соломина Л.В. История архивного дела на Ямале: к постановке проблемы изучения // Научный вестник. 2008. № 5 (57). С. 68-74.
15. Чернов А.В. История и организация архивного дела в СССР. М.: Просвещение, 1940. 267 с.
16. Черноухова С.С. Государственные и партийные архивы Урала в 1919-1938 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 27 с.
17. Хорхордина Т.И. История и архивы. 1917-1980-е гг. М.: ВНИИДАД, 1994. 358 с.
18. Ямал: Власть и Север / авт.-сост. Ю.А. Морозов, В.А. Пермьяков. Салехард; СПб.: Русская коллекция, 2008. С. 52.

МИНЕЕВА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mineevaek21@mail.ru).

MINEEVA ELENA KONSTANTINOVNA – doctor of historical sciences, professor of Russian History Chair named after A.V. Arsenteva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

СОЛОМИНА ЛИЛИАНА ВАСИЛЬЕВНА – аспирантка кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (VaSol@bk.ru).

SOLOMINA LILIANA VASILIEVNA – post-graduate student of Russian History Chair named after A.V. Arsenteva, Chuvash State University, Russia Cheboksary.

УДК 331-053.6(470.43/43)"1960/1980"

В.А. МОРОЗОВ, В.И. СОКОЛОВА

ТРУДОВАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ МАРИЙСКОЙ И ЧУВАШСКОЙ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 60-х – СЕРЕДИНЕ 80-х гг. XX ВЕКА

Ключевые слова: молодежь, комсомол, социально-экономическое и политическое развитие, XXVII съезд КПСС, ЦК ВЛКСМ, социалистическое соревнование, социальная сфера, производство, Советское государство.

На основе опубликованных и архивных источников освещены вопросы участия молодежи Марийской и Чувашской автономных республик в мероприятиях по достойной встрече XXVII съезда КПСС. Большое внимание уделено проблеме социально-экономического и политического развития Советского государства во второй половине 1960-х – середине 1980-х гг. Показаны успехи и неудачи молодежи в выполнении заданий партии и правительства, освещена роль ЦК ВЛКСМ и комсомольских организаций в решении назревших задач ускоренного развития народного хозяйства страны.

V.A. MOROZOV, V.I. SOKOLOVA

THE LABOR ACTIVITY OF THE YOUTH

OF THE MARI AND CHUVASH FUTONOMOUS REPUBLICS IN THE SECOND HALF
OF THE 60s – THE MIDDLE OF THE 80s OF THE 20th CENTURY

Key words: the youth, the Komsomol, social-economic and political development, socialist competition, social sphere, production.

In the paper has been analyzed on the basis of the published sources. The regional material is considered at the all-union background of the social-economic and political development of the state. The achievements and problematic questions are shown. The role of the Komsomol organizations in solving tasks of the national economy of the country has been studied.

Прежде чем приступить к анализу заявленной темы, необходимо обстоятельно осветить вопросы социально-экономического и политического развития Советского государства второй половины 1960-х – середины 1980-х гг., охарактеризовать духовно-нравственный потенциал общества, раскрыть

масштабы «коммунистического воспитания» молодежи. В связи с этим актуальными становятся вопросы о том, какие задачи стояли перед страной в эти годы, каким образом пыталось решить их руководство Советского Союза, как это влияло на жизненный уровень населения страны, какое участие в решении важных проблем государства принимала молодежь.

Во второй половине 1960-х гг. политическое развитие Советского государства носило сложный и противоречивый характер. Значительно усилился идеологический контроль за средствами массовой информации, учреждениями культуры, возросла роль цензуры. В 1970-е гг. неизменно проводился курс на «возрастание руководящей роли партии». Партийные организации получили право контроля деятельности администрации, возросла численность управленческого аппарата.

Значительно усилился контроль со стороны партийного аппарата над всеми сторонами жизни общества. В 1977 г. была принята новая Конституция СССР, в которой законодательно укреплялась роль Коммунистической партии. Поскольку вся реальная власть в самой КПСС принадлежала партийному аппарату, то именно партия являлась главной политической силой в стране. Несмотря на то, что аппарат все контролировал и абсолютно всем руководил, он в то же время не отвечал ни за что. К середине 1980-х гг. стало ясно, что система управления экономикой, созданная в 1930-е гг., превратилась в своего рода «механизм торможения». Система сковывала самостоятельность и инициативу граждан, порождала незаинтересованность в результатах труда. Отставание социальной сферы стало тормозить дальнейшее развитие экономики государства. В стране процветали приписки, искажение фактов. В самых высших номенклатурных кругах распространилось взяточничество, коррупция. Все это вело к крайнему падению престижа власти, нарастанию в обществе апатии, алкоголизма, преступности. Наблюдался нравственный и духовный упадок. Особенно заметно это влияло на моральный облик молодежи. Однако отсутствие частной собственности, тотальная зависимость от государства и веками присущий российскому народу коллективизм и конформизм способствовали сохранению относительного единства общества, слабой дифференциации интересов отдельных молодых людей. КПСС сдерживала разрушение единомыслия. Особое внимание партия и правительство уделяли политической пропаганде среди молодежи. Однако, на наш взгляд, такая мощная идеологическая пропаганда мешала самостоятельно мыслить и действовать, что вполне оправданно можно назвать одной из причин отставания нашей страны от других государств мира.

Естественно, партия всеми силами пыталась бороться с этими негативными явлениями в жизни страны. В 1984 г. было принято постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» [1]. Выполняя данное решение, областные комитеты ВЛКСМ Марийской и Чувашской АССР предприняли ряд мер, направленных на усиление коммунистического воспитания молодежи, повышение ее общественно-политической и трудовой активности. Обкомы, райкомы, комитеты комсомола предприятий, учреждений, учебных заведений, колхозов и совхозов стали перестраивать стиль своей работы. До минимума было сокращено количество проводимых мероприятий, с 24 единиц до 8 были упразднены внештатные формирования при обкомах комсомола. Количество документов, направляемых в РК, ГК ВЛКСМ в вышестоящие инстанции, сократилось с 107 до 78, была изжита практика запрашивания информации с мест сверх утвержденного ЦК ВЛКСМ перечня. Был пересмотрен регламент работы аппаратов обкомов, горкомов, райкомов и комитетов комсомола, которые как в рабочие, так и в выходные и праздничные дни до принятия этого постановления работали до 22 часов. Комсомольские работники, активисты стали

чаще бывать в молодежных коллективах, первичных организациях комсомола, общешкольных, местах отдыха юношей и девушек, детей и подростков.

Проводимая комсомольскими организациями работа была направлена на умножение вклада молодежи в ускорение социально-экономического развития республик. Юноши и девушки Марийской и Чувашской автономных республик участвовали в соревновании за право подписать рапорт Ленинского комсомола XXVII съезду КПСС, созыв которого был намечен на январь 1985 г.

Важным событием для молодежи Марийской АССР явилось открытие 19 января 1985 г. XXXVI областной конференции ВЛКСМ. Очень насыщенным по числу обсуждаемых вопросов явился форум комсомольцев. Весьма представительным стал и состав приглашенных делегатов и гостей. Здесь присутствовали кандидат в члены ЦК КПСС, первый секретарь ОК КПСС Марийской АССР Г.А. Посибеев, Председатель Президиума Верховного Совета республики А.А. Васильев, Председатель Совета Министров И.А. Новосильцев и др.

На 19 января 1985 г. в Марийской областной организации комсомола насчитывалось 108 282 члена ВЛКСМ, из них 55,4% работали в отраслях народного хозяйства, (в том числе 5,5% трудились в колхозах и совхозах), 32,3% были рабочими (4,1% – инженерно-технические работники, остальные – служащие, торговые работники, учащиеся) [2].

Усилия по подготовке к соревнованию на право подписать рапорт Ленинского комсомола XXVII съезду КПСС дали определенные результаты. На конференции были отмечены успехи юношей и девушек, добившихся хороших результатов в претворении заданий партии и правительства. Несколько увеличилось количество комсомольско-молодежных бригад, а также численность тружеников, работающих бригадным подрядом. Например, механизаторы колхоза «Красная звезда» Мари-Турекского района комсомолец Р.З. Мустафин, его отец и три брата организовали бригадный подряд, в дальнейшем полностью оправдавший себя на производстве. 3500 кг молока и выше от каждой коровы получили в 1984 г. коллектив госплемзавода «Семеновский», коллектив Тошнурского совхоза «Кожласолинский» Звениговского района, а также 10 других молодежных ферм и комплексов МАССР. Несмотря на то, что создававшаяся ситуация кажется вполне сносной, необходимо иметь в виду, что на Западе к тому времени уже надаивали от коров до 10 000 кг молока [3].

В новых социально-экономических условиях по инициативе комсомола в производство стали внедрять новации. Например, появились сводные отряды молодежных животноводов, сельскохозяйственные отряды по заготовке кормов из числа работающей молодежи городов и райцентров. К примеру, в 1984 г. победителем в соцсоревновании среди сельской молодежи стал комсомолец Александр Соловьев, надоивший в течение года с каждой коровы по 4738 кг молока. По итогам этого же года была отмечена наградой Нина Алматова, надоившая по 4564 кг молока от каждой коровы [3].

Победителем «Жатвы-84» стал молодой механизатор совхоза «Красная звезда» Рев Мустафин, выдавший из бункера своего комбайна 923 т зерна. Не было равных среди водителей Евгению Бушкову из совхоза «Елеевский» Параньгинского района, перевезшего 1751 т зерна за сезон. Успехов добился комсомольско-молодежный коллектив Афанассолинского молочного комплекса колхоза «Рассвет» Советского района. В 1985 г. средняя урожайность зерна по республике составила 18 ц с гектара. Комсомольско-молодежная бригада Г. Якаева из ПМК-11 объединения «Марийскмелиорация» обязалась выполнить пятилетний план к 9 мая 1985 г., включив в свой состав Героя Советского Союза А.Н. Громова, заработок которого отчислялся в Советский фонд мира.

Ростки нового отношения к работе имелись и в среде рабочей молодежи. Досрочно справились с планом 4-го года пятилетки слесарь-инструменталь-

щик завода полупроводниковых приборов Георгий Трофимов, фрезеровщик завода «Контакт» Виктор Васин, швея-мотористка фабрики «Труженица» г. Йошкар-Олы Галина Русинко и др. В 1984 г. молодые рационализаторы Марийской автономной республики представили свыше двух тысяч изобретений, экономический эффект от внедрения которых составил 3,2 млн руб. [3].

Одновременно с форумом марийской молодежи, т.е. 19 января 1985 г., в Чувашской АССР состоялась XXXVI областная конференция ВЛКСМ. На 19 января 1985 г. в Чувашской областной организации комсомола состояло 186 818 человек. На форуме с обстоятельным докладом выступил первый секретарь ОК ВЛКСМ В.В. Шакин. К началу 1985 г. в республике свыше 2500 молодых тружеников, 240 комсомольско-молодежных коллективов завершили выполнение пятилетних заданий. Возросло комсомольское влияние в важнейших отраслях народного хозяйства. Количество комсомольцев увеличилось за год (с 1984 по 1985 г.) в промышленности на 3,4%, строительстве – 11,1%, животноводстве – 6,4%, среди механизаторов – 7,2%. На 9% увеличилось число юношей и девушек, объединенных в комсомольско-молодежные бригады. Половина коллективов, занятых в сфере материального производства, работали на бригадном подряде, дополнительно в 1985 г. были созданы две сквозные бригады «отличного качества» [4].

Важнейшим делом комсомола республики становилось все более широкое привлечение молодежи к активной работе по интенсификации народного хозяйства, ускорению научно-технического прогресса. При помощи обкома КПСС, Совета Министров ЧАССР создавался Чувашский центр научно-технического творчества молодежи и школьников. В 1985 г. ему было специально выделено здание, совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами решались вопросы материально-технического обеспечения, выделения штатных должностей для этих целей. Перспективные направления научно-технического творчества молодежи рассматривались на научно-практических конференциях молодых ученых, специалистов и рабочих.

Особенно остро стала ощущаться потребность в ускорении научно-технического прогресса в 1970-1980-е гг. На партийных съездах принимались решения о необходимости смещения акцентов в экономической политике путем перенесения центра тяжести с количественных показателей на качественные. В 1980-е гг. предполагалось завершить перевод экономики на путь интенсификации, вывести все отрасли народного хозяйства на передовые рубежи науки и техники, добиться значительного увеличения производительности труда, позволяющей обеспечить 85-90% прироста национального дохода. Но централизация экономики, достигшая в 1970-х гг. максимума, порождала негативные явления. Партийные функционеры необоснованно преувеличивали потенциальные возможности социализма, игнорировали необходимость внедрения экономических стимулов.

Тем не менее и в эти годы комсомол направлял лучших своих воспитанников на строительство ударных объектов. Тогда это были объекты Нечерноземья, Чебоксарской ГЭС, Березниковского калийного комбината Пермской области, газопроводов Уренгой-Центр, Ямбург-Елец. 14 важнейших народнохозяйственных строек 1985 г. были объявлены ударными комсомольскими. Все задания ЦК ВЛКСМ по направлению комсомольцев на стройки страны руководством Марийской и Чувашской автономных республик были выполнены [4].

Руководство страны пыталось активизировать работу по шефству над общественным животноводством, мелиорацией земель, социальным переустройством села (в 1982 г. была принята Продовольственная программа). В Чувашии каждый третий механизатор, каждый шестой животновод, почти половина специалистов сельского хозяйства являлись людьми комсомольского возраста. Свой вклад в успешное проведение уборки урожая внесли 1766 комсомольско-молодежных уборочных агрегатов и транспортных экипажей. В

сельскохозяйственном производстве было создано дополнительно 40 комсомольско-молодежных коллективов. За последние три года по комсомольским путевкам для работы на фермах и в комплексах было направлено 900 выпускников общеобразовательных школ, 654 из них закрепились, 158 поступили в учебные заведения. Райкомами комсомола было взято шефство над 39 экономически слабыми колхозами и совхозами. Обком ВЛКСМ стал шефствовать над колхозами «Сорминский» Аликовского района и «Кировец» Ядринского района [8]. Тем не менее резкого поворота в повышении эффективности производства не произошло. Решения партии оставались только директивами. Промышленность, равно как строительство и сельское хозяйство, с планами не справлялась. Серьезно снизились темпы роста производительности труда и некоторые другие показатели эффективности.

Нельзя сказать, что в стране не велась определенная работа по осуществлению технической реконструкции. Число комплексно механизированных, автоматизированных и комплексно-автоматизированных участков, цехов, производств росло. Следует отметить, что в 1970-х гг. при РК, ГК, ОК КПСС были введены специальные должности компетентных руководителей (в основном инженеров), отвечающих за внедрение новейших технологий в производство, перед которыми директора заводов, руководители предприятий и др. были обязаны отчитываться за внедрение и эффективное использование новой техники. Однако многие импортные конвейеры вовсе не устанавливались и ржавели на складах или же эксплуатировались не в полную силу. Естественно, в этих условиях повышения эффективности производства не произошло.

Молодежь Марийской и Чувашской республик выполняла разнообразные задания партии и правительства. В ходе республиканской комсомольской двухлетки по борьбе с эрозией почв, которая проводилась одновременно в Марийской и Чувашской АССР, в осенний и весенний месячники комсомольцами и молодежью, пионерами и школьниками были посажены миллионы деревьев и кустарников, сооружены тысячи запруд, заложены сотни парков, аллей, скверов в честь погибших героев-земляков.

В составе Всесоюзного студенческого отряда юноши и девушки ударно трудились на строительстве объектов Нечерноземья, Камчатской области, проводили линии электропередач в Алтайском крае, участвовали в уборке и переработке овощей и фруктов в Молдавии, Астраханской области. Строительными отрядами в 1985 г. был выполнен большой объем строительно-монтажных работ, социалистические обязательства областными студенческими отрядами по основным показателям были выполнены [4].

Комитеты ВЛКСМ включились в реализацию реформы школы, совершенствовали трудовое воспитание и профессиональную ориентацию учащихся, серьезное внимание уделяли развитию самоуправленческих начал, инициативы и самостоятельности школьных комсомольских и пионерских организаций. За каждой школой республик были закреплены базовые предприятия, в которых были созданы рабочие места для тысяч учащихся. В учебно-производственных комбинатах старшеклассники обучались различным профессиям. Ежегодно в летней трудовой четверти участвовали тысячи учащихся. Многие выпускники школ 1985 г. работали в сфере материального производства и учились в ПТУ [4].

Обком, комитеты комсомола пытались добиться перестройки идеологической, культурно-просветительной, учебно-воспитательной работы в молодежной среде. Были осуществлены меры по улучшению организации марксистско-ленинского образования, совершенствованию форм и повышению действенности обучения. Различными формами обучения было охвачено большинство юношей и девушек республик. По настоящему требованию партийных организаций в школы комсомольской политической и экономической

учебы были направлены квалифицированные пропагандисты. Подавляющая часть пропагандистов являлась коммунистами, имела достаточно высокий стаж работы и высшее образование. Конкретным делом для комсомольских организаций промышленных предприятий стало оказание шефской помощи учебным заведениям в оборудовании классов и кабинетов вычислительными машинами и компьютерной техникой.

Тем не менее, анализируя практику политической, экономической и комсомольской учебы, необходимо сказать, что не знающий меры формализм, искажение фактов нигде не имели такого размаха, как в этой сфере. Школы коммунистического труда, системы повышения экономических знаний, комсомольское просвещение постепенно заглохли настолько, что занятия вообще перестали проводиться. Перед вышестоящими органами отчитывались «среднепотолочными» данными.

В советский период соцсоревнование приобрело всеобъемлющий характер и рассматривалось руководством страны как важнейшее орудие по мобилизации масс на выполнение государственных планов, как средство воспитания граждан в духе социалистической (коммунистической) идеологии. К середине 1980-х гг. соревнования практически превратились в плановое мероприятие с участием трудовых коллективов и отдельных работников по разнарядке вышестоящих органов власти, т.е. к концу 1980-х гг. социалистическое соревнование в СССР как историческое явление практически перестало существовать.

В работе комсомольских организаций имелись серьезные недостатки. Уровень организаторской работы ОК, РК, ГК и комитетов ВЛКСМ, первичных комсомольских организаций не соответствовал требованиям постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». Немало юношей и девушек продолжали нарушать трудовую, учебную и общественную дисциплину, росло пьянство среди молодежи, высокой оставалась преступность среди несовершеннолетних и молодежи.

Вместе с тем следует отметить, что мероприятия по подготовке к XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов (Москва, 1985 г.) позволили значительно улучшить работу по формированию у молодежи политической зрелости, качеств патриотов-интернационалистов. Активизировалась работа по месту жительства. Многие молодежные общежития, парки, кинотеатры были объявлены «Зонами трезвости». Они становились местами культурного отдыха молодежи, всемерно пропагандировались безалкогольные вечера по внедрению новых советских обрядов. Принимались меры по улучшению работы по подбору, восстановлению и воспитанию комсомольских кадров и актива.

Однако ОК, ГК, РК ВЛКСМ не сумели создать действенную систему по трудовому воспитанию и профессиональной ориентации учащихся, развитию трудовых объединений школьников. Медленными темпами велось строительство стационарных лагерей труда и отдыха, полевых станов для ученических производственных бригад. Не все ученические производственные бригады имели сельскохозяйственную технику, работа оставалась сезонной, слабо внедрялись в них элементы хозрасчета. В республиках не имелось достаточного количества стационарных лагерей труда и отдыха для старшеклассников.

В течение 1985 г. на пленумах райкомов, горкомов комсомола республик обсуждались вопросы претворения в жизнь Постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи». В адрес обкомов, горкомов, райкомов ВЛКСМ поступали предложения, критические замечания, определялись пути устранения имеющихся недостатков в работе комсомольских организаций, мобилизации юношей и девушек на достойную встречу XXVII съезда КПСС.

Однако к середине 1980-х гг. формы, методы и принципы организации производства, а также политические установки советского руководства вошли в противоречие с закономерностями экономического развития. Недооценка всей остроты и неотложности назревших задач повышения уровня жизни населения, активного использования в народном хозяйстве достижений научно-технического прогресса привели к накоплению негативных явлений в экономике, что привело к кризису социально-политической ситуации в стране. Молодежь, как наиболее активная часть общества, вполне осознавала необходимость кардинальных перемен. Во все более широких кругах нарастало ощущение, что жизнь устроена неправильно. Государство лишалось социальной поддержки граждан, и в первую очередь молодежи.

Литература

1. Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 6. Оп. 30. Д. 8. Л. 48.
2. Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. П-9. Оп. 19. Д. 12. Л. 39.
3. ГА РМЭ. Ф. П-9. Оп. 22. Д. 13. Л. 14.
4. ГАСИ ЧР. Ф. 6. Оп. 30. Д. 5. Л. 77-81.

МОРОЗОВ ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (V.Morozov@mail.ru).

MOROZOV VALERIY ALEKSEEVICH – doctor of historical sciences, professor of Regional History Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Россия, Чебоксары (Sokolova-cheb@mail.ru).

SOKOLOVA VALENTINA IVANOVNA – doctor of historical sciences, professor of Russian History Chair named after A.V. Arsenteva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94(470.62):63

Т.В. РЫЖКОВ

АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ НЕФТЕПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ И ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ВЕРТИКАЛЬНО ИНТЕГРИРОВАННЫХ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ (1993-1995 гг.)

Ключевые слова: нефтяная промышленность, акционирование, приватизация, вертикально интегрированные нефтяные компании.

Исследованы основные модели развития ведущих нефтяных компаний России, определившиеся в 1993-1995 гг. под влиянием процессов акционирования и приватизации.

T.V. RYZHKOV

ALTERNATIVE DEVELOPMENT OIL INDUSTRY RUSSIA AND OTHER MODELS OF VERTICALLY INTEGRATED OIL COMPANIES (1993-1995)

Key words: petroleum industry, corporatization, privatization, vertically integrated oil companies.

The basic model of leading Russian oil company, will be determined in 1993-1995 under the influence of corporatisation and privatization processes.

Анализируя приватизационные процессы начального этапа российских рыночных реформ, необходимо отметить, что, несмотря на определенные опасения негативных последствий, они практически сразу затронули и крупнейшие бюджетообразующие предприятия страны. В частности, в 1993 г. огромные масштабы приобрели процессы акционирования нефтяной промышленности. В итоге в 1994 г. процесс разгосударствления здесь в основном был завершен. Основная часть государственных предприятий и организаций изменили форму собственности и были преобразованы в акционерные общества (АО).

К концу 1994 г. в АО было преобразовано 60% всех нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий. При этом Роснефть управляла 38% пакетами акций более чем 100 нефтяных предприятий России, признанных федеральным имуществом [10].

Учитывая особое значение нефтяной промышленности для бюджета, государство попыталось сохранить необходимую степень концентрации производства. Основную роль здесь стали играть вертикально интегрированные компании (ВИНК), объединявшие предприятия по добыче, переработке и сбыту нефти. Их приоритетному развитию способствовали та корректировка, которая была осуществлена властями в процессе перехода ко «второму этапу» приватизации. Как отмечал в данной связи первый вице-премьер: «Задача второго этапа – радикальный пересмотр политики и методов приватизации... Основным критерием должна стать не готовность приватизатора заплатить государству больше денег, а гарантия инвестиций, обновление продукции и профили деятельности...». При этом в отношении сырьевых компаний он предлагал усилить внимание к «неэксплуатируемым месторождениям» [13].

Ставка на усиление процессов концентрации в ключевых отраслях прямо закреплялась и Указом Президента РФ от 5 декабря 1993 г. «О создании финансово-промышленных групп в Российской Федерации».

В итоге, в середине 1990-х гг. в России возникло более десятка крупных нефтяных компаний (ВИНК), в 1995 г. добывших 280 млн и переработавших 170,3 млн т нефти. Основным полем их деятельности был Западно-Сибирский регион. Добыча основных ВИНК в 1995 г. здесь составила: ЛУКОЙЛ – 41,4 млн т, ЮКОС – 26,9 млн т, Тюменская НК – 22,7 млн т, Сибнефть – 20,3 млн т, Сиданко – 15,7 млн т, Восточная НК – 11,2 млн т, Славнефть – 8,3 млн т. Здесь и государственная «Роснефть» – 33,3 млн т [1]. Заметную роль в нефтедобыче играли также Поволжский и Уральский регионы.

Тот факт, что инициатива приватизации в нефтяной промышленности в значительной степени принадлежала самим нефтепромышленникам, среди прочего, привел к диверсификации процесса развития ведущих корпораций. Изначально наметилось несколько моделей развития нефтяных компаний.

Наиболее существенные отличия отмечались в стратегиях развития, избранных руководством «ЛУКОЙЛа» и «Сургутнефтегаза» – наиболее крупных компаний. Как ни парадоксально, но, по сути, только они возглавлялись теми хозяйственниками (В.Ю. Алекперов и В.Л. Богданов), которые прошли весь сложный путь от помощников буровых мастеров до президентов ВИНК.

Особенности развития НК «ЛУКОЙЛ» были заложены уже на стадии приватизации. Так, вице-президент компании Л. Федун в конце 1993 г. отмечал: «В принципе весь процесс приватизации условно можно разделить на три этапа. Первый: формальное утверждение учредительных документов, согласование... Второй: перераспределение собственности, то есть Госкомимущество, правительство должны передать свои права, активы непосредственно частным лицам... Третий: перераспределение собственности после начала функционирования органов управления: собрание акционеров, совет директоров и т.п. Вот тогда процесс приватизации на наших предприятиях можно считать законченным. Поскольку все работники нашей компании – ее собственники, у нас нет сомнений в эффективности этой системы» [2].

В дальнейшем НК «ЛУКОЙЛ» продолжил линию, которая, в целом, соответствовала признанным международным образцам в области нефтяного предпринимательства. При этом акцент был принципиально сделан на тесную стратегическую связь с государством. По мнению руководства компании, российское государство должно было сохранять определенный контроль

над корпорацией, а сама она хотела бы, чтобы в руках государства сохранился 10-15% пакет ее акций [14].

Отличительной чертой развития компании стала также ее значительная внешняя экспансия. Учитывая трудности освоения рынков в дальнем зарубежье, ее руководство взяло, прежде всего, курс на освоение постсоветского пространства. В частности, значительным было проникновение «ЛУКОЙла» в страны Балтии. В принципе, оно имело определенные исторические корни, поскольку западносибирскую «столицу» ЛУКОЙЛа – Когалым в советское время строили именно республики Прибалтики. Учитывая сложившиеся контакты, руководство ЛУКОЙла почти сразу сделало ставку на развитие сбытовой сети в молодых государствах Балтии, успешно конкурируя здесь с финнами (Neste) и норвежцами (Statoil). К 1998 г. компания контролировала уже порядка 35% местного рынка [8]. В плане районов добычи ЛУКОЙЛ интересовали, прежде всего, Азербайджан и Казахстан. В частности, компания приняла участие в Консорциуме мировых компаний (США, Великобритания и пр.), в сентябре 1994 г. подписавших с Азербайджаном «контракт века» по Каспию (на 30 лет с добычей 511 млн т) [9].

Что касается «Сургутнефтегаза», то он с самого начала взял курс на жесткое сохранение компании от внешнего проникновения. В данной связи изначально основной акцент делался на умело регулируемую «народную приватизацию», когда акции компании в основном продавались бы отдельным гражданам [5]. Чековый аукцион по продаже 10% акций АО «Сургутнефтегаз» (уставной капитал более 19 млрд руб.) сопровождался большим интересом со стороны инвесторов. Однако при этом населению региона предлагалось даже больше акций, чем оно хотело купить: «Курсы чековых аукционов здесь, как правило, чрезвычайно низки – нередко ниже номинала. Что же до народов Севера, то, по оценкам компании «Центринвест СМК», советников «Сургутнефтегаза», на закрытых аукционах каждому коренному жителю Севера, считая младенцев, предоставлена возможность приобрести около 200 акций различных нефтяных компаний. Настоящие истоки происходящего совершенно очевидны. Попросту говоря, администрация АО «Сургутнефтегаз» тщательно готовилась к продаже и аккумулировала средства для покупки акций и формирования значительного пакета акций; и начало-то аукциона оттянуто до ноября именно из-за тщательности этой подготовки. Стремление любой ценой «закрыться» от внешних инвесторов объясняется, по-видимому, стратегическими планами компании. Ей есть, что оборонять: она занимает шестое место в рейтинге мировых нефтедобывающих компаний. И пока не собирается допускать к управлению собой сторонний капитал. Что же касается необходимых фирме инвестиций, то она, надо полагать, не без оснований рассчитывает найти их и менее болезненным путем, чем дележка консолидированного (точнее говоря, консолидируемого) пакета собственных акций» [4].

«Опора на собственные силы» стала основной чертой политики «Сургутнефтегаза» и в дальнейшем. Компания не создавала совместных предприятий, не претендовала на иностранные кредиты, не планировала выходить со своими акциями на западные фондовые рынки [6]. Президент компании В.Л. Богданов по этому поводу заявлял: «Наша стратегия – привлекать в компанию средства населения, а не каких-нибудь сторонних инвесторов» [3]. Впоследствии «Сургутнефтегаз» проводил ту же линию, дополнив ее поглощением дочерних компаний и переходом к единой акции.

Централизация управления холдингами была разрешена президентским Указом № 327. Первыми в этом направлении двинулись «ЛУКОЙЛ» и «КомитЭК». «Сургутнефтегаз» и в данном отношении предпочел свою собственную модель поведения. «В отличие от «ЛУКОЙЛа», компания не стала лишать «дочек» юридического лица... Все самостоятельные подразделения НК не бу-

дуг иметь собственных органов управления, подчиняясь решениям совета директоров холдинга» [12]. Не случайно, среди отечественных аналитиков и западных бизнесменов В. Богданов стал пользоваться «репутацией человека, отвергающего сотрудничество с иностранными партнерами из сугубо идеологических соображений. И действительно, у «Сургутнефтегаза» – единственной из крупных российских нефтяных компаний – нет ни одного совместного предприятия» [3].

В дальнейшем, с 1995 г. в условиях развертывания чековых аукционов и поиска новых средств для отрасли появилась еще одна модель эволюции российских нефтяных корпораций. Ее определила судьба «ЮКОСа» – второй крупнейшей вертикально интегрированной нефтяной компании России. Ее нефтедобыча была сосредоточена в основном в Тюменской области, а нефтепереработка – в Самарской области (Самарский, Новокуйбышевский, Сызранский нефтеперерабатывающие заводы). Нефтепродукты ВИНК распределялись в восьми областях: Брянской, Воронежской, Липецкой, Орловской, Самарской, Пензенской, Тамбовской и Ульяновской. На начальном этапе велись даже переговоры о присоединении к «ЮКОСу» некоторых нефтяных предприятий Татарии и Башкирии. Однако эти планы не осуществились. Если первоначально «ЮКОС» в целом повторял магистральное направление, избранное «ЛУКОЙлом», то во второй половине 1995 г. ситуация изменилась. В России прошли залоговые аукционы, вызвавшие немало политических страстей [11].

Обращаясь непосредственно к залоговым аукционам 1995 г., укажем, что сами их условия существенно различались. В «ЛУКОЙЛе» на продажу выставили только 5% акций. В «Сургутнефтегазе» акции купил корпоративный пенсионный фонд [14]. В результате аукционы не привели к смене менеджмента компаний.

В отличие от них поиск дополнительных средств привел НК «ЮКОС» к принятому радикального стратегического решения. Компания стала стратегическим партнером группы «Менатеп», т.е. взяла курс на тесное слияние с финансовым капиталом. Вслед за этим последовало поглощение нефтяной компании группой «Роспром», образованной банком «Менатеп». Тем самым судьба «ЮКОСа» показала, что чистые производственники, идя на альянс с финансовым капиталом, неизбежно поглощаются им. Кстати, нужно отметить, что и другие вертикально интегрированные нефтяные компании в середине 1990-х гг. существенно обновили состав руководителей.

В свою очередь, М. Ходорковский так объяснял причины, двигавшие руководством «Менатепа» при заключении альянса с «ЮКОСом»: «Есть три опорные точки, которые мы рассматриваем в качестве основы современного успеха: сырье, банкинг и обрабатывающая промышленность. Сырье дает возможность найти стартовые инвестиции за счет сверхприбыли. Но потом сырьевая отрасль очень быстро выходит на нулевую рентабельность. Как вы знаете, на сырой нефти в мире никто особо не зарабатывает, кроме государств, объединенных с нефтяными компаниями. Добавочная стоимость создается только в обрабатывающих отраслях. Для того, чтобы эти отрасли запустить, нужны инвестиции. Инвестиции можно получить под сырье и собрать у населения, у предпринимателей через банковские механизмы. Банкинг сам по себе тоже достаточно быстро выходит на нулевую рентабельность. Все зарабатывается только в обрабатывающей промышленности. Все очень просто: если мы хотим много зарабатывать в дальнейшем на промышленности, мы вынуждены выходить на обрабатывающие отрасли. Чтобы выйти на них, нужно сырье. Круг замкнулся. И в этом круге – «ЮКОС» [7].

Таким образом, к числу важнейших особенностей российской политики реформирования нефтепромышленности следует отнести то, что после определения стратегических принципов реструктурирования нефтяной отрасли, государство предоставило компаниям возможность самостоятельно решать основные вопросы корпоративной стратегии. Отсюда резкие отличия в моде-

лях развития между НК «ЛУКОЙЛ», НК «ЮКОС» и НК «Сургутнефтегаз». Характер этих различий оказался настолько существенным, что приобрел политическое значение для будущего всей российской экономической системы. Каждая из нефтяных компаний вертикально-интегрированного типа в последствии выступала и в политике как самостоятельное действующее лицо.

Литература и источники

1. Алекперов В.Ю. Вертикальная интеграция и конкуренция на рынке нефти и нефтепродуктов // Нефть и бизнес. 1997. № 2. С. 2.
2. Деловой мир. 1993. 29 дек.
3. Колчин С. Гонки по нефтяной вертикали // Нефть и капитал. 1996. № 1. С. 44.
4. Коммерсант. 1993. 23 нояб.
5. Коммерсантъ-DAILY. 1995. 21 февр.
6. Коммерсантъ-DAILY. 1995. 12 окт.
7. Независимая газета. 1996. 16 апр. С. 4.
8. Нефтегазовая вертикаль. 1998. № 1(16). С. 71.
9. Нефть и бизнес. 1997. № 1. С. 29.
10. Нефть и газ России: история и перспективы: сб. М.: АМС; Женева: КРЕС, 1995. С. 194-195.
11. Санушкин С. В новый год – с новым хозяином // Нефть и капитал. 1996. № 1. С. 18-22.
12. Сегодня. 1995. 30 марта.
13. Сосковец О. Приватизаторам нравится советская монополия // Деловые связи. 1994. № 2. С. 8.
14. ТА Министерства энергетики РФ.

РЫЖКОВ ТИМОФЕЙ ВИКТОРОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент, Институт международного права, экономики, гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского, Россия, Краснодар (tvr23@rambler.ru).

RYZHNIKOV TIMOFEY VIKTOROVICH – candidate of historical sciences, associate professor, Institute of International Law, Economics, Social Sciences and Management named after K.V. Rossinskiy, Russia, Krasnodar.

УДК 343. 85 (470.344) «1900...»

С.В. СТАРИКОВ, В.И. СЕРГЕЕВ, А.С. ЯНЦЕВА

СИСТЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на материалах Чувашии)

Ключевые слова: правонарушения, несовершеннолетние, беспризорность, регион, Чувашия, система профилактики.

Рассмотрены вопросы беспризорности, а также создания государственной системы ее профилактики, преодоления правонарушений со стороны несовершеннолетних, образования исправительных институтов и проведения органами власти мероприятий по борьбе с детской беспризорностью в первые годы советской власти на материалах Чувашии.

S.V. STARIKOV, V.I. SERGEEV, A.S. YANCEVA
**SYSTEM OF DELINQUENCY PROTECTIVE MEASURES IN THE BEGINNING OF
THE XXth CENTURY (BASED ON THE CHUVASH REPUBLIC DATA)**

Key words: delinquency, juvenile, homelessness, Chuvash Republic, delinquency protective measures.

The article deals with the issues of homelessness and the creation of the state protective measures system, overcoming of delinquency, development of correctional institutions and realization of measures to fight with child homelessness in the first years of Soviet power, based on the Chuvash Republic data.

Проблемы профилактики детской преступности и борьбы с ней имеют определенную историю. Согласно энциклопедии Брокгауза и Ефрона, в России на рубеже XIX-XX вв. человек до 17 лет считался малолетним, а до 21 года – несовершеннолетним. Примерно 5% всех преступлений в стране ежегодно совершалось малолетними, преступность среди них росла более быстрыми темпами,

чем «взрослая» преступность. Кражи и мелкое мошенничество, основные виды их преступлений, осуществлялись в основном детьми из неблагополучных семей: бродяг, нищих, публичных женщин, преступников (35%); незаконнорожденными (21%); круглыми сиротами (50%) и лишь около 15% – детьми обеспеченных граждан. Большинство малолетних преступников были неграмотными [20].

Вопрос о предупредительных мерах в отношении малолетних правонарушителей и об организации принудительного воспитания был впервые поднят в 1872 г. на Лондонском тюремном конгрессе. В 1890 г. Петербургский тюремный конгресс высказался за соединение двух систем: заведений исправительного и семейного воспитания детей (для тех, кто был условно освобожден из воспитательных учреждений). Во второй половине XIX в. в России впервые заговорили о необходимости специальных исправительных учреждений для малолетних. Закон 15 декабря 1866 г. разрешил создание благотворительных обществ, главной целью которых стали формирование и содержание особых исправительных приютов такого рода, в которые по судебному приговору попадали дети от 10 до 17 лет, где за ними наблюдали и обучали земледелию и ремеслам [15. С. 32-42].

Одной из ключевых проблем, поднимавшихся в историографии XIX в., являлось несовершенство российского законодательства, в частности его карательный характер, а также ограниченность категорий несовершеннолетних, которые могли направляться в исправительные приюты. Наиболее известная работа в этой области принадлежит Н.С. Таганцеву, разработавшему собственный законодательный проект, в котором существенным образом усиливались воспитательно-исправительные тенденции [19].

Большинство авторов поддерживало благотворительную основу создававшихся приютов и колоний, они выступали за более активное привлечение общества к этой деятельности и устройство достаточного количества исправительных институтов [2. С. 41]. Обращая внимание на недостаточное финансовое обеспечение приютов, ряд исследователей отмечали важность усиления их государственной поддержки [13, С. 171-178], а также развития трудовой деятельности воспитанников, способствующей поступлению дополнительных средств [12. С. 1-24].

Особое место в историографии этого периода принадлежит работам известного чиновника Главного тюремного управления Российской империи, теоретика и практика Д.А. Дриля. По его мнению, устройство и содержание воспитательно-исправительных заведений – дело местных органов самоуправления, общественных и частных сил. Актуальным во все времена остается вывод Д.А. Дриля о том, что намного дешевле воспитывать «заброшенных» детей, чем ликвидировать последствия преступлений и содержать исправительные заведения [11. С. 14, 50-51].

В трудах и публикациях начала XX в. большее освещение получили проблемы деятельности приютов и колоний [1. С. 150-163]. Наиболее радикальных взглядов в этом отношении придерживался С.К. Гогель. Он отмечал крайне слабое развитие исправительных заведений для малолетних преступников в России и невнимание Главного тюремного управления к их деятельности [10. С. 222-225, 256, 268, 279]. В ряде работ и публикаций начала XX в. рассматривались педагогические аспекты проблемы перевоспитания несовершеннолетних осужденных. В исследуемый период предлагалось изменить педагогику исправления, которую предлагалось основывать, в первую очередь, на образовании, умственном эстетическом развитии, доверии и уважении к личности [7. С. 163].

В советский период появились работы, в которых отмечались не только недостатки, но и положительный исторический опыт России второй половины XIX – начала XX вв. В частности, Л.М. Василевский придавал большое значение провозглашению воспитательного принципа в отношении несовершеннолетних преступников, установленного в российском законодательстве во вто-

рой половине XIX в., учреждению детских судов, отмечал существенный вклад российских криминалистов царской России в разработку вопросов детской преступности [9. С. 13-20]. Все проблемы, поднимавшиеся и интересовавшие исследователей, и в настоящее время остаются актуальными, особенно на фоне последствий исторических перемен в России конца XX в.

Россия являлась одной из первых стран, создавших «детские» суды. Первый суд для несовершеннолетних был открыт в Санкт-Петербурге 22 января 1910 г., который просуществовал до 1918 г. [15. С. 32-42]. Одной из основных форм участия граждан в воспитательно-профилактической работе с подростками были и остаются по настоящее время комиссии по делам о несовершеннолетних. Согласно Декрету, принятому советской властью 17 января 1918 г., суды и тюремное заключение для малолетних были упразднены, а дела о несовершеннолетних обоего пола до 17 лет переданы в комиссию для несовершеннолетних. Такие учреждения находились в исключительном ведении Народного комиссариата общественного призрения и включали в себя представителей трех ведомств: общественного призрения, народного просвещения и юстиции в количестве не менее трех человек, причем одним из них обязательно являлся врач [6. С. 27]. Основной задачей комиссии стала предупредительно-профилактическая работа, а также анализ беспризорности и безнадзорности среди несовершеннолетних. Комиссия продолжала свою деятельность до принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности». Однако в условиях Великой Отечественной войны в связи с резким увеличением в стране числа беспризорных и безнадзорных детей 23 января 1942 г. СНК СССР принял постановление «Об устройстве детей, оставшихся без попечения родителей», на основании которого комиссии по делам несовершеннолетних были восстановлены и продолжают функционировать в современных условиях [14. С. 6].

Материалы Государственного исторического архива Чувашской Республики (ГИА ЧР) свидетельствуют о том, что ликвидация беспризорности оставалась одной из существенных задач в области социально-культурного, правового и хозяйственного строительства в Чувашии. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 13 мая 1927 г. «О плане борьбы с детской беспризорностью» был одобрен трехлетний ориентировочный план борьбы с беспризорниками и малолетними преступниками. В свою очередь, исполнительным комитетам автономных республик, автономных областей, краевым, областным и губернским исполкомам было предложено в двухмесячный срок разработать местные трехлетние планы по борьбе с детской беспризорностью, в которых должны были учитываться все возможности по трудовому устройству воспитанников детских домов, такие, как передача на производство, в обучение кустарям и ремесленникам, в крестьянские семьи, определение в кооперативные артели. Постановление рекомендовало Народному комиссариату просвещения (Наркомпросу) РСФСР, автономным республикам и местным исполнительным комитетам обратить особое внимание на усиление аппарата отделов народного образования по линии борьбы с детской беспризорностью, в частности на усиление работы комиссий по делам о несовершеннолетних и детской социальной инспекции.

В результате актуальности проблемы государство прибегло к проведению мероприятий по привлечению советской общественности к делу борьбы с нарушениями несовершеннолетних. Для работы в этой сфере были привлечены профессиональные союзы, ВЛКСМ, отдел по работе среди женщин при ЦК ВКП(б) и крестьянские общества взаимопомощи [1. Л. 22-25].

27 января 1928 г. совнарком Чувашской АССР был представлен на рассмотрение проект Положения «Об организации комиссий по делам о несовершеннолетних», составленный Наркомпросом. Согласно выписке из прото-

кола № 49/7 заседания СНК Чувашской АССР от 1 февраля 1928 г., план организации комиссии по делам о несовершеннолетних по автономии был утвержден. Центральная комиссия по делам о несовершеннолетних при Наркомпросе ЧАССР находилась в г. Чебоксары и являлась высшим органом, направлявшим, контролирующим и надзиравшим за деятельностью комиссии по делам о несовершеннолетних на местном уровне. В круг ее ведения входило установление правильного и единообразного применения законов, касавшихся борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, а также выработка и осуществление разнообразных мероприятий [2. Л. 5-6].

За период работы деткомиссии были отмечены значительные достижения в ее работе, такие, как увеличение контингента воспитанников в детских домах; рост развития мастерских; увеличение общего товарооборота и помощи беспризорным; была установлена постоянная связь детских учреждений с предприятиями, на которые отправлялись воспитанники после выхода из детских домов и др. [3. Л. 20]. Но, несмотря на указанные достижения в деле борьбы с беспризорностью, детские дома находились в тяжелом положении и должные меры по их улучшению почти не предпринимались. Отсутствовали специальные дома для трудновоспитуемых детей. В целях устранения нарушений и недочетов, выявленных в Чувашской АССР, ЦИК постановил принять ряд мер, направленных на улучшение педагогической работы и воспитания, разработку проекта организации дома для трудновоспитуемых.

Принятые меры не сразу, но постепенно начинали приносить свои положительные плоды, и состояние детских домов, касавшееся материального обеспечения, санитарно-гигиенического состояния и воспитательной работы заметно улучшилось. Работа по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью велась также путем оформления опекунов над детьми, передачи детей-воспитанников по договорам в колхозы, установления индивидуального патронирования детей из домов ребенка и многого другого. Придавая борьбе с детской беспризорностью государственное и общественное значение, а также в целях подготовки воспитанников детских домов к общественно полезному труду, Президиум детской комиссии совместно с Наркомпросом постановил организовать дом беспризорных подростков с сельскохозяйственным и ремесленно-кустарным уклоном мастерских [4. Л. 7].

Одним из способов изыскания средств по борьбе с беспризорностью стало проведение лотереи, использовалась и организация детских уголков в магазинах Пайторга и Чувашпрофа [4. Л. 10]. Детская беспризорность благодаря принимавшимся мерам начала сокращаться. Так, если в ходе переписи, проведенной в Чувашии с 20 июня по 1 июля 1927 г., было выявлено 6438 беспризорных детей [5. Л. 54], то к концу 1928 г. число беспризорников сократилось до 3405 человек, т.е. в 2 раза [5. Л. 202]. В то же время для полной ее ликвидации необходимо было продолжить работу, усиливая мероприятия по предупреждению детской беспризорности и безнадзорности не только в городах, но и особенно в сельской местности.

Таким образом, очевидно, что предупреждение уголовно-наказуемых деяний, совершаемых несовершеннолетними, и преступлений против несовершеннолетних может быть эффективным только при решении всего комплекса задач различными субъектами с использованием правовых и неправовых средств. Особое внимание при этом должно уделяться виктимологической профилактике всех лиц, не достигших возраста 18 лет, включающей, прежде всего, группы риска (беспризорных, безнадзорных, детей из неблагополучных и неполных семей, воспитанников детских домов, приютов и т.д.), а также необходимо объединение государства и общества для всесторонней поддержки институтов брака, семьи и детства. Анализ исторического опыта борьбы советской власти с детской беспризорностью и использование отдельных его фрагментов позволяют обогатить современную практику. В частности, речь идет о создании тех-

нологий социальной работы с лицами, обнаруживающими делинквентное поведение; выработке реабилитационных методик для лиц, возвращающихся в общество из мест лишения свободы. Дальнейшее изучение проблемы, на наш взгляд, должно способствовать возрастанию ее практической значимости.

Литература

1. Анофриев В. Русские исправительные заведения для малолетних // Вестник воспитания. 1900. № 6. С. 150-163.
2. Богдановский А. Молодые преступники. Вопрос уголовного права и уголовной политики. СПб.: Тип. Моригеровского, 1871. С. 41.
3. Василевский Л.М. Детская преступность и детский суд. Тверь: Октябрь, 1923. С. 13-20.
4. ГИА ЧР. ф. 202. Оп. 2. Д. 468. Л. 22-25.
5. ГИА ЧР. ф. 202. Оп. 2. Д. 469. Л. 5-6.
6. ГИА ЧР. ф. 202. Оп. 2. Д. 836. Л. 20.
7. ГИА ЧР. ф. 202. Оп. 2. Д. 627. Л. 7.
8. ГИА ЧР. ф. 221. Оп. 1. Д. 339. Л. 54.
9. Гозель С.К. Роль общества в деле борьбы с преступностью. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1906. С. 222-279.
10. Декрет о комиссиях для несовершеннолетних // Собрание узаконений распоряжений рабочего и крестьянского правительств от 17 января 1918 г. № 16. Отдел первый. Ст. 227. Опубликовано: Дети ГУЛАГа. 1918-1956 // Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2002. С. 27.
11. Дриль Д.А. Тюрьма и принудительное воспитание. СПб.: Сенатская тип., 1900. С. 50-51.
12. Кашикаров П.А. Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России. СПб.: Тип. П.Е. Лобанова, 1883. С. 1-24.
13. Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления с обозрением русских учреждений. Киев: Унив. тип. (И.И. Завадского), 1878. С. 171-178.
14. Корнеева О.В. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних и ее совершенствование // Вестник Юридического института. 2002. № 3(5). С. 6.
15. Кузьмина Л. Проблемы институционального становления ювенальной юстиции в Российской Федерации // Современное российское общество и государство: от традиций к инновациям: материалы I регион. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых преподавателей. Чебоксары: Новое время, 2008. С. 32-42.
16. Лозинский Е. Вина и наказание с точки зрения педагогической психологии // Вестник воспитания. 1911. № 8. С. 141-173.
17. Миклашевский И.С. Несколько слов о несовершеннолетних преступниках. Ярославль: [Б.и.], 1896. С. 33-48.
18. Познышев С.В. Детская преступность и меры борьбы с нею. М., 1911. С. 53.
19. Таганцев Н.С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву и проект законоположений об этом вопросе. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1871. 146 с.
20. Третий периодический доклад о реализации Российской Федерацией Конвенции ООН о правах ребенка (1998-2002 гг.) [Электронный ресурс] // Сайт проектов Фонда развития – Дети России. URL: <http://www.detirossii.ru/12634.php>.
21. Чаславский В.И. О земледельческих колониях и ремесленных приютах. СПб.: Тип. Стелловского, 1868. С. 30-31.

СТАРИКОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (sr.starikov@yandex.ru).

STARIKOV SERGEY VALENTINOVICH – doctor of historical sciences, professor of Russian History Chair, Mari State University, Russia, Yoshkar-Ola.

СЕРГЕЕВ ВИТАЛИЙ ИВАНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (cervitchuv45@rambler.ru).

SERGEEV VITALY IVANOVICH – doctor of philological sciences, professor of Chuvash Linguistics and Orientalism Chair named after M.R. Fedotova, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ЯНЦЕВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА – соискатель учёной степени кандидата исторических наук, кафедра Отечественной истории имени А.В. Арсеньевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (anastasiayanceva@yandex.ru).

YANTSEVA ANASTASIA SERGEEVNA – a competitor of scientific degree of Historical Sciences Candidate, Russian History Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 266.3

Л.А. ТАЙМАСОВ, П.В. ДЕНИСОВ

**КАЗАНСКИЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОГО БИБЛЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА
И ПЕРЕВОДЫ СЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ
НА ЯЗЫКИ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ***

Ключевые слова: христианство, язычество, ислам, миссионерство, Библейское общество, православие, христианское просвещение, переводы Св. Писания.

Рассмотрено возникновение библейского движения и условия его распространения в России. На основе анализа архивных документов изложена история основания и переводческая деятельность Казанского комитета Российского библейского общества (РБО). Приведен фактический материал о работе над чувашским, марийским, мордовским переводами текстов Библии. Указаны причины упразднения РБО, дана оценка значения переводческой деятельности для утверждения новокрещеных народов Среднего Поволжья в православии.

L.A. TAYMASOV, P.V. DENISOV

**KAZAN COMMITTEE OF THE RUSSIAN BIBLE SOCIETY AND TRANSLATIONS
OF THE SCRIPTURES IN THE LANGUAGES PEOPLES OF MIDDLE VOLGA**

Key words: christianity, paganism, islam, missionary, Bible Society, orthodox, christian education, translation of Holy Scripture.

Discussed the emergence of the biblical movement and the conditions for its spread in Russia. Based on the analysis of archival documents describing the history of foundation and translation activities of the Kazan Committee of the Russian Bible Society. An actual material work on the chuvash, mari, mordovian translated texts of the Bible. The reasons for the abolition of Russian Bible Society, the estimation of the value of translational activity for the approval of the peoples of the Middle Volga newly baptized in the Orthodox Church.

Российское библейское общество было, по определению А.Н. Пыпина, «одним из любопытнейших явлений в русской общественной жизни времен императора Александра I» [12. С. 191]. К сожалению, в научной литературе это уникальное явление русской духовной жизни не получило должного освещения [16].

Библейское движение зародилось в Англии и распространилось в странах Европы и Америки. В 1794 г. в Лондоне возникло миссионерское общество, а в 1804 г. Британское и Иностранное библейское общество [12. С. 47]. 6 декабря 1812 г. император Александр I утвердил доклад управляющего духовными делами А.Н. Голицына и проект Библейского общества [12. С. 36]. В 1814 г. С.-Петербургское библейское общество стало называться Российским библейским обществом. В губернских и уездных городах открывались его отделения. В первые же годы существования общества было открыто более десяти отделений и комитетов в различных частях страны. Начали учреждаться и сотоварищества, содействовавшие комитетам и отделениям. В 1816 г. А.Н. Голицын был доволен ходом дел: «Едва остаются уже некоторые губернии во всем пространстве России, в коих нет еще отделений и сотовариществ, но соучастники и сотрудники находятся почти везде» [12. С. 67]. Больше число отделений (19) было открыто в 1818 г., а к 22 сотовариществам добавилось еще 57 [12. С. 68].

Казанское отделение РБО было торжественно открыто 20 января 1818 г. Вскоре были учреждены его сотоварищества: в Чистополе, Козьмодемьянске, Цивильске, Царевококшайске, Ядрине, Ишаках, Чебоксарах, Алатыре и т.д. К сожалению, история Казанского отделения РБО не была в поле зрения исторической науки. В 1910 г. в «Православном собеседнике» увидела свет статья протоиерея А. Смирнова [17]. Некоторые сведения о деятельности Казанского комитета РБО можно найти в трудах церковных историков [7, 19], миссионеров-просветителей [2-4], советских и современных ученых [1, 5, 18]. Ряд архивных документов о переводе христианских текстов на мордовский язык был опубли-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-11-21009а/В).

кован В.А. Юрченковым [20. С. 28-37]. Тема нуждается в специальном исследовании, так как ее разработка позволит лучше понять религиозно-церковную жизнь полиэтнического региона на одном из этапов его развития.

Главным итогом деятельности Казанского комитета РБО явилось издание книг Св. Писания на языках поволжских народов. Работы над переводами шли непросто. В первое время переводчики испытывали большие трудности. Так, А. Альбинский в письме к архиепископу Амвросию отметил препятствия при переводе славянского текста на марийский язык: «При переводе сколько мог старался я сблизить смысл подлинника с наречием народа сего» [13. Л. 25]. Переводчики как бы занимались двойным переводом – сначала на русский язык, а затем на чувашский, марийский и т.д. Сложность заключалась и в том, что сами священники плохо знали старославянский язык и не всегда правильно переводили. А. Альбинского особенно беспокоила вероятность невольного искажения смысла христианского текста [13. Л. 25об.].

Переписка по изданию Св. Писания позволяет уточнить авторство переводов, так как в литературе встречаются расхождения. Имеются неточности даже у А.Ф. Можаровского, на которого в последующем ссылались многие исследователи [7. С. 111]. В донесениях архиепископа Амвросия к президенту РБО А.Н. Голицыну названы переводчики чувашского и марийского языков: «Переводят на чувашский язык Новый Завет: Св. Евангелие от Матфея – священник села Пандикова Петр Яблонский и села Красных Четай Михаил Вознесенский, Св. Евангелие от Марка – села Чемеева священник Алексей Алмазов, Св. Евангелие от Луки – священник города Ядрина Касаткин, Св. Евангелие от Иоанна того же города священник Смеловский. Деяния Святых Апостолов села Шумшеваши священник Муратовский. Соборное послание Св. Апостола Иакова – Ишаковское сотоварищество. На черемисский язык: Святое Евангелие от Матфея – села Шапкилей священник Андрей Альбинский.... Св. Евангелие от Марка – села Малого Сундыря священник Алексей Померанцев. Св. Евангелие от Луки, вышеписанный священник А. Альбинский. Св. Евангелие от Иоанна села Шапкилей священник Игнатий Альбинский. Деяния Св. Апостолов села Арды священник Иван Ардатский» [13. Л. 28-29]. К этому донесению были приложены образцы марийских переводов. Согласно «Записке», на напечатание 5 тыс. экз. марийских переводов предполагалось истратить 2468 руб. [13. Л. 32] Расходы на чувашские переводы не были определены в связи с отсутствием оригиналов текста.

Комитет РБО выражал беспокойство по поводу объемов книг и высказывал озабоченность по реализации книг среди чувашского и марийского населения [13. Л. 45-45об.]. Священник А. Альбинский раньше всех завершил перевод своей части текста на марийский язык, о чем было сообщено президенту РБО уже в феврале 1819 г. [13. Л. 53-54об.]. Все другие переводы были завершены через год. 12 мая 1820 г. Амвросий донес А.Н. Голицыну: «С Божию помощью Новый Завет с переводом на чувашский, черемисский и мордовский языки кончен» [13. Л. 60-60об.].

Печатание книг в типографии Казанского университета натолкнулось на технические препятствия: «Затруднение в печатании 10 000 экз. Нового Завета на чувашском и марийском языках в одно время состоит в следующем: а) в недостатке печатных станков, б) в недостатке литер, в) в недостатке наборщиков» [10. Л. 15]. Было решено чувашский текст печатать в Казани, а марийский и мордовский – в синодальной типографии [13. Л. 86].

Для наблюдения за печатанием марийского и мордовского переводов и чтения корректуры в С.-Петербург были направлены священники А. Альбинский и А. Охотин. У отношение Казанского комитета РБО от 12 июля 1820 г. А.Н. Голицын уведомил о своем согласии с кандидатурами и разрешении выдать им 611 руб. 60 коп. на проезд и другие «путевые издержки» [13. Л. 85об.].

Надо отдать должное вниманию руководства РБО к переводчикам, их нуждам. Например, во время пребывания священника с. Напольное Алатырского уезда А. Охотина в С.-Петербурге его семья оказалась в трудном материальном положении: «испытывала бедность и разорение...» [13. Л. 105]. Узнав о бедствиях семьи А. Охотина, А.Н. Голицын 25 января 1821 г. лично обратился к архиепископу Амвросию с просьбой оказать помощь священнику [13. Л. 106]. А.Н. Голицын предложил закрепить за сыном А. Охотина место второго священника, а занимавшего эту должность священника перевести в другой приход. 23 января 1821 г. марийский и мордовский переводы были отправлены С.-Петербург [15. Л. 1-2].

Таким образом, за первые три года деятельности Казанским комитетом РБО были изданы переводы отдельных книг Св. Писания и разосланы по приходским церквям. Район рассылки не ограничивался территорией Казанской епархии, книги отправлялись в Вятскую, Симбирскую, Пермскую и другие епархии. За пять лет деятельности (1818-1823) было продано и роздано бесплатно от 10 до 20 тыс. экземпляров книг Св. Писания.

После активного этапа в деятельности РБО наступил спад, продиктованный негативным отношением к переводческому делу некоторых высокопоставленных лиц и части духовенства. В Казанском отделении РБО возмутителем спокойствия стал попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий, который в письме к митрополиту Серафиму от 24 мая 1824 г. писал о своем возмущении по поводу некачественных переводов Нового Завета на персидский язык, в котором содержались «богохульные выражения» [15. Л. 2]. Его возмутил факт, что персидские переводы распространяются, несмотря на обнаруженные ошибки, и просил принять «торжественное отречение от всех богопротивных действий Библейского общества» [15. Л. 3]. Смелость заявления М.Л. Магницкого, скорее всего, объяснялась изменением состава руководства РБО. Тем не менее письмо вызвало переполох в РБО. Митрополит Серафим в донесении к А.Н. Голицыну от 2 июня 1824 г. выразил возмущение заявлением М.Л. Магницкого, называя его «как по содержанию, так и по выражению оскорбительным и поносительным...» [15. Л. 3]. Ознакомившись с донесением Серафима, самодержец поручил сделать М.Л. Магницкому строгое замечание [15. Л. 3]. Но недовольство в среде православного духовенства росло. Многие его представители обвиняли деятелей РБО в искажении духа православия западными веяниями. Вскоре в империи произошли существенные изменения в высших эшелонах власти и деятельность РБО в 1826 г. была свернута на неопределенный срок.

Были ли успехи от использования переводов? В рапортах священников и отчетах местных комитетов РБО можно встретить различные мнения. Например, в 1822 г. священник с. Шигали Цивильского уезда В. Хатирнинский сообщал, что читал новокрещеным чувашам переводы, «но прихожане поняли все мало» [8. Л. 116]. В отчетах Казанского комитета содержались и оптимистические заявления наподобие следующего: «Любовь к слову Божию в сердцах человеческих наконец возбуждена до того, что многие, принимая душеспасительные книги, в несказанном восторге лобызают оные, иные плачут и сердечно соболезнуют, что не умеют читать таких чудесных книг...» [14. Л. 238]. Священник с. Шешмы Григорий Зайков доносил консистории, что в мордовских и чувашских селениях прихожане с вниманием и большим интересом слушали чтение Св. Писания на родном языке [11. С. 44].

Видимо, следует признать, что итоги переводческой деятельности РБО были очень скромными. Священники-переводчики не имели специальной подготовки. Русский алфавит не передавал особенностей местных языков. Протоиерей А. Смирнов писал, что «дело распространения священных книг шло очень и очень слабо. Были деньги и достаточен запас священных книг, но не было спроса на них...» [9]. Например, в 1852 г., когда епархиальное началь-

ство затребовало отчеты о книгах Св. Писания, находящихся у разных лиц по Казанскому и Симбирскому отделениям бывшего РБО, то оказалось, что они в больших количествах числились при церквях нерусских приходов без употребления [2. С. 3-4]. И дело здесь не только в несовершенстве переводов, но и в сплошной неграмотности новокрещеного населения.

Однако не следует категорически отрицать пользу от переводов. Они, несомненно, способствовали формированию письменности нерусских народов, накапливали опыт миссионерско-просветительской работы. Встречались и конкретные результаты. Например, успехи утверждения православия среди горных марийцев И.А. Износков объяснял просветительской деятельностью священников: А.Д. Альбинского, М.С. Краковского, П.Г. Урусова и др., активно использовавших в своей практике родной язык прихожан. Примеры такого миссионерского подвижничества были известны и среди священников чувашских и мордовских приходов. Так, С.М. Михайлов в своих трудах упоминал «славных проповедников» И.М. Акрамовского и В.П. Громова, А.А. Кречетникова [6. С. 181]. В нынешнем 2012 г. исполняется 200 лет основания Библейского общества в России, в связи с чем материал будет интересен широкому кругу читателей.

Литература и источники

1. *Денисов П.В.* Религиозные верования чуваш. Чебоксары: Чуваш кн. изд-во, 1959. 478 с.
2. *Износков И.А.* Материалы для истории христианского просвещения инородцев Казанского края. М., 1893. Вып. 1. 32 с.
3. *Износков И.А.* Об образовании инородцев и о миссионерстве в Казанской епархии. Казань, 1909.
4. *Ильминский Н.И.* О переводе православных христианских книг на инородческие языки. Казань, 1875. 48 с.
5. *Маторин Н.М.* Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь. Язычество, ислам, православие, сектантство. М., 1929. 176 с.
6. *Михайлов С.М.* Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. 422 с.
7. *Можаровский А.Ф.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год. М., 1880. 261 с.
8. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) Отд. 1. Д. 283.
9. Научный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 4. Оп. 84. Д. 257.
10. НАРТ Ф. 92. Оп. 1. Д. 877.
11. Отчет Казанского библейского комитета за 1818-1822 гг. Казань, 1823. 57 с.
12. *Пылин А.Н.* Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916. 376 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 808. Оп. 1. Д. 111.
14. РГИА Ф. 808. Оп. 1. Д. 206.
15. РГИА Ф. 808. Оп. 1. Д. 221.
16. Русское православие: вехи истории / Я.Н. Щапов, А.М. Сахаров, А.А. Зимин и др.; науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
17. *Смирнов А.* Деятельность Российского Библейского общества в Казани и Казанском учебном округе. Казань, 1910. 58 с.
18. *Таймасов Л.А.* Христианизация чувашского народа в первой половине XIX в. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1992. 144 с.
19. *Хрусталева А.Г.* Очерк распространения христианства между иноверцами Казанского края. Казань, 1874. 106 с.
20. *Юрченко В.А.* Политика государственных и духовных властей по переводу церковных текстов на мордовские языки // Весна народов: Этнополитическая история Волго-Уральского региона: сб. документов / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2002. С. 28-37.

ТАЙМАСОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (taymasov@mail.ru).

TAYMASOV LEONID ALEXSANDROVICH – doctor of historical sciences, professor of Archeology, Ethnography and Regional History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ДЕНИСОВ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ. См. с. 26.

УДК 94(470.62):63

И.В. ТУРИЦЫН, Т.В. РЫЖКОВ

**НЕФТЯНАЯ ОТРАСЛЬ РОССИИ 1980-х – НАЧАЛА 1990-х ГОДОВ:
ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ**

Ключевые слова: перестройка, нефтяная промышленность, рыночное реформирование, акционирование, приватизация.

Рассмотрены основные факторы, обусловившие переход к реформированию нефтяной отрасли СССР на завершающем этапе перестройки и определившие характер ее системной трансформации в 1992-1993 гг.

I.V. TURITSYN, T.V. RYZHKOV

RUSSIAN OIL INDUSTRY 1980 – EARLY 1990S: BACKGROUND AND CONDITIONS OF REFORM

Key words: restructuring, the oil industry, market reform, corporatization, privatization.

The main factors behind the move to reform the oil industry of the USSR in the final stage of restructuring and determined the character of the systemic transformation in 1992-1993.

Обращаясь к историческому опыту XX столетия, мы видим, что в условиях индустриальной модернизации в мировой экономике все более возрастающее значение приобретала нефтяная промышленность. Борьба за ресурсы (особенно нефтяные) обусловила исключительную конфликтность века, принесшего с собой две мировые войны, войну «холодную», а также массу региональных военных и дипломатических столкновений.

Особую роль нефть играла в экономике СССР. В значительной степени именно благодаря доходам от нефтяного экспорта, существенно возросшим в условиях мирового энергетического кризиса, к 1970-м гг. Советский Союз создал систему относительной политической и экономической стабильности, смог перейти к осуществлению программ технического перевооружения сельского хозяйства и ряда отраслей промышленности. Форсированной эксплуатацией огромных запасов нефти во многом объясняются основные экономические и политические достижения страны «развитого социализма» в 1970-е гг., а также продолжительное функционирование социалистического лагеря во главе с СССР.

Тем не менее преодолеть застойные явления в экономике, в полной мере проявившиеся уже в 1970-е гг., лишь за счет нефти не представлялось возможным. Несмотря на то, что в 1980-е гг. (начиная с 603,2 млн т в 1980 г.), за исключением 1985 г., Советский Союз ежегодно добывал не менее 600 млн т нефти, экономические проблемы стремительно нарастали. Во второй половине 1980-х гг. на фоне неудачных попыток реформирования советской экономики в годы «перестройки» они многократно усилились.

Стремясь компенсировать растущие экономические потери, советское руководство делало все большую ставку на расширение нефтедобычи, на повышение доходов от экспорта нефти. Однако это дало лишь кратковременные результаты. В 1987 г. в СССР было добыто 624 177 тыс. т, а в 1988 г. – 624 326 тыс. т нефти [9. С. 23]. В это время страна являлась абсолютным мировым лидером нефтедобычи, добывая нефти вдвое больше, чем Саудовская Аравия.

Впрочем, в условиях заметного падения цен на нефть на мировом рынке это принципиально не меняло ситуации и не могло стать панацеей от углублявшегося экономического кризиса. Экономическая ситуация, сложившаяся к лету 1990 г., характеризовалась заметным снижением темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производства (начавшимся в 1988 г.), перешедшим в экономический спад, углублявшийся с каждым месяцем. Эти негативные тенденции в полной мере затронули и нефтяную промышленность, где в решающей степени – под влиянием резкого падения цен на нефть на мировом рынке, также начался постепенный спад. В 1989 г. в СССР было добыто всего 607 254 тыс. т, что было ниже

уровня 1981 г. В 1990-1991 гг. масштабы падения оказались еще более заметными (добыча 570 468 и 515 530 тыс. т, соответственно) [9. С. 23].

Общая ситуация в экономике, построенной в значительной степени за счет нефтедобычи, становилась все более неблагоприятной. Не случайно, обвинения в сырьевой ориентации экономики СССР, в экстенсивной эксплуатации природных ресурсов страны стали, по сути, основными в арсенале быстро растущего отряда критиков советской экономической модели [6]. На наш взгляд, в начале 1990-х гг. наметились заметные критические перемены, моменты явной недооценки значимости развития сырьевого сектора для подъема экономики. В их основе, прежде всего, лежало непонимание широких экспортных возможностей нефтяной отрасли для технического перевооружения экономики страны в целом.

Это особенно прискорбно в контексте другого урока мирового экономического развития, состоящего в том, что и группа ведущих, наиболее развитых государств, ориентированных на высокотехнологичные производства, и группа все более динамично развивающихся стран третьего мира, успешно поднимающих традиционные отрасли, оставались важнейшими потребителями энергоресурсов. Их востребованность являлась все более очевидной, несмотря на реструктуризацию экономик, переход на энергосберегающие технологии и т.д.

При продуманном политическом курсе СССР объективно имел все возможности для того, чтобы использовать преимущества, которыми он обладал в сфере нефтедобычи. Даже в условиях кризиса добыча нефти оставалась весьма значительной. Одновременно страна располагала мощными запасами нефти. Если исходить из того, что, согласно правилам Госплана, полагалось иметь неснижаемый резерв подтвержденных запасов на 30 лет при сохранении текущего уровня добычи, по оценкам ряда специалистов, в 1990 г. запасы составляли порядка 15 млрд т [7. С. 106].

Потенциал нефтяной отрасли оставался, безусловно, значительным. Запасы нефти (как, впрочем, и другого сырья), реально существовавшая возможность использования доходов от ее экспорта для развития других отраслей позволяли добиться весьма многого. С учетом сложившейся ситуации курс был взят на создание единого нефтегазового комплекса. 3 августа 1989 г. Министерство нефтяной промышленности СССР было преобразовано в Министерство нефтяной и газовой промышленности СССР.

Отраслевые руководители хозяйственники-практики также видели перспективы развития отрасли в усилении концентрации. Однако, особенно под влиянием общего перехода к реформам рыночного типа, они все более склонялись к мысли о целесообразности развития по типу крупных зарубежных компаний. В частности, в сентябре-октябре 1990 г. появились и были обсуждены первые редакции учредительного договора о создании специализированной нефтяной компании в сфере нефтедобычи и переработки. В частности, по воспоминаниям Р.У. Маганова, в обсуждениях принимали участие работники Министерств нефтяной и газовой промышленности СССР (В.Ю. Алекперов и др.), а также генеральные директора ПО «Когалымнефтегаз», ПО «Урайнефтегаз», ПО «Лангепаснефтегаз», Мажекяйского НПЗ, «Пермнефтеоргсинтеза» и Волгоградского НПЗ. Причем в то время проблема продажи нефти в функции корпораций еще не ставилась. Для этого существовал «Газнефтепродукт» [3. С. 21].

Между тем к началу 1991 г. положение отечественной экономики стало катастрофическим. Так, практически полностью были исчерпаны последние остатки централизованных валютных ресурсов. Об этом 6 февраля 1991 г. в срочном донесении премьер-министру СССР В. Павлову сообщал председатель Внешэкономбанка СССР Ю. Московский, считавший, что СССР оказался на пороге валютного банкротства со всеми вытекающими экономическими и

политическими последствиями [11]. Таким образом, «нефтедоллары» уже не спасали ситуацию.

В эпоху углублявшегося политического, а затем и экономического кризиса элементы системного мышления, как и возможность эффективно влиять на ситуацию в стране, у руководства СССР в целом отсутствовали. О примитивности мышления высшего руководства страны, пытавшегося «революционно» подойти к решению любого вопроса на основе дикого смешения советского и зарубежного опыта свидетельствует, в частности, совещание при Правительстве СССР, которое в конце января 1991 г. проводил М.С. Горбачев. К этому времени отрасль находилась в глубоком кризисе и пыталась устоять под напором бессистемных реформ. В этой ситуации М.С. Горбачев порекомендовал: «создать две самостоятельные нефтяные компании по примеру американских – в Сургуте и Нижневартовске, пусть они и соревнуются между собой» [4. С. 318]. Так, смешение идей привычного социалистического соревнования и «американского опыта» впервые привело к постановке на высшем уровне вопроса о структурном реформировании отрасли путем ее расчленения на отдельные компании.

Нужно также отметить, что данные планы появились в момент резкой политической дестабилизации в СССР, в частности, в условиях набиравшего силу процесса суверенизации России в экономической области, т.е. передачи в ведение РФ хозяйствующих субъектов, находящихся на ее территории. Конкретным проявлением этой линии стали Указ Президента РСФСР «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» (август 1991 г.), постановление Съезда народных депутатов РСФСР в ноябре 1991 г. «О правовом обеспечении экономической реформы», в соответствии с которыми могло быть приостановлено действие законов и других актов верховных органов власти СССР на территории РСФСР, если они препятствуют проведению экономической реформы [2].

Высшие органы законодательной и исполнительной власти РСФСР активно принимали законы и постановления, которые изменяли статус хозяйствующих субъектов. Среди них можно назвать законы РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (март 1991 г.), «Об упорядочении создания и деятельности ассоциаций, концернов, корпораций и других объединений предприятий на территории РСФСР» (октябрь 1991 г.) [1]. В соответствии с последним постановлением крупным хозяйственным структурам необходимо было более последовательно осуществлять властные функции по отношению к предприятиям, входящим в объединения.

Логическим итогом процессов «суверенизации» стало то, что избранный Президент России Б.Н. Ельцин принял решение возглавить правительство лично. В качестве главы «кабинета реформ» уже 28 октября 1991 г. он выступил на втором этапе пятого съезда народных депутатов РСФСР с программной речью, подготовленной Е.Т. Гайдаром [5]. А 15 ноября 1991 г. Б.Н. Ельцин сформировал новое правительство и подписал ряд президентских указов и правительственных постановлений, определивших процедуру рыночных преобразований.

Одним из первых стало постановление правительства «О регулировании поставок нефти и продуктов ее переработки за пределы РСФСР», которым с 1 декабря 1991 г. вводились ограничения на вывоз нефти с территории РСФСР, причем контрольные функции возлагались на республиканское МВД и Таможенный комитет РСФСР [12]. Комитету внешнеэкономических связей было предписано прекратить выдачу до 1 января 1992 г. новых лицензий на экспорт нефти и нефтепродуктов; в десятидневный срок пересмотреть ранее выданные лицензии; прекратить действие всех лицензий, прошедших новую (российскую) регистрацию, с 1 января 1992 г. Г. Бурбулис конкретизировал дату завершения работы по перерегистрации 28 ноября 1991 г. [13].

Итак, одним из первых шагов Правительства РСФСР во главе с Президентом Б.Н. Ельциным стало стремление поставить под контроль нефтяную отрасль, гарантирующую валютные поступления. В понимании российского руководства – это было важное условие для скорейшего достижения Россией экономической самостоятельности и возможности проводить собственный, независимый от Правительства СССР, экономический и политический курс. Однако нельзя не согласиться и с тем, что для экономики, в том числе и для нефтяной отрасли, в канун распада СССР это было уже не столь существенно.

На практике, главной проблемой для России с рубежа 1991-1992 гг. являлось дополнительное закрепление сложившейся негативной тенденции углубления экономического кризиса. Крайне сомнительные теоретические основы политики «шоковой терапии», а также осуществленные в ее рамках практические мероприятия в итоге обернулись шоком без всякого «лечебного» эффекта. Они ввергли страну в состояние невиданного экономического коллапса, равноценного потерям от масштабной войны.

В политике правительства, ориентированного, прежде всего, на использование финансовых и ценовых рычагов, главное значение приобрели мероприятия по либерализации цен (Указ Президента «О либерализации цен» от 3 декабря 1991 г.) [16. С. 15-16].

В данной ситуации большое значение приобрел вопрос о ценах на энергоресурсы, в том числе нефть. Понимая, что либерализация цен в данной сфере породит откровенно патовую ситуацию, правительство было вынуждено жестко регулировать их [14]. Однако это принципиально не могло изменить направление общего развития. Инфляционная волна, захлестнувшая отрасль в 1992 г. в целом, не ушла и в 1993 г. Средние оптовые цены на нефтепродукты по России неуклонно росли (табл. 1).

Таблица 1

**Цены в 1991-1993 гг.
(без НДС и транспортных расходов, руб./т) [8. С. 5-19]**

	Декабрь 1991 г.	Декабрь 1992 г.	Январь 1993 г.	Март 1993 г.	Июнь 1993 г.
Нефть	70	9 900	11 700	16 900	20 881
Бензин	205	31 617	33 804	55 906	77 330

Стремительно растущие цены на нефть и нефтепродукты подрывали реальный сектор экономики страны, бумерангом ударяя и по самой отрасли, получившей «в наследство» от СССР устойчивое падение как объемов нефтедобычи, так и всего комплекса показателей развития (особенно качественных) (табл. 2).

Таблица 2

**Основные показатели развития
нефтяной промышленности России [8. С. 5-19]**

Показатель	Год		
	1990	1991	1992
Добыча нефти и газоконденсата, тыс. т	514 545	451 159	394 560
В том числе (без учета Газпрома)			
из старых скважин	470 867	426 606	369 228
из новых скважин	32 910	22 733	14 231
Объем бурения, тыс. м	33 270,2	29 127,1	21 867,2
Ввод новых скважин, ед.	11 948	10 251	7 973
Расход электроэнергии на 1 т добычи, кВт·ч/т	71,9	81,3	98,7
Энергоемкость товарной продукции, кг усл. топлива/т	79,7	89,3	126,3
Производительность труда, т/чел.	3 481	2 960,5	2 335,2

Приведенные данные показывают не только значительные масштабы падения нефтедобычи, но и еще более существенное ухудшение качественных показателей (снижение производительности труда, повышение энергоемкости и пр.).

Результаты вхождения России в полосу экономических реформ оказались для отрасли по-настоящему разрушительными. После пиковых точек нефтедобычи в России в 1987-1988 гг. (569 млн т и 568 млн т, соответственно) наступила полоса колоссальных объемов падения. Неуклонное сокращение привело Россию к уровню в 301 млн т в 1996 г. Таким образом, результатом «перестройки» и радикальных рыночных реформ стало фактически двукратное сокращение добычи нефти. Существенно ухудшились и основные показатели качественного плана. Неуклонно сокращались объемы вновь разведанных запасов, росла выработанность действующих месторождений, возрастала роль мелких и средних месторождений. За 10 лет число вновь открываемых месторождений снизилось в 2,5 раза. Во вновь открытых – доля средних и крупных сократилась в 4,5 раза. При этом средний дебет действующих скважин за это же время снизился примерно в 5-6 раз [10. С. 9].

Главной причиной отмеченных негативных изменений стала общая дезорганизация российской экономической и политической жизни. При этом падающая эффективность практической деятельности в сфере управления нефтяной отраслью в эпоху перестройки была лишь закреплена и усилена после демонстративно подчеркнутого «ухода» государства из сферы управления хозяйственной жизнью в 1992 г.

Мощная централизованная отрасль в одночасье лишилась перспектив развития, превратившись исключительно в объект эксплуатации. С одной стороны, государство рассматривало ее теперь исключительно в качестве донора бюджета. Причем, в отличие от советского времени, оно резко ограничило капиталовложения, выделявшиеся для развития отрасли. С другой стороны, отрасль привлекла внимание нарождавшихся «деловых людей», начавших ее раздел в ходе перехода к программам приватизации.

Общегосударственное равнодушие и рост частной инициативы были дополнены процессами регионализации. Нефтяной фактор стал принципиально важным не только для устойчивости бюджета, но и для сохранения российской государственности. После распада СССР он оказался в основе движения за «суверенизацию» уже в российских регионах. На фоне фактического выпадения в 1992-1993 гг. из российского пространства Чечни значительно осложнилась политическая ситуация в Татарии, Башкирии и пр. Как справедливо отмечалось современниками: «Наличие нефти в районе Грозного объясняет в немалой степени политику Чечни и происходящие в ней события. Нефтяные запасы, которыми располагают Татария и Башкирия, во многом определяют политику местных властей автономных республик, входящих в состав Российской Федерации» [7. С. 22].

Важно учитывать и то, что центробежные процессы, разрушавшие прежнее отраслевое единство, объективно играли на руку зарубежным нефтяным гигантам, заинтересованным в устранении с мирового рынка серьезных игроков.

Понимание чрезвычайной опасности негативных тенденций развития нефтяной отрасли, набравших силу с конца 1980-х гг., с одной стороны, и стремление сохранить свое влияние на отраслевое развитие – с другой, в начале 1990-х гг. привело к значительной активизации наиболее креативной части отраслевых хозяйственных руководителей.

В частности, одним из инициаторов структурной перестройки нефтяной отрасли стал В.Ю. Алекперов, в 1990-1991 гг. являвшийся заместителем, а затем первым заместителем министра нефтяной и газовой промышленности

СССР. Он выступил за создание крупных нефтяных компаний, объединяющих предприятия всей технологической цепочки – «от скважины до бензоколонки», по примеру западных компаний. Однако, как отмечалось, с учетом советской хозяйственной традиции разделения производства и торговли первоначально речь велась лишь о создании компаний, объединяющих добычу и переработку нефти. В 1991 г. В.Ю. Алекперову удалось заключить договор трех крупных нефтедобывающих объединений Тюменской области, а также Пермского, Волгоградского, Новоуфимского и Мажейкяйского нефтеперерабатывающих заводов. Из названий нефтедобывающих предприятий было составлено название нефтяного концерна: «Лангепас-Урай-Когалымнефтегаз» (ЛУКОЙЛ). В число учредителей концерна вошли также Главснаб Правительства Москвы и СП «Юралс». После долгих согласований в апреле 1992 г. был утвержден Устав концерна. Вслед за этим, в рамках планировавшейся приватизации, практически сразу началась и работа по преобразованию концерна в акционерное общество открытого типа [3].

Формирование системы нефтяных корпораций поддержали и другие крупнейшие руководители российской нефтепромышленности. Данный курс становился для них особенно привлекательным в контексте перспективных планов разгосударствления отрасли.

Магистральное перспективное направление развития по пути акционирования и последующей приватизации нефтяной отрасли в 1992-1993 гг. актуализировало вопрос о порядке ее реструктуризации. Эта проблема стала особенно острой в контексте впервые разработанной в России в 1992 г. энергетической стратегии, в рамках которой официально был взят курс на демонополизацию отрасли. На этом фоне ситуацию, определявшуюся стремлением побыстрее «поделить» прежде общенародную собственность, усугубляла позиция доминировавших на заре радикальных реформ «молодых реформаторов» в лице Е. Гайдара, А. Чубайса и пр., которые видели перспективы развития отрасли в создании относительно небольших частных нефтяных компаний.

Однако в среде нефтепромышленников была выработана альтернативная линия. В условиях, когда государство практически перестало заботиться об инвестициях в отрасль, ставка была сделана на ее внутренние ресурсы, оптимизацию организации отрасли на основе выделения в самостоятельные компании преимущественно крупных хозяйственных субъектов.

Весной–летом 1992 г. крупнейшие предприятия топливно-энергетического комплекса и ведущие специалисты Министерства топлива и энергетики подготовили проект указа о преобразовании некоторых российских объединений нефтедобычи и нефтепереработки в акционерные общества открытого типа. Согласно этому проекту, в России должны были возникнуть три нефтедобывающие трастовые акционерные компании – «Роснефть», «ЮКОС» и «ЛУКОЙЛ». Не менее 49% акций этих АО планировалось оставить в течение трех лет в федеральной собственности (держатель акций – Госкомимущество России) [15].

Однако в конечном счете наиболее крупный объект («Роснефть») государство все же решило оставить под собственным контролем. «Роснефть» стала государственным предприятием, которое в 1992 г. объединило 24 крупнейших нефтяных объединений. Наряду с ним возникли три крупные корпорации «ЛУКОЙЛ» (Когалымнефтегаз, Лангепаснефтегаз и Урайнефтегаз), «Сургутнефтегаз» и «ЮКОС» (база – Юганскнефтегаз). Помимо них появились также новые игроки в лице более мелких компаний АП «Черногорнефть», АО «Кондпетролеум» и относительно небольшой «Арктикморнефтегазразведки». Особняком в этом ряду стояла фактически выведенная (в связи событиями в Чечне) за рамки общероссийского пространства «Грознефть».

В 1992-1993 гг. было в основном осуществлено и непосредственное акционирование. Причем в ходе процессов акционирования государственных нефтяных и нефтеперерабатывающих объединений и предприятий, государство, в целом, сохранило общий контроль над отраслью. Причем его позиция стала даже более осторожной. Если «пионеры» самоопределения в лице «ЛУКОЙЛа», «ЮКОСа», «Сургутнефтегаза» передали в федеральную собственность 45% акций, аккумулированных в ГП «Роснефть» – держателе пакетов акций федеральной собственности создававшихся АО (в свою очередь, дочерние предприятия передавали 38% своих акций в уставной капитал возникавших АО), то транспортные компании «Транснефть» и «Транснефтепродукт» передавали туда уже 49% акций [8. С. 9].

Подводя итоги, отметим, что деструктивные политические процессы, углубление кризиса экономики страны на рубеже 1980-1990-х гг. поставили нефтяную отрасль в крайне тяжелое положение, потребовавшее реформ. Качественные изменения 1992-1993 гг., с одной стороны, были связаны с тем, что в отличие от М.С. Горбачева, российское руководство открыто провозгласило курс на переход к рыночной модели. Был избран стратегический курс на образование в отрасли крупных корпораций, что, как показывает мировой опыт, представляет собой наиболее эффективную форму организации. Однако, с другой стороны, внимание к отраслевым проблемам было явно неадекватным тому значению, которое имела для экономики России нефтяная промышленность. Фактически преобразования 1992-1993 гг. представляли собой неустойчивый компромисс государственной бюрократии (в лице ее различных групп) и уходящих в частный бизнес представителей бюрократии отраслевой.

Литература и источники

1. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 21. Ст. 233. № 16. Ст. 499.
2. Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 34. Ст. 1140. № 44. Ст. 1456.
3. Гольман А.И. Родина ЛУКОЙЛа. [Б.м.], 2001.
4. Долгая дорога к нефти. Публицистическое повествование о становлении коллектива ОАО «Сургутнефтегаз». Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002.
5. Известия. 1991. 28 окт.
6. Механизм торможения. М.: Прогресс, 1988.
7. Нефть и газ России: история и перспективы: сб. М.: АМС; Женева: КРЕС, 1995.
8. Нефтяная промышленность Российской Федерации, 1992: справочник / Всерос. НИИ орг., управления и экономики нефтегазовой пром-сти; под ред. А.С. Тищенко, Ю.В. Вадецкого. М.: ВНИИОЭНГ, 1993.
9. Нефтяная промышленность Российской Федерации, 1995: справочник / Нефтяная компания «Роснефть»; Всерос. НИИ орг., управления и экономики нефтегазовой пром-сти; под общ. ред. В.И. Бараза и др. М.: ВНИИОЭНГ, 1996.
10. Перчик А.И. Возрастание значимости малых нефтедобывающих компаний // Нефть и бизнес. 1997. № 4.
11. РГАНИ. Ф. 89. Оп. 22. Д. 13. Л. 1-4.
12. САПП РФ. 1992. № 1-2. Ст. 2.
13. САПП РФ. 1992. № 1-2. Ст. 4.
14. САПП РФ. 1992. № 1-2. Ст. 8.
15. Советская Россия. 1992. 3 нояб.
16. Экономическая политика Правительства России. М.: Республика, 1992. С. 15-16.

ТУРИЦЫН ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор, президент, Институт истории, экономики и права, Россия, Москва (i.turitsyn@mail.ru).

TURITSYN IGOR VIKTOROVICH – doctor of historical sciences, professor, president, Institute of History, Economics and Law, Russia, Moscow.

РЫЖКОВ ТИМОФЕЙ ВИКТОРОВИЧ. См. с 87.

УДК 393(=512.111)

М.И. ФЕДУЛОВ, В.П. ИВАНОВ, П.В. ДЕНИСОВ

**ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
НИЖНЕСУРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЧУВАШЕЙ**

Ключевые слова: этнокультурные связи чувашей, погребальный обряд, средневековые могильники.

Статья посвящена изучению особенностей погребального обряда верховых чувашей. Могильники, расположенные в бассейне Нижней Суры, содержат в себе черты, указывающие на тесные межэтнические контакты чувашского народа с мордвой, марийцами и русскими в XV-XVIII вв. Комплекс погребальных традиций, уходящих корнями в обрядовую культуру волжских болгар, включает в себя привнесенные элементы в виде ориентации могильных ям, инвентаря, расположении костяков и т.д. В научный оборот вводятся неопубликованные материалы по могильнику у д. Новое Ядрино, являющемуся одним из ранних некрополей в рассматриваемом регионе.

M.I. FEDULOV, V.P. IVANOV, P.V. DENISOV

**FEATURES OF THE BURIAL RITE OF THE CHUVASH LOCATED
IN THE LOWER BASIN OF THE SURA RIVER**

Key words: funeral ceremony, necropolises, inter-ethnic contacts the Chuvash people.

The article is devoted to the characteristics of the funeral ceremony of upper Chuvash settlements. Burial grounds located in the basin of Lower Sura river, contain features that indicate a close inter-ethnic contacts between the Chuvash people, the Mordovians, the Mari and Russians in the XV-XVIII centuries. Complex of burial traditions, rooted to the rituals of the Volga Bulgars, the includes imported elements such as orientation of the burial holes, implements, location of skeletons, etc. The materials about the burial ground near New Yadrin village, that is one of the earliest necropolises in the region, are firstly published for modern historical science.

В последние годы интерес со стороны археологов и этнографов к изучению погребальной обрядности чувашей заметно снизился. В ряде работ последнего десятилетия рассматривались лишь общечувашские элементы обрядности [5]. Принятое в научной литературе выделение трёх групп могильников, территориально совпадающих с этнографическими группами чувашей (вирьял, анат-енчи и анатри), на современном этапе изучения требует уточнений. Детальный анализ позволяет проследить некоторые специфические особенности внутри этих групп. Выявить их, к примеру, можно при рассмотрении нижнесурских могильников чувашей.

Погребальный обряд является комплексом традиционных действий, отступления от которых крайне редко происходили под сильным влиянием внешних факторов или в результате интенсивного этнокультурного взаимодействия в данном регионе. Нижнее Присурье в средневековый период выступает в качестве одного из регионов, где происходило активное этнокультурное взаимодействие. С эпохи раннего железного века здесь расселялись предки современных марийцев и мордвы-эрзи. Со второй половины XIV в. в северо-восточной части современной Республики Чувашия начинают расселяться болгары, вступая в активное взаимодействие с местным финно-угорским населением. В левобережье р. Сура в этот период расселяются русские. Таким образом, в процессах этнокультурного взаимодействия участвовали представители финно-угорского, тюркского и славянского населения.

На данный момент нам известно о пяти чувашских могильниках, расположенных в Нижнем Присурье. В Ядринском районе таковыми являются могильники у д. Новое Ядрино (изучено 228 погребений) [1, 2, 6, 16, 22], Верхние Ачаки (80 погребений) [8-10], с. Балдаево (4 погребения) [20], в Красночетайском районе у д. Калугино (3 погребения) [17. С. 23-24; 11. С. 12-14], в Аликовском районе у д. Караклово (1 погребение) [18. С. 12]. Таким образом, мы располагаем сведениями о 316 погребениях, что составляет 23,5% от общего количества раскопанных (1345 погребений на 40 могильниках) [21]. Население,

оставившее присурские могильники, относится к этнографической группе чувашей-вирьял (верховые). Основную информацию для анализа дают Новоядринский (XV–XVIII вв.) и Верхнеачакский могильники (XVI–XVIII вв.).

В первую очередь необходимо рассмотреть вопрос о датировке Новоядринского могильника. Нижние хронологические рамки существования большей части известных чувашских могильников определяются XVI в. Авторы раскопок Новоядринского могильника и ряд современных исследователей относят его возникновение к XIV–XV вв. [1. С. 69–71]. На наш взгляд, наиболее аргументированной датой, будет являться вторая половина XV в., так как на это указывает несколько фактов. Во-первых, зафиксированы случаи перекрытия погребений. Так, погребением № 13, по монетам датированным серединой XVI в., было нарушено два более ранних безмонетных погребения [1. С. 16–17]. В других могилах в небольшом количестве встречаются русские монеты второй половины XV в. (погр. 18) [1. С. 62].

Инвентарь некоторых безмонетных погребений содержит предметы, отсутствующие в поздних погребениях с монетами (В-образные и каплевидной формы кресала, ромбовидные стрелы новгородского типа XIII–XV вв., бусы и т.д.) [1. С. 70–71]. Современные исследователи также проводят хронологические параллели Новоядринского могильника с могильниками у д. Кирегаси «Пăлаху» (XII–XV вв.) и с. Б. Таяба (XIV вв.) в Чувашской Республике, а также с Мари-Луговским могильником в Марий Эл [15. С. 131].

Наиболее важной характеристикой присурских памятников мы считаем наличие некоторых элементов материальной культуры финно-угорских племён, не встречающихся у чувашей-вирьял. Анализу подвергаются основные компоненты погребального обряда: устройство могильных ям, погребальные конструкции, инвентарь, ориентировка погребённого и т.д. Они указывают на сложность этнических процессов в нижнесурском регионе.

При изучении ориентации могил по сторонам света выявляется следующая особенность. Ориентировка по линии запад-восток с небольшими, вероятно сезонными, отклонениями характерна для Новоядринского, а северо-западная ориентировка, варьирующая от 285° до 315° азимута, – для Верхнеачакского могильника. С мнением о западной ориентировке, распространившейся под влиянием христианства, мы не можем согласиться в силу нескольких красноречивых фактов. Отсутствие нательных крестов, наличие вещей, угольков, костей животных и малая глубина могильных ям указывают на устойчивый традиционный (языческий) обряд. Распространение христианства среди инородцев начинается со II половины XVI в., а насаждение новой религии – с середины XVIII в. Западная ориентировка может быть объяснена сохранением болгарских традиций, северо-западная – тесными контактами с марийцами. Западная ориентировка характерна для многих могильников Чувашии: Тегешевского, Мартыновского, Татмыш-Югелевского, Новоахпердинского, северной части Бахтигильдинского, Новосюрбеевского I и т.д.

Вопрос о влиянии православия на чувашей еще требует детального анализа, но предметы христианского культа в указанных нами памятниках полностью отсутствуют. На памятниках в большом количестве присутствуют монеты, а иногда и вещи, изготовленные русскими мастерами (в Верхнеачакском могильнике найдена железная пряжка с русской надписью). Как показали исследования раннего русского поселения Курмыш-4, с конца XIV в. в районе нижней Суры между русскими, мордвой, марийцами и чувашами происходили активные контакты в области материальной культуры [4].

Исследователи неоднократно отмечали наличие предметов финно-угорского происхождения в могильниках чувашей. Это объясняется тесными контактами в области материальной культуры. Нижнесурские могильники дают

чёткие свидетельства этнокультурного взаимодействия в регионе, нежели только инвентарь, который мог попасть и в результате простого обмена. На межэтнические браки в первую очередь указывает наличие скорченных костяков женщин, лежавших на правом и левом боку с подогнутыми ногами и руками, расположенными перед лицом.

Костяк в погребении № 7 Новоядринского могильника располагался на правом боку. По монете, входившей в состав головного украшения, погребение датируется XVII в. [6. С. 70-71]. На женский пол погребенной указывают железная швейная игла и головной убор украшенный монетами и бусинами. Погребение № 14 содержало остатки женского поясного украшения типа «хуре». Костяк располагался на левом боку [1. С. 17-18]. В погребении № 94, также содержавшем остатки женского украшения типа «хуре», костяк располагался на правом боку, но ноги располагались вытянуто [1. С. 61]. Объяснить появление скорченных костяков, не встречаемых у чувашей, мы можем только результатом совместного проживания и межэтническими браками с соседними финно-уграми. Скорченные женские костяки, чаще на правом, реже на левом боку, встречаются в могильниках мордвы и в меньшей степени марийцев, но в столь позднее время фиксируются редко.

На могильниках арзамасской мордвы Заречное II и Стёксово II в скорченном положении совершено 25% от количества всех погребений. Все они принадлежат исключительно женщинам и выполнены чаще на правом боку. Практиковался и обряд укладывания погребенных на бок с вытянутыми ногами [12]. По мнению археологов, данный обряд мордве был привнесен пришлыми с юга племенами и стал характерной чертой мокшанского и эрзянского населения в XI-XIV вв. [3. С. 135].

В Новоядринском могильнике широко представлена преднамеренная порча лезвий ножей и серпов. Обряд обламывания острых предметов, как процесс «обезвреживания» покойника, известен по этнографическим данным, но обычай сгибания крупных ножей отмечен впервые. Наличие заимствованных элементов из культуры финно-угорских народов Присурья указывает на совместное (соседское) проживание, что подтверждается топонимическими названиями. Деревня Чебаково, расположенная в трех километрах от д. Новое Ядрино, носит второе название Ирсе, что переводится как эрзя (название этнографической группы мордвы) [13. С. 115].

Отдельно следует рассмотреть состав украшений. Бронзовые застёжки-сюльгамы, височные подвески в виде несомкнутого кольца, браслеты, перстни, наконечники «хуре» находят много параллелей с украшениями финно-угорских народов [19]. В Новоядринском могильнике найдены весьма специфичное мордовское украшение в виде височного кольца с привеской и скрученный из серебряной проволоки узелок для пояса, используемый в одежде марийским населением.

С другой стороны, височные кольца в форме знака вопроса со вставкой из полудрагоценных камней на конце, бронзовые браслеты с несомкнутыми концами, глазчатые бусы и другие украшения проникали в марийский костюм через чувашей. При раскопках Новоядринского могильника найдено большое количество бус с коричневыми разводами, в виде гнутых полосок на чёрном фоне, пирамидальные сердоликовые бусины, аналогичные бусам с болгарского городища Хулаш (Республика Татарстан). К числу уникальных находок в Новоядринском могильнике можно отнести остатки головных уборов типа «хушпу» (убор замужних чувашек). Это наиболее ранняя археологическая находка убора такого типа дает представление о зарождении традиции их ношения современным населением.

К числу древнетюркских элементов в рассматриваемых памятниках можно отнести особые конструкции могильных ям потбой, в виде уступа в стенке могилы и наличие костей лошади в погребениях [1. С. 28, 44].

Таким образом, мы можем говорить о наличии ряда черт, отличающих погребальные традиции нижнесурских могильников как от традиций верховых чувашей, так и от общечувашских обрядов. Этнокультурное взаимодействие с финно-угорским населением происходило не только на уровне материальной культуры, но и затрагивало духовную сторону жизни чувашского народа, проявившись в межэтнических браках и введении новых обрядов.

Литература

1. Вайнер И.С. Отчёт о работе 3-го Чувашского отряда Чебоксарской археологической экспедиции в 1971 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 4696. 71 л.
2. Вайнер И.С., Воронина Р.Ф., Каховский В.Ф., Краснов Ю.А. Работы Чебоксарской экспедиции // Археологические открытия 1972 года. М.: Наука, 1973. С. 162-164.
3. Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века: Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН 1999. С. 119-161.
4. Грибов Н.Н. Об освоении Присурья в эпоху Золотой Орды [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/gribov.htm>? (дата обращения: 07.07.2010).
5. Дроздова Г.И. Погребальный обряд народов Волго-Камья XVI-IX веков: по археологическим и этнографическим материалам: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2007. 307 с.
6. Зубарева В.М., Краснов Ю.А. Отчёт о раскопках Новоядринского могильника в 1969 году // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 3993. 60-75 л.
7. Каховский Б.В. Исследования Чувашской археологической экспедиции в Ядринском районе Чувашской АССР в 1989 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 16919. 22 л.
8. Каховский Б.В. Отчёт об исследованиях Чувашской археологической экспедиции в 1991 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 16780. 15 л.
9. Каховский Б.В. Отчёт об исследованиях Чувашской экспедиции. 1990 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 15857. 16 л.
10. Каховский Б.В. Погребальный обряд чувашского языческого населения // Современные и этнические процессы в Чувашской АССР: сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1978. С. 118-146.
11. Михайлов Е.П. Отчёт о работах в ходе археологической разведки осенью 1988 г. в Марийско-Посадском, Красночетайском, Канашском и Шемуршинском районах Чувашской АССР // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Д. 14989. Л. 12-14.
12. Мясникова О.В. К вопросу о скорченных погребениях мордвы (на примере могильников Заречное II и Стёксово II) // Пензенский археологический сборник. Пенза: ГУМНИЦ, 2007. Вып. 1. С. 193-198.
13. Нестеров В.А. Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1980. 144 с.
14. Никитина Т.Б. Марийцы (конец XVI – начало XVIII вв.) по материалам могильников. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. 160 с.
15. Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI-XIV вв. Казань: Школа, 2001. 220 с.
16. Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Отчёт о работе 2-го отряда Чувашской археологической экспедиции за 1957 год // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 1462. Л. 18-19.
17. Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского пединститута в пределах Чувашской АССР и Горьковской области летом 1950 года // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 454. Л. 23-24.
18. Степанов П.Д. Отчёт о работе разведочной археологической экспедиции Саратовского государственного педагогического института летом 1954 года в пределах Чувашской АССР // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Р. 1. Д. 990. 1954. 144 л.
19. Степанова А.А. Чувашско-марийские этнокультурные параллели в период позднего средневековья (по археологическим и этнографическим данным об украшениях) // Вопросы археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 51-64.
20. Третьяков П.Н. Предварительный отчет о работах Средне-Волжской экспедиции ГАИМК в Чувашской АССР в 1930 году // Научный архив ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 81. Инд. № 196. С. 297-298.
21. Федулов М.И. Погребальный обряд чувашей в XV-XIX вв. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.: Великий Новгород: ИА РАН, 2011. С. 265-266.
22. Федулов М.И. Разведочные археологические работы 2006 года на территории Ядринского района Чувашской Республики // Научный архив. Отд. II. Ед. хр. 2670. Инв. № 9497. 135 л.
23. Шикаева Т.Б. Памятники XVI-XVII вв. Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Археология и этнография Марийского края: сб. ст. Вып. 9. Древние этнические процессы Волго-Камья / науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1985. С. 100-117.

ФЕДУЛОВ МИХАИЛ ИГОРЕВИЧ – старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mfedulov.chuvsu@mail.ru).

FEDULOV MICHAIL IGOREVICH – senior teacher of Archeology, Ethnology and Region History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ИВАНОВ ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

IVANOV VITALIY PETROVICH – doctor of historical sciences, professor of Archeology, Ethnology and Region History Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ДЕНИСОВ ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ. См. с. 26.

УДК 94 (47)

С.И. ХАМИДУЛЛИН

БЕРЗИЛИЯ В СВЕТЕ ВИЗАНТИЙСКИХ, АРМЯНСКИХ И АРАБСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Ключевые слова: Берзилия, Баршалия, Бурджан, царство гуннов, Хазария, Дербент, шах Хосрой Ануширван, каган Синджибу, Истем-каган, эфталиты.

Рассмотрен вопрос соотношения географических терминов Берзилия, Баршалия и Бурджан, применявшихся по отношению к территории Нижней Волги, Калмыкии и Северного Дагестана.

S.I. KHAMIDULLIN

BERZILIA ACCORDING TO THE BYZANTIAN, ARMENIAN AND ARABIAN COMPOSITIONS

Key words: Berziliya, Barshaliya, Burdzhan, kingdom of huns, Khazaria, Derbent, Shah Khousrau Anushirwan, Khagan Sinjibu, Istemi-khagan, heptalites.

The article covers the issue of geographical parity of the following terms: Berziliya, Barshaliya, Burdzhan, that have been used as place-names applied to the territory of the Lower Volga, Kalmykiya, Northern Dagestan.

Автор Х в. Ибн Русте упоминает три «сорта» волжских булгар: блкар (بلكار), исг.ль (اسقل), б.рсула (برصولا) [13. С. 141]. Последнее их подразделение обычно связывается исследователями с областью Берзилия (Βερζιλια), расположенной на Северном Кавказе. Византийская историография дает лишь общий ориентир: «из глубин Берзилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар» [9. С. 61]. Очевидно, что Феофан использовал систему античного географа Клавдия Птолемея (II в. н.э.), различавшего две Сарматии – Азиатскую и Европейскую: последняя включала в себя пространство Восточной Европы до Дона на востоке, а первая – от Дона на западе до Волги и Гипербореи на востоке. Что касается армянской традиции, то автор так называемой «Армянской географии» («Ашхарацуйц») Анания Ширакаци, писавший в конце VII в., сообщает: «В Сарматии...много рек, в числе которых Этиль с 70 рукавами, на котором защищается народ Басилы» [8. С. 27-28]. Итак, согласно, данным армянской географии ба[р]силы в VII в. обитали в низовьях Этиля – Волги. Если учесть, что армянский и византийский авторы следовали системе Птолемея, то нетрудно сделать вывод, что под «самой дальней страной Первой Сарматии» Феофана нужно понимать правобережье Нижней Волги, ибо за Волгой начиналась «Скифия». В арабской историографии о местоположении Берзилии довольно ясно сообщает Балазури, когда рассказывает о встрече, состоявшейся между персидским шахом Хосровом Ануширваном и тюркским каганом в местности ал-Б.ршалия (برشالية) [11. С. 275]. Из контекста сюжета о встрече двух государей следует, что она находилась недалеко от Дербента. Исследователи локализуют эту область в долинах Терека и Сулака. При этом название ал-Б.ршалия сопоставляется с местечком Баршли в Северном Дагестане.

Однако для этих мест в арабской историографии есть другое название. В энциклопедическом лексиконе Иакута ар-Руми «Словарь стран» сообщается: «Бурджан (برجان): страна из числа областей Хазарии (аль-Хазар). Звездочеты утверждают, что [страна Бурджан] находится в шестом климате, и ее координаты – сорок градусов долготы и сорок пять градусов широты; мусульмане нападали на [Бурджан] в дни 'Усмана – да будет доволен им Аллах!» [15. С. 443]. Сообщение Иакута нуждается в комментарии. Его слова о том, что мусульмане в дни халифа 'Усмана (644-656 гг.) нападали на Бурджан, касается большого похода арабов под руководством полководца Абд ар-Рахмана ибн Раби'а и его брата Салмана, которые в 32 г.х. (652/653 гг.) вторглись на территорию Хазарии. Они взяли город Таргу (селение Тарки близ современной Махачкалы), дошли до города Баланджар, однако, под его стенами были уничтожены подоспевшими войсками хазарского кагана. Итак, если судить по арабским сочинениям, царство Бурджан находилось на территории современного Дагестана севернее Дербента. Для полноты картины необходимо сличить эти сведения с независимой от арабской историографии традицией. А таковой для изучаемого региона являются армянские, византийские и хазарские источники, которые на севере Дагестана знают только один народ – берсиллов/берзилов. Следовательно, Бурджан из арабских сочинений территориально совпадает с Берзилией византийских и армянских источников и Б.ршалия арабского историка Балазури. В чем причина разного написания названия одной и той же области?

Берзили и хазары, согласно армянской историографии в лице М. Хоренаци, врываются в Закавказье «через врата Чора»¹. Более определенно о маршруте их набегов сообщается в другом пассаже «Истории Армении», относящемся к периоду правления царя Трдата III (287-343 гг.). Персидский царь Шапур III (383-388 гг.), призвав берзилов напасть на Армению, сам во главе войска двинулся с юга. Трдат, не дожидаясь пока враги окружают его с двух сторон, «отправился в Алванские края сражаться со всеми племенами предгорных областей» [6. С. 130-131]. Трдат преследует их до «страны гуннов». В «Армянской географии» А. Ширакаци даются ориентиры этой страны: «К северу (от Дербента. – С.Х.) близ моря находится царство гуннов» [8. С. 31], которое, без сомнения, было расположено в Северном Дагестане. В исторической литературе высказывалось мнение о тождестве «царства гуннов» армянских источников с Берзилией-Б.ршалией византийской и арабской традиций. Тому есть определенные причины. В упомянутом трактате называются города «царства гуннов»: «на западе (от Каспийского моря. – С.Х.) у Кавказа (т.е. в предгорьях Кавказа. – С.Х.) город гуннов Вараджан, а затем города гуннов Чунгарс и Мсндр» [8. С. 31]. В «Истории Албании» Моисея Каланкатвази есть упоминание о «великолепном городе Варачане» севернее Дарбанда, в котором жил «великий князь гуннов» [3. С. 192]. Основываясь на очевидном сходстве названий Берзилия и Вараджан/Варачан, М.И. Артамонов пишет: «...местность Баршалия в сообщениях арабских географов, названию которой, мне кажется, отвечает имя города Варачан у армянских авторов, дает достаточно определенные указания относительно местонахождения племени барсиллов, страны Берзилия и первоначального местожительства хазар» [1. С. 89]. Стало быть, Берзилия тождественна «царству гуннов». Собственно хазарские источники также знают местность со схожим названием. Ежегодно по весне хазарский царь выезжал из Итиля, столицы каганата, и двигался к реке В.ршан, расположенной в 20 фарсах от места отправления, где, по словам царя Иосифа, «место нашего отдыха» [5. С. 86, 91]. Расстояние

¹ Чор – армянское название Каспийского прохода, где позднее будет построен Дербент, произошедшее, по всей видимости, от персидского «джор», т.е. «ущелье».

20 фарсахов составляет 100-120 км, что будет примерно равно расстоянию от низовьев Волги, где стоял Итиль, до реки Кумы. Поэтому П.К. Коковцев склоняется к отождествлению Кумы с В.р.шаном. Вероятно, хазары называли эту реку по имени страны, по которой та протекала. Коль скоро топонимы Варачан и В.р.шан, несмотря на географическую отдаленность друг от друга, имели общее происхождение, то, следовательно, территория между этими топонимами принадлежала одному этнополитическому объединению. М.И. Артамонов заключает, что город Вараджан, где проживал гуннский князь, является столицей «царства гуннов», т.е. столицей Берзилии. «Это имя в различных вариантах упоминается не только в армянских, – пишет М.И. Артамонов, – но и в византийских, и в арабских, и в еврейских источниках и, очевидно, связывается с названием страны Берсилия и подразделения болгар – берсилиев, барсилов и берсула...» [2. С. 184]. Заметим, что армянское название Вараджан, по всей видимости, соответствует арабскому Бурджан. Как считает В. Минорский, название Barṣli является тюркской конструкцией с суффиксом принадлежности -li-, тогда как армянская форма Варачан представляет собой ту же основу с иранским окончанием -ан- [14. Р. 125-127]. Поэтому нам кажется справедливым вывод А.П. Новосельцева о том, что «пределы Берсилии следует расширить, отнеся к ней значительную территорию Восточного Предкавказья, часть Центрального Предкавказья и низовья Волги, хотя в узком смысле так могла именоваться (особенно в позднее время – VIII-IX вв.) и более ограниченная территория в пределах Северного (Приморского) Дагестана» [7. С. 79].

Окончательную точку в вопросе о тождестве областей Бурджан и Б.ршалия², а значит, и византийской Берзилии, ставит рассказ о строительстве Дербента Хосроем Ануширваном. Он существует в нескольких авторских версиях – Балазури, Кудамы ибн Джа'фара, Табари, Ибн ал-Асира и других. Вкратце фабула сюжета сводится к следующему. Интересы растущего Тюркского каганата и достигшей апогея мощности Персидской державы пересеклись на Кавказе и в Средней Азии. По Балазури, для заключения союза «царь царей» шаханшах Ануширван и «хан ханов» каган Истеми встретились в области аль-Б.ршалия на Кавказе. Чтобы расположить к себе «царя турок», Ануширван попросил себе в жены его дочь, пообещав взамен отдать ему свою. Наконец, шах и каган встретились в условленном месте, где пировали несколько дней, отмечая заключенный союз. Однако затем Ануширван пускается на хитрость, желая выпроводить тюркского кагана с территории Восточного Предкавказья, а конкретно, из Б.ршалии, которую, по-видимому, считал зоной влияния Сасанидского государства. Ибн ал-Асир в схожих выражениях пересказывает историю Балазури: «Ануширван приказал собрать верных людей, чтобы они подобрались к войску турок с краев и совершили там поджог. И они сделали это. Когда наступило утро, царь турок пожаловался на это. Но Ануширван отрицал, что он знает что-либо о происшедшем. Затем он приказал снова совершить подобное следующей ночью. Турок поднял шум, но Ануширван отнесся к этому снисходительно и извинился перед ним. Затем Ануширван приказал устроить пожар в расположении своего войска, а там были лишь лачуги из сена. Когда наступило утро, он пожаловался на это турку. Тот сказал: «Как ты можешь подозревать меня?» И поклялся турок, что он ни о чем не ведает. И сказал ему Ануширван: «Воистину, нашим войскам не понравилось, что мы заключили мир потому, что они лишились добычи и возможно-

² Общепринятое в исторической литературе чтение Баршалия носит произвольный характер. Так как в арабском тексте данное название приводится без огласовок, то вполне допустима и форма Буршалия.

сти набегов. Я боюсь, как бы они не наделали чего-нибудь такого, что могло бы расстроить наши сердца и возвратить нас к вражде. Мне кажется, ты должен разрешить мне построить стену между мною и тобою, в которой мы сделаем ворота. Таким образом, никто не войдет к тебе без твоего соизволения, так же и ко мне никто не войдет, кроме того, кого я пожелаю впустить». И турок согласился с ним. И построил Ануширван стену от моря до вершин гор. И сделал в ней железные ворота и поставил охрану. И сказали царю турок: «Воистину, тебя обманули: твоя жена не дочь Ануширвана, а он укрепился против тебя». И не мог каган найти какую-либо хитрость против него» [12. С. 192-196]. Таким образом, иранский шах построил знаменитую твердыню Дербента, которую арабы называли Баб аль-Абваб, т.е. «Ворота ворот». В отличие от Балазури и Ибн ал-Асира, Табари обходится краткой констатацией: «...он (Ануширван. – С.Х.) выступил в поход против хайталов (эфталитов. – С.Х.), жажда мести за своего деда Фируза. Еще до этого Ануширван породнился с каганом и написал ему перед своим выступлением, сообщая о своем намерении и побуждая выступить против хайталов» [10. Р. 899-900]. По Табари выходит, что каган и шах породнились до совместного похода на эфталитов. Но если считать строительство Дербентской стены и женитьбу царей синхронными событиями, как утверждает Балазури и повторяют за ним Ибн ал-Асир и Кудама ибн Джафар, и связывать эти события со встречей обоих государей в Баршалии, то получается, что Дербентская стена была воздвигнута до совместного эфталитского похода. В таком случае продолжение тюрко-иранского союза выглядит нелогично. Ануширван обманул Истеми-кагана, выдав за тюркского хана приемную дочь, вместо родной, и обманным путем воздвиг укрепления. Однако совместные военные действия турок и персов против эфталитов продолжались на протяжении многих лет. Поэтому, как нам кажется, история Балазури, воспроизведенная Кудамай ибн Джафаром и Ибн аль-Асиром, является всего лишь персидским анекдотом о хитрости шаха и глупости кагана, т.е. фольклорной версией реальных исторических событий. Вероятнее всего, обмен дочерьми и заключение союза состоялись в местности ал-Б.ршалия до похода на эфталитов, ибо тюрко-иранский союз против эфталитов существовал еще многие годы. Ханскую дочь звали Каен³ [4. С. 39], тогда как имя дочери шаха неизвестно. Следовательно, Дербентские укрепления не могли быть воздвигнуты до окончания эфталитской войны и, тем более, во время кратковременной стоянки кагана и шаха в ал-Б.ршалия.

В действительности в местности ал-Б.ршалия произошло следующее: во-первых, состоялся обмен дочерьми и, во-вторых, был заключен наступательный антиэфталитский союз. Строительство Дербентских укреплений были начаты еще шахом Ездегердом II в 439-457 гг. Ануширвану же оставалось лишь закончить начатое. Так или иначе, до окончания эфталитской войны и, тем более, во время стоянки кагана в Б.ршалии, шах не мог завершить задуманное. К счастью, Ибн ал-Асир изложил две версии произошедших событий – фольклорную, уже приведенную выше, и документальную. Последняя была заимствована сначала Табари, а затем Ибн ал-Асиром из утраченного сочинения более раннего писателя Хишама ал-Калби. Ибн ал-Асир сообщает: «И пошел он в страну Хайтал, чтобы отомстить за своего деда Фируза. А перед этим Ануширван породнился с каганом. И вошел Хосрой в их страну, убил их (эфталитов. – С.Х.) царя и искоренил членов его фамилии. Затем достиг Балха и Мавераннахра. И оставил свои войска в Фергане. Затем возвратился

³ Каен – по-тюркски значит «Береза». Ханская дочь стала матерью следующего шаха Ирана Хормизда IV по прозвищу «Турок».

в Мадаин (Арабское название Ктезифона, столицы Парфянского царства. – С.Х.) и напал на Бурджан». Чуть ниже Ибн ал-Асир делает уточнение: «И когда укрепились его дела, он воевал Фергану и Бурджан, затем вернулся [из Бурджана] и построил города Шабиран, Маскат и Баб аль-Абваб. И назван [город] «воротами» потому, что построен на пути в горы» [12. С. 192]. Табари пишет еще более определенно: «Хишам (т.е. Хишам аль-Калби. – С.Х.) сказал: Ануширван напал на Бурджан, затем вернулся [из Бурджана] и построил Баб аль-Абваб...» [10. Р. 899-900]. Таким образом, если отбросить фольклорные наслоения на сюжет о строительстве Дербентских укреплений, выходит следующее: после эфталитской войны, когда надобность в союзе с тюрками отпала, шах Ануширван отправляется в поход в Бурджан (по Табари и Ибн ал-Асиру) или в Б.ршалию (по Балазури), дабы бурджанцы, являвшиеся федератами Тюркского каганата, не могли помешать его планам, после чего завершает возведение крепости Дарбанд (перс. «запертые ворота») и ее знаменитых стен от моря до гор. Что касается известия Балазури, то он, по всей видимости, смешал воедино два разных похода Ануширвана в Баршалию: первый – с целью женитьбы и заключения союза с Истеми-каганом и второй – с целью наказания берзильов и строительства Дербентских укреплений. Лишь разгромив Бурджан, он исполняет задуманное. Учитывая, что в изложении Балазури, Ибн ал-Асира и Табари рассказывается об одних и тех же событиях, происходивших в одном и том же районе, тождество Берзилии, Б.ршалии и Бурджана очевидно.

Литература

1. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л.: Соцэкгиз, 1936. 136 с.
2. Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.
3. История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века / пер. с арм. К. Патканова. СПб.: Изд-во Императорской АН, 1861. 374 с.
4. История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. М.: Изд-во Императорской АН, 1862. 216 с.
5. Кокорцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1932. 134 с.
6. Моисей Хоренский. История Армении / пер. Н.О. Эмина. М.: Изд-во Лазаревского ин-та восточных языков, 1893. 323 с.
7. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 261 с.
8. Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Ч. 226, март. С. 21-32.
9. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора (тексты, перевод, комментарий). М.: Наука, 1980. 213 с.
10. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari / Ed. by M.J. de Goeje. Prima series. Pars II. Lugduni-Batavorum: Brill, 1881-1882. P. 529-1072.
11. Baladhuri. Futuh al-Buldan. Part III. Beirut: Mu'assasa al-Ma'arif, 1987. 768 p.
12. Ibn al-Athir. Al-Kamil fi al-Tarikh. Vol. I. Beirut: Dar al-kutub al-'Ilmiyya, 1987. 626 p.
13. Ibn Rustah. Kitab al-a'lak an-nafisa / Ed. by M.J. de Goeje // Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars VII. Lugduni Batavorum: Brill, 1891. 388 p.
14. Minorsky V. A new book on the Khazars // Oriens. Vol. XI, № 1-2. Leiden, 1958. P. 112-145.
15. Yaqt al-Rumi. Mu'jam al-buldan. Vol. I. Beirut: Dar Sadir, 1990. 540 p.

ХАМИДУЛЛИН САЛАВАТ ИШМУХАМЕТОВИЧ – соискатель ученой степени кандидата исторических наук, кафедра Отечественной истории, Башкирский государственный университет, Россия, Башкортостан, Уфа (hamidullah@mail.ru).

KHAMIDULLIN SALAVAT ISHMUKHAMETOVICH – a competitor of scientific degree of Historical Sciences candidate, Russian History Chair, Bashkir State University, Russia, Ufa.

УДК 635.21(470.344)"19"

В.Б. ШУВЕРОВ

**ИНДУСТРИАЛЬНАЯ ПЕРЕСТРОЙКА КАРТОФЕЛЕВОДСТВА В ЧУВАШИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 80-х ГОДОВ
XX СТОЛЕТИЯ**

Ключевые слова: научно-технический прогресс, индустриализация сельского хозяйства, картофелеводство, механизация, химизация, селекционная работа, Чувашия.

Проанализирован процесс перевода на индустриальную основу одной из ведущих отраслей сельского хозяйства Чувашии в условиях ускорения научно-технического прогресса. Выявлено, что основное внимание уделялось механизации, химизации, селекционной работе в области картофелеводства. Сформулированы выводы о темпах и особенностях индустриальной перестройки картофелеводства в регионе в 1955-1985 гг.

V.B. SHUVEROV

**THE INDUSTRIAL RESTRUCTURING OF POTATO INDUSTRY IN CHUVASHIA
IN THE SECOND HALF OF THE 50s – 80s FIRST HALF OF THE 20th CENTURY**

Key words: scientific and technical progress, agricultural industrialization, potato industry, mechanization, chemicization, selection work, Chuvashia.

The industrialization process of one of the Chuvashia leading agricultural branches in accelerating scientific and technological process is analyzed. It is turned out that the main attention was paid to mechanization, chemicization, selection work of the potato industry. The conclusion about the rate and characteristics of the industrial restructuring of the Chuvashia potato industry in 1955-1985 is made.

«Картофель хлебу подспорье» – гласит вековая народная мудрость. И в наши дни картофель относится к числу важнейших продовольственных культур в Российской Федерации, которая одновременно занимает одно из ведущих мест в мире по валовому производству картофеля и значительно отстает от мирового уровня по показателю средней урожайности картофеля. Выход из этих «ножниц» специалисты видят в скорейшем переводе отечественного картофелеводства на индустриальные технологии. Элементы их начали внедрять в данную отрасль растениеводства в середине 1950-х гг., когда в СССР была поставлена задача перехода от механизации отдельных работ к комплексной механизации производства, ускоренного выведения и внедрения в производство более урожайных, высокопродуктивных сортов сельскохозяйственной культуры, улучшения использования минеральных удобрений с учетом климатических и экономических условий каждого региона.

Почвенно-климатические условия в Чувашии благоприятны для получения стабильных урожаев картофеля, выполнения намеченных планов продажи клубней, а также создания кормовой базы животноводства. Так, в конце 1950-х гг. в ряде передовых хозяйств проводились опыты по закладке силоса из картофеля. Зоотехник колхоза «Гвардеец» Батыревского района В.А. Никитин внес предложение о силосовании картофеля, которое было внедрено в колхозное производство [3. Д. 1026. Л. 82].

Во второй половине 1950-х гг. в Чувашской АССР были осуществлены мероприятия по повышению культуры производства картофеля, укреплению материально-технической базы картофелеводства. Уровень механизации обработки почвы составлял 100%, посадки картофеля – 74% [3. Д. 1015. Л. 89]. Характерная особенность середины 1950-х гг. – механизация картофелеводства с привлечением машинно-тракторных станций. В 1955 г. силами МТС был посажен картофель на площади 40 267 га, проведены другие виды работ по производству картофеля. Валовый сбор картофеля составил 2 364 770 ц [4. Д. 918. Л. 14].

В 1959 г. из 54 478 га посевных площадей картофеля 33 705 га было отведено под посевы на семена сортового картофеля. 27 крупных сельхозпред-

приятый перешли на сплошные сортовые посевы картофеля [4. Д. 1592. Л. 40]. В колхозах имени Сталина Батыревского района, «Сталинец» Красноармейского района, «Свобода» Моргаушского района, «Аниш» Октябрьского района, имени Ленина Урмарского района, «Гвардеец» Чебоксарского района, «Парижская Коммуна» Ядринского района, «Победа» Яльчикского района, «Родина» Янтиковского района высаживали на площади более 100 га рассадники семенного картофеля преимущественно сортов «Лорх», «Эпрон», «Северная роза», «Ранняя роза», «Берлихинген». К 1960 г. во всех районах республики имелись сельхозпредприятия, занимавшиеся производством и поставкой семенного материала картофеля [2. С. 111].

В 1960-е гг. были достигнуты определенные успехи в механизации картофелеводства, в частности, были внедрены в производство в совхозе «Октябрьский», на Цивильской сельскохозяйственной опытной станции, в Стемасском махорсовхозе и других хозяйствах картофелесортировки КСР-10 и КСП-15Б [4. Д. 1592. Л. 41]. В 1965 г. были механизированы до 73% – посадка картофеля, до 36% – уборка картофеля [6. С. 95].

В первой половине 1960-х гг. большое внимание уделялось вопросу о месте картофеля в севообороте. Это связано с тем, что картофель очень восприимчив к предшественнику. В колхозе «Победа» Яльчикского района картофель размещали в десятипольном севообороте после яровой пшеницы, выращиваемой по пласту многолетних трав. Полевой десятипольный севооборот в колхозах «Янгорчино» Вурнарского района, «Заветы Ильича» Ядринского района предусматривал чередование культур в следующей последовательности: занятой пар (горох), озимые (рожь), картофель, яровые зерновые с подсевом трав, травы первого года пользования, травы второго года пользования, яровые зерновые, пропашные, озимые (озимая пшеница), яровые зерновые [8].

Со второй половины 1960-х гг. стали широко использоваться химические средства борьбы с болезнями, вредителями сельскохозяйственных культур и сорняками. Повышение экономического плодородия земли достигалось путем увеличения внесения в почву органических и минеральных удобрений.

В 1960-е гг. центральное место в селекционной работе было отведено новым сортам раннего картофеля – ценной продовольственной культуре и лучшему предшественнику озимых. В 1964 г. на Чувашской сельскохозяйственной опытной станции доцент Чувашского государственного сельскохозяйственного института А.И. Кузнецов, сотрудники опытной станции В.В. Борисова, З.А. Баранова, А.И. Гаврилова разрабатывали приемы для ускоренного созревания и повышения урожайности раннего картофеля [5. Л. 51]. В общей сложности были проведены испытания 15 скороспелых и среднеспелых сортов картофеля. В качестве стандартов использовались районированные в республике сорта – «Приекульский ранний» и «Берлихинген». Лучшим по скороспелости и урожайности оказался сорт «Волжский». В середине 1960-х гг. коллекция ранних сортов картофеля пополнилась за счет присланных из Московского отделения ВНИИ растениеводства им. Н.И. Вавилова 20 образцов, из ВНИИ картофельного хозяйства – 7 образцов [5. Л. 53].

В 1970-е гг. близилась к завершению механизация посадки картофеля. Вместе с тем копка клубней механической тягой производилась на 52% в 1978 г., на 77,5% в 1979 г., на 77,2% в 1980 г. площадей из общей уборочной площади, а картофелеуборочными комбайнами, соответственно, на 7,7%, 1,7%, 4,7%. Механизированная погрузка клубней в среднем в 1977-1980 гг. составила 4,3% [9. С. 38].

Обработка почвы под посевы картофеля проводилась сельскохозяйственными агрегатами общего назначения. При лущении стерни использовались луцильники ЛД-5, ЛД-10, вспашка (зяблевая и весенняя) проводилась

плугом «Пахарь» с комплектом безотвальных корпусов, агрегатировались с тракторами ДТ-75, ДТ-74. Предпосадочная культивация или дискование проводились КПИ-4В и БДТ-2,3, БДТ-3. Сельскохозяйственные машины агрегатировались с трактором ДТ-75, Т-74.

При посадке клубней использовался агрегат СН-4Б, который агрегатировался с тракторами МТЗ-82 или ДТ-75. Довсходовый уход картофельного поля сетчатыми боронами позволял добиваться лучшего рыхления почвы и поступления воздуха в зону расположения клубней. Междурядную обработку проводили культиватором-окушником КОН-2,8ПМ с одновременным боронованием (агрегатировался с тракторами МТЗ-50, МТЗ-52).

Для эффективной работы картофелекопателей и другой картофелеуборочной техники организовывали предварительное скашивание ботвы агрегатами КИР-1,5. Картофель убирали картофелекопателями КТН-2БП или картофелекомбайнами ККУ-2.

1970-е годы ознаменовались развитием химизации в картофелеводстве. Как известно, 100 ц картофеля при нормальных условиях возделывания выносят из почвы в среднем 50 кг азота, 20 кг фосфора, 90 кг калия. При недостаточности питательных веществ растение испытывает угнетение. Большую роль в повышении плодородия почвы и урожайности картофеля играют органические удобрения.

Наибольшие дозы минеральных органических удобрений на гектар посевов картофеля применялись в хозяйствах Шемуршинского (34,7 т), Шумерлинского (27,6 т), Ядринского (25,4 т), Урмарского (22,4 т), Вурнарского (22,1 т) районов [9. С. 58]. Внесение минеральных удобрений производилось разбрасывателями удобрений РУМ-3 с производительностью 8-10 га/ч при использовании погрузчика ПЭ-0,8. Внесение органических удобрений производилось агрегатами ПТУ-3,5, ПТУ-4, погрузка – погрузчиками ПБ-35, ПЭ-08, которые агрегатировались с тракторами ДТ-75 или Т-74.

Заметный вклад в химизацию картофелеводства внесли ученые ЧГСХИ. Например, в 1975 г. коллектив ученых под руководством доцента Н.М. Матвеева изучила водный режим растений картофеля при внесении разных доз азотных удобрений. Опыты проводились с районированным в Чувашской АССР среднепоздним сортом картофеля «Лорх» на опытном поле учхоза ЧГСХИ [5. Д. 1298. Л. 33].

Площадь сортовых посевов картофеля в 1975 г. по сравнению с 1972 г. увеличилась на 3,9%. Удельный вес сортовых посевов картофеля в 1975 г. достиг 98,8% против 87,4% в 1970 г. Среднегодовое производство картофеля в колхозах и совхозах в 1971-1975 гг. составило 6289,5 ц [7. С. 31-32]

В 1975-1979 гг. в передовых картофелеводческих сельхозпредприятиях («Ленинец», «Гвардеец» Батыревского района, «Янгорчино» Вурнарского района, «Победа» Яльчикского района) была высокая урожайность благодаря внедрению новых, высокоэффективных сортов картофеля [1. С. 22]. Посадка картофеля сортовыми районированными семенами взамен несортных клубней увеличивает урожайность продукции на 20%. Высокий эффект достигается при посадке калиброванными семенами, клубнями одинакового размера и массы. Для калибровки семян картофеля на фракции клубни пропускали через сортировальный агрегат КСП-15Б или РКС-10. Такие сортировальные агрегаты позволяли разделить семенной картофель на три фракции: до 50 г – мелкие; 50-80 г – средние; свыше 80 г – крупные.

Урожайность картофеля в значительной степени зависит от состояния посадочного материала. Большая работа по повышению качества семенных клубней картофеля велась в передовых колхозах «Ленинец» Батыревского района, «Победа», «Прогресс» Яльчикского района, «Ленинская искра» Яд-

ринского района, «Восход» Шемуршинского района, «Янгорчино» Вурнарского района [9. С. 58]. В конце 1970-х гг. специализированными хозяйствами стали совхоз «Ударник» Моргаушского района и колхоз «Янгорчино» Вурнарского района, которые занимались первичным семеноводством картофеля [6. С. 190].

К началу 1980-х гг. материально-техническая база картофелеводства значительно окрепла. На 1 января 1980 г. обеспеченность производственными средствами на единицу посевной площади этой культуры в колхозах составила 618,4 руб., тогда как в 1976 г. – 450,0 руб. [9. С. 44]. Тем не менее оснащенность картофелеводства основными фондами была недостаточна.

В первой половине 1980-х гг. мощным резервом для увеличения объема производства картофеля оставалось применение научно обоснованной системы использования минеральных и органических удобрений. В 1980 г. в колхозе «Заветы Ильича» Ядринского района звено А.И. Кузьминой получило урожай 225 ц/га, применив при выращивании картофеля прогрессивную технологию по усилению действия полезных микроорганизмов в почве и повышению плодородия ее путем правильного сочетания органических и минеральных удобрений [10].

К середине 1980-х гг. картофелеводство стало крупной отраслью сельского хозяйства в Чувашии. Республика выступала в качестве одного из крупных производителей картофеля в РСФСР, основного субъекта по производству картофеля в Волго-Вятском экономическом районе не только на продовольствие, но и на фураж, технические цели. В условиях ускоряющегося развития научно-технической революции, завершения «позднеиндустриальной» стадии развития перевод производства продукции на индустриальную основу являлся основным направлением развития картофелеводства. Однако из-за стагнации научно-технической сферы, противоречивости организационно-управленческих решений, незаинтересованности сельхозпредприятий в нововведениях темпы индустриальной перестройки картофелеводства стали снижаться, приобрела инерционный характер, осуществлялась за счет совершенствования уже существующих технологий, частичной модернизации техники.

Литература и источники

1. Андреев Г.И. За высокий урожай картофеля // Урожай и его слагаемые. Чебоксары, 1979. С. 22-34.
2. Верхеев И.В. Интенсификация производства картофеля в колхозах Чувашской АССР // Пути повышения эффективности сельскохозяйственного производства в Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С 104-137.
3. ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 26.
4. ГАСИ ЧР. Ф. 197. Оп. 42.
5. ГАСИ ЧР. Ф. 1512. Оп. 3. Д. 802.
6. История Чувашии новейшего времени: в 2 кн. Кн. 2. 1945-2005. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009.
7. Итоги выполнения плана развития народного хозяйства Чувашской АССР (1971-1975 гг.). Чебоксары, 1976.
8. Личный архив Шуверова В.Б. Отчет по итогам 1970 года агронома колхоза «Заветы Ильича» Ядринского района Александрова В.А.
9. Народное хозяйство Чувашской АССР за годы десятой пятилетки: стат. сб. / ЦСУ РСФСР; Стат. упр. Чувашской АССР. Чебоксары, 1982.
10. Текущий архив СХПК «Заветы Ильича» Ядринского района Чувашской Республики. Протокол собрания членов колхоза «Заветы Ильича» Ядринского района Чувашской АССР от 4 марта 1980 г.

ШУВЕРОВ ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ – соискатель учёной степени кандидата исторических наук, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Shuverov@chuvsu.ru).

SHUVEROV VLADIMIR BORISOVICH – a competitor of scientific degree of Historical Sciences Candidate, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 623.4:351.74(470.41)“20”

Д.А. ЯЛТАЕВ, В.С. ГРИГОРЬЕВ

ВООРУЖЕНИЕ ПОЛИЦИИ ЧУВАШСКОГО КРАЯ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

Ключевые слова: оружие, история полиции, Казанская губерния, Чебоксары.

Проанализирована степень обеспечения оружием полиции чувашских уездов Казанской губернии. Сделан вывод о недостаточности вооружения. Проведено сравнение снабжения отрядов полиции, выполнявших политические и общие правоохранные функции.

D.A. YALTAEV, V.S. GRIGORYEV

ARMS OF POLICE OF THE CHUVASH REGION OF THE KAZAN PROVINCE AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Key words: weapon, police history, the Kazan province, Cheboksary.

Extent of providing by the weapon of police of the Chuvash districts of the Kazan province is analysed. The conclusion is drawn on insufficiency of weapon. A comparison of supply of the political police and the general police was carried out.

Степень обеспечения оружием правоохранительных органов всегда оставалась предметом острых дискуссий о необходимости и последствиях ее усиления. Современная преступность, часто имеющая экстремистскую направленность, заставляет полицию обеспечивать высокий уровень подготовленности. Изменение структуры и направленности преступности начала XX в. выявило некоторые слабые стороны местных правоохранительных подразделений.

По закону 1878 г. вооружение урядника состояло из шашки драгунского образца, которая должна была служить не менее 10 лет [4. Д. 20. Л. 135]. Кроме того, урядникам предоставлялось, сверх казенного вооружения, иметь и собственное огнестрельное оружие [7. Д. 4193. Л. 4об.]. По поводу отсутствия централизованного распределения казанский губернатор П.Ф.Хомутов, объезжая губернию в декабре 1905 г., отметил, что «у одних нижних полицейских чинов совсем не имеется оружия, а у других, если имеется таковое, то совершенно негодное к употреблению». В Цивильском уезде на тот момент урядники, стражники и городовые имели непригодные шашки, причем урядники и стражники имели свои револьверы, находившиеся в крайне плохом состоянии. Только накануне декабрьского вооруженного восстания 1905 г., т.е. во время высшего подъема революции, губернские власти всерьез задумались о качестве вооружения полицейских чинов. 7 декабря 1905 г. впервые появилось распоряжение о сборе сведений, какие комплекты оружия необходимы для нижних чинов полиции [7. Д. 1793. Л. 7, 10].

Служба стражников, учрежденная в уездах с конца 1905 г. вооружалась, кроме шашек, винтовками. Темпы обеспечения вновь созданных полицейских частей значительно опережали скорость перевооружения ранее существовавших должностных лиц. Уже к середине февраля 1906 г., по сообщению Департамента полиции, вооружение вновь сформированной или преобразованной полицейской стражи винтовками пехотного и драгунского образца было закончено, как и обеспечение необходимым запасом патронов. Холодное оружие стражников признавалось вполне исправным. За вооружение и конское снаряжение стражников отвечал лично начальник губернского жандармского управления [7. Д. 1793. Л. 1, 30]. Городовые и частная полиция вооружа-

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.0408 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

лись на средства соответственно городского самоуправления и владельцев частных полицейских команд. «Общее губернское учреждение» 1876 г. (п. 9., ст. 2086, I ч. II т.) оговаривало снабжение городских полицейских команд амуницией и вооружением за счет городов [5. Д. 209. Л. 34]. В начале XX в. судостроительный завод пароходного общества «Дружина» в Звенигском затоне, Чебоксарское и Мариинско-Посадское городские общественные управления уклонялись от выполнения требования о снабжении городских хорошим оружием. Вооружение у городских чебоксарской городской полиции, как и мариинско-посадской, служило лишь «дополнением к форме», а на добавленных по новым штатам трех городских чебоксарской городской полиции оружия не было выделено вообще. Дошло до того, что уездные полицейские власти временно выдали им старые шашки, замененные у полицейских урядников новым вооружением [8. Д. 12170. Л. 42]. Вопросы экипировки частной стражи решались в индивидуальном порядке. Так, если Курбатовский стражник был с вооружением, но без обмундирования, то стражник Новоковалинского волостного правления получил от уездного полицейского управления шашку, а револьвер и патроны должно было приобрести волостное правление [2. Д. 502. Л. 12об.-13об.].

Циркуляр министра внутренних дел 26 января 1906 г. сообщал, что революционеры зачастую снабжены оружием значительно лучшим, чем чины городской полиции. Чебоксарская городская команда обладала девятью револьверами «Бульдог» еще с 1889 г., но не могла ими пользоваться вследствие отсутствия к ним патронов. 6 марта 1906 г. чебоксарский уездный исправник обратился в городскую управу с требованием заменить устаревшее оружие, приобретя новое на Казанском артиллерийском складе. То же самое через четыре месяца повторил губернатор [1. Д. 1170. Л. 28-29, 43]. Но ничего не было сделано. Отсутствие оружия стало одной из причин того, что во время чебоксарского восстания 6 августа 1906 г. часть урядников бежала, не сопротивляясь толпе, состоявшей из подростков и отчасти взрослых из крестьян и мещан [9. Д. 460. Л. 262.], обладавших и холодным, и огнестрельным оружием [1. Д. 82. Л. 30об.]. Несмотря на факт восстания, у чебоксарской городской управы ушло полтора года на закупку оружия для собственной полиции (11 августа 1907 года) [1. Д. 82. Л. 45, 47].

По общероссийскому образцу 1910 г. для стражников предусматривалось вооружение трехлинейным револьвером солдатского образца 1895 г., шашкой драгунского образца 1881 г., патронами из расчета 42 штуки одновременно и затем по 30 штук ежегодно для практических стрельб [8. Д. 12856. Л. 76; 9. С. 142]. Пеший стражник получал винтовку пехотного образца и шашку [3. Д. 21. Л. 5]. Классные чины могли покупать для себя револьверы и пистолеты вместо выдачи с последующей компенсацией. Уездная полиция Казанской губернии была вооружена разнородно. Ко второму десятилетию XX в. имелись казенные револьверы системы «Лефоше», «Смитт и Вессон», «Бульдог», «Наган», трехлинейные винтовки «Бердана» образца 1891 г. (казачьего образца) и четырехлинейные винтовки «Бердана». В финансовых документах упоминается привоз в Казанскую школу полицейских стражников японских карабинов [8. Д. 1225. Л. 39]. Однако в основном они были вооружены револьверами «Наган» и четырехлинейными винтовками системы «Бердана» [3. Д. 21. Л. 1-2]. В 1913 г. полицейские урядники перевооружались револьверами системы «Наган», но, судя по многим данным, не повсеместно [8. Д. 12856. Л. 2]. Обеспеченность патронами не была высока. При проверке чебоксарским исправником в конце 1912 г. вооружения полицейских урядников

оказалось недостаточное количество патронов к казенным револьверам системы «Смит и Вессон», да и те в большинстве случаев давали осечки. Однако исправник заказал сравнительно малое количество новых патронов – всего 150 штук. Для сравнения, казанская городская управа в то же время получила с артиллерийского склада 1800 патронов к револьверам системы «Бульдог» и 7830 «Смит и Вессон». В 1914 г. по чебоксарской уездной полиции имелось 1036 патронов для четырехлинейных винтовок «Бердана», 1770 для трехлинейных винтовок казачьего образца, на 11 револьверов системы «Смит и Вессон» у урядников приходилось 52 патрона. Револьверов «Наган» не было. За ядринским уездом числилось 826 патронов для четырехлинейных винтовок «Бердана», 1206 – для трехлинейных винтовок казачьего образца, 39 – к револьверам «Нагана», 33 – «Смит и Вессон». В пороховом погребе при управлении Цивильского уездного воинского начальника имелось 1728 патронов «Бердана», на руках было 2010 штук. Для трехлинейки в пороховом погребе имелось 600 патронов, на руках – 315. К револьверам «Наган» за цивильской полицией числилось 50 патронов [8. Д. 12856. Л. 1, 37, 90, 93, 98].

До конца первого десятилетия XX в. огнестрельное оружие зачастую было лишь декоративной принадлежностью городского, который не имел к нему патронов, да и сам револьвер вынужден был покупать за свой собственный счет. Финансово-материальное обеспечение полиции не вполне удовлетворяло все потребности. Государство экономило, перекладывая часть расходов на органы самоуправления, которые неохотно шли на снабжение оружием не подчиненной себе полиции. Система вооружения долго оставалась довольно архаичной, но под влиянием революционных событий стала более организованной, что, однако, до конца не затронуло подразделения городской и частной стражи.

Литература и источники

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 82. Оп. 1.
2. ГИА ЧР. Ф. 122. Оп. 4.
3. ГИА ЧР. Ф. 356 Оп. 1.
4. ГИА ЧР. Ф. 359. Оп. 1.
5. ГИА ЧР. Ф. 373. Оп. 1.
6. Костылев А. О. Организационно-правовые аспекты работы с кадрами полиции и жандармерии Российской Империи (1880-1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 216 с.
7. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1. Оп. 3.
8. НА РТ. Ф. 2. Оп. 2.
9. НА РТ. Ф. 199. Оп. 1.
10. Ялтаев Д. А. Уездная полиция в Казанской губернии в 1862-1917 годах (по материалам чувашских уездов): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 295 с.

ЯЛТАЕВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dmru@mail.ru).

YALTAEV DMITRY ANATOLIEVICH – candidate of historical sciences, assistant professor of Russian History Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ГРИГОРЬЕВ ВАЛЕРИЙ СЕРГЕЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

GRIGORYEV VALERIY SERGEYEVICH – doctor of historical sciences, professor of Russian History Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 336.22-054(470.41)“19/20”

А.В. ЯЛТАЕВА, К.Н. САНУКОВ

**УЧЕТ ЭТНИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДАТНЫХ ИНСПЕКТОРОВ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ**

Ключевые слова: податная инспекция, Казанская губерния, этнические группы, фискальная политика.

Проведен сопоставительный анализ этнических особенностей фискального поведения марийцев, татар и чувашей, проживавших на территории Казанской губернии в конце XIX – начале XX вв.

A.V. YALTAEVA, K.N. SANUKOV

**THE ACCOUNTING OF ETHNIC FEATURES OF NATIONAL GROUPS IN ACTIVITY
OF TAX INSPECTORS OF THE KAZAN PROVINCE AT A TURN OF THE XIX-XX CENTURIES**

Key words: tax inspection, the Kazan province, ethnic groups, fiscal policy.

The comparative analysis of ethnic features of fiscal behavior of Maris, Tatars and the Chuvashs living in the territory of the Kazan province at the end of XIX – the beginning of the XX centuries was carried out.

Кризис российской экономики в конце XX в. многие специалисты связывают со слепым копированием западных рецептов, рекомендованных Международным валютным фондом и действием пережитков советской хозяйственной системы. И в том и в другом случаях не учитывались национальные особенности экономики, психология российского населения. Были сделаны выводы о том, что в настоящее время необходимо рассматривать успешность проводимых реформ с опорой на уже сложившиеся и складывающиеся особенности отношений и восприятия окружающего мира представителями различных этнических групп [2. С. 60]. Помимо объективных факторов (доход, уровень потребления), в соотношении прямого и косвенного налогообложения необходимо учитывать национальные особенности населения, размеры всех видов потребления и потребностей. Следует разделить мнение тех авторов, которые считают, что их учет, бесспорно, методологически более верен и обоснован. На соотношение прямого и косвенного налогообложения оказывает влияние такой субъективный фактор, как национальный менталитет (национальные традиции), который определяет отношение населения к своим фискальным обязанностям [1. С. 49, 52].

Сразу после образования института податной инспекции в 1885 г., ее работники приступили к тщательному изучению подведомственных территорий. Это было обусловлено и тем, что в различных комиссиях активно шла работа по составлению проектов разверстки выкупных платежей бывших государственных крестьян. Податные инспекторы, являясь членами этих комиссий, вынуждены были совершать по своим участкам длительные переезды. К примеру, в 1886 г., по подсчетам инспектора седьмого участка, включавшего тогда Цивильский, Ядринский и Чебоксарский уезды, за 118 дней он по делам службы проехал 5903 версты (т.е. более чем по 50 верст в день) [4. Л. 85]. Ранее волостные правления поставляли информацию непосредственно в Казань и губернская казенная палата, как и различные присутственные места, не могли четко оценить особенности отдельных местностей и проживавшего там населения. Теперь же данная проблема решалась. Показателен пример М.И. Свенцицкого, который после перевода из Казани в национальный район сразу приступил к освоению чувашского языка [4. Л. 7].

Податные инспекторы определяли особенности фискального поведения разных этнических групп, указывая в своих отчетах на большие отличия меж-

ду ними. Особо выделялись русские, татары, чуваш и марийцы. При описании чувашского населения традиционно делались выводы о его нищенском положении, крайне плохих условиях быта и слабом здоровье. С последним явлением связывалась проблема большого числа плохих работников. Вместе с тем отмечалось, что пьянство среди чувашей (в отличие от русских и татар) было развито слабо [4. Л. 97-101]. Марийское население проживало на песчаных почвах, вследствие чего пашенное земледелие было развито незначительно, а основные доходы приносили лесные работы. Этим объясняется факт обращения марийских сельских обществ после введения временных продовольственных правил 12 июня 1900 г. с ходатайствами о замене натуральных хлебных запасов денежным продовольственным капиталом [5. Л. 90].

Интересны выводы о сравнении отношения к уплате податей чувашей и татар. Последние, имея природную склонность к торговле (в качестве примера приводили население д. Мугаевой Акзегитовской волости Цивильского уезда, где почти каждый домохозяин производил какой-либо торг), жили с большими удобствами, но когда более бедные соседние чувашские волости уже заканчивали сбор окладных сборов, татары только после «сильных и энергичных побуждений со стороны полиции, с крайней неохотой» начинали отбывать свои денежные повинности, оставляя за собой крупную недоимку [4. Л. 102]. С другой стороны, податный инспектор шестого участка Казанской губернии по Свияжскому и Тетюшскому уездам писал в отчете 1887 г.: «Часть населения, по преимуществу татары, крайне бедны. Причина тому – их беспечность к земледельческому труду. У многих домохозяев нет никакого скота, и потому кроме жилой избы и соломенного шалаша при ней, других построек не имеется и у большинства из них не огорожены даже и дворовые места» [3. Л. 15]. Эти данные подтверждал инспектор четвертого участка по Спасскому и Лаишевскому уездам. Он отмечал, что в 1886 г. уродились все хлеба, и год в налоговом отношении должен был стать успешным. Но к 1 января 1887 г. остались большие недоимки: по Лаишевскому уезду за государственными крестьянами – 176 888 руб. 03 коп., за бывшими помещичьими 53 004 руб. 56 коп., за удельными – 20 590 руб. 16 коп.; по Спасскому – 140 809 руб. 82 коп., 19 531 руб. 28 коп. и 166 руб. 41 коп., соответственно. Причина заключалась в крайней задолженности крестьян своим односельчанам или крестьянам других селений от недородов предыдущих лет. Однако указанную причину не относили к татарскому населению, поскольку на него не влиял уровень урожайности. Четвертая часть проживавших в этой местности татар не сеяла, а сдавала землю за деньги своим односельчанам или крестьянам других деревень. Оставшиеся три четверти тоже отдавали часть своей земли из половины [4. Л. 59]. Для уточнения следует указать на то, что в этих уездах земледелие было основой производства, а иные формы хозяйствования и промыслы были распространены крайне незначительно [4. Л. 60об.].

Фискальные органы испытывали большие трудности и в отношении татар, проживавших в городах, что отмечалось при оценке городской недвижимости и предприятий в пятой части г. Казани и г. Арске, где они составляли подавляющее большинство. В отчетах описывалась «недоверчивость, свойственная их характеру» [3. Л. 49об.]. Как правило, приходилось проверять полученные сведения о доходности имущества путем опроса сторонних лиц. Сами же владельцы умышленно искажали сведения. Податные инспекторы пытались сверять доходность и стоимость имущества путем сопоставления с размерами страховки. Но татары под разными предлогами нередко отказывались предъявлять страховой полис [3. Л. 46-49].

Общим для всех национальностей оказалось стремление дистанцироваться от принципа круговой поруки, когда из общих сбережений оплачивались нуждающиеся в помощи при гибели урожая. Отмена в 1900 г. круговой поруки в продовольственных вопросах понималась сельским населением как наложение на всякого домохозяина обязанности в урожайные годы делать продовольственные запасы только для своей семьи и предоставление ему в годы неурожая исключительного права на получение составленных сбережений («кто сколько клал кормовых, тот только и может их получить»). Старики говорили: «Ты чего-то, Ваше благородие, нас, темных людей, обманываешь, не может быть, чтобы закон мои кровные сбережения отдавал голяку или коштану, с которого никогда ничего не взыщешь». В результате сельские сходы требовали поголовной выдачи кормовых, чтобы выручить свои вклады и не отдавать их другим [5. Л. 143, 186-187]. Сходы татарских крестьян не только не гарантировали правильность определения нуждающихся семей и размеров необходимой им ссуды, но и препятствовали выяснению действительной нужды, испрашивая ссуды поголовно или на подавляющее большинство домохозяев. Подобно и у чувашей сложилось убеждение, что «раз хлебные запасы составляют общественную собственность, то каждый член общества, независимо от степени его нужды, имеет право требовать ссуду» [5. Л. 141-143].

Таким образом, чиновники созданной в 1885 г. податной инспекции лично знакомились с местным населением, в отличие от предыдущих периодов, когда информация аккумулировалась в Казанской казенной палате. Это позволило внимательно оценить предпочтения и возможности разных национальных групп, проживавших на территории Казанской губернии, сделать соответствующие выводы, и уже исходя из них производить разверстку налогов, определять формы создания хлебных запасов и выявлять действительно нуждающихся в государственной помощи. Делались выводы о том, что чувашское и марийское население, несмотря на свою крайнюю бедность, в большинстве случаев старалось расплачиваться по налогам и сборам. Татары же или не имели возможности платить высокие размеры податей вследствие отсутствия земледелия, или при наличии высокого дохода старались его скрыть, максимально оттянуть сроки уплаты.

Литература и источники

1. Гашенко И.В. Генезис соотношений прямого и косвенного налогообложения // Экономические науки. 2009. № 54, май. С. 49-56.
2. Мунгалов В.Н. Этнические особенности восприятия экономических ролей // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 60-64.
3. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 3. Оп. 1. Д. 752.
4. НА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 812.
5. НА РТ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 24.

ЯЛТАЕВА АННА ВЕНИАМИНОВНА – ведущий специалист центра дополнительного образования, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (yalta501@rambler.ru).

YALTAEVA ANNA VENIAMINOVNA – leading expert of the Center for Continuing Education, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

САНУКОВ КСЕНОФОНТ НИКАНОРОВИЧ. См. с. 26.

УДК 316.65

В.С. АБРУКОВ, Г.Э. АХТЯМОВА, А.Г. СТЕПАНОВ

МИФОЛОГЕМА КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

***Ключевые слова:** мифологема, историческая реальность, субъект, объект, образ.*

Мифологема картины исторической реальности определяется как совокупность представлений о сущности социально-исторического процесса, в содержание которых включены как реальные события, так и результаты их интерпретации.

V.S. ABRUKOV, G.E. AKTYAMOVA, A.G. STEPANOV
MYTHOLOGEME OF THE PICTURE OF HISTORICAL REALITY

Key words: mythologem, historical reality, subject, object, image.

The mythologem of the picture of socio-historical reality is defined as the set of the validity representations of the socio-historical including the real historical events as well as the communications receiving certain cultural-semantic interpretation.

Доминирующим принципом организации картины социально-исторической реальности является рациональность, ориентированная на выражение универсальной позиции, преодолевающей специфику отдельных условий. Стиль рациональной рефлексии представляет собой комплекс доминирующих принципов, опираясь на которые, субъект обретает возможность реализовать совокупность когнитивных ресурсов освоения действительности.

Реагируя на комплекс внешних и внутренних условий создания целостного образа социально-исторической реальности, эвристические ресурсы субъекта производят в содержании располагаемой им информации такие изменения, которые делают невозможным воспроизводство реальности в её действительных формах. Создаваемые субъектом образы исторической реальности всегда ориентированы на достижение конкретных целей, предвидение определённых возможностей и последствий их воплощения. Образ реальности, вызванный к жизни практическими потребностями субъекта, определяется человеком не как потенция, а как объективная действительность, что с неизбежностью влечёт за собой мифологемизацию социально-исторической реальности. В сущности, образ социально-исторической реальности предстает как отражение действительности в её практической данности, что составляет базу для формирования мифа, позволяющего снять противоречие между целью социально-исторического познания и его результатом. Образы социально-исторической реальности в значительной степени обусловлены предварительной позицией субъекта, понимаемой как фактор, жестко задающий определённое видение социально-исторической реальности, противостоящее исторической действительности как объективному процессу.

Решение проблемы определения содержания понятия «историческая реальность» находится, по нашему мнению, на стыке мировоззренческой и методологической функций философского анализа. Специфика познаваемой реальности, с которой имеет дело историк в процессе реализации своей научной деятельности, состоит в том, что эта реальность предстает не как действительно существующая реальность, а как реконструированное, воспроизведённое субъектом в настоящем, прошедшее состояние объективной действительности (восстановление неизвестного в исторической действительности по известным её частям). Таким образом, историческая реальность есть воспроизведение прошедших состояний социума в реальности настоящего по известным следам прошедшего. Картина исследуемого исторического события не даётся историку в готовом виде, он конструирует её из набора ресур-

сов, которые были созданы тем научным сообществом, к которому принадлежит субъект познания. Сложившаяся система решения гносеологических ситуаций служит исходным пунктом познавательной деятельности и условием дальнейшего развития знания. Познание истории, таким образом, в значительной степени обусловлено предварительной позицией субъекта, понимаемой как фактор, жестко задающий определённое видение истории, противостоящее самой исторической реальности как объективному процессу.

Результаты исторических реконструкций имеют непосредственное отношение к настоящему, а не к прошлому, а исторические свидетельства являются материалом, на основе которого исследователь складывает систему знаний в рамках культивируемой концепции. Материал, которым располагает исследователь, интерпретируется в контексте определённой теории, ценность которой повышается с увеличением степени её соответствия возможностям понимания и объяснения нового знания [1. С. 193]. Комплекс информации об исторической реальности обусловлен системой всевозможных социально-когнитивных установок, относящихся к разряду имманентных структур восприятия, основа которых и составляет условия формирования мифологемного комплекса знания. Мифологемы этого комплекса представляют собой определённую схему реализации адекватности познания. Это своеобразный специфический ракурс исследования реальности, который адаптирует получаемое знание о ней к определённому культурному восприятию, это своего рода компенсаторная система, проективный механизм, позволяющий включить новое знание в систему уже сложившейся информации об объекте пусть даже посредством определённой степени её искажения. В любом случае материалы познания исторической реальности будут изложены в контексте определённого фактического материала, с большей или меньшей степенью интерпретации и привнесением необходимого ракурса в систему характеристик значимости исследуемого события в контексте общественно значимых целей и задач исследования, что неизбежно влечёт восстановление институтов мифологемизации комплекса организации, методов и результатов познания исторической реальности.

Приверженность определённым социокультурным приоритетам ориентирует неизбежную селекцию информации в рамках её соответствия с социальными личностными интересами исследователя, которые выступают в качестве основного стимула научного поиска. Производство образа исторического события предопределяется обретенными социальными качествами субъекта, воплощенными в содержание его духовного мира. Субъект познания «творит» систему знаний о действительности сообразно сущности своего внутреннего мира, и произведенные научные знания предстают как результат объективации его содержания. Историческая реальность – это своеобразный образ, созданный в рамках исторической дисциплины и существующий исключительно в настоящей определённой системе знания.

Возникновение мифологической составляющей в картине социально-исторической реальности было своеобразным результатом попыток субъекта осмыслить явления исторического процесса в контексте определения первоисточков и движущих сил современной ему организации социального мира, привести разрозненные сведения о социально-историческом процессе в определённую систему в условиях необходимости создания целостной картины события на базе конкретного уровня организации знания при перманентном изменении количественно-качественных характеристик поступающей информации. Мифологическое содержание в структуре образа исторической реальности является выражением совокупности актуальных для субъекта социума вопросов, значимость которых обеспечивается степенью влияния ценностных ориентиров социума. Включение в культурный опыт субъекта определённых

парадигмальных сюжетов является свидетельством существования первичных смысловых целостностей, благодаря чему субъективированное объективное переносится в систему интерсубъективности. Таким образом, миф в системе становления социально-исторической реальности возникает как результат целенаправленной созидательной активности субъекта, сообщаящий ему, как непосредственному творцу картины социально-исторической реальности, исходные «сюжеты» его деятельности, утверждающие экзистенциальные комплексы его активности, вследствие чего исторический процесс «уже есть не непроницаемая масса объектов, произвольно соединенных вместе, но живой Космос, упорядоченный и полный смысла» [3. С. 143].

Поступающая информация определённым образом трансформируется в целях формирования логически непротиворечивой модели знания, соответствующей определённой культурной, научно-исследовательской парадигме, а «количество медиаций, логических шагов, необходимых для разрешения исходного противоречия (в уме, в воображении, иллюзорно), определяет число слоев мифа» [2. С. 379]. Мифологическая составляющая функционально обращена к процессам включения вновь поступающей информации в систему традиционных представлений посредством установления определённых отношений между объективным содержанием события и субъективным представлением о нём.

Мифологема – это модель определяющая систему организации содержания исторической реальности, форма проявления социального архетипа. Мифологема социально-исторической реальности представляет собой состояние образа исторического события в сознании социализированного субъекта, в которой зафиксирован концепт действия или реакции в рамках общепризнанного порядка взаимодействия вещей.

Мифологема социально-исторической реальности представляет собой проявление устойчивых состояний общественного сознания, в котором зафиксированы каноны описания социальных изменений. Мифологема социально-исторической реальности включает в свою структуру не только образы исторических событий, но и схемы их интерпретации. Мифологема социально-исторической реальности – это совокупность представлений о содержании социально-исторического процесса, сформированных под воздействием социокультурных условий, обуславливающих культурно-смысловую интерпретацию исторического события.

Литература

1. Кузнецов В.Ю. Мифологема социального времени. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2006. 232 с.
2. Найдых В.М. Мифология. М.: КНОРУС, 2010. 544 с.
3. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010. 294 с.

АБРУКОВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ – доктор физико-математических наук, профессор кафедры теплофизики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (abrukov@yandex.ru).

ABRUKOV VICTOR SERGEYEVICH – doctor of physical and mathematical sciences, professor of Thermal Physics, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

АХТЯМОВА ГАЛИЯ ЭНВЕРОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и права, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (Stalex73@bk.ru).

АНТЯМОВА ГАЛИЯ ЭНВЕРОВНА – doctor of philosophical sciences, professor of Philosophy, History and Law, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

СТЕПАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Stalex73@bk.ru).

STEPANOV ALEKSEY GEORGIEVICH – candidate of philosophical sciences, assistant professor of Philosophy and Methodology Science, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 130.122

В.С. АБРУКОВ, Р.В. МИХАЙЛОВА, А.Г. СТЕПАНОВ

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МИФОЛОГЕМЫ КАРТИНЫ
СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Ключевые слова: потребность, адаптация, мировоззрение, социально-когнитивные факторы.

Антропологические основания формирования картины социально-исторической реальности заключаются в имманентных природе человека началах рефлексии: мировоззрении, субъективности, эпистемологическом и когнитивном ресурсах. Способность к мифотворчеству – неотъемлемый аспект деятельности сознания человека, который никогда не прекращает свое воздействие на форму организации знания и общей картины мира.

V.S. ABRUKOV, R.V. MIKHAYLOVA, A.G. STEPANOV
THE ANTHROPOLOGY BASIS MYTHOLOGEM OF THE FORMATION
OF A PICTURE OF SOCIOHISTORICAL REALITY

Key words: need, adaptation, outlook, social-cognitive factors.

The anthropological basis of the formation of a picture of socio-historical reality is inherent to the beginning of a rational reflection of human nature: outlook, subjectivity, social condition, and epistemological and cognitive resources. The ability of myth-creation is an integral aspect of the activity of a person's consciousness, which never stops influencing his organization of knowledge and general picture of the world.

Исследовать сущностные основания человека в социально-философском ракурсе в рамках определения их значения в комплексе формирования мифологемы картины социально-исторической реальности представляется неизбежным прежде всего с позиции определения человека как связующего звена системы взаимодействия объективной и субъективных форм реальности. Мы исходим из концепции отнесения человека к классу универсальных адаптирующихся и адаптирующих систем. Согласно этому подходу жизнь человека имеет определённо приспособительный характер, а нормальная жизнедеятельность заключается в удовлетворении его потребностей, выступающих в качестве атрибутов человеческого существования [2. С. 131]. Природа самого потребностного состояния заключается в неизбежном стремлении человека к снятию противоречия между бытием и мышлением, существованием и сущностью, целью и результатом, возможностью и действительностью и потому скрыта в изначальной организации человека как адаптивно-адаптирующей системы.

Создание картины социально-исторической реальности как фактор приспособления к условиям социального существования в контексте повышения эффективности деятельности является для человека предельно насущной потребностью. Человек не только определяет наличие каких-то социально-исторических явлений, но и «видит» их в контексте системы мировоззренческой, социальной, когнитивной и иных структур собственной организации, вследствие чего событие истолковывается в контексте параметров непосредственного существования субъекта. На этой основе конституируются мифологемы картины социально-исторической реальности как неизбежные формы духовно-психологического опыта человека. Под мифологемой мы понимаем результат организации определенного видения действительности в контексте детерминирующего влияния структур социокультурной среды, опосредующих формирование картины действительности [5. С. 13].

Мировоззренческие основания мифологемы картины социально-исторической реальности неотделимы от субъективности как особой формы видения мира, содержание которой оказывает детерминирующее воздействие на весь комплекс институтов создания картины социально-исторической реальности. Проекцией содержания мировоззрения на систему объективных явлений, опре-

деляется форма существования картины социально-исторической реальности [1. С. 89-90]. Взгляды человека в контексте концептуального мировоззрения определяются субъектом как объективное (зеркальное) отражение действительности, не зависящее от реалий субъективных оценок. Образы социально-исторической реальности обусловлены мировоззренческой позицией человека, которая определяет уровень их субъективности. Типы и виды мировоззренческой рефлексии оказывают непосредственное субъективирующее воздействие на видение исторического процесса и включение его событий в образ картины социально-исторической реальности. Осмысление человеком образов социально-исторической реальности определяется не только качеством данности их содержания, но и мировоззренческим, субъективным «видением» этих образов.

Действительность представлена человеку не как «чистая» совокупность ощущений, образов, и т.д., а в контексте актуальной практической необходимости, т.е. субъективно. Под воздействием объективно существующего в сознании возникают образы предметов действительности, которые только в определённой степени соответствуют самой действительности. Субъективность, следовательно, определяется как форма организации субъектом реальности. Одно и то же социально-историческое событие разными людьми или одним человеком, но представленное в различных контекстах, воспринимается совершенно по-разному. Образы, полученные в процессе восприятия, проецируясь во внешний по отношению к субъекту мир, заслоняют от него действительную реальность. Человек «видит» событие не как оно есть, а как он его видит, потому что вместе с концептами сущности на предмет объективной реальности проецируются и общие знания, и эмоциональные компоненты. Акт отражения объекта субъектом не просто зеркальное воспроизведение объекта, он представляет собой систему его преобразования в рамках сложившейся социокультурной парадигмы. Субъективность представляет собой определённое, персонифицированное основание мифологемного аспекта познавательной деятельности, выраженное как форма «видения» действительности, организованная вследствие необходимости соотнесения системы качественной определённости комплекса информационной организации человека с информационной системой объекта исследования. Значение этого фактора в системе организации содержания мифологемного комплекса становится решающим в моменты полифуркационного выбора, когда складываются антимимичные по своему характеру возможности поступательного развития социально обусловленного знания, оформленного в науке как объективная сущность, что позволяет характеризовать субъективность как имманентной константы мифологемы познавательных отношений [3. С.172-177].

Картина исторической реальности выступает не столько как обособленный образ, направленный на безусловное отражение действительности, сколько как процесс, обусловленный социально детерминированной информационной системой, на который воздействует весь комплекс связей и отношений, составляющих наличное бытие. Сам процесс создания картины социально-исторической реальности определяется как реализация освоения человеком совокупности исторических событий в рамках определённых качеств социокультурной среды, в процессе чего человек, созданный этой средой, выступает в качестве активного инициатора данного процесса. События исторического процесса, определяемые нами в качестве фактов объективной реальности, по своей сути, есть концепты реальных событий, заданные в значительной мере самим социализированным человеком, который выбирает определённое сечение реальности и в этом смысле задает её.

Процесс воспроизведения картины социально-исторической реальности имеет однозначно социальный характер. Картина реальности события социальной истории предстает как исходная форма объективации информации в контексте социального запроса и, следовательно, реализуется только в контексте

конкретности содержания общественного сознания. Каждое общество содержит культурные комплексы, оказывающие специфическое влияние на механизмы формирования картины социально-исторической реальности, к ним относят системы материальных и духовных ценностей, язык, теоретико-методологический инструментарий, мировоззрение и т.д., которые в совокупности и образуют определённый парадигмальный фон реализации этого процесса. Историческая рефлексия, как и любая форма реализации деятельной активности по созданию картины реальности, возможна только в определённом социокультурном контексте, содержание которого определяет ресурсы инициатора создания определённого образа исторического события. В рамках этой системы находит выражение отношение человека как социального существа к действительности, что, в свою очередь, является основанием для формирования базы мифологемного комплекса картины социально-исторической реальности.

В процессе организации образа события человек не получает информацию, как она есть, он пропускает её через фильтр собственной познавательной системы, перерабатывает её и вновь возвращает вовне, проецируя созданный образ на действительность. На этой основе формируется действительность особого рода, представленная образами восприятия, понимания и интерпретации, отличная от объективной действительности, сочетающая в себе как реальные свойства события, так и качества, не имеющие к его свойствам никакого отношения, что и составляет основу мифологемы. Мифологема не репрезентирует реальность, она идентифицирует её с содержанием сознания, вследствие чего образ предстает не в смысле результата отражения реальности, мотивированной системой познания, а как сам объект во всём богатстве его свойств и качеств.

Специфика организации мифологемного комплекса картины социально-исторической реальности в контексте реализации социально-когнитивных ресурсов человека состоит в том, что основания исторической рефлексии ориентированы не столько на отражение действительности, но определённо реализуются как манифестация первоначального образа организации мыслей, знаний, установок, систем подражания и внушения человека. Мифологема картины социально-исторической реальности предстаёт в качестве предельно общей системы выражения социально-когнитивных стереотипов конкретного общественно развитого человека, результат воздействия на него базовых мировоззренческих, научно-методологических констант доминирующей общественной системы. Мифологема картины социально-исторической реальности возникает как специфическая духовно-практическая связь между человеком, его внутренним и внешним миром, обусловленная определённым отношением к ценностям социально-исторической действительности, которые признаются в качестве необходимых для достижения согласованного непротиворечия в рамках установленной системы знаний.

Мифологема – это результат избирательного получения, дифференциации и хранения актуальных для адаптационных ресурсов человека аспектов мировоззренческого обеспечения картины социально-исторической реальности. Мифологема заключает в себе чувство единства, связывающее человека с миром исторической действительности, где реальное взаимодействие структурных подразделений действительности заменяется объективацией потребностных состояний человека, а действительное содержание свойств и качеств событий истории обуславливается субъективными образами реальности. Способность к мифотворчеству – неотъемлемый аспект деятельности сознания человека, который никогда не прекращает свое воздействие на форму организации знания и общей картины мира. Человек, повествуя о прошлом в системе социокультурного ореола настоящего, на самом деле деисторизирует событие, лишая его временного исторического колорита, в результате миф становится историей, а история – мифом. Мифология истории как результат

социокультурной рефлексии – это история, адаптированная к социальной культуре, это обобщенное отражение исторической эпохи в системе приоритетов мира современной науки. Как и любая форма когнитивной активности сознания, мифологическая составляющая картины социально-исторической реальности направляется целями обеспечения жизнедеятельности его носителя.

Литература

1. Кульков Ю.П. Мировоззрение в познании природы / Марийский гос. техн. ун-т. Йошкар-Ола, 2005. 180 с.
2. Сильвестрова Т.Я. Генезис и сущность общественных потребностей: дис. ... докт. филос. наук. Чебоксары, 2006. 325 с.
3. Степанов А.Г. Субъективность в системе факторов организации мифологемы социально-гуманитарного знания // Вестник Чувашского университета. 2011. № 2. С. 172-177.
5. Юнг К., Кереньи К. Душа и миф. Шесть архетипов. М.: Совершенство; Киев: Порт-Рояль, 1997. 383 с.

АБРУКОВ ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ. См. с. 124.

МИХАЙЛОВА РЕНАТА ВАСИЛЬЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и права, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (Stalex73@bk.ru).

MIKHAYLOVA RENATA VASILEVNA – doctor of philosophical sciences, professor of Philosophy, History and Law, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

СТЕПАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ. См. с. 124.

УДК 130.122

С.И. АРСЕНТЬЕВА, М.П. ЖЕЛТОВ, А.Г. СТЕПАНОВ

КОМПЛЕКСЫ ВОСПРИЯТИЯ И МЫШЛЕНИЯ КАК ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗНАНИЯ

Ключевые слова: восприятие, мышление, познание.

Изучена специфика систем восприятия и мышления как базовых факторов рациональной рефлексии. Работа механизма создания знания в сфере рационального познания осуществляется в рамках определенной модальности содержания структур восприятия и мышления, которые осуществляют дифференцирующую обработку поступающей информации в контексте их ассимиляции культурно-познавательной парадигме субъекта.

S.I. ARSENTEVA, M.P. ZHELTOV, A.G. STEPANOV

PERCEPTION AND THINKING COMPLEXES AS FACTORS OF KNOWLEDGE REALIZATION

Key words: perception, thinking, knowledge.

There is a marked specificity in systems of perception and thought as basic factors of rational reflection. In this regard, the work of a knowledge-creation mechanism in the sphere of rational knowledge is carried out within the limits of a specific modality supporting structures of perception and thought, which carry out differentiating processing of information in the context of their assimilation to a cultural-informative paradigm of the subject.

Проблемная специфика философского ракурса исследования системы познавательных отношений заключается в определении содержания отражения действительности в сознании. Познание, в основе которого находится восприятие вещи в определённой совокупности её свойств и отношений, по определению начинается одновременно как с различения и обособления вещей, так и со связыванием их в континууме предметов, находящихся вне «Я» познающего субъекта. Системная целостность восприятия подразумевает синтетическое единство активных разнонаправленных процессов, что позволяет обеспечить выделение предмета из общего фона ощущений в качестве чётко определённой отграниченной целостности с отображением его формы, величины, фактуры. Восприятие предметов, явлений и процессов социально-исторической действительности реализуется, прежде всего, как отражение их

атрибутов. Континуальное соотношение явлений социально-исторического процесса рассматривается нами как существование отдельных, четко отграниченных друг от друга реальностей, находящихся во взаимодействии, их внешних свойств и качеств, что невозможно без восприятия их пространственных признаков, позволяющих установить форму исторического явления как относительно неизменную. Восприятие времени позволяет оценить длительность исследуемых событий, последовательную продолжительность смены состояний предмета. Восприятие движения непосредственно зависит от пространственно-временных факторов: удаленности предмета и скорости его перемещения. Развитие знания начинается с восприятия «вещей» – явлений действительности – в пространственно-временных параметрах, в контексте постоянной смены их состояний, только на такой основе происходит приращение новой информации.

Хотя восприятие не изменяет мира, оно изменяет воспринимающего, оказывая непосредственное воздействие на формирование его личности. Восприятие обусловлено задачами практической деятельности и выражается в определенном устойчивом интересе к конкретным явлениям социально-исторической действительности, в четком стремлении к их осмысливанию и связи с имеющимся в арсенале исследователя социальным, научным, теоретическим и практическим опытом. «Активность субъекта в процессе восприятия выражается и в том, что человек своими действиями стремится поставить предмет в такие условия, когда бы он мог восприниматься наилучшим образом» [3. С. 66]. Субъект становится тем, что он есть, благодаря тому, что было им воспринято в прошлом; он продолжает создавать и изменять себя, воспринимая и действуя в настоящем. Действительность непосредственно дана человеку в совокупности его ощущений, которые предоставляют основу для формирования образов её компонентов, свойств, качеств, связей и отношений. Возникающий в сознании человека образ идеален, так как он существует только в его сознании. Образ не является точной копией явления социального процесса, он воспроизводит только её определяющие признаки. При этом мы исходим из позиций дуальной природы идеальных феноменов, которые «опираются на материальное, и в этом отношении оно (идеальное) вторично и устремлено на новое материальное (в этом плане оно первично» [1. С. 131]. Восприятие формирует в сознании субъекта не более чем модель исследуемого объекта, поэтому воспринимающий имеет дело не с самой социально-исторической реальностью, а с её образом.

Сущность восприятия заключается в том, что оно есть некоторая данность объекта в контексте его определенного видения. Образ передает определённую сторону предмета, представленную в конкретном ракурсе видения и действительности, и самого явления. Субъект при этом не осознает того факта, что содержание и границы образа в сознании созданы не только вследствие взаимодействия с реальностью воспринимающих систем чувственного уровня, но и вследствие проекции его самого. В сознании возникает своеобразная модель реальности, осознаваемая нами в виде её образа, содержание которого спроецировано на предмет, его вызвавший, – раздражитель. «Речь, следовательно, идет о двунаправленном процессе: сперва реальность воздействует на чувственность, и это воздействие отпечатывается в мозге, а затем этот «отпечаток» осознается самим субъектом в качестве некой внешней и внутренней реальности, того феноменального мира, который он воспринимает как саму реальность» [4. С. 32]. Это значит, что мы, исследуя фрагмент социальной исторической действительности, вовлеченный в сферу нашего познания, имеем дело с образом, ставшим посредником между действительностью и перцепиентом.

Восприятие – это целостный образ структурных характеристик явлений действительности непосредственно оказавшегося в поле познавательной активности субъекта. Механизм реализации восприятия «запускается» под непо-

средственным воздействием раздражителей, которые, в свою очередь, обусловлены системой отношения человека к свойствам стимула, вызывающего ответную реакцию. Восприятие реализуется на уровне осознания явления в контексте синтеза ощущений – субстрата восприятия и комплекса базовых и надстроечных потребностей субъекта с уровнем его мышления, памяти, внимания, практического опыта и т.д. На этой основе формируется контингент творческих продуктов, опосредованных тем, что восприятие всегда обусловлено сложившимися в сознании субъекта образами-образцами, в которых воспроизводится как прошлый опыт, так и ожидаемый результат. Следовательно, образ-посредник является не отражением реальности как таковой, а субъективным представлением о ней. Однако из этого не следует, что образ реальности и реальность не связаны друг с другом. Соответствие образа и вещи определяются как неизменяемая данность процесса познания, дающая основание говорить об определённом общем соответствии свойств и качеств информации свойствам и качествам реальности. В таком ракурсе познавательный образ предстает в качестве результата взаимодействия субъекта с объектом, в котором сливаются свойства и того, и другого. «С одной стороны, познавательный образ не может быть обособлен от объекта познания, а с другой – от познавательной деятельности субъекта. В итоге противоположность объективного и субъективного проникает в саму структуру образа» [4. С. 180-181]. В силу данного обстоятельства тезис о познавательном образе как субъективным отражении существующего объективно пользуется общим признанием.

Человек не располагает активами, позволяющими ему воспринимать объективно реализованную историческую действительность объективно, в противном случае споры между учёными-философами не длились бы веками. Определённо существуют две реальности – объективная – мир «вещей», явлений, составляющих содержание социально-исторического процесса вне сознания субъекта, источник информации, и субъективно-психическая – собственное «Я» субъекта, содержание которого составляют индивидуальные представления о реальности, сформированные в контексте эмоционального переживания наиболее востребованных субъектом срезов бытия. Эмоции непосредственно связаны с познанием, включены в его структуру, зависят от него; познание, в свою очередь, также подвержено влиянию эмоций. Познание и эмоции соотносимы, установлено, что при сильных эмоциональных переживаниях, в так называемых «пограничных ситуациях» сознание полностью отключается. В таких обстоятельствах сознание конструирует личный мир познавательных парадигм индивида, необходимый как условие его персонального существования и поэтому являющийся не отражением реальности, как она есть, а только лишь её внешним подобием. Знание возникает и функционирует не вследствие реализации акта пассивного созерцания или работы парадигмы мышления, а в результате воплощения форм активной деятельности индивида, детерминированного содержанием общественной культуры. Механизм формирования истинного знания в процессе восприятия социально-исторического события не сводится только к пассивно-механистическому отражению явлений внешнего, по отношению к субъекту, мира, этот процесс содержит совокупность продуктивных структур, имеющих сложный, созидательный, творческий характер, существенно обусловленный личностной детерминацией. Человек, имманентно включенный в систему конкретных, исторически определенных общественных отношений, накапливает опыт понимания окружающей его социальной среды, способов взаимодействия людей, интерпретирует его и вырабатывает определенные парадигмы анализа общественного явления.

Организация когнитивных процессов имманентно содержит в себе два аспекта: а) потребность не в информации вообще, а только в определённой полезной информации; б) извлечение релевантной информации.

Выделение отношений и структур, формирующих содержание информационно-познавательной системы, имеет функциональный характер, выражая необходимость адаптации системы к среде своей реализации. Процессы селекции представляют собой процедуру выделения полезных сигналов и сигналов, определяемых как помехи. Иначе говоря, операции выделения и исключения суть не что иное, как способы сигнального реагирования системы. Характер этих сигналов и степень их сложности различны, они определяются уровнем организации того целостного рефлекторного акта, в составе которого существуют. Релевантность поступающего сигнала определяется тем, в какой мере содержащаяся в нём информация связана с достижением цели, с мерой удовлетворения текущих потребностей и решением задач, стоящих перед субъектом. Селективные аспекты релевантной информации реализуются не хаотично, а под определенным углом зрения, в определённом порядке.

Избирательная активность не завершается селективным извлечением полезной информации. Избирательность, рассматриваемая в плане научного определения истины, углубляется выделением из всей релевантной информации той, которая наиболее адекватна самой действительности. Разумеется, такое выделение является операцией, которая не может осуществляться только идеальными средствами. В качестве материального механизма выделения адекватной информации выступают различные перцептивные движения и практические действия человека. Механизмы организации избирательной деятельности оснащены не только специальными средствами, детектирующими изменения в окружающей среде, но и ресурсами, обеспечивающими их оценку с целью создания схемы практических действий. Когда человек располагает мотивом, вопрос о том, какое решение является наиболее результативным, определяется не только объективным содержанием текущей информации, но и главным образом переработкой и оценкой этой информации под углом зрения прошлого опыта, убеждений и тех конкретных задач, для решения которых осуществляется акт познания. В мотивационном ракурсе отражён факт зависимости познавательной рефлексии человека от объективно существующей системы культуры, в которой и осуществляется познавательная практика. Объективное осмысление и воспроизведение социально-исторической действительности представляют собой сложный процесс реализации специфической человеческой деятельности, в которой задействованы родовые способности субъекта, определяющая роль в которых принадлежит вербальным формам освоения предметной реальности, выступающим в качестве непосредственных инструментов фиксирования, хранения, сопоставления и оперирования образными системами. В процессе восприятия исторического явления субъект имманентно реализует фиксацию поступающей информации через её категоризацию, создавая систему предельно общих понятий, отражающих существенный черты объекта, отражённые в контексте ценностей мировоззрения субъекта. Образы восприятия непосредственно выражаются через речь, без которой в принципе невозможно осуществление процессов создания абстрактных образов как необходимых составляющих основания раскрытия содержания сущности явления действительности. В ходе реализации предметной речевой деятельности с опорой на общепризнанные категории осуществляется первичная объективация субъективной информации, индивидуальные, личные моменты которой нейтрализуются. Связь образов восприятия с языковой системой указывает на единство функционирования систем перцепции и мышления.

Реализация мыслительных способностей человека совершается посредством обращения к результатам восприятия (образам), преобразованным в понятия. Образ, следовательно, представляет собой определённую семантическую конструкцию, собранную в результате объединения существенных аспектов действительности, выраженных в понятии. Семантические отношения

синтезируются с чувственным уровнем, непосредственно связывающим субъект с предметным миром. Образы действительности предстают в ракурсе своих ключевых признаков, выраженных в понятиях, что создаёт особый способ видения действительности. Посредством понятий, в содержании которых аккумулирован социальный опыт, в восприятие включается информация обобщённого характера, вследствие чего становятся доступными абстрагирование, идеализация, анализ и синтез, фиксация результатов первичного отражения, начала теоретизации. Таким образом, базовые элементы рационального уровня становятся частью механизма реализации восприятия, традиционно относящегося к уровню чувственному. Подразделения мышления являются имманентными структурами восприятия, которое контролируется и направляется ими. В самом общем виде мышление можно определить как процесс оперирования образами предметов. Поскольку образы предстают как понятийные, постольку можно рассматривать мышление как процесс оперирования чувственными образами, выраженными посредством понятий. Мышление включено в познание уже на чувственном уровне отражения действительности. В этом отношении чувственно-сенситивное приобретает четко определённый интеллектуальный аспект. Действительность, обозначенная через призму абстракций и предельно общих понятий, выглядит иначе, чем действительность реальная. Перцептивные образы соответствуют отражаемой ими реальности в определённом смысле, так как они чрезвычайно подвержены изменениям субъективного состояния личности. Перцепцию, как форму организации живого созерцания, можно определить в качестве одной из фундаментальных функций мозга, основная масса которого предназначена для восприятия действительности с последующей её репрезентацией в сознании. В ходе длительной эволюции мозг выработал стратегию отражения, доведённую до уровня рефлексорного автоматизма. Мозг может рассматриваться как орган обработки раздражений, регулирования физиологических, психических, социальных процессов, и прежде всего познавательного процесса. Этим объясняются достижения и ограниченность нашего познавательного аппарата.

Отношения в системе «сознание–телесность» представлены как своего рода информационная связь. Информация представляет собой содержание отражения. Мозг получает определённые сигналы от структур чувственного уровня отражения и соответственно их содержанию вырабатывает ответные формы реакции. Этот факт определённо свидетельствует в пользу информационного подхода взаимосвязи мысли и тела. При этом сама информация в контексте систематизирующей закономерности, извлеченной из прошлого опыта, «формулирует закономерность, подмеченную в первообразе», и тем самым вносит в формирующийся образ определённое количество информации от себя, получая этой ценой информацию, обогащённую дополнительным ценностно-смысловым содержанием. Информационное взаимодействие осуществляется не благодаря её идеальности, а благодаря тому, что несёт в себе адекватное отражение объективно существующей действительности.

Когнитивные процессы, таким образом, включённые в личностный контекст психических процессов, достигают цели и завершаются только тогда, когда адекватная информация о внешнем мире, полученная при их помощи, будет переведена на язык управления исполнительными органами. В результате накопления познавательного и практического опыта в мозгу складывается специальная общая регулирующая система, связывающая логику отбора поступающей информации с механизмами организации упорядоченных действий.

Вопрос взаимодействия восприятия и мышления выражается как соотношение упорядоченности, извлеченной из внешнего мира, и упорядоченного состояния знания. При этом к условиям реализации упорядоченности относится не только непосредственный контакт с предметом и связи анализа

торов, но и вектор направленности субъекта во внешний мир. Эмпирическая интерпретация первичной рациональной обработки восприятия создаёт условия для истолкования полученной информации как характеристики свойств, принадлежащих объектам исследуемой предметной области, в связи с чем они обретают соответствующую её параметрам размерность. Теоретическая интерпретация заключается в соотношении абстрактных объектов, формальных систем с другими теоретическими понятиями.

Мозг сам по себе не реализует познание как таковое, он является инструментом, предназначенным для адекватного отражения действительности. В конечном счете мозг человека выступает как продукт общественного развития, и таковым он становится только потому, что его носитель – человек – с самого начала вовлечен в общественную жизнь, т.е. в те условия, которые питают мозг продуктами общественно-исторической практики и культуры. Мышление существует и организуется как результат опосредующего влияния социальных детерминаций. Логика познания и те её механизмы, которые ответственны за адекватность и избирательность восприятия, формировались в неразрывной связи с развитием общественной практики, только в контексте общественно-практической деятельности и через освоение культуры, накопленной историей, появились человеческие способности восприятия и мышления.

Работа механизма созидания знания в сфере рационального познания осуществляется, таким образом, в рамках определенной модальности содержания структур культурно-познавательной системы, которые осуществляют дифференцирующую селекцию данных в контексте их ассимиляции гносеологической парадигме субъекта. Мир предстаёт таким, каким он задаётся в определённой концепции. Обусловленность проявлений познания комплексом разнообразных отношений определяется концептуальной возможностью иметь различные объективные варианты проекции. Реальность дана человеку в качестве свойств вещественной целостности и одновременно в качестве проекции иных отличных от вещи оснований. Сложная структура реальности обусловлена необходимостью упорядоченного воспроизведения одного объекта в системе ресурсов другого, необходимостью адаптации содержания открытой информации к системе производства ценностей в рамках конкретной социальной общности. Восприятие и мыслительная деятельность выступают в качестве базовых факторов непосредственной детерминации отражения реальности и, как следствие, специфичности результатов организации знания.

Литература

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М.: Высш. шк., 1991. 383 с.
2. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. М.: Наука, 1986. 389 с.
3. Малов Д.А., Феизов Э.З. Объективация субъективного как философская проблема. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 139 с.
4. Минина М.Л. Теория отражения и проблема интерпретации: дис. ... канд. филос. наук. Чебоксары, 2007. 152 с.

АРСЕНТЬЕВА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sarsenteva@mail.ru).

ARSENTYEVA SVETLANA IVANOVNA – candidate of philosophical sciences, assistant professor of Philosophy and Methodology Science, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ЖЕЛТОВ МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ – доктор философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mixail.zheltoy@yandex.ru).

ZHELTOV MIKHAIL PAVLOVICH – doctor of philosophical sciences, assistant professor of Philosophy and Methodology Science, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

СТЕПАНОВ АЛЕКСЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ. См. с. 124.

УДК 159.922.4:316.422.42

И.С. ВЕРСТИН

**ПЕРВОБЫТНЫЙ СОЦИУМ В ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ
Л. ЛЕВИ-БРЮЛЯ И К. ЛЕВИ-СТРОСА**

Ключевые слова: первобытный, прелогический, этнология, мифология, закон партиципации.

Рассмотрена проблема первобытного общества в свете концепции прелогического мышления французского этнолога Леви-Брюля, разрабатывавшаяся им начиная с 1910 г. Она посвящена изучению специфических особенностей сознания людей эпохи социальной первобытности в сопоставлении с учением его земляка К. Леви-Строса.

I.S. VERSTIN

**PRIMITIVE SOCIETY IN THE ETHNOLOGICAL CONCEPTS
OF L. LEVY-BRUHL AND C. LEVI-STRAUSS**

Key words: primitive, prelogical, ethnology, mythology, law of participation.

The problem of a primitive society is considered in light of the French ethnologist L. Levy-Bruhl's concept of prelogical thinking, which he developed starting in 1910. The concept is devoted to the study of specific features of people's consciousness during the epoch of social primitiveness in comparison to the doctrine of his fellow countryman K. Levi-Strauss.

В начале прошлого века проблема первобытного социума обсуждалась, особенно в связи с этнологической концепцией социальной первобытности, разработанной французским этнологом Л. Леви-Брюлем¹. Работы Леви-Брюля являются богатейшим резервуаром этнографического материала, дающего оригинальное освещение сложнейших проблем каменного века. Согласно учению Леви-Брюля, людям палеолитического общества присуще «прелогическое» мышление, не усматривающее противоречивости явлений и процессов и управляемое мистическими представлениями. «Прелогическое» мышление имеет свою иррациональную логику, практически непроницаемую для современных логических категорий, так как постоянное использование логических механизмов и абстрактных понятий глубоко видоизменило работу нашей памяти. Память же древнего человека была великолепной и базировалась на огромном словаре и грамматической сложности языка. Язык был живописный и образный. Говоря, «примитивы» одновременно описывали предмет с помощью рук. Практически во всех племенах существовал как бы двойной язык — устный и язык жестов. Мышление, пользуясь этим языком, насквозь конкретно и оперирует непосредственными представлениями конкретных ситуаций, выхватываемых из окружающей действительности. Это мышление равнодушно к законам формальной логики и, в частности, для него недействителен закон

¹ Леви-Брюль (Le'vy-Bruhl L.) Люсьен (1857-1939) — французский философ-позитивист и предшественник структурализма, социолог, этнолог и антрополог, теоретик этнографии; заведовал кафедрой философии в лицее Людовика Великого (1885-1895), профессор философии и социологии в Сорбонне (1895-1899), директор Института этнологии при Сорбонне; сформировался под влиянием учений Конта, Рибо и особенно Дюркгейма; занимался историей французской и немецкой философии XIX в., затем обратился к изучению мыслительных процессов первобытных народов; итогом его исследований явились работы: *Мыслительные функции в низших обществах* (1910), *Первобытное мышление* (1922), *Первобытная душа* (1928) и др., построенные на большом этнографическом материале народов Африки, Австралии и Океании — основная идея этих сочинений заключается в том, что мышление первобытного человека отлично от мышления цивилизованного человека; в последних работах Леви-Брюля — *Сверхестественное и природа в первобытном мышлении* (1931), *Мистический опыт и символы* (1938) и в особенности в посмертно изданных *Дневниках* (1949) — различия между первобытным и логическим мышлением смягчаются и объясняются ролью аффектов в мышлении; идеи Леви-Брюля оказали значительное влияние на взгляды и концепции Юнга, Шелера, Гурвича.

исключённого третьего, т.е. один и тот же предмет может быть и самим собой, и чем-то иным. Оно руководствовалось, казалось бы, нелепым для здравого смысла законом «партиципации», утверждающим, что «всё участвует во всём», т.е. каждая вещь входит в различные комплексы, является составной частью различных связей. Так, члены североамериканского племени бороро считали себя красными попугаями араара, т.е. причисляли себя одновременно и к комплексу человека, и к комплексу птиц. Замечательно, что закон «партиципации» не является диаметрально противоположным закону тождества. Он, скорее, его недооформленность, ранний прообраз. Мир воспринимался этими людьми как целое, единое и множественное одновременно, материальное и идеальное одновременно, естественное и сверхъестественное одновременно. Причём сверхъестественное они обнаруживали во всём, оно постоянно вмещивалось в их повседневную жизнь. «Маррист» Аптекарь назвал учение Леви-Брюля идеализмом позитивистско-дюркгеймовского толка. Причём сам Дюркгейм считал коллективные мифологические представления основой логики.

Влияние Э. Дюркгейма испытывал и создатель концепции структурной антропологии французский этнолог К. Леви-Строс². Свою философскую позицию Леви-Строс называл «сверхрационализмом», в котором стремился интегрировать чувственное в рациональное [2]. По Леви-Стросу, истинная реальность никогда не дана субъекту в непосредственном опыте. Она познаётся лишь путём моделирования бессознательных процессов. Основную задачу этнологии Леви-Строс видел в изучении перехода от природы к культуре. Очевидным недостатком известных ему этнологических построений Леви-Строс считал то, что проблемы прорабатывались в них лишь на уровне сознания, а не на бессознательном уровне, который хотя и не подвластен прямому наблюдению, но требует учёта в конкретных исследованиях. Интерес этого французского этнолога к бессознательным феноменам и предопределил выбор объектов его структурного исследования: тотемизм, застольные манеры, правила присвоения имён и т.д. Общим для них является то, что как в первобытном, так и в современном обществе предписываемые ими правила «тщательно соблюдаются каждым, хотя их происхождение и реальные функции не становятся объектом рефлексивного исследования». Леви-Строс последовательно проводил в жизнь свою программу, исследуя мифы американских индейцев. Поняв структуру мифа, Леви-Строс пришел к выводу о том, что «последней опорой самой структурности» являются структуры человеческого мозга. Леви-Строс показал значимость использования математических моделей и компьютеров не только для исследования мифов, но и в этнологии вообще. Таким образом, создав структурную антропологию, французский этнолог осуществил математизацию гуманитарного знания.

Если Леви-Брюль резко выделял архаический тип коллективных представлений как «прелогических», игнорирующих противоречия и пропитанных магическими и мистическими «партиципациями», и эти коллективные мисти-

² *Леви-Строс (Le'vy-Strauss) Клод* (1908-2009) – французский этнограф и социолог, один из главных представителей французского *структурализма*. Член французской академии наук. Испытал влияние французской социологической школы Дюркгейма, а также американской школы культурной антропологии. Методологическая основа структурной антропологии Леви-Строса – использование некоторых приёмов структурной лингвистики и теории информации в анализе культуры и социального устройства первобытных племён. Леви-Строс стремился выявить своеобразие и силу «дикарского» мышления, заложившего уже в эпоху неолита основу технического и интеллектуального прогресса. Он рассматривал мифологическое мышление как коллективное бессознательное. Методу Леви-Строса свойственна существенная методологическая ограниченность, состоящая, в частности, в отвлечении от динамики общественного развития.

ческие представления противопоставлялись им и «нормальной» логике, господствующей в цивилизованном обществе, и естественному здравому смыслу индивидуального мышления в «примитивных» коллективах, а своеобразие *мифологической логики* он признавал в *коллективных первобытных представлениях*, то Леви-Строс считал, что так называемая «первобытная логика» в основе своей диалектична. Мифологическая логика описывается им как логика тотемическая, логика «калейдоскопа», логика ощущений, конкретная логика. Миф трактовался Леви-Стросом как поле решения логических задач.

Заканчивая полемику с Леви-Брюлем, Леви-Строс замечал, что мифологическое мышление вполне логическое (в противоположность тому, как это, якобы, представлял себе Леви-Брюль) и никак не зачаточное. Профессор В.К. Никольский, считал наоборот, что как раз Леви-Брюлю принадлежит особенно стройная и красивая теория, изъясняющая главнейшие свойства именно логического мышления. Леви-Брюль, утверждал Никольский, с замечательным мастерством углубился в предмет, поднимая пласт за пластом подобранный им этнографический и фольклорный материал, извлекая наружу своеобразную «систему», своеобразный «порядок», по-своему оправдывавший сцепление отдельных элементов «*первобытного мышления*» и придававший им их своеобразный смысл.

По мнению переводчика *Первобытного мышления* А.Б. Островского: «Исследования Леви-Строса опрокидывают сформулированную в 1910-1920 гг. Л. Леви-Брюлем концепцию, согласно которой людям традиционных обществ якобы присуще дологическое ("prélogique") мышление, не способное к усмотрению противоречивости явлений и процессов и управляемое мистическими переживаниями» [1. С. 12]. Доказательство Леви-Стросом потенциального равенства логической мощи так называемого первобытного мышления и мышления человека современной европейской цивилизации тем более значимо, что оно осуществлено в рамках самой традиционной культуры, считал А.Б. Островский. По его мнению, Леви-Строс показал полноту логических возможностей так называемого первобытного мышления, достигающих возможностей понятийного мышления: «неприрученная мысль» (буквальный перевод «дикая мысль» или «мысль в состоянии дикости») выступает «единственной универсалией человеческой психической деятельности во всех цивилизациях» [1. С. 14].

Однако и Леви-Строс, и Леви-Брюль в своих этнологических концепциях социальной первобытности признают своеобразие мифологической логики как коллективных первобытных представлений.

Литература

1. Островский А.Б. Вступительная статья: Этнологический структурализм Клода Леви-Строса // Леви-Строс К. Первобытное мышление / пер. с фр.; вступ. ст. и прим. А.Б. Островского. М.: Республика, 1994. С. 11-14.
2. Рыклин М.М. Леви-Строс // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2001. Т. II. С. 379-380.

ВЕРСТИН ИГОРЬ СЕМЁНОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных дисциплин, Международная академия бизнеса и управления, Россия, Москва (iqor-verstin@yandex.ru).

VERSTIN IGOR SEMENOVICH – candidate of philosophical sciences, assistant professor of the Humanities, International Academy of Business and Management, Russia, Moscow.

УДК 130:17:27

М.А. ЕЛДИН

ДУХОВНАЯ ТРАДИЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Ключевые слова: традиция, религия, культура, модернизация, специфика национальной представительности.

Религиозность как область научных исследований актуальна, поскольку определение специфики дефиниций данной проблемы до сих пор остается малоизученным. Изучение истории религиозной культуры, самоопределения нравственных традиций и национальности – специфики национальной представительности и ценностных норм, перспектив их интерпретации – представляет актуальность.

M.A. ELDIN

SPIRITUAL TRADITION AND MODERNISATION OF RUSSIAN COMMUNITIES: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Key words: tradition, religion, culture, modernisation, features of ethnic presentation.

Religious studies are still a focus of scientific investigation, as science itself has still not defined and specified this problematic field of research. The study of the history of religious culture and the definition of moral traditions and nationality are features of ethnic presentation and value norms, which have very real prospects for interpretation.

Вопросы самоопределения народов в области нравственности возникали на всем протяжении истории развития и модернизации российской культуры. Что же внешне можно наблюдать в настоящее время в отмеченной сфере? Одна из тенденций современности – кризис восприятия традиционного религиозного наследия и интенсивная экспансия западных культурных ценностей и нравственно-психологических установок. Эти социокультурные изменения утверждаются в современной России под воздействием различных факторов, но прежде всего в области специфики религиозных и моральных ценностей общества.

Важным механизмом трансформации системы ценностей духовной культуры России было развитие философской мысли. Исследуя эту проблему, подчеркнем, что среди всех значений отечественной философии самым важным представляется значение ее как высшей санкции нового мировоззрения, основным постулатом которого является личностное понимание абсолютного начала души. Важно отметить ту роль духовных богатств россиян, без которых не было бы известных достижений в истории российской государственности. Верно определяет сущность духовной культуры отечественный философ А.К. Уледов: «духовная культура есть «... сложный феномен... конкретно-исторически развивающаяся система духовных ценностей, духовная потенция общества, в то же время это процесс человеческого творчества, социально значимого по своей сущности, это выражение определенной специфической формы общественных отношений между людьми, чуткий и тонкий показатель, регулятор нравственного климата общества» [10. С. 175]. Элементы традиций нравственности общества складываются под воздействием различных факторов.

Современность поставила в качестве важного фактора вопросы информационной суверенности этнокультуры общества. Для россиян, как сообщества традиционалистского по своей культурной основе, важными являются как этнические, так и культурно-религиозные аспекты специфики общественных традиций.

Известный французский культуролог и философ П. Серю, утверждал, что в ситуации постмодернизма в философии со времен М. Фуко и Ж. Дериды, современная исследовательская среда не сохранила «от понятия традиции камня на камне» [8. С. 39]. В условиях кризиса современного самосознания общества одной из важнейших проблем, подвергавшихся мощной обработке

интеллигентского *ratio*, является вопрос об отношении человека к духовности, его нравственной сущности и роли традиции.

В современной научно-философской литературе традицию относят к «социокультурной преемственности» и рассматривают ее как форму общественной связи индивидов, механизм их социализации. Роль традиции выявляется при динамике развития социальных аспектов бытия религии. Согласимся с позицией современного исследователя О.Д. Шемякиной, что «традиция обладает огромной силой инерции, но это вовсе не означает, что в ней самой не содержится потенции к изменению» [11].

В период «русского религиозного ренессанса» с учетом того, что он был сам по себе явлением вторичным относительно к эпохе новоевропейского гуманизма: английского позитивизма, французского рационализма и т.д., на первый план выдвигается идея «эмансипированной от традиционного призвания личности». Сфера влияния традиций в российской культуре тогда начинает менять свои очертания, когда религия становится частью культуры, что в значительной степени определило и судьбы русской религиозной философии XIX – начала XX вв. и стало судьбоносным для многих сторон духовной жизни Российской империи.

Наиболее яркие творцы интеллектуальной жизни в Российской империи XIX – начала XX вв. обращали внимание на проблемы судеб русской и российской духовности, рассматривали специфику национального вопроса в России. Среди выдающихся представителей русской философии следует особенно пристальное внимание уделить творческому наследию К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева.

Русские философы эпохи «серебряного века» определяли специфику русской духовности как стремление к крайним проявлениям в жизни общества, в поступках и мысли. Н.А. Бердяев так отмечал особенность духовной жизни государствообразующего в России народа: «Подлинно есть в русском национальном духе стремление к крайностям, к предельному, конечному. Но путь культуры – срединный путь» [1. С. 124].

Еще К.Н. Леонтьев предупреждал о большой опасности, грозящей российскому обществу в случае отхода от старинных «византийско-православных традиций», отказа от своих духовно-нравственных истоков культурного развития: «изменяя, даже в тайных помыслах наших этому византизму, мы погубим Россию» [7. С. 40]. Согласно позиции мыслителя, такой подход к проблеме сохранения единства и целостности российской духовности объяснялся тем, что исконно в России именно принадлежность к православной культуре определяла «российское подданство», не славянин по языку, но православный по вере был всегда своим в еще Московской Руси. Как пишет философ: «Идея национальностей чисто племенных, в том виде, в каком является в XIX веке, есть идея, в сущности, вполне космополитическая, антигосударственная, противорелигиозная, имеющая в себе много разрушительной силы и ничего создающего» [7. С. 41]. Именно национальный эгоизм, усвоенный с Запада, весьма губителен и опасен для российской культуры и грозит ей фрагментацией, по мнению философа.

Устойчивая сторона культуры – это культурная традиция, благодаря которой происходят накопление и трансляция человеческого опыта в истории, и каждое новое поколение людей может актуализировать этот опыт, опираясь в своей деятельности на созданное предшествующими поколениями. В сфере современного культурного сознания российского общества проводились достаточно основательные исследования, свидетельствующие о длительном присутствии в ментальных структурах российских народов традиционализма.

Со специфическим развитием российской духовной традиции связаны также существенные особенности российской духовной культуры – всечеловечность и веротерпимое отношение к другим конфессиональным традициям. Российская специфика отношения к данным общностям – не просто ликвидация «нечестия», а долговременный социокультурный симбиоз, но не как это было на другой окраине Европы (в Испании) с исламским наследием. Российская особенность в указанной области отношений христианской и мусульманской традиций носила характер доминирующего мирного восточно-христианского синкретизма.

Обращение к фундаментальным мотивам общечеловеческого, в частности библейского, духовного наследия испокон веку помогало российским мыслителям и художникам отыскать оптимальный алгоритм своего творчества. Трудно не согласиться с наблюдениями известного исследователя отечественной нравственно-эстетической традиции В.В. Бычкова о том, что российские живописцы и ваятели стремились выразить фигурально самый стержень религиозно-нравственной культуры народа – его ценности: соборность, человеколюбие, добротолубие, вера, сердечность [2].

Выдающийся русский философ В.С. Соловьев в конце XIX в. достаточно справедливо замечал относительно специфики многоединства традиции российской духовности: «раз мы признаем единство человеческого рода... раз мы признаем это субстанциональное единство, мы существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные нации» [9. С. 220]. С одной стороны, в религиозной традиции России присутствовал официальный консерватизм, носящий костенеющий, разлагающий характер – характеризующийся предельно жестким, без переходов на разграничение старого (хорошего) и нового (плохого), конструированием норм общественного сознания. Вся деятельность такого рода консерваторов направлялась на бескомпромиссную борьбу с «устаревшей» парадигмой культурного уклада (борьба со старообрядчеством).

В интеллектуальной элите Российской империи неуклонно продвигался тезис об имперском и притом православно-теологическом единении российского общества, что в значительной степени оказалось, во-первых, утопичным, а во-вторых, онтологически несостоятельным в той исторической ситуации, поскольку гносеологически исходило из спекулятивных познавательных предпосылок западной философии, а не из той социальной реальности, какая исторически сложилась в обществе. Однако тезис о социальном единстве и духовном преемстве российского общества был услышан и это – заслуга отечественной интеллектуальной элиты имперского периода XIX – начала XX вв. [5].

Следует отметить и то обстоятельство, что русское имперское правительство довольно рано стало исходить из многорелигиозности России как эффективного метода управления государством: «...предметом показной идейной гордыни было многообразие племен, вер и языков» [6. С. 166]. Указанный факт на сегодняшний день оценивается не всегда конструктивно и в позитивном плане, особенно в условиях новейшей критики мультикультурализма.

И, действительно, в эпоху Нового времени вместо прежних, сакральных, ценностей особой державности «святой Руси» и «Третьего Рима» приходят новые мировоззренческие доминанты, прежде всего сциентизм и технократизм, а также государственный утилитаризм. Среди высоких социальных идеалов государство трансформируется в утилитаристский механизм могущества российской монархии. Господство антитрадиционализма среди властной структуры Российской империи было особенно сильным во внутренних сферах государственной деятельности. Вечность была неизменным атрибутом имперской элиты. Далеко идущие последствия вестернизации России имели для судьбы русской духовной культуры во многом характер фрагментирующего импульса.

Многие трагедии отечественной истории – в разделенности, с некоторого времени, общего духовного пространства российского общества от конструктивного начала религиозно-нравственных традиций, замене реального диалога с наследием прошлого на деструктивный официоз, что особенно наглядно проявилось в начале и конце XX в. М. Вебер представлял в XX в. следующий диагноз российского развития на будущее: «Страна, которая по своим убеждениям едва ли более столетия назад сильно напоминала монархию Диоклетиана, не может в действительности осуществить какую-нибудь исторически обоснованную и при этом же жизнеспособную реформу» [3. С. 21].

В то же время, после кризисов и катастроф XX в., произошло обращение уже в советское время к традиционным календарным событиям духовной жизни в истории России. Большое значение для жизни российского общества имела религиозно-эстетическая традиция, восходящая к библейской традиции и Древней Руси. Многие представители отечественной культурной среды XX столетия значительное внимание в своем творчестве уделяли религиозной тематике. Так, обращает на себя внимание творческое наследие мордовского скульптора С.Д. Эрзи (Нефедова), который многие свои произведения посвятил духовной, религиозной проблематике.

Следует отметить глубокую спиритуалистичность образов С.Д. Эрзи, наглядно проявившуюся, например, в таких скульптурах, как Иоанн Креститель, Моисей, Христос, Александр Невский и др. Многие художники, литераторы и философы того времени находились под влиянием духовного наследия, стремясь осмыслить прошлое и получить новые импульсы своего творчества, они создавали произведения, которые подчас выходили из установленных ортодоксальной традицией канонов.

Постепенно начался процесс возрождения, восстановления и реставрации во многом утраченных культурных и духовных ценностей. Весьма справедливо пишет исследователь русской философии М.Н. Громов: «Великая Отечественная война заставила несколько одуматься в диком процессе разрушения собственной культуры» [4. С. 200]. Этот процесс и сейчас идет не просто, имеет негативные аспекты, не всех устраивает, но он объективно необходим, поскольку носит интегрирующий для общественного самосознания и конструктивный характер.

В современной социальной действительности мы можем наблюдать новые элементы культурного сознания, которые обусловлены динамическими процессами социально-политических и экономических изменений, происходящих в нашем обществе. Результаты модернизации не всегда приносят благоприятное разрешение социальных, духовных и культурных проблем, но с необратимостью изменяют сознание.

Всякий срыв социальной устойчивости сопровождается резкой активизацией поисков жизненных ориентиров. Современный духовный кризис – это, прежде всего, ценностная катастрофа, разрушение некогда доминировавшей ценностной системы и выработка новой.

Постмодернизм как общекультурное течение получил такое распространение и потому, что слишком слаба и даже не осуществлена в современных реалиях культурного развития российского общества духовно-нравственная культура, которая своими основаниями исходила бы из непреходящих ценностей отечественной исторической традиции. Происходящие кардинальные изменения в нашем обществе характеризуются не только положительной динамикой своего развития, но и жесточайшими проявлениями аморализма и бездуховности. Сами понятия «дух», «душа», «духовность» в системе социализации личности имеют довольно расплывчатое значение.

Долгие годы советской эпохи развитие культурного самосознания россиян носило рационализированный характер. И лишь в последние десятилетия наблюдаются попытки заново осмыслить духовно-нравственное наследие отечественной духовной традиции. Для современности указанный поиск – это символ самоопределения общества, отношение к нему – основа нравственного бытия, преемственности от созидательных традиций предшествующих поколений.

Исходя из сказанного, важно понять, что многие проблемы бытия нашего общества неразрешимы только лишь законодательными или административными мерами. Современная потребность в сохранении и развитии традиций общества, производная от размытости прежде доминировавших социокультурных ценностей, вновь заставляет нас обратиться к изучению традиционного духовного наследия культуры России.

Итак, традиция является одним из способов реализации более широкого процесса социального наследования опыта прошлых поколений, который объективируется в предметной и языковой формах, ценностях культуры и цивилизации, организационных формах социальной жизни, религии и нравственности. Опыт в культурной жизни общества запечатлевает положительное, проверенное и выдержанное временем. В то же время для современного сообщества характерна духовная трансформация, смена жизненной философии в целом. Настало время серьезного переосмысления социальных представлений о формах и перспективах существования мировой цивилизации и россиян в ней. Формируется новый тип общественного сознания, который можно было бы обозначить как антикризисный, в очередной раз в истории выступают на первый план проблемы гуманизма и «сбережения человека».

Исследования проблем соотношения модернизации и традиционализма в России, новейшие публикации современных отечественных ученых-гуманитариев позволяют выявить необходимые инновационные аспекты для утверждения оптимальных моделей духовного развития современного социума. Основной контекст культурного наследия и ментально-ценностных характеристик российского общества невозможен без учета соотношения традиций и модернизационных трендов сегодня.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М.: Республика, 1997. 540 с.
2. *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика XI-XVII века. М.: Мысль, 1992. 637 с.
3. *Вебер М.* Исторический очерк освободительного движения в России. Киев, 1906. 149 с.
4. *Громов М.Н.* Структура и типология русской средневековой философии М.: ИНФРА-М, 1997. 289 с.
5. *Гулыга А.В.* Русская идея и ее творцы. М.: Соратник, 1995. 310 с.
6. *Ерасов Б.С.* Социальная культурология: в 2 ч. М.: Аспект-Пресс, 1994. Ч. 2. 240 с.
7. *Леонтьев К.Н.* Избранное. М.: Московский рабочий; Рапогъ, 1993. 400 с.
8. *Серио П.* Структура и целостность // Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 39-67.
9. *Соловьев В.С.* Спор о справедливости // Соловьев В.С. Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. 864 с.
10. *Уледов А.К.* Духовная жизнь общества: Проблемы методологического исследования. М.: Мысль, 1980. 271 с.
11. *Шемякина О.Д.* Разрыв и преемственность в русской культурной традиции: опыт диалога // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 107.

ЕЛДИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат философских наук, доцент кафедры философии для гуманитарных специальностей, Мордовский государственный университет, Россия, Саранск (eldin1974@yandex.ru).

ELDIN MIKHAELE ALEXANDROVITCH – candidate of philosophical sciences, associate professor of Philosophy for Humanities Chair, Mordovian State University, Russia, Saransk.

УДК 004.9:316.612

Г.П. КУЗЬМИНА, А.Ю. БУЛАВКО, И.А. СИДОРОВ

**ИМПЕРАТИВЫ ОРГАНИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА
НА ПУТИ К ПЕРСОНАЛЬНОЙ ГИПЕРТЕКСТОВОЙ СИСТЕМЕ**

Ключевые слова: компьютерное пространство, гипертекст, гиперссылка, база данных, сеть, всемирная паутина, система управления базами данных, персональная гипертекстовая система.

Организация компьютерного пространства предполагает повышение уровня культуры как конечных пользователей, так и программ, которые они используют в процессе общения «цифрой». Научное сообщество не осознает, что главные идеи гипертекста не реализованы, поэтому необходима репрезентация основного содержания данного понятия. Культура общения конечных пользователей должна строиться на понимании возможностей, которые дает гипертекст.

G.P. KUZMINA, A.Yu. BOULAVKO, I.A. SIDOROV
IMPERATIVES OF COMPUTER SPACE ORGANIZATION
ON THE WAY TO A PERSONAL HYPERTEXT SYSTEM

Key words: computer space, hypertext, hyperlink, database, web, world wide web, database management system, personal hypertext system.

The organization of computer space supposes an increase in the level of culture for end users, as well as for the programs that they use in communication with «the number». There is a misunderstanding in the scientific community of this problem, such that the main ideas of hypertext are not realized. That's why we need the representation of this basic meaning. The culture of end users' communication must be founded on the resources given by the hypertext.

Социокультурные процессы в современном информационном обществе развиваются столь динамично, что можно говорить о формирующейся культуре общения «цифрой». Именно эта культура в ближайшей перспективе окажется основанием для мировоззрения, мироощущения, мировосприятия человека будущего. Важно отметить, что бурный рост информационных технологий в сочетании с недостаточной технологической, психологической, образовательной подготовкой пользователей вызывает изменения их системы ценностей, жизненных принципов, подвергающихся воздействию интерактивной среды. Концепция свободы предоставления и перераспределения информации приводит к смешению понятий копии и оригинала, к забвению авторского права, к процветанию философии потребления, а не систематизации и упорядочивания информации. Субкультура активных маргиналов сети, не способных нести полную ответственность за свои действия, определяет современный вектор развития пространства Интернета. Социальные нормы смещаются, торжествует толерантность к нарушениям прав интеллектуальной собственности конечных пользователей сети. Правовое регулирование поведения в сети оказывается более сложным и в связи со скоростью протекания информационных процессов запаздывает относительно расширения пространства сетей и ежесекундного увеличения сетевого контента.

В связи с большим вовлечением в спектр интернет-услуг молодого населения важно заложить моральный фундамент, некоторые нравственные критерии в сами основы сети так, чтобы правовое регулирование было проведено изнутри структуры программного обеспечения, что и послужило бы в итоге повышению культуры информационного сообщества. Важную роль в процессе повышения информационной культуры следует отвести персонификации интернет-пространства, в котором постоянно бы общался и взаимодействовал с другими людьми пользователь, что могло бы позволить реализовать общественный контроль за морально-нравственными ориентирами, информацион-

ным поведением людей в сети. Таким образом, сегодня возникает необходимость создать постоянное персональное место общения в Интернете, официальной формой которого станет гипертекст.

Ключом в применении IT-технологий для организации в Интернете собственного места общения является верное применение понятия «гипертекст». Однако это понятие не имеет точного определения, его можно использовать в различных целях и трактовать по-разному. В этой статье будет кратко изложена история появления термина «гипертекст», представлена трактовка гипертекста среды Интернета. Мы попытаемся также сформулировать собственную трактовку персонального гипертекста электронной формы. Это частное отношение к гипертексту должно стать основой самостоятельного создания персонального места общения в Интернете. Можно сказать, что прикладное применение собственного, разумного и осознанного отношения к гипертексту должно в дальнейшем явно проявиться в выборе нужных готовых IT-технологий и компьютерных языков.

Сама по себе идея гипертекста проста, и она использовалась с тех пор, как только появились большие, сложные тексты. Очевидный смысл гипертекста заключается в том, что можно указывать ранее определённые фрагменты целого текста, используя нужные отсылки к этим фрагментам. Самый понятный, хотя несколько примитивный, пример гипертекста это обычная книга, которая включает страницы «Оглавление», «Содержание» и пр. Часто в статьях в качестве примера серьёзного гипертекста приводится Библия, которая имеет сложную структуру и содержит множество различных ссылок. Тут можно вспомнить и более старые письменные тексты, причём с не менее сложной структурой: например, мифы древней Индии (ведийские жизнеописания Рамы). Интересен исторический пример античного «гипертекста» устной речи: эпические поэмы Древней Греции «Илиада» и «Одиссея», которые сначала появились в виде песен и лишь потом получили вид классических циклов стихотворений Гомера о войне греков с Троей и о путешествиях хитроумного Улисса. В этих произведениях читатель обращается то к жизни богов, то к воспоминаниям героев. Таким образом, многие священные тексты разных народов часто и во многом соответствуют форме гипертекста. Важно, что все вышеуказанные тексты сами в целом и их фрагменты имеют глубокий смысл, а ссылки на фрагменты помогают вникать в читаемый текст.

Мы будем опираться здесь на определение гипертекста, которое дал российский учёный М.М. Субботин, пионер отечественных гипертекстовых систем: «Гипертекст – это такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты» [5].

В «Словаре культуры XX века» В.П. Руднев пишет, что «... гипертекст – текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов. Простейший пример гипертекста – это любой словарь или энциклопедия, где каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого же словаря. В результате читать такой текст можно по-разному: от одной статьи к другой, по мере надобности, игнорируя гипертекстовые отсылки; читать статьи подряд, справляясь с отсылками; наконец, пуститься в гипертекстовое плавание, то есть от одной отсылки переходить к другой. Гипертекст – это нелинейный лабиринт, своеобразная картина мира, и выйти из него, войдя один раз, труднее, чем может показаться на первый взгляд» [4]. Следует отметить, что В. Руднев понимает

иерархию как синоним сложной структуры, и в этом случае лучше говорить о сети, чем о строгой иерархии; здесь это не принципиально, но в применении гипертекста к компьютерным системам это отличие играет важную роль.

Идеи гипертекста получили широкий отклик, так как гипертекст помогает выявлять ассоциации, что крайне важно для мышления (неслучайно многие курсы обучения сегодня представляют преподаваемый предмет в виде гипертекста). Сам термин «гипертекст» ввёл в 1965 г. Тед Нельсон, гениальный программист (он сам себя называл идеалистом) в своей статье «A File Structure for the Complex, the Changing and the Indeterminate» (в статье изложены его идеи относительно связанных текстов). «Отцом» же гипертекста можно считать крупного учёного и организатора Ваннавера Буша, который в 1945 г. опубликовал статью под названием «As We May Think» («Как мы можем мыслить»), в которой он впервые высказал идею гипертекста, а сам термин был придуман только двадцать лет спустя. Для В. Буша методы передачи и обозрения результатов научных исследований являются невероятно устаревшими и совершенно неадекватными своему предназначению [6]. Когда данные любого характера помещаются в хранилище, они организуются в алфавитном или цифровом порядке, и информация (если таковая имеется) отыскивается путём прослеживания от подкласса к подклассу. Существуют правила, определяющие, в какой ветви должна располагаться информация, и эти правила являются обычно громоздкими. Более того, обнаружив одну единицу хранения, приходится выходить из системы для того, чтобы войти в неё снова и пойти по новому пути. Мозг человека работает совсем не так, он действует по ассоциативному принципу. Уловив одну мысль, он немедленно переходит к следующей, порождаемой ассоциациями мысли в соответствии с некоторым сплетением следов в клетках головного мозга. Исходя из этого, Буш сформулировал принцип ассоциативной индексации, который определил как механизм, благодаря которому любой элемент информации может служить отправной точкой для немедленного автоматического выбора (пользователем) любого другого элемента информации [7].

Каким образом Интернет стал олицетворять идеи гипертекста? Это уже несколько другая история, не идей гипертекста, но история их практической реализации. Известно, что «отцы» гипертекста, В. Буш, и Т. Нельсон, работали в области использования вычислительной техники, так что изначально идеи гипертекста предлагались как раз для реализации в компьютерах. В дальнейшем мы будем говорить только об электронной форме гипертекста, которая предназначена для обработки вычислительными машинами.

Первую гипертекстовую систему Xanadu в течение 30 лет создавал Т. Нельсон. Система не была закончена коммерческим продуктом, но проект Xanadu оказал большое влияние на развитие современных систем гипертекста. Проект Нельсона предполагал создание глобальной, постоянно развивающейся литературной среды со всевозможными ссылками и возможностью авторского установления таких ссылок и связей. Система Xanadu подразумевает создание единого адресного пространства доступного содержимого с уникальным адресом для каждого байта данных. Система собирает, обрабатывает и выводит информацию пользователя с помощью виртуальных файлов. Все используемые цитаты и вырезки информации в Xanadu соединены с оригиналами, причём система обеспечивает контроль соблюдения авторских прав при любом размере цитаты. Модель данных системы Xanadu позволяет создавать необрываемые связи (ссылки) между данными. Для любого документа хранится история его изменений с возможностью просмотра различий между версиями, и каждый пользователь может присоединить комментарий к

любому текстовому фрагменту. Реализация гипертекста в Xanadu отличается от реализации гипертекста в WWW. Т. Нельсон видит вещи совсем по-другому и жалуется на постоянно меняющуюся природу сети. По его мнению, многие думают, что Xanadu был попыткой построить WWW. Напротив, WWW явилась тем, что мы пытались предотвратить.

Когда впервые был предложен термин «гипертекст», уже была понятна важность понятия «база данных», и как раз в те годы жарко спорили о моделях данных: какая модель лучше – иерархия или сеть? (Именно в этом контексте надо понимать часто упоминаемые слова Нельсона о недостаточности иерархии в качестве структуры для реализации гипертекста). В области баз данных эти споры стихли из-за появления в 1970-х гг. реляционной теории данных Т. Кодда, профессионального математика (реляционная теория с равным успехом поддерживает как иерархию, так и сетевую модель), однако в обработке, собственно в программировании, эти споры почему-то и сегодня продолжаются. Нам же кажется, что в программировании есть место и для сетей, и для строгих иерархий – все эти споры связаны только с низкой культурой спорящих (догматы обычно ни к чему хорошему не приводят). Сейчас очевидна мода на сетевые парадигмы, но мы будем использовать те модели, которые нам потребуются.

Разумеется, пока делался проект Xanadu, многое изменилось в информатике. Главное, все пришли к бесспорному выводу, что любая информационная система (ИС) суть система обработки данных, хранящихся в базе данных. Это настолько важное положение, что определение информационной системе даёт даже современное международное законодательство.

Информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий и технических средств. База данных – представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчётов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Строго научного определения понятия «база данных» нет, но можно сказать, что современная база данных (БД) определяется формальной моделью данных. Каждая БД включает метаданные, описывающие логическую структуру базы в формальном виде (в соответствии с некоторой метамоделью).

Описание эталонной модели управления данными описывается следующим образом: постоянные данные в среде базы данных включают в себя схему и базу данных. Схема включает в себя описания содержания, структуры и ограничений целостности, используемые для создания и поддержки базы данных. База данных включает в себя набор постоянных данных, определённых с помощью схемы. Система управления данными использует определения данных в схеме для обеспечения доступа и управления доступом к данным в базе данных.

Теперь можно сказать, что в применении компьютерно-программной терминологии сегодня можно описать концепцию гипертекста следующим образом. Есть база данных, в базе данных хранятся объекты. Объекты базы данных в разметке гипертекста – это текстовые разделы, фрагменты текста (чаще всего, небольшие), посвящённые отдельному вопросу. Соответственно, гипертекстовая система – это информационная система, способная хранить информацию в виде электронного текста, позволяющая устанавливать электронные связи между любыми «информационными единицами», хранящимися в её памяти и вызывать их на экран монитора «простым нажатием кнопки».

Специальные механизмы и правила гипертекста позволяют компьютерам поддерживать ссылки из одних текстовых фрагментов в другие. Человек или программный агент может устанавливать новые связи между текстовыми фрагментами. Система текстовых фрагментов или файлов с такой организацией получила название «гипертекст». Сегодня не говорят именно о фрагментах собственно текстов письменной речи – сейчас принято говорить о форматах фрагментов самого гипертекста (текст, видео, аудио и т.д.).

Если нам понятна связь концепции гипертекста электронной формы с понятием «база данных», то пока не ясна связь гипертекстовой системы с компьютерными сетями. Как ни будет неприятно для читателя, если он вдруг окажется «чистым» программистом, но тут надо признать, что коммерческое программное обеспечение компьютерных сетей появилось также из-за важности понятия «база данных». С появлением и широким использованием коммерческих систем управления базами данных (СУБД), прикладная часть программного обеспечения информационной системы получила всеми принятое название «приложение базы данных». Естественным результатом стало появление локальных сетей компьютеров, которые изначально предусматривали включение сервера данных (на сервере данных устанавливалась нужная СУБД). Сначала сети появились в виде простой «звезды», центром которой становился сервер данных, а к серверу данных подключаются компьютеры пользователей (известная схема «Клиент-Сервер»). Затем локальные сети становятся всё сложнее – уже можно было подключать несколько серверов. Дальше – еще более сложно. Каждый сервер данных локальной сети мог уже держать отдельную СУБД разных принципов, и, соответственно, приложения баз данных могли создаваться разными программными языками. Усилия разработчиков сложных систем связать разные локальные сети в единую систему большого предприятия привели к появлению неоднородных (гетерогенных) компьютерных сетей – этот путь на сегодня закончился появлением Internet. Английское слово internet можно перевести как «межсетевая связь» (в русском языке нередко пишут «Сеть Сетей» как синоним Интернета).

Сегодня под понятием «Интернет» («Всемирная Паутина», WWW) обычно подразумевается два уровня: собственно Internet как глобальная связь локальных компьютерных систем и Web как некая гипертекстовая система (тоже, разумеется, глобальная). Напомним, что Интернет появился вне идей гипертекста – целью интернета является передача файлов от компьютеров одной локальной сети к компьютерам других локальных сетей. И лишь после появления Сети Сетей, смогла появиться Всемирная Паутина.

Автором Web стал Тимоти Джон Бернерс-Ли. В 1989 г., работая в CERN, Бернерс-Ли предложил проект, известный как Всемирная паутина (англ. World Wide Web). Проект подразумевал публикацию документов, связанных между собой гиперссылками, что облегчило бы консолидацию и поиск информации. Проект Паутины был предназначен для учёных и первоначально использовался во внутренней сети CERN. Сначала Бернерс-Ли основывался на существовании единой централизованной базы данных гипертекста, что позволяло бы избежать ошибок при переходе от одного документа к другому. В последующем Бернерс-Ли решил, что для истинной глобальности гипертекста нужно рассредоточить базу данных по всему миру, сознательно рискуя при этом получить разрывы связей, а информационным транспортом гипертекста должен стать интернет – Сеть Сетей. Для осуществления проекта Тим Бернерс-Ли предложил свои изобретения в виде идентификатора URL, протокола HTTP и языка HTML. Эти решения легли в основу Всемирной паутины. После реализации протокола HTTP в интернете можно сказать, что Web представ-

ляет собой гигантскую базу данных, а Internet – гигантская сеть, в которой находится распределённая база данных.

Однако у глобальной базы данных должна быть глобальная формальная модель данных, а сегодня такой модели нет. Разумеется, работа самой Паутины требует использовать специфические базы данных, но эти базы данных не связаны со смыслом/содержанием гипертекста – сегодня Web представляет собой механизм гиперссылок, но этот механизм никоим образом не поддерживает идеи гипертекста. Главными же идеями гипертекста можно считать помощь в работе с ассоциациями, причём не в последнюю очередь с целью помочь коллективному мышлению (В. Буш) при защите авторских прав каждого создателя оригинала текста (Т. Нельсон). Сегодня можно определить Web как транспорт цифровой информации, оформленной в виде разметки гипертекста, причём определение базы данных объектов гипертекста остаётся на совести разработчика прикладной системы. Вот мы и подошли к ключевой проблеме создания гипертекстовой системы среды Интернета, а именно к проблеме квазитождества гипертекста HTML-документам, которые передаются Всемирной Паутиной.

Итак, нам следует определить, насколько веб-страница соответствует идее гипертекста. Здесь можно ответить уверенным отрицанием. К сожалению, язык HTML не является «чистым» языком описания («разметки») гипертекста, так как для удобства он даёт также возможность определять примитивные объекты гипертекста (строка текста, таблица и т.д.). В других случаях придётся писать так называемые скрипты – именно они позволяют включить в HTML-страницу более сложные объекты из базы данных. Так что двойственность языка HTML позволила заявить, что HTML-страница есть сам гипертекст. Мы же будем говорить об оформлении, или об издании гипертекста, но не о создании самого гипертекста, так как самая сложная и большая часть гипертекста по-прежнему остаётся в базе данных. Чтобы обосновать квазитождество HTML-страниц самому гипертексту, можно привести пример с изданием великого романа Л. Толстого «Война и мир». Неужели можно сказать, что страница изданной книги является текстом романа? Очевидность этой нелепости доказывается наличием множества переизданий романа «Война и мир» только на русском языке – понятно, что одна страница издания никоим образом не определяет содержание (конечно, можно и нужно читать роман, на полях страниц можно писать пометки, но рукопись романа тут не причём). Однако многие авторы считают, что HTML-страница является самим гипертекстом. Более того, все поисковики Интернета поддерживают такую трактовку гипертекста – более того, они всячески противятся тому, чтобы содержание HTML-страниц хранилось в базе данных отдельно от самих страниц (это легко понять, так как стандартный интернет-поиск ориентирован на поиск в файлах формата HTML). Конечно, можно создавать динамические страницы разметки с помощью скриптов – такие страницы намного ближе к идее гипертекста, но и настолько же сложнее. Важно учитывать, что в случае применения динамических страниц поисковики не ищут информацию в скриптах – таким образом, придётся дополнительно озабочиваться популярностью создаваемой гипертекстовой системы (поисковики автоматически дают бесплатную рекламу созданным информационным ресурсам). Впрочем, тут нет выбора: если хочется создать гипертекстовую систему, придётся применять динамические страницы.

Можно сказать, что сегодня Web стандартно поддерживает статичные, условно неизменяемые страницы, которые плохо подходят для поддержки истинного гипертекста. Достаточно указать, что конечные пользователи Интернета практически не имеют возможности создавать собственный гипер-

текст, зато они имеют простой, но бедный, поиск информации в виде некоего «контекстового» поиска. Тут надо заметить, что этот самый «контекст» не имеет никакого отношения к искомому тексту: можно придумывать разнообразные «контексты», так и не найдя нужной информации (хотя информация в Сети есть). Совсем плохо, что пользователи сегодня не имеют стандартных механизмов создания цепочек ассоциаций, у них нет возможности выделять и автоматически запоминать путь переходов между страницами (и уж совсем нет смысла говорить о механизмах поддержки ассоциаций, определяемых связями между объектами, находящимися на страницах). Таким образом, Web не является пространством объектов гипертекста, но представляет собой пространство гиперссылок (можно создать гиперссылку к несуществующему объекту; или, наоборот – информационный объект есть, но сложно определить гиперссылку к нему). Подчеркнём, что страницы разметки гипертекста совсем не обязательно являются самим гипертекстом. Надо признать, что современное состояние Web более обслуживает бизнес масс-медиа, чем поддерживает цели гипертекста. В настоящее время Бернерс-Ли работает над созданием глобальной семантической сети – если эта сеть (или подобная) когда-нибудь появится, тогда можно будет серьёзно поговорить об истинной глобальной гипертекстовой системе.

Вернёмся собственно к задаче общения гипертекстом в среде Интернета. Можно принять факт того, что сейчас нет общей модели данных гипертекста, и, соответственно, нет общей базы данных информационных объектов гипертекста. Сегодня, если конечный пользователь Интернета хочет в нём создать своё персональное место общения, тогда пользователю следует самому определять информационные объекты, которые будут показываться на страницах разметки гипертекста. Кроме того, пользователю придётся самостоятельно размечать свой гипертекст динамическими страницами. Более того, если человек не хочет обращаться к безымянной аудитории потребителей масс-медиа, но хочет общаться с определёнными личностями, ему придётся учитывать авторские права собеседника. Иначе говоря, одних web-страниц явно не хватает для организации персонального места общения в Интернете – нужно также решить следующие задачи:

- определение информационных объектов базы данных собственного гипертекста;
- защита и поддержка авторских прав собеседников, которые смогут увидеть, комментировать (или даже изменять) объекты гипертекста.

Здесь можно сделать следующие важные выводы, которые лягут в основу персональной гипертекстовой системы общения:

а) пользователь должен иметь персональную базу данных, модель которой определяет объекты гипертекста;

б) общение собеседников должно осуществляться страницами разметки гипертекста, причём элементы веб-страниц основываются на объектах персональной базы данных автора системы (что обозначает необходимость применения динамических страниц);

в) автор гипертекстовой системы общения определяет допуск других пользователей к объектам персонального гипертекста, для чего следует определять роли собеседников.

В этом случае веб-страницы в виде HTML-документа только представляют объекты базы данных гипертекста. Главное же в том, что файлы формата HTML стандартно передаются по WWW-сети (внутреннюю структуру файла-документа формата HTML разбирает программа-браузер терминала, которая должна следовать стандарту DOM).

Сформулируем основные положения разработки программного обеспечения системы помощи общению в Интернете:

1. Для организации места персонального общения в Интернете необходимо создать локальную гипертекстовую систему, которая должна использовать транспорт пакетов информации Всемирной паутины.

2. Само общение в Интернете обязательно оформляется в виде страниц разметки гипертекста, которые понимают браузеры терминалов Сети (и лишь потом их могут увидеть и понимать собеседники).

3. Страницы разметки гипертекста и их элементы должны соответствовать информационным объектам гипертекста, что требует определения модели данных (по сути, модели данных базы данных). Принципиально то, что модель данных определяет смысл системы.

4. Важнейшие условия допуска пользователей к информационным ресурсам авторской системы: а) определение допускаемых объектов гипертекста; б) допускаемые функции изменения состояния объектов (скажем, «создать», «изменить», «удалить»). Таким образом, автору гипертекстовой системы следует предусматривать возможность определять разные группы людей или роли собеседников – с помощью аппарата ролей можно определить возможные действия пользователей в системе.

5. Содержание бесед соответствует изменению объектов базы данных. Иначе говоря, содержание бесед хранится в базе данных. (Заметим, что сам факт регистрации содержания бесед является способом защиты авторских прав собеседников).

Таким образом, если человек хочет активно общаться и действовать в Интернете, то ему не следует пренебрегать системным подходом (гипертекстовая система); хранить информацию – в базе данных; и никогда не забывать о защите прав людей (роли конечных пользователей). Сам же Интернет в виде Web может только передавать страницы разметки, причём определение гипертекста является обязанностью автора персональной системы. Великое достижение глобальной гипертекстовой системы Web в том, что она создала пространство гиперссылок – теперь появилась возможность индексировать информационные объекты в виртуальном пространстве ссылок, так как объект становится объектом самого гипертекста. Иначе говоря, сегодня вполне можно создавать локальные гипертекстовые системы – в том числе персональные системы. Сам же гипертекст определим как метод описания модели мира разными представлениями, которые могут включать фрагменты разных форматов (текст, аудио или видео), причём модель мира определяется в информатике с помощью формальной модели данных. Объекты электронного гипертекста хранятся в базе данных, и каждый такой объект специальным образом индексируется гиперссылками.

Теперь можно определить современную гипертекстовую систему следующим образом. Гипертекстовая система – это такая информационная система, которая хранит информационные объекты в базе данных, доступ пользователей к объектам базы данных осуществляется динамическими страницами разметки гипертекста, а информационный транспорт (приём/передача информации) обеспечивает Всемирная Паутина.

Культура общения с помощью гипертекста электронной формы сегодня обозначает возможность личности, или круга лиц, определить своё понимание мира (модель данных) и представить собеседнику свои картины мира (страницы разметки гипертекста) для обсуждения с помощью компьютерных технологий. Возможности гипертекста в работе с ассоциациями должны помогать точнее и полнее представлять себе сам мир, в котором мы все живём. Важно, что обще-

ние посредством гипертекста автоматически поддерживает авторские права собеседников.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что мы здесь говорили о персональном месте общения в Интернете. Разумеется, культура общения посредством гипертекста не может быть ограничена одной персоналией. Проблема массового использования гипертекста в личном общении относится целиком к культуре IT-специалистов – именно специалисты помогут донести смысл и возможности гипертекста до обычных людей, предлагая им понятные средства самостоятельной разработки нужной гипертекстовой системы (или собственный гипертекст). Есть достаточно понятный путь решения задачи широкого использования персональных гипертекстовых систем: специалисты могут разработать интернет-портал авторов гипертекста, причём авторами гипертекста могут стать обычные люди (те самые «конечные пользователи», а вовсе не обязательно IT-специалисты; разумеется, портал должен быть предназначен для всех интересующихся проблемами общения гипертекстом). Также вполне понятно, что сам портал должен быть гипертекстовой системой, и что портал должен предложить своим пользователям понятные средства создания собственного гипертекста, т.е. средства создания персональной гипертекстовой системы.

Даже у специалистов сегодня нет возможности непосредственно индексировать объекты базы данных в пространстве гипертекста современного Web (гиперссылка может вызвать только страницу разметки). В данный момент в Интернете встретились (и во многом столкнулись) разнообразные парадигмы программирования и отличающиеся архитектуры, поэтому следует понимать идеи гипертекста и самостоятельно определять задачи его применения, основываясь на собственном опыте работы с вычислительной техникой при выборе технологий и информационных языков. Следует добавить несколько слов о важном профессиональном аспекте разработки гипертекстовой системы, которая должна быть нацелена на помощь в создании персонального гипертекста. Речь идёт о том, что следует дать конечному пользователю возможность определять персональную базу данных под хранение нужных информационных объектов гипертекста. Сегодня в веб-программировании очевидно некое пренебрежение понятием «база данных» и возможностями современных СУБД. Например, сегодня отсутствуют социальные сайты, которые могут предложить услуги персонального хранилища, архива информации в виде нормальной базы данных. Здесь слово «нормальная» служит напоминанием о том, что нормальной базой данных можно назвать такую базу данных, которая описывается схемой, а хранящиеся сведения в базе определяются формальной моделью данных. Всё это, конечно, не слишком просто. Однако одну вещь разработчик гипертекстовой системы массового использования может сразу сделать (что относительно легко): по просьбе пользователя выделить ему персональную базу данных. Дело в том, что современные коммерческие платформы СУБД изначально дают такую возможность. Более того, по умолчанию, платформа СУБД сама выделяет базу данных по паролю пользователя. Надо только точно понимать, что пароль пользователя СУБД не то же самое, что пароль веб-сайта. Таким образом, культурный веб-программист должен обеспечить связь пользователя системы как автора персонального гипертекста с нужной базой данных, не отвлекая внимание автора на сложности других узлов связи – в первую очередь, оберегать автора гипертекста от сложностей применения платформы веб-приложений (к сожалению, сегодня динамические веб-страницы обязаны использовать веб-сервер приложений). Таким образом, конечному пользователю придётся понимать и применять слова «база данных», но ему ни к чему знать о существовании сервера

приложений. Умное применение сервера веб-приложений сводится не к гипертексту, а к работе с программами уровня драйвера (пул доступа к базе данных, дескриптор сервлета и т.п.). Например, известный и обширный стандарт Java EE разработки веб-приложений практически не слишком нужен, если определена формальная модель данных базы данных.

Поэтому можно посоветовать начать разработку прикладного программного обеспечения системы общения гипертекстом с определения конкретного способа, некоего виртуального канала связи пользователя со своей персональной базой данных. Нельзя сказать, что этот канал можно создать за несколько секунд, но зато у разработчика появится уверенность, что уже есть место хранения объектов гипертекста. Заодно сам разработчик сможет выделить собственную базу данных или базу прототипов объектов и методов схемы, которые могут использоваться конечными пользователями. Немаловажно, что фактическое подключение пользователя к нужной базе данных открывает путь для создания персонального веб-приложения в качестве подлинного приложения базы данных.

Таким образом, средства для качественного улучшения уровня информационной культуры будущего поколения имеются уже сейчас, только необходимо грамотно реализовать имеющиеся идеи о природе и предназначении гипертекста. Реализацию данной задачи необходимо осуществлять в самые краткие сроки в связи с необходимостью введения воспитательного института в сетевое пространство. Важно помнить о том, что культура человека будущего будет основываться в первую очередь на информационной культуре, которую может заложить персонифицированная гипертекстовая система.

Литература

1. Буч Г., Якобсон А., Рамбо Дж. UML. Классика CS. 2-е изд. / пер. с англ. под общ. ред. С. Орлова. СПб.: Питер, 2006. 736 с.
2. Дейкстра Э. Дисциплина программирования. М.: Мир, 1978. 275 с.
3. Дейт К. Введение в системы баз данных. 7-е изд. М.; СПб.: Вильямс, 2005. 657 с.
4. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
5. Субботин М.М. Теория и практика нелинейного письма (взгляд сквозь призму «грамматологии» Ж. Деррида) // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 36-45.
6. Bush V. As we may think // Atlantic Monthly. 1945. Vol. 176, № 1. P. 101-108.
7. Nelson T. Literary machines. Sausalito: Mindful Press, 1993.

КУЗЬМИНА ГАЛИНА ПАВЛОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (cusminagp@mail.ru).

KUZMINA GALINA PAVLOVNA – doctor of philosophical sciences, professor of Philosophy, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary.

БУЛАВКО АНДРЕЙ ЮЛИАНОВИЧ – IT-специалист, Россия, Москва (A.Boulavko@gmail.com).

BOULAVKO ANDREI YULIANOVICH – IT-specialist, Russia, Moscow.

СИДОРОВ ИВАН АНАТОЛЬЕВИЧ – аспирант кафедры философии, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (i_side@mail.ru).

SIDOROV IVAN ANATOLIEVICH – graduate student of Philosophy, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary.

УДК 113:[141.1+502.131.1]

Г.П. КУЗЬМИНА, О.Ю. ГЛУХОВА

**ВСЕЕДИНСТВО, ОРГАНИЦИЗМ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ
В СИСТЕМЕ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ**

Ключевые слова: всеединство, органицизм, устойчивое развитие, онтологический принцип, методологический принцип, онтологическое противоречие, социальный организм.

Рассмотрены реалии и перспективы обобщающего изучения бытия, на основании, главным образом, трех известных концепций недавнего прошлого и современности: философии всеединства, органицизма и концепции устойчивого развития. Концептуализируется терминологический и понятийный аппарат указанных представлений о бытии, и на этом основании проблематизируется возможность артикуляции онтологического и методологического принципа. Сделаны выводы об актуальном множестве артикуляций и, вместе с тем, конструктивном потенциале «всеединого» принципа.

G.P. KUZMINA, O.Yu. GLUKHOVA

**«VSEEDINSTVO», ORGANICISM AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT
IN THE UNIVERSAL WORLD-VIEW SYSTEM**

Key words: «vseedinstvo», organicism, sustainable development, ontological principle, methodological principle, ontological contradiction, social organism.

The authors touch upon the present state of generalized research into objective reality – and upon the future outlook for it – on the basis of three well-known concepts of the immediate past and present: the philosophy of «vseedinstvo», organicism, and the concept of sustainable development. The conceptualization of the terminological and notational apparatus of the given world view units, which poses a problem to the possibility of articulating an ontological and methodological principle. The conclusions drawn concern an actual multiplicity of articulation as well as the constructive potential of the «vseedy» principle.

Обращение к идеям всеединства, органицизма и устойчивого развития обуславливается, прежде всего, их востребованностью. Представления о мире как едином организме, о социальном мире как части социоприродной системы, включенной в Космос, и многие другие интересуют сегодня не только ученых, философов, но и тех, кто далек от науки. Поднимаемые в связи с этими идеями вопросы затрагивают огромное множество аспектов, связанных с жизнедеятельностью отдельных людей и общества в целом. В частности, исключительно актуальными оказываются проблемы поиска естественных форм организации общественных отношений, выхода системы из беспорядка и хаоса за счет взаимодействия и кооперации.

История философии дает множество примеров создания универсалистских учений разного рода; можно даже сказать: философия самим своим существованием обязана стремлению пытливых умов к усмотрению в бытии наиболее общих, предельных оснований. В разное время мыслители всевозможных идейных и ценностных ориентаций воздвигали величественные сооружения своих представлений и проектов реальности, но ни один из этих планов так и не утвердился в качестве первоосновного. В чем причина существования подобного разброса мнений?

Как известно, еще Платон предостерегал в своих диалогах (особенно в «Пармениде») против попыток формулирования идеи единого: мысль о едином уже есть множественное. Тем не менее некий когнитивный императив непрестанно подталкивает теоретиков и философов к построению интегративных концепций и фундированных ими методологий. Не обращаясь в данной статье к гносеологическим предпосылкам подобных изысканий, сосредоточим внимание на некоторых реалиях и перспективах такого обобщающего изучения бытия. В поле нашего зрения будут находиться, в основном, три известные концепции недавнего прошлого и современности: философия всеединства, органицизм и концепция устойчивого развития.

Философы, казалось бы, давно уже должны были прийти к взаимному согласию хотя бы относительно сущности вопроса о всеобщем. Но как только дело доходит до конкретных исследовательских мероприятий, метафорическое выражение «сущность вопроса» парадоксальным образом актуализирует свою метафизическую семантику, и за пределы терминологических дискуссий речь не выходит. Памятуя о наставлении Л. Витгенштейна о том, что «значение слова есть способ его употребления» [2. С. 331], постараемся обойти терминологические камни преткновения, используя возможно более абстрактную лексику. Такая лексика должна обладать потенциалом полисемантической (но не двусмысленности!), многозначности.

Будучи столь различными, на первый взгляд, по идейным истокам, философия всеединства В.С. Соловьева, органицизм и концепция устойчивого развития, в сущности, хорошо согласуются друг с другом в аспекте методологических выводов. Прежде всего, отметим, что религиозная философия В.С. Соловьева отнюдь не сводится к догматическому богословию; многие положения соловьевского учения попросту не вписываются в традиционный теологический контекст. Бог-Отец у философа предстает как сложное сущее, несводимое по отдельности к идее либо к материи. Только единство двух аспектов сущего наделяет его онтологическим статусом божественности. «Осуществляющий в себе, – согласно философу, – или носящий это единство Христос, как цельный божественный организм – универсальный и индивидуальный вместе, – есть и Логос, и София» [6. С. 139]. Другими словами, это одновременно идея, преобразующая материю, или творящее Слово, Бог-Сын – и материя, преобразованная идеей, мировая душа, Дух Святой (кстати, на иврите «Дух Святой» – женского рода). Не сводится философия В.С. Соловьева и к систематизации предшествующих онтологических изысканий. Традиционно противопоставляемые в онтологии у В.С. Соловьева идея и материя, напротив, взаимно дополняют друг друга, образуя «всечеловеческий организм» [6. С. 149]. Из этого следует, как минимум, два вывода: во-первых, мыслитель использовал термин «организм» не в традиционном антропоморфическом значении, но в расширительном, актуализирующем только лишь семантику единства и целостности, и, во-вторых, для конституирования этого единства необходимо наличие одновременно двух уникальных, но взаимообусловленных феноменов – материальности и идеальности.

Что касается первого вывода, о расширенном понимании «организма», – в этом плане несомненно продуктивным для философского знания станет рассмотрение соотносительности воззрений В.С. Соловьева и философов-органиков. Уже одно то, что термин «организм» использовался одинаково успешно мыслителями, стоящими на таких далеких друг от друга идейных позициях, как «религиозный мистицизм» и «биологический позитивизм», заставляет задуматься об истинной научно-философской ценности данного термина. И В.С. Соловьев, и органики употребляли слово «организм» для обозначения некоторого потенциального состояния общества, пребывающего в единстве и целостности. Тем не менее метафизика и диалектика в качестве несоединимых идейных позиций фактически вынуждали различные лагеря исследователей от этого самого единства отказываться в пользу той или иной методологии. К слову сказать, конкретно-методологические распри могли иметь место и среди представителей близких теоретических и философских убеждений, вспомнить хотя бы известные споры В.С. Соловьева и Ф.М. Достоевского. Строго говоря, тот факт, что «органики выражают точку зрения, согласно которой общество – продолжение природы, лишь более совершенное», и что «законы его развития и функционирования они связывают с законами эволюционного развития всей планеты, Космоса в целом» [5. С. 96], позволяет говорить о метафизической компоненте органицистских взглядов, благодаря наличию которой создается возможность установить не одностороннюю когнитивную связь между метафизи-

кой и диалектикой (концептуально-методологическую либо методологически-концептуальную) – подобно тому, как это делается в гегельянской и марксистской традициях, – но связь взаимную и всеобщую. Так же и у В.С. Соловьева: утверждаемое онтологическое равноправие идеи и материи должно будет оказать идейное влияние на последователей философа таким образом, что христианский мистицизм его учения будет обогащаться более глубоким, чем тот, что имеет место в работах философа, позитивизмом – тем более что за столетие с небольшим после эпохи В.С. Соловьева естественная наука сделала заметный шаг вперед.

В плане единства концепции и методологии должна будет иметь место (здесь, на наш взгляд, более всего подойдет один из терминов синергетики – и не удивительно: синергетика генетически связана, через общую теорию систем и кибернетику, с органическими теориями, собственно органицизмом) некоторая «нелинейность» творческого мышления философов и ученых. Примат целого перед частью, равно как и примат части перед целым, не могут быть онтологически безусловными, когда встает вопрос о перспективе возникновения «организма»; часть и целое – логически несоотносимые понятия, ибо предполагают материальность и идеальность. Как тонко подметил В.С. Соловьев, последовательно диалектическая или же последовательно метафизическая логика одинаково разрушают представление о Боге как об универсальном организме, Божество «или сливается с этим миром, с этой природой – этот мир, эта природа признаются прямым непосредственным содержанием Божества, мы переходим в натуралистический пантеизм... или же, и это более последовательно, Божество, как пустой абстракт, просто отвергается, и сознание является откровенно атеистическим» [6. С. 140]. Признавая необходимость всеединства – не только единства всех, но и единства всего, В.С. Соловьев с его творческо-исследовательским методом, как, впрочем, и вся русская философия его времени, вызывает представление о некотором «импульсе отдачи» в философии, направленном на реабилитацию несправедливо недооцениваемых религиозных понятий и терминов; органицизм, в свою очередь, может быть охарактеризован в аспекте представлений о закономерном крене в сторону естественнаучного концептуального аппарата. Именно эти выводы побуждают поставить вопрос не только об «организме» общества, но и о «всеединстве» научно-философского сообщества (а в перспективе и о «всеединстве» с приверженцами иных форм культуры, искусства например). Такая формулировка вопроса неизбежно ведет к не новой для философии проблеме поисков единого принципа, онтологического и методологического.

Конечно, само «всеединство», в не меньшей степени и «органицизм», могут быть концептуализированы в качестве всеобщих, универсальных принципов онтологического единства. Это логически оправдано: понятийная объемность и терминологическая семантика целостности являются существенными условиями формулировки понятия принципа. Однако далее в статье преимущественное внимание мы сосредоточим еще на одной альтернативе возможной артикуляции принципиальных представлений. Для этого обратимся ко второму нашему выводу о перспективах «философии всеединства» – тому, который касается взаимоотношенности материального и идеального.

Если единство мира с необходимостью предполагает существование некоего фундаментального противоречия [1. С. 132], то таковое вполне оправданно может быть представлено категориальной парой «материя – идея», предъявляющей, действительно, предельно абстрактные понятия. Однако чем объяснить столь широкий разброс этих предлагаемых «предельных» противоречий в философии (для примера, от «любви» и «вражды» у Эмпедокла до «равновесия» и «динамики» в синергетике)? Ответ на этот вопрос может быть усмотрен у самого В.С. Соловьева: для обозначения одного и того же принципа им предлагается, в зависимости от предметной области и, соответственно, от контекста, ряд сущностно тож-

дественных категориальных пар (например, «Логос – София», «Бог-Сын – Дух Святой») – так же, впрочем, как и для обозначения производимого ими единства («Христос», «организм»). И в этой связи перед нами встает новый вопрос: а существует ли принципиальная возможность артикуляции понятий, отражающих феномены, конституирующие «всеединство», а также возможность артикуляции самого «всеединого» принципа? Вопрос предполагает ответ: такая потенциальная возможность актуально воплощается в неограниченное множество артикуляций, и только через их перманентное аккумуляирование в историческом и культурном опыте возможно бесконечно приближаться к постижению истины.

В связи с взаимосвязанными противоречиями в основании философии всеединства возникает вопрос о привлечении к нашей работе другой упомянутой, широко известной в настоящее время системы взглядов – концепции устойчивого развития. Возникнув как эколого-социально-экономическая идея, данная концепция, в силу положенного в ее основу «органического» (субъектно-предикатного) единства противоречащих друг другу понятий устойчивости и развития, вскоре развернулась, по сути, в очередную претензию на роль онтологического принципа единства мира [3, 4]. Несмотря на то, что многие источники заостряют внимание на поливариантности возможного перевода английского выражения «sustainable development» [напр., 7], такие варианты перевода, как, допустим, «длительное пользование» или «долговременное» развитие, оказываются фактической профанацией идеи. В самом деле: производящий английский глагол «sustain» несет в себе семантическую компоненту сохранения в пространстве, тогда как приведенные переводы актуализируют лишь временную компоненту значения. Поэтому закрепившийся русский вариант «устойчивое развитие» является все же наиболее приемлемым для обозначения возможного пространственно-временного принципа какого-либо рода объединения [4]. Другая проблема – насколько онтологически и методологически оправданным может быть «органическое единство», «всеединство», созидаемое на принципе «устойчивого развития».

Выводы, вытекающие из взаимосвязанного рассмотрения философии всеединства, органицизма и устойчивого развития, впечатляют смелостью и простотой ответов на вопросы о единстве бытия. Поскольку «многие философы и ученые проводят водораздел между пространством и временем по линии «сохранение – изменение», считают пространство «ответственным» за устойчивость существования объектов, а время – за их изменяемость, изменчивость» [1. С. 33-34], а значит, и за их развитие, для существования «организма», единства, пространство и время должны соотноситься между собой так же, как устойчивость и развитие в «устойчивом развитии» – иными словами, должно быть «*пространственное время*». В свою очередь, предполагаемое обратное соотношение говорит само за себя: «*временное пространство*» семантически неотлично от «*временного пространства*», т.е. от пространства недолговечного, от быстро распадающегося «всеединства». У В.С. Соловьева преобразующая «идея», квалифицируясь как субъект, логически соотносится с субъектом «времени», тогда как «материя» – с предикатом «пространства»; вот почему «всеединый организм», по справедливому замечанию философа, может существовать лишь при условии воздействия творящего Слова на мировую душу, но не наоборот.

И все же множественность возможных «точек приложения» сделанных выводов в конечном счете заставляет отказаться от какого-либо окончательного именования как описываемых «действующих сил», так и результата их действия («организма», «всеединства» и т.д.) И, тем не менее, приведенные рассуждения позволяют подвести некоторые обнадеживающие итоги: сам проект всеобщего единства, основанного на рационально постигаемых началах, при ближайшем рассмотрении оказывается все-таки не столь утопичным, как это может показаться в первом приближении, а возможная применимость к различным пред-

метным областям (в особенности, к социуму как предтече соловьевского богочеловечества) открывает перед философией и теоретической наукой широкие просторы для терминологического воплощения озвученных представлений.

Литература

1. *Балашов Л.Е.* Мир глазами философа (категориальная картина мира). М.: Academia, 1997. 293 с.
2. *Витгенштейн Л.* О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 323-405.
3. *Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е.* Система природа – общество – человек: устойчивое развитие. М.; Дубна: Ноосфера, 2000. 390 с.
4. *Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е.* Устойчивое развитие: универсальный принцип синтеза естественных, технических и социальных знаний // Вестн. Рос. акад. естеств. наук. 2010. № 3. С. 3-9.
5. *Кузьмина Г.П.* Органическое направление в русской социальной философии. Чебоксары: Изд-во Чуваш. гос. пед. ун-та, 1998. 212 с.
6. *Соловьев В.С.* Чтения о богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров...»; Краткая повесть об Антихристе. СПб.: Худож. лит., 1994. 528 с.
7. Устойчивое развитие [Электронный ресурс] // Википедия: сайт. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Устойчивое_развитие (дата обращения: 01.02.2012).

КУЗЬМИНА ГАЛИНА ПАВЛОВНА. См. с. 151.

ГЛУХОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА – аспирантка кафедры философии, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (o-glow@yandex.ru).

GLUKHOVA OLGA YURYEVNA – graduate student of Philosophy, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary.

УДК 001.1:130.122

Ю.П. КУЛЬКОВ

КАТЕГОРИЯ «ВЕРА» В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Ключевые слова: субъект теоретического освоения природы, духовное производство научных знаний, социокультурная организация природы, мировоззренческая информация, психологическая установка на достижение достоверности познания, научная вера.

Дан анализ различных подходов к истолкованию веры. Обоснована ущербность сведения веры к фантастически-религиозному ее пониманию. Приведены трактовки веры в версиях зарубежных исследователей методологии науки: Б. Рассела – как произвольно трактуемой характеристики субъекта в возможность достижения правдоподобного знания; Г. Маргенау – как движущего фактора в конструировании приемлемой теории; Ч. Пирса – как преодоления сомнения для успеха в познании. Автором предложена интерпретация веры как результата самоопределения естествоиспытателя в сфере социокультурной организации природы с ее производной – организацией мыслительного процесса, неотъемлемым элементом которой становится научная вера.

Yu.P. KULKOV

THE CATEGORY OF «BELIEF» IN NATURAL-SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Key words: subject of theoretical nature's knowledge, soulistic knowledge, sociocultural organization of nature, world-view's information, psychological mind for knowledge, scientific belief.

The present article is devoted to the analysis of different approaches for the integration of scientific belief. For this purpose, we have proven the untruthfulness of the presentation of belief as a fantastic-religious understanding. Foreign researchers have presented interpretations of belief: B. Russel – as an arbitrary perceived characteristic of the subject under the possibility of achieving credible knowledge; H. Margenau – as a moving factor in the construction of an acceptable theory; C.S. Pierce – as overcoming doubtfulness to achieve knowledge. The author of the present article proposes the interpretation of scientific belief as the result of naturalistic self-definition in the sphere of the sociocultural organization of nature. Scientific faith is an integral element of this thought process's derivation and organization.

Мыслительный процесс в освоении природы исходит из подготовки человека к этой деятельности. Обретение им качества субъекта теоретического производства знаний – необходимое условие формирования естествоиспытателя. Как

носитель исходного начала производства знаний естествоиспытатель подобного качества нами характеризуется как основание научного познания.

Главной характеристикой любого человека является его мировоззрение. Соответственно, для естествоиспытателя, обретшего качество субъекта теоретического мышления, его мировоззрение функционирует в производстве знаний как специфика своего содержания. Закономерно, что качество этого содержания различно для специалистов различных отраслей и направлений научного освоения природы. Сие представлено как исторически обусловленным состоянием освоения природы, так и различием содержаний онтологии исследуемой природы.

Познание субъективно управляется социальной установкой на достижение достоверного знания. Исходной позицией этого процесса является установление соответствия содержания самосознания естествоиспытателя исследуемой природной реальности.

Результат этого соответствия представлен в мыслительном процессе ступенью внутренней психической саморегуляции в качестве уровня активности, способствующей достижению цели – знания. Перманентная активность детерминирована востребованной неудовлетворенностью достижения должного знания в качестве модели необходимого будущего знания и реальным достигнутым знанием. Необходимостью выработки эффективного механизма саморегуляции самосознания естествоиспытателя в качестве познающего субъекта или субъекта теоретического освоения естественной природы, способствующего адекватному опережающему ее отражению, востребована вера в качестве категории, управляющей эволюцией процесса познания.

Сложным процессом формирования содержания духовного мира человека в целом и веры в частности предопределяется необходимость исследования многовариантного содержания категории «вера». Для выделения ее специфики в научном познании, как в особой сфере социальной деятельности, мы намерены обосновать функционирование веры в мыслительном процессе в качестве духовного инструмента целеполагания – достижения знания о сущности природных процессов и явлений.

В течение длительного периода бытия человеческой цивилизации содержание категории «вера» облекалась в религиозно-фантастическую форму бытия бога. Подобное воззрение представлено даже в философском энциклопедическом словаре: в ней вера трактуется, во-первых, как мировоззренческая позиция и психологическая установка некоторых религиозных догматов о бытии и природе божества и решимость придерживаться этих догматов вопреки всем сомнениям и, во-вторых, как личное доверие к Богу как устройщику жизни верующего и, в-третьих, личная верность Богу, на служению которому верующий отдает себя [2. С. 77-78].

В нашем понимании, подобная фантастически-религиозная трактовка веры фактически означает сведение духовной по своей сущности психической деятельности лишь к религиозно-фантастической ее разновидности. Существенно, что наше критическое суждение приведенного истолкования веры находит подтверждение в концепции веры в отечественных и зарубежных исследованиях этого духовного феномена. Известный британский исследователь проблем науки и научного познания Б. Рассел рассматривает рациональную веру как произвольно трактуемую характеристику субъекта в возможность достижения правдоподобного знания в условиях неопределенности познавательной деятельности [1]. Г. Маргенау трактует веру в качестве движущего фактора в конструировании приемлемой теории [4]. В этих утверждениях представлены неореалистическая и неопозитивистская разновидности философской позиции в понимании веры.

Существенно иной идейной установкой характеризуется трактовка веры, данная выдающимся американским логиком, математиком и философом нау-

ки Ч. Пирсом. Являясь основоположником прагматизма в научном познании, он выдвигает субъективно-идеалистическую концепцию в обосновании веры [5. Р. 380-432]. Выбор некоторого типа мыслительного действия, по Ч. Пирсу, означает выработку веры, устойчивость которой преодолением сомнения обеспечивает успех в познании. Им предложены четыре способа преодоления сомнения, содействующие достижению успеха: 1) метод слепого упорства, которым субъект упрямо придерживается веры, несмотря на ее несоответствие практической деятельности; 2) метод авторитета, рассматриваемого им в качестве метода, обеспечивающего функционирование веры содействием такой могущественной организации, как государство, церковь; 3) априорный метод, характеризующийся навязыванием веры путем согласования с разумом, чем и выражены метафизика; 4) метод науки, источником которого становятся экспериментальные исследования, подтверждающие устойчивость веры.

Являясь приверженцем субъективно-идеалистической философии И. Канта, Ч. Пирс рассматривает познание как относительно самостоятельный процесс производства знаний, реализующийся решением проблемы выбора из предшествующей системы знания, чем обеспечиваются успех и эволюционный рост науки.

Начало познания представлено Ч. Пирсом хаосом неперсонифицированных взаимосвязанных чувств в качестве зародыша генерализируемой тенденции. Перерастанием в неосознаваемый обычай преодоления сомнения предопределяется выработка регулирующих процесс осмысления объектов правил, стержневой и объединяющей характеристикой которых и становится вера. Самосовершенствованием стержневой позиции познавательного процесса обеспечивается фиксация вера, что и означает придание ей статуса рациональности.

Провозгласив субъективно-идеалистическую концепцию достижимости успеха в познании в качестве критерия успеха в мыслительном процессе, Ч. Пирс непоследователен в мировоззренческом аспекте этого процесса. Об этом следует судить по его утверждению, что любой результат осмысления как знак (Ч. Пирс – один из основоположников семиотики. – Ю.К.) исходит из веры, сводимой к привычке, детерминированной постоянством внешней среды (external permanency), представленным шифром объектов. Необходимым условием задерживания веры становится процедура ее фиксации, что характеризует формирование исследователя как мыслящего субъекта: «Наши веры руководят нашими желаниями и дают толчок нашим действиям» [6. Р. 98].

Его утверждение о необходимости постоянства внешней среды характеризует непоследовательность в проведении Ч. Пирсом философской линии, смешении выбранной им субъективно-идеалистической линии с материализмом. Его конструкция мысли, выраженная суждением, что фиксация веры, содержащая такие черты, как определенность ценностного отношения, компетентность, априорность метода, освобождение от предрассудков, догм и несоответствующей метафизики, выработка соответствующей логики научного осмысления, неосуществима без постоянства внешней среды (external permanency). Фактически сие означает девальвацию идей реализации логики осмысления путем сведения познания к сигнификативной системе, функционирование которой происходит через определенность некоторого «звена», функционирующего в качестве части, составляющей целостности всей конструкции.

В учении Ч. Пирса, названного им в конце жизни «прагматизмом» (которым подчеркнуто отличие его учения от прагматизма У. Джемса) выделены ступени развития логической мысли, названных стадиями мышления. Он придал им такие характеристики, как устойчивость верования, определенность применяемых идей и специфика научного метода. Этим признакам он отвел регулятивную функцию познания, представленную законом регулярности восприятий и истинным выво-

дом, означающим достижения цели в процессе реализации шанса познания. Критерием стадии мышления, по Ч. Пирсу, становятся непротиворечивость мышления в целом и наличие противоречий лишь исследовательского плана. Соответственно, возникновение неразрешимых противоречий характеризует тенденцию к выявлению новой стадии мышления в прогрессивной цепи логической мысли. Последовательное нарастание противоречий приводит процесс мышления к роковому пределу, разрешением которого становится переход к другой стадии.

В вышеизложенном критерии нами была подчеркнута непоследовательность Ч. Пирса в провозглашенной им приверженности философской линии субъективного идеализма. Этим, однако, не ограничены недостатки его учения. Так, Ч. Пирс не смог избежать и логических противоречий в изложении своего учения. Таковым является сведение результата логического осмысления процесса познания к психологическому феномену устойчивости верования мыслительного процесса, представленного, по версии Ч. Пирса, формализацией.

Основной же недостаток учения Ч. Пирса – в реализации производства информации в познании исключительно в плане логического следования с игнорированием содержательного анализа этого процесса. Фиксацией веры, характеризующей Ч. Пирсом как привычки мыслить определенным образом, им неявно признается существование основоположений мыслительного процесса. В нашем истолковании, в таком суждении Ч. Пирса заложены установки о характере содержания и структуры исследуемой природной действительности. Без выделения таких основоположений неосуществимо обоснование стадий мышления. Закономерно, что учение Ч. Пирса о познании природы отличается абстрактным представлением о логике научного познания.

В нашем, конкретно-историческом, воззрении на процесс научного освоения природы мы намерены выявить предпосылки формирования стадий мышления как необходимого условия достижения истины в отражении природной реальности. По нашему мнению, последовательность стадий мышления, представленных Ч. Пирсом, невозможна без придания хаотической по своей сущности естественной природе организации. Подобная трансформация – характеристика и следствие развития культуры человеческого общества. Выделенная организация характеризуется не абстрагированием частных свойств в процессе практического воздействия на природу. Она обусловлена такой ступенью развития культуры, следствием которой детерминировано абстрагирование всего отношения «человек – естественная природа», презентацией которого становится тип ее идеализированного представления. Являясь историческим достижением культуры человеческого общества, подобное абстрагирование являет собой характеристику ступени социокультурной организации природы.

В истории развития культуры человеческого общества социокультурная организация природы стала предпосылкой революционного изменения процесса освоения природы. Такое изменение персонифицировано гениальной по своей сущности деятельностью Г. Галилея. Именно Г. Галилей своим учением подверг критике концепцию Аристотеля о познании, утверждавшего, что в познании следует исходить из реальности внешнего мира и что задача науки состоит в открытии необходимого в природе, представляемого общими понятиями.

Выделенная из естественной природы абстракция отношения «человек–природа» социокультурная реальность и явилась механистической реальностью – той исходной основой формирования теоретического освоения естественной природы. Результатом выделения организованной природной реальности детерминируется самоорганизация субъекта в форме его самоопределения для теоретической исследовательской деятельности в сфере выделенной социокультурной реальности. Исходной основой подобной мыслительной деятельности становится формирование мировоззренческой уста-

новки с предельно общим знанием исследуемой реальности, трактуемой нами в качестве мировоззренческой информации.

Исходным началом и предпосылкой самоопределения субъекта в сфере исследуемой реальности является формирование определенности нейротрежательной организации мозга. Многократным воздействием внешних стимулов, отражающих определенность материально-предметных действий субъекта в сфере организованной природной реальности, происходит формирование информационных макромолекул в мозге – носителей информации о характере деятельности субъекта.

Исторически первой формой самоопределения субъекта в сфере выделенной механической реальности явилось становление познающего субъекта с механической структурой нейротрежательной системы. Сформировавшиеся нейродинамические структуры предстали носителями информации об общей характеристике организации механической реальности. Подобные нейродинамические комплексы обретают способность извлечения и переработки поступающей из естественной природы частной информации, соответствующей характеру общей информации, представленной структурой сформированных комплексов.

Исследованиями в области механизмов памяти установлено, что организованными нейродинамическими комплексами обусловлено извлечение регулярностей из естественной природы. Мозгом сортируются, выявляются регулярности, закономерности естественной природы. В установившихся помехоустойчивых нейронных комплексах – основа стабильности мировоззренческих установок исследователей природы.

Их интроспективной проекцией, каковой становится мыслительная деятельность, обеспечиваются селекция, отбор эмпирического материала в целях последующего исследования. Функционируя сообразно исторически выделенной из естественной природы социокультурной реальности, (например, сообразно первой в истории освоения природы механической реальности), структурное мыслительное образование несет в себе программу научно-теоретической деятельности, оказывая воздействие на постановку и решение научных проблем. Сформированная программа, способствуя успеху в конструировании теоретических форм знания, исходит из мировоззренческой установки. Мировоззренческая установка представлена в познании провоцирующей успех теоретического производства знаний верой.

В истории развития философской мысли понятие веры, насколько нам известно, было подвергнуто процедуре истолкования Д. Юмом: «Вера – способ представления идей» [3. С. 53]. Вера означает выработку ценности содержания мировоззренческой установки. Вера характеризует модальность выявления не столько содержания мировоззренческого знания, сколько его направляющую, деонтическую, нравственно-психологическую сторону производства знаний. Такой характеристикой мы подчеркиваем особую функцию мировоззренческой информации, способствующую выделению информационного поля, в котором вера выступает направляющим фактором на достижения достоверности теоретической конструкции в исследовании природы. Целенаправленное регулирование и управление процессом познания со стороны естествоиспытателя, обретшего качество познающего субъекта, возможны лишь в том случае, если мировоззренческое содержание его мысли не ограничивается дескриптивной функцией наполнения рассудка содержанием вербализации, но и непременно включает в себя и определенность ценностных установок, а также направленность его психологической установки на достижение достоверности знания, характеризуемой нами как рациональная вера в теоретическом освоении природы.

Литература

1. Рассел Б. Человеческое познание. М.: Изд-во иностр. лит., 1957.
2. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983.
3. Юм Д. Исследование о человеческом познании // Соч. М.: Мысль, 1966. Т.2. С. 53.
4. Margenau N. The Nature of Physical Reality. N.Y.; Toronto; L., 1950.
5. Peirce Ch.S. Letters to Lady Welby // Values in a universe of chance. N.Y., 1958. P. 380-432.
6. Peirce Ch.S. Pragmaticism: a Philosophy of Science // Peirce Ch.S. Values in a Universe of Chance. N.Y., 1958. P. 98.

КУЛЬКОВ ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (oper@chuvsu.ru).

KULKOV YURIY PETROVICH – doctor of philosophical sciences, professor of Philosophy and Methodology Science, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 165:001

Ю.П. КУЛЬКОВ

ПОЗНАНИЕ ПРИРОДЫ КАК ИНФОРМАЦИОГЕНЕЗ

Ключевые слова: информация, информациогенез, познание природы, самоорганизация, субъект теоретического освоения природы, социокультурная организация природы.

Статья посвящена исследованию процесса освоения природы в виде движения информации, её восприятия естествоиспытателем, последующего преобразования самим естествоиспытателем как самоорганизующейся системой, конечным результатом которого становятся достигнутые знания.

Yu.P. KULKOV

KNOWLEDGE OF NATURE AS INFORMATIOGENES

Key words: information, informatiogenes, nature knowledge, self-organization, subject of the theoretical nature knowledge, socio-cultural organization of nature.

The present article is devoted to the investigation of the scientific process of gaining knowledge of nature as an informative movement. This process includes the perception of information from nature and its transformation by man as a self-organized system, the final result of which is gained knowledge. Cognition is considered as interaction of an investigator with nature. Information is transferred from a syntactic to a semantic and to a pragmatic form as a process for using this information in life.

Познание представляет собой высшую, социальную форму отражения действительности. Информационная его сущность включает в себя восприятие информации из природы естествоиспытателем, ее преобразование человеком как самоорганизующейся системой, конечным результатом чего становится достигнутое знание, используемое для решения проблем жизнеобеспечения.

В нашей работе внимание сконцентрировано на исследовании философских вопросов информационного процесса, происходящего в субъект-объектных отношениях как движения информации от ее восприятия из природы, ее переработки и выдачи субъектом в качестве научного знания.

Упрощенный подход и решение этого вопроса был представлен в середине XX в. идеей «парадигмы физикализма». В этой идее фактически абсолютизирована редукция любых материальных и психических явлений к физическим процессам. Философское направление, в котором представлена подобная мысль, получило наименование научного материализма. Эта концепция подвергнута критике со стороны отечественных мыслителей за натуралистический подход, игнорирование диалектики природных процессов [3, 10]. Одни из них (например, Л. Витгенштейн) критикуют концепцию научного материализма за её логические противоречия, например в плане соотношения эмпирического и теоретического в научном познании [13]. Философы гуманисти-

ческой ориентации, приверженцы сциентизма критикуют физикализм научного материализма за монистичность и ненаучность (К. Поппер, Б. Рассел и др.). Научный материализм подвержен критике за то, что сводит физиологическое (биологическое) к физическому его объяснению.

Выводы из критического анализа подобных суждений имеют существенную ценность для обоснования познания природы как присущего исключительно человеку, социальная природа которого существенно отличается своей самоорганизацией от биологической.

В биологической форме отражения информационный процесс реализуется сложным процессом взаимодействия биологической особи как элемента биологической реальности с внешней естественной природой. Форма биологического объекта становится способом его существования путем активного преобразования содержания этого объекта в процессе взаимодействия с окружающей средой. Активным извлечением информации из внешней среды, ее преобразованием, выделением и отбором нужной информации поддерживается жизнеобеспечение биологической особи. Совершенно иное положение складывается в случае познавательной деятельности исследователя природы. Познание является социальным процессом и детерминирован социальной организацией человека в качестве исследователя природы. Иначе говоря, информация, необходимая для дешифровки информации не функционирует изначально автоматически от рождения человека. Самоорганизующаяся система для процесса познания формируется в определенных социально-исторических условиях жизнедеятельности человека.

Это особое качество субъекта, обретшего способность производства истинных знаний в истории философской мысли, зафиксировано впервые И. Кантом в его «Критике чистого разума» и именовано трансцендентальным субъектом: «Я называю трансцендентальным всякое познание, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*» [8. С. 121]. Познание, исходящее из деятельности трансцендентального субъекта, И. Кант характеризует как чистое познание, ибо оно не зависит от опытного или эмпирического способа познания. Это не означает, что И. Кант полностью отвергает опыт в познании. Опыт он характеризует как исходное начало познания. Творческая активность сознания, представленная И. Кантом формально в виде последовательности априорных синтетических суждений, получает научное обоснование лишь с позиций философии К. Маркса.

В нашем исследовании, познание природы в информационной его трактовке включает в себя две составляющие: информационный процесс в рамках функционирования самоорганизующейся системы и процесс, протекающий в качестве управления. Как утверждает Д.И. Дубровский, «если информационный процесс совершается пространственно в рамках самоорганизующейся системы, то процесс управления – в рамках более широкой системы, состоящей из самоорганизующейся системы и «подключенных» ею к себе внешних объектов, используемых для ее целей» [7. С. 105].

Главной характеристикой человека как некоторого социума во взаимодействии с окружающей средой является мировоззрение. Формированием мировоззрения в процессе взаимодействия с окружающей действительностью детерминировано обретение им соответствующего познанию социального качества. Для исследовательской деятельности в сфере природы необходимо формирование человека в качестве субъекта теоретического ее освоения. Историческое формирование подобного субъекта означало начало особого бытия познания природы, именуемого теоретическим естествознанием.

Информациогенез как реализация процесса познания исходит из его мировоззренческой детерминации: «Мировоззрение в его гносеологическом аспекте должно рассматриваться как определяющий компонент предпосылочно-го знания и может быть адекватно понято в его функциях и содержании именно в этом контексте» [9. С. 158].

В западной философской мысли роль места мировоззрения была представлена критикой позитивизма, инициированная К.Р. Поппером в концепции «предположительного знания» [14]. В «Бостонских исследованиях по философии науки» философско-мировоззренческое обоснование научного познания было дано в трудах М. Вартофского, Р. Козна, Л. Лаудана [5]. М. Вартофский в своих суждениях оказался ограниченным формальными суждениями о связи философии с научно-теоретическими структурами. Л. Лаудан пришел к выводу, что концептуальные проблемы порождаются прежде всего противоречиями мировоззренческого характера. Он утверждает, что отсутствие консенсуса среди естествоиспытателей вызвано различием или радикальной несоизмеримостью парадигм, которыми они руководствуются, что приводит к различию методологических стандартов и к неидентичности познавательных ценностей [12. Р. 14]. В «сетевой модели научной рациональности» им обоснована необходимость соответствия между такими компонентами познавательного процесса, как факты, методологические правила, аксиологический уровень познания. Им выделен примат аксиологического уровня, подчеркнута первичность целей и ценностей. Ведущей ролью целей и ценностей в познавательном процессе Л. Лаудан подчеркивает их мировоззренческую природу: «если методология исследователей неудовлетворительна в отношении онтологии, если методология не способствует достижению познавательной цели, то все исходит из такого компонента, как мировоззрение» [12. Р. 14].

В нашем подходе рационально-конструктивная функция мировоззренческого знания проявляется в организации научных форм знания как на теоретической, так и на эмпирической ступенях освоения природы. Тем самым мы намерены обосновать информационно-организующую функцию такого знания. Предельно общим знанием естественной природы информационно организуется тотальное воздействие как на процесс познания, так и на специфику произведенных частных теоретических и эмпирических знаний. Этим качеством мировоззренческая информация выполняет функцию организующего параметра самоорганизующейся системы.

Реализация подобной функции – следствие определенной ступени развития культуры человечества, способствующей формированию подобной мировоззренческой информации. Это положение исходит из утверждения К. Маркса, что мир дан человеку в формах практики. А именно, в зависимости от воздействия социальной энергии познание природы следует подразделить на этап эмпирического освоения природы, дотеоретический этап и этап подлинной науки.

Первый этап специфичен формами практики, представленными частными абстракциями в виде частных свойств исследуемых природных объектов. На этом этапе человек в состоянии обрести лишь предметное осмысление частных свойств объектов. Следующий этап связан не с абстрагированием частного свойства природы, а с абстрагированием всего отношения «человек–природа». Энергия социального воздействия на природу становится достаточной для конструирования искусственно организованной из естественной природы социально оформленной природы. Исторической датой такого подхода можно считать 1632 год – год выхода книги Г. Галилея «Диалог о двух системах мира», ибо в ней Г. Галилеем выделены принципы механического движения. Иначе говоря, в этой книге впервые была выделена механическая

реальность. Наличием структурированности такая реальность характеризуется присутствием в ней информации в синтаксической ее разновидности.

Соответственно в сущностно новое состояние переходит процесс освоения природы, характеризуемый научно-теоретическим этапом. Этот этап характеризуется формированием социально-познавательного личностного параметра для производства знания природы. Реализацией такого состояния становится результат абстрагирования не частных свойств природы, а предельного отношения «человек–природа».

Формирование субъекта теоретического осмысления природы – следствие материально-предметной деятельности в сфере социально-организованного, «структурированного», «информированного» мира. В процессе деятельности с предметными структурами практики выделенной природы в мозгу естествоиспытателя вырабатываются мыслительные структуры, во взаимосвязи которых устанавливается соответствующая структуре выделенной природы мировоззренческая структура, в которой своеобразно воспроизведена структура самой социально-организованной природы. Тем самым, в сформированных мыслительных гештальтах в качестве проекции нейрофизиологической организации мозга оказывается представленной информация в форме природосообразной схемы ее видения и осмысления.

Благодаря этой информации прежнее аморфное, бесконечномерное мышление преобразуется в оформленный, замкнутый процесс, из чего исходят его определенность, системность, потенциальная ограниченность. Объективацией природосообразного сформированного духовного «мира» естествоиспытателя реализуется предельно общая модель исследуемой природы, именуемая научной картиной мира. Научная картина мира – предельно общая характеристика духовного представления исследуемой природы, её информационный конструкт, мировоззренческий информационный концепт. Ею задается пространство мыслительной деятельности субъекта, представленное в познании формой производимых знаний. В обретении естествоиспытателем ограниченного предела этого пространства содержания самосознания с соответствующим научно-теоретическим «портретом» выражается его самоопределение для относительно самостоятельного духовного производства знаний. Самоопределение, сообразное бытию исследуемой природы, функционирует самоидентификацией с ней.

Благодаря мировоззренческой информации, управляющей мыслительной деятельностью, субъектом извлекаются из естественной природы не любые, а лишь соответствующие этой информации знания. Рецепция знаний естественной природы – результат функционирования системной организации «субъект – научная картина мира», взаимодействующей с естественной природой в качестве самоорганизующейся открытой системы. Познание представляет как процесс восприятия этой системной организацией информации из естественной природы – синтаксический аспект; ее преобразования мышлением – семантический аспект; использования этой информации в целях теоретического производства научных знаний природы – прагматический аспект.

Мировоззренческая информация выполняет функцию организующего параметра системной целостности «субъект – научная картина мира». Тотальным воздействием на все элементы этой системы (как макроскопических – например, субъект, так и микроскопических – например, нейрон мозговой организации) эта обобщенная информация выполняет функцию управления синергетическим процессом системной целостности. В открытости, нелинейности, неравновесности процесса взаимодействия с естественной природой выражена самоорганизующаяся сущность рассматриваемой системы.

Обретением определенности мировоззрения сознание естествоиспытателя в своем функционировании исходит из предельно общего знания структурной организации наличной природы, которая выступает в исследовательском процессе как бы априорно в форме предзнания или предынформации. Из этой информации исходит способ мыслительной деятельности субъекта – дискурс. Творчество естествоиспытателя по производству частных знаний некоторой формы в виде дедуктивного мыслительного процесса движения от общего к частному неявно управляется мировоззренческой информацией. Заданием формы, производимым научным знанием, эта обобщённая информация об исследуемом природном процессе выполняет в познании функцию первой посылки для производства научных знаний.

История освоения природы в антропологически реконструированном её рассмотрении представляет собой эволюцию естествоиспытателя в качестве познающего субъекта. С позиций специфики применяемых предметных структур практики, качественно характеризующих степень их трансформации в социально-природное состояние, правомерно подразделение познания природы на дотеоретический и теоретический этапы.

Подлинно творческая сущность человека как активного существа по производству научных знаний выявляется лишь на теоретическом этапе. Г. Галилей в опубликованном в 1632 г. «Диалоге о двух системах мира» впервые выделил, абстрагировав отношение «человек – природа» и стал основоположником теоретического способа освоения природы. Механической реальностью, как первой в истории человечества социоприродной реальностью, задающей возможность формирования субъекта теоретического мышления, обозначен подвиг Г. Галилея в истории освоения природы. Формированием подобного естествоиспытателя с обретением им способа теоретического производства знания характеризуется интеллектуальный переворот в истории естествознания. Как показано Л.С. Выготским, такой переход характеризуется опосредованными знаками мыслительных действий [6].

Конструированием сигнификативных (знаковых) системных мыслительных построений реализуется теоретический способ мышления. В естественнонаучном познании теоретизация познания исходит из выделения репрезентанта естественной природы – социоприродной реальности. Структурированностью этой реальности представлено наличие в ней информации в синтаксическом аспекте. Деятельностью субъекта в сфере этой реальности осуществляется трансформация синтаксически представленной природной информации в семантическую. Обобщённостью характера этой информации, отражением отношения «субъект – социоприродная реальность» (искусственно созданный мир) обретается её мировоззренческая сущность. Иначе говоря, результат формирования естествоиспытателем качества субъекта теоретического познания представлен мировоззренческой информацией.

Субъект с этой информацией в качестве содержания его самосознания обретает качество трансцендентальности. Оно представлено в познании системой нормативов, эталонов, образцов мыслительного процесса, которыми естествоиспытатель руководствуется в производстве научных знаний. Нормативами представлена ценностная функция предынформации, воздействующая на процесс производства знаний. Предынформацией, функционирующей в исследовании природы якобы априорно, пронизываются подсистемы рассматриваемой системы, детерминируются информационные отношения мыслительных действий, обеспечивая качественное единообразие устанавливаемых связей между знаками, что способствует относительно самостоятельному производству научных знаний.

Мировоззренческая информация, отражая социокультурную организацию естественной природы, характеризует собой исходное начало теоретического производства научных знаний, являющегося информационным по своей сути процессом познания природы. Этой информацией представлен второй источник познания природы. Вплоть до научных изысканий Г. Галилея (XVII в.) единственным источником познания рассматривался опыт. Эта позиция была концептуально оформлена эмпиризмом. В истории освоения природы опыт является первым, но не единственным источником информации. Как показано нашими суждениями, построением самоорганизующейся системы «субъект – социоприродная реальность» или тождественной ей системы «субъект – научная картина мира» формируется второй источник информации – мировоззрение теоретически мыслящего исследователя природы. Формами мировоззренческого знания естествоиспытателя в качестве оснований познания становятся основоположения фундаментальной теории – идеал, принципы. Идеал выступает в этом процессе характеристикой, показателем социокультурной организации природы: «идеал есть для разума прообраз (prototypen) всех вещей, которые как несовершенные копии (естура) заимствуют из него материал для своей возможности, и, более или менее, приближаясь к нему, все же всегда бесконечно далеки от того, чтобы сравняться с ним» [8. С. 508]. И. Кант особо подчеркнул, что как идеал, так и трансцендентальные идеи имеют лишь регулятивное применение в познании.

Регулятивное воздействие идеала на процесс познания реализуется раскрытием его содержания принципами мыслительного процесса. Например, идеал производства научного знания реализуется функционированием самоорганизующейся системы: «субъект механического способа мышления – механистическая реальность». Содержание этого идеала представлено принципом конечной делимости, принципом жесткой детерминации, принципом действия центральных сил, принципом относительности движения, принципом наличия абсолютного пространства в качестве нематериальной протяженности, принципом существования абсолютного времени как самодовлеющей длительности.

Эти принципы, обоснованные Г. Галилеем, стали основоположениями конструирования И. Ньютоном в 1687 г. первой в истории познания природы фундаментальной научной теории – теоретической механики, изданной им под названием «Математические начала натуральной философии». Такое конструирование и являет собой информационный процесс, осуществленный И. Ньютоном использованием дедуктивного метода в виде вывода общенаучных теоретических знаний – информации и наиболее общих научных положений механистической идеализации природных процессов. Прикладными науками востребована конкретизация принципов для частной сферы. Например, принципы теоретической механики были использованы для построения научной теории, исследующей звуковые процессы и явления – акустики. Аналогично была сконструирована гидродинамика – наука, исследующая процесс движения жидкостей.

Конкретизация принципов фундаментальной науки для исследования частных сфер реализуется выдвиганием идеи. Идея характеризуется развертыванием обогащения содержания фундаментального принципа для исследования более узкой сферы природных процессов. И. Кант рассматривал идею как эвристическое понятие [8. С. 572].

Итак, любое научное исследование представлено информациогенезом – движением мысли от общего к частному. Умение использования этого дедуктивного приема – характеристика таланта теоретика той или иной сферы.

Более сложным является процесс производства знаний, исходящих из эмпирических исследований. Основоположник эмпиризма Ф. Бэкон давал уп-

рошенную трактовку эмпирического знания как исходящего из опыта. Ошибочность концепции эмпиризма исходит из трактовки опыта как связующего звена естествоиспытателя с естественной природой. Можно ли однозначно утверждать, что в результате воздействия на природу непосредственно производится информация о природе, используемая в деятельности человека? В такой трактовке с игнорированием человеческого фактора эмпирическое познание предстает как вынос информации из природы, атрибутивно присущей ей. Известно, что атрибутивная концепция информации не находит поддержки в трудах как российских, так и зарубежных исследователей сущности информации.

Производство информации в ходе эмпирических исследований или получение эмпирических данных означает нахождение исследуемого свойства для последующей интерпретации самоорганизующейся системой «субъект – социоприродная реальность». Функционирующая в самоорганизующейся системе в качестве управляющей производством знаний мировоззренческая информация в состоянии произвести научное знание как истинное, если эмпирическое данное соответствует управляющей производством научных знаний мировоззренческой информации. В эмпирическом исследовании присутствуют два источника информации: мировоззренческая, представленная основоположениями научной теории (идеал, принцип, идея), и информация, представленная эмпирическими данными. Эмпирические данные мышлением исследователя природы преобразуются в эмпирический факт, т.е. в частное эмпирическое знание, типологически однородное с мировоззренческим. Эмпирические данные могут иметь совершенно иную информационную природу, не допускающую их преобразования мировоззренческой информацией. Такое положение, нередко наблюдаемое в процессе освоения природы, получило название кризиса науки. Его преодоление необходимо включает в себя научную революцию, характеризующую качественным изменением способа теоретического освоения природы.

Литература

1. Алексеев П.В. Наука и мировоззрение. М.: Политиздат, 1983.
2. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика: эволюционный аспект. Самоорганизация в науке: опыт философского осмысления. М.: Наука, 1994.
3. Богомолов А.С. Английская буржуазная философия XX века. М.: Мысль, 1973.
4. Бриллиан Л. Наука и теория информации. М.: Физматгиз, 1960.
5. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978.
6. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. М.: АПН РСФСР, 1956.
7. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высш. шк., 1980.
8. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
9. Микешина Л.А. Ценностные предпосылки в структуре научного знания. М.: Прогресс-Традиция, 1990.
10. Нарский И.С. Материалистическая теория духа // Новые книги за рубежом по общественным наукам. 1969. № 4.
11. Braithwaite R.B. Scientific Explanation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1953.
12. Laudan L. Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate. Berkeley; Los Angeles; L., 1984.
13. Polten E.P. Critique of Psycho-Physical Identity Theory: A Refutation of Scientific Materialism and Establishment of Mind-Matter Dualism by Means of Philosophy and Scientific Method. Hague. Paris, 1973.
14. Popper K.R. Conjectures and Refutations. N.Y.; Evanston, 1968.
15. Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery. N.Y.: Science Edition, 1961.

УДК 1:316

Р.В. МИХАЙЛОВА, Г.Э. АХТЯМОВА

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДУХОВНОСТЬ В АСПЕКТЕ СИНЕРГЕТИКИ

Ключевые слова: духовность крестьянства, целостная система, земледельческое «ядро», «дочерние» системы.

Крестьянская духовность рассматривается как сложная динамическая, целостная система. Сохраняя свою качественную определенность даже в условиях относительно быстро меняющегося социального бытия, она саморазвивается и самоорганизуется. Исследованы особенности, тенденции изменения духовности крестьянства как открытой системы на различных этапах российского общества XX – начала XXI вв. в параметрах порядок–хаос–порядок.

R.V. MIKHAYLOVA, G.E. AKHTYAMOVA

PEASANT SPIRITUALITY IN THE ASPECT OF SYNERGY

Key words: spirituality of peasantry, integrated system, agricultural nucleus, daughter systems.

The spirituality of the peasantry is considered as a complicated, dynamic, integrated system. It develops and organizes itself, keeping its qualitative definiteness even in the conditions of quickly changing social reality. The peculiarities and tendencies of change in peasant spirituality as an open system at different stages of Russian society in the twentieth and early twenty-first centuries are investigated under the parameters «order–chaos–order».

Исследование сложных систем, их природы, принципов организации и эволюции является предметом науки синергетики – самоорганизации. Познавание и объяснение сложного с точки зрения синергетики позволяют описать, понять разные явления не только природы, но и общества, мира человека. Феноменом человеческого мира выступает духовность крестьянства.

Под духовностью крестьянства мы понимаем *качественную определенность, интегративное свойство системы сознания, являющейся основанием активности крестьянского индивида в процессе овладения им специфической формой жизни в условиях земледельческого труда. Она выступает как способ осмысления, осознания и утверждения бытия крестьянина. Тем самым, когда индивид определяет себе способ бытия, осознает себя как крестьянин. Духовность выступает способом самопознания, осмысления крестьянством своего места в мире, своей роли в природе, обществе, а значит, и мерой самовыражения.* Внутренний импульс, основы ее развития составляют многообразие и противоречивость условий существования и занимаемого крестьянством места внутри социального пространства.

Опираясь на принцип системности, мы рассматриваем бытие крестьянской духовности как целостной системы, выступающей и как идеальная система. Используя результаты исследований А.М. Коршунова, А.И. Липкина, В.В. Мантатова, А.И. Ракитова, мы выделяем «ядро» предмета исследования и подчиненные ему «дочерние» системы. «Ядро» предмета исследования содержит противоречие как источник своего развития. Применительно к «ядру» структуры духовности крестьянина – духовности по земледельческому основанию трудовой деятельности – сторонами противоречия выступают творчество и рутинизированность его труда. К «дочерним» системам духовности крестьянства мы относим такие признаки (части, «слои»), как специфическую духовность локально очерченного социопространственного (в рамках деревня-город) бытия, а также духовность, выражающую определенную степень классовости (в рамках угнетатели–угнетенные). Через названные «дочерние» системы противоречие реализует свои функции движущей силы, определяет развертывание качественного многообразия содержания предмета; осуществляет самодетерминацию как саморазвивающуюся единицу целого. Важность такого подхода позволяет называть «ядро» интегратором духовности крестьянства в целом, другими словами «система – интегратор». Духовность

крестьянства (целое) сохраняется, совершенствуется, если интегрирующая сила берет вверх. «Ядро» определяет способ реагирования крестьянской духовности на инновации. Тем самым оно обеспечивает адаптационные механизмы и потенциал приспособления к меняющимся условиям материального и духовного бытия крестьянина (крестьянства). «Ядро» причинно связано с целым, прямо «отвечает» за ту или иную его характеристику. «Ответственность» одних «дочерних» систем (частей) за свойства целого может быть косвенной, опосредованной, в других – более отдаленной.

Наоборот, целое распадается, если побеждает сила дезинтегрирующая. В таком случае происходит деформация духовности крестьянства, чему способствуют раздвоенность, дисгармония, однобокость и частичность в ее развитии. Целостная система оказывает активное воздействие на части, детерминируя и преобразуя их. В результате исходные части претерпевают определенные изменения: теряют некоторые прежние и приобретают новые качества, а сохраняемые ими свойства подвергаются количественным и качественным преобразованиям. Целое детерминирует свои части не одинаково: одни преобразует коренным образом, другие изменяет незначительно, третьи могут оставаться неприкосновенными. Существенное изменение одной из частей необходимо сказывается на состоянии других и всей системы в целом. Сказанное свидетельствует о том, что духовность крестьянства, имея в себе противоречия как в целом, представляет подвижное, развивающееся единство. Единство частей как противоположностей отражает все многообразие процесса, где верх может взять и порядок, и хаос. Так, чем больше выражен земледельческий аспект в крестьянине, тем ярче выражено в его целостной личности локально и коллективистски ориентированное сознание, и наоборот. С этим же связана меньшая выраженность классово-крестьянского аспекта. Будучи обратно пропорциональными, земледельческий и классово-крестьянский аспекты, тем не менее, не носят взаимоисключающего характера.

Сказанное позволяет характеризовать духовность крестьянства, во-первых, как сложную систему. Диапазон сложности определяется множеством составляющих связей, отношений в единстве с их разнообразием, богатством взаимосвязей между системой и средой. При этом она выступает как динамическая система, в чем-то управляемая, а в чем-то неуправляемая. Источник регулирования может находиться как в ней самой, так и вне ее. Целостность не всегда присуща системному объекту. В силу тех или иных причин она на определенном этапе развития может возникнуть, а на другом исчезнуть, разрушиться (так обстоит дело и с духовной целостностью крестьян России). Исходя из основ теории сложных систем, духовность крестьянства характеризуется нелинейностью (многовариантностью, альтернативностью), поскольку зависит от индивидуальных и коллективных взаимодействий, количества элементов со множеством вариантов связей. Она способна самым существенным образом менять свое состояние. Но, поскольку данная система регулируется путем адаптации в постоянно изменяющейся среде, она сохраняет свою качественную определенность. Тем самым происходит процесс ее самоорганизации, когда выбор средств достижения цели (порядка) фиксирован. Отсюда следует, что духовность крестьянства не только саморазвивающаяся, но и самоорганизующаяся система.

Никакая целостная система не изолирована от других. Она существует и развивается во внешней по отношению к ней среде. Под внешней стороной мы понимаем здесь среду (окружение), взаимодействие с которой оказывает формирующее воздействие на крестьянскую духовность. При таком подходе среда может быть представлена как фактор (активно действующая сила). Речь идет о внешних специфических – системообразующих – факторах. Во-первых, это – природно-географический фактор. Он детерминирует структуру и пределы ду-

ховности крестьянства, объективно и необходимо способствует закреплению и стабилизации ее определенных черт. Во-вторых, общественные факторы (техничко-экономические, политико-экономические, социокультурные). Они определяют изменения в духовности крестьянства. Внешние факторы оказывают воздействие на формирование и развитие духовности крестьянина не механически, а посредством его субъективности. Отвлекаясь от мира и погружаясь в себя, он продуцирует у себя мысли о мире и вещах, о своем отношении к ним.

Известно, что любая жизнеспособная система внутри себя имеет истоки собственного развития, т.е. само развитие детерминировано не столько извне, сколько изнутри. Хотя на духовность крестьянства влияют изменения среды социальной, природной, а также физические и психические качества крестьянина, главные причины развития, его движущие силы находятся в ней самой. Здесь мы формируем принципиальную позицию: во-первых, развитие духовности крестьянства нельзя рассматривать как простое отражение социально-экономической сферы общества; во-вторых, не следует представлять ее как определенную «закрытую систему», абсолютно не имеющую никаких отношений с окружающей средой. Духовность крестьянства чувствительна к малым воздействиям, связанным с состоянием неустойчивости, неопределенности, тем более бифуркации и возможного изменения направления путей общественного развития.

Сказанное мы можем проиллюстрировать на материалах исследований особенностей духовности крестьянства царской России в начале XX в., советского периода и постсоветской России в конце XX – начале XXI вв.

Основу крестьянской духовности царской России начала XX в. составляли древнее земледельческое «ядро», сосуществовавшее вместе с новообразованиями и заимствованиями, и религия. На данном этапе развитие духовности крестьян можно характеризовать как эволюцию ее в относительно устойчивое состояние на более высоком уровне упорядоченности, чем было раньше. В начале XX в. стихийное сознание, эмоциональные переживания (вызванные столыпинской реформой аграрной политики государства, первой мировой войной) обусловили высокую степень «классовости» при отсутствии широты восприятия социальной действительности, ограниченность поведения крестьян. В результате действия внешних факторов в крестьянской духовности как открытой системе наступает энтропия (неупорядоченность). В России советского периода в контексте создания предпосылок глубинной трансформации общества, человека происходили качественные изменения в повседневной жизни крестьян, а вместе с ним в их духовности. С этим связаны три этапа коренных изменений в крестьянстве и крестьянской духовности. На первом этапе – от победы октябрьской революции до начала массовой коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса – основу духовности составляла полнота локального сознания крестьянина, на втором – от проведения массовой коллективизации до конца Великой Отечественной войны – его размывание. Сказанное свидетельствует о том, что было положено начало резким изменениям в крестьянской духовности: активности в поиске новых форм жизни. В хаосе рождающихся противоречивых форм жизни отражалось доминирование воли крестьян, которое можно описывать как динамизм, активизм, энергизм. Система – духовность крестьянства – в ходе своих внутренних изменений, нарастания внутренних противоречий становится крайне неравновесной. Система теряет устойчивость. У крестьянской духовности как сложной системы существует потенциально возможное разветвление пути дальнейшего развития – точка бифуркации. На третьем этапе – с 60-х гг. до конца 80-х гг. XX в. – происходила минимизация духовного развития крестьянской личности. Этот процесс базировался на ее внутренней разорванности в соответствии со специфическими отношениями общественного сектора сель-

ского хозяйства и семейного крестьянского хозяйства. В постсоветской России конца XX – начала XXI вв. сознание личности крестьянина ориентировано противоречиво, дуалистически. Отсюда духовность крестьянина приобретает специфическую форму: напряженность рефлексивной активности.

Перспективы преобразования духовности крестьян России начала XXI в. состоят в постепенном усложнении ее содержания. Этот процесс вбирает в себя, во-первых, элементы, почерпнутые из «ядра» духовности крестьянства, в частности, усвоение космического мирозерцания земледельца. Во-вторых, сложный процесс изменений в духовности крестьян затрагивает слой антигорожанина. В современных условиях в России происходят активные связи между деревней и городом в рамках развития рыночных отношений, по линии образования. В-третьих, вектор изменений крестьянской духовности связан с созданием условий для рациональных социальных действий крестьянина со стороны государства, когда речь идет о становлении его как гражданина. Создаются условия для реализации потенциала личности крестьянина как одного из интеграторов общества. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что составляющие духовность крестьянства элементы начинают действовать взаимосвязанно, организованно, синергично (совместно), коллективно. Здесь имеет место самосогласованность поведения элементов в процессе их взаимодействия в масштабах всей системы – когерентность. У сложной системы имеются эмерджентные свойства – такие свойства, которых не имеется у ее частей, но являются следствием эффекта целостности системы. Так, с позиции синергетики можно понимать закономерности становления упорядоченности крестьянской духовности на нынешнем этапе.

Таким образом, развиваясь, духовность крестьянства ориентируется на тот или иной фактор (природный, социальный) внешней среды и вместе с тем на присущие ему предпочтения. Речь идет о том, что духовность крестьянства по отношению к воздействиям окружающей среды – открытая система, способная обмениваться с ней информацией. Тут мы обнаруживаем диалектику внутреннего и внешнего, имеющую важное значение для динамических процессов в ходе развития целостных систем.

Литература

1. Арпычев А.Н. Диалектическая сущность процесса самоорганизации // IV Российский философский конгресс. М.: Современные тетради, 2005. Т. 1. С. 613-614.
2. Коршунов А.М., Мантатов В.В. Диалектика социального познания. М.: Политиздат, 1988. 383 с.
3. Липкин А.И. «Духовное ядро» как системообразующий фактор цивилизации: Европа и Россия // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 57-67.
4. Ракитов А.И. Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3-15.
5. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 279 с.
6. Сорокин А.И., Чернова И.Л. Соотношения диалектической и синергетической методологий // Актуальные вопросы диалектики (историко-философские аспекты): тезисы XIII ежегодной науч.-практ. конф. / Кафедра философии РАН. М., 2000. С. 137-139.
7. Фурсов А.И. Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной целостности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М.: Наука; Вост. литература, 1993. С. 56-113.

МИХАЙЛОВА РЕНАТА ВАСИЛЬЕВНА – доктор философских наук, профессор кафедры философии, истории и права, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (neti-mix@yandex.ru).

MIKHAYLOVA RENATA VASILYEVNA – doctor of philosophical sciences, professor of Philosophy, History and Law, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

АХТЯМОВА ГАЛИЯ ЭНБЕРОВНА. См. с. 124.

УДК 1:316

Р.В. МИХАЙЛОВА, Г.Н. СЕМЁНОВА

ДИАЛЕКТ КАК ФОРМА КРЕСТЬЯНСКОЙ ДУХОВНОСТИ**Ключевые слова:** крестьянская духовность, диалект, локальный, деревня.

Формой крестьянской духовности является диалект. Он представляет собой территориальную разновидность языка, связанную с локальными процессами, протекающими в условиях деревенской жизни. Диалектный язык – это порождение народного духа. Исследованы его структурные элементы как сложной системы в контексте детерминированности природно-географическими, социокультурными факторами.

**R.V. MIKHAYLOVA, G.N. SEMENOVA
DIALECT AS A FORM OF PEASANT SPIRITUALITY**

Key words: spirituality of peasantry, dialect, local, village.

Dialect is a form of peasant spirituality. It is a local variety of a language, which is connected with local processes taking place in conditions of village life. A dialect is generated by a national spirit. The structural elements of a dialect as a complex system, determined by natural, geographical, social and cultural aspects, are investigated in this work.

Крестьянин обретает определенность собственного духовного мира из своего способа бытия, своего самоопределения во всех ситуациях жизненного процесса. Он, как и любой человек, не может существовать в своем собственном бытии без того, чтобы постоянно не выражать его в различных формах не только материальной культуры, но и в процессе формообразования социокультурных явлений (языка, фольклора, искусства, моды и т.д.).

В связи с этим одной из форм крестьянской духовности выступает специфический язык – диалект. Ему свойственна устная форма существования. Он является местным говором, наречием, самой маленькой территориальной разновидностью языка, поскольку на нем говорят крестьяне лишь одной или несколько деревень. В деревне как локальной социальной системе в действительности протекают локальные процессы: особые координаты крестьянской вселенной, в основе которых пребывают связь с землей, мера ее доступности, возможность ее обрабатывать, локальность крестьянского сознания. Связь с землей порождает консерватизм в социокультурной сфере. Деревня как закрытое общество связана с замкнутым образом жизни, который способствует развитию культурных, языковых различий (диалекта) от деревни к деревне. Другими словами, любой диалект всегда присущ определенной территории, определенному социуму – деревне.

В каждом диалекте множество выразительных, ярких словесных образов, фразеологизмов. Они передают своеобразные восприятия и разговорное представление крестьянами разных деревень о мире. В диалектных словах, особенностях интонации нашли выражение определенные способы ведения хозяйства, особенности семейного уклада, деревенского быта, обряды, обычаи, нравы, народный календарь, специфика местной природы. Таким образом, местный говор является средоточием опыта членения пространства на основе языка [3. С. 14]. Сказанное свидетельствует о том, что диалектный язык – это порождение народного духа.

На духовность крестьян влияют факторы (понимаемые как активно действующая сила) – природно-географические, социальные, культурные. Здесь мы рассматриваем духовность крестьянства, сложившуюся прежде всего под воздействием природно-географических условий, особенно закона климатической зональности. С этим связаны «аканье» и «оканье». Так, с условиями теплого климата связана южная диалектная зона. Южному наречию присуще произношение, характеризующееся «аканьем» (неразличение о и а в безударном положении, совпадение их в одном звуке). В лексике крестьян юго-запада России дом называется «хатой». В диалектах данное слово имеет различные значения:

хата – добротная кирпичная постройка, изба – плохая, но бывает и наоборот: хата – плохая, а изба – хорошая [3. С. 23]. В деревнях особенно специфична речь людей старшего поколения, в основном женщин. Они реже покидали свои деревни для зарабатывания денег в городе, не служили в армии. Для крестьян было характерно противопоставление «свое» (внутреннее) – «чужое» (внешнее). «Свое» («свой говор») осознается как правильное, чистое. «Чужое» часто осознается не только как иной говор, но и нечто плохое, нелепое, над чем можно посмеяться. Об этом свидетельствует следующая «дразнилка», приведенная вологодским писателем А.Яшиным в рассказе «Вологодская свадьба»: «Не обошлось и без охотничьих бухтин (рассказы, побасенки. – Р.М., Г.С.): – Иду это я раз вдоль осеков, гляжу – что-то *шевеличча*. Вдруг, думаю, *заяч*? Дай, думаю, стрелю! Стрелил, прихожу – и верно, *заяч* (курсив авт. – Р.М., Г.С.).

Добычливого охотника тут же поднимают на смех:

– Бежала овча мимо нашего *крыльча* да как *стукнечча* да *перевернечча*. «*Овча, овча возьми сенча!*» А овча и не *шевеличча*. С той поры овча (курсив авт. – Р.М., Г.С.) и не *ягичча* (рожать ягнят. – Р.М., Г.С.) [3. С. 96].

Для районов с северным климатом характерна северная диалектная зона. Северному наречию присущи произношения, связанные с оканьем (различение *о* и *а* в безударных словах: на месте *о* в безударном слоге произносят звук, близкий к ударному *о*, а на месте *а* в безударном слоге произносят звук, близкий к ударному *а*). В лексике крестьян дома принято называть хоромы. Так именуют все строение целиком: жилые комнаты и помещение для скота – двор. Это связано с тем, что жилье вплотную примыкает к хозяйственным постройкам, чтобы человек не успел промокнуть осенью или замерзнуть зимой, переходя из избы к скоту.

Исследователи признают, что диалект является сложной системой, существующей на всех уровнях языка. Речь идет не только об «аканье» и «оканье», а о множестве признаков (их насчитали до 294) диалектной речи. Этими признаками являются: особая лексика; наличие синонимов в лексике, грамматике, фонетике; специфическое произношение звуков; употребление падежей. В диалекте как живой речевой практике имеет значение также темп речи. Приведем пример лексических отличий, нашедших отражение в употреблении терминов родства чувашами «верховыми» («тури» или «вирыял») и «низовыми» («анатри» или «хирти») соответственно: «дедушка» – *мăнаши*, *маşак* и *аслатте*, *асатте*; «мать» – *апи*, *апай* и *анне*. Другой пример свидетельствует о разнице в специфике приветствия людей друг друга посредством вопроса-приветствия: у «верховых» чувашей – «ларатан-и»? (*сидишь ли*?), у «низовых» – «ларатан»? («*сидишь*»?). В первом случае мы обращаем внимание на форму вопросительного предложения с вопросительной частицей *-и* («*ли*»), во втором – без вопросительной частицы *-и* («*ли*») [2. С. 38, 39].

Следует отметить, что диалектный язык складывался на протяжении веков и оставался неизменным при всех изменениях. Исследователи указывают на то, что и в нынешнее время в деревнях говорят так же, как и раньше. «В вологодских деревнях говорят так же, как при Иване Грозном, а в костромских – как при Иване Сусанине» [1. С. 55]. Такую же тенденцию можно отслеживать в языковом опыте Украины (здесь восточные украинцы «западынцев» понимали плохо и с нежеланием), Германии (там южане до сих пор не очень понимают северян). Трудности в понимании друг друга продолжают испытывать горномарийцы и луговые марийцы и др.

Таким образом, диалект является выражением объективно существующей реальности локального мира, он возник и развивался независимо от целей, воли, сознания человека. Он выступает воплощением отраженного образа действительности крестьянского мира. Выделение диалекта по критерию природно-географических факторов в функционировании духовности крестьянства свидетель-

ствуется также о специфике экологического опыта, где нашли отражение неодинаковые условия и возможности восприятия в пространстве природно-географических процессов и явлений. Вполне естественно, что разные природно-географические, а также исторические условия определяют разный духовный опыт крестьян. В поликультурности опыта крестьянства разных этносов и регионов заключено разнообразие человечества. Многообразие природы (территории) соответствует разнообразно сформированный мир (диалекты), понятый как картина.

Литература

1. Андреева О. Посидим, покаем. Что такое диалекты и почему они должны быть всегда // Русский репортер. 2011. № 36. С. 54-59.
2. Кузнецов А.В. Вербальные средства этикетного общения в чувашском языке (к вопросу о лингвогеографической и диалектологической характеристике // Диалекты и история тюркских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т; ЧГИГН, 2004. С. 38-43.
3. Язык русской деревни. М.: Аспект-Пресс, 1994. 160 с.

МИХАЙЛОВА РЕНАТА ВАСИЛЬЕВНА. См. с. 171.

СЕМЁНОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gncsemenova@yandex.ru).

SEMENOVA GALINA NICKOLAEVNA – doctor of philological sciences, professor of Chuvash Linguistics and Oriental Studies Chair named after M.R. Fedotov, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 1:316.323]:681.513.8

Н.Е. ОСИПОВ

СИНЕРГЕТИКА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Ключевые слова: общество, самоорганизация, самовоспроизводство, неравновесность, бифуркация, флуктуация, хаос, порядок, устойчивость, социальная технология, формация, цивилизация.

Статья посвящена одной из наиболее важных проблем современной социальной философии – проблеме применения синергетической методологии к социальному познанию. Принципы синергетики, первоначально разработанные для естествознания, начинают использоваться в обществознании. Предпринята попытка осмысления событий всемирной истории, а также процессов трансформации в российском обществе через призму синергетической методологии. Такой подход позволяет лучше понять сущность социально-исторических процессов.

N.E. OSIPOV

SINERGETICS AND THE HISTORICAL PROCESS

Key words: society, self organization, self reproduction, equilibrium, bifurcation, fluctuation, chaos, order, stability, social technology, formation, civilization.

This paper is devoted to the one of the most important problems of modern social philosophy – the problem of the application of a synergetic methodology to social cognition. The principles of synergetics were created originally in the natural sciences, and then began to be used in the social sciences. In this paper, an attempt is made to comprehend the events of the world history, as well as the recent transformation of Russian society through a prism of synergetic methodology. Such an approach allows for a better understanding of the essence of socio-historical processes.

Идея связи явлений микромира и социальной реальности не нова. Так, еще Эпикур высказал предположение о самопроизвольном отклонении атомов от прямолинейного движения, что перекликается с принципом неопределенности в квантовой механике. Данное предположение стало для Эпикура натурфилософским обоснованием объяснения многих социальных явлений, например, свободы человеческих поступков и роли случайности в общественной

жизни. Схожие положения имелись в «Монадологии» Лейбница и трудах других мыслителей прошлого.

В наше время некоторые авторы пытаются интерпретировать социальные процессы с синергетических позиций. Такая попытка предпринимается и в данной работе. Предварительно поясним ряд понятий.

Общество – это сложная система, сохраняющая свою целостность, благодаря внутренней организации (самоорганизации). При этом оно устойчиво воспроизводит совокупность элементов и связей в границах данной целостности. Поэтому можно говорить о равновесном состоянии такого общества.

Бифуркация означает нарушение равновесности общества под воздействием внешней среды или внутренней флуктуации, что приводит общество в неравновесное состояние, которое имплицитно содержит в себе возможности диверсификации путей дальнейшего развития. Примером может служить революционная ситуация в обществе.

Хаос – это состояние утраты обществом системности по причине разрыва основополагающих связей и отношений между социальными субъектами и институтами.

Понятия «хаос» и «бифуркация» познавательно сопрягаются и выражают состояние общественной системы накануне ее коренных изменений. Хаос создает условия для бифуркации, когда ход дальнейшего развития общества (в котором ослабевают внутренние структурные связи) может существенно зависеть даже от незначительных возмущений, воздействующих извне или происходящих внутри него. Если социальная система находится в равновесном состоянии, эти возмущения не вызывают сколько-нибудь существенной трансформации общества.

Реальное общество представляет собой суперсложную систему взаимодействующих индивидов, их сообществ и организаций, осуществляющих многообразие всевозможных интересов. В таком обществе сосуществуют и влияют друг на друга различные субкультуры. А культура содержит в себе потенциал всех возможных импульсов изменения общества. В устойчивом (равновесном) состоянии общества соотношение субкультур также стабильно и в целом подчинено действию основных социально-политических и экономических институтов.

Но ситуация коренным образом меняется в моменты бифуркации. Ее могут вызвать, например, внешние воздействия (агрессия, поражение в войне, природные катаклизмы) или внутренние неблагоприятные события (голод, пандемии, восстания, кризис органов управления, деградация элиты и т.п.). В результате нарушается целостность социума, и он исчезает как субъект региональной, всемирной истории или выходит из кризиса (хаоса) обновленным. Это часто зависит от уникального стечения обстоятельств, и конечный итог преобразований почти невозможно предсказать. В таком случае можно говорить о действии эффекта неопределенности в прогнозировании социальных процессов, подобно рассмотрению явлений в микромире.

Действительно всякие масштабные преобразования в обществе – это результат стохастический, т.е. дело рук ума и чувств множества людей. При этом огромную роль начинают играть действия отдельных личностей, которых впоследствии историки назовут «великими» со знаком плюс или минус. Продолжая аналогию с микромиром, следует сказать, что в социальном мире своеобразными квантами энергии, изменяющей состояние объектов, являются поступки людей. Их действия, направленные разумом, чувствами и волей, на практике изменяют мир.

Всемирная история дает нам многочисленные примеры социальных трансформаций, укладывающихся в общую схему синергетического их рассмотрения. Одним из таких примеров является крушение Римской империи и образование на

ее руинах новой цивилизации и системы государств, базирующихся на феодальных принципах организации экономики. В этом процессе, наряду с прочими факторами, огромную роль сыграло христианство. Последнее в условиях стабильного (добифуркационного) состояния Римской империи не проявляло себя как доминанта вектора развития общества, а долгое время сохраняло статус одной из многих его субкультур. Далее, общие закономерности синергетики находят свое подтверждение (разумеется, при учете особенностей конкретных социально-исторических процессов) при переходе Западной Европы от феодального общества к обществу буржуазному; при переходе к практической реализации идей социализма в мире в XX в. и событиях конца XX в. в нашей стране.

Касаясь специфики трансформационных процессов в обществе, надо отметить, что она в определенной степени зависит от территориальных размеров определенного социума, численности населения, геополитического окружения, природных условий и т.п., не говоря уже об его формационно-цивилизационных качествах (в экономике, политической организации, культуре, менталитете народа). Все это влияет, в том числе, и на темпоральные характеристики процессов.

Прежде чем перейти к рассмотрению судьбоносных событий в нашей стране конца XX – начала XXI вв., скажем несколько слов о роли категории «социальная технология» при осмыслении социально-исторических явлений. Социальная реальность – это результат не чьей-нибудь, а только человеческой деятельности. Она – субстанция общественной жизни. Конкретно-исторической формой деятельности выступает практика. В свою очередь, смысл практики нельзя до конца понять без учета ее технологической сущности. Становление общества, как правило, сопровождается выработкой обширной системы социальных технологий во всех сферах жизни общества. Разнообразная техника образует лишь часть феномена социальной технологии. Последняя включает в свой состав множество элементов материального и идеального порядка, единство которых функционально обеспечивает сомовоспроизводство общества как подвижной равновесной суперсистемы.

Социальная технология – это совокупность материальных и духовных средств, способов и методов деятельности социального субъекта (индивида или сообщества людей), целью которого является установление в обществе определенного порядка (строя), отвечающего его коренным интересам. Технология рассчитана на достижение желаемого практического результата и характеризуется максимальной эффективностью. Формация и цивилизация понимаются в данной работе как социальные мега-технологии, обеспечивающие самоорганизацию и воспроизводство общества на базе системы ценностей. Ценностями могут выступать разнообразные явления духовной и материальной природы. Общество, находящееся на определенной формационной и цивилизационной стадии развития, взаимодействует с другими обществами посредством обмена с ними ценностями (людьми, идеями, нормами, информацией, различными ресурсами и артефактами), что вызывает их трансформацию.

Начиная с 1980-х гг. в СССР усилился процесс всестороннего социального распада. В 1990-е гг. с распадом единого государства он достиг наивысшей стадии, что крайне негативно сказалось на экономических связях между бывшими республиками СССР. Это послужило основанием для разрыва политических, культурных и в целом цивилизационных связей (былой общности) между народами Советского Союза. Наступил хаос, который явился предпосылкой для социальной бифуркации в развитии. Выход из него на новый путь развития был возможен через актуализацию нескольких способов самоорганиза-

ции общества. Но был выбран и реализован не самый лучший путь с точки зрения безболезненности для большей части населения, а именно – тотальная приватизация в экономике посредством раздачи государственной собственности в руки небольшой кучки приближенных к власти лиц. Регулятивная роль государства свелась к политическому обеспечению процесса криминальной приватизации и образования слоя крупных собственников из числа госчиновников.

Таким образом «созданная» частная собственность и дикий капитализм с его нецивилизованным рынком не вывели страну, за редким исключением, из экономического коллапса. Причина такого плачевного результата в том, что у новых собственников отсутствует «протестантская этика» – этика трудолюбия, воздержания и экономии, о которой в своё время писали М. Вебер, В. Зомбарт. Дело в том, что такая этика в Западной Европе воспитывалась на протяжении длительного времени формирования капитализма в процессе его естественной борьбы с феодальными ограничениями. Это была своего рода социально-историческая эволюция, в ходе которой создавались объективные и субъективные элементы самоорганизации общества на иных формационно-цивилизационных основаниях.

К. Маркс в своих работах делал акцент на анализе объективных условий генезиса капиталистической формации и буржуазного общества¹. М. Вебер и В. Зомбарт дополнили осмысление данного процесса анализом духовных факторов. Когда мы пытаемся понять специфику современного переходного периода в нашей стране, многое объясняется ролью субъективной стороны происходящего, в частности, ролью различных политиков и деятелей «перестройки» и «реформ». В условиях социальной неравновесности, когда нарушаются привычные связи и отношения между людьми и общество утрачивает стабильность, неизмеримо возрастает значение субъективных качеств отдельных членов социума – их нравственности, политических и прочих взглядов. Их конкретные поступки (это «кванты» обществу преобразующей энергии) имеют огромный резонанс в обществе, нередко вызывая в нём масштабные последствия. Происходит это потому, что новые идеи овладевают умами и чувствами все возрастающего числа последователей отдельных лидеров. В результате их творчества постепенно создается система новых социальных технологий организации и воспроизводства общественной жизни. Таков общий механизм возникновения «порядка из хаоса» и достижения обществом на некоторое историческое время «равновесного состояния», если говорить языком синергетики. Это состояние является одной из важнейших характеристик формационно-цивилизационной определенности социума. Однако она не абсолютна, так как в рамках формационно-цивилизационной целостности общества могут происходить изменения, не выходящие, впрочем, за «порог устойчивости», т.е. не изменяющие основные формационно-цивилизационные качества общества.

Сравнивая последние, надо отметить, что наибольшей устойчивостью обладают цивилизационные характеристики общества, ибо они складываются под влиянием многих факторов бытия на протяжении достаточно длительного времени. Среди них, например, природно-климатические, этнодемографические, геополитические, экономические и другие условия жизни. При этом формационные факторы, хотя и не исчерпывают всего ансамбля детерминант и корреляций, тем не менее, являются ведущими в формировании цивилизации.

В свою очередь, более динамичные формационные преобразования не «безразличны» по отношению к цивилизационным условиям бытия общества. Они являются **средой** для первых, ускоряющей или замедляющей их прове-

¹ В 90-е гг. XIX в. уже после смерти К. Маркса Ф. Энгельс, отвечая на критику идейных противников, в ряде писем касается роли сознания в историческом процессе.

дение. В исторические периоды, когда нарушается формационно-цивилизационная равновесность общества как сложноорганизованной системы, оно встречается с вызовом извне или изнутри. Ответом служит выдвижение инновационной идеи, которая выступает в роли «аттрактора», направляющего процесс создания новой системы социальных технологий и придающего общий смысл вектору развития общества [1].

Синергетика изначально выступала преимущественно парадигмальной концепцией естествознания. Позже её положение пытались «приложить» к объяснению социокультурных явлений в постмодернизме, который стремился артикулировать свою познавательную значимость посредством неоправданно многочисленной и цветистой терминологии. Такое дефинитивное «творчество» малопродуктивно. Понятийный смысл категории синергетики и диалектики не утратил своего значения и сегодня при объяснении социальных процессов вполне без «заигрывания» с постмодернистской терминологией.

Так, важным положением синергетики является представление о необратимости развития. Оно находит подтверждение не только в природе, но и в мире социальном, в человеческой истории. Примером могут служить идеи социализма. Они, несмотря на трудности с их практической реализацией, все же прокладывают себе путь, при этом обогащаясь противоречивым опытом многих стран и народов. СССР стал по существу первой страной, где социалистический проект был практически реализован. И как всякий масштабный и пилотный, он не избежал при своем осуществлении многих ошибок и трудностей. Сейчас власти отказались от него, внушая населению мысль об его антигуманности. Каждый раз, при очередной предвыборной кампании ультралибералы запугивают народ репрессиями, карточками, гражданской войной и прочим, если он выберет социалистический путь развития.

Необратимость развития формулируется не только синергетикой. Уже Гераклит выразился весьма метафорически на этот счет, сказав, что «нельзя войти дважды в одну и ту же реку», разумеется, онтология общества и социальной истории иная, чем природных процессов. Поэтому даже ультралибералы, если они хоть как-то стремятся сохранить целостность страны, чтобы чем-то управлять, вынуждены восстанавливать некоторые социальные технологии, наработанные в советский период. Содержательно это свидетельствует о том, что наша страна все ещё находится в переходной стадии своей истории и ее будущее весьма неопределенно с точки зрения формационных и цивилизационных качеств бытия.

Из всего сказанного выше можно сделать один общий вывод, относящийся к методологии понимания социально-исторических процессов. Она требует соблюдения принципа дополнительности в социальном познании, в частности, учета диалектики формационных и цивилизационных условий развития общества, отражаемых в соответствующих теориях.

Литература

1. Осипов Н.Е. Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 16-22.

ОСИПОВ НИКОЛАЙ ЕВДОКИМОВИЧ – доктор философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (annaxgf@mail.ru).

OISOV NIKOLAY EVDOKIMOVICH – doctor of philosophical sciences, assistant professor of Philosophy and Methodology Science, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 130.12

Н.Е. ОСИПОВ, И.Е. ГЛЕБОВА, В.М. ОСИПОВ

СУЩНОСТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ДУХОВНЫХ КОМПОНЕНТОВ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ОТ ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Ключевые слова: архетип, ценность, ментальность, социальная технология, цивилизация, патриотизм, религия, христианство, государство, институт, нравственность, культура, духовность, бытие, способ жизни, формация, самосознание, индивид.

Статья посвящена генезису и исторической эволюции ментальных ценностей человека, включенных в состав социальных технологий в качестве их духовного ядра. Являясь отражением реальных условий жизни социальных субъектов, это ядро одновременно содержит в себе импульсы возможных путей цивилизационного развития общества.

N.E. OSIPOV, I.E. GLEBOVA, V.M. OSIPOV

ESSENTIAL CHANGES OF THE SPIRITUAL COMPONENTS OF THE SOCIAL TECHNOLOGIES FROM THE ANTIQUITY TO THE PRESENT

Key words: archetype, value, mentality, social technology, civilization, patriotism, religion, Christianity, institution, morality, culture, spirituality, being, mode of life, formation, self-consciousness, individual.

This paper is devoted to the origin and historical evolution of mental human values, which are included in the structure of social technologies as their spiritual core. As a reflection of the real living conditions of social subjects, this core simultaneously contains impulses toward the possible paths of the civilized development of society.

Как известно, любые масштабные социальные изменения раньше или позже вызывают трансформацию системы духовных ценностей человека, в которых он осознает свое бытие, конкретно-историческим проявлением чего выступает определенный способ жизни людей [2]. В свою очередь, способ жизни складывается как результат воздействия на общественного индивида всей совокупности социальных технологий [3].

Базовыми компонентами «культурного кода» человека родоплеменного общества, укоренившимися в его психике за сотни и тысячи лет антропосоциогенеза, стали такие архетипы, как «Мать-Земля», «тень», «свой», «чужой» и др. Они отражали коллективный опыт первобытных людей в условиях их бытия в природе, неразрывного единства с ней, что выражалось в системе мифологии и ранних форм религиозности, в которых эта природа обожествлялась. Эти глубинные представления, спустя тысячелетия истории самой цивилизации, не утратили своего значения и в сознании современного человека. Они трансформировались в систему ценностей, выражающих чувство патриотизма, и представлены в таких понятиях, как «Родина-мать» и «Отечество». Духовные корни таких ментальных представлений уходят в далекое прошлое наших первобытных предков, а может быть, и в звериное «бессознательное».

В нашей сегодняшней жизни эти ценностно-смысловые представления, относящиеся к ядру человеческой нравственности, приобретают сакральный, возвышенный характер. Перед ними, отступают те компоненты психического склада социального индивида, которые формировались у него в более поздние периоды человеческой истории – на этапе цивилизации. Ценности патриотизма обычно объединяют людей из самых разных социально-экономических слоев общества, когда последнему угрожают гибель, утрата целостности или суверенитета. И пусть некоторые «наиболее продвинутые субъекты» склонны считать патриотизм «пережитком прошлого», презрительно называют его «стадным чувством», а себя относят к «гражданам мира», эта фундаментальная особенность человеческой психики будет еще долго сохранять свое социальное значение.

На стадии цивилизации в результате нарастающего взаимодействия конкретных обществ вырабатываются новые, обогащающие человеческую ментальность, архетипические представления, наслаивающиеся на более древ-

ную платформу ментальности первобытных людей. Ее формировали не только условия существования сравнительно изолированных и малочисленных первобытных коллективов, но, в значительной степени, необходимость поддержания разнообразных отношений с обществами, отличающимися по ряду черт их способа жизни (особенностей природной среды, демографических качеств, хозяйственной и культурной жизнедеятельности).

Эта необходимость вызывала историческую потребность в элементах психического склада, обеспечивающих взаимопонимание в условиях сосуществования и даже выгодного сотрудничества. Так постепенно зарождаются и крепнут опять-таки на протяжении сотен и тысяч лет такие архетипические представления, как «персона», «подобный мне», «мы», «они», «человек», и другие образы общечеловеческой ментальности.

Любой процесс развития противоречив и реализуется через взаимодействие противоположностей. Это свойственно также становлению и развитию человеческой цивилизации. Сознание цивилизующегося индивида являлось отражением противоречивых процессов природно-социального бытия человека. Оно фиксировало и отражало реальный факт: с одной стороны, чувство единства и общности со своими соплеменниками (черты менталитета, доставшиеся ему со времени еще далеких предков), с другой – чувство своего сходства с людьми иных этносов, образующих чуждые социокультурные общности (черты менталитета, формировавшиеся уже в условиях межцивилизационного общения – экономического, этнического, социокультурного обмена). Последнее обстоятельство послужило реальным основанием для выработки у постпервобытного (цивилизованного) человека ментальных представлений не только о природном, космическом, но и о социальном универсуме, чувства собственной принадлежности к тому и другому. Если для первобытного человека представление о душе выступало ядром его самосознания, то цивилизация универсализирует содержание души предков до масштабов космического божества, что, по существу, означает подлинную революцию в духовном развитии социального субъекта. Эта духовная трансформация во многом явилась следствием осознания сложившихся реалий социального бытия человека древней эпохи, когда государство фактически представляло все общество, выступая гарантом и основанием иерархического миропорядка в нем.

Так, не случайно, христианство как развитая монотеистическая религия возникает не на греческой социальной почве, а позже, – в условиях Римской империи с ее «универсальным государством» (А.Дж. Тойнби). В римском обществе на этапе оформления его как империи с четкой системой политического и экономического угнетения обширных провинций, у народа не оставалось реальных шансов добиться облегчения своей участи в земной жизни. Поэтому универсальному и могущественному государству этот народ мог противопоставить только владыку небесного – единого и тоже универсального и всемогущего Бога. Но лишь века спустя христианский Бог окончательно «побеждает» сонм старых языческих богов вначале на небесах, а затем и в земной жизни, получив усилиями и многочисленными жертвами сторонников христианства статус «универсальной церкви» (А.Дж. Тойнби). Именно она становится тем социальным институтом, который скреплял общество, не давая ему окончательно распасться в период «смутного времени» перехода к новой средневековой цивилизации. Христианская церковь, особенно в первые века новой эры, утвердила иной, более развитый по сравнению с язычеством, тип нравственности, постепенно ставший неотъемлемой частью ментальности человека средневекового общества, определив его основные цивилизационные черты.

Во многом это стало возможным благодаря сознательной оппозиции первых христиан и их последователей безнравственному образу жизни «соци-

альных верхов» позднего Римского общества, погрязших, по мнению «отцов церкви», в роскоши, распутстве, чувственных наслаждениях, превративших граждан некогда Великого Рима в рабов «золотого тельца». Хотя в области материального производства и предметной культуры Средневековые долгое время уступало достижениям греко-римской цивилизации, в сфере духовной культуры оно свидетельствовало о значительном прогрессе. Этот прогресс основывался на разработке и распространении в широких народных массах принципиально иной системы ценностей, источником которой являлся внеземной, трансцендентный мир – мир божественный.

Для христианства многолюдный и суетный город был тем местом, которое не располагает к общению с Богом. Контакты между людьми здесь превращаются в обмен услугами и товарами, эквивалентом чего становится безликая мера – деньги – важнейшее приобретение цивилизации. В результате обесценивается не только содержание межличностных отношений, но и сама человеческая жизнь. Межчеловеческие связи в городах со временем все более технологизируются, приобретая формально-утилитарный характер, теряя былую эмоционально-нравственную насыщенность поступков. В отличие от императорского Рима духовная культура Средневековой Европы, особенно в ранний период, «уходит» из крупных городов, «растекаясь» по сельским просторам феодальных уделов, сосредотачиваясь в монастырях, вокруг которых впоследствии постепенно возникают новые города и населенные пункты, становясь центрами новой христианской культуры.

Однако, согласно формационной теории, даже такая фундаменталистская система духовных ценностей, как христианство, в силу закономерного развития производительных сил общества неизбежно должна трансформироваться, приходя в общее соответствие с вновь возникающим способом жизни народов и государств Западной Европы. Это и происходит с момента зарождения капитализма в эпоху Ренессанса. Капитализм знаменует собой окончательное торжество товарно-денежных отношений во всех сферах жизни буржуазного общества, пронизывая его от самых оснований (материального производства) до производства духовной культуры (науки, искусства, религии).

Такой социальный институт, как семья, также претерпел колоссальные изменения, поскольку развитие семьи неразрывно связано с прогрессом культуры и цивилизации. Главным фактором трансформации института семьи являются экономические изменения наряду с изменениями в системе общественных отношений, которые ведут к коренным преобразованиям в способе жизни людей. В доиндустриальных обществах семья гармонично вплеталась в систему хозяйственных отношений. Домашнее хозяйство и производство были единым целым. С возникновением капитализма, когда наемный труд стал основным источником дохода семьи, последняя постепенно утратила свою производственную функцию, что и стало началом ее трансформации. Появление рационального начала в семье в условиях развития капитализма способствовало отходу от феодальной патриархальности. Разрыв родственных связей, индивидуализация личных отношений привели к тому, что семья стала хуже выполнять свою воспроизводственную функцию. Крупная промышленность оторвала женщину от дома. Произошел массовый выход женщин на рынок труда, создавший условия для их экономической независимости. Государство все больше стало вторгаться в семейную сферу. Семья стала постепенно утрачивать свое главенствующее положение в системе социализации подрастающего поколения, передавая его в руки общества. Межпоколенные внутрисемейные связи перестали иметь былое значение. Все это привело к изменению модели семьи.

Исторически новая реальность вначале осознается и получает религиозно-идеологическую легитимацию в «этике протестантизма» (XVI-XVII вв.). Переход от

феодалной средневековой цивилизации к буржуазной сопровождался грандиозными социальными потрясениями, суть которых можно выразить кратко: овеществление межчеловеческих отношений. Начиная с XVII в. овеществление общественных отношений приобретает лавинообразный характер, проникая во все новые пласты социального бытия. Религиозные войны, крестьянские восстания, феодальные междоусобицы XVI-XVII вв. носят уже иное содержание, чем войны Средневековья. Последние не затрагивали сущности традиционного способа жизни. Войны же XVI-XVII вв. являлись средством разрушения традиционного средневекового способа жизни. Нарождающийся дух Нового времени «воспользовался» ими, чтобы искоренить из человека пережитки Средневековья.

Каково же было мироощущение человека этой переходной эпохи? Лучше всего эти ощущения передает искусство того времени. Непосредственные современники и свидетели крушения основ жизни видели за разрушением городов, разграблением храмов и разгулом пожарищ не просто гибель предметного мира, но и крах духовных ценностей прошедших веков. Так, поэт Гриффиус, оплакивая разрушения его родного города Фредштадта, с горечью взывает к традиционным кумирам: «Ах музы! Все, что вы послали людям в дар, безжалостно унес разнузданный пожар. Сокровища искусств, хранимые веками, как уличную грязь мы топчем каблуками» [4. С. 221].

Переоценка традиционной духовности происходит не только в религиозном сознании человека Нового времени. Она изменяет основы онтологических и гносеологических представлений в самой философии. Западноевропейская философская мысль через пантеизм и деизм постепенно освобождалась от средневековой схоластики, эволюционируя к эмпиризму и рационализму Нового времени, синтез которых служил мировоззренческим и методологическим обоснованием научной революции. Однако только в новых социальных условиях утверждения капитализма в Европе и механистической картины мира, соответствующей мануфактурному, а затем и машинному производству, стал возможным органический синтез рационализма и эмпиризма в лоне экспериментальной науки Нового времени. Распад традиционных связей и институтов феодального общества вызвал изменение самосознания человека того времени. Атомизация социального бытия создавала условия, благоприятствовавшие росту индивидуализма и конкуренции между людьми. Это, в свою очередь, способствовало развитию самосознания социального субъекта, углублению его саморефлексивности, осознанию себя в качестве центра социальной активности.

Поэтому не случайно, а вполне закономерно, что новые социальные реалии находят свое отражение и обоснование в трудах философов Нового времени как с идеалистических, так и материалистических позиций. Отмеченные выше преобразования в духовной сфере становящейся буржуазной цивилизации вызывают невиданное доселе ускорение хода политических революций XVII-XIX вв., в свою очередь окончательно закрепивших переход к новому способу социального бытия западноевропейского человека. Это создало и более благоприятные условия для формирования и ускоренного развития индустриальной цивилизации, составившей материально-технологическое основание буржуазного общества. Лишь после таких глобальных перемен это общество обретает прочную систему регулирования интересубъектных отношений, ядром которой служат институт частной собственности, буржуазное государство с его формально-демократическими принципами организации общественной жизни, стоящее на страже института собственности («теория ночного сторожа»).

Термин «Новое время» употребляется здесь часто не случайно. Он выражает факт кардинальных изменений в западноевропейском социуме XVI-XVIII вв. С этого момента мировая история вступает в стадию Современности (Модерна), а сам переход от традиционного средневекового общества к эпохе индустриального

общества получил в литературе наименование Модернизации. Индустриальная цивилизация создает социальные условия для формирования значительных людских объединений, представленных такими общностями, как классы, партии, профсоюзы, нации. Их значение в полной мере проявилось в течение всей Новой истории в ходе революций классовой борьбы, различных войн, включая две мировые. Если в целом определять тип сознания участников этих событий, то его можно охарактеризовать как рефлексивный. Он отражал связь человека с социальной структурой, его принадлежность к какой-либо общественной группе, слою, классу, нации, что являлось основой идентичности общественного индивида.

В аграрно-ремесленном обществе на протяжении веков субъект средневековой цивилизации также осознавал свою сопричастность с жизнью определенного социального коллектива – крестьянской общины, цеха, корпорации, рыцарского ордена, конкретного города и т.д. Однако эта солидарность раскрывалась через специфическую, только этой эпохе свойственную систему ценностей, отличавшуюся значительной устойчивостью и традиционализмом. К числу важнейших черт всякого традиционного, в том числе средневекового западноевропейского общества, можно отнести следующие: огромную роль в организации социальной жизни религиозно-мифологических представлений, коллективистский образ жизни, слабую выделенность персональности, преимущественную ориентацию на метафизические, а не на инструментальные ценности, авторитарный характер власти, отсутствие отложенного спроса, преобладание особого психологического типа «недеятельностной» личности, преобладание локальности над универсальностью, цикличность развития и др.

Капитализм уже на стадии мануфактурного производства ускоряет темпы социального развития. Неизмеримо больший стимул к социальным переменам придает крупное машинное производство. Буржуазные товарно-денежные отношения, превращающие в товар самую рабочую силу, неслыханно «расковывают» инициативу человека. В погоне за богатством и успехом он проявляет свои способности в достижении как благих, так и порочных целей. В условиях техногенной цивилизации происходит модернизация и самого социального индивида, формируется исторически новый тип личности. Ей присущи такие сущностные признаки сознания: постоянный интерес к новшествам, психологическая готовность к переменам, разнообразие взглядов, ориентация на информацию как на значимую ценность, рациональность, эффективность, экономия времени, высокая самооценка, партикуляризм, социальный оптимизм, предприимчивость.

Литература

1. *Осипов Н.Е.* Генезис и историческая эволюция ментальных ценностей человека от первобытности к новому времени (западноевропейский контекст) // *Философия и общество*. 2009. № 1, янв.-март. С. 124-137.
2. *Осипов Н.Е.* Категория «способ жизни» и её методологическая роль в социальной философии // *Вестник Чувашского университета*. 2006. № 5. С. 95-107.
3. *Осипов Н.Е.* Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // *Вопросы философии*. 2011. № 6. С.16-22.
4. *Очерки по истории мировой культуры: учеб. пособие / под ред. Т.Ф. Кузнецовой. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 221.*

ОСИПОВ НИКОЛАЙ ЕВДОКИМОВИЧ. См. с. 178.

ГЛЕБОВА ИНГА ЕВГЕНЬЕВНА – аспирантка кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (inga-glebova@yandex.ru).
GLEBOVA INGA EVGUENYEVNA – post-graduate student of Philosophy and Methodology Science, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ОСИПОВ ВАЛЕРИЙ МИНОВИЧ – аспирант кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (valerymin16@mail.ru).

OSIPOV VALERIY MINOVICH – post-graduate student of Philosophy and Methodology Science, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 947.083.

О.В. ПЧЕЛИНА

«БОЛЬНАЯ РОССИЯ» Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО: СТОЛЕТИЕ СПУСТЯ

Ключевые слова: социальная катастрофа, религиозная революция, интеллигенция, насилие, Д.С. Мережковский.

Статья посвящена анализу сборника статей «Большая Россия» (1910), которые являются документальным свидетельством эпохи, источником для осмысления социальных действий, революционных событий и отражает социально-философские взгляды Д.С. Мережковского.

O.V. PCHELINA

«SICK RUSSIA», BY D.S. MEREZHKOVSKY: A CENTURY LATER

Key words: social catastrophe, religious revolution, intelligentsia, violence, D.S. Merezhkovsky.

This article analyzes the collection of articles, «Sick Russia» (1901), which are documentary evidence of the age, a source for understanding social actions and revolutionary events, and reflect the socio-philosophical views of D.S. Merezhkovsky.

«Будущая Россия его прочтет, оценит и полюбит. Он ей будет нужен».

В.А. Злобин о Д.С. Мережковском

Размышления над собственным историческим бытием обостряются, как правило, в критические, переходные периоды в жизни общества. Отзыв А. Солженицына о сборнике «Вехи» (1909) с полным основанием можно отнести и к сборнику статей «Большая Россия» (1910) Д.С. Мережковского: «Сегодня мы читаем ее с двойственным ощущением: нам указываются язвы как будто не только минувшей исторической поры, но во многом – и сегодняшние наши» [4. С.1].

Переходные эпохи в культурно-историческом процессе характеризуются неустойчивостью и нестабильностью. Эти периоды, как правило, сопровождаются социокультурными кризисами, активными поисками во всех сферах жизнедеятельности. Повышенный интерес к переходным эпохам, который наблюдается в философской и историко-культурологической мысли в последние десятилетия, представляется вполне закономерным. В настоящий момент возникает потребность в философском осмыслении революционных событий начала XX в. с целью адекватного анализа процессов, происходящих в современном обществе. В этом смысле публицистика и автобиографические работы современников серебряного века представляют интерес с точки зрения осмысления общего и особенного, прогнозирования социальных процессов современного общества. Исследование переходных эпох в компаративистском контексте также является одной из тенденций гуманитарного знания в последние десятилетия.

Имя Дмитрия Сергеевича Мережковского ассоциируется, как правило, с зарождением отечественного символизма. Начало XX в. совпало с глобальными потрясениями в российской истории, результатом которых стали три русских революции и первая мировая война. Общественно-политическая ситуация в России определила глубокую потребность Д.С. Мережковского в переосмыслении исторического революционного опыта в контексте российских реалий. Чувство сопричастности автора к данным историческим событиям, которые стали переломным моментом в духовных судьбах многих русских людей, практически их хронологический анализ – все это придает написанному особую значимость и ценность. Социально-философские воззрения Д.С. Мережковского были и остаются в центре внимания исследователей, а его призывы не утратили своей актуальности и в современной социальной жизни.

В сборнике статей «Большая Россия» (1910) Д.С. Мережковский высказал свои впечатления от увиденного в 1908 г. после возвращения из трехлетней эмиграции. Сборник «Большая Россия» состоит из восьми публицистических статей, каждая из которых может рассматриваться как самостоятельная.

Открывает цикл статья «Зимние радуги», в которой автор описывает родной город. Вернувшись в Петербург, Д. Мережковский обнаружил, что «ничего не убавилось и не прибавилось», «ничего не произошло», только усилилось «чувство конца». Противопоставляя Петербург российской столице, автор тем самым демонстрирует свое отношение к европеизации в целом. Критикуя «Петра творенье», Мережковский противопоставляет электрические трамваи родным санкам, петербургский кинематограф – живой московской жизни. Петербург был искусственно выращен, «вымышлен», а потому в нем нет, и не может быть ничего вечного, заключает мыслитель. Воплощение «не своей воли», слепое подражание Западной Европе превратило Петербург не в европейский город, а в «какую-то чухонскую деревню», в «еще невытанцевавшуюся, но уже запакощенную Европу» [3. С. 115]. Отголоски революционных событий виделись Мережковскому во всем: знакомые и любимые городские места, которые раньше радовали и воспринимались родными, теперь, сквозь призму событий последних лет, казались зловещими и вызвали отторжение. «Печать смерти» на лице родного города ассоциируется у Мережковского с трагедией времени, народа, страны [3. С. 115].

В статье «Конь Бледный» анализируется одноименная повесть Б.В. Савинкова, в которой автор рассуждает о терроризме. Используя излюбленный метод субъективной критики, высказывая собственные мысли о природе творчества, социальной роли художника, Д.С. Мережковский поднимает одну из самых острых и болезненных тем – тему насилия. Размышляя о правомерности и необходимости смертной казни, Мережковский акцентирует внимание на том, что «вопрос о насилии, метафизический, нравственный, личный, общественный» всегда возникал во время революционных действий, однако только русская революция обнажила «религиозное» значение насилия [3. С. 128]. Опираясь на христианские заповеди, проводя параллели с героями Ф. Достоевского, анализируя этическую концепцию ненасилия Л. Толстого, вспоминая Сергея Радонежского, благословившего русских воинов, героизм Александра Невского и полководца Александра Суворова, Д.С. Мережковский задается вопросом о метафизике зла и правомерности насилия, о разрешении возникающих моральных противоречий. Темы кровопролития, государственного закона, всечеловеческой любви, религиозного оправдания государственного насилия, смертной казни, поднятые Мережковским, стали предметом многочисленных дискуссий и отозвались позднее в одном из знаменитых трудов И. Ильина «О сопротивлении злу силой» (1925). Сегодня эти темы, поднятые Мережковским, актуальны как никогда.

Размышлениям о «современной русской общественности», роли интеллигенции в истории, о природе и особенностях русской революции посвящена статья «Головка виснет». Анализ истории и революционных событий в России привел Мережковского к мысли о том, что русская революция «есть только бунт – январский, декабрьский, чугуевский, холерный, пугачевский, разинский – вечный бунт рабов». Бунт «стоячий», как «забастовка, остановка, недвижимость в самом движении, неделание в самом делании», уточняет Мережковский [3. С. 139-140]. Противопоставляя русскую революционную ситуацию европейской, мыслитель выделяет характерную черту русской интеллигенции – склонность к отступлению от своих позиций, идеалов, устремлений и целей. «Внешнее отступление» от своих взглядов Мережковский приравнивает к «внутреннему отступничеству», возврату к «обывательщине», мещанству. Автор призывает соотечественников не предаваться страху, не сидеть с «повиснувшей головкой», как больной ребенок, а «найти в бывшем, каково бы оно ни было, не только временную, но и вечную правду» [3. С. 139-147].

Название статьи «Сердце человеческое и сердце звериное» абсолютно точно выражает её основную мысль о «вечном споре богочеловечества с человекобожеством». «Борьба личности с обществом», вопрос о том, «кто Бог-человек или человечество, я или все?», антиномия абсолютной личности и абсолютной общественности – в таком ключе интерпретирует историю челове-

ства Д.С. Мережковский. В своих размышлениях автор переходит к собственно российским проблемам, анализирует современную общественно-политическую ситуацию, историю и предназначение России. Продолжая тему обличения маскового сознания, поднятую в нашедшей статье «Грядущий Хам» (1906), предостерегая от самодержавия и «нового бога – коллектива», Мережковский выступает против отрицания личности, против превращения «сердца человеческого» в «сердце звериное», против появления в обществе нового «Великого Хама».

Подтверждение в своевременности и правильности опасений, высказанных Д.С. Мережковским, можно найти в работах отечественных мыслителей. Рассуждая о новых формах коллективного сознания, Вяч. Иванов противопоставляет религиозную направленность «универсального», «соборного» соединения личностей «скоплению» механической обезбоженной массы и предостерегает от возникновения коллективного «собирающего мозга», способного воплотиться в подобие «общественного зверя» [2. С. 98-100]. Г.П. Федотов, называя выросшую психологию коллектива новым социальным знанием, акцентировал внимание на том, что «каждый союз хочет стать для личности ее единственным целым, подобно роду, семье, нации» и в дальнейшем от человека потребуются «верность и повиновение – дисциплина солдата» [5. С. 208].

Личности двух знаковых фигур петербургского периода российской истории представлены в статье «Аракчеев и Фотий» как символы государства и церкви, власти и Бога, земли и неба, плоти и духа. Символ единовластия – «соединение кнута с крестом» – таким виделся Мережковскому союз графа Аракчеева и архимандрита Фотия, союз «двух нечистых сил – государственной казенщины с церковною» [3. С. 168]. Влияние Аракчеева, которое распространилось на церковь и духовенство, привело к тому, что место духовного пастыря занял князь, в лице которого соединились «самодержавие и православие». Понимая религию как форму духовной деятельности, направленную на постижение Бога, обретение душевного покоя и радости, Мережковский занял крайне отрицательную позицию на присутствие «духа Аракчеева в церкви», которое сравнил с явлением гоголевского Вия. В такого рода сотрудничестве, выразившемся в полном подчинении церкви государству, Мережковский усмотрел социальные аспекты тоталитаризма, когда объектом религиозного поклонения становится авторитарный лидер. Союз Аракчеева и Фотия Мережковский называет двуликим Янусом, когда авторитарность претендует на поддержку церкви в виде идейного религиозного основания, не допускает свободомыслия и оправдывает любые преступные действия. Церковь прямо или косвенно поддерживает и транслирует политические идеи, религиозно оправдывает зло, допускает насилие, забыв о своем истинном предназначении.

Статья цикла «Свинья матушка» представляет собой анализ произведения А.В. Никитенко «Воспоминания и Дневник». «Исповедь, обнимающая три царствования, три поколения – от наших прадедов до наших отцов» – уникальный документ, в котором была представлена противоречивая эпоха XIX в. [3. С. 170]. Озабоченный судьбой России, А.В. Никитенко описывает технологию функционирования власти, роль общественного мнения, состояние отечественной литературы, поднимает проблему роли личности в историческом процессе. Темы, поднятые автором, были особенно близки Д.С. Мережковскому. Статья написана Д.С. Мережковским в излюбленной и типичной для него манере, когда обильное цитирование источника помогает критику высказывать свои собственные мысли. Выступая единомышленником автора, критик проводит параллели между историческими событиями – «Что это? Полвека или полгода назад? ... Те же мысли, чувства, те же слова, те же звуки голоса» – и констатирует «нарастание тихого ужаса и предчувствие неминуемой гибели» [3. С. 177-182]. Д.С. Мережковский беспокоит тот факт, что самообличение русского народа достигло предела, а цензура привела к страху, отчаянию и лжи, к возникновению нового типа «либерального постепеновца». Такой представитель общества несвободен в своем выборе,

отрицает крайности, занят поисками середины, боится совершить ошибку. «Либеральная постепеновщина» связана с нигилизмом и опасна тем, что личность примиряется со злом, царством лжи и отсутствием истинной свободы.

«Земля во рту» продолжает темы, поднятые автором в предыдущей статье: Д.С. Мережковский призывает к трезвой оценке событий «России нынешней». Используя концепцию Вяч. Иванова, Мережковский противопоставляет европейскую «волю к восхождению» русской «воле к снисхождению», усмотрев в разницу в культурных и религиозных традициях. Задаваясь вопросом выхода из сложившейся кризисной ситуации, Мережковский призывает к воскрешению, к свободе духа, «снисхождению Христовому», но не рабству или «низвержению во тьму и хаос» [З. С. 198-199]. Спасение России возможно лишь в том случае, когда народ наконец увидит и осознает собственное «окаянство», заключает Мережковский.

Спустя десятилетие А.И. Бунин выразит свое резко отрицательное отношение к октябрьской революции 1917 г. в дневниковых записях «Окаянные дни» и назовет «окаянными» дни революции и гражданской войны.

Заключительная статья «Когда воскреснет» созвучна одному из лучших стихотворений Д.С. Мережковского «Христос воскрес» (1887), в котором автор призывает «Умолкнуть стоны и проклятья / И стук мечей, и звон оков». Мыслитель убежден в том, что пока в стране идут революции, это значит, что государство оправдывает убийства и смертную казнь. Мыслитель призывает людей к всеобщему прощению и примирению – только при этом условии в России «воспряднуется Светлое Воскресение Христово» [З. С. 205].

Сборник Д.С. Мережковского «Болезнь России» не только занял видное место в творческом наследии автора, но и представляет собой несомненный интерес с точки зрения «свидетеля» социальных действий. Комментируя результаты революционных действий, предупреждая страну и европейское сообщество о возможных последствиях, Мережковский выразил крайнюю озабоченность в том, что начавшись под лозунгом всечеловеческих ценностей и справедливости, претендуя на закономерный итог исторического развития страны, российские революционные события вылились в насилие, классовую борьбу, диктатуру и тоталитаризм. Несмотря на то, что Мережковский не создал законченного социально-философского учения, его опыт нравственного осмысления свободы, творчества, феномена насилия и революционных событий представляется поучительным. Сегодня можно говорить о том, что творческое наследие Д.С. Мережковского оказалось продуктивным, предвосхитив многие события, оно востребовано и осознано как интеллектуальная и духовная ценность.

Оценку гражданской позиции Д.С. Мережковского дал его современник, поэт А. Блок: «...за спиной его – Россия; он – сын ее и слезами обливается за нее, болью ее горит, тоской тоскует и вопрошает, вопрошает без устали. Идея его – такая огромная идея, что заранее можно сказать, не вынесет он ее, как не вынесут тысячи других писателей, сгорит, но нам в наследство ту же великую думу оставит» [1. С. 208].

Литература

1. Блок А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: Худож. лит., 1992. Т. 5.
2. Иванов Вяч. Легион и соборность / Родное и вселенское. М.: Республика, 1994.
3. Мережковский Д.С. Болезнь России. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.
4. Солженицын А.И. Образованщина // Новый мир. 1991. № 5. С. 28-46.
5. Федотов Г.П. Лицо России: сборник статей (1918-1931). Paris: YMKA-PRESS, 1967.

ПЧЕЛИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет, Россия, Йошкар-Ола; докторант, кафедра философии, Московский педагогический государственный университет, Россия, Москва (opchelina@yandex.ru).

PCHELINA OLGA VICTOROVNA – candidate of philosophical sciences, assistant professor, Volga State University of Technology, Russia, Yoshkar-Ola; doctoral candidate of Philosophy Chair, Moscow Pedagogical State University, Moscow.

УДК 316.4

А.А. СМОЙЛОВ, Г.М. ПУРЫНЫЧЕВА

СПОРТИВНО-ИГРОВЫЕ ПРАКТИКИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Ключевые слова: игра, игровые практики, этический потенциал спорта, ценности культуры.

Рассмотрены функции игровых практик в традициях народа разных культур, роль спортивно-игрового события в жизнедеятельности нации.

A.A. SMOYLOV, G.M. PURYNICHEVA**SPORTS-GAMBLING PRACTICES IN THE SOCIAL AND CULTURAL DIMENSION**

Key words: game, play practice, the ethical potential of sport, cultural values.

An investigation of the functions of gaming practices in the folk traditions of various cultures and the role of sports and gaming events in the life of the nation.

Опыт истории показывает, что в условиях системного кризиса оказываются поставленными под сомнение существующие модели политической, экономической, социальной организации общества в целом. В таких ситуациях вызова любая идея, истинная или ложная, но понятная большинству, способна овладеть массами, объединять и направлять их. Известно, что жизнеспособность нации, государства, поддерживается не только политическими методами, но и культурно-историческими корнями и традициями, верой в свою исключительность, самобытность и предназначение. Утрата духовных и культурных ценностей нации приводит к кризису любого государственного строя, поскольку государство помимо обеспечения материальными средствами и гарантией безопасности, устанавливает определенные системы ценностей и идеалов, предписывает этические нормы поведения. При этом одной из основных задач государства является формирование национальной идентичности населения на основе общих ценностей, культурных традиций, исторически сложившихся совместных форм деятельности.

Существует мнение, что потребность иметь врага заложена в самой человеческой природе, поскольку это связано с борьбой за выживание. Образ врага очень важен для ориентации человека в жизненном пространстве. Он стимулирует различные формы человеческих взаимоотношений, такие как коллективизм, солидарность, конкуренция, оппозиционность, враждебность, неуживчивость и т.д. Следует отметить, что противопоставления «они и мы» внутри государства могут усиливаться в результате социального расслоения, действий, связанных с избирательным применением законодательства, непонятной системой распределения материальных благ и ресурсов, и т.п. Такое положение благоприятно для появления и развития различных клановых структур, движений экстремистской направленности, что ведет к атомизированности основной части населения. На наш взгляд, персонализация «образа врага» может быть преодолена и уступить место абстрактному его пониманию при взаимодействии культурных, религиозных и спортивных центров Российской Федерации.

В процессе взаимодействий этнических культур в ходе исторического развития России общих культурных ценностей и традиций сформировалось гораздо больше, чем различий. Спорт является одной из культурных универсалий, сохраняющейся в национальном многообразии, демонстрирующей огромный потенциал для объединения и сплочения людей в их совместной деятельности, которую можно эффективно использовать для пропаганды и продвижения ценностей, отвечающих интересам единства государства. Представляется, что отстаивание ценностного базиса, сформированного из общекультурных благодетелей (свобода, нравственность, трудолюбие, справедливость, и т.п.), в спортивных практиках будет наиболее эффективным как для личности, так и для

социума в целом. Так, олимпийская идея оказала сильное объединяющее воздействие потому, что пропагандировала честное ведение борьбы, демонстрировала открытость, истинное проявление силы и человеческой воли. Несмотря на современные практики рыночного «потребления» спорта, олимпийские идеалы продолжают служить формированию высшим ценностным ориентирам для всего человечества или, по крайней мере, для значительной его части.

Современный спорт все больше влияет на все сферы общественной деятельности и характеризуется взаимовлиянием и взаимопроникновением. Занимаясь тем или иным видом спорта, мы воспринимаем и осваиваем манеры ведения спортивного поединка, определенные формы поведения, которые могут не всегда соответствовать ментальным особенностям. Формирование психофизических качеств у разных этнических культур зависело и было связано с рядом особенностей (климат, внешние связи, промыслы и т.п.). Вероятно, что и отдельные виды деятельности, в том числе спортивные игры, могут восприниматься неоднозначно. Так, англосаксонские игры по степени агрессивности (на взгляд представителя иной культуры) неприемлемы и крайне вредны для человека.

Западноевропейская культура, предложившая миру многие игровые виды спорта, тесно связана с ценностями католической церкви, которая исторически формировала основы мировоззрения населения и регулировала уклад жизни и отношения в этих странах. Следует также отметить, что спортивные практики были важны для буржуазии как способ конструирования внешнего облика и манеры поведения. Буржуазные элиты задавали моду и стремились к превосходству не только в труде. Культ тела, стремления оттачивать свои движения могут трактоваться как «практика делания самого себя», где формируются индивидуализм, обособленность и свобода от общественных регулятивов. Логическое разделение игровых практик на аристократические и народные напрямую отражало чувственные и духовные потребности определенных социальных сословий. Аристократическая игровая тенденция проявлялась в таких видах, как теннис, регби, гольф, верховая езда, где важно формирование умений и навыков в презентации себя как джентльмена. Тогда как народная тенденция в игре (игра в футбол в рамках карнавала) характеризовалась непосредственностью и спонтанностью в своем возникновении и развитии и отличалась способностью отражать мирозерцание народного сословия как враждебное всякому завершению и увековечиванию. Возрастающая активность человека в индивидуальной и социальной жизнедеятельности определила становление спорта, основанного на ценностях строгой рационализации, специализации и успешности жизнедеятельности, а также представляла собой сублимативную практику самореализации. Трансформация системы спортивного досуга, которая привела к существенной переоценке символических ценностей, и в современном мире нуждается в адаптации традиционных видов спорта, унаследованных от англосаксонского мира. Спорт воплощает в себе черты укоренившегося его общества, поэтому при организации спортивных практик нужно внимательно исследовать опыт других стран, а не бездумно перенимать его. Анализ проблемы показывает, что существенную роль в определении характера организации спорта играют культурное наследие, политико-экономическая ситуация, качество и характер образования в стране.

Исследуя тему организации спортивно-досуговой деятельности, следует учитывать коммерческий аспект и его значительное влияние на спорт в целом. Так, современными социологами отмечено [1. С. 75], что чрезмерная коммерциализация профессионального спорта ведет к закату идеологии национального государства, а значит, и национальных команд (приобретение спортсме-

нов из-за рубежа) В условиях, когда главенствующим фактором является получение прибыли, стратегия развития спорта будет определяться соответствующим образом: победа любой ценой, даже за счет здоровья спортсмена. Вместе с тем и любительский спорт растворяется в индустрии платных оздоровительных услуг. Яркая атрибутика, разнообразие новейшего оборудования современных спортивных сооружений создают привлекательные условия для проведения активного досуга, но «элитарность» таких заведений делает их малодоступными для рядовых граждан.

Спорт всегда был всеобъемлющим социальным фактором, который способен решать важные социальные и институциональные задачи, оказывать воздействие на общественные взаимоотношения. Социальная роль спорта может и, на наш взгляд, должна состоять в консолидации общества, в том чтобы спорт способствовал созданию новой морали в социумах, где регулирующие отношения между людьми и традиционные нормы, особенно в конфликтных ситуациях, утрачивают свою значимость.

Спортивно игровые практики, получившие признание во всем мире, являются отличным инструментарием для интеграции и вовлечения масс в активную деятельность на благо страны. На наш взгляд, особое внимание следует уделять не содержанию спортивных игровых практик, а тому, кто и как в них играет. Игры могут быть brutальными, стимулировать агрессию, порождать конфликты, но, по сути, это лишь арена для выплеска накопившихся в социуме эмоций. Взаимозависимость и взаимовлияние процессов в спорте и обществе очевидны. Определенную работу по консолидации легче провести в спортивных практиках, чем в социуме в целом, поэтому реализация честной конкурентной борьбы, уважение, а не подавление соперника, должны стать приоритетными направлениями как в тренировочных процессах, так и на состязаниях.

Литература

1. Дубин Б.В. Спорт в современных обществах: пример России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 2 (70). С. 70-80.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
3. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 1054 с.
4. Степанянц М.Т. Культура как гарант российской безопасности // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 3-14.

СМОЙЛОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доцент кафедры физической культуры, Поволжский государственный технологический университет, Россия, Йошкар-Ола (smoilof@yandex.ru).

SMOYLOV ANDREW ALEKSANDROVICH – associate professor of Physical Education Chair, Volga State University of Technology, Russia, Yoshkar-Ola.

ПУРЫНЫЧЕВА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Поволжский государственный технологический университет, Россия, Йошкар-Ола.

PURYNYCHEVA GALINA MIKHAYLOVNA – doctor of philosophical sciences, professor, head of Philosophy Chair, Volga State University of Technology, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 343.211

О.Н. ГОРОДНОВА

СВОБОДА ВОЛИ И ЕЕ РОЛЬ В УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ СОУЧАСТИИ

Ключевые слова: свобода действия, выбора и воли, преступное соучастие, подстрекатель, инициатор.

При рассмотрении вопроса об уголовно-правовом соучастии для правильной квалификации преступления необходимо учитывать мотивацию, психическое отношение к содеянному лиц, совместно причинивших вред. Совместность является не только объективным, но и субъективным признаком соучастия. В ст. 32 УК РФ содержится указание на умышленный характер действий всех участников, что необоснованно исключает возможность соучастия в неосторожных преступлениях, преступлениях в состоянии аффекта.

O.N. GORODNOVA

FREE WILL AND ITS ROLE IN CRIMINAL COMPLICITY

Key words: freedom of action, choice and freedom, criminal complicity, instigator, initiator, qualification.

When considering the question of whether complicity meets the proper qualifications of a crime under criminal law, it is necessary to take motive into account, as well as the mental attitude toward the parties' deed and the reasons for the crime. Compatibility is a not only objective, but also subjective sign of complicity. Article 32 of the Criminal Code contains a reference to the intentional actions of all participants, which unreasonably excludes the possibility of complicity in crimes of negligence and crimes of passion.

В философском предметном поле проблема свободы, как правило, анализируется в трех аспектах: свобода действия, выбора и воли. При этом в условиях современной правовой действительности актуализируются философско-юридические проблемы свободы воли. Для следственной, а также судебной практики в условиях демократизации общества все большее значение приобретают вопросы анализа оснований поступков и мотивов индивида. Свобода действия выражается в беспрепятственном переходе уже имеющегося у индивида желания в движение его тела, которое соответствовало бы цели этого желания. Иными словами, она состоит в том, что человек может делать то, что хочет. Являясь внешней и внутренней предпосылкой для какой бы то ни было серьезной жизненной деятельности, эта свобода издавна считалась одним из основных прав человека. Однако она далеко не исчерпывает проблемы социальной свободы человека в контексте философии [12].

В частности, посредством каких импульсов, факторов у индивида рождается желание, которое он реализует? Является ли оно осознанным либо навязанным? В известном случае с «падающим камнем» Б. Спиноза говорит о том, что камень может «думать», он в высшей степени свободен и продолжает движение по своей непредсказуемой траектории. Такова человеческая свобода, обладанием которой демократическое общество гордится. Таким образом, человек сознает свои желания, но не знает причин, которыми они детерминируются. Члены общества, которые гордятся свободомыслием, не всегда могут похвастаться свободной волей. Нередко они воодушевлены общей политической, порой навязываемой им идеологией. В то же время относительная утрата свободы действия также не указывает на утрату свободы воли: человек, изолированный от общества, приговоренный к пожизненному заключению, ограничен в свободе действия, но продолжает оставаться вольнодумцем, хозяином своего мироощущения и сознания.

При социальной жизненной адаптации внешнее и внутреннее принуждение взаимообусловлены: у человека, лишенного свободы действия, легко отнять психологическую свободу путем принуждения, угрозы. Например, заключенный вправе активно протестовать против незаконного режима содержания либо незаконного осуждения, но нередко он отказывается сознательно от пользования эти правом, так как понимает, что усугубит свое положение и не сможет добиться правды, которая на стороне сильного. При этом он ограничивает себя в свободе выбора возможного поведения. Находясь под психическим давлением, человек из страха должен следовать чужой воле.

Как верно отмечает С.А. Левицкий с ростом зрелости социума физическое принуждение все больше заменяется моральным давлением и все большее число запретов накладывается на человека с раннего возраста. В большей степени ограничивается не свобода действия (бездействия), а свобода выбора варианта поведения.

Не случайно В. Виндельбанд более сложной называет проблему свободы выбора, а не свободу действия. По вопросу – способна ли человеческая воля выбирать между мотивами или воля является только регистратором, приводящим в действие наиболее сильный мотив – среди философов нет общего мнения. Детерминисты считают, что волевая жизнь человека сводится к борьбе мотивов, в которой автоматически побеждает мотив сильнейший, а воля является лишь регистратором, приводящим в действие наиболее сильный мотив. Какой из мотивов пересилит, можно выявить опытным путем. Другие, в противовес детерминистам, считают, что человеческая воля сама способна выбирать между разными мотивами [12]. При этом ситуация выбора возможна в случае одинаковой силы дифференцированных мотивов, так как в случае явного их неравенства сил выбор может быть сделан неосознанно и автоматически. При этом «победа достигается через прибавление нового, третьего, мотива, так как наше «я» не может оставаться пассивным зрителем мотивов и должно породить новый мотив-решение или отказаться временно от решения [12]. Однако проблема свободы в контексте философской мысли не может быть решена даже путем многоаспектного анализа. Пример Спинозы с падающим камнем иллюстративен: человек, убежденный в своей свободе, становится рабом обстоятельств.

Тему свободы нельзя раскрыть, руководствуясь субъективными ощущениями индивида. Свободный выбор не всегда приносит удовлетворенность. Часто «свободный выбор» достигается «муками выбора», а чувство освобождения от сделанного выбора в действительности означает ограничение свободы. Внутреннее ощущение свободы не всегда является доказательством свободы или нет.

Таким образом, свободу не может определить и обусловить ни свобода действия, ни свобода выбора. Несмотря на то, что истинное решение вопроса должно охватить все три уровня (свободу действия, выбора и воли), именно свободы воли имеет ключевое значение.

Разрешим ли вопрос о свободе воли в юриспруденции? Так ли он важен для правильной квалификации преступного деяния? На наш взгляд, руководствуясь справедливостью закона и наказания, суд должен ответить на данный вопрос путем анализа психического отношения лица к содеянному в каждом конкретном случае отдельно. Случаи психологического, физического, морального принуждения нередки, как и соучастия в преступлении. Следует отказаться от принятия априори признания своей вины обвиняемым. Вина должна быть доказана. Презумпция невиновности – гарантия реализации принципа справедливости, который включает в себя основные идеалы, в том числе и свободу действия и выбора, волеизъявления.

При рассмотрении вопроса об уголовно-правовом соучастии для правильной квалификации преступления необходимо также учитывать мотивацию и

психическое отношение лиц, совместно причинивших вред, к содеянному. Совместность действия, бездействия необходимо доказывать путем анализа субъективной части совершенного соучастниками преступления, т.е. их психической мотивации. Содержание психической связи можно выявить при определении и доказывании отношения каждого соучастника к деятельности других лиц и стремления к достижению реализации общего преступного умысла. Для субъективной стороны соучастия характерно также отношение соучастников не только к совершенному совместно деянию, но и к его последствиям.

Дискуссионным институтом уголовного права продолжает оставаться институт соучастия в преступлении. Об актуальности его свидетельствует систематический рост организованной преступности. Глава 7 УК РФ включает 5 статей, регулирующих вопросы преступного соучастия. Так, отдельные формы соучастия довольно часто используются российским законодателем в качестве квалифицирующих, особо квалифицирующих признаков составов преступлений. В 70 статей особенной части УК РФ (27% составов преступлений) включен такой квалифицирующий признак, как совершение преступления организованной группой, в 45 квалифицированных составах организованная группа фактически охватывается такими квалифицирующими обстоятельствами, как совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору (24% составов преступлений) [2].

Кроме того, немало основных составов преступлений в УК РФ сформулированы законодателем так, что их обязательный признак – наличие организованной группы. Законодательной новеллой УК РФ является установление уголовной ответственности за создание преступной организации (ст. 210 УК РФ).

По уголовному законодательству соучастием в преступлении признается «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» (ст. 32 УК РФ). В этой законодательной формуле, следуя принятому в теории уголовного права методу разделения объективного и субъективного, выделяются две группы признаков [1]. Количественный признак характеризует участие в преступлении двух или более лиц. При этом эти лица должны обладать всеми необходимыми качествами субъекта преступления, т.е. достичь возраста уголовной ответственности, быть вменяемыми (ст. 19-23 УК РФ). Другим объективным признаком соучастия является «совместность действия» двух или более лиц в совершении преступления. Она заключается в поступках нескольких лиц, направленных на выполнение единого преступления. Совместность является не только объективным, но и субъективным признаком соучастия. Совместность действия соучастников заключается в наличии причинной связи между действиями каждого соучастника и наступившим последствием.

В ст. 32 УК РФ содержится указание на умышленный характер действий всех участников, что исключает возможность соучастия в неосторожных преступлениях, преступлениях в состоянии аффекта.

Вместе с тем в рамках настоящей дискуссии справедливо будет рассмотреть вину *подстрекателя, инициатора* (на наш взгляд, данные понятия отнюдь не тождественные) в уголовном преступлении. Виды соучастия, которые определены законом, – исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник.

Подстрекатель – это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или иным способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ). Склонить – значит породить у другого субъекта умысел на совершение преступления. Порой исполнитель действует под влиянием психического воздействия на него другого лица, но сам не осознает свою несвободу, зависимость [7]. Можно ли в условиях современной законодательной истины признать такое находящееся в тени лицо подстрекателем, вместе с тем и соучастником преступления? В художественной литературе есть классический об-

разец такого явления. В трагедии В. Шекспира Яго рассказал Отелло о якобы измене Дездемоны, что послужило импульсом для ревности и стало причиной убийства «неверной» жены. Является ли Яго подстрекателем? Пленум Верховного Суда СССР еще в 1965 г. в Постановлении по делу указал, что «ответственность за подстрекательство к убийству может наступить лишь в случае, если виновный, имея намерение лишить жизни потерпевшего, склонил к этому исполнителя преступления» [3]. В случае с Отелло подстрекатель желает возбудить в нем умысел совершить убийство, хотя сам исполнитель не осознает истинной роли подстрекателя и, возможно, если представить, что состоится следствие, не скажет о своем соучастнике. В противоположных случаях, по мнению ученых (В.И. Гуреев), когда лишь исполнитель считает, что действует в соответствии с желанием мнимого подстрекателя, но последний не осознает своей подстрекательской роли и не направляет волю на совершение преступления исполнителем, – соучастие отсутствует и за совершенное преступление подлежит ответственности только исполнитель [7]. Если суду руководствоваться указанной позицией, то следует верить не исполнителю, а подстрекателю, который вряд ли признает свою вину (прямой или косвенный умысел в совершении преступления). Следовательно, данная позиция не соответствует принципу справедливости в уголовном праве.

Целесообразно в ходе следствия выявить мотивы и исполнителя, и подстрекателя. Сделать это нелегко, так как вина и невиновность – понятия философские. Именно поэтому большой процент судебных ошибок практически неизбежен. Однако цель науки – минимизация ошибок судебной практики, а значит, поиск новых представлений для решения фундаментальных проблем. В этой связи хочется обратить внимание на психическую зависимость (несвободу) исполнителя от подстрекателя, которая порождает совершение преступлений не умышленных, а в состоянии аффекта. Здесь главным аргументом против возможности соучастия в преступлениях такого рода служит тезис о том, что соучаствовать в состоянии аффекта невозможно (соучастие предполагает умысел). В плане рассуждений об аффекте и мотиве следует привести пример. Бытовая ситуация: женщина любит молодого человека, от которого должна родить. Будущий отец ребенка, не имея постоянного заработка, являясь студентом, склоняет ее сделать аборт, но она не соглашается, надеясь убедить его в будущем семейном счастье, которое заключается в воспитании ребенка. Мужчина заявляет, что не намерен заботиться о ней и о будущем ребенке. Он предлагает ей умертвить младенца сразу после родов, внушая страх перед родителями, учителями, соседями. Разрешившись от бремени, женщина рассчитывает на поддержку сожителя, но получает ответ, что он больше не желает с ней видеться, поскольку она не исполнила его настоятельное требование убить новорожденного. Любовь к мужчине и боязнь стать изгоем подросткового общества, страх, депрессия преодолевают законодательные и моральные запреты. Женщина, действуя в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), убивает младенца, горько после этого сожалея о содеянном. В описанной ситуации субъект подстрекал не к аффекту, а к конкретному преступлению, причем своими подстрекательскими действиями создал к тому же ситуацию сильного душевного стресса. В таком случае следует оценить его действия как соучастие в преступлении, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 106 УК РФ в виде подстрекательства (изложенное касается и пособничества, и действий организатора). Таким образом, логика рассуждений приводит к выводу о том, что соучастие (в определенных случаях) возможно и в преступлениях, совершенных в состоянии аффекта (разумеется, в таких случаях невозможно соисполнительство). На практике же трудно предугадать поведение женщины-убийцы после совершения преступления, а также предугадать поведение подстрекателя и поверить в их виновность или невиновность.

Кроме того, можно считать бесспорным, что в любом преступлении, в котором участие принимают два или более лица, инициатива преступного действия всегда принадлежит одному из них. Когда речь идет о преступлении, совершаемом соисполнителями, необходим первоначальный импульс, который придает действиям соучастников определенную преступную направленность. При обязательном наличии такого побудительного начала необходимо лицо, породившее его. Возникает новая фигура, качественно отличающаяся от существенных видов соучастников. Ранее П.И. Гришаев и Г.А. Кригер указывали на наличие такой фигуры, обозначая ее термином «инициатор преступления», понимая под ним «лицо, которое совершает при исполнении функции исполнителя и подстрекателя» [4].

В настоящее время в судебной практике существует тенденция сглаживания ответственности между исполнителями и «инициаторами» преступления, тем самым искажается один из основополагающих принципов уголовного права – принцип индивидуализации наказания. Это явление не новелла сегодняшнего дня. Печальный отечественный исторический опыт демонстрирует практическое применение теории соучастия в широком смысле слова, которое заключалось в том, что признание «общей преступной деятельности» исключало необходимость доказывать эпизоды убийства, измену Родине, иные преступления. По мнению известного теоретика и практика «правового» обеспечения сталинских репрессий А.Я. Вышинского, «общая преступная деятельность» – ключ к решению проблемы соучастия. Преступлений как таковых может и не быть, а «деятельность будет», значит, будет и ответственность. Однако исторический опыт, в том числе и печальный, целесообразно анализировать. При этом пресекать преступность, необходимо только законными средствами. Вместе с тем каждый должен понести наказание, а не «один за всех и все за одного». Это подчеркивает необходимость внесения изменений в действующее законодательство. А именно – дополнить ч. 3 ст. 33 УК РФ еще одной разновидностью соучастников – «инициатор преступления». С точки зрения практики правоприменения это облегчит весьма сложный процесс квалификации групповых преступлений, совершенных без предварительного сговора, придаст более строгий вид всему институту соучастия и, что наиболее важно, усугубит ответственность лиц, выполняющих помимо функции исполнителя подстрекательские действия.

Различие между *инициатором* преступления и иными соучастниками состоит в следующем. *Исполнителем* преступления признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо участвовавшее в его совершении совместно с иными соисполнителями, а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Организатор – это лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а также лицо, создавшее организованную группу, преступное сообщество либо руководившее ими (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

Поспособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, представлением информации, а также лицо, обещавшее скрыть преступника, следы и предметы преступления, а равно лицо, обещавшее приобрести, сбыть такие предметы (ч. 5 ст. 33 УК РФ).

Подстрекатель – лицо, склонившее субъекта к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы, иным способом (ч. 4 ст. 33 УК РФ).

Инициатором (зачинщиком – по терминологии дореволюционного права) следует считать того, кто действует, проявляя инициативу [8, 10]. Другими словами, это лицо, которое предлагает идею – совершить преступление [2]. На практике нередко его роль этим не ограничивается: соучастник может выступить в нескольких амплуа (в качестве и инициатора, и организатора пре-

ступления). В этом случае «инициатор», а также объективная возможность проявления инициативы (от лат. *initium* – начало) любым соучастником, за исключением пособника, снимают, по нашему мнению, вопрос о выделении инициатора в качестве самостоятельного вида соучастника. Вместе с тем вызывает сомнение предложение П.Ф. Тельнова о полном отказе от использования данного понятия в судебной практике [10]. Актуальность приобретает такой субъект, как инициатор в случаях соисполнительства. Например, важно определить инициативную роль каждого в хищении чужого имущества. Проявление инициативы в совершении преступления при прочих равных условиях повышает степень общественной опасности конкретного соучастника и требует индивидуального подхода при назначении наказания каждому из сопричинителей вреда.

Вместе с тем вряд ли иницирующая роль лица в совершении преступления «должна учитываться при назначении наказания в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «г» ч. 1 ст. 63 УК)» [5, 6]. Представляется, что инициатива совершить преступление не во всех случаях влечет последующую активность при подготовке и реализации преступного умысла.

Иницирующая роль лица в совершении преступления (как один из факторов, позволяющих судить о степени участия в преступлении, свидетельство более высокой степени общественной опасности конкретного соучастника) должна быть учтена судом при индивидуализации ответственности лиц, совместно участвовавших в совершении преступления (ст. 67 УК РФ).

Кроме того, установление фигуры инициатора преступления в судебной практике может сыграть важную роль и вне рамок института соучастия. Например, определение инициатора преступления может повлиять на квалификацию содеянного при решении вопроса о наличии или отсутствии необходимой обороны в ситуации совместной драки либо разграничения убийства из хулиганских побуждений и убийства в ссоре или драке. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» особо подчеркивается, что «для правильного отграничения убийства из хулиганских побуждений от убийства в ссоре или драке следует выяснять, кто явился их инициатором... Если инициатором (зачинщиком) ссоры (драки) явился потерпевший... виновный не может нести ответственность за убийство из хулиганских побуждений» (п. 12) [9].

Итак, свободен ли человек в своем выборе или нет, не может определить ни философия, ни юриспруденция, ни он сам. Проблема выявления роли соучастников актуализируется и в философии права, и юридической практике. Остается надеяться, что суд справится с задачей восстановления справедливости, а общественная идеология насытится высокими моральными эталонами, законодательство – правилами поведения, позволяющими индивидуализировать наказание, учитывая степень вины соучастника.

Литература

1. Амелин Д.В. Соучастие по уголовному законодательству России и Украины // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 70.
2. Артеменко Н.В., Минькова А.М. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности посредника, провокатора и инициатора преступления в уголовном праве РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru/book_2985.html (дата обращения: 18.02.2011).
3. БВС СССР. 1965. № 5. С. 16.
4. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М.: Юрлитиздат, 1959. С. 58-63, 72-84.
5. Кузнецова Н.Ф. Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении. М.: БЕК, 2004. С. 5.
6. Курс уголовного права. Общая часть / под ред. И.М. Тяжковой. М.: Норма, 1999. Т. 1. С. 397.
7. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: БЕК, 1996. С. 297.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. С. 252.

9. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 27.01.1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=10702> (дата обращения: 17.01.2011).

10. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М.: Мир, 1974. С. 69-70.

11. Толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремова. 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru>. (дата обращения: 18.02.2011).

12. Шабанова М.А. Социология свободы: трансформирующееся общество. 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/shabanova_undepending/4.aspx (дата обращения: 04.12.2010).

ГОРОДНОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gorodnova.olga@yandex.ru).

GORODNOVA OLGA NIKOLAEVNA – candidate of philosophical sciences, assistant professor of Civil and Legal Disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 343.211

О.Н. ГОРОДНОВА

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПИСАНИЯ ГИПОТЕЗЫ, ДИСПОЗИЦИИ СТАТЬИ 177 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Ключевые слова: судебный акт, крупный размер задолженности, злостное уклонение.

Норма об ответственности за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ) имеет цель обеспечить эффективное уголовно-правовое воздействие на недобросовестных должников. В условиях современного развития финансово-кредитных обязательств состав преступления нуждается в совершенствовании.

O.N. GORODNOVA CRIMINAL EVASION OF DEBT REPAYMENT

Key words: judicial certificate, large size of debts, malicious evasion.

The general rule of liability for willful evasion of payment of accounts payable (art. 177 Criminal Code) aims to provide an effective criminal law for unscrupulous debtors. The modern development of the financial and credit obligations of the crime need to be improved.

Судебным приставам приходится работать с гражданами, которые считают, что необязательно возвращать кредиты. Суды вынуждены выдавать исполнительные листы, а приставы-исполнители бороться с неплательщиками.

Так, Горнозаводский районный суд приговорил должника по исполнительному производству о взыскании задолженности по кредиту к одному году лишения свободы условно. В ходе судебного следствия выявлено, что должник, обязанный к выплате долга в размере 280 тыс. руб. в пользу кредитной организации, умышленно уклонялся от возврата долга. Должник являлся предпринимателем, получателем пенсии, т.е. имел постоянный заработок. Несмотря на неоднократные предупреждения пристава, неплательщик попыток погасить долг частями не предпринял. Рассмотрев материалы дела, суд признал должника виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 177 УК РФ.

С начала 2011 г. органами дознания Управления федеральной службы судебных приставов по Московской области возбуждено 19 уголовных дел в отношении граждан, злостно уклоняющихся от погашения задолженности [1]. Несмотря на оптимизацию практики применения ст. 177 УК РФ, вопросы законности ее применения решены недостаточно четко.

Исследуя конструкцию ст. 177 УК РФ, В.Д. Ларичев и В.Ю. Абрамов, А.А. Сапожков делают выводы: статья не раскрывает сущности деяния, способствует процессуальной волоките, несмотря на то, что прослеживается динамика роста преступлений в данной сфере [6].

Категорично заявление Л.В. Иногамовой-Хегай: «Ст. 177 УК РФ с ее судебной преюдицией практически изначально «мертворожденная» норма. Желательно исключить из нормы преюдицию» [2]. В связи с тем, что законодатель в диспозиции статьи использует терминологию «после вступившего в законную силу судебного акта», П.А. Скобликов выделяет недостатки обращения в суд: требует немалых денежных затрат; влечет значительные временные издержки; для успешного решения вопроса судебным путем ввиду сложной процедуры кредиторю необходима квалифицированная юридическая помощь; положительное решение суда по делу не гарантирует реального возмещения долга; процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании для обеспечения интересов кредиторов и взыскателей [7].

П.А. Скобликов отмечает такой недостаток нормы, как отсутствие признаков, позволяющих отграничить злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности от иных случаев неуплаты долгов. Оправданно замечание П.А. Скобликова о крупном размере долга. В связи с тем, что обязательным условием привлечения к ответственности за данное преступление является крупный размер задолженности, кредиторы, долги которых составляют меньшие суммы, не могут получить уголовно-правовую защиту. Как отмечают теоретики, данный вопрос можно решить путем конструирования состава преступления без указания на размер кредиторской задолженности и выведения признака «крупный размер» в разряд квалифицирующих. Вместе с тем законодательные новеллы направлены на увеличение размера ущерба, дохода либо задолженности. Так, Федеральным законом от 07.04.2010 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в примечании ст. 169 УК слова «двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупным – один миллион рублей» заменены словами «один миллион пятьсот тысяч рублей, особо крупным – шесть миллионов рублей». Таким образом, злостным уклонением является невозврат долга на сумму в 1,5 млн руб. [4].

Опираясь на базовые теории, попытаемся концептуально сформировать выводы по совершенствованию конструкции состава ст. 177 УК РФ.

1. Редкая практика по возбуждению уголовных дел не доказательство неэффективности нормы. Коллекторские агентства, банковские и иные кредитные организации могли бы не просто реструктурировать долги, а наладить законную практику обращения в правоохранительные органы с заявлением по ст. 177 УК РФ и обжалования возможных отказов в возбуждении уголовных дел.

2. Первоочередным условием наступления уголовной ответственности является наличие вступившего в законную силу судебного решения, вынесенного по иску кредитора, об обязании должника погасить задолженность в его пользу. Следующим условием наступления уголовной ответственности является злостный характер уклонения от погашения задолженности. Третьим условием наступления ответственности за указанное деяние является крупный размер задолженности.

Статья содержит нечеткие формулировки, в связи с чем у правоприменителя возникают вопросы: что такое «кредиторская задолженность»; что следует считать «уклонением от ее погашения»; какое уклонение следует считать «злостным»?

3. Кредиторская задолженность возникает в случае, если дата поступления услуг, работ, товаров и т.д. не совпадает с датой их фактической оплаты. Многие ученые и практические работники понимают кредиторскую задолжен-

ность как задолженность по кредитному договору. Другие трактуют кредиторской задолженностью широко, как долг по любому обязательству. Третьи относят к кредиторской задолженности только долги, возникшие из обязательств, существо которых составляет получение денег с обязательством их возврата. Понятие кредиторской задолженности вытекает из норм гражданского права об обязательствах. Согласно ст. 307 Гражданского кодекса РФ в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.п. либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Таким образом, кредиторская задолженность по тексту данной статьи представляет собой любой вид неисполненного обязательства должника кредитору (ст. 309 ГК РФ), включая денежные обязательства (ст. 317 ГК РФ)¹. В рамках ст. 177 УК РФ к кредиторской задолженности относятся: банковский кредит, задолженность по расчетам с поставщиками и подрядчиками, задолженность по договорам займа, а также иная задолженность, образовавшаяся из договорных отношений, включая задолженность и по ценным бумагам [3].

4. Что касается злостного характера, то можно провести аналогию со ст. 157 УК РФ. В правоохранительной практике привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты алиментов злостность определяется как неисполнение обязанности по уплате при наличии возможности после двух предупреждений судебного пристава-исполнителя. Применительно к ст. 177 УК РФ такой подход неприемлем, так как «злостность» определяет не сколько продолжительность деяния, а психическое отношение субъекта к содеянному. В уголовном законодательстве Греции, представленном УК 1950 г., ст. 358 раскрывает понятие «злостность» уклонения, которое означает, что нарушение обязанности не было вызвано ни забывчивостью, ни отсутствием возможности выполнить эту обязанность.

Злостность уклонения может выражаться в действиях (бездействиях) должника: имея в наличии или на банковском счете денежные средства, позволяющие погасить кредиторскую задолженность полностью либо частично, умышленно не выплачивал (не перечислял) их кредитору [3]; умышленно скрывал от судебного пристава-исполнителя факт открытия нового расчетного счета [3]; имея в собственности имущество (за исключением перечня, определенного ст. 446 ГПК РФ), совершал сделки по его отчуждению, а полученные за него денежные средства не передал кредитору в погашение задолженности; имея дополнительные источники дохода, скрывал их либо представлял заведомо ложные сведения о доходах, имуществе; занимаясь предпринимательской деятельностью, производил кредитные операции; передавал движимое имущество на хранение родственникам или знакомым; вводил в заблуждение судебного пристава-исполнителя по поводу порчи, хищения или уничтожения имущества; по неуважительным причинам не являлся по вызовам пристава, препятствовал совершению исполнительных действий [3]; оказывал незаконное воздействие на кредитора; не ставя в известность судебного пристава-исполнителя, изменял место жительства, работы.

5. Судебное решение об имущественном взыскании априори не обязывает должника совершить какое-либо действие по уплате долга. Оно лишь констатирует факт наличия долга и предоставляет истцу право взыскать его в принудительном порядке посредством действий судебного пристава-исполнителя. При таких обстоятельствах злостным уклонением от погашения кредиторской задолженности может быть только противодействие исполнительному

¹ К примеру, задолженность поручителя перед кредитором также является кредиторской [5].

производству в активной или пассивной форме. Однако пассивную форму противодействия исполнительному производству нельзя смешивать с простым неисполнением судебного акта, даже если у должника имеются в наличии денежные средства, и при этом обязательство не исполняется в течение длительного времени. При этом не всякое противодействие исполнительному производству рассматривается в качестве преступления.

Таким образом, с целью устранения недостатков предлагаем сформулировать состав ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения задолженности» в двух частях, исключив при этом условия, препятствующие уголовно-правовой защите кредиторов: «крупный размер задолженности только в ч. 1 ст. 177», «наличие вступившего в силу судебного акта, подтверждающего факт задолженности», «оплата ценных бумаг» (таблица).

Действующая редакция ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности»	Предлагаемая редакция ст. 177 УК РФ «Злостное уклонение от погашения задолженности»
Злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения кредиторской задолженности в крупном размере или от оплаты ценных бумаг после вступления в законную силу соответствующего судебного акта – наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.	1. Злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения задолженности наказывается ... 2. Злостное уклонение руководителя организации или гражданина от погашения задолженности в крупном размере наказывается ...
Примечание утратило силу.	Примечание. Под злостностью следует понимать умышленное непогашение или воспрепятствование погашению задолженности, не связанное с отсутствием возможности выполнить эту обязанность.

Литература

1. В Московской области возбуждено 19 уголовных дел за долги по кредитам: информация пресс-службы УФССП России по Московской области [Электронный ресурс] // Долговой фактор: специализированное информационно-аналитическое издание: сайт. URL: <http://www.dolgfactor.ru/news/russian/24791.smx> (дата обращения: 02.08.2011).
2. Иногамова-Хегай Л.В. О совершенствовании уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью в сфере экономики. Материалы расширенного заседания Ученого совета НИИ проблем укрепления законности при Генпрокуратуре РФ. М.: Центр, 2001. С. 76.
3. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст. 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dolgi.su/law/ugolov/177/Metod177>.
4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации № 60-ФЗ от 07.04.2010 г.: принят Государственной Думой 26.03.2010 г.; одобрен Советом Федерации 31.03.2010 г. // Российская газета. Федеральный выпуск. 2010. № 5154, 9 апр.
5. Приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 23 апреля 2009 г. в отношении Пронычкина А.Н.) [Электронный ресурс] // Пресненский районный суд г. Москвы: офиц. сайт. URL: <http://presnensky.msk.sudrf.ru> (дата обращения: 02.06.2011).
6. Саложков А.А. Незаконное получение кредита и злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. С. 149.
7. Скобликов П.А. Истребование долгов и организованная преступность. М.: БЕК, 1997. С. 41-42.

УДК 347.74

С.Д. КАЗАКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ПЕРЕВОДНЫМ ВЕКСЕЛЯМ

Ключевые слова: товарный кредит, вексель, вексельное право, вексельное обязательство, Положение о простом и переводном векселе, обращение векселя, индоссамент, ценная бумага, срок предъявления, протест, вексельный должник.

Исследуются функция векселя как товарного кредита, предоставляющего отсрочку платежа вексельному должнику, оборотоспособность переводного векселя, порядок предъявления и исполнения обязательств по переводным векселям и возникающие при этом проблемы, требования к предъявлению векселей и срокам протестов в неплатеже, последствия пропуска сроков вынесения протестов. Предлагается алгоритм действий векселедержателей в целях уменьшения риска неплатежей, определяются причины, затрудняющие вексельный оборот.

S.D. KASAKOV

PROBLEMS WITH THE EXECUTION OF EXCHANGE-BILL OBLIGATIONS

Key words: commodity credit, bill, law of bill, bill obligation, legislative regulation, bill circulation, rules about bills, endorsement, Regulations about promissory note and bill of exchange, security(finance), time of prosecution, objection, bill debtor.

The research examines the function of a bill as commodity credit, which gives a deferment of payment to the bill debtor. It also examines the conversion of the exchange bill, the order of prosecution, discharge of the exchange bill, and problems with these operation. There is also information about the presentation of the bill and time of prosecution due to failure to pay, and the consequences of missing the pronouncements of objections. This article tells about an action algorithm for bill owners for their financial security, and finds reason for making circulation of the bill more difficult.

Масштабы современного вексельного оборота в Российской Федерации не соответствуют возможностям, которые предоставляет данный вид кредитования товарного оборота. Несмотря на многовековое правовое регулирование вексельного обращения, исполнение вексельных обязательств, особенно по переводному векселю, на практике вызывает многочисленные затруднения. Их рассмотрению, выявлению причин возникновения таких проблем и определению вероятных путей из разрешения посвящена данная статья.

Одной из функций векселя является функция товарного кредита, когда кредитор предоставляет должнику по векселю отсрочку платежа по полученному товару, тем самым кредитует его. При этом вексель выступает как кредитные деньги, когда обязательства должника оформляются в упрощенном порядке, без обращения к кредитным учреждениям. Назначение векселей состоит в оформлении факта отсрочки исполнения денежного обязательства (факта оказания кредита приобретателем векселя) [2. С. 896].

С того времени, когда оформился переводной вексель с его индоссаментом, стало возможным использование векселя торговцами как орудия торгового кредита и главной задачей векселя стало покрытие платежа, отсроченного по покупке товаров [17. С. 31]. Индоссамент позволяет передать исполнение денежного обязательства третьему лицу, но уже обязанному должнику. Векселедатель при этом перелагает на третье лицо, плательщика, исполнение своего обязательства. Плательщик посредством акцепта принимает на себя обязательство оплатить переводный вексель в срок (ст. 28 Положения о переводном и простом векселе, далее Положение. – С.К.). Акцепт возможен полный и неполный, когда плательщик ограничивается частью вексельной суммы (ст. 26 Положения). С момента акцептования плательщик становится прямым должником по переводному векселю и несет ответственность перед любым векселедержателем, в том числе и лицом, оплатившим вексель и предъявившим требования в порядке регресса по правилам ст. 48 и 49 Положения о переводном и

простом векселе. В эти обязанности входит оплата суммы переводного векселя, процентов, в размере 6%, со дня платежа, издержек по протесту, по посылке извещения и других издержек, пеня, в размере 3%, со дня срока платежа.

В случае полного отказа от акцепта векселедержатель может обратиться свой иск против индоссантов, векселедателя и других обязанных лиц (ст. 43 Положения). До наступления срока платежа возможно предъявление иска при полном или частичном неакцепте, в случае несостоятельности плательщика и других случаях.

Вексельное обязательство не лежит мертвым грузом до наступления срока платежа. Кредитор путем передачи своих требований по индоссаменту (в порядке цессии) другому лицу выручает вексельную сумму за вычетом процентов, учтенных в векселе. Вексельное обязательство вступает на путь циркуляции и делается объектом оборота [11. С. 240-241]. Вексель как ценная бумага становится орудием обращения в сфере торгового оборота [4. С. 42]. Индоссамент выполняет кроме передаточной и легитимационной функций еще и функцию гарантии исполнения платежа по векселю. Каждый индоссант (ст. 15 Положения) отвечает за акцепт и платеж, поскольку не оговорено обратное. Индоссант может снять с себя ответственность за платеж, включив в индоссамент оговорку «без оборота без меня».

В качестве гарантов исполнения вексельного обязательства выступают аваль (вексельное поручительство), который может быть дан за любого должника по векселю. При этом аваль может быть дан как на всю сумму, так и часть вексельной суммы (ст. 30 Положения), а авалист отвечает так же, как и тот, за кого он дал аваль (ст. 31). Согласно ч. 1 ст. 47 Положения, авалист является солидарно обязанным перед векселедержателем, наряду с векселедателем, акцептантом, индоссантами.

Вневексельными способами обеспечения исполнения вексельных обязательств являются залог, поручительство или неустойка [14].

Исполнение и прекращение вексельного обязательства зависят от многих факторов – от своевременного предъявления векселя к платежу, от своевременного вынесения протеста в неакцепте, неплатеже и возможности только при этом обратиться взыскание на всех обязанных по векселю лиц, от добросовестности должника, его платежеспособности и других.

В силу ст. 34, 70, 77 Положения, а также ст. 142 ГК РФ осуществление имущественных прав по ценной бумаге возможно только при ее предъявлении [13]. В отличие от остальных ценных бумаг предъявление по векселю имеет существенные различия, обусловленные природой векселя. В первую очередь это безусловность, формальность, строгость, абстрактность. Предусмотрены 4 вида предъявления векселей – к акцепту, для датирования, к платежу, для совершения протеста. При этом к акцепту вексель может быть предъявлен и до наступления сроков платежа. В случае отказа в акцепте векселедержатель имеет право совершить протест в неакцепте, это в последующем освобождает его от необходимости предъявления векселя к платежу и от протеста в неплатеже (п. 4 ст. 44 Положения).

Сроки предъявления векселя к платежу строго определены, ограничены указанными рамками и не подлежат изменению в случае их пропуска, за исключением непреодолимого препятствия (законодательного распоряжения какого-либо государства или другой случай непреодолимой силы).

Переводной вексель выдается сроком по предъявлении, во столько-то времени от предъявления, во столько-то времени от составления, на определенный день (ст. 33 Положения). При этом вексель со сроком во столько-то времени от предъявления требуется предъявить дважды, в первый раз для отметки, установления срока платежа, второй раз – для самого платежа. Исчисление сроков предъявления к платежу детализировано в главе V Положе-

ния. Само предъявление векселя к платежу обязательно для совершения в неплатеже, поскольку предъявление должно предшествовать протесту векселя. Содержание ст. 44 Положения о протесте в неплатеже в один из двух рабочих дней следующих за днем, в который переводной вексель подлежит оплате, трактуется как презумпция в том, что до совершения протеста вексель предъявляется к платежу [16. С. 233].

Последствия пропуска срока предъявления векселя к платежу неблагоприятны для векселедержателя и фактически сводят на нет все преимущества векселя как ценной бумаги, как обязательства, исполнение которого обеспечивается множественностью участников вексельных отношений. Своевременное предъявление векселя, в случае неакцепта плательщика или при уклонении от платежа, дает кредитору возможность выразить протест в неакцепте (неплатеже) в строго ограниченные сроки и затем обратиться за платежом к остальным обязанным по векселю лицам (индоссантам, авалистам, посредникам и к самому векселедателю).

В случае предъявления векселя к оплате с упущением срока обязанными по векселю лицами остаются только прямые должники акцептант и векселедатель. Президиум Верховного Арбитражного Суда РФ в своем Постановлении от 13 июля 2004 г. № 3369/04 констатировал следующее: «в соответствии со ст. 53 Положения по истечении сроков, установленных для предъявления переводного векселя сроком по предъявлении или во столько-то времени от предъявления, векселедержатель теряет свои права против индоссантов, против векселедателя и против других обязанных лиц, за исключением акцептанта. Непредъявление векселедержателем векселя к платежу основному должнику в порядке, предусмотренном статьей 34 Положения о переводном и простом векселе, не влечет прекращения обязательства векселедателя по оплате векселя в силу ст. 53 и 78 этого Положения» [13].

Досрочное предъявление требования платежа против всех должников по векселю раньше наступления срока платежа (ст. 43 Положения) возможно только в трех случаях – при частичном или полном отказе плательщика в акцепте переводного векселя, в случае несостоятельности или неплатежеспособности плательщика (если успел акцептовать – акцептанта) переводного векселя, в случае несостоятельности векселедателя простого векселя.

Отличается исполнение вексельных обязательств от остальных общегражданских обязательств и местом исполнения. Так, согласно ст. 316 ГК РФ, если место исполнения не определено законом, иными правовыми актами или договором, не явствует из обычаев делового оборота или существа обязательства, исполнение должно быть произведено по денежному обязательству – в месте жительства кредитора в момент возникновения обязательства, а если кредитором является юридическое лицо – в месте его нахождения в момент возникновения обязательства; если кредитор к моменту исполнения обязательства изменил место жительства или место нахождения и известил об этом должника – в новом месте жительства или нахождения кредитора с отнесением на счет кредитора расходов, связанных с переменой места исполнения. **Вексельные же обязательства исполняются по месту нахождения должника.** Данное свойство векселя вызвано тем, что вексель как оборотный документ, может оказаться у кредитора, о котором должник не знает и не обязан знать. Из двух сторон вексельных правоотношений – кредитора и должника – в исполнении вексельного обязательства более всего заинтересован кредитор, и данная конструкция векселя отвечает именно его интересам, а также повышенной оборотоспособности данного вида ценных бумаг.

Предъявителем векселя может быть только легитимированный должным образом векселедержатель. В случаях, если по каким-либо причинам вексель

не был предъявлен должнику к платежу, Положение позволяет должнику решить самому вопрос о снятии долгового бремени. Так, каждый должник (ст. 45 Положения) имеет право внести сумму векселя в депозит компетентному органу власти за счет, риск и страх векселедержателя. В Российской Федерации такими компетентными органами являются нотариус или суд. Однако, по мнению векселистов, данная статья «является в настоящее время трудно применимой в связи с неразработанностью процедуры принятия в депозит нотариусом денежных средств и отсутствием правового регулирования этого нотариального действия» [1. С. 124-125].

На стадиях предъявления векселя к платежу, вынесения протестов нотариусом в случаях неисполнения вексельных обязательств, оплаты векселя возникают ряд проблем, затрудняющих исполнение вексельного обязательства. Они вызваны как особенностями конструкции векселя, так и несовершенством подзаконных нормативно-правовых актов, регулирующих вексельный оборот.

Конструкция векселя остается неизменной довольно продолжительное время. Эта консервативная по своим свойствам ценная бумага подвержена очень незначительным изменениям в продолжение уже второго столетия. Правовое регулирование вексельного оборота в России остается неизменным со времени ратификации СССР в 1936 г. Женевских вексельных конвенций (Единообразный вексельный закон действует с 23 февраля 1937 г., он принят в соответствии с Конвенциями постановлением ЦИК СССР и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341. Положению о переводном и простом векселе придана обратная сила с 25 февраля 1937 г.). Во внутреннем хозяйственном обороте вексель применяется только с 1990 г. (с принятия постановления Совета Министров СССР от 19 июня 1990 г. № 590, утвердившего «Положение о ценных бумагах»). Как уже упоминалось автором, Женевские вексельные конвенции 1930 г. приняты на основе Всегерманского вексельного устава 1847 г., рассчитаны на применение в условиях европейских стран (небольшие в сравнении с российскими территории, развитые транспортные системы, средства связи и коммуникации, законопослушность, развитое гражданское право и др.) и не в полной мере учитывают реалии современной России [7. С. 277]. Действующее вексельное законодательство ограничивает заявление протеста в неплатеже векселя в течение трех дней по месту платежа, т.е. или по месту жительства должника, или в месте, указанном должником. Российские реалии таковы, что даже при благоприятных условиях проезд из одного отдаленного региона России в другой (из крайнего западного региона государства в крайний восточный регион) может занять указанные три дня. При неблагоприятном стечении обстоятельств (плохие погодные условия, распутица, слабо развитые транспортные сообщения, форс-мажор) кредитор или его представитель не смогут добраться вовремя к месту нахождения должника. Указанные три дня – срок пресекательный, не подлежащий восстановлению.

Ст. 54 Положения регулирует действия кредитора, когда предъявлению переводного векселя или совершению протеста в установленные сроки мешает непреодолимая сила (законодательное распоряжение какого-либо государства или другой случай непреодолимой силы). Сроки для предъявления векселя и протеста продлеваются на срок действия непреодолимой силы, после чего векселедержатель должен без задержки предъявить вексель к акцепту или к платежу, совершить протест.

Действующим законодательством не предусмотрена возможность продления или приостановления сроков, пропущенных векселедержателем, как это было установлено в начале прошлого века. Так, в связи с революционными событиями 1905 г. указом российского императора от 20 октября 1905 г. министру финансов было предоставлено право отлагать протесты векселей впредь до восстановле-

ния правильного движения по железнодорожным дорогам. Декрет СНК от 11 ноября 1917 г. отсрочил на два месяца платежи по векселям и исполнительным листам, срочным с 25 октября 1917 г., отменил протесты векселей, совершенные в период с 25 октября по 10 ноября 1917 г., взыскания по векселям и исполнительным листам, находящимся в производстве в тот же период, приостановил на срок моратория [5]. 14 ноября 1924 г. Постановлением ЦИК и СНК СССР «О порядке установления вексельных мораториев» Совету труда и обороны СССР было предоставлено законодательное право устанавливать вексельный мораторий как для всего СССР, так и для его отдельных частей [15].

Положением к форс-мажорным обстоятельствам не отнесены обстоятельства, касающиеся лично векселедержателя или того, кому он поручил предъявление векселя или совершение протеста.

В интересах кредиторов, а также совершенствования вексельного обращения и усиления его привлекательности для участников хозяйственных отношений представляется целесообразным внесение изменений в действующее вексельное законодательство об увеличении сроков предъявления векселей к платежу и протесту – от нынешних двух-трех дней на порядок. Это позволит избежать преимущественного обращения векселей только в регионах нахождения векселедателя или близлежащих регионах одно- и двухдневной транспортной доступности.

Отказ в платеже, в соответствии со ст. 44 Положения, должен быть удостоверен актом, составленным в публичном порядке (протест в неакцепте или в неплатеже). Протест совершается в порядке совершения нотариального действия, после чего у кредитора появляется право требования иска к второстепенным должникам по векселю.

Основами законодательства Российской Федерации о нотариате право совершать протесты векселей предоставлено нотариусам, занимающимся частной практикой (п. 14 ст. 35), и нотариусам, работающим в государственных нотариальных конторах (ст. 36). Данный протест совершался в соответствии с «Инструкцией о порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР», утвержденной приказом Министра юстиции РСФСР от 06.01.1987 г. № 01/16-01. Приказом Министра юстиции РФ от 26.04.1999 г. № 73 данная Инструкция была отменена. С этого времени, согласно ст. 95 Основ, протест векселя в неплатеже, неакцепте и недатировании акцепта производится нотариусом в соответствии с законодательными актами Российской Федерации о переводном и простом векселе. Новая инструкция до сих пор не издана. Вследствие этого нотариусы рассматривают отмененные нормы Инструкции 1987 г. в качестве сложившихся обыкновений делового оборота [3. С. 52].

Рассматривая вопрос о вексельных протестах, Л.Ю. Добрынина отмечает, что в соответствии со ст. 95 Основ нотариата и Положением о векселях предусматриваются только три вида протестов – в неакцепте переводного векселя, тратты, удостоверяющей недатирование акцепта и в неплатеже простого или переводного векселя. Предусмотренные Положением еще четыре вида протестов – «а) экземпляр тратты, посланный для акцепта, не был передан векселедержателю, несмотря на его требование (п. 1 ч. 2 ст. 66 Положения о векселях); б) акцепт или платеж не могли быть получены по другому экземпляру (п. 2 ч. 2 ст. 66 Положения о векселях); в) подлинник не был передан законному держателю копии векселя, несмотря на его требование (ч. 2 ст. 68 Положения о векселях); г) отказ векселедателя поставить датированную отметку на простом векселе (ч. 2 ст. 78 Положения о векселях)» – не предусмотрены ни законом о нотариате, ни гражданско-процессуальным кодексом. Из вышеизложенного сделаны обоснованные выводы о том, что вследствие пробела в правовом регулировании возможны увеличение рискованности векселей и затруднения в развитии и расширении вексельного оборота [4. С. 135-136].

Опротестованный вексель дает возможность кредитору обратиться с иском ко всем вексельным должникам, а также обратиться за получением судебного приказа в соответствии со ст. 5 Федерального закона от 11.03.1997 г. № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе». Данный судебный приказ выносится в течение 5 дней по существу заявленного требования (ст. 126 ГПК РФ) и действует в отношении физического лица, юридического лица или индивидуального предпринимателя. Приказ имеет силу исполнительного документа, само исполнительное производство регулируется разделом VIII ГПК РФ.

Выдача судебного приказа возможна только при отсутствии спора по существу дела. В противном случае, а также при отказе судьи в принятии заявления о выдаче судебного приказа и при отмене судебного приказа взыскание с вексельных должников производится, согласно п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 05.02.1998 г. № 3/1 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "О переводном и простом векселе"», после обращения в порядке искового производства в суд общей юрисдикции в соответствии с подведомственностью дел и после принятия судом соответствующего решения. Исковые требования, вытекающие из переводного векселя против акцептанта, погашаются истечением трех лет со дня срока платежа (ст. 70 Положения).

Пропуск сроков предъявления векселя и, соответственно, невозможность вынесения нотариального протеста фактически лишают вексель вексельной силы, и векселедержатель может истребовать вексельную сумму только от прямого должника в обычном исковом порядке. Фактически подобный вексель имеет силу обычного общегражданского обязательства.

Ряд российских векселистов считает, что такое свойство векселя, как абстрактность, дает возможность требований по векселю в упрощенном порядке, без искового производства, при этом в качестве доводов приводят факт распространения на опротестованные векселя правил приказного производства. Это дает возможность дальнейшего упрощения процесса исполнения вексельных обязательств вообще без стадии судебного процесса. Авторы учебно-практического курса «Вексельное право» В.В. Ярков, Д.В. Мурзин, М.Л. Скуратовский, приводя в качестве примера предложение В.М. Жуйкова о том, что было бы правильным производить взыскания по векселям вообще без обращения в суд за выдачей приказа, а в случае совершения нотариусом протеста векселя сразу передавать его судебному приставу для исполнения, приходят к следующему выводу. Подобное «способствовало бы реализации материальной строгости векселя и оптимально отвечало бы интересам участников гражданского оборота. Только в этом случае абстрактность векселя получила бы свое логическое завершение» [3. С. 67].

Учеными-векселистами и участниками вексельного оборота выработана практика, позволяющая обойти проблему отказа плательщика переводного векселя в акцепте при предъявлении векселя к платежу. Так, законом КНР «О векселе» в ст. 26 предусмотрено, что после выдачи переводного векселя векселедатель немедленно принимает на себя ответственность за гарантию акцепта данного векселя и его оплату. Если переводный вексель не будет акцептован либо платеж по нему не будет произведен, то векселедатель обязан уплатить векселедержателю соответствующую сумму и возместить расходы [6].

Автор с учетом особенностей Положения полагает необходимым в целях уменьшения риска неплатежей, разрешения проблемы необходимости вынесения протестов в неплатеже векселя в кратчайшие сроки (1-2 дня) выполнения векселедержателями действий по следующему алгоритму:

1) предъявлять в удобное для него время вексель к акцепту до наступления сроков платежей (за исключением случаев, когда в соответствии со ст. 22

Положения векселедатель обусловил, что вексель должен быть предъявлен к акцепту с назначением срока, воспретил предъявление векселя к акцепту и т.п.) с тем, чтобы заручиться согласием главного должника по векселю;

2) в случае отказа в акцепте или частичном акцепте известить своего индоссанта и векселедателя о неакцепте, опротестовать вексель и обратиться с иском к остальным вексельным должникам раньше срока наступления платежа, в том числе путем получения судебного приказа. При этом он вправе требовать исполнения как от любого из второстепенных должников в отдельности, так и от всех солидарных должников.

Возникающая при этом необходимость передачи векселя при предъявлении его к требованию, возможные появления проблем, связанные с необходимостью оформления факта передачи векселя плательщику (ст. 39 Положения) и другие, предлагается решить В.Н. Уруковым «на законодательном уровне, к примеру, путем принятия законодательных актов, рассчитанных на упомянутые случаи». При этом он приводит в подтверждение также предложение А.В. Габова (в автореферате диссертации доктора юридических наук «Проблемы гражданско-правового регулирования отношений на рынке ценных бумаг») об «... обязательности помещения их для учета в депозитарий, или принцип обязательности внесения соответствующих записей по счету без изъятия из оборота самих сертификатов бумаги» [16. С. 239].

Полагаем, что архаичность российского вексельного законодательства не отвечает реалиям российской действительности. Принятие на уровне законодательства изменений, в том числе предлагаемых в данной статье, способствовало бы расширению вексельного оборота, кредитования экономики с использованием данного старейшего инструмента торговли.

Литература

1. *Абрамова Е.Н.* Практический комментарий вексельного законодательства Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2007. 256 с.
2. *Белов В.А.* Практика вексельного права. М.: Учебно-консультационный центр «ЮриИнфоР», 1998. 384 с.
3. Вексельное право. Учебно-практический курс / под ред. В.В. Яркова. СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та; Изд-во юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 440 с.
4. *Добрынина Л.Ю.* Вексельное право России: учеб. и практ. пособие. М.: Спарк, 1998. 296 с.
5. Декрет СНК Российской Республики от 10 ноября 1917 г. «О моратории по векселям и исполнительным листам» // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 11 нояб.
6. Закон КНР «О векселе» [Электронный ресурс]. URL: http://chinalawinfo.ru/civil_law/law_bill_ch_2 (дата обращения: 22.04.2011).
7. *Казаков С.Д.* О сроках в вексельном законодательстве // Место и роль юридической науки в модернизации экономики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. С. 276-279.
8. *Нерсесов Н.О.* О бумагах на предъявителя с точки зрения гражданского права: историко-догматическое исследование. М., 1889. 194 с.
9. *Новоселова Л.А.* Вексель в хозяйственном обороте. Комментарий практики рассмотрения споров. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2000. 222 с.
10. Положение о переводном и простом векселе: утв. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 07.08.1937 г. № 104/1341 // Собр. законов и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1937. № 52. Ст. 221.
11. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 5 февраля 1998 г. № 3/1 «О некоторых вопросах применения Федерального закона "О переводном и простом векселе"» // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 1.
13. Постановление Президиума ВАС РФ от 13 июля 2004 г. № 3369/04 «О взыскании вексельной суммы и вексельных процентов по простому векселю» // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2004. № 10.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 4 декабря 2000 г. № 33/14 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с обращением векселей» // Вестн. Высшего Арбитражного Суда РФ. 2001. № 2.

15. Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 ноября 1924 г. «О порядке установления вексельных мораториев» // Вестник финансов. Официальный отдел. 1924. № 16. С. 5.
16. Уруков В.Н. Вексель: договорная теория и практика. М.: ИНФРА-М, 2011. 352 с.
17. Цитович П.П. Курс вексельного права. Киев: Тип. И. Кушнарева, 1887. 336 с.

КАЗАКОВ СЕРГЕЙ ДИМИТРИЕВИЧ – старший преподаватель кафедры правовых дисциплин, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (kazakovsd@mail.ru).

KASAKOV SERGEY DIMITRIEVICH – senior teacher of Legal Disciplines Chair, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary.

УДК 343.2

М.А. ПОДГРУШНЫЙ

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Ключевые слова: взяточничество, штраф как уголовное наказание, размер штрафа, приговор суда, исполнение приговора, назначение уголовного наказания.

Автором высказывается мнение о проблематичности исполнения уголовного наказания в виде штрафа, вынесенного по приговору по делам о взяточничестве. Сложность может возникнуть при определении судом многомиллионного штрафа. Предложены варианты разрешения такой проблемы с точки зрения процессуальных особенностей в стадии исполнения приговора по уголовному делу.

M.A. PODGRUSHNYY

THE APPLICATION PROBLEMS OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE FORM OF FINES IN BRIBE-TAKING CASES

Key word: corruption, penalty as a criminal punishment, the amount of the fine, the sentence of the court, the execution of a sentence, the purpose of criminal punishment.

In the article the author expresses the view of the problematic character of criminal penalty execution by a fine imposed upon a sentence for bribery. Difficulty may arise for the court in determining the multi-million fine. Options for problem resolution from the procedural features point of view in the stage of execution of a sentence in a criminal case have been proposed.

В марте 2012 г. Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым был подписан Указ «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы...», в котором борьба со взяточничеством была отмечена как приоритетная в противодействии коррупции. Так, в частности, в тексте отмечается, что заинтересованным министерствам и ведомствам необходимо «...организовать доведение до лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, государственные должности субъектов Российской Федерации, муниципальные должности, должности государственной службы, должности муниципальной службы, должности в Пенсионном фонде Российской Федерации, Фонде социального страхования Российской Федерации, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов, отдельные должности на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, положений законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции, в том числе об установлении наказания за коммерческий подкуп, получение и дачу взятки, посредничество во взяточничестве в виде штрафов, кратных сумме коммерческого подкупа или взятки, об увольнении в связи с утратой доверия, о порядке проверки сведений, представляемых указанными лицами в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции...» [5]. В данном нормативном документе видна последовательность решений высших должностных лиц государства о намерении всеми доступными средствами противодействовать коррупции и наиболее опасному ее проявлению – взяточничеству.

Борьба со взяточничеством рассматривается как одно из направлений противодействия коррупции и как наиболее опасное коррупционное преступление. Подобный подход можно отыскать как в национальном законодательстве, так и во многих международных актах. В последние годы государство исследует различные пути противодействия взяточничеству.

Изменения, внесенные Федеральным законом № 97-ФЗ от 04.05.2011 г. [4], ввели штраф как альтернативу иным видам уголовного наказания в статьи уголовного закона, устанавливающие уголовную ответственность за взяточничество (ст. 290, 291, 291-1 УК РФ). Кроме этого, в ч. 2 ст. 46 УК «Штраф» законодатель ввел новую редакцию, предусматривающую возможность исчисления штрафа в кратном размере от суммы или предмета преступления. Установлены и пределы подобной кратности суммы (предмета) штрафа: не менее 25 тыс. руб. и не более 500 млн руб. При этом кратность может быть применена фактически только к определенной категории преступлений: коммерческому подкупу и взяточничеству.

В целом позитивные намерения со стороны государства установить новые средства противодействия взяточничеству очевидны и понятны. Вместе с тем, как показывает правоприменительная практика, применение кратности и определение судом многомиллионных сумм штрафов уже вызывает определенные проблемы. Одна из них – реальность последующего исполнения назначенного наказания в виде кратного штрафа.

Типичным примером, на наш взгляд, является вынесение Верховным судом Республики Татарстан 23.01.2012 г. обвинительного приговора в отношении главы Верхнеуслонского района Республики Татарстан А. Тимофеева, обвиняемого органами предварительного следствия по ч. 6 ст. 290 УК РФ «Получение взятки главой органа местного самоуправления, с вымогательством взятки, в особо крупном размере». «И хотя гособвинитель просил для чиновника 9 лет лишения свободы и полмиллиарда штрафа за вымогательство и получение взятки, суд посчитал, что сторона обвинения не смогла доказать факта вымогательства. В итоге суд решил, что штраф в 300 миллионов рублей – это вполне серьезная кара для человека, который теперь, согласно вердикту, не может, как минимум, три года занимать должности в эшелонах власти» [2]. При вынесении решения суд применил основания, указанные в ст. 64 УК РФ, и назначил наказание ниже низшего предела санкции статьи [1].

Какие же критерии могли быть положены в основу принятого в совещательной комнате судом решения – назначить такую сумму штрафа? Как следует из официальных источников, суд учел следующие обстоятельства: «при вынесении вердикта суд принял во внимание такие смягчающие обстоятельства, как «к суду не привлекался», «имеет двух несовершеннолетних детей, один из которых нуждается в постоянном лечении», «содержит двух больных престарелых родителей» и «сам страдает гипертонической болезнью». Более того, во время оглашения вердикта судья педантично перечислил все награды чиновника, в том числе и благодарственные письма, что, по его словам, положительно характеризует обвиняемого» [2].

Если непредвзято расценивать сложившуюся ситуацию с последующей уплатой такого огромного штрафа как исполнения назначенного судом уголовного наказания, то даже если осужденный будет выплачивать по одному миллиону рублей ежегодно, ему понадобится 300 лет. При этом он лишен возможности по приговору суда заниматься в течение трех лет руководящей работой или занимать руководящие должности в органах государственной власти.

Коллизия применения дополнительного наказания в виде запретов на определенный вид деятельности (должности) заключается, с одной стороны, в том, что при наличии к тому оснований судья обязан применить его для исключения будущей возможной преступной деятельности осужденного, т.е. как

определенная превентивная мера воздействия на поведение лица. С другой стороны, одновременно с этим, если осужденному запрещено заниматься каким-либо видом деятельности (занимать должность), затрудняется исполнение основного наказания в виде кратного штрафа.

Так, например, Кассационная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отказала в удовлетворении кассационной жалобы осужденного по приговору Верховного Суда РФ от 21 октября 2011 г. Аносова И.В., работавшего в должности судьи <...> районного суда г. <...>, за получение в июле 2009 г. взятки в виде денег через посредника за действия в пользу взяткодателя, по ч. 4 ст. 290 УК РФ (в ред. Федерального закона от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ) к штрафу в размере шестидесятикратной суммы взятки, т.е. 3 000 000 (трех миллионов) рублей с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти либо с выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, в течение трех лет. При этом высшая судебная инстанция не усмотрела оснований изменения приговора суда первой инстанции даже при наличии таких обстоятельств, как наличие инвалидности, нахождение на его иждивении матери в престарелом возрасте и малолетнего ребенка. Суд также не принял во внимание нереальность исполнения наказания в виде кратного штрафа и дополнительного наказания, которое осужденный просил отменить в связи с затруднением заработать средства для уплаты штрафа, так как он лишен возможности найти достойную работу, чтобы исполнить приговор в части выплаты штрафа [7].

По другому уголовному делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор Верховного суда Республики Башкортостан от 27 сентября 2011 г., по которому Рахматуллин Ф.Р., <...> являясь должностным лицом – главой сельского поселения <...>, главой исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления администрации указанного поселения, получил лично взятку в виде 200 000 руб., т.е. в крупном размере за незаконные действия в пользу взяткодателя, а также совершил служебный подлог. Судом первой инстанции он признан виновным и осужден: по п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ в размере тридцатикратной суммы взятки в виде штрафа в 6 000 000 руб. с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, а также выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в государственных органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях на срок 3 года; по ч. 1 ст. 292 УК РФ (по эпизоду подложной выписки А. к штрафу в размере 30 000 руб.; по ч. 1 ст. 292 УК РФ (по эпизоду подложной выписки К.) к штрафу в размере 30 000 руб.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем частичного сложения наказаний осужденному окончательно назначено наказание в виде штрафа в размере 6 040 000 руб. с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти, а также выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях на срок 3 года.

Кассационная инстанция посчитала, что наказание осужденному назначено чрезмерно суровое, без учета всех требований уголовного закона. Так, наказание в виде штрафа назначено Рахматуллину с применением ст. 64 УК РФ в размере 6 000 000 руб., однако преступление было им совершено в августе 2010 г., когда в соответствии с ч. 2 ст. 46 УК РФ (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 г.) штраф устанавливался в размере от 2 500 до 1 000 000 руб.

Судебная коллегия посчитала, что применение судом ч. 2 ст. 46 УК РФ (в ред. Федерального закона от 04.05.2011 г.) при назначении осужденному наказания ухудшает его положение, и считает необходимым смягчить Рахматуллину наказание в виде штрафа до пределов, предусмотренных ч. 2 ст. 46 УК РФ (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 г.).

Кроме того, санкция ч. 5 ст. 290 УК РФ (в ред. Федерального закона от 04.05.2011 г.) предусматривает, что преступные действия наказываются штрафом в размере от семидесятикратной до девяностократной суммы взятки либо лишением свободы на срок от семи до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет и со штрафом в размере шестидесятикратной суммы взятки.

Как следует из решения коллегии, дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью назначается в случае применения основного наказания в виде лишения свободы, а Рахматуллину же назначено основное наказание в виде штрафа и каких-либо оснований к применению ему дополнительного наказания в приговоре не приведено. При таких обстоятельствах судебная коллегия исключила применение в отношении осужденного дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью и снизила окончательное наказание до 1 млн руб. [6]. Причиной изменения решения суда первой инстанции, вероятно, являлось именно отсутствие обоснованности применения дополнительного наказания, т.е. в обратном случае у кассационной инстанции могло и не быть оснований к изменению приговора.

Как видно из приведенных примеров, судебная практика неоднозначна в решении вопросов, связанных с применением новелл УК о кратности штрафов, одновременного назначения дополнительного наказания и применения обратной силы нового уголовного закона.

О нереальности исполнения наказания в виде штрафа свидетельствует еще один пример из практики. Так, 2 февраля 2012 г. отделом по расследованию особо важных дел СУ СК России по Ставропольскому краю против И. Бестужего было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30 и ч. 6 ст. 290 УК РФ «Покушение на получение взятки». Чиновника подозревают в покушении на взятку в 50 млн руб. По данным следственного комитета РФ, чиновник требовал эти деньги в обмен на предоставление в аренду земельного участка [3]. Возникает вопрос: каким образом следует действовать суду в случае признания И. Бестужего виновным в предъявленном ему обвинении?

Проблема состоит в том, что санкция ч. 6 ст. 290 УК РФ устанавливает пределы кратности от 80 до 100. Применительно к приведенному примеру несложно подсчитать минимальный возможный штраф путем умножения суммы взятки в 50 млн на 80 крат (4 млрд руб.), что значительно будет превышать максимальный размер штрафа, установленный в ч. 2 ст. 46 УК РФ (не более 500 млн руб.). Как следует поступать суду при вынесении приговора, если по делу не будет установлено смягчающих обстоятельств, позволивших бы ему назначить наказание с применением оснований ст. 64 УК РФ? А ведь суд, во всяком случае, будет назначать наказание ниже низшего предела, установленного санкцией ч. 6 ст. 290 УК РФ.

Кстати, приговор, вынесенный бывшему главе Верхнеуслонского района РТ А. Тимофееву, вступил в законную силу 3 февраля 2012 г., ни прокуратура, ни осужденный, ни его адвокат приговор не обжаловали [9]. В силу ч. 1 ст. 31 Уголовно-исполнительного кодекса РФ на добровольное исполнение приговора дается 30 дней, после этого срока, 4 марта 2012 г., наступило его принудительное исполнение, которое поручено службе судебных приставов-испол-

нителей. Принудительное исполнение приговора влечет обязанность осужденного уплатить исполнительский сбор в размере 7% от суммы, т.е. еще дополнительно 21 млн руб. [8].

Изменение правовой процедуры назначения штрафа как вида уголовного наказания в целом направлено на гуманизацию уголовной политики, однако вызывает проблемы применения и исполнения этого наказания в правоприменительной деятельности. Так, например, сроки отсрочки уплаты штрафа по приговору суда различно регламентированы в нормах УК, УПК и УИК РФ.

Срок уплаты штрафа как одного из видов уголовного наказания установлен в ст. 46 УК РФ и наступает немедленно. И только при отсутствии возможности уплатить деньги единовременно, исполнение приговора может быть отложено судом на срок до 5 лет: на основании ч. 3 ст. 46 УК РФ «Штраф» суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ).

В силу ч. 2 ст. 398 УПК РФ «Отсрочка исполнения приговора» уплата штрафа может быть отсрочена или рассрочена на срок до пяти лет, если немедленная уплата его является для осужденного невозможной (в ред. Федеральных законов от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ, от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ).

Однако обе приведенные выше правовые нормы двух кодексов (УК и УПК) не согласуются с уголовно-исполнительной нормой, устанавливающей срок рассрочки уплаты штрафа при его исполнении на основании вступившего в силу приговора суда. Так, в ч. 2 ст. 31 «Порядок исполнения наказания в виде штрафа» УИК РФ отмечается: «в случае, если осужденный не имеет возможности единовременно уплатить штраф, суд по его ходатайству может рассрочить уплату штрафа на *срок до трех лет* (выделено нами. – М.П.)».

Такое несоответствие сроков отсрочки штрафа, до трех лет или до пяти лет, произошло по причине отсутствия изменений и дополнений в ч. 2 ст. 31 УИК на основании закона № 420-ФЗ, который увеличил в указанных статьях УК и УПК сроки отсрочки (рассрочки) уплаты штрафа с трех до пяти лет, оставив неизменным срок три года в ст. 31 УИК РФ. Следовательно, необходимо в срочном порядке внести изменения в ст. 31 УИК РФ в части увеличения срока отсрочки исполнения приговора в виде штрафа до пяти лет. В результате такого увеличения будут согласованы ст. 46 УК РФ, ст. 398 УПК РФ и ст. 31 УИК РФ.

При этом до внесения таких изменений в УИК РФ суды при рассмотрении конкретных споров или жалоб в стадии исполнения приговора должны руководствоваться нормами УК и УПК, предусматривающими более длительные сроки уплаты штрафа, и предоставлять, при наличии к тому оснований, срок отсрочки уплаты штрафа до пяти лет.

Литература

1. Александр Тимофеев за взятку в 5 млн рублей «отделался» штрафом в 300 млн рублей [Электронный ресурс]. URL: <http://info.tatcenter.ru/article/110580> (дата обращения: 23.01.2012).
2. Брайловская С. Чиновник заплатил за взятку 300 миллионов рублей [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/23/reg-pfo/timofeev.html> (дата обращения: 23.01.2012).
3. Емельянова С. Глава администрации Ставрополя арестован по решению суда [Электронный ресурс] // Российская газета: сайт. URL: <http://www.rg.ru/2012/02/03/reg-skfo/bestarest-apons.html> (дата обращения: 03.02.2012).
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 97-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19, 9 мая. Ст. 2714.
5. О Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции: указ Президента РФ от 13.03.2012 г. № 297 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.03.2012).

6. Определение Верховного Суда РФ от 14.12.2011 г. № 49-О11-104 «Приговор по делу о получении взятки, служебном подлоге изменен: исключено назначенное осужденному дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности, так как виновному назначено основное наказание в виде штрафа и каких-либо оснований к применению указанного дополнительного наказания в приговоре не приведено; смягчено назначенное осужденному по пункту «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (в ред. от 04.05.2011 г.) в связи с принятием новой редакции уголовного закона» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. Версия Проф.

7. Определение Верховного Суда РФ от 22.12.2011 г. № КАС11-758 «Приговор по делу о получении взятки оставлен без изменения, так как не имеется оснований для смягчения назначенного осужденному наказания; как основное, так и дополнительное наказания назначены осужденному с учетом характера и степени общественной опасности совершенного им должностного преступления, обстоятельств дела и данных о его личности» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс. Версия Проф.

8. *Плотникова И.* Дело на 300 миллионов: Александр Тимофеев встретился с судебным приставом // *Вечерняя Казань*. 2012. 2 марта.

9. *Ситдикова Э.* Приговор в отношении бывшего главы Верхнеуслонского района РТ вступил в законную силу [Электронный ресурс]. URL: <http://news.mail.ru/inregions/volgaregion/16/8031544> (дата обращения: 07.02.2012).

ПОДГРУШНЫЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – соискатель учёной степени кандидата юридических наук кафедры уголовного права и процесса, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (S900KM@mail.ru).

PODGRUSHNYY MIKHAIL ALEKSANDROVICH – applicant for the degree of juridical sciences, Criminal Law and Procedure Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 2-488.6]:343.8

C.B. TASAKOV

РЕЛИГИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОМ ИСПРАВЛЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Ключевые слова: нормы общественной нравственности, религиозное воздействие на осужденных, исправление осужденных, деятельность церкви в местах лишения свободы.

Настоящая статья посвящена религиозной составляющей норм общественной нравственности и ее роли в религиозном воздействии на исправление осужденных к лишению свободы. Рассмотрены взаимоотношения между церковью и органами государственной власти в пенитенциарной сфере.

S.V. TASAKOV

RELIGION AND ITS ROLE IN SPIRITUAL AND MORAL CORRECTION OF PERSONS SENTENCED TO IMPRISONMENT

Key words: norms of public morality, religious influence on the convicted, correction of convicted, church activities in prisons.

This paper is devoted to the religious component of the norms of social morality and the role of religious influence on the correction of persons sentenced to imprisonment. It shows the relationship between church and state authorities in the penal field.

Религия в своей сущности является более широкой категорией и не ограничивается теми целями и задачами, которые стоят перед правом в целом и уголовным правом в частности. Слово религия происходит от латинского *religio*, что в переводе означает *набожность, святыня, предмет культа*. Религия – мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культ), основанные на вере в существование бога или богов, сверхъестественного; фантастическое отражение в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни – отражение, в котором земные силы принимают форму неземных.

Религия содержит глубокие и точные заявления по разному кругу вопросов, устанавливает и легализует принципы и правила для материальной и духовной жизни человека, а также для управления и руководства обществом.

Исторически сложилось так, что религия как способ воздействия на сознание являлась базовой идеологией для осуществления правовых норм. Она являлась тем отправным пунктом, от которого правовые нормы постепенно развивались, совершенствовались аппараты и механизмы их осуществления.

Особый интерес в этой связи имеют нормы церковного права. В православии, чьи традиции насчитывают свыше двух тысяч лет, нормы церковного права разработаны на очень высоком уровне и пронизаны моралью. В христианской традиции широко распространено понимание истины как содержания учения Иисуса Христа [12. С. 96]. Следовательно, люди, принявшие учение Христа, согласно нормам церковного права в православии, являются носителями объективной истины.

Наиболее тесно связь правовых и нравственных норм проявляется и в мусульманском праве. Это связано с тем, что на государство возлагается функция обеспечения в равной степени всех положений шариата – как отправления религиозных обязанностей, так и регулирующих взаимоотношения мусульман [7. С. 25-28]. Основной чертой, характеризующей мусульманское право, также является его тесная связь с религией. Мусульманское право – это религиозная правовая система, основанная на Исламе. Мусульманское право вызывает особый интерес вследствие значительных различий между ним и европейскими правовыми системами, его основной характеризующей чертой является религиозная природа.

Конфуцианство проявилось в вере китайцев в исключительную эффективность взаимодействующих моральных и четко регламентированных правовых норм. В буддизме человек провозглашен нравственным лицом, а не представителем социального слоя, касты. Достоинство и значение человека в буддизме определяются только степенью его нравственного совершенства, достичь которого могут все. И это неоценимый вклад, сделанный буддизмом в историю [5. С. 10-11].

Все это свидетельствует о том, что связь религиозных, правовых норм и норм нравственности очевидна.

Несмотря на имеющиеся отличия, право, мораль и религия выполняют общую функцию – регулирование поведения людей. Именно поэтому, как указывает Л.И. Алексеев, многие дозволения и запреты правовых и моральных норм либо совпадают, либо оказываются в той или иной части сходными, либо внутренне согласуются [1. С. 132-133]. Правовые нормы во многом основаны на нравственных и религиозных принципах и изначально «работают» совместно. Так, изменения в нравственном сознании общества обуславливают развитие юридического мировоззрения. В свою очередь, право является важнейшим средством формирования нравственных принципов и убеждений. Огромную роль здесь играет религия. «Поскольку закон Божий, закон любви, – отмечал Новгородцев, – есть высшая норма для всех жизненных отношений, право и государство должны черпать свой дух из этой высшей заповеди. Не раскол между правом, с одной стороны, и нравственностью – с другой, как то провозгласила новая философия права, а новая, непосредственная связь права и нравственности и подчинение их более высокому религиозному закону образуют норму социальной жизни» [8. С. 215-216].

На наш взгляд, эффективность религии проявляется в том, что она контролирует человека изнутри, т.е. овладевает его сознанием. Только сознание человека может руководить его действиями. Как правило, в религии закладываются общественно полезные принципы – заповеди, в соответствии с которыми формируются сознание человека его внутренний мир и культура поведения. Воздействие же веры позволяет добиться более ощутимых результа-

тов, чем воздействие уголовного закона. Поэтому связь уголовного права и религии должна быть наиболее полной, так как эти категории являются неотъемлемыми в области достижения общественно полезных целей.

Наиболее ярко роль религии проявляется в местах лишения свободы, где нередко оказываются люди, не имеющие стойких антисоциальных установок, которые совершили преступление под влиянием различных ситуативных факторов. Да и для других осужденных вопросы переосмысления своей жизни, духовного перерождения остаются весьма актуальными. И здесь религия является хорошим средством духовно-нравственного исправления осужденных.

Проникновения религиозных воззрений в российскую уголовно-правовую доктрину и пенитенциарную практику были отмечены еще в период их зарождения и становления на раннефеодальном этапе развития общества, когда вся правовая сфера общественно-государственной жизни испытывала на себе сильное влияние со стороны народного сознания. Согласно воззрениям жителей древнерусского государства, духовная ипостась человека не была подвластна княжеской и монаршей властям, которые могли воздействовать на преступника лишь физическими методами при определении ему расплаты за содеянное.

Как справедливо отмечает В.А. Рогов, идея о том, что «душа неподвластна мирской власти и ее права на нее не распространяются, была ведущей в русских уголовно-правовых воззрениях на всем протяжении XV-XVII вв. Даже наиболее воинственные служители церкви – “стяжатели” утверждали право монарха лишь на тело, но не на душу» [10. С. 40].

Принятие Русью в 988 г. христианства оказало неоценимое влияние на древнерусскую духовность и правовую культуру. Христианские принципы напоминали русским князьям о спасительности служения людям и смягчали жестокость уголовной репрессии.

Христианская церковь предпринимала деятельные и эффективные меры по исправлению осужденных, предупреждению совершения ими преступлений и иных аморальных проступков, пользуясь поддержкой государственной власти. Так, например, в Соборном уложении 1649 г. основанием преступности большого числа деяний прямо называлось нарушение правил церковных установлений отцов Церкви [6. С. 19]. Священнослужители проводили откровенные беседы с приговоренными к смерти, исповедовали и причащали их, в день казни в течение всего пути до места исполнения наказания они находились рядом с осужденными, укрепляли дух и утешали их.

Осужденных постоянно посещали священнослужители. Так, например, митрополит Новгородский Никон, часто навещал колодников и «тюремных сидельцев» в черной палате, в разбойном и других приказах, наделяя их милостыней и пастырским утешением, святые юродивые, в частности, Василий Блаженный регулярно посещал башню в Китай-городе, где находилась известная московская тюрьма. Архиереи и другие представители православной церкви составляли ходатайства и прошения об освобождении покаявшихся преступников, благими поступками доказавших свое вступление на путь праведной жизни [9. С. 262].

Законодательство Петра I, в особенности воинские уставы и артикулы, содержит множество составов преступлений, которые относились к церковному ведению, в нем также отчетливо прослеживается опора на миссионерскую деятельность церкви и доктрину покаяния [3. С. 428].

Эта традиция прослеживается и в более поздний период – во времена царствования Анны Иоанновны, когда чиновники Сысского приказа обращались в Святейший Синод с просьбой чаще присылать священников для ду-

ховной поддержки и исповеди заключенных. Широкое распространение в ту эпоху получила сохранявшаяся до начала XX столетия практика произнесения священником напутственного слова и окропления осужденных святой водой перед началом их этапирования, а также отпевания священниками усопших заключенных [11. С. 52].

Под влиянием новых, просветительских идей, содержащихся в трудах мыслителей Ш. Монтескье, Вольтера, Ж.Ж. Руссо, Д. Дидро, Ч. Беккариа, Екатерина II решила существенным образом усилить духовно-нравственную составляющую пенитенциарной практики. В своем Наказе она подчеркивала важность цели исправления и перевоспитания оступившихся наряду с задачей улучшения их содержания в тюрьмах и казематах.

В 1775 г. были изданы «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», в которых прописывались функции специальных органов – Приказов общественного призрения – в части устройства смирительных, сиротских и рабочих домов, а в 1785 г. в бюджет государства были заложены значительные финансовые средства на содержание арестантов и колодников. Екатерина II в 1787 г. лично написала проект Устава о тюрьмах, который содержал прогрессивные и гуманистические идеи, способные значительно усилить исправительный эффект в отношении осужденных к лишению свободы.

Важным этапом в развитии системы религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы явилось создание в Российской империи, в которой православие было официально, юридически закреплено в качестве государственной религии, в 1819 г. Общества Попечительного о тюрьмах. Генеральными целями образования данного Общества были названы «нравственное исправление содержащихся преступников», «улучшение состояния заключенных за долги и по другим делам» и «наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на оном основанной» [2. С. 29-30].

Основными направлениями в деятельности Общества были организация посещения тюрем и общения с заключенными, а также проповедническая деятельность.

Особое внимание священнослужителям поручалось уделять профессиональным преступникам, отличавшимся строптивостью и жестокостью, с целью интенсивного исправительного воздействия на них, а также тяжелобольным и умирающим заключенным.

В результате последовательной и широкомасштабной религиозно-просветительской работы членов тюремных комитетов, пастырей и духовных наставников большое число заключенных – иноверцев и атеистов – приняли православие. Пример обращения в православную веру в орловском тюремном замке уроженца Подольской губернии нехристианского вероисповедания приводит М.Н. Гернет: «Он уверовал в Иисуса Христа и, по научению протоиереем Сахаровым догматам православной грекороссийской веры, принял крещение. Силы веры и действие благодати Божией явным образом ознакомились в нем. Был отчаянно болен горячкою и, имея на себе во многих местах раны, отчаянно пожелал тем более погрузиться в таинственную воду крещения и, исшед из купели, в то же почти мгновение почувствовал облегчение и исцелел» [4. С. 101].

С 1836 г. благодаря особому ходатайству на имя императора князя В.С. Трубецкого под эгидой Общества в местах лишения свободы повсеместно приступают к сооружению храмов, часовен и молитвенных комнат, проводятся богослужение, церковные требы и проповеди, духовное окормление начинает распространяться на все категории заключенных, включая военных арестантов в исправительных (арестантских) ротах. В столице Российской

империи – Санкт-Петербурге – во второй четверти XIX в. во всех без исключения пенитенциарных заведениях были открыты храмы.

Церкви в тюрьмах многих крупных городов России были настолько хорошо организованы и оснащены, что пенитенциарной администрацией было принято решение обеспечить возможность их посещения не только осужденным, но и другим прихожанам – жителям городов. Причем тюремный циркуляр 1891 г. позволял узникам и арестантам при отсутствии в тюрьме или остроге церкви либо специального молитвенного помещения посещать под соответствующим надзором местные приходские и приписные церкви по согласованию с местными властями.

Действовавшие в тюрьмах попечительские комитеты обеспечивали равный доступ к осужденным представителей всех конфессий, представленных в Российской империи, в частности, правом миссионерской деятельности обладали католики. Не испытывали притеснений и не подвергались ущемлениям свободы совести и права на выбор вероисповедания схизматы и раскольники (старообрядцы) и представители различных религиозных сект, находящиеся в местах лишения свободы, что находило подтверждение в трудах многих исследователей XIX в., в частности в работе Н.М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» [13. С. 253-255].

В ходе активного законотворческого процесса периода первых лет после революции 1917 г. духовная, благотворительная и попечительская деятельность церкви в пенитенциарных заведениях была приостановлена. Так, уже в одном из первых декретов советской власти – Декрете СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. – были провозглашены секуляризация – отделение церкви от государства – и запрет религиозного обучения во всех государственных заведениях.

В циркуляре Главного тюремного управления от 25 мая 1917 г. было закреплено, что целью изоляции осужденного от общества является его социальное перевоспитание, однако религиозный элемент из системы мер воспитательного воздействия на осужденных к лишению свободы был советским руководством полностью исключен.

Для надзора за воспитательной работой в отношении заключенных и недопущения проникновения в нее элементов религиозного воздействия советской властью были созданы распределительные комиссии, в состав которых входили начальник тюрьмы, тюремные педагоги, руководитель клуба самодеятельности и начальник оперативной части.

Несмотря на строгий запрет деятельности религиозных организаций в исправительных учреждениях, миссионерская деятельность церкви, духовно-нравственное воспитание осужденных и пастырское служение не прекратились: они продолжали, как правило, негласно и скрытно, осуществляться в местах лишения свободы, так как большое число духовных лиц, не отступивших от веры, своих идей и жизненных принципов, были заключены в тюрьмы и помещены в лагеря системы ГУЛАГ. Служители церкви, оказавшись в равном тяжелом положении с массой других осужденных, силой своей веры и каждодневным примером служения религиозному долгу укрепляли волю и дух заключенных, совершали божественные литургии, обряды причащения и другие таинства и службы.

Позитивные изменения в сфере взаимодействия пенитенциарной отрасли с церковью и религиозными объединениями начались лишь в конце 1980-х гг.

Важное институционально-правовое и программно-идеологическое значение в истории религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы в отечественном государстве сыграли Закон СССР от 1 октября 1990 г.

«О свободе совести и религиозных организациях», Закон РСФСР от 25 октября 1990 г. «О свободе вероисповеданий», а также внесенные в Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 12 июня 1992 г. изменения, знаменовавшие собой качественно новый виток в развитии отношений между государственной репрессивно-исправительной системой и осужденными.

История религиозного воздействия на осужденных к лишению свободы в России свидетельствует о том, что религия всегда играла огромную роль в духовно-нравственном исправлении осужденных. Русская Православная Церковь за многолетний период своей деятельности в пенитенциарных учреждениях аккумулировала большой опыт в области социальной работы и духовного воспитания осужденных, наработала апробированные на практике эффективные технологии исправления и ресоциализации осужденных. Безусловно, этот опыт должен быть использован для достижения такой цели уголовного наказания, как исправление осужденных. Особенно актуальным это становится на современном этапе, когда реальное состояние общественной нравственности в российском обществе, в том числе и в пенитенциарной системе, можно охарактеризовать как кризисное.

Литература

1. Алексеев Л.И. К вопросу об общем понятии права // Государство и право. 1993. № 6.
2. Бачинин В.А. Пенология и христианство (О праве осужденного на духовное возрождение) // Современное право. 2008. № 2.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005.
4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М.: Юрид. литература, 1951. Т. 1.
5. Душин А.В., Егорышев С.В. Философско-правовые проблемы человека: курс лекций. Уфа: Изд-во Восточн. ун-та, 2000.
6. Михлин А.С. Высшая мера наказания: История, современность, будущее. М.: Дело, 2000.
7. Мухаммад Фарук ан-набхан. Аль Мухал ли-т – ташири ал-ислами. Эль-Кувейт; Бейрут, 1977.
8. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 215.
9. Пругавин А.С. В казематах. Очерки и материалы по истории русских тюрем. СПб.: Тип. Первой Санкт-Петербургской трудовой артели, 1909.
10. Рогов В.А. Уголовные наказания и репрессии в России (середина XV – середина XVII вв.). М.: Изд-во ВЗПИ, 1992.
11. Сибирь и каторга. СПб.: Изд-во С.М. Проппера, 1907.
12. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Просвещение, 1985. Т. 1. С. 95.
13. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб.: Тип. А. Моригеровского, 1872.

ТАСАКОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tasakov@mail.ru).

TASAKOV SERGEY VLADIMIROVICH – doctor of juridical sciences, head of Criminal and Legal Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 159.922.736.4

Н.П. ДАНИЛОВА, Е.В. СЛАВУТСКАЯ

**ДИНАМИКА ВЗАИМОСВЯЗИ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ УЧАЩИХСЯ
В ПРЕПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ***

Ключевые слова: качества личности, школьники 9-11 лет, факторный анализ, интеллект, эмоционально-волевая сфера.

Приведены результаты экспериментального исследования взаимосвязи эмоционально-волевых качеств и интеллекта учащихся 3-4 классов. Для обработки данных применен корреляционный и факторный анализ. Показано, что взаимосвязь различных характеристик личности значительно меняется за время исследований. Проанализирована динамика этих взаимосвязей в зависимости от интеллектуальных показателей и гендерных особенностей учащихся.

N.P.DANILOVA, E.V. SLAVUTSKAYA

DYNAMICS OF THE CONNECTION OF PERSONAL TRAITS FOR PRE-TEENAGE STUDENTS

Key words: personality traits, schoolchildren 9-11 years, factor analysis, intelligence, emotional and volitional.

The results of experimental research on the relationship between emotional-volitional qualities and intelligence for pupils in third and fourth grade are presented. Correlation and factor analysis were used for data processing. It is shown that the relationship between different personality characteristics significantly changed during the study. The dynamics of these relationships, depending on the intelligence coefficient and gender characteristics of the schoolchildren, are analyzed.

Предподростковый возраст (9-11 лет) является одним из самых сложных с психологической точки зрения [2]. Особенности реформ в современном образовании, последние нововведения в школе, призванные развивать личность учащегося и его способности, предъявляют к учащимся младшего и среднего школьного возраста повышенные требования к интеллектуальному и эмоционально-волевому развитию. Сложившаяся ситуация деформирует психогенез и проявляется как кризисное явление, которое влияет на адаптацию школьников при переходе из начальной школы в среднюю ее ступень. Кроме того, не всегда учитываются разные варианты развития ребенка и его индивидуальные особенности. При этом существуют всеми наблюдаемые, но до конца не исследованные гендерные различия на отрезке предпубертатного детства [3,4].

В настоящей работе приводятся результаты экспериментального исследования взаимосвязей между различными характеристиками личности школьников в динамике – с конца третьего до конца четвертого года обучения в школе. Психодиагностика и обработка данных тестирования проводились три раза в течение года с учетом гендерных различий учащихся. Для обработки данных использовался корреляционный и факторный анализ [1, 6]. 111 учащихся обследованы при помощи двух базовых методик психодиагностики.

В конце учебного года в третьем классе, в начале и конце учебного года в четвертом классе проведена психодиагностика развития интеллектуальной сферы (IQ) детей с помощью культурно-свободного интеллектуального теста Р.Б. Кеттелла.

Динамика развития эмоционально-волевых свойств личности учащихся проверялась с помощью 12-факторного опросника Р.Б. Кеттелла и Р.В. Коана.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 10-06-22606а/В).

Для психодиагностики третьих классов использовался стандартный опросник ESPQ (Early School Personality Questionnaire) для школьников младших классов. В четвертом классе – 12-факторный опросник CPQ (Childrens Personality Questionnaire) для детей 8-12 лет. Обе формы предназначены для исследования личностных особенностей школьников и содержат 12 шкал для измерения степени выраженности черт личности, которые Р.Б. Кеттелл называет конституциональными [5].

Для обработки данных психодиагностики использовался программный пакет STATISTICA. Применялся наиболее распространенный в факторном анализе метод главных компонент с вращением результирующей нормированной матрицы факторных нагрузок методом *Varimax*. Обработка данных проводилась отдельно для мальчиков и девочек.

В табл. 1, 2 приведены матрицы корреляционных коэффициентов между качествами личности по Р.Б. Кеттеллу для мальчиков в конце учебного года в третьем и четвертом классах.

Таблица 1

**Матрица корреляционных коэффициентов
между личностными качествами мальчиков в конце учебного года
в третьем классе**

Личностные качества	A	C	D	E	F	G	H	I	J	N	O	Q4
A	1,00	-0,15	0,11	-0,17	-0,14	0,16	0,46	0,29	0,00	-0,09	-0,11	0,22
C	-0,15	1,00	0,06	-0,29	0,25	0,14	-0,04	-0,01	-0,26	0,03	0,17	0,17
D	0,11	0,06	1,00	-0,03	-0,23	-0,30	-0,08	-0,06	-0,27	0,13	0,24	0,16
E	-0,17	-0,29	-0,03	1,00	-0,24	0,11	-0,06	0,07	-0,19	-0,21	0,04	-0,05
F	-0,14	0,25	-0,23	-0,24	1,00	0,20	-0,02	0,10	0,22	0,17	-0,12	-0,08
G	0,16	0,14	-0,30	0,11	0,20	1,00	0,09	0,29	0,06	0,12	-0,06	0,04
H	0,46	-0,04	-0,08	-0,06	-0,02	0,09	1,00	0,44	0,38	0,00	-0,12	-0,12
I	0,29	-0,01	-0,06	0,07	0,10	0,29	0,44	1,00	0,17	0,16	-0,02	-0,13
J	0,00	-0,26	-0,27	-0,19	0,22	0,06	0,38	0,17	1,00	0,03	-0,28	-0,26
N	-0,09	0,03	0,13	-0,21	0,17	0,12	0,00	0,16	0,03	1,00	0,01	-0,12
O	-0,11	0,17	0,24	0,04	-0,12	-0,06	-0,12	-0,02	-0,28	0,01	1,00	0,15
Q4	0,22	0,17	0,16	-0,05	-0,08	0,04	-0,12	-0,13	-0,26	-0,12	0,15	1,00

Интерпретация личностных качеств в 12-факторном опроснике Р.Б. Кеттелла и Р.В. Коана (ESPQ): А – общительность–замкнутость; С – эмоциональная стабильность–неустойчивость; D – возбудимость–уравновешенность; E – независимость–покорность; F – беспечность–озабоченность; G – высокая – низкая добросовестность; H – смелость–робость; I – мягкость–твердость; J – энергичность–сдержанность; N – наивность–хитрость; O – тревожность–спокойствие; Q4 – напряженность–расслабленность.

Как видно из табл. 1 и 2, за один год, прошедший между тестированием, связь между отдельными личностными качествами увеличивается как количественно (большее число признаков оказывается взаимосвязано), так и качественно (значение коэффициентов корреляции увеличивается приблизительно с 0,3 до 0,45). Для коэффициента корреляции Пирсона $r \approx 0,45$ при выборке в 50 человек, уровень значимости для двухстороннего критерия $p \leq 0,0005$. На практике это означает наличие устойчивой связи с очень высокой степенью достоверности. Аналогичные результаты наблюдаются и у девочек.

Для оценки того, как группируются взаимосвязанные признаки, проводился факторный анализ данных психодиагностики. В табл. 3 приведены результаты факторного анализа данных психодиагностики девочек в конце учебного года в третьем-четвертом классах. Жирным шрифтом выделены максималь-

ные факторные нагрузки, позволяющие интерпретировать психологический смысл каждой из четырех главных компонент. Важное значение имеет величина S , выражающая процентный вклад каждого из факторов в общую дисперсию. Эту величину часто называют *уникальностью* (*uniqueness*) факторов или признаков. В настоящей работе мы выделили четыре основных фактора, суммарный вклад которых в общую дисперсию составлял, в разных случаях, от 52 до 86%.

Таблица 2

**Матрица корреляционных коэффициентов
между личностными качествами мальчиков в конце учебного года
в четвертом классе**

Личностные качества	A	B	C	D	E	F	G	H	I	O	Q3	Q4
A	1,00	0,38	0,41	-0,12	-0,53	0,02	0,41	0,61	0,24	-0,27	0,42	-0,47
B	0,38	1,00	0,06	-0,12	-0,16	-0,24	0,41	0,25	-0,07	-0,00	0,14	-0,08
C	0,41	0,06	1,00	-0,14	-0,21	-0,08	0,22	0,28	-0,19	-0,40	0,20	-0,34
D	-0,12	-0,12	-0,14	1,00	0,46	0,39	-0,31	-0,04	-0,05	0,35	-0,35	0,42
E	-0,53	-0,16	-0,21	0,46	1,00	0,08	-0,54	-0,51	-0,28	0,33	-0,46	0,45
F	0,02	-0,24	-0,08	0,39	0,08	1,00	-0,47	0,07	-0,30	-0,02	-0,49	0,23
G	0,41	0,41	0,22	-0,31	-0,54	-0,47	1,00	0,38	0,21	-0,29	0,55	-0,46
H	0,61	0,25	0,28	-0,04	-0,51	0,07	0,38	1,00	0,31	-0,18	0,26	-0,32
I	0,24	-0,07	-0,19	-0,05	-0,28	-0,30	0,21	0,31	1,00	0,03	0,47	-0,43
O	-0,27	-0,00	-0,40	0,35	0,33	-0,02	-0,29	-0,18	0,03	1,00	-0,08	0,52
Q3	0,42	0,14	0,20	-0,35	-0,46	-0,49	0,55	0,26	0,47	-0,08	1,00	-0,55
Q4	-0,47	-0,08	-0,34	0,42	0,45	0,23	-0,46	-0,32	-0,43	0,52	-0,55	1,00

Примечание. В – абстрактное–конкретное мышление; Q3 – высокий–низкий самоконтроль. Жирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции, уровень значимости которых $p \leq 0,025$.

Как видно из табл. 3, комбинации признаков, формирующих четыре главных фактора Ф1-Ф4, существенно меняются к концу исследуемого возрастного периода. Сохраняются лишь некоторые из взаимосвязей. Кроме того, суммарный вклад четырех факторов в общую дисперсию увеличивается с 57 до 69%.

Таблица 3

**Факторный анализ 12 признаков по Р.Б. Кеттеллу
в конце учебного года в третьем и четвертом классах**

Личностные качества	Девочки 3 класса				Девочки 4 класса			
Факторы	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4
A	0,04	0,10	-0,63	0,07	-0,48	0,76	0,06	0,01
C	0,01	0,16	0,21	-0,81	0,11	0,77	0,14	-0,16
D	-0,66	-0,32	0,16	-0,03	-0,10	0,81	0,08	0,11
E	-0,65	0,25	-0,12	-0,44	0,79	0,04	0,09	0,34
F	0,21	0,72	0,06	0,03	0,79	0,17	-0,23	-0,13
G	0,39	0,31	0,42	0,09	0,28	0,52	-0,51	0,03
H	0,28	-0,62	-0,01	-0,37	-0,72	0,14	0,06	0,12
I	0,00	0,03	-0,72	0,01	0,01	0,01	-0,03	-0,95
J	0,57	-0,01	-0,45	-0,10	-0,07	0,27	0,82	0,06
N	-0,04	0,29	0,13	0,55	0,53	-0,53	0,36	-0,21
O	-0,75	-0,08	-0,12	0,21	-0,65	0,26	0,15	-0,08
Q4	-0,16	-0,72	0,30	0,23	0,77	-0,03	0,01	-0,04
S, %	17,28	14,96	12,6	11,82	28,24	21,33	9,87	9,54

Интерпретация факторов в конце учебного года в третьем классе. В первый фактор с максимальной нагрузкой входят такие взаимосвязанные качества, как уравновешенность, покорность и низкая тревожность. Можно предположить, что девочки, у которых тревожность ниже, более уравновешены и проявляют меньшую доминантность. В этом факторе наблюдается связь коммуникативного (Е) и эмоциональных качеств личности (О, D)

Фактор Ф2 показывает связь высокой фрустрации, робости в общении и беспечности. Этот фактор также коммуникативно-эмоциональный. То есть девочки, робкие в общении, испытывают большое напряжение, фрустрацию, возможно, по поводу неудовлетворенной потребности в общении.

В факторе Ф3 можно наблюдать связь замкнутости в общении и твердости характера.

Эмоциональная неустойчивость (–С) выделяется в конце учебного года в третьем классе в отдельный фактор Ф4.

Интерпретация факторов в конце учебного года в четвертом классе. В факторе Ф1 связаны такие качества, как возбудимость, независимость в общении высокая тревожность. Взаимосвязь именно этих качеств, но с противоположным знаком, выделяется в первый фактор в третьем классе. В конце четвертого года обучения в школе к ним присоединяются низкий волевой контроль поведения, низкая добросовестность и высокая фрустрация. Совокупность качеств отражает негативное психологическое состояние девочек в конце учебного года в четвертом классе. Совокупность этих качеств напоминает симптомы невроза тревожности [4].

В фактор Ф2 входят общительность, высокий вербальный интеллект и эмоциональная устойчивость. Можно предположить, что общительные девочки с развитым вербальным интеллектом более эмоционально устойчивы в этом возрасте.

В факторы Ф3 и Ф4 выделились, соответственно, мягкость (I) и робость (–Н) девочек.

Таким образом, в динамике третий класс – конец учебного года в четвертом классе у девочек удается, в целом, проследить взаимосвязь эмоциональных качеств с коммуникативными. В частности, остаются связанными неуровновешенность с независимостью (4 кл.) или уравновешенность – покорность (3 кл.).

Как показал анализ результатов, взаимосвязь личностных качеств существенно различается для школьников с разными интеллектуальными показателями. В табл. 4 приведены результаты факторного анализа данных, полученных в конце учебного года в четвертом классе у девочек. Здесь обработка проводилась совместно, по результатам 2 тестов (IQ+12 качеств).

Сравнивая результаты факторного анализа девочек в конце учебного года в четвертом классе с IQ<100 и с IQ>100, можно увидеть, что их объединяет в факторе Ф1: возбудимость, низкий волевой контроль, тревожность и фрустрация, стремление доминировать. Эти признаки школьной, социальной дезадаптации характерны для девочек с разным уровнем развития интеллекта в этом возрасте [3, 4].

Оценим взаимосвязи личностных качеств с IQ. Для девочек с IQ>100 характерно следующее: чем ниже их интеллект, тем выше доминантность и беспечность в общении. Их общительность (А) связана с вербальным интеллектом (В). Для девочек с IQ<100: чем выше их интеллект, тем больше мягкость характера, изнеженность воспитания. Их общительность связана с эмоциональной устойчивостью и низкой тревожностью.

Для мальчиков в конце учебного года в третьем классе характерна следующая картина: интеллект мальчиков с IQ<100 связан с их общительностью, а эмо-

циональная устойчивость – с низкой доминантностью, покорностью. Низкая тревожность этих детей имеет прямую связь с беспечностью и наивностью в общении, т.е. все значимые характеристики прямо связаны с коммуникативными качествами личности.

Таблица 4

Факторный анализ в конце учебного года в четвертом классе

Личностные качества	Девочки с IQ>100				Девочки с IQ<100			
Факторы	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4	Ф1	Ф2	Ф3	Ф4
IQ	0,20	-0,65	0,28	0,14	0,19	0,26	0,80	0,28
A	-0,57	-0,02	0,69	-0,19	0,07	0,92	0,12	0,23
B	0,08	-0,03	0,87	0,10	0,54	0,51	0,49	-0,05
C	-0,02	0,48	0,50	-0,33	0,08	0,88	0,26	0,06
D	0,75	0,20	-0,01	0,35	0,55	-0,10	-0,20	-0,74
E	0,60	0,58	0,03	0,13	0,85	-0,17	-0,23	-0,20
F	-0,06	0,77	0,17	0,14	0,80	0,27	-0,00	-0,08
G	-0,69	-0,00	-0,10	-0,36	-0,50	0,49	0,15	0,50
H	0,19	0,24	0,10	0,62	-0,06	-0,02	0,03	0,88
I	0,10	0,16	0,16	-0,75	-0,38	0,00	0,87	-0,02
O	0,73	-0,18	-0,20	-0,10	0,20	-0,89	0,07	0,17
Q3	-0,45	0,04	0,48	-0,06	-0,78	0,38	0,11	0,12
Q4	0,82	-0,26	-0,07	0,14	0,90	0,10	0,18	-0,09
S,%	24,84	13,92	14,66	11,09	29,65	24,85	14,51	13,87

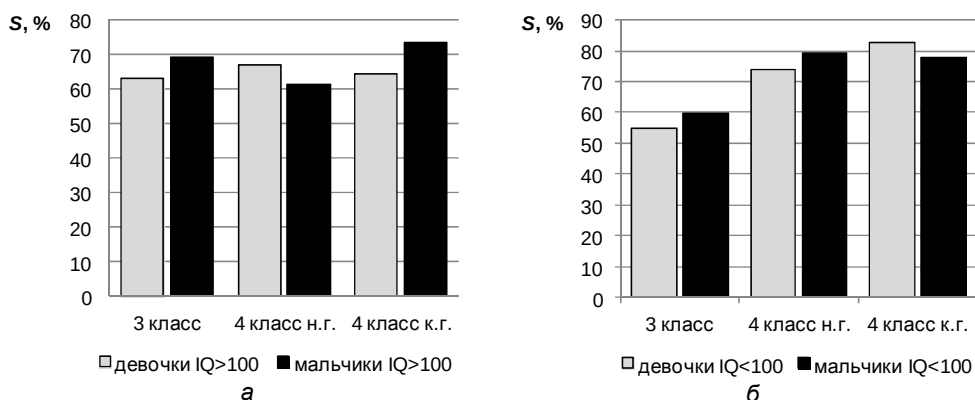
Сдержанные в общении мальчики с IQ>100 более фрустрированы, но внешне проявляют большую эмоциональную устойчивость. Дети с высокой нормативностью поведения уравновешены и эмоционально устойчивы. Их общительность в целом имеет высокую корреляцию с мягкостью характера и мягкостью семейного воспитания.

В конце учебного года в четвертом классе у мальчиков с IQ<100 коммуникативные и волевые качества связаны в первом факторе с наибольшей нагрузкой. Наиболее тревожными являются неуравновешенные дети, а наименее фрустрированными – те, у которых IQ ниже. Вербальный интеллект связан с коммуникативными качествами. Подобная связь эмоциональных качеств с интеллектом наблюдается и у мальчиков с IQ>100. Чем выше интеллект в этой группе детей, тем выше их тревожность и эмоциональная нестабильность. Вербальный интеллект также связан с коммуникативными качествами.

Таким образом, у мальчиков с IQ<100 и с IQ>100 наблюдаются более однотипные взаимосвязи качеств, чем у девочек. Например, у мальчиков обеих групп IQ связан с эмоциональными качествами, вербальный интеллект (В) – с коммуникативными. Более развитый волевой самоконтроль наблюдается у мальчиков с более развитыми коммуникативными качествами. Кроме того, у мальчиков не наблюдается такого «накала» в выраженности взаимосвязанных отрицательных качеств, как у девочек 3-4 класса.

Рисунок иллюстрирует количественную динамику изменения взаимосвязей между личностными качествами школьников в течение всего эксперимента (конец учебного года в третьем классе, начало и конец – в четвертом классе). Показано, как изменяется суммарный вклад первых четырех факторов для детей разного пола и с разным уровнем показателей интеллекта. В соответствии с гистограммами динамика изменения взаимосвязей между личностными качествами существенно зависит от интеллектуальных показателей. Для школьников с высоким IQ суммарный вклад первых четырех факторов из 13 исходных признаков (а значит, и степень взаимосвязи психологических

признаков) меняется в пределах 10%. Для учащихся с $IQ < 100$ эта величина (вклад первых четырех факторов) монотонно увеличивается. Например, для девочек это изменение составляет около 30% (с 54 до 83%, рисунок, б).

Вклад первых четырех факторов в суммарную дисперсию:
а – учащиеся с $IQ > 100$; б – учащиеся с $IQ < 100$

Если оценивать динамику изменения степени взаимосвязи личностных качеств по вкладу первых двух факторов, то результаты оказываются еще более наглядными. Для девочек с $IQ < 100$ суммарный вклад первых двух факторов вырастает к концу четвертого класса с 29 до 54% (см. табл. 4).

Таким образом, в динамике в 3-4 классах у мальчиков с разным уровнем развития интеллекта наблюдаются более однотипные взаимосвязи личностных качеств, чем у девочек. Факторы эмоционального неблагополучия более ярко выражены у девочек. При этом динамика развития взаимосвязей между личностными качествами у детей с более низкими интеллектуальными показателями оказывается значительно выше.

Литература

1. Иберла К. Факторный анализ. М.: Статистика, 1980. 280 с.
2. Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов: учеб. пособие. М.: Академия, 2000. 184 с.
3. Славутская Е.В. Исследование интеллектуальных показателей младших подростков при развивающем воздействии на их эмоционально-волевую сферу // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2011. Т. 11. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 76-81.
4. Славутская Е.В. Гендерные различия в личностных качествах, определяющих дезадаптацию младших подростков [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование: электронный журнал. 2011. № 3. URL: http://www.psyedu.ru/files/articles/psyedu_ru_2011_3_2460.pdf.
5. Cattell R.B. Advances in Cattellian Personality Theory. Handbook of Personality. Theory and Research. N.Y.: The Guilford Press, 1990.
6. Glass J.V., Stanly Y.C. Statistical methods in education and psychology. New Jersey, 1970. 495 с.

ДАНИЛОВА НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА – магистрантка кафедры управления и информатики в технических системах, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (natusia.dan@rambler.ru).

DANILOVA NATALIYA PAVLOVNA – master of Management and Informatics in Technical Systems Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

СЛАВУТСКАЯ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории практической психологии, Чувашский республиканский институт образования, Россия, Чебоксары (slavutskayaev@gmail.com).

SLAVUTSKAYA ELENA VLADIMIROVNA – candidate of psychology sciences, associate professor, senior researcher of Laboratory of Applied Psychology, Chuvash Republic Institute of Education, Russia, Cheboksary.

УДК 159.9:621.396

Л.Н. ВАСИЛЬЕВА

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ «РАДИОТЕХНИКА» НА ПРЕДМЕТЕ МАТЕМАТИКИ

Ключевые слова: профессиональное мышление инженера, дидактическая модель, критерии и уровни сформированности мышления, учебно-методический комплекс.

Рассмотрены условия формирования основ профессионального мышления бакалавров направления «Радиотехника» на основе профессионально-ориентированного построения курса математики. Приводится дидактическая модель, критерии и уровни сформированности основ профессионального мышления.

L.N. VASILEVA

FORMATION OF FRAMEWORKS OF PROFESSIONAL THINKING FOR BACHELOR STUDENTS STUDYING RADIO TECHNOLOGY IN THE SUBJECT OF MATHEMATICS

Key words: professional thinking, teaching model, criteria and levels of formation of thinking, a training set.

The article deals with conditions for the formation of professional thinking frameworks for bachelor students studying radio technology on the basis of the professionally-oriented construction of mathematics. It presents a teaching model, criteria and levels of formation of professional thinking frameworks.

В современном обществе происходит быстрое развитие новых технологий во многих областях инженерной деятельности, в том числе и в радиотехнике. Возрастающая техническая сложность средств производства предъявляет высокие требования к подготовке бакалавров инженерных направлений, их профессиональным и интеллектуальным качествам, способности творчески подходить к решению возникающих проблем. Инженер-радиотехник должен иметь достаточно развитое профессиональное мышление, которое обеспечивает его познавательную самостоятельность, умение обобщать, способность применять имеющиеся знания, умение расширять границы познания. Математическая подготовка бакалавров направления «Радиотехника» является необходимым компонентом общепрофессиональной и специальной подготовки, так как от ее качества зависит дальнейшая продуктивная профессиональная деятельность будущих инженеров. Таким образом, математическое образование студентов-радиотехников необходимо уже с первых курсов организовывать в русле формирования основ профессионального мышления.

Вопросы развития различных сторон профессионального мышления рассматривали в своих работах Г.С. Альтшуллер, Н.Ф. Гоноблин, Б.Ф. Ломов, Т.В. Кудрявцев, И.С. Якиманская и др. Проблема профессиональной направленности обучения математике в вузах рассматривалась в работах Б.В. Гнеденко, В.А. Гусева, С.Н. Дорофеева, М.И. Зайкина, А.Н. Колмогорова, Г.Л. Луканкина, А.Г. Мордковича, С.А. Розановой, Г.И. Саранцева и др.

Проведенный анализ научных исследований и изучение практики подготовки бакалавров по дисциплинам математического цикла позволил констатировать, что в настоящее время недостаточно разработаны педагогические условия, методы и формы реализации подготовки бакалавров с использованием учебно-методического комплекса профессионально-ориентированного содержания как средства формирования основ профессионального мышления студентов.

Научный поиск решения проблемы формирования основ профессионального мышления студентов направления «Радиотехника» направлен на разрешение следующих *противоречий* между:

- необходимостью формирования основ профессионального мышления студентов на основе профессионально ориентированного построения курса математики и сложившейся знаниевой парадигмой в практике обучения студентов технических направлений;

- возросшей потребностью общества в профессионально мыслящих инженерах и недостаточной теоретической и методологической разработанностью вопросов формирования основ профессионального мышления бакалавров направления «Радиотехника»;

- возможностью использования учебно-методического комплекса профессионально-ориентированного содержания и недостаточной разработанностью методики его использования в обучении математике будущих инженеров-радиотехников.

Целью нашего исследования является теоретическое обоснование, разработка и экспериментальная проверка эффективности использования учебно-методического комплекса с профессионально-ориентированным содержанием на формирование профессионального мышления бакалавров направления «Радиотехника» при обучении математике.

Под мышлением инженера мы понимаем систему интеллектуальных процессов и их продуктов, обеспечивающих решение задач профессионально-технической деятельности [6]. «Основная характеристика технического мышления – его оперативность – формируется в тех видах деятельности, в которых требуется умение переходить от знаковых систем описания объекта (схемы, чертежи и так далее) к его системному осмыслению (понять, как работает такое устройство или модель) и материально-предметными характеристиками, без чего нельзя что-то сделать реально» [4]. М.В. Мухина в своей диссертации определяет профессиональное мышление как комплекс интеллектуальных процессов и их результатов, обеспечивающих решение задач профессионально-технической деятельности [7].

На методологическом уровне обучение бакалавров направления «Радиотехника» по высшей математике базируется на следующих подходах: *синергетический* (С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева, В.И. Загвязинский и др.), *личностно-деятельностный* (А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, П.Я. Гальперин и др.) и *компетентностный* (А.Н. Хомский, В.И. Байденко, И.А. Зимняя и др.). Общенаучной основой модели формирования профессионального мышления студентов направления «Радиотехника» является синергетический подход, который заключается в способности превратить образование из способа обучения в средство формирования творческой личности, потенциал для дальнейшего роста и самосовершенствования [3]. Теоретико-методологической стратегией является личностно-деятельностный подход, направленный на формирование способности к активной, самостоятельной деятельности студентов. Компетентностный подход усиливает профессиональную направленность обучения, предполагая выбор тех видов мыслительной деятельности, приемов и операций, формирование которых является наиболее важным для студентов направления «Радиотехника»: умение проводить анализ и математически моделировать прикладные задачи; применять математические методы к решению задач; владеть абстрактным мышлением; интерпретировать результат решения на языке реальной ситуации; проверять соответствие полученных и опытных данных.

На рис. 1 представлена разработанная нами дидактическая модель, в которой выделены три группы дидактических условий, направленных на формирование основ профессионального мышления в курсе математики: организационно-управленческая, структурно-содержательная, личностно-деятельностная [5].

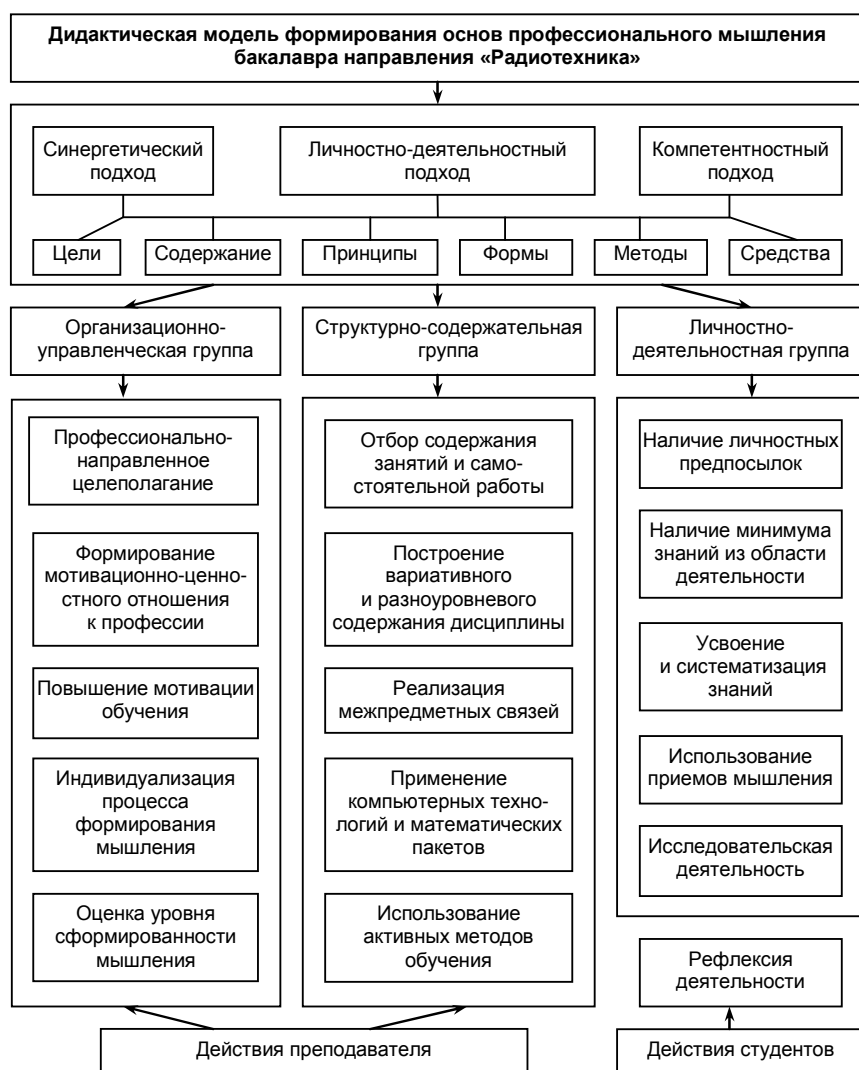

Рис. 1. Дидактическая модель формирования основ профессионального мышления бакалавра направления «Радиотехника»

Организационно-управленческая группа характеризует организацию процесса обучения, направленного на формирование профессионального мышления. *Структурно-содержательная группа* рассматривает особенности содержательной стороны обучения. *Личностно-деятельностная группа* определяет процесс формирования профессионального мышления и особенности субъекта этого процесса.

Организационно-управленческая группа характеризует организацию процесса обучения, направленного на формирование профессионального мышления. *Структурно-содержательная группа* рассматривает особенности содержательной стороны обучения. *Личностно-деятельностная группа* определяет процесс формирования профессионального мышления и особенности субъекта этого процесса.

Для реализации данной дидактической модели формирования основ профессионального мышления нами разработан учебно-методический комплекс (УМК) по разделу «Дифференциальные уравнения» для студентов первого курса направления «Радиотехника». Выбор раздела обусловлен недостаточностью разработок по методике его преподавания с учетом профессионального ориентирования, а также в связи с его базовой значимостью к дальнейшему обучению студентов направления «Радиотехника», так как методы решения дифференциальных уравнений широко применяются при установлении воздействия детерминированных сигналов на линейные стационарные системы, а именно для исследования собственных колебаний в линейных цепях.

В комплексе определено содержание лекционных и практических занятий, на которых происходит формирование основ профессионального мышления, описывается содержание деятельности преподавателя и студентов на занятиях по математике, даны дидактические условия формирования основ профессионального мышления, приведены варианты заданий по типовым расчетам и темы курсовых работ, обозначены критерии и уровни сформированности мышления.

Развитие основ профессионального мышления на занятиях по математике происходит в тесной связи с умением решать профессионально-ориентированные задачи. Поэтому в УМК включены задачи профессионально-ориентированного характера, решая которые «студенты оперируют профессиональными знаниями и умениями, приобретают умение анализировать ситуации» [1].

В соответствии с теорией П.Я. Гальперина [2] процесс формирования основ профессионального мышления студентов происходит поэтапно и включает следующие четыре ступени: адаптивный, ориентационный, поисковый и преобразующий.

На этапе *адаптации* создаются условия для формирования положительного отношения к обучению с помощью систем задач-исполнений, которые требуют выполнения простых действий или сложных действий, представленных в виде последовательности простых. В результате формируется репродуктивное мышление и позитивное отношение к учебной деятельности. На *ориентационном* этапе происходит активизация процесса учебной деятельности с помощью систем задач-алгоритмов (на объяснение, определение понятий, доказательство по приведенной схеме). В результате большая часть студентов переходит с низкого репродуктивного уровня на более высокий. На *поисковом* этапе формируется профессиональное мышление более высокого уровня с помощью использования задач трансформирующего типа, при решении которых требуется самостоятельная разработка алгоритмов. Результатом данного этапа становится закрепление уровня развития репродуктивных умений и переход большинства студентов на продуктивный уровень. На *преобразующем* этапе создаются условия для формирования умения осуществлять интеллектуальные действия. Средством являются конструкторские, исследовательские, творчески-поисковые системы задач. Результат – закрепление продуктивного уровня, достижение частью студентов продуктивно-поискового уровня.

Побудительными мотивами для студентов к систематическому учебному труду являются этапная успешность и результативность процесса обучения. В содержании УМК мы обосновали следующие критерии и уровни сформированности профессионального мышления студентов:

– начальный уровень – формальное знание формул определений, формулировок законов, элементов теорий и т.д., начальные умения оценивать, доказывать. Данные критерии могут полностью проявляться на любом из уровней, иначе на данном предметном материале обучаемый не сможет использовать приём вообще. Соответственно при проявлении этого критерия обучаемый может находиться на любом из уровней, включая начальный, когда прием полностью не сформирован;

– средний уровень – знание определения и структуры приема, примеров его применения в известных ситуациях, умения и навыки мыслительных операций в пределах элементарных суждений, неокрепший опыт доказательства и опровержения, умения оценки и самооценки. Проявление этого критерия говорит не о низком, а среднем или даже высоком уровне. Полное проявление этого критерия свидетельствует о высоком уровне сформированности приема, если же критерий проявляется частично, то это соответствует среднему уровню;

– высокий уровень – устойчивые умения и навыки основных мыслительных операций, умение выбрать прием и обосновать его применение, умение самостоятельно и безошибочно применять прием в большинстве различных ситуаций, умение быстрее других определять ошибки, логически обосновывать оценку и самооценку. Если этот критерий проявляется полностью, то уровень сформированности приема высокий, если частично – то это может соответствовать среднему уровню.

Взяв за основу разработанные нами критерии, мы выявили на контрольном этапе экспериментального исследования уровни профессионального мышления студентов-радиотехников. Для сравнения результатов обучения в экспериментальной и контрольной группе была проведена итоговая контрольная работа по разделу «Дифференциальные уравнения», содержащая профессионально-ориентированные задачи. Задания контрольной работы не выходили за рамки традиционного курса, что необходимо для обеспечения равных условий для студентов экспериментальной и контрольной групп:

1. Сила тока в электрической цепи с омическим сопротивлением R и коэффициентом самоиндукции L удовлетворяет дифференциальному уравнению $L \frac{di}{dt} + Ri = E$, где E – электродвижущая сила. Найти зависимость силы тока $i(t)$ от времени, если E изменяется по синусоидальному закону: $E = E_0 \sin \omega t$ и $i(0) = 0$.

2. Написать и решить уравнение, описывающее изменение силы тока I в цепи, когда включено сопротивление R и катушка с коэффициентом самоиндукции L . В цепи имеется внешний источник ЭДС, которая меняется по периодическому закону: $E = E_0 \cos \omega t$. Начальное условие $I(0) = I_0$ (рис. 2)

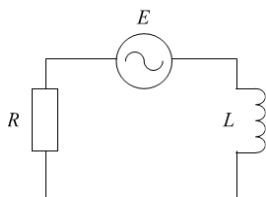

Рис. 2. Электрическая цепь

3. Электрическая цепь состоит из последовательно соединенных источника тока с ЭДС $e(t) = E \cos(\omega t + \varphi)$, индуктивности L и емкости C , причем $\omega = \frac{1}{\sqrt{LC}}$. Найти ток i в цепи как функцию времени t , если $i_{t=0} = \frac{di}{dt}_{t=0} = 0$.

4. Электрическая цепь состоит из последовательно включенных источника постоянного тока, дающего напряжение V , сопротивления R , самоиндукции L и выключателя, который включается при $t = 0$. Найти зависимость силы тока от времени (при $t > 0$).

5. Решить предыдущую задачу, заменив самоиндукцию L конденсатором емкости C . Конденсатор до замыкания цепи не заряжен.

Для оценки уровня сформированности профессионального мышления выделены компоненты, характеризующие степень его развития, а также усвоения знаний: *целенаправленность процесса решения задачи* (умение найти такой путь решения, который приведет к верному результату), *решение комбинированным способом* (способность на каждом этапе решения учитывать создающуюся ситуацию), *выбор оптимального решения* (умение найти наиболее оптимальный способ решения из нескольких вариантов), *оригинальность* (умение разносторонне рассмотреть предложенное задание), *время решения* (оперативность при нахождении ответа) (см. таблицу).

**Уровни сформированности профессионального мышления
по признакам результативности решения задач, % к числу опрошенных**

Уровни сформированности профессионального мышления	Целенаправленность процесса решения		Решение комбинированным способом		Выбор оптимального решения		Оригинальность		Время решения	
	до эксперимента	после эксперимента	до эксперимента	после эксперимента	до эксперимента	после эксперимента	до эксперимента	после эксперимента	до эксперимента	после эксперимента
Начальный	5,5 8,9	3,7 1,5	9,6 1,2	9,9 1,6	31,3 23,8	13,9 11,9	3,5 6,9	4,8 9,6	8,4 9,1	7,1 5,2
Средний	0,9 8,1	2,9 28,8	6,8 57,7	4,7 8,8	44,1 51,9	50,1 35,4	58,8 55,7	0,7 1,1	7,7 7,4	9,8 0,1
Высокий	3,6 23,0	3,4 9,7	3,6 21,1	5,4 9,6	24,6 24,3	36,0 42,7	7,7 17,4	4,5 9,3	3,9 23,5	3,1 4,7

Примечание. Результаты экспериментальной группы выделены жирным шрифтом.

Из таблицы видно, что при примерно одинаковых результатах в контрольных и экспериментальных группах до начала экспериментального обучения, после его окончания экспериментальные группы продемонстрировали более высокие результаты уровня профессионального мышления. Экспериментальные данные, статистически обработанные с помощью критерия Пирсона χ^2 , говорят о том, что достоверные различия в уровнях профессионального мышления в контрольной и экспериментальной группах являются значимыми (на уровне 95%), что свидетельствует о положительном эффекте применения методики формирования профессионального мышления студентов технического вуза.

В процессе исследования в соответствии с его целью и задачами получены следующие основные результаты:

1) разработанная дидактическая модель формирования профессионального мышления бакалавров технических университетов и методика обучения математике обеспечивают повышение уровня мотивации к профессиональному обучению;

2) разработанный учебно-методический комплекс с профессионально-ориентированным содержанием способствует формированию у студентов основ профессионального мышления; методические рекомендации по его использованию на лекционных и практических занятиях способствуют и усилению профессиональной направленности обучения математике и интеграции спецдисциплин и математики.

Литература

1. *Васильева Л.Н.* Аспекты использования профессионально ориентированных задач в математической подготовке бакалавров технических факультетов по направлению 210300 – Радиотехника // Математика. Образование: материалы XVII Междунар. конф. двуязычное (билингвальное) обучение в системе общего и высшего профессионального образования: материалы I Междунар. симпозиума. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. С. 169.
2. *Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука / под ред. А.И. Подольского; вступ. ст. А.И. Подольского. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2003. 480 с.
3. *Григорьева Н.В., Васильева Л.Н.* Синергетический подход в преподавании теории вероятностей и математической статистики на специальности «Радиотехника» // Математика. Экономика. Образование: материалы XVI Междунар. конф. Ростов-на-Д., 2008. С. 229-230.
4. *Зальцман А.М.* Развитие основ технического мышления в общеобразовательной школе // Школа и производство. 1988. № 11. С. 3-6.
5. *Мухина М.В.* Развитие технического мышления у будущего учителя технологии и предпринимательства средствами системы познавательных заданий: дис. ... канд. пед. наук. Н. Новгород, 2003.
6. *Осташков В.Н.* Практикум по решению математических задач инженерными методами: учеб. пособие. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. 204 с.
7. *Планида С.И.* Дидактические условия формирования технического мышления студентов ССУЗа при изучении общеобразовательных дисциплин // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. № 1. С. 104-107.

ВАСИЛЬЕВА ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель кафедры телекоммуникационных систем и технологий, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (OLN2402@mail.ru).

VASILEVA LIDIYA NIKOLAEVNA – senior teacher of Telecommunication Systems and Technologies Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 378.02-021.412

А.В. ГОРНОСТАЕВА, Л.Г. ЕФРЕМОВ

ФОРМИРОВАНИЕ И ПРОВЕРКА КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Ключевые слова: формирование образовательной технологии, качество подготовки студентов, проверка компетенции, модели подготовки обучающихся, высшая школа.

Рассмотрена проблема формирования новой образовательной технологии, а также средства для определения качества освоения студентами учебного материала. Предлагается оценивать результаты обучения интегральным применением традиционных и инновационных методов и средств оценки учебных достижений. Приведены некоторые новые методы для определения уровня формирования компетенций студента: стандартизированный тест; модульно-рейтинговая система; портфолио.

A.V. GORNOSTAEVA, L.G. EFREMOV THE SHAPING AND EVALUATION OF COMPETENCY TRAINING

Key words: development of educational technology, quality of students training, competence control, students training model, higher school.

The article deals with the problem of new educational technology, as well as the means of evaluating the quality of students' learning experience. The article suggests the assessment of academic performance results through the integral use of both traditional and innovative methods. Some new methods of student competence development evaluation are given in the article, such as standardized tests, rating systems and cumulative files.

Цель высшего профессионального образования (ВПО) – подготовка компетентных специалистов, востребованных на рынке высокотехнологичного и наукоёмкого труда в условиях быстро меняющихся технологий и постоянно растущего объёма актуальных технических и научных знаний.

Современный этап развития системы ВПО связан с переходом на новую образовательную модель подготовки специалистов, основанную на компетенциях, которыми должен обладать выпускник вуза, чтобы успешно вести профессиональную и социальную деятельность в условиях динамичного социально-экономического развития современного общества.

В результате такой подготовки выпускник станет конкурентным на рынке труда, компетентным, ответственным, свободно владеющим своей профессией и ориентированным в смежных областях деятельности, способным к эффективной работе по специальности на уровне мировых стандартов, готовым к постоянному, профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Построение компетентностной образовательной модели ВПО включает разработку новых моделей подготовки на базе федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО).

Привычный инструментарий образовательного процесса ориентированный на усвоение и закрепление знаний (реже умений и навыков), приобретенных в результате изучения конкретных учебных дисциплин, недостаточен для формирования у студента заявленных во ФГОС компетенций.

Следовательно, перед российскими вузами в ближайшие годы стоит задача – выработать образовательные технологии и научиться формировать оценочные средства, которые позволяют:

- формировать у студентов требуемые образовательной программой общекультурные и профессиональные компетенции;
- проводить объективную комплексную оценку сформированных компетенций [4].

Оптимальным путем формирования образовательных технологий и систем оценки качества подготовки студентов при реализации новых ФГОС является сочетание традиционных подходов и средств, выработанных в истории отечественной высшей школы, и инновационных подходов, опирающихся на экспериментальные методики ведущих отечественных педагогов и современный зарубежный опыт. При этом постепенно традиционные средства обучения и контроля следует совершенствовать в русле компетентностного подхода, а инновационные средства адаптировать для широкого применения в российской вузовской практике [4].

Общим вектором изменения образовательных технологий должны стать активизация студента, повышение уровня его мотивации и ответственности за качество освоения образовательной программы.

ФГОС определяет, что «реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разборов конкретных ситуаций, различного рода тренингов) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся. В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями российских и зарубежных компаний, государственных и общественных организаций, мастер-классы экспертов и специалистов» [4]. Стандарты третьего поколения требуют, чтобы до 20% учебных занятий проводились в интерактивной форме с использованием мультимедийной техники [2. С. 22].

Под интерактивным обучением подразумевается обучение, построенное на групповом взаимодействии, сотрудничестве, кооперации студентов, образовательный процесс для которых проходит в групповой совместности деятельности [4].

Интерактивные методы ориентированы на более широкое взаимодействие студентов не только с педагогом, но и друг с другом, активность педагога уступает место активности обучаемых, а задачей педагога становится создание условий для их инициативы.

Мощным мотивационным стимулом является наличие в программе дисциплины курсовых работ, проектов или рефератов.

Если в учебном плане нет этих видов работ, то можно варьировать уровнем сложности заданий. Однако следует учитывать, что один и тот же обучающий метод может одновременно мотивировать одних студентов и является причиной снижения мотивации для других.

Усилению внутренней мотивации способствуют:

- обоснование необходимости изучения курса и связь его с другими дисциплинами;
- использование на занятиях новейших технологий;
- проведение конкурсов курсовых работ и рефератов;
- подготовка докладов;
- включение творческих, исследовательских элементов в задания лабораторных работ и практических занятий;
- уверенность в том, что материал курса пригодится в дипломном проектировании и работе после окончания университета;
- организация работы группами;
- реализация проектного метода.

Положительно мотивирован должен быть и второй участник образовательного процесса в вузе – преподаватель.

Авторитарными приказами внедрять инновации невозможно. Этот процесс зависит от профессионального мастерства, творческого потенциала, инновационной активности преподавателя, его психолого-педагогической и коммуникативной компетентности, владения интерактивными технологиями [3].

Новые модели подготовки потребуют смены структуры и состава фонда оценочных средств.

При проектировании компетентностно-ориентированных образовательных программ необходимо обеспечить переход от компетенций выпускников, сформулированных в ФГОС ВПО, к планируемым результатам обучения на уровне знаний, умений, навыков и личностных качеств, которые должен приобрести обучающийся в процессе освоения образовательной программы. Это позволит преподавателям формулировать и оценивать компетенции обучающихся, применяя активные формы и технологии обучения.

Согласно требованиям ФГОС, высшее учебное заведение обязано гарантировать качество подготовки, в том числе путем разработки объективных процедур оценки уровня знаний и умений обучающихся, компетенций выпускников.

Норма качества в высшем (а теперь, с введением ФГОС, и в среднем, и в общем) профессиональном образовании устанавливается государственными образовательными стандартами [1. С. 5].

Оценивание результатов обучения обеспечивается интегральным применением традиционных и инновационных методов и средств оценки учебных достижений, включая тесты, типовые и индивидуальные задания, контрольные и курсовые работы, экзамены и др. При этом необходимо делать акцент на формирование на основе полученных знаний, умений и навыков соответствующих компетенций.

Для определения уровня формирования компетенций студента, прошедшего соответствующую подготовку, методические рекомендации предлагают использовать новые методы. Наиболее распространенными из них являются стандартизированные тесты с дополнительным творческим заданием и рейтинговая система оценки.

Стандартизированный тест обеспечивает хорошую обратную связь преподавателя с обучаемыми: тесты можно проводить по мере необходимости, скорость выполнения теста определяется самим студентом. В конце теста выставляется оценка, не зависящая от настроения преподавателя, его отношения к конкретному учащемуся. Тесты экономят время на контроль, но предполагают большую предварительную работу преподавателя по подготовке и компоновке тестовых заданий.

Структурированный тест позволяет выполнить ряд важных задач:

- формирование положительной мотивации к процессу учения за счет применения новых информационных технологий;

- проверка не только знаний, но и компетенций, так как тест не является полностью закрытым;
- создание ситуации успеха для каждого учащегося, так как имеется возможность работы в индивидуальном темпе;
- воспитание ответственности, самооценки и самоконтроля;
- развитие учебно-интеллектуальных и учебно-организационных умений и т.д.

При использовании структурированных тестов результаты достигаются при меньших затратах времени без ухудшения качества оценки знаний. Немаловажным преимуществом является немедленное после выполнения теста получение оценки каждым учеником, что, с одной стороны, исключает сомнения в объективности результатов у студентов, с другой – существенно экономит время преподавателя.

Необходимо отметить, что тест отвечает целям любого вида контроля – предварительного, текущего, промежуточного, итогового.

Модульно-рейтинговая система оценки знаний студентов включает в себя две подсистемы:

- 1) модульное построение учебного процесса по дисциплине;
- 2) рейтинговую систему оценки знаний студентов.

Модульное построение учебного процесса предполагает структурирование содержания каждой учебной дисциплины на дисциплинарные модули.

Рейтинговая система основывается на интегральной оценке результатов всех видов учебной деятельности студентов, предусмотренных учебными планами, в течение определенного промежутка времени. При рейтинговой системе все знания, умения и навыки, приобретаемые студентами в процессе изучения дисциплины, оцениваются в баллах.

Целью модульно-рейтинговой системы оценки знаний студентов является получение комплексной, объективной и достоверной оценки качества работы студентов в процессе изучения ими отдельных учебных дисциплин и основной образовательной программы в целом.

Таким образом, модульно-рейтинговая система позволяет объективно контролировать всю учебную деятельность студентов, стимулирует познавательную активность и помогает им планировать свое учебное время.

Еще один перспективный метод – *портфолио*. Направлен на поиск новых форм и методов комплексной оценки достижений студентов и преподавателей, способов развития качеств личности, необходимых для творческой самоорганизации и самопрезентации своих компетентностей на рынке труда.

Прежде всего, портфолио – современная образовательная технология, в основе которой используется метод аутентичного оценивания результатов образовательной и профессиональной деятельности, вид оценивания, применяющийся, прежде всего, в практико-ориентированной деятельности и предусматривающий оценивание сформированности умений и навыков личности в условиях, максимально приближенных к требованиям реальной жизни.

Кроме этого портфолио – способ фиксирования, накопления и оценки индивидуальных достижений учащегося в определённый период его образовательной деятельности.

Таким образом, формирование новых моделей выпускников, оценивание их компетенций возможны только при условии создания новой образовательной среды вуза, призванной стимулировать развитие профессорско-преподавательского состава в направлении овладения новыми методами и образовательными технологиями, организационными формами и оценочными средствами. В условиях конкурентной ситуации на рынке труда необходимо осуществить переход на новую образовательную модель подготовки специалистов, основанную на компетенциях, которыми должен обладать выпускник высшего учебного заведения.

Литература

1. Белоцерковский А.В. О «качестве» и «количестве» образования // Высшее образование в России. 2011. № 4. С. 3-10.
2. Ким И.Н., Лисиенко С.В. Формирование базовых составляющих профессиональной компетентности преподавателя в рамках ФГОС // Высшее образование в России. 2012. № 1. С. 16-24.
3. Федоров О.В. Стратегии инновационной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2012. 275 с.
4. Формирование и проверка компетенций: фонды оценочных средств, новые образовательные технологии: проект методических рекомендаций [Электронный ресурс] // Национальный фонд подготовки кадров: сайт. URL: <http://univer.ntf.ru/DswMedia/proektm Metodicheskix rekomendaciy.doc>.

ГОРНОСТАЕВА АЛЕФТИНА ВИКТОРОВНА – доцент кафедры управления инновационной деятельностью, Нижегородский государственный технический университет, Россия, Н. Новгород (dq773@mail.ru).

GORNOSTAEVA ALEFTINA VIKTOROVNA – assistant professor of Innovations Management Chair, Nizhni Novgorod State Technical University, Russia, Nizhni Novgorod.

ЕФРЕМОВ ЛЕОНИД ГЕОРГИЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры электроснабжения промышленных предприятий, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (efremov1@chuvsu.ru).

EFREMOV LEONID GEORGIEVICH – doctor of economics sciences, professor of Electric Power Industry Char, Chuvash Stats University, Russia, Cheboksary.

УДК 378.016:811.1:004

Л.А. МЕТЕЛЬКОВА

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: информатизация лингвистического образования, информационно-коммуникационные технологии, профессиональная деятельность.

Дан анализ психолого-педагогической литературы, посвященной исследованию возможностей информационно-коммуникационных технологий в подготовке специалистов в условиях высшей школы, а также формирования готовности их использования в профессиональной деятельности, дана оценка состояния проблемы информатизации лингвистического образования.

L.A. METELKOVA

INFORMATISATION OF LINGUISTIC EDUCATION AS A PEDAGOGICAL PROBLEM

Key words: linguistic education informatization, information communication technologies, professional activity.

In this article the author analyses psychological and educational works dealing with the study of opportunities provided by the use of information communication technologies to train specialists in colleges and universities, and with the preparation for using them in professional activities. The author also assesses the current state of the linguistic education informatization problem.

Отличительной особенностью развития современного общества является активное использование средств информационных технологий во всех сферах деятельности человека, что приводит к повышению требований к профессиональным кадрам, в частности к их уровню владения информационными технологиями. В настоящее время любой образованный человек, тем более специалист высшей квалификации, должен иметь представление о возможностях информационных технологий, уметь использовать их при решении профессиональных задач. В связи с этим одной из приоритетных задач системы образования является подготовка людей к жизни и деятельности в новых для них условиях информационного мира.

Принципиально новых подходов требует и проблема информатизации самого образования не только как стратегически важное направление развития собственно системы, но и как фундаментальная научная проблема.

Требования, предъявляемые к системе высшего образования, реализуются в новой образовательной парадигме, которая ориентирует вузы на подготовку профессионально мобильного специалиста.

Педагогический вуз готовит студентов к профессиональной педагогической работе в школе. Выпускник должен быть подготовлен к решению тех задач, которые ставятся перед общеобразовательной школой на современном этапе. Эти задачи сформулированы в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года». В ней указывается, что модернизация предполагает «ориентацию образования не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей».

Информационные технологии, базирующиеся на аппаратно-программных комплексах, стали средством активной профессиональной деятельности человека. Необходимость подготовки к применению информационных технологий является общепризнанным фактом. Это отражено в Государственных образовательных стандартах по конкретным специальностям в виде перечня соответствующих дисциплин и в виде характеристики деятельности специалиста.

В связи с этим в числе проблем, решаемых сегодня педагогической наукой, оказываются и вопросы совершенствования профессиональной подготовки специалистов иностранных языков. От того, насколько студенты факультета иностранных языков знакомы с различными аспектами использования информационных технологий и на каком уровне они владеют этими технологиями, во многом зависит успешное осуществление ими будущей профессиональной деятельности. Это обстоятельство ставит перед педагогическими вузами задачу подготовки высококвалифицированных учителей иностранных языков, владеющих системой знаний, умений и навыков на уровне современных требований. В образовательном процессе вуза в настоящее время делается акцент не на безграничное обогащение студентов знаниями, а на развитие творческих способностей, обучение способам поиска новых знаний. В этом смысле сформированность у студентов знаний и умений в области применения информационных технологий в решении профессиональных задач становится неотъемлемой частью готовности будущих учителей к профессиональной деятельности.

Систематические исследования в области применения информационных технологий в области образования в последние годы ведутся более активно. Сведения, полученные при анализе литературы, свидетельствуют о том, что система образования всегда была очень отзывчива к внедрению в учебный процесс информационных технологий, базирующихся на программных продуктах самого широкого назначения.

Общие вопросы формирования готовности специалистов к выполнению профессиональной деятельности рассматриваются в работах Г.А. Бокаревой, К.М. Дурай-Новаковской, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Е.Г. Скворцовой и др. Ученые-педагоги О.А. Абдуллина, С.Б. Елканова, И.Ф. Исаев, В.А. Канн-Калик, Н.В. Кузьмина, В.А. Сластенин, Л.Ф. Спирин, Е.Н. Шиянов, раскрывая общетеоретические аспекты профессионально-педагогической подготовки будущих учителей, обосновывают цели, задачи, содержание и структуру высшего педагогического образования, анализируют систему профессиональной подготовки студентов педагогических специальностей вузов.

Проблеме повышения эффективности профессиональной подготовки учителей посвящены исследования А.А. Вербицкого, Б.С. Гершунского, В.И. Загвязинского, В.Г. Максимова, М.М. Поташника, В.Г. Рындак, В.А. Сластенина, Н.М. Яковлевой и др.

Вопросы обучения иностранным языкам рассматриваются в работах отечественных и зарубежных педагогов и методистов: коммуникативное обучение (И.Л. Бим, С. Брумфит, Е.И. Пассов, У. Риверс и др.); индивидуализация обучения иноязычной речевой деятельности (М.А. Иванова, В.П. Кузовлев и др.); интенсивное обучение иностранным языкам (А. Блэйр, Г.А. Китайгородская, М.М. Миролубов, Т.Д. Трелл и др.); методы овладения иностранным языком (К. Ломб, Д.Л. Спивак, А.С. Старостин и др.); вопросы организации занятий в языковых лабораториях (В.И. Иванова-Цыгова, М.В. Ляховицкий, К.Б. Карпов и др.); языковое сознание и психология формирования речи на иностранном языке (П.Я. Гальперин, Е.Н. Кабанова, Э.В. Маруга и др.).

Проблема формирования у будущих учителей готовности к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности рассматривается в работах отечественных ученых Ю.С. Брановского, Я.А. Ваграменко, В.М. Заврыкина, В.А. Извозчикова, Э.И. Кузнецова, Ю.К. Кузнецова, И.А. Румянцева и др. Их исследования охватывают следующий спектр вопросов:

- использование информационных технологий в обучении (Е.П. Велихов, А.Л. Денисова, В.М. Монахов, В.Г. Разумовский, Л.Ю. Уваров и др.);
- разработка методики подготовки преподавателей информатики (Я.А. Ваграменко, В.А. Извозчиков, Э.И. Кузнецов, Ю.К. Кузнецов, А.В. Могилев, Т.К. Смыковская и др.);
- исследования влияния информационных технологий на содержание подготовки специалиста (А.П. Ершов, В.С. Леднев, Е.И. Машбиц, И.В. Роберт, В.В. Рубцов, А.Я. Савельев и др.).

Проблемам поиска условий, обеспечивающих эффективность подготовки студентов к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности, посвящены исследования А.Л. Денисовой, Ж.В. Иноземцевой, Е.А. Ковалевой (в деятельности экономиста, менеджера), О.А. Козлова (в деятельности современного офицера), В.П. Шумилина (в деятельности специалистов в области правоведения), В.В. Алейникова, Н.Н. Диканской, М.И. Жалдака, Э.И. Кузнецова, М.П. Лапчика, Л.Д. Мальцева (в деятельности будущих педагогов) и др.

Непосредственное значение для нашего исследования представляют материалы исследований по проблемам организации обучения иностранным языкам с помощью информационных технологий и по формированию готовности учителей иностранного языка применять информационные технологии в учебном процессе.

Экспериментальные работы на базе компьютерного обучения иностранным языкам были осуществлены Т.А. Помеловой, В.В. Пономаревой и др. Общие вопросы положительных и отрицательных сторон применения информационных технологий в обучении иностранным языкам рассмотрены в трудах Е.П. Протасеня, Ю.С. Штеменко и др. Дистанционное обучение иностранному языку на базе компьютерных телекоммуникаций исследовано Е.И. Дмитриевой, Е.С. Полат и др.

В последнее десятилетие появилось множество работ, посвященных формированию информационной культуры человека (А.П. Ершов, М.И. Жалдак, К.К. Колин, И.В. Макарова, К.Р. Овчинникова, Ю.А. Первин, И.М. Яглом).

Анализ научных работ вышеперечисленных ученых позволяет говорить об актуальности продолжения исследований в данной области.

Давая общую оценку состоянию проблемы формирования готовности будущего учителя иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности, необходимо отметить, что проблема остается недостаточно решенной. Слабо изученными остаются такие аспекты, как:

- теоретические основы формирования готовности будущего учителя иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности;

– содержание, формы и методы данной подготовки в рамках современного педагогического вуза;

– педагогические условия, способствующие повышению эффективности подготовки студентов факультетов иностранных языков педагогических вузов к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности.

Возникло противоречие между потребностью педагогической практики в совершенствовании процесса формирования готовности будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности и отсутствием специальных исследований по разработке теории и методики их подготовки к применению информационных технологий в процессе преподавания иностранного языка в условиях современных образовательных учреждений.

С учетом этого противоречия нами был сделан выбор темы: «Формирование готовности будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности».

Проблема исследования: каковы педагогические условия совершенствования формирования готовности будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности?

Решение этой проблемы и составляет цель исследования.

Объект исследования – учебно-воспитательный процесс факультетов иностранных языков педагогических вузов.

Предмет исследования – процесс формирования готовности будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности.

Нами разработана гипотеза исследования, которая сформулирована следующим образом: образовательный процесс в вузе будет способствовать формированию готовности будущих учителей иностранного языка к применению информационных технологий, если:

– на основе системного, технологического, личностно ориентированного подходов будет разработана и реализована на практике модель процесса формирования готовности будущих учителей иностранного языка к применению информационных технологий;

– сформирована инновационная направленность в преподавании информационных технологий студентам факультета иностранных языков;

– обеспечена взаимосвязь всех направлений подготовки студентов (теоретической, методической, практической) факультета иностранных языков, предусматривающая использование информационных технологий в профессиональной деятельности;

– процессу изучения информационных технологий студентами факультета иностранных языков придан практико-ориентированный характер;

– создано соответствующее учебно-методическое обеспечение процесса обучения студентов факультета иностранных языков;

– создана информационно-учебная среда на теоретических и практических занятиях по дисциплинам предметной подготовки;

– осуществлена целенаправленная и систематическая работа по подготовке преподавателей к использованию в работе со студентами средств информационных технологий.

Предмет, объект, цель и гипотеза определили задачи исследования:

1) раскрыть сущность понятия «готовность будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности»;

2) разработать и апробировать модель процесса формирования готовности будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности;

3) определить основные показатели и уровни готовности студентов факультета иностранных языков к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности;

4) выявить, теоретически и экспериментально обосновать педагогические условия формирования готовности студентов к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности.

Методологической основой исследования выступают:

– на философском уровне – положения диалектики о всеобщей связи, взаимообусловленности и целостности явлений реального мира, теории познания личности;

– на общенаучном уровне – принципы и методы системного подхода (В.Г. Афанасьев, В.П. Беспалько и др.), личностно ориентированного подхода (В.А. Беликов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др.), технологического подхода (И.Ф. Исаев, В.А. Сластенин и др.), общенаучные принципы исследования социально-педагогических объектов (Ю.К. Бабанский, М.Е. Дуранов, В.И. Загвязинский, Т.Е. Климova, А.Я. Найн и др.);

– на конкретно-научном уровне – исследования по проблемам высшей школы (С.И. Архангельский, Г.Г. Грантов, О.В. Лешер и др.); по контекстному обучению (А.А. Вербицкий и др.); по теории целостного педагогического процесса (Ю.К. Бабанский, В.И. Загвязинский, В.В. Краевский и др.); по теории и методике педагогических исследований (Ю.К. Бабанский, М.Н. Скаткин и др.); по научным основам готовности к профессиональной деятельности (Г.А. Бокарева, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, Е.Э. Смирнова и др.), а также работы в области теории, методологии и практики информатизации образования (Я.А. Ваграменко, Е.П. Велихов, М.И. Жалдак, Э.И. Кузнецова, Д.Ш. Матрос, В.Г. Разумовский, И.В. Роберт и др.) и в области методики обучения иностранным языкам (Л.С. Андреевская-Левенстерн, И.Л. Бим, И.А. Зимняя, Г.А. Китайгородская, А.А. Миролюбов).

Экспериментальная работа проводилась на базе факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. Всего в исследовании на разных его этапах приняло участие около 200 студентов, преподавателей и учителей иностранного языка школ Чувашской Республики.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты дополняют теорию и методику профессионального образования и вносят новые элементы в существующие исследования в области использования информационных технологий в системе образования. В нем обоснована необходимость подготовки будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности, определены сущность и содержание этого процесса, охарактеризованы его основные этапы: мотивационно-ценностный, содержательный, профессионально-деятельностный, аналитико-корректировочный.

Практическая значимость исследования состоит в том, что содержащиеся в нем положения и выводы создают реальные предпосылки для научно-методического обеспечения образовательного процесса на факультетах иностранных языков педагогических вузов, направленного на формирование готовности будущих учителей иностранного языка к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности. Материалы исследова-

ния могут быть использованы в образовательном процессе высших педагогических учебных заведений, в системе повышения квалификации и переподготовки учителей иностранного языка.

Литература

1. Харитонова Л.А. Создание информационной среды в процессе информатизации образования // *Linguarum Terra* 2003: сб. науч. трудов студентов и преподавателей ФИЯ / ЧГПУ. Чебоксары, 2003. С. 69-75.

2. Харитонова Л.А. Функции учителя иностранного языка в процессе обучения иностранным языкам с помощью средств информационных технологий // *Французский язык и культура Франции*: сб. науч. ст. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2004. С. 210-212.

МЕТЕЛЬКОВА ЛИЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (rektorat@chgpu.edu.ru).

METELKOVA LILIYA ALEXANDROVNA – candidate of pedagogical sciences, associate professor, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary.

УДК 378.016:811.1:008.001

А.С. НАЗЫРОВА

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: межкультурная компетентность, межкультурная компетенция, готовность к межкультурной коммуникации, компетентность, компетенции.

Статья посвящена изучению вопроса формирования межкультурной компетентности студентов лингвистов с учетом современных тенденций образования в контексте глобализации и укрепления межкультурных связей. В ней рассмотрены различные аспекты межкультурной компетентности.

A.S. NAZYROVA

INTERCULTURAL COMPETENCE AS A SUBSTANTIAL ISSUE OF HIGH SCHOOL STUDENTS' READINESS FOR INTERCULTURAL COMMUNICATION

Key words: intercultural competence, intercultural communication, readiness to intercultural communication, competence.

The article discusses the ways of developing of intercultural competence for students of linguistic institutes in accordance with modern educational trends in the context of globalization and intense cross-cultural contact. Various aspects of intercultural competence are described in the article.

Современный этап развития образования, новизна и сложность задач, решаемых в ходе его модернизации, присоединение России к процессу создания общеевропейского образовательного пространства актуализируют проблемы воспитания гражданина, формирования интеллектуального и творческого потенциала личности в высших учебных заведениях.

Далеко не случайно в образовательной стратегии языкового вуза в качестве одной из центральных поставлена задача формирования нового типа личности, готового к участию в межкультурной коммуникации, совершенствования подготовки профессионалов-гуманитариев, в частности преподавателей иностранного языка, которые по профилю и характеру профессиональной деятельности призваны выступать в роли субъектов диалога культур и способствовать обеспечению лингвистических и культурных прав человека в современном мире.

Именно в вузе, пройдя школу общественных организаций, объединений, творческих коллективов, студент приобретает твердые жизненные ориентиры,

навыки организатора, личностные качества, необходимые для полноценного социального взаимодействия в разных областях деятельности, приобретает необходимую личностную готовность как базу для формирования индивидуального способа существования в современном поликультурном мире.

Актуальность исследования проблемы формирования межкультурной компетентности обучающегося обусловлена тем, что постоянно трансформируется социальный опыт, реконструируется сфера образования, появляются всевозможные разновидности авторских педагогических систем, возрастает уровень запросов социума к специалисту.

В настоящее время приобщение личности к другой культуре и ее участие в диалоге культур считаются основной целью овладения иностранными языками, которая достигается путем формирования готовности обучающегося к межкультурной коммуникации, приобретением необходимого уровня профессиональной, коммуникативной и межкультурной компетентности.

Готовность к межкультурной коммуникации мы рассматриваем как существенный аспект личностной готовности молодого человека к полноценному социальному взаимодействию. Решая задачи учебного характера, вуз обязан создавать условия для развития личности студента, в том числе – для развития готовности к межкультурной коммуникации как важнейшего фактора его полноценной социализации и самореализации в обществе.

В свою очередь, готовность к межкультурной коммуникации – это одна из сущностных черт будущего учителя иностранного языка, которая направлена на развитие его межкультурной компетентности. В отличие от компетентности, которая выступает потенциальным качеством личности, готовность представляет собой актуальное качество. Принимая во внимание тот факт, что готовность – это относительно устойчивая (хотя и подлежащая изменению) характеристика личности, ее можно рассматривать как фактически достигнутый уровень компетентности, имеющий место на определенном этапе жизнедеятельности человека [6].

Анализ отечественной и зарубежной педагогической литературы (Н.В. Барышников И.Л. Бим, Е.М. Верещагин, Н.Д. Гальскова, И. Герингхаузен, Х. Крумм, К. Мюллер, В. Пауэлс, С.Г. Тер-Минасова, В. Хельмольт) показывает, что базовой основой терминов «межкультурная компетентность» и «межкультурная компетенция» является понятие «межкультурная коммуникация», которая трактуется как совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам [5. С. 351].

Межкультурная компетенция является предметом пристального внимания со стороны многих современных исследователей, таких как М. Бирама, Н.Н. Васильевой, Н.Д. Гальсковой, С.И. Гармаевой, Н.И. Гез, А.П. Садохина, В.В. Сафоновой.

В контексте уточнения сущности понятий «компетентность» и «компетенция» до сегодняшнего дня идут научные дискуссии, и наблюдается определенный разброс мнений.

Близость терминов «компетентность» и «компетенция» закономерно породила известную сложность. Как справедливо указывает И.А. Зимняя, «исследователи либо применяют только термин «компетенция», считая, что термин «компетентность» используется в этих же значениях, либо рассматривают эти понятия как самостоятельные (первый – полномочия, права, а второй – характеристика носителя этих полномочий), либо трактуют «компетентность» как реализацию «компетенции» или даже как понятие, тождественное ей по смыслу [8. С. 23].

Этимологически термин «компетентность» образован от слова «компетентный» (competens), которое в латинском языке буквально означает «соответ-

ствующий, способный», хотя чаще всего употребляются в значениях обладающий компетенцией или знающий, сведущий в определенной области деятельности. Кроме того, в латинском языке также существует родственное ему понятие «компетенция» (*competentia* – принадлежность по праву), которое определяется как круг полномочий какого-либо органа или должностного лица, круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом [12. С. 157].

Нет единства и в понимании содержания этих терминов. Так, в «Словаре иностранных слов» понятие «компетентность» трактуется двояко как «обладание компетенцией» или «обладание знаниями, позволяющими судить о чем-либо». Компетенция тоже имеет два значения: круг полномочий какого-либо органа или должностного лица и круг вопросов, в которых данное лицо обладает познанием и опытом. В двух значениях представлен и термин «компетентный»: «обладающий компетенцией; знающий, сведущий в определенной области» [15. С. 320].

В психологической литературе компетентность рассматривается как устойчивая готовность и способность человека к деятельности «со знанием дела» [7]. В свою очередь, в термин «компетенция» включается не только совокупность необходимых знаний для решения какого-либо вопроса, но и знание возможных последствий конкретного способа действий.

По мнению В.Д. Шадрикова, понятия знания, умения, навыки неполно характеризуют понятие компетентности, и автор предлагает рассматривать ее как владение определенными знаниями, навыками, жизненным опытом, позволяющим судить о чем-либо, делать, или решать что-либо [17. С. 28].

Согласно А.С. Белкину, компетентность есть совокупность профессиональных качеств, обеспечивающих эффективную реализацию компетенций [1. С. 5].

В российской теории коммуникации термин «компетентность» употребляется в значении: «совокупность знаний, умений и навыков»; «как способность личности к осуществлению какой-либо деятельности, каких-либо действий»; как уровень сформированности межличностного опыта [12. С. 158].

Дж. Равен понимает под компетентностью специфическую способность индивида, необходимую для выполнения конкретного действия в конкретной предметной деятельности и включающую узкоспециальные знания, особого рода навыки, способы мышления, а также ответственность за свои действия.

Быть компетентным по Равену – значит иметь набор специфических компетентностей разного уровня. Автор выделяет 37 видов компетентностей, которые определяет как «мотивированные способности» [11. С. 258].

Таким образом, компетентность определяется как готовность специалиста включиться в определенную деятельность или как атрибут подготовки к будущей профессиональной деятельности.

Компетенция – способность специалиста мобилизовать в профессиональной деятельности свои знания, умения, навыки, а также личностные качества [7].

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что компетентность – совокупность знаний, умений и навыков, позволяющих ее субъекту эффективно решать вопросы и совершать необходимые действия в какой-либо жизнедеятельности, а компетенция – совокупность объективных условий, определяющих возможности и границы реализации компетентности индивида.

В исследованиях, посвященных межкультурной коммуникации, в основном делается акцент на расширении перечня языковых компетенций, включающих, кроме специальных, этические, эстетические, культурологические (М.Н. Вятютнев, И.А. Зимняя, Н.Б. Ишханян, Е.И. Пассов, В.П. Фурманова и др.).

Исследуя культурологический аспект компетентности, А.Н. Федотова указывает, что именно культурологическая компетенция характеризует процесс саморазвития личности человека. В основе этого процесса находится, спо-

способность индивида, с одной стороны, к аккумуляции знаний, а с другой стороны – к умению строить взаимосвязи и проводить ассоциации между различными областями знания [16. С. 38].

В.В. Сафонова определяет межкультурную компетенцию как часть коммуникативной компетенции языковой личности [14. С. 62].

Межкультурная компетенция, по мнению Н.Д. Гальсковой, Н.И. Гез, есть способность, позволяющая личности реализовать себя в рамках диалога культур, т.е. в условиях межкультурной коммуникации. Ее становление осуществляется во взаимосвязи освоения иноязычного кода и развития культурного опыта человека, в составе которого можно вычленить отношение человека к себе, к миру, а также опыт творческой деятельности [3].

С.И. Гармаева, понимает под межкультурной компетенцией владение студентами определенной совокупностью знаний о культуре страны изучаемого языка, обеспечивающих культурное взаимодействие, и считает, что критериями сформированности межкультурной компетенции являются владение паралингвистической неязыковой информацией, знание специфики национального образа коммуниканта [4].

Н.Н. Васильева, исследуя особенности формирования межкультурной компетентности в процессе обучения иностранному языку, понимает под «межкультурной компетентностью» знание жизненных привычек, нравов, обычаев, установок данного социума, формирующих индивидуальные и групповые установки; индивидуальных мотиваций, форм поведения, невербальных компонентов (жесты, мимика), национально-культурных традиций, системы ценностей» [2]. Наличие межкультурной компетентности избавит человека от культурного шока, неприятного удивления и фрустрации при столкновении с иной культурой. Кроме того, одним из компонентов межкультурного обучения автор считает «терпимость к разнообразию и готовность подвергать сомнению собственные нормы» [2].

Однако при таком подходе понятие межкультурной компетенции сводится лишь к знаниям, когда наряду со знаниевым компонентом должно включать навыки, умения и качества личности, которые составляют компетенцию субъектов межкультурного общения.

Таким образом, межкультурная компетенция рассматривается исследователями как: способность людей разного пола и возраста мирно и без взаимной дискриминации существовать в одном обществе; способность участвовать в чужой до этого культуре; идентичность, интегрирующую знания и образцы поведения, в основе которых лежат принципы плюрализма мышления и осознания историчности культурных процессов.

Приведенные выше положения позволяют указать на то, что формирование межкультурной компетенции следует рассматривать в связи с развитием личности студента, его способности и готовности принимать участие в диалоге культур на основе принципов кооперации, взаимного уважения, терпимости к культурным различиям и преодолению культурных барьеров. Присутствие в сознании каждого участника общения своей собственной культуры и так или иначе противопоставленного ему чужого мира создает диалогичность личности [14. С. 137]. Именно диалогичность личности делает ее способной к участию в диалоге культур.

В свою очередь, А.П. Садохин обращает внимание на то, что понятие «межкультурная компетентность» в нашей стране только начинает входить в широкий научный оборот и не имеет устоявшегося терминологического определения [12. С. 163].

В то же время, в зарубежной науке понятие «межкультурная компетенция» возникло вначале 1970-х гг., в период становления межкультурной коммуникации как самостоятельного научного направления. В 70-80-е гг. XX в. актуальными стали вопросы отношения к другой культуре и ее ценностям, преодоления этно- и

культуроцентризма [12. С. 163]. В контексте исследования этих проблем межкультурная компетенция стала рассматриваться как «комплекс аналитических и стратегических способностей, расширяющий интерпретационный спектр индивида в процессе межличностного взаимодействия с представителями другой культуры» [18].

Согласно позиции А. Кнапп-Поттхоффа, содержание межкультурной компетенции можно разделить на три группы знаний: а) аффективные элементы – эмпатия и толерантность. Эмпатия (от греч. *empathia* – сопереживание) в «Педагогическом словаре» трактуется как качество личности, ее способность проникать с помощью чувств в душевные переживания других людей, сочувствовать им, сопереживать [9. С. 92]. Данные элементы образуют психологический базис для эффективного межкультурного взаимодействия; б) когнитивные элементы – этноцентризм и этнокультурный релятивизм, служащие основой для адекватного толкования коммуникативного поведения представителей иной культуры для предотвращения непонимания и изменения собственного коммуникативного поведения в интерактивном процессе; в) процессуальные элементы – стратегии, применяющиеся в ситуациях межкультурных контактов: во-первых, направленные на успешность такого взаимодействия, побуждение к речевому действию, на поиск общих культурных элементов, готовность к пониманию и выявление сигналов непонимания, использование опыта прежних контактов и т.д., во-вторых, нацеленные на пополнение знаний о культурном своеобразии партнера [12. С. 164].

Большинство исследователей едины в том, что практика формирования межкультурной компетентности в той или иной степени связана с преодолением этнокультурных стереотипов и предрассудков, которые являются социокультурными барьерами межкультурного диалога, существенно ограничивающими эффективность межкультурной коммуникации. Об эффективности межкультурного диалога целесообразно говорить лишь в том случае, если будут преодолены соответствующие стереотипы и предрассудки путем заимствования и использования одной культурой артефактов другой. В результате межкультурная компетентность становится тем свойством личности или сообщества, которое позволяет партнерам по межкультурной коммуникации осуществлять совместную деятельность, создавать общие культурные ценности, формировать единое социокультурное пространство, в котором могут взаимодействовать представители различных культур и этносов [13. С. 17].

Обращение исследователей к проблеме диалога культур по-новому ставит задачи перед системой образования. Применительно к высшей школе на первый план выдвигаются вопросы воспитания культуры общения, подготовки обучающегося к диалогу культур. Одним из условий реализации данного процесса должен стать определенный уровень сформированности у обучающегося межкультурной компетентности.

Литература

1. Белкин А.С. Педагогическая компетентность: учеб. пособие. Екатеринбург: Учебная книга, 2003. 188 с.
2. Васильева Н.Н. Межкультурная компетенция. Стратегии и техники ее достижения [Электронный ресурс]. URL: <http://rspu.edu.ru/journals/lexicography/conference/vasilieva%20N.htm>.
3. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. М.: Академия, 2005. 336 с.
4. Гармаева С.И. Формирование межкультурной компетенции студентов неязыковых вузов средствами современных инфокоммуникационных технологий: дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2008. 203 с.
5. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации. М.: Юнит, 2002. 352 с.
6. Захарова Г.В. Формирование готовности студентов к межкультурной коммуникации в образовательном пространстве вуза: дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 164 с.
7. Зеер Э.Ф. Психология профессий. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. проф. пед. ун-та, 1997. 244 с.
8. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20-26.

9. Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь: для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2000. 176 с.
10. Наролина В.И. Подготовка специалиста к межкультурной коммуникации // Высшее образование в России. 2009. № 1. С. 124-128.
11. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация. М.: Когито-Центр, 2002. 396 с.
12. Садохин А.П. Межкультурная компетенция и компетентность в современной коммуникации (Опыт системного анализа) // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 156-166.
13. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: сущность и механизмы формирования. М.: МГУКИ, 2009. 44 с.
14. Сафонова В.В. Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996. 237 с.
15. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1979. 624 с.
16. Федотова А.Н. Развитие культурологической компетенции студентов университета в процессе изучения иностранного языка: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2001. 183 с.
17. Шадриков В.Д. Новая модель специалиста: инновационная подготовка и компетентностный подход // Высшее образование сегодня. 2004. № 8. С. 26-31.
18. Knapp K., Knapp-Potthoff A. Interkulturelle Kommunikation // Zeitschrift für Fremdsprachenforschung. 1990. № 1. S. 83.

НАЗЫРОВА АННА САЛИХОВНА – аспирантка кафедры педагогики и яковлеведенья, Чувашский государственный педагогический университет, Россия, Чебоксары (cendrillon78@mail.ru).

NAZYROVA ANNA SALIKHOVNA – post-graduate student of Pedagogics and Yakovlev Studies Chair, Chuvash State Pedagogical University, Russia, Cheboksary.

УДК 800.866:62:378.016

В.И. СУХАНОВА

ФИЛОЛОГИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ АНГЛЯЗЫЧНОМУ ЧТЕНИЮ БАКАЛАВРА НЕФТЕГАЗОВОЙ ГЕОЛОГИИ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ЕГО ОПТИМИЗАЦИИ

Ключевые слова: оптимизация обучения языку, продуктивная филологизация обучения чтению бакалавра нефтегазовой геологии, строевые элементы английского языка.

В связи с противоречиями в языковой подготовке инженеров-геологов, в частности бакалавров нефтегазовой геологии, обосновывается необходимость оптимизации процесса обучения профессионально ориентированному англоязычному чтению бакалавров посредством его продуктивной филологизации, т.е. направленно-сти на постижение лингвистической и культурной составляющих аутентичных текстовых материалов по изучаемой специальности. Приоритизируется роль строевых элементов языка в понимании англоязычного текста.

V.I. SOUKHANOVA

PHILOLOGICALLY-BASED TEACHING VOCATIONALLY-ORIENTED READING ENGLISH TO BACHELOR OF PETROLEUM GEOLOGY AS A PREREQUISITE OF ITS OPTIMIZATION

Key words: optimization of language teaching, productive philologically-oriented teaching reading to bachelor of petroleum geology, the 'stroyevyye elements' of the English language.

In view of contradictions in language training of engineer-geologists, and bachelors of geology, in particular, the necessity of optimization of vocationally-oriented teaching the latter to read English literature on specialism on the basis of productive philological orientation of the process of teaching, i.e. orienting it towards comprehending the linguistic and cultural constituents of authentic textual materials on specialism is substantiated, with the role of the 'stroyevyye' English elements in understanding authentic texts being prioritized.

Переход от геоиндустриализации к геогуманизации сопровождается активным обменом опытом, накопленным геологами разных стран, в том числе России. Несмотря на интенсивное участие российских геологов в международных форумах и проектах, в своём большинстве они не готовы к профессионально-деловому общению на межкультурном уровне.

Долю ответственности за это, несомненно, несёт «стихийность создания геологического языка, разнообразие геологических классификаций, породившее несоответствие между запасом фактического материала и умением отразить его в научных терминах» [16. Р. 5], «низкое качество ведомственных глоссариев в нефтяной отрасли» [4. С. 7].

Достаточно невысок и уровень преподавания и знания иностранных языков в технических вузах. Первое чаще всего объясняется «спецификой этих учебных заведений и их нефилологической направленностью» [3. С. 138], а последнее – «отсутствием преемственности в целях обучения и характером чтения; общеобразовательная школа формирует компетенции во всех видах речевой деятельности, ученики читают различные по форме и стилю материалы, включая газетно-публицистические и художественные, в том числе стихотворные; в технических же вузах, как правило, доминирует чтение и перевод со словарём объёмных и сложных текстов узкопрофессиональной направленности» [11. С. 2-7].

Подлинные причины такого положения мы видим в противоречиях, назревших в инженерно-техническом образовании в целом и в языковой подготовке инженеров-геологов в частности:

- между нацеленностью обучения на «овладение достаточным уровнем коммуникативной компетенции для решения социальных задач в бытовой, культурной, профессионально-деловой и научной сферах деятельности при общении с зарубежными партнёрами» [7. С. 4] и недостаточным уровнем умений и навыков чтения у студентов инженерно-геологических специальностей;

- между актуализацией «интегративной естественно-гуманитарной векторности инженерно-технического образования» [14. С. 12-14] и неготовностью кафедр иностранных языков придать таковую обучению языкам для профессионально значимых целей будущих инженеров-геологов;

- между геологической безграмотностью первокурсников в силу недостаточной геологизации образования, что проявляется в игнорировании геологических знаний в средней школе [13], и запаздывающим и ограниченным по времени обучением языку для профессионально значимых целей студентов геологических факультетов;

- между целесообразностью «обучать геологии как искусству, а будущих геологов – мыслить в трёх измерениях» [12] и отсутствием такого подхода к профессионально ориентированному обучению языкам студентов инженерно-геологических специальностей;

- между потребностью общества и международного геологического сообщества в подготовке российского специалиста-геолога как «эмоционально зрелой языковой личности, способной справляться со спонтанно возникающими культурно-обусловленными ситуациями и осуществлять общение на межкультурном уровне» [2. С. 2-7], и недостаточной разработанностью вопросов повышения её качества, в частности отсутствием методической концепции оптимизации обучения бакалавров, обучающихся по направлению «Геология и разведка полезных ископаемых», профессионально ориентированному англоязычному чтению различных по форме и стилю аутентичных текстовых материалов.

В основе нашего понятия оптимизации обучения бакалавров означенному виду чтения лежит понятие *оптимизации обучения языку*, под которой, вслед за В.Г. Костомаровым и О.Д. Митрофановой, мы понимаем «совокупность методов и способов, адекватных целям обучения и достаточных для выполнения поставленных коммуникативных, воспитательных, образовательных и развива-

ющих целей обучения за минимальное время, с наименьшей затратой сил и средств» [6. С. 152], а вслед за Л.В. Московкиным, – «комплексный подход к совершенствованию учебного процесса, где «цели, методы и средства обучения выбираются с учётом условий обучения ... и психологических особенностей участников учебного процесса...» [8. С. 65], что в целом отвечает гуманизации обучения и направленности его на гармоничное развитие личности обучаемого.

В контексте вышеозначенных противоречий и изучения иностранного языка вне аутентичной среды мы оптимизируем обучение профессионально ориентированному чтению бакалавра нефтегазовой геологии с учётом его познавательных и коммуникативных запросов, а также лингвистических трудностей чтения аутентичной нефтегеологической англоязычной литературы научного стиля.

Результаты анкетирования бакалавров геологии Ухтинского технического и Уфимского нефтяного университетов (2008-2011 гг.) с целью выявления коммуникативных запросов в их дальнейшей жизни свидетельствуют о том, что 220 из 380 опрошенных приоритизируют устно-речевое общение с зарубежными коллегами в профессионально-деловой сфере (39%) и письменное – в бытовой (19%). Они хотят научиться понимать радиопередачи (20%) и свободно читать на английском языке (22%) (указываем в порядке значимости для респондентов): литературу по специальности (I); публицистические статьи, в том числе историческую хронику и современный репортаж (II); научно-популярные статьи (III); художественную литературу, включая стихи, в том числе тексты популярных песен (IV).

Изучение словарного состава англоязычных нефтегеологических текстов показало, что в них, как и в текстах на подъязыке любой естественной науки, доминирует околопрофессиональная лексика, состоящая из общенаучных терминов и слов общего языка, что корреспондирует с мнением Т. Хатчинсона, А. Уотерса [18. Р. 165] и М. Бейкера [15. Р. 82]. Эту лексику слагают и фразы, выражающие отношение автора к описываемым явлениям и процессам (*it should be noted, as is known, it is necessary to reconstruct* и т.д.).

К собственно терминам рассматриваемого подъязыка относятся следующие слова и словосочетания: *petroleum, source rock, reservoir, pool, accumulation, migration, seepage, seal, trap, petroleum production/recovery, gas drive, oil province, oil-bearing/gas formation, oil field, oil province, oil in place (OIP), petroleum maturity, recovery factor, formation pressure, oil fraction, pour point* и др., в том числе характерные для англоязычных текстов научного стиля в целом эмоционально окрашенные терминологические сочетания: *cap rock, wildcat, pilot well, pay zone, to 'kill' the well, to arrest the migrating petroleum, the 'magic' five ingredients of an oil province* и др., а также единицы измерения свойств нефти (*darcy, poise, °API* и т.д.).

Хотя термины данного подъязыка составляют весьма небольшой процент и для специалиста являются в своём большинстве интернационализмами, что обеспечивает контекстуальную догадку на уровне содержания, для студента при несовершенном владении языком и незнании основ будущей профессии они в наибольшей степени затрудняют соотношение языковой формы с его смысловым эквивалентом, что обусловлено спецификой рассматриваемого подъязыка: полисемией терминов, в том числе «ложных друзей переводчика» (*reservoir, production, accumulation* и т.д.); терминологической синонимией (так, понятие *пласт* передаётся словами *bed, layer, stratum, reservoir*, между тем понятие *слой* (*layer*) не является синонимом термина *пласт* (*stratum*), как считают некоторые российские геологи, так как он часто состоит из нескольких слоёв); более узким применением геологических терминов в англоязычных

странах (так, *reserves* в США означает запасы, подлежащие извлечению лишь в настоящее время) и др.

Строчные элементы языка (артикли, префиксы, суффиксы, окончания, частицы, предлоги, союзы, союзные словосочетания, вспомогательные глаголы), к которым, по Н.И. Жинкину, относятся и «послелог, модальные глаголы и их эквиваленты, ряд строчных слов типа *the (least), the (most), the same*, слова-заменители, а также порядок слов» [5. С. 80], выполняются с помощью семантико-синтаксической схемы, из которой исключены полнозначные семантические элементы.

Так, нижецитируемое описание одного из нескольких выбранных нами из учебника Дж. Глукса «*Petroleum Geoscience*» типичных нефтегеологических процессов

1. *When exploring for petroleum it is important to consider the timing of petroleum migration relative to the time of deposition of the reservoir / seal combinations and the creation of structure within the basin.*

2. *If petroleum migrates before structuring in the basin creates suitable trap geometries, then the petroleum will not be trapped.*

3. *In order to determine whether the reservoir, seal, and trap are available to arrest migrating petroleum, it is necessary to reconstruct the geologic history of the area under investigation* [17. Р. 4]

имеет следующую семантико-синтаксическую схему:

(1) When -ing for – it is -ant to – the -ing of – -tion -ive to the – of – of -tion of the –/– -s and the -tion of – -ture within the – (27).

(2) If – -s before -ing in the – -s -able – -s, – the – will – be -ed (13).

(3) In order to – whether the –, –, and – are -able to – -ing –, it is -ary to re-the -ic – of the – under -tion (19).

Из 80 слов анализируемого отрывка только 43 составляют полнозначные слова, которые являются ориентирами для чтеца. Для выявления же взаимоотношений между семантическими элементами чтец должен выделить 59 строчных элементов (артикли, префиксы, суффиксы, окончания, частицы, предлоги, союзы, союзные словосочетания, вспомогательные глаголы), к которым, по Н.И. Жинкину, относятся и «послелог, модальные глаголы и их эквиваленты, ряд строчных слов типа *the (least), the (most), the same*, слова-заменители, а также порядок слов» [5. С. 80].

Неумение выделять функции этих коротких и, как правило, игнорируемых студентами-нефилологами элементов языка в значительной степени тормозит понимание англоязычных текстов по специальности, что подтвердили результаты письменного перевода фрагмента среднего по трудности текста, проведенного в рамках экспериментального обучения (2010-2011 гг.) англоязычному чтению бакалавра нефтегазовой геологии. Ошибки, допущенные студентами контрольной и экспериментальной групп, в основном были вызваны непониманием именно строчных элементов английского языка.

Между тем различия русско- и англоязычных вариантов рассматриваемого подязыка зачастую вызывают у геологов-представителей различных культур необходимость уточнять друг у друга смысловые значения отдельных терминов и давать дефиниции безэквивалентных терминов, что актуализирует формирование у будущих геологов наряду с коммуникативной и межкультурной компетенции в чтении и, прежде всего, такой весомой составляющей первой, как умение четко и ясно передавать взаимоотношения между элементами высказывания с помощью пред- и послелогов, союзов и союзных словосочетаний.

Необходимая для иноязычной деятельности по изучению и творческому осмыслению зарубежного опыта в профилирующей и смежных областях науки и техники, а также для опосредованного чтением профессионально-делового общения коммуникативная компетенция в чтении рассматривается как «готовность реализовать свою лингвистическую, социолингвистическую и прагматическую компетенции. Последняя трактуется как а) способность распознавать функциональные стили и коммуникативные интенции текста; б) овладение когезией и в) способность воспринимать и порождать дискурс» [9].

Межкультурную компетенцию в чтении, вслед за Ю.В. Одинцовой, мы трактуем как обученность самостоятельно читать незнакомый аутентичный текст без посторонней помощи, с адекватной скоростью, достаточным уровнем понимания и в соответствии с различными целями опосредованного профессионально значимого общения на межкультурном уровне и включает в себя умение распознавать культурную составляющую читаемого текста и умение распредмечивать ее содержание на русском языке [10].

Результаты постэкспериментального среза подтвердили правильность нашей гипотезы о том, что даже при несовершенном владении языком и геологической безграмотности на первом этапе обучения в техническом вузе по завершении курса обучения языку бакалавр нефтегазовой геологии способен овладеть коммуникативной и межкультурной компетенциями в англоязычном профессионально ориентированном чтении в диапазоне общеевропейских уровней B1-B2 в том случае, если оптимизация процесса обучения таковому осуществляется на основе чтения сбалансированных по объёму и языковой трудности разнообразных по форме (монолог, диалог), функциональному стилю (разговорный, художественно-беллетристический, эпистолярный, публицистический, научный) и коммуникативной интенции (описание, расспрос, аргументация) методически и подлинно аутентичных текстовых материалов, а также опоры на эмотивный компонент и продуктивную филологизацию.

Интегрируемый с помощью лингвистических и экстралингвистических, в том числе художественно-образных и музыкально-поэтических, средств, *эмотивный компонент* подключает к обучению аффективные силы обучаемого и направлен на развитие у него умения понимать при чтении эмоционально окрашенную лексику и популярный в современном английском языке фразовый глагол.

Под *продуктивной филологизацией обучения чтению бакалавра нефтегазовой геологии* (термин автора. – В.С.) мы условно понимаем направленность обучения на постижение обеих – лингвистической и культурной – неотъемлемых составляющих читаемого и «выход в поступочное звено» [1], т.е. создание своего текстового продукта для использования его в личностно и социально значимых целях (эссе, аннотация, доклад и его презентация на научно-практической конференции и т.д.), что отвечает коммуникативным запросам обучаемого, способствует овладению языком для общеобразовательных, академических и профессионально значимых целей, а значит, развитию его в интеллектуальном, духовном и эмоциональном плане, а также становлению как эмоционально зрелой, лингвистически грамотной и готовой к иноязычному общению на межкультурном уровне личности.

Постигание лингвистической составляющей нефтегеологического текста обеспечивается развитием у студента умения *лингвистического прочтения*, т.е. умения

- анализировать явления языка, исследовать сходные явления в русском, изучаемом и по возможности этнически родном языках;

- выделять функции строевых и полнозначных (категориальных) элементов языка, опираясь на свой лингвистический опыт и контекст читаемого текста;

– раскрывать значения незнакомых лексических единиц на основе разнообразных способов семантизации и использовать их в новом профессионально значимом контексте на основе синхронизации процесса чтения с творческим письмом.

Постижение культурной составляющей англоязычного нефтегеологического текста обеспечивается *культурным прочтением* такового, т.е. направленностью его на полное и точное раскрытие культурной составляющей читаемого на основе:

– достаточной культурной адаптации текста как печатными, так и дидактическими средствами (дотекстовые задания, перевод информации в паратекстуальную форму в виде денотатного дерева, таблицы, схемы и т.д.);

– работы с дефинициями англоязычных общенаучных, общегеологических и нефтегеологических терминов, направленной на сравнение объёмов их семантических значений с русскоязычными аналогами с помощью дву- и моноязычных англо- и русскоязычных толковых отраслевых словарей;

– ведения тематического словаря-тезауруса по специальности для формирования качественной двуязычной информационной основы будущей профессионально-производственной деятельности бакалавра нефтегазовой геологии.

В качестве критериев эффективности разработанной нами методической концепции оптимизации обучения мы декларируем: успешность выполняемых тестовых и творческих письменных работ; разумные затраты времени и усилий студента на выполнение таковых; степень соответствия результатов обучения требованиям федерального компонента ГОСа ВПО к обязательному минимуму по направлению «Геология и разведка полезных ископаемых» в отношении иностранного языка; удовлетворенность студентов результатами обучения языку по предложенной методике.

Успешность выполняемых тестовых и творческих письменных работ определяется уровнем умений понимать читаемое. В свете обучения языку вне аутентичной среды мы считаем достаточным выделить четыре уровня понимания бакалавром текстов на рассматриваемом подъязыке: 1) понимание общего содержания текста (эксплицитно выраженной информации); 2) понимание деталей читаемого и имплицитно выраженной информации (определение основной идеи читаемого, темы неозаглавленного текста и подтем абзацев); 3) умение соотносить дефиниции терминов с их определениями и устанавливать смысловые значения терминов; 4) умение раскрывать культурную составляющую читаемого текста.

Более высокий уровень коммуникативной компетенции в англоязычном чтении (в диапазоне общеевропейских уровней $B_1+/-B_2$ (порогового усиленного – порогового продвинутого уровней по шкале Европейской ассоциации языкового тестирования ALTE), сформированной у студентов экспериментальной группы, по сравнению с недостаточным уровнем у студентов контрольной группы (B_1/B_1+ , пороговый – пороговый усиленный), в том числе более прочные умения первых распознавать коммуникативные интенции деловой корреспонденции; аннотировать публицистическую статью по широкому профилю и статью научного стиля по узкому профилю специальности; воспринимать и порождать письменный дискурс в профессионально значимом контексте, даёт основание рассматривать продуктивную филологизацию обучения профессионально ориентированному чтению бакалавра нефтегазовой геологии, т.е. направленность его на постижение как лингвистической, так и культурной составляющей читаемого с приоритетизацией развития умения выделять функции строевых элементов английского языка как достаточно эффективную лингводидактическую предпосылку оптимизации обучения английскому языку для его профессионально значимых целей и пригодную для совершенствования языковой подготовки бакалавров любой инженерной специальности.

Литература

1. Артёмов В.А. Психология обучения иностранным языкам. М.: Просвещение, 1969.
2. Гальскова Н.Д. Образование в области иностранных языков: вызовы и приоритеты // Иностранные языки в школе. 2008. № 5.
3. Герасимова И.Г. Проблемы отбора и организации материала при формировании межкультурной компетенции в рамках курса ESP в техническом вузе // Современные проблемы лингводидактики и изучения иностранных языков: материалы XXXVI Междунар. филологической конф. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
4. Долгушин Н.В. Терминология и основные положения технологии газоконденсатных исследований. М.: Недра, 2004.
5. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.
6. Костомаров В.Г., Митрофанова О.Д. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.
7. Кузьмина Л.Г., Соловьева Е.Н., Стернина М.А., Вербицкая М.В. Примерная программа по иностранному языку для неязыковых вузов и факультетов: одобрена на заседании Научно-методического Совета по иностранным языкам Минобрнауки РФ 18 июня 2009 г. М., 2009. 24 с.
8. Московкин Л.В. Теоретические основы выбора оптимального метода обучения (Русский язык как иностранный. Начальный этап). СПб.: СММО Пресс, 1999.
9. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком; изучение, обучение, оценка. Департамент по языковой политике: русскоязычная версия / Московский гос. лингв. ун-т. М., 2003. С. 110-122.
10. Одинцова Ю.В. Обучение лингвострановедческому чтению на английском языке студентов неязыковых вузов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010.
11. Поляков О.Г. Цели профильно-ориентированного обучения иностранному языку в вузе: Опыт формулирования // Иностранные языки в школе. 2008. № 1.
12. Соломин В.П., Нестеров Е.М. Наука о Земле и гуманитарное образование. Актуальные вопросы современного университетского образования // Материалы XI Российско-Американской науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13-15 мая 2008 г. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2008.
13. Соломин В.П., Нестеров Е.М. Реформирование школьных образовательных систем и место геологии в учебном процессе // Геология в школе и вузе: геология и цивилизация: сб. науч. тр. VII Междунар. конф. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2011. Т. III.
14. Шелкунов М. Гуманитарное начало университета // Высшее образование в России. 2004. № 10.
15. Baker M. The sub-technical vocabulary and the ESP teacher: an analysis of some rhetorical items in medical journal articles // Reading in a Foreign Language. 1988. Vol. 4. P. 91-105.
16. Glossary of Geology / Ed. by M. Gary, R. McAfee Jr., C.L. Wolf; The American Institute of Geology. Washington, 1972.
17. Gluyas J.G., Swarbrick R.E. Petroleum Geoscience. Oxford: Blackwell Science Ltd., 2004. P. 4-5.
18. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes. Cambridge: The Cambridge University Press, 1987. 183 p.

СУХАНОВА ВАЛЕНТИНА ИЛЬИНИЧНА – старший преподаватель кафедры иностранных языков, Ухтинский государственный технический университет, Россия, Ухта; соискатель ученой степени кандидата педагогических наук кафедры иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург (visoukhanova@rambler.ru).

SOUKHANOVA VALENTINA IL'YINICHNA – senior teacher of the foreign languages chair, Ukhta State Technical University, Russia, Ukhta; applicant for a scientific degree of candidate of pedagogics, foreign languages and linguodidactics chair, St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg.

УДК 811.153.1:81.27

Э. АЛОС И ФОНТ

СОЦИАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ВАЛЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: валлийский язык, языки меньшинства, преподавание языков, языковой сдвиг, возрождение языков.

Дано описание ситуации валлийского языка до начала 70-х гг. XX в., когда появились первые успешные признаки его социального возрождения. Рассмотрена эволюция знаний языка населением Уэльса по возрастным группам с 1951 до 2001 г., показана ключевая роль этих данных в мониторинге процесса языкового возрождения.

H. ALÒS I FONT
WELSH LANGUAGE REVITALISATION

Key words: Welsh language, minority languages, language teaching, language shift, language revitalisation.

The article shortly presents the situation of Welsh before the beginning of the 1970s, when the first signs of success in Welsh language revitalisation appeared. Next, it examines the percentage of Welsh speakers in Wales by age groups from 1951 until 2001 and shows that these data are a key indicator of the success of a language revitalisation process.

Настоящая статья является частью работы по исследованию международного опыта социального возрождения региональных языков, в частности валлийского. Уэльский опыт оказывается особенно интересным по двум причинам: с одной стороны, из-за интересных результатов после длительного спада языка; с другой стороны, потому, что есть значительная языковая дистанция между валлийским языком и английским, который доминирует в обществе. Эта дистанция часто не столь чёткая в других региональных языках, которые успешно развиваются (например, каталанский и галисийский в Испании или фризский в Нидерландах), и, несомненно, в нашем случае затрудняет владение языком неносителями. Уэльский опыт может послужить важным примером для региональных языков России, в том числе и для чувашского.

Валлийский является сегодняшним представителем кельтских языков, на которых говорили на всей территории Великобритании до вторжения римлян, англосаксов, викингов и норманнов (об истории развития валлийского языка, см.: [4. С. 45-52]). На протяжении веков английский язык продвигался всё дальше на запад, и функции валлийского языка всё сокращались. Промышленная революция и связанные с ней переселение сельского населения в города и иммиграция английских работников в Уэльс ускорили процесс языкового сдвига. В начале XX в. только половина валлийцев говорили на валлийском языке. Несмотря на некое литературное возрождение и растущее беспокойство о языке среди интеллигенции, спад языка продолжался ещё почти целый век из-за прежде всего универсализации обучения и доминирования СМИ (главным образом радио и телевидения) на английском языке, а также ослабления валлоязычных церковных структур и сообществ. В результате в 1971 г. только 20,8% валлийцев говорили на валлийском языке. При этом носители языка преимущественно были пожилыми, о чём свидетельствует хотя бы тот факт, что только 12% детей в возрасте от 11 до 15 лет говорили на валлийском.

Вопреки очевидному процессу исчезновения языка инициативы по его возрождению становились всё более активными. Количество школ на валлий-

ском языке начало расти, и в 1955 г. появилась первая средняя школа с преподаванием предметов на валлийском языке.

Политический процесс оказался труднее. Хотя национальное самоопределение является всеобщим, в 1979 г. референдум по восстановлению автономии не удался: большинство выступило против; и только в 1997 г. референдум сумел получить небольшое преимущество. С 1993 г. валлийский вместе с английским стал официальным языком Уэльса, и в 2011 г. новый закон валлийского парламента о валлийском языке утвердил официальный статус языка и перестроил языковую политику.

В результате этого процесса возникли два основных фактора для усиления социальных позиций валлийского языка: установление языковой преемственности в семьях и успешное преподавание языка в школах.

Прерывистость языковой преемственности является очевидной при рассмотрении распределения говорящих на валлийском языке по возрастным группам согласно данным переписи населения 1951 г. (см. рис. 1): 41% валлийцев в возрасте 65 лет и старше говорили на валлийском языке, но среди трёх-четырёхлетних данный показатель достигал лишь 15%.

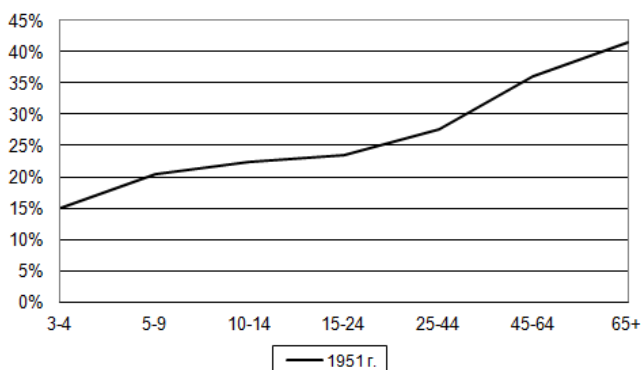

Рис. 1. Распределение говорящих на валлийском языке по возрастным группам (1951 г.) [2, 3]

Данные переписи населения 1961 г. показывают ту же тенденцию, но с меньшим процентом говорящих во всех возрастных группах. Однако данные 1971 г. характеризуются значительной разницей в сравнении с предыдущими. Хотя и продолжается спад доли валлоязычных во всех возрастных группах, в первый раз в младшей группе говорящих на валлийском языке больше, чем в старшей: по данным переписи, 17% детей от 10 до 14 лет владели валлийским, тогда как данный показатель среди молодых людей от 15 до 24 лет достигал 16%. Изменения, отмеченные в младшей возрастной группе, указывают на начальные успехи в преподавании валлийского языка в школах (см. рис. 2).

В 1981 г. положение значительно меняется, и в первый раз три самые молодые возрастные группы показывают доли выше, чем при предыдущей переписи. Рост процента трёх-четырёхлетних носителей языка может быть результатом повышения доли языковой преемственности в семьях, а также увеличения количества валлоязычных детских садов, где англоязычные дети также общаются на валлийском. Возможно и то, что часть детей, которые во время предыдущей переписи изучили валлийский язык в школе, начинали использовать его дома и передали своим детям (рис. 3).

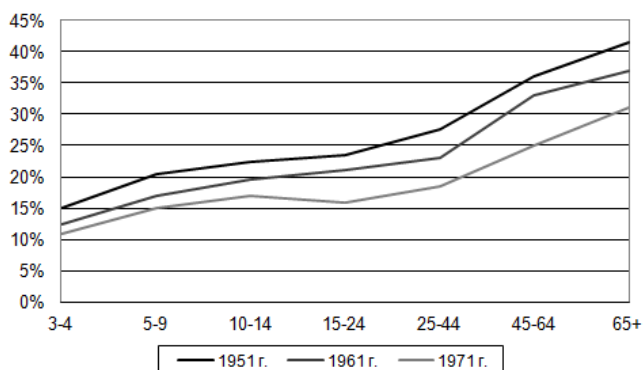

Рис. 2. Распределение говорящих на валлийском языке по возрастным группам (1951-1971 гг.) [2, 3]

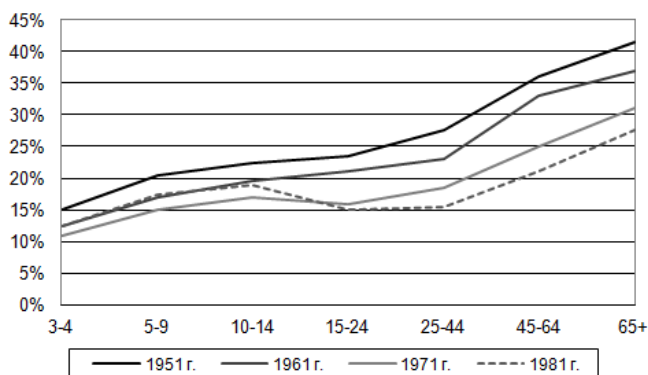

Рис. 3. Распределение говорящих на валлийском языке по возрастным группам (1951-1981 г.) [2, 3]

Такие же успехи констатировались и в 1991 г., и в 2001 г., когда уже 44% детей с 10 до 14 лет говорили на валлийском языке: большой успех по сравнению с 17%, которые наблюдались 30 лет назад (рис. 4).

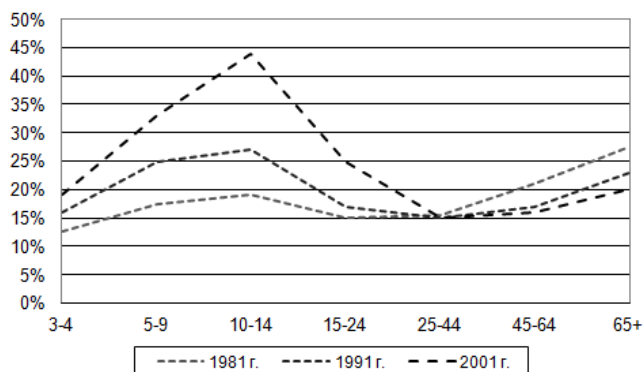

Рис. 4. Распределение говорящих на валлийском языке по возрастным группам (1981-2001 г.) [2, 3]

Необходимо обратить внимание на то, что в старших возрастных группах продолжается спад доли говорящих в результате многолетних прерванных традиций языковой преемственности в семьях. Фактически самый низкий процент говорящих на валлийском языке был выявлен в 1991 г. (18,7% населения), хотя первые положительные показатели возрождения языка по данным переписи населения наблюдались уже 20 лет назад. В 2001 г., вопреки очевидному улучшению ситуации, в целом доля достигла только цифр 1971 г. [6. С. 59]. Показатель спорный, поскольку в 2001 г. вопрос о языке был задан в другой форме: вместо традиционного «Говорите ли на валлийском языке?» («A ydych chi'n siarad Cymraeg? / Do you speak Welsh?») – «Можете ли говорить на валлийском языке?» («A allwch chi siarad Cymraeg? / Can you speak Welsh?»).

Параллельно отмеченным тенденциям происходят важные изменения в географии распространения языка. Валлийский язык продолжает терять вес в западных сельскохозяйственных районах, где его носителями является большинство населения, но, напротив, в южных городских средах растёт его популярность. Так, например, знание валлийского языка в районе Торвайн отмечено ростом от 2,5% в 1991 г. до 11,1% в 2001 г. [6. С. 61].

Несмотря на то, что в настоящее время наблюдается языковая преемственность в семьях в больших масштабах, обучение языку все ещё следует охарактеризовать как неудовлетворительное, главным образом, в смешанных по языку семьях, где этот показатель достигает лишь 61,7% (таблица). В приведённых показателях отражается не только сложность языкового возрождения, но и необходимость возмещать потерю носителей языка по причине недостаточной преемственности в семьях с помощью новых говорящих, которые решили использовать подчинённый язык в качестве основного вместо своего родного доминирующего. Важность последних бесспорна во всех процессах языкового возрождения, наблюдаемого в Ирландии (ирландского), Каталонии (каталанского), Галисии (галисийского) и Стране Басков (баскского).

Доля передачи валлийского языка детям [5. С. 6]

Носители валлийского языка	1991 г.	2001 г.
Оба родителя валлоговорящие	92,8%	92,0%
Только один валлоговорящий из двух родителей	54,4%	61,7%

Обзор возрождения валлийского языка показывает большую инерцию языковых процессов. Прошло полвека после создания первой средней школы на валлийском языке и, по крайней мере, 30 лет со времени значительного распространения детских садов и начальных школ, чтобы общее количество владеющих валлийским языком перестало падать и начало медленно расти.

Также представляется важным знать дифференцированные данные по владению языками в различных возрастных группах с тем, чтобы точно понимать положение языка в обществе. Такие данные публикуются и в других государствах с развитыми региональными языками, например, в Финляндии и в Испании. К сожалению, такая информация не была опубликована в Чувашии по данным переписи населения 2002 г. Также не были обнародованы данные о владении чувашским языком по городам и районам, для ср.: такие данные доступны по переписи населения 1989 г. Не ясно, получит ли их учёное сообщество по переписи 2010 г. Между тем общие данные переписи 2010 г., доступные на сегодняшний день, показывают снижение доли говорящих на чувашском языке на 21,3% по сравнению с показателем за 2002 г. Настоящие данные необходимы для лучшего понимания тенденций и создания программы социально-го возрождения чувашского языка, основанной на международном опыте.

Литература

1. A National Action Plan for a Bilingual Wales / Llywodraeth Cynulliad Cymru = Welsh Assembly Government [Электронный ресурс]. URL: <http://wales.gov.uk/depc/publications/welshlanguage/iaithpawb/iaithpawbe.pdf?lang=en> (дата обращения: 22.04.2012).
2. Deuchar M., Davies P. Code Switching and the Future of the Welsh Language // International Journal of the Sociology of Language. 2009. № 195. P. 15-38.
3. Edwards V., Newcombe L.P. When School is Not Enough: New Initiatives in Intergenerational Language Transmission in Wales // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2005. № 8:4. P. 298-312.
4. Jones C. Welsh: A Language in Crisis? // Mizerola A. Minority Languages in Europe / University of Masaryk. Brno, 2009. P. 45-65.
5. The Vitality of Welsh. A Statistical Balance Sheet. August 2010 / Bwrdd Ith Gymraeg = Welsh Language Board [Электронный ресурс]. URL: <http://www.byig-wlb.org.uk/English/publications/Publications/The%20Vitality%20of%20Welsh%20A%20Statistical%20Balance%20Sheet%20August%202010.pdf> (дата обращения: 09.02.2012).
6. Wales's population. A Demographic Overview. 2010 / Ystadegau ar Gufer Cymru = Statistics for Wales [Электронный ресурс]. URL: <http://wales.gov.uk/docs/statistics/2010/101027walespopulation-nen.pdf> (дата обращения: 22.04.2012).

АЛОС И ФОНТ ЭКТОР – сотрудник отдела социологии, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Россия, Чебоксары (hectoralos@gmail.com).

ALÖS I FONT HËCTOR – staff member of the Sociology Department, Chuvash State Institute of Humanities, Russia, Cheboksary.

УДК 801.312+809.432

Э.Р. АХМЕТОВА

КЛАССИФИКАЦИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ (на материале названий овощей и фруктов)

Ключевые слова: классификация, тематические группы, название овощей и фруктов, татарский язык, заимствования.

Тематическая группа названий овощей и фруктов в татарском языке представляет значительную часть татарской лексики и заслуживает тщательного исследования. Проведенный нами анализ показал, что большую часть наименований в изучаемой сфере составляют иноязычные заимствования. Это обусловлено в большей степени историческими и общественно-политическими условиями развития овощеводства и садоводства у татар.

E.R. AKHMETOVA

CLASSIFICATION OF FOREIGN BORROWINGS IN TATAR (BASED ON THE NAMES OF VEGETABLES AND FRUITS)

Key words: classification, thematic groups, the name of fruits and vegetables, the Tatar language, borrowings.

Thematic groups of the names of fruits and vegetables in the Tatar language represent an important part of Tatar vocabulary and deserve careful study. Our analysis shows that most of the items in the area that have been studied are foreign-language borrowings. This is due to a greater degree of historical and socio-political conditions for the development of gardening and horticulture.

На фоне принятия ислама на территории Волжской Булгарии в X в. бурно развивались торговые взаимоотношения с государствами Востока, в результате чего в быт булгар вошли многие «представители» восточной жизнедеятельности. Вместе с тем лексика татарского языка той эпохи, в том числе изучаемой нами сферы, обогатилась лексемами арабо-персидского происхождения: *амрут* (груша), *анар* (гранат), *эфлисун* (апельсин), *бадымжан* (баклажан), *геләф* (шиповник), *йөзем* (изюм), *кавын* (дыня), *кишер* (морковь), *кыяр* (огурец), *өрөк* (абрикос), *пыйаз* (лук), *хөрмә* (хурма), *шалкан* (репа), *шәфталу* (персик), *чөгендер* (свекла). В XX в. началась новая волна иноязычных заимствований с ориентацией на Запад, которая имеет свое продолжение по сей день. Это обусловлено

развитием торговых отношений, а также с появлением политических и имущественных возможностей для развития овощеводства и садоводства у татар. Лексика татарского языка обогащается совершенно новыми, чуждыми для более раннего периода словами: *ангурия, банан, кивано, лимон, манго, мандарин, рдест, папайя, помела, фейхоа, чайот*. Некоторые слова, вошедшие из европейских языков, начали вытеснять ранее принятые заимствования из арабо-персидских языков. В татарском языке для именования одного и того же овоща или фрукта параллельно использовались и арабо-персидские, и европейские заимствования. Поскольку татары с русским народом живут в более тесных отношениях, чем с восточными народами, со временем последние вытеснили первых. Широкое распространение получили *абрикос, апельсин, баклажан, груша*.

Это характерно в основном для литературного языка. В диалектах же до сих пор продолжают жить их первичные названия.

Таким образом, в лексике татарского языка, в том числе и в отраслевой лексике, иноязычные заимствования занимают значительную часть и представляют богатейший материал для их систематизации и классификации.

Заимствования привлекают к себе внимание исследователей и ученых в области языкознания с середины XX в., так как появляется необходимость изучения их развития и упорядочивания, что имеет не только теоретический интерес, но и важное практическое значение. «На основании классификации может быть произведена оценка существующих иноязычных заимствований и в соответствии с требованиями точности терминологической системы и индивидуальной краткости каждого термина могут быть установлены критерии для решения вопроса о том, в каком виде (если в этом есть необходимость) должно производиться заимствование» [4].

Исследовательская работа, начатая в середине XX в. Д.С. Лотте по упорядочиванию иноязычных заимствований в русском языке на материале научно-технической терминологии, была продолжена на материале заимствований в других отраслях такими учеными, как Г.И. Пядусова, С.И. Коршунов и др. Ниже мы, основываясь на их научных работы и применив некоторые положения их исследований, проведем классификацию иноязычных названий овощей и фруктов в татарском языке.

1. Классификация по числу терминов для одного понятия

1.1. **Одно понятие – один термин.** К этой группе относится основная часть иноязычных заимствований названий овощей и фруктов. Они выражают свое прямое значение: *банан, мандарин, авокадо, манго*.

1.2. **Одно понятие – несколько терминов.** Данную подгруппу составляют термины-синонимы. Причиной возникновения терминов-синонимов среди названий овощей и фруктов в татарском языке следует считать проникновение для обозначения одного понятия нескольких иноязычных слов из разных языков-источников в разные периоды формирования лексики татарского языка. Например, для обозначения *апельсина, винограда, граната, груши, персика, шиповника*, современные названия которых в аналогичном звуковом комплексе заимствованы из европейских языков, в основном, в XX в., в более ранних периодах широко употреблялись слова арабо-персидского происхождения *эфлисун, йөзем, анар, амрут, шәфталу, геләф*. В силу того, что эти лексемы могут полностью заменить друг друга без ущерба выражению значения, назовем их **абсолютными синонимами**. Следует отметить, что вначале европейские заимствования вытеснили арабо-персидские, сейчас же наблюдается обратный процесс: арабо-персидские названия некоторых фруктов заменяют европейские заимствования. Но это характерно в большей степени для диалектов, нежели для литературного языка. Благодаря тому, что вышеперечисленные лексические единицы могут заменить друг друга, сохраняя одну и ту же семантику, они являются **полноправными синонимами**.

«Существование для какого-либо понятия двух или более терминов, если один из них в момент введения (в частности, путём заимствования) даже являлся полным синонимом другого, влечет за собою почти всегда сперва «ограничение» сферы применения, затем «ограниченность использования в качестве элемента» для построения составного термина (сложного слова, словосочетания) и, наконец, «сужение» его значения, «расширение» или «смещение» [4]. В нашем случае этот переход наблюдается в названиях 'өрек' – 'абрикос'. Как видно из письменных источников, раньше лексема *өрек* обозначала свежий плод абрикосового дерева (в узбекском языке и сейчас употребляется в данной семантике в форме *ʻrūk*). В современном татарском языке для наименования того же плода широко употребляется слово *абрикос*, заимствованная из голландского языка посредством русского, а *өрек* – высушенный плод абрикоса. Итак, значение ссузилось, их нельзя назвать абсолютными синонимами, обозначим их **относительными синонимами**.

Сложная связь между синонимами 'финик' – 'хөрмә'. Хотя эти фрукты являются плодами разных растений (финик – плод финиковой пальмы, хөрмә – ягода дерева хурмы), в татарском языке эти названия употребляются как полные синонимы. Есть ещё одно народное название *жәннәт жимеше* (букв. райская ягода). Хотя, в «Словаре полезных растений на двадцати европейских языках» [7] схожая ситуация зафиксирована и в других языках Европы (*romina*, *shqipe*). Если в русском языке оно получило название «финиковая пальма», то в латинском языке – *Phoenix dactylifera* L. Как видно, слово *финик* по своему звуковому составу похоже на своё латинское название. Видный учёный русского языкознания в области этимологии М. Фасмер в этимологическом словаре даёт следующее определение: «финик – дерево «*Phoenix dactylifera*» и его плод» и указывает, что оно из греческого языка [11. С. 195]. В других европейских языках этот же плод именovali, основываясь на второй компонент *dactylifera*: *daddelpalme* (dansk), *Dattel-Palme* (deutsch), *palma datilera* (español), *palmier dattier* (français) и др.

Дерево, ягоды у которого похожи на немного сплюснутый помидор от ярко-оранжевого до золотисто-коричневого цвета с сохраняющимися увеличенными чашелистиками, в русском языке называется *хурма восточная*, в латинском – *Diospyros kaki* L. Родина хурмы – Восточная Азия (Китай, Япония). В упомянутом выше словаре *Diospyros kaki* L. также «хурма восточная, персимон». Там же мы видим, что в болгарском языке его название «райска ябълка», похожее на татарское *жәннәт жимеше* (*жәннәт* – рай, *жимеш* – плод, ягода). Похожее на хурму восточную дерево *хурма кавказская* (*Diosporus lotus*) в азербайджанском языке – *xurma*, *xurnik*. Его плоды более мелкие и на вкус совсем другие. Лексическая единица **хөрмә** в татарском языке, как нам кажется, обозначает ягоды именно этого растения. М. Фасмер отмечает: «хурма “фруктовое дерево “*Diosporus lotus*” и его плод” (Даль)», это слово принято из персидского языка [11. С. 285]. Для жителей Среднего Поволжья этот фрукт остается одним из самых красивых. И, возможно, поэтому в говоре деревни Корсун Ульяновской области для обращения к красивым женщинам используется метафора *хурмә абыстай*. В такой же семантике выступают *чибәр абыстай* (карсинский говор, букв. красивая женщина), *эләк абыстай* (кузнецкий говор, букв. женщина, как ягодка).

Таким образом, *финик* и *хөрмә* плоды совершенно разных деревьев, а это значит, что они не могут быть синонимами и не могут взаимозаменять друг друга. Основываясь на то, что замена названий отражается на семантике, обозначим их **неполноправными синонимами**.

2. Классификация по признаку международной термина

Не все иноязычные заимствования едины для всех языков. Это можно определить, лишь сопоставив и сравнив названия в разных языках. Основным источником для этой цели выступает вышеупомянутый «Словарь полезных растений на

двадцати европейских языках», изданный под редакцией Л.Л. Балашева в 1970 г. Он включает в себя 476 видов главнейших культивируемых растений и древесных пород и 54 термина по морфологии растений на двадцати европейских языках. Из них 104 единицы относятся к названиям овощей и фруктов.

«Действительно международным термином (полная международность) можно назвать лишь такой термин, который полностью совпадает с терминами других языков и по его действительному значению и по звуковому составу» [4].

При отборе международных терминов были учтены следующие критерии:

- единое значение термина во всех языках;
- похожий звуковой состав и схожая форма;
- количество языков, в которых он употребляется.

Таким образом мы выделили 18 названий: *абрикос, авокадо, ананас, банан, грейпфрут, лайм, лимон, лук порей, манго, мандарин, персик, редис, ревень, сельдерей, спаржа, томат/помидор, фейхоа, шпинат*. Данные лексемы практически в том же виде (могут быть незначительные отличия в фонетическом оформлении) и в той же семантике встречаются и в татарском, также в других тюркских языках, и в языках, относящихся к финно-угорской, славянской группам. Следует определить их **полными международными терминами**.

Также есть и похожие термины, когда семантика едина, а отличие проявляется в звуковом составе и в языковом разбросе. Такие названия овощей и фруктов именовали **относительными международными терминами**. Например: *виноград, баклажан, груша, гранат, петрушка, кресс-салат, топинамбур/земляная груша/жир грушасы, хрен/керэн, померанец*.

3. Классификация по способу заимствования

Основным критерием для классификации иноязычных заимствований по способу заимствования выступает такой признак, как заимствуются ли отдельные термины или же целые иноязычные формы построения терминов (слов, сложных слов, словосочетаний). В татарском языке при заимствовании названий овощей и фруктов используются оба способа. Если в языке-источнике название состоит из одного слова, то в татарском языке оно используется в таком же виде: *айва, ананас, апельсин, банан, киви, крыжовник* и др; если в языке источнике название состоит из нескольких компонентов, то в татарском языке оно может стать либо парным словом (*кресс-салат*), либо сложным словом (*латук салат* 'салат латук', *чэчэкле кэбестэ* 'цветная капуста', *шалот суган* 'лук шалот'), либо однокомпонентным (*хөрмэ* 'хурма кавказская', *банан* 'банан десертный').

В результате таких заимствований образованы синонимы *топинамбур* и *жир грушасы* (букв. земляная груша). Для татарского языка оба являются заимствованиями. Первое – корневое слово, второе – калькированное сложное слово из русского языка 'земляная груша'. Таким же способом образованы синонимы *померанец* – *эче апельсин* 'кислый апельсин'. Данные термины следует обозначить как **морфолого-синтаксические синонимы**.

Таким образом, заимствованные названия овощей и фруктов в татарском языке имеют следующую классификацию:

1. По соответствию значений: 1) абсолютные синонимы (тат. *абсолют синонимнар*), у которых значения полностью совпадают; 2) относительные синонимы (тат. *өлешчә синонимнар*), у которых значения совпадают частично;

2. Исходя из взаимозаменяемости во всех случаях: 1) полноправные синонимы (тат. *тулы хокуклы синонимнар*); 2) неполноправные синонимы (тат. *тулы булмаган хокуклы синонимнар*);

3. По признаку международной: 1) полные международные термины (тат. *тулысынча халыкара терминнар*); 2) относительно международные термины (тат. *өлешчә халыкара терминнар*);

4. На основе конструктивного отличия: морфолого-синтаксические синонимы.

Литература

1. Биологический русско-татарский толковый словарь. Казань: Магариф, 1998. 655 с.
2. Бурганова Н.Б. О татарских народных названиях растений // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 1976. С. 125-141.
3. Ганиев Ф.Ә. Хәзерге татар әдәби телендә сүзясалышы. Казан: Мәгариф, 2009.
4. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 144 с.
5. Рахимова Р.К. Терминология овощей в татарском языке // Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка: сб. ст. Казань: ИЯЛИ, 1993. С. 36-50.
6. Сабирова Г.Г. Названия растений в татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ, 1996. 130 с.
7. Словарь полезных растений на двадцати европейских языках / ред. Л.Л. Балашев. М.: Наука, 1970. 368 с.
8. Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: Өч томда. Казан: Тат. кит. нәшр., 1977-1981.
9. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан: Тат. кит. нәшр., 2009. 839 б.
10. Фасеев Ф.С. Татар телендә терминология нигезләре. Казан, 1969. 200 б.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 576 с.

АХМЕТОВА ЭНДЖЕ РАВИЛЕВНА – аспирантка отдела лексикографии, Институт языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (nice.endzhe@mail.ru).

AKHMETOVA ENDZHE RAVILEVNA – post-graduate student of Lexicography Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 070:316.776

Л.А. БУДНИЧЕНКО

ПОДТЕКСТ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ключевые слова: публицистический дискурс, подтекст, кодирование, декодирование, дополнительные смыслы, коннотация, пропозиция, имплицитный смысл, импликация, эмоциональные явления, экспрессивные знаки препинания, контекст, ситуация, авторский подтекст и социальные оценки.

В настоящее время лингвисты признают факт существования в тексте языковых средств выражения скрытого смысла, т.е. языковой базы подтекста. Категория подтекста тесно связана с синтаксисом, причем передача информации происходит не путем открытого выражения, а путем использования потенциальных значений синтаксических форм. В создании прагматического эффекта недосказанности, подразумевания, скрытого смысла способны участвовать и экспрессивные знаки препинания. Подтекст активно проявляется прежде всего в художественном и поэтическом дискурсах, где связан с индивидуальными смыслами. Публицистика также активно использует категорию подтекста, особенностью которого являются большая определенность при декодировании и социальная окрашенность.

L.A. BUDNICHENKO

SUBTEXT IN MASS-MEDIA DISCOURSES

Key words: mass-media discourses, subtext, coding, decoding, additional meanings, connotation, proposition, implicit sense, implications, emotional phenomena, expressive punctuation marks, context, situation, author's subtext and social evaluations.

Nowadays linguists acknowledge the fact that in text there exist language means of expressing hidden meaning, i.e. the language base of subtext. The category of subtext is closely connected with syntax, and the communication of information is made possible not through explicit expression but through the use of potential meanings of syntactical forms. The article shows that expressive punctuation marks can be used to create the pragmatic effects of understatement, implication and hidden meaning. Subtext manifests itself vividly, first of all, in fictional and poetic discourses, in which it is connected with individual senses. Social and political journalism also uses the category of subtext, the peculiarity of which is a greater degree of distinctness when decoding social overtones.

Природу подтекста связывают с имплицитной, вербально не выраженной информацией. Отношение к подтексту как к скрытому смыслу, не имеющему выражения в языковой материи, давно перестало быть аксиомой. В настоящее вре-

мя лингвисты признают факт существования в тексте языковых средств выражения скрытого смысла, т.е. **я з ы к о в о й б а з ы п о д т е к с т а**.

Подтекст понимается как «явление чисто лингвистическое, но выводимое из способности предложений порождать дополнительные смыслы благодаря разным структурным особенностям, своеобразию сочетаний предложений, символике языковых фактов» [3. С. 44].

Феномен подтекста, таким образом, предстает перед учеными в его естественной противоречивости: с одной стороны, нечто скрытое, невыраженное, а с другой – явление вполне осязаемое, опирающееся на языковые сигналы.

Категория подтекста тесно связана с синтаксисом. В «Словаре лингвистических терминов» подтекст определяется как «передача информации не путем открытого выражения, а путем использования потенциальных значений синтаксических форм» [2. С. 31]. К выражению потенциальных значений синтаксических форм непосредственное отношение имеют и знаки препинания.

Подтекст активно проявляется прежде всего в художественном и поэтическом дискурсах, где связан с индивидуальными смыслами. Публицистика также активно использует категорию подтекста, которая выражается самыми различными языковыми средствами, в том числе и знаками препинания. «В газетном тексте подтекст заявляет о себе в графических средствах – шрифте, знаках препинания (тире, многоточии и др.)» [3. С. 49]. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы показать, каким образом пунктуационные знаки участвуют в создании категории подтекста в газетной публицистике.

Общность подтекста с другими видами скрытого смысла. Для обозначения невербального скрытого смысла существуют самые различные термины: имплицитный смысл, импликация, импликатура, затекст, подтекст, пресуппозиция, лакуны, скважины и другие, причем понятия эти далеко не тождественны. Понятие имплицитного, скрытого смысла расширяется некоторыми исследователями за счет включения в них коннотаций, аллюзий и других эмоциональных явлений (Л.А. Киселева, И.В. Арнольд, В.Н. Телия).

Сам термин «подтекст» имеет также различную интерпретацию. При более широком понимании подтекстом называется любой вид имплицитной информации (В.Г. Адмони, В.А. Звегинцев, В.Я. Мыркин, В.А. Маслова). При более узком понимании подтекст отграничивается от других видов подразумеваемых (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Т.И. Сильман), что представляется более правомерным. Являясь составной частью имплицитных смыслов, подтекст отграничивается, например, от того, что называется импликацией [1. С. 32].

Имплицитные смыслы проявляются в процессе коммуникации и обусловлены **а с и м м е т р и е й я з ы к о в о г о з н а к а**, при которой наблюдается отсутствие изоморфизма между планом содержания и планом выражения языковых единиц. Признаками имплицитной информации, в связи с этим, считаются факультативность и неоднозначность понимания.

Имплицитный смысл (в том числе и подтекст) – это «скрытый» смысл высказывания или текста, дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения словесных значений или соотношения частей синтаксических структур с **контекстом**, который, в свою очередь, определяется **ситуацией**. Ситуативный контекст – это изображенная в тексте ситуация, или конситуация.

Воспринимая высказывание, читающий обычно использует информацию, поступающую из конситуации. Именно эта информация играет решающую роль при осознании смысла подтекста любого высказывания:

На следующий день губернатор на вертолете улетел в Чердынь. Перед вылетом нам домой кто-то позвонил – а трубку взяла мама – и сказал, что на Игумнова готовится покушение, вертолет заминирован... Ночью маме вызвали врача (КП. 2010. 28 нояб.). Дополнительный, подразумеваемый

смысл, закодированный на письме многоточием, можно проинтерпретировать следующим образом: «*Представляете, что испытала мама*» или «*маме стало плохо*». Смысл подтекста продиктован самой ситуацией. Он возникает из сочетания значений предложений с многоточием, передающим паузу и отражающим смысловой пропуск, смысловую «скважину». По отношению к синтаксической форме многоточие выступает как необязательный, но возможный знак, однако именно появление многоточия создает проекцию скрытого смысла.

Известно, что в процессе понимания текста реципиент опирается на широкую систему «фоновых» знаний (пресуппозиций), обобщающих его предшествующий опыт, как коллективный, так и индивидуальный. Эти знания позволяют ему в дополнение к эксплицитно выраженной в тексте информации реконструировать в процессе понимания и имплицитную информацию.

В создании прагматического эффекта недосказанности, подразумевания, скрытого смысла способны участвовать и структурно-логические знаки препинания:

Наша милиция, как рыба, гниет с головы. Посмотрите, на каких иномарках разъезжают даже небольшие милицейские начальники в столице – ну не на зарплату же их купили! На Камчатке милиционер продался за водку, здесь продаются за баксы (КП. 2010. 21 июня). Передавая паузу, тире во взаимодействии с присоединительной конструкцией (*ну не на зарплату же их купили!*) создает подтекст. Последующий контекст содержит расшифровку скрытого смысла, вербализацию имплицитной информации (*а за баксы*). Подразумеваемый смысл возникает из сочетания значений присоединительной конструкции (включающей в свой состав тире) с описанной ситуацией реальной жизни, с учетом пресуппозиции контекста, отражающей фоновые знания реалий российской действительности относительно возможной нечистоплотности в органах милиции. Тире отделяет границы контекста, содержащего подразумевание, и, подчеркивая в эксплицитной информации лексическую единицу *не на зарплату*, являющуюся смысловым центром, способствует организации подтекста.

Таким образом, смысл подтекста, как и других видов подразумеваний (таких, как импликатура, импликация, коннотация), удастся выявить, лишь пользуясь информацией, идущей от контекста, ситуации и фоновых знаний.

Общим коммуникативным признаком всех разновидностей подразумеваемой информации признается необходимость определенных усилий со стороны читающего при декодировании скрытого смысла. Подтекст как подразумеваемый смысл допускает произвольное, субъективное толкование, поскольку «получатель сам приписывает сообщению некое содержание, извлекая его элементы из своих «фоновых знаний» [4. С. 38].

Восприятие текста предполагает, с одной стороны, сохранение того, что дано в тексте, а с другой – изменение или дополнение заданной информации за счет фоновых знаний и тезауруса самого читающего. Реципиенту необходимо декодировать информацию, содержащуюся не только в эксплицитном, но и имплицитном смысловом блоке. Декодирование это может быть различным в зависимости от широты тезауруса читателя, его способности аналитически воспринимать текст:

Попутно был утвержден перечень должностей в госдумовской иерархии, кому из начальства «мобильники» все же выдадут. В списке счастливицов оказались сам спикер, его замы, председатели комитетов, лидеры фракций... (КП. 2010. 24 февр.). Многоточие в конце контекста может быть истолковано двояко: как указание на продолжение перечислительного ряда и как знак, сигнализирующий об имплицитном оценочном смысле. Учитывая общую эмоциональную окраску высказывания (авторскую иронию, которая задается словосочетанием *список счастливицов*), нельзя отвергать и вариант с имплицитным оценочным подтекстом (*ну понятно, все начальство, ка-*

кое есть. Знакомая ситуация). Возможны и другие варианты подразумеваемого смысла, спектр которых зависит от когнитивного опыта читающего.

Таким образом, то общее, что объединяет подтекст с другими видами имплицитной информации, – это: 1) контекст; 2) ситуация реальной жизни; 3) фоновые знания; 4) тезаурус реципиента; 5) неоднозначность декодирования подразумеваемой информации.

Отличие подтекста от других видов имплицитной информации. Подтекст в узком понимании этого термина отличается от других разновидностей скрытого смысла, таких, как импликация, коннотация, аллюзия, пресуппозиция, затекст и т.д. Особенно близки оказываются к подтексту импликация, коннотация и пресуппозиция.

В отличие от пресуппозиций, представляющих собою «фоновые знания», импликаций как дополнительных логических смыслов и коннотаций как смысловых эмотивных приращений, подтекст – это с о о б щ е н и е второго плана, дополнительная мысль, не зафиксированная в тексте, но вытекающая из его композиционных особенностей. Признается возможность заменить подтекст словами, производя, таким образом, его расшифровку, или декодирование.

«В основе содержательно-подтекстовой информации лежит способность человека к параллельному восприятию двух разных, но связанных между собой сообщений одновременно» [З. С. 40]. Одно из таких сообщений выражено в контексте вербально, другое, второго плана – присутствует подспудно, имплицитно и может быть при желании вербализовано. Подтекст – это как бы проекция **вербальной** манифестации мысли, скрытый механизм ассоциативного мышления.

Отношения между основным сообщением и подтекстом принято сравнивать с тема-рематическими отношениями: буквальное – тема (данность); подтекст – рема (новое) (И.Р. Гальперин, И.В. Арнольд, Л.Г. Кайда).

В отличие от подтекста, импликация как дополнительный логический смысл, коннотация как эмотивное смысловое приращение и пресуппозиция как фоновое знание не могут быть подвергнуты процессу вербализации и оформлению в виде дополнительного словесного сообщения к тексту.

Сравните с контекстами, содержащими импликацию:

Регистрация брака порождает взаимные права и обязанности супругов – в моральном и материальном плане (СЧ. 2010. 12 марта). Тире выражает в контексте два имплицитных смысла – значение «пояснения» и прагматическое значение «степени важности».

А сегодня объявлена суверенизация – не только республик или областей, но прежде всего личностей (КП. 2011. 5 нояб.). Тире вносит в контекст имплицитные значения «противопоставления» и значение «степени важности».

Сравните с контекстом, содержащим коннотацию: *«Если бы отец знал, что они уже в заброшенном селе Дальняя Волчанка (что буквально в километре от настоящей Волчанки), в котором остался пригодный для жилья дачный домик! Спасение было так близко, но Петр свалился буквально в десяти шагах от домика, так и не увидев его из-за сильной бури. Он рухнул лицом в снег, закрыв голову руками...»* (КП. 2011. 19 февр.). Единственная реакция, которая возникает при прочтении текста – это эмоциональная реакция (как жал!). Многоточие становится в контексте показателем приращения эмотивной коннотации «сожаления».

Проанализируем еще два текста, один из которых содержит подтекст, а другой – пресуппозицию: *До сих пор сточные воды сливаются в горную речку Мзышта, где водится форель. Царская рыба* (КП. 2011. 15 июля). Актуализация при помощи точки смысловой единицы *Царская рыба* приводит к появлению подтекста (*И эту царскую рыбу травят сточными водами!*). Подтекст направлен на то, чтобы возбудить отрицательную эмоциональную реак-

цию читающих. При этом смысловой фокус контекста *Царская рыба* является темой, а подтекст – ремой.

Сравните: *О кухня! Особый мир со своими особыми законами, порядками и обычаями. А во главе этого мира – женщина! Жена, мама, хозяйка* (КП. 2011. 2 марта). Контекст не содержит подтекста, хотя действует тот же прием парцелляции и точка акцентирует ряд важных в смысловом отношении единиц. Выделенность этих единиц приводит к актуализации фоновых знаний, которые возникают в сознании читающих при привлечении внимания к лексическим единицам *жена, мама, хозяйка*.

Во-первых, в контексте не представлена конкретная ситуация, что является основной базой для появления подтекста. Скрытый смысл обнаруживает себя в пресуппозиции как обобщенном коллективном знании, отражающем роль женщины в семье. Во-вторых, тема-рематические отношения складываются не между эксплицитным (*Жена, мама, хозяйка*) и имплицитным смыслом, а между эксплицитными значениями вербального текста, отражая его композицию, когда рематическая часть предыдущего высказывания становится темой последующего высказывания: – *женщина! (Т) Жена, мама, хозяйка (R)*. В-третьих, вербализация фоновых знаний весьма проблематична.

Вместе с тем подтекст может возникнуть на базе прежде всего фоновой информации: *Властям, похоже, не до нужд поселка. А хочется, чтобы и на наших улицах был порядок, чтобы всем было удобно. Может, вспомнят о нас депутаты, раз чиновникам недосуг? Откликнитесь, народные избранники!* (СЧ. 2010. 2 марта). Ситуация, отраженная в контексте, может быть представлена следующим образом: «депутаты забыли о своих обязанностях». Содержащийся в контексте вопрос *Может, вспомнят о нас депутаты...* подключает фоновые знания читающих, связанные с реальной общественной жизнью российского общества, когда депутаты очень много обещают в предвыборный период, но впоследствии забывают свои обещания. На основе фоновых знаний возникает подтекст, который может быть вербализован (*а то слишком много обещают в предвыборный период*).

В приведенном выше контексте вопросительное предложение *Может, вспомнят о нас депутаты...* соответствует теме, а подтекст (*а то слишком много обещают*) – реме, т.е. новой и самой важной информации.

Таким образом, труднее всего отграничить подтекст от пресуппозиции, тем более что именно фоновые знания зачастую становятся базой для возникновения подтекста. Обобщая наблюдения, можно выделить следующие критерии отграничения подтекста и пресуппозиции: 1) подтекст ситуативен, а пресуппозиция возникает как фоновые знания, хотя и в связи с той или иной ситуацией; 2) «пресуппозиция не рематична. Раскрытие пресуппозиции новой информации не дает. Развертывание на глубинном уровне не является при этом восполнением недостающего звена, так как эта операция не дает новой информации» [1. С. 87]; 3) не существует строгих закономерностей организации подтекстовой информации, поэтому одним из критериев ее выявления становится возможность вербализации дополнительных смыслов, превращение этой информации из имплицитной в эксплицитную.

Известно, что само восприятие текста предполагает, с одной стороны, сохранение того, что дано в тексте, а с другой – изменение или дополнение заданной информации за счет фоновых знаний. Читателю необходимо декодировать информацию, содержащуюся не только в эксплицитном, но и имплицитном смысловом блоке. Процесс чтения, понимания есть одновременно процесс восполнения, реконструкции скрытых смыслов, поскольку в процессе коммуникативного развертывания текста происходит одновременная ориентация его на восприятие читателем.

Подтекст в публицистике проявляет свои особенности. В отличие от художественной и особенно поэтической речи, в которых имплицитуются глубоко личностные, не всегда доступные для понимания смыслы, подтекст в публицистической речи, во-первых, более определен и конкретен, и, во-вторых, может быть социально окрашен, выражая авторские оценки.

Л.Г. Кайда полагает, что в публицистике допустим только такой подтекст, который заранее запрограммирован автором в структурно-семантических сдвигах синтаксических структур. «Восприятие публицистического текста, реакция на него не является чем-то случайным, возникающим в процессе чтения. Однозначность восприятия программируется автором, задается самой структурой текста, поддерживается всеми ее компонентами» [5. С. 44].

В публицистической речи скрытый смысл имеет очень большое значение, так как носит субъективно-оценочный характер и опосредованно выявляет отношение автора-публициста к описываемым событиям. В публицистике подтекст очень часто содержит **авторские комментарии и оценки** социального характера.

Поскольку информационная база, имеющаяся у читателя, формируется под воздействием коллективного знания, можно говорить о том, что на процесс выявления имплицитной информации в публицистической речи оказывают влияние социальные установки и нормы. Таким образом, особенность публицистического подтекста, по сравнению с художественной и поэтической речью, проявляется в его большей определенности и социальной окрашенности. Под декодированием публицистического текста понимают «выявление (с точки зрения читателя) реального смысла языковых единиц, отражающих публицистическую идею выступления» [5. С. 39].

Подтекстовая информация является **экспрессивной** по психологическим условиям восприятия текста. Подтекст не просто воспринимается, «обнаруживается», «вскрывается» реципиентом, он воссоздается в сознании реципиента как результат его активной деятельности, творчества, а точнее, сотворчества автора и реципиента. У реципиента возникает побуждение воссоздать подтекст потому, что в тексте даются сигналы о наличии подтекста. «Тот факт, что важный для понимания всего текста смысл не формулируется эксплицитно, а должен быть получен реципиентом самостоятельно, придает тексту повышенную экспрессивность» [6. С. 30].

Как экспрессивные выступают при создании подтекста и знаки препинания, направленные на привлечение внимания читателя к смысловому фокусу, содержащему подтекст.

Литература

1. Арнольд И.В. Стилистика английского языка (стилистики декодирования). М.: Просвещение, 1990. 300 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Долинин К.А. Интерпретация текста: Французский язык: учеб. пособие. 4-е изд. М.: КомКнига, 2010. 304 с.
5. Кайда Л.Г. Эффективность публицистического текста. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 182 с.
6. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. Минск: Вышэйш. шк., 2007. 205 с.

БУДНИЧЕНКО ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой электронных средств массовой информации и рекламы, Чувашский государственный университета, Россия, Чебоксары (oper@chuvsu.ru).

BUDNICHENKO LARISA ALEKSANDROVNA – doctor of philological sciences, professor, head of Electronic Media and Advertising Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.512.145'28

М.Р. БУЛАТОВА

**ПОСЛЕЛОГИ ТАТАРСКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКА
В АРЕАЛЕ «ЮЖНЫЙ БАШКОРТОСТАН»**

Ключевые слова: ареалогия, татарский диалектный язык, послелог, управление падежом, фонетические варианты.

Достижения лингвогеографии в татарском языкознании позволяют исследовать татарские говоры в ареалогическом контексте. В статье рассмотрены особенности послелогов татарского диалектного языка в ареале «Южный Башкортостан». Послелог выражает временные, пространственные, причинно-целевые, сравнительно-уподобительные и другие отношения. Они управляют основным, дательным-направительным и исходным падежами.

M.R. BULATOVA

POSTPOSITIONS OF TATAR DIALECTS IN THE AREA OF «SOUTHERN BASHKORTOSTAN»

Key words: arealogy, Tatar dialect, postposition, govern the case, phonetic variants.

The achievements in language geographic studies in Tatar linguistics call forth the scientific research of Tatar accents in areal context. The paper studies peculiarities of postpositions of Tatar dialects in the area of «Southern Bashkortostan». Postpositions express time, spatial, causal-objective, comparative-assimilative and other relations. They govern the nominative, dative-directional and genitive cases.

В тюркологическом языкознании интерес к ареалогическим исследованиям отражен в трудах Б.А. Серебренникова, М.А. Бородиной, Г.Ф. Благовой, Н.З. Гаджиевой, Л.Т. Махмутовой, Д.Б. Рамазановой, А.Б. Джураева, определены цели и задачи ареальных исследований, намечены перспективы развития этого направления в тюркологии.

Ареальная лингвистика прежде всего учитывает территориальные границы распространения отдельных языковых явлений с выявлением ареалов языковых союзов. Актуальность ареальной лингвистики определяется также сочетанием в себе синхронного и диахронного планов изучения языковых явлений, что позволяет уточнить как современное, так и историческое диалектное членение языка того или иного региона, способствует углубленному изучению конкретных языков и их диалектов [3. С. 19, 246-294].

При изучении говоров рассматриваемого ареала «Южный Башкортостан» ареалогическим методом мы опираемся на труды известных тюркологов: В.М. Жирмунского, Н.К. Дмитриева, Н.А. Баскакова, Э.Р. Тенишева, Н.З. Гаджиевой, А.Н. Кононова, А.М. Щербак, А.А. Юлдашева; башкирских ученых: Дж.Г. Киекбаева, Н.Х. Ишбулатова, Т.Г. Баишева, С.Ф. Миржановой и др.; татарских ученых, которые проделали значительную работу по выявлению и характеристике ареалов татарского диалектного языка (Л.Т. Махмутовой, Н.Б. Бургановой, М.З. Закиева, Д.Г. Тумашевой, Л.Ш. Арсланова, Ф.Ю. Юсупова, Д.Б. Рамазановой, Д.З. Махмутшиной, М.Р. Хабибуллиной).

На юге Башкортостана распространен ряд татарских говоров, относящиеся к разным диалектам: а) среднему диалекту: белебеевский подговор мензелинского говора, тепекеевский говор, курмантаевский говор, турбаслинский говор; б) мишарскому диалекту: стерлитамакский говор. Изучение истории их формирования в составе одного ареала имеет важное значение для исследования истории формирования и их носителей.

Изучение этих говоров в ареалогическом аспекте важен и потому, что в регионе, как и в других ареалах распространения татарского диалектного языка, идет интенсивный процесс нивелировки говоров, воздействия на них извне говоров других языков. Необходимо при этом подчеркнуть роль всеобщей глобализации. Говоры, входящие в этот ареал, исследованы в разное время и в различной степени, поэто-

му имеется необходимость более углубленного обращения к вопросам истории формирования этих говоров и к их этнолингвистической характеристике.

В данной статье рассмотрены послелогов исследуемого ареала. Необходимо подчеркнуть, что по составу, семантике и употреблению послелогов говоры весьма близки к татарскому литературному языку. Это объясняется тем, что в формировании их ведущую роль сыграли представители среднего диалекта. Общность их с говорами среднего диалекта связана и с ролью татарского литературного языка, воздействующего через школы и печать. Вместе с тем имеются и некоторые отличия фонетического характера, возникшие в ходе контактирования носителей говоров, относящихся к различным диалектам и языкам.

Послелогов выражают временные, пространственные, причинно-целевые, сравнительно-уподобительные и другие отношения. Они управляют основным, дательным-направительным и исходным падежами.

1. Послелогов, управляющие основным падежом существительных и родительным падежом местоимений (кебек, белән, өчен, хәтле, и др.). В говорах ареала «Южный Башкортостан» употребительны следующие сравнительные послелогов, выражающие сравнение, уподобление по качеству: *кебек // күбек // кевек // күк // күк, төслө, шикелле, ише, сыман // сымак // сымак, сынны* (>сын – стан, фигура + афф. обл. -я -лы): *Ат кевек көслө* (тпк.) – Сильная, как лошадь. *Қойаш күбек балқып* (крмн.) – Сияя, как солнце. *Утын кебек өйдек* (бел.) – Сложили их, как дрова.

В башкирском языке послелог *кевек* является литературной нормой [4. С. 193]. Этот вариант имеет место в татарских говорах Среднего и Нижнего Прикамья [13. С. 122, 204], а также в златоустовском говоре среднего диалекта [14. С. 97].

Аналогичная семантическая функция данного послелогов в варианте *күк* отмечена и в языке орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности [9. С. 25].

Послелог **шикелле** (как, словно): *Қартатасы шикелле дастуйын* (трбс.) – Здоровый как его дедушка. *Имән шикелле нық* (бел.) – Крепкий как дуб. Этот послелог, так же и послелог *төслө*, в говорах могут выступать в предложении в функции модальных слов и выражать предположение, сомнение, неуверенность совершаемого действия: *Абийсы зшләмәй шикелле* (крмн.) – Кажется, его брат не работает. *Иаңғыр тағы килә шикелле* (тпк.) – Кажется, опять дождь собирается. *Киндерне карга жәйеп ағарталар төслө* (стрл.) – Холст отбеливают, кажется, на снегу.

Аналогичная особенность в некоторой степени наблюдается и в других говорах Приуралья [13. С. 315, 392] и Сибири [2. С. 94].

Также в стерлитамакском говоре изредка встречаются **сыйфатлы, мисалында** (төслө, шикелле) и т.д. *Тач пычак мисалында* – Точь-в-точь как нож. *Баса йитен сыйфатлыраг* – Посконь немного напоминает лен. Эти послелогов характерны и для агрызского подговора мензелинского говора [13. С. 234].

Послелог **белән** (вместе с) в говорах имеет разные фонетические варианты: *белән // белә // была: Көз житу белә йафрақлар қойыла* (крмн.) – С приходом осени листья опадают. *Әтисе улы белән урманға утынға киттеләр* (бел.) – Отец вместе с сыном пошли в лес за дровами.

Семантика данного послелогов в стерлитамакском говоре шире. Так, он образует различные конструкции, выражающие причинные отношения между действиями: *Бала-чагадан йөрдәм килүлек белә әйбәт тордом* – Жила хорошо, потому что дети помогали. *Су тирмәннәре бетү белә йылғалар кәмей* – С исчезновением водяных мельниц реки мелеют.

В тепекеевском говоре данный послелог выступает в вариантах *пелән // пыла // пелә: Сабан күк нәмә пелән сөрдәләр* – Пахали (землю) чем-то, похожим на плуг.

Послелог **өчөн**, в тепекеевском и курмантаевском говорах **өсөн** (ради, из-за, чтобы), выражает причинно-целевые отношения: *Әтисе өчөн эшләү* (трбс.) – работать за (вместо) отца. *Шуның өсөн текмә аша сикереп төштөңме?* (крмн.) – Ради этого перепрыгнул через забор? **Өсөн** в башкирском языке является литературной нормой.

Послелог **өчөн** сочетается с личными глаголами на **-сын/-сен**, причастием на **-ыр** и именем действия на **-у**, образуя тем самым синонимичные конструкции: *Аны карга ташлыһың ағарыр өчөн* (стрл.) – Чтоб побелел, его (холст) держишь на снегу. *Қатық-сәт утырту өсөн мәгрәп йасай* (крмн.) – Чтобы хранить (букв. ставить) молочные продукты, делает погреб.

В белебеевском подговоре и стерлитамакском говоре встречается вариант **өчөңгә**: *Жалан аш пешермәһсең бер кеше өчөңгә* (бел.) – Не всегда готовишь суп для одного человека. *Күз чағылмасын өчөңгә абажур куйдык* (стрл.) – Чтобы не слепило глаз, повесили абажур.

Это явление имеет место в мензелинском [1. С. 151], златоустовском [14. С. 98], мелекесском [4. С. 221] говорах татарского языка. Отмечено оно также в нагорных говорах [5. С. 64] среднего диалекта татарского языка.

2. Послелог, управляющие дательно-направительным падежом (таба, күрә, каршы, тикле, кадәр, чаклы, хәтле). Они, как правило, выражают предел во времени и пространстве.

Послелог **тикле** // **тиклек** // **тиклем** // **тике** // **тәки** // **тәке** // **тиңне** // **тиңенте** (н) // **тиңелте** // **тиңке** // **тигелтен** // **тигетен** (до): *Бәйрәккә тиңелте* (бел.) – до (села) Байрака. *Айақ табанымнан пилгә тикле авырта* (тпк.) – Болит от стопы до поясницы.

В башкирском языке послелог **тиклем** считается литературной нормой [4. С. 193].

Послелог **чаклы**, в курмантаевском, тепекеевском говорах **сақлы** с фонетическими вариантами: **чақ** // **чақлым** // **чақлык** // **чикле** // **чәке** // **чик** // **чике** // **чиңне** // **чөңне** // **чиклеге** // **чаклыгы** // **чакы** (до): *Урта күпергә чиклеге* (стрл.) – До среднего моста. *Арпаны өчкә чикле имнисен* (бел.) – Ячмень заговаривают до трех раз. *Кискә сақлы* (крмн.) – До вечера. Послелог **сақлы** характерен для восточного и южного диалектов башкирского языка [7. С. 280].

У послелогов **кадәр** и **хәтле** в говорах активно употребляются следующие фонетические варианты: **кадәр** // **хәтле** // **хәтлек** // **хәтлеге** // **хәдәрлеге** // **хәдәре** // **хәдәре** // **кадәрлеге** // **кәдәрлеге** // **хәтлегә** // **хәтлем**: *Сәғәт бергә хәтлек* (трбс.) – До часу. *Райунға кәдәр* (крмн.) – До районного центра.

Наличием элемента **-к/-қ** в послелогах **тиклек**, **чаклык**, **хәтлек** говоры данного ареала обнаруживают общность с татарскими говорами Уральского региона, а также с мишарским, восточными диалектами. По мнению Л.Т. Махмутовой, элемент **-к**, возможно, идентичен с **-к**, присоединяемым к некоторым именам (особенно к именам собственным) и частицам, представляет собой ласкательный аффикс [8. С. 117, 223, 239, 251].

Була // **бола** (ради, из-за): а) в сочетании с существительным управляет направительным падежом и выражает причину, соответствует послелогу **хакына** (ради, из-за) литературного языка: *Теге балаға була* (крмн.) – Ради того ребенка. *Әйбәт жылға бар, шуңа була күчкәннәр* (бел.) – Течет хорошая речка, ради нее (предки) перешли сюда.

б) в сочетании с инфинитивом выражает причину, цель и соответствует послелогу **өчен** литературного языка: *Башлап бөгөн калды, әпәй салырға була* (стрл.) – Первый раз сегодня осталась (дома), чтобы хлеб испечь.

Послелог **була** исторически восходит к деепричастной форме на **-а** глагола **бул-**. Он имеет место во всех диалектах татарского языка, бытует и в башкирском [6. С. 109], казахском [11. С. 390] и других языках.

3. Послелогои, управляющие исходным падежом. В данных говорах, как и в татарском литературном языке, употребляются следующие послелогои: *башка, бирле, соң, элек* и их фонетические варианты.

В стерлитамакском говоре встречается вариант послелога *бирле* – **бир-леге** (с тех пор): *Агустан бирлеге житмеш жиде белән барам* (стрл.) – Начиная с августа мне идет семьдесят седьмой год.

Данный послелог в сочетании с формой на *-ган*, в отличие от литературного языка, управляет винительным падежом [10. С. 110]: *Сугыш чыкканны бирле мал бырачы булыб эшлэгән ул* (стрл.) – С тех пор, как началась война, он работал ветеринаром. *Қайтқанны бирле* (бел.) – Со дня приезда.

Ары, арысы (лит. соң) – после того: *Шунан арысы жийылышканнар, сүләшкәннәр* (стрл.) – После этого они собрались, поговорили. *Кура жилеге ашады, аннан арысы карлыган* (стрл.) – Поел малины, затем смородины.

Послелог **ала** (лит. **алып**: глагол **ал** – брать, взять) – по, с (управляет исходным падежом, выражает пространственное и временное значение): *Шунан ала?* (стрл.) – Из такой дали? *Тегеннән ала* (бел.) – От того места.

Данный послелог отмечен в мензелинском говоре, распространен в говорах башкирского языка [6. С. 109]. Ср.: в мишарском диалекте: *әләп*.

В белебеевском подговоре и стерлитамакском говоре употребляется послелог **түбән** (лит. соң, ары) – после: *Моннан түбән балалар күрмәсен сугышны* (бел.) – Пусть в будущем (даже) дети не увидят войну. Так же в нагайбакском, мензелинском говорах.

В данных говорах бытует и послелог **күре** (лит. соң) – после, после того, как. Обычно он употребляется в сочетаниях типа **аннан күре, мыннан күре** – после того, после этого: *Мыннан күре йүкны сөйләп йөрәмә* (крмн.) – После этого не говорю ерунду. *Суғыштан күре* (трбс.) – После войны.

Послелог **күре** характерен и для других говоров Приуралья [12. С. 313], имеет место и в башкирских говорах.

Таким образом, в говорах ареала Южный Башкортостан, наряду с литературными формами, наблюдаются и некоторые своеобразные варианты и функции послелогов. Обнаруживается сходство данного ареала со многими говорами татарского языка. В данных говорах прослеживаются черты, общие и с другими тюркскими, в основном кыпчакскими, языками. Некоторые формы послелогов, употребляемые в этих говорах, зафиксированы в древнетюркских письменных памятниках.

Литература

1. Алмаз Ж. Башкортостанның Дүртили һәм Илеш районнары татарларының сөйләшенә карата // Ученые записки Казанского государственного университета. Казань: Изд-во Казан. унта, 1959. Т. 119. Кн. 6. С. 145-165.
2. Барсукова Р.С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. Казань: Фикер, 2004. 160 с.
3. Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. М.: Наука, 1975. 303 с.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 275 с.
5. Жәләй Л. Татар диалектологиясе. Казань: Татгосиздат, 1947. 136 б.
6. Ишбулатов Н.Х. Морфологические особенности Казмашевского говора // Башкирский диалектологический сборник. Уфа: Изд-во при АН СССР, 1959. С. 52-136.
7. Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.
8. Махмутова Л.Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка. М.: Наука, 1978. 271 с.
9. Раджабов А.А. Язык орхоно-енисейских памятников древнетюркской письменности. Морфология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1967. 27 с.
10. Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. 191 с.
11. Современный казахский литературный язык. Алма-Ата: Изд-во АН Казах. ССР, 1962. 452 с.
12. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / сост.: Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, З.Р. Садыкова и др. Казан: Тат. кит. нәшр., 2009. 839 б.

13. Татар халык сөйләшләре: Ике китапта. Казан: Мәгариф, 2008. I китап. 463 б.
14. Хайрутдинова Т.Х. Златоустовский говор татарского языка. Казань: Тат. кн. изд-во, 1985. 158 с.

БУЛАТОВА МИННИРА РАХИМОВНА – аспирантка отдела лексикологии и диалектологии, Институт языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (m.r.bulatova@mail.ru).

BULATOVA MINNIRA RAKHIMOVNA – post-graduate student of Lexicology and Dialectology Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 811.512.1'372=811.512.145'372

Р.Р. ГАТАУЛЛИН

О НЕКОТОРЫХ СТРУКТУРНО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТЮРКО-ТАТАРСКИХ ТОПОНИМОВ ЮЖНОГО УРАЛА И ЗАУРАЛЬЯ

Ключевые слова: Южный Урал, Зауралье, топонимия, тюрко-татарские топонимы, структурно-словообразовательный анализ.

Рассмотрены некоторые структурно-словообразовательные особенности тюрко-татарских топонимов Южного Урала и Зауралья, а именно – словообразовательные аффиксы. Известно, что в этих землях с древнейших времен происходили различные этнические процессы с участием тюркских народов, в том числе татар. В результате эти процессы наложили отпечаток на топонимический ландшафт региона.

R.R. GATAULLIN

SOME STRUCTURAL AND WORD-BUILDING FEATURES OF THE SOUTH URALS AND THE TRANS-URALS' TURKO-TATAR TOPONYMS

Key words: South Urals, Trans-Urals, toponyms, structural and word-building analysis.

Some structural and word-building features of the South Urals and the Trans-Urals' turko-tatar toponyms are considered in the article with particular attention to word-building affixes. It is well known that, different ethnic events have taken place there with Turkic and Tatar participation. As a result, all these events are impressed in the topoymic landscape of the region.

На этнографической карте России, в самом ее центре можно увидеть обширную территорию Южного Урала и Зауралья, являющуюся своего рода мостом между Европой и Азией. Тысячелетиями в этом регионе происходили важные для истории человечества события, которые неизменно сопровождались контактами многих этносов и этнических групп. Земли Южного Урала и Зауралья с древнейших времен привлекали к себе множество различных кочевых племен, в том числе и тюркских, и это формировало новые характерные черты антропологического и этнолингвистического облика коренного населения. Эти черты можно наблюдать и в топонимии региона, где наряду с другими особо выделяется тюрко-татарский пласт. Изучение связей народов и их языков на материале топонимии имеет важное значение для восстановления картины этнических контактов в прошлом. Это особенно важно в тех случаях, когда отсутствуют другие источники и, прежде всего, письменные доказательства.

Всякое топонимическое исследование включает в себя анализ структуры и особенностей словообразования собственных имен, что способствует более полному описанию внутренней организации названий, а также позволяет определить их семантику и этимологию. Поскольку топонимы входят в словарный состав языка и по своей сущности представляют лексемы, то закономерности, действующие в нарицательных словах, обнаруживаются и в сфере собственных имен, в том числе и в топонимии. Исследования показывают, что топонимия использует почти те же словообразовательные средства, которые применяются в производстве новых слов в апеллятивной лексике – это лексико-семантический, фонетический,

морфологический, синтаксический способы. Как и в апеллятивах, в топонимии основным критерием для определения какого-либо слова по способу образования служит то, что легло в основу изменения, возникновения нового слова.

Структурно-словообразовательный анализ топонимов с выявлением топонимических моделей и всех аффиксов, участвующих в образовании топонимов, представляет большой интерес, так как структура – это та форма, в которой отражается содержание онима и при помощи которой топоним выполняет номинативную и дифференцирующую функции, т.е. структура является одним из способов номинации. Современные исследования ученых показали, что топонимия использует широкий круг способов словообразования, имеющихся в языке. Однако, как указывает А.В. Суперанская, «...из всего многообразия словообразовательных средств на определенной территории используется лишь определенное число типов, наиболее приемлемых для данной местности» [6. С. 89]. Считается, что причина этого явления связана с историей заселения края, с этническими и языковыми процессами, происходившими на этой территории.

Словообразовательному анализу тюркской топонимии исследователями уделяется большое внимание. Специальный грамматический анализ тюркских топонимов проводился А.А. Бонюховым, А. Абдрахмановым, Г.И. Донидзе, К.Ф. Гриценко, Т.Д. Джанузаковым (1976), О.Т. Молчановой (1982), Г.Ф. Саттаровым (1966), А.А. Камаловым (1994), Ф.Г. Гариповой (1975, 1991), Е.К. Койчубаевым (1974), Г.Е. Корниловым (1967), С.М. Моллазаде (1978), Р.Х. Субаевой (1963), Ф.Х. Хисаметдиновой (1992) и др.

Исследователи по-разному подходят к анализу структуры тюркских топонимов различных территорий и по-разному решают вопрос об их структурных типах. Мы, исходя из материала, решили провести словообразовательный анализ тюрко-татарских топонимов Южного Урала и Зауралья, опираясь на работы указанных выше авторов. По способу образования топонимы можно разделить на простые и сложные. Простые делятся на простые производные (безаффиксные) и простые производные (аффиксные). Сложные топонимы, в свою очередь, делятся на собственно-сложные, парные и составные.

Татарский язык располагает богатым набором словообразовательных аффиксов, обладающих разной продуктивностью и способностью создавать слова самой различной семантики. Часть этих аффиксов участвует в образовании тюрко-татарской топонимии Южного Урала и Зауралья. В результате структурно-словообразовательного анализа тюрко-татарских топонимов Южного Урала и Зауралья нами были зафиксированы следующие словообразовательные аффиксы:

Аффикс -лы/-ле (башк. -ды/-де, -ты/-те). Этот аффикс называют аффиксом обладания, наличия, так как каждое имя с аффиксом -лы обычно выражает обладание определенным предметом или качеством. Большинство исследователей считают, что аффикс -лы произошел от суффикса -lik [2. С. 87].

Аффикс -лы является продуктивным в топонимии многих тюркоязычных регионов [4. С. 125]. В исследуемом нами регионе он представлен во всех лексико-семантических группах топонимов:

а) ойконимы: *г. Касли* > *Казлы*, *дер. Кырмыскалы* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.);

б) гидронимы: оз. *Балсыкты* > *Балсыклы* > *Балчыклы* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), оз. *Балыкты* > *Балыклы* (Красноармейский р-н, Челябинская обл.), оз. *Джаланды* > *Еланлы* (Троицкий р-н, Челябинская обл.), оз. *Касли* > *Казлы*, оз. *Кугалы* (Чебаркульский р-н, Челябинская обл.), оз. *Кумырли* > *Күмерле* (Увельский р-н, Челябинская обл.), оз. *Кырмыскалы* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), оз. *Майли* > *Майлы* (Октябрьский р-н, Челябинская обл.), оз. *Сабакты* > *Сабаклы* > *Чабаклы* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), оз. *Суллы* > *Сулы* (Октябрьский р-н, Челябинская обл.), оз. *Табанды* > *Табанлы* (Аргаяшский р-н, Челя-

бинская обл.), *р. Ташлы*, *оз. Уленды* > *Уленлы* > *Үләнле* (Аргаяшский, Верхнеуральский р-ны, Челябинская обл.), *оз. Уректы* > *Уреклы* > *Үрдәкле* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), *оз. Чучкалы* (Красноармейский р-н, Челябинская обл.), *оз. Атавлы* (Сафакульский р-н, Курганская обл.); *оз. Карагайлы* (Сафакульский р-н, Курганская обл.), *оз. Касли* > *Каслы* > *Кашлы* (Каргапольский р-н, Курганская обл.), *оз. Кукыйлы* (Сафакульский р-н, Курганская обл.), *оз. Кутырды* > *Кутырлы* (Сафакульский р-н, Курганская обл.), *оз. Менкили* > *Мәнкиле* (Сафакульский р-н, Курганская обл.), *оз. Сулюкли* > *Сәлекле* (Сафакульский р-н, Курганская обл.), *оз. Убалы* (Альменевский р-н, Курганская обл.), *оз. Юрахлы* (Варгашинский, Лебяжьевский р-ны, Курганская обл.), *оз. Ясакли* > *Ясаклы* (Альменевский р-н, Курганская обл.);

в) оронимы: *гора Айдырлы*, *гора Бешмекты* > *Бәшмәкле*, *гора Ташлы*, *гора Тырнаклин* > *Тырнаклы* (Саткинский р-н, Челябинская обл.), *хр. Шелканды* > *Шалканлы* (Уйский, Чебаркульский р-ны, Челябинская обл.), *хр. Юкала* > *Юкәле* (Катав-Ивановский р-н, Челябинская обл.);

г) микропонимы: *рч. Бурля* > *Бүреле*, п. пр. Увельки, бас., Уя, л. пр. Урала (Ашинский р-н, Челябинская обл.), *рч. Кайракты* > *Кайраклы*, п. пр. Бол. Караганки, бас. Урала (Карталинский р-н, Челябинская обл.), *рч. Карамалы*, л. пр. Ниси, бас. Юрюзани, *рч. Сарымсаклы*, п. пр. Зингейки, бас. Урала, *оз. Силикты* > *Силиклы* > *Сәлекле* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), *рч. Терекле* > *Тирәкле*, п. пр. Урала.

Аффикс -лык/-лек. Об этимологии данного суффикса имеется несколько точек зрения. Так, например, В. Котвич пишет: «Не исключено, что *-liy, -lig* – не исконная форма суффикса; исконной формой следует считать *l*; ведь и до сих пор *l* является признаком множественного числа». В. Банг считает, что этот суффикс произошел от самостоятельного слова *il* «повесить». Н.А. Баскаков возводит его к слову *lik*, которое встречается в некоторых тюркских языках в значении «обильный, полный». Эту точку зрения разделяют Д.Г. Тумашева [7. С. 69] и Ф.А. Ганиев [2. С. 78].

Аффикс *-лык* в современном татарском языке является многозначным высокопроизводным аффиксом. Ф.А. Ганиевым зафиксировано 20 значений данного аффикса, среди которых можно выделить значения места, изобилующего определенными предметами или указывающего, где хранятся эти предметы, лица, занимающего определенное положение в обществе, материала, предназначенного для изготовления определенных предметов, духовных и физических качеств человека и т.д. [2. С. 81-84]. В топонимии Южного Урала и Зауралья он не является продуктивным. Нами были зафиксированы лишь несколько топонимов, образованных посредством данного аффикса:

а) ойконим: *пос. Котлик* > *Котлык* (Челябинская обл.);

б) гидронимы: *оз. Майлык* (Альменевский, Щучанский р-ны, Курганская обл.), *оз. М. Кушлук* > *Кошлык* (Частозерский р-н, Курганская обл.);

в) микропоним: *бол. Сазлык* (Аргаяшский р-н, Челябинская обл.).

Аффикс -ак/-эк. Большинство тюркологов происхождения данного аффикса связывают с суффиксом *-gak* [3. С. 111]. Есть также предположения о том, что он восходит к суффиксу *-лак*, который встречается в башкирском слове *торлак* «дом, обиталище», которому в татарском языке соответствует слово *торак* «дом» [2. С. 102]. В современном татарском языке он выражает значения лица, являющегося носителем признака, указанного в основе орудия или средства, предназначенного для данного действия, места, имеющего связь с определенным состоянием, предмета, являющегося результатом выраженного в основе действия или состояния [2. С. 102-103]. В изучаемом нами регионе аффикс *-ак* был зафиксирован в составе следующих топонимов:

а) ойконимы: *пос. Карсанак*, *с. Кунашак* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), *пос. Тайнак* (Еткульский р-н, Челябинская обл.), *дер. Шабалтак* (Красноармейский р-н, Челябинская обл.);

б) гидронимы: *р. Тогузак*, п. пр. Уя, бас. Тобола, оз. *Тугуняк* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), оз. *Чегалак* (Варненский р-н, Челябинская обл.), оз. *Кармышак* (Сафакульский р-н, Курганская обл.), *р. Кизак* > *Кизэк* (Мокроусовский р-н, Курганская обл.), *р. Тебеняк* > *Тибәнәк* (Белозерский р-н, Курганская обл.);

в) микротопонимы: *рч. Юрак*, л. пр. Ая, бас. Уфы, лес *Сирак* (Альменевский р-н, Курганская обл.).

Аффикс -ыш/-еш, -ш. По этимологии аффикса *-ыш* в тюркологии особых исследований не имеется. По мнению В.Н. Хангильдина, этот аффикс объединяет в себе два разных суффикса – имени действия и суффикса взаимно-совместного залога [8. С. 69]. Примерно к такой же точке зрения склоняются Э.В. Севортян [5. С. 140-141] и Ф.А. Ганиев [2. С. 97].

Если в современном татарском языке аффикс *-ыш* в качестве производящих основ имеет только глаголы и выражает значения названия, результата, способа совершения действия, то в топонимии Южного Урала и Зауралья он присоединяется как к глагольным, так и к именным основам:

а) гидронимы: оз. *Куяныш* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), оз. *Суртаныш* > *Чуртаныш* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), *Бердениш* > *Бирдәнеш* (Каслинский р-н, Челябинская обл.), *р. Суварыш*, бас р. Исеть (Далматовский, Катайский р-ны, Курганская обл.);

б) микротопонимы: *рч. Багруш* > *Багрыш*, л. пр. Ая (Кусинский р-н, Челябинская обл.), *рч. Бердяуш* > *Бирдәвеш*, п. пр. Бол. Сатки, бас. Ая (Саткинский р-н, Челябинская обл.), *рч. Бердяш* > *Бирдәш*, л. пр. Юрюзани (Катав-Ивановский р-н, Челябинская обл.), *рч. Ергалаш*, л. пр., Ураим, бас. Уфы (Нязепетровский р-н, Челябинская обл.), *рч. М. Суварыш* (Далматовский р-н, Курганская обл.).

Аффикс -ды/-де. В топонимии Южного Урала и Зауралья нами были зафиксированы топонимы, которые образованы на основе глаголов посредством аффикса определенного прошедшего времени:

а) гидронимы: оз. *Бильтерды* > *Белдерде* (Аргаяшский р-н, Челябинская обл.), оз. *Калды* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), оз. *Курлады* > *Хурлады* (Красноармейский р-н, Челябинская обл.), оз. *Сергайды* > *Саргайды* (Аргаяшский р-н, Челябинская обл.), оз. *Увильды* > *Уелды* (Аргаяшский р-н, Челябинская обл.), оз. *Бикбирды* > *Бикбирде* (Сафакульский р-н, Курганская обл.), оз. *Сардыкты* (Сафакульский р-н, Курганская обл.), оз. *Шилганды* (Сафакульский р-н, Курганская обл.);

б) оронимы: *хр. Бакты* (Катав-Ивановский р-н, Челябинская обл.), *хр. Бардым* (Нязепетровский р-н, Челябинская обл.);

в) микротопонимы: *рч. Булдым*, п. пр. Вязовки, бас. Оз (Каслинский р-н, Челябинская обл.), *рч. Урляда* > *Үрләде*, л. пр. Урала.

Аффикс -дык/-дек. О происхождении данного аффикса имеется ряд высказываний. Так, Н.А. Баскаков возводит его к показателю атрибутивных форм глагола [1. С. 395]. М. Рясенен аффикс *-дык* рассматривает наряду с аффиксом *-дырык*. Ф.А. Ганиев его этимологию связывает с несколькими аффиксами, а именно, с *-да* + *-вык*, *-дырык* и *-лык* [2. С. 112].

В современном татарском языке аффикс *-дык* выражает разнообразные значения, а именно, значения предмета, тесно связанного в каком-либо отношении со значением основы или являющегося результатом какого-либо действия, или же орудия, приспособления, служащего для действия, обозначенного в основе, а также лица, характеризующегося качеством, отмеченным в основе [2. С. 113-114]. В топонимии изучаемого нами региона этот аффикс не является продуктивным. Он был зафиксирован лишь в составе нескольких топонимов:

а) ойконим: с. *Кочердык* (Октябрьский р-н, Челябинская обл.);

б) гидронимы: оз. *Сыкандык* > *Сагындык* (Красноармейский р-н, Челябинская обл.), оз. *Калтык* > *Калдык* (Лебяжий р-н, Курганская обл.), *р. Кочердык* (Целинный р-н, Курганская обл.);

в) микротопоним: *рч. М. Кочердык* (Целинный р-н, Курганская обл.).

Аффикс -ган/-гән. Данный аффикс генетически связан с аффиксом причастия. Но слова, образованные данным суффиксом, нельзя рассматривать как лексикализацию причастных форм по причинам, высказанным в свое время Э.В. Севортьяном [5. С. 313]. Аффикс *-ган*, в основном, присоединяется к глагольным основам и образует слова со значением лица или предмета, характеризующегося признаком, указанным в основе [2. С. 120]. В исследуемом нами регионе он был зафиксирован в составе следующих топонимов:

а) ойконимы: *пос. Салган* (Аргаяшский р-н, Челябинская обл.), *г. Курган* (Курганская обл.);

б) гидронимы: *оз. Б. Камаган* (Белозерский, Каргапольский р-ны, Курганская обл.), *р. Камаган* (Юргамышский р-н, Курганская обл.), *оз. М. Камаган* (Белозерский р-н, Курганская обл.), *р. Убаган* (Звериноголовский р-н, Курганская обл.).

Аффикс -мак/-мәк. Вопрос о происхождении аффикса *-мак* в тюркологии является спорным. По мнению Э.В. Севортьяна, аффикс *-мак* вторичен по отношению к аффиксу *-ма*. Это предположение в свое время также было высказано В. Бангом [5. С. 303]. Г. Рамстедт считает его состоящим из элементов *-м* + *-ак*. Н.А. Баскаков полагает генетически родственными аффиксы *-м*, *-ма* и *-маг* [1. С. 391]. По А.Н. Кононову, он является сложным аффиксом, восходящим к *-ма* + *-га* [2. С. 121]. Аффикс *-мак* всегда присоединяется к глагольным основам и образует слова со значениями орудия или приспособления, служащего для действия и движения, предмета или объекта, являющегося результатом указанного в основе действия, места, возникшего в результате данного действия, а также предмета или объекта, характеризующегося признаком, указанным в основе. В исследуемом нами регионе он был зафиксирован в составе следующих топонимов: *оз. Кулмак* > *Кулмәк* (Красноармейский р-н, Челябинская обл.), *оз. Сугомак* > *Сугамәк*, *оз. Сугурмак* > *Суырмак* (Чебаркульский р-н, Челябинская обл.), *оз. Тумак* (Варненский р-н, Челябинская обл.), *лес Кюсмяк* > *Кәсмәк* (Альменевский р-н, Курганская обл.).

Аффикс -кай/-кәй. Осложняет значение основы уменьшительно-ласкательными оттенками: *оз. Баснекай* > *Беснәкәй* > *Беснәккәй* > *Песнәккәй* (Красноармейский р-н, Челябинская обл.), *оз. Куликай* > *Колакай* (Кунашакский р-н, Челябинская обл.), *оз. Мыркай* (Красноармейский р-н, Челябинская обл.), *оз. Кубакай* > *Күбәкәй* (Сафакульский р-н, Курганская обл.).

Аффикс -кын/-кен. Большинство ученых придерживаются мнения о том, что аффикс *-кын* генетически связан с аффиксом причастия *-ган* [2. С. 117; 5. С. 326]. Данную гипотезу подтверждают лексико-семантические особенности и характер употребления слов, образованных при помощи этого аффикса. Аффикс *-кын*, в основном, присоединяется к глагольным основам и образует слова со значением лица – носителя указанного в основе признака: *пос. Каскын* > *Качкын* (Кусинский р-н, Челябинская обл.), *р. Эчкен* (Далматовский, Шадринский, Шатровский р-ны, Курганская обл.), *оз. Эчкен* (Далматовский р-н, Курганская обл.).

Аффикс -мыш/-меш. Происхождение аффикса *-мыш* ученые связывают с аффиксом причастия прошедшего времени, характерного для огузских языков. По мнению В.Н. Хангильдина, он не является словообразовательным средством, так как в словах с аффиксом *-мыш* наблюдается лишь переход грамматических форм в существительные [8. С. 70]. Однако в современных тюркских языках кипчакской группы, в том числе и в современном татарском языке, отсутствуют грамматические формы с данным показателем, и, вследствие этого, слова с этим аффиксом ученые предлагают считать образованными путем суффиксации [2. С. 122]. Что касается семантики этих слов, они обозначают название процесса или действия, а также лицо или предмет, характеризующийся

признаком, указанным в основе: оз. *Утемис* > *Утәмеш* (Варненский р-н, Челябинская обл.), р. *Куртамыш*, бас. р. Тобол (Куртамышский р-н, Курганская обл.), оз. *М. Тукмыш* (Шатровский р-н, Курганская обл.), р. *Юргамыш*, бас. р. Тобол (Кетовский, Мишкинский, Юргамышский р-ны, Курганская обл.).

Кроме указанных выше, нами были зафиксированы также единичные случаи использования следующих аффиксов:

-ма/-мә. Большинство исследователей считают, что этот аффикс генетически связан с древнетюркским аффиксом имени действия *-мак* [1. С. 392; 2. С. 98]. Он, как правило, присоединяется к глагольным основам и выражает предмет или объект, полученный в результате действия или процесса: гора *Курма*, рч. *Шарлама*, п. пр. Урала (Агаповский р-н, Челябинская обл.);

-чык/-чек. Этот аффикс является высокопродуктивным стилистическим аффиксом, но у него имеется также и словообразовательная функция. Исследователь Ж. Дени возводит аффикс *-чык* к слову *чак* «время, количество». К этому мнению присоединяется и Э.В. Севортян [5. С. 100]. По мнению Ф.А. Ганиева, аффикс *-чык* в обоих случаях (в стилистическом и словообразовательном) восходит к слову *чак* «маленький, малый», так как эта семантика сохранилась у стилистической функции аффикса [2. С. 90]. То же самое показывают и материалы нашего исследования: оз. *Еланчик* > *Еланчык* (г. Миасс), гора *Кукшик* > *Күкчек* (Саткинский р-н, Челябинская обл.).

-чы/-че. Несмотря на то, что данный аффикс является одним из высокопродуктивных и производных словообразовательных средств в тюркских языках, в частности в татарском, нами он был зарегистрирован только в одном топониме: оз. *Аракчи* > *Аракчы* (Сафакульский р-н, Курганская обл.). О его происхождении в тюркологии существуют разные точки зрения. Так, Н.Ф. Катанов считает, что этот суффикс произошел от элемента *чик* путем отпадения конечного *к*. По мнению Г. Рамстедта, рассматриваемый аффикс восходит к китайско-корейскому слову *сај* «человек, лицо, мужчина» [2. С. 72]. Данную гипотезу подтверждает и семантика слов, образованных при помощи аффикса *-чы*. Они выражают значение лица, занимающегося определенным родом деятельности;

-дак/-дәк. Слова с данным аффиксом обозначают предмет или объект, являющийся результатом действия, выраженного основой [2. С. 131]. Считается неприводным аффиксом. В исследуемом нами регионе он был зафиксирован лишь в составе одного топонима: оз. *Бугодак* > *Бугадак* (Верхнеуральский р-н, Челябинская обл.);

-ман/-мән. Является неприводным аффиксом. Слова, образованные при помощи аффикса *-ман* обозначают предмет, объект, место, характеризующееся признаком, указанным в основе, а также орудие или приспособление, служащее для действия, указанного в основе [2. С. 133]. В топонимии Южного Урала и Зауралья он был зарегистрирован лишь в составе одного топонима: оз. *Акман* (Варненский р-н, Челябинская обл.);

-р, -ыр/-ер. Принимая во внимание структуру и семантические особенности слов, образованных при помощи данного суффикса, ученые относят его к показателю причастия [2. С. 116]. Слова с данным аффиксом обозначают предмет, являющийся результатом указанного в основе действия: оз. *Алтыр* > *Ялтыр* (Варненский р-н, Челябинская обл.).

Таким образом, наше исследование показало, что топонимы, образованные при помощи словообразовательных аффиксов, характерных для тюркских языков в целом и для татарского языка в частности, довольно часто встречаются в топонимической системе региона. Можно сказать, что аффиксация является ведущей в образовании тюрко-татарских топонимов Южного Урала и Зауралья.

Литература

1. Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 2, ч. 1. 451 с.
2. Ганиев Ф.А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование. Казань: Дом печати, 2005. 360 с.
3. Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 446 с.
4. Молчанова О.Т. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. 256 с.
5. Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М.: Наука, 1966. 437 с.
6. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 365 с.
7. Тумашева Д.Г. Хазерге татар әдәби теле морфологиясе. Казан: КДУ нәшр., 1964. 299 б.
8. Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы. Казан: Тат. кит. нәшр., 1959. 642 б.

ГАТАУЛЛИН РАДИК РАВИЛЕВИЧ – аспирант, Институт языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (Radik.gataullin1986@yandex.ru).

GATAULLIN RADIK RAVILEVICH – post-graduate student, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic of Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 81-115

Н.Н. КАНАШИНА

АТТЕНУАТИВНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ДИМИНУТИВНОСТИ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ, МАРИЙСКОМ И ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: диминутивность, диминутив, аттенуативность, аттенуатив, деинтенсификатор.

Исследована аттенуативность как компонент функционально-семантического поля диминутивности в разносистемных языках. Дан анализ разноуровневых конститuentов поля, актуализирующих дескриптор «слабая интенсивность признака или процесса» в русском, немецком, марийском и чувашском языках. Исследование показывает наличие универсальных и лингвоспецифических компонентов поля в названных языках.

N.N. KANASHINA

ATTENUATION AS A COMPONENT OF THE FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF DIMINUTIVENESS IN THE RUSSIAN, GERMAN, MARI AND CHUVASH LANGUAGES

Key words: diminutiveness, diminutive, attenuation, attenuative, non-intensifier.

This article explores attenuation as a component of the functional-semantic field of diminutiveness in the languages of different systems. It contains the analysis of constituents of different levels, which denote the low intensity in Russian, German, Mari and Chuvash languages. The study shows the existence of common and language-specific components of the field in the mentioned languages.

В современной лингвистике исследование категории диминутивности справедливо выходит за рамки ее представленности в сфере имен существительных; признается связь функционально-семантического поля диминутивности со множеством смежных полей, в том числе и полем интенсивности.

Предметы, их свойства, признаки и процессы различаются количественными характеристиками, и «интенсивность как ономаσιологическая категория называет объективную количественную определенность того или иного признака» [14. С. 22]. Онтологическая изменчивость признака предполагает наличие в его семантике множества допустимых значений. Количественное определение качественных изменений подразумевает существование некоторого диапазона, характеризующего степенью интенсивности данного признака.

Опираясь на мысль Ш. Балли о том, что «под термином интенсивность следует понимать все различия, сводящиеся к категориям количества, величины, ценности, силы и т.п., вне зависимости от того, идет ли речь о конкретных представлениях или об абстрактных идеях» [2. С. 202], мы придерживаемся широкого понимания интенсивности как количественного изменения «уровня развития признака в рамках данной меры, не влекущего за собой изменение данного качества» [19. С. 13]. В количественном отношении интенсивность выражает приближенную оценку градуируемого качества, т.е. имплицитно определяет неопределенное, недискретное количество признака. При этом величина признака определяется относительно внешней системы отсчета, как то: установленной системы мер, наличия другого сравнимого признака, объективных физических свойств предмета. При этом интенсивность связана «не с любой количественной квалификацией явления, а только с такой, которая демонстрирует отклонение от "нормальной меры"» [10. С. 153]. Норма любого признака при этом может не быть объективной или константной; зачастую она субъективна, ситуативно обусловлена и релятивна, но в тот же момент традиционна, т.е. признается носителями языка и отражается в концептуальной картине мира. Процессуальная интенсивность при этом обнаруживает характеристики, аналогичные признаковой интенсивности. Внеязыковое понятийное содержание признаковой и процессуальной интенсивности можно представить в виде трехчастной схемы, отображающей сверхординарную, ординарную и субординарную интенсивность:

(-) min – [N] – (+) max.

Рассматривая интенсивность сквозь призму диминутивности, мы исследуем аттенуативность как компонент данного функционально-семантического поля, т.е. как деинтенсификацию признака или процесса; движение по шкале интенсивности в сторону их ослабления. Материалом послужили данные лексикографических источников русского, немецкого, марийского и чувашского языков [1, 7, 11, 12, 22]. Семантика аттенуативности реализуется в исследуемых языках функциональными средствами, характеризующимися разноуровневой принадлежностью.

Так, русский язык располагает несколькими словообразовательными формантами, придающими адъективным дериватам, образованным с их помощью, сему ослабленности признака, как то: форманты: *-оват, -еват (синеватый, черноватый, слабоватый, маловатый), -оньк, -еньк (бледненький, глупенький, красненький, плохонький), -ощав (сухощавый, худощавый)*. В классе наречий названную функцию выполняют форманты: *-онечко, -енечко (легонечко, тихонечко, маленечко), -овато, -евато (бедновато, поздновато, плоховато, рановато, слабовато)*. В.В. Виноградов соотносит указанные адъективы с грамматическим способом сопоставления признаков через степени сравнения и определяет данные дериваты к безотносительным степеням. В его классификации прилагательные, образованные от адъективной основы с помощью суффиксов *-оват, -еват*, относятся к начинательной степени. Производные, образованные посредством формантов *-оньк, -еньк*, сопоставляются В.В. Виноградовым с длительной и учащательной степенями [3. С. 278].

Связывая диминутивы русского языка с аттенуативами, И.А. Мельчук выделяет аттенуативный компаратив с семей «немного более». И хотя стержневым при этом остается усиление признака, данный вид обнаруживает, в некоторой степени, диминутивную семантику, т.е. имеет в своем значении количественный компонент «малости», сравним: *глупый – поглупее* (в отличие от «глупее»), аналогично – *побелее, подальше, поуже, побольше* и т.д. [9. С. 99].

В немецком языке формант *-lich*, наряду с несколькими возможными значениями, обнаруживает сему уменьшительности и «при особых дистрибутивных условиях» может придавать деадъективным прилагательным значение

слабой интенсивности проявления признака, например: *gelblich, wärmlich, dümmlich, süßlich, ältlich, kränklich, bläulich* [13. С. 175]. Полусуффикс *-arm*: *blutarm, fischarm, kinderarm, gedankenarm*, скорее, указывает не на неполноту признака, а на малое количество сущности, называемой производящей основой.

В марийском языке функцию реализации аттенуативности выполняют адъективные форманты *-алге (-ялге)*: *лудалге, нарынчалге, шӱртнялге, шиялге, ошалге, шемалге* и *-та*: *шучката, лапката, лопката* [4. С. 62].

В чувашском языке формант *-рах (-рех)* сопоставляется с русскими *-оват, -еват* и придает деадъективу значение неполноты, недостатка качества «против обыкновенного, наличие качества лишь в некоторой слабой степени, далекой от нормы» [8. С. 67].

– *Что, Петр, не видать еще? – спрашивал ... барин ... у своего слуги, молодого и щекастого малого с беловатым пухом на подбородке...* [16]

– *Мёнле, Петр? Курăнмась-и-ха? – Ыйтрӗ вӑл хӑйӗн ҫамрак та сарлака питлӗ, янахӗ ҫине шурӑрах сухал пӗрчисем мамӑкланса тухна, пӗчӗк те тӗксӗм куҫлӑ тарҫинчен* [15. С. 3].

Помимо этого чувашский язык обнаруживает несколько других формантов, служащих для образования «уменьшительной формы прилагательных» [8], например: *-ҫӗ, -ҫеҫҫӗ: пӗчӗкҫӗ, пӗчӗкҫеҫӗ, вӗтсеҫ; -ка(-ке, -кке): имшеркке, мӑнтӑркка, начаркка, ешеркке, шупка, шурка, шуркка; -ак(-ек): тӑварлак, шывак, кӑвасак, ҫӑвак, йӗсек; -шка(-шке): ланчашка, лӑнчашка, лутрашка, ҫинҫешке, ҫӗхешке, яклашка*.

Деадъективные дериваты с диминутивным формантом в исследуемых языках, таким образом, модифицируют исходный признак относительно степени его проявления в сторону ослабления, номинируя при этом квантитативный компонент.

Дескриптор «слабая интенсивность» в сфере глагольного действия также передается разноуровневыми языковыми средствами. В русском языке в первую очередь следует упомянуть о глаголах аттенуативного (смягчительного) способа действия, семантика диминутивности которых актуализируется следующими формантами: *по-, под-, при-, вс- (вз-)*: *поражаться, поразмыслить, пообсохнуть, поутихнуть, подогреть, подгореть, подзубрить, подкопать, прикрыть, приподнять, приоткрыть, прикашлянуть, приморозить, припорошить, всплывать, вздремнуть* и т.д. Сема слабой степени интенсивности действия проявляется и в глаголах недостаточно-интенсивного способа действия с формантами: *недо-, полу-: недоедать, недосыпать, недовернуть, недогреть, недогрузить, полузакрыть, полубернуться, полуосвещать, полуотворять*.

В немецком языке также имеются глаголы диминутивного способа действия, семантику ослабленности которым придают суффиксальные форманты *-(e)lн, -(e)rn* и префиксальные форманты *an-, nach-, dazu-: hüsteln, kränkeln, lächeln, lieben, anheben, anbrennen, antrinken, nachfärben, nachmalen, dazuschreiben*.

Особо следует отметить в исследуемых языках наличие небольшой группы глаголов с имплицитной семой аттенуативности действия, как то: в русском языке: *моросить, просачиваться, капать, накрапывать* и др.; в немецком языке: *lüften (etwas ein wenig hochheben), lüpfen (leicht anheben), schwindeln, dösen, schimmern*; в марийском языке: *пуал миӓш (горн.), чарналташ, чырыпланаш, шыжаш, пелемдаш, маралташ*; в чувашском языке – *вӗтӗртет, тумлат, шӗпӗртет, пӑчлат*.

В качестве отдельного функционального класса языковых средств, передающих значение аттенуативности в признаковой и процессуальной семанти-

ке, следует выделить лексические деинтенсификаторы. Так, наиболее употребительными адвербиальными деинтенсификаторами, реализующими названный дескриптор в русском языке являются *едва, едва-едва, еле, еле-еле, немного, чуть, чуть-чуть, чутьчку, несколько, слегка, в некоторой степени*; в немецком языке – *ein bisschen, ein klein bisschen, etwas, ein wenig, ein klein wenig, nicht genug, kaum*; в марийском языке – *изин, изиракын, изиш-изиш, изиш(ак), икмыняр, ныжык-ныжыкые, пеле-пеле, пыкше, пыкше-пыкше, кырт, тока, чак-чак, тиок(ат), чуч, теве-теве, исак*; в чувашском языке – *аран, ерипен(н), пёчэккён, пёчэксён, майёпен, майёпеле, кашт, каштах, каштён, каштён-каштён, кашт-кашт, каштё, кёлт-пёртек, кёс-кёс, пёртаккё, пёртаккён, пёртаксё, пёртиккех, паштён, сахаллён, сахалшар, чутах, чут-чут*. Данные лексические единицы характеризуются возможностью употребления в аналитических конструкциях в качестве детерминанта как имени прилагательного, так и глагола. При этом следует отметить определенное сходство аналитических моделей «деинтенсификатор + адъектив (или глагол)» в исследуемых языках. Так, в немецком языке:

– *Черт знает что, в Тироле! – едва слышно прошептал Илья Ильич* [5].

– *Zum Teufel auch, nach Tirol! – flüsterte Ilja Iljitsch kaum hörbar* [23].

Или:

– *Это оттого, – думал он, – что у ней одна бровь никогда не лежит прямо, а все немного поднявшись...* [5].

Das kommt daher, dachte er, weil die eine Braue bei ihr niemals gerade liegt, sondern sich immer ein wenig in die Höhe hebt... [23].

В чувашском языке:

Чуть вздернутое плечо ее удерживает сползающую рубашку, во владинах ключиц – мягкий пух света [21].

Аялалла шуса анна кёпи **кашт** сёкленерех тӓракан хул пуçсийёнчен кӓна тытӓнкаласа тӓрать [20. С. 7].

Или:

При входе в местечко он **едва** не наткнулся на патруль и теперь шел с волчьей торопкостью... [21].

Местечкӓна пырса кёнё чух вӓл темле **сес** патруль сине ситсе тӓрӓнмарё... [20. С. 21].

В марийском языке:

Олыкышго кызыт тугай пудранчык, калык тунар шыдешкен, тудым **изиш** тарваташ гын... [17. С. 154]

Сейчас на лугах такая заваруха, и народ настолько озлоблен, что стоит только **чутьчку** сдвинуть... [18. С. 119]

При этом аналогия прослеживается и в «более сложных» метафоризированных моделях русского и немецкого языков:

Они окружили мать, у которой порою **легким намеком** проявлялись девичьи повадки, и не отпускали ее от себя [6].

*Sie umringten Mutter, die sich **andeutungsweise** mädchenhaft gab, und kamen nicht von ihr weg* [24. С. 95].

Однако при наличии сравнительно единого плана содержания категории диминутивности в исследуемых языках ее лингвоспецифический характер обуславливает наличие расхождений в плане ее выражения. Так, диминутивный адъективный дериват русского языка часто заменяется в исследуемых языках мотивирующим параметрическим прилагательным без диминутивного форманта. Сравним, например, в немецком языке:

Вошел человек лет сорока ... с крепкой, **коротенькой** шеей, с большими навывкате глазами, толстогубый [5].

Es kam ein etwa vierzigjähriger Mann herein, der ... einen stämmigen kurzen Nacken, große Glotzaugen und dicke Lippen besaß [23].

В марийском языке:

– *Мо пеш шуко коштда, Василий Александрович? — йодо вичкыж кыдалан ўдыр [17. С. 102].* (Дословно: с **тонкой** талией).

– *Почему вы так поздно, Василий Александрович? — спросила тоненькая девушка [18. С. 80].*

И в чувашском языке:

Он подошел, запыхавшись, поскрипывая новенькой кожаной тужуркой... [21]

Вăл пӳлӳнчӳклӳк пашкаса, сӳнӳ сӳран пиншакне кăштăртаттарса, тӳрех ун патне вăркăнса пычӳ [20. С. 14].

Аналогичное явления прослеживается и в сфере глагольного действия, а именно, вместо глагольного аттенуатива русского языка в немецком, марийском и чувашском языках предпочтительно использование мотивирующего глагола. Например, в немецком языке:

– *Чего вам? — сказал он, придерживаясь одной рукой за дверь кабинета... [5]*

– *Was wollen Sie? — sagte er, sich mit der einen Hand an der Zimmertür haltend... [23]*

Или в чувашском языке:

... и только тогда толкнул дверь и, пригибаясь, вошел в землянку... [21]

... унтан тин вăл, алăка тӳртсе усса, сӳр пӳрте пӳшкӳнсе кӳчӳ... [20. С. 3].

Наряду с мотивирующим прилагательным без соответствующего форманта адъективный аттенуатив русского языка также может заменяться аналитической моделью «деинтенсификатор + адъектив». Например, в немецком языке:

Наружно он не выказывал не только подобострастия к барину, но даже был грубоват, фамильярен в общении с ним... [5]

In seinem Benehmen dem Herrn gegenüber äußerte er nicht nur keine Unterwürfigkeit, sondern behandelte ihn sogar eher grob und familiär... [23]

Для выражения малой интенсивности качества, обозначаемого адъективным дериватом либо аналитической моделью «деинтенсификатор + адъектив» русского языка, в других языках могут использоваться описательные модели. Как, например, чувашском языке:

– *Спит, — вздохнул седоватый офицер [21].*

– *Хытă сывăрать, — ассăн сывласа илчӳ сӳсӳ кăвакара пусланă офицер [20. С. 4].* (Дословно: начинающий сидеть.)

В марийском языке:

– *Йӱра, — Григорий Петровичын тӳрвыжӧ тарваныш [17. С. 168].* (Дословно: прошевелил губами.)

– *Согласен, — еле слышно проговорил Григорий Петрович [18. С. 146].*

Исследуемые нами языки, таким образом, обнаруживают сравнительно единый инвентарь языковых средств, актуализирующих дескриптор «слабая интенсивность» в признаковой и процессуальной семантике, что свидетельствует об универсальном плане содержания явления аттенуативности в языковом сознании социумов. Наличие некоторых расхождений в плане выражения обусловливается лингвоспецифическим характером категории диминутивности.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 вып. Казань; Чебоксары, 1928-1950.
2. Балли Ш. Французская стилистика. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
4. Вопросы марийского языка: Грамматика и лексикология / МарНИИ им. В.М. Васильева. Йошкар-Ола, 1986. 206 с.
5. Гончаров И.А. Обломов [Электронный ресурс] // Проект «Собрание классики» Библиотеки Мошкова. 2011. URL: http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0020.shtml (дата обращения: 15.12.2011).
6. Грасс Г. Траектория краба [Электронный ресурс] // Книгосайт: сайт. URL: <http://knigosite.ru/library/read/8192> (дата обращения: 08.12.2011).
7. Ефремова Т.Ф. Новый энциклопедический словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000.
8. Материалы по грамматике современного чувашского языка: морфология / Чуваш. науч.-исслед. ин-т яз., лит., истории и экономики при Совете Министров ЧАССР. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. 361 с.
9. Мельчук И.А. Курс общей морфологии. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener slawistischer Alm, 1997. Т. 1. 416 с.
10. Проблемы функциональной грамматики: полевые структуры / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. 480 с.
11. Русско-чувашский словарь / под ред.: И.А. Андреева, Н.П. Петрова; НИИ при Совмине Чувашской АССР. М.: Сов. энциклопедия, 1971. 893 с.
12. Словарь марийского языка: в 10 т. / гл. ред. И.С. Галкин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990-2005.
13. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высш. шк., 1984. 374 с.
14. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М.: Высш. шк., 1990. 172 с.
15. Тургеев И.С. Ашшĕсемпе ывăлĕсем / Ф. Савиров куçарнă. Шупашкар: Чăваш АССР государство издательстви, 1949. 206 с.
16. Тургеев И.С. Накануне. Отцы и дети [Электронный ресурс] // Проект «Собрание классики» Библиотеки Мошкова. URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_0040.shtml (дата обращения: 14.12.2011).
17. Чавайн С.Г. Элнет. Йошкар-Ола: Книгам лукшо Марий изд-во, 1967. 327 с.
18. Чавайн С.Г. Элнет / пер. с мар. яз. В. Муравьев. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1988. 256 с.
19. Шейгал Е.И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 226 с.
20. Шолохов М.А. Лăпкă Дон. Иккĕмĕш кĕнĕке / А.В. Малов куçарнă. Шупашкар: Чăваш кĕнĕке издательстви, 1963. 415 с.
21. Шолохов М.А. Тихий Дон. Кн. вторая [Электронный ресурс] // Проект «Собрание классики» Библиотеки Мошкова. URL: <http://lib.ru/PROZA/SHOLOHOW/tihijdon12.txt> (дата обращения: 22.12.2011).
22. Duden K. Deutsches Universalwörterbuch / Hrsg. und bearb. vom wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 1816 S.
23. Gontscharov I.A. Oblomow [Электронный ресурс] // Meine Bibliothek: Internetseite. URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goncharov,+Ivan+Aleksandrovič/Roman/Oblomow> (дата обращения: 05.12.2011).
24. Grass G. Im Krebsgang. Göttingen: Steidl Verlag, 2002. S. 216.

КАНАШИНА НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mieze2007@yandex.ru).

KANASHINA NATALIYA NIKOLAEVNA – post-graduate student of Comparative Philology and Intercultural Communication, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'373.2

Г.Е. КОРНИЛОВ

**ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ (БАШКОРТОСТАН,
КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) –
XXVIII: А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ***

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Статья продолжает инвентаризацию и интерпретацию топонимов и апеллятивов с компонентами «айса», «айская», «айталан» в языках Поволжья.

G.Ye. KORNILOV

**ETNOTOPONIMICS OF THE VOLGA REGION REPUBLICS (THE BASHKIR, KOMI,
MARI, MORDVA, TATAR, UDMURT AND CHUVASH REPUBLICS) – XXVIII:
A-ANLAUT GEOGRAPHIC NAMES**

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The article continues the inventarization and interpretation of toponyms and appellatives with the «айса», «айская», «айталан» components in the languages of the Volga region.

0.0.2.5.2. **АЙСА** – выделяется нами из состава комонимов: *Сарайсино* (башк. *һарайһа*) – назв. башкирской деревни быв. Сарайсин. с-та Стерлибашев. р-на Башкортостана и *Карайсы* (башк. *Карайһа*) – назв. русской деревни быв. Нордов. с-та Мелеузов. р-на Башкортостана. Основанием для подобного членения является наличие генонима *айса*, так называется родовое подразделение рода *аҫыш* племени *бурзян / бөрйән* в селении *Къаръяу (Колман)* быв. Красногвардей. р-на Оренбург. области [8. С. 254, п. 64], ср. геноним *айсыуакъ* – название родового подразделения рода *мишәр (юрматы)* племени *юрматы (кыпсакъ)* в селении *Мерәҫ (Къыуайыр, Таңатар)* Новосергиев. р-на Оренбург. области [8. С. 258, п. 115].

Не исключено членение киргизского муж. имени *Айсакун* с выделением именной основы *Айса* в словаре Ш. Жапарова [17. С. 38]. М.Р. Федотов [20. С. 38] чувашское языч. имя *Айсан*, равное, по его мнению, марийскому муж. имени *Айсан / Айса+ -н*, вслед за С.Я. Черных [23. С. 46] считает образованным на базе *Айса*, восходящему к араб. жен. имени *Айша* «Живущая, живучая». Объяснение несколько сомнительно по причине наличия алтайского личного имени *Ай-Санā* [2. С. 72] и отсутствия интерпретации вариации *-са / -сан* (не приведена ни одна фонетико-морфологическая аналогия). У Х.Ч. Алишиной вскользь упомянуто имя «*Айса йак* (ч.д., Нтд.)» в числе названий «от татарского мужского личного имени» [1. С. 84] (в книге нет положенного списка условных сокращений. – Г.К.).

В казанском, мамадышском и кряшенском, а также в минзелинском (Татарстан, Башкортостан) и нагайбакском (Челябин. обл.) говорах татарского языка словосочетание *алай булса* «так будет если», «в таком случае», «если (это) так» сокращено до *айса*, ср. *Айса китәм инде мин* [5. С. 28], не исключено прозвище человека *Айса* со стороны правильно (нормативно) говорящих на общетатарском стандарте.

Авторы «Словаря топонимов Башкирской АССР» [18. С. 165а] комоним *Сарайсино / һарайһа* выводят от «*һары* «желтый» и антропонима *Ғайса*», ссылаясь на предание, которое «гласит, что были два брата: *һары Ғайса* «Желтый Гайса» и *Кара Ғайса* ... «Черный Гайса», последним именем «названа расположенная по соседству д. *Карайһа* в Мелеуз. р-не». Любопытно, что в самостоятельной статье имя *Ғайса / Ғайса* заменено на *Айһа*, ср.

* Работа выполнена при финансовом содействии Министерства образования и науки РФ (грант ГО 2-1.6-123).

«*Карайса* (*Карайсы*) – д. в Мелеуз. р-не. От *Кара* «черный» и антропонима *Айса*. Другое назв. *Карпыш*» [18. С. 876].

Вариативность имени *Айса* < *Гайса* для башкирского и татарского языков вполне закономерна, помимо упомянутого выше башкирского генонима *айса*, известно название родового подразделения *Файса* / *гайса* рода *йомран табын* (*байһары*) племени *табын* (*бөрйән*) в нас. пункте *Котос* (*Котош*) Александр. р-на той же Оренбург. области [8. С. 253]. Ибн-Мирзакарим ал-Қарнаки возводит тат. (<араб.) муж. имя *Гайса* из араб. *Иса*, восходящего к соответствующему др.-евр. имени со значением «Милость Божья», имя сына библейской *Марйам* / *Мариам* [13. С. 80, 123]. Таким образом, выведение марийско-чувашского мужского имени личного *Айсан* из мужского же имени *Айса*, восходящего «к араб. женскому имени *Айша*...» (см. выше), декларированное С.Я. Черных и М.Р. Федотовым, следует считать ошибочным. Антропоним *Айсан* скорее всего следует членить *Ай-сан*, где *ай* «луна, месяц», «лунный, месячный» и т.д., распространенный компонент как женских имен, так и мужских имен, в значении: «счастье, счастливый час», «красивая, красавица» [13. С. 33], второй компонент *-сан* известен в антропонимах и комонимах типа *Ибисан* [11. С. 40], *Ихсан* [18. С. 188а], *Кармасан*, *Сармасан* [17. С. 906, 1346], *Хозесан*, *Хотсан* [15. С. 319, 536] (ср. оз. *Зайсан* в Казахстане, река *Баксан* в Кабардино-Балкарии и река *Баксан*, входящая в список 7 рек, бассейны которых образуют историческую область на юго-востоке Казахстана *Джеты-су* / *Жетысу* / *Семиречье*: *Аксу*, *Баксан-су*, *Биен-су*, *Каратал-су*, *Коксу*, *Лепса* (<**Лепсу*), *Сарканд-су*). Среди этих имен есть по происхождению иранские (*Хорасан*) и монгольские (*Чойбалсан*) [14. С. 456, 472]. Именам на *-сан* / *-шан* будет посвящена специальная статья.

Наше выделение *-айсино*: *Сар-* и возведение его к **Айса*- окончательно подтверждается наличием комонима *Айсино* – наименованием русской деревни быв. Булаев. с-та Темников. сельского р-на Республики Мордовия, на реке *Урей*; согласно И.К. Инжеватову, «по переписи 1678 года в деревне *Айсино* было 8 дворов». В «Списке нас. мест Пензен. губернии» 1869 года *Айсино* (*Асино*) – деревня казенная (татарская часть) и владельческая (русская часть) из 35 дворов Краснослободского уезда ... служилые татары на Темниковской засечной черте *Айсины* были основателями нас. пункта [7. С. 14а].

Вопреки приведенной выше интерпретации *Сарайса* / *һарайса* из **һары* *Файса* «Желтый Гайса», а *Карайса* из **Къара* *Файса* «Черный Гайса», где *Гайса* / *Файса* – антропоним [18. С. 165а], на основании устного предания, вполне допустимо видеть в *Сарайса* / *һарайса* основу *сарай* / *һарай* «сарай» плюс уменьшит. суффикс *-са* (<-ча) и переводить «Сарайчик», ср.: *Карамунса* < *Кара мунча* «Черная баня» – назв. д. в Чекамагуш. р-не (в справочниках не значится) [18. С. 35а]; *Кыйыкса* «Кривенькое» от *кыйыш* / *кыйык* «кривое» – назв. оз. вблизи рп. *Чишмы* Чишмин. р-на [18. С. 986]; *Талса* – уменьшит. от *тал* «ива, тал» или от **Тал-су* «Тальниковая речка» – назв. левого притока р. *Кундряк* в Стерлибаш. р-не [18. С. 1376]; *Узунса-тау* «Продолговатая гора», на базе *узун* «длинная, долгая» и *тау* «гора» – назв. горы в Альшеев. р-не [18. С. 115а]. В свою очередь – *Карайса* можно считать уменьшительной формой «Карайчик» от антропонима *Карай*, ср. *Карай* / *Кареево* – назв. башкирской деревни в быв. Абдулов. с-те (здесь живут и татары) Куюргазин. р-на (1961 г., позже – Кумертаус. р-на); или в Чувашии: *Кареево* (*Вурманкасы*) – с. чуваш. *Карай* (*Чиркүллә Карай*) – быв. Караев. с-та Красноармей. р-на, ср. также: *Кареево* – с., р., 1549, *Никольское*, Казан. у., Столбищен. в., 22; *Карай* – д., ч.-р., 792, *Царевококшай*. у., Сотнур. в., 161 [15. С. 134].

Хотя современные башкирские и татарские словари и не фиксируют нарицательное слово *карай*, о его былом присутствии в соответствующих говорах свиде-

тельствует устойчивое бытование в родственных тюркских языках, ср. киргизское *карай* I южн. то же, что *кара* «черный; вороной; брюнет» (возможно, от вокатива *кара+(а)й*. – Г.К.), а также интерпретацию соответствующих собственных имен, ср. у Ибн-Мирзакарим ал-Карнаки муж. личн. имя *Карай* – тат[арское], т[юркского происхождения], означает «стань сильным, мощным» [13. С. 134].

0.0.2.5.3. **АЙСИНО** – рус. д. быв. Булаев. с-та Темников. сельского р-на Республики Мордовия на р. Урей. См. выше № 0.0.2.5.2. ***АЙСА**.

0.0.2.5.4. **АЙСКАЯ/ЭЙ** – башкир. д. быв. Ибраев. с-та Кигин. р-на. Тезка муж. рода – русский *поселок Айский* быв. Сикийз. с-та Дуван. р-на Республики Башкортостан. Авторы «Словаря топонимов БАССР» указывают еще как образованные от потамонима *Ай / Эй* (левый приток р. *Уфы / Караидели* – правого притока р. *Белой / Агидели*, впадающей слева в р. *Каму*): «*Айлино* – бывш. д. (с-т, р-н не указаны. – Г.К.), *Айский (Ваняшкино)* – д. в бывш. Златоуст. уезде; *Айдыкуль (Айлекуль)* – оз. в Шадрин. уезде (Н.К. Чупин, 1873-1888); *Эйкэй ташы* – г. в Мелеуз. р-не, д. *Кашалы*», ср. назв. русско-татарского поселка *Ай / Эй* в быв. Алегаз. с-те Мечетлин. р-на; назв. рус. д. *Айбашево / Айбаш / Берёзовка* быв. Старобазан. с-та Бир. р-на [18. С. 1766, 196].

Ф.Г. Хисамитдинова установила, что первая фиксация названия д. *Айская* Айской волости Бугульмин. уезда относится к 1664 г. [22. С. 138, № 109], но в ее «Материалах для историко-этимологического словаря башкирских ойконимов» этот комоним не упоминается [22. С. 222].

Нашу этимологию потамонима *Ай / Эй* см. под № 0.0.2.0.6. **АЙ** [10. С. 438-448].

Существует параллельное башкирскому лимнониму (см. выше) *Айдыкуль / Айлекуль* «Айское озеро» ойротское / алтайское название *Айдынг-Кёли / Айское озеро* на левом берегу р. *Катунь*, также образованное на базе потамонима *Ай / Ая*, названия притоков р. *Катунь* (Алтай. р-н Алтай. края и Горно-Алтай. Республика) [12. С.118-119]. Цитируется у Ф.Г. Гариповой [3. С. 260].

0.0.2.5.5. **АЙТАЛАН** – татарская д. быв. Больше-Шурняк. с-та Елабуж. (Алабуга) р-на Татарстана. Ни в одной из известных нам публикаций по топонимии Поволжья ни упоминания, ни, тем более, попыток интерпретации обнаружить не удалось.

Формально возможны членения: *Ай-талан* и *Айт-алан*. Рассмотрим их по порядку.

В первом случае *Ай-*: ~*талан* тот же первый компонент *ай* «луна, месяц; лунный; месячный», и т.д., в том числе – в переносных значениях: «светлый; луноподобный; луноликий»; распространенный компонент как женских, так и мужских имен, в смысле: «счастье, счастливый час», «красивая, красавица» [13. С. 33], что же касается -*талан*: *Ай-*~, то ср. в касимовском (Рязан. обл.), хвалынском (Ульян. обл.), мелекесском (Ульян. обл.) говорах татарского языка *талан* «счастье» [5. С. 395], то же что *баҫыт* в нагайбак. говоре (Челяб. обл.) [5. С. 63], *тәләй* в подберезинском (Нагорная сторона Татарстана) и чистопольском (Татарстан) говорах татарского языка [5. С. 437], взамен или в дополнение литературному стандартному арабизму *бәхет* «счастье, удача».

Слово отмечено В.И. Далем в *вят.*, *перм.*, *тамб.* говорах рус. языка в значениях «счастье, удача», «рок, судьба, участь», «барыш, прибыль», «находка», «нажива» с пометой *тюрк[ское]* [4. Т. 4. С. 718], откуда глагол *таланить* «быть счастьем, удачей», «счастливить, удаваться»; «угождать, норовить, потакать» [4. Т. 4. С. 717], прилагательные: *таланливый* «счастливый, удачный, кому везет», *таланный* «к талану относящийся» [4. Т. 4. С. 718]. Здесь любопытно значение «нажива», допускающее рассмотрение в границах тюркских форм и значений киргиз. *талан / талаан* «грабеж, разграбление», ср. *талаанга түшкөн мал* «награбленные – скот, имущество» [17. Т. 2. С. 196а]; туркмен. *та(а)лан(е)*

«грабеж, разбой; хищение», «добыча, полученная разбойничьим путем», ср. *ики гӧч – бир талан(е)* «две перекочевки = один грабеж» (соотв. нем. «два переезда – один пожар»); казах. *талан* «счастье», *талан-тараж* «грабеж», *таланды* «счастливый; награбленный», ср. *таланды мал* «награбленный скот»; турец. *talán* «ограбление, грабеж», древнее причастие на *-an/-en* от сохранившегося диалектного глагола *talamak* «грабить», М. Фасмер для рус *талан* указал значения «счастье, удача», «прибыль, находка» и добавил укр. *талан* «счастье», блр. *талан* – то же, объяснив как «заимств[ование] из тюрк[ских], ср. чагат., тур. *talán* «добыча», казах., саг. *talán* «счастье» [19. Т. IV. С. 14].

Производящий корень *тал(а)- / дал(а)-* «(рас)терзать, (ис)кусать; (изо)драть; (раз)грабить» и т.д. известен также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, где соответствующая форма *tala(a)-*, кроме стандартных тюркских, имеет еще значения «отнимать», «отбирать в казну», «конфисковать», что должно сближать в народном сознании понятия «добыча», «конфискат» (? «пóдать», «налог»). От закономерного чувашского соответствия *тула-* форма причастия **тулан* в именных значениях, подобных вышеприведенным тюркским, не регистрируется, см. [6. С. 256; 25. С. 458а; 21. Т. II. С. 244-245].

Х.Ч. Алишина дважды упоминает геноним *талангот* среди этнонимов на *-гот/- гут/- гыт*, в частности, «род *Талангот* (у бараб. татар ...)» [1. С. 188, 224], но компонент *талан* оставляет без интерпретации.

Таким образом, значения восточнославянских заимствований из тюрко-монгольских следует считать весьма сублимированными («счастье, удача; нажива» при исходных «награбленное», «у кого-то отнятое / изъятое»).

Сюжет можно завершить вопросами: *Айталан* «Лунное / Светлое/ Чистое счастье», или «Месяц счастья», или «Счастливый месяц», или «Удачное / Лунное ограбление»? Имеется ли нечто исторически общее у тюрк. *талан* с араб. *Талал* «везение, удача», или с персидско-арабским *Тале* «счастье» [13. С. 231]? Ср. чув. муж. языч. имя *Талей* [11. С. 80, № 7592].

В случае указанного в начале статьи членения *Айт-алан*, первую часть можно сравнивать с тюркскими соответствиями кирг. *Айт* в составе *Айтбай*, *Айтмат* (сокращение *Айтмухаммад*) и т.д., восходящими к араб. *Ид* «праздник» [13. С. 35, 116]. В.К. Магницкий указал как удмуртское муж. имя *Айт*, но приведенный рядом диминутив *Айтча* (оба имени приведены с опечаткой: *Аитъ*, *Аитча*) свидетельствует о татарском источнике [11. С. 25, № 194, 195], что подтверждается Х.Ч. Алишиной: «Из именника сибирских татар при сравнении с именами Магницкого выделяются небольшие группы АЕ, общие с удмуртским (вотяцким) ... *Айт*, *Бабыш*, *Багыш*, ...» [1. С. 235].

Впрочем, имеется возможность иной интерпретации *Айт-*: ~*алан*, а именно видеть в нем тюркский императив *айт-* «скажи», «молви», каковой, например, Н.И. Шувалов усматривает в комониме *Аджитарово / Атжатар* (ср. упоминаемый у Ф.Г. Хисамитдиновой антропоним *Адзитер Каранав* [22. С. 137, 220]), который возводит к словосочетанию *айт житер / айт етер* «скажи хватит», указывая, что «этим именем древние тюрки нарекали новорожденного, когда в семье дети или умирали один за другим, или появлялись одна за другой девочки» [24. С. 15].

В этом случае *Айт-алан* следует переводить «Скажи *алан*», имея в виду, что тат. *алан* «лесная поляна, прогалина в лесу», в башкирском литературном языке слово не употребительно, авторы «Словаря топонимов БАССР» считают его диалектным, производя назв. горы *Урталан* близ д. Кумалак в Янауле. р-не от *урта алан* «средняя поляна», указывая еще дримоним *Урталан урманы* «Урталанский лес» и *Урталан сабынлыҒы* «Урталанский покос / сенокос» [18. С. 1556]. Наиболее полную сводку межтюркских параллелей *алан /*

йалан / *жалан* и т.д. и попытку дать этимологию см. у Э.В. Севортыяна [16. С. 134, 135], также у М. Räsänen [25. С. 181], о *йалан(э)* в топонимии Горного Алтая у О.Т. Молчановой [12. С. 35, 251]. Большое число топонимов с *Алан-* и *-алан(ы)* у Ф.Г. Гариповой [3. С. 17, 32, 82, 90, 101, 106, 108, 114, 115, 136, 159, 194, 200, 202, 233, 252, 360]. Спорно сближение «этнонима *йалан* / *йылан*» с *елан* «онима *Еланская*» у Х.Ч. Алишиной [1. С. 134]. Несомненно от *алан* «поляна, прогалина» потамоним *Аланка*, речка, приток р. *Зай* в 8 км к югу от Нижнекамска, на которой д. *Клятле* / *Келәтле* [1. С.186].

Любопытно употребление компонента *Алан*, *Алан-*, *-Алан* в топонимии Ирана, ср.: *Аланкош*, *Муса-алан* (Иранский Азербайджан), *Кызыл-алан* (традиционное название развалин древнего *Вала Александра* в *Горгане*), *Хосей-налан* (в Иранском Курдистане), который восходит к этнониму, названию скифо-сарматских племен, переселившихся в I-II вв. н.э. в Северо-Западный Иран, а также – названию курдского племени, проживающему в Иране. Возможно, что этноним *алан(ы)* следует переводить «поляне» и сравнивать с названием *поляне* одного из восточнославянских племен в эпоху Киевской Руси.

(Продолжение следует)

Литература

1. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. Ч. 1. 240 с.
2. Галиуллина Г.Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 352 с.
3. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия: Вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии. Казань, 1998. 571 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. 4-е испр. и значительно дополн. изд. СПб.; М.: Изд-е т-ва М.О. Вольф, 1911. Т. 1-4.
5. Дialeктологический словарь татарского языка / сост. Н.Б. Борханова, Л.Т. Махмутова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова; под ред. Л.Т. Махмутовой. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969. 644 с. [Ин-т языка, лит-ры и истории им. Г. Ибрагимова АН СССР].
6. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка / НИИ при СМ ЧАССР. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 355 с.
7. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Названия населенных пунктов. 2-е изд., доп. и испр. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1987. 264 с.
8. Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа: Китап, 1994. 304 с.
9. Киргизско-русский словарь: в 2 кн. Кн. 1. А-К. 504 с. Кн. 2. Л-Я. 480 с. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
10. Корнилов Г.Е. Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XI: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 438-448.
11. Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань: Типография Императорского ун-та, 1905. 101 с.
12. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая / под ред. А.Т. Тыбыковой; Горно-Алтайский НИИ истории, языка и литературы. Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-е Алтай. кн. изд-ва, 1979. 398 с.
13. Мусульманские имена: словарь-справочник / сост. Ибн-Мирзакарим ал-Қарнақи. СПб.: ДИЛЯ, 2006. 448 с.
14. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 510 с.
15. Прямой и инверсионный словари комонимов Казанской губернии / сост. С.В. Колесникова, Г.Е. Корнилов, А.А. Леонтьева; под ред. Л.П. Куракова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 708 с.
16. Севортыян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
17. Словарь киргизских личных имен: практическое пособие / сост. Ш. Жапаров; отв. ред. У. Асаналиев. Фрунзе: Мектеп, 1979. 464 с.
18. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 3-е изд., стереотип. СПб.: Азбука; Терда, 1996. Т. I-IV.
20. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 148 с.

21. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. Т. I. А-Р. 470 с. Т. II. С-Я. 509 с. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1996.
22. Хисамитдинова Ф.Г. Башкирская ойконимия XVI-XIX вв. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 304 с.
23. Черных С.Я. Словарь марийских личных имен. Йошкар-Ола: МарГУ, 1995. 626 с.
24. Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина. Топонимический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. 160 с.
25. Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1.]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания, декан филологического факультета, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gennkorn@rambler.ru).

KORNILOV GENNADIY YEMEL'YANOVICH – doctor of philological sciences, professor, head of the General and Comparative-Historical Language departments, dean of the Philology Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81"1-027.21

О.Н. КУШНИР

ЭВОЛЮЦИЯ МАКРОКОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» КАК ФЕНОМЕН НЕДЕСТРУКТИВНОГО «РАСЩЕПЛЕНИЯ» КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Ключевые слова: концепт, макроконцепт, деструкция концептосферы, семантический этимон.

Инволюция как одна из тенденций русской концептосферы рубежа XX-XXI вв. проявляется в её деградации и деструкции. При этом результатом деструкции является деструктивное/недеструктивное «расщепление» концептосферы. На примере динамики макроконцепта «Власть» показан процесс деления макроконцептов/концептов на составные части вследствие конструктивного развития культуры и цивилизации.

O.N. KUSHNIR

EVOLUTION OF THE «POWER» MACROCONCEPT AS A PHENOMENON OF NONDESTRUCTIVE «SPLITTING» OF CONCEPT SPHERES

Key words: concept, macroconcept, sphere of concepts destruction, semantic etymon.

Involution as one of the tendencies of Russian spheres of concepts at the turn of the twenty-first century has manifested its degradation and destruction. However, the destruction result is destructive/nondestructive «splitting» of concepts spheres. The article shows the dynamics of the macroconcepts/concepts dividing process through the example of the «power» macroconcept.

Русскую концептосферу рубежа XX-XXI вв. характеризуют тенденции, обусловленные противонаправленными векторами – эволюцией как конструктивным усложнением (в соответствии с лат. этимологией *evolvere* [6. С. 383]) и инволюцией как упрощением, вырождением (в соответствии с лат. этимологией *involutio* ‘свёртывание’ [6. С. 555]). Эти противонаправленные тенденции проявляются, с одной стороны, в формировании новых концептов, отражающих как прогрессивное развитие русской культуры и цивилизации, так и деактуализацию устаревающих и/или устаревших концептов; с другой стороны, в регрессивном «размывании» и «расщеплении» как отдельных «старых», устоявшихся в культуре концептов, так и концептосферы в целом (см. об этом подробно: [12]).

Явления прогрессивного и регрессивного развития концептосферы с лингвистической точки зрения сходны, но лингвокультурологически принципиально различаются, так как инволюционные явления вызывают *деградацию и деструкцию* концептосферы, следовательно – очевидным образом связаны с национальными интересами России.

Концептообразующее понятие «деструкция» основывается на семантическом этимоне сущ. *деструкция* / прил. *деструктивный* – из лат. глагола

destruere 'ломать, разрушать; разорять, уничтожать' < *de...* 'из; от; с' + *struere* 'класть друг на друга, накладывать рядами (слоями); раскладывать, расставлять; строить, выстраивать' [6. С. 287, 958], т.е. букв. *деструкция* – «разрушение, разламывание» *структуры* (чего-л.) как «взаиморасположения и связи составных частей» (из лат. *structura* 'строение, сооружение; расположение, порядок' [6. С. 958]). В рамках лингвоконцептологии «деструкция» результирует в метафорическое видовое понятие «расщепление» концептосферы.

«Расщепление» концептосферы – метафора, фиксирующая интенционально антагонистические процессы – конструктивные и деструктивные. Явление недеструктивного для концептосферы как упорядоченного целого «расщепления» есть разделение концептов или макроконцептов / концептов на составные части вследствие конструктивного развития культуры и цивилизации.

Рассмотрим данное явление на примере эволюции макроконцепта «Власть».

Многоаспектный макроконцепт «Власть» во многом определяет и содержание, и структуру любой концептосферы, начиная с «Политики»: это «Наука», «Право», «Образование» и т.д., вплоть до концептосферы «Частная жизнь». Феномен власти находится в состоянии постоянного «расщепления», обретает все новые и новые облики.

Несмотря на это (и вследствие этого), макроконцепт «Власть» в русском языковом сознании остается в высшей степени диффузным, размытым – в силу крайней лингвокультурной абстрактности содержания, обусловливающей неопределенно обширный объем, стремящийся к «дурной бесконечности» как в сигнификативной, так и (особенно) в денотативно-референциальной части (*кто-что над кем-чем властвует*), ср., например, у В.И. Даля: [5. I. С. 213]; в современном юридическом слове [8. С. 32, 234].

Основная причина диффузности представлений о власти в том, что для русского обиходного сознания ее сущность на протяжении многих веков сводилась к двум очевидностям, не требующим последовательно-аналитического, критического размышления: 1) есть властные «верхи» общества (государства), и они в восприятии «низов» просто *есть* – как данность, о существовании (правомочиях, целесообразности и т.п.) которых нет смысла задумываться; 2) есть «власть обихода (в обиходе)» (*муж – жена, отец – сын, старший – младший, сильный – слабый* и т.п.), которая тоже просто *есть* – как данность, очевидная в силу традиции. Поскольку критика этих очевидностей каузирует конфликты (вплоть до разводов в семье и революций в стране), а социальная стабильность – одна из основных экзистенциальных ценностей большинства, то лучшая из возможных для обиходного сознания позиций – безоговорочно принять, что «нет власти не от Бога» (Рим 13: 1), в какой бы конкретной форме эта власть ни выражалась. Разумеется, в русском менталитете есть и то свойство, которое в Словаре А.И. Солженицына фиксировано лексемой *властонавидец* [18. С. 32], но это свойство скорее маргинальное, чем сущностное, актуализирующееся лишь в особых социально-исторических условиях.

Для русского научного сознания сущность «власти» в предшествующие последние десятилетия «доперестроечные» годы тоже сводилась к очевидности, а именно – очевидности «надобщественного» характера власти: 1) до 1917 г. – к представлениям о власти как сакральной силе, личностной в случае самодержавия, религиозно-философской у масонов, «народной воле» у республиканцев; 2) после 1917 г. – к представлениям о власти как партийно персонифицированной секулярной идеологии, коммунистической или иной. В обоих случаях семантическое ядро макроконцепта «Власть» оказывалось за пределами гуманитарного знания в его целостности, коренья либо в религии и философии, либо в идеологии.

Появление в последние годы понятия «кратология» как интегральной «науки о власти» [27]), актуализация префиксоида *крато-* и суффиксоида *-кратия* (из гр. *kratos* 'сила, власть' [3. Стлб. 729]) в наборе терминологических дериватов и терминологических словосочетаний с лексемами на *крато-* и *-кратия* привела к формированию морфосемантической и лексико-синтаксической группировок, составляющие которых выступают как репрезентанты той части ядра макроконцепта «Власть», которые связаны с научным гуманитарным знанием в его целостности.

В гуманитаристике и СМИ фиксируются следующие лексемы на *крато-*: инициальные (дескрипторные) *кратология* / *кратолог* (рус. кальки «властеведение» / «властевед»), далее *кратогнозия*, *кратография*, *кратодинамика*, *кратознание*, *кратомания*, *кратомафия*, *кратономия*, *кратософия*, *кратосфера*, *кратофагия*, *кратофилия*, *кратофобия*, *кратоцентризм* и др.

Разнообразные виды, сферы и проявления власти фиксируются в таких словосочетаниях с сущ. *кратология*, как *общая* / *прикладная* / *сравнительная* / *теоретическая* / *функциональная*... *кратология*, – наряду с ростом терминологических словосочетаний с опорной лексемой *власть*, фиксирующих различные аспекты ее исследования, ср.: *история* / *философия* / *социология* / *психология* / *педагогика* / *логика* / *этика* / *технология*... *власти*, в том числе метафорические *анатомия* / *антропология* / *физика* / *геометрия* / *алгебра* / *география*... *власти*. Специалисты по «властеведению» насчитывают свыше 150 именовании только «первых лиц», стоящих у власти, и «более семидесяти областей и отраслей знания», исследующих феномен власти [28]. Для лингвокультурологии это, безусловно, «знаковый» факт, побуждающий к по возможности отчетливому выделению ядерной части макроконцепта «Власть» и существа основных изменений в нем – с позиций прикладной динамической лингвоконцептологии.

С этой целью важно рассмотреть вопрос о лексемах, репрезентирующих семантическое ядро макроконцепта «Власть». Поскольку специально для обозначения различных типов власти используются суффиксоиды *-архия* / *-арх* (из гр. *archē* 'начало, основание > власть, господство > начальство, правительство' [3. Стлб. 202]) и *-кратия* / *-крат* (из гр. *kratos* 'сила, власть, могущество' [3. Стлб. 730]), обратимся к иницируемым этими суффиксоидами лексическим морфосемантическим группировкам и смежным с ними по смыслу лексемам, попытаемся установить, как соотносятся этот материал с современной ситуацией «пост-», фиксированной прежде всего лексемой *постсоветский*.

Предупредим рассмотрение конкретного материала общим выводом, к которому приводит его анализ: налицо **полиморфизм власти**¹ (в определенном смысле – *поликратия*, «одновременная власть многих субъектов» [28. С. 21]) как отражающий, с одной стороны, ситуацию до сих пор не завершившейся «*смуты в душах и умах*», с другой стороны – процессы становления *гражданского общества*, которое необходимо предполагает «множественность власти» [24. С. 225-226], – а следовательно, и к «институциональному полиморфизму человека» [31], обусловленному его участием во властных структурах различного типа, к формированию и развитию *homo institutus*. Как мы уже отметили, по оценке специалистов, *кратология* как наука о власти объединяет «более 70 областей и отраслей знания и наук» [27. С. 41], включает обширный массив понятий, охватывающий практически все стороны жизни человека и общества [28], и лингвоконцептологический анализ лексем, вербализующих основные понятия, связанные с феноменом власти, представляется весьма продуктивным.

¹ Термин *полиморфизм* используем здесь в соответствии с греческим этимологом: *polymorphos* (букв. «многоформный») в обобщенном значении «многообразие / многообразный».

Суммирование данных различных словарных изданий и «несловарных» источников в рамках общей методологии «лингвокультурологического синтеза» приводит к следующему.

С суффиксоидами -архия / -арх перечень оказывается весьма ограниченным: *анархия, демархия, диархия, епархия, ересиарх, иерархия / иерарх, критархия, монархия / монарх, олигархия / олигарх, патриархия / патриарх, тетрархия / тетрарх, экзарх*. В нем обращает особое внимание только сущ. *олигархия / олигарх* как активно используемые в различных типах современного русского дискурса.

Существительные *олигарх / олигархия* (из гр. *oligos* 'немногий, незначительный (по количеству)' [3. Стлб. 877], откуда *oligarchia* 'правление немногих' [3. Стлб. 877], например, богачей, военных и т.п.) в современном русском языке буквально за несколько лет обрели статус концептообразующих, вербализующих новую для России реальность власти – концепт «Олигархия». Так, в Толковом словаре русского языка *олигархия*, в соответствии с давней лексикографической традицией, трактуется в первом значении через историческую справку, т.е. как историзм («1. В древности и в средние века: государство, в котором у власти стоит аристократическая верхушка. *Венецианская о.* (14 века)») и лишь во втором значении как «Политическое и экономическое господство небольшой группы представителей крупного финансово-промышленного капитала, а также сама такая группа» [16. С. 452]. Аналогично в Новейшем большом толковом словаре русского языка, причем второе значение фиксируется с пометой «книжн.» [15. С. 712], и в Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов (без помет.) [26. С. 564]. В Толковом словаре русского языка начала XXI в. в качестве первого фиксировано реальное современное значение сущ. *олигарх* «представитель крупного монополизированного капитала», соответственно *олигархия* – «1. Политическое и экономическое господство наиболее влиятельных представителей крупного монополизированного капитала; олигархат (1 зн.). ... 2. Собир. Наиболее влиятельные представители крупного монополизированного капитала; олигархат (2 зн.)» [25. С. 679, 680]. К сожалению, в этом словаре *олигарх, олигархия, олигархат* фиксированы с пометой «публицистическое». Это, скорее всего, верно по отношению к сущ. *олигархат*, пейоративность которого представляется очевидной (ср.: «В современной России есть вещи, которые нельзя ни обойти, ни объехать, ни жить с ними дальше... Речь идет о российской системе отношений собственности, основанной на приватизации, и ее главной опоре – олигархате, стоящем одной ногой на том берегу Атлантики и в принципе презирающем и ненавидящем "эту страну"». Консерватор, 23.05.03» [25. С. 680]), но неверно по отношению к сущ. *олигарх / олигархия*, которые давно уже являются межстилевыми (о чем свидетельствуют СМИ, Интернет, обиходная речь), а в различных областях гуманитарного знания используются как общенаучные термины, фиксирующие реальности именно «сегодняшнего дня», ср., например, следующий фрагмент из современной Политической энциклопедии (статья «Олигархия»): «Несмотря на то, что олигархия – довольно распространенная болезнь всех государств, почти нигде она не является признанным добром и легальной формой правления. Исключением был именно период конца 1990-х гг. в России, когда олигархи, открыто деля власть, собственность и медиаресурсы, заявляли, что "власть – это наемный менеджер капитала" (*Б. Березовский*). ...один из главных предвыборных девизов первого президентского срока В. Путина: "равноудаление олигархов"» [2. С. 227]; или еще: «Однако, когда случился дефолт... Обвиняли олигархов, проклятый Запад, советское прошлое и "совковый менталитет" сограждан» [9. С. 53]; «Политическую олигархию следует отличать от аристократии и политической элиты. Наличие в государстве политической олигархии указывает на корпоративный характер данного общества и углубляющееся политическое отчуждение» [19. С. 139]; «Выбор формы правления сводится к установлению монархии, олигархии или демократии» [14. С. 252]; и т.п.

Определение *олигархии* в книге Ю.В. Кузовкова энергично акцентирует (во втором значении) те особенности современной российской олигархии, которые вызывают негативное отношение к ней у большинства населения России: «**Олигархия** – (в переводе с греческого «власть немногих») 1) политическое и экономическое господство небольшой группы представителей крупного финансово-промышленного капитала, а также сама такая группа; 2) класс, интересы которого противоречат интересам всего остального общества. **Олигархический режим** – режим, при котором вся политическая и экономическая власть принадлежит олигархии» [10. С. 989]. Ключевым в данном толковании является идентификатор «класс», из чего следует, что современное властное устройство России следует трактовать как *классовое* – в общеизвестном «марксистском» смысле этого слова.

Сущ. *монархия* выступает как инициальное (дескрипторное) в рамках макроконцепта «Монархия». Однако в рамках нашего времени и нашей страны как лексема *монархия*, так и одноименный макроконцепт либо выступают как явления, связанные с историческим прошлым, либо как метафорические квазисинонимы (новой) *автократии* и «Автократии» (см. далее), либо как лингвокультурные феномены, отражающие чаяния некоторой части общества на возрождение российской монархии в буквальном смысле слова, с *монархизмом* и *неомонархизмом*, либо как феномены, связанные с водевильной «новой аристократией».

С суффиксоидами *-кратия* / *-крат* список значительно пространнее (вероятно, не случайно, что родовое именование *кратология* как «учение о власти» основывается именно на морфемно-семантическом корневом этимоне *крат-* в функции префиксоида). Основные производные, с которыми связана динамика современной русской концептосферы²: *автократия*, *агиократия*, *аристократия*, *банкократия*, *бюрократия*, *видеократия*, *геронтократия*, *гинекократия* (и *феминократия*), *демократия*, *идеократия*, *изократия*, *информократия*, *клептократия*, *криптократия*, *маникратия*, *медиакратия*, *меритократия*, *милитократия*, *нациократия* (и *этнократия*), *охлократия*, *партократия*, *плутократия*, *теократия*, *тимократия*, *технократия*, *феминократия*, *элитократия*, *этакратия*.

Разумеется, не все указанные дериваты целесообразно трактовать как лексемы дескрипторного характера, служащие целям языкового опредмечивания именно лингвокультурных **концептов**. Некоторая их часть фиксирует лишь **концептуальные представления**, которые обладают основными свойствами концепта (семантические представления в сочетании с сенсорно-образными и типизированными ценностно-эмоциональными реакциями), но лишены онтологически обязательного для собственно концептов свойства архетипичности.

Кроме названных основных в различных типах дискурса используются, во-первых, очевидные архаизмы и историзмы, с которыми трудно соотнести какие-либо реалии современности (например, *адхократия*, *иерократия* (*жрецекратия*), *критократия*, *фаллократия*, *фидеократия*, *физиократия*, *этократия*); во-вторых, многочисленные потенциализмы, окказионализмы или просто малоупотребительные лексемы с суффиксоидом *-кратия*, фиксирующие многообразные частные проявления власти и мнения людей о власти: о государственных структурах и лицах и/или группах людей, их представляющих, об организации и партиях, странах и регионах и т.д. – обо всём, что связано с отношениями власти, ср.: *агентократия*, *агрократия*, *алкократия*, *амерократия*, *аэро-*

² Кроме перечисленных в числе основных, в русском языке есть иные терминологически устоявшиеся дериваты на *-кратия*, которые, в отличие от называемых далее, носят сугубо специальный характер и находятся на дальней периферии концептосферы русского языка, например: *теллурукратия* – континентальная держава, проводящая материковое расширение – колонизацию – пространств сухопутным путем; *талассократия* – морская держава, ведущая захват территорий водным путем [13], *геократия* – понятие, фиксирующее периоды в истории Земли, связанные со значительным расширением суши, *эфирократия*.

кратия, бабкократия (в разных смыслах: «власть денег», «власть бабок (старушек)», «власть баб (женщин)»), *бандократия, буддократия, буржуйекратия, верократия, гастрократия, демагократия, долларократия, дурократия и дуракократия, еврократия, жидократия, зоократия, инфолиократия, КГБ-кратия, кинократия* (как «власть собак» и как «власть кино»), *классократия, коммунократия, корпоратократия, кремлекратия, криминалократия, ксенократия, культурократия, ламакратия, логократия, москвократия, наукократия, наркократия, ноократия* (софократия как «аристократия мудрости»), *нормократия, панкратия* (пантократия), *питеркратия, поликратия, порнократия, психократия, развратократия, райтократия, регионократия, сексократия, СМИ-кратия, смыслократия, советократия, социократия, тандемократия, театрокрания, технодемократия* (и *холотехнодемократия* – как уточнения по отношению к *технократии*), *тёщекратия, тошнократия, турукратия, филократия, фобократия, франкократия, христократия, церквократия, шоукратия, экократия, экономократия, эксперткрания, энкратия, юнократия* (ювенократия), *юдократия, юрократия* и т.п. – вплоть до балаганно-оскорбительных *дерьмократия / дерьмократы, коммунакократия / коммунакраты* и тавтологичного *кратократия* («власть самой власти»), назначение которого представляется скорее игровым, чем несущим серьезную содержательность, ср.: «**Кратократия**... властовластие, повелительное и сдерживающее воздействие на людей, оказываемое уже самим фактом существования властей, потенциальной возможностью использования в их защиту или против них силы власти» [27. С. 113] (своеобразная «игра терминотворчеством» в научном дискурсе).

Перечисленные потенциализмы и окказионализмы, с одной стороны, представляют собой очевидный плод языковой игры в рамках экстравагантной «отвязной» иронической публицистики или «кухонного ёрничества» на политические темы в сети Интернет, а не сколько-нибудь серьезного анализа проблемы власти; однако, с другой стороны, фиксируют некоторые значимые для общества аспекты власти – как в узореференциальном (например, *тандемократия* – с очевидной отсылкой к высшей государственной власти в лице Д.А. Медведева и В.В. Путина), так и в денотативном (*церквократия*), сигнификативном (*экократия*) и/или коннотативном ключе (*развратократия, дуракократия*).

Практически каждый из названных дериватов с общим морфемно-словообразовательным значением «власть» может использоваться в целях психологического и/или политического манипулирования – собственно, это едва ли не основная причина, в силу которой они появляются.

Если рассматривать каждое из этих именовании отдельно, то нельзя не признать, что все виды власти, именуемые дериватами на *-кратия / -крат*, так или иначе наличествуют в современной реальности, что специфические властные функции у них есть – пусть далеко не всегда регламентированные законодательно. Чтобы адекватно воспринять семантику современных русских именовании этих видов власти, целесообразно обратиться к семантическим этимонам, соотнося их с современностью. Покажем это лишь на одном примере из довольно обширного перечня дериватов на *-кратия*.

Идеократия – из гр. *idea* 'видимость, внешний вид, наружность > образ, форма > общее свойство, понятие, представление > идеальное начало, первообраз' [3. Стлб. 621]. В совр. рус. префиксоид *идео-* используется в значении в значении «идея / идеология», т.е. *идеократия* – букв. «власть идеологии / идеологов». Это семантическое ядро лежит в основе профессиональной энциклопедической трактовки, ср.: «**Идеократия**... – государство с авторитарным режимом, где идеология нацелена на всеобщность своего влияния, на тотальную всеохватность умов и насильственное погашение всего особенного и нестандартного. ... Стремясь уничтожить саму возможность свободного ин-

теллектуального и нравственного выбора, идеократия видит свою задачу в том, чтобы формировать духовно одномерного человека, не сознающего своей одномерности и несвободы» [1. С. 335]. *Идеологизированными* (от *идеологизировать*: «подвергнуть – подвергать воздействию какой-л. идеологии; проникнуться – проникаться ею» [15. С. 374]) оказываются все сферы жизни: политика, право, искусство, системы ценностей, внерациональные духовные формы (мифы, символы), этика, педагогика, наука и т.д.

Идеократия из внешней по отношению к индивиду власти идеологии / идеологов, как свидетельствует опыт советской истории, для многих или даже для большинства населения трансформируется во внутреннюю (идеологическую) *убежденность*. Выбора «принимать или не принимать» государственную (коммунистическую) идеологию для большинства не было: конечно, «принимать» (пусть и с изрядной долей скепсиса), поскольку информация о чем-либо ином была практически недоступна. Последняя редакция Программы КПСС утверждала: «Советские коммунисты убеждены, что социализму принадлежит будущее» [17. С. 67]. Конечно, в этом были убеждены не только коммунисты, иначе не возник бы особый человеческий тип – *хомо советикус*³ как персонализация «социально-политического и идейного единства советского общества» [17. С. 8], как тип такого «я», «которое приемлет ценностные установки советского тоталитаризма как установки личностные» [31. Р. 145], которое является их органичным носителем на уровне индивидуального и коллективного бессознательного.

Нельзя не согласиться: «Хомо советикус – продукт советской коммуникационной системы, ее родное детище, выращенное на плодородной почве социальной мифологии. Дело Ленина–Сталина, коммунистическое будущее человечества, партия – ум, честь и совесть эпохи, враждебное окружение и шпиономания, – это были сильные мифы, идеологически обеспечивающие и культ личности Сталина, и сплоченность народа в годы предвоенных, военных и послевоенных испытаний» [23. С. 59].

Внутренняя *убежденность* – это уже не внешняя «власть (навязанных) идей», но личностная «смыслократия» – «самовластие» индивидуальных смыслов, конгруэнтных как обществоведческим понятиям, так и значениям межстилевых лексем, составляющих идеологическое ядро общественно-политического дискурса.

Существенно отметить, что в академических словарях русского языка советской эпохи лексема *убежденность* представлена как заголовочная, ср.: «**Убежденность**... Свойство убежденного; твердая уверенность в чем-либо. ... ♦ Внутренняя убежденность. *Гребнев говорил обычные вещи, но говорил это с большой внутренней убежденностью... И каждому сидящему в зале его слова были близкими, понятными.* Кудреватых, Широко. поступь» [22; 16. С. 31]; «**Убежденность**... Свойство по знач. прил. убежденный. Слова его звучали искренне. Так мог говорить человек, уверенный в своей правоте. Его убежденность производила впечатление. Гранин, Искатели» [21; 4. С. 443]. Сущ. *убежденность* занимает место в конце словообразовательной цепочки: *убедить* → *убежденный* (прич.-прил.) → *убежденность*, – в рамках который иницирующее звено (нулевая ступень цепочки) – глагол *убедить* в значении «заставить поверить чему-л., уверить в чем-л.» [21; 4. С. 443], а непосредственно мотивирующее по отношению к сущ. *убежденность* – страд. прич. (затем прилагательное) *убежденный*, внутренняя словообразовательная форма которого отсылает к представлению о **внешней** воздействующей силе, пробуждающей **внутреннюю убежденность**.

³ Одним из первых еще в начале 1980-х гг. о «человеке советском» подробно рассказал в своей книге А. Зиновьев [7].

В современных словарях академического типа сущ. *убежденность* в качестве заголовочного не представлено (см., в частности: [15. С. 1363; 26. С. 1013]. Этот лексикографический факт нельзя не признать показательным – особенно в сочетании с тем обстоятельством, что в сравнительно скромном по объему «Словаре по этике» советских времен понятие «убежденность» охарактеризовано достаточно подробно [20. С. 352-353], тогда как в современной фундаментальной профильной энциклопедии не представлено совсем [29], как нет в ней и отдельной статьи, трактующей «убеждение».

Вероятно, правы были (применительно к своему времени) авторы советского «Словаря по этике», утверждая: «Являясь одной из форм нравственного самосознания, убежденность представляет собой идейно-психологическую основу для развития в человеке определенных волевых качеств – мужества, стойкости, самообладания, выдержки, инициативности, верности избранным идеалам» [20. С. 352], – правы именно потому, что Советское государство было государством именно *идеократического* типа.

Вызывает не просто несогласие, но недоумение следующее утверждение в диссертационной работе, специально посвященной проблемам идеократической государственности: «В XX веке в России самодержавно-православная форма идеократии трансформировалась в псевдоидеократию коммунистического толка» [4. С. 3].

Во-первых, Россия до 1917 г. не была идеократическим государством хотя бы потому, что национальное самосознание держалось на «трех китах» – *Православие, самодержавие, народность* (иначе: *Бог, царь и Отечество*). Православие – это не идеология, это одна из форм религиозного сознания (ср. выше лексему *агиократия*, далее *теократия*). «Отечество» (Родина) – феномен иррациональный, как иррациональна, например, *ностальгия* русских эмигрантов по стране, добровольно покинутой в поисках лучшей доли, в условиях, когда эта «лучшая доля» в новом «отечестве» (уже, правда, с маленькой буквы и в кавычках) найдена. «Идеологичным» может быть признано самодержавие – но только десакрализированным секулярным сознанием, поскольку власть царя на протяжении последних столетий (начиная с Ивана IV Грозного) освящалась Церковью и царь воспринимался народом (в подавляющей массе верующим) прежде всего как помазанник Божий; функции политической и/или идеологической лидера были для самодержца вторичными.

Во-вторых, идеократический (никак не «псевдоидеократический») характер советской государственности следует уже из того, что именно Коммунистическая партия в Советском государстве была «руководящей и направляющей силой».

Моносубъект идеократической власти в советский период нашей истории – КПСС, в ряду основных коммуникативных средств реализации этой власти – *пропаганда и агитация*.

Однако с распадом СССР и уходом в историческое прошлое КПСС идеократия как одна из форм власти в нашей стране отнюдь не исчезла: из моносубъектной она трансформировалась в полисубъектную (полиморфизм власти, в том числе идеологической), обрела новое идеологическое содержание, пользуется новыми коммуникативными стратегиями. Единый субъект (центр) идеологической власти ныне явно не просматривается, но основное средство реализации этой власти хорошо известно всем под общим именованием *пиар* (который, разумеется, включает пропаганду и агитацию как свои составные части).

В этом отношении показательным названием диссертации Т.А. Кутеневой «Смысловая динамика идеологием советской эпохи (от *идеологии, пропаганды и агитации* до *пиара*)» [11], хотя следовало бы уточнить, что речь идет о «динамике идеологием» в период *перехода* от советской эпохи – к постсоветской. Во-первых, *пропаганда и агитация* – факторы идеологического **воздействия** мо-

носубъекта политической власти, в советский период открыто декларирувавшиеся именно как таковые; *пропаганда* и *агитация* ныне декларируются как факторы коммуникативного (в том числе идеологического) **взаимодействия** различных субъектов власти; во-вторых *пиар* – объективно существующее явление, актуальное понятие, а по существу – новый для нашей страны макроконцепт.

Как видим, обращение к семантическим этимонам в их соотношении с современностью действительно позволяет адекватно воспринять семантику современных русских именовании видов власти. В целом же эволюция макроконцепта «Власть» убеждает нас в его диффузности, крайней размытости, продиктованной тенденцией русской концептосферы на рубеже XX-XXI вв. к «расщеплению», в данной случае – неструктивной, разделяющей макроконцепт «Власть» на многочисленные составляющие.

Литература

1. Бачинин В.А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 1081 с.
2. Большая актуальная политическая энциклопедия: Настольная книга современного политика: 1000 актуальных понятий современной политической жизни / ред.-сост. А.В. Беляков, О.А. Матвейчев. М.: Эксмо, 2009. 424 с.
3. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь: репринт V изд. 1899 г. М., 1991. 1370 стлб.
4. Горшколепов А.А. Идеократическая государственность: Политико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: репринтное издание: в 4 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. 700 с.
6. Дворецкий И.Х. Латино-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
7. Зиновьев А. Мой дом – моя чужбина. Гомо советикус. М.: Приложение к журналу «Лепта», 1991. 320 с.
8. Конституционное право России: энциклопедический словарь / под общ. ред. В.И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002. 432 с.
9. Кузнецов В.Н. Геокультурная энциклопедия – 2009: Культура развития через культуру безопасности. М.: Книга и бизнес, 2009. 698 с.
10. Кузовков Ю.В. История коррупции в России. М.: Анима-Пресс, 2010. 1000 с.
11. Кутенева Т.А. Смысловая динамика идеологием советской эпохи (от *идеологии*, *пропаганды* и *агитации* до *пиара*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
12. Кушнир О.Н. О тенденциях эволюции русской концептосферы // Перспективные разработки науки и техники – 2011: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., 7-15 нояб. 2011 г. Przemysl: Sp. z o.o. «Nauka I studia», 2011.
13. Лебедев С.А. Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. 320 с.
14. Макаренко В.П. Политическая концептология: обзор повестки дня. М.: Практис, 2005. 368 с.
15. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норит; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1536 с.
16. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998. 942 с.
17. Программа Коммунистической партии Советского Союза: новая редакция; принята XXVII съездом КПСС. М.: Политиздат, 1986. 352 с.
18. Русский словарь языкового расширения / сост. А.И. Солженицын. М.: Наука, 1990. 280 с.
19. Словарь по политологии / отв. ред. В.Н. Коновалов. Ростов н/Д.: Ростовский гос. ун-т, 2001. 285 с.
20. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. М.: Политиздат, 1981. 430 с.
21. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; гл. ред. А.П. Евгеньев. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1981-1984. Т. 4. 789 с.
22. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965.
23. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 461 с.
24. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. 6-е изд. М.: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2008. 1088 с.
25. Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / под ред. Г.Е. Складневской. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.
26. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.
27. Халипов В.Ф., Халипова Е.В. Власть. Политика. Государственная служба: словарь. М.: Луч, 1996. 271 с.

28. Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти. М.: Республика, 1999. 213 с.
29. Этика: Энциклопедический словарь / под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гарда-
рики, 2001. 671 с.
30. Volkov V. Pragmastylistika textu. Kosice: Univerzita P.J. Safarika, 1991. 208 p.

КУШНИР ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, профессор кафедры документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики, Коми республиканская академия государственной службы и управления, Россия, Сыктывкар (info17275@mail.ru).

KUSHNIR OLGA NIKOLAYEVNA – candidate of philological sciences, professor of Docu-
mentation, Archival Science and Applied Linguistics, Komi Republican Academy of State Ser-
vice and Administration, Russia, Syktyvkar.

УДК 519.237

В.П. МАНЕРКИН, В.П. ЖЕЛТОВ, В.В. БОТАЛОВ, В.В. ЧЕХОВСКИЙ

МЕТОДИКА СРАВНЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ТЕКСТОВ ОТВЕТОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОГРАММНОЙ СИСТЕМЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

Ключевые слова: семантические модели, тексты ответов, компьютерное тестирование, сравнение моделей.

Предложена методика сравнения семантических моделей текстов ответов обучающихся в программной системе компьютерного тестирования. Методика реализована в виде программных модулей (ПМ), дополняющих систему машинного перевода – Автоматизированный обработчик текстов (АОТ) НПО «ДИАЛИНГ» [1, 2]. Усовершенствованная ПС АОТ проверена путем введения ее в состав ПС компьютерного тестирования обучающихся. Разработанные ПМ позволяют вывести на монитор ПЭВМ автономные семантические графы ответов обучающихся и опорных ответов, подготовленных преподавателем, а также совмещенные семантические графы. При построении совмещенных семантических графов тремя цветами (или тремя типами линий) выделены совпадения и различия вершин и ребер. Анализ совпадений и различий в семантических графах ответов обучающихся и опорных ответов позволяет оценить качество выполнения тестовых заданий.

V.P. MANERKIN, P.V. ZHELTOV, V.V. BOTALOV, V.V. CHEHOVSKIY
METHOD OF COMPARING SEMANTIC MODELS OF STUDENTS' TEXT RESPONSES
IN A COMPUTER TESTING SOFTWARE SYSTEM

Key words: semantic models, text answers, computer testing, comparison of models.

A method for comparing the semantic models of the text of students responses in a computer testing software system. The method is implemented as software modules (PM) supplementing the machine translation system – Automated handler code (AOT), NGO «DIALING» [1, 2]. Enhanced PS AOT was tested by introducing it into the PC computer-based testing of students. A developed PM can bring autonomous and combined semantic graphs of student responses and support responses prepared by the instructors to a PC monitor. When building combined semantic graph in three colors (or with three types of lines) are identified by the similarities and differences of their vertices and edges. Quality of test items are evaluated through analysis of the similarities and differences in semantic graphs of student responses and support responses.

Усовершенствованная ПС АОТ дополнена новыми элементами и программными модулями, которые обеспечивают ей необходимую функциональность для применения в составе средств компьютерного тестирования. В частности, дополнительно разработаны словари терминов, понятий, синонимов и правил связывания структурных единиц текста предметной области, организован одновременный ввод двух сравниваемых текстов (опорного варианта ответа на контрольный вопрос, подготовленного преподавателем, и фактического ответа обучающегося), модуль построения и отображения моделей сравниваемых текстов в виде семантических графов, модуль сравнения семантических моделей, модуль расчета их информационных показателей и база данных для хранения и последующего использования опорных и фактических ответов.

Семантический граф опорного ответа на контрольный вопрос составляется преподавателем. Вершины графа соответствуют терминам предметной области и

словам общеупотребительной лексики. Связи между вершинами характеризуют типы семантических отношений, выделенные в анализируемом тексте по правилам РОСС и правилам, дополнительно разработанным в ПС АОТ. Дидактическая задача заключается в сравнении семантических моделей фактического ответа обучающегося и опорного варианта для выявления их схожести по смыслу.

Построение автономных семантических графов. Рассмотрим процесс построения автономных семантических графов опорного ответа и фактического ответа обучающегося на примере одного тестового задания. Контрольный вопрос сформулирован следующим образом: «Что включает в себя предмет военного искусства?». Опорный ответ может быть дан двумя способами. Первый способ – на основе дедуктивного подхода: «Предмет военного искусства включает закономерности, характер, принципы, формы и способы подготовки и ведения военных действий во всех масштабах и во всех сферах» (рис. 1).

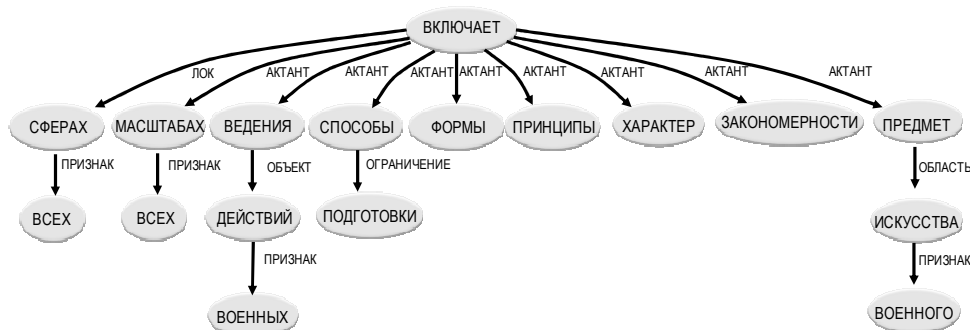

Рис. 1. Семантический граф опорного ответа, составленного преподавателем на основе дедуктивного подхода

Второй способ – на основе индуктивного подхода: «Закономерности, характер, принципы, формы и способы подготовки и ведения военных действий во всех масштабах и во всех сферах являются частью предмета военного искусства» (рис. 2).

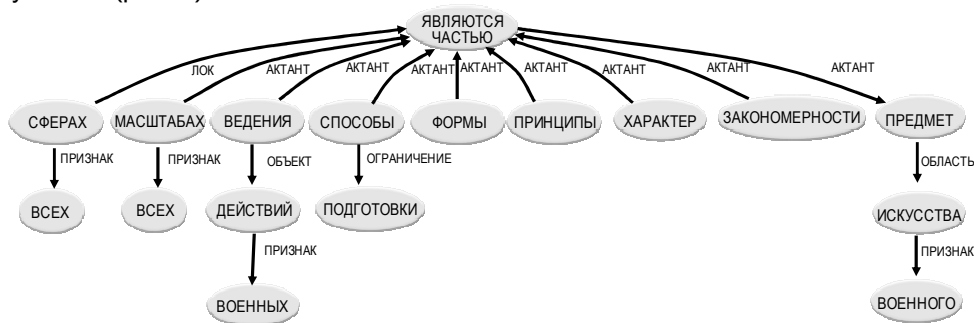

Рис. 2. Семантический граф опорного ответа, составленного преподавателем на основе индуктивного подхода

С формальной точки зрения эти два ответа не строго равнозначны, но при определенных дидактических условиях, с учетом допущений их можно считать эквивалентными по смыслу. Такая эквивалентность допустима на начальном этапе изучения дисциплины, когда обучающийся слабо владеет терминологией и не в полной мере представляет взаимосвязи между дидактическими единицами. В последующем это допущение может быть снято.

зовать строго формальные модели опорного и фактических ответов, то правильный по смыслу ответ будет классифицирован как неправильный. Следовательно, вывод о необходимости доработки ПС АОТ правомерен. Для устранения ошибок оценивания в усовершенствованной программной системе АОТ предусмотрено сопоставление с каждой вершиной и связью графа списка возможных синонимов. Тогда совмещенный граф, показанный на рис. 3, может вполне быть оцененным положительно на основании совмещения согласно рис. 5.

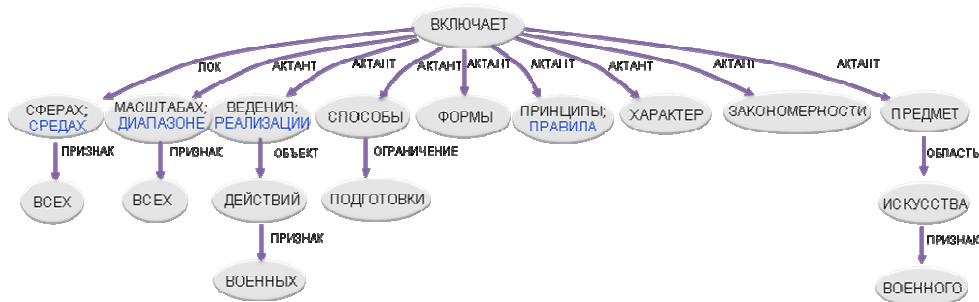

Рис. 5. Совмещенный семантический граф опорного ответа и фактического ответа обучающегося с учетом синонимов

Выявленные в ходе автоматизированной обработки текста эквивалентные части предложений также могут быть засчитаны как правильные без перестроения графов.

Таким образом, разработка новых программных модулей и дополнение ими ПС АОТ позволило повысить «дружественность» средств тестирования по отношению к обучающимся, по крайней мере, на начальном этапе изучения того или иного модуля. Целесообразность такого подхода иллюстрирована рис. 1-5, на которых изображены автономные и совмещенные семантические графы, которые представляют собой формальные модели ответов и используются для выставления оценок.

Литература

1. Леонтьева Н.Н. Русский общесемантический словарь (РОСС): структура, наполнение // НТИ. Сер. 2. 1997. № 12. С. 5-20.
2. Сокирко А.В. Семантические словари в автоматической обработке текста (по материалам системы ДИАЛИНГ): дис. ... канд. техн. наук. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aot.ru/docs/sokirko/sokirko-candid-8.html>.

МАНЕРКИН ВИКТОР ПАВЛОВИЧ – доктор военных наук, профессор, Военная академия воздушно-космической обороны, Россия, Тверь (mvptver@gmail.com).

MANERKIN VIKTOR PAVLOVICH – doctor of military sciences, professor, Military Academy of Aerospace Defense, Russia, Tver.

ЖЕЛТОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРИАНОВИЧ – кандидат технических наук, доцент кафедры компьютерных технологий, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tchouvachie@narod.ru).

ZHELTOV PAVEL VALERIANOVICH – candidate of technical sciences, assistant professor of Computer Technology, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

БОТАЛОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ – аспирант, Военная академия воздушно-космической обороны, Россия, Тверь (spectrius@rambler.ru).

BOTALOV VLADIMIR VALERYEVICH – post-graduate student, Military Academy of Aerospace Defense, Russia, Tver.

ЧЕХОВСКИЙ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант, Военная академия воздушно-космической обороны, Россия, Тверь (Zex_83@mail.ru).

CHENOVSKIY VIKTOR VLADIMIROVICH – post-graduate student, Military Academy of Aerospace Defense, Russia, Tver.

УДК 519.237

В.П. МАНЕРКИН, П.В. ЖЕЛТОВ, В.В. БОТАЛОВ, В.В. ЧЕХОВСКИЙ

**ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ТЕКСТОВ И РАСШИРЕНИЕ ВАРИАТИВНОСТИ
ЛОГИКИ ПОСТРОЕНИЯ ОТВЕТОВ ОБУЧАЮЩИХСЯ
В СИСТЕМЕ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ**

Ключевые слова: автоматизированная обработка текста, программная система тестирования, образовательный процесс.

Предложен усовершенствованный метод формализации текстов, представленных на естественном языке, для применения в системе компьютерного тестирования. В качестве прототипа рассмотрен научно-методический аппарат, реализованный в программной системе машинного перевода – Автоматизированный обработчик текстов (АОТ) НПО «ДИАЛИНГ». В отличие от прототипа, усовершенствованный метод позволяет расширить функциональные возможности программной системы в направлениях обработки синонимов, учета важности учебного материала и вариативности логики построения ответа обучающимися, а также сравнения формальных моделей текстов.

**V.P. MANERKIN, P.V. ZHELTOV, V.V. BOTALOV, V.V. CHEHOVSKIY
FORMAL MODELS OF TEXT AND LOGIC OF CONSTRUCTION EXPANSION OF VARIABILITY
IN THE RESPONSES OF STUDENTS IN COMPUTER TESTING**

Key words: automated text processing, program testing system, the educational process.

An improved method for the formalization of texts presented in a natural language for use in a computer-based testing system. Considered as the prototype of scientific and methodological apparatus that is implemented in a software system of machine translation – Automated handler code (AOT), NGO «DIALING». Unlike the prototype, the improved method can extend the functionality of a software system in the direction of handling synonyms, taking into account the importance of teaching material and variations in the logic of student responses learners, as well as comparing the texts of formal models.

Одним из наиболее распространенных и важных компонентов системы менеджмента качества подготовки обучающихся в вузе являются программные средства компьютерного тестирования. От их возможностей зависят полнота и достоверность оценки качества подготовки обучающихся. Причем полнота оценки заключается в фактическом перекрытии всей совокупности требований к качеству, а достоверность – в исключении или, по крайней мере, в снижении количества неправильно оцененных ответов обучающихся.

В настоящее время в действующей вузовской системе подготовки кадров требования к качеству обучения сопоставляются с тремя известными уровнями обученности – двумя репродуктивными (PI и PII) и одним продуктивным (П). Как показывает опыт педагогической деятельности и результаты научных исследований, компьютерное тестирование перекрывает только репродуктивные уровни обученности. Этого было недостаточно в прежней системе подготовки, когда тесты не были обязательны в принципе, и тем более недостаточно сейчас – при переходе к модульно-рейтинговому обучению, когда тесты становятся обязательным компонентом управления качеством образовательного процесса вуза. Тем более, что требования к качеству подготовки специалистов смещаются в область репродуктивного второго и продуктивного уровней. В связи с этим **актуальной является задача разработки метода и на его основе средств компьютерного тестирования для надежного оценивания уровня PII, а также предварительной диагностики продуктивного уровня.**

Для решения поставленной задачи проведен информационно-патентный поиск [1-6], который позволил определить прототип требуемой программной системы – разработку фирмы «Диалинг», имеющую название «Автоматизированный обработчик текстов» (АОТ) [5]. Прототип предназначен для построения семантической модели русскоязычного текста и его перевода на один из

иностранных языков. Модель текста создается во внутреннем представлении программы, а конечному пользователю выдается результат перевода текста в привычном для него формате.

Авторами данной публикации проведено совершенствование прототипа для его применения в интересах компьютерного тестирования обучающихся.

Построение формальных моделей текстов известным методом. Рассмотрим формальные модели, полученные в результате работы эксперта неавтоматизированным методом и с привлечением программной системы АОТ.

В качестве примера текста взято определение понятия «Соединение противовоздушной обороны»: «Соединение ПВО – тактическое соединение ВВС, выполняющее задачи в составе объединения ВКО, объединений ПВО. Соединение ПВО включает зенитные ракетные и радиотехнические полки, части и подразделения специальных войск, части и подразделения материально-технического обеспечения».

Эксперт, основываясь на знании правил русского языка и предметной области, основываясь на словаре РОСС [2], построил формальную модель текста в виде семантического графа, содержащую синонимы и возможные эквивалентные семантические отношения, показанную на рис. 1.

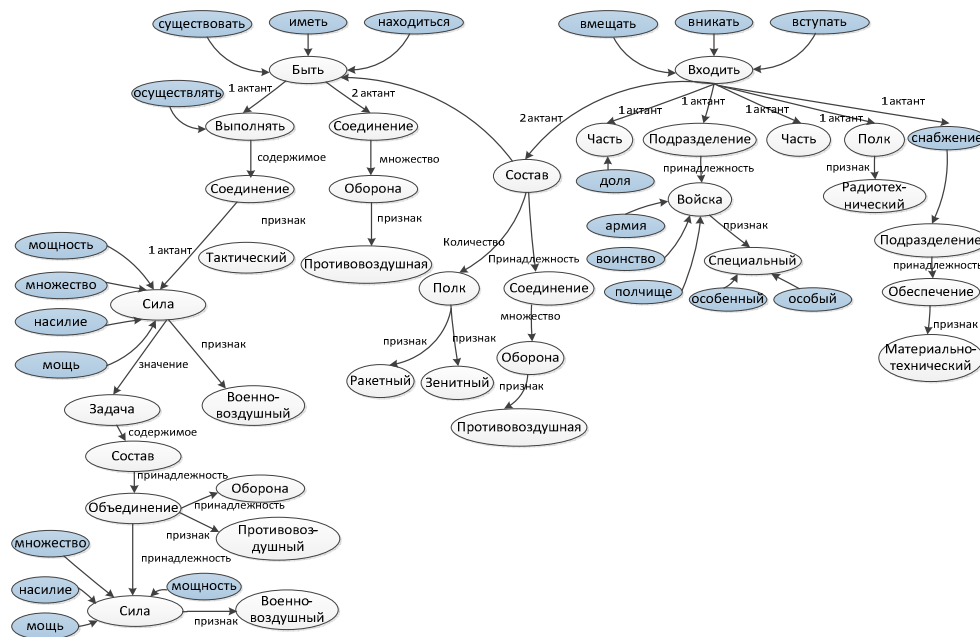

Рис. 1. Формальная модель текста, построенная экспертом по правилам РОСС

Применение программной системы АОТ позволило получить модель, показанную на рис. 2, из которого следует, что программной системе не удалось построить связанный граф текста. Это объясняется отсутствием в ее составе словаря предметной области «Тактика противовоздушной обороны» и недостаточностью базы правил связывания фрагментов текста.

Проведенный регрессионный анализ значений показателя «Количество семантически связанных вершин графа» на множестве текстов ($N = 50$) подтверждает, что корреляция между экспертной моделью и моделью АОТ приблизительно составляет 36%, что явно не соответствует требованиям (рис. 3).

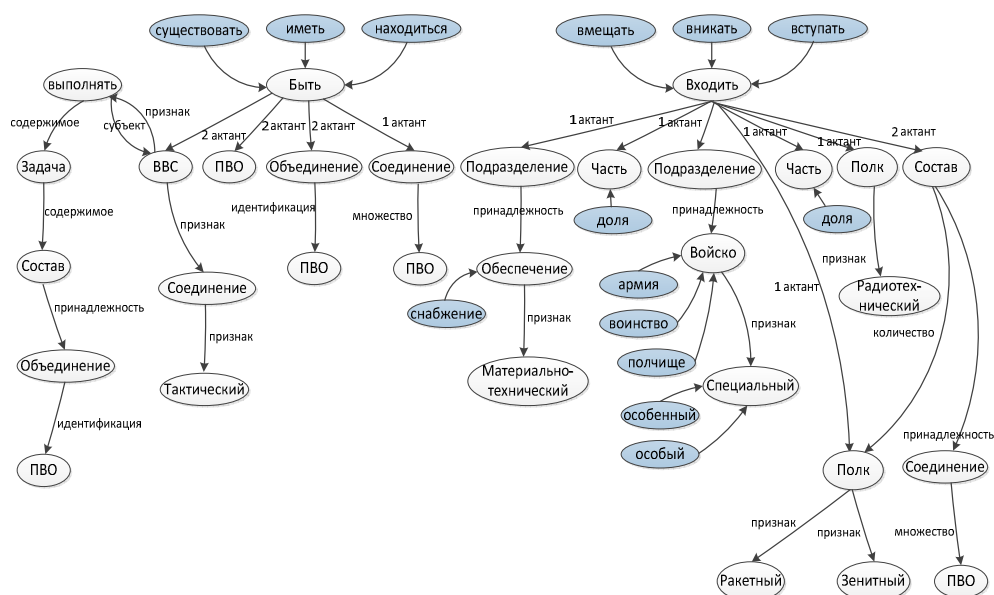

Рис. 4. Формальная модель текста, построенная программной системой на основе усовершенствованного метода

В сравнении с экспертной моделью полученная модель достаточно корректно воспроизвела семантические отношения, что подтверждается приведенной ниже корреляционной зависимостью (рис. 5) на указанном ранее множестве текстов ($N = 50$).

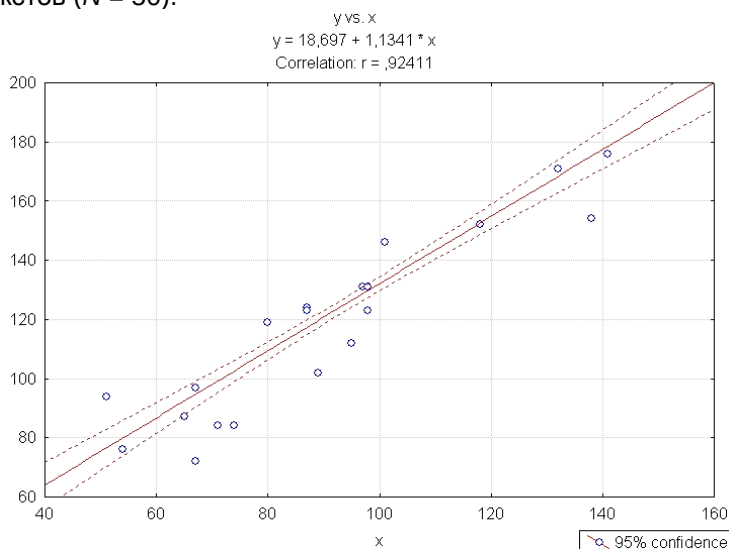

Рис. 5. Корреляционная зависимость между моделями эксперта и усовершенствованного АОТ по показателю «Количество семантически связанных вершин графа»

Таким образом, актуальная задача разработки средств компьютерного тестирования для надежного оценивания уровня ПИ и предварительной диаг-

ностики продуктивного уровня решена авторами в ходе исследования и совершенствования научно-методического аппарата (НМА), реализованного в АОТ.

Совершенствование НМА АОТ расширяет функциональные возможности программной системы АОТ, обеспечивающие ее применение в образовательном процессе вуза. Полученные научно-практические результаты подтверждают целесообразность дальнейшего развития методик сравнения формальных моделей текстов, обработки синонимов, учета важности учебного материала и вариативности логики построения ответа обучающимися.

Литература

1. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: словоизменение. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1980. 880 с.
2. *Леонтьева Н.Н.* Русский общесемантический словарь (РОСС): структура, наполнение // НТИ. Сер. 2. 1997. № 12. С. 5-20.
3. *Леонтьева Н.Н.* Система французско-русского автоматического перевода (ФРАП): лингвистические решения, состав, реализация // Сборник научных трудов / МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1986. Вып. 271.
4. *Ермаков А.Е., Плешко В.В.* Ассоциативная модель порождения текста в задаче классификации // Информационные технологии. 2000. № 12.
5. *Сокирко А.В.* Семантические словари в автоматической обработке текста (по материалам системы ДИАЛИНГ): дис. ... канд. техн. наук. М., 2001 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aot.ru/docs/sokirko/sokirko-candid-8.html>.

МАНЕРКИН ВИКТОР ПАВЛОВИЧ. См. с. 299.

ЖЕЛТОВ ПАВЕЛ ВАЛЕРИАНОВИЧ. См. с. 299.

БОТАЛОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ. См. с. 299.

ЧЕХОВСКИЙ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ. См. с. 299.

УДК 811.512.111'373

И.В. МУКИНА

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫХ СЛОВ В ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ НА ЧУВАШСКИЙ ЯЗЫК*

Ключевые слова: перевод Библии, лексико-семантический анализ, библейские термины: Господь Бог, Завет, святость.

Историко-культурный подход к исследованию переводов Библии на чувашский язык. Лингвистический анализ лингвоспецифичных слов, обоснование изложения переведенного на чувашский язык текста Библии с точки зрения культурно-исторического развития мировоззренческой культуры и языковой базы чувашей.

I.V. MUKINA

LEXICAL-SEMANTIC ANALYSIS OF PECULIAR WORDS IN TRANSLATIONS OF THE HOLY BIBLE INTO THE CHUVASH LANGUAGE

Key words: translation of the Holy Bible, lexical and semantic analysis, biblical terms: God, covenant, holiness.

A historic-cultural approach to researching Holy Bible translations into the Chuvash language. Linguistic analysis of peculiar words, justification for rendering the Holy Bible texts into the Chuvash language from the point of view of cultural-historic development of world outlook and the language basis of the Chuvash people.

В проблемном поле любого перевода, в том числе и религиозно-мировоззренческого текста, ключевым вопросом является изложение смысловых оттенков слов и выражений, наиболее близких к переводимому оригиналу. Интерпретация переводимого текста иногда обеспечивается введением нового слова или словосочетания, чья семантика наиболее точно отражает его контекстное содержание и структуру на новом языке, не нарушая исходного смысла. Кроме

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 11-14-21008 а/В).

того, анализ любого элемента культуры, а текст Библии, безусловно, является таковым, невозможен без семантической точки зрения на неё. В частности, без лексической семантики, обеспечивающей классификацию и анализ слов, служащих ядром семантической сети, находящейся в состоянии смысловой взаимосвязи своих элементов или лексических единиц, трудно осуществить лингвистический анализ соответствия переводимого и переведённого текста. Через выявление различий и общих черт в лексических семантических структурах между различными языками можно представить образ, отражающий значение целого предложения через отдельный лексический элемент, т.е. слово или словосочетание.

Для языка, носителя той или иной культуры, характерно наличие в нём лингвоспецифических слов, обусловленных существованием особых обычаев и общественных установлений, отражающих особенности системы ценностей, принятой в данной культуре. Это такие слова, которые, так же как и ключевые слова, выражают и передают образ жизни, характерный для рассматриваемой языковой общности, свидетельствуют об особенностях соответствующей культуры. Хотя релевантность семантики не ограничивается лексической семантикой, ни в какой другой области это не является столь ясным и очевидным. Поэтому мы в данной статье сосредоточимся на лексико-семантическом анализе лингвоспецифических слов в переводах Библии на чувашский язык.

Предмет исследования перевода Священного Писания на чувашский язык с историко-культурной точки зрения можно разделить на три хронологически развивающихся этапа. Первый из них оказался наиболее затруднённым в связи с отсутствием нормированного чувашского литературного языка. Тем не менее священники из чувашских приходов, не являющиеся носителями чувашского языка, к 1819 г. перевели на чувашский язык почти весь Новый Завет, хотя увидело свет в 1820 г. только Четвероевангелие. Этот этап важен тем, что подчеркнул необходимость перевода библейских книг на чувашский язык и заложил первый опыт переводческой деятельности.

Ко второй половине XIX в. стало ясно, что имеющийся перевод как по содержанию, так и по качеству не удовлетворяет духовным потребностям развивающегося религиозного мировоззрения чувашей и не отражает сущность идей и принципов Библии. Это стало причиной нового перевода Библии на чувашский язык. На этот раз переводческую деятельность возглавил И.Я. Яковлев – основатель просветительской системы чувашей дореволюционной России. В период с 1873 по 1908 г. его группой был переведен на чувашский язык Новый Завет (полное издание вышло в 1911 г. в Симбирске тиражом 20 тыс. экземпляров). Принципиальной особенностью этого этапа перевода Библии является сочетание целей перевода с проблемами формирования чувашской письменности и просвещения чувашей. В результате такого взаимодействия сама переводческая деятельность сыграла решающую роль в формировании нормированного чувашского литературного языка. А просветительская система И.Яковлева, имеющая в качестве «мозгового центра» Симбирскую чувашскую школу, стала источником и генератором современной чувашской культуры: письменности, литературы, искусства, живописи, театра и кино.

На рубеже XX в. группе переводчиков Библии, собранной в Симбирской чувашской школе и состоящей из талантливых преподавателей и учащихся, под руководством их учителя Яковлева Ивана Яковлевича удалось значительно расширить издательско-переводческую деятельность, заключающуюся в переводе книг Нового и Ветхого Заветов. В результате вдохновенной и творческой работы этой группе удалось Псалмы и все Пятикнижие, т.е. 5 книг Моисея, перевести к 1897 г. Таким образом, до 1917 г. на чувашский язык было переведено всего 13 книг Ветхого Завета. Сам И.Я. Яковлев по этому поводу вспоминал: «Хотелось бы мне дать чувашам полный перевод Библии на чувашском языке. ...Переводились при моем участии и обработке отдельные части Библии. При

этом я имел в виду не одни религиозные, но и культурно-образовательные цели, т.е. намечал к более раннему переводу те книги Библии, которые могут благотворно действовать на чувашский народ. Руководствуясь таким планом, не переводя все по порядку, я перевел книгу Маккавеев (как вызывающую патриотические чувства), книгу Сираха (симпатичную для стариков), книгу Иова (дающую пример твердости при перенесении ниспосланных богом страданий), маленькую книгу Юдифь, книгу Руфь и т.д. ...У меня в черновиках имеется много переводов из Библии. Но они требуют еще обработки» [10. С. 596-597].

«Доделайте то, что, может быть, не удастся закончить мне: дайте чувашскому народу Священное Писание полностью, завершив перевод Ветхого Завета. Послужите делу христианского просвещения, распространяя свет Евангелия среди многочисленных народностей, населяющих русский Восток: по языку и духу вы ближе к этим народностям, чем сами русские», – писал наш просветитель в «Духовном завещании чувашскому народу».

Чуваши всегда помнили это обращение и жили с надеждой, что наступит тот момент в их жизни, когда они возьмут в свои руки всю Библию на родном языке.

В 1991 г. работа по переводу Библии на чувашский язык была возобновлена по инициативе Чувашской Библейской комиссии под руководством Митрополита Чебоксарского и Чувашского Варнавы, при организационной, научной и финансовой помощи Российского Библейского общества и Объединенных Библейских обществ. В течение 19 лет шла трудная, архисложная работа по переводу Ветхого Завета на чувашский язык. Для того чтобы проверить восприятие читателя, узнать, насколько понятен и близок для народа язык перевода, за этот период было подготовлено несколько пробных изданий на чувашском языке: в 1998 г. вышли книги малых Пророков, в 2001 г. – Пятикнижие Моисея, в 2004 – Книги Премудрости и Псалтирь. Проводились долгие исследования текста и многократные сверки отдельных понятий с древнееврейским и греческим текстами – оригиналами Ветхого и Нового Заветов соответственно. Сам перевод сделан с русского Синодального перевода Библии, при этом переводчик и главный редактор Е.Н. Лисина пользовалась также английским и немецким текстами Писания. Кроме этого, чувашские тексты проверяли богословы из Российского Библейского общества (РБО), знающие древнееврейский и греческий языки. При презентации чувашской Библии сами представители Санкт-Петербургского отделения РБО отмечали, что чувашский перевод прошел большое количество редакций и сверок, что он максимально приближен к тексту-оригиналу, чем синодальный перевод Библии на русский язык, осуществленный в 1876 г.

Таким образом, третий перевод Библии на чувашский язык осуществляли писатели и поэты, прекрасно владеющие современным чувашским литературным языком. Они ориентировались на современного читателя, знающего особенности языка и менталитета, мировоззрения и культуры, обусловленные потребностями XXI в., хотя и старались сохранять традиции и стиль яковлевского перевода. Действительно, со времен перевода Библии на чувашский язык группой И.Я. Яковлева прошло целое столетие. За это время значимо обогатился чувашский литературный язык, неимоверно возросла и общая образованность народа и сформировались отрасли чувашской культуры.

Цель настоящей работы заключается в лексико-семантическом анализе лингвоспецифичных слов в переводах Библии на чувашский язык для выявления качественных особенностей новейшего перевода и обоснования изложения текста с точки зрения культурно-исторического развития мировоззренческой культуры и языковой базы чувашей. Наличие лингвоспецифичных слов в разных языках может быть связано как с существованием особых обычаев и общественных установлений, характерных для культуры, пользующейся соответствующим языком, так и с особенностями системы ценностей, принятой в данной культуре.

В соответствии с подходом А. Вежбицкой, любой сколь угодно сложный и причудливый концепт, закодированный в той или иной языковой единице какого-либо из естественных языков, может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов, которые являются семантически неразложимыми и универсальными – в том смысле, что они лексически закодированы во всех языках. При этом импликация действует в обе стороны. Не только любая семантически неразложимая единица должна быть универсальной, но и любая универсальная (т.е. присутствующая в лексиконе всех языков) единица предполагается семантически неразложимой. Список таких семантических универсалий продолжает уточняться; но неизблемым остается общий принцип, в соответствии с которым экспликация любого лингвоспецифичного концепта состоит в переводе его на «естественный семантический метаязык», лексикон которого и составляет множество семантических элементов [3. С. 8].

Известно, что лингвистические методы не представляют собой единого набора принципов и способов исследования и описания языковых сущностей. Однако мы надеемся, что выбранный нами способ лексико-семантического анализа ключевых фраз и выражений переведённого библейского текста позволит оценить качество перевода и определить нерешённые проблемы.

Современные переводчики в своей деятельности находились в условиях различных толкований Библейских истин, когда на разных языках появлялись свои отклонения от оригинала в связи с развитием менталитета носителей этих языков. Кроме того, восприятие и осмысление самого оригинала тоже претерпевали трансформацию по той же причине. Поэтому переводчики Библии на чувашский язык в качестве онтологического ориентира в выборе и переводе ключевых понятий Библии опирались на сложившийся литературный язык в его совокупном взаимодействии с житейским языком. Кроме того, они учитывали фактор исторической памяти, отражающей традиции и культуру народа, его духовность, представляющую собой совокупность человеческих ценностей и смыслов его переживаний в отношении к миру и самому себе. Для передачи точного смысла оригинала они, прежде всего, придерживались принципа лексической сочетаемости, что позволило путём введения новых терминов и словосочетаний увязать в логическую связку особенности современной богословской терминологии, библейских трактовок бытия с реалиями в современном чувашском языке.

Возьмем, к примеру, ключевое понятие **завет**. Священное Писание состоит из двух собраний: Ветхого и Нового Заветов. Наименование «Завет» впервые было применено отцом Церкви Тертуллианом по отношению к обоим частям Библии в смысле «**Союза**» (по-еврейски «Берит», по-гречески «Диатек»). При этом он исходил из той мысли, что Ветхий Завет указывает на заключенный Богом через Моисея с Израилем (Исх. 19:5), а Новый Завет – заключенный Христом со своей Церковью союз (Мтф. 26:28; Кор. 11:25) [8. С. 5].

Слово «союз» в широком смысле употребляется для обозначения союза (завета) Бога с людьми, т.е. идея «завета» имеет основополагающее значение для взаимоотношений Бога и человечества. Во всей Библии встречаются понятия *завет, завешание, завещатель, завещать*.

В первом чувашском переводе Четвероевангелия (1820 г.) слово «**завет**» передан каждым автором по-разному: *хошна* «повеление» (Мф. 26:28), *халал* «завешание» (Мк. 14:24), *завет* (без перевода) (Лк. 1:72).

Во втором, яковлевском, переводе (1911 г.) сделана интересная попытка передать значение слова **завет** идиомой **сăмах хур**, означающей буквально «положить слово, договориться» («Пирён Турра́мăр Иисус Христос хунă **Сёнь Сăмах**» (Симбирск, 1911). *Ибо сие есть Кровь Моя нового завета* (Мф. 26:28) – *ку Манăн, нумайăшин сьлăхне касарасшăн йухакан сёнь сăмахри йунăм* (1911 г.); и помянет святы́й завет свой (Лк. 1:72) – *Хай хунă таса сăмахне; мертвых Пас-*

тыря овец великого Кровию завета вечного (Евр. 13:20) – *Йун тӑкса ёмёрлӗхех сӑмах хунӑ тӑрӑх сурӑхсенён аслӑ кӗтӗҫи* (1911 г.). Эта идиома встречается в диалекте низовых чувашей, конкретно – в буинском говоре, но не зафиксирована ни в одном словаре, как в двуязычных, так и фразеологических, кроме словаря Ашмарина: **сӑмах хур**, поговорить, побеседовать; **сӑмах тат**, решить, договориться; **сӑмах пӗтер**, договориться, сделать уговор [1. С. 250-252]. Данное обстоятельство вводит в заблуждение не только простых читателей, но и филологов. Наши некоторые предположения сводятся к тому, что в чувашско-русском словаре в значении *слагать, сочинять, составлять* используется слово **хур** или **хыв**. Напр., *Атӑл ҫинчен хунӑ юрӑ* (букв. *Песня, сложенная о Волге – Песня о Волге*) или *сӑвӑ хывать* (букв. *сочиняет стих*). Поэтому *Иисус Христос хунӑ ҫӗнӗ Сӑмах* для чувашей понимается как договор, заключенный между Иисусом и Его церковью, но данное словосочетание не в активном употреблении. Таким образом, можно сказать, что и в первом, и во втором переводах Нового Завета не были найдены достойные эквиваленты слова **завет** в чувашском языке.

В современном переводе слово **завет** передается словом **халал**. Сама Библия дана в чувашском названии «Сӑваплӑ Ҫырӑвӑн Авалхи тата Ҫӗнӗ Халал кӗнекисем» [2].

Халал доброе пожелание; благословение. Производные формы: *халала-/халалла-* делать подарок, дарить; завещать; *халаллӑ* должно; следует; *халаллӑ пул* – благословлять (Ашм. Сл. XVI, 30-32). От араб. (*halāl*) дозволенный, разрешенный (по шариату), чистая, неоскверненная пища; приобретенные честным путем достояние; муж и жена (законные); прощать, отпускать прегрешения (о человеке) [6. С. 372]. В двуязычных словарях значение этого слово отражено следующим образом: **Завет – халал**, хушса хӑварни (букв. последнее пожелание); **завещание** – 1. (предсмертная воля) **халал**, пиллӗх (букв. благословение). 2. (документ), халал хучӗ [5. С. 194]... **Халал** 1. доброе пожелание; 2. благословение; 3. завещание; 4. посвящение [7. С. 534].

Вместе с тем не можем оставлять без внимания и тот факт, что кроме перевода Библии группой РБО (редактор Е.Н. Лисина) мы имеем другой современный перевод Нового Завета (переводчик П.Н. Яковлев) под руководством Института перевода Библии (ИПБ) (Ҫӗнӗ Халал. Библи кӗсарӑвӑн институтӗ, 2010). В этом переводе **халал** передается словом **килӗшӗ** «согласие, соглашение, договор»: *Ҫак хӗрлӗ эрех – ҫӗнӗ килӗшӗе ҫирӗплетекен Манӑн Юнӑм* (Мтф. 26:28).

Мы считаем, выбор слова **халал** самое подходящее, так как при переводе таких текстов, как Библия, прежде всего, нужно руководствоваться принципом историзма, т.е. учитывать культурно-исторические традиции народа, поскольку, лексика — очень чувствительный показатель культуры народа.

Наиболее важным, смыслонесущим понятием, используемым в Библии, является слово «Господь». Его можно назвать ключевым словом в библейском тексте, которое играет важную роль в представлении древнееврейской культуры. Затруднения переводчиков Библии связаны с тем, что во многих языках происходит смешение терминов и понятий «Бог» и «Господь», отсутствует четкое терминологическое разграничений этих понятий. На втором этапе перевода Библии на чувашский язык яковлевская группа переводчиков слова «Бог» и «Господь» перевели одним словом «Турӑ». Проблема перевода данных понятий была самой насущной и острой темой при каждом обсуждении и апробации изданий нового, современного перевода среди чувашского населения. Много об этом говорилось и на специальных научно-практических конференциях по вопросам перевода Библии на чувашский язык.

В чувашском языке понятие «Бог» в значении Создателя, Всевышнего употребляется слово **Турӑ**. В яковлевском переводе Нового Завета [4] слова «Бог», «Господь», «Господи», «Господи Боже» переведены словом **Турӑ**. А

слова «Всевышний» – **Ѕӹлти Турӑ**, «Вседержатель» – **Пурне те тытса тӑракан Турӑ**, «Всемогущий» – **Пурне те тума пултаракан Турӑ**.

Перевод имени «Господь» словом «Бог» в значительной степени сглаживает изначальную акцентуацию текста. А в некоторых книгах (особенно в книгах пророков) почти всегда употребляется именно слово «Господь», и в этом скрыт глубокий смысл. Во многих местах библейского текста встречаются словосочетания «Господь господ», «Бог богов», «Господь Бог». Только в книге «Бытие» сочетание «Господь Бог» встречается 36 раз, а во всей Библии – 967 раз. Если бы переводчики Священного Писания на чувашский язык пренебрегали различием между именами Господь и Бог, то многие места библейского текста остались бы нераскрытыми. Например: *И насадил (Авраам) при Вирсавии рощу и призвал там имя Господа, Бога вечного* (Быт. 21,33); *Являлся Я Аврааму, Исааку и Иакову с именем «Бог Всемогущий», а с именем Моим «Господь» не открылся им* (Исход 6,3); *Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть* (Втор. 6,4); *Увидев это (чудо пророка Илии), весь народ пал на лицо свое и сказал: Господь есть Бог, Господь есть Бог!* (Царств. 18,39).

Тюркские народы слово «Господь» давно переводят на свой язык: башк. «Хужа», гаг. «Ходжа», каз. «Ходжа», к.-калп. «Хожа», тат. «Худжа» – все это адекватно чув. «Хуҫа» («Хозяин»). Чувашские переводчики тоже сначала решили попробовать слово «Хуҫа», но это всем казалось как-то приземленным, а позднее ввели «**Ѕӹлхуҫа**» («**Высший Хозяин**», который наверху, на небе). Еще И.Я. Яковлев в 1873 г. в первом своем переводе Евангелия от Матфея на чувашский язык словосочетание «*Отче наш*» переводил «**Ѕӹлти Аттемӑр**», т.е. «отец, который наверху или который выше всех». В представлении чуваша понятие «**Ѕӹлхуҫа**» связано с чем-то сверхъестественным, недостижимым, т.е. это слово передает все качества Бога: Создатель, Всевышний, объект поклонения и оно имеет только положительное, уважительное ассоциативное значение. Поэтому и переводчики, и ученые языковеды решили, что это самый подходящий термин по отношению к слову «Господь», тем более он образован по самому распространенному способу словообразования в чувашском языке.

Законы лексической сочетаемости определяют набор необходимых лексических единиц (слово или фразеологизм), подходящих в той или иной степени для образования необходимого для перевода словосочетания. При этом каждая может сочетаться лишь с определенным набором других единиц, которые и определяют диапазон сочетаемости. Совместимость лексических единиц определяется по их смыслу в контексте переводимого фрагмента. Например, отдельные слова могут иметь несколько диапазонов сочетаемости, например, в чувашском языке слово **таса** употребляется как: 1) чистый; 2) правильный, грамотный; 3) чистоплотный, опрятный; 4) чистый, не содержащий примесей; 5) невинный, безвинный; 6) честный безупречный, беспорочный; 7) светлый, ясный; 8) святой, священный и т.д. Переводчик должен чувствовать границы этих диапазонов и соблюдать их в переводе, опираясь на смысловой контекст переводимого материала. Наиболее точный перевод текста обеспечивается тщательным изучением буквально всех возможных значений лексической единицы и всех элементов, обеспечивающих вариативные возможности словосочетаний.

Если раньше «чистое» и «святое» переводили одним словом «таса» («чистый»), то при новом переводе уточнение этих слов потребовало использование отдельного слова, означающего «святость». Иначе невозможно ясно перевести подобные фразы: *Отличайте скот чистый от нечистого и птицу чистую от нечистой и не оскверняйте душ ваших скотом и птицею и всем пресмыкающимся по земле, что отличил Я, как нечистое. Будьте предо Мною святы, ибо Я свят* Господь и я отделил вас от народов, чтобы вы были Мои (Лев. 20, 25-26). В чувашском языке существует слово «сӑваплӑ»: **сӑвап** спасение души;

блаженство; награда в загробной жизни. Производные формы: *сăваплă* благочестивый; *сăвал сун* желать благ, добра, удачи в жизни; *сăвал сурти* свеча, которую ставили на хлеб при поминовении покойников; *сăвал тăпри* земля, которую кладут с покойником, с его же могилы в гроб (1. С. 235-236). Тюркские соответствия: уйг. *савал* награда; каз. *савал* награда, спасение души; *саваллан-* (*савал+-ла-+-н*) быть вознагражденным, спасенным; *саваллы* (*савал+-лы*) спасенный, благочестивый; тур. *сăвал* (араб.) награждение, заслуга; *сăваллы* (*сăвал+-лы*) заслуживающий награды, заслуженный (Радл. Сл. IV, 427, 504-505) [6. С. 236]. В современном чувашском литературном языке это слово употребляется в значениях *свято, святость, набожный, праведный, благочестивый*. Переводчики Библии выбрали данное слово (*сăвал*) именно для выделения святости. *Таса вьльăха таса марринчен уйăрма, таса вёсен кайăка таса марринчен уйăрма пёлер; Эпё таса мар тесе уйăрнă вьльăхпа, вёсен кайăкпа, сёр сумён сурекек чёр чунпа хăвар чунăра ан ирсёрлентерёр. Манăн умăмра сăваплă пулăр, мёншён тесессён Эпё Сўлхуца, сирён Туррăр, сăваплă, Эпё сире Хамăрăннисем тумашкăн ытти халăхсенчен уйăрса илтём* (Лев. 20:25-26). **Величествен святостью, досточтим хвалами** (Исх. 15:11) – **Сăвалу** аслă, мухтаву висесёр. **И сказал** Господь Моисею и Аарону: *за то, что вы не поверили мне, чтоб явить святость* Мою пред очами сынов Израилевых, не введете вы народа своего в землю, которую Я даю ему. Это вода Меривы, у которой вошли в распрю сыны Израилевы с Господом, и Он явил им **святость** Свою (Чис. 20:12,13) – Сўлхуца Моисейпе Аарона каланă: эсир Мана ёненмесёр, Манăн сăваплăхăма Израиль ывăлĕсем умёнче кăтартмарăр, саваншăн эсир ку халăха Эпё а́на паракан сёршыва илсе кёреймёр, тенё. Ку Мерива шывё патёнче пулса иртнё, саванта Израиль ывăлĕсем Сўлхуцапа хирёснё, Вăл вёсене Хайён сăваплăхне кăтартнă.

В переводе Нового Завета современные переводчики «святость» передали словом «тасалăх», «святой», «свято» – словом «сăваплă».

Служить Ему в **святости** и правде пред Ним во все дни жизни нашей (Лк. 1:75) – ёмёр иртичченех Хай умёнче тасалăхпа, тўрелёхпе пёр хăрамасёр Хайшён ёслесе тăма... (1911 г.) ...пура́нас кунăмăрсем тăршшĕпех Уншăн, Ун умёнче **тасалăхпа**, тўрелёхпе ёслесе тăрăпăр (2009 г.). И облечься в нового человека, созданного по Богу, праведности и **святости** истины (Еф. 4:24) – Сирён тўрелёхпе, **тасалăхпа** Турă евёрлĕ пултарнă сёне сын пулас пулать (1911 г.); сирён тўрелёхпе, чанлăх **тасалăхĕпе** Турă евёрлĕ пултарнă сёне этем пулмаллаччĕ (2009 г.).

Кроме этого еще встречается термин «Святой», который относится к Богу, но он тоже передан по-разному: 1) без перевода, 2) Таса, 3) Сăваплă – Бог **Святой** явит **святость** свою в правде (Ис. 5:16) – **Святой** Турă хайён сăваплăхне тўрелёхре кăтартрĕ (2009 г.); и помазан был **Святой** **святых** (Дан. 9:24) **Сăваплăран Сăваплине** су сёрсе яма (2009 г.); Знаю Тебя, кто Ты, **Святой** Божий (Мк. 1:24) – эпё Эсё камне пёлетĕп: Эсё Туррăн **Святойё** (1911 г.), (2009 г.); Отче **Святой** (Ин. 17:11) – Эй, **Святой** Аттем (1911 г.), (2009 г.); Но вы от **Святого** и Праведного отреклись (Деян. 3:14) – Эсир **Тасине**, Тўррине пăрахрăр та (1911 г.) и Эсир **Сăваплине**, Тўррине пăрахрăр та (2009 г.).

Запутанная ситуация возникает также при переводе слов «небо» и «облако» одним словом «лĕлĕт» и ведет к неправильной трактовке того или иного библейского стиха. Общеизвестно, что во многих тюркских языках понятия «небо» и «облако» передаются одной лексемой, что приводит к затруднениям в переводе. В литературном языке давно образовалось новое слово для передачи значения «небо» – *тўпе* (от лексемы со значением «вершина»), поэтому переводчикам пришлось ввести синоним «*тўпе*», необходимость этого видна из следующих стихов: *Когда Ангелы отошли на небо* (Лк.2:15) *Ангелсем вёсем патёнчен пĕлĕт сине сёкленсен;*

Когда же он говорил это, явилось **облако** и осенило их (Лк. 9:34) – Вăл савна каласа тăнă чух, вĕсене **пĕлĕт** пырса хупласа илнĕ (1911 г.). В современном переводе всей Библии значения слов *небо* и *облако* строго разграничены, *небо* переведено словом *тĕле*, *облако* – *пĕлĕт*: Иисус сказал: Я; и вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на **облаках небесных** (Мк. 14:62) Иисус каланă: Эпĕ; акă эсир Этем Ывăлĕ Пурне те Пултараканăн сылтăм енче ларнине курăр, Вăл **тĕпери пĕлĕтсем** синче ларнине курăр, тенĕ (2009 г.).

Ранее в лексиконе чувашей слово *пĕлĕт* обозначало и *небо*, и *облако*, в разговорной речи они дифференцировали эти значения прилагательным *кавак пĕлĕт* «небо» (букв. «голубое облако»), *хура пĕлĕт* «облако» (букв. черное облако) а слово *тĕле* скорее всего использовалось в значениях *вершина холма*; *бугор*; *возвышенность*; *крыша строения*; *потолок*; *свод печи*; *верхушка шапки*; *зенит*. На это указывает и «Этимологический словарь чувашского языка» М.Р. Федотова [6. С. 205, 349]. Видимо, поэтому сто лет тому назад яковлевская группа переводчиков слова *небо* и *облако* переводили одним словом *пĕлĕт*. Но в современном чувашском литературном языке для обозначения данных понятий имеются соответствующие слова. В РЧС под редакцией И.А. Андреева и Н.П. Петрова слово *небо* переведено как бы двумя синонимичными словами *тĕле* и *пĕлĕт*, а слово *облако* как *пĕлĕт* [5. С. 387, 420]. В чувашско-русском словаре среди всех значений слова *тĕле* указаны *небо*, *небосвод*, а у слова *пĕлĕт* – значения 1. *небо*; 2. *облако*, *туча* [7. С. 287, 503].

Завершая лингвистический анализ неполного перечня ключевых понятий библейского текста, следует отметить, что главным критерием достоверности перевода, на наш взгляд, служит соответствие получившегося текста нормам языка людей той эпохи, кому предназначено в культурно-историческом аспекте постижение духовности через библейскую истину, что обеспечивает идеалы нравственности и моральной чистоты для будущих поколений.

Редактор и переводчик Библии на чувашский язык Е.Н. Лисина во время презентации полного издания Священного Писания отметила: «Чувашский язык – это язык, на котором можно сказать всё. И поэтому мне часто кажется, что этот язык был создан специально для перевода Библии. Язык, на который переведена Библия, сохранится на века» [9].

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Госкомпечать ЧР, 2000. Т. 11-12. 672 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на чувашском языке: религиозное издание. СПб.: РБО, 2009. 2568 с.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
4. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа (на чувашском языке). Симбирск, 1911. 126 с.
5. Русско-чувашский словарь / под. ред. И.А. Андреева, Н.П. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1971. С. 194.
6. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. 2-е изд., испр. и доп. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. С. 372.
7. Чувашско-русский словарь: ок. 40000 слов / под ред. М.И. Скворцова. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1985. С. 534.
8. Эби Э. Краткое введение в Библию. Korntal, West-Germany, 1989. С. 5.
9. Язык, на который переведена Библия, сохранится на века: презентация Библии на чувашском [Электронный ресурс] // REGNUM: информационное агентство: сайт. URL: <http://www.regnum.ru/news/1277236.html#ixzz1473HIMwQ>.
10. Яковлев И.Я. Моя жизнь: Воспоминания. М.: Республика, 1997. С. 596-597.

МУКИНА ИРАИДА ВАСИЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (imukina@yandex.ru).

MUKINA IRAIDA VASILYEVNA – candidate of philological sciences, assistant professor of Chuvash Linguistics and Oriental Studies Chair named after M.P. Fedotov, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'367.635

Е.С. ОШАНОВА

**РОЛЬ МОДАЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В ФОРМИРОВАНИИ
КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ**

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, иллокутивная функция, модальные маркеры, пресуппозиция, дискурс.

Цель данной статьи – анализ модальных частиц в акте коммуникации, который является центральным понятием в прагматических исследованиях, с учётом экстралингвистического аспекта. Работа посвящена описанию прагматических функций модальных частиц, а также их роли в формировании когнитивных аспектов высказывания.

E.S. OSHANOVA

THE ROLE OF MODAL PARTICLES**IN THE FORMATION OF COGNITIVE-PRAGMATIC ASPECTS OF DISCOURSE**

Key words: a cognitive-pragmatic approach, illokution function, modal markers, presupposition, discourse.

The purpose of this article is the analysis of modal particles in the act of communication, which is a central concept in pragmatic studies, when taking into account extralinguistic aspects. The work is devoted to describing pragmatic function of modal particles, as well as their role in the cognitive aspects of speech.

Трактование модальных частиц как маркеров модальности позволяет отнести их к элементам языковой системы, реализация которых происходит в результате взаимодействия когнитивных структур в рамках интерактивного общения. Когнитивный подход предполагает также изучение функционирования данных языковых единиц в речи конкретного говорящего, который выступает в роли интерпретатора знака. Он побуждает лингвистов обращать внимание на «речевые слова», индикаторы, или так называемые модальные маркеры, из которых строится живая фраза. Когнитивный потенциал маркеров модальности не получил должного освещения в работах когнитивистов, в которых особое внимание уделяется обычно разнообразным языковым элементам, отражающим позиции участников речи, а также степень знания ими предмета речи и самого языка [3. С. 13]. Утверждается, что с помощью модальных языковых средств выражается отношение автора высказывания к действительности в пределах модального способа обозначения этой действительности [9. С. 67]. К речевым единицам, обладающим соответствующими характеристиками, относятся и модальные частицы (далее – МЧ).

Анализ результатов теоретических исследований МЧ на уровне предложения и речевого акта свидетельствует о том, что данные формы реализации речи не служат основой всестороннего освещения коммуникативных свойств МЧ. Их функционирование в высказывании позволяет выразить намного больше, чем содержится в структуре высказывания, в составе которого они выступают [1. С. 15]. Это связано с тем, что в языковой картине мира частицы являются активными выразителями скрытых субъективных и явных объективных смыслов, эмоциональных оценок и усиления качества.

Что касается высказывания, то оно строится на предшествующем знании, зафиксированном в предтексте, и на прогнозировании последующих событий, которые могут найти свое выражение в посттексте. Также для понимания важно знать, что высказывание говорящего всегда кому-то адресовано, а адресация осуществляется с учетом статусных ролей говорящих [10. С. 171].

Сферой реализации МЧ являются, как известно, разговорная речь, сам процесс коммуникации, и именно здесь они несут на себе максимум коммуникативного пласта высказывания [8. С. 27-30]. Признание того, что семантика МЧ имеет ярко выраженную прагматическую направленность и реализуется в конкретном высказывании в ситуации непосредственного общения двух и бо-

лее коммуникантов при определенных прагматических условиях, послужило отправной точкой рассмотрения частиц на базе новой парадигмы знания, содержащей в себе коммуникативный и когнитивный подходы в научно-исследовательской языковой практике [4. С. 230].

Следует сказать, что реализация особенностей функционирования высказываний с МЧ связана с конкретными обстоятельствами общения и предполагает наличие адресанта, адресата и широкого внеязыкового и языкового контекста. В свете сказанного возникает необходимость анализа МЧ в коммуникативном пространстве диалога, который позволит получить системное описание функционирования этих языковых единиц и выявить их когнитивно-прагматические значения.

В диалоге МЧ выполняют ряд важных коммуникативно-прагматических функций:

1) выражают отношение адресанта к адресату или к описываемой ситуации. (Die Frau: «Seit kurzem drohen mir alle». Zum Fahrer, der danebenstand: «Und sie, drohen sie mir **auch**?» Der Fahrer lächelte verwirrt);

2) усиливают эмоциональное воздействие на собеседника, вызывая перлокутивный эффект, представляющий собой результат воздействия, который проявляется в дальнейшем в поведении адресата. («Was soll das **denn**?» – «Was machst du da **eigentlich**?»);

3) сигнализируют такие чувства и поступки, как беспокойство, нетерпение или непонимание («Was soll das **denn**?» – «Was machst du da **eigentlich**?») [11. С. 272];

4) служат для прагматической связности диалога [4. С. 305].

При этом одна и та же МЧ способна передавать несколько коммуникативных линий одновременно. Так МЧ **doch** способна выражать различные эмоции:

– желание: «Und das willst du **doch**? Du willst **doch** diese fabelhafte Puppe? Du willst sie **doch** unbedingt, wie?»;

– убеждение: «Klar, wird der Papa das machen. Der Papa kann **doch** alles!»;

– настоятельность: «Lasst **doch** den armen, kleinen Kerl in Ruhe!»;

– напоминание: «Wir wollen **doch** Bruno vom Flughafen abholen».

Как известно, говорящий в речи преподносит сказанное со своих позиций, формируемых рядом прагматических моментов, а именно: предшествующим лингвистическим контекстом (предшествующими репликами, сегментами разговора), экстралингвистическим контекстом (ситуацией, обстоятельствами данного акта речи, пресуппозициями), конкретностью адресата (его персональным, социальным, а также эмоциональным статусом) и т.д. Исходя из этого ни одно высказывание не может не быть пронизано субъективностью.

Также следует обращать внимание на наличие модальных маркеров, с помощью которых мы определяли значение МЧ в высказываниях. В качестве маркеров модальности выступают глаголы, прилагательные, наречия, модальные слова, интонация, слова автора и др.

В данном исследовании в качестве ядра модальности высказывания принимают участие следующие МЧ немецкого языка: *doch, denn, aber, schon, auch, ja, einmal, wohl, etwa, bloß, nur, gar, eben*.

Необходимо также подчеркнуть, что модальные компоненты встречаются чаще всего в экспрессивных и директивных речевых актах, поэтому для анализа функционирования МЧ были отобраны именно экспрессивные и директивные контексты как наиболее репрезентативные с точки зрения реализации модальной семантики МЧ.

Имеющиеся исследования по модальным частицам и собственный анализ позволяют определить главные пропозиционально-прагматические функции каждой из МЧ в виде когнитивной схемы:

doch – усиливает требование, упрек и настоятельность сказанных слов;

denn – выступает в значении усиления эффекта сказанного;

aber – она имеет две иллокутивные функции: первая выражает неожиданность, вторая – несогласие / возражение;

schon – передает уверенность говорящего в содержании высказывания. Что касается спектра эмоций, передаваемых данной МЧ, он также весьма разнообразен: от одобрения и согласия – до нетерпения и раздражения;

auch – данной МЧ говорящий выражает свое мнение в том, соответствует ли действительное положение вещей тем представлениям и пожеланиям, какие у него в этом отношении имеются. Индикатор неуверенности и надежды на положительный ответ;

ja – подчеркивает хорошо всем известные или совершенно очевидные факты, в которых не может быть сомнения;

einmal/mal – придает любому высказыванию оттенок смягченности, некатегоричности и доверительности;

wohl – означает предположение, граничащее с уверенностью;

etwa – сохраняет семантику опровержения предположения;

bloß – характеризует признак обиходно-разговорного стиля;

nur – придает вопросу особую заинтересованность и настоятельность;

gar – употребляется для усиления (в основном негативного) предположения или риторического вопроса, на который ожидается отрицательный ответ;

eben – выступает только в повествовательных предложениях констатирующего обобщающего характера, где говорящий сообщает собеседнику, что положение вещей именно таково, как оно есть, что его нельзя изменить и остается только с ним примириться.

Методом сплошной выборки найдены примеры высказываний с МЧ, так называемые «экспрессивы», т.е. речевые высказывания, цель которых – эмоциональное воздействие на адресата. Такие высказывания с МЧ выступают в качестве иллокутивных маркеров.

Вышесказанное можно продемонстрировать на примерах художественных текстов, тем самым показав, каким образом данные МЧ реализуют свою специфику и в чем заключается их функциональное своеобразие:

1. «Du hast **ja** alles verstanden und dir ein Bild gemacht, und nun glaubst du, mich meiner Verirrungen wegen bedauern zu müssen; das sehe ich **doch**», – fuhr er mit erhobener Stimme fort.

«**Aber**, Nikolai Dmitritsch!» – Maria Nikolajewna redete wieder flüsternd auf ihn ein und trat näher an ihn heran.

«Nun, **schon** gut, **schon** gut! Wie ist es **denn** nun mit dem Abendessen? Ah, da kommt er **ja**», – sagte er [13. С. 127].

В данном примере обе частицы **ja** и **doch** выполняют усилительную функцию, но **ja** усиливает больше значения требования, а **doch** – утверждения. Также в качестве иллокутивной функции усиления эффекта выступает выражение «mit erhobener Stimme». Здесь видно, что собеседники обладают разным социальным, а также эмоциональным статусом, что проявляется и в употреблении МЧ. Первый собеседник является очевидно хозяином положения, а женщина подчиняется и пытается продолжить разговор, привлекая свое внимание частицей **aber**, которая подчеркивает основное слово, но и сохраняет значение возражения. Видно также, что собеседник идет на контакт и словами «**schon** gut, **schon** gut» успокаивает, хотя и не полностью согласен с собеседником, и хотел бы сменить либо закрыть тему разговора.

2. **Doch** die Frau des Hauses schien das nicht zu bemerken und war darauf bedacht, sie ins Gespräch zu ziehen.

«Sie sagen», – fuhr sie in dem begonnenen Gespräch fort, – «daß mein Mann für nichts Interesse hat, was russisch ist. Im Gegenteil, er füllt sich im Ausland zwar

wohl, **aber doch** nie so wie hier. Hier ist er in seinem Element. Er hat so viel zu tun... Ach, in unserer Schule sind Sie **wohl** noch **gar** nicht gewesen?»

«Ich habe das Haus gesehen... Es ist **doch wohl** das kleine efeuberankte Gebäude?»

«Ja, das ist Nastjas Reich», – sagte sie [13. С. 463].

Как показывает данный пример, самой употребительной МЧ в тексте является **doch** с ярко выраженной эмоциональной функцией. Ведь именно она очень распространена в современной немецкой разговорной речи. Далее мы наблюдаем смену темы разговора и здесь на помощь говорящему приходят МЧ **wohl** и **gar**, где **wohl** маркирует значение предположения, а **gar** усиливает еще больше это предположение. Представим это так: я предполагаю «иллюкция», что вы не были в нашей школе «пропозиция» и думаю также, что вы о ней ничего не знаете «пресуппозиция».

3. «Nehmen wir **nur** Swijashski. Ich kenne den Boden bei ihm – eine reine Goldrube! **Aber** mit seiner Ernte ist **auch** er nicht **recht** zufrieden! Die Aufsicht fehlt **eben**».

«**Aber** du wirtschaftest **doch auch** mit Arbeitern?»

«Bei uns Bauern ist was anderes. Wir sind überall selber hinterher. Taugt einer nichts – dann weg mit ihm! Wir schaffen es **auch** allein» [13. С. 458].

В данном диалоге наблюдается сложная система переплетения нескольких иллюкутивных функций. Так, **nur** свидетельствует о нейтральном, общелитературном стиле речи. Далее тон и интонация собеседников повышаются, о чем свидетельствуют восклицательные предложения и сразу 3 МЧ **aber auch recht**, где каждая проявляет себя в соответствующей интенции. МЧ **aber** говорящий показывает свое несогласие или возражение, что означает, что говорящий придерживается своего мнения, несмотря на обстоятельства и поведение своего собеседника. МЧ **eben** выступает только в повествовательных предложениях констатирующего обобщающего характера, где говорящий сообщает собеседнику, что положение вещей именно таково, как оно есть, что его нельзя изменить и остается только с ним примириться. Для таких высказываний характерен оттенок фатализма, даже пессимизма. **Auch** представляет собой выражение упрека или досады. Но даже восклицания, оформленные этой частицей, не имеют той экспрессии, какой обладают восклицания с частицей **doch**, особенно если они дополняют друг друга и используются в вопросе со значением повелительного наклонения либо в вопросе. При этом говорящий ждет от собеседника подтверждения содержания своего высказывания в вопросительном предложении «**Aber** du wirtschaftest **doch auch** mit Arbeitern?».

4. Nicht er war jetzt verlegen, sondern sie.

«Ihre Worte beweisen **nur**, daß Sie kein Herz besitzen», – entgegnete sie. Aber ihrem Blick war abzulesen, daß sie sehr **wohl** wußte, daß er ein Herz besitze und daß sie ihn deshalb fürchtete.

«Das, worauf Sie **eben** angespielt haben, ist ein Irrtum gewesen, nicht Liebe».

«Vergessen Sie nicht, dass ich Ihnen verboten habe, dieses Wort auszusprechen», – sagte Anna [13. С. 195].

В примере 5, как и в диалоге 4, **nur** свидетельствует о нейтральном стиле речи. Модальная частица **wohl** означает предположение, граничащее с уверенностью. Говорящий почти полностью уверен в справедливости своего предположения. В данном предложении значение предположения придает высказыванию глагол «wissen». А лексическим маркером данного предложения выступает выражение «Aber ihrem Blick war abzulesen», которое и придает высказыванию значение предположения. Данное предложение мы видим так: *она знает «иллюкция», что у него нет сердца «пропозиция», но, конечно, женщина хотела бы, чтобы это было не так «пресуппозиция»*. МЧ **eben** го-

ворящий сообщает собеседнику, что положение вещей именно таково, как оно есть, что его нельзя изменить и остается только с ним примириться.

Другой пример с данными МЧ в устной спонтанной речи (телефонный диалог двух приятелей) демонстрирует следующие особенности:

5. AA Ich hab mir das überlegt. Es ist **doch** vielleicht viel besser, wenn ich zu dir rein komme. Ich sitze da in meinem Auto und mir pfeift der Wind nicht um die Ohren.

AB (ach so) (nein), ich fahr gern ein bißchen...

AA (ach so) (ja), wenn du gerne fährst,

AB (**na ja**) (**eben**) (**ja**) (**doch**) (**doch**), ich möchte gern ein bißchen fahren [14. С. 51].

В данном примере МЧ **ja** употребляется для подчеркивания хорошо всем известных или совершенно очевидных фактов, в которых не может быть сомнения. Степень очевидности и несомненности сообщаемых фактов может быть различной, но всякий раз, когда говорящий стремится убедить своего собеседника в том, что он говорит об очевидных и бесспорных вещах, он употребляет модальную частицу **ja**, хотя могут быть случаи, когда он и сам не вполне твердо верит в то, что утверждает. МЧ **eben** маркирует выражение говорящим своих чувств по поводу восприятия им речевой ситуации как объективной, неизбежной и единственно возможной в предложениях повествовательного и директивного характера. Нетрудно заметить, что в приведенном примере говорящий с помощью МЧ **eben** резюмирует все сказанное, как бы подводит итог конкретной теме разговора, показывая этим, что тема исчерпана, и разговор должен быть или закончен, или принять другое направление.

Следует отметить, при наличии в художественном тексте двух или трех МЧ, следующих друг за другом, одна или две из них будут основными, ведущими в выражении модального значения, другие – подчиненными.

Таким образом, анализ актуализации МЧ в устных диалогических текстах также с полным правом подтверждает правомерность утверждения о наличии общих тенденций в реализации МЧ своего семантико-прагматического потенциала в разных видах человеческой коммуникации (устной спонтанной и художественной фиксированной).

Исследованные высказывания с МЧ показывают, что данные МЧ образуют систему «прагматически насыщенных», субъектно-ориентированных речевых единиц, определяющих своеобразие обиходного дискурса.

Общим для всех случаев употребления является то, что рассматриваемые МЧ, указывая на общность фонда знаний обоих коммуникантов относительно сложившейся ситуации, способны реализовывать иллюкутивные возможности когнитивных моделей в актах коммуникации.

Следовательно МЧ играют важную роль как в плане порождения когнитивно-прагматических функций высказывания (задают определенную коммуникативную перспективу) со стороны говорящего, так и в плане адекватного понимания содержания высказывания слушающим. Другими словами, частицы влияют не только на состояние обмена информацией, но и на развитие акта коммуникации.

Литература

1. Башинский В.Н. Эмоционально-экспрессивные частицы в современном немецком языке: автореф. дис ... канд. филол. наук. Пенза, 1985. 17 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 167 с.
3. Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // ИЯШ. 1982. № 5. С. 11-17.
4. Кубрякова Е.С. Парадигма научного знания в лингвистике и ее современный статус // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1994. Т. 53, № 2. С. 3-16.
5. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М.: Наука, 2002. 272 с.
6. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 151-169.
7. Серль Дж.Р. Классификация иллюкутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170-194.

8. Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в русском языке. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1988. 96 с.
9. Фефилов А.И. Модально-прагматическая интерпретация чужого высказывания // Филологические науки. 1991. № 1. С. 64-73.
10. Фефилов А.И. Введение в когнитологию: учеб. пособие. М.: Флинта-Наука, 2010. 240 с.
11. Linke A., Nussbaumer M., Portmann Paul R. Studienbuch Linguistik. Max, 1995. 272 S.
12. Wunderlich D. Linguistische Pragmatik. Frankfurt; M., 1972. S.18.
13. Lew Tolstoi. Anna Karenina. Erster Band: Rütten&Loening; Berlin, 1977. S. 621.
14. Texte gesprochenen deutscher Standardsprache. Erarbeitet im Institut für deutsche Sprache, Forschungsstelle Freiburg i.Br.Bd. 3: Alltagsgespräche. Hrsg. Und eingeleitet von Harald P. Fuchs und Gerd Schank. München, 1975. S. 171.

ОШАНОВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры научно-технического перевода и межкультурной коммуникации, Ижевский государственный технический университет, Россия, Ижевск (oshanova_katja@mail.ru).

OSHANOVA EKATERINA SERGEEVNA – senior teacher of Scientific and Technical Translation and Intercultural Communication Chair, Izhevsk State Technical University, Russia, Izhevsk.

УДК 811.161.1'42+811.512.111'42

Н.И. РЕЦ

КОНЦЕССИВНОСТЬ КАК КОНСТИТУЕНТ КОНЦЕПТА АРГУМЕНТАТИВНОСТИ*

Ключевые слова: аргументативность, коммуникация, концепт, конституент, концессивность.

Рассмотрена проблема структуры составляющего концепта аргументативности. Дан анализ способов выражения концессивности в русском и чувашском языках.

N.I. RETZ

KONTSESSIVNOST AS A CONSTITUENT OF THE CONCEPT ARGUMENTATIVE

Key words: argumentative, communication, concept, constituents, kontsessivnost.

The problem of the structure constituting the concept of argumentative. The analysis of modes of expression kontsessivnosti in Russian and Chuvash languages.

Процесс коммуникации, как известно, осуществляется благодаря базе знаний говорящего. Концессивность, как мыслительная структура, бытует объективно и неоднократно привлекала к себе внимание исследователей, особенно тех, кто работает в области синтаксиса, теоретической семантики и типологии. И описание соответствующих структур можно условно разделить на две группы: одни лингвисты строят толкование основных концессивных единиц на основе каузальной семантики (что соответствует семантическим компонентам 'потому что', 'поэтому' или 'влияет'), а другие – опираются на семантику кондициональности (что соответствует семантическому компоненту 'если...то'). «Парадоксальный характер концессивной “логики” выражается, – отмечает М.А. Ляпон, – в соединении в рамках одного высказывания двух противоречивых принципов “либо/либо” и “и/и”, такое совмещение возможно потому, что одна версия имеет статус априорной истины, другая – истины актуальной, поэтому первая, очевидно, уступает второй по своей прагматической значимости. Неотъемлемым компонентом концессивности оказывается смысл “вопреки ожиданиям”, “вопреки ожидаемому”, – этот смысл включен в семантическую структуру экспликаторов этого типа связи как субъективная реакция на парадоксальное положение вещей» [1. С. 138].

Для доминирующей семы анализируемых нами смысловых отношений является бинарная оппозиция «реальность – предположительность». Централь-

* Исследование выполнено по госконтракту № 16.740.11.01.19 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

ным конституентом данного семантического пространства в русском языке является гипотаксис с релятивами *хотя* (*хоть*), *несмотря на то что*: «Вся жизнь есть мысль и труд, – твердил ты тогда, – труд хоть безвестный, темный, и умереть с сознанием, что сделал свое дело» (Гончаров). – Пётём пурнăç – шухăш тата ёç, – теттёнччĕ эсĕ ун чухне, – курăмсăр пулсан та, пĕр вĕçемсĕр ёç пултăр, хăвăн ёçне вĕçне ситернине туйса илес пулатъ. В чувашском языке условный союз *пулсан*, сочетаясь с частицей *та*, приобретает concessивное значение (союз *пулсан*, стоящий после придаточного предложения, предполагает наличие предложения, выражающего следствие, и частица *та* лишь предупреждает, что это следствие носит адверсативный характер). Ср.: Çанталăк шăрăх пулсан та вăрман уçă сывлăшне сухатман (Долгов). – Хотя погода стоит жаркая, но дремучий лес сохранил свежесть воздуха. Например, в чувашском языке придаточные concessивные с союзными скрепами *пулсан та*, *пулин те*, как и придаточные условные с союзом *пулсан*, по значению делятся на две основные группы: а) реально-concessивные и б) ирреально-concessивные.

Доминантная сема, как показывают материалы русского и чувашского языков, часто модифицируется семантическим множителем «согласие». К специализированным средствам выражения значения модифицированной доминантной семы следует отнести concessивные предложения с релятивом *пусть*: Пусть неплохо они работали, пусть даже хорошо, но уже и «хорошо» не годится, надо «отлично» (Кочетов). – Ан тив, вĕсем пĕртте япăх мар ёçленĕ пулчăр, лайăх ёçленĕ тейĕпĕр, анчах «лайăххи» те сителĕклĕ мар халĕ, питĕ лайăх ёçлени кирлĕ.

Концессиональные отношения также маркируются семой «допущения» в конструкциях с сочетанием релятивов *хотя* с частицей *и/бы, если и*, конструкции с несколькими сказуемыми при одном подлежащем: Он хотя и жил весь век в деревне, но не мудрил, но не ломал себе голову над разными затеями (Гончаров). – Вăл ёмĕрĕпех ялта пурăннă пулсан та, хальхисем пек аслăланман, тĕрлĕрен çамăлттайла ёçсемпе пуçне çемĕрмен. В чувашском языке в данном случае выступают те же concessивные средства, что и в конструкциях, выраженных с помощью гипотаксиса, ибо значение интенсивности «свойственно» второму компоненту чувашского релятива (ср.: *пулин те, пулсан та*).

В сопоставляемых языках встречаются случаи взаимопереплетения concessивных отношений с другими смыслами, так как существует определенная зависимость, в частности, между concessивным отношением с каузальным, кондициональным отношениями. В связи с аналогичными явлениями М.И. Черемисина замечает, что есть определенные основания предполагать, что входящие в этот класс конструкции могут быть выведены друг из друга формальными преобразованиями [2]. В частности, выражению concessивно-каузальных смыслов не способствуют их дифференциальные признаки, по своему характеру являющиеся несовместимыми. Их интерпликатный смысл связан с более широким контекстом. Кондиционально-concessивный смысл возникает в процессе элиминации признака гипотетичности и неконтрастности собственного кондиционального смысла и приобретения признаков контрастности и негипотетичности, свойственных concessивным конструктам. В данном случае в оформлении соответствующего смысла большую роль играют частицы *и, даже, же, все же, хотя*, которые «способны играть роль модификаторов семантики *если*, сближая их с союзами типа *хотя, несмотря на то что*» [1. С. 116]. Приведем примеры: «Я въеду, – услышал Иван Федорович, – но если *хоть* один клоп укусит меня в твоей хате, то прибью, ей-богу, прибью, старая колдунья. И из сена ничего не дам!» (Гоголь). – «Эпĕ кĕретĕп. Анчах санăн пуртунте мана пĕр хăнкăла *та пулин сыртсанах*, туршăн *та*, сана çаптарса илетĕп, ватă тухатмăш! тата утшăн та нимĕн чухлĕ те тулеместĕп!» – тенине илтĕрĕ Иван Федорович. В отличие от русского в чувашском языке дан-

ный смысл чаще передается «чисто» concessивными конструкциями с предикатами в зависимой части, выраженными причастной формой на -сан/-сен + *та*, хотя имеется аналогичный русскому структурный тип с союзом *енчен* с частицей *те*. Concessивное значение в гипотактическом предложении часто содержится и без наличия каких-либо внешних, лексических факторов.

Литература

1. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
2. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука, 1976. 233 с.

РЕЦ НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – докторант кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (AlexGubM@gmail.com).

RETZ NATALIA IVANOVNA – doctoral candidate of Comparative Linguistics and Intercultural Communication Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'373:(811.161.1+811.411.21)

Р.М. СВЕТЛОВА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АРАБИЗМОВ И ИХ КОРРЕЛЯТОВ В РУССКОМ И АРАБСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: заимствованная лексика, стилистическая характеристика, эксперимент.

Вопрос адаптации заимствованной лексики к нормам русского языка рассмотрен на материале лексем с арабским прототипом. Исследование проходило методом эксперимента, который включал в себя следующие задачи: идентифицировать данные лексемы, определить семантику коррелята, указать стилистическую принадлежность слова в арабском языке.

R.M. SVETLOVA

STYLISTIC CHARACTERISTICS OF ARABISMS AND THEIR CORRELATIONS IN ARABIC AND RUSSIA LANGUAGES

Key words: loan-lexis, stylistic characteristics, experiment.

The problem of loan-lexis adaptation to the norms of Russian language is considered on the material of lexemes with Arabic correlations. The research was carried out by means of an experimental method, which covered the following goals: to identify lexeme data, to determine the correlate semantics and to indicate the stylistic characteristics of the word in the Arabic language.

Общепризнано, что основными способами лексического развития языков является не только внутреннее словообразование, но и заимствования из других языков, представленные в той или иной степени. Так, если русский язык представляет собой открытую для инноваций систему, в китайском количество иноязычных образований минимально. В современном русском языке заимствованный пласт лексики представлен генетически и типологически неоднородными образованиями. Так, в разное время в русскую лексическую систему входили англизмы (*бутсы, крекер, леди и т.д.*), германизмы (*вакса, веер, люфт, марка и т.д.*), галлицизмы (*буфет, гараж, дебаты, крем и т.д.*), тюркизмы (*ковер, наждак, кумыс и т.д.*), арабизмы (*гарем, мишура, сафари и т.д.*) и лексемы других этимологий.

В современной лексикологии проблема языковых контактов является актуальной и активно обсуждаемой. Авторы рассматривают причины, пути проникновения и источники заимствований (Н.С. Авилова, 1967; Л.А. Биржакова, 1972; У. Вайнрайх, 1972, 1979; С.С. Изюмская, 2000), функционирование и

степень освоенности иноязычной лексики (Г.Г. Тимофеева, 1995; Э. Хауген, 1972; Н.В. Габдреева, 2001). Некоторые дают комплексное описание заимствований А.А. (Брагина, 1973; Э.Ф. Володарская, 2002; Л.П. Крысин, 1996, 2002; Д.С. Лотте, 1982). В работах ученых также затрагивается история развития иноязычной лексики в русском языке (В.М. Аристова, 1978; С.А. Беляева, 1973).

Вопрос взаимодействия русского языка с языками Востока, в частности с арабским языком, привлекал внимание многих лингвистов (В.Ф. Миллер, И.И. Огиенко, И.Ю. Крачковский, И.У. Асфандияров, И.Г. Добродомов, С.А. Аль-хазраджи и др.). Среди авторов диссертационных работ, посвященных непосредственному исследованию арабизмов, можно назвать: М.Х. Халлави (1986), Т.П. Гаврилову (1981), Л.К. Валиуллину (2004), О.И. Александрову (2010), Х.А. Хуссайна (2001) и др. Отличительной особенностью нашей работы является привлечение в качестве респондентов носителей арабского языка, разных его диалектов для определения семантики коррелятивов, прояснения векторов развития арабизмов на русской почве и описания коннотативных расхождений между арабским прототипом и русскими соответствиями.

Материалом для настоящего исследования послужила сплошная выборка слов иноязычного происхождения из «Современного словаря иностранных слов» А.Н. Булыко, «Словаря иностранных слов» Н.Г. Комлева, «Большого словаря иностранных слов» [1], «Словаря истории русских слов» [3]. В результате анализа было выявлено около 300 лексических единиц арабского происхождения, таких как *магазин, шифр, массаж, талисман, халат, султан, попугай, матрац, алгебра, алкоголь, альбатрос, бисер, жираф, кафе, кофе, майдан, сахар, саван, тальк, тариф, шербет, халва, фитиль, цифра, хна* и др.

Мы отобрали группу иностранных учащихся (студенты российских вузов) в количестве 11 человек: 2 студента из Палестины, 3 – из Иордании, 2 – из Ирака, 2 – из Марокко, 2 – из Ливии. Арабский язык в этих странах является государственным либо вторым государственным, а испытуемые владеют языком, так как он является для них родным.

Примечательно, что разговорный язык данных студентов относится к разным группам диалектов. А их в арабском языке, как известно несколько, например, суданский, сирийский, иракский, диалект Магриба и др. Так, например, диалектную речь магрибинцев различают по двум основным признакам: 1) фонетическому – сильная редукция и частое выпадение кратких гласных в слове; 2) морфологическому – употребление префикса *ле-* для формы 1-го лица единственного числа настоящего – будущего времени, тогда как в восточных диалектах (как и в литературном языке) употребляется в этой форме префикс *'а* [5]. Для чистоты эксперимента нами специально были выбраны учащиеся, разговорный язык которых в большей степени отличается друг от друга.

Весь эксперимент проходил в несколько этапов. На первом этапе студентами были получены списки заимствованных слов арабского происхождения. Слова для исследования отбирались произвольно и составили более 100 наименований. Графически данные слова были оформлены русскими буквами, но в помощь учащимся у лексем указывался арабский коррелят латинскими буквами. Задание состояло в том, чтобы идентифицировать слово в своем родном языке и отобразить его графически арабскими буквами. Так как уровень владения русским языком был неодинаковым (от 3 месяцев обучения до 3 лет), то и время, затраченное на выполнение задания первого этапа, у каждого испытуемого было различным (от 40 мин до 2 ч).

На втором этапе учащимся предлагалось определить значения данных лексем в арабском языке. Учащиеся могли использовать словари: русско-арабские, арабско-русские, а также толковые словари арабского языка – *محمد بن ابوبكر الرا / الصحاح*.

Третий этап является целью нашего эксперимента – определить у данных лексем стилистическую принадлежность в русском и арабском языках. Для того чтобы объяснить задание этого этапа, мы сначала провели обзор на тему: какие же стили существуют в русском и арабском языках?

В каждой системе языка можно выделить несколько разновидностей стилей. В современном русском языке выделяются книжные стили: официально-деловой, научный, публицистический. Стилистически им противопоставлена разговорная речь, которая является обычно устной. Стилистически все слова неравноценны. Некоторые воспринимаются как книжные (*прогресс, дефицит, сотрудник, морфема* и т.д.), они используются в книгах, газетах, на радио и телевидении, в официальных выступлениях и беседах; другие – как разговорные (*маменька, духотища, вымахал* и др.). Разговорная речь используется обычно в непринужденных беседах, обычно в неофициальной обстановке.

Современный арабский язык функционирует в трех формах:

- *современный арабский литературный язык* в основном сохранил звуковой состав и грамматическую систему древнего классического арабского языка, который включал в себя художественную, историческую, географическую, научную и религиозную литературу, созданную в средние века арабами;

- *диалектный* – современные диалекты арабских стран, которые восходят к древним арабским племенным диалектам Центральной Аравии;

- *региональный обиходно-разговорный язык (койне)* – развитию данного пласта языка способствовали кино и театр, радио и телевидение, пресса и художественная литература [5].

Современный арабский литературный язык используется преимущественно в письменной речи: во всех жанрах художественной литературы и прессы, в научных изданиях, технической документации, в официальных областях и юриспруденции. Однако в быту арабы его почти не используют. Основное средство устного общения – это региональный арабский разговорный язык, который имеет несколько уровней: городской, областной, столичный, общенародный.

В функционально-стилистическом плане разговорный язык отличается от литературного и диалекта рядом существенных признаков. Во-первых, он поливалентен, т.е. может обслужить все важнейшие сферы жизни, широко используется в быту и в официальных условиях, а также в письменной форме. Во-вторых, региональный обиходно-разговорный язык не ограничен территориально и употребляется на всей территории данной страны, тогда как диалект обычно локализован на небольшой территории, например, села или бедуинского племени (мы не имеем в виду большие группы диалектов, из которых состоит арабский язык). В-третьих, региональный разговорный язык достаточно емкий, на нем говорят и те, кто не знает литературного языка, и все те, кто владеет литературным языком.

Как известно, словарный состав языка обогащается за счет появления новых слов извне, развития новых значений лексем, словообразования, расширения стилистического употребления языковых единиц и т.д. Мы считаем, что важную роль в данном процессе играет разговорный стиль, так как он более проницаемый по сравнению с книжным. Разговорный стиль как бы связывает литературный язык с общенародным и способствует в дальнейшем обогащению первого новыми словами. С этим и связаны полученные данные нашего эксперимента, где испытуемые, в частности, студенты-носители арабского языка из Палестины, указали более 40% слов с характеристикой *разговорный / литературный*.

Принадлежность лексемы к тому или иному стилю не означает константной прикреплённости слова и невозможности его употребления в других сти-

лях. Для развития языка характерным является взаимовлияние и взаимопроникновение стилей.

Кроме того, возможно использовать слово в любом стиле речи, что свидетельствует о его общеупотребительности. Это доказывается путем эксперимента, где лексемы *атлас*, *адат*, *алгебра* и некоторые другие употребляются во всех стилях речи.

Большое количество слов (более 30%), например *алидада*, *вакф*, *зенит*, *барбарис*, *варан*, *кандалы*, *шафран*, *эликсир*, *талисман*, *шербет* и др., не были отнесены ни к какому стилю либо указывались как *не использующиеся* в арабском языке. Предположительно, это связано с тем, что лексемы попадали не прямо из арабского в русский язык, а через другие языки, которые, в свою очередь, вносили существенные изменения в фонетический облик слова. В частности лексема *алидада*, обозначающая деталь астрономических угломерных инструментов, которая вращается вокруг своей оси, была заимствована из арабского языка через позднелатинский язык [1].

Если указывать в процентном соотношении, то из общего количества слов около 50% имеют в арабском языке характеристику «книжные», из них 25% слов в русском языке имеют также характеристику книжный стиль. То есть стилистическая принадлежность данных единиц ни в процессе заимствования, ни в процессе адаптации не изменилась. В эту группу входят слова: *атлас*, *амальгама*, *кофе*, *альбатрос*, *попугай*, *зенит*, *сандал*, *минарет*, *карат*, *фитиль*, *цифра* и другие лексемы.

По результатам эксперимента мы выделили еще одну группу слов, у которых произошло смещение стилистической характеристики. Так, слова *халва*, *мишура*, *мохер*, *сафари*, *бахрома* и другие в арабском языке относятся только к разговорному стилю, в русском же языке являются общеупотребительными.

Кроме того, в процессе исследования учащиеся выявляли случаи несоответствия семантического значения одной той же лексемы в разговорном арабском языке разных стран. Так, заимствованная лексема *бусер* в русском языке означает: 1. Мелкие разноцветные стеклянные или металлические бусинки, используемые для вышивки, изготовления украшений; 2. *Перен.* Мелкие капельки чего-либо; 3. *Перен.* Ровный мелкий почерк [2]. Прототипом данного слова является арабское *busr*, которое также обозначает «разноцветные бусинки». Однако, в Палестине слово *busr* используется в значении «семена подсолнуха» и является разговорным. Также с характеристикой *разговорное* являются следующие лексемы *кайф*, *мандуб*, *махди*, *мишура*, *мохер*, *мухаяр* и т.д.

Студентами из Ливии отмечено, что лексема *мазар*, обозначающая гробницу мусульманского святого [2], имеет арабский прототип *mazar*, который в ливийском диалекте является литературным, а в египетском – разговорным.

Стилистический эксперимент полезен для носителей арабского языка тем, что он заставляет относиться внимательно к выбору и уместности употребления того или иного слова в их родном языке.

Для ученых-филологов интересны будут результаты этого эксперимента. В процессе анализа заимствованных языковых единиц картина будет более полной, если определять не только фонетические, грамматические и семантические преобразования, но и сходство и различие в коннотациях.

Литература

1. Большой словарь иностранных слов / сост. А.Ю. Москвин. М.: Центрполиграф; Полюс, 2003. 816 с.
2. Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов. М.: Мартин, 2004. 848 с.
3. Володарская Э.Ф. Словарь истории русских слов. М.: Изд-во Ин-та иностранных яз., 2009. Т. 1. 780 с.

4. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
5. Языки Азии и Африки IV: Афразийские языки. Кн. 1. Семитские языки. М.: Наука, 1991. 447 с.
6. محمد بن ابوبكر الرازي Мухаммед Аль-Рази. Толковый словарь арабского языка مختار الصحاح – Сирия; Хомс, 2003. 541 с.
7. محمد بن ابوبكر الرازي Мухаммед Аль-Рази. Толковый словарь арабского языка مختار الصحاح – Египет; Каир, 2007. 427 с.

СВЕТЛОВА РОЗАЛИЯ МАНСУРОВНА – преподаватель кафедры русского и татарского языков, Казанский государственный медицинский университет, Россия, Казань (habibi.rozana@mail.ru).

SVETLOVA ROSALIA MANSUROVNA – teacher of Russian and Tatar Languages Chair, Kazan State Medical University, Russia, Kazan.

УДК 811.161.1'373.611

Н.И. СЕРГЕЕВА

ПРОИЗВОДНОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ЕДИНИЦЫ СЕМАНТИЧЕСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: семантическое словообразование, словообразовательное значение, семантическая словообразовательная пара, семантическое гнездо, семантический словообразовательный тип.

Статья посвящена вопросам семантического словообразования как особой области лингвистики. Показана специфика отношений между семантическим производным и семантическим производящим. Уточняются критерии разграничения лексико-семантических вариантов и лексических омонимов, определяются и характеризуются основные единицы семантического словообразования.

N.I. SERGEEVA

THE PRODUCTION OF LEXICAL MEANING AND UNITS OF SEMANTIC WORD-FORMATION

Key words: semantic word-formation, semantic word-formation meaning, semantic word-formation pairs, semantic nest, semantic word-formation type.

The article is devoted to the questions of semantic word-formation, a specific field of linguistics. The specific peculiarities of relationships between semantic derivative and semantic underlying words are shown in the article. The criteria of distinguishing lexical semantic variants and lexical homonyms are defined and the mean units of semantic word-formation are characterized.

Результаты изучения значения слова в лексико-словообразовательном аспекте позволяют говорить об особой области лингвистической науки – семантическом словообразовании.

Семантическое словообразование не имеет пока достаточно разработанной теории: не определена специфика отношений между семантическими производным и производящим, не установлены надежные критерии разграничения семантического производного и семантического варианта, не зафиксирован и не запущен общепринятый терминологический аппарат. Последнее обстоятельство вынуждает языковедов использовать расплывчатые описательные выражения для определения важнейших понятий семантического словообразования, а терминологические процессы семантических преобразований (таких, например, как семантическая деривация [3. С. 20] и др.) преимущественно отражают изменения внутри семантической структуры слова, но никак не связаны с процессом появления новых лексических единиц.

Трудности в становлении теории семантического словообразования обусловлены и существованием взаимоисключающих точек зрения на результаты семантических сдвигов. С одной стороны, признается, что, если новое значение слова не теряет связи с другим (или другими) значением этого слова, следует говорить о лексико-семантическом варьировании (тождестве слова).

Такая точка зрения отражена в работах О.С. Ахмановой, А.И. Смирницкого, Э.В. Кузнецовой и традиционно представлена в учебных пособиях по лексикологии современного русского языка, что свидетельствует о ее приоритетном положении. С другой стороны предлагается считать, что любое семантическое преобразование влечет за собой появление нового слова, и это означает полное отрицание полисемии в обычном понимании, поскольку «каждой единице языкового смысла» соответствует отдельная и строго закреплённая за ней «единица внешней оболочки» [5. С. 5].

Описанию единиц семантического словообразования должно предшествовать рассмотрение вопроса о синхронии и диахронии в словообразовании. Как отмечает В.Н. Немченко, «недостаточно последовательное разграничение названных явлений ... приводит к серьезным недоразумениям, прежде всего в словообразовательной науке, или дериватологии» [6. С. 15]. Под диахронией в словообразовании понимается, как известно, «исследование языка во времени, в процессе его развития на временной оси» [4. С. 244; 5. С. 145; 6. С. 280]. Однако подход к слову как к единице однозначной вместе с отрицанием многозначности демонстрирует и признание синхронического аспекта изучения семантического словопроизводства. Положение о моносемичности слова вряд ли может быть безоговорочно принято, а вот сосуществование синхронического и диахронического подходов при рассмотрении словообразовательных процессов во всем их многообразии представляется вполне оправданным. Иными словами, обращаясь к явлениям семантического словообразования, можно говорить не только о переходе «от одного качественного состояния к новому качественному состоянию в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений» [6. С. 16], но и описывать уже установившиеся факты языка – семантические пары, типы, гнезда и т.д. – на определенном этапе его развития. Очевидно, что это и есть синхронический подход к изучению языковой системы. Кроме того, изучение результатов семантических преобразований лишь в диахроническом аспекте противоречит, на наш взгляд, бесспорному положению о том, что «синхронное рассмотрение языка ... предшествует диахроническому, ибо это последнее всегда связано с сопоставлением по крайней мере двух последовательных связей (синхронных срезов) в системе языка ...» [4. С. 136].

Принимая дихотомию синхронического и диахронического подходов в семантическом словообразовании, можно говорить о разных типах развития слова. Ю.С. Степанов, указывая на языковую тенденцию в области терминологии – стремление к пределу семантического варьирования и образование в конечном итоге терминов-омонимов, – отмечает три типа развития полисемии:

1) не достигшее предела развитие полисемии (итог такого развития – лексико-семантические варианты значения);

2) достигшее предела развитие полисемии (в результате возникают лексические омонимы);

3) появление вторичной полисемии (происходит смыкание вторичного значения, достигшего предела, с исходным значением).

Применительно к нашему исследованию классификация результатов семантических изменений выглядит следующим образом:

1) образование лексико-семантических вариантов (развитие значения обнаруживает максимальную повторяемость сем, новое значение развивается на основе определяющей семы исходного значения, амплитуда семных расхождений минимальна);

2) образование синхронных лексических омонимов (количество общих сем минимальное, развитие значений происходит чаще всего на основе имплицитных или потенциальных сем);

3) образование диахронических омонимов (семантическая общность устанавливается только этимологически).

Однако существуют известные сложности при практическом разграничении лексико-семантических вариантов и лексических омонимов. Наряду с тем, что существует мнение о невозможности полного разграничения омонимов и лексико-семантических вариантов, ввиду зыбкости границ между полисемией и омонимией, предлагалось достаточно много способов и приёмов, благодаря которым можно было бы установить разрыв семантических связей и факт возникновения лексических омонимов. Некоторые из них не выдерживают критики. Прежде всего это, конечно, психологический критерий, когда разграничение названных явлений основано на «ощущениях» связанности и разорванности, а также формальные лингвистические методы, используемые каждый в отдельности (метод подстановки синонимов, словообразовательный критерий и др.). Последние могут применяться как вспомогательные, но отнюдь не как определяющие.

Наиболее надёжными, несомненно, являются синтаксический критерий, учитывающий контекстное окружение слова, и семантический, в основе которого лежит компонентный анализ. Исследование контекстного окружения слова позволяет установить «набор слов, с которыми наиболее вероятным образом происходит сочетание» или исключить «набор слов, с которыми сочетание невозможно или по крайней мере маловероятно» [1. С. 18]. Компонентный анализ, выявляющий все имплицитные и потенциальные семы, наглядно демонстрирует семные расхождения в значениях. Словообразовательные же потенции и парадигмы лишь подтверждают, но не определяют омонимичность или принадлежность значений одной семантической структуре слова.

Морфемное и семантическое словообразования имеют общий объект изучения – словообразовательно мотивированные слова. Основные единицы морфемного словообразования давно детально охарактеризованы в фундаментальных исследованиях, посвященных описанию грамматического строя современного русского литературного языка. Механизм создания новых слов семантическим способом может быть описан при помощи уже закрепившихся в теории словообразования терминов и понятий, но специфичность семантической деривации не позволяет использовать их без специальных объяснений и уточнений, раскрывающих суть и автономность данного процесса. И, в первую очередь, особого разъяснения требует понятие «словообразовательное значение». Его специфика наиболее отчетливо проявляется при сопоставлении с соответствующим понятием морфемного словообразования.

Словообразовательная мотивированность при морфемном словообразовании подразумевает формальную и семантическую включаемость мотивирующего в мотивированное, отсюда словообразовательное значение – это семантическая разница между лексическими значениями мотивированных и мотивирующих одного словообразовательного типа. При семантической деривации включаемость мотивирующего значения в мотивированное также имеет место, но носит принципиально иной характер. Словообразовательное значение составляют общие семы мотивированного и мотивирующего значений. А семы, отличающие значения, создают их индивидуальность и поэтому не могут быть универсальными для ряда словообразовательных семантических пар. Тогда как построение типологии семантических производных возможно только после установления универсальных словообразовательных значений. И важнейшей составляющей семантического словообразовательного типа в таком случае будут наиболее общие семы словообразовательного значения: «форма», «функция», «отвлеченность» и т.п.

Семантическая производность (появление лексических омонимов), как уже отмечалось, может быть подтверждена наличием ряда признаков, среди которых определяющими являются расхождение в семном составе семантических составляющих и контекстная сочетаемость. Два семантических омонима, один из которых семантическое производящее (исходное), а другой семантическое производное (вторичное), составляют семантическую словообразовательную пару. Общие семы значений семантического производного и семантического производящего – это тот «мостик», который соединяет два значения и представляет собой специфическое словообразовательное значение.

Семантическая словообразовательная пара – важнейший элемент семантического словообразовательного гнезда. Семантическое гнездо, таким образом, включает семантическую словообразовательную пару и морфемные производные, сохраняющие индивидуальные семы значения семантического производящего, с одной стороны, и семантического производного – с другой.

В свое время А.Н. Тихонов дал определение лексического гнезда как совокупности однородных слов, объединённых лексическими значениями и лексическими отношениями. «Семантически организующим центром лексического гнезда является корневое (непроизводное), от которого тянутся разнообразные смысловые нити к остальным словам. При этом в семантическом устройстве гнезда корневые слова участвуют в определенных своих лексико-семантических вариантах (ЛСВ)» [7. С. 3]. Как видим, лексическое гнездо в трактовке А.Н. Тихонова и семантическое гнездо в нашем понимании отличаются хотя бы по своей структурной организации. Итак, семантическое словообразование ставит задачи установления типологии семантических изменений и описания словообразовательной системы через основные единицы – семантическую словообразовательную пару, семантическое словообразовательное гнездо, семантический словообразовательный тип.

Литература

1. Арсентьева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П. Многозначность и омонимия. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1966. 196 с.
2. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 286 с.
3. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Марков В.М. Несколько замечаний о способах русского словообразования // Развитие синонимических отношений в истории русского языка. Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 1980. 161 с.
6. Немченко В.Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 1994. 296 с.
7. Тихонов А.Н. Гнездо однокоренных слов как многоуровневая единица языка // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд: Изд-во Самаркандского гос. ун-та, 1987. Ч. 2. 421 с.
8. Тихонов А.Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка // Русское словообразование: сб. ст. Самарканд: Изд-во Самаркандского ун-та, 1971. 322 с.

СЕРГЕЕВА НИНА ИЛЬИНИЧНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка им. М.М. Михайлова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (ninaisergeeva@gmail.com).

SERGEEVA NINA ILINICHNA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian Chair named after M.M. Mikhailov, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 821.511.131.09-22

Т.И. ЗАЙЦЕВА, М.В. ИВШИНА

ЖАНР КОМЕДИИ В ТВОРЧЕСТВЕ УДМУРТСКИХ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»

Ключевые слова: удмуртская драматургия, жанр, комедия, герой, литература и фольклор.

Рассмотрены особенности развития жанра комедии в удмуртской литературе 1960-1980-х гг. Опираясь на творчество «шестидесятников», авторы раскрывают новое жанровое качество национальной комедии, ее социальную заостренность и художественное своеобразие, особую роль в выработке литературой более свободных изобразительных приемов.

T.I. ZAITSEVA, M.V. IVSHINA

GENRE OF COMEDY IN WORKS OF THE UDMURT WRITERS OF THE ROCKY SIXTIES

Key words: Udmurt drama, genre, comedy, character, literature and folklore.

The article deals with the features of genre of comedy in the Udmurt literature of the 1960-1980s. Based on the works of the writers of the rocky sixties, the authors reveal a new genre quality of national comedy, its social acuity and artistic originality, and the special role in the development of more free art visual methods in literature.

В истории становления жанра удмуртской комедии 1960-1980-х гг. особое место занимают пьесы «шестидесятников»: В. Садовникова «Гондыр куш» («Медвежий угол», 1974) и «Меч яр дурын» («На крутом берегу», 1975), С. Широбокова «Яратон ке овол» («Если нет любви», 1961) и «Ой, чебер нылъёс» («Ой, распрекрасные девушки», 1969), Е. Загребина «Насьток но Исьток» («Анастасия и Степан», 1987) и др. Именно эти пьесы отражают такую важную тенденцию национального литературного процесса, как усиление комического начала в драматургии этого времени. Несмотря на мягкость красок, в этих комедиях преобладают разоблачающий смех, сатира, направленные против негативных явлений современной действительности.

Тенденции развития удмуртской комедии указанного периода можно проследить на примере анализа пьес В. Садовникова «На крутом берегу» и С. Широбокова «Если нет любви». Всем своим творчеством В. Садовников принципиально выступает против «отрицателей» советской сатиры, поскольку для него было важно осмыслить проблемы и противоречия народной жизни в новых исторических условиях. Одной из основных художественных задач драматурга становится борьба с мещанством в народной среде. Чаще в пьесах В. Садовникова комическими средствами исследуются причины и истоки психологии потребителя-мещанина.

Отличительной особенностью комедии «На крутом берегу» является то, что она тяготеет к слиянию с публицистикой. Пьеса строится на комизме укрупненном, обличающем, автор, согласно духу эпохи, старается быть бескомпромиссным, он воюет со злом, тормозящим советское общественное развитие. В. Садовников высмеивает потребительскую философию на примере разоблачения фальшивого предпринимательства, укореняющегося в крестьянском коллективе. Председатель колхоза Тихон Тихонович Ядыгаров вместе со своим подчиненным бухгалтером Грибковым приобретают для деревни пиломатериал по липовым документам. Драматург стремится показать, что приписка – это воровство, разрушающее общность народной жизни. Такое зло выставлено у Садовникова на всеобщее обозрение, автору удалось придать емкость и обобщенность отрицательному явлению. В финале пьесы обманщики разоблачены и подвергаются осмеянию.

Особое место занимает в пьесе комический образ Светланы, дочери председателя. В этом образе много жизненно верного, реального. Заканчивая сельскохозяйственный институт, героиня не имеет ни малейшего представления о крестьянском труде. Ситуация «протаскивания своих» отражает серьезную проблему, присущую обществу уже в те годы. Светлана покоряет зрителя жизненным юности, непосредственной мечтой о благополучии в будущем. Но драматург неожиданным поворотом сюжета заставляет зрителя насторожиться и задуматься над тем, что эти невинные юношеские мечты могут превратиться в устойчивую жизненную позицию. Ибо пример ее семьи, давно уже оторвавшейся от односельчан и народа и живущей по принципу «как бы побольше урвать», может стать для нее единственным примером, достойным подражания.

Изобличая негативные явления современной жизни, В. Садовников противопоставляет им народные ценности. Конфликт пьесы строится не на традиционном столкновении положительных и отрицательных героев, но на соотношении нравственных ориентиров разных героев. В отличие от драматургии прошлых лет, объектом изображения В. Садовникова становится не исключительная ситуация на колхозном или промышленном предприятии, но нравственная атмосфера в крестьянском коллективе в процессе повседневного общения. В соответствии со своим замыслом и жанровой природой комедии драматург ориентируется на язык простого народа, устное повествование. Это придает своеобразие конфликту пьесы, поскольку в его построении главная роль отводится иронически-сатирическому отношению народа к взяточникам и подхалимам, к разного рода поддельщикам. Раскрывая внутренний мир героев, автор нередко находится словно бы на грани комедии и сатиры, а в основе многих сцен лежит пародийность:

Я д ы г а р о в. Ох, тон зичы! (Ох, ты лиса!)

Г р и б к о в. Зэм – зичы мынэ, пытыызэ быжныыз чуже, озы-а? (Это правда – лиса бежит, за собой следы хвостом замечает, не так ли?) [3. С. 57].

Отличие стиля Садовникова от языка удмуртских писателей тех лет заключается в том, что он не только вводит народные выражения в текст литературного произведения, но и верно передает самую структуру народной речи, способ мышления, отражающий народный склад ума и народные ценности жизни. Не случайно П. Домокош, говоря о фольклорной основе творчества В. Садовникова, писал, что его «...познания в мировой литературе, начитанность, знакомство с драматургической литературой ничтожно малы, поэтому он скорее инстинктивный, а не сознательный художник» [1. С. 322-323].

В отечественной литературе 1960-1980-х гг. большое место занимали произведения, обличающие стяжательскую психологию. В последние годы эти произведения нередко подвергаются огульной критике. Между тем стремление литературы осмыслить такую проблему, как всевозрастающее неблагополучие в обществе из-за погони людей за материальными ценностями совершенно не потеряло своей актуальности и сегодня. Пьеса «На крутом берегу» неоднократно ставилась в национальном театре, имела шумный сценический успех, получила положительные отклики со стороны профессиональных литераторов. Так, известный удмуртский писатель М. Петров отмечал: «В удмуртском театре давно уже не было такого задушевного смеха. Над чем же смеются зрители? А смеются они над пороками капиталистического индивидуализма» [2].

Если В. Садовников средствами сатиры боролся с собственничеством, то в центре внимания в пьесах С. Широкова оказывается молодой герой. Этого автора больше интересуют ростки новых социальных, трудовых, нравственных отношений в среде удмуртской молодежи. Драматург стремится к поэтизации лучших черт молодого человека 1960-х гг., раскрывая комическую несостоятельность воззрений ряда героев.

Ведущие герои комедии «Если нет любви» – выпускники школы, оставшиеся работать в родном колхозе. Поиски Широбокова созвучны исканиям отечественной литературы тех лет, решавшей проблему жизненного предназначения молодого человека. Автор ставит вопрос: может ли состояться человек в той профессии, к которой у него нет любви? На первый взгляд сосредоточенность драматурга на этой проблеме выглядит надуманной и недостаточно убедительной, но С. Широбоков умело вводит зрителя в мир чувств, мыслей, переживаний юных героев, которые отражают социальную и нравственную атмосферу времени.

С. Широбоков стремится отойти от распространенных в удмуртской драматургии тех лет внешних комических эффектов, и потому анекдотические мотивы в пьесе возникают из смешных и противоречивых историй, подмеченных автором в повседневной действительности. Фенечка, дочь колхозного бухгалтера, окончила школу, пора определяться с профессией, но за выбор ее будущей работы берется мать. Для матери учеба дочери в институте – это способ «вывести ее в люди», наиболее удобный путь к обеспеченной жизни. Напомним, что в те годы в институты принимали в первую очередь тех, кто имел хорошие трудовые характеристики с места работы (например, в колхозе, на фабрике и т.д.). Вот и Маланья путем всевозможных уловок и комических ухищрений достает у конторских чиновников справку о том, что Феня трудится на ферме.

В пьесе нередко возникают анекдотические ситуации, в которые автор вводит драматические мотивы. К примеру, сама Феня желает учиться в художественном техникуме, и способности у девушки немалые, но матери важнее «засунуть» ее в престижный институт «через колхозную ферму». Рисуя образ молодой героини, автор поднимает и проблему нереализованной личности, что придает комедии многомерность, делает ее грустной и лирической комедией одновременно. Запутавшаяся девушка вызывает к себе жалость, сочувствие. Добродушный широбоковский юмор помогает зрителю увидеть серьезные общественные противоречия современной жизни. Заставляет задуматься зрителя и образ отца Фени, безвольного Ипполита Ивановича, всю свою жизнь прожившего под каблуком жены. Если утверждение положительного начала на этапе формирования театра было связано с откровенным обличительным агитационным пафосом, то в пьесе С. Широбокова положительный пафос идет от амбивалентности смеховой культуры и от более многогранных образов героев. Деревенский обыватель Широбокова совершенно другой, не похожий на прежнего. Вот и Маланья нахватала идей нового времени, она хорошо проинформирована, читает газеты и прекрасно знает, что с «колхозной» характеристикой любимое дитя можно отправить куда угодно, поскольку «низовых» на руках носят. Жанр комедии, не теряя народной основы смеха, становится более проблемным, психологически убедительным.

Для передачи образа мыслей и чувств героев автор нередко вводит в их речь народные остроты и афоризмы, пословицы и поговорки. К примеру, «чечег быж сямен эн дырекъя» («не дрожи словно хвост трясогузки»), «мон улытозям вал кадь ужасько» («все свои прожитые годы работаю как лошадь»), «визьмо председатель толлы гужем дасяське» («умный председатель к зиме летом готовится») и др. Драматург также умело строит сжатые фразы-афоризмы, которые близки к пословицам и поговоркам и их невозможно отличить от народных выражений:

С а н ч о. Мон витеиэз питран, вань документъёс со кийн. (Я пятое колесо, все документы у него).

Н а т а ш а. Соку питра но шедъты. (Тогда катись и найди) [4. С. 44].

Пословицы и народные выражения, употребленные к месту, начинают играть в пьесе многообразными красками, приобретают новые оттенки, оживают. В комедии, где необходимо динамичное развитие действия, пословица помогает автору быстро определить ситуацию, отношения героев друг к другу. Широбоков также использует народную символику пословицы, которая вызывает у зрителя ряд ассоциаций (напр., «Вороне соловьем не быть» и др.).

К сожалению, многие пьесы «шестидесятников» остаются вне внимания историков театра, литературоведов и критиков. Между тем пьесы, оставшиеся в забвении, представляют для нас большой интерес и ценность, поскольку их тексты отражают реальную историю народа. Кроме того, эти пьесы по-своему возрождали установку искусства на «условную» связь с фольклором, прерванную войной и годами сталинского тоталитаризма. Комедия, как писали выше, становится доминантным жанром национального литературного процесса, способным представить народную модель мира и укоренять новую этику. Интерес к жанровым разновидностям комедии оживился в удмуртской драматургии в последние два десятилетия. По структуре удмуртские комедии 1990-2000-х гг. чаще являются комедиями-драмами, сатирическими комедиями или комедиями-фарсами. Комедийность нередко сливается с драматизмом мелодрамы. Комедия развивается по пути соединения сатирического и трагического начал, но в своих жанровых канонах она во многом опирается на традиции «шестидесятников».

Литература

1. *Домокош П.* История удмуртской литературы / пер. с венг. В. Васовчик. Ижевск: Удмуртия, 1993. 445 с.
2. *Петров М.П.* Меч яр дурын = [На крутом берегу] // Советской Удмуртия. 1954. 2 апр.
3. *Садовников В.Е.* Меч яр дурын // Садовников В.Е. Меч яр дурын: пьесаос = [На крутом берегу: пьесы]. Ижевск: Удмуртия, 1975. 125 с.
4. *Широбоков С.П.* Яратон ке овл... = [Если нет любви...] // Молот. 1962. № 2. С. 28-47.

ЗАЙЦЕВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, заведующая кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России, Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск (uawoz@rambler.ru).

ZAITSEVA TATYANA IVANOVNA – doctor of philological sciences, head of Udmurt Literature and Russia Peoples Literature Chair, Udmurt State University, Russia, Izevsk.

ИВШИНА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – соискатель ученой степени кандидата филологических наук, документовед кабинета удмуртской литературы и фольклора, Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск (ladimarja@mail.ru).

IVSHINA MARIYA VLADIMIROVNA – a competitor of scientific degree of Philological Sciences Candidate, assistant of Udmurt Literature and Folklore Study, Udmurt State University, Russia, Izevsk.

УДК 830 (430) (092) Гофман

Л.А. МИШИНА

РАСКРЫТИЕ ТАЙН В РОМАНЕ Э.Т.А. ГОФМАНА «ЭЛИКСИРЫ САТАНЫ»

Ключевые слова: театрализация повествования, «педагогическое путешествие», концепция чудесного, икона святой Розалии, Художник как хранитель рода.

Определяется место «Пергамента престарелого Художника» в композиции романа Э.Т.А. Гофмана «Эликсир сатаны», анализируются содержание «Пергамента» и его роль в раскрытии тайн рода главного героя романа монаха Медарда.

L.A. MISHINA

THE REVELATION OF MISTERY IN E.T.A. HOFFMANN'S NOVEL «SATAN ELIXIRS»

Key words: the atralisation of narrative, «pedagogical trip», conception of wonderful, icon of saint Rozalia, the Painter as defender of generation.

In this article the place of «The papers of old Painter» in the composition of E.T.A. Hoffmann's novel is defined, and the essence of «The papers» and its role in the revelation of generation mistery of the main personage monk Medard are analyzed.

Роман «Эликсир сатаны» (1815-1816) является самым сложным произведением немецкого романтика Эрнста Теодора Амадея Гофмана. К интерпретации романа исследователи обращаются редко. Философская глубина произведения определяется прежде всего замыслом писателя показать скрытые механизмы, определяющие судьбу человека. Использование системы

повторов, создание многочисленных переходных ситуаций от реального к ирреальному, а также стремление театрализовать повествование делают структуру произведения многослойной.

Сюжетно роман представляет собой историю монаха Медарда и его рода. Монах покидает родной монастырь, в стенах которого ему становится тесно, и отправляется в большой мир. Открытие мира происходит параллельно с открытием тайн рода. Каждый поворот сюжета и каждый элемент композиции многозначен. Среди ключевых структурных частей романа – «Пергамент престарелого Художника», который попадает в руки Медарда, возвращающегося из Италии в родной монастырь. «Пергамент» столь значим в раскрытии тайн рода, что Гофман готовит Медарда к его прочтению. Роль подготовительных ступеней играют беседа о Художнике с приором монастыря близ Рима и «Вводное примечание издателя».

Беседа Медарда с приором приобретает неожиданный поворот. Начавшийся диалог переходит в монолог приора, являющийся одним из узловых моментов в структуре романа. Слова приора важны не только для Медарда, но и для читателя. К прочтению «Пергамента Художника» Гофман готовит как Медарда, так и читателей романа. Замысел произведения столь сложен, что автор стремится растолковать его и не оставляет читателя без поддержки. Прав Б. Штайглер, утверждающий, что каждый читатель дешифрирует записи истории жизни Медарда по-своему [8. С. 235], но без направляющий руки автора, как нам представляется, дешифровка может быть сделана с большими погрешностями. Однако помощь читателю в освоении романа – это промежуточная задача автора; главная его цель – обозначить для читателя конфликт «между миром каждодневным (the world of everyday. – Л.М.) и миром... великолепным, прекрасным, поэтическим» [6. С. 54] и способствовать вхождению человека в этот невещественный мир. «То, что с обывательской точки зрения утверждало, с точки зрения Гофмана развенчивало...» [3. С. 311]. Начата в «Предисловии издателя» психологическая работа с читателем продолжена автором в монологе приора. Функция этих фрагментов идентична, и момент включения их в повествование точно просчитан Гофманом: в «Предисловии издателя» автор готовит читателя к вхождению в пространство романа, в монологе приора – к освоению одной из важнейших структурных частей его – «Пергамента престарелого Художника».

В обоих пассажах Гофман излагает свое понимание истинного, скрытого от обыденного, мира. Оба пассажа построены на сочетании религиозного и эзотерического начала. Издатель ведет вступительную беседу с читателем, находясь в монастырском парке, где с фресок на обширной стене смотрят «ясные, полные жизни очи святых» [1. С. 5]. Беседа с читателем, продолженная в предпоследней главе книги, также имеет место в монастыре, и авторские сентенции вложены здесь в уста приора. Рассуждения священника о традиционных понятиях – о грехе, раскаянии, добре, зле – переходят в размышления о скрытых механизмах человеческой жизни. На этот раз Гофман обходится без сослагательного наклонения и четко излагает свою концепцию. Прежде всего он выделяет «чудеснейшие явления, какими мы повседневно окружены», – люди отказываются признать их таковыми по причине повторяемости; второй вид чудесного имеет место в том случае, когда «этот правильный круговорот нет-нет и разорвется каким-либо чрезвычайным обстоятельством, перед которым оказывается бессильной наша людская мудрость» [1. С. 196].

В «Предисловии издателя» Гофман, стремясь ввести читателя в непривычный, но столь важный для развития души мир, привлекает его любопытным сюжетом: «Но если ты отважишься последовать за Медардом как его верный

спутник по мрачным монастырским переходам и кельям, а затем по пестрому-пестрому миру и вместе с ним испытает все, что перенес он в жизни страшно-го, наводящего ужас, безумного и смехотворного, то, может быть, тебя развлечет многообразие картин, которые откроются перед тобой словно в камере-обскуре» [1. С. 6]. Тональность монолога приора иная, более жесткая – способность видеть только «земными очами» Гофман прямо называет тупой закоренелостью. Пообещав читателю увлекательное путешествие, Гофман идет на обман, твердо зная, что это будет «педагогическое путешествие», которое читатель совершит вместе с Медардом. Подобная структура уже использована писателем в новелле «Артуров двор», где «благодарный читатель» участвует в «педагогическом путешествии» вместе с героем, молодым человеком¹.

Логическая связь монолога приора и «Предисловия издателя» заключается также в том, что определенные положения речи настоятеля монастыря являются своеобразной иллюстрацией идей, прозвучавших в «Предисловии»: «Может статься, что с виду бесформенное примет, едва ты пристально взглядишь, ясный и заверченный вид» [1. С. 6. – Es kann auch kommen, dass das gestaltlos Scheinende, sowie du schärfer es ins Auge fasst, sich dir bald dentlich und rund darstellt. 4. С. 5], – наставляет Гофман читателя в «Предисловии издателя». Эта мысль конкретизируется в речи приора. Рассказывая Медарду о книге Художника, священник отмечает ее странную особенность: «...Я в этой книге, – говорит он, – все принимал за неясные каракули и нечеткие эскизы художника-фантаста, и только тогда она стала для меня разборчивой и четкой, когда ты, возлюбленный брат Медард, побывал у меня на исповеди» [1. С. 196]. Способность высших сил вносить в человеческие деяния ясность и завершенность признает и Медард: взяв в руки книгу Художника, он находит в конце ее описание своих видений и предчувствий, но выраженных «отчетливее, определеннее, резче» – так, как он не смог бы выразить сам. «Ясную и завершенную» картину может создать только тот, кому известен общий замысел – перед человеком предстают лишь фрагменты.

Заставив приора монастыря в беседе с Медардом изложить свою концепцию чудесного, автор предстает собственной персоной во «Вводном примечании издателя», которое завершает отмеченную нами подготовку Медарда к чтению «Пергамента Художника». «Вводное примечание», важное как для Медарда, так и для читателя, напоминает расширенную ремарку в пьесе: в нем названы основные действующие лица «спектакля» и дается краткое изложение сюжета. Внеся драматургическую струю, автор в то же время акцентирует повествовательность. Гофман характеризует внешний вид, язык, стиль и содержание рукописи: «пергамент был исписан мелкими, еле различимыми письменами» на старинном итальянском языке в стиле хроники и представлял собой историю рода, из которого происходил отец Медарда Франческо. Издатель, как явствует из его слов, явился также и переводчиком: «Станный тон повествования зазвучал на нашем языке как-то хрипло и глухо, будто надтреснутое стекло...» [1. С. 197], – пишет он. Издатель в определенной степени может быть назван и соавтором книги, ибо, по его словам, для прояснения смысла «ему пришлось простую, но величавую, как хорал, хронику Художника снабдить всякого рода пояснениями и дополнениями...» [1. С. 198].

Автор, проводя столь серьезную подготовку Медарда и читателя к восприятию рукописи Художника, подчеркивает ее своеобразие, создает опреде-

¹ Анализ новеллы Э.Т.А. Гофмана «Артуров двор» см. в статье: Oesterle G. Romantische Urbanität? Börse und Kunst in E.T.A. Hoffmanns «Der Arturshof» // «Hoffmanneske Geschichte». Zu einer Literaturwissenschaft als Kulturwissenschaft. Bonn, 2005.

ленную дистанцию между романном пространством, в котором фигурируют приор, издатель, Медард, предполагаемым читатель, и пространством рукописи. Пространство рукописи приобретает статус сценической постановки, которую смотрят сидящие в зале зрители. Однако степень театрализации текста «Пергамента» неодинакова. Эпичность и драматизация существуют в «Пергаменте» в причудливом единстве. Эпический тон задан с самого начала записей Художника: «...Случилось так, что республика Генуя, жестоко теснимая алжирскими корсарами, обратилась к славному своими подвигами на море герцогу Камилло П., чтобы он с четырьмя хорошо снаряженными галерами, на которых было размещено немало воинов, предпринял набег на дерзких разбойников» [1. С. 198]. Эпичность оправдана задачей автора «Пергамента» – изложить историю рода на протяжении нескольких поколений. Но ошибочно было бы для Гофмана выбрать эпический тон как единственной возможный, ибо линии жизни потомком Камилло чрезвычайно витиеваты и далеки не только от идеала, но и от нормы. «Хоральность» хроники Гофман нарушает театрализацией определенных фрагментов ее. Театрализация также может быть объяснена стремлением автора романа сделать некоторые эпизоды более наглядными.

В «Пергаменте» без труда может быть выделен «спектакль», связанный с созданием иконы святой Розалии и появлением Венеры; именно здесь впервые в истории рода появляется вино из погреба святого Антония. Идея «ожившей картины» близка Гофману, ибо границы различных искусств были для него проницаемы. Если не осознавать взаимодействия литературных референций, музыкального и художественного материала, то можно упустить смысл текста, считает Р. Шмидт, автор исследования «Если в игре несколько искусств. Взаимосвязь искусств у Гофмана» [7. С. 13]. На иконе появляются изображения помимо воли художника. Ему мерещится стоящая у картины Венера, с которой он и рисует образ святой. Как обычно в текстах Гофмана, невозможно однозначно решить, можно ли назвать явления чистыми галлюцинациями или это заложено в проекте реально существующие персонажи [5. С. 74]. И, наконец, в комнате появляется непостижимо прекрасная женщина, которую Франческо только что нарисовал. Холст оказывается вратами в таинственный мир – но, как подчеркивает Гофман, Художник оказывается на грани миров в результате воздействия эликсиров сатаны, и за это последует расплата. Гофман не отказывает себе в удовольствии и «ставит сценку» перевоплощения одного из приятелей Франческо, молодого человека, в старого лекаря: «Юноша, как видно подражавший походке и манере держаться старика врача, вошел, семеня согнутыми в коленях ногами и до странности исказив свое юное лицо, покрывшееся складками и морщинами» [1. С. 201]. Мольеровские аллюзии, однако, сменяются трагическими нотами, когда становится ясно, что под маской врача к Художнику явился сам Сатана, предложивший ему вместо лекарства свой эликсир². Разрушительные последствия этого альянса читателю уже известны.

По своей стилистике «Пергамент Художника» не отличается от окружающего его романного повествования. Можно предположить, что Гофман решил не усложнять стилизацией под старинную хронику и без того крайне запутан-

² К. Негус считает, что сатана в своем традиционном виде не появляется в романе, но сюжет определяется его аурой и направляется его агентами (Negus K. E.T.A. Hoffmann's other world. The romantic author and his «new mythology». Philad., 1965). Подобные рассуждения звучат в статье Э.М. де Мацца по поводу человека в сером из повести А. Шамиссо «Удивительные приключения Петера Шлемиля»: «Ничего в нем не напоминало сатану прежних времен, у которого на лице была написана злость...» (Mazza E.M., de. Erinnerungen, Wiederholungen, Löscharbeiten. Zur Nachtseite der Bilden in E.T.A. Hoffmanns «Abenteuren der Silvestr-Nacht» // «Hoffmanneske Geschichte». Zu einer Literaturwissenschaft als Kulturwissenschaft. Op. cit.).

ную историю рода Медарда. Дорожа доверием читателя, Гофман во «Вводном примечании издателя» объясняет изменение стиля хроники, написанной на старинном итальянском языке, переводом на немецкий язык и включением необходимых пояснений и дополнений. Но даже изложенная привычным для читателя романа языком, история рода Медарда не утрачивает своей монументальности: в ней подняты огромные пласты времени, прослежена история шести поколений рода Медарда; у своих истоков история рода косвенно связана с именем великого Леонардо. Его имя, как пишет Ф.П. Федоров, «для романтизма является лучшей характеристикой, ибо со времен Вакенродера Леонардо да Винчи пользовался среди немецких романтиков славой «святейшего», «божественнейшего» художника» [3. С. 327].

Леонардо да Винчи становится знаковой фигурой в формировании родовой линии Медарда³. Статус Леонардо в романе определяется как значением искусства в истории рода, так и облагораживающей ролью великого художника в этой истории. Тема искусства акцентируется с первых строк хроники: Франческо, сын основателя рода Камилло П., отказывается повиноваться отцу и вернуться домой для управления страной, так как обучается живописи в школе Леонардо да Винчи. «Для него искусство, – пишет Гофман о Франческо, – было выше всех почестей, дороже всех благ на земле...» [1. С. 198]; творение живописца он считал чистейшим отблеском «обитающего» в нем благостного духа» [1. С. 199]. Искусство противопоставлено в хронике и скипетру, и мечу, оно самоценно. Истинный художник, по мнению Гофмана, способен укрощать страсти и пороки: работая рядом с Леонардо, Франческо забывает о своей гордыне; как только великий мастер умирает, «подобно долго сдерживаемому пламени, вспыхнули в юном Франческо гордость и высокомерие» [1. С. 199].

Являясь историей рода Медарда, хроника в то же время оказывается историей живописных полотен, сыгравших ключевые роли в семейных коллизиях. Тема живописного полотна, «берущего на себя весь ход событий», получает в «Пергаменте Художника» очередное, едва ли не самое яркое воплощение в романе. Фигурирующие здесь полотна носят религиозный характер. Первым в этом ряду стоит образ святой Розалии, заказанный Франческо одним из капуцинских монастырей. Обуреваемый гордыней и языческими страстями, художник решает «написать святую обнаженной, лицом и телом схожей с Венерой» [1. С. 200]. Однако происходит чудо: икону как будто пишет святой дух, он заставляет Франческо изменить замысел и создавать образ по церковным канонам. Истинная вера и истинное искусство в концепции Гофмана сливаются. Создается впечатление, что изображение не создается Франческо, но лишь проявляется под кистью художника. Икона становится ареной борьбы язычества и христианства – «не святой лик Розалии, а улыбающееся лицо Венеры», ее сладострастный взор видит Франческо на полотне; борьба язычества и христианства становится в «Пергаменте Художника» одной из форм противостояния темных и светлых сил. В соответствии с христианской догматикой Гофман считает первопричиной несчастий рода один из смертных грехов – гордыню Франческо, который, имея в виду свое происхождение и свой талант, именовал себя царственным живописцем. Эликсир сатаны притянут гордыней Франческо.

Икона святой Розалии будет сопровождать род Медарда из поколения в поколение. Икона может быть рассмотрена как своеобразная параллель и символ рода. И изображение святой Розалии, и потомки художника появля-

³ О значении имени и личности Леонардо да Винчи в романе Гофмана см. статью В. Микушевича «Леонардо да Винчи в «Эликсирах дьявола» (Гофман Э.Т.А. Собр. соч.: в 6 т. М., 1993. Т. 2).

лись на свет в яростном противоборстве темных и светлых сил; и подобно тому, как в окончательном варианте на полотне оказалось изображенным лицо святой, а не языческой богини Венеры, так и в истории рода торжествует святость – отец Спиридон, смотритель книгохранилища капуцинского монастыря близ Б., называет Медарда благочестивым мужем.

Кроме иконы святой Розалии, в «Пергаменте Художника» фигурируют сделанные им росписи церкви в монастыре Святой Липы. В хронике нет подробного описания внутреннего убранства церкви, автор ограничивается лишь его общей характеристикой: расписано «благославно», исполнено «по повелению самой приснодевы» [1. С. 206]. Однако внимательный читатель, вознамерившись узнать подробности, вернется к первой главе романа, где их и обнаружит. Маленький Франц (впоследствии Медард) рассказывает аббатисе монастыря бернардинок жития святых, изображенных в церкви. Дивно прекрасный мальчик, приведенный Пилигримом в монастырь Святой Липы, объяснил Францу значение каждой иконы в церкви и даже «выложил из цветных камешков несколько фигур» [1. С. 10].

Гофман и в повествовательном тексте остается импровизатором; ему интересны разные способы преподнесения материала: история создания иконы святой Розалии изложена хроникально ее создателем; об иконах в церкви монастыря Святой Липы читатель может узнать только проведя собственные изыскания в тексте. С разных дистанций предстает в «Пергаменте» сам Художник, его составивший. История его жизни, включающая такие важнейшие моменты, как обучение у Леонардо, вакхическое буйствование, создание иконы святой Розалии, встреча с Венерой, рождение сына и побег, преподнесена Гофманом от третьего лица в хроникально-аналитическом стиле с явными нотами дидактизма. Вскоре рассказчик начинает говорить от первого лица и оказывается, что хроникер, аналитик и дидактик являются одним лицом – Художником. Так, переходя от третьего лица к первому, Гофман создает максимально полный портрет Художника, прослеживая и его передвижения во внешнем мире, и тончайшие душевные переживания.

Фантастический элемент, как это свойственно Гофману, столь тонко вплетен в ткань реальных событий, что читатель, лишь вдумавшись, осознает: Франческо, он же Художник, по законам земного существования не может быть свидетелем жизни всех последующих поколений своего рода. Художник становится хранителем рода, он появляется в важнейшие для семьи моменты, как опасные, так и радостные. В «Пергаменте» запечатлено два появления Художника: во время свадьбы Франческо, своего сына, с сестрой герцогини – для предотвращения венчания, и в монастыре Святой Липы – чтобы поддержать мать новорожденного Франца, только что потерявшую мужа. Описание дальнейших появлений Художника Гофман помещает вне «Пергамента», побуждая читателя к поискам информации в романе и тем самым как бы вовлекая его в действие. «Воспитательное путешествие» [2. С. 222] читателя активизируется.

Какой бы значимой ни была для Гофмана тема искусства наиглавнейшей для него, по крайней мере, в этом романе, остается тема любви. Причудливо переплетаясь, эти две доминанты формируют внутренний механизм движения жизни от поколения к поколению в роду Медарда. По накалу страстей и многим сюжетным и композиционным решениям «Эликсиры сатаны» сопоставимы с произведением, появившимся на сто пятьдесят лет позднее – с романом Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества». Гофман описывает страстную любовь, Гарсиа Маркес – страсть к одиночеству. При всех различиях, психология страсти оказывается тождественной.

В обоих произведениях изложена семейная история шести поколений. Период формирования обоих родов сопряжен с трагическими обстоятельствами: у Гарсиа Маркеса это убийство, у Гофмана – языческий разгул одного из основателей рода и рождение ребенка его возлюбленной, посланницей дьявола. Род Хосе Аркадио Буэндиа, начавшись с инцеста, не может избавиться от этого порока, инцест распространен и в роду Камилло: Медард вступает в связь со своей сестрой по отцу Евфимией, его предок Паоло Франческо овладевает своей сестрой по отцу Анджолой; если не инцестуальные, то нежелательные связи становятся в роду Медарда едва ли не нормой. Принцип повтора является в произведениях Гофмана и Гарсиа Маркеса ведущим структурным принципом. Немецкая исследовательница С. Хаупт в монографии «Все возвращается. К поэтике литературных повторений в литературе немецкого романтизма и эпохи Реставрации» исследует, в частности, и творчество Гофмана⁴. В романе «Эликсиры сатаны» повторяются не только судьбы героев, определенные географические точки акцентированы автором как узловые в истории рода, связанные с несколькими поколениями, ими оказываются монастыри – Святой Липы, капуцинов близ города Б., бернардинок, капуцинов над Римом. Немаловажной общей особенностью произведений является сочетание реального и фантастического материала, а также выделение в семейной истории ключевых фигур – это Урсула в романе Гарсиа Маркеса и Художник в повествовании Гофмана. Особая, охранительная, вневременная роль этих героев подчеркнута, в частности, отсутствием у них реального возраста.

Роман «Эликсиры сатаны» может быть определен как философско-детективное повествование. Процесс раскрытия тайн, составляющий основное содержание романа, состоит из многих звеньев, важнейшим из которых является «Пергамент престарелого Художника».

Литература

1. Гофман Э.Т.А. Эликсиры сатаны / пер. Н. Славятинского. М.: Республика, 1992.
2. Соколов М.Н. Время и место. Искусство Возрождения как перворубеж виртуального пространства. М.: Прогресс-традиция, 2002.
3. Федоров Ф.П. Романтический художественный мир: пространство и время. Рига: Зинатне, 1988.
4. Hoffmann E.T.A. Die Elixiere des Teufels. СПб.: КАРО, 2006.
5. Jürgens Ch. Das Theater der Bilder. Heilderberg, 2003.
6. Negus K. E.T.A. Hoffmann's other world. The romantic author and his «new mythology». Philad., 1965.
7. Schmidt R. Wann mehrere Künste und Spiel sind. Intermedialität bei E.T.A. Hoffmann. Göttingen, 2006.
8. Steigler B. Die Spiegelreflexkamerastammlinde. Bildsysteme in E.T.A Hoffmanns «Die Elixiere des Teufels» // Athenäum. Jahrbuch für Romantik. 1995.

МИШИНА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежной литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (futurum2006@yandex.ru).

MISHINA LARISA ALEKSEEVNA – doctor of philological sciences, professor, head of Foreign Literature, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

⁴ Haupt S. Es kehret alles wieder. Zur Poetik literarischen Wiederholungen in der deutschen Romantik und Restaurationszeit. Tiek, Hoffmann, Eihendorf. Würzburg, 2002.

УДК 82.512.1–131

Л.Х. МУХАМЕТЗЯНОВА

**РОЛЬ ИНФОРМАНТА – НОСИТЕЛЯ ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
В КНИЖНЫХ ДАСТАНАХ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ
В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЭПОСА**

Ключевые слова: народ, сказитель, эпос, книжный дастан, эпический текст, татары Поволжья.

Предложены некоторые результаты исследования текстов книжных дастанов татар Поволжья. Проведены параллели между устно-исполнительскими и книжными традициями эпоса. Выявлена специфика передачи татарских книжных дастанов в сравнении с живым исполнением эпоса. Раскрыта характерная черта книжных дастанов татарского народа во взаимосвязи с образом носителя эпической традиции.

L.Kh. MUKHAMETZYANOVA

**THE ROLE OF THE INFORMANT – CARRIERS OF EPIC TRADITION IN THE WRITTEN DASTANS
OF THE VOLGA TATARS IN THE POPULARIZATION OF THE NATIONAL EPOS**

Key words: people, narrator, epos, book dastan, epic text, Volga Tatars.

The article proposes some results of research into the text of the dastans of the Volga Tatars. Some parallels between the oral and performing traditions of the epic book are presented. The article describes and compares some particularities about the way written Tatar dastans and live epic performances were transferred. It describes a characteristic feature of written Tatar dastans in relation to the age of the carrier of epic tradition.

У народного дастана, как правило, есть первоисточник, доносящий дастан до публики. Таким первоисточником обычно выступают певцы-сказители.

Талантливых людей, занимающихся сказительством, каждый народ называет по-своему. Например, у древних греков они назывались аэдами, древнеиндийский эпос исполняли суты и кушилавы. Профессиональных сказителей и музыкантов-певцов в Западной Африке называли гриотами. В Западной Европе жили шпильманы, русский народ гордится своими сказителями, украинцы – кобзарями. А у монголоязычных бурятов таких мастеров называют улигершином или же гэсэршином, у нетюркских алтайцев – хайджи.

У тюркоязычных народов также существует ряд синонимичных названий, применяемых для обозначения непосредственного «зачинщика» эпоса-дастана. Самыми распространенными именами носителей эпического искусства у тюркоязычных народов являются «олонхосут», «шаир», «жомакши», «ашуг», «бахши», «сэсэн» или «кобаирсы», «акын», «манасчи», «кыссахан», «кайчи» и др.

Искусство импровизации – характерная черта в исполнении живого эпоса. Как справедливо отмечает В.М. Жирмунский, «творческий сказитель не повторяет механически заученный текст, он сокращает или дополняет, а иногда и существенно видоизменяет его, приспособляясь к составу и требованиям аудитории» [1. С. 33]. Эпос якутов, казахов, узбеков, башкир, азербайджанцев, киргизов, туркмен, алтайских народов, крымских и сибирских татар, бурят и др. во многом отвечает этим требованиям, некоторые из этих народов смогли донести «живой» эпос и до наших дней. Настоящие сказители могли не повторяясь исполнять дастаны целыми днями и ночами в продолжении нескольких месяцев.

Итак, для многих народов слово «эпос» устояло как общее название синкретического жанра фольклора, являющегося творческим процессом с обязательным участием певца-импровизатора, который непосредственно общается с народом. Из уст мастера слова аудитория воспринимает объемное элитное народное произведение. Во многих счастливых случаях эти произведения записаны собирателями народного творчества и зафиксированы как текст большого эпического произведения. Известны и конкретные имена, из чьих уст записан ценнейший эпический текст. Некоторые тюркские и нетюркские народы по праву гордятся своими певцами-импровизаторами и их весьма богатым репертуаром.

Устно-исполнительская форма эпоса стабильнее сохранилась у тех народов, которые сравнительно дольше вели кочевой уклад жизни, а также к мусульманской культуре приобщились довольно поздно или не испытали влияния ислама вообще.

Что касается эпоса поволжских татар, отличающиеся импровизаторским талантом люди, конечно же, были и здесь, следовательно, существовало и определяемое для этой категории слово. На татарском языке это слово звучит как «чэ-чэн». Но соответствует ли образ чэчэна с общепринятым смысловым значением носителя эпической традиции народа? Татарский чэчэн был желанным гостем на меджлисах, свадьбах. Как правило, он безграмотный, но талантливый почтенный человек той местности, где живет, овладевает искусством слова, играет на фольклорных музыкальных инструментах. Но их репертуар никак не может гордиться объемными эпическими произведениями. Например, репертуар талантливых татарских чэчэнов Сабирзяна акына, Байчыгави, Кашшафутдина Мензелеви, Хусаина Нугая и других был насыщен народными песнями, афоризмами, сказками, но дастаны в их творчестве не прижились. Справедливо будет признать, что поволжский чэчэн исполнял несколько иную функцию, чем доносить дастан до публики.

Это в первую очередь объясняется книжностью большей части дастанного эпоса татар Поволжья, который занимал весьма прочное и обширное место в духовной жизни народа. Многие образцы классической литературы, имеющие, в свою очередь, фольклорные корни, перерабатывались в свойственной народному творчеству манере и в результате вновь приобрели форму народного достояния, но уже в письменной форме. Так, «Тахир и Зухра», «Лейли и Маджнун», «Книга о Юсуфе», «Сайфулмулюк» и другие дастаны на известные сюжеты распространились у татар Поволжья в нескольких народных вариантах. Зависимость дастанного эпоса у поволжских татар от письменной литературы в свое время приобрела массовый характер, и книжность стала особенностью эпического наследия казанских татар вообще, т.е. книжными формировались и те дастаны, которые бытуют в устной версии у других тюркских народов. Например, версия дастана о Чура батыре, дастан «Книга о Туляке», «Буз егет», «Кысса о Сякаме» и др. у казанских татар распространились в первую очередь в письменной форме, т.е. без участия певца-импровизатора. В более поздний период появился у татар совершенно новый тип книжного дастана. Это – сознательно переработанные из устных вариантов отдельными авторами объемные произведения, которые стали считаться также общим наследием. Ярким примером такого эпоса является дастан «Идегей» в переработке Н. Хакима (1919 г.) или Н. Исанбета (1940 г.).

Возникновение, формирование и становление книжных дастанов татарского народа – это, безусловно, многообразный, сложный и долгий процесс, который длился веками. Определение «книжные» по отношению к дастанному эпосу татар Поволжья вызвано в первую очередь именно глубоким воздействием не только письменной литературы, но и письменной культуры вообще. В этом отношении уместно будет привести слова Х. Короглы: «У многих так называемых древних письменных народов (персов, индийцев и др.) после записи, чаще литературной обработки, народный эпос утратил устное бытование... Иранцы, индийцы, греки как оседлые народы с большой городской и сельской культурой в определенный период своего исторического развития предпочли письменный эпос устному» [2. С. 114].

Татары издавна поддерживали политические, дипломатические и культурные отношения с Индией, Средней и Малой Азией, Ираном, также с Ближним Востоком. Обилие сюжетов, проникших через письменные источники этих народов и распространенных у нас также письменно в различных вариантах, напрямую связано с этими внешними отношениями. Казанские татары исторически являются продолжателями письменных традиций, сформированных до и во время Волжской Булгарии, позже утвердившихся в Золотой Орде и Казанском

ханстве. Книжные дастаны в их творчестве – письменно распространенные среди татар, дошедшие донине в основном в рукописном или печатном виде, по способу существования и распространения отделенные от музыкального творчества поэта-импровизатора, а по стилю и типологическим особенностям продолжающие древнетюркские, а также восточные эпические традиции.

Книжные дастаны занимали огромное место в жизни татарского народа, это – масштабный полнокровный жанр фольклора. Например, народные варианты дастана на сюжет «Кысса о Юсуфе» Кул Гали, многочисленные национальные рукописи «Тахир и Зухра» Саади, «Буз егет», Бахави или же Курмаши, национальная версия «Лейли и Маджнун» знаменитого Низами, «Сайфульмулюк», берущий начало от «Тысячи и одной ночи» в национальной переработке, и, конечно, сборно-критический текст «Идегей», составленный разными авторами из устно бытовавших среди сибирских татар вариантов. Наряду с этими эпическими памятниками существуют произведения, происхождение которых не связано с определенным автором. Это – «Туляк», «Кер углы», «Сын Исы Амят», «Сказ о Нарыке и Чуре», «Дастан о роде Чингизхана», «Дастан Тамерлана», «Кахарман Катил», «Кыссаи Сякам» и др.

Тематику и характер татарских дастанов определяет использованный источник, его можно назвать в этом случае первоисточником, так как живое исполнение эпоса в книжных дастанах отсутствует. Эпические произведения татар Поволжья, к какому бы типу книжных дастанов они ни относились, изобилуют многочисленными списками, списанными, переписанными разными переписчиками, и функция сказителя в них переходит именно на долю этого самого переписчика, т.е. информанта, чьим именем часто названы варианты дастанов. Естественно, вторичность текста в книжных дастанах татар Поволжья ощутимо дает о себе знать, это особенно заметно, если провести параллели между живым и книжным эпосом. В последних не хватает динамизма, энергии повествования. Но в то же время книжным дастанам присуща вся закономерность, свойственная текстам народного творчества. Это отражается и в тематике, и в типологии, и в мотивах, а также в социальной типичности мировоззрения в таких произведениях. Они распространены в нескольких вариантах, очень часто в народе бытуют также и устные фрагменты из этих дастанов в виде эпической песни или же краткого содержания более популярного варианта.

Однако наш информант – это не жырау и не ашуг, не бахшы и не акын, не олонхосут, не улигершин, не сзсэн, и даже не сказитель, он больше – творец, переписчик и распространитель текста, эту обязанность традиционно исполнял образованный человек, а не безграмотный, талантливый представитель народа. Это – один из самых характерных признаков татарского книжного дастана. В эпических произведениях фольклора татар Среднего Поволжья внимание к энергичному исполнению сказителем текста перед определенной аудиторией явно снизилось, абсолютная реальность, присущая эпосу, а также ритмика эпического сказывания полностью переместилась исключительно в содержание текста и вся специфика дастанного жанра сосредоточилась вокруг него. Здесь на первый план выступают важность существования самого текста, его сущность как фольклорного произведения, поэтическое слово и факт фиксации дастана со всеми фольклорными закономерностями уже в прирожденной письменной форме.

Итак, развитие с давних пор у поволжских татар дастанного эпоса совершенно по другому пути внесло свои существенные изменения и в образ информанта. В книжных дастанах роль носителя эпической традиции народа, слегка перешагнув устно-исполнительскую функцию, приобрела иную форму. Несомненно, неопределима роль носителей живой эпической традиции народа в создании, сохранении и популяризации национального эпоса. Исполняющий олонхо олонхосут, например, привораживает своим мастерством, исключительной памятью, искусным обладанием сложной схемой сюжетного развития

олонхо, «эпической широтой дыхания» [5. С. 45], своим пением истинно фольклорного текста, и т.д. Но образ переписчика дастана интересен по-своему. В глубине души он такой же сказитель, только письменный. Описанные ими герои – искусные певцы, эпизоды глубоко пронизаны фольклорными мотивами, сам переписчик занимает промежуточное положение между певцом-исполнителем и рассказчиком. Варьирование произведений, относящихся к категории книжного дастана, и их фольклорная сущность, совершенство эпического текста во многом случае связаны с творческими возможностями, а также со знанием, грамотностью, умением ощущать фольклор того самого переписчика. Качество книжного дастана как эпического текста напрямую зависит от умений автора-переписчика, который должен эмоционально чувствовать связь произведения с вековыми традициями народа. Только тогда текст приобретет вид исконно народного дастана.

Народ не придавал значения тому, чтоб как-то назвать подобных творцов, поэтому применение конкретного слова с тождественным значением у татар крайне пассивное, специального термина не существует. Некоторые записи имеют настоящее имя «автора», а некоторые об этом умалчивают. О грамоте, познаниях переписчика-творца можно догадаться только по его сохраненному в письменном виде творению – рукописи.

В большинстве случаев творения переписчиков дастана были предназначены для коллективных читателей, точнее, такие отличающиеся своей популярностью сюжеты, как дастаны о Юсуфе, о Тахире и Зухре, о Туляке, читались вслух домашними чтецами или рассказчиками перед определенной аудиторией. О таких чтецах дошла до нас скупая информация – о том, что «такой-то информант стихотворные части дастана рассказывает с напевом» или же о том, что он или она «эпические песни из дастана исполняет устно» [3. С. 336-375]. Такие факты говорят о том, что книжным дастанам не совсем чуждо музыкальное исполнение, присущее тюркским и нетюркским народам. И у нас была традиция исполнения стихотворной части некоторых дастанов под дутар, домру [4. С. 6]. Однако эта традиция никак не может претендовать на конкуренцию с настоящим живым исполнением текста, например, как у якутов, или же более ранним слоем эпоса одной из этнической группы татарского народа – сибирских татар и др. Для духовной жизни поволжских татар необходимы были именно книжные дастаны, нежели исполняемый устно эпос. Известные в тюркском и нетюркском мире эпические сюжеты, перекочевав в нашу местность и приобретая книжную форму, переживали еще одну жизнь, распространившись в форме книжных дастанов. Книжные дастаны татарского народа, несомненно, преуспевали в одном – по сравнению с устно исполняемым и не записанным эпосом их судьба отраднее, так как они в виде многочисленных рукописей и печатных книг живут и поныне.

Литература

1. Жирмунский В.М. Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 292 с.
2. Короглы Х. Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 239 с.
3. Татарское народное творчество. Дастаны / сост. тома, авт. вводной ст. и ком. Ф.В. Ахметова. Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. 384 с. (на тат. яз.).
4. Урманче Ф. Татарская мифология. Энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 2. Д – С. Казань: Магариф, 2009. 343 с. (на тат. яз.).
5. Якутский героический эпос. «Могучий Эр Соготох». Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. 440 с.

МУХАМЕТЗЯНОВА ЛИЛИЯ ХАТИПОВНА – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (lilmuhat@mail.ru).

MUKHAMETZYANOVA LILIYA KHATIPOVNA – candidate of philological sciences, assistant professor, senior scientific worker of National Creative Work Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 82.091

А.С. ПОРШНЕВА, А.В. БОРОНЕНКО

ЗАРУБЕЖНЫЙ «РОМАН О ЗОЛУШКЕ»: К ИСТОРИИ ВОПРОСА*

Ключевые слова: «история Золушки», любовный роман, гендер, массовая литература, социальная мобильность.

Статья посвящена рецепции творчества европейских писательниц одной из категорий современных массовых читателей – образованной женской читательской аудиторией в возрасте от 18 до 23 лет. Рассмотрен сюжетный инвариант самых читаемых ею произведений – «история Золушки». Прослеживая трансформации данного сюжета в литературе XIX в., авторы отмечают изменения в образе героини и транслируемых ею ценностях, которые предположительно имеют тенденцию совпадать с ценностным диапазоном «протестантской этики». Данные наблюдения позволяют очертить «портрет» обозначенной группы современных российских читательниц.

A.S. PORSHNEVA, A.V. BORONENKO

THE FOREIGN «CINDERELLA NOVEL»: HISTORICAL BACKGROUND

Key words: «Cinderella story», romance novel, gender, mass literature, social mobility.

The article deals with the reception of the works of European female writers by a particular category of modern readers in Russia – the educated women's readership (age boundaries: 18-23). The article analyzes the narrative invariant of the most popular novels among this readership: the «Cinderella story». Retracing the transformations of this plot in the literature of the 19th century, the authors find some changes in the image of the female protagonist and the values being translated by this image. The values presumably tend to agree with the «protestant ethic». Such observations make it possible to «depict» a portrait of the chosen group of modern Russian female readers.

В нашей первой статье (см. предыдущий выпуск) мы, проанализировав результаты соответствующего анкетирования, определили наиболее популярные женские романы среди определенной категории отечественных читателей (студентки высших учебных заведений, преимущественно гуманитарных факультетов, до 23 лет), сформулировали некоторые соображения касательно рецепции данного жанра среди российских читателей и определения «женского» романа в принципе. В настоящей статье дается теоретико-исторический обзор истории Золушки как архетипического сюжета западного женского романа и прослеживаются его реализация и социокультурно обусловленная трансформация в наиболее популярных текстах данного жанра XIX и XX-XXI вв.

Сказка о «Золушке» – одна из самых популярных сказок в мире. По разным данным, существует от 345 до 700 версий данной сказки. Например, британская исследовательница Мэриан Кокс в 1891 г. опубликовала работу, которая озаглавлена «Золушка: 345 вариантов». А современная исследовательница Кэрл Келли приводит сведения, согласно которым существует около 700 (!) разновидностей этого мотива. Тот же автор утверждает, что во всех странах мира существуют сказки, в основе которых лежат аналогичные мотивы и сюжетные ситуации. Первая письменная версия сказки датируется IX веком нашей эры – она была найдена в Китае (здесь Келли следует за традиционной версией, авторство которой принадлежит Кокс) [19. С. 87].

В статье 1893 г., посвященной работе М. Кокс, член общества изучения фольклора Великобритании Джозеф Джейкобс писал, что суть сюжета о Золушке состоит в подъеме по общественной лестнице девушки за счет удачного брака. Он даже предлагает именно так, описательно, и называть этот сюжет: «Золушка, или Удачный брак всеми презираемой служанки при помощи феи, являющейся в виде животного, и в результате испытания с туфелькой» (Cinderella, or the Fortunate Marriage of a despised Scullery-maid by aid of an Animal Godmother through the Test of a Slipper) [18. С. 273].

* Исследование выполнено по госконтракту № НК-643Р-50 ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2010-2012 гг.

Далее Джейкобс пишет, что, возможно, подобные мотивы и сюжеты обнаруживаются и в фольклоре древних или доисторических обществ, однако сама концепция представляется сугубо средневековой. Таким образом, по мнению исследователя, нет нужды искать происхождение этой сказки в обществах с неразвитым общественным устройством. В подтверждение он приводит мнение некоего доктора Вестермарка, который утверждает, что девушки в доисторических и диких обществах обладали большей степенью свободы, чем ранее представлялось [18. С. 270].

Дальнейшее уточнение и уточнение понимания сказки о Золушке в XX в., напротив, не собиралось останавливаться на столь простом объяснении этого сюжета и не собиралось отбрасывать в сторону его древнее – допатриархальное – происхождение.

Многие исследователи – социологи, культурологи, литературоведы, философы – отмечают важность сказок для понимания текущего состояния того или иного общества. Поскольку сказки человек воспринимает в самом раннем возрасте, то именно они формируют базовые стереотипы в самой примитивной форме, которые являются частью дискурса, доминирующего в данном социуме. По словам Кэрол Келли, «сказки изучаются с целью <...> выявления изменений ценностей с течением времени» [19. С. 87]. А С.Ю. Барсукова афористически замечает: «По тому, каков женский кумир данного общества, можно сказать, что это за общество, каковы его цели и какими средствами общество пытается их реализовать» [1. С. 105].

Линда Парсонс отмечает, что в наше время мы окружены сказками – от продукции Диснея до постоянного педалирования романтической идеологии, бинарного противопоставления мужчин и женщин и женского навязчивого желания проявить свою социально значимую красоту.

Мысль о сказках как об учителях жизни не оспаривается никем. Вот как пишет об этом Парсонс: «Сказки – это пространство конструирования подobaющего гендерного поведения» [20. С. 135]. И она же продолжает: «Вложенность сообщений о подobaющем гендерном поведении скрывает тот факт, что сказки создаются и репродуцируются посредством доминирующего дискурса. Главной целью гендерного конструирования в патриархальной культуре является подготовка молодых девушек к романтической любви и гетеросексуальным отношениям» [20. С. 136]. А Ларейн Уолловитц среди функций сказок в современном обществе выделяет – помимо трансляции ценностей – еще и выражение культурных табу и obsессий [23. С. 28].

По той же причине сказки подвергались яростным атакам со стороны представителей феминистской критики. К примеру, в книге 1982 г. Дженнифер Уэлти-Уотерс критиковала традиционные фольклорные произведения за то, что они представляют девочек в качестве объектов и пассивных жертв. Она называет чтение сказок «одним из первых шагов по сохранению и поддержанию патриархального уклада мыслей с его женоненавистническими гендерными стереотипами» [22. С. 8].

Таким образом, сказки – это, безусловно, медийный образ. Согласно социологу Дж. Клапперу, медийные образы кардинально не меняют мысли и поведение людей, но лишь поддерживают реально существующие представления и схемы действия и тем способствуют воспроизводству социального порядка [6. С. 72]. То есть сказки, как и любой другой медийный образ, транслируют консервативные и традиционные ценности. И для большинства современных обществ ценности это патриархальные.

Безусловно, с середины XX в. женщины стали больше заявлять о себе, требовать и получать права и привилегии, стремиться и добиваться равного с мужчинами положения в обществе. Как пишет Келли, в обществе возник спрос

на научное осмысление женщины, гендерных проблем, проблем сексуальности – и он был удовлетворен.

В рамках феминистского движения предпринимались попытки переписывания сказок, превращения их в феминистские тексты. Согласно Парсонс, женщины пытаются реабилитировать сказки, стремясь таким образом разрушить бинарные гендерные конструкции и произвести ревизию возможностей женщин и мужчин [20. С. 139]. Феминистские прочтения сказок могут быть пространством, в котором патриархальные структуры критикуются и в котором предлагаются альтернативы гендерным стереотипам. В феминистских сказках героиня стремится обладать властью с целью достижения независимости и повышения статуса.

Однако в массовом сознании, в сфере стереотипов – все по-прежнему. Сравнивая фильмы «Золушка» (1950) и «Красотка» (1990), Келли приходит к выводу, что модель ничуть не изменилась (за исключением социальных деталей и антуража): пассивная и женственная героиня находит активного и мужественного героя, который ее защитит и позволит обрести идентичность [19. С. 90].

Многие литературоведы отмечают сходство сказки и популярного женского романа (дамского, розового и т.д.). По мнению Нортропа Фрая, и сказка, и популярный роман – это ответвления одной повествовательной традиции: «готамсе», средневековых рыцарских романов, в центре которых была любовная линия. Фрай называл сказки «наивным готамсе», а романы – «сентиментальным готамсе» [17. С. 3].

Центральной темой обоих жанров, как отмечает Уильям Вудс, является поиск героем своей идентичности: «герой, или героиня, представляется нам внутри изначально стабильной ситуации, но затем выталкивается в мир с целью обнаружения своих способностей <...> акцент ставится на то, каким образом его идентичность «вытаскивается на свет» в процессе переживания данных обстоятельств» [24. С. 243]. Следовательно, продолжает критик, повествование в таком романе представляет собой цепь – иногда неправдоподобных – событий, последним звеном которой является обнаружение истинной сущности персонажа. Таким образом, считает Вудс, счастливый конец (happy end), каким бы поверхностным он ни казался в массовом романе, не является бездумным заимствованием из сказок. Это, скорее, указание на то, что «повествование посвящено, как минимум, в своей форме раскрытию внутренней правды о герое» [24. С. 243].

Дэвид Сэмюэльсон в статье «Опыт Золушки» пишет о глубинной связи между сказкой и массовым романом, которая заключается в уверенности читателя в том, что во время чтения он переживает именно тот опыт, который он и планирует пережить. По убеждению критика, это опыт, «в процессе которого не будут опровергнуты его ценности, убеждения и вкусы – он стремится пережить опыт, который опытом не является» [21. С. 769].

Массовый роман, пишет Сэмюэльсон, именно потому и является массовым, что использует в своей основе подмену: «Он систематически уходит от нового к уже сформулированному опыту – такому же поверхностному, мелкому и формульному, который обнаруживается в сказках. Однако, в отличие от сказок, массовый роман опирается на мимесис, он изображает “реальный” мир, а не мир фантазий» [21. С. 770].

Ольга Вайнштейн применяет для анализа поэтики розового романа концепцию французских философов Делеза и Гваттари о машинах желания. Наиболее подходящим их типом Вайнштейн называет «холостую машину» (machine celibataire). «Её главная функция – переживание субъектом “интенсивных количеств”, что дает глубинное ощущение реальности чувства – независимо какого наполнения: важен сам факт “Я чувствую” и – частный пример – “Я чувствую, что я становлюсь женщиной”» [4. С. 313].

Именно «машинность» фантазмов, по мнению исследователя, объясняет популярность и «конвейерность» производства массовой литературы: «Фило-

софская парадигма “вечного возвращения” оборачивается бесконечным производством желаний, что поддерживает стабильную потребность в данном жанре на книжном рынке» [4. С. 325]. И, что более важно для нас, далее Вайнштейн пишет: «Воспроизведение традиционных норм через сказочные архетипы обеспечивает эффект релаксации для читателей» [4. С. 325].

Помимо этого, исследовательница согласна со своими коллегами в том, что «архетипической для розового романа в большинстве вариантов является сказка о Золушке со всеми её перипетиями» [4. С. 311]. Аналогичное мнение высказывает Елена Тараненко: «Женская проза в том числе не исчерпывается столь упрощенно выхолощенным архетипом Золушки. Вот дамский роман – целиком и полностью» [10].

Востребованность и популярность сказочных архетипов и ценностей подтверждается одним любопытным исследованием, проведенным Л.А. Окольской и М.В. Комогорцевой в 2010 г., в связи с изучением ценностей, которые транслируют современные журналы для девушек. Основные ценности – «это “красота” (построение фемининной идентичности), “карьера” (примерка воображаемых трудовых ролей, обычно связанных с праздником и лицедейством) и “любовь” (пробы выстраивания отношений с противоположным полом). В этих проектах заложены ценности индивидуального успеха и гедонизма» [6. С. 68].

Попытки разъяснить феномен Золушки и его литературную сверхпопулярность предпринимаются и во множестве других работ.

В 1981 г. Колетт Даулинг опубликовала работу «Комплекс Золушки» («The Cinderella Complex») [16]. В этой работе утверждается, что гендерные ожидания и обещания, содержащиеся в истории о Золушке, вредны для психологии женщин. «Девочки с самого раннего возраста приучаются к зависимости» [16. С. 101]. Следовательно, девочки начинают ожидать, что «о них всегда кто-нибудь позаботится» [16. С. 101], и это ощущение становится более сильным по мере их взросления. Не пытаясь создать свою собственную жизнь, женщины ищут мужчину, который смог бы их защитить, определить их идентичность и доказать, что они любимы. В целях борьбы с тревогой, когда мужчины нет, многие женщины приобретают «контрфобию», как ее называет Даулинг. Своим внешним поведением они как бы говорят: «Мне никто не нужен. Я сама смогу о себе позаботиться» [16. С. 67]. Внутри же они боятся нести ответственность за себя и боятся остаться в одиночестве.

«Чувство беспомощности и тревоги так пугает этих женщин, что они направляют всю свою энергию на конструирование жизни и образа жизни, рассчитанных на то, чтобы не дать никому представления об истинном положении дел. Так они начинают участвовать в автогонках, становятся актрисами или проститутками» [16. С. 72].

Джек Зайпс в книге 1981 г. осуществляет не психологический, а исторический экскурс в проблему [25]. Его, как отмечает Келли, интересуют вопросы происхождения авторской сказки, то, каким образом ее мотивы, персонажи и темы с течением времени видоизменяются или утрачиваются с течением времени, а также то, как данный процесс отражает изменение ценностей общества. Зайпс утверждает, что сказки «всегда в символической форме отображали природу взаимоотношений властей в данном обществе» [25. С. 67]. Он противопоставляет более старую версию сказки о Золушке версии Перро и обнаруживает переход от матриархальной к патриархальной точке зрения. В ранних сказках Золушка – это сильная независимая женщина, которая восстает против тяжелого труда, к которому ее принуждают, использует свой острый ум и помощь умершей матери с целью восстановления своего высокопоставленного положения в обществе. Ее конечная цель не замужество, а признание. Перро же, по мысли исследователя, писал для того, чтобы подготовить девочек к исполнению тех

ролей, которые, как он считал, достанутся им в обществе. Он предоставил четкие гендерные стереотипы. Таким образом, Золушка у Перро – «прекрасна, вежлива, обходительна, трудолюбива, покладиста и пассивна» [19. С. 88].

Рут Боттингхаймер в книге 1987 г. [13] пишет о том, что в сказках XIX в. женские персонажи постепенно утрачивают самостоятельность и инициативность. Это проявляется в речи (прямая для мужчин, непрямая – для женщин) и собственно в поступках героинь: они пассивны, больше молчат, чем говорят, и чаще подвергаются суровым наказаниям со стороны мужчин.

Роберта Баум в статье 2000 г. писала, что сказки о Золушке – это текст, в котором закодирована патриархальная мораль, в рамках которой женщина бездействует. В этой сказке женский персонаж определяется за счет того, чем он не является и чего он не делает: не мужчина, не доминирует, не имеет власти. «Золушка сама по себе <...> способна устанавливать отношения, прощать, управлять собственной судьбой, даже привлекать магическую помощь. Однако, несмотря на последнее, нет никаких указаний на то, что Золушка – не человек. Напротив, ее человечность и является залогом ее спасения» [11. С. 68].

Архетип Золушки определяет «первый выбор романтического партнера, сложности дружбы и подчинения, которые девушки учатся соблюдать; безопасную любовь к членам семьи; и идеалы личной привлекательности и поведения» [11. С. 68]. Золушка демонстрирует, что даже самая социально неблагополучная женщина может достичь успеха в обществе, выиграть в соревновании с другими представителями своего пола, притвориться тем, кем она не является. Это важные техники «в борьбе за мужское одобрение» [11. С. 69].

«Мы восторгаемся в этом образе не тем, кто она есть, – пишет Баум, – но тем, что ей достается. Впитывая в себя миф Золушки, мы поддерживаем нашу коллективную женскую веру в богатство, красоту и месть» [11. С. 70].

Томас Диллингэм отмечает также еще один элемент, составляющий архетип Золушки и стереотип «нормального» поведения женщины в обществе: «нормальной» женщине не зазорно прибегать к чужой помощи [15. С. 84].

Микаэла Кларк в своей работе, посвященной обнаружению архетипа Золушки в романе Ш. Бронте «Джейн Эйр», особое внимание уделяет различиям между двумя версиями сказки о Золушке – принадлежащей братьям Гримм и изложенной Шарлем Перро [14]. В массовом сознании вторая версия, безусловно, популярнее. Если вновь обратиться к кино, как к лакмусовой бумажке, то мы обнаружим, что во всех киноверсиях и киновариантах Золушки прослеживается именно вариант сказки, предложенный французским писателем.

Версия братьев Гримм, пишет Кларк, включает в себя важные религиозные и мифологические элементы, отличающие ее от сказки Перро [14. С. 699]. Мать на небесах, страдающая дочь на земле, птица, выполняющая функции вестника – все это говорит о влиянии христианского образа святой троицы. Помимо этого, есть связь и с дохристианским символизмом: дерево, вырастающее из могилы матери, очаг, горох и чечевица – все это указывает на связь с образом могущественной полубожественной матери, а также очагом как символом домашнего уюта и плодородия [14. С. 704].

Другое важное отличие версии Гримм от варианта Перро, замечает Кларк, заключается в том, что в немецком варианте сказки Золушка покидает бал по собственной инициативе. Она ищет развлечений, а не мужа. У героини отсутствует страх публичного унижения, который заставляет покинуть бал Золушку Перро.

Далее, Кларк приводит ряд небезынтересных наблюдений немецких ученых, чьи работы о Золушке редко цитируются в современных исследованиях. Август Ницше в работе «Социальные порядки в зеркале сказок» выводит сказку о Золушке из культуры матриархальных обществ и связывает эту сказку с культом луны и матриархальными ритуалами [14. С. 703]. Зигфрид Фрю в

работе «Женщины в сказках» утверждает, что Золушка – не пассивная жертва, а активная, умная, хитрая девушка, которая, в конце концов, заставляет принца встать перед ней на колени. «Итог сказки – подчинение воли принца воле Золушки!» [14. С. 704].

В конечном итоге, пишет Микаэла Кларк, с точки зрения гендерных ролей сказку о Золушке можно интерпретировать двумя разными способами. Во-первых, «Золушка» учит тому, что безропотность, смирение и долготерпение будут награждены впоследствии триумфом над другими женщинами – браком и последующей счастливой жизнью (эти наблюдения справедливы применительно к версии Ш. Перро). Во-вторых, сказка о Золушке – в первую очередь в версии бр. Гримм – хранит отголоски древних дохристианских религий, в которых домашний очаг был посвящен богиням вроде Весты или Геры и охранялся жрицами. Присутствующие в сказке очаг, дерево, горох, чечевица также символизируют сферу сакрального. Золушка становится своего рода жрицей, охранительницей очага – дома и государства [14. С. 704].

В «Золушке», по мнению Луизы Берников, представлены два противоборствующих взгляда на смысл и предназначение женщины [12. С. 28]. Образ матери заглавной героини связан с сакральной властью и подчеркиванием роли женщины в обществе, ее работы, включая работу по дому. Образ же мачехи ориентирует женщину на зависимость от мужчины: речь идет о постоянной борьбе с другими женщинами за его одобрение, о надежде на безделье и о готовности пойти на жертвы с целью получения приза – мужа.

«Золушка» Перро говорит нам о том, что женщины должны подчиняться, быть пассивными и красивыми. «Золушка» братьев Гримм показывает, что они могут играть активную роль в созидании собственной судьбы, что их голос обладает мощью и силой и что жестокие намерения непременно влекут за собой жестокие наказания. Кроме того, этот вариант говорит о том, что женщина может переживать весь спектр эмоций и что ее внешность является вторичной по отношению к ее внутреннему миру.

С.Ю. Барсукова называет сказку о Золушке «сюжетной реализацией темы испытания во имя последующего вознаграждения, “матрицей” идеологического мифотворчества по созданию моделей жизненного успеха женщин» [1. С. 92].

Два наиболее популярных, по результатам нашего опроса, образца «дамского романа» XIX в. – «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте и «Гордость и предубеждение» Джейн Остен – имеют в своей основе сюжетный архетип «Золушки». В обоих случаях романский сюжет соответствует его сказочному прототипу практически по всем ключевым пунктам, первым из которых является низкая стартовая позиция героини. Героиня Бронте Джейн Эйр – сирота, живущая на правах бедной родственницы в доме своей тети Рид. Подобно тому как Золушку фактически делают прислужой ее сводные сестры и мачехи, Джейн терпит жестокое обращение со стороны тети и кузенов.

У Остен исходная для рассматриваемого сюжета «расстановка сил» представлена (по сравнению с Бронте и оригинальной сказкой Перро) в смягченном виде. Ее героиня Элизабет Беннет – дочь дворянина, но в глазах более знатных дворян она – «женщина низкого происхождения, без положения в свете» [7. С. 317-318], «выскочка, молодая женщина без средств, без связей» [7. С. 319]. Проживая вместе с родителями и сестрами, Элизабет систематически вынуждена страдать от глупости и бестактного поведения на людях своей матери и трех младших сестер, а их умный, но слабовольный отец не способен изменить атмосферу в доме (подобно тому как отец Золушки не способен был оградить родную дочь от притеснений мачехи и ее детей), так как не считает нужным «воспитать достойных дочерей, если ему не под силу было расширить умственный кругозор своей жены» [7. С. 215-216]. Для мис-

сис Беннет Элизабет – нелюбимая дочь, в ее глазах она «и вполнину не так красива, как Джейн, и гораздо менее добродушна, чем Лидия» [7. С. 9]. В обществе младших сестер и матери Элизабет чувствует себя некомфортно, стыдясь их глупости и зачастую неадекватного поведения.

Обладая в большей или меньшей степени низкой стартовой позицией и являясь «белыми воронами» в семье, «Золушки» Элизабет и Джейн сталкиваются с мнимо удачливыми соперницами – в этом оба романских сюжета также соответствуют сказочному. Для Золушки Перро такими соперницами являются сводные сестры героини; для Джейн Эйр – сначала ее двоюродные сестры Элиза и Джорджиана, затем предполагаемая невеста Рочестера Бланш Ингрэм; для Элизабет – мечтающая выйти замуж за Дарси Кэролайн Бингли и дочь леди Кэтрин де Бёр, его кузина, которой он с рождения предназначен в мужья.

Все мнимо удачливые соперницы имеют более высокий, чем у героини «Золушки», социальный статус, лучшие внешние данные (особенно это касается подчеркнуто некрасивой Джейн Эйр в сравнении с красавицами Джорджианой Рид и Бланш Ингрэм), однако уступают ей по другим параметрам. Согласно сказке Перро, Золушка была «не только хороша собой, но и добра» [8. С. 15], она обладала чистотой души, скромностью, терпением, добрым сердцем и прекрасными манерами, которым ее обучила фея-крестная. Подобные черты характера, благодаря которым сказочная героиня обрела в финале свое счастье, присущи и Джейн, и Элизабет. Первая, например, не испытывает никакого желания мстить умирающей «мачехе» миссис Рид за жестокое обращение, которое она терпела от нее в детстве, и видит в ней прежде всего «бедную страдальцу» [2. С. 274], которую «прощает от всей души» [2. С. 274]. Элизабет Беннет, в свою очередь, будучи вынуждена прожить в доме Бингли, ухаживая за больной сестрой, и ради ее спокойствия она находит в себе силы избегать конфликтов с сестрами хозяина и терпеть их негативное к себе отношение.

При этом добрый и мягкий характер, скромность и другие подобные добродетели, которые в образе сказочной Золушки находятся на первом плане, не являются доминирующими в образах обеих рассматриваемых «Золушек» XIX в. В характере Джейн Эйр гораздо сильнее выражено стремление к независимости, желание «не быть под гнетом обязательств» [2. С. 308]. Накануне свадьбы она заявляет Рочестеру: «Я останусь по-прежнему гувернанткой Адели, буду зарабатывать себе содержание и квартиру и тридцать фунтов в год деньгами. <...> А от вас потребую только ...уважения» [2. С. 308]. После бегства из Торнфилда, имея возможность пользоваться и дальше гостеприимством Дианы и Мери Риверс, Джейн тем не менее просит их брата как можно скорее помочь ей найти «работу или место, где искать работы» [2. С. 394], и он понимает, что она «хочет стать независимой» [2. С. 394]. Что касается Элизабет, то ее «визитной карточкой» является не стремление обрести независимость, а «развитый обширным чтением ум» [7. С. 39] – самая существенная, по мнению «принца» Дарси, черта, которой должна обладать женщина.

Кроме того, оба центральных образа – Элизабет Беннет и Джейн Эйр – контрастно выделены на фоне других женских персонажей. Так, Рочестер сравнивает Джейн со своей умалишенной женой Бертой Мэзон в следующих выражениях: «Молоденькая девушка, которая стоит так сурово и спокойно у самых дверей ада, глядя с полным самообладанием на проделки этого демона» [2. С. 333]. По отзывам миссис Фэйрфакс, Джейн держится «скромно, умно и тактично» [2. С. 302]. Для Элизабет (а также ее сестры Джейн) контрастным фоном, оттеняющим их адекватное поведение, служат мать и сестры: «И хотя мамаша была признана невыносимой, а о младших дочках не стоило и говорить, двум старшим дали понять, что с ними желали бы поддерживать более близкое знакомство» [7. С. 22]. Акценты в образах Золушек XIX в., по сравне-

нию с их прообразом из сказки Перро, смещаются от традиционно считавшихся женскими добродетелей в сторону гендерно не маркированных или даже скорее мужских (в случае Джейн Эйр) человеческих качеств.

Счастливый финал сказки о Золушке – ее брак с принцем – обставлен как справедливое вознаграждение героини за ее достоинства (доброту, терпение, скромность). В женских романах XIX в. эта сюжетная схема сохраняется: Джейн Эйр обретает счастье в браке с Рочестером во многом благодаря тому, что много страдала. Отказавшись стать его любовницей и покинув Торн-фильд, она несколько дней скиталась, находясь на грани голодной смерти, затем была вынуждена была выполнять тяжелую работу учительницы сельских девочек, часто неразвитых интеллектуально и не обладающих умением достойно себя вести. Для Элизабет Беннет источником страданий становится недостойное поведение ее матери и сестер, но в первую очередь – побег младшей из них, Лидии, с офицером Уикхемом, который мог навлечь позор на всю семью и побудить Дарси прекратить с ними знакомство. В этой ситуации роль феи, дающей Золушке возможность кардинальным образом изменить к лучшему свою жизнь, берет на себя сам «принц» Дарси, который с помощью существенных денежных вложений заставляет Уикхема жениться на Лидии и устраивает его на военную службу. В случае с Джейн Эйр наиболее близким к «фее» персонажем романа является ее дядя с Мадейры, который оставил ей наследство, позволившее отказаться от работы в сельской школе.

Завершением романного сюжета в обоих случаях становится брак с «принцем» – Дарси в одном случае и Рочестером в другом. Причем если для Элизабет Беннет этот брак действительно является средством, позволяющим осуществить «высокую социальную мобильность» [9. С. 302] (девушка из небогатой дворянской семьи, имеющей к тому же родственников-торговцев, выходит замуж за «выдающегося молодого человека, знатного и богатого» [7. С. 21]), то Джейн Эйр становится женой Рочестера только после того, как благодаря наследству заняла почти такое же высокое социальное положение. Для нее брак – это не средство, а итог подъема по социальной лестнице. Но, в любом случае, и Д. Остин, и Ш. Бронте вносят некоторые коррективы в установки, транслируемые классической версией сказки о Золушке: *высокой социальной мобильности добивается девушка не скромная и терпеливая, а умная и независимая.*

Что касается романа Эмили Бронте «Грозовой перевал», то здесь более вероятным представляется использование автором (скорее ненамеренное, чем осознанное) только некоторых составляющих сюжета о Золушке. Очевидно, что в роли «злой мачехи» у Э. Бронте выступает Хитклиф – он делает невыносимо тяжелой жизнь Изабеллы Лinton, своей жены, и Кэтрин Лinton-младшей, своей невестки. Изабелла, выйдя замуж за Хитклифа, встречает на Грозовом Перевале такой прием: «Вот вам комната. ...Здесь достаточно удобно, чтобы скушать тарелку каши. В углу тут куль пшеницы, грязноватый, правда. Если вы боитесь запачкать ваше пышное шелковое платье, постелите сверху носовой платок» [3. С. 137]. В первые же месяцы после свадьбы с Хитклифом Изабелла осознает, что замужество было ошибкой, признается в ненависти к мужу и чувствует себя несчастной [3. С. 140]. Аналогичный путь проходит ее племянница Кэтрин-младшая – ее любовь к сыну Хитклифа быстро заканчивается, а отец мужа открыто ее ненавидит: «Все в доме хоть зарабатывают свой хлеб – ты у меня живешь из милости! <...> Ты у меня будешь платить за пытку вечно видеть тебя перед глазами – слышишь ты, шельма проклятая!» [3. С. 29].

Кэтрин-младшая является единственной героиней романа, обретающей подлинное счастье в браке, поскольку для двух других – ее матери, Кэтрин-старшей, и тетки, Изабеллы Лinton-Хитклиф, – брак становится источником мучений. При этом «принц» Кэтрин-младшей – Гэртон Эрншо – обретает этот

статус лишь благодаря ее усилиям, направленным на его умственное и душевное воспитание. В свое время Хитклиф из мести его отцу добивается того, что «Гэртон горд своим скотством. Все, что возвышает человека над животным, я научил его презирать, как слабость и глупость. <...> У сына Хиндли были превосходные качества, и они потеряны: стали совершенно бесполезными» [3. С. 208]. Кэтрин-младшая, взявшись учить Гэртона грамоте и развивать его «превосходные качества», добивается в этом успеха и тем самым практически поднимает героя до положения «принца». Однако предстоящий (на момент завершения романа) брак Кэтрин и Гэртона должен стать средством высокой социальной мобильности не только для героини-«Золушки», но и для принца: брак позволяет им закрепить за собой оба имения – Грозовой Перевал и Мызу Скворцов, – принадлежавшие когда-то их семьям и ставшие потом собственностью «мачехи»-Хитклифа. В этом смысле романский сюжет повторяет сюжет «Золушки» Перро, поскольку в сказке она – «дворянка, аристократка. Она метет золу только потому, что ее мать умерла, а отец привел в дом злую мачеху. И вся история Золушки – это не просто путь вверх, но и история возвращения. Она должна получить то, что принадлежит ей по праву» [5]. Подобным же образом судьба Гэртона и Кэтрин-младшей не просто является образцом высокой социальной мобильности, но и становится историей возвращения «наверх».

Вероятно, именно счастливый финал «Грозового Перевала», приближенный (несмотря на существенные сюжетные отклонения) к финалу «Золушки», сближает данный роман с другими произведениями с подобным сюжетом и обеспечивает ему популярность.

Как и рассмотренные выше «Золушки» Джейн Эйр и Элизабет Беннет, Кэтрин не укладывается в заданный сказкой образ девушки терпеливой, скромной, обладающей женскими добродетелями. Она сопротивляется тирании Хитклифа и его слуги Джозефа, запугивая их черной магией [3. С. 15] (стремление отстоять свою независимость, насколько это возможно, объединяет ее с Джейн), а в отношениях с Гэртоном, будучи для него «учительницей» [3. С. 304], занимает позицию интеллектуального лидера. Первый брак с сыном Хитклифа – «оловом, натертым до блеска, чтобы подменять им серебро» [3. С. 208] – стал для Кэтрин результатом неразумного увлечения внешне привлекательным, но недостойным человеком; во втором случае она сумела разглядеть зародыши ценных душевных качеств и интеллектуальный потенциал Гэртона, не обманываясь его непривлекательной внешностью и манерами. Таким образом, *в версии Эмили Бронте, как и в предыдущих, Золушка обязана своим семейным счастьем и подъемом по социальной лестнице не долгому терпению и скромности, а таким качествам, как ум, способность сопротивляться тирании, умение адекватно оценивать людей.*

В литературе XX в. Золушка наследует ряд качеств от своих сказочных и романских предшественниц – трудолюбие (присущее еще Золушке Ш. Перро), стремление ни от кого не зависеть, ум и образованность, – и приобретает новые черты. Золушка XX в. – это трудолюбивая, умная, целеустремленная, самостоятельная «self-made woman», для которой встреча с «принцем» становится итогом ее профессионального и личностного роста. Сюжетная инверсия социального роста героини и встречи с прекрасным принцем является отражением повышения социостатуса женщины, которое проходило в течение XIX–XX вв. Успешность героини/читательницы теперь является не следствием, а причиной встречи с прекрасным принцем/создания семьи.

Все эти наблюдения можно просуммировать двумя гипотезами. Первая: интерес современной читательницы как к современному непритязательному дамскому роману, так и к классической викторианской женской прозе объясняется совпадением ее аксиологических установок с той ценностной шкалой,

которая находит отражение в данных произведениях: речь идет о ценностях и добродетелях среднего класса с его протестантской этикой.

Вторая гипотеза: в настоящее время наблюдается «перекос» в сторону варианта архетипа Золушки, изложенного братьями Гримм.

Конечно, хочется провести красивую аналогию между дихотомией аполло-ническое/дионисийское (Ницше) и дихотомией Золушка братьев Гримм/Золушка Перро. Однако, к сожалению, эта аналогия не работает – модель Перро в массовом сознании господствовала практически безраздельно. Были отдельные проявления влияния модели братьев Гримм («Джейн Эйр»), но во многом благодаря массовым романам, а позднее и массовому кинематографу именно вариант французского писателя стал основополагающим. Что, в общем, оправданно – ведь, как уже говорилось, массовая литература не утверждает, а лишь воспроизводит и поддерживает массовые стереотипы. Следовательно, именно эта модель гендерного поведения считалась нормальной и общепринятой.

В настоящее же время очевидны изменения, происходящие на ценностной шкале женщин – особенно молодых девушек, получающих высшее образование, соприкасающихся с западной культурой и ориентирующихся на западный образ жизни. Однако кардинальная ломка стереотипов и уход к модели братьев Гримм – это излишне радикальная мера, которая проявляется лишь в феминистских переложениях сказок, о чем также говорилось ранее в этой статье. Следовательно, целью – особенно в массовой литературе – становится поиск компромисса.

Представляется небезынтересным и небесполезным проведение экспериментального исследования с целью сравнения популярности и релевантности вариантов сказки о Золушке братьев Гримм и Шарля Перро, а также их реализаций в современных массовых текстах.

Литература

1. Барсукова С.Ю. «Золушки» советской и постсоветской эпохи // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1998. № 12. С. 92-105.
2. Бронте Ш. Джен Эйр / пер. с англ. В. Станевич. М.: Правда, 1988. 512 с.
3. Бронте Э. Грозовой перевал / пер. с англ. Н. Вольпин. М.: АСТ, 2010. 319 с.
4. Вайнштейн О. Розовый роман как машина желаний // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 303-331.
5. Кагарлицкий Б. Серый волк и Красная Шапочка: старая сказка о Главном [Электронный ресурс] // Новая газета. 2000. № 90, 7 дек. URL: <http://novayagazeta.ru/data/2000/90/19.html> (дата обращения: 20.04.2011).
6. Окольская Л.А., Колмогорцева М.В. Жизненные проекты и правила для девушек в российских гляцевых журналах // Социологический журнал. 2010. № 2. С. 68-91.
7. Остен Дж. Гордость и предубеждение / пер. с англ. И. Маршака // Остен Дж. О гордости и любви: Гордость и предубеждение. Мэнсфилд-Парк: [романы]. М.: АСТ, 2009. С. 5-348.
8. Перро Ш. Сказки / пер. с фр. Т. Габбе. М.: Olma Media Group, 2004. 443 с.
9. Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 302-373.
10. Тараненко Е. «Утоли моя печали...», или Женский миф о женском мире [Электронный ресурс] // Дикое поле. 2004. № 5. URL: http://www.dikoeполе.org/numbers_journal.php?id_txt=230 (дата обращения: 24.04.2011).
11. Baum R. After the Ball Is Over: Bringing Cinderella Home // Cultural Analysis. 2000. Vol. 1. P. 69-83.
12. Bernikow L. Among Women. N.Y.: Harper Colophon Books, 1980. 296 p.
13. Bottingheimer R.B. Grimms Bad Girls and Bold Boys: The Moral and Social Vision of the Tales. New Haven: Yale UP, 1987. 234 p.
14. Clarke M.M. Brontë's «Jane Eyre» and the Grimms' Cinderella // Studies in English Literature, 1500-1900. Vol. 40, № 4: The Nineteenth Century (Autumn, 2000). P. 695-710.
15. Dillingham T.F. Empty Slippers, Empty Heads // Cultural Analysis. 2000. Vol. 1. P. 84-85.
16. Dowling C. The Cinderella Complex: Women's Hidden Fear of Independence. N.Y.: Pocket, 1981. 266 p.
17. Frye N. The Secular Scripture. Cambridge; Mass.: Harvard University Press, 1976. 199 p.
18. Jacobs J. Cinderella in Britain // Folklore. 1893. Vol. 4, № 3. P. 269-284.
19. Kelley K. A modern cinderella // The Journal of American Culture. 1994. Vol. 17, № 1. P. 87-92.

20. Parsons L. Ella Evolving: Cinderella Stories and the Construction of Gender-Appropriate Behavior // Children's Literature in Education. 2004. Vol. 35, № 2. P. 135-154.
21. Samuelson D.A. The Experience of Cinderella // College English. 1976. Vol. 37, № 8. P. 767-779.
22. Waelti-Waters J. Fairy Tales and the Female Imagination. Montreal: Eden, 1982. 161 p.
23. Wallowitz L. Reading as Resistance: Gendered Messages in Literature and Media // The English Journal. 2004. Vol. 93, № 3. P. 26-31.
24. Woods W.F. Cinderella vs. Big Adult Escape Narratives // College English. 1977. Vol. 39, № 2. P. 242-245.
25. Zipes J. Fairy Tales and the Art of Subversion: The Classical Genre for Children and the Process of Civilization. N.Y.: Wildman, 1983. 214 p.

ПОРШНЕВА АЛИСА СЕРГЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург (alice-porshneva@yandex.ru).

PORSHNEVA ALISA SERGEYEVNA – candidate of philological sciences, assistant professor of Foreign Languages Chair, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg.

БОРОНЕНКО АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант кафедры зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург (philolag@yandex.ru).

BORONENKO ALEXEY VLADIMIROVICH – post-graduate student of Foreign Literature Chair, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Russia, Yekaterinburg.

УДК 821 (470.4) + 398.5 (470.4)

В.Г. РОДИОНОВ

КОНЦЕПТ «НАРОД – ЛИДЕР» В ФОЛЬКЛОРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: концепт, народ, лидер, предания, коми литература.

Концепт «народ – лидер» рассматривается на материале чувашского, удмуртского и коми фольклора, приводятся примеры из их литературных текстов.

V.G. RODIONOV

THE CONCEPT OF «NATION-LEADER» IN THE FOLKLORE AND LITERATURE OF THE VOLGA-URALS PEOPLES

Key words: concept, nation, leader, lore, literature, of the Comies.

The concept «nation – leader» is viewed through examples taken from the Chuvash, Udmurt and Comie folklores.

В гуманитарных науках термин *концепт* (от лат. *conceptus* – «понятие») определяет содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения. В данном случае слова *народ* и *лидер* имеют различные артикулированные формы, поэтому они могут быть рассмотрены как два вполне самостоятельных концепта. В то же время их содержания находятся в одном двухполюсном поле «притяжения – отталкивания». И от того, какое конкретное содержание обретает концепт *лидер*, актуализируется отраженная в его понятии та или иная онтологическая составляющая. Подобно действиям на магнитном поле, в одном случае они могут взаимно отталкиваться, а в другом – притягиваться.

Лидерами народа (в значении *этноса*) в разные стадии его социальной организации могут быть духовные лица (*жрецы, хранители родовых или племенных святыниц*, исторические *деятели-миссионеры* и т.д.), а также верхушка социально-политической власти. В фольклоре эти две сферы деятельности очень часто совмещены: духовный лидер одновременно наделен и общественной властью.

Например, чувашский *турхан* (тархан – особая группа служилых людей в Казанском ханстве) ежегодно перед страдой проводил общественное жертвоприношение *Турă* (т.е. Богу). В его обязанности входило, кроме защиты народа от его врагов, и соблюдение всех норм предписаний народной религии, сохранение ее

чистоты [7. С. 88-89]. Ссылаясь на первое издание этимологического словаря В.И. Лыткина и Е.С. Гуляева [5], А.К. Микушев объяснял, что в древнепермском языке слово *пам* («пан») означало языческого жреца, позднее оно стало использоваться в значении «владыка» [6. С. 21]. Как утверждает П.Ф. Лимеров, термин *пам* (-н) в средневековой языческой Перми имел значение титула, приблизительно соответствующего русскому «князь, военный вождь» [4. С. 230]. В монографии, посвященной вопросам генезиса фольклорного образа св. *Стефана Пермского*, П.Ф. Лимеров приходит к заключению: «... тексты легенд и преданий по христианизации созданы уже христианской культурой, поэтому имеют соответствующую точку зрения на оценку описываемых событий. По-видимому, была и другая, языческая (чудская) точка зрения на эти события...» [4. С. 235].

В «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого «*Пам* – больше философ и богослов, нежели вождь народа». Но в Вычегодско-Вымской летописи он (*Пан-сотник*) зафиксирован как предводитель воинов-язычников. В 1392 г. *Пан-сотник* уже во главе войска *вогуличей* (*манси*) совершает нападение на погосты вокруг Усть-Выми [4. С. 231-233].

Итак, *Стефан* и *Пан-сотник* являются историческими личностями эпохи христианизации предков коми народа. Все факты говорят о том, что данный процесс проходил далеко не в мирной обстановке, а ответные действия язычников во главе с *Паном-сотником* были спровоцированы агрессивностью христианских миссионеров.

В незаконченной стихотворной драме (трагедии?) «Пама» И.А. Куратов изобразил *Паму* как персонажа трагического, глубоко переживающего за судьбу своего народа и его культуру. На волнах шума прошедших столетий он нашел частоту и уловил тональность исчезнувшего языческого эпоса о насильственном крещении коми народа. Отбирают коми землю, заставляют *Паму* быть скоморохом, танцевать и петь. Разоряют Коми край подобно ворону в голубином гнезде: уносят еду и вещи, снимают пеленку с ребенка. «Так народ // Упал, богатый, сильный и могучий в прошлом!» (здесь и далее филологический перевод Е.В. Остаповой).

Целью И.А. Куратова в данном произведении был не только анализ сложного и трагического характера всеми отверженного *Памы*. Здесь автор устами защитника народа осуждает политику насилия московских князей. Но в то же время с болью признает неизбежность поступательного движения европейской цивилизации со всеми ее плюсами и минусами. На то, что И.А. Куратов не соглашался с *Епифанием Премудрым* и интерпретаторами его произведения в части объяснения коми язычества (например, П.Д. Шестаковым [8]), указывает следующее замечание поэта: «Доказать, что легенда имеет смысл, хотя она относится к шаманству. Шестакова тоже обругать» [3. С. 567]. Не случайно в произведении поэта коми языческий бог ветра *Войпель* произносит горькие, но в то же время справедливые слова:

«Перемешалось добро со злом!
Больше расшалился *Пырас*
От добра, словно ребенок!
Завтра печальным увидишь ты
Свой *Пырас* – и покинешь его,
Чтоб не увидели твоего лица
Слепые душой люди!
Тогда посмотрю я вниз,
Как овцы начнут
С волками драться».

Здесь народ (люди) назван душевно слепым, уподоблен расшалившемуся от добра ребенку и глупым овцам среди хищников. «Глупый *Пырас* назавтра // Над *Войпелем* посмеется!» – предсказывает *Пама* события следующего дня.

Совершенно справедливо заметил поэт и литературовед коми народа А.Е. Ванеев, что образ *Памы* в качестве положительного героя изображали как И.А. Куратов, так и К.Ф. Жаков [1. С. 14]. В книге последнего «На Север, в поисках за *Памом Бур-Мортом*» (СПб., 1905) показана сцена встречи философски прозревшего сына (*Пама Бур-Морта*) со своим знаменитым отцом (*Пан-сотником*), несправедливо изгнанным своим народом («Жизнь *Пама Бур-Морта*»). Великий старец, когда-то униженный перед народом, просит своего сына помочь ему «изменить все на старое, в том числе восстановить «возвышенную веру» предков. Но сын, знающий истину из «Старой книги земли» лесного старика, просит отца отказаться от бесполезной борьбы. Сам он представляет себя частью мировой души, а человеческое счастье и страдание – звуками мировой гармонии. Вскоре душа *Пан-сотника* исцеляется от печалей, а его сердце получает «высшую радость и невиданный покой».

Все эти мысли и действия, как утверждает автор-рассказчик, переведены им с книги, исписанной «древнезырянскими и староиндейскими знаками» («На Печоре. Предание о Паме»). Все это из мифологического мира, а также из светлого детства рассказчика, и то и другое резко противопоставлены суровой действительности настоящего писателя.

Итак, смыслообразующим ядром концепта «народ – лидер» в ранней коми словесности становится вопрос смены религии в далеком XIV в. Широкий спектр интерпретаций исторического значения крещения коми народа следует объяснить различием конфессионально-этнических (в фольклоре) и личностно-мировоззренческих (в литературе) точек зрения творцов.

Предания, повествующие о борьбе религий (чаще всего чувашской и татарской, т.е. ислама), имеются и в чувашском фольклоре. В них концепт «народ – лидер» представлен в несколько ином аспекте, чем в коми словесности. Обычно в таких текстах народ и его религия слитны, а предателями становятся отдельные *лидеры-турханы*. В преданиях, записанных и опубликованных чувашским поэтом М.П. Арзамасовым в 1880-1881 гг. изображены исторические события периода Казанского ханства. Некий чуваш *Уразмет*, неуязвимый волхв, принял ислам с корыстными целями и был пожалован ханом титулом собирателя подати среди своих сородичей. И стал он притеснять свой народ, обращать его в иную веру, продавать девушек-красавиц в рабство. Чуваша его возненавидели и убили [7. С. 84-85]. В другом предании *Уразметю* (его имя среди чувашей стало впоследствии нарицательным, означающим предателя народных интересов) противопоставлен *Анчик*, добрый и справедливый сборщик податей. Он стоял за религию предков и защищал интересы простого народа, выступал против войск хана вместе с русскими [7. С. 86].

Итак, в чувашских преданиях сохранена точка зрения простого, некогда язычествующего народа. Как уже было отмечено, народ глубоко предан своей религии, но среди лидеров имеются как *предатели-уразметы*, так и *патриоты типа Анчика*. Мотив лидера, предавшего интересы своего народа, встречается и в удмуртском фольклоре. На основе подобных преданий *Кедра Митрей* создал трагедию «Эш-Тэрек» (1912), в которой изображены два противоположных лидера: *Идна* и *Эш-Тэрек*. Первый – хранитель традиционных устоев, патриот своей земли, верный религии своих предков. Второй – коварный изменник, прокладывающий себе путь наверх с целью захвата власти. Придя к власти, *Эш-Тэрек* приносит народу нищету и разорение, предает свой народ врагам [2. С. 52]. Данный мотив широко распространен в Поволжье, и он сложился в условиях конфессионально-этнических противоречий в XV-XVI вв. В чувашской литературе мотив лидера-защитника народа и предателя развивали поэты Г.И. Комиссаров (*Вандер*), К.В. Иванов (*Кашкыр*), Эндри Турхан, Илле Тьхти и др. В поэме К.В. Иванова (*Кашкыра*) «Хальхи самана» («Наше вре-

мя», 1908) прототипом нового лидера чувашского народа является И.Я. Яковлев. Поэт риторически вопрошает:

Кто же сделал это дело?
Кто упорствовал так смело?
Кто расскажет, как весь век
Проработал человек
Ради чаяний чувашских.
Как седел от дум он тяжких?
Кто восславит торжество
Дела доброго сего?

Пер. П.П. Хузангая.

По фольклорной традиции лидер (герой) обязательно должен противопоставляться предателю (антигерою). Не нарушая традиционной формы развития сюжета, К.В. Иванов (*Кашкыр*) изображает обобщенный образ «затвердевших душою образованных чувашей»:

Жизнь отдаст такой вот ради
Светлых пуговиц в наряде.
Свой язык не признает
И родных не узнает;
Сердце – лед, умом он туп.
Перед нами – живой труп.

В начале XX в. духовными лидерами народов Поволжья становятся поэты, такие как Г. Тукай, К. Герд, М. Сеспель и др. Они от своего имени призывают народ к единению и свободе, предвещают приход нового лидера. Фактически предводителями своих народов являлись они сами, гордые и свободолюбивые личности, полностью слившиеся с народом. «Во мне стучит мильон сердец // Я не один. Я сам – мильон // Мильона чувашей певец» – признавался лидер чувашской нации Мишши Сеспель. Призывы национальных лидеров-поэтов начала XX в. действенны и актуальны и в наши дни.

В завершение темы следует еще раз выделить основные тенденции динамики изменения содержания концепта «народ – лидер». В словесности народов Урало-Поволжья она (динамика) проявляется в движении от этноконфессионального содержания к этнокультурному, от религии к национальной культуре и языку. Именно они в начале XX становятся основными определителями национального самосознания народов Урало-Поволжья. Соответственно, на истинное лидерство начинают претендовать не должностные лица или служители культа, а мастера родного слова и подлинные творцы национальной культуры.

Литература

1. Ванев А.Е. Коми-зырянское просветительство. Сущность и своеобразие. Сыктывкар: Эском, 2001. 224 с.
2. История удмуртской советской литературы. Устинов: Удмуртия, 1987. Т. 1. 252 с.
3. Куратов И. Менам муза. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 608 с.
4. Лимеров П.Ф. Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми. М.: Наука, 2008. 256 с.
5. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. Переиздан с дополнениями в Коми книжным издательством (Сыктывкар, 1999). 430 с.
6. Микушев А.К. Коми «Калевала» // Жаков К.Ф. Биармия: Коми литературный эпос / сост., предисл., ком. А.К. Микушева; пер. на коми М.В. Елькина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. С. 5-25.
7. Чувашское народное творчество. Исторические предания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 462 с. (на чуваш. яз.).
8. Шестаков П.Д. Св. Стефан, первосвятыи Пермский. Казань, 1868. 90 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, декан факультета чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru).

RODIONOV VITALIY GRIGORYEVICH – doctor of philological sciences, professor, dean of Chuvash Philology and Culture Faculty, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 821.161.1-3Пушкин

Л.Н. САРБАШ

**ИНОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
А.С. ПУШКИНА («ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВА», «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»)***

Ключевые слова: инонациональный контекст, нерусские народности Поволжья, пугачевский бунт, идейная доминанта, образ «башкирца».

Определены инонациональные аспекты в историческом контексте произведений А.С. Пушкина «История Пугачева» и «Капитанская дочка». В изображении исторического события проанализирована его полиэтническая составляющая: участие нерусских народностей Поволжья в пугачевском движении.

L.N. SARBASH

**OTHER NATIONALITIES IN THE CONTEXT OF THE HISTORICAL WORKS OF A. PUSHKIN
(«THE HISTORY OF PUGACHOV», «THE CAPTAIN'S DAUGHTER»)**

Key words: non-indigenous context, the non-Russian peoples of the Volga, the Pugachev rebellion, the ideological dominant, the image of «Bashkir».

Aspects of other nationalities are identified in the historical context of works by A.S. Pushkin «History of Pugachev» and «The Captain's Daughter». The article analyzes the multi-ethnic component of his portrayal of historical events: the participation of non-Russian peoples of the Volga region in the Pugachev movement.

Русские писатели XIX в. проявляли внимание к разным народностям, культура и быт которых составляли духовное пространство России. Рецепция русской литературой и публицистикой XIX в. инонациональных явлений российской действительности – одна из актуальных проблем современного литературоведения.

Поволжье представляло собой большое этническое смешение, по определению писателя Е. Чирикова, «великий Ноев ковчег», где «собрались на свидание все народы Европы и Азии и все их боги, злые и добрые, со всеми чадами и домочадцами: великоросс, малоросс, татарин, чуваш, черемисин, мордвин, немец, еврей, персиянин, калмык... Христиане разных толков, последователи Будды, Магомета, грозного ветхозаветного Иеговы, Заратустры, первобытные язычники» [10. С. 95]. Народности, населяющие Волгу и живущие рядом с русскими, становились предметом этнографического описания и художественно-публицистического изображения.

Инонациональные явления российской действительности, религиозные верования, обряды и обычаи народов Поволжья, этнопсихологические типы появляются в творчестве А.И. Герцена, В.И. Даля, П.И. Мельникова-Печерского, Н.С. Лескова, С.В. Максимова, Л.Н. Толстого, Н.Д. Телешева, Н.Г. Гарина-Михайловского, Г.И. Успенского, В.Г. Короленко и др.

В творчестве А.С. Пушкина «инонациональное» предстает в различных аспектах: в произведениях «История Пугачева» и «Капитанская дочка» оно проявляется в иноэтнической константе описываемых исторических событий. В «Истории Пугачева» и связанной с ней материалами – «Замечания о бунте», «Приложение. Записи устных рассказов, преданий, песен» – дается описание участия нерусских народностей Поволжья в пугачевском бунте, упоминаются башкиры, татары, чувашы, мордва и калмыки.

Известно, что в начале 1833 г. писатель оставляет работу над «Капитанской дочкой» и начинает собирать материалы о пугачевском бунте. Поэт досконально изучает исторический период, связанный с Пугачевым: знакомится с архивными материалами военной коллегии, документами секретной переписки о событиях 1773-1775 гг., о действиях военных и гражданских властей; читает все доступные русские и западноевропейские печатные и рукописные

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ (проект №12-14-21004а/В).

источники, ссылки на которых появляются в «Истории Пугачева». Труд П.И. Рычкова «Топография Оренбургская» и его же рукописная хроника «Осада Оренбурга» (в письме к Г.И. Спасскому от 18 июля 1833 г. он просит прислать ее, называя «драгоценностью»), работы А.И. Левшина «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков» и «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей», «Записки о жизни и службе» А.И. Бибикова, исторический очерк Д. Зиновьева «Михельсон в бывшем в Казани возмущении», В.Б. Броневского «История Донского войска», П. Сумарокова «Обозрение царствования и свойств Екатерины Великия», статья Сухорукова «О внутреннем состоянии Донских казаков в конце XVI столетия» используются А.С. Пушкиным: автор «Истории Пугачева» цитирует указанные сочинения, ссылаясь на них, высказывая порой несогласие и утверждая свою точку зрения на события. Поэт отмечает важность исторических документов, «в первый раз обнародованных»: он определяет их как «исторические сокровища», приложенные к «Истории Пугачева».

Пушкин предпринимает поездку в Поволжье и Оренбургский край по местам пугачевского бунта: специально посещает казацкую станицу Берды, в которой при осаде Оренбурга была резиденция Пугачева, беседует со старухой казачкой Бунтовой, лично видевшей, хорошо помнившей Пугачева, и старожилами Уральска. Об этой встрече сообщает в письме к жене от 2 октября 1833 г. из Болдина: «В деревне Берде, где Пугачев простоял шесть месяцев, имел я une bonne fortune – нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год» [9. Т. 10. С. 449]. Бунтова рассказала Пушкину ряд эпизодов, отличающихся яркими образами и бытовыми подробностями, вошедшими в «Историю Пугачева» – расстрел Харловой; казачка Разина, ищущая сына среди плывущих по Яику трупов; бросание денег Пугачевым во время поездок. Предстает в записи Пушкина и сам Пугачев, которого старая казачка видела, хорошо запомнила: «К Пугачеву привозили ребят. Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву. У Пугачева рука лежала на пелене – подходящий кланялся в землю, а потом, перекрестясь, целовал его руку» [9. Т. VIII. С. 366-367]. Пушкину-историку важны эти «живые» источники – очевидцы исторических событий, хранящие в памяти конкретные подробности, детали тех или иных обстоятельств.

Направляясь на Урал через Поволжье, по дороге в Казань, писатель проезжает по чувашскому краю. Проехав Чебоксары, записывает со слов почтового смотрителя один случай с Пугачевым, сопровождая его пометой: «Слышал от смотрителя за Чебоксарами» [9. Т. VIII. С. 360]. Пушкин посещает пугачевские места в Казани: побывал в Суконной слободе, беседовал с Василием Петровичем Бабиным, который передал рассказы родителей о Пугачеве, и с купцом Крупенниковым, который, будучи ребенком, видел Пугачева. О своей работе по собиранию исторического материала он сообщает в письме к жене Наталье Николаевне: «Я в Казани с пятого...возился со стариками, современниками моего героя; объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону» [9. Т. X. С. 444]. В письме от 11 октября 1833 г. просит жену съездить к Плетневу и попросить его, чтобы тот к приезду Пушкина в Петербург «велел переписать из Собрания законов (годов 1774 и 1775) все указы, относящиеся к Пугачеву» [9. Т. X. С. 451]. Поэт проделявает большую собирательскую работу историка.

Отвечая на критику «Истории Пугачева», напечатанную в «Сыне Отечества», Пушкин пишет о многообразии исторических источников, с которыми он знакомился: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in folio разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описан-

ной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикой» [9. Т. VIII. С. 389]. Писатель высказывает основополагающие принципы в подаче исторического материала: «добросовестность в трудах и осмотрительность в показаниях», т.е. правдивость и точность в описании событий. Завершив «Историю Пугачева», поэт пишет А.Х. Бенкендорфу, что он «по совести исполнил долг историка: изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни силе, ни модному образу мыслей» [9. Т. X. С. 650].

Исторические познания и позволили А.С. Пушкину дать всестороннее и полное описание пугачевского движения. Писатель отмечает полиэтническую составляющую народного бунта: в нем вместе с казаками активнейшее участие принимают нерусские народности средней части Поволжья, которые практически все примкнули к Пугачеву. «...башкирцы, взволнованные своими старшинами (которых Пугачев успел задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев), начали нападать на русские селения и кучами присоединяться к войску бунтовщиков. Служилые калмыки бежали с форпостов. Мордва, чувашаи, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господские крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии пришли в опасное колебание» [9. Т. VIII. С. 171]. В восьмой главе Пушкин пишет, что после освобождения Казани, когда мятеж был уже практически разгромлен, Пугачев переправляется через Волгу, и к нему присоединяются новые силы. Сообщается, что вся западная сторона Волги восстала и «передалась самозванцу»: «Господские крестьяне взбунтовались; инородцы и новокрещенные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отовсюду приводила к Пугачеву. Пугачев объявил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли» [9. Т. VIII. С. 247]. Выступая в качестве историка, поэт подробнейшим образом описывает участие народностей Поволжья в пугачевском бунте, затрагивая и причины этого участия.

Пушкин придерживается в повествовании точной хронологии: он воссоздает реальные исторические события и действия Пугачева, пишет о его пребывании на земле чувашей, упоминая города Цивильск и Ядрин: Емельян Пугачев «велел раздать чувашам казенное вино, повесил несколько дворян, приведенных к нему крестьянами их, и пошел к Ядринску...» [9. Т. VIII. С. 250]. Появляется Пугачев и в Саранске, где был встречен не только «черным народом», но и духовенством и купечеством. Ставропольские калмыки (крещенные, уточняет писатель в примечаниях) шли на помощь бунтовщикам Самары.

Вопрос о причинах широкого и деятельного участия нерусских народов Поволжья в пугачевском восстании возникал в XIX в., ставился деятелями русской православной церкви. А.Ф. Можаровский в работе «Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1551 по 1867 г.» высказывал мнение о неудовлетворительном ведении православной миссионерской деятельности Новокрещенской конторы, которая завершилась со стороны поволжских народов «пугачевщиною и в пугачевщине» [7. С. 107]. Слово «инородец» для определения нерусских, широкоупотребительное в XIX в., не несет какого-либо оттенка негативной коннотации: представитель иного народа, имеющий своеобразие, отличающийся от русского. Отмечая активное участие поволжских инородцев в пугачевском движении, Пушкин тоже поднимает этот вопрос.

Писатель отмечает активное участие в пугачевском движении башкир, о которых говорится особенно часто: около яицких казаков, которые были ядром пугачевского войска, «скоплялось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков»; корм и лошадей доставали от башкир; когда сакмарский городок был окружен башкирами, присланными от оренбургского губернатора,

то Пугачев выехал к ним из крепости и «без бою всех взял в свое войско». В главе шестой описывается восставшая Башкирия во главе с Салаватом: «Башкиры не унялись. Старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казни 1741 года, явился между ими с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящею силою» [9. Т. VIII. С. 225]. Башкиры, во главе которых Салават, объединяются с людьми Белобородова. Генерал-майор Кар, прибывший в Оренбургскую губернию, так и не дождался войск, посланных из Симбирска и Уфы – «вооруженных башкирцев и мещеряков». Пушкин отмечает массовый и многонациональный характер народной войны. Полковник Бибилов приводит в повиновение двадцать пять бунтовавших деревень; Державин умирляет русские раскольничьи селения на Иргизе и киргизов – «орды племен, кочующих между Яиком и Волгою» [9. Т. VIII. С. 206]. Автор-повествователь часто использует при характеристике казаков и инородцев характерные глаголы «передались», «переметнулись», «изменили».

Пушкин отмечает, что башкиры, наученные горьким опытом, подозревали Пугачева и в намерении бежать в случае поражения и поэтому роптали: «Ты взбунтовал нас, – говорили они, – и хочешь нас оставить, а там нас будут казнить, как казнили отцов наших» (Казни 1740-го году были у них в свежей памяти)» [9. Т. VIII. С. 207]. Упоминание о 1740 г. симптоматично: говорится об известном Акаевском бунте башкир, а в примечаниях дается информация о его жестоком усмирении князем Урусовым. «Пугачевское» выступление башкир в историческом контексте предстает как одно из многих и связывается с «акаевским» бунтом. Пушкин рассматривает историческое событие в системе целого, в его причинно-следственных связях, создавая целостную картину пугачевского бунта, пытаясь понять глубину народного движения и причины общенационального конфликта, его истоки.

В истории пугачевского бунта возникает у Пушкина целая эпоха русской истории. Образ Пугачева, «колебавшего государство», изображение народного мятежа приобретает общенациональную потенцию, перерастает в образ России народной. Настойчивое упоминание об участии в пугачевском движении нерусских народностей Поволжья создает образ России народной как России многонациональной. Российская история возникает в совокупности ее составляющих полиэтнических факторов.

В «Истории Пугачева» Пушкин отмечает еще одну характерную особенность народного бунта: поволжские инородцы, как и русские, принимают участие в пугачевском бунте с обеих сторон – со стороны мятежников и правительственных войск. Пугачев, заняв Татищеву, учинил расправу: все офицеры были повешены, в поле расстреляли несколько солдат и «башкирцев». С комендантом Нижне-Озерной, майором Харловым, был казнен и крещеный татарин Бикбай. Пушкин пишет, что никто не проявил малодушия: «магометанин» перекрестился, и сам надел на себя петлю. Вместе с полковником Чернышевым было повешено тридцать шесть офицеров и калмыцкий полковник, оставшийся верным своему «несчастному начальнику» и переделанный в Калмыкова. Пушкин показывает драматизм происходивших событий, отмечает мужество, присущее обеим сторонам конфликта. При осаде мятежниками Яицкого городка осажденным грозит голодная смерть, и они решаются на последнюю вылазку: «Не надеялись победить... только хотели умереть честною смертью воинов» [9. Т. VIII. С. 221]. Башкиры, загнанные правительственными войсками в болото, также не сдавались: «Все, кроме одного, насильственно пощаженного, были изрублены вместе с своим начальником» [9. Т. VIII. С. 228]. Хорошая осведомленность писателя в обстоятельствах бунта, многочисленные документальные источники позволили Пушкину обратить внимание и на эти аспекты российского национально-этнического разделения.

Передавая происходившие события, Пушкин-историк постоянно отмечает их страшную жестокость, кровь и насилие. Комендант Верхо-Яицкой крепости, полковник Ступишин, войдя в Башкирию, сжег несколько пустых селений; захватив одного из бунтовщиков, «отрезал ему нос, уши, пальцы правой руки и отпустил, грозясь поступить таким же образом со всеми бунтовщиками» [9. Т. VIII. С. 224]. В главе седьмой, рассказывающей о взятии бунтовщиками Казани, говорится, что башкиры, несмотря на запреты Пугачева, били нагайками пленный народ, кололи копьями детей и женщин. В «Записях устных рассказов, преданий, песен» дается более обстоятельная казанская запись со слов рабочего Суконной слободы Василия Петровича Бабина, который передал Пушкину рассказы родителей, бывших свидетелями пребывания Пугачева в Казани. Мать Бабина, оставившая во ржи двух дочерей и несшая в подоле годовалого сына, бросается в ноги казаку с просьбой пощадить ее, на что последний отвечает: «Матушка... ведь башкирец убьет тебя» [9. Т. VIII. С. 362].

В разделе третьем тех же «Записей» Пушкин делает замечание относительно вошедших в Казань мятежников: «Казни после Пугачева были ужасные, вешали за ребро, сажали на кол etc. Рели стояли лет 10 после Пугачева и петли болтались» [9. Т. VIII. С. 362]. Река Казанка была запружена мертвыми телами, а во время сражения с правительственными войсками было убито до двух тысяч человек, «большой частью татар и башкирцев». Бердская слобода, бывшая ставкой Пугачева, по определению автора, являлась «вертепом убийств и распутства»: «Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удушенных, четвертованных страдальцев» [9. Т. VIII. С. 179]. Примечания к восьмой главе Пушкин сопровождает пространным, на нескольких страницах, списком жертв Пугачева, касаясь многих уездов и губерний. Автор «Истории Пугачева» приводит читателя к мысли, что во время социального бунта одинаково страдают все национальности, занимающие противоборствующие позиции. Конкретные исторические данные, освещенные Пушкиным в «Истории Пугачева», также способствуют известному определению русского бунта как «беспощадного», данного в «Капитанской дочке».

В «Истории Пугачева» Пушкин стремится передать хронологически точно и достоверно исторические события, обращаясь к конкретным географическим местам, действиям правительственных войск и мятежников. Однако в передаче фактической стороны Пушкин предстает не только как историк, изыскивающий истину, но и как писатель: историк и художник органически соединены и неотделимы в повествовании, как справедливо замечает В. Блюменфельд, «пушкинская «История» – не ученый труд» [4. С. 155].

В произведении появляются поэтические образы, представляющие исторические события в эмоционально-образном плане, в контексте человеческих связей и отношений. Так, Пушкин пишет об оставлении мятежниками Илецкого городка, крепости Татищевой, Озерной и Рассыпной. При этом выделяется в повествовании трагического накала и повышенной эмоциональности эпизод: во время весенней оттепели тела убитых под Татищевой поплыли по реке мимо крепостей: «Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужей и сыновей. Старая казачка бродила над Яиком, клюкой пригребая к берегу плывущие трупы, приговаривая при этом: «Не ты ли мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черные кудри свежа вода моет? И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп» [9. Т. VIII. С. 217-218]. В примечании к главе писатель уточняет, что это была Разина. Старая казачка, без имени, оплакивающая своего сына: в причитании-плаче матери явственны фольклорные элементы. Пушкин-художник, акцентируя внимание на эпизодической «частности», создает образ, обнажающий безмерное народное горе и драматизм происходящих событий. Как отмечает А.А. Карпов, «История» – сложное целое, совокупность

различных уровней повествования, каждый из которых характеризуется особым масштабом изображения – от самого общего плана, воссоздающего ход исторических событий, до «среднего» и «крупного» планов, фиксирующих внимание на определенной, интересующей автора ситуации... При помощи «крупных» планов... Пушкин задерживает внимание читателей на наиболее важных темах и ситуациях, расставляет смысловые акценты» [6. С. 56-57].

Замедляется повествование на рассказе о Харлове, отличающемся насыщенной драматической тональностью: приказания майора стрелять в мятежников не исполняются солдатами, которые, однако, просят казаков пощадить своего доброго коменданта. Несколькими определениями писатель создает запоминающийся образ защитника Нижне-Озерной крепости: «полумертвый», «обезумленный от ран», «истекающий кровью»; дается характерная деталь: глаз, вышибленный копьем, висит у Харлова на щеке. Историческая фактология о занятии крепостей, передвижении правительственных войск и мятежников приобретает жизненную конкретику, обнаруживающую себя в перипетиях человеческих судеб, в возникающей картине бытийной легкости жизни и смерти.

Пушкинский историзм в повествовании о пугачевском бунте имеет свою специфику: точность, конкретность и правдивость описаний одушевляется Пушкиным-художником: военно-историческая информация приобретает образно-эмоциональное воплощение. Документальная фактология, благодаря явно выраженному художественному элементу, «оживает» в полнокровных и трагического накала событиях, а военно-исторические реляции о пугачевском бунте приобретают яркую образность. В.Г. Белинский дает высокую оценку «Истории Пугачева», писанной «пером Тацита» «на меди и мраморе», определяет этот исторический опыт Пушкина как «образцовое произведение», «со стороны исторической и со стороны слога» [3. Т. V. С. 274; Т. VII. С. 578]. Критик относит «Историю» к числу лучших произведений А.С. Пушкина, ставя ее на один уровень с его поэзией.

Документальный материал о пугачевском восстании послужил основой не только для «Истории Пугачева», но и для «Капитанской дочки». Многие исторические наблюдения войдут в дальнейшем в повесть: в частности, в «Истории Пугачева» говорится о повешенных на барках мятежниках, пущенных вниз по Волге для устрашения мимо бунтующих берегов. Подобный эпизод возникает в «Капитанской дочке», в пропущенной главе «Переправа через Волгу»: «Вдруг луна вышла из-за облака и озарила зрелище ужасное. К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на плоту, три тела висели на перекладине. Болезненное любопытство овладело мною. Я захотел взглянуть на лица висельников. По моему приказанию гребцы зацепили плот багром, и лодка моя толкнулась о плавучую виселицу. Я выпрыгнул и очутился между ужасными столбами. Яркая луна озаряла обезображенные лица несчастных. Один из них был старый чуваш, другой русский крестьянин, сильный и здоровый малый лет 20-ти. Но взглянув на третьего, я сильно был поражен и не мог удержаться от жалобного восклицания: это был Ванька, бедный мой Ванька, по глупости своей приставший в Пугачеву» [9. Т. VI. С. 543-544].

Среди повешенных упоминается чуваш. А.С. Пушкин имел представление о чувашах. В статье «Мои замечания о русском театре» (1820 г.), а также переписке поэта встречаются этнонимы «чувашка» и «чуваш». Известны дружеские отношения поэта с чувашем, известным ученым-синологом Никитой Бичуриным. По свидетельству М.П. Погодина, в гостиной В.Ф. Одоевского, «сходились веселый Пушкин и отец Иакинф с китайскими, сузившимися глазами», дружеское общение которых продолжалось вплоть до трагической гибели поэта [8. С. 56]. В библиотеке А.С. Пушкина сохранились книги ученого с его дарственными надписями: «Среди них переводы и сочинения, сделавшие его широко известным в ученом мире и литературных кругах: «Описание Тибет-

та...», китайская краткая детская энциклопедия «Сань-цзы-цзинь, или Трое-слобие», «Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени». Последней книгой поэт пользовался, работая над «Историей Пугачева» [2. С. 11]. Рассказывая о появлении казаков на Яике, Пушкин передает историю побега калмыков в Китай, ссылаясь на еще не опубликованный труд отца Иакинфа и давая из него пространную цитату: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с Востоком» [9. Т. VIII. С. 287].

«История Пугачева» многое дала Пушкину-художнику. Собранный материал найдет свое непосредственное воплощение в повести «Капитанская дочка». П.А. Вяземский особо отмечал творческое претворение исторического материала в повествовании произведения: «В «Капитанской дочке» есть тоже соприкосновение истории с романом, но соприкосновение естественное и вместе с тем мастерское. Тут история не вредит роману; роман не дурачит и не позорит историю» [5. С. 28]. Вяземский говорит об исторических аспектах повести, органически явившейся в рассказанной истории из «семейных записок» Петра Гринёва.

Инонациональный контекст в изображении пугачевского движения присутствует и в «Капитанской дочке»: упоминаются башкиры, принимавшие активное участие в бунте (у башкир есть исторические песни, посвященные Пугачеву – «Пугачев», «Большая дорога»). Вначале о «башкирцах» говорит Гринёв: он слышал в Оренбурге, что башкиры собираются напасть на Белогорскую крепость, что категорически отвергается комендантом Мироновым: «Башкирцы – народ напуганный, да и киргизцы проучены. Небось, на нас не сунутся...» [9. Т. VI. С. 42]. Василиса Егоровна говорит, что раньше боялась башкир («этих нехристей»), а сейчас привыкла к ним: «Как завижу, бывало, рысьи шапки, да как заслышу их визг, веришь ли, отец мой, сердце так и замрет! А теперь так привыкла, что и с места не тронусь, как придут нам сказать, что злодеи около крепости рыщут» [9. Т. VI. С. 422-423].

В повествовании «Капитанской дочки» чрезвычайно значим эпизод с пойманным около крепости башкиром «с возмутительными листами»; этот же факт сообщался Пушкиным в «Истории Пугачева». Эпизод предстает в системе целого, связан с идейной направленностью произведения, с утверждением христианско-этических ценностей милосердия, добра и справедливости. «Башкирец» изображается через восприятие Гринёва: «Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем. «Эхе! – сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 году. – Да ты видно старый волк, побывал в наших капканах. Ты знать не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?» [9. Т. VI. С. 454-455]. А.С. Пушкин упоминает здесь о крупнейшем выступлении башкир 1735-1740-х гг., возглавленном Акаем, так называемый «Акаевский бунт», участники которого были жестоко наказаны. Об этом Пушкин писал в «Замечаниях о бунте», отмечая расправу с мятежниками: «Казни, проведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений! «Остальных человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши». Многие из сих прощенных должны были быть живы во времена Пугачевского бунта» [9. Т. VIII. С. 355]. Указание на 1741 г. симптоматично: здесь и упоминание о прошлом бунте, и во многом объяснение теперешнего участия башкир в пугачевском возмущении.

Крещеный калмык Юлай по-татарски спрашивает башкира, кто его послал. Когда пленника собрались бить плетью, поскольку он молчал, тот открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок. Образ «башкирца» значим в идейно-художественной системе произведения: с ним связаны гуманистические рассуждения Гринева и самого писателя. Именно этот обезображенный башкир с выдранными ноздрями и ушами, с обруском вместо языка наводит Гринева на мысли о человеколюбии, сострадании и милосердии, из которых следует сентенция о прочности ненасильственных изменений жизни: «Когда вспомню, что это случилось на моем веку, и что ныне дожил я до кроткого царствования императора Александра, не могу не дивиться быстрым успехам просвещения и распространению правил человеколюбия. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» [9. Т. 6. С. 455-456]. Потом верхом на перекладине оказался именно этот башкир: «он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух» [9. Т. VI. С. 465]. Насилие порождает насилие, показывает А. Пушкин – противник насильственных потрясений.

В «Капитанскую дочку» Пушкин вводит инонациональный фольклорный материал – калмыцкую сказку. Казак Пугачев рассказывает Гриневу слышанный еще «в ребячестве» рассказ старой калмычки об орле и вороне, степную нерусскую сказку, выражающую вольнолюбие и свободу. Наблюдения над реалиями калмыцкой жизни содержатся в «Путешествии в Арзрум», стихотворении «Калмычке» («Прощай, любезная калмычка!»).

Следует заметить, что «иноэтническое» российское встречается не только в историческом контексте пушкинских произведений, но и вводится в художественно-эстетическое поле русской литературы как предмет непосредственного изображения. Этнонимы «чувашка», «чуваш» присутствуют в художественном мире писателя, упоминание которых представляется нам чрезвычайно важным. Русский поэт одним из первых включает в художественную систему литературных ценностных ориентиров российско-этнический компонент. В статье «Мои замечания о русском театре», затрагивая вопрос о принципиальных основах критики, Пушкин дает предупреждение, что будет рассуждать только о театре, избегая каких-либо сведений о себе и «апологии» собственной персоны, которые наблюдаются в современных критических обзорах. Имея в виду определенные литературные произведения времени, А.С. Пушкин пишет: «Должно ли укрываться в чувхонскую деревню, дабы сравнить немку Леонору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгой? Ужели...необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по-русски?» [9. Т. VII. С. 7]. Писатель наряду с европейскими упоминаниями немки, шотландки, французов дает этноним из российской жизни – «чувашка». В литературно-художественной системе XIX в. возникал, как правило, русско-европейский сопоставительный аспект, который Пушкин значительно расширяет, вводя в него «этническое» из российского мира. В письме к Петру Вяземскому Пушкин, рассуждая о критике, вновь использует этноним «чуваш»: «Критики у нас, у чувашей, не существует, палки как-то неприличны: о поединке и смех и грех было и думать, то ли дело цып-цып или цыц-цыц...» [9. Т. X. С. 272]. Конечно, в данном контексте поэт ведет речь о русской критике, находящейся под цензурным оком. По справедливому замечанию Ю.М. Артемьева, великий поэт «включил чувашский космос в свой необъятный художественный мир...» [1. С. 112]. В то же время Пушкин показывает и свою «включенность» в российское многоцветье – «у нас, у чувашей». Поэт не противопоставляет себя инородцам, считая всех их принадлежащими к русскому миру и себя (русских) к ним.

Инонациональный контекст присутствует в изображении исторических событий в произведениях А.С. Пушкина «История Пугачева» и «Капитанская дочка». Великий поэт не обошел в своем творчестве народы, тесно соседствующие с русскими, присутствующие в российском космосе жизни. Писатель видит государство российское в его этническом многообразии, в событиях исторического прошлого – многонациональный фактор их развития. Расширяет Пушкин предмет и границы творческого изображения: «иноэтническое» российское – материал, представляющий литературно-эстетический интерес для художника.

Литература

1. *Артемов Ю.М.* Страсть к полемике. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 191 с.
2. *Владимиров Е.В.* Голоса участия и дружбы Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. 208 с.
3. *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. V. 862 с.; Т. VII. 892 с.
4. *Блюменфельд В.* Художнические элементы в «Истории Пугачева» Пушкина // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 154-174.
5. *Вяземский П.А.* Воспоминания о 1812 годе. М.: Тип. Грачева и К., 1869. 60 с.
6. *Карпов А.А.* Пушкин-художник в «Истории Пугачева» // Пушкин. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1978. Т. VIII. С. 51-61.
7. *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 гг. М.: Имп. Общество истории и древностей Российских при Моск. ун-те, 1880. 261 с.
8. *Погодин М.П.* Воспоминание о князе Владимире Федоровиче Одоевском. 1869, 13 апреля // В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание Общества любителей Российской Словесности, 13 апреля, 1869 г. М.: В тип. «Русского», 1869. С. 45-68.
9. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949-1951.
10. *Чириков Е.Н.* Собр. соч.: в 17 т. М.: Моск. книгоиздательство, 1916. Т. 16. 328 с.

САРБАШ ЛЮДМИЛА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sarbash.lu@yandex.ru).

SARBASH LYUDMILA NIKOLAEVNA – candidate of philological sciences, associate professor of Russian literature, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 821.161.1-6Жуковский:39(2)

Л.Н. САРБАШ

ПОЛИЭТНИЧЕСКАЯ РОССИЯ В «ДНЕВНИКЕ» В.А. ЖУКОВСКОГО*

Ключевые слова: В.А. Жуковский, этнографизм, этнический «портрет» России.

Проанализированы инонациональные миры, культурно-этнографическое своеобразие полиэтнической России в «Дневнике» В.А. Жуковского.

L.N. SARBASH

THE POLYETHNIC RUSSIA IN «THE DIARY» OF V.A. ZHUKOVSKY

Key words: V.A. Zhukovsky, ethnographism, ethnic portrait of Russia.

The article analyzes the worlds belonging to a different nation and the cultural-ethnographic originality of the polyethnic Russia in «The Diary» of V.A. Zhukovsky.

Русские писатели и публицисты XIX в. проявляли внимание к нерусским народам, культура и быт которых составляли духовное пространство России. В произведениях русских писателей возникает широкого плана межкультурный диалог: иноэтническая реальность, инонациональные обычаи, обряды, религиозно-мифологические верования, этнопсихологические типы. Рецепция русской литературой инонациональных явлений, творческое воплощение одной национальной модели через призму другой духовно-нравственной систе-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 12-14-21004a/B).

мы координат – русской культурно-художественной традиции, – одна из актуальных проблем современной литературоведческой науки.

В. Жуковский, обладая необыкновенным искусством перевода, вводит в русскую литературу английских, французских, немецких, греческих поэтов, создавая поэтические реалии европейской жизни. В. Жуковский был назван А. Пушкиным «гением перевода». Поэта-переводчика отличало стремление наиболее ярко выразить и передать свойства произведения; и при этом Жуковский не стремился к точному воспроизведению подлинника, он пересоздавал текст, творил на его основе собственное произведение, отвечающее духу и стилистике оригинала. Н.В. Гоголь восхищался необыкновенной точностью перевода Жуковского («... все – вернейший сколок, слово в слово, личность каждого поэта удержана») и одновременно его самобытностью [2. С. 168]. Этот творческий интерес и внимание Жуковского к «другому», многонациональному российскому, найдет свое воплощение в дневнике писателя, в его реалистических наблюдениях и описаниях. Дневник пишется художником слова, зоркий взгляд которого передает российскую действительность в ее характерных чертах и специфических проявлениях.

В 1837 г. Жуковский сопровождает цесаревича, великого князя Александра Николаевича в его путешествии по России: поездка имела цель познакомиться наследника престола с жизнью российского государства и населяющими его народами.

Впечатления Жуковского от этого путешествия нашли отражение в его дневнике. Художественных произведений, в которых были бы использованы дневниковые записи о поездке по России, у В.А. Жуковского нет. Однако сам «Дневник» – литературный документ времени, отразивший интерес поэта к своему многонациональному Отечеству, российской жизни в ее разнообразных этнических проявлениях.

Дневниковые записи фиксируют характерные приметы многонационального российского космоса: реалии башкирского, татарского, калмыцкого, киргизского, немецкого миров – национальные особенности быта и культуры, природы, род занятий. В «Дневнике» писателя, скупом, но чрезвычайно содержательном конспекте, возникает многомерный абрис полиэтнической России.

Дневник ведется в хронологическом порядке, дневниковые записи обусловлены реальными обстоятельствами – проездом по разным, отличающимся друг от друга географически и этнически частям обширной России. Записи предельно кратки, лаконичны: это своеобразные пунктирные заметки, но чрезвычайно емкие и содержательные. Констатируется главное, характерное, которое могло бы в дальнейшем явиться в многообразии жизненного материала, его полнокровных художественных образах и подробностях. Направленность дневниковых записей Жуковского с творческим проникновением охарактеризовал его друг и поэт П.А. Вяземский. Он отметил, что дневники имеют характер «не систематический, не подробный», заметки – «просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы обозначить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться» [1. С. 481]. Дневниковые записи, по мнению Вяземского, своеобразные «заголовки», которые Жуковский делал для памяти, чтобы «после на досуге развить и пополнить» [1. С. 481]. Однако и при такой скупой, констатирующей фиксации жизненных реалий, инациональные явления находят свое достаточно выраженное характерологическое проявление.

В.А. Жуковский в «Дневнике» отмечает характерные этнографические приметы башкирской жизни. Упоминает «киргизские кибитки», в которых летом жили башкиры; одна из записей дневника отмечает «башкирских коней», низкорослой породы, но очень выносливых, удобных для степных поездок

[5. С. 324]. Не обойден вниманием национальный напиток башкир – кумыс. Выделяет поэт и религиозные приметы мусульманского мира: «мечеть» и ее слугителя «муецына» [5. С. 325]. Жуковский отмечает обед в кибитке и обед у «кантонного начальника», у которого три жены, выделяя многоженство как особенность, отличающую мусульман от русских. Акцентируется внимание на «замечательном характере» Оренбургской губернии: хлебопашество Челябинского уезда, «богатство руд и золота» Златоустовских заводов, скотоводство башкир; замечаются изменения географические, которые сопровождаются изменениями этническими: «Переход к кочевому. Киргизцы. Соль. Азия» [5. С. 327].

«Этническое» писателем замечается и постоянно фиксируется в «Дневнике»: перед Златоустом дается запись «Ям Токтубаевский. Обед. Калмыцкая красавица»; на пути из Тюмени в Тобольск отмечает татарские деревни и «мурз киргизских», а при переезде из Таналыкской до Ильинской «кочевье киргизских пастухов». По дороге в Оренбург еще одна запись – «Хивинцы... Русь и Хива», в которой дается сопряжение разных культурно-национальных миров.

В «Дневнике» следует выделить пребывание в Оренбурге: оно сопровождается более подробными этнографическими записями, что обусловлено самим предметом – «азиатским праздником» в степи. По случаю проезда великого князя, по указанию губернатора Перовского, прикочевала в оренбургские степи «киргизская Орда». В.А. Жуковский фиксирует в основных этнографических проявлениях инонациональные явления: «Киргизское кочевье (кибитка). Диван. Решетка. Стрелы, или унины. Круг. Кошма, или войлок. Скачка вокруг холма. Скакали лошади некованные и некормленные, без овсов, без седел, в шлеях. Две скачки. Верблюды, лошади, кафтаны. Скачка на верблюдах. Пляска башкирская... Баксы, или колдун киргизский; змеи, прыганье на саблю, исступление» [5. С. 327]. Зоркий взгляд художника отмечает главные и основные предметы кочевого быта, прежде всего, строение киргизской юрты: «решето» – решетчатые раздвижные стены («кереге»); «стрелы, или унины» – жерди, «стропильца кибиточные» (В. Даль), на которых поднимается круг кибитки; «кошму» – войлочный ковер из овечьей шерсти, который не ткется, а валяется. В «Дневнике» есть запись, свидетельствующая о том, что Жуковский готовил наследника к знакомству с многонациональной Россией, к восприятию ее этнического многообразия: «В Тобольске... У великого князя чтение о киргизцах» [5. С. 326].

Точность и буквально протокольная конкретность отличают записи Жуковского; в них сказывается внимание, интерес писателя к специфическим национальным особенностям: констатируются скачки на верблюдах и скачки на лошадях без седел, когда лошади некормленные, «без овсов»; киргизский колдун – «баксы»; заклинание змей и хождение по сабле босыми ногами. В. Даль в заметке «Скачка в Уральске» писал, что киргизы на состязание лошадей подготавливают, «подмаривают», не давая корму: «овса киргизы не знают» [3. С. 63]. «Бакша, бакса, баксы» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля определяется как «киргизский шаман, фигляр и гадатель, колдун и лекарь; гадает большей частью по трещинам сжженных бараньих костей» [4. С. 40]. В записях, в фиксации этнической характерологии, В. Жуковский сближается с В. Далем: у Жуковского – дневниковая констатация, у Даля – «этническое» в более подробном описании и определении. Жуковский констатирующими записями выделяет все составляющие части праздничного этнографического представления. Об этом же дне в степи у киргизов писал и флигель-адъютант наследника, полковник С.А. Юрьевич: «... тут была скачка на киргизских лошадях... маленьких киргизят, мальчишек 7-ми и 10-тилетних... тут же была также интересная скачка тех же мальчишек на верблюдах; тут была борьба дюжих, полудиких киргизов, по их манеру, тут были показаны образцы заклинания змей, хождения босыми ногами по голым острым

саблям, дикая пляска удалых киргизов» [8. С. 467]. С. Юрьевич отмечает вид киргизской борьбы, когда тела борцов смазывались жиром, их трудно было обхватить руками; победителем выходил тот, кто противника клал на лопатки.

В поле зрения попадают особенности башкирского мира: автор «Дневника» выделяет башкирскую пляску, борьбу башкир с киргизами, просто констатируя данные явления вне их конкретного проявления [5. С. 327]. В.А. Жуковский одним из первых русских писателей обратил внимание на башкирскую музыку и музыканта – курайчи, а также на национальный инструмент, двойное название которого дается в «Дневнике» – «курай, или чебузга» [5. С. 327]. В краткой записи – «юрлаучи» заключается информация о башкирском певце и об уникальном горловом пении башкир, которое своей необычностью и красотой особенно привлекало внимание русских писателей: в произведениях В.И. Даля, А.К. Толстого, М.В. Авдеева, Л.М. Михайлова, Ф.Д. Нефедова возникает описание башкирского пения «горлом».

В «Дневнике» неизменны записи, характеризующие природу различных мест. Это поэтическое, образное восприятие природы, художественные элементы явственны в пейзажных зарисовках: за Челябинском «чувствительные горы», на Урале отмечаются «чудесные виды», неоднократно упоминается лиственница и береза по горам, «колыбель» реки Белой и необыкновенной красоты озеро. Акцентируются «характер степной природы», ее красота и своеобразие, что отражается не только в поэтическом характере записей Жуковского, но и в появлении многочисленных образных сравнений: «Прекрасное впечатление степи: необъятность, зелень, по всему пространству пение птиц»; огромный камень, напоминающий вершину «погребальной горы»; горы, как «лев или крокодил, лежащие поперек», по спине которых проходит дорога; камни как «бородавки»; к голым горам «примкнуло» несколько прекрасных березовых рощ; при переезде из Уральска в Бузулук отмечает «богатые» поляны и «зеленые» горы.

Характерологические приметы и особенности жизни отмечаются Жуковским в «Дневнике». Во время пребывания в Уральске описывает рыбную ловлю, записывая ее разновидности – малое и большое багренье, «ловля под учугом» [5. С. 327]. Дотошно и обстоятельно перечисляет все орудия лова – пешню, багор, подбагреник, чекушку (рыбу бьют по голове), с характерным упоминанием уральского «абрашки», – железного крючка, которым, как писал В. Даль, «учужные водолазы подсекают изречь красную рыбу, стоящую под учугом» [4. С. 2]. «Багренье» представляло собой удивительное и яркое явление уральской жизни, о чем писали А.С. Пушкин в «Истории Пугачева» и В.И. Даль в «Письме к Гречу из Уральска». Пушкин так описывает «багренье»: по знаку атамана несколько тысяч казаков скачут к месту ловли и с быстрой поспешностью пробивают во льду проруби: «Картина, представляющаяся в сию минуту для зрителей с берегов Урала, обворожительна! Скорость, с какою все казаки друг друга обгоняют, всеобщее движение, в которое все приходит тотчас по приезде на место ловли, и в несколько минут возрастающий на льду лес багров поражают глаза необыкновенным образом» [7. С. 283]. Для Жуковского-писателя это действие на реке также является зрелищным и ярким, о чем свидетельствуют соответствующие записи: «искусство уральцев на воде», «вид берега, усыпанного народом» [5. С. 327].

Хронологически подробные записи (в сравнении с другими описаниями), сделаны о пребывании в Казани: встречи с ректором Казанского Императорского университета Лобачевским, профессором Карлом Федоровичем Фуксом; посещение университета, монастыря Казанской Богоматери, осмотр выставки; рисование в Зилантьевском монастыре и «на памятнике» – сооружении, воз-

двигнутом в честь погибших русских при взятии Казани. За записью «университет» следует словосочетание «бурятский священник». И.А. Бычков, расшифровавший и опубликовавший дневниковые записи В. Жуковского, дает сноску, что лама, находившийся при воспитываемых в университете бурятах, в присутствии наследника, специально для него, «отправил» богослужение [5. С. 329]. Ламаистское служение и было отмечено в дневниковой записи как характерное конфессиональное.

«Этническое» российской жизни никогда не уходит из поля зрения писателя и предстает в разнообразном многонациональном проявлении. Отмечая проезд через немецкие колонии, Жуковский фиксирует реалии российского, но одновременно и «иног», немецкого, мира: упоминает названия конкретных мест – топонимы Шафгаузен, Генслер, Базель, Унтервальден, Катеринштадт, одно из названий дается на немецком языке – «Simmelthal»; род занятий немцев – великолепные пашни, поля, засеянные табаком, картофелем и тыквою, бахчи с дынями и арбузами; внешний вид строений и неоднократно встречающаяся запись о чистоте, особенно чистоте домов и мельниц, «прочных», по определению автора «Дневника». Специфические культурно-национальные приметы жизни также отмечаются в дневнике: пастор и общая молитва, танцы, разные песни [5. С. 333].

Одна из дневниковых записей В.А. Жуковского, являющаяся основой для письма, дает итоговое заключение писателя о предпринятом путешествии: поэт оценивает его как значительное событие в жизни будущего государя, который успел прочесть только «оглавление великой книги», но и при этом состоялось его «обручение с Россией» [5. С. 289].

Р.В. Иезуитова справедливо отмечает, что «Дневник» Жуковского представляет «источник разнообразных сведений», «красочный калейдоскоп событий, происшествий, встреч» и является «ценнейшим документом» русской жизни [6. С. 220]. «Многонациональное» в дневнике В.А. Жуковского дается в основных и характерных чертах своего культурно-этнографического проявления: этнокультурный текст создает абрисы национальных миров с выраженной характерологией. «Дневник» В.А. Жуковского – это своеобразный этнический «портрет» Российского государства, многоликого и многонационального.

Литература

1. Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. Т. 7. С. 470-489.
2. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Размышления о Божественной литургии. М.: Эксмо, 2006. С. 13-261.
3. Даль В.И. Скачка в Уральске // Оренбургский край в очерках и научных трудах писателя. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002. С. 59-67.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989. Т. 1. 670 с.
5. Жуковский В.А. Дневники. С примечаниями И.А. Быčkova. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. 537 с.
6. Иезуитова Р.В. Пушкин и «Дневник» В.А. Жуковского 1834 г. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). Л.: Наука, 1978. Т. 8. С. 219-247.
7. Пушкин А.С. История Пугачева // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом). М.; Л.: АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 143-350.
8. Юрьевич С.А. Дорожные письма во время путешествия по России наследника цесаревича Александра Николаевича в 1837 году // Русский архив. 1887. № 4. С. 441-468.

УДК 811.111'367/37

Н.С. ТИМОХИН

**ВЛИЯНИЕ ЛИЧНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ
НА РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖУРНАЛИСТОВ В СИТУАЦИИ ИНТЕРВЬЮ**

Ключевые слова: интервью, речевое поведение, построение вопросов, психологическая защита, эмпатия.

Проведено исследование влияния личных психологических качеств интервьюера на ход интервью. Полученные данные позволяют утверждать, что беседа интервьюера с респондентом строится под влиянием эмпатических тенденций и стратегии личной психологической защиты журналиста. Понимание личных психологических качеств позволит журналисту определить факторы, под влиянием которых он принимал те или иные решения в ходе беседы. Таким образом, можно выявить личные тенденции и работать (тренинги, консультации с психологами) над собой в части контроля межличностного общения в рамках интервью.

N.S. TIMOKHIN

**INFLUENCE OF PERSONAL PSYCHOLOGICAL QUALITIES
ON JOURNALISTS' SPEECH BEHAVIOUR DURING AN INTERVIEW**

Key words: interview, speech behavior, formulating questions, empathy, psychological defense.

We researched the influence of the interviewer's personal psychological qualities during the course of an interview. The obtained data allows us to assert that the interviewer-respondent conversation is well determined by emphatic tendencies and the strategy of personal psychological protection. The understanding of personal psychological qualities will allow the journalist to define factors which lead to certain decisions during the interview. Thus it is possible for a journalist to reveal personal tendencies and to work (through trainings, consultations with psychologists) to obtain control over interpersonal dialogue within the limits of interview.

Интервью – это один из видов деятельности, с помощью которого журналисты осуществляют сбор информации. Другие примеры: «собеседование при приеме на работу; опрос пациента на приеме у врача; служебные переговоры; допрос для выяснения обстоятельств судебного дела; социологическое анкетирование; маркетинговые опросы и т.д. – все это разновидности интервью в широком смысле слова» [5. С. 3].

Если обратиться к семантике английского слова интервью, то оно состоит из префикса *inter*, имеющего значение взаимодействия, взаимонаправленности, и слова *view*, одно из значений которого – взгляд, мнение. Таким образом, «интервью – обмен мнениями, взглядами, фактами, сведениями» [4. С. 135].

Известный канадский журналист обобщил свой опыт интервьюирования в так называемые правила Саватски – перечень рекомендаций по составлению вопросов к респондентам. «Вопросы – это очень точный инструмент», – говорит Джон Саватски. Вопрос – один из самых продуктивных приемов журналиста, но «репортеры имеют тенденцию задавать слишком много вопросов (от одной трети до половины, по оценкам Саватски), которые скорее скрывают, чем добывают, информацию» [6. С. 56].

В этой связи мы решили определить, какие факторы могут повлиять на речевое поведение интервьюеров.

В процессе интервью осуществляется сбор информации, «в каждом случае для вполне конкретных деловых, профессиональных или личных целей» [1. С. 79]. На выбор того или иного вопроса могут повлиять не только цель беседы или профессиональные навыки журналиста, но и определенные качества его Я.

Знание психологических особенностей общения так же важно, как и уровень компетентности и подготовленности к беседе. Ведь «от того, насколько журналисту удалось разговорить собеседника, заинтересовать его своими вопросами, вовлечь в дискуссию, во многом зависят объем и качество получаемой им информации» [3. С. 123].

Стоит отметить, что большинство работ, посвященных психологическим факторам в интервью, относятся к социологии, поскольку изучение общественного мнения происходит за счет опросов респондентов, и именно от интервьюера зависит качество полученных данных. При подготовке интервьюеров используют ситуационные задачи – предполагаемые ситуации, в которых требуется выбрать ту или иную модель поведения.

Мы применили данный подход для того, чтобы провести со студентами факультета журналистики Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова исследование роли личных психологических качеств, влияющих на речевое поведение интервьюера.

В исследовании принимала участие фокус-группа в составе 20 человек. Возрастная категория: от 20 до 22 лет, девушки и юноши. Студенты не имели фактического опыта общения с респондентами, поэтому в ответах на ситуационные задачи опирались на собственное понимание того, какую модель речевого поведения выбрать в предлагаемой ситуации.

Вопросник включает в себя два психологических теста: «Исследование уровня эмпатийных тенденций» и «Доминирующая стратегия психологической защиты». Тесты были выбраны для того, чтобы понять, в какой зависимости находятся выбор тех или иных вопросов и структурирование беседы от личных психологических качеств, а именно – уровня эмпатии, а также – стратегии психологической защиты: миролюбия, избегания или агрессии.

Для этого студентам были даны четыре ситуационные задачи, в которых им предлагалось выбрать наиболее подходящий вопрос или модель поведения. Например, шеф-редактор дал задание взять интервью у жертвы пожара, потерявшей в огне брата. Требовалось написать, как студенты начнут беседу и какой вопрос зададут первым, а также ответить, что здесь первоначально – собрать необходимую информацию или выразить сочувствие, сопереживание.

Сопоставив данные психологических тестов с решениями ситуационных задач, мы сумели выявить степень влияния личных психологических качеств интервьюера на выбор модели речевого поведения.

В частности, в описанном выше примере студенты с нормальным уровнем эмпатии начинали диалог с вопроса «Как случился пожар?», те же, у кого уровень эмпатии высокий, обращались к личному опыту респондента и выбирали вопрос «Как вам удалось спастись?», в последнем случае явно проявилось такое качество людей с высоким уровнем эмпатических тенденций, как «чувствительность к нуждам и проблемам окружающих» [7].

В части доминирующей стратегии психологической защиты студентам была предложена следующая ситуационная задача:

«Шеф-редактор дал Вам задание: в ходе интервью с бизнесменом выяснить подробности любовного скандала. Это главная цель интервью (далее – пример диалога).

Вы: Как часто вы встречались с помощницей в нерабочее время?

Бизнесмен: Что вы себе позволяете – это моя личная жизнь?! Я не желаю об этом говорить! Вам это ясно?! (крайне раздраженно)

Вы: (напишите, что Вы ответили бы на это в рамках поставленного шеф-редактором задания)».

Выяснилось, что студенты, чья доминирующая стратегия психологической защиты – «агрессия», отвечали на реплику респондента вопросом «Значит, вам есть что скрывать?» или же императивным «Будьте добры ответить, нашим читателям интересно». В данном случае проявилось следующее качество стратегии психологической защиты – «агрессия»: «человек желает настоять на своем и демонстрирует партнеру готовность потерять скорее дело, нежели позицию».

Студенты, чья доминирующая стратегия психологической защиты – «избегание», уходили от прямого противостояния. Они отвечали уступчивыми высказывания «Прошу прощения» или же «Да, вы правы». В данной ситуации проявилось такое стремление людей со стратегией психологической защиты, как «избегание», их задача – «экономить интеллектуальные и эмоциональные ресурсы» [2].

Ответы студентов, чья стратегия психологической защиты – «миролюбие», были наиболее интересны. Один из них: «А вот вашей помощнице, наоборот, очень приятно говорить о ваших с ней близких отношениях. С чего бы это?». В данной ситуации человек «не поддался на провокацию (партнера или ситуации) и продолжил искать решение поставленной задачи» – выяснять подробности любовного скандала.

Таким образом, можно сделать вывод, что в представленной ситуации межличностного общения стратегия психологической защиты определяет характер будущего интервью. При «агрессии» будут преобладать эмоции и конфронтация с меньшей информативностью; при «избегании» интервью будет представлять собой только лишь нейтральную беседу, так как интервьюер «без боя покидает зоны конфликтов и напряжений», что в рамках данной задачи недопустимо; при «миролюбии» «ведущую роль играют интеллект и характер», таким образом, интервьюер продолжает достигать поставленную цель методом уступок и приспособлений, что наиболее эффективно в представленной ситуационной задаче.

При анализе полученных данных мы допускали погрешность на отсутствие у студентов фактического опыта межличностного общения в рамках интервью. Тем не менее мы считаем, что опытным журналистам также стоит проходить подобные психологические тесты («Исследование эмпатийных тенденций» и «Доминирующая стратегия психологической защиты») для анализа собственной профессиональной деятельности, поскольку в крайних ситуациях общения защита собственного Я или же природная склонность к сопереживанию могут взять верх над навыками интервьюера.

Исходя из этого понимание личных психологических качеств позволит журналисту выявить факторы, под влиянием которых он принимал те или иные решения в ходе беседы, что в итоге определило его речевое поведение и отразилось на качестве конечного материала. Таким образом, можно вычислить личные тенденции и начать работать над собой (тренинги, консультации с психологами) в части контроля межличностного общения в рамках интервью.

Литература

1. *Аверьянов Л.Я.* Социология: искусство задавать вопросы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Марс, 1998. 357 с.
2. *Бойко В.В.* Методика диагностики доминирующей стратегии психологической защиты в общении: психологический тест [Электронный ресурс. URL: <http://vsetesti.ru/377> (дата обращения: 14.10.2011)].
3. *Ким М.Н.* Технология создания журналистского произведения. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. 320 с.
4. *Кузнецов Г.В., Цвик В.Л., Юровский А.Я.* Телевизионная журналистика. М.: Высш. шк., 2002. 368 с.
5. *Лукина М.М.* Технология интервью. М.: Аспект Пресс, 2003. 191 с.
6. *Фихтелиус Э.* Новости. Сложное искусство работы с информацией / пер. со швед. В. Менжун. М.: МедиаМир, 2008. 200 с.
7. *Юсупов И.М.* Диагностика уровня поликоммуникативной эмпатии: психологический тест [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gurutestov.ru/test/309> (дата обращения: 12.10.2011)].

ТИМОХИН НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tinser-9871@yandex.ru).

TIMOKHIN NIKITA SERGEYEVICH – post-graduate student of Journalism Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 398 [(=161.1) (470.344)]: 929 Магницкий

М.Ю. ЧЕРНОЯРОВА

**НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В.К. МАГНИЦКОГО
ПО ИЗУЧЕНИЮ И СОБИРАНИЮ УСТНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОЗЫ
РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧУВАШИИ**

Ключевые слова: Магницкий, русский фольклор, религиозная проза, историография, собрание, изучение.

Проанализировано опубликованное и неопубликованное научное наследие В.К. Магницкого, связанное с его фольклорно-этнографической деятельностью, в частности с собиранием и изучением устной религиозной прозы русского населения Чувашии. Исследованы работы В.К. Магницкого, в которых дается представление о синкретизме религиозных представлений крестьян, отразившихся в демонологических рассказах и поверьях.

M.Yu. CHERNOYAROVA

SCIENCE ACTIVITIES V.K. MAGNITSKY

ON STUDIES RELIGIOUS ORAL PROSE RUSSIAN POPULATION OF CHUVASHIA

Key words: Magnitsky, Russian folklore, oral religious prose, historiography, collecting, studying.

The author analyzes the published and unpublished scientific heritage of V.K. Magnitsky associated with its folklore and ethnographic activities, in particular the collection and study of oral religious prose of the Russian population of Chuvashia. A related study of V.K. Magnitsky gives an idea of syncretism of religious beliefs of the peasants, reflected in demonological stories.

Известный краевед и этнограф чувашского края В.К. Магницкий интересовался традиционной культурой русского населения, проживающего на территории Чувашии.

Он активно собирал и изучал демонологические рассказы и поверья, в которых отразились языческие воззрения русских крестьян. Эта сторона его деятельности остается практически неисследованной, поскольку чувашские фольклористы и этнографы останавливали свое внимание на деятельности краеведа преимущественно в области собирания и изучения культуры и быта чувашского народа.

В трудах Д.В. Абашевой достаточно подробно проанализирован жанровый состав двух основных сборников ученого «Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде» [6], «Песни крестьян села Беловоложского Чебоксарского уезда Казанской губернии» [7], в которых представлены образцы произведений народного творчества русских жителей Чувашского края [1-3]. Однако анализ деятельности В.К. Магницкого по изучению и собиранию сказочной прозы практически остается за рамками ее исследования.

Один из первых его биографов М.К. Корбут отмечал, что ученый не имел перед собой достаточного материала для соответствующих обобщений, поэтому он заботился главным образом о собирании материала. «Будучи этнографом по природе, Василий Константинович не имел возможности дать науке какое-либо монографическое исследование этнографического характера» [4. С. 39].

Такое положение дел было в целом характерно для всей нарождающейся этнографической науки XIX в. Вот как об этом пишет секретарь губернского Статистического комитета В. Люстрицкий: «Надобно думать, что в недалеком будущем поволжский край дождется и своего историка, и своего географа, а покуда работы по изучению этой местности будут ограничиваться собиранием и накоплением необходимых материалов» [8. С. 1]. В этот период еще не было исследований, которые бы дали научную оценку собранным материалам. Шел период его накопления.

Эти высказывания не потеряли актуальность и в настоящее время, так как не переизданы дореволюционные сборники, публицистические заметки знаменитого этнографа, практически не востребованы рукописные материалы

фонда В.К. Магницкого, хранящиеся в Центральном государственном архиве Чувашской Республики.

Все это объясняет актуальность данного исследования, в котором предполагается осуществить анализ деятельности В.К. Магницкого по собиранию и изучению устной религиозной прозы русского населения Поволжья, еще не становившейся предметом отдельного исследования.

В свободное от работы время В.К. Магницкий активно собирает и изучает фольклор как русского, так и чувашского приволжского населения. Итогом этой деятельности стала публикация сборника песен крестьян села Беловоложского [7], который был представлен им в состоявшую в то время при Казанском обществе естествоиспытателей секцию антропологии и этнографии. Труд был напечатан в Казанской университетской типографии в 1877 г.

Второй крупной публикацией стал этнографический сборник «Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде» [6], изданный в 1888 г. Материалы были записаны им во время проживания в 60-х и 70-х гг. в селе Беловоложском Чебоксарского уезда, а также во время разъездов по губернии.

Основными его информантами были крестьяне села Алексеевского Павлов и Ганин, воспитанники Казанской учительской семинарии, братья Иван и Михаил Горбуновы из деревни Козловка, воспитанница Казанской земской учительской школы Марья Кармакова из села Беловоложского.

Весь собранный материал был сгруппирован ученым в семь разделов. Наибольший интерес в аспекте заявленной темы для нас представляет первый раздел «Поверья и обряды: приметы, гадания, заговоры, способы лечения болезней и снотолкования».

Материалы, вошедшие в первый раздел, автор называет «бабьими причудами», «суевериями и предрассудками». Однако необходимость изучения фольклорного наследия, по его мнению, заключается в том, что запечатленные в нем суеверия отражают в первозданном виде древние представления народа и его первобытную культуру. Вслед за Э.Б. Тэйлором он предлагает заменить термин суеверие на термин переживания. Под переживанием подразумевался коллективный опыт поколений, который передавался посредством фольклорного материала.

Поверья и обряды, в свою очередь, он разделил на подразделы: 1) предвестия атмосферных явлений; 2) урожай и бескормица, прибыль и убыль в имуществе и их предвестники; 3) беременность и роды; 4) несчастья, болезни, смерть и их предвестники; 5) брачные гадания и обряды; 6) обыденные поверья и обряды; 7) сновиденья и их значение.

Для нашего исследования важны рассказы и поверья, связанные с демонологической силой и людьми, наделенными сверхъестественными силами, медиаторы между миром духов и человека.

В.К. Магницкий записывает поверья и приметы, связанные с ведьмами и колдунами. Например, упоминается основная функция ведьмы, связанная с похищением новорожденных: «Если беременная женщина ляжет спать, не помолившись Богу, – колдуньи ночью похитят у нее ребенка (зародыш) и, если они на женщину злы, подменят его голиком, головняшкой или баклашкой; если же не злы – горбушкой; так бывало в старину» [6. С. 9].

Особый интерес представляют и суеверия, связанные с поисками «недоброго человека» (колдуна) и оберегами от него: «Чтобы лихой человек кого-нибудь в доме не испортил, в косяк над дверью втыкают перо, потерянное петухом из хвоста... Для этой же цели носят в кармане луковицу... Упавшую со святца на пол горевшую лучину и воткнувшуюся в пол, положить на косяк окошка – первый пришедший после того, человек недобрый» [6. С. 12-13].

Эти приметы и суеверные представления, записанные этнографом в селе Беловоложском, были распространены на всей территории России.

Немало рассказов было им записано о русских и чувашских колдунах. Интерес этнографа к феномену колдовства был неслучаен. Во второй половине XIX в., когда после реформ в деревне начались серьезные социально-экономические перемены и значительно выросло число самосудов над предполагаемыми колдунами, к изучению колдовства в контексте обычного права обратились этнографы и юристы. В те же годы в разных регионах России наблюдались эпидемии кликушества, понимаемого в народе как колдовская порча, что привлекло внимание медиков к этому феномену. На волне этого интереса любители этнографии и фольклора уделяли серьезное внимание этому явлению, оставив много ценных наблюдений.

В.К. Магницкого, например, интересовало влияние колдунов и знахарей на жизнь народа. Сопоставляя русские и чувашские суеверия, он приходит к выводу, что русские колдуны и знахари также пользовались в народе большим авторитетом, как и чувашские «йомзи». Однако чувашские колдуны участвовали не только в проводимых ими обрядах, но и в общественной жизни общины: очень часто с ними советовались при принятии каких-либо важных решений. Их влияние было настолько велико, что даже русские жители прислушивались к их мнению: «Русские, поселившиеся среди чуваш в самом незначительном количестве, как видно из сопоставления их обрядов с чувашскими, явились на новое местожительство с таким мирозерцанием, которое в сущности ничем не отличается от чувашского, и потому не только не могли ничем повлиять на мирозерцание чуваш, но даже по некоторым вопросам сами до сих пор подчиняются авторитету чувашских йомзей» [5. С. 220].

В чувашских и русских поверьях о колдунах исследователь находит много общего: «В деревне Масловой умирающий йомзя перед смертью выбирает кого-нибудь из своих семейных себе в наместники; подозревая к себе избранного, он его благословляет. Умирающий колдун, по верованиям в селе Тюрлеме, должен, безусловно, избрать себе преемника из остающихся жить, иначе ему на том свете будет плохо. Принявший от него наследство обязательно должен испортить сам если не человека, то хоть какую-нибудь скотину» [5. С. 159]. Мотив передачи колдовской силы, описанный в данном поверье, был характерен как для чувашского, так и для русского фольклора.

Основным занятием русских колдунов и знахарей было лечение крестьян и животных: «Жившая в селе Беловоложском в кухарках старая дева из деревни Собакиной Свияжского уезда, слышавшая в селе за колдунью и мастерицу вылечивать девичью беременность, незадолго до смерти своей открыла мне следующий употреблявшийся ею наговор от порезов: «На море на кони, на острови на Буени, тут лежит бел-горюч камень. Из камня не высекати огня, из раба не будчи руды. Руда запекися, уста затворися, руки опустися, ноги подсекися». Проговорив этот наговор над порезанным местом до трех раз, она затем дула на порезанное место» [6. С. 150].

Много общего он находит и в заговорах русских и чувашей: «Вера в силу наговоров не менее чуваш присуща и русским простолюдином. В селе Беловоложском Чебоксарского уезда между бывшими барскими крестьянами распространено искусство с помощью наговоров «заламывать» (уничтожать нападающих летом на раны домашнего скота червей). Этим искусством славился покойный крестьянин Кузьмин Морнов. Он осуществлял свое искусство заочно, не прикасаясь к заболевшему животному, спросив лишь обращавшегося к нему за помощью, какой шерсти животное, а между тем, на другой же день после просьбы черви у животного пропадали. Морнов произносил свой заговор над растущим по оврагам мордвинником, для чего он выходил без нижнего белья рано утром, а после наговора перевязывал семяную головку мордвинника ниткой... Одновременно с Морновым тем же искусством занимались

крестьянки Шошорина и Семенова» [6. С. 157-158]. Таким образом, В.К. Магницкий рассказывает в своей книге об искусстве знахарей-врачевателей, которые, по мнению народа, были связаны с нечистой силой.

По свидетельству В.К. Магницкого, крестьяне Чебоксарского уезда при лечении болезней продолжали использовать обряды, направленные на установление связи с представителями потустороннего мира. Об этом свидетельствует следующее поверье: «Парня больного горячкой, если не в догаде для него до трех раз поцелует новорожденная в семье девица – больной выздоровеет; для этого девица подбегает верхом на палке с распущенными косами. Таким же способом лечат парней, заболевших «к усам» (период прорезывания усов). В обоих случаях девушка должна быть в белой рубашке» [6. С. 13]. Девушка, переодеваясь в белое платье, превращается в представительницу потустороннего мира, тем самым призывая его силу. По нашему мнению, девушка с распущенными волосами на палке очень напоминает колдунью, которая, по представлениям древних, умела летать на метле.

Среди многообразных языческих суеверий русских крестьян Чебоксарского уезда В.К. Магницкий отмечает также веру в помощь представителей потустороннего мира, заложных покойников. Например, в записанном В.К. Магницким рассказе убитый изобличает преступника: «К убитому подойдет неуличный убийца его – из убитого, тот час же, тронется кровь. Ввиду этого поверия, в былые годы, становые приставы приводили заподозренных убийц для изобличения прощаться с убитым в церковь во время отпевания. Приведение к убийце в церковь по соглашению со священниками практиковалось в Чебоксарском уезде, а 60-х годах судебными следователями из становых приставов» [6. С. 17].

Приведенный пример доказывает, что еще в 60-е гг. прошлого столетия активно бытовали поверья, связанные с представлениями людей о том, что души умерших насильственной смертью долго не покидают тело убитого – они становятся живыми мертвецами и наносят вред живущим, даже мстят им. В.К. Магницкий отмечает удивительный факт: эти верования были распространены не только среди крестьян, но и среди представителей закона, которые обращались к «заложным» покойникам, как к живым, за помощью.

«Заложные» покойники также иногда исполняют желания. Этот мотив соотносится с представлениями древних славян о том, что человек может обратиться к нечистой силе за помощью. Например, к огненному змею. Традиционными для всей общерусской территории были представления о появлении огненных змеев: в них превращались души «заложных» покойников. Такого рода демонологический рассказ был записан собирателем в д. Козловка от братьев Ивана и Михаила Горбуновых: «Души умерших летают в покинутые ими дома в виде огненных змей (падающие звезды). Если во время полета змея схватится за левый рукав и начинать рвать (щипать) оный, то змей опуститься к этому человеку и, чего бы в это время ни стал просить у него человек, все даст, а как только отвести руку от рукава, змей немедленно исчезнет. Если летящему змее встретиться священник, змей сам опустится к его ногам, превратится в человека и сознается, кто он такой и к кому летит; при этом попросит священника исповедать его, а после исповеди улетит назад» [6. С. 19].

Было зафиксировано В.К. Магницким и поверье об оберегах, использующихся для обезвреживания «заложных» покойников: «Чтобы душа умершего не летала домой – пекут поскребыш, и с ним в руках, переходя с одного порога на другой, поминают умершего за упокой; затем, трижды перекрестившись, поскребыш съедают» [6. С. 19].

В.К. Магницкий анализирует также и общность русско-чувашских представлений о посмертном существовании душ умерших. Он приводит в пример поверья русских и чувашей о деревьях, посаженных под окнами: «В деревне

Масловой, по словам А. Егорова, на Семик чувашами сажаются перед окнами, как у русских в Троицу, деревья для того, чтобы ушедшие с кладбища души умерших могли сидеть на них, чтобы не прикоснулись к человеку и чтобы на них не лаяли собаки; если же это случится, то мертвые не благословят» [5. С. 186]. Автор работы отмечает, что деревья нужны были для того, чтобы души умерших не нанесли вред живущим. Эти выводы В.К. Магницкого справедливы, так как общеизвестно, что дерево считалось одним из путей перехода души в потусторонний мир и облегчало путь в него. Люди сажали их для того, чтобы души умерших не задержались надолго на земле.

По свидетельству ученого крестьяне села Беловоложского верили, что смерть приходит к человеку и стучится в окно, поэтому они открывали только на третий стук. От нечистой силы использовались следующие обереги и заклинания: «В полночь запоят петухи – «Дух Свят по земли, нечиста сила сквозь землю» [6. С. 19]. «В крещение, когда на «ердани» будут погружать крест в воду, нечистая сила из воды спешит забраться в дома. В предупреждение входа ее в дом, в крещенский сочельник на косяках окон и дверей ставятся мелом или углем кресты» [6. С. 19].

Жители русских селений нашей республики даже в XIX в. еще проводили обряды, направленные на изгнание нечистой силы: «В дер. Карцевом-Починок жители вечером на крещенский сочельник выходят на улицу и, оседлав верхом палки, с криком и гайканьем мчатся по улице. Добежав до полевых ворот, палки бросают за околицей и затем возвращаются домой с уверенностью, что всю нечистую силу из деревни выгнали» [6. С. 19]. «Перед заутреней в «Крещении» жители Беловоложского прихода избы, надворные постройку окуривают ладонем, положенном в глиняные ладоницы, имеющие форму кадила. Ладоницы в течение года хранятся на Божницах» [6. С. 20]. Ученый записал обряды изгнания нечистой силы, которые были связаны как с языческими, так и с христианскими воззрениями славян, что свидетельствует о сохранении синкретизма религиозного сознания народа.

Однако автор отмечает, что прихожане рассказывают об этом неохотно, так как жители других деревень над ними смеются. Этот факт свидетельствует о том, что с середины XIX в. вера в помощь оберегов и обрядовых действий начинает постепенно исчезать.

Проанализировав записи этнографа, мы можем сделать вывод о том, что во многих гаданиях девушек сохранились обрядовые действия, использовавшиеся когда-то в связи с поклонением духам низшей демонологии. Например, в таком: «Ходят ночью на гумно, в овин или баню и там, обнажив спину и просунув ее в дверь, наблюдают, какое ощущение почувствуется: послышится, что суженый-ряженный провел по телу голой рукой – жених будет бедный; мохнатой – богатый; как будто ударил плетью – драчун. Все это иногда проделывают смельчаки парни, кем-либо предуведомленные о замысле девушек» [6. С. 24]. «Гадалыщицы вызывают суженых. Если они не успеют зачурать духов, то те их либо задушат, либо зарежут» [6. С. 24]. Эти записи свидетельствуют о том, что представления русских крестьян Чувашии о прогностической функции демонологических существ соответствовали общерусской традиции. Мохнатая рука чаще всего ассоциировалась у крестьян с домовым, который мог одарить богатством.

Анализ публикаций этнографа показывает, что В.К. Магницким было записано небольшое количество поверий о демонологических существах. Полные тексты быличек, к сожалению, в его сборнике практически не встречаются.

Таким образом, мы можем сделать выводы о том, что В.К. Магницкий исследует синкретизм религиозных представлений крестьян, многочисленных бытующие в народе поверья о демонологических существах, заложных покойниках, знахарях и колдунах. Во многом эта его работа была связана с миссио-

нерской деятельностью ученого, состоявшего членом братства святого Гурия. В соответствии с целями братства В.К. Магницкий уделял большое внимание искоренению языческих представлений крестьян и укреплению христианской веры. Однако это не помешало исследователю сделать ряд важных научных обобщений по поводу записанного им материала.

Литература

1. *Абашева Д.В.* Из истории фольклористики России. В.К. Магницкий. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. 146 с.
2. *Абашева Д.В.* В.К. Магницкий – фольклорист и этнограф // Проблемы изучения русского устного народного творчества: межвузовский республиканский тематический научный сборник. М.: Изд-во МОПИ, 1975. Вып. 1. С.123-134.
3. *Абашева Д.В.* Магницкий как фольклорист // Чувашский язык, литература и фольклор. Чебоксары, 1974. Вып. 4. С. 369-375.
4. *Корбут М.К.* В.К. Магницкий и его труды 1839-1901 гг. Чебоксары: Об-во изучения Чувашского края, 1929. 98 с.
5. *Магницкий В.К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Тип. Императорского университета, 1881. 268 с.
6. *Магницкий В.К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Казань: Тип. губернского правления, 1888. 118 с.
7. *Магницкий В.К.* Песни крестьян села Беловоложского Чебоксарского уезда Казанской губернии. Казань: Университетская тип., 1877. 167 с.
8. Приволжские города и селения в Казанской губернии. Казань: Тип. губернского правления, 1892. 206 с.

ЧЕРНОЯРОВА МАРИНА ЮРЬЕВНА – старший преподаватель кафедры русской литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (luciliya@rambler.ru).
CHERNOYAROVA MARINA YURIEVNA – senior teacher of Russian Literature Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 821.161.1.09-3 (045)

Е.Б. ШУЛЬГА

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ЗАМЫСЛА ХРОНИКИ Н.С. ЛЕСКОВА «СОБОРЯНЕ» (на материале ранней редакции произведения)

Ключевые слова: ранние редакции хроники, замысел, источник, цитата, многоголосье, «чужое слово».

На материале ранней редакции произведения рассматриваются вопросы творческой истории хроники Н.С. Лескова «Соборяне»: выявляются особые функции цитат из художественных и публицистических текстов в процессе становления первоначального авторского замысла, определены некоторые источники замысла хроники.

E.B. SHULGA

TO THE QUESTION OF THE SOURCES OF THE AUTHOR'S IDEA OF «THE SOBORJANE» CHRONICLE BY N.S. LESKOV (ON THE BASIS OF THE MANUSCRIPT OF THE CHRONICLE)

Key words: the early edition of the chronicle, the author's idea, the source, polyphony, the quotation, «a strange word».

The issues of the process of creation of «The Soborjane» Chronicle by N.S. Leskov are scrutinised on the basis of the manuscript of the Chronicle. A few sources of the author's idea of the Chronicle are defined, and the peculiar functions of the quotations from the fiction and publicistic texts are revealed and analyzed within the process of the formation of the author's ideas.

Почти все произведения крупной эпической формы Лесков создал в 1860-1870-е гг., в первый период творчества, когда он вырабатывал свой особый художественный язык. Романы «Некуда» (1864), «На ножах» (1871), хроники «Соборяне» (1872), «Захудалый род» (1874), «Старые годы в селе Плодомасове» (1875) рисуют емкую картину русской жизни, в которой современность тесно сопряжена со стариной.

Есть основания предположить, что три хроники связаны единым первоначальным замыслом: в них воплощена одна система исторических и эстетических взглядов. Хроники Лескова отразили одну из тенденций эстетических исканий эпохи 1860-х гг. А.И. Журавлева отмечала, что в 1860-1870-е гг. в искусстве (прежде всего – в драматическом и музыкальном театре, музыке, живописи, церковной архитектуре) в связи с возросшим интересом общества к русской истории начинает формироваться новый, связанный с национально-исторической проблематикой стиль: «В произведениях нового стиля преобладало стремление создать в современной культуре образ русского человека не просто как индивидуальности (и не как европейца!), но как частицы некоего национального коллектива, понять и показать психологически-бытовое единство национального сознания и склада, существовавшее на протяжении веков» [2. С. 31].

Характерной особенностью хроникального повествования у Лескова является изображение событий жизни одного рода, семьи («Захудалый род», «Старые годы в селе Плодомасове») или коллектива («Соборяне») в широком контексте национальной истории. При этом актуальной становится категория памяти, идея духовной преемственности поколений. В хрониках ошутимо стремление писателя рассказать о прошедшей эпохе или о современности языком самой эпохи (отсюда – обилие «чужого слова» в повествовании). Наиболее емко этот первоначальный замысел, по мнению самого Лескова и по мнению критики, был воплощен в хронике «Соборяне». Впоследствии Лесков всегда говорил о «Соборянах» как о центральном своем произведении.

Кроме того, сохранившиеся творческие материалы по истории создания хроники «Соборяне» позволяют сделать предварительный вывод об особой роли цитаты в становлении и окончательном оформлении замысла. Например, название первой незавершенной редакции хроники – «Чающие движения воды» – является прямой цитатой из Евангелия от Иоанна, и это автор подтверждает эпиграфом – развернутой цитатой из евангельского текста на старославянском языке: «В тех слежаше множество болящих, слепых, хромых, сухих, чающих движения воды» [11]. Вторая незавершенная напечатанная редакция хроники, получившая название «Божедомы», также сопровождается эпиграфом-цитатой из Евангелия от Иоанна, как бы разворачивающей смысл заглавия: «И дал им область чадами Божиими бытии, верующими во имя Его» [10].

Но особый интерес в русле заявленной темы представляет рукописная редакция хроники под названием «Божедомы» и с подзаголовком «Повесть лет временных». Это отдельная незавершенная редакция, отражающая промежуточную стадию работы Лескова над произведением между второй напечатанной редакцией хроники «Божедомы» (1868) [10] и окончательным текстом «Соборян», впервые опубликованным в журнале «Русский вестник» в 1872 г. [5]. Эта рукописная редакция была опубликована в 1997 г. в 101-м томе Литературного Наследства [1]. В рукописной редакции выявляется такой широкий и разнообразный круг цитируемых и упоминаемых источников, что этот факт заслуживает отдельного рассмотрения.

Во-первых, необходимо ответить на вопрос: является ли столь широкое привлечение разнообразного литературного и публицистического материала лишь фактом творческой истории «Соборян», свидетельством черновой авторской работы (и тогда появляется возможность выявить круг основных источников замысла хроники). Или мы имеем дело с осознанным художественным приемом, являющимся чертой поэтики Лескова? Этот вопрос требует большого исследования, поэтому в данной статье лишь намечены направления этого исследования и сделаны предварительные выводы. Все наблюде-

ния сделаны на материале рукописной редакции «Божедомов», где цитаты используются особенно часто и интенсивно.

Рукописная редакция представляет собой черновую авторскую сводку с несколькими слоями правки. Она отражает одну из стадий последней переработки текста перед публикацией окончательного варианта хроники в 1872 г. Лесков уже исключил из произведения существовавший в первой редакции – «Чающих движения воды» – рассказ об истории возникновения Старого Города и его первых обитателей. Автор приблизил время действия к современности, 1860-м гг. Реалии эпохи реформ и широкий круг обсуждаемых в 1860-е гг. в русском обществе вопросов многообразно вводятся в произведение, прежде всего, с помощью цитат из художественных текстов, публицистической литературы, из духовных православных журналов. В рукопись даже прямо вклеены вырезки из петербургских газет 1867 г. Оценка самой «эпохи реформ» дается в начале рукописи в словах повествователя: «Но вот ныне действующий Император сошел ангелом в купель русского Силоамля и возмутил воду, и начались чудотворения. Русь затребовала правды и бескорыстия от своих деятелей <...>» [1. С. 55].

Все цитаты, связанные с общественной жизнью «эпохи реформ», можно объединить в отдельную группу. Это цитаты из статей И. Аксакова, М. Каткова, экономиста М. Сперанского, православного публициста Ивана Морошкина, цитата из Высочайшего манифеста Александра II о заключении мира в Крымской войне: «Правда и милость да царствуют в судах». Вместе с тем в текст введены многочисленные цитаты из демократической публицистики: из статей А. Герцена, Д. Писарева, В. Зайцева, Н. Добролюбова, Н. Пирогова, М. Салтыкова-Щедрина. К цитатам из публицистики примыкают цитаты из художественной литературы шестидесятников: из романа Н. Чернышевского «Что делать?», В. Слепцова «Трудное время», стихотворений Н. Некрасова, романа Марко Вовчок «Живая душа», а также из романа И. Тургенева «Отцы и дети». Приводятся размышления героев романа И. Тургенева «Дым» на тему реформ, автор цитирует стихотворение А.С. Хомякова «России» (1957) (цитаты из этого стихотворения встречаются и в публицистике Лескова).

Этот пласт цитат в совокупности позволяет нарисовать широкую панораму сложной и неоднозначной «эпохи реформ» 1860-х гг., создать ощущение «многоголосия» времени. На этой стадии работы над произведением Лесков продолжает творческие искания в жанровом плане. На наш взгляд, хроникальный прием повествования реализуется им здесь через своеобразное применение древнего летописного принципа «достоверности», когда летописец стремился рисовать события не своими словами, не от себя, а прибегая к документу, достоверному источнику, высказываниям исторических лиц. Как отмечал Д.С. Лихачев, это и делало летопись «живой историей» в ее сегодняшнем течении и в многообразии и противоречивости проявлений [7]. У Лескова эпоха 1860-х гг. предстает в этой редакции через голоса ее деятелей.

Примечательно и то, каким образом вводятся у Лескова цитаты в текст произведения. Как правило, цитаты из публицистики и литературы 1860-х гг. принадлежат не слову повествователя, а вводятся через слово персонажа. При этом персонаж демонстрирует свое отношение к цитируемому тексту. Таким образом, цитаты играют как бы двойную роль: они являются способом характеристики эпохи и одновременно позволяют дать характеристику высказывающемуся персонажу, а также опосредованно позволяют автору проявить свое отношение к современным реалиям общественной жизни.

Можно выделить в тексте и другую группу цитат. Это цитаты из Священного писания (Ветхого и Нового Заветов), а также из древнерусской житийной,

проповеднической литературы, даже цитаты из народных духовных стихов. Эта группа цитат связана с воплощенной в тексте православной традицией и кругом авторских историософских взглядов.

Эта группа цитат связана также и с характеристикой главных героев хроники (в редакции уже есть сюжетная линия протопопы Туберозова, дьякона Ахиллы и священника Захарии). Кроме того, многообразные цитаты этого ряда задают иную меру обобщения, выводят повествование за рамки конкретно-исторического времени; размышления главного героя протопопы Савелия Туберозова о судьбе России сопряжены с размышлениями и о судьбе православной веры. Национальное и конфессиональное, как уже отмечали исследователи, оказываются в этих размышлениях тесно связанными [1. С. 40].

В то же время и вторая группа цитат позволяет автору дать характеристику современной эпохе: введение той или иной цитаты из Священного писания, древнерусской литературы или текстов XVIII в. по аналогии или по контрасту позволяет соотнести прошлое и настоящее в их духовной преемственности.

Духовная преемственность, историческая память как необходимый залог сохранения нации – один из важнейших, сквозных мотивов хроники «Соборяне». Осуждая поступки некоторых современных деятелей, протопоп Туберозов формулирует свое основное убеждение: «Без веры, без идеала, без почтения к деяниям предков великих –...это сгубит Россию» [1. С. 101].

Нужно отметить, что эти слова Туберозова сохраняются и в окончательной редакции «Соборян». Постоянное соотнесение прошлого и настоящего – это вообще устойчивая особенность исторического мышления Лескова и повторяющийся из произведения в произведение художественный прием. Е. Калмановский так характеризует эту особенность Лескова: «Ужасаясь океану смут и заблуждений, он только отбирает, отсеивает бесспорное, безоговорочно основное. Таков единственный, по его чувству и разумению, противовес хитросплетениям, тягостным страстям и обманам нынешней жизни. Лесков не то чтобы звал к корням <...>. Лесков стоит на том, что он весь в действительной жизни и лишь оценивает разноликие ее явления единственно верным образом – посредством отнесения к корням» [3. С. 43].

Примечательно, что даже сам выбор круга цитируемых религиозных и древнерусских источников связан именно с духовной и эстетической атмосферой эпохи 1860-х гг., когда создавались «Соборяне». В контексте возросшего в обществе интереса к национальной истории и культуре именно древнерусский период оказывается в центре внимания. В 1860-е гг. широко публикуются архивные материалы, многотомный труд С.М. Соловьева «История России», исследования по истории национальной народной культуры Ф. Буслаева, печатается работа В.О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» и многие другие. Большую работу по публикации памятников древнерусской литературы и культуры проводил журнал под редакцией академика Н.С. Тихонравова «Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым». Все это, безусловно, привлекало внимание Н.С. Лескова, любителя и собирателя русских древностей. Можно предположить, что многие вновь опубликованные материалы могли повлиять и на формирование замысла хроники.

Так, Лесков, как и многие его современники, живо откликнулся на появление в печати «Жития протопопы Аввакума, им самим написанного» (XVII в.). Это произведение было обнаружено и впервые опубликовано Н. Тихонравовым в его журнале в 1861 г. Пожалуй, «Житие протопопы Аввакума», лидера старообрядческого движения, можно назвать одним из самых популярных в 1860-е гг. древнерусских произведений – такую бурю откликов вызвало оно в

печати. А.Н. Робинсон, собравший и проанализировавший большое количество откликов 1860-х гг., отмечал, что такое внимание к «Житию Аввакума» было связано отчасти с широким обсуждением в печати вопросов раскола; протопоп Аввакум воспринимался авторами многих публикаций как лидер демократической оппозиции официальной власти, воплощение духа народного протеста. Однако большинство увидело в «Житии Аввакума» страстную исповедь личности богатырского масштаба, выражение заложенного в национальном характере максимализма в отстаивании своих идеалов [8].

Исследователи творчества Лескова уже отмечали, какое значение сыграла личность Аввакума в формировании в творческом сознании писателя образа главного героя «Соборян» – протопопа Туберозова: в его духовном облике выделяются черты, напоминающие «неистового» Аввакума [12. С. 97-98]. И.З. Серман первым указал на факт включения цитат из жития протопопа Аввакума в раннюю редакцию хроники [9. С. 404-407]. В рукописной редакции, о которой идет речь, в кульминационную сцену грозы введен эпизод явления протопопу Туберозову Аввакума. В шуме и громе стихии Туберозов слышит голос Аввакума, который обращается к нему со словами: «Я, брат, долго не думал: я бит и увечен и за старую Русь, как гусь, сжарен» [1. С. 206]. В это место рукописи Лесков прямо вклеивает вырезки из печатного текста «Жития протопопа Аввакума». Это те фрагменты жития, где Аввакум рассказывает о мучениях, которые ему пришлось перенести во время дороги в сибирскую ссылку. Видение Аввакума во время грозы окончательно укрепляет решение протопопа Туберозова выступить с бунтарской проповедью, обличать современное неверие сограждан. За эту бунтарскую проповедь Туберозов впоследствии подвергается преследованию церковных властей.

Из окончательного текста «Соборян» все цитаты из жития Аввакума были исключены, а эпизод явления Аввакума Туберозову был редуцирован до простого сообщения, что Туберозову показалось во время грозы, что кто-то тихий и огромный стоит между деревьями (исчезло даже прямое упоминание об Аввакуме). Однако материалы творческой истории, как видим, гораздо яснее раскрывают нам замысел и основную идею хроники: Туберозова вдохновляют на самоотверженное служение вере (а значит, в его понимании – и России) не только пережитая им гроза, но и актуализировавшиеся в его памяти образцы подобных героических деяний «предков великих». Функционирование жития протопопа Аввакума в художественном мире «Соборян» позволяет сделать вывод, что это произведение можно отнести к одному из источников замысла хроники Лескова.

В эпизоде грозы в рукописной редакции «Божедомов» очень много и других цитат. Наряду с житием Аввакума особенно широко и многообразно цитируется поэма А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин». Публикация поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1859) тоже не прошла незамеченной у читающей публики. Это, как и появление в печати «Жития протопопа Аввакума», также стало культурным событием в 1860-е гг.

Лесков был лично знаком с А.К. Толстым, любил его творчество, часто цитировал его в своих произведениях. Об особом внимании Лескова к поэме «Иоанн Дамаскин» свидетельствует тот факт, что в архиве Лескова сохранились выписки из поэмы, сделанные им, видимо, вскоре после первой ее публикации в печати [4]. Иоанн Дамаскин – средневековый патриарх, оратор, автор вдохновенных стихотворных проповедей, яростный защитник церковных догматов. В поэме А.К. Толстого центральной является тема независимости художника, отражены личные сомнения и раздумья автора по этому поводу, и Лесков считал, что в образе Иоанна Дамаскина А.К. Толстой изобразил самого себя. Много позже работы над «Соборянами», в 1882 г., в рецензии «Жития

как литературный источник» Лесков, поддерживая позицию создателя «Иоанна Дамаскина» А.К. Толстого, цитирует слова о независимости художника из его поэмы: «Певец, свободен ты: иди, куда влечет тебя призыванье» [6. С. 39].

В рукописной редакции перед надвигающейся грозой фигура Иоанна Дамаскина всплывает в сознании протопопы Туберозова. Для протопопы Дамаскин – еще один замечательный представитель неистовых борцов за веру, образец служения идеалам. Протопоп Туберозов в своем внутреннем монологе вспоминает Дамаскина в связи с собственными размышлениями о необходимости пострадать за истинные идеалы: «Красноречивый Дамаскин, покинувший всю славу мира для того, чтоб петь песни хвалы Богу, и тот не молчал и поднимал голос

Противу ереси безумной,
Что на искусство поднялась

Грозой неистовой и шумной!» [1. С. 204]

Перед грозой Туберозов обращается к Христу. Но его молитва своеобразна. Туберозов цитирует молитву Иоанна Дамаскина из поэмы Толстого: (приведем отдельный фрагмент текста рукописной редакции):

«Зачем я не могу нести,
О, мой Господь, Твои оковы,
Твоим страданием страдать
И крест на плечи Твой приять
И на главу венец терновый!

<...> «О, я хочу хоть раз венцом творенья стать и подвигом бесстрашия отметить на земле мое течение!» В груди старика закипали слезы и затопляли собой плавную мерность его голоса; он тихо опускался с вытянутыми вперед руками на колена и, глядя в небо, читал <...>» [1. С. 204-205].

Далее следует другая обширная цитата из молитвы Иоанна Дамаскина, которая заканчивается упоминанием о самочувствии Туберозова во время ее произнесения и описанием картины надвигающейся грозы. Интересно, что Лесков использует здесь композиционный прием, характерный для древнерусских текстов. В древнерусских житиях, в эпизодах, где святой истово обращается к Богу, молитва оказывается услышанной небом, часто происходит чудо как мгновенный ответ на мольбу, мгновенный результат действенного обращения к Богу. «Протоиерей повергся ниц и, громко рыдая, долго ронял свои старческие слезы у розовых корней ржи на алчущую влаги родную землю. Слезам, пролитым Туберозовым на русскую землю, русское небо ответило тихим раскатом далекого грома. С востока шла буря, застигая Савелия одним-одинешенька среди леса и полей, приготовлявшихся встретить ее нестерпимое дыхание» [1. С. 205].

В окончательном тексте хроники все цитаты из поэмы удалены, однако первая, журнальная, публикация «Соборян» вышла с посвящением «графу А.К. Толстому» [5]. На наш взгляд, поэма «Иоанн Дамаскин» может быть отнесена к источникам замысла хроники «Соборяне».

В статье приведены только некоторые примеры функционирования цитируемого материала. Можно сделать предварительный вывод. Большинство цитат, особенно обширных, было исключено Лесковым из окончательного текста. Можно сказать, что цитаты в ранней редакции «Соборян», с одной стороны, играли роль «строительного материала» для формирования замысла; с другой стороны – введение автором «чужого слова» в виде цитат в текст произведения демонстрирует нам, как формировалась особая творческая манера Лескова, его художественный язык, отличительной особенностью которого в зрелом творчестве писателя окажется применение сказовой формы повествования, а также формы рассказчиков, когда слово автора-повествователя максимально редуцировано.

Литература

1. Божедомы. Повесть лет временных (Рукописная редакция хроники Лескова «Соборяне») / вступ. ст. О.Е. Майоровой, публикация О.Е. Майоровой и Е.Б. Шульги, примеч. Е.Б. Шульги // Литературное Наследство. Т. 101. Неизданный Лесков. Кн. 1. М.: Наследие, 1997. С. 21-235.
2. Журавлева А.И. Русская драма эпохи А.Н. Островского (вступ. ст.) // Русская драма эпохи А.Н. Островского / под ред. А.И. Журавлевой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 6-42.
3. Калмановский Е.С. На чем стоит Лесков // Калмановский Е.С. Путник запоздалый (Рассказы и разборы). Л.: Сов. писатель, 1985. С. 34-86.
4. Лесков Н.С. Выписки из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» // РГАЛИ. Ф. 275. Н.С. Лесков. Оп. 1. Ед. хр. 104.
5. Лесков Н.С. Соборяне // Русский вестник. 1872. № 4-7.
6. Лесков Н.С. Жития как литературный источник // Н.С. Лесков о литературе и искусстве / сост., вступ. ст. И.В. Столяровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 38-40.
7. Лихачев Д.С. Повесть временных лет // Лихачев Д.С. Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 43-133.
8. Робинсон А.Н. Творчество Аввакума в историко-функциональном освещении // Русская литература в историко-функциональном освещении: сб. ст. М.: Наука, 1979. С. 98-181.
9. Серман И.З. Протопоп Аввакум в творчестве Лескова // Труды Отдела Древнерусской Литературы. М.; Л.: Наука, 1958. Т. XVI. С. 404-407.
10. Стебницкий М. Божедомы (Эпизоды из неоконченного романа «Чающие движения воды») // Литературная библиотека. 1868. № 1-2.
11. Стебницкий М. Чающие движения воды (Романическая хроника) // Отечественные записки. 1867. № 3. Кн. 2; № 4. Кн. 1-2.
12. Столярова И.В. В поисках идеала (Творчество Н.С. Лескова). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 231 с.

ШУЛЬГА ЕЛЕНА БОРИСОВНА – старший преподаватель кафедры теории литературы и истории русской литературы, Удмуртский государственный университет, Россия, Ижевск (ladimarja@mail.ru).

SHULHA ELENA BORISOVNA – senior teacher of Literature Theory and Russian Literature History Chair, Udmurt State University, Russia, Izhevsk.

УДК 398.8 (471.53) (943.21)

Э.М. ГАЛИМОВА

ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СЫЛВЕНСКО-ИРЕНСКИХ ТАТАР ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ключевые слова: пермские татары, обрядовый фольклор, сылвенско-иренские татары.

На сегодняшний день культурные и этнические отношения татар Пермского края изучены на уровне истории, лингвистики, этнографии. Что касается проблем музыкальной культуры, то эти вопросы до сих пор совершенно не освещены. Это обстоятельство и явилось причиной выбора темы нашей статьи, которая выполнена по результатам полевых исследований.

E.M. GALIMOVA

THE PECULIARITIES OF THE MUSIC CULTURE OF THE SYLVENSKO-IREN TATARS OF THE PERM REGION

Key words: Permian tatars, ritual folklore, sylvensko-iren tatars.

To date, the Tatars of the Perm region have been studied at the level of history, linguistics and ethnography. On the issue of music culture, these questions are still not completely elucidated. This circumstance was the reason for selecting the topic of our article, written on the basis of field expeditions.

Музыкальное искусство является величайшим памятником духовной культуры и истории народа. Жизнь общества с ее постоянной изменчивостью всегда служили движущей силой развития музыки. Музыкальная культура пермских татар представлена традициями нескольких этнографических групп: 1) тулвинские татары (Бардымский район); 2) сылвенско-иренские татары (расселены по течению р. Сылва и р. Ирень и их притоков; 3) муллинская группа (Пермский район).

Если пермские татары довольно глубоко исследованы в области лингвистики, истории, этнографии, то вопросы, касающиеся народно-музыкальной культуры, по сей день остаются «белым пятном» в современной науке. Именно это обстоятельство и явилось причиной полевых исследований в Пермском крае, предпринятых в июне 2011 г. Маршрут экспедиции определился в пользу изучения музыкальных традиций самой масштабной этнографической группы – сылвенско-иренских татар. Большинство поселений располагается по рекам *Сылва, Ирень, Сарс* либо по их притокам – *Шаква, Турке, Телесу*. По географическому аспекту – это территории Кунгурского, Ординского, Уинского, Октябрьского, Суксунского, Березовского, Чернушского районов Пермского края.

Вопрос этногенеза сылвенско-иренских татар Пермского края по сей день является одним из самых актуальных и получил широкое освещение на уровне лингвистики, истории, этнографии. Изучение этнического формирования коренного населения данного региона фактически началось ещё с XIX в. В настоящее время накоплен уже значительный материал. Ознакомление с научной литературой позволило выявить по данной проблеме различные точки зрения. Так, этнограф Н.С. Попов, подразделяет волго-уральских татар на приуральских и зауральских. Относя пермских татар к приуральским, вначале он придерживался мнения о происхождении их от казанских татар. Однако впоследствии пришел к выводу, что данная группа, расположенная по течению р. Сылва и р. Ирень, прежде назывались *остяками* [6. С. 199]. Близкую точку зрения высказывали и другие исследователи, такие как: А.А. Дмитриев, и А.Н. Самойлович [10. С. 25]. По мнению историка Б.Н. Вишневого, *остяк* – это татарский термин в отличие от русско-зырянского термина *вогул* [3. С. 255-257].

Другая версия об этническом облике населения Сылвенско-Иренского междуречья и прилегающих территорий в XVI – начале XVII вв. была высказана в трудах историка С.В. Бахрушина. Вслед за дореволюционными исследователями он высказал мнение, что под термином *остяки*, встречающемся в письменных источниках рубежа XVI-XVII вв., надо понимать этноним *угры* (манси) [2. С. 87]. Лингвист А.А. Преображенский тоже предлагает рассматривать это население как *мансийское* [7. С. 12].

Совершенно противоположной точки зрения придерживается по этому вопросу известный ученый А.Х. Халиков. По его мнению, тюркские племена уже в VI-VII вв. проникли вплоть до р. Сылвы. Впоследствии он высказывает мысль о связи пермских татар с татаро-язычными башкирами Бардымского района (Пермская область) и определяет, что эти две группы говорят на едином говоре, относящемся к среднему диалекту татарского языка [12. С. 33]. Некоторые исследователи утверждают, что сылвенско-иренское междуречье в прошлом являлась зоной контактов поволжских и сибирских татар. Именно этот факт обосновывает в своем труде историк Н.А. Томилов и выдвигает версию о наличии в составе пермских татар сибирско-татарского компонента [11. С. 8].

Диалектолог Д.Б. Рамазанова в своей диссертационной работе «К истории формирования говора пермских татар» рассматривает вопрос об определенном сходстве между говором пермских татар и говорами некоторых восточнотюркских народов, таких как *алтайцы*, *шорцы*, *хакасы*, *уйгуры* [8. С. 23]. Освещение вопросов этнического формирования и ознакомление с собранным экспедиционным материалом традиционного музыкального фольклора сылвенско-иренских татар позволили нам сделать некоторые выводы по поводу жанровой характеристики песен и отметить их особенности. Присутствие финно-угорского компонента в этнической основе основной массы сылвенско-иренских татар наложило определенный отпечаток на формирование их культуры и быта. Повседневный труд сельского населения данного ареала подчинялся годовому земледельческому кругу с его сезонной периодичностью. В результате аналогично земледельцам других народов у них также был выработан годичный цикл обрядов и песен. Музыкальный фольклор выполнял здесь музыкально-практическую функцию. Жанровую систему обрядового фольклора сылвенско-иренских татар можно подразделить на два крупных стилевых комплекса: 1) песни семейного функционирования (свадебные, гостевые, рекрутские); 2) песни внесемейного функционирования (календарные, хороводные, помочные) [1. С. 132].

К первому комплексу можно отнести такие семейные праздники и обряды, как проведение новоселья с исполнением гостевых напевов, рождение ребенка, ритуалы проводов в солдаты (солдат жыры, армияга озату жыры). Свадебный обряд состоял из трех циклов: предсвадебного, свадебного, и послесвадебного. Но нужно отметить, что перечисленные этапы проведения данного обряда содержат много общего с таковыми у казанских татар. Например: сватовство, обговаривали приданое *бирнә* и размеры выкупа за невесту *мәхәр*, проведение религиозного обряда *никах*, следующий этап *зур туй* в доме невесты, через неделю в доме жениха *кода туй*. Свадьба сопровождалась плясовыми и величальными напевами. Идея величания главных действующих лиц свадебного торжества пронизывает весь репертуар свадьбы, тем самым акцентируя внимание на главной цели ритуала – образовании супружеской пары [4. С. 79]. Особенностью свадебного обряда служили причитания, которые исполнялись при проводах невесты из родительского дома. В этом заметна тенденция сближения с проведением свадебного обряда татар-мишарей и кряшен.

Ко второму комплексу относится календарно-обрядовый фольклор сылвенско-иренских татар, который отмечается заимствованием многих русских праздников. Причиной этому послужили активные контакты с соседним рус-

ским населением. Например: ярмарки, которые проходили в русских селах, жители татарских деревень воспринимали как свои праздники. Михайлов день (*Михайла көн*) – проводился зимой в период забоя скота. Николин день (*Никола көн*) – время установления санного пути, после которого отмечался старый Новый год (*Иске Яңа ел*) [13. С. 261]. Нужно отметить, что начало нового земледельческого года у татар Прикамья отмечался проведением с 5 на 6 апреля праздника – *Плауцення* (Благовещение). К этому дню приурочивались гадания – *тың тыңлау*. Большими праздниками считались *боз китү* (дни ледохода) и *иске май бәйрәм* (праздник старого мая).

Самым масштабным по ритуальной символике был – *сабантуй*. В некоторых районах этот праздник отмечался дважды: как сойдет снег и после сева. В связи с этим особенностью музыкальных традиций сылвенско-иренских татар является сохранение напевов – *сөрән җырлары* [9. С. 139]. Там, где сабантуй проводили ранней весной, к нему приурочивали обряд – приготовления грачной каши *карга боткасы* (есть аналогии с фольклором татар-кряшен и казанских татар). Способы приготовления были разные: в ведре варили собранные для сабантуя яйца и называли это – вороньей кашей, а в некоторых деревнях в котле готовили яичницу. Также за день до сабантуя молодежь устраивала гулянья – все это сопровождалось плясовыми, игровыми напевами.

В некоторых районах, как и у казанских татар, праздновали *җыен*. Например: д. Усть-Турка Кунгурского района, д. Сульмаш Чернушского района). Также в конце июня – в начале июля проходили ягодные джиены – *Җиләк җыены*. Национальная традиция праздника прежде всего выражалась в исполнении вокальных и инструментальных жанров: такмак, деревенские и игровые напевы.

Бытовали обряды, связанные с сельскохозяйственными работами, это: Егорьев день, когда начинали выращивать рассаду, в Петров день – начинали сенокос. В июле отмечался праздник различных погодных примет и поверий – Ильин день (*Иллә көн*). С Семенова дня – начинали копать картошку, также к осеннему времени приурочивались празднования покрова (*Покрау*) и гостевание – *эртиле* (ходить артелью). Во время этого обряда исполнялся *эртил көе*.

Очень интересно календарно-обрядовые праздники представлены детским фольклором. В д. Малый Ашап Ординского района нами обнаружен сборник песен детского фольклора, составленный на разные темы, посвященные домашним животным, описывающие традиционные обряды татарского народа, например: «Карга боткасы», «Цип-цип», «Алия-Гөлия», и т.д. Данный сборник составила преподаватель детской музыкальной С.М. Шаниязова, которая собирает и записывает татарский музыкальный фольклор с 1989 г.

Одним из ярких особенностей музыкальной традиции сылвенско-иренских татар является распространение фольклорных жанров книжного интонирования – баиты *бәет* и мунаджаты *мөнәҗәт*. Исходя из собранного музыкального материала определяется следующая жанрово-тематическая классификация *баитов*: 1) исторические; 2) бытовые. Во многих районах Пермского края бытует напев «*Салават әйтү*», который трактуют как жанр книжного интонирования *мунаджат*.

Проведенная нами экспедиция показала, что самым популярным жанром сылвенско-иренских татар является «*Авыл көе*». Другой вариант в инструментальном наигрыше называется «*Урам көе*». Определение особенностей жанра «*Авыл көе*» в первую очередь зависит от места его бытования. Как правило, ареал распространения напева более точно очерчивается уже в самом названии. Экспедиционная практика показала, что также бытуют новые наименования напевов с более уточняющими критериями: 1) по возрастному признаку – олылар көе (напев старших); 2) по месту бытования – урам көе (уличный напев) и за столом – мәҗлес көе (напев гостевания); 3) по ситуации

исполнения – өмә көе (помочный напев), уен көе (игровой напев), солдат озату көе (напев проводов солдата) [5. С. 20].

В первую очередь отметим напевы, которые известны только в определенных районах Пермской края, например: «Каукук» көе, «Шауба» көе, «Жил капка» (борынгы авыл көе), «Озату жыры».

Нужно отметить, что песенные жанры дореволюционного музыкального фольклора казанских татар («Баламишкин» көе, «Шахта» көе, «Сарман» көе, и т.д.) завоевали огромную популярность среди жителей Пермской края. Также идет интенсивное проникновение песен современного городского фольклора благодаря средствам массовой информации. Например: «Мәк чәчәге», «Күбәләгем», «Әй, икегез, икегез», и т.д.). На данные мелодии исполнялись куплеты разного содержания: шуточные, любовные, гостевые, песни, связанные с проводами в армию.

Инструментальная культура сылвенско-иренских татар представлена наигрышами на различных инструментах. Самым древним музыкальным инструментом является – *курай*, который выполнен из полых стеблей зонтичных растений. Со второй половины XIX в. была широко распространена *гармонь* разных разновидностей: *тальянка*, *хромка*, *двухрядка*, *вятская*, *саратовская*. Поэтому особенностью музыкальной традиции Пермской области является ансамблевая игра на разных видах гармонии. В начале XX в. ни один праздник не обходился без скрипки. На этом инструменте исполнялись плясовые, лирические, игровые, обрядовые мелодии. На сегодняшний день традиция народного скрипичного исполнительства уже утрачена. В нашей экспедиции мы встретили единственного этнофора А. Муллаярова 1933 г.р. (д. Малый Ашап Ординского района), который исполняет татарские песни. Традиционно женским музыкальным инструментом считается *кубыз*. До настоящего времени сохраняется традиция игры на деревянных или железных *кубызах*. Данный инструмент сопровождает гостевые и плясовые напевы, а также такмаки (частушки), например: *Кубыз көе* – д. Енапаево Октябрьского района, д. Агафонково Суксунского района.

Проведенная нами экспедиция в Пермский край расширила рамки познания этнического формирования разных этнографических групп татар, а также дала возможность выявить особенности традиции музыкального фольклора. Записи песен разных жанров, напевов календарно-обрядового фольклора, инструментальных наигрышей позволили нам дать предварительную информацию для дальнейшего изучения музыкальной культуры пермских татар рассматриваемого региона.

Литература

1. *Альмеева Н.Ю.* Жанровая система и этномusикальный диалект: К проблеме классификации явлений татарской музыки устной традиции // Искусство устной традиции. Историческая морфология: к 60-летию И.И. Земцовского / РИИИ. СПб., 2002. С. 132.
2. *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI-XVII вв. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. III, ч. 2. С. 87.
3. *Вишневский Б.Н.* Следы угров на Западном Урале // Ученые зап. Пермского гос. ун-та им. А.М. Горького. Пермь, 1960. Т. 12. Вып. 1. С. 255-257.
4. *Вотинцева О.Н.* Парные величания в средне-нижневычегодском свадебном обряде // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 2. С. 79.
5. *Каюмова Э.Р.* Татарская народно-песенная культура нового времени. Казань: Алма-Лит, 2005. С. 20.
6. *Попов Н.С.* Хозяйственное описание Пермской губернии сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного экономического общества, сочиненное в 1802 и 1803 году в г. Перми. Пермь, 1804. С. 199.
7. *Преображенский А.Л.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 12.
8. *Рамазанова Д.Б.* К истории формирования говора пермских татар / Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова. Казань, 1996. С. 23.
9. *Сайдашева З.Н.* Татарская музыкальная этнография. Казань: Тат. кн. изд-во, 2007. С. 139.

10. Самоилович А.Н. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крае // Новый Восток. 1927. № 18. С. 25.
11. Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI в. – начала XX вв. Новосибирск: Изд-во Новосибирск. ун-та, 1992. С. 8.
12. Халиков А.Х. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // Археология и этнография Башкирии. Уфа: АН СССР ОИ БФ, 1971. Т. IV. С. 33.
13. Черных А.В. Народы Пермского края: История и этнография. Пермь: Пушка, 2007. С. 261.

ГАЛИМОВА ЭЛЬМИРА МУНИРОВНА – член союза композиторов России и Татарстана, аспирантка и младший научный сотрудник отдела театра и музыки, Институт языка, литературы и искусств имени Г. Ибрагимова, Академия наук Республики Татарстан, Россия, Казань (galimel@yandex.ru).

GALIMOVA ELMIRA MUNIROVNA – member of the Composers' Union of Russia and Tatarstan, post-graduate student and junior research assistant of Theatre and Music Department, Institute of Language, Literature and Arts named after G. Ibragimov, Academy of Science of the Republic Tatarstan, Russia, Kazan.

УДК 75/76 (470.41)

М.И. МИНГАЛЕЕВ

ГРАФИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО Б.И. УРМАНЧЕ КАЗАНСКОГО ПЕРИОДА (1926-1929)

Ключевые слова: Казанское художественное училище, Дом татарской культуры (ДТК), журнальная графика Урманче, журнал «Безнен юл», станковый рисунок, печатная графика, фризообразная композиция, художник-каллиграф, литографская мастерская при Казанском художественном училище.

Историко-искусствоведческий анализ графического творчества Б.И. Урманче казанского периода (1926-1929) по видам (литография, офорт, станковый рисунок, каллиграфия) и жанрам (жанровая композиция, портрет, пейзаж) раскрывает особенности творческого метода, новаторскую роль и вклад в развитие изобразительного искусства России, Татарстана. Исследование художественной и педагогической деятельности художника выявили его роль в подъеме национальной художественной культуры и решении задач, связанных с укреплением профессионального изобразительного искусства.

M.I. MINGALEEV

B.I. URMANCHE'S GRAPHIC CREATIVITY OF THE KAZAN PERIOD (1926-1929)

Key words: Kazan art school, House of the Tatar culture, journal drawing of Urmanc, magazine «Beznen jul», easel drawing, print drawing, composition, artist-calligrapher, lithographic workshop.

The art and history criticism analysis of graphic creativity of B.I. Urmanc of the Kazan period (1926-1929) by type (lithograph, etching, easel drawing, calligraphy) and genre (the genre of composition, portrait, landscape) opens features of a creative method, an innovative role and the contribution to development of the fine arts of Tatarstan, Russia. Research of art and pedagogical activity of the artist have revealed his role in lifting the national art culture and in the solving of problems connected with strengthening the professional fine arts.

Творчество Б.И. Урманче, ключевой фигуры культуры Татарстана XX в., неотделимо от сложного, динамического процесса становления татарского профессионального изобразительного искусства. На самых разных этапах развития этого искусства он внес в него свой неповторимый вклад. Присущая ему универсальность, широта эрудиции и многогранность интересов, выразившиеся в его творчестве полно и последовательно, способствовали тому, что он сумел одинаково зрело и глубоко индивидуально выразить себя во многих видах и жанрах изобразительного искусства, заложив ощутимую основу для их дальнейшего развития.

Художественная и педагогическая деятельность Урманче в казанский период (1926-1929) в качестве заведующего учебной частью Казанского художественного училища (КХУ), преподавателя рисунка и живописи, члена Татарского общества художественной культуры при Доме татарской культуры (ДТК) способствовали подь-

ему национальной художественной культуры и решению задач, связанных с созданием профессионального изобразительного искусства республики Татарстан¹ [5].

Анализ сравнительно небольшого количества сохранившегося архивного материала и графических произведений Урманче позволяет утверждать, что в казанский период (1926-1929) метод и стиль художника формировались ярко и последовательно. Все разнообразие его творческих поисков было обращено к воплощению национальной тематики, созданию самобытного искусства. Он проявил повышенный интерес к различным видам графики: станковый рисунок, печатная графика (литография, офорт), каллиграфия.

Художественным своеобразием отличается журнальная графика Урманче. На примере трех иллюстраций «Приехали учиться», «Казанские типажи» (1926) и «Барабыз» («Кучер») (1927), помещенных в журнале «Безнен юл» («Наш путь»), рассмотрим характерные особенности графического творчества художника.

Во-первых, обращение Урманче к технике литография при иллюстрировании журнала было обусловлено: всеобщим интересом к этому виду печатной графики многих ведущих графиков и живописцев, в частности его учителей С.В. Герасимова, А.В. Шевченко, а также В.М. Конашевича, Д.И. Митрохина и др.; наличием литографской мастерской в городском издательстве Казани. В литографии художника привлекали: непосредственный карандашный рисунок; набросок «без потерь», который исполняется в материале; сохранение первоначальных качеств и впечатления; тиражность. В раскрытии темы и сюжетов своих рисунков он использовал изобразительные средства (фактура, пятно, линия), которыми выделял лишь те фигуры или детали, которые имели основное значение. Его живописный рисунок с мягко проработанной формой верно передает ритм и пластику фигур.

Во-вторых, в журнальной иллюстрации Урманче проявляет интерес к бытовому рисунку, в котором отразились особенности казанской жизни 1920-х гг. Следует отметить, что в этот период рисунки подчеркнуто бытового плана появляются в творчестве В.В. Лебедева, Д.М. Митрохина, В.М. Конашевича, Н.Н. Купреянова и др. В Татарстане данный жанр получает свое развитие в творчестве Н.М. Сокольского, А.Н. Кашаева, У.В. Арсланова, В.Л. Лаптева, А.Н. Коробковой, Д.Н. Красильникова, Ш.Н. Мухаметжанова. В этой связи интересны наблюдения М. Немировской, которая пишет, что революция перевернула и обнажила устоявшийся годами привычный бытовой уклад. Нэп обострил, сделал кричащими противоречия послереволюционного времени. Стали зримыми не только новые типы людей, иным предстал облик уличной толпы, одежда людей, выражения их лиц. Появились новые сочетания человека

¹ В данный период Урманче в тесном сотрудничестве с М.Ф. Хасановым, А.А. Литвиновым, Ш.Х. Сунчелеем, К.Г. Тинчуриным, А.Н. Кутуем, П.П. Беньковым, С.Х. Габаши принимал деятельное участие в работе Дома татарской культуры. Целями которого являлись: 1) выявление очередных задач в области социально-культурного и экономического строительства Татарской Республики и разрешения их путем организации специальных научных исследований, а также путем участия в выработке планов исследований, организуемых на территории республики другими учреждениями и научными обществами, не входящими в состав ДТК, содействие их работе по изучению края; 2) периодическое подытоживание научно-исследовательских результатов, достигнутых в области как материальной, так и духовной культуры; 3) широкая популяризация вопросов культурного строительства путем организации и проведения массовой научно-популярной работы; 4) объединение всех культурных работников, спайка их в дружную семью, в условиях которой необходимо воспитание новых кадров культурных работников по всем разрезам культурной жизни, особенно из татар и нацменов. Для осуществления вышеуказанных целей ДТК сосредоточивает и объединяет все научно-исследовательские и культурно-просветительские общества и объединения, способствует организации различных кружков для самообразования и углубления знаний в области вопросов культуры и экономики республики. Организует различные экспедиции и экскурсии, устраивает съезды, конференции, лекции, доклады, концерты, литературные вечера в целях широкой популяризацией сведений о культуре.

и пейзажа, людей и архитектуры. В причудливой смеси предстали остатки прошлого уклада и неустоявшиеся формы нового [13. С. 214-216].

Изменяющаяся реальность давала обильный материал для Урманче-графика. Так, в сентябре 1926 г. он помещает объявление о привлечении татарской молодежи к учебе в Казанский художественный техникум в газете «Татарстан» и пишет статью в журнале «Безнен юл», которую дополняет страничной иллюстрацией «Приехали учиться» (рис. 1) [20. С. 30]. Художник ярко передает облик татарской молодежи (многие из которых были выходцами из деревень), их одежду (заплатанные бешмет, войлочные чулки, лапти, мешки). Урманче вспоминает, что когда он был членом приемной комиссии в 1926 г., студентами были зачислены в Казанский художественный техникум Сутюшев, Аминов, Газизова, Мухамеджанов, Бурындуков, Рахматуллин и др. Среди изображенных на рисунке пятерых молодых абитуриентов выделяется девушка, одетая в полосатую блузку с галстуком и платком на голове (предположительно Г. Газизова из Оренбурга, впоследствии ставшая профессиональной художницей, членом СХ СССР). В следующем рисунке «Казанские типажи» (1926) (рис. 2), служащим концовкой к той же статье художника, изображен мужчина средних лет в типичной для городского жителя одежде (бешмет, широкополая шляпа, зонт, трость).

Рис. 1. «Приехали учиться» (1926)

Рис. 2. «Казанские типажи» (1926)

В-третьих, художник в журнальных иллюстрациях последовательно проявляет приверженность к реалистическим формам изображения, однако с некоторой долей экспрессией. Рисунок «Барабыз» (рис. 3), выполненный на основе натуральных впечатлений, является иллюстрацией к стихотворениям Нур Баяна и Хатиба Гусманова «Юлчылар» («Путники») [15]. Лаконичными изобразительными средствами – линия и пятно, контраст черного и белого – Урманче передал состояние холодного морозного вечера. Во фризобразной композиции с двумя разъезжающимися в разные стороны санями художник

выделяет смысловой центр: два сидящих пассажира мужчина и женщина, освещенные одиноким фонарем. В иллюстрации передано романтизированное восприятие действительности с оттенком легкой иронии.

Рис. 3. «Барабыз» (1927)

Помимо литографии Урманче обращается к технике гравюры на металле, этому способствовало наличие хорошо оборудованной мастерской в Казанском художественном училище. В одном из сохранившихся офортных листов «Стирка» (1926), выполненного в пепельно-сером колорите, тонкая, прерывистая контурная линия мягко очерчивает силуэт татарской девушки, занятой работой.

Однако графика социально-бытового плана не исчерпывает всего многообразия жанров творчества Урманче. Существует еще целый пласт произведений, в которых отчетливо прослеживается лирическая направленность. В них художник изображает мотивы, в которых художественно осознается красота местной природы и человеческих типажей. В простом по мотиву рисунке «Бочары на Волге» (1928) точно переданы характерные движения и позы, детали одежды грузчиков. В офорте «На Волге» (1926) он отрабатывает технические приемы, добиваясь сочности тона и бархатистости поверхности оттиска. В одном из немногих сохранившихся рисунков тушью «Этюд лошадей» находит яркое воплощение анималистическая тема. Изображение пасущихся лошадей не просто дополняет, оживляет пейзаж, но является существенной частью композиции, организующей динамический строй произведения, придавая ему лирическое звучание.

Важной областью графического творчества Урманче данного периода становится его теоретическая и практическая деятельность в качестве художника-каллиграфа. На фоне оживленных диспутов о дальнейшем развитии алфавита, о целесообразности перехода на латиницу и связанной с ним проблемы модернизации шрифтовой графики он проявил глубокую заинтересованность в этих вопросах. Художник принял участие в работе комиссии по усовершенствованию шрифта на основе арабской графики в 1926 г. [3. С. 91]. Урманче создал новые образцы традиционного кувического шрифта для типографских изданий, которые отличаются четкостью и оригинальностью графического начертания. Свои творческие поиски в области шрифтовой графики художник теоретически обосновал в статье «О реформе печатного шрифта на основе арабской письменности» (1926) [19. С. 34-38]. Он сделал первую попытку найти научные основы реформы татарского алфавита, отвечавшего требованиям современной полиграфии. Художник предложил особый метод последовательного изменения рисунка шриф-

та при сохранении его основной формы, главным образом за счет сокращения диакритических знаков. По итогам своей творческой работы Урманче сделал доклад, одобрительно встреченный комиссией. Несколько номеров журнала «Безнен юл» были напечатаны с применением шрифтовой графики художника [16]. Впоследствии данные образцы шрифтов использовал в своей работе при оформлении периодических изданий Ш.Н. Мухамеджанов.

В дальнейшем отказ от арабской графики и переход на латиницу в 1928-1931 гг. привели к упадку искусства каллиграфии в республике. Как справедливо отмечает Б. Султанбеков, произошла полная перестройка состава и структуры всей культурной информации, получаемой через язык, разрыв связей с историческим прошлым, с бесчисленными стереотипами мышления и накопленными ценностями. Изменилось самосознание как актуальное, так и ретроспективное [17]. Однако искусство арабской графики продолжало существовать благодаря их носителям. Урманче был вынужден на протяжении многих лет ограничивать свои возможности в искусстве арабской графики. Каллиграфия в творчестве художника уходит на второй план, продолжая существовать в форме записей, писем, пометок на полях рисунков.

Наряду с графическим творчеством следует отметить педагогическую деятельность Урманче в Казанском художественном училище (КХУ), которая способствовала правильной организации учебного процесса, укреплению дисциплины учащихся и педагогов, становлению национальных кадров [14. С. 327]. «Самое отрадное, – писал П.М. Дульский, – это то, что техникум ожил; как видно недалеко то время, когда он будет давать тон всей художественной жизни Татарии, так как в нем должна формироваться смена и тот национальный состав мастеров, без которых в будущем не может быть создано и национальное искусство» [2. С. 5].

Знаковым событием в Урманче-педагога можно считать издание его учебного пособия «Руководство для учителей о художественном воспитании детей» (Москва, издательство «Нашрият», 1926), предназначенного для преподавателей рисования в татарских школах [18]. В данном руководстве автор указывает на проблеме отсутствия предмета рисования в программах национальной школы. Он отмечает, что многие воспитатели не уделяют должного внимания увлечению детей рисованием, а некоторые педагоги считают его делом бесполезным и вредным (татары в недавнем прошлом даже пугали детей тем, что в ссудный день нарисованные образы, придут и отнимут у авторов душу) [1. С. 490-491]. Характеризуя особенности художественного творчества детей, Урманче ссылается на теоретические труды А. Луначарского, А. Бакушинского, А. Корнилова, Ричи, Лампрехта и пишет, что во время рисования ребёнок: познаёт мир; окружающие его предметы и их назначение; разбирает их по форме, размеру и цвету; развивает творческую фантазию; становится более восприимчивым к прекрасному. Художник дополняет пособие практическими советами по технике рисования.

В КХУ при непосредственном участии Урманче составляются программы по рисунку, в которых перед учащимися ставятся учебные цели и задачи, например: на втором курсе предполагалось углубленное изучение светотени, перспективы, изображения тела человека в движении, пластики головы [7] на третьем курсе – штудирование пластики с более детальной проработкой предмета, выполнение реферативной задачи-отчета в области композиции плаката и иллюстрации; на четвертом курсе – синтез всего пройденного на основе практического и теоретического опыта; выполнение обстановочного портрета, фигуры человека и животных по условию разрешения иллюстративных и декоративных задач и т.д. [6].

Другой аспект деятельности Урманче был связан с организацией литографской мастерской при КХУ. В октябре-ноябре при активном участии художника решался вопрос о передаче художественному техникуму большой литографской машины, находящейся в Татарском государственном издательстве.

В документах указывалось на нехватку квалифицированных литографов среди татар. В связи с трудностями создания литографской мастерской с 1 октября 1926 г. ставился вопрос о временной организации кружков по графике [8]. 24 марта 1927 г. в докладе об организации производственной группы литографской мастерской Урманче указывает на то, что необходимо «развернуть производство при наличии имеющегося инвентаря» [4]. Художник являлся одним из инициаторов издания альбома работ учащихся графического отделения [12], предназначенного для рассылки по обслуживаемым техникумом областям и губерниям, а также заинтересованным учреждениям [11].

В казанский период (1926-1929) Урманче часто командировался в Москву для установления связей с центральными художественными учреждениями [9]. В 1927 г. заведующим отделения полиграфического образования Н.А. Швердяевым было предложено представить на Полиграфическую выставку (Москва) работы учебного отделения КХУ. В обращении указывалось, что цели и задачи выставки заключаются в выявлении состояния профтехнического образования в полиграфической промышленности, определении лучшей системы подготовки кадров работников для обслуживания полиграфического производства [10].

Таким образом, исследование графического творчества Урманче казанского периода позволило впервые более детально изучить художественно-стилистические особенности его печатной графики (литография, офорт), станкового рисунка, каллиграфии, которые проявились в синтезе традиционной эмоционально-знаковой осмысленности графической формы и новой пространственно-предметной выразительности европейского искусства, возможности сообщать образу сюжетно-психологическое развитие, что породило принципиально новый современный национальный стиль. Рассмотрение художественной и педагогической деятельности художника выявило его роль в подъеме национальной художественной культуры и решении задач, связанных с укреплением профессионального изобразительного искусства Татарстана в 1920-х гг.

Литература и источники

1. Баки Урманче и татарская культура / под ред. М.Х. Хасанова. Казань: ФЭН, 2005. С. 632.
2. Дульский П.М. На всетатарской изовыставке // Ежедневник: еженедельное бесплатное приложение к газете «Красная Казань». 1927. № 13.
3. Духовный мир Баки Урманче / сост. Ф.В. Ахметова-Урманче. Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. С. 303.
4. НА РТ Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед.х. 102. Л. 23-24.
5. НА РТ. Ф. Р-439. Оп. 1. Ед.х. 28. Л. 1-2.
6. НА РТ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед.х. 102. Л. 11.
7. НА РТ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед.х. 102. Л. 5.
8. НА РТ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед.х. 92. Л. 1.
9. НА РТ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед.х. 92. Л. 36.
10. НА РТ. Ф. Р-1431. Оп. 1. Ед.х. 102. Л. 49.
11. НА РТ. Ф. Р-2812. Оп. 1. Ед.х. 23. Л. 25-26об.
12. НА РТ. Ф. Р-2812. Оп. 1. Ед.х. 26. Л. 3-4об.
13. Немировская М. О некоторых особенностях советской станковой графики 20-х – начала 30-х годов // Советская графика 77. М.: Советский художник, 1979. С. 211-230.
14. Червоная С.М. Искусство Татарии. М.: Искусство, 1987. С. 352.
15. Безнең юл. 1927. № 2.
16. Безнең юл. 1927-1928 годов.
17. Солтанбек Б. Олпатлык: (Халык рәссамы, Татарстанның Тукай бүләге иясе Б. Урманче турында) // Казан утлары. 1994. № 4. Б. 161-169.
18. Урманче Б.И. Балалар тәрбиясендә сынлы сәнгать. М., 1926. Б. 8.
19. Урманче Б.И. Безнең хәрәфләребезнең реформасы // Безнең юл. 1926. № 10.
20. Урманче Б.И. Казан сәнгать техникумы // Безнең юл. 1926. № 9. Б. 27-30.

МИНГАЛЕЕВ МАРАТ ИСКАНДРОВИЧ – заместитель директора по научной работе, Набережночелнинская картинная галерея, Россия, Набережные Челны (marat.mingaleev@mail.ru).

MINGALEEV MARAT ISKANDAROVICH – deputy director from the scientific work, Nabierejnie Chelny Art Gallery, Russia, Nabierejnie Chelny.

УДК 787

А.В. МУГАЛИМОВА

**СТРУННЫЙ КВАРТЕТ М. СМИРНОВА
В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗНЫХ ИСКАНИЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КАМЕРНОЙ МУЗЫКИ XIX-XX ВЕКОВ**

Ключевые слова: *квартет, образное содержание, плач-причет, двойные вариации.*

Впервые предпринят музыковедческий анализ одного из лучших камерно-инструментальных сочинений уральского композитора М.Д. Смирнова (1929–2006) – струнного квартета № 3 h-moll. Основное внимание уделено раскрытию глубоко драматического образного содержания I части квартета, связанного исключительно с жанром плача-причитания. Параллельно отмечаются особенности драматургии произведения и формообразование I части квартета.

A.V. MUGALIMOVA

**M. SMIRNOV'S STRING QUARTET IN A CONTEXT OF A FIGURATIVE SEARCH
OF A DOMESTIC CHAMBER MUSIC OF THE 19th–20th CENTURIES**

Key words: *quartet, push content, lamentations, double variations.*

For the first time in the article there was taken a musicological analysis of one of the best chamber-instrumental compositions of the string quartet № 3 h-moll, made by Russian Ural composer M.D. Smirnov (1929–2006). A special attention was given to reveal the deep dramatic figural content of the 1st part of the Quartet, which is notably tied with the lamentation's genre. In parallel, there are features of dramatics and morphogenesis in the 1st part of the Quartet.

Первые шаги в становлении традиций квартетного жанра начинаются в XVIII в. в Европе и проявляются через домашнее музицирование, так называемую салонную музыку. Лучшие образцы квартетов сразу же становятся популярными, так как перемещаются в концертные залы.

Исследователи исторического развития жанра квартета справедливо считают, что его первые классические примеры появились в творчестве Йозефа Гайдна (1732–1809). Известно, что он сочинил 77 квартетов, которые стали образцами для изучения этого жанра.

Последующие композиторы, включая других венских классиков и западно-европейских романтиков, интенсивно развивали этот жанр на протяжении второй половины XVIII–XIX вв., углубляли его содержание, усложняли фактуру, обогащали форму, варьируя количество частей в цикле.

Русские композиторы, начиная с М. Глинки, внесли свой вклад в эволюцию струнного квартета. Правда, в первой половине XIX в. этому жанру уделялось мало внимания, так как в данный период в русской музыке приоритетно развивались опера и камерно-вокальный жанр. Так, у М. Глинки есть всего два ранних квартета (1824 и 1830 гг.), а у таких композиторов, как А. Даргомыжский, М. Балакирев, М. Мусоргский и Н. Римский-Корсаков, в творческом багаже квартетов вовсе не было.

Исследователи камерно-инструментального творчества русских композиторов XIX в. считают, что рождение русского *классического* квартета приходится на 70-е гг. XIX в. и связано с именами П. Чайковского и А. Бородина.

Три квартета П. Чайковского (ор. 11, 22 и 30), созданные в период с 1871 г. по 1876 г., имеют традиционную четырехчастную структуру с разнообразным содержанием и разным местоположением частей, но во всех квартетах лирическим центром является медленная часть. Во всех трех Andante звучит искренний рассказ от первого лица о сокровенных чувствах человека: его тревогах, мечтах, страданиях. В *Первом* квартете – это знаменитое Andante cantabile с подлинной мелодией русской народной песни «Сидел Ваня», которую Чайковский развивает по-русски: прежде всего – вариантно, используя подголосочную полифонию, подчеркивая ладовую переменность темы. Характерно, что народную тему Чайковский оттеняет своей романсовой мелодией, звучащей как авторское слово.

Лучшей частью *Второго* квартета справедливо считается III часть – элегическое *Andante* с его безысходно-скорбным лиризмом. Особенно выразительна горестно-жалобная основная тема с остроакцентированными интонациями увеличенной и уменьшенной кварты. В целом, глубина и многообразность музыки Второго квартета потребовали и более сложных средств выразительности, и более развёрнутых форм, и большего мастерства владения техникой квартетного письма, особенно в полифонически развитых эпизодах этого сочинения. Недаром Второй квартет признан первым образцом симфонизации жанра квартета в русской музыке.

Третий квартет, написанный под впечатлением от смерти друга Чайковского скрипача Ф. Лауба, не только выражает печаль утраты, но и содержит общие мысли о жизни и смерти, волновавшие Чайковского на протяжении всего его творческого пути. Центральное по значению место в квартете занимает замечательное *Andante funebre e doloroso*, в котором трагический конфликт жизни и смерти выражен с предельной ясностью и остротой.

По мнению исследователей, в частности, Ю. Розановой, именно *Третий* квартет с его драматизацией образного содержания, глубокими тематическими связями между частями цикла, его экспрессивной инструментровкой «оказал значительное воздействие не только на непосредственных преемников Чайковского – Танеева, Глазунова, Аренского, Рахманинова, но и через много лет на советских композиторов, работающих в области камерно-инструментального ансамбля».

В творчестве А. Бородина (1833-1887) квартетный жанр представлен двумя произведениями. Успех Первого квартета в 1879 г. вдохновил композитора на создание Второго квартета, который он посвятил своей жене. Исполненный в 1882 г. этот квартет произвел еще большее впечатление на русскую публику, особенно его медленная часть – вдохновенный «Ноктюрн». В нем дважды в разной инструментровке звучит настоящий счастливый дуэт – канон как взволнованный диалог любящих людей. Именно в третьей части квартета особенно явно проявляется равноправие четырех участников ансамбля, когда от функции аккомпанемента освобождаются партии скрипки, альты и виолончели.

Интересно, что развитие квартетного жанра в 80-е – 90-е гг. XIX в. во многом происходило под влиянием известного петербургского мецената М.П. Беляева, когда его домашние «Беляевские пятницы» переросли в 1885 г. в публичные камерные концерты «Русские квартетные вечера». В 1891 г. М.П. Беляев инициировал ежегодный конкурс среди русских композиторов на создание лучшего квартета, выплачивая победителю премию в 500 руб. Этот конкурс и «Русские квартетные вечера» просуществовали до 1917 г., способствуя развитию квартетного жанра в России и пропагандируя этот вид камерно-инструментальной музыки среди русских композиторов и исполнителей.

Еще при жизни Чайковского и Бородина появились квартеты А. Глазунова (1865-1936), которые он писал, начиная с 1882 г., на протяжении всей своей долгой жизни. Семь квартетов Глазунова отличаются углубленной психологической выразительностью, сдержанно-сосредоточенным лиризмом, рационалистической строгостью мысли, проявляющейся в стремлении к полифоничности формы и плотности фактуры. По глубине лирических переживаний выделяется Пятый квартет. В Шестом квартете, высоко оценённом Б. Асафьевым, «композитору удалось всецело подняться над своим чисто техническими увлечениями и виртуозным своим мастерством в область сосредоточенной выразительности, отвечающей камерному стилю».

В 1930 г. Глазунов написал свой последний, Седьмой, квартет, проникнутый ностальгическими мотивами. Отдельные части квартета имеют название: «Дань прошлому», «Дыхание весны», «В таинственном лесу», «Русский

праздник». В целом музыка отличается простотой изложения, кроме последнего монументального симфонического финала, в коде которого игра всех инструментов имитирует народный оркестр.

Из девяти квартетов С. Танеева (1856–1915) наиболее известны первые шесть, остальные три были опубликованы лишь в 80-е гг. XX в. Прежде всего Танеев усложняет внутреннее музыкальное развитие в квартетах, приближая его к закономерностям жанра симфонии. Многие *первые* части его лучших квартетов лирико-драматического содержания. *Вторые* части, как правило, лирико-созерцательные. В *третьих* частях используется скерцо. Важной отличительной, узнаваемой чертой *финалов* танеевских квартетов является их народно-жанровый характер и *полифоническое* развитие музыки. Так например, финал квартета до мажор ор.5 представляет собой двойную фугу.

Среди композиторов XX в., более других интересовавшихся жаром квартета, необходимо выделить Н. Мясковского (1881–1950), сочинившего 13 квартетов. Квартетный стиль композитора явно родственен симфоническому – по образному содержанию, принципам драматургии, типам тематизма. Главной отличительной чертой квартетов Мясковского можно считать их глубокую лиричность, которая проникает практически во все части его квартетов, включая скерцо и финалы.

Но особая роль в развитии этого жанра в отечественной музыке второй половины XX в. принадлежит Д. Шостаковичу (1906–1975). Его пятнадцать квартетов образуют нечто вроде грандиозного макроцикла, представляющего своеобразную летопись жизни не только самого автора, но и целого поколения. В свою очередь макроцикл делится на два неразрывных по количеству опусов субцикла. Так, первые шесть квартетов воплощают полноту жизненной энергии и силы. В этих сочинениях ярче всего проявляются традиции классического квартета. Девять последующих произведений являются «страницами дневника» композитора, где его мысли и философские размышления о прошлом и настоящем выражаются либо через посвящения, либо через тему-монограмму D-Es-C-H, либо через автоцитаты. Во многих драматических квартетах Шостаковича 60-х – 70-х гг. XX в. воплощаются главные идеи его творчества: защита человеческого в человеке, обличение зла во всех его проявлениях, протест против смерти. Особенно выделяется своим трагедийным содержанием пятичастный *Восьмой* квартет, с-moll, ор.110, посвященный «памяти жертв фашизма и войны». В то же время наполненное автоцитатами и многочисленными преобразованиями темы-монограммы D-Es-C-H это произведение воспринимается как глубоко личное, автобиографическое. Известно, что сам Шостакович писал *Восьмой* квартет как музыкальный памятник самому себе.

Свой определенный вклад в развитие смычкового квартета внесли и такие советские композиторы, как В. Шебалин (1902–1963), Е. Голубев (р. 1910), М. Вайнберг (1919–1996), Б. Чайковский (1925–1996), А. Шнитке (1934–1998), Ю. Фалик (1936–2009), Б. Тищенко (1939–2010).

К старшему поколению современных российских композиторов второй половины XX в. относится уральский композитор М. Смирнов (1929–2006). Большую часть жизни М. Смирнов прожил в Челябинске, где получил среднее музыкальное образование в музыкальном училище по классу кларнета. Высшее профессиональное образование он получил в Уральской государственной консерватории им. М.П. Мусоргского, сначала по классу кларнета, а затем по классу композиции. Дипломной работой молодого композитора стала Первая симфония (по сказам П.П. Бажова), написанная в 1961 г. После окончания консерватории Михаил Дмитриевич преподавал теоретические дисциплины в Челябинском музыкальном училище им. П.И. Чайковского (ныне Южно-Уральский государственный университет искусств им. П.И. Чайковского). В 37 лет М. Смирнов был принят в члены Союза

композиторов СССР. Позже, в течение десяти лет (с 1983 по 1993 г.), он был руководителем этой творческой организации.

Неизгладимый след в жизни композитора оставила Великая Отечественная Война. О пережитых тяготах войны Михаил Дмитриевич вспоминал: «Моя музыка в значительной степени автобиографичная. Я по сути не видел ни детства, ни юности; встречал в жизни много плохого. С 13 лет начал работать на заводе по 12 часов в сутки наравне со взрослыми. В нашей семье о репрессиях знали не понаслышке, хотя боялись об этом говорить открыто. Все это накапливалось в душе тяжелым грузом и не могло не отразиться определенным образом в творчестве».

Творческий багаж М. Смирнова включает в себя около 100 сочинений: 13 симфонических произведений, 8 опусов для хора и оркестра, 12 камерно-инструментальных сочинений, 8 произведений для русских народных инструментов и более 40 песен. Как каждый композитор, работающий в различных музыкальных жанрах, М. Смирнов стремился быть понятым своими современниками. В этом смысле композиторскую судьбу Михаила Дмитриевича можно признать счастливой, так как многие его сочинения были исполнены при жизни автора, тепло принимались слушателями и получали положительную прессу.

Переходя к анализу струнного квартета № 3 уральского композитора М. Смирнова, отметим важное, на наш взгляд, обстоятельство. Нами выяснено, что М. Смирнов сочинил три струнных квартета, причём *первые* два квартета им были созданы в консерваторские годы (соответственно, в 1958 и 1959 гг.) и рассматривались композитором как чисто учебный материал. В связи с этим он не настаивал на исполнении этих произведений, не представлял их для публикации и не предлагал в программы своих авторских концертов. Однако опыт работы в данном жанре оказался ценным, и квартет № 3 предстал перед слушателями уже как законченное художественное произведение, ярко выявляющее характерные особенности зрелого стиля композитора. К ним можно отнести психологизм драматического содержания, откровенно личностный характер высказывания, стремление к лаконизму музыкального языка, кристаллизацию интонационного строя на основе жанровых характеристик причета, авторское отношение к трактовке цикла.

В творчестве М. Смирнова струнный квартет № 3 h-moll стал первым глубоко драматическим произведением. Сочинённый и исполненный в 1985 г., он оказал сильное эмоциональное воздействие и на исполнителей, и на слушателей, заинтересовав их как своим необычным образным содержанием и драматургией, так и необычной формой. В отличие от традиционного четырехчастного цикла данное сочинение предельно компактно. Оно включает в себя две контрастные части (Adagio и Allegro), каждая из которых в концентрированной форме выражает одно настроение, одну образную сферу. Возникший в их сопоставлении контраст можно обозначить такими альтернативными понятиями, как «субъективное» и «объективное», «внутреннее, сосредоточенное» и «внешнее, действенное». Названные образные сферы воплощены в определенных характеристиках: тематизм первой части использует характерные и, следовательно, узнаваемые черты плача-причета; во второй части преобладает стихия танца. Таким образом, общая линия развития идет от глубинных внутренних душевных состояний во внешний мир, в соединение с другими людьми. Своеобразие драматургии этого двухчастного цикла в том, что смысловой, доминирующей частью оказывается медленная первая часть. Вторая же часть, соответствующая быстрым финалам классических циклических форм, при своём жанровом, действенном характере ещё более подчёркивает скорбный трагизм первой части. Для творчества М. Смирнова зрелого периода данная сфера оказывается чрезвычайно важной, постоянно возвра-

щающейся, отражающей то часто посещавшее композитора состояние смятения, боли, внутреннего напряжения, которые были вызваны реалиями жизни – и личной, и социально-политической. Музыка первой части квартета словно вобрала в себя и вывела на новый уровень обобщения те моменты душевного надлома, предощущения жизненных драм, которые были лишь намечены с разной степенью подробности в предшествующих камерных сочинениях – «Импровизации» («Колыбельной») для альты и фортепиано, сонатах для альты и фортепиано (1969), виолончели и фортепиано (1968), «Концертом триптихе» для балалайки-соло (1985).

В связи со всем вышеизложенным проанализируем более подробно именно первую часть квартета, где музыка неотвратимо «ведёт» нас в глубины страдающего сердца. В музыке *Adagio* развиваются два скорбных образа, связанных со старинным русским жанром плача-причета. Эти образы воплощаются в двух темах, интонационно разных, но дополняющих друг друга, всегда звучащих попарно, образующих в своем развитии форму двойных вариаций типа *soprano-ostinato*.

Схема строения I части квартета М. Смирнова:

Первая тема двойных вариаций звучит сдержанно-архаично, сосредоточенно в партии альты, с типичными для плача-причитания интонациями нисходящей фригийской секунды в семантически трагедийном си миноре:

Пример 1.

Adagio

На протяжении 6 тактов эта тема не выходит за рамки своего предельно узкого диапазона. Именно это настойчивое повторение малой секунды определяет и основу тематизма первой части квартета, и жанрово-смысловую сущность первой темы как выражение неизбывного страдания, горя.

Семь раз на протяжении первой части эта тема будет звучать в неизменном виде, что характерно для вариаций *soprano-ostinato*.

Более масштабная трагедийная *вторая* тема вступает сразу же после первой и проводится в низком регистре в партии виолончели в форме простого периода повторного строения (4+8). По сравнению с предыдущей новая тема звучит более горестно, жалобно, с интонациями вздоха, плача, дополняя

собой образный строй первой темы. Как и первая тема, она проводится в симиноре, но отличается большей индивидуальностью, экспрессивностью, так как в ее основе лежит остро-щемящая интонация уменьшенной кварты, совсем как в теме-монограмме Шостаковича:

Пример 2.

Д. Шостакович

М. Смирнов

Вторая тема квартета М. Смирнова по сравнению с первой интонационно более сложна и богата: кроме уменьшенной кварты в ней звучит ряд глубоко выразительных оборотов с малой секундой, уменьшенной и малой терциями, с хроматизмом на расстоянии.

Общей же интонацией для обеих тем является семантически очень важная для композитора нисходящая м.2. Во второй теме, включенная в структуру *восходящей* секвенции, она смягчает своими «смирненными опаданиями» остро экспрессивные восходящие хроматические интонации, нейтрализуя их.

Самое интересное, что две проанализированные темы, звучащие «неразлучно», образуют своеобразный двухтемный интонационный комплекс. Именно он будет определять эмоциональную атмосферу первой части и особенности её композиции. В результате многократного попарного проведения этих двух тем образуется форма двойных вариаций, которая включает в себя 7 проведения первой темы и 15 проведения второй темы. Они сгруппированы автором в три крупных раздела, рождающих представление о форме второго плана как о свободной трехчастной композиции, где можно выделить экспозиционный, разработочный разделы и репризу-коду.

Для каждого нового попарного проведения тем автор находит всё новые средства выразительности, качественно развивая и углубляя образное содержание музыки. Так, при *втором* проведении тем композитор меняет их инструментовку, причем во время звучания второй темы у виолончели впервые появляется подголосок с напряженными сумрачными и извилистыми хроматическими оборотами. Этот подголосок можно уподобить противосложению к теме фуги, так как сама вторая тема вполне могла бы быть темой фуги с ярким индивидуальным зерном и хроматическим «хвостом». Сам же подголосок, ритмически и интонационно родственный второй теме, воспринимается как элемент подголосочной полифонии, обогащающей выразительность темы:

Пример № 3.

Своеобразие *третьего* проведения тем заключается в том, что первая тема звучит в октавный унисон у альты и виолончели, при этом она сильно сокращена, буквально до трехтактового зерна. Вторая же тема проводится полностью, с тревожно звучащим подголоском, с активным дроблением ритма шестнадцатыми длительностями:

Пример № 4.

Новый качественный этап развития музыки наступает с *четвертого*, самого необычного, последнего в экспозиционном разделе, проведения двух тем, где главенствует вторая тема. Она звучит параллельными терциями, а хроматический подголосок – параллельными секстами в партии альты и виолончели. В результате рождается ощущение новых, более плотных, густых красок, в то время как вся предыдущая музыка звучала более прозрачно, акварельно:

Пример 5.

Значение последнего экспозиционного проведения двух тем представляется весьма важным в драматургии общего развития, так как оно предвосхищает и подготавливает главную кульминационную зону всей первой части.

В *пятом*, по сути, разработочном, проведении тем композитор раздвигает диапазон звучания музыки практически до четырех октав, причем вторую тему автор выводит в пронзительно звучащую третью октаву. Сопровождающие эту тему голоса явно отходят на второй план и как бы поддерживают мелодию на парящей высоте: ни в одном такте этого раздела нет сильной доли:

Пример 6.

Интересно, что в разработке композитор развивает именно вторую, более трагическую тему, проводя ее 9 раз. Эти 60 т. (с 51 по 111) составляют масштабную кульминационную зону всей I ч. квартета. По сравнению с сдержанно-сосредоточенной экспозицией музыка кульминационной зоны звучит предельно ярко, страстно и гневно, так как композитор в этом разделе формы концентрирует самые экспрессивные средства выразительности. В эпицентр этого раздела входят три самых трагедийно звучащих проведения второй темы. С 73-го такта композитор даёт самое конфликтное ладо-тональное развитие основной темы: виолончель проводит вторую тему в си-миноре, а одновременно с этим у альты тема звучит в фа-миноре, т.е. в тритоновом соотношении тональностей. Вместе с этим первая и вторая скрипки, образуя *подголосочную* полифонию ко второй теме, тоже ведут свою мелодическую линию в тритоновом соотношении, которое, однако, вписывается в основную тональность си-минор. Таким образом, *шестое* проведение второй темы звучит в самом усложненном ладо-тональном варианте – полном двенадцатиступенном си-миноре:

Пример 7.

Example 7 is a musical score for a string quartet, consisting of two systems of four staves each. The notation includes various musical symbols such as notes, rests, and dynamic markings. The first system shows the first four measures, and the second system shows measures 5 through 8. The staves are labeled V-ni 1, V-ni 2, V-le, and Vc. (Violoncello). The score is written in a key signature of two sharps (F# and C#) and a 3/4 time signature.

Трагедийный характер музыки поддерживается и в двух последующих проведениях второй темы. Так, в седьмом проведении (т.т. 81 – 89) вторая тема звучит в двухоктавном удвоении у второй скрипки и виолончели, затем в таком же удвоении у первой скрипки и альты. Одновременно к этой же теме композитор вводит новый подголосок по типу *контрастной* полифонии, который звучит в таком же двухоктавном удвоении у первой скрипки и альты.

Последнее, кульминационное, проведение второй темы оформлено в еще более резком варианте звучания: обе скрипки излагают тему двухголосно с интервалами ум. 5, м. 7, ув. 4. Партии же альты и виолончели составляют *контрастную*

полифонию и между собой, и по отношению к скрипкам, т.е. это проведение темы доводит трагедийность звучания музыки до логической вершины:

Пример 8.

После сильнейшей кульминационной зоны слух поражает резкий послекульминационный спад и тихое звучание репризы-коды, выражающей некое душевное длительное избывание эмоций на протяжении 48 тактов. Последний раздел первой части квартета – самый разряженный еще и потому, что первая и вторая темы проводятся всего по одному разу, причем вторая тема, как и в начале квартета, звучит в партии виолончели полностью на тоническом органном пункте, что темброво обрамляет композицию, закругляя и завершая развитие.

Анализ первой части квартета показал, что для выражения его глубоко трагедийного содержания М. Смирнов использует исключительно жанр *плача* в двух мелодических разных вариантах, симфонизируя этот старинный жанр с позиции композитора второй половины XX в.

Причём среди разнообразия интонационных причетных формул композитора привлекает нисходящая секунда и как самостоятельная интонация, и как составляющая других мелодических комплексов. В многообразных вариантах её интонирования (тембровых, ритмических, фактурных, динамических) воплощаются богатейшие выразительные возможности этого интервала, множество оттенков чувствования, создающих объёмный образ страдания, боли, горести и душевного надрыва.

Таким образом, в эволюции творчества М. Смирнова струнный квартет h-moll, 1985 г., занимает важнейшее место, так как именно с этого квартета началось целенаправленное воплощение трагедийной темы в камерно-инструментальной музыке композитора, связанное прежде всего с использованием жанра плача-причитания и характерных для него всех средств выразительности. В *мелодико-интонационном* плане – это преимущественное господство восходящих и нисходящих секундовых интонаций, усиленных уменьшенной и малой терцией, а также уменьшенной и увеличенной квартой. В процессе анализа нами уже было отмечено интонационное родство второй темы квартета М. Смирнова и шостаковической темы D-Es-C-H. Нам представляется, что это интонационное родство не случайно. Может быть, вызывая в памяти слушателей знаковую тему Шостаковича, композитор, наш современник, таким способом «зашифровал» идею своего произведения как музыкального приношения (посвящения) великому композитору в год десятилетия его смерти (Д. Шостакович умер в 1975 г.). То есть, возможно, квартет М. Смирнова – это дань памяти Д. Шостаковичу – выдающемуся мастеру квартетного жанра XX в.

В *ладовом* отношении наблюдается мастерское использование возможностей острохроматизированных видов минора с пониженной и повышенной четвертой ступенью и с пониженной второй ступенью. Особенности *гармонического* языка в первой части квартета обусловлены жанрово-мелодическими принципами развития музыки и проявляются наиболее ярко в диссонантно звучащих кульминационных разделах формы.

В квартете М. Смирнова приём персонификации тем и инструментальных тембров активно вырастает в музыкальную ткань сочинения. Пожалуй, самое необычное в системе выразительных средств, используемых М. Смирновым в первой части его квартета, – это *форма двойных вариаций*, которую ранее, как нам известно, никто из композиторов не использовал в первой, обычно самой драматической, части струнного квартета.

Сам цикл двойных вариаций имеет в данном случае две главные особенности своего внутреннего развития. Обе темы, находясь в рамках вариаций *soprano-ostinato*, периодически подвергаются мастерскому полифоническому развитию, включающему и каноническое проведение тем, и вертикально-подвижной контрапункт. При наличии основной формы двойных вариаций композитор группирует их в три раздела, удивляющие своей почти идеальной пропорциональностью (51т.-60т.-48т.). Совершенная по драматургии логика развития музыки (от сдержанного экспозиционного первого раздела, через разработочный кульминационный средний раздел к затаивающей репризе-коде) рождает ощущение формы второго плана как трехчастной композиции.

Являясь одним из оригинальных и показательных сочинений в творчестве М. Смирнова, квартет № 3, несомненно, находится в русле развития отечественной камерной музыки, особенно той, где воплощены сокровенные чувства, философские размышления о прошлом и настоящем, где звучит искреннее авторское слово «от первого лица». (Имеются в виду ранее упомянутые сочинения П. Чайковского, А. Глазунова, С. Танеева, а в XX в. – Д. Шостаковича, Н. Мяковского, А. Шнитке). В творчестве М. Смирнова именно квартет № 3 положил начало трагедийной теме, которую он будет последовательно воплощать и развивать в таких *инструментальных* произведениях, как Симфония № 4 (1990), Концерт-симфония для трехструнной домры (1993 г.), Реквием «Золотая гора» (1995) и Симфония № 5 (1998 г.).

Литература

1. Акопян Л. Дмитрий Шостакович. Опыт феноменологии творчества. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.
2. Асафьев Б. Русская музыка XIX и начало XX в. СПб.: Музыка, 1968.
3. Дехтяренко Е. Квартеты Д.Д. Шостаковича. Стиль и исполнительские принципы: дис. ... канд. искусствоведения. Магнитогорск, 2009.
4. Д. Шостакович: ст. и материалы / сост. и ред. Г. Шнеерсон. М.: Музыка, 1976.
5. История отечественной музыки второй половины XX в. / ред. Т. Левая. СПб.: Композитор, 2005.
6. История русской музыки: в 10 т. / ред. Ю. Келдыш. Т. 9. Конец XIX в. начала XX в. М.: Музыка, 1994.
7. История русской музыки 70-е – 80-е гг. XIX в. ч. / ред. Ю. Келдыш. М.: Музыка, 1994. Ч. II. Т. 8.
8. История русской музыки. Вторая половина XIX в. П.И. Чайковский / ред. Ю. Розанова. М.: Музыка, 1986. Т. 2. Кн. 3.
9. Крюков А. Александр Константинович Глазунов. Краткий очерк жизни. М.: СПб.: Музыка, 1966.
10. Мейер К. Дмитрий Шостакович: жизнь, творчество, время. СПб.: Композитор, 1998.
11. Орджоникидзе Г. Дмитрий Шостакович. М.: Сов. композитор, 1967.
12. Русская музыкальная литература / сост. М. Михайлова. Л.: Музыка, 1973. Вып. 4.
13. Советская музыкальная литература / под ред. Р. Барановской. 3-е изд. М.: Музыка, 1972. Вып. 1.
14. Трайнин В. М.П. Беляев и его кружок: популярный очерк. Л.: Музыка, 1975.
15. Третьякова Л. Русская музыка XIX века. М.: Просвещение, 1976.
16. Холопова В. Форма музыкальных произведений: учеб. пособие. 3-е изд. СПб.: Лань, 2006.

МУГАЛИМОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА – соискатель ученой степени кандидата искусствоведения, преподаватель кафедры музыкального образования, Челябинская академия культуры и искусств, Россия, Челябинск (alavina1@mail.ru).

MUGALIMOVA ANNA VLADIMIROVNA – a competitor of scientific degree of *Iskustvovedeniya* Candidate, lecturer in music education, Chelyabinsk Academy of Culture and Arts, Russia, Chelyabinsk.

УДК 330.34:347.771.028

М.Ю. АЛЕКСЕЕВ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ – ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Ключевые слова: экономический рост, ВВП, инновации, защита прав на интеллектуальную собственность (ЗПИС).

Проведена эмпирическая оценка влияния степени ЗПИС на темп экономического роста на основе собранных данных (пространственные данные). Подтверждаются выводы, сделанные другими авторами, о сложности оценки влияния ЗПИС на темп экономического роста. Такие неоднозначные результаты могут быть объяснены сложными прямыми и косвенными связями между ЗПИС и ВВП, что открывает широкое поле для последующих исследований.

M.Yu. ALEXEEV

ECONOMIC GROWTH AND INTELLECTUAL PROPERTY – AN EMPIRICAL ANALYSIS

Key words: economic growth, GDP, innovations, intellectual property rights protection.

The article's author conducted an empirical estimation of the impact of intellectual property rights protection on economic growth rates based on collected data (cross-sectional data). This confirmed the results of other authors about the difficulty of estimating the impact of intellectual property rights on economic growth rate. These ambiguous results could be explained by complex direct and indirect lines between intellectual property rights protection and GDP, which opens a wide area for future research.

В период вступления России в ВТО актуальным становится решение проблем, связанных с созданием и развитием цивилизованного рынка интеллектуальной собственности. Особенно остро встает вопрос: «Как защита прав на интеллектуальную собственность (ЗПИС) влияет на экономический рост страны в условиях шестого технологического уклада?»

Ряд авторов [2, 5, 7] в своих исследованиях создали эмпирическую модель, базирующуюся на новой теории роста, связанной с ЗПИС. Авторы обнаружили положительный эффект на экономический рост от сильной ЗПИС не только для стран с высоким, но и с низким уровнем доходов. Они использовали панельные данные для 80 стран за пятилетний период. Строя простые регрессии, они обнаружили положительное влияние ЗПИС на совокупный ВВП на душу населения для стран, но значимость этого влияния оказалась низкой. По этой причине был использован более передовой эконометрический инструмент, а именно «threshold regression analysis», с помощью которого было определено существование пороговых значений в данных и проведена оценка в определенных пределах, обнаружены два значительных порога, которые разделены на 3 группы – с низким, средним и высоким ВВП на душу населения. Их результаты, как и ожидалось, показали положительное и статистически значимое влияние индекса ЗПИС на экономический рост (рост ВВП на душу населения) для стран с первоначально высоким уровнем экономического роста. Те же результаты были получены для стран с низким уровнем доходов. Однако для стран со средним уровнем доходов оценка показала слабую связь между ЗПИС и экономическим ростом, что было, своего рода, сюрпризом. В [2] эти результаты объясняются тем фактом, что рост стран со средним уровнем доходов основан на имитациях,

* Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

поэтому более сильная защита для этих стран ухудшает положительный эффект от роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и торговли.

В более ранних эмпирических исследованиях Д. Гоулд, В. Грубен [5] и М. Томсон, Ф. Рашинг [7] сформулировали общее мнение, что связь между ЗПИС и экономическим ростом является позитивной, но небольшой значимости. В исследовании [5] было обнаружено положительное и значительное влияние «меры прав на интеллектуальную собственность Рэппа и Розека» на экономический рост с использованием модели роста для 95 стран в период 1960-1988 гг. Анализ был проведён для двух групп, включающих страны с открытой и закрытой экономикой. Авторы обнаружили, что эффект от сильной ЗПИС для открытой экономики больше, чем для стран со слабой экономикой. М. Томсон, Ф. Рашинг в [7] использовали «switching regression model» для 112 стран за период 1970-1985 гг. и обнаружили, что в основном существует положительное, но незначительное влияние ЗПИС на экономический рост, а для некоторых стран нет никакой связи между ЗПИС и ростом ВВП. В обоих исследованиях были использованы довольно «старые» данные.

Негативное (отрицательное) влияние сильной ЗПИС на экономический рост было найдено в теоретических работах. Р. Хорри, Т. Ивайсако в [6] использовали «quality-ladder model» эндогенного роста с двумя предположениями об интеллектуальной собственности (ИС), в частности о секторе НИОКР. Первое предположение: сильная ЗПИС увеличивает количество фирм в монополистическом секторе. У фирмы-монополиста мало стимулов для дальнейшего создания инноваций, что негативно влияет на экономический рост в будущем. Новаторы остаются в конкурентоспособном секторе, и с повышением ЗПИС их количество увеличивается, что, в действительности, снижает количество инноваций. Основываясь на этих двух предположениях, с помощью математических инструментов Р. Хорри и Т. Ивайсако обнаружили, что слабая ЗПИС увеличивает ВВП страны в долгосрочной перспективе из-за более эффективных имитационных возможностей. Однако эти выводы не были подкреплены эмпирическими результатами, что даёт широкое поле для дальнейших исследований.

В [3] авторы также пришли к выводу, что сильная ЗПИС не имеет положительного эффекта для развивающихся стран. Авторы оценили влияние соглашения по ТРИПС (Agreement on Trade-Related Aspects of Intellectual Property Rights) на благосостояние стран. Их модель показывает, что развитые страны получают большую выгоду от соглашения по ТРИПС, чем развивающиеся. Более того, развивающиеся страны могут нести потери. Авторы предложили, что более низкий уровень ЗПИС «выгоден» для развивающихся стран и более высокий уровень ЗПИС – для развитых. Таким образом, эмпирические исследования показали некоторые позитивные (положительные) связи между степенью ЗПИС и ростом ВВП при не всегда значимых результатах. Противоположные результаты были получены в теоретических моделях без эмпирического доказательства. Такая «путаница» в литературе, отсутствие единого мнения о том, есть ли влияние сильной ЗПИС на макроэкономические показатели, такие как экономический рост, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), международную торговлю и т.д., объясняются сложными прямыми и косвенными связями между ЗПИС и ВВП.

Для эмпирической оценки влияния степени ЗПИС на темп экономического роста нами также были собраны данные по 75 странам. Тип данных: пространственные данные (cross-sectional data). Основным критерием включения страны в список была доступность индекса ЗПИС в Economic Freedom of the World Report, 2010. Также некоторые данные были взяты из World Development Indicators, 2009, и Global Innovation Index Report, 2009-2010. Индексы ЗПИС были доступны за 2000, 2005, 2007 и 2008 гг. (таблица).

County	2000	2005	2007	2008	County	2000	2005	2007	2008
1 Argentina	3,72	3,18	3,63	3,19	39 Lithuania	3,2	6,51	6,87	5,88
2 Australia	8,27	8,97	8,89	8,62	40 Luxembourg	7,6	8,84	8,49	8,86
3 Austria	8,65	9,08	9,36	8,95	41 Malawi	3,23	5,28	5,44	5,42
4 Bangladesh	2,02	4,7	4,28	4,13	42 Malaysia	4,23	7,93	7,43	7,02
5 Belgium	7,57	8,2	8,41	7,93	43 Mali		5,12	5,09	4,75
6 Bolivia	1,65	3,48	2,67	1,98	44 Mauritius	4,8	7,63	8,2	7,36
7 Brazil	5,08	6,02	5,97	5,63	45 Mexico	4,38	6,05	5,15	4,92
8 Bulgaria	3,35	4,58	4,86	4,07	46 Namibia	5,82	7,46	7,98	8,06
9 Canada	7,98	8,16	9,04	8,68	47 Netherlands	9,09	9,21	8,86	8,51
10 Chad		2,66	2,83	2,51	48 Nicaragua	2,08	4,06	4,1	3,37
11 Chile	5,27	7,47	7,38	7,51	49 Nigeria	2,52	4,66	5,26	4,82
12 China	3,22	4,95	6,64	7,08	50 Norway	7,2	8,83	8,95	8,78
13 Colombia	3,28	6,16	5,74	4,94	51 Panama	4,07	6,71	7,06	6,42
14 Costa Rica	4,5	6,08	5,97	5,81	52 Paraguay	2,27	3,35	3,49	3,23
15 Czech Republic	5,58	6	6,17	6,19	53 Peru	3,33	4,13	4,66	4,92
16 Denmark	8,82	9,34	9,4	9,14	54 Philippines	3,22	5,69	5,07	4,69
17 Dominican Republic	2,9	5,27	5,12	4,89	55 Poland	4,63	4,58	4,93	5,42
18 Ecuador	2,98	4,05	3,71	3,86	56 Portugal	6,48	7,43	7,59	6,99
19 Egypt	5,17	6,22	6,1	5,71	57 Romania	4,1	5,12	5,28	5,16
20 El Salvador	4,05	5,78	5,34	5,38	58 Russia	1,88	3,63	3,79	3,45
21 Estonia	5	7,68	7,95	7,66	59 Singapore	7,62	8,9	9,2	9,02
22 Finland	8,92	9,03	9,18	9,09	60 Slovak Republic	4,67	6,67	6,51	5,92
23 France	9,4	8,47	8,46	8,01	61 Slovenia	5,37	6,48	6,44	6,41
24 Germany	8,84	9,61	9,18	8,78	62 South Africa	5,82	7,97	8,37	8,11
25 Greece	4,83	7,24	6,84	6,63	63 Spain	7,15	7,69	7,29	6,91
26 Guatemala	2,18	5,3	5,26	4,8	64 Sri Lanka	3,5	6,02	6,32	5,7
27 Honduras	2,3	4,15	5,58	4,94	65 Sweden	8,08	8,71	9,17	9,01
28 Hungary	5,53	7,44	7,07	6,04	66 Switzerland	9,17	9,28	9,44	9,25
29 Iceland	7,62	9,44	8,95	8,28	67 Thailand	4,42	7,11	6,19	5,46
30 India	3,27	7,88	6,7	6,3	68 Trinidad & Tobago	5,3	5,98	6,09	5,86
31 Indonesia	3,13	4,59	4,18	5,18	69 Turkey	3,43	6,35	5,34	4,83
32 Ireland	7	9	8,95	8,44	70 Ukraine	2,38	3,95	3,78	3,09
33 Israel	6,53	7,94	6,92	5,75	71 United Kingdom	8,44	9,09	7,49	7,65
34 Italy	7,8	6,79	6,33	5,69	72 United States	9,1	8,05	7,98	7,54
35 Jamaica	4,1	6,59	6,69	5,91	73 Uruguay	5,53	6,26	6,43	6,37
36 Japan	7,55	8,73	8,76	8,16	74 Venezuela	3,4	2,27	2,08	1,8
37 Jordan	6,05	6,63	8,12	7,92	75 Zambia	3,23	6,05	6,14	5,78
38 Latvia	3,82	6,46	7,14	6,4					

Источники: [1, 4, 8].

Выделим переменные, используемые в нашем эконометрическом исследовании:

AGR (average growth rate) – среднегодовой темп роста ВВП.

DAGR (delta average growth rate) – изменение среднегодового темпа роста ВВП.

IPR (intellectual property rights) – индекс ЗПИС в диапазоне от 1 до 10; чем выше, тем сильнее (Economic Freedom of the World Report).

DIPR (delta intellectual property rights) – изменение ЗПИС за промежуток времени.

Рассмотрим влияние ЗПИС на среднегодовой темп роста за различные периоды времени (рис. 2):

1. Выявлена отрицательная связь между среднегодовым темпом роста за период 2000-2004 гг. и ЗПИС в 2000 г. (рис. 1, а). Каждая 1 дополнительная единица ЗПИС снижает темп роста на 0,3%.

$$\text{AGR0004} = -0,0033 \times \text{IPR2000} + 1,054 \\ (-3,37)$$

Регрессия со стандартными ошибками = 0,00098, Т-статистикой в скобках, R-квадратом = 0,1382, количеством наблюдений = 73 (after adjustments).

2. Выявлена отрицательная связь между среднегодовым темпом роста за период 2005-2006 гг. и ЗПИС в 2005 г. (рис. 1, б). Каждая 1 дополнительная единица ЗПИС снижает темп роста на 0,5%.

$$\text{AGR0506} = -0,0057 \times \text{IPR2005} + 1,092$$

$$(-4,0008)$$

Регрессия со стандартными ошибками = 0,0014, Т-статистикой в скобках, R-квадратом = 0,1798, количеством наблюдений = 75 (after adjustments).

3. Выявлена отрицательная связь между среднегодовым темпом роста 2007-2009 гг. и ЗПИС в 2007 г. (рис. 1, в). Каждая 1 дополнительная единица ЗПИС снижает темп роста на 0,5%.

$$\text{AGR0709} = -0,0054 \times \text{IPR2007} + 1,057$$

$$(-3,0499)$$

4. Выявлена отрицательная связь между среднегодовым темпом роста 2000-2009 гг. и ЗПИС в 2000 г. (рис. 1, г). Каждая 1 дополнительная единица ЗПИС снижает темп роста на 0,46%.

$$\text{AGR0009} = -0,0046 \times \text{IPR2000} + 1,059$$

$$(-6,3292)$$

Регрессия со стандартными ошибками = 0,0007, Т-статистикой в скобках, R-квадратом = 0,3607, количеством наблюдений = 73 (after adjustments).

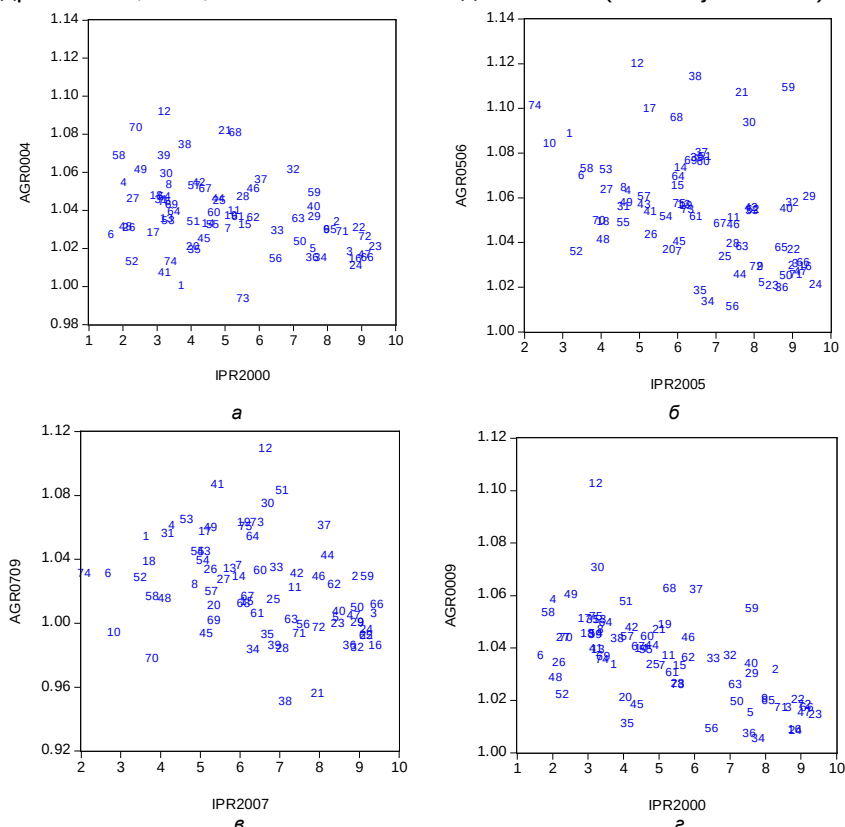

Рис. 1. Влияние степени ЗПИС на среднегодовой темп роста за различные периоды времени

Сделаем общий вывод для четырёх случаев: связь между степенью ЗПИС и среднегодовым темпом роста за разные временные промежутки отрицательная и незначимая, что подталкивает нас к рассмотрению связей между параметрами AGR и IPR с учётом выделения групп стран с различным уровнем ЗПИС в период с 2000-2004 гг.:

1. Уровень ЗПИС в период 2000-2004 гг. был выше «4» и в период 2007-2009 гг. остался также выше «4» (рис. 2). Количество наблюдений = 47.

$$\text{AGR0004} = -0,004 \times \text{IPR2000} + 1,059.$$

Отрицательная зависимость является значимой на 0,5%-ном уровне значимости.

При увеличении ЗПИС на 1 единицу, темп роста снижается на 0,4 процентного пункта.

$$\text{AGR0709} = -0,0057 \times \text{IPR2007} + 1,057.$$

При увеличении ЗПИС на 1 единицу, темп роста снижается на 0,5 процентного пункта.

Отрицательная зависимость является значимой на 3,5%-ном уровне значимости.

Так как $\text{DAGR} = \text{AGR0709} - \text{AGR0004}$,
то $\text{DAGR} = -0,001 \times \text{DIPR0007} - 0,0192$.

В среднем темп роста ВВП упал на 2%, а уровень ЗПИС увеличился на 1,12 пункта. Связь между изменением (delta) степени ЗПИС и темпом роста ВВП незначимая (Prob.=0,8). Приведём примеры отдельных связей:

Малайзия: при $\uparrow$ DIPR на 3,2 пункта $\Rightarrow$ $\downarrow$ DAGR на 0,2%.

Эстония: при $\uparrow$ DIPR на 2,95 пункта $\Rightarrow$ $\uparrow$ DAGR на 12%.

Панама: при $\uparrow$ DIPR на 3 пункта $\Rightarrow$ $\uparrow$ DAGR на 0,5%.

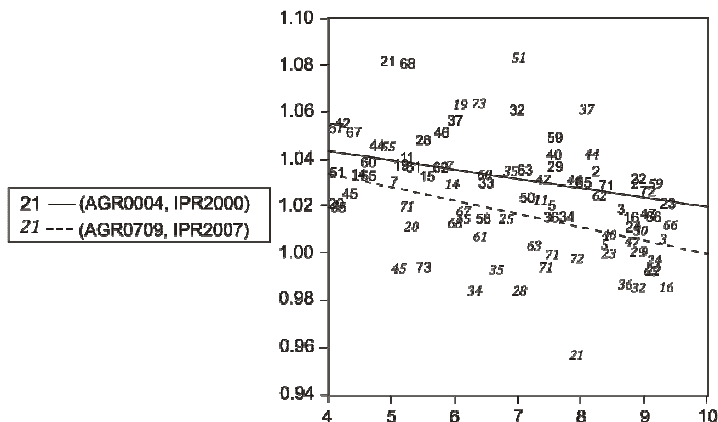

Рис. 2. Среднегодовой темп роста ВВП в 2000-2004 гг., ЗПИС в 2000 г.
Среднегодовой темп роста ВВП в 2007-2009 гг., ЗПИС в 2007 г. [1, 8]

2. Уровень ЗПИС в период 2000-2004 гг. был ниже «4», а в период 2007-2009 гг. стал выше «4» (рис. 3). Количество наблюдений = 19.

$$\text{AGR0709} = -0,0069 \times \text{IPR2007} + 1,08.$$

В данной регрессии отрицательная зависимость является незначимой.

$$\text{AGR0004} = 0,0071 \times \text{IPR2000} + 1,025.$$

В данной регрессии положительная зависимость является незначимой.

$$\text{DAGR} = -0,0174 \times \text{DIPR0007} + 0,038.$$

В среднем, темп роста ВВП упал на 0,5%, а уровень ЗПИС увеличился на 2,5 пункта. Наблюдается отрицательная и незначимая связь (Prob.=0,2) между

изменением степени ЗПИС и среднегодовым темпом роста. Приведём наиболее «яркие» примеры зависимостей по странам:

Индия: при $\uparrow$ DIPR на 3,43 пункта $\Rightarrow$ $\downarrow$ DAGR на 1,5%.

Иордания: при $\uparrow$ DIPR на 3,67 пункта $\Rightarrow$ $\downarrow$ DAGR на 0,8%.

Латвия: при $\uparrow$ DIPR на 3,32 пункта $\Rightarrow$ $\downarrow$ DAGR на 0,12%.

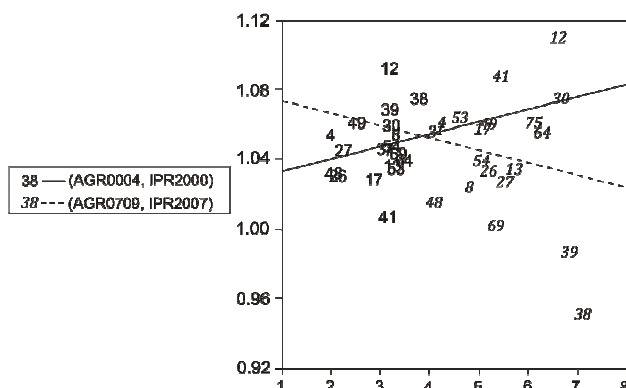

Рис. 3. Среднегодовой темп роста ВВП в 2000-2004 гг., ЗПИС в 2000 г.
Среднегодовой темп роста ВВП в 2007-2009 гг., ЗПИС в 2007 г. [1, 8]

3. Уровень ЗПИС в период 2000-2004 гг. был ниже «4» и в период 2007-2009 гг. остался также ниже «4» (рис. 4). Количество наблюдений = 7.

$$\text{AGR0709} = -0,0066 \times \text{IPR2007} + 0,08.$$

В данной регрессии отрицательная зависимость является незначимой.

$$\text{AGR0004} = -0,018 \times \text{IPR2000} + 1,076.$$

В данной регрессии зависимость является незначимой.

$$\text{DAGR} = -0,003 \times \text{DIPR0007} - 0,007.$$

В среднем темп роста ВВП упал на 1%, а уровень ЗПИС увеличился на 0,7 пункта. Наблюдается отрицательная и незначимая связь (Prob. = 0,5) между изменением степени ЗПИС и среднегодовым темпом роста. Приведём примеры отдельных связей:

Россия: при $\uparrow$ DIPR на 1,91 пункта $\Rightarrow$ $\downarrow$ DAGR на 5%.

Из этой группы стран максимальное увеличение ЗПИС произошло в России на 1,91 пункта.

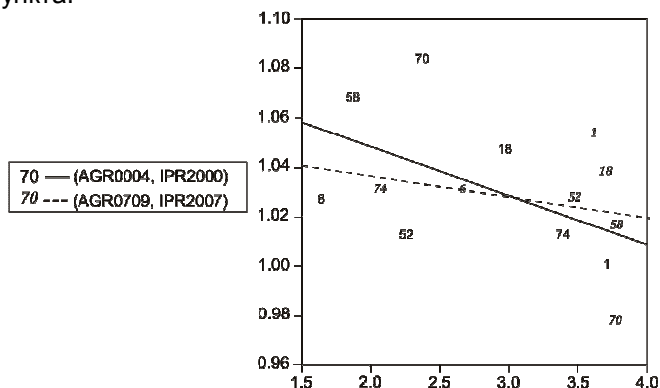

Рис. 4. Среднегодовой темп роста ВВП в 2000-2004 гг., ЗПИС в 2000 г.
Среднегодовой темп роста ВВП в 2007-2009 гг., ЗПИС в 2007 г. [1, 8]

Во всех трёх случаях связь между изменением ЗПИС и изменением темпа роста ВВП незначима, что позволяет сделать вывод: изменение в уровне ЗПИС в динамике не влияет на изменение темпа роста ВВП, снижение которого вызвано не ЗПИС, а некоторыми иными экономическими факторами.

Проведём эконометрический анализ с учётом параметров, предположительно значимо влияющих на темп роста ВВП, основываясь на выкладках теоретической модели. В качестве зависимой переменной рассмотрим:

AGR_0709 (average growth rate) – среднегодовой темп роста 2007-2009 гг.

В качестве регрессоров рассмотрим:

IPR_2008 (intellectual property rights protection) – индекс ЗПИС в диапазоне от 1 до 10; чем выше, тем защита сильнее.

PATENTS (number of patents) – индекс, показывающий количество патентов, выданных в 2008 г.

PER_MILLION (researchers in R&D per million of population) – количество исследователей на 1 млн населения в 2008 г.

PUBLIC (public R&D Expenditure as % of GDP) – государственные расходы на исследования и разработки в 2008 г. (в % ВВП).

QUAL (quality of scientific research institutions) – качество научно-исследовательских институтов в 2008 г. в диапазоне от 1 до 7 (чем выше, тем сильнее).

CAP (capacity for innovation) – индекс в диапазоне от 1 до 7, показывающий, как страна в 2008 г. получала технологии (1 – исключительно от лицензирования или имитирования технологий других стран, 7 – путём создания новых продуктов с помощью собственных исследований).

LABOR08 (labor force) – доля экономически активного населения.

Для дальнейшего анализа будем использовать переменную LABOR08, которая не коррелирует с другими переменными, а также IPR_2008 и PUBLIC, необходимые нам для анализа, отбрасывая остальные переменные.

Можно выделить сильную корреляцию между степенью ЗПИС и государственными расходами на НИОКР (рис. 5, а) – государственные расходы на исследования и разработки в 2008 г., ЗПИС в 2008 г.):

$$\text{IPR}_{2008} = 1,125 \times \text{PUBLIC} + 5,166.$$

Проведём стандартное преобразование для улучшения, а именно логарифмирование. В результате получим:

$$\text{IPR}_{2008} = 0,996 \times \text{LOG}(\text{PUBLIC}) + 6,853$$

(рис. 5, б) – логарифмы государственных расходов на исследования и разработки в 2008 г., ЗПИС в 2008 г.

Наблюдается положительная значимая связь между ЗПИС и государственными расходами, но так как патентов в 2000 и в 2008 гг. выдавалось мало (рис. 5, в, г), можно сказать, что увеличение государственных расходов на НИОКР не оказало влияния на количество патентов, так как выделенные деньги не доходили до сектора исследования или использовались неэффективно и, следовательно, производство не предъявляло должного спроса на исследования. Возможно, именно по этой причине увеличение ЗПИС затормаживающим образом действует на рост экономики (в наших выкладках, приведённых выше).

Для дальнейшего включения в регрессию индекса ЗПИС его необходимо «очистить» от влияния государственных расходов. В итоге регрессия будет выглядеть следующим образом:

$$\text{AGR}_{0709} = 0,0016 \times \text{RES\_IPR\_LOGPUBLIC} - 0,01 \times \text{PUBLIC} + \\ + 1,2057e-10 \times \text{LABOR08} + 1,0244,$$

где RES_IPR_LOGPUBLIC – ЗПИС, «очищенная» от влияния государственных расходов на исследования.

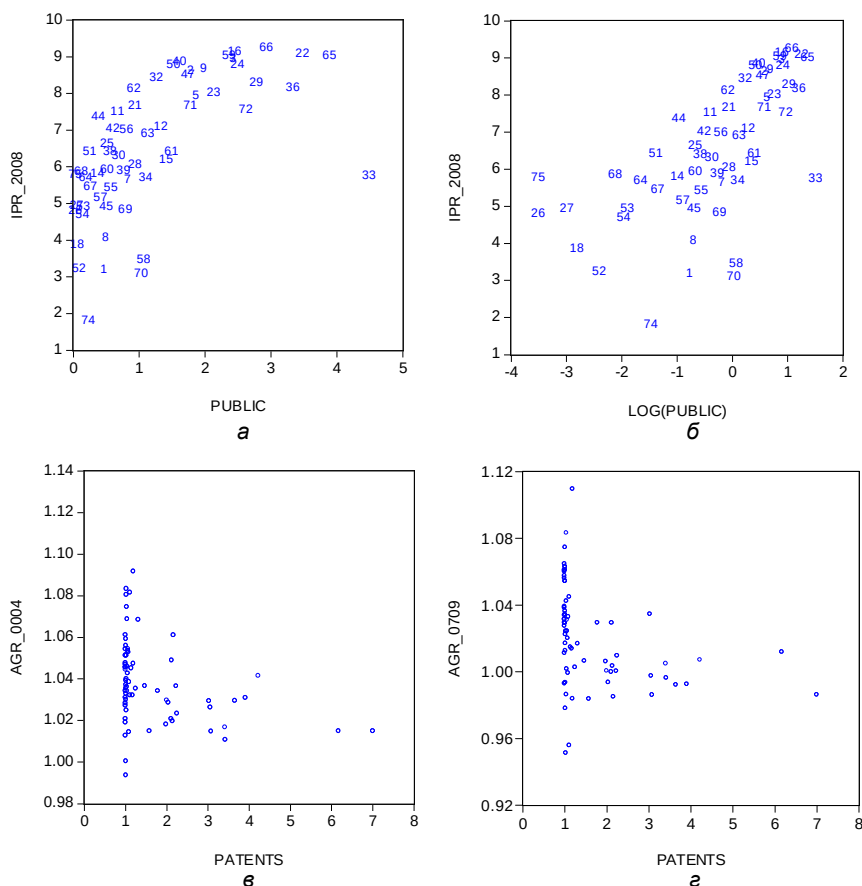

Рис. 5. Логарифм государственных расходов на исследования и разработки в 2008 г., ЗПИС в 2008 г.; среднегодовой темп роста ВВП в 2000-2004 гг. (2007-2009), количество патентов в 2008 г. [1, 4]

В данной ситуации связь между степенью ЗПИС («очищенной») и темпом роста положительная и незначимая.

Таким образом, наши выкладки показывают отрицательные (без учёта государственных расходов) и незначимые взаимосвязи между ЗПИС и темпом роста ВВП. После включения в регрессию таких показателей, как «доля экономически активного населения» и «государственных расходов на исследования», была обнаружена положительная незначимая связь между степенью ЗПИС и темпом экономического роста. Соглашаясь с мнениями зарубежных авторов, мы предполагаем, что защита прав на интеллектуальную собственность может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на рост ВВП. Такие неоднозначные результаты могут быть объяснены сложными прямыми и косвенными связями между степенью ЗПИС и ВВП, что открывает широкое поле для последующих исследований.

Литература

1. Economic Freedom of the World Report. 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.freetheworld.com/2011/reports/world/EFW2011_complete.pdf (дата обращения: 21.04.2011).
2. Falvey R., Foster N., Greenaway D. Intellectual Property Rights and Economic Growth // Review of Development Economics. 2006. Vol. 10, № 4. P. 700-719.

3. Gaisford J., Richardson S. The TRIPS Disagreement: Should GATT Traditions have been Abandoned // The Estey Centre Journal of International Law and Trade Policy. 2000. Vol. 1, № 2. P. 137-170.
4. Global Innovation Index Report. 2009-2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.globalinnovationindex.org/gii/main/previous/2009-10/FullReport_09-10.pdf (дата обращения: 09.05.2011).
5. Gould D., Grouben W. The Role of Intellectual Property Rights in Economic Growth // Journal of Development Economics. 1996. Vol. 48, № 2. P. 232-350.
6. Horii R., Iwaisako T. Economic Growth with Imperfect Protection of Intellectual Property Rights // Journal of Economics. 2007. Vol. 90, № 1. P. 45-85.
7. Thompson M., Rushing F. An Empirical Analysis of the Impact of Patent Protection on Economic Growth // Journal of Economic Development. 1996. Vol. 21, № 1. P. 61-79.
8. World Bank. World Development Indicators. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/data-catalog/world-development-indicators> (дата обращения: 09.05.2011).

АЛЕКСЕЕВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – аспирант кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (simvolika11@mail.ru).

ALEXEEV MIKHAIL YURYEVICH – post-graduate student of Economic Theory, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 339. 13:332.2

В.Ю. АЛЕКСЕЕВ, Н.В. ДЕДУШКИНА

ОСОБЕННОСТИ ДЕВЕЛОПМЕНТА И ДЕВЕЛОПЕРСКИХ ПРОЕКТОВ НА РЫНКЕ НЕДВИЖИМОСТИ РОССИИ

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные проекты, девелоперская деятельность в сфере недвижимости, фазы инвестиционно-строительного процесса, финансирование девелоперских проектов, выбор местоположения объектов недвижимости, управление девелоперскими проектами.

Выявлены характерные особенности девелопмента недвижимости, определено место девелоперской деятельности в инвестиционно-строительном процессе, проанализирована ситуация на рынке недвижимости России, выделены финансовые аспекты в реализации девелоперских проектов, сформулированы выводы, выражающие основные тенденции в реализации инвестиционных проектов.

V.Yu. ALEXEEV, N.W. DEDUSHKINA DEVELOPER FEATURES AND DEVELOPMENT PROJECTS ON THE RUSSIAN REAL ESTATE MARKET

Key words: investment, investment projects, real estate development activities in the sphere of real estate, phase of the investment and construction process, the financing of development projects, the choice of location of objects of the real estate, the Office of development projects.

The author has identified characteristics of development of real estate, defined place development in the investment-building process, analysed the situation on the Russian real estate market, selected financial aspects in the implementation of development projects, formulated conclusions expressing the major trends in implementation of investment projects.

Для многих стран девелопмент означает вид деятельности, когда участники рынка недвижимости вкладывают собственные и/или заемные средства, средства частных инвесторов в развитие недвижимости с целью извлечения коммерческой выгоды.

Аргументация авторов о сущности девелопмента [7], анализ законодательных и литературных источников позволили выявить следующие характерные особенности девелопмента недвижимости:

- существенной характерной чертой девелопмента можно назвать его целевое назначение, направленное на осуществление инвестиций в форме инвестиционных проектов;

- девелопменту соответствует не любая предпринимательская деятельность, а только та, которая связана с реальными преобразованиями объектов недвижимости, в том числе и земельными участками;

- девелоперский проект как инвестиционный процесс неразрывно связан с управленческой деятельностью девелопера или девелоперской компании;

– для характеристики сущности девелопмента обязательным является организация комплексного взаимодействия всех участников девелоперского проекта при ведущей роли инвесторов, его финансирующих.

С учетом вышеизложенного под девелопментом в данном исследовании мы подразумеваем тип инвестиционно-строительной проектной деятельности, который связан с качественным преобразованием объектов недвижимости, целью которого является повышение ценности (стоимости) объекта (рис. 1) [1]. Соответственно, девелопер – это предприниматель, инициирующий и организующий реализацию проектов недвижимости с учетом потребностей рынка недвижимости, интересов собственников, инвесторов, подрядчиков и других участников девелоперского проекта. Следует отметить, что профессиональных девелоперов, осуществляющих продвижение проекта от идеи до продажи (или сдачи в аренду) конечному потребителю, в России до последнего экономического кризиса практически не было. Эксперты объясняют это неразвитостью финансового сектора, отсутствием доступной информации о конъюнктуре рынка, а также сложными и непрозрачными взаимоотношениями бизнеса и власти. Функции девелоперов до сих пор частично выполняют заказчики, частично – строительные организации, выступающие в качестве подрядчиков.

Девелоперские проекты недвижимости относятся к основным понятиям девелопмента. Эти проекты в отличие от других инвестиционных проектов отличаются своими особенностями, делающими их наиболее сложными, прежде всего, с точки зрения привлечения инвестиций. Значительным отличием девелоперских проектов от прочих инвестиционных проектов является то, что они готовятся на продажу/аренду на рынке недвижимости. В условиях конкуренции это предъявляет более высокие требования к их рыночной стоимости, срокам окупаемости, условиям эксплуатации и возможностям перепродажи.

В последние годы в связи со значительным ростом девелоперской деятельности в нашей стране и за рубежом происходит унификация различных типов девелоперских проектов недвижимости. При этом главное внимание уделяется не форме, а конечной цели девелоперского проекта – развитию объектов недвижимости при увеличении их стоимости.

Проблема унификации структуры девелоперских проектов в разных странах решается неоднозначно. Речь не идет о разработке какой-либо типовой, единой для всех видов девелоперских проектов, структуре проекта по каждому типу недвижимости, хотя попытки разработать модельные (примерные) структуры предпринимались неоднократно.

Специалисты, исследуя данную проблему, выделяют следующие этапы реализации девелоперских проектов [6]:

1. Разработка концепции и предварительное рассмотрение проекта.
2. Оценка местоположения и ТЭО проекта.
3. Проектирование и оценка проекта.
4. Заключение контрактов на строительство.
5. Маркетинг, управление и распоряжение результатами.

Следует отметить, что основными фазами инвестиционно-строительного процесса (ИСП) являются:

– прединвестиционная (начальная) фаза, включающая предварительное изучение жизнеспособности проекта¹ (общая информация и концепция проекта, анализ рынка и технологических возможностей, выбор площадки, анализ

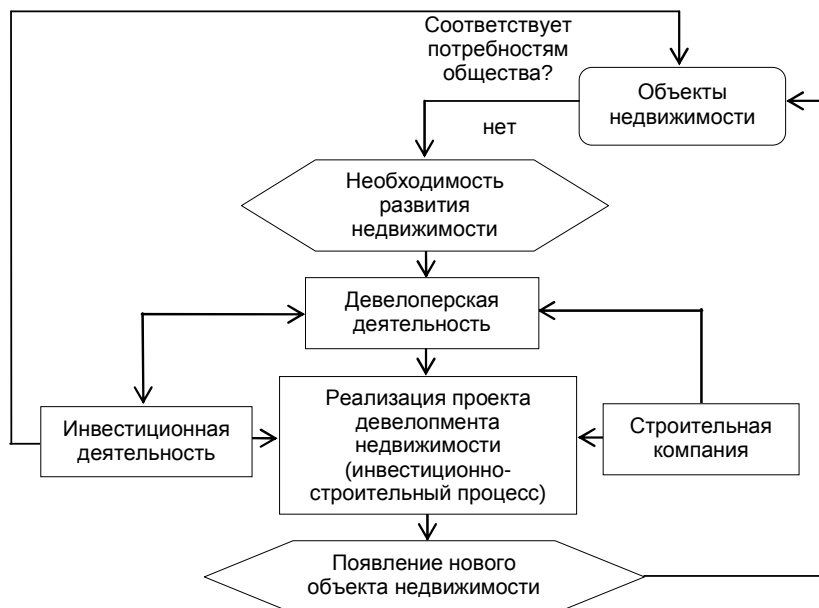
¹ Анализ жизнеспособности проекта проводится до предоставления проекта инвесторам для того, чтобы определить, стоит ли проект дальнейших затрат времени и денежных средств, а также какие существуют источники покрытия всех издержек и получения нормальной прибыли.

материальных факторов производства и трудовых ресурсов, сроки осуществления проекта, предварительная финансово-экономическая оценка);

– инвестиционная фаза, состоящая из трех стадий: планирования, реализации и завершения;

– эксплуатационная фаза, включающая содержание и обслуживание проекта (передача объекта недвижимости владельцу, работа владельца по управлению недвижимостью со стороны пользователя);

– ликвидационная фаза, включающая прекращение и изменение жизнедеятельности проекта (реконструкция, демонтаж) [3].

Место девелоперской деятельности в инвестиционно-строительном процессе [1]

По мнению исполняющего директора ООО «Стройтрансгаз-М» В.И. Малахова [2], в общем случае инвестиционно-строительный процесс представляет собой логическую последовательность этапов реализации ИСП, которую можно сузить до девяти основных позиций: 1) возникновение инвестиционного замысла; 2) наличие возможности финансирования; 3) бизнес-планирование; 4) организация управления инвестиционным проектом; 5) инжиниринг; 6) поставка оборудования и материалов; 7) строительство; 8) эксплуатация; 9) реализация.

Более детальное содержание каждого этапа инвестиционно-строительного процесса и именно такая их последовательность обусловлены приоритетными задачами, которые необходимо решить для перехода к следующему этапу. Например, место анализа возможностей финансирования проекта должно быть именно сразу после возникновения (инициации) инвестиционного замысла, поскольку в отсутствие реальных возможностей финансирования и резервных источников дальнейшие мероприятия теряют смысл. Состав этапов ИСП представляет собой типичные виды работ, детализация которых включает многие подэтапы.

При значительных различиях состава девелоперских проектов эти этапы или их компоненты неизменно в них присутствуют, хотя имеют свои модификации и различаются по множеству факторов. Таким образом, все эти этапы, особенно соседствующие, так или иначе имеют определенные релевантные диапазоны исполнения, которые пересекаются между собой и создают сона-

правленный поток изменений и операций, отделить которые абсолютными границами невозможно.

Следует заметить, что во всех вариантах структуры девелоперских проектов общее содержание и перечень компонентов по вопросам их финансирования примерно одинаковы. Это позволяет основные компоненты, содержащие формы и методы финансирования, рассматривать в рамках специального этапа девелоперских проектов с использованием применяемой в России терминологии.

Не секрет, что до начала кризиса банковское кредитование было основным источником финансирования строительной отрасли. По данным экспертов, объем кредитов, выданных строительным компаниям в 2008-2009 гг., превышал 30% от кредитного корпоративного портфеля коммерческих банков и 15% от кредитного корпоративного портфеля банков с государственным участием. Однако в 2009 г. присутствие коммерческих банков на рынке, привлечение инвестиций в строительные проекты резко сократились по той причине, что отечественные банки, финансирующие девелоперские проекты, столкнулись не только с высоким уровнем долговой нагрузки для девелоперов-застройщиков, но и с резким сокращением выручки последних, а также обесценением предметов залога по кредитам, предоставленным девелоперским компаниям. Итог – практически полная остановка финансирования большинства российских строительных проектов, банкротство ряда девелоперских компаний [4]. С учетом того, что финансовый кризис затронул сектор строительства в наибольшей степени, условия ведения бизнеса в этой отрасли требуют значительных изменений и иного подхода к оценке и реализации девелоперских проектов.

Между тем рассмотрение структуры девелоперских проектов недвижимости, представленных в специальной литературе, показывает, что авторы работ по данной тематике недооценивают роль финансирования. Например, в руководстве по ведению бизнеса авторов А.Б. Фрей и Р.Б. Пейзер в структуре девелоперского проекта предусматривается отдельный этап «Финансирование» [6]. Однако в содержании данного этапа рассматриваются только три традиционных способа финансирования – строительные кредиты, долгосрочные кредиты и собственный капитал. Специальные вопросы финансирования девелоперских проектов, такие как долевое участие в строительстве, выпуск облигаций, векселей, коммерческий кредит и пр., в данном разделе проекта не рассматриваются. Кроме того, не учитывается специфика российской действительности, которая вносит существенные особенности в финансирование девелоперских проектов.

Помимо общих критериев отнесения экономических отношений участников девелоперских проектов к финансовым следует отметить наличие частных критериев, возникающих в рамках реализации девелоперских проектов, прежде всего, как системы управления. Эти критерии исходят из функции управления. К ним относятся: организация, стимулирование, финансовый контроль в той части, в которой они дополняют характеристику финансовых отношений участников девелоперских проектов.

Прежде всего, это относится к организационным формам реализации проектов. Инициатор такого проекта, если он рассчитывает на быстрый успех, должен быть близок к властным структурам. Особенно в части выделения земельных участков. Финансирование крупных проектов, как правило, не под силу отдельным российским банкам. Поэтому более эффективен будет синдицированный кредит. В подобные объединения банков могут входить также фирмы-исполнители проектов. Особенностью можно считать также то, что в России инфляция примерно в 2-3 раза выше, чем в странах с развитой экономикой.

С учетом анализа структуры этапов ИСП и их компонентов попытаемся на основе использования общих и частных критериев выделить те участки проектов, которые содержат финансовые аспекты отношений их участников (табл. 1).

Таблица 1

**Схема основных финансовых отношений,
складывающихся в процессе финансирования девелоперских проектов [5]**

Участники девелоперских проектов	Характеристика финансовых отношений в процессе финансирования
1. Собственник объекта недвижимости	Финансовый интерес собственника объекта недвижимости заключается в развитии объекта недвижимости с целью повышения его стоимости или получения дохода. Собственниками могут быть физические или юридические лица, а также государство
2. Государственные органы	Регулируют и контролируют отношения в сфере недвижимости при проектировании, строительстве и эксплуатации, продаже объектов недвижимости
3. Инвесторы	Юридические или физические лица, приобретающие инвестиционную собственность для себя или другого собственника с целью получения доходов. Это могут быть банки, инвестиционные страховые и пенсионные фонды и иные специализированные финансовые организации
4. Подрядчики	Проектные и строительные организации, обеспечивающие инвестиционный процесс путем проектирования, выполнения СМР и пуско-наладочных работ при реализации девелоперского проекта. Стоимость работ проектных и строительных организаций существенно влияет на финансовые результаты проекта
5. Профессиональные советники	Профессиональные организации и физические лица, консультирующие по специальным и сложным вопросам
6. Конкуренты	Организации, конкурирующие на рынке девелоперских услуг
7. Пользователи недвижимости	Покупатели, арендаторы и другие пользователи недвижимости для которых создавался проект. Именно они дают конечную оценку девелоперскому проекту, покупая предлагаемый объект недвижимости или отказываясь от него

В области финансовых отношений, складывающихся между участниками в ходе финансирования девелоперских проектов, девелопер должен учитывать возможности привлечения источников финансирования, их состав, структуру, рыночную стоимость.

В зависимости от типа создаваемого объекта недвижимости девелопер должен выбрать из всех возможных вариантов финансирования наилучший и разработать схему финансирования девелоперского проекта. Обычно схема финансирования, особенно крупных проектов, представляет собой сложную комбинацию собственных средств девелопера, привлеченных и заемных средств (прежде всего банковского кредита), а также авансовых платежей будущих покупателей или арендаторов.

Таким образом, возникают специальные вопросы по решению финансовых проблем управления девелоперскими проектами, связанных с организацией самофинансирования, финансированием за счет заемных средств, комбинированным финансированием. Девелоперская компания, зная свои финансовые потребности, представляет для себя структуру капитала, к которой ей следует стремиться и которая наиболее вероятна. На каждом этапе развития компания может делать акценты на разные задачи бизнеса (табл. 2).

Стратегия финансирования состоит в том, чтобы путем определенных действий обеспечить закрытие потребности в финансировании и переход от текущей структуры капитала к будущей, по возможности оптимальной. При этом происходит единовременное и параллельное использование различных источников и схем финансирования, рассмотренных выше.

Итак, к наиболее существенным особенностям девелоперских проектов в сфере недвижимости можно отнести следующие:

1. Девелоперские проекты по развитию недвижимости требуют инвестирования значительных сумм, как правило, превышающих по своим размерам совокуп-

ность ресурсов участников проекта (после вложения примерно 10% собственных средств в девелоперский проект девелопер привлекает крупного стратегического инвестора, который берет на себя не менее 25% от 100% стоимости проекта). Следующий этап состоит в привлечении банковского кредита в пределах 25-30% от проектной стоимости. Затем в проект привлекают средства подрядчика, составляющие, как правило, 10% общей сметной стоимости. Недостающий остаток добирается за счет авансов и предарендных платежей клиентов, поиск которых начинается не позже чем при 50%-ной готовности объекта.

2. Девелоперские проекты в большинстве случаев возможно осуществить только при условии привлечения дополнительных внешних финансовых ресурсов.

3. Девелоперские проекты предполагают привлечение финансовых ресурсов на весьма большие сроки в объекты недвижимости, имеющие длительные сроки окупаемости.

4. Длительные сроки реализации девелоперских проектов в условиях неустойчивости или кризиса экономики приводят к неопределенности в достижении конечных финансовых результатов и большим финансовым рискам, которые становятся тем больше, чем больше участников девелоперского проекта оказалось в тяжелом финансовом положении.

5. Одним из ключевых моментов в развитии проекта девелопмента, определяющих доходность инвестиций в недвижимость, является фактор местоположения, который оказывает существенное влияние на конечные финансовые результаты.

6. Создание девелоперских проектов в силу того, что они имеют большое экономическое и социальное значение для отдельных территорий, обязательно должно учитывать социально-экономические программы развития того региона, на территории которого они расположены. Они должны отвечать требованиям потенциальных покупателей и быть конкурентоспособными по отношению к другим предлагаемым на рынке недвижимости проектам.

7. Девелоперский проект, как инвестиционный процесс качественного преобразования недвижимости, неразрывно связан с управленческой деятельностью девелопера и девелоперской организации.

Таблица 2

Соответствие инструментов финансирования задачам деятельности девелоперской компании [5]

Задачи деятельности девелоперской компании	Наиболее подходящие финансовые инструменты
Рост бизнеса	Привлечение стратегического или финансового инвестора в долю
Приобретение активов без единовременного отвлечения собственных средств	Долгосрочное кредитование
Финансирование текущих потребностей	Кредиты различных форм
Ускорение взаиморасчетов, повышение ликвидности	Факторинг
Усиление экономической безопасности компании	Финансирование из внутренних источников, эмиссия акций, выпуск облигаций
Управление дебиторской задолженностью	Факторинг, коммерческий кредит
Формирование дополнительных финансовых потоков от освоения новых видов деятельности	Беззалоговое кредитование, проектное финансирование
Управление кредиторской задолженностью	Коммерческий кредит
Устранение сезонности	Краткосрочное кредитование

Из всего вышесказанного видно, что реализация инвестиционных проектов по развитию недвижимости связана с многообразными рисками, а их успешность зависит от профессиональности подхода к решению таких проблем, как выбор местоположения и характеристик создаваемого объекта недвижимости, привлечение финансовых ресурсов, организация процесса реализации проекта и т.д.

Литература

1. Бельчинская Е.Н. Управление инвестированием проектов развития объектов недвижимости: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2011.
2. Малахов В.И. Контрактные модели реализации инвестиционно-строительных проектов [Электронный ресурс]. URL: http://www.cfin.ru/investor/contract_models.shtml.
3. Руднев А.В. Стратегия управления недвижимым имуществом. М.: Юго-Восток Сервис, 2006. 236 с.
4. Семкичев О.В. Финансирование девелоперских проектов с помощью банковского кредитования и средств закрытых паевых инвестиционных фондов недвижимости // Управление финансовыми рисками. 2010. № 10.
5. Тютченко А.А. Формирование стратегии финансирования инвестиционно-строительных проектов: дис. ... канд. экон. наук. М., 2010.
6. Фрей А.Б., Пейзер Р.Б. Профессиональный девелопмент недвижимости. М.: Urban Development Publishing, 2004.
7. Цивилизованный девелопмент // Ведомости. 2003. 29 сент.

АЛЕКСЕЕВ ВИКТОР ЮРЬЕВИЧ – кандидат экономических наук, руководитель проектов управления корпоративных кредитных рисков, Абсолют-Банк, Россия, Москва (vikt_val2005@mail.ru).

ALEXEEV VIKTOR YURYEVICH – candidate of economics sciences, project Manager Office of corporate credit risk, Absolut Bank, Russia, Moscow.

ДЕДУШКИНА НЕЛЛИ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dinelli_54@mail.ru).

DEDUSHKINA NELLI VLADIMIROVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Economic Theory Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 332.1:005.336.4

Л.А. АЛЯКИНА

СУЩНОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ АКТИВОВ РЕГИОНА

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, нематериальные активы региона, конкурентоспособность региона, функции интеллектуальной собственности.

Обоснована сущность интеллектуального потенциала как фактора формирования и развития нематериальных активов региона. Предложено определение и классификация нематериальных активов региона на основе авторского понимания интеллектуального потенциала. Рассмотрен один из подходов к формированию оценки и комплексной программы развития нематериальных активов региона на основе семи функций интеллектуальной собственности.

L.A. ALYAKINA

ESSENCE OF INTELLECTUAL POTENTIAL AS PART OF THE INTANIBLE ASSETS OF A REGION

Key words: intellectual potential, intangible assets in the region, competitiveness of the region, function of intellectual property.

The essence of intellectual potential is justified as a factor in the formation and development of a region's intangible assets. Definition and classification of a region's intangible assets suggest intellectual potential to the understanding of the author. One of the approaches to the development and evaluation of an integrated program for the development of intangible assets in the region is considered based on the seven functions of intellectual property.

Общепризнано, что на современном этапе социально-экономического развития интеллектуальные ресурсы приобретают все большую значимость. Это обусловлено несколькими факторами: во-первых, практически полной капитализацией легко осваиваемых природных ресурсов и сокращением доли дешевых трудовых ресурсов; во-вторых, увеличивающимся объемом наукоемкой продукции; в-третьих, высоким уровнем конкуренции в условиях глобализации экономики. Вследствие этого, в современных условиях приоритетным направлением экономических преобразований в России и в ее регионах является форми-

рование нового характера экономики, к числу ключевых факторов которого относят эффективность использования нематериальных активов и интеллектуального потенциала. Важно при этом уяснить суть, место и роль интеллектуального потенциала в формировании и развитии нематериальных активов.

Анализ литературных источников и научных публикаций позволяет сделать вывод о развитии понятия интеллектуального потенциала, а вместе с ним нематериальных активов, от уровня человека к уровню общества. Сначала на уровне индивида фигурирует человеческий капитал, характеризующийся как генными способностями и возможностями, так и приобретенными уровнем образованности, опытом и квалификацией. На следующем, более высоком уровне рассматривается интеллектуальный потенциал организации как один из источников ее стабильного существования в современном экономическом укладе. Наконец, на уровне общества внимание концентрируется на интеллектуальном потенциале страны (региона) в контексте степени его влияния на экономический рост отдельных территорий.

Ранее в статье [1] мы определили *интеллектуальный потенциал* общества (страны, региона) как *способность* и *возможность* предугадывать направление развития общества и формировать траекторию его развития к намеченной цели. В более узком понимании *интеллектуальный потенциал* некоторого субъекта (региона, предприятия, личности) был определен как *способность* и *возможность* выбрать рациональный путь деятельности к достижению экономической выгоды.

Вышеприведенное определение интеллектуального потенциала позволяет определить понятие *нематериальных активов региона* как разновидности ресурсов, которые формируются и развиваются посредством реализации интеллектуального потенциала, не имеют материальной формы и, по своей сути, дают региону реальную или потенциальную возможность достижения экономической выгоды и конкурентных преимуществ.

Обсуждению понятия нематериальных активов региона посвящен ряд научных работ, среди которых можно выделить следующие [3, 4, 5, 7], авторы которых, в принципе, определили основные структуры нематериальных активов региона. В свою очередь, знание основных структур нематериальных активов позволило нам провести их классификацию в соответствии с выработанным нами определением интеллектуального потенциала (таблица). Стоит отметить, что выполненная классификация нематериальных активов региона является в достаточной степени лаконичной и позволяет структурировать исследуемое понятие по факторам структуризации интеллектуального потенциала С, D, E, F, G, H, подробное описание которых приведено в работе [1]. Кроме того, предложенная классификация, в случае удачного выбора соответствующих показателей, позволит оценить уровень *способности* и *возможности* региона к достижению поставленных экономических целей. Следует заметить, что при этом особое внимание необходимо уделить факторам G и H, характеризующим нереализованные интеллектуальные ресурсы, представляющие дополнительный источник роста благосостояния региона.

Таким образом, *интеллектуальный потенциал*, формируя и развивая нематериальные активы, охватывает понятия, связанные со способностью и возможностью региона выбрать рациональный путь развития к достижению экономических целей и выгод. В этом состоит его макроэкономическая значимость. На микроэкономическом уровне рассмотрение интеллектуального потенциала позволит разработать ряд методик оценки нематериальных активов.

Актуальность разработки комплексного показателя для оценки потенциала региона, в том числе и его интеллектуальной составляющей, в настоящее время достаточно высока. К одной из самых сложных задач любой методики оценки относится выбор набора показателей. Выбор избыточного числа показателей

может привести к потере простоты и однозначности трактовки полученного результата. Недостаток же числа показателей может лишить методику учета влияния отдельных факторов и, тем самым, нарушить комплексность подхода.

Классификация нематериальных активов региона

Классификационные группы	Интеллектуальный потенциал		
	Интеллектуальный капитал		
	Человеческий капитал		
Факторы группы Способности региона	С	Е	Г
	– знания; – компетенции; – энергичность; – креативность	– капитализированная интеллектуальная собственность, патенты, авторские права и другие объекты интеллектуальной деятельности; – предоставляемые консультационные услуги научного характера, включая креативные	– некапитализированная интеллектуальная собственность, патенты, авторские права и другие объекты интеллектуальной деятельности; – неприватизированные и/или нетрансформированные в интеллектуальную собственность интеллектуальные ресурсы
Факторы группы Возможности региона	Д	Ф	Н
	– занятость; – образованность; – биофизическая составляющая (здоровье)	– действующие стратегии и комплексные программы регионального развития; – действующие информационные и коммуникационные сети и системы; – используемые информационные ресурсы; – организационная культура, включая репутацию региона	– проекты новых стратегий и комплексных программ регионального развития; – проекты информационных и коммуникационных сетей; – организационное развитие на региональном уровне; – проекты бренда региона

Как было указано, основная роль интеллектуального потенциала как социально-экономической категории состоит в том, что он участвует в формировании и развитии нематериальных активов, в том числе на уровне региона. Поэтому при решении различных задач на региональном уровне необходимо выбрать наиболее подходящий к данному случаю подход к оценке не только его интеллектуального потенциала, но и имеющихся нематериальных активов. Задача оценки нематериальных активов в денежном выражении достаточно сложная, но решаемая. Поскольку в ряде случаев оценка в денежном выражении не всегда осуществима, кроме количественных методов следует использовать другие подходы к оценке нематериальных активов региона.

По нашему мнению, к вопросу определения критерия оценки региональных нематериальных активов следует подойти с точки зрения развития конкурентоспособности региона. Действительно, ранее было выяснено, что интеллектуальный потенциал является одной из основных составляющих конкурентного потенциала региона [2]. В то же время интеллектуальный потенциал формирует и развивает нематериальные активы. Поэтому, следуя логике, уместно считать критерием оценки нематериальных активов региона соответствие их факторам конкурентоспособности региона. Выясним, что можно отнести к таким факторам.

В работе известного экономиста Б.Б. Леонтьева «Семь функций промышленной собственности в управлении бизнесом» обозначены функции интеллектуальной собственности, которые формируют конкурентные преимущества на уровне конкретного бизнеса. К ним относятся: техническая функция, обеспечивающая особые потребительские свойства продукта производства; технологическая функция, обеспечивающая технологическое превосходство над конкурентами; правовая функция, обеспечивающая стабильную правовую защищенность бизнеса; экономическая функция, обеспечивающая управление

капиталом в целях устойчивого извлечения сверхприбыли и наращивания его стоимости; социологическая функция, обеспечивающая идентификацию бизнеса в сознании потребителя на основе брендовой стратегии; психологическая функция, обеспечивающая формирование корпоративной культуры творчества в конкретной бизнес-среде; общеорганизационная функция, являющаяся интеграцией шести вышеназванных функций [6].

По нашему мнению, перечисленные функции можно интерпретировать к условиям региона и использовать их в качестве критерия оценки влияния нематериальных активов на уровне регионального развития. В этом случае будут учитываться не только существующие на данный момент времени факторы конкурентоспособности региона, но и проецируемые в будущее идеи и инновации, формирующие новые компетенции и стратегии, оптимизирующие и развивающие способности и возможности региона при выборе рационального пути к достижению поставленных экономических целей.

Осуществим попытку привязать содержательность вышеназванных функций применительно к региону. Итак, первая, *техническая* функция рассматривается как средство наделения товара особыми свойствами. В случае осуществления региональной политики ее смысл должен сводиться к возможности предложения и разработки особо ценных идей, направленных на решение как стоящих перед регионом насущных проблем сегодняшнего дня, так и будущего развития региона.

Вторая, *технологическая* функция, обеспечивающая технологическое превосходство над конкурентами, при использовании ее на уровне региона будет касаться технологической проработки осуществления конкурентных идей, предложенных для решения настоящих региональных задач и проблем регионального развития.

Третья, *правовая* функция в случае ее реализации на уровне региона должна способствовать решению задач правового регулирования, возникающих при инвентаризации, приватизации и капитализации региональных интеллектуальных ресурсов. Кроме того, эта функция должна поддерживать методы правовой поддержки разного рода авторских прав и системы гарантий получения дохода за использование региональной интеллектуальной собственности.

Четвертая, *экономическая* функция должна обеспечивать непрерывную процедуру налогового регулирования капитализации интеллектуальной собственности в целях увеличения поступлений в бюджет региона.

Пятая, *социологическая* функция должна способствовать поддержке брендовой составляющей региона, формированию его положительного имиджа в глазах населения, партнеров, инвесторов и других целевых аудиторий, взаимодействующих с региональными структурами.

Шестая, *психологическая* функция при реализации ее на уровне региона должна способствовать росту региональной организационной культуры, культуры творчества и мышления, ответственности перед обществом за последствия предложенных идей и инноваций.

Наконец, седьмая, *интегральная* функция должна увязать действие всех остальных шести функции при условии создания действенной системы мотивации, что в конечном итоге должно привести к формированию креативного класса как новой формации развивающегося общества знаний на региональном уровне.

В качестве практической рекомендации на основе вышеперечисленных функций возможно составление комплексной программы развития нематериальных активов региона.

Литература

1. Алякина Л.А. Механизм оценки развития интеллектуального потенциала региона // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 315-320.
2. Алякина Л.А. Разработка функциональной модели конкурентного потенциала региона // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 291-296.

3. Домнин В.Н. Доверие, привлекательность и риск – главные движущие силы нематериальных активов региона [Электронный ресурс] // Стратегическое планирование в регионах и городах России: материалы VII общероссийского форума лидеров стратегического планирования. Санкт-Петербург, 2008. URL: <http://www.2008.forumstrategov.ru/rus/doc.html> (дата обращения: 01.07.2011).

4. Кравчук А.Ю., Махалова А.И. Нематериальные активы как основа концепции стратегического регионального развития // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2011. № 1, т. I. С. 66-70.

5. Ларионова Н.И. Механизмы управления нематериальными активами региона // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. № 2. С. 109-112.

6. Леонтьев Б.Б. Семь функций промышленной собственности в управлении бизнесом [Электронный ресурс] // Экспоцентр: сайт. URL: http://www.expo-priority.ru/common/img/uploaded/exhibitions/expo-priority/docs/B.B.Leontev/Sem_funktsiy_promyshlennoy_sobstvennosti_v_upravlenii_biznesom.doc (дата обращения: 20.10.2011).

7. Ощепков В.М. Нематериальные корпоративные активы субъекта Федерации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Пермь, 2011. 24 с.

АЛЯКИНА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – старший преподаватель кафедры информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (la_alyakina@mail.ru).

ALYAKINA LUDMILA ALEKSANDROVNA – senior teacher of Information Systems Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 330.341.44:338.46

Е.В. ВОЛОВАЯ, О.В. АСМУС

РАЗВИТИЕ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Ключевые слова: социальная сфера, конкуренция, государственно-частное партнёрство, социальные услуги.

Определены основные направления формирования рынка социальных услуг на современном этапе. Проанализированы обстоятельства, затрудняющие формирование рынка социальных услуг. Рассмотрена необходимость создания управляемого рынка социальных услуг путём развития негосударственной некоммерческой системы социального обслуживания населения, изучены проблемы организации предоставления социальных услуг, нормативно-правового регулирования рынка социальных услуг. Предложены практические рекомендации по его формированию.

E.V. VOLOVAYA, O.V. ASMUS

DEVELOPMENT OF COMPETITION IN THE MARKET OF SOCIAL SERVICES

Key words: social area, competition, public-private partnership, social services.

The authors have determined the main directions of present-day social services organization. The article analyzes the circumstances that complicate the present-day organization of social services. The authors consider the necessity of creating a controlled social services market through non-state and non-commercial social operation development, the problems of providing social services, and the legal base of social services market regulation. The authors offer practical recommendation for forming it.

Социальная сфера традиционно является той сферой деятельности, которая отвечает за реализацию преимущественно социальной политики регионов. При этом обязательно существуют проблемы, не зависящие от политики и социально-экономического развития, касающиеся конкретных проблем, к примеру: болезни, наркомания, безработица. Рынок социальных услуг как раз и отражает те аспекты социальных отношений, которые помогают кому-либо выйти из трудной ситуации с наименьшими последствиями.

На рынке бюджетных социальных услуг конкуренция развита крайне слабо (в некоторых его крупных сегментах она практически отсутствует): монополиями поставщиками услуг являются государственные или муниципальные учреждения. Слабая или нулевая конкуренция определяется отсутствием альтернативных поставщиков услуг, которыми потенциально являются коммерческие и некоммерческие организации.

Степень конкуренции в области предоставления социальных услуг зависит от конкретной отраслевой группы услуг и социально-экономических характеристик региона. Более успешно конкуренция развивается в тех отраслях, где существует платежеспособный спрос населения на услуги (медицина, образование, культура), позволяющий развиваться альтернативным поставщикам, не зависящим от бюджетных ресурсов. Конкуренция характерна для крупных городов, где некоммерческие и коммерческие структуры способны конкурировать с муниципальными и государственными учреждениями.

В отраслевых сегментах социальной сферы, где услуги предоставляются неплатежеспособным или низкоплатежеспособным потребителям (социальное обслуживание, реабилитация инвалидов и т.д.), конкуренция развита слабо или отсутствует.

Для решения данной проблемы необходимо создать управляемый рынок социальных услуг путём развития негосударственной некоммерческой системы (ННС) социального обслуживания. ННС будет играть значительную роль там, где нужно изменить мировоззрение или нужна индивидуальная услуга. Приоритетной целевой группой для НСС являются молодежь, подростки, пожилые люди и инвалиды.

В настоящее время существует ряд обстоятельств, затрудняющих формирование рынка социальных услуг. Несовершенство нормативной правовой базы, а также непроработанность методик расчета количественных норм и нормативов в области социального обслуживания не позволяют осуществлять полноценный контроль за негосударственными организациями и предприятиями, а также частными лицами, деятельность которых связана с предоставлением социальных услуг. Поэтому параллельно с методологическими и практическими разработками должна активно формироваться и совершенствоваться соответствующая нормативно-правовая база.

Действенным механизмом развития конкуренции на рынке социальных услуг является государственно-частное партнёрство либо управляемое предпринимательство. В его основе должны лежать проекты по отработке новых социальных технологий и подходов в сфере социальных услуг, а также расширение спектра услуг с предоставлением по данному направлению грантов. За счет средств грантов необходимо создавать экспериментальные площадки с получением статуса региональных центров. Впоследствии на площадках должны будут совместно реализовываться новые модели и механизмы. Сегодня бизнес играет заметную роль в финансировании социальных проектов негосударственной некоммерческой системы, поскольку они демонстрируют высокую эффективность. Для бизнеса очень привлекательны минимальные общие издержки, прямая адресная помощь и исключение многоуровневых согласований. Система конкурсного отбора проектов и хорошо отлаженные процедуры экспертизы, отчетности, мониторинга и оценки проектов, умение формулировать задачу и планировать деятельность для достижения результатов достаточно хорошо освоены некоммерческим сектором и позволяют наиболее эффективно использовать ограниченные ресурсы.

Социальные услуги населению в Ульяновской области реализуются в рамках постановления Правительства Ульяновской области от 28.02.2011 г. № 78-П «О предоставлении социальных услуг населению Ульяновской области».

В Ульяновской области функционируют 26 государственных учреждений социального обслуживания населения, в том числе:

– 11 учреждений для граждан пожилого возраста и инвалидов: 1 геронтологический центр, 2 дома-интерната общего типа, 2 специальных дома-интерната, 3 психоневрологических интерната, 1 детский дом-интернат для глубоко умственно отсталых детей, 2 реабилитационных центра для пожилых граждан и инвалидов; 10 функционируют в форме автономных;

– 8 специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации: 2 социальных приюта для детей и подростков и 6 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних;

– 2 реабилитационных центра для детей и подростков с ограниченными возможностями;

– 1 центр социально-психологической помощи семье и детям;

– 1 специальное (коррекционное) профессиональное училище;

– 3 центра социального обслуживания населения, в том числе 1 комплексный.

В целях частичного решения проблемы перегруженности учреждений в Ульяновской области приступили к разработке предложений по организации стационарного социального обслуживания негосударственными службами.

Предоставление социальных услуг в нестационарных и полустационарных формах в Ульяновской области осуществляют 3 центра социального обслуживания.

Отделениями надомного обслуживания за I квартал 2011 г. обслужено 4535 человек.

Стационарозамещающие технологии отражены в Комплексной программе повышения качества жизни граждан пожилого возраста в Ульяновской области на 2011-2013 гг.

С 2011 г. в области внедряются инновационные формы социального обслуживания пожилых граждан, такие как:

– услуги сиделок для граждан, требующих постороннего ухода. Это не надомное обслуживание, а дополнительные услуги социальных работников негосударственных агентств за счёт бюджетных субсидий, которые обеспечивают уход за гражданами отдельных категорий, таких как – инвалиды, участники войны, труженики тыла, одинокие пенсионеры, члены семей, состоящих из пенсионеров, утративших способность к самообслуживанию и уходу друг за другом, и др.;

– в настоящее время разрабатывается план мероприятий по реализации стационарозамещающих технологий в Ульяновской области в пилоте «Тревожная кнопка» в формате частно-государственного партнёрства по опыту г. Санкт-Петербург;

– мобильная бригада – оказание выездной помощи мультидисциплинарной группой специалистов и сотрудников социальных служб.

Проекты «приёмная семья» и «социальное такси» уже реализуются в Ульяновской области, необходимо их дальнейшее развитие.

Среди инноваций в социальном обслуживании на дому планируется предоставление дополнительных социальных услуг таких как, «социальный парикмахер на дому», «социальный туризм», создание клубов скандинавской ходьбы.

На данный момент главной задачей является разработка механизмов организации частно-государственного партнёрства в сфере предоставления социальных услуг. Чтобы побудить негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации прийти на рынок социальных услуг необходимо создать условия и разработать соответствующее законодательство.

Решение поставленных задач необходимо осуществлять поэтапно.

I этап: внедрение механизма государственного задания на оказание социальных услуг;

II этап: перевод областных государственных бюджетных учреждений социального обслуживания населения области в автономные;

III этап: создание механизмов, регулирующих деятельность социальных служб независимо от организационно-правовой формы, в том числе обеспечение передачи в соответствии с законодательством части функций государственных органов по социальному обслуживанию населения негосударственным учреждениям социального обслуживания и общественным организациям;

IV этап: внедрение системы государственного заказа на оказание социальных услуг.

Социальное развитие невозможно без привлечения негосударственных ресурсов, поэтому деятельность негосударственной некоммерческой системы в данном случае имеет особое значение и должна обеспечивать механизм привлечения негосударственных ресурсов.

Значительная роль и наличие качественной информации о деятельности негосударственной некоммерческой системы на рынке социальных услуг позволяют власти принимать верные решения и эффективно влиять на социальное развитие в регионе.

Литература

1. Толмасова А.Л. Социальный заказ в регионах России: проблемы и перспективы. М.: САФ России, 2005. 198 с.

2. Яковлев Е.А., Иванова А.М. Организация бизнес-образования региона для инновационной экономики // Актуальные проблемы экономической теории и региональной экономики. 2011. № 1, янв.-март.

ВОЛОВАЯ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат экономических наук, заместитель директора, начальник отдела оценки стратегического развития и экономической эффективности, Управление департамента развития экономики и предпринимательства Министерства экономики Ульяновской области, Россия, Ульяновск (evolovaia@mail.ru).

VOLOVAYA ELENA VLADIMIROVNA – candidate of economical sciences, associate director in department of economy and business development, Ministry of economy, Russia, Ulyanovsk.

АСМУС ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор экономических наук, министр экономики Ульяновской области, Россия, Ульяновск (olegasmus@yandex.ru).

ASMUS OLEG VLADIMIROVICH – doctor of economical sciences, minister of economy in Ulyanovsk region, Russia, Ulyanovsk.

УДК 332.122

И.П. ДАНИЛОВ, Л.А. ЕМЕЛЬЯНОВА, Л.Н. БЫКОВА

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Ключевые слова: конкуренция, конкурентоспособность, социокультурные факторы, организационная культура, ценности, традиции, корпоративизм.

На повышение конкурентоспособности организации влияет множество факторов. Корпоративная культура является основным социокультурным фактором конкурентоспособности организации. Корпоративная культура рассматривается как нематериальный актив, косвенно влияющий на повышение конкурентоспособности любой организации любой сферы деятельности и любой формы собственности. Она выполняет функцию поддержания конкурентной стратегии, побуждает персонал к достижению высоких результатов деятельности, способствует конструктивному поведению работников.

I.P. DANILOV, L.A. EMEL'YANOVA, L.N. BYKOVA
CORPORATE CULTURE AS THE BASIC SOCIOCULTURAL FACTOR
IN THE COMPETITIVENESS OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

Key words: competition, competitiveness, social and cultural factors, organizational culture, values, traditions, corporativism.

An increase in an organization's competitiveness is influenced by a set of factors. The corporate culture is the basic social and cultural factor in the competitiveness of the organization. The authors examine corporate culture as a non-material activity with indirect influence on the increasing competitiveness of any organization in any field of activity and with any pattern of ownership. Corporate culture carries out functions of maintenance of competitive strategy, drives personnel to achieve good results of activity, and facilitates constructive behavior of workers.

Корпоративная культура является основным социокультурным фактором повышения конкурентоспособности промышленного предприятия. В то же время корпоративная культура рассматривается как нематериальный актив, кос-

венно влияющий на повышение конкурентоспособности любой организации любой сферы деятельности и любой формы собственности. Корпоративная культура выполняет функцию поддержания конкурентной стратегии, побуждает персонал к достижению высоких результатов деятельности, тем самым способствует повышению конкурентоспособности организации. Необходимо отметить, что чаще всего понятия «организационная культура» и «корпоративная культура» используются как синонимы. Принадлежность к определенной корпоративной культуре вырабатывает установку «мы», «внутриорганизационный дух», когда все сотрудники организации воспринимаются как свои, а не как чужие.

Корпоративная культура рассматривается как одна из субкультур, в которой находят свое специфическое выражение все основные элементы культуры общества: представления, символы, ценности, идеалы, образцы поведения и т.д. Рассмотрим процессы конкуренции в тех странах, для которых она является естественным условием функционирования предприятий множество десятилетий. Конкуренция в США пронизывает деловую сферу, где соревнуются все и всегда. Для достижения успеха в Америке необходимо выполнить свою работу лучше всех остальных. В США работники оцениваются, прежде всего, по результату деятельности. Они соревнуются друг с другом для получения более высокой зарплаты, награды и т.д. Американцы полагают, что люди будут конкурировать друг с другом, когда награда за выигрыш ограничена, т.е. достанется кому-то одному. Этот факт подтверждает возникновение конкуренции в условиях ограниченности средств. Американский специалист по менеджменту И. Олстон в монографии «Американский самурай: практика управления в США и Японии» (1986) следующим образом описывает систему конкуренции в США. Американцы рассматривают конкуренцию как конкурс, проходящий под девизом: «Выигравший получает всю сумму, проигравший – ноль». Иначе говоря, победа одного – это поражение другого. Американский рабочий находится в ситуации постоянной конкуренции с другими рабочими. Американцы ценят профессионализм во всех областях. Менеджерам конкуренция представляется необходимым условием социального и личного развития, поскольку высоких должностей и наград меньше, чем претендентов на них. Здесь конкуренции отводится роль одного из ведущих факторов мотивации профессиональной деятельности. Однако присутствуют негативные явления, которые сопровождают конкуренцию. Автор приводит некоторые из них в предыдущем разделе исследования. Чрезмерный акцент на конкуренции вреден для организации в целом. Вместе с тем большинство американцев продолжает считать, что конкуренция должна поощряться в бизнесе, ее преимущества перевешивают недостатки, хотя специалист в области менеджмента И. Олстон, полагает, что стратегия всеобъемлющей конкуренции ошибочна.

Растущий объем японского экспорта, разнообразие и высокое качество японских изделий вынуждают американских менеджеров сегодня пересмотреть свою практику управления производством. По мнению А. Мориты, принципиальные просчеты американцев кроются в области психологии менеджмента: «...Тотальная логика американских школ бизнеса кажется холодной, принижающей значение человеческого фактора» [2. С. 279]. К такому же выводу пришли и американские специалисты, признавая, что использование человеческого фактора в управлении является наиболее слабым местом американского менеджмента [2]. Система японского менеджмента, ориентированная на обеспечение качества продукции, ее международную конкурентоспособность, основана на социальных ценностях и культурных традициях, принятых в этой стране, а также с учетом географического положения. Японская культура основана на первичности интересов группы и вторичности интересов личности, коллекти-

визме, проявляющемся в согласии и гармонии взаимоотношений с коллегами по работе. Территория Японии бедна природными ресурсами. Дефицит сырья заставляет японцев закупать его за рубежом. Современная японская экономика движется по схеме: импорт сырья – переработка – производство продукции – экспорт конечного продукта высокого качества. Японские менеджеры заимствуют все самое ценное из общемировой теории и практики, прежде всего – американской. Специфика японского менеджмента принципиально отличается от американской и характеризуется доминирующей ориентацией на человеческий фактор. Японские менеджеры учитывают и активно используют исторически сложившийся менталитет японского народа, такие национальные черты, как трудолюбие, высочайшая дисциплинированность, взаимопомощь, обязанность, сотрудничество и коллективизм. Менеджеры и рабочие считают своим патриотическим долгом экономическое развитие страны, ее конкурентоспособность. Й. Олстон, проанализировав деятельность различных японских компаний, формулирует пять следующих основных принципов японского менеджмента, обеспечивающих конкурентоспособность компании:

- рабочий достаточно разумен, чтобы самостоятельно увеличивать производительность и качество своего труда, чему способствуют кружки качества, совершенствование профессиональных умений и навыков, ротация кадров;

- рабочий стремится сделать свою работу лучше, в этих целях реализуется пожизненный наем работников и премирование рабочих в случае повышения прибылей фирмы;

- рабочие образуют «семью», единое социальное целое, чему способствуют поддержка и помощь новичкам, проведение совместных досуговых мероприятий, взаимные обязательства фирмы и рабочих;

- группа важнее отдельной личности. Этот принцип основан на традиционной японской ценности: успех фирмы рассматривается как результат усилия группы, а не отдельного человека;

- партнерство и сотрудничество в производственных отношениях.

Сотрудничество рассматривается как традиционная ценность японского народа и необходимая предпосылка благосостояния нации. Новички при поступлении на работу в фирму изучают историю, цели, гимн фирмы с целью формирования корпоративного духа, лояльности и решимости работать на благо фирмы. Японцы убеждены, что гармония целого, группы или фирмы, более важна, чем разрушение этого целого и победа одной стороны над другой. Они считают, что конфликты и личная конкуренция вредны, так как приводят к ослаблению групповой гармонии и сотрудничества. Японские менеджеры на первое место в своей работе ставят проблему формирования благоприятного социально-психологического климата в группе подчиненных. Здесь менеджер должен владеть тремя умениями: строить отношения сотрудничества, партнерства, согласия в среде своих подчиненных; организовывать коллективное принятие решения; быть лидером группы.

Длительное игнорирование в нашей стране конкуренции не создало предпосылок для формирования опыта взаимодействия субъектов деятельности в этих условиях. В результате к началу 1980-х гг. советская экономика стала одной из самых высокомонополизированных в мире. В настоящее время государством приняты конкретные меры по демонаполизации и развитию конкуренции, что позволит сократить разрыв между Россией и развитыми капиталистическими странами в области теории и практики конкуренции и конкурентных отношений. Наиболее существенным изменением в экономике и социальной политике следует считать утверждение частной собственности и появление рынка труда и новых отношений между работодателями и наем-

ными работниками. С появлением названных институтов изменились отношения внутри персонала организаций и ценностные ориентации, которые лежали в их основе, а вместе с ними и то социально-психологическое обеспечение, которое придавало им определенный смысл. От знания и понимания этих явлений во многом зависит не только социально-психологический климат в трудовых группах, но и эффективность менеджмента, а самое главное – успешность функционирования организации в условиях конкуренции.

Сопоставительный анализ японской и американской моделей конкуренции позволил сделать вывод, что американская и японская модели демонстрируют два крайних подхода, основу которых составляют индивидуализм и коллективизм. Согласно Г. Хофштеде [2], «индивидуализм» и «коллективизм» – две крайние формы отношения, отражающие характер связи индивида и группы, одна из которых может преобладать в организационной культуре. Р.В. Гордеев предложил рассматривать «индивидуализм» и «коллективизм» не как противоположные полюса одного отношения, а как два содержательно различных свойства, которые могут быть положены в основу типологии национальной культуры, естественно проявляющейся в организации как ее подсистеме [2]. «Индивидуализм» характеризует способы достижения человеком своих целей в условиях его функционирования в сообществе, крайние полюса которого – «атомистический индивидуализм» (когда человек при достижении собственных целей не принимает во внимание интересы других людей) и «взаимообусловленный индивидуализм» (когда человек при реализации своих целей учитывает ограничения, накладываемые на него другими). «Коллективизм» охватывает все формы коллективизма от «строгого» до «гибкого» коллективизма. «Гибкий коллективизм» допускает известную степень добровольного принятия индивидом групповых норм и ценностей. «Строгий коллективизм» ограничивает активное индивидуальное волеизъявление и участие. Р.В. Гордеев культуру Японии рассматривает как комбинацию «взаимообусловленного индивидуализма» и «гибкого коллективизма», культуру России – как сочетание «взаимообусловленного индивидуализма» и «строгого коллективизма». Причины утверждения в российской корпоративной культуре ценностей и норм «строгого коллективизма» заключаются в ее исторических, географических особенностях. Суровые природные условия России побуждали использовать коллективные формы трудовой деятельности; сплоченность группы ставилась выше самореализации личности и др. Соборность как особенность национальной культуры и организации деловой жизни трансформировалась в принципы «строгого коллективизма».

Было бы неоправданным и бесперспективным пытаться перенести на отечественную почву модель американской и японской конкуренции. Однако не исключается заимствовать, критически осмыслив, все то рациональное и приемлемое для российских условий, что было накоплено за рубежом. Исходным пунктом должно стать обращение к собственному историческому опыту, особенностям национальной психологии, тем традициям и ценностям, которые веками складывались в России. Конкуренция в России должна формироваться с опорой на ряд приоритетных ценностей, к числу которых автор относит: сотрудничество и согласие в обществе; профессионализм и мастерство; коллективизм и взаимопомощь; духовность и психическое здоровье в основе деловой и поведенческой практики; справедливость, основанную на понимании и принятии правовых норм; высокие нравственно-этические принципы.

Изучению корпоративной культуры были посвящены работы С. Аргериса, Блейка, К. Камерона и Р. Куинна, Р. Килмена, К. Левина, Д. Макгрегора, В. Оучи, Т. Питерса, Р. Рюттингера, Р. Уотермена, М. Хатча, Е. Холла, Э. Шейна и др. Широко известны работы российских ученых, рассматривавших вопросы кор-

поративной культуры в рамках концепции управления человеческими ресурсами: В. Бобкова, О. Виханского, Н. Волгина, Б. Генкина, Л. Карташовой, А. Кибанова, Р. Колосовой, Ю. Красовского, А. Наумова, Ю. Одегова, Н. Пушкарева, Г. Руденко, В. Спивака, и других ученых. Проблематика изучения организации как культурного феномена не является чем-то новым для психологии и восходит к традициям М. Вебера, Т. Парсонса, К. Левина и других ученых. Однако введение термина «организационная культура» и его детальная проработка датируются концом 1970-х гг. С этого же времени определились различия в подходах к исследованию корпоративной культуры. Все авторы дают свое определение и, соответственно, представляют свою типологию корпоративной культуры. К примеру, К. Камерон и Р. Куинн выделяют: клановую, иерархическую, адхократическую, рыночную культуры и дают им свои характеристики [2]. Факторами, на основе которых Р. Рюттингер рассматривает культуру предприятия, являются степень риска и скорость обратной связи. Им приводятся различные требования к работникам, предъявляемые предприятиями разных отраслевых культур: торговли для предприятий торговли; выгодных сделок, присущих организациям, производящим сделки с ценными бумагами и др.; сервиса крупных фирм, банков, страховых, нефтяных, строительных компаний и т.д. [2. С. 147-150]. Часто корпоративная культура трактуется как принимаемые большей частью организации философия и идеология управления, ценностные ориентации, верования, ожидания, нормы, лежащие в основе отношений и взаимодействий как внутри организации, так и за ее пределами. У каждой организации своя культура. Основу корпоративной культуры составляют ценности, имеющие долговременное значение: они не сводятся к количественным показателям, характеризуются в большей мере качественно и задают смысл деятельности членов организации. Их значение острее всего проявляется в критические моменты, когда особую роль играет нравственный фактор. Культуру принято рассматривать в двух аспектах: узком и широком. В узком смысле слова, культура – это духовная жизнь людей, набор этических норм, правил, обычаев и традиций. Согласно «Большому толковому психологическому словарю», «культура – система информации, в которой кодируется способ, которым люди в организованной группе, обществе или нации взаимодействуют со своим социальным или физическим окружением. В этом смысле термин употребляется для обозначения набора правил, моральных норм и способов взаимодействия внутри группы. Основной смысл здесь заключается в том, что культура рассматривается как то, что не передается по наследству. Каждый член общества должен изучать систему и структуру своей культуры» [2. С. 394]. В этом плане говорят о нравственной, эстетической, политической, бытовой, профессиональной, физической, гуманитарной и научно-технической культуре. В широком смысле слова, культура включает в себя результаты деятельности людей в виде зданий, техники, законодательных норм, общечеловеческих ценностей и социальных институтов. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова «культура – это совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей» [2. С. 313]. Культура в обществе представлена материальными предметами, социальными установлениями (институтами, традициями), духовными ценностями. Часто корпоративная культура трактуется как принимаемые большей частью организации философия и идеология управления, ценностные ориентации, верования, ожидания, нормы, лежащие в основе отношений и взаимодействий как внутри организации, так и за её пределами.

А.Л. Журавлев отметил, что корпоративная культура есть фон, на котором происходит деятельность предприятия [2]. Автором данного исследования предложено рассматривать корпоративную культуру как единое социально-

культурное пространство организации, являющееся частью социального пространства общества, в котором взаимодействие работников осуществляется на основе общих целей по достижению высоких результатов деятельности и нравственных ценностей, направленных на повышение конкурентоспособности организации. По мнению автора, в корпоративной культуре конкурентоспособной организации приоритетна ценность сотрудничества во внутренней и внешней ее среде, ценность высокого профессионализма и максимальной его реализации, ценность высоких нравственно-этических стандартов поведения. Корпоративная культура формирует имидж организации, организационное единство, сотрудничество, творчество и открытое общение между работниками и менеджерами. Формирование корпоративной культуры в организации происходит под воздействием требований рынка и в направлении удовлетворения потребностей клиентов. Конкурентоспособная организация адаптирована к изменениям внешней среды и обладает методами гибкого реагирования на требования рынка. Конкурентоспособная организация решает задачи внутренней интеграции и сплоченности персонала. При формировании корпоративной культуры разрабатываются цели по двум основным направлениям: адаптации к внешним факторам и внутренней интеграции для достижения высоких результатов деятельности. Во внешней среде, т.е. с поставщиками, потребителями, органами государственной власти, предприятия-конкурентами, следует поддерживать стратегию социального партнерства.

Сильная культура является открытой, легко узнаваемой. Она выражена во всем. Символический блок организационной культуры отражает в достаточно образной и лаконичной форме наиболее сильные и значимые стороны организации и ее важнейшие ориентиры. К примеру, компания «Самсунг» при стратегическом планировании развития выбрала как символ дерево хиноки. Еще один символ компании сосна, которая растет быстрее и не требует особого ухода и больших затрат. «Пока растут хиноки, доход дают сосны»: так, в символической форме, по-восточному, понимается развитие. Социальный символ «Самсунг» – пятиконечная звезда, выражающая пять программ: по социальному обеспечению, культуре и искусству, научной деятельности и образованию, охране природы и добровольной общественной деятельности сотрудников. Трехконечная звезда «Мерседес» в кольце трактуется как «господствующее положение в воздухе, на воде и на земле».

Формирование и развитие корпоративной культуры в процессе повышения конкурентоспособности являются важнейшими функциями управленческой команды. Культура организации способствует ориентации всего персонала на достижение высоких результатов деятельности, мобилизации усилий сотрудников и продуктивное общение между ними в этих целях. Современные организации придают большое значение формированию организационной культуры. Литературные источники утверждают, что «дух корпорации» увеличивает прибыль и качество продукции на 15-20%.

Наличие сильной корпоративной культуры является одним из конкурентных преимуществ предприятия. Главным в культуре организации является то, что она способна уменьшать степень коллективной неопределенности, внести ясность в то, что ожидается от членов коллектива, обеспечить целостность за счет ключевых ценностей и норм, сформировать неотделимость от коллектива, корпоративный дух, организационное единство, преданность общему делу и освещать перспективу развития.

На современном уровне развития науки и практики проблемы корпоративных отношений связывают с феноменом корпоративизма. В то же время возникает вопрос: как добиться, чтобы совместная деятельность была объединена общими интересами и целями? В период «развитого социализма» главными методами

отечественных руководителей являлись идеологическое воздействие и формулирование привлекательных, но очень далеких целей (построение идеального коммунистического общества). Жизнь показала малую результативность такого подхода. Сейчас наиболее перспективным путем считается формирование «инстинкта собственности», «чувства хозяина» или «чувства собственности»: если каждый сотрудник организации будет в какой-то мере ее собственником, то у него изменится отношение к ней и коллегам, руководителям. Формированию корпоративных отношений способствует владение частью собственности. Этот фактор считается определяющим, но в то же время он не является единственным. Большое значение имеет уровень экономического мышления. В этой связи необходима постоянная и целенаправленная работа по повышению квалификации и экономической компетенции персонала. Специалисты в области экономической психологии считают, что не менее важным фактором формирования корпоративных отношений является высокая психологическая культура персонала и руководства. Именно она способствует: корпоративному мышлению, осознанию чувства сопричастности и ответственности; самоидентификации в компании; установке и сильной мотивации на достижение общих корпоративных целей и интересов.

Формирование и поддержание сильной корпоративной культуры есть функция управления и одно из основных условий повышения конкурентоспособности организации. Самым эффективным способом является введение этических корпоративных кодексов «чести», «делового поведения» и пр. Они способствуют регуляции поведения. Однако лишь этим ограничиваться не следует. Персонал восприимчив к идеологии корпоративной культуры, если в организации: имеет место сотрудничество на всех уровнях; есть возможность личностно-профессионального роста, существует эффективная система материального и морального стимулирования.

«Корпоративизм» рассматривается как совместная деятельность работников организации, объединенных общими целями по обеспечению конкурентоспособности организации. Психологический анализ данной проблемы, анализ опыта работы успешных организаций позволяют сформулировать направления работ по созданию корпоративизма. Корпорация определяется как сообщество, союз группы людей, объединенных общностью каких-либо интересов. Для повышения конкурентоспособности организации значимость корпоративизма увеличивается, так как между участниками взаимодействия повышается уровень взаимовыручки и взаимопомощи, гармонизируется психологический климат. Не менее важными факторами формирования корпоративизма являются: чувство ответственности, самоидентификация в организации, сильная мотивация топ-менеджмента и персонала на достижение общих корпоративных целей, а также восприятие потребителей и общественности как партнеров, осуществляющих взаимодействие в единой целостной системе. Корпоративизм в современном мире является одним из способов взаимодействия групп интересов в системе политических, производственных и других отношений, когда участники делового общения в целях достижения взаимовыгодных решений вынуждены придерживаться согласительных или партнерских отношений. Корпоративизм включает устойчивые модели коллективного поведения людей, имеющих различные интересы и обуславливающих потребность их объединения. Корпоративизм ориентирован на добровольное согласование групп интересов и достижение сотрудничества, социального партнерства участников на взаимовыгодных условиях. Именно такой тип корпоративизма порождает новую культурную форму – корпоративную культуру.

В современных социально-экономических условиях менеджмент для повышения конкурентоспособности организации стремится максимально использовать потенциал корпоративной культуры. Корпоративная культура – единая система

представлений, убеждений и ценностей, норм и правил поведения сотрудников компаний. Ценности определяют поведение людей в организации. В качестве основных элементов корпоративной культуры можно выделить следующие: декларация цели (миссии) компании, корпоративная философия, корпоративный дух, корпоративная этика, культура качества. Назначение корпоративной культуры – сплочение трудового коллектива вокруг общих ценностей и достижение бизнес-цели в повышении конкурентоспособности организации. Сотрудники придерживаются тех правил, которые организация считает эффективными и которые имеют отражение в организационной культуре. Важнейший аспект корпоративной культуры – взаимоотношения между сотрудниками, характеризующиеся единством. В качестве основных принципов корпоративной культуры как социокультурного фактора конкурентоспособности организации автор выделяет следующие: культура эффективности деятельности; культура поддержки конкурентной стратегии; культура ориентации на потребителей; культура поддержки инноваций; нравственно-этические ценности; культура развития персонала; культура дисциплины.

Корпоративная культура используется для максимизации эффективности деятельности производственной организации, укрепления ее целостности, создания у сотрудников чувства причастности к общему делу. Культура соучастия создает атмосферу заботы о потребностях сотрудников, вовлечения их в процессы планирования и принятия управленческих решений. Корпоративная культура формирует морально-этические ценности и установки, усиливающие реализацию потенциала интеллектуальной и духовной энергии сотрудников; усиливает социальное партнерство, чувство общности (солидарности) всех уровней сотрудников вокруг ценностей, норм, традиций, что повышает их ответственность за результаты деятельности. Сильная корпоративная культура – одно из основных конкурентных преимуществ любой компании.

Литература

1. Данилов И.П. Конкурентоспособность регионов России. М.: Канон, 2007. 368 с.
2. Емельянова Л.А. Социально-психологическая концепция конкуренции конкурентоспособности. М.: МГТУ «МАМИ», 2009. 347 с.

ДАНИЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник научной части, Чувашский государственный университет; заместитель директора по науке, Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института, Россия, Чебоксары (DIP41@yandex.ru).

DANILOV IVAN PETROVICH – doctor of economics sciences, professor, Chuvash State University; deputy director for the science, Chuvash Branch of Moscow Humanitarian and Economics Institute, Russia, Cheboksary.

ЕМЕЛЬЯНОВА ЛЮДМИЛА АНДРЕЕВНА – кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической и социальной психологии, Московский государственный гуманитарный университет им. А.М. Шолохова, Россия, Москва.

EMEL'YANOVA LYUDMILA ANDREEVNA – candidate of psychological sciences, assistant professor of Pedagogical and Social Psychology Chair, Sholokhov Moscow State University for the Humanities, Russia, Moscow.

БЫКОВА ЛИДИЯ НИКОЛАЕВНА – кандидат экономических наук, профессор, директор, Чувашский филиал Московского гуманитарно-экономического института, Россия, Чебоксары.

BYKOVA LIDIYA NIKOLAEVNA – candidate of economics sciences, professor, director, Chuvash Branch of Moscow Humanitarian and Economics Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 332.146:33.843

В.В. ИВАНОВ

УСЛОЖНЕНИЕ УСЛОВИЙ КОНКУРЕНЦИИ НА РЫНКЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ РЕГИОНА*

Ключевые слова: инвестиции в аграрное производство, бюджетное финансирование, инвестиционная привлекательность региона.

Рассмотрены источники привлечения инвестиций в АПК, диспаритет цен на агропродовольственную и промышленную продукцию, а также инвестиционная привлекательность региона.

V.V. IVANOV

COMPLICATION IN COMPETITIVE CONDITIONS IN THE MARKET OF THE REGION'S AGROFOOD PRODUCTION

Key words: investments into agrarian production, budgetary financing, investment appeal of the region.

This work considers sources of attracting investments in agrarian and industrial complexes, the disparity in prices for agro food and industrial output, and the investment appeal of the region.

Инвестиции в аграрное производство имеют особое воспроизводственное значение, способствуют укреплению продовольственной безопасности страны, полноценному обеспечению населения базовой для его жизнедеятельности продукцией. Инвестирование аграрного производства является одним из приоритетных направлений модернизации аграрного производства.

Активизация инвестиционной деятельности является не только основным условием вывода аграрного сектора из депрессии, но и важнейшим определяющим фактором дальнейшего его развития. Кроме того, в настоящее время происходит реформирование общественного уклада на селе путем институциональных преобразований. Начата модернизация инфраструктуры села. Все это требует крупномасштабных капиталовложений как государственных структур, так и частного бизнеса.

Актуальность инвестиций в аграрное производство на современном этапе возрастает в силу того, что современное состояние и перспективы сельского хозяйства Чувашской Республики не внушают оптимизма. Индекс производства продукции отрасли за январь-июль 2011 по отношению к соответствующему периоду 2010 г. составил 97,3. Показатели по растениеводству по сравнению с засушливым 2010 г. значительно улучшились. Средняя урожайность зерновых составила 27 ц с 1 га против 10 ц в 2010 г. Однако в животноводстве положение не улучшается. Поголовье крупного рогатого скота сократилось на 5,5%, поголовье свиней – на 1,7%. Несколько увеличилось поголовье овец и коз – на 4,2%. Показатель скота и птицы на убой в живой массе возрос на 2,2%. Производство молока сократилось на 3,6%. В целом отрасль продолжает оставаться в состоянии стагнации. Материально-техническая база отрасли нуждается в обновлении и восстановлении. Без вложения средств в отрасль невозможно поддержать производство хотя бы на прежнем уровне [1].

Создание предпосылок для массового притока инвестиций в аграрный сектор должно стать важнейшим элементом стратегии государственной аграрной политики на современном этапе. Прежде всего, необходимо обеспечить на государственном уровне формирование благоприятной, эквивалентной рыночной среды, в которой производство становится восприимчивым к инвестициям, а у субъектов хозяйствования появляются и расширяются стра-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проекты № 11-02-00569а, № 12-12-21002 а/В).

тегические возможности: реальным должно стать не только обновление основного капитала, но и развитие, рост и повышение конкурентоспособности в сложных условиях глобализации.

Экономический рост в региональном аспекте опирается на рациональную его специализацию в соответствии с факторной концепцией. По обеспеченности базовыми ресурсами Чувашия относится к тем регионам России, которые имеют относительно хорошие возможности специализации в производстве продукции сельского хозяйства. Однако реальное положение отрасли в настоящее время сложное не только из-за недостатка инвестиций, но и из-за неблагоприятных стоимостных соотношений и диспаритета цен на продукцию, поставляемую аграрному сектору промышленностью, и закупочных цен на продукцию аграрных хозяйств. Нет реальной возможности для расширенного воспроизводства в отрасли. Если в 2000 г. для приобретения 1 т дизельного топлива аграрному хозяйству достаточно было реализовать 5 т пшеницы, то в 2011 г. необходимо 8-9 т пшеницы (таблица) [5].

Динамика цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, приобретенную аграрным сектором (в среднем за год, руб. за т) [5]

Продукция	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Бензин Аи76	10 500	14 894	17 050	18 127	22 862	2250	24 700	25 800
Топливо дизельное	10 400	14 778	16 700	16 337	22 291	23 200	24 000	26 000
Пшеница	2200	2959	3129	4393	5453	4050	8700	3100
Картофель	2500	3160	3657	4823	6110	5000	8000	6000
Свинина (живая масса)	48 000	52 187	50 458	45 785	58 828	58 822	70 000	60 000
Молоко	3900	6074	6182	7831	8808	9200	9100	8100

Еще сложнее обстоит дело с приобретением сельскохозяйственной техники, минеральных удобрений. Является очевидным, что для модернизации, обновления и развития аграрного производства, повышения конкурентоспособности его продукции в условиях рыночных преобразований необходимо увеличение объема инвестиций за счет всех источников финансирования. Аграрные хозяйства не могут нормально и устойчиво развиваться за счет использования только собственных источников, возрастает значимость внешних источников финансирования инвестиционной деятельности. К ним можно отнести: государственное финансирование и субсидирование; дотации из бюджета; кредиты банков; средства инвесторов; иностранные инвестиции.

Средства бюджетов всех уровней, а также государственные внебюджетные фонды, имеющие статус финансово-кредитных учреждений, можно использовать для финансирования долгосрочных или малорентабельных, но социально и экономически значимых инвестиционных проектов. Безусловно, бюджетные инвестиции зависимы от процессов формирования доходной части бюджета, которая вместе с конъюнктурой подвержена частым колебаниям. Однако финансирование сельского хозяйства бюджетными средствами нельзя осуществлять по остаточному принципу. Финансирование аграрного производства следует отнести к приоритетным расходам бюджетных средств [4].

Механизмы инвестирования из бюджетных средств по направлениям должны быть приспособлены к условиям специализации отрасли в регионе. Исходя из цен на сельскохозяйственную технику, инвестиционные денежные средства на воспроизводство технического парка должны занимать в общей сумме инвестиций доминирующую долю. На 2012 г. суммой, способствующей расширенному его воспроизводству, является 1620 млн руб.

Другие важные направления бюджетного финансирования – развитие зернового хозяйства, овощеводства, животноводства. Основными формами

финансирования следует считать субсидии, бюджетные кредиты, субсидирование процентной ставки по коммерческим кредитам.

Привлекаемые внебюджетные инвестиционные ресурсы в совокупности представляют собой единое целое в том смысле, что образуют в рамках общенациональной финансовой системы функционально специализированный блок, призванный обслуживать интересы долговременного роста национальной экономики. Из структуры этого блока в аграрный сектор могут поступать инвестиции из: а) государственных институтов инвестиционного финансирования; б) рынков инвестиционных ресурсов.

Основными источникам инвестиционного финансирования являются: долгосрочный кредит из отечественных и внешнеэкономических источников, эмиссия ценных бумаг на внутреннем и зарубежном рынках, прямые и портфельные иностранные инвестиции, лизинг. Они обращаются на рынках инвестиционных ресурсов долгосрочного кредита, корпоративных и государственных ценных бумаг, лизинговых услуг.

К числу важнейших институтов инвестиционного финансирования и потенциальных кредиторов хозяйствующих субъектов относятся коммерческие банки, негосударственные пенсионные фонды, страховые и инвестиционные компании. В России в настоящее время участие указанных финансовых институтов в кредитовании инвестиционной деятельности аграрных хозяйств нельзя считать достаточным, они являются незначительными из-за высоких рисков невозврата кредитов. В настоящее время кредиты банков составили лишь пятую часть общей суммы заемных средств аграрных хозяйств. В сумме предоставляемых кредитных услуг банков и других кредитных организаций преобладают краткосрочные займы. Доля долгосрочных кредитных операций составляет менее 8%. Низкая инвестиционная привлекательность аграрного сектора, обусловленная слабой платежеспособностью и неликвидностью имущества, высокие процентные ставки лишают предприятия АПК возможности широкого привлечения банковских кредитов [3].

Исходя из сказанного, основной задачей на данном этапе следует считать активизацию банковского кредитования предприятий сельскохозяйственных организаций. Особого внимания требует облегчение условий долгосрочного кредитования аграрных предприятий с целью наращивания производственных мощностей.

Литература

1. Тумаланов Н.В. Рынок и цена: институциональный аспект теории ценообразования // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 500-505.
2. Тумаланов Н.В. Формирование условий межотраслевого обмена в национальной экономике. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 170 с.
3. Чуплыгина Г.В. Пути решения диспаритета цен на сельское хозяйство и промышленное продовольствие // Вестник Чувашского университета. 2009. № 1. С. 151-155.
4. Шерер Ф.М., Росс Д. Структура отраслевых рынков: пер. с англ. М.: ЭФМГУ; ИНФА-М, 1997. С. 698.
5. <http://chuvash.gks.ru/>.

ИВАНОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ – кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (sprintxxx@mail.ru).

IVANOV VLADIMIR VALERYEVICH – candidate of economics sciences, senior teacher of Information Systems Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 330.342

Е.Н. КАДЫШЕВ, В.В. СМЕРНОВ

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПОДСИСТЕМЫ РЕГИОНА

Ключевые слова: анализ, инфраструктура, производственная подсистема, развитие, структура, эффективность.

Уточнена сущность эффективного развития производственной подсистемы региона, определён коэффициент специализации Чувашской Республики и Приволжского федерального округа, проведена оценка эффективности развития производственной подсистемы Чувашской Республики и даны рекомендации по её повышению.

E.N. KADYSHEV, V.V. SMIRNOV

ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF THE PRODUCTION SUBSYSTEM OF THE REGION

Key words: analysis, infrastructure, production subsystem, development, structure, efficiency.

The authors have refined the essence of the effective development of the region's production subsystem defined by the coefficient of specialization of the Chuvash Republic and the Volga Federal District, assessed the effectiveness of the Chuvash Republic's production subsystem, and made recommendations for its improvement.

Эффективность развития производственной подсистемы определяется результативностью методов воздействия на процесс регионального производства материальных благ и воспроизводства факторов производства, а также функциональностью производственной инфраструктуры региона. В то же время функциональность производственной инфраструктуры зависит от специфики отраслей и регионов и формируется в соответствии с изменениями в сфере материального производства. Производственная инфраструктура оказывает существенное влияние на эффективность функционирования предприятий в силу участия производственных услуг в создании потребительной стоимости и стоимости продукта основного производства.

Следовательно, производственную подсистему необходимо рассматривать как симбиоз сферы материального производства и производственной инфраструктуры. Тем самым специфика и условия формообразования производственной подсистемы должны рассматриваться в формате отражения возможности оптимизации регионального хозяйства.

В пределах Чувашской Республики (ЧР) существует относительное обособление части хозяйственных и социальных отношений по воспроизводству факторов производства, его форм, стадий и результатов, что позволяет говорить не только о существовании единого регионального производственного цикла, но и о функционировании в его составе ряда локальных, автохтонных циклов. В данном контексте для эффективной трансформации производственных ресурсов от одной стадии процесса к другой необходимо сохранить положительную тенденцию увеличения масштабов производства, объёмов продаж и восстановить позиции региональных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках.

Процесс развития экономики ЧР характеризуется уровнем развития и спецификой функционирования отраслей материального производства, а также полнотой удовлетворения их потребностей в производственной инфраструктуре, тенденцией формирования и способами воздействия многообразных факторов в форме взаимодействия основного и вспомогательного производства.

С целью выявления специфики формообразования производственной подсистемы ЧР определим коэффициент специализации региона $K_{\text{сп}}$. При этом используем ряд агрегированных показателей, в совокупности отражающих уровень развития сферы материального производства и производственной инфраструктуры регионального хозяйства [3]: валовой региональный про-

дукт на душу населения; объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на среднегодовую численность населения; объём платных услуг на душу населения.

Для оценки $K_{\text{сп}}$ применим формулу

$$K_{\text{сп}} = \frac{\left(\frac{V_{\text{регион}} \times 100}{V_{\text{РФ}}} \right)}{\left(\frac{B_{\text{регион}} \times 100}{B_{\text{РФ}}} \right)},$$

где $V_{\text{регион}}$ и $V_{\text{РФ}}$ – объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на среднегодовую численность населения в регионе и в РФ; объём платных услуг на душу населения в регионе и РФ; $B_{\text{регион}}$ и $B_{\text{РФ}}$ – валовой региональный продукт на душу населения в регионе и в целом по субъектам РФ.

Результаты оценки коэффициента специализации ЧР и Приволжского федерального округа (ПФО) (для оценки соразмерности индикатора) отобразим в таблице.

Коэффициент специализации ПФО и ЧР

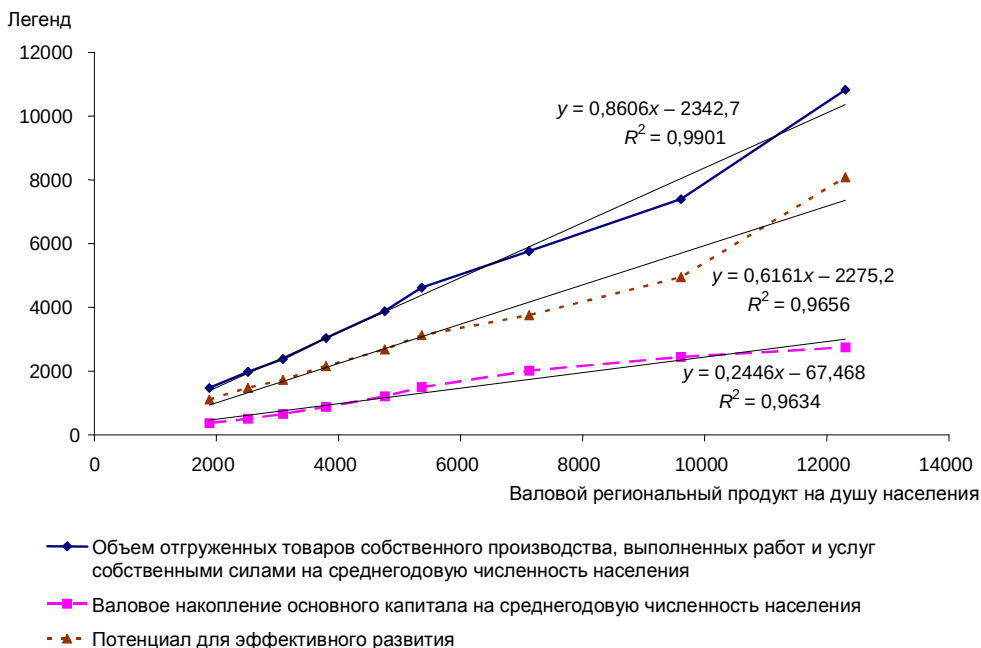
По объёму отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на среднегодовую численность населения									
	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
ПФО	1,17	1,14	1,18	1,17	1,20	1,43	1,38	1,37	1,37
ЧР	1,03	1,06	1,07	1,11	1,14	1,15	1,07	1,05	1,23
По объёму платных услуг на душу населения									
	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
ПФО	0,778	0,815	0,862	0,866	0,920	1,013	1,011	1,068	1,109
ЧР	1,298	1,251	1,304	1,347	1,361	1,428	1,351	1,296	1,264

В результате оценки коэффициента специализации ЧР по объёму отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на среднегодовую численность населения, характеризующего в большей мере сферу материального производства, установлено значение больше единицы. Данное положение отражает специализацию ЧР на сфере материального производства, при этом значение коэффициента специализации ЧР ниже ПФО.

Коэффициент специализации ЧР по объёму платных услуг на душу населения, характеризующий в большей мере производственную инфраструктуру, имеет значение больше единицы. При этом значение коэффициента специализации по объёму платных услуг на душу населения ЧР больше ПФО и больше коэффициента специализации ЧР по объёму отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на среднегодовую численность населения. То есть производственная подсистема ЧР сориентирована в большей мере на производственную инфраструктуру, чем на сферу материального производства, что в принципе отражает суть и условия функционирования депрессивного региона.

При оценке эффективности развития производственной подсистемы ЧР воспользуемся следующими достаточными показателями [3] (рисунок): объём отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами на душу населения (среднегодовая численность населения); валовое накопление основного капитала на душу населения (среднегодовая численность населения); валовой региональный продукт на душу населения.

В результате оценки эффективности развития производственной подсистемы выявлено, что для повышения эффективности производственной подсистемы необходимо увеличить результативность использования производственного потенциала при сфокусированном развитии основного и вспомогательного производства. С целью реализации изложенного выше необходимо рационально структурировать производственную подсистему ЧР в форме эффективного многоотраслевого комплекса со сложными вертикальными и горизонтальными связями в рамках сложившейся региональной системы экономической деятельности при соответствующей координации и поддержке со стороны федеральных и региональных органов власти.

Эффективность развития производственной подсистемы

Необходимо, как минимум, повысить эффективность институциональной инфраструктуры, обеспечивающей рациональную взаимосвязь управленческих решений, направленных на развитие производственной подсистемы на федеральном и региональном уровне, тем самым способствуя устранению основных причин неэффективного функционирования и развития регионального хозяйства, связанных с отсутствием: 1) нормативно-правовых документов, регламентирующих вопросы прав собственности на приватизированные предприятия. Одним из важнейших факторов, влияющих на эффективность деятельности сферы производственных услуг, является развитие в России института частной собственности [1. С. 68-69]; 2) региональных институтов по эффективному управлению сферой материального производства и производственной инфраструктурой.

В целом для повышения эффективности развития всего спектра экономической деятельности региона необходимо сформировать условия реализации согласованной федеральной и региональной промышленной политики. Федеральная промышленная политика как комплекс экономических, политических и организационных мер индустриального развития страны в целом и её регионов

в частности должна определить необходимую структуру и масштабы производства, обеспечивающие оптимальное развитие его перспективных факторов, а также положений, влияющих на принятие решений в отношении наиболее важных стратегических направлений. Региональная промышленная политика как комплекс экономических, политических и организационных мер, реализуемых во внутренней и внешней среде региона, должна повысить эффективность факторов производства, снизить политические и социальные издержки структурной адаптации социально-экономического комплекса региона.

В ЧР существует необходимость государственного участия в реконструкции изношенного производственного потенциала, его инновационном обновлении, стабилизации воспроизводственных систем на национальном и региональном уровне. При этом государство должно не только поддерживать хозяйствующих субъектов, но и сформировать приоритеты реализации промышленного потенциала и структурных преобразований [2. С. 12].

На основе вышеизложенного можно утверждать, что создаются предпосылки для системного кризиса в экономике ЧР, зарождающегося в противоречиях формирования и реализации спектра управленческих решений в процессе оптимизации промышленной политики. Для формирования результативных методов и выбора адекватных инструментов в контексте устранения противоречий в управленческих решениях и последующем воздействии на процесс оптимизации промышленной политики в ЧР необходимо выявить наиболее весомые, системообразующие функции региональной промышленной политики.

С целью повышения эффективности развития производственной подсистемы ЧР необходимо в рамках нормативно-правового регулирования, как минимум:

- определить субсидиарную ответственность региональных органов исполнительной власти и органов местного самоуправления, субъектов малого и среднего предпринимательства в отношении неэффективного использования государственного и муниципального имущества;

- утвердить порядок доступа к свободным производственным мощностям ЧР на правах аренды субъектам малого и среднего предпринимательства;

- организовать правовое сопровождение деятельности по доведению инновационной технологии до стадии практического применения;

- стимулировать промышленность ЧР к эффективной финансово-экономической деятельности через прогрессивную шкалу предоставления субсидий на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что показателем эффективности развития производственной подсистемы ЧР является мера взаимодополнения структурных элементов и функциональных взаимосвязей регионального хозяйства, ориентированного на сферу материального производства в рамках дискретного рыночного пространства. Данная мера – величина вероятностная, она рассматривается в формате утилитарной способности регионального хозяйства обеспечить условия для полноценного удовлетворения потребности промышленности в основных факторах производства.

Следовательно, определяются возможности для генерирования перманентности процесса расширенного воспроизводства, смещаются приоритеты в производственном цикле от низкого до высокого передела и создаются условия для формирования пятого и шестого технологического уклада. Оптимальное структурирование производственной подсистемы ЧР в форме эффективного многоотраслевого комплекса со сложными вертикальными и горизонтальными связями в рамках сложившейся структуры экономической деятельности позволит повысить эффективность использования производственного потенциала и окажет положительное влияние на экономику ЧР.

Литература

1. Кокорев В. Институциональные преобразования в современной России: анализ динамики транзакционных издержек // Вопросы экономики. 1996. № 12. С. 61-72.
2. Татаркин А. Промышленная политика как основа системной модернизации экономики России // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 1. С. 8-21.
3. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru>.

КАДЫШЕВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой отраслевой экономики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (fuiip@chuvsu.ru).

KADYSHEV EUGENIY NIKOLAEVICH – doctor of economic sciences, professor, Chair of Industrial Economics, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

СМИРНОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры отраслевой экономики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (walera712006@mail.ru).

SMIRNOV VALERIY VLADISLAVOVICH – candidate of economic sciences, associate professor of Industrial Economics, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 334.735

Т.Н. КУТАЕВА, И.В. ШАВАНДИНА, М.З. ДУБИНОВСКИЙ

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ И КАЧЕСТВО УСЛУГ
ОРГАНИЗАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ**

Ключевые слова: услуга, качество услуги, потребительская кооперация, эффективность.

Рассмотрено понятие услуги, качество предоставляемых услуг системы потребительской кооперации, дана классификация видов эффективности потребительской кооперации.

T.N. KUTAEVA, I.V. SHAVANDINA, M.Z. DUBINOVSKIY
**EFFICIENCY AND QUALITY OF SERVICES FOR THE ORGANIZATION
OF CONSUMER COOPERATIVES**

Key words: service, quality of service, consumer cooperative, efficiency.

The article considers the definition of the word "service", the quality of given services in the system of consumer cooperatives, and classifies the types of efficiency and consumer cooperatives.

Сфера услуг в современных условиях становится динамичным сектором экономики и находится в процессе постоянного развития. Сфера услуг представляет собой особую сферу экономики и не является специализированной отраслью. Сфера услуг включает около 150 отраслей, среди них транспорт и связь, информационно-вычислительные услуги, жилищно-коммунальное хозяйство, бытовое обслуживание населения, геология и разведка недр, финансы, кредит и страхование, наука, здравоохранение, туризм и др.

Потребительская кооперация имеет более чем вековую историю своего развития. Потребительская кооперация обслуживает более чем 20% населения страны и является одной из крупных многоотраслевых систем России, вносит весомый вклад в инфраструктуру села, выполняя при этом возложенную на нее государством важную социальную миссию – удовлетворение потребностей населения в необходимых товарах и услугах. В потребительской кооперации на протяжении всего периода ее истории традиционно развивались услуги в следующих отраслях деятельности: торговля, общественное питание, производство товаров и заготовки сельскохозяйственной продукции у населения и др.

Основное содержание услуг, предоставляемых потребительской кооперацией заключается в удовлетворении нужд населения, в организации его обслуживания.

Повышение эффективности качества услуг невозможно без правильного теоретического подхода к этому понятию, выяснения его сущности как социально-экономической категории. Рассмотрим такие понятия, как «услуга», «качество услуг».

Среди ученых-экономистов существуют разнообразные трактовки данных понятий.

К. Маркс предлагает следующее определение понятия услуги: «Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительской стоимости товара ли, труда» [4]. То есть К. Маркс определяет под услугой полезный эффект, который возникает в результате производительного труда как целесообразной деятельности, направленной на удовлетворение той или иной потребности человека.

Р. Малери считает, что услуги – нематериальные активы, производимые для целей сбыта [3]. По его определению, нематериальные активы (или неосозаемые ценности) – это ценности, не являющиеся физическими, вещественными объектами, но имеющие денежную, стоимостную оценку. Р. Малери утверждает, что услуга предполагает ряд действий.

В.П. Александров раскрывает свойство услуги как совокупность потребительных стоимостей и считает, что было бы ошибкой сводить экономическую роль услуги к содержанию ее за счет части материального продукта [1].

Г. Ассэль под услугой понимает неосозаемые блага, которые приобретаются потребителем, но не связаны с собственностью [3].

К. Гренроос услугу определяет как процесс, включающий серию (или несколько) неосозаемых действий, которые по необходимости происходят между покупателями и обслуживающим персоналом, физическими ресурсами, системами предприятия – поставщика услуг. Этот процесс направлен на решение проблем покупателя услуги [3]. Обобщая вышеприведенные понятия, автор предлагает уточненное определение. По его мнению, услуга – это экономические отношения поставщика и потребителя услуги; это экономическое благо в форме деятельности; это действие (или последовательность действий), цель которого повышение потребительской полезности объекта услуги.

Вышесказанная взаимосвязь понятий «полезность» услуги, «потребительная стоимость» услуги неразрывно связано с понятием «качество» услуги. Качество услуги оказывает сегодня самое большое влияние на жизнеобеспеченность кооперативных организаций. Определение путей повышения эффективности предоставляемых кооперацией услуг невозможен без правильного понятия качества услуги.

Качество услуги характеризуется как совокупность свойств, обеспечивающих их пригодность для удовлетворения соответствующих производственных, общественных, индивидуальных потребностей [2]. Следовательно, можно утверждать, что качество услуги характеризует ее соответствие требованиям потребителей. От хорошего качества выигрывают все: и потребительское общество, как производитель услуги, и потребитель. От низкого качества тоже страдают все. Отношение к качеству – вопрос стратегический, требующий принципиального решения. Качество услуги в современной рыночной экономике становится важным фактором в конкурентной борьбе.

На наш взгляд, понятию «качество услуги» надо дать более широкое определение. Следует считать, что качество услуги – это совокупность организационно-технических и социальных мер, необходимых для обеспечения гарантий потребителям стабильного высокого качества услуг, их соответствия требованиям международных стандартов по качеству и конкретным условиям контрактов (договоров) между производителями и потребителями услуг. Каче-

ство услуги в организациях потребительской кооперации необходимо оценивать комплексно, т.е. с учетом качества каждой подуслуги. Например, розничные торговые предприятия потребительской кооперации в сельской местности наряду с реализацией товаров предлагают услуги по раскрою, пошиву и ремонту одежды, ремонту обуви и бытовой техники, фотоуслуги, сепарирование молока, услуги по закупке у населения овощей, фруктов, молока, мяса и др.

В связи с этим для услуг существуют следующие специфические показатели качества:

1. Качество материальных элементов, используемых при оказании услуги.
2. Своевременность – обеспечение предоставления услуги в нужное клиенту (покупателю) время.
3. Надежность оказываемой услуги.
4. Доступность – возможность без дополнительных проблем воспользоваться предлагаемой клиенту (покупателю) услугой.
5. Полнота – предоставление клиенту (покупателю) услуги в полном объеме.
6. Социально-психологический показатель, определяющий вежливость по отношению к клиенту (покупателю), создание ему комфортности, гибкость и предусмотрительность сотрудников.
7. Безопасность, т.е. гарантирование того, что предлагаемая услуга не причинит вреда жизни и здоровью клиента (покупателя), будет безвредна для окружающей среды [2].

Особенности показателей качества услуги связаны со специфичностью оценки ее качества клиентом (покупателем) в процессе оказания услуги. На рис. 1 приведен процесс оценки качества услуги в организациях потребительской кооперации.

Как видно из рис. 1, клиент, оценивая предоставляемую услугу, сравнивает ее фактическое качество с тем, которое им ожидалось. Как правило, в сознании потенциального потребителя под действием собственного опыта или опыта других лиц, рекламы и оценок в различных источниках информации создается определенный имидж ожидаемой услуги.

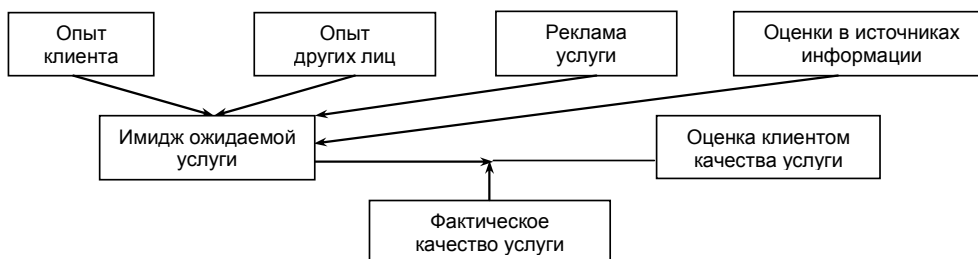

Рис. 1. Процесс оценки качества услуги

Именно от того, как фактическое качество услуги будет соответствовать данному имиджу, и будет зависеть, как оценит ее качество клиент (покупатель), останется он постоянным покупателем в кооперации или обратится к ее конкурентам. Все это необходимо учитывать при разработке и совершенствовании качества предоставляемых услуг организациями потребительской кооперации [2].

Основными жизненными циклами любой услуги являются три основных обеспечивающих процесса: маркетинг, проектирование и предоставление услуги. На рис. 2 представлены основные фазы процесса обеспечения качества предоставляемых организациями услуг.

Процесс маркетинга включает в себя изучение рынка и анализ требований к качеству услуг; краткое описание услуги, обязательства поставщика; проведение качественной рекламы.

Процесс проектирования услуги представляет перевод ее краткого описания в спецификацию услуги и управления качеством с использованием возможностей организации.

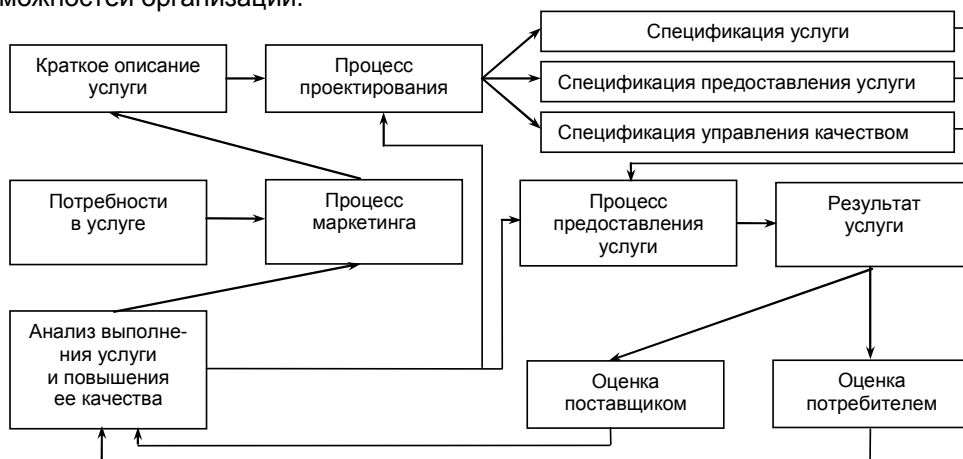

Рис. 2. Основные фазы качества услуги

Процесс предоставления услуги потребителям требует соблюдения спецификации предоставления услуги, постоянного мониторинга (наблюдения) и корректировки процесса в случае возникающих изменений.

Завершающим элементом системы качества услуги является анализ исполнения и повышение ее качества на основе долговременной программы, направленной на достижение эффективности полного цикла данной услуги (соотношения затрат и доходов).

В рыночной экономике и производители, и потребители находят друг друга на рынке. Потребители играют нередко ведущую роль в обществе, выбирая наилучшие товары и услуги различных производителей, определяя тем самым основные направления развития сферы услуг кооперации.

Увеличение вклада потребительской кооперации в развитие сферы услуг требует решения множества проблем, связанных с дальнейшим развитием отраслей деятельности, повышением эффективности и качества обслуживания населения. Сущность эффективности в общем виде была определена К. Марксом: «...достигать производственной цели с наименьшей затратой средств» [4]. При более развернутой характеристике под экономической эффективностью понимается соотношение между стоимостью продукции и материальных услуг, полученных в процессе производства, и затратами живого и овеществленного труда.

Существуют две формы эффективности: экономическая и социальная.

Экономическая эффективность услуг потребительской кооперации обуславливается уровнем развития производственных сил и определяет максимизацию результатов в расчете на совокупные ресурсы. Рост экономической эффективности состоит в сокращении затрат на оказание услуг или в увеличении эффекта при прежней величине затрат.

Социальная эффективность сферы услуг основывается непосредственно на всей системе производственных отношений и уровне развития производительных сил каждого способа производства в процессе удовлетворения общественных и личных потребностей.

Социально-экономическая эффективность предоставляемых услуг потребительской кооперацией должна выражаться в максимизации результатов в натурально-вещественной их структуре, способствующей наиболее полному удовлетворению потребностей пайщиков и сельского населения в расчете на совокупные ресурсы [5]. А критерием эффективности услуг, предоставляемых населению потребительской кооперацией, следует считать наиболее полное удовлетворение потребностей покупателей и пайщиков в товарах и услугах при соблюдении всех требований, предъявляемых к процессу предоставления услуги.

В практической деятельности используется не сам критерий, а построенная на его основе система показателей, где каждый показатель с определенной степенью приближения должен отражать элементы рассматриваемого процесса оказания услуги. Следовательно, важное требование, предъявляемое к системе показателей эффективности и повышения качества услуг, состоит в том, что каждый из них должен работать на критерий. Тем самым каждый показатель должен выражать вклад оцениваемого им элемента в положительную динамику критерия эффективности качества услуги.

В последнее время вопросам разработки эффективности и качества услуг посвящено много научных исследований. Значительный вклад в изучение проблемы повышения эффективности и качества услуг потребительской кооперации внесли ученые-экономисты Т.Н. Барчук, Л.Р. Смирнова, Т.Н. Спицина, И.Н. Бергер, М.А. Огородник, С.Н. Виноградова, В.И. Бизюк, В.П. Гонжаров, К.А. Райцкий, А.М. Фридман, М.С. Абрютин и др.

Однако общепризнанная теория решения проблемы эффективности услуг в кооперации не определена. Это объясняется многогранностью исследуемой теории, влиянием на кооперацию различных социально-экономических факторов и тех изменений, которые происходят в отрасли под воздействием научно-технического процесса.

Анализ источников показал, что при рассмотрении эффективности деятельности потребительской кооперации преобладает оценка только экономической эффективности, основанная на ресурсном или затратном подходе, что не полностью учитывает социально-экономическую природу данной системы и уровень ее развития в настоящее время. Сегодня назрела необходимость в применении системного подхода при характеристике эффективности потребительской кооперации, классификации видов эффективности и разработке методики оценки эффективности.

Эффективность потребительской кооперации – это многоуровневая, комплексная категория, что делает возможным интерпретировать данное понятие как системную эффективность.

В связи с этим нами предлагается следующее определение эффективности потребительской кооперации. Эффективность потребительской кооперации – это совокупность результативных показателей предоставления услуг, характеризующих их выгодность для производителей, степень удовлетворения спроса потребителей на товары и услуги и учитывающих экономические, социальные, интеграционные, диверсификационные, бюджетные и другие относительные эффекты.

Эффективность потребительской кооперации можно классифицировать по следующему ряду признаков, которые представлены на рис. 3.

В настоящее время в экономической литературе существуют различные методики оценки эффективности деятельности организаций потребительской кооперации, анализирующие как отдельные стороны и сферы деятельности, так и в целом организацию. Методы оценки эффективности кооперативных организаций деятельности можно разделить на две группы: без расчета интегрального показателя и с расчетом интегрального показателя.

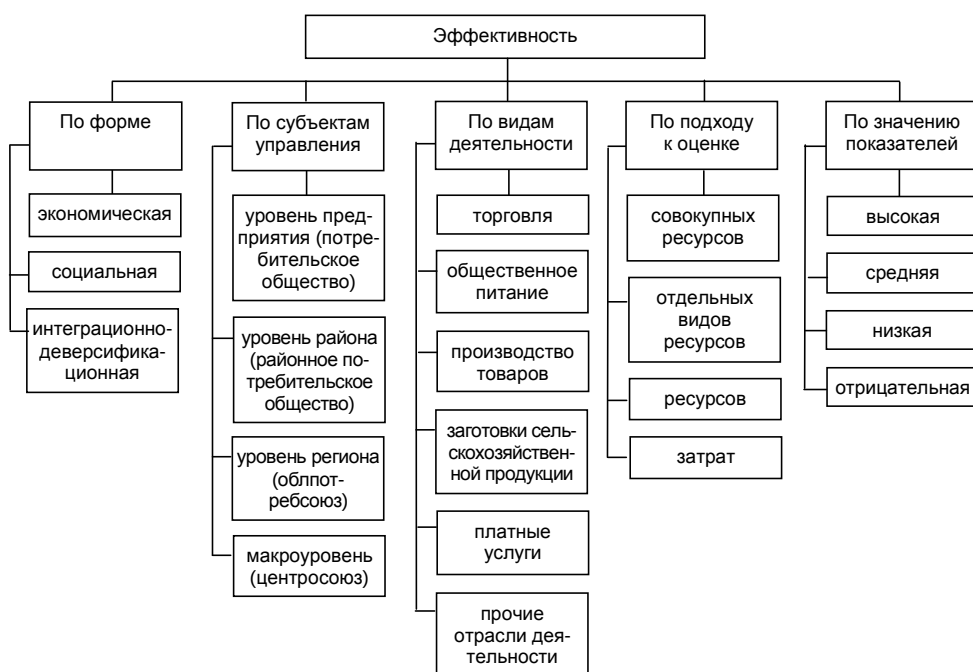

Рис. 3. Классификация видов эффективности потребительской кооперации

При использовании методов оценки эффективности без расчета интегрального показателя характеризуются и анализируются абсолютные и относительные изменения различных показателей по сравнению с планом и (или) предшествующим годом. В итоге определяется положительная или отрицательная динамика развития организации, но общая количественная оценка эффективности не достигается.

При расчете интегрального показателя оценки эффективности могут применяться различные подходы. В экономической литературе известны аддитивные (получаемые путем сложения) и мультипликативные (получаемые путем умножения) индексы. Оценка эффективности строится на использовании разнообразных статистических и экономико-математических методов, в основе которых может быть: анализ темпов прироста показателей, анализ соотношения темпов прироста показателей, рейтинговая оценка, балльная оценка, факторный анализ и т.д.; с ранжированием и без ранжирования.

Предложенная классификация эффективности потребительской кооперации предполагает всесторонний учет всех обстоятельств и условий функционирования данной системы в нашей стране.

Рыночная экономика и новые формы хозяйствования ставят перед потребительским обществом ранее не возникавшие проблемы, одной из которых на сегодня является обеспечение экономической стабильности развития. В связи с этим перед организациями потребительской кооперации встанут задачи предотвратить кризисные явления 2008 г. и обеспечить устойчивое положение организаций системы.

Выполнение поставленных задач возможно лишь при диверсификации производственно-хозяйственной деятельности потребительской кооперации за счет развития сферы услуг, которая предполагает расширение и оказание для системы новых видов услуг и совершенствование номенклатуры выполняемых услуг.

Наличие условий, созданных в настоящее время в стране, и использование конкурентных преимуществ системы потребительской кооперации позволяют сделать перспективной развитие сферы услуг.

Литература

1. Александров В.П. Сфера обслуживания и уровень народного благосостояния. Вопросы политической экономики социализма. М.: ВПШ и АОН, 1961. С. 27.
2. Аристов О.В. Управление качеством: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2009. 237 с.
3. Ворачек Х. О состоянии теории маркетинга услуг // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 1. С. 99.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинение. М.: Главное изд-во полит. лит., 1965. Т. 23. 483 с.
5. Фридман А.М. Экономика предприятий торговли и общественного питания потребительского общества. М.: Дашков и К°, 2008. 624 с.

КУТАЕВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – преподаватель кафедры экономики и статистики, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино (kutaeva1959@mail.ru).

KUTAeva TATYANA NIKOLAEVNA – teacher of Economics and Statistics Chair, Nizhniy Novgorod State Engineering-Economic Institute, Russia, Knyaginino.

ШАВАНДИНА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и статистики, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино (Sh-irina2008@mail.ru).

SHAVANDINA IRINA VALERIEVNA – candidate of economics sciences, associate professor of Economics and Statistics Chair, Nizhniy Novgorod State Engineering-Economic Institute, Russia, Knyaginino.

ДУБИНОВСКИЙ МАРК ЗАХАРОВИЧ – доктор технических наук, профессор кафедры организации и менеджмента, Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, Россия, Княгинино (stat@ngiei.ru).

DUBINOVSKIY MARC ZAKHAROVICH – doctor of technical sciences, professor of Organization and Management Chair, Nizhniy Novgorod State Engineering-Economic Institute, Russia, Knyaginino.

УДК 332.146:33.843

А.В. ЛЯПКИНА

УСЛОВИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНКУРЕНТНОЙ СТРАТЕГИИ НА РЫНКЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ*

Ключевые слова: агропродовольственная продукция аграрный производитель, агропродовольственный рынок, условия конкуренции конкурентная стратегия.

Исследованы условия осуществления конкурентной стратегии и основные показатели конкурентности агропродовольственной продукции.

A.V. LYAPKINA CONDITIONS OF REALISATION OF COMPETITIVE STRATEGY IN THE MARKET OF AGROFOOD PRODUCTION

Key words: agrofood production the agrarian manufacturer, the agrofood market, competition conditions competitive strategy.

Conditions of realisation of competitive strategy and the basic indicators of competition of agrofood production are investigated.

На агропродовольственном рынке обращается продукция большого неконтролируемого количества продавцов, каждый из которых обладает лишь очень малой долей рынка. Со стороны спроса на рынке имеется большое количество независимых покупателей, характерных для рынка жизнеобеспечивающей продукции. На этой основе создаются условия высокой конкуренции, а также формируются цены.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проекты № 11-02-00569а, № 11-12-21011а/в).

Ограничителями развития рынка агропродовольственной продукции являются природно-климатические условия. Устойчивость сельскохозяйственного производства ниже, чем в других отраслях, относительно высокий уровень предпринимательских рисков, продолжительный производственный цикл, который предопределяет слабую реакцию предложения агропродовольственной продукции при изменении цен. К неравномерному уровню предложения агропродовольственной продукции в течение года приводит также трудность прогнозирования долгосрочной рыночной конъюнктуры.

Конкурентность на рынке агропродовольственной продукции представляет собой неотъемлемую часть рыночного механизма, регулирующего соперничество и взаимозависимость участников рынка. Она на агропродовольственном рынке способствует активизации инновационного подхода к производству продукции, большей адаптации ее к спросу, повышению качества, минимизации издержек производителей и максимизации полезности для потребляющих продукцию покупателей. Обычно прибыль побуждает конкурирующие фирмы развивать свои стратегии, направленные на создание конкурентных взаимодействий. Идет борьба за более выгодную рыночную позицию, которая сводится к стремлению каждого занять возможно большую долю рынка и наиболее прибыльный сегмент рынка.

Стратегии аграрных производителей формируются под влиянием присущих их рыночному положению ограничений. Поскольку прогнозировать будущие позиции на рынке агропродовольственной продукции практически невозможно, то часто срабатывает эффект неверных представлений, выявленный и обоснованный представителями неоклассической школы [1]. Нередко производители агропродовольственной продукции, видя рост цен на продовольствие, полагают, что производить его становится все выгоднее и наращивают объем производства. Между тем цены на продукцию промышленности, которую аграрные хозяйства закупают для производства, растут еще быстрее. К этому следует добавить, что и без того перепроизводство какого-либо вида агропродовольственного товара вследствие неэластичного спроса на этот товар приводит к резкому снижению закупочных цен¹.

Обычной практикой является пересмотр стратегий в целях улучшения позиции или удержания уже завоеванных преимуществ. Продолжительность функционирования аграрного производителя на агропродовольственном рынке определяется, с одной стороны, результатами рыночной реализации продукции, с другой стороны – образом действий конкурентов.

В результате действия рыночных сил формируются новые условия спроса-предложения или срабатывает реакция рынка на создавшиеся условия: маркетинговые стратегии предприятий-соперников в конкурентной борьбе воздействуют на рынок, а рынок, в свою очередь, заставляет аграрных производителей принимать такие маркетинговые стратегии, которые могут принести успех в сложившихся условиях. На рынках агропродовольственной продукции закономерности поведения аграрных производителей трансформируются по-особому. Стратегическое планирование для аграрного хозяйства затруднено в силу того, что доля его на рынке небольшая, оно не обладает возможностями ни в ценообразовании, ни в увеличении своей доли рынка. Воздействие на потребителя затруднено ввиду невозможности дифференцировать продукцию. Она однородна и лишь в небольшой степени поддается дифференциации. У аграрных хозяйств по этой и другим причинам очень усложнена маркетинговая деятельность. Из-за неэластичности спроса, колебания объема производства в силу погодных условий и

¹ Подобный кумулятивный эффект сработал на рынке картофеля и других овощей осенью 2011 г., и производители этой продукции понесли большие потери.

других причин цены закупок нестабильны, партнеры непостоянны, у производителей всех типов хозяйствования выручка сильно колеблется.

Таким образом, методы выработки и осуществления стратегии предприятий аграрного сектора неперспективны в силу того, что не обеспечивают эффективность и безопасность, невозможно дифференцировать продукцию и снижать издержки. Не позволяют сделать это структурная организация рынков, типы производимой и реализованной продукции.

Из-за многочисленности и разнородности участников рынка вход в рынок агропродовольственной продукции и выход из него свободны, так как издержки входа-выхода небольшие и нет институциональных препятствий в этом отношении. Новые предприятия могут свободно входить, а существующие – свободно покидать чисто конкурентные рынки агропродовольственной продукции. В частности, не существует никаких препятствий – законодательных, технологических, финансовых и других, которые могли бы помешать возникновению новых предприятий и сбыту их продукции на конкурентных рынках. Дифференциация агропродовольственных товаров очень небольшая и практического значения для их рыночного обращения не имеет.

Предложение, или емкость рынка, как и спрос на сельскохозяйственную продукцию, не являются постоянными, они зависят от изменения размеров и структуры посевных площадей, урожайности сельскохозяйственных культур, поголовья и продуктивности животных, уровня государственного регулирования и влияния экономического механизма, наличия товарных запасов, а также ввоза и вывоза продукции.

Следует отметить, что наиболее общие закономерности развития товарного рынка в аграрной сфере более всего проявляются на зерновом рынке, при этом зерновая отрасль по стратегической и социально-экономической значимости, размерам вовлекаемых в неё трудовых, материальных и финансовых ресурсов является важнейшей в аграрной сфере.

Если в стратегии фирмы наряду с дифференциацией продукции ведущее место в достижении конкурентного преимущества занимает снижение издержек, то у аграрного хозяйства и эта возможность сильно ограничена и надеяться путем снижения издержек достичь стратегических выгод не приходится. Цены на ресурсы и продукты, которые аграрное хозяйство использует для производства, формируется в других рыночных структурах.

Рынки сельскохозяйственной техники олигопольного строения, и производители ее находятся явно в преимущественном положении по отношению к аграрным производителям. Рынки топлива, горюче-смазочных материалов также имеют высокую концентрацию, и там ценовая политика осуществляется производителями-продавцами. Цены в них меняются в сторону повышения. Рынки средств защиты от болезней и вредителей устроены структурно приблизительно так же, как и вышеназванные. Там диктат цен, их монополизация просматривается так же явно, как и на рынках нефтепродуктов. То же самое можно сказать о рынке семян. Современные технологии производства семян весьма сложны, удерживаются в этой подотрасли считанные фирмы, рынки семян становятся высококонцентрированными, в ценообразовании, предложении, договорных сделках ощущается рыночная власть крупных компаний, схожая с монопольной.

Таким образом, в этих условиях в разработке и осуществлении стратегии в аграрной отрасли упор целесообразно делать на технологии и повышение производительности труда.

Промышленные фирмы обычно прибегают к самым доступным способам снижения издержек: сокращению накладных расходов и экономии на оплате труда. Следует отметить, что и эти возможности аграрных предпринимателей

в отечественном аграрном секторе очень ограничены. Накладные расходы у большинства предприятий минимальны, а оплата труда практически является самой низкой из всех отраслей экономики региона, поэтому снижать издержки аграрным хозяйствам практически невозможно.

Литература

1. Менкью Г. Принципы экономикс. СПб.: Питер, 1999. С. 627-688.
2. Портер М.Э. Конкуренция. М.: Вильямс, 2002. 496 с.
3. Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2011: стат. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2011.
4. Тумаланов Н.В. Формирование условий межотраслевого обмена в национальной экономике. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 170 с.

ЛЯПКИНА АЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономических дисциплин, Батыревский филиал Чувашского государственного университета, Россия, Чувашская Республика, с. Батырево (korolek5@mail.ru).

LYAPKINA ALINA VLADIMIROVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Economic Disciplines, Branch of Chuvash State University in the village of Batyrev, Russia, Chuvash Republic, village Batyrev.

УДК 338.436 (470.343)

В.Е. МАМАЕВА

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ИНТЕГРИРОВАННЫХ АГРОФОРМИРОВАНИЙ КАК ФАКТОР ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АГРАРНОГО СЕКТОРА РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ

Ключевые слова: конкурентоспособность, аграрный сектор Республики Марий Эл, прогноз, инновационное развитие, интегрированные структуры, интеграционные процессы.

Рассмотрена сущность конкурентоспособности интегрированного агроформирования. На основе многофакторных регрессионных моделей сделан прогноз производства основных видов сельскохозяйственной продукции при инновационном развитии аграрного сектора Республики Марий Эл.

V.E. MAMAEVA

THE COMPETITIVENESS OF INTEGRATED STRUCTURES AS A FACTOR OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE AGRARIAN SECTOR OF THE REPUBLIC OF MARI EL

Key words: competitiveness, the agrarian sector of the Republic of Mari El, forecast, innovation for the development, integrated structures, integration processes.

The article considers the competitiveness of integrated structures. The forecast for agricultural goods production was done on the basis of innovative development of the agrarian sector of the Republic of Mari El, using multiple-factor regression models.

Современные тенденции в развитии аграрного сектора Республики Марий Эл, факторы внешней и внутренней среды способствуют развитию интеграционных процессов, появлению новых форм интеграции хозяйствующих субъектов, от конкурентоспособности которых зависят перспективы развития аграрного сектора Республики.

Под конкурентоспособностью интегрированного агроформирования будем понимать способность к соперничеству с другими агроструктурами по эффективному производству и реализации аналогичной продукции в условиях аграрного рынка, а также его позиционирование в занимающей рыночной нише. В свою очередь, эффективность продукции, выпускаемой агропредприятиями, определяется рынком и ценой.

Аграрный сектор в экономике республики занимает особое место, так как уровень его развития во многом определяет уровень продовольственной безопасности региона.

Основными производителями сельскохозяйственной продукции в животноводстве (мясомолочного направления, птицеводстве) и растениеводстве (специализирующихся на выращивании зерна) являются крупные и средние сельскохозяйственные предприятия. Доля в производстве продукции животноводства крупных и средних сельскохозяйственных предприятий в 2010 г. составила: скота и птицы (в убойной массе) – 41,3 тыс. т (73,8% от производства в хозяйствах всех категорий); молока – 102,7 тыс. т (50,1%); яиц – 261,6 млн шт. (79,4%). Доля в производстве продукции растениеводства специализирующихся на выращивании зерна, крупных и средних сельскохозяйственных предприятий в 2010 г. составила 95,4%.

Крестьянскими (фермерскими) хозяйствами выращивалось зерна в 2010 г. 4,3%, личными подсобными хозяйствами – 0,3%, основная причина заключается в том, что необходимы значительные площади для обеспечения рентабельности производства.

Основными производителями в растениеводстве, специализирующимися на выращивании картофеля и овощей, являются крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства, на которые в 2010 г. приходилось 94,1% производства овощей (из них на ЛПХ – 80,3%, КФХ – 13,8%) и 97,3% картофеля (ЛПХ – 92,7%, КФХ – 4,6%) [2]. В СХО картофель практически не выращивается (в 2010 г. доля в производстве картофеля сельскохозяйственными организациями составила 2,7%), так как производства трудоемко, что ведет к низкой рентабельности.

Объем продукции сельского хозяйства всех сельхозпроизводителей в действующих ценах в январе-ноябре 2011 г. составил 19 264,5 млн руб. (в сельскохозяйственных организациях 8593 млн руб.), индекс производства продукции сельского хозяйства в январе-ноябре 2011 г. составил 127,5% (в сельскохозяйственных организациях – 132,4%) в сопоставимых ценах к январю-ноябрю 2010 г. [1].

Развитию сельского хозяйства республики способствуют целевая программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Республике Марий Эл на 2008-2012 годы», а также целевые программы «Развитие инвестиционной деятельности в Республике Марий Эл в 2010-2014 годах» и «Развитие инновационной деятельности в Республике Марий Эл на 2010-2012 годы», направленных на поддержку интеграционных, инвестиционных, инновационных процессов региона.

Инновационное развитие аграрного сектора предполагает улучшение условий функционирования аграрного сектора за счет повышения инвестиционной привлекательности региона и усиления инновационной активности с учетом действующих целевых программ, а также повышения конкурентоспособности интегрированных агроформирований.

При конкуренции выживает сильнейший или за счет цены или за счет качества производимой продукции. Чтобы производить качественную продукцию по цене не выше и по качеству не хуже, чем у конкурентов, необходимо использовать инновационную технику и технологии, а также резервы роста как внутренние, так и внешние. Резервы роста эффективности производства сельскохозяйственной продукции могут быть научно-исследовательские, управленческие, финансово-кредитные, рыночные.

Только в этом случае интегрированные агроформирования будут конкурентоспособны как на региональном, так и на федеральном уровнях и ускорят выход аграрного сектора РМЭ на инновационный уровень развития.

Так как основными производителями сельскохозяйственной продукции являются крупные и средние сельскохозяйственные предприятия, от того на-

сколько эффективно они функционируют, настолько устойчиво будет развиваться аграрный сектор региона.

Площадь сельскохозяйственных угодий, в том числе пашни, сельскохозяйственных организаций с каждым годом уменьшается. В 2010 г. по сравнению с 2005 г. площадь сельскохозяйственных угодий сократилась на 95,3 тыс. га, или на 16,6% (и составила 480,5 тыс. га), а пашня – на 80,2 тыс. га, или на 18,3% (составила 359,2 тыс. га) [2]. Причин такого сокращения много, например низкое плодородие земель, поэтому их начинают использовать под залежи, площадь залежей за аналогичный период возросла на 4,8 тыс. га, или 8,6%. Существует необходимость предотвращения ежегодного выбытия из сельскохозяйственного оборота сельскохозяйственных угодий.

Использование современных технологий окажет существенное влияние на рост производства продукции сельского хозяйства. Так, прогнозируется рост урожайности сельскохозяйственных культур на 30% и продуктивность животных на 15-25%.

По оценкам специалистов, рост урожайности в расчете на единицу площади обеспечивается: на 50% в результате применения удобрений, на 25-30% – в результате применения более совершенной техники и технологии производства, на 20-25% – в результате внедрения достижений в области селекции и семеноводства.

На основе многофакторных регрессионных моделей был составлен прогноз производства основных видов сельскохозяйственной продукции аграрного сектора Республики Марий Эл на среднесрочную перспективу (таблица).

**Прогноз производства основных видов сельхозпродукции
при инновационном развитии аграрного сектора РМЭ**

Наименования показателя	2007-2010 г. (в среднем)	2015 г.	2015 г. к 2007-2010 (в среднем), %
Производство основных видов продукции растениеводства			
Зерно (в массе после доработки), тыс. т			
В хозяйствах всех категорий	202,1	314,8	155,8
В том числе в сельхозорганизациях	192,8	299,3	155,2
Лен долгунец (волокно), тыс. ц			
В хозяйствах всех категорий	2,1	2,8	133,3
В том числе в сельхозорганизациях	0,25	0,3	120,0
Картофель, тыс. т			
В хозяйствах всех категорий	239,7	314,8	131,3
В том числе в сельхозорганизациях	10,0	15,14	151,0
Овощи, тыс. т			
В хозяйствах всех категорий	139,4	206,7	148,3
В том числе в сельхозорганизациях	11,4	17,05	149,6
Производство основных продуктов животноводства			
Скот и птица на убой (убойная масса), тыс. т			
В хозяйствах всех категорий	50,4	51,6	102,4
В том числе в сельхозорганизациях	34,3	47,4	138,2
Молоко, тыс. т			
В хозяйствах всех категорий	234,8	242,5	103,2
В том числе в сельхозорганизациях	112,9	116,5	103,2
Яйца, млн шт.			
В хозяйствах всех категорий	313,1	372,3	118,9
В том числе в сельхозорганизациях	244,2	299,9	122,9

В результате регрессионного анализа выявлено, что урожайность зерновых культур (у) в сельскохозяйственных организациях Республики Марий Эл зависит на 82,81% от факторов, учтенных в регрессионной модели:

$$y = 18,13 + 2,29x_1 + 0,94x_2 - 0,81x_3 - 29,65x_4 - 0,9x_5, \quad (1)$$

где x_1 – обратная зависимость внесенных минеральных удобрений в ц на 1 га посева зерновых культур; x_2 – доля злаковых культур в структуре посевных площадей; x_3 – доля посевов зернобобовых в структуре посевных площадей; x_4 – доля пропашных культур в структуре посевных площадей; x_5 – доля многолетних трав в структуре посевных площадей.

Продуктивность свиней в сельскохозяйственных организациях Республики Марий Эл зависит на 89% от факторов, учтенных в регрессионной модели (2):

$$y = 166,32 + 0,03x_1 - 10,29x_2 + 5,19x_3, \quad (2)$$

где x_1 – выход приплода поросят (от основных свиноматок) в расчете на 100 маток, голов; x_2 – падеж свиней, %; x_3 – расход концентрированных кормов на производство 1 ц привеса свиней, ц кормовых единиц.

Валовой сбор зерновых культур к концу 2015 г. при инновационном развитии может достичь 314,8 тыс. т (в том числе в сельскохозяйственных организациях 299,3 тыс. т) в результате роста урожайности с 13,4 ц/га в среднем за 2007-2010 гг. до 18,9 ц/га в 2015 г.

При инновационном развитии аграрного сектора региона производство мяса в сельскохозяйственных организациях в 2015 г. возрастет на 38,2% по сравнению со среднегодовым уровнем 2007-2010 гг.

Увеличение продукции животноводства произойдет за счет улучшения сырьевой базы и применения современных инновационных технологий благодаря активной государственной поддержке сельскохозяйственных предприятий, использования интегрированными агропредприятиями как внутренних, так и внешних резервов роста.

Например, за счет специальной рецептуры кормления на свинофермах ЗАО ПЗ «Шойбулакский» (который входит в состав агрохолдинга «Йола») свиньи вырастают за полгода, в то время как получение продукции свиноводства занимает период от 10 до 14 месяцев.

Увеличение объема производства и улучшение качества сельскохозяйственной продукции за счет инновационных технологий и собственных резервов роста повысят эффективность деятельности агропроизводителей и перерабатывающих предприятий, что, в свою очередь, приведет к укреплению позиций интегрированных агроформирований в своей рыночной нише и позволит выйти аграрному сектору региона на более высокий уровень развития.

Литература

1. Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Марий Эл: официальный Интернет-портал. URL: <http://portal.mari.ru/minselhoz/Pages/statist.aspx> (дата обращения: 29.12.2011).

2. Сельское хозяйство, охота и лесоводство Республики Марий Эл. 2011: стат. сб. / Мари-стат. Йошкар-Ола, 2011. 228 с.

МАМАЕВА ВИРИНИЯ ЕВГЕНЬЕВНА – соискатель кафедры экономической кибернетики, Марийский государственный университет, Россия, Йошкар-Ола (virinia@yandex.ru).

MAMAEVA VIRINIYA EVGENYEVNA – a competitor of Economic cybernetics Department, Mary State University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 332.1:330.341.1:002

Е.П. МИТРОФАНОВ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДСИСТЕМ

Ключевые слова: системы управления информационным обеспечением, автоматизированная система организационного управления.

Рассмотрены методические основы разработки системы управления информационным обеспечением инновационных подсистем на уровне региона. Раскрыты проблемные аспекты, связанные с внедрением систем информационного обеспечения.

E.P. MITROFANOV

THE METHODOICAL BASIS OF FORMING A CONTROL SYSTEM FOR INFORMATION SUPPORT OF THE DEVELOPMENT OF REGIONAL INNOVATIVE SUBSYSTEMS

Key words: control systems of the information support, the automated system of organizational management.

The article considers the methodical basis of engineering management systems for information support of innovative subsystems at a regional level. The research reveals aspects of the problem connected with the introduction of information support systems.

Жизнедеятельность субъекта экономики осуществляется благодаря горизонтальной и вертикальной циркуляции информации между его элементами. В частности, информация о внутреннем состоянии объектов, подсистем, информация о влиянии внешней окружающей среды, о возможных принятых управленческих решениях поступает снизу вверх, а сверху вниз – информация управленческого характера и информация о среде деятельности подсистемы.

Региональные органы с помощью информационного обмена организуют взаимодействие, координацию и контроль деятельности объектов управления для достижения целей, поставленных и в инновационной деятельности хозяйствующего субъекта. Объект влияет на решение субъекта посредством представления информации о внутреннем состоянии и возможных последствиях от принятых решений. Субъект корректирует свои решения на основе полученной снизу информации, при этом согласовывая решения объектов с целями развития субъекта хозяйственной деятельности.

Процесс взаимного обмена информацией по вертикали и горизонтали образует прямую и обратную связь в системе регионального управления инновационного подсистемами.

В основу методики формирования мониторинга информационного обеспечения развития региональной информационной подсистемы (РИП) входит экономический анализ как инструмент управления, имеющий определенные требования к циркулирующим информационным массивам: полнота данных; объективность; единство информации, поступающей из различных источников, устранение дублирования в первичной информации; оперативность и непрерывность информации; сравнимость информации; пригодность к машинной обработке; избирательность, т.е. соответствие определенному уровню управления; перспективность информации.

Информационные массивы формируют информационные потоки субъекта экономики, которые способствуют улучшению взаимодействия всех хозяйствующих субъектов региона в инновационной деятельности, повышению интеграции и управляемости инновационных подсистем.

Основу информационного обеспечения анализа и диагностики развития РИП составляют информационные потоки, формируемые из статистических, технических, справочно-нормативных данных, вероятностных оценок прогнозируемых фактов деятельности отдельных субъектов экономической деятель-

ности, учетных данных, поступающих непосредственно от хозяйствующих субъектов, расположенных на территории региона [3].

В хозяйствующих субъектах РФ поставщиками информации выступают региональные управления делами администрации, комитеты государственной статистики, законодательное собрание, региональные информационные центры, департамент экономики и прогнозирования, торгово-промышленная палата, фонд поддержки предпринимательства, гидрометцентр, а также федеральные структуры: администрация Президента РФ, аналитические центры Президента и Правительства РФ, информационные агентства.

Однако деятельность по развитию информационного пространства в регионах, по-существу, разрознена: многие базы данных не удовлетворяют международным стандартам, приходится преодолевать барьеры, связанные с их использованием в режиме on-line из-за несовместимости данных. Стоимость информационных услуг в рамках субъекта экономики зачастую превышает уровень платежеспособности среднего малого и бизнеса.

Существует ряд явных проблем в информационном поле региона:

- дублирование информации как в самой БД, так и в ряде баз данных;
- поиск потенциальных кредиторов, партнеров, инвесторов, новых проектов, идей, инновационных схем, что является трудоемким на мезоуровне и, естественно, тормозит развитие информационного обеспечения РИП.

Информатизация системы управления РИП субъекта экономики является динамичной и многогранной процедурой, которая недостаточно глубоко изучена и требует приспособления к современным условиям рыночной экономики. По многим вопросам необходима детализация, особенно тем, которые находятся на начальном этапе разработки. Среди них: особенности становления информационного обеспечения РИП; определение необходимости внедрения ИКТ в частном секторе и государственных структурах на всех уровнях, включая местное самоуправление как объект трансформации информационного потока; вопросы эффективного управления процессом информатизации в деятельности субъекта экономики.

В таблице приведены примеры, которые отражают суть проблем, связанных с внедрением систем информационного обеспечения, и даны варианты их решения.

Причины, затрудняющие внедрение систем информационного обеспечения

Объект внимания	Суть проблем	Варианты решения
Хозяйствующий субъект региональной экономики	Недостаточна нормативная база, нет опыта создания подобных служб. Психологические проблемы перемен. Разная восприимчивость к инновациям в коллективе	Используя имеющуюся информацию, разрабатывать собственную. Постоянное консультирование. Проблемные встречи. Общие семинары по информатизации. Деловые игры. Стимулирование
Кадры	Низка информационная культура. Требуется переподготовка по основам компьютерной грамотности. Кадровый состав самой службы требует тщательного отбора	Курсы переподготовки, прежде всего для подразделений, где планируется внедрение ИКТ. Целевые семинары по ИКТ. Конкурсный отбор
Программное обеспечение	Недостаточно специализированной вычислительной техники и программного обеспечения	Модернизация. Организация демонстраций и выставок ИКТ. Развитие распространяемого программного обеспечения

Сущность управления информационным обеспечением развития РИП заключается в создании условий для улучшения информационного обеспечения подсистем, управляющих инновационными процессами субъекта экономики. При этом необходимо учесть мероприятия, позволяющие совершенствовать конкретные финансовые, технологические, организационные и другие усло-

вия, позволяющие повышать эффективность использования современных информационных ресурсов и ИКТ в развитии РИП в целях повышения информированности лиц, формирующих и принимающих решения по вопросам инновационной деятельности субъекта экономики.

Применительно к развитию РИП процесс управления характеризуется реализацией специфических принципов, связанных с внедрением информационных ресурсов, сбалансированным сочетанием информационной безопасности и открытости в отношении сложных многопараметрических инновационных процессов как объектов управления. Информатизация управления развитием РИП тесно связана с потребностью в ускоренных темпах обновления технологий, техники и программного обеспечения. Планируя и обосновывая затраты на информатизацию управления информационным обеспечением развития РИП, необходимо постоянно иметь в виду всепроникающий, межотраслевой характер информатизации и его мультипликативное воздействие на экономические процессы субъекта экономики.

Для эффективного управления информационным обеспечением развития РИП необходимо определить систему управления [1]. Под системой управления информационным обеспечением (СУИО) понимается совокупность организационно-правовых, методических, информационных, технологических, программно-технических компонентов, взаимосвязанная и соответствующим образом сформированная для обеспечения информационных процессов, происходящих в РИП, для принятия решений субъектов экономики за счет комбинированного применения ИКТ и информационных ресурсов. СУИО основывается как на макроэкономических показателях, ключевых показателях состояния и развития региона, так и на первичной информации, собираемой от основных информационных объектов.

Требования, предъявляемые к СУИО региона:

- создание автоматизированных систем организационного управления (АСОУ), ядром которых является СУИО. Предполагается создание всех видов их обеспечения (организационного, правового, методического, информационного, математического, программного, технического, лингвистического и эргономического);
- заказчиком информационной системы должны быть руководящие лица субъекта экономики;
- информационно-аналитическая служба должна подчиняться непосредственно руководителям и получать задания, санкционированные ими, тогда СУИО будет работать на главные цели данного органа управления.

В период перехода региональной экономики на инновационный этап принципиально важным становится достижение опережающих темпов развития информационного обеспечения развития РИП по сравнению с отраслями материального производства. И здесь ни в коем случае нельзя удовлетворяться «подстройкой» новых инструментов информатизации к решению сугубо традиционных задач [2].

Литература

1. Гаврилов А.И. Основы местного самоуправления и организация муниципального хозяйства: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2004.
2. Гаврилов А.И. Региональная экономика и управление: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2005.
3. Жигалова Н.Е. Информационный мониторинг социально-экономического развития территорий // Региональная науч.-практ. конф. Н. Новгород: ВШЭ, 2002.

МИТРОФАНОВ ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных систем, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mer79@list.ru).

MITROFANOV EVGENIE PETROVICH – candidate of economics sciences, assistant professor of Information Systems Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 631.152:63.1/8

С.И. ОЛОНИНА

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОВОЩЕВОДСТВА

Ключевые слова: овощеводство, производство, потребление, импорт, эффективность, обеспеченность, Нижегородский регион.

Представлены и проанализированы с позиции продовольственной безопасности тенденции производства и потребления овощной продукции в России и за рубежом. Проведено комплексное исследование потребительского рынка свежих овощей в г. Нижний Новгород с целью выявления структуры потребностей и причин дисбаланса.

S.I. OLONINA

IMPORTANT DIRECTIONS FOR FUNCTIONING VEGETABLE PRODUCTION

Key words: vegetables, production, consumption, import, efficiency, security, Nizhni Novgorod region.

The tendencies of vegetable production and consumption in Russia and abroad are presented and analysed from the position of provision security. Complex analysis was conducted in the consumer market for fresh vegetables in Nizhni Novgorod in order to discover structure requirements and reasons for production imbalance.

В соответствии с действующим Указом Президента РФ Д.А. Медведева «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» продовольственные ресурсы России должны формироваться в основном на базе отечественной продукции. Необходимо внедрять рациональные нормы продовольственного потребления, которые отвечают современным требованиям здорового питания. В этой связи выявление перспектив и направлений развития отечественных аграрных рынков является актуальным.

За последние четырнадцать лет мировое производство овощей практически удвоилось. Однако в России производство овощей на сельхозпредприятиях, основных поставщиках товарной продукции, по сравнению с дореформенным периодом снизилось в 4 раза [4].

НИИ питания РАМН рекомендует для россиян норму потребления овощебахчевой продукции 139 кг в год (или 381 г в сутки), в том числе 119 кг овощей и 20 кг плодов бахчевых культур. С учетом климатических условий, как минимум, 13 кг овощей из этого количества должны выращиваться в теплицах. Реальный объем потребления россиянами зелени и овощей в несколько раз ниже рекомендуемой нормы. На одного жителя РФ сегодня приходится в среднем 4,3 кг овощной продукции, выращенной в закрытом грунте.

По данным Всемирной организации здравоохранения, одной трети раковых и сердечно-сосудистых заболеваний люди могли бы избежать, употребляя овощи и фрукты в рекомендованных нормах. Показатель же смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в России один из самых высоких в Европе и мире. ВОЗ подтверждает: российские женщины живут почти на 10, а мужчины на 16 лет меньше, чем население в странах Западной Европы [3].

Анализ тенденции производства овощей в России выявил, что в 2009 г. уровень производства овощей составил 13,4 млн т, что на 34% больше к уровню 1970 г. Однако с 70-х гг. прошлого столетия произошла значительная трансформация в структуре производства. Так, если в 1970 г. преимущественно производством занимались сельхозтоваропроизводители (59,3%), то к 2009 г. их доля в общем производстве составила 18,4%, а основными производителями и поставщиками овощей на отечественный товарный рынок стали хозяйства населения (71,3%).

Производство овощной и бахчевой продукции в открытом грунте страны оценивается в 5,5-6,6 млн т. Исходя из средней урожайности овощей 19,2 т/га (данные Росстата) расчетная посевная площадь под овощными и бахчевыми культурами в стране должна составлять около 350 тыс. га [3].

Для обеспечения минимальной медицинской нормы потребления свежих тепличных овощей годовой валовой сбор овощной продукции защищенного грунта в России должен составлять около 1,9 млн т. В то же время отечественное тепличное производство дает сейчас менее 700 тыс. т овощей в год. В личных подсобных хозяйствах собирается около 28,6 млн т овощей. Остаточную часть овощей поставляют импортеры.

По данным Министерства сельского хозяйства РФ, в стране растет импорт овощей. В 2001 и 2002 гг. он составлял 8% и 7% объема отечественного производства. В 2007 г. в Россию ввезено 1 983 974,9 т овощей (17,3% к фактически уточненному собственному производству – 11,5 млн т), а за девять месяцев (январь-сентябрь) 2008 г. – уже 2 250 939,4 т (17,4%). По данным Федеральной таможенной службы РФ, в январе 2010 г. по сравнению с январем 2009 г. импорт овощей увеличился на 21,3%.

Эффективность тепличного бизнеса высоко оценена в странах, где благоприятен климат для растениеводства в открытом грунте. В Испании, например, под тепличный грунт используется 52 тыс. га, в Японии – 42 тыс. га, в Турции – 41 тыс. га, в Хорватии только под огурцы задействовано 4,5 тыс. га теплиц. В России промышленные теплицы сейчас располагаются на площади всего на 2,1 тыс. га. По данным Росстата, производство продукции в защищенном грунте снижается. В то же время потребление не сокращается, а остается на уровне 2,0 млн т в год.

В советские времена площади защищенного грунта были в 2 раза больше и в 1974 г. составляли 4,7 тыс. га. Сокращение площадей под овощные культуры происходит за счет выбывания технически и морально устаревших технологий и сооружений, обветшания зданий и безудержного роста стоимости электроэнергии.

Большая часть действующих отечественных промышленных теплиц сосредоточена сейчас в Центральном и Приволжском федеральных округах – 33% и 22%, соответственно. Меньше всего промышленных теплиц в Северо-Западном округе, там расположено 6% тепличных комплексов. Доля Южного федерального округа, несмотря на особенно привлекательные условия для круглогодичного выращивания растений в защищенном грунте, пока составляет всего 8% среди российских тепличных площадей.

С 1990 г. и по настоящее время отрасль защищенного грунта находится в упадке. Происходит износ основных фондов старых теплиц на 80-85%; идет ежегодное сокращение используемых производственных площадей. Рост стоимости земли в окрестностях крупных городов и повышение энергетических тарифов подрывают экономику тепличных комбинатов, а также сказываются недостатки законодательства и государственного регулирования.

В 60-70-е гг. прошлого столетия определяющим фактором создания крупных овощеводческих хозяйств являлось наличие большого количества потребителей, поэтому и создавались они вокруг крупных городов. На территории Нижегородской области на выращивании овощей специализировались следующие совхозы: «Дзержинский», «Доскино», «Горьковский», «Ждановский», «Мокринский», «Тепличный», «Новоликеевский». Данные хозяйства и сейчас снабжают нижегородцев свежими овощами в течение всего года. С 1961 г. по 1990 г. в Нижегородской области происходил регулярный рост площадей в

защищенном грунте. За тридцать лет они увеличились в 5,84 раза. С 1991 г. по 2009 г. идет обратная тенденция – сокращение в 2 раза.

Нами проведено комплексное обследование потребительского рынка свежих овощей г. Нижний Новгород, результаты которого позволили оценить специфику потребительских требований жителей, тенденции в развитии спроса, выявить структуру и объём неудовлетворенных потребностей, вскрыть причины дисбаланса.

В последние годы ситуация с обеспечением населения овощами г. Нижний Новгород отличается нестабильностью. Это связано с рядом причин, важнейшими из которых являются сокращение объемов производства, неудовлетворительное поступление свежих овощей из других регионов России и стран СНГ, недостаточное развитие рыночных отношений в розничной и оптовой торговле и многие другие.

В составе потребления свежих овощей преобладают огурцы и томаты, а также лук зеленый, петрушка, укроп. Необходимо отметить, что поступление ценных овощей в свежем виде в осенне-зимнее и зимне-весеннее время года возможно лишь из закрытого грунта, зависимость которого от внешних условий сведена к минимуму, а также за счет импортных поставок. При фактической численности постоянного городского населения 1272,5 тыс. человек [2. С. 91] потенциальная ёмкость товарного рынка составляет: огурцов – 12 725 т, томатов – 21 632,5 т, лука зеленого – 3817,8 т, прочих зеленных культур – 5090,0 т. В современных условиях тепличные комбинаты удовлетворяют население в размере 48,6% годовой потребности по огурцам, по томатам – 6,6%, луку – 3,1%, прочим зеленым – 3,67%.

Следует отметить, что при норме площади защищенного грунта 0,6-0,8 кв. м на 1 городского жителя площадь защищенного грунта в тепличных комбинатах должна составлять 812,16-1082,9 тыс. кв. м. Фактическая же площадь защищенного грунта составляет 55,5% от нормативного. При соблюдении норматива товарная масса овощей защищенного грунта, поставляемая из тепличных комбинатов на рынок г. Нижний Новгород, потенциально составила бы 15 431-20 575,1 т, т.е. 33,5-44,7% годовой потребности.

Оценка видовой структуры позволила выявить, что потребление только одного вида овощей – огурцов – соответствует минимальной медицинской норме. По всем остальным видам овощей объёмы потребления ещё не достигли нижней границы рекомендуемых уровней, особенно по томатам, луку зеленому и прочим зеленым культурам.

Большую роль в поисках оптимальных вариантов сочетания производства в тепличных хозяйствах, личных подсобных хозяйствах (ЛПХ) с учетом ввоза, вывоза и импорта продукции могут оказать методы математического моделирования с использованием ЭВМ.

Результаты решения поставленной задачи дали возможность установить оптимальное сочетание отдельных овощных культур в общественном производстве, ЛПХ пригородной зоны г. Нижнего Новгорода с учетом ввоза, вывоза и импорта свежих овощей исходя из душевой потребности населения.

В ходе решения экономико-математической задачи по оптимизации процесса обеспечения населения г. Нижнего Новгорода овощной продукцией были получены следующие результаты: следует изменить существующую структуру посевных площадей в овощеводстве защищенного грунта, сократив площади под огурцы на 27,9 тыс. кв. м, томаты на 61,63 тыс. кв. м, увеличив площадь под высокодоходные культуры – лук зеленый на 78,9 тыс. кв. м и зеленные культуры (укроп, петрушку, сельдерей, шпинат, салат) на 10,43 тыс. кв. м. Товарное производство в ЛПХ целесообразнее ориентировать на выращивание лука зеленого и

зеленных культур, размер доходов по которым превышает расходы на выращивание и реализацию в 4-5 раз.

Соответствующие изменения снизят убытки общественного производства более чем в 4 раза и повысят доходность овощей в ЛПХ в 2 раза. Также выявлено, что для реконструкции функционирующих более 30 лет теплиц необходимо 12,1 млн руб. (в ценах 2001 г.). С учетом индексов сметной стоимости проектных работ для строительства в 2010 г. данные расходы составили 36,9 млн руб. и 946,4 руб. на 1 кв. м [1].

Немаловажным аспектом в тепличном овощеводстве является рост стоимости энергоносителей и газа. В период с 1991 г. по 2009 г. произошли значительные изменения в соотношении цены на газ и овощей защищенного грунта. Так, если в 1991 г. в Нижегородской области стоимость 1 Гкал газа оценивалась производством 6 кг овощей, то в 2009 г. – 26,7 кг.

С целью снижения энергоемкости производства новые проекты строительства теплиц тяготеют к более благоприятным в климатическом отношении регионам. Среди таких проектов, например, тепличный комплекс «Сельхозпром-инвест» на 16 га в Краснодарском крае, тепличный овощной комплекс на 30 га в Астраханской области – инвестор компания «Балтимор». Практически все новые масштабные тепличные проекты инвестируются частным капиталом.

Оценивая современные тенденции производства овощей в России, отметим, что оно должно основываться на двух взаимодополняющих параллельных процессах – это функционирование овощеводческих хозяйств вокруг крупных городов, а также создание овощеводческих комплексов в южных регионах России с последующим расширением площадей. Только в этом случае будут решены три главные задачи: круглогодочное обеспечения населения свежей овощной продукцией, сохранение занятости населения, снижение импортозамещения.

Литература

1. Письмо Министерства регионального развития РФ от 02 марта 2011 г. № 451-КК/08. Рекомендуемые к применению в 1 квартале 2011 г. индексы изменения сметной стоимости строительно-монтажных работ, индексы изменения сметной стоимости проектных и изыскательских работ, индексы изменения сметной стоимости прочих работ и затрат, а также индексы изменения сметной стоимости оборудования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gukk-stroicena.ru>.
2. Российский статистический ежегодник. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009. 795 с.
3. *Сурова С.М.* Россиянам – отечественные овощи [Электронный ресурс]. URL: http://www.agro.tatar.ru/rus/file/pub/pub_51753.doc.
4. *Яговкин В.В.* Производство овощей в Кировской области. Контроль качества реализуемой продукции // Проблемы питания: гигиена, безопасность, регионально ориентированный подход: материалы II региональной науч.-практ. конф. 19 апреля, 2007 г. / под ред. И.В. Шешунова, Е.Н. Касаткина. Киров: Кировская гос. мед. академия, 2007. 112 с.

ОЛОНИНА СВЕТЛАНА ИГОРЕВНА – доцент кафедры экономики сельского хозяйства, Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Нижний Новгород (Olonina-si@mail.ru).

OLONINA SVETLANA IGOREVNA – assistant professor of Agricultural Economics, Nizhni Novgorod State Agricultural Academy, Russia, Nizhni Novgorod.

УДК 005.21:377

А.А. ПАНАРИН

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СИСТЕМ ПЕРСПЕКТИВНОГО И СТРАТЕГИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ УЧРЕЖДЕНИЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Ключевые слова: классификационные признаки, функциональное назначение, стратегическое, перспективное управление, учреждения профессионального образования.

На основе классификационных признаков систем стратегического и перспективного управления исследованы их отличительные характеристики.

А.А. PANARIN

**COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE FUNCTIONING OF PERSPECTIVE
AND STRATEGIC MANAGEMENT SYSTEMS FOR SOCIOECONOMIC
AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF INSTITUTIONS OF PROFESSIONAL EDUCATION**

Key words: classification signs, functional purpose, strategic, perspective management, establishments of professional education.

The article investigates the distinctive characteristics of strategic and perspective management systems on the basis of classification signs.

Сравнительная характеристика функционирования систем перспективного и стратегического управления социально-экономическим и инновационным развитием учреждений профессионального образования, на наш взгляд, может в достаточно полной мере быть обеспечена на основе таких классификационных признаков каждой из систем, как: функциональное назначение, целевая ориентация на достижение максимально возможных экономических и социальных результатов; технологический элементный состав; период времени функционирования системы управления; экономический результат и эффективность системных воздействий на текущую деятельность и перспективное развитие учреждений профессионального образования; участие персонала в повышении экономических результатов (таблица).

В соответствии с классификационными признаками таблицы, каждый из видов управления средне-, долгосрочного развития учреждений профессионального образования хотя и обладает своими особенностями как самостоятельная система управления, перспективное и стратегическое управление в дополнение друг другу решают основную задачу – достичь наибольшего экономического, социального результата, эффективности инвестирования в новшества, в основной капитал в условиях изменений состояния внешней и внутренней сред, существенно отличающихся от ретроспективных их изменений [1].

Так, функциональное назначение системы стратегического управления социально-экономическим и инновационным развитием учреждений профессионального образования характеризуется организационным и ресурсным обеспечением текущей деятельности и перспективного развития учебных заведений профессионального образования посредством предпринимаемых организационно-экономических мер как в составе технологических элементов системы стратегического управления, так и вне её, последовательным соблюдением технологии данного вида управления в условиях негативного влияния факторов внешней и внутренней сред, существенно отличающегося от их действия в ретроспективном периоде [2, 4].

Хотя функциональное назначение системы перспективного управления экономическим, социальным и инновационным развитием сферы профессионального образования выражается таким же организационным и ресурсным обеспечением объектов управления, как и в системе стратегического управ-

ления, оно (функциональное назначение) исходит из предположения о том, что объект управления будет развиваться на основе экстраполяции ретроспективных изменений экономических, социальных результатов, эффективности осуществления инновационных проектов.

Устанавливаемые экономические, социальные результаты в перспективном периоде развития учреждений профессионального образования как прогнозные или планово-расчетные оценки выступают для систем перспективного и стратегического управления целевыми ориентирами, достижение которых обеспечивается взаимодействием технологических и ресурсных элементов данных систем (таблица).

Классификационные признаки и основные отличительные характеристики систем стратегического и перспективного управления учреждениями профессионального образования

Классификационные признаки управления	Стратегическое управление	Перспективное управление
Функциональное назначение	Организационное и ресурсное обеспечение текущего функционирования и долгосрочного экономического и инновационного развития учреждений профессионального образования составом технологических элементов в условиях нестабильного состояния макро-, микросред	Организация деятельности и перспективного социально-экономического и инновационного развития учреждений профессионального образования в соответствии с технологией перспективного управления и экстраполяционными тенденциями изменений экономического и социального результатов
Целевая ориентация на достижение максимально возможных экономических и социальных результатов	Рационализация взаимодействия технологических элементов системы на достижение максимально возможных экономических результатов	Обеспечение взаимодействием технологических элементов системы управления достижения установленных (планируемых) экономических, социальных результатов, эффективности инновационных проектов учреждений профессионального образования на основе экстраполяционного перспективного развития
Состав технологических элементов	Стратегический анализ, экспертно-сценарное видение, миссия, стратегическая цель, обобщающая и частные стратегии	Функции, методы, способы, организационно-экономические и иные меры управления
Экономический результат и эффективность воздействия системы управления на развитие учреждений профессионального образования	Сохранение и повышение темпов экономического роста в условиях негативных влияний макро-, микросред	Отсутствие отклонений планируемого и фактического экономического результата при сохранении ретроспективных тенденций развития
Период времени действия	Устанавливается по этапам жизненного цикла учреждений профессионального образования	От 3 до 15 лет
Участие персонала в повышении экономических результатов	Влияние персонала на повышение экономического, социального и инновационного результата	Участие персонала в процессе достижения планируемых экономических, социальных результатов, эффективности инновационных проектов в перспективном периоде

Целевая ориентация каждой из сравниваемых по классификационным характеристикам систем управления обеспечивается как отдельными технологическими составляющими (элементами) систем, так и их совокупностью. При этом такие технологические элементы системы стратегического управления, как стратегический анализ, экспертно-сценарное видение экономического, социального и инновационного развития объекта управления на конкретный интервал долгосрочного периода, миссия (предназначение), стратегическая цель, обоб-

щающая и частные стратегии, определяют особенности целевой ориентации системы управления учреждениями профессионального образования на достижение планируемых (желаемых, установленных) экономических и социальных результатов, эффективности инвестиций в новшества.

Целевая ориентации системы перспективного управления развитием учреждений профессионального образования обеспечивается такими её технологическими элементами, как функции (планирование, организация, регулирование, контроль, учёт, прогнозирование, анализ), методы (экономический, административно-распорядительный, социально-психологический), способы (имитационный, оптимальный, нормативный, структурно-организационный), предпринимаемые меры в составе технологических элементов и вне их (экономические, финансовые, маркетинговые, инновационные, социальные, организационные), экономический анализ ресурсных возможностей достичь планируемых (прогнозируемых) экономических и иных результатов в средне-, долгосрочном периодах.

Отличие систем стратегического и перспективного управления учреждениями профессионального образования по такому классификационному признаку, как «экономический результат и эффективность воздействия системы управления на развитие учебных заведений профессионального образования» (таблица), состоит в том, что экономический результат в системе стратегического управления определяется в процессе её функционирования за счёт непосредственно свойств системы, её технологических элементов, целевая ориентация которых на достижение планируемых экономических и социальных результатов в средне-, долгосрочном периодах сохраняет и повышает результаты ретроспективных тенденций развития учреждений профессионального образования в будущем в условиях влияния негативных факторов внешней и внутренней сред.

Общая результативность системы стратегического управления может быть экономически представлена той величиной экономического результата развития учреждения (их группы) профессионального образования, которая получена на определенный период времени за счёт противодействия технологических элементов системы негативным влияниям факторов внешней и внутренней сред. А эффективность функционирования системы стратегического управления может быть определена посредством полученного ею экономического результата, соотносенного с затратами на ресурсы, потребляемыми в процессе осуществления организационно-экономических, инновационных, финансовых, маркетинговых и иных мер в технологических элементах системы.

Экономический результат функционирования системы стратегического управления социально-экономическим и инновационным развитием учебных заведений профессионального образования, таким образом, выступает тем идентификатором, который равнозначен вкладу системы стратегического управления в достижение планируемого экономического результата. При этом эффективность системы стратегического управления может быть приемлемой для менеджмента локальной или отраслевой составляющей в том случае, если существенные отклонения состояния внешней и внутренней сред от сложившихся ретроспективных тенденций, экстраполяционных оценок не повлияли на достижение планируемого (прогнозируемого) экономического результата [3, 5].

В системе перспективного управления социально-экономическим и инновационным развитием учреждений профессионального образования в качестве экономического результата функционирования (таблица) может быть принято на прогностической и сценарно-экспертной основе условие не только установления объективной величины экономического результата, достигаемой субъектом и объектом управления в перспективном (долгосрочном) периоде, сбалансированной с располагаемым и изменяющимся качественно и количественно ресурсным потенциалом при сохранении неизменности ретро-

спективных тенденций развития локальных и отраслевых составляющих сферы профессионального образования, но и минимизации (отсутствия) отклонений планируемого и фактически достигнутого экономического результата.

Однако различие условий, допущений и целевых ориентаций систем стратегического и перспективного управления социально-экономическим и инновационным развитием учреждений профессионального образования не лишает данные системы стремления к взаимодействию и дополнению. Поэтому классификационный признак «экономический результат и эффективность системы управления» (таблица), характеризующий перспективное управление как инструмент установления обоснованного экономического результата в средне-, долгосрочном периодах, объединяет на основе взаимодействия данные системы управления в части их целевой ориентации [6].

Так, объем оказания образовательных услуг потребителям, планируемый к достижению в системе перспективного управления, становится ориентиром экономического результата и в системе стратегического управления социально-экономическим, инновационным развитием учебных заведений профессионального образования.

Отличия анализируемых систем управления по классификационному признаку «период времени действия» (таблица) состоят в том, что для стратегического управления не устанавливается конкретный период действия его технологии. Возможны лишь этапы развития объекта управления в его жизненном цикле, в которых используется взаимодействие технологических элементов системы стратегического управления, с учётом специфики этапа развития, необходимости поддержания сложившихся или повышения темпов экономического роста.

Следует в этой связи отметить то, что стратегическое управление позволяет на тех или иных этапах жизненного цикла продлить во времени этот этап и в целом длительность жизненного цикла. Например, на этапе замедления экономического роста учреждения профессионального образования система стратегического управления должна предусматривать организационно-экономические меры по диверсификации образовательных услуг, повышению их качества, оптимизировать ценовую составляющую оказываемой услуги в целях повышения уровня конкурентоспособности образовательной услуги. Период упадка (заката), как завершающий в жизненном цикле учебных заведений профессионального образования, в процессе стратегического управления может быть несколько изменен и модифицирован посредством изменения состава частных стратегий, направленность которых должна выражаться в расширении возможностей инновационных изменений в деятельности учреждений профессионального образования, повышающих роль информационных, маркетинговых и организационных новшеств. При этом повышение роли инноваций на завершающем периоде (этапе) жизненного цикла учреждений профессионального образования связано с конкурентной необходимостью снижения затрат на образовательную услугу, оказываемую на основе современных организационных, информационных и технологических новшеств.

Литература

1. Беляков С.А. Модернизация образования в России: совершенствование управления. М.: МАКС Пресс, 2009.
2. Будагов А.С. Прогнозирование как функция управления инновационным развитием региона // Вестник Российской академии естественных наук. 2011. № 2 (15). С. 37-39.
3. Информационные ресурсы в высшей школе / Л.П. Кураков, Л.Г. Ефремов, Е.К. Лебедев и др. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1998.
4. Кроливецкий Э.Н. Технология стратегии развития социально-экономической системы // Аспирант. Докторант. Гуманитарно-социальное исследование. 2011. № 1. С. 123-127.
5. Смирнов С.Б., Голубев А.А. Рационализация механизма планирования развития высшего профессионального образования. СПб.: Студия «НП-Принт», 2012.
6. Фокина М.Л. Анализ результативности и формирования механизма стратегического управления развитием учреждений и отраслей культуры. СПб.: Диалог, 2009.

ПАНАРИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат экономических наук, докторант, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения, Россия, Санкт-Петербург (panarinaa@list.ru).

PANARIN ANDREY ALEKSANDROVICH – candidate of economics sciences, doctoral candidate, St.-Petersburg State University of Cinema and Television, Russia, St.-Petersburg.

УДК 001.89:377

А.А. ПАНАРИН, Э.Н. КРОЛИВЕЦКИЙ

ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ И АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ВНУТРЕННИХ ЗАТРАТ НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: инновационная активность, внутренние затраты, научные исследования и разработки, учреждения высшего профессионального образования.

Исследована инновационная активность учреждений профессионального образования, проанализирована динамика внутренних затрат на научные исследования и разработки.

A.A. PANARIN, E.N. KROLIVETSKY

INNOVATIVE ACTIVITY AND ANALYSIS OF DYNAMICS OF INTERNAL EXPENSES FOR SCIENTIFIC RESEARCH AND DEVELOPMENT OF ESTABLISHMENTS OF HIGHER EDUCATION

Key words: innovative activity, internal expenses, scientific researches and development, higher education establishments.

The article investigates the innovative activity of establishments of professional education and analyzes dynamics of internal expenses for scientific research and development.

Инновационная активность по числу субъектов хозяйствования, осуществляющих технологические новшества в сфере профессионального образования, должна сочетаться с долей этих учреждений в их общем числе по всей сфере профессионального образования или отдельно по таким видам профессионального образования, как начальное, среднее и высшее.

Аналогично уровень инновационной активности должен определяться и по организационным, маркетинговым и информационным новшествам. Установление частных и обобщающего уровней инновационной активности учреждений профессионального образования предоставляет менеджменту учреждений профессионального образования не только в количественной мере судить о реальном вкладе и об инновационном потенциале, но и о соответствии сложившихся частных и обобщающего уровней инновационной активности нормативным, адекватным инновационным изменениям внешней среды.

В текущей деятельности, а также в средне-, долгосрочном социально-экономическом и инновационном развитии учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования, на наш взгляд, следует уделять внимание широкому спектру разрабатываемых или модернизируемых новшеств различного характера. Наряду с внедрением технологических и информационных новшеств в деятельности учреждений профессионального образования следует уделять внимание как отдельным инновационным элементам, так и комплексу (совокупности) организационных преобразований, носящих инновационный характер.

Организационными новшествами в текущей деятельности и долгосрочном социально-экономическом развитии учреждений профессионального образования выступают: разрабатываемые и внедряемые системы перспективного и стратегического управления (планирования); внедрение сформулированной или несколько изменённой обобщающей (корпоративной, базовой)

стратегии экономического роста; внедряемые новые или существенно преобразованные методы управления субъектом хозяйствования на основе использования информационных технологий; сформированные или усовершенствованные организационные структуры учреждения профессионального образования; разрабатываемые и внедряемые современные системы контроля качества знаний студентов, образовательных услуг и в целом учебного процесса; разрабатываемые новые и усовершенствованные методы и приёмы организации труда профессорско-преподавательского состава, осуществления учебного процесса; создаваемые научно-инновационные подразделения по проведению научных исследований и прикладных разработок, реализации новшеств в учебном процессе; новые методы организации и модернизации деятельности маркетингового подразделения учреждения профессионального образования [1, 2].

Особенности динамики изменений внутренних затрат на исследования и разработки в сфере высшего профессионального образования по сравнению с таковыми в сфере начального и среднего профессионального образования состоят в том, что в данной сфере сложилась обширная инфраструктура различных типов учреждений университетского, научно-исследовательского, конструкторского и проектно-конструкторского характера.

Динамика изменения внутренних затрат, идущих на научные исследования и разработки в различных типах учреждений сферы высшего образования, имеет свою целевую направленность на решение научных и прикладных задач с большой степенью риска. При этом ежегодные изменения внутренних затрат на осуществляемые научные исследования и разработки зависят не только от ресурсного и организационного потенциалов учреждения сектора (сферы) высшего образования, но и от влияния негативных факторов внешней и внутренней сред, изменяющих величины экономического и социального результатов научных исследований и прикладных разработок в текущем и перспективном периодах времени.

Характер динамики изменений внутренних затрат на научные исследования и прикладные разработки отражают данные таблицы.

Динамика размеров внутренних затрат на научные исследования и разработки в различных типах учреждений высшего профессионального образования за период 2000-2010 гг., млн руб.

Наименование типов учреждений высшего профессионального образования	Годы										
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Университеты и другие высшие учебные заведения	2777,4	4122,7	5433	8306	8498	10963	14672	20110	25254	24400	25900
Научно-исследовательские институты (центры)	528,4	1082	1449,2	1478,1	1591	1596,8	2363	2445	2553	2420	2625
Всего внутренних затрат	3489,3	5487,7	7323	10298	10696	13338	17639	23472	28869	34642,2	43714

Изменения размеров внутренних затрат на научные исследования и разработки в учреждениях высшего образования за период 2000-2010 гг. характеризуют последовательно высокие ежегодные темпы их роста, включая и послекризисный период 2008-2010 гг., в которых индексы размеров внутренних затрат

на научные исследования и разработки в сфере высшего образования начиная с 2008 по 2010 г. были, соответственно, равны 123; 120; 126,2%.

А в целом за анализируемый период деятельности различных типов учреждений высшего образования внутренние затраты выросли в 2010 г. по сравнению с аналогичным показателем за 2000 г. в 12,5 раза, что, на наш взгляд, является свидетельством не только увеличения количества создаваемых научных исследований и разработок, но и повышения объемов потребления трудовых, материальных, информационных ресурсов, их стоимости использования.

В университетах и других высших учебных заведениях внутренние затраты в 2010 г. по сравнению с таковыми за 2000 г. выросли в 9,3 раза (таблица), что по росту общих внутренних затрат в сфере высшего профессионального образования меньше в 1,3 раза. При этом по сравнению с внутренними затратами на научные исследования и разработки в научно-исследовательских институтах (центрах) и конструкторских, проектно-конструкторских учреждениях внутренние затраты всего комплекса имеющихся типов учреждений высшего образования за период 2000-2010 гг., соответственно, превышают в 2,5 раза (12,5/5,0) и 2,2 раза (12,5/5,6).

Существенное отставание темпов роста внутренних затрат на научные исследования и разработки в научно-исследовательских институтах (центрах), конструкторских и проектно-конструкторских учреждениях от общих внутренних затрат всего комплекса учреждений высшего профессионального образования, а также от объемов затрат, как нам представляется, связано с отсутствием необходимого объема заказов на научные исследования и прикладные разработки как со стороны государства, так и предпринимательских структур.

Кроме того, отсутствие материально-технической базы, информационного обеспечения и высококвалифицированных специалистов (утечка квалифицированных научных работников из научных, конструкторских и проектных учреждений из-за низкого уровня оплаты труда приняла в настоящее время массовый характер) по своим объемам и качественным параметрам, соответствующим мировым требованиям к выполнению научных работ, в свою очередь, существенно повлияло на снижение объемов внутренних затрат на научно-исследовательских, конструкторских и проектных учреждениях сферы высшего образования.

Следует также отметить, что на изменение динамики внутренних затрат на научные исследования и разработки в период 2008-2010 гг. в существенной мере оказали влияние экономические и финансовые кризисные явления в мире в целом и Российской Федерации в частности.

Особенности экономических и инновационных изменений в сфере (секторе) высшего образования можно представить за период 2000-2010 гг. в виде роста доли внутренних затрат на научные исследования и разработки в валовом внутреннем продукте. Так, за период 2000-2010 гг. доля внутренних затрат на научные исследования и разработки последовательно, начиная с 2000 г., составила (%): 0,05; 0,06; 0,07; 0,08; 0,06; 0,06; 0,07; 0,07; 0,06; 0,07 [4]. При этом в структуре внутренних затрат на научные исследования и прикладные разработки доминировали финансовые средства государства (2000 г. – 63,6%; 2008 г. – 62,4%). Финансовые средства предпринимательских структур в структуре внутренних затрат на научные исследования и разработки были равны в 2000 г. – 27,3%, в 2008 г. – 28,6%.

Объем финансовых средств непосредственно самих учреждений высшего образования, направляемых во внутренние затраты на создание научных исследований и разработок, был минимальным и по 2000 г. и 2008 г. составил 5,1% и 6,1%.

Таким образом, сложившаяся тенденция финансирования внутренних затрат на научные исследования и разработки в комплексе учреждений высшего

образования была стабильно неизменной, без решения проблем определения целевой ориентации данных учреждений на достижение тех объемов внутренних затрат, которые соответствуют максимальной величине экономического результата, эффективности деятельности учреждений высшего образования.

В рамках системы стратегического планирования изменение структуры затрат исходя из источников финансирования научных исследований и разработок могло бы быть иным в том случае, если бы повышался уровень заинтересованности всех типов учреждений высшего образования в максимизации экономических результатов инновационной деятельности и оптимизации затрат на основе изменений организационно-правового статуса учреждений (например, уровня автономности) и принятия обобщающей (базовой, корпоративной) стратегии экономического роста на основе увеличения собственных средств и объемов финансирования научных исследований и разработок предпринимательских структур [3].

В настоящее время необходим отход от привычного, не требующего интенсивного использования организационного и трудового (интеллектуального) потенциалов, положения текущего функционирования и перспективного развития всех типов учреждений сферы высшего образования в структуре затрат собственных средств и средств от предпринимательских структур, заказывающих исследования, прикладные разработки или приобретающих их на рынке новшеств.

Вместе с тем оптимизации внутренних затрат и достижению экономических результатов от инновационной деятельности различных типов учреждений сектора высшего образования может содействовать стратегия интеграции с образовательными профессиональными учреждениями, позволяющая уменьшать темпы роста внутренних затрат на научные исследования и разработки и повышать экономические результаты от научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности за счёт синергии использования основного капитала, объединённых управленческих структур, общей рекламы, каналов сбыта образовательных услуг общим контингентом потребителей.

Оптимизация внутренних затрат на научные исследования и разработки должна учитывать приведение структуры видов затрат к тем соотношениям, которые должны позволить менеджменту различных типов учреждений высшего образования повысить темпы роста экономических результатов от научных исследований и разработок, опережающие рост объемов внутренних затрат.

Так, например, при индексах роста затрат на: оплату труда работников, выполняющих научные исследования и разработки в секторе высшего образования в 2007 и 2008 гг., равных, соответственно, 143% и 118%; материальные затраты, составляющие ежегодное превышение в 2007 г. 122%, в 2008 г. – 98%; прочие текущие затраты с ежегодным ростом в 2007 и 2008 гг., равные, соответственно, 130,2% и 110,3% [4], необходимо реализовывать комплекс организационно-экономических мер, направленных на снижение прочих текущих затрат (в 2007 и 2008 гг. в сфере высшего образования, соответственно, равных 3376 млн руб. и 3724,3 млн руб.).

Следует отметить, что прочие текущие затраты в различных типах учреждений сферы высшего образования после размеров оплаты труда работников, выполняющих научные исследования и разработки в 2007 и 2008 гг. (6942,3 млн руб. и 9350,2 млн руб.), занимали второе место среди остальных видов затрат, включая затраты на оборудование и капитальные затраты. Оптимизация структуры внутренних затрат, осуществляемых на научные исследования и разработки сектора (сферы) высшего образования, должна, как нам представляется, привести доминирующие по размерам виды затрат к тем значениям, которые соответствуют принятым нормам и нормативам потребления материалов, использования основных фондов.

Литература

1. Алексеева М.Б., Царёв В.В., Раковщик Л.С. Экономика, организация и планирование деятельности образовательных учреждений на основе многокритериального подхода. СПб.: Нестор, 1999.
2. Букин Л.Л. Целевая ориентация учреждений высшего профессионального образования на активизацию проектного инвестирования: препринт. СПб.: Диалог, 2007.
3. Ольнев О.К. Механизм стратегического управления проектным инвестированием в новшества: препринт. СПб.: Диалог, 2010.
4. Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011.

ПАНАРИН АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ. См. с. 463.

КРОЛИВЕЦКИЙ ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры управления экономическими и социальными процессами, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения (regulim@mail.ru).

KROLIVETSKY EDVARD NIKOLAEVICH – doctor of economic sciences, professor of Economic and Social Processes Management, St.-Petersburg State University of Cinema and Television, Russia, St.-Petersburg.

УДК 330.341.1

М.В. РОМАНОВА

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, региональная инновационная система.

Рассмотрены актуальные вопросы развития и модернизации региональной инновационной системы Чувашской Республики. Обоснованы значимость и необходимость создания региональных зон роста и инновационных кластеров. Особое внимание уделено вопросу повышения инновационной активности в регионе. Предложены экономически обоснованные направления развития региональной инновационной системы Чувашской Республики.

M.V. ROMANOVA

STRATEGIC DIRECTION OF THE INNOVATION OF THE CHUVASH REPUBLIC

Key words: innovations, innovative infrastructure, innovation activity, innovation system.

The article is devoted to topical issues of the development and modernization of the regional innovation system of the Chuvash Republic. It substantiates the importance and need for regional growth areas and innovative clusters. Particular attention is paid to the improvement of innovative activity in the region. An economically feasible direction of development of regional innovation system of the Chuvash Republic is presented.

Одной из эффективных форм практического перехода региональной экономики на инновационный путь развития являются создание и функционирование в регионах территорий (зон) опережающего развития. В них для достижения поставленных целей должны развиваться конкретные отрасли производства, которые должны наращивать экономический потенциал региона и всей страны в целом, создавать зоны роста инновационной экономики. Территории (зоны) опережающего развития должны служить своеобразными полигонами для отработки рыночных механизмов хозяйствования, новых форм и методов управления, проведения экспериментов по переходу к инновационной экономике. Для решения системных задач формирования инновационной экономики в зонах территориального инновационного развития необходимы: интегрированная техническая среда, обеспечивающая эффективность инновационной деятельности; специфическое для инновационной экономики коммуникационно-информационное пространство; эффективная система инжиниринга и профессионального сопровождения инноваций; система управления интеллектуальными активами, обеспечивающая их капитализацию (в том чис-

ле должна быть создана единая база учета и регистрации интеллектуальных активов); концентрация операторов региональной инновационной системы; особая институциональная структура конвенционального типа, в основе которой должен лежать своего рода «договор» между региональным координационным советом по инновационной деятельности, администрацией региона, администрацией зоны, операторами и резидентами зоны.

Новые концептуальные подходы к формированию инновационной стратегии прорыва региона требуют своих отправных точек – «точек роста». Приложение «точек роста» позволит резко увеличить конкурентоспособность региона; создаст благоприятные условия для устойчивого развития региональных инновационных кластеров на основе интеграции образования, науки и инновационной деятельности, международного сотрудничества, реализации пилотных проектов и т.п. Для этого необходимо сформировать инновационную среду региона, которая должна включать в себя центры кристаллизации инновационной деятельности, т.е. те самые «точки роста».

Концептуальные принципы определения «точек роста» в реализации инновационной стратегии прорыва в регионе представлены на рисунке.

Концептуальные принципы определения «точек роста» региона

В ходе реализации функциональных интересов «точек роста» формируется «зона инновационного прорыва» (ЗИП), обеспечивается ускорение в конкретных сферах жизнедеятельности региона, дающих инновационный рост социально-экономического развития региона, гармоничность в удовлетворении региональных и общенациональных потребностей с потребностями всех субъектов региона, регионального сообщества в целом и его каждого члена в отдельности.

Показательными примерами развития «точек роста» и «зон инновационного прорыва» являются формирование и эффективное функционирование территорий опережающего развития и инновационных кластеров.

Для формирования на территории Чувашии точек роста, которые станут катализатором для развития всей экономики республики, необходимо использовать принцип создания особых экономических зон Российской Федерации, но с учетом региональных особенностей. Так, в Чувашской Республике целесообразно создание территорий (зон) опережающего развития четырех типов [2]: промышленно-производственного; агропромышленного; технико-внедренческого; туристско-рекреационного и двух уровней (региональный и муниципальный), где будет предусмотрено:

- предоставление льгот по налогам и сборам, подлежащим зачислению в республиканский бюджет Чувашской Республики, при привлечении инвестиций в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и законами Чувашской Республики о налогах;

- оказание финансовой поддержки инновационным проектам организациям-участникам территории развития, в порядке и размерах, установленных действующим законодательством Чувашской Республики;

- строительство инженерной и транспортной инфраструктуры за счет средств республиканского бюджета Чувашской Республики, местного бюджета и иных источников;

- нефинансовые меры государственной поддержки инвестиционной деятельности, установленные действующим законодательством Чувашской Республики.

В Чувашской Республике возможно создание нескольких территорий опережающего развития [2]:

- г. Чебоксары (на основе машиностроительного кластера, электронного и электротехнического кластера, приборостроения, текстильной и легкой промышленности);

- г. Новочебоксарск (территория опережающего развития «Солнечная долина», химический, нанотехнологический кластеры);

- г. Канаш (машиностроение, в частности вагоностроение);

- г. Шумерля (машиностроение, в частности спецавтомобили);

- г. Алатырь (индустриальный парк, электротехника, приборостроение, производство металлических конструкций и панелей, быстровозводимых малоэтажных домов по современным технологиям, создание производства по обогащению кварцевого песка для стекловарения и выпуска сухих строительных смесей. Центр православной культуры);

- Алатырский район (создание биоэкополиса, производство по переработке лесных отходов);

- Вурнарский район (научно-производственный и социально ориентированный комплекс);

- Ибресинский район (производство по переработке лесных отходов);

- Канашский район (производство, выращивание и переработка биокультур);

- Комсомольский район (создание биоэкополисов);

- Шумерлинский район (биотехнологичный кластер, объединяющий научно-исследовательские разработки, производство и внедрение биодобавок в малых агрофирмах и животноводческих комплексах);

- Ядринский район (создание биоэкополиса на основе внедрения адаптивно-ландшафтной системы земледелия, производство по переработке экологически чистой сельскохозяйственной продукции).

Создание территорий развития регионального и муниципального уровней позволит:

- стабилизировать ситуацию в депрессивных с экономической и социальной точки зрения территориях;

– выравнивать бюджетную обеспеченность муниципальных образований Чувашской Республики;

– оптимизировать размещение производительных сил;

– повысить активность региональных и муниципальных органов власти при привлечении дополнительных инвестиций на развитие территорий.

Экономической категорией, в наибольшей степени реализующей идею концентрации социального капитала в зоне регионального развития, являются кластеры. В ряде зарубежных государств уже имеется успешный многолетний экономический опыт внедрения и развития кластерных структур как в традиционных отраслях промышленности (здесь интересен опыт Италии), так и в высокотехнологичных отраслях (например, Силиконовая долина). Повсеместное распространение кластеров можно рассматривать в качестве главной черты всех высокоразвитых экономик. Мировой опыт свидетельствует о том, что высокотехнологичное производство может базироваться только на процессах интеграции научных, инновационных и производственных предприятий различных типов [1].

В Чувашской Республике возможны создание и развитие следующих кластерных структур: машиностроительного кластера, химического кластера, кластера промышленности стройматериалов, биотехнологического кластера, высокотехнологичного медицинского кластера, лесопромышленного кластера, кластера легкой промышленности.

В качестве инструмента для реализации кластерного подхода предлагается использование программно-целевого метода, который подразумевает совокупность запланированных к проведению, согласованных по содержанию, скоординированных в пространстве и во времени, обеспеченных ресурсами, прежде всего финансовыми, разнохарактерных мероприятий (действий), направленных на решение проблемных вопросов, требующих концентрации усилий и средств на приоритетных направлениях.

Ценность концепции региональной кластеризации заключается в ее способности представлять систему региональной экономики в качестве единого взаимосвязанного комплекса, предоставляющего возможность принятия управленческих решений. Следовательно, теория кластеризации – это не столько новшество в региональной теории и методах, сколько некий новый комплексный подход к оценке региональных условий и тенденций развития, а также тех политических вызовов, которые влияют на эти условия и тенденции.

Для оценки экономического роста в регионе с учетом предложенных направлений развития инновационной системы и без таковых использована интегральная модель, учитывающая три компонента:

1) модель Гомперца, выражающая аналитическую зависимость между ростом параметра и факторами, обуславливающими этот рост:

$$w_1 = g_0 \times \exp \left[\frac{\mu_0 \times (1 - 2,7^{-\sum D_i \times t})}{\sum D_i} \right],$$

где g_0 – экономический рост при инновационной деятельности в базисный период; $\exp$ – экспонента заданного числа; t – период времени; μ_0 – относительный темп роста, который зависит от дополнительных факторов; D_i – относительный вес фактора инновационного эндогенного роста;

2) метод экстраполяции, при котором прогнозируемые показатели рассчитываются как продолжение динамического ряда на будущее по выявленной закономерности развития:

$$w_2 = \sum g_{t-i} \times K_{t-i},$$

где g_{t-i} – экономический рост производства на основе инновационной деятельности за период $t-i$; K_{t-i} – весовые коэффициенты, отражающие удаленность планового периода от отчетного года;

3) статистический метод в сочетании с интерполяцией, основанный на построении и анализе динамических рядов параметров объекта прогнозирования (w_3).

Метод интерполяции позволяет получить прогноз событий исходя из выявленной направленности изменения экономических показателей, искомое значение рассчитывается по формуле

$$w_3 = g_{t-1} \times \tau_k,$$

где τ_k – кумулятивный темп экономического роста производства на основе инновационной деятельности.

Наиболее вероятное значение индекса промышленного производства по кругу крупных и средних предприятий будет равно величине w , рассчитанной методом средней арифметической.

Динамический ряд прогнозных значений экономического роста (индекса промышленного производства) Чувашской Республики с учетом факторов инновационного роста, рассчитанных по указанным моделям, представлен в таблице [2].

**Прогнозные значения индекса промышленного производства
по крупным и средним организациям Чувашской Республики
с учетом факторов инновационного роста, %**

Индекс промышленного производства	Год										
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
1. Расчет по модели Гомперца	100	103	105	106	107	107	108	108	109	109	109
2. Расчет методом экстраполяции	95,0	101	109	109	109	109	106	107	107	108	108
3. Расчет методом статистического прогнозирования на основе интерполяции	90,1	100	106	107	106	107	107	108	108	108	108
4. Усредненный индекс	95,1	101	107	107	107	108	107	108	108	108	108

Из приведенных расчетов следует, что предложенные направления развития региональной инновационной системы Чувашской Республики экономически обоснованы и позволят добиться увеличения объемов промышленного производства и повысить инновационную активность в регионе.

Таким образом, модернизация региональной инновационной системы Чувашской Республики возможна на основе создания региональных зон роста и инновационных кластеров, в которых сосредоточен тройной фокус промышленно и финансового, человеческого, социального капиталов.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011. 990 с.
2. Чувашия в цифрах 2011 г.: стат. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2011.

РОМАНОВА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – аспирантка кафедры финансов, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (Romanova.MV@bk.ru).

ROMANOVA MARINA VALERYEVNA – post-graduate student of Finance Chair, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 658.5.011

В.Л. СЕМЕНОВ

АНАЛИЗ ПРИНЦИПОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СИСТЕМЫ КАЧЕСТВА ОРГАНИЗАЦИИ*

Ключевые слова: система качества, принцип, организация, эффективность, анализ.

Рассмотрены основные принципы, определяющие эффективность функционирования системы качества организации, в рамках ее проектирования или совершенствования. Предложена авторская классификация данных принципов.

V.L. SEMENOV

ANALYSIS OF THE PRINCIPLES THAT DEFINE THE EFFICACY OF THE QUALITY SYSTEM OF ORGANIZATION

Key words: quality system, principe, organization, efficacy, analysis.

We studied the main priniciples that define the efficacy of the quality system functioning of the organization within its development. Here is the author's classification of the principles.

На формирование модели управления качеством на региональном уровне, характеризующей производственную систему качества, влияют общеэкономические принципы. Кроме того, на основе общего анализа систем качества можно определить, что не существует совершенно одинаковых систем (как региональных, так и производственных). Однако любая система качества организации обладает совокупностью одинаковых свойств и принципов [1-3, 5, 7 и др.], присущих любой системе.

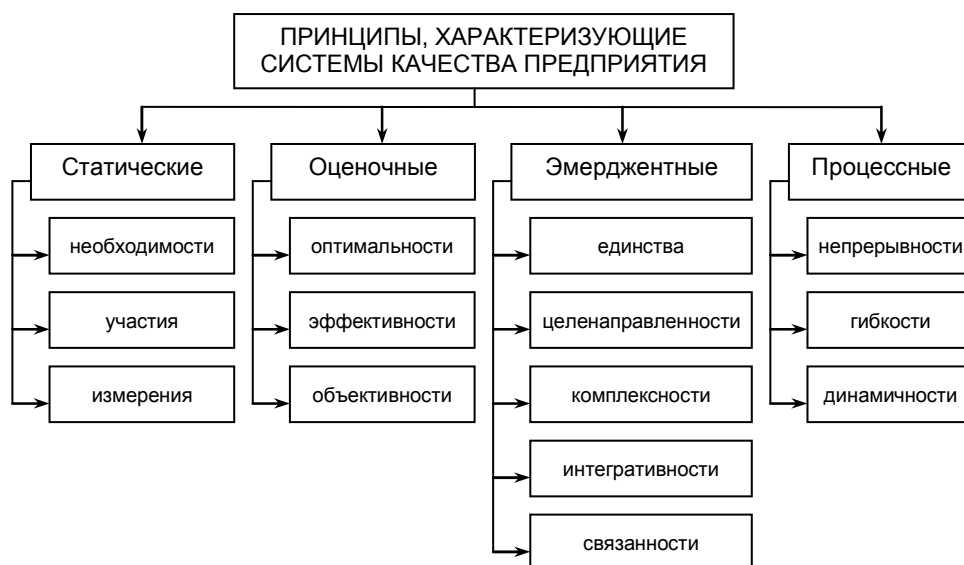
По нашему мнению, при создании систем качества в организации необходимо в первую очередь руководствоваться общеэкономическими принципами, которые разделяются на статические, оценочные, эмерджентные, процессные (рисунок).

Принцип *необходимости* означает обязательное применение системы качества на предприятии при выполнении любого вида трудовой деятельности для повышения качества. Всякий труд – это целесообразная деятельность, направленная на преобразование природных ресурсов в готовую продукцию или услуги и удовлетворение потребностей людей. Отсутствие системы качества сопровождается колебаниями, ошибочными маневрами, несвоевременной переменной ориентации, являющимися причинами плохого состояния, если не краха дел, как с точки зрения качества выпускаемой продукции, так и качества управления. В связи с этим вопрос о необходимости системы качества на любом предприятии даже не должен ставиться: система качества является, безусловно, необходимым инструментом обеспечения конкурентоспособности. Эффективная система качества особенно важна в условиях свободных рыночных отношений, поскольку ее наличие обеспечивает соответствие современным экономическим требованиям рационального использования ограниченных ресурсов на всех предприятиях и позволяет постоянно совершенствовать деятельность в области качества.

Принцип *участия* выражается в том, что в разработке и поддержании системы качества должны принимать участие все без исключения работники предприятия, независимо от того, является он рабочим, менеджером высшего звена или уборщицей. Никто лучше самого работника, обслуживающего рабочее место, независимо от того, является ли он сборщиком, технологом или уборщицей, не знает об имеющихся или возникающих проблемах на рабочем месте. Кроме этого, только работник представляет и понимает, как необходи-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 11-12-21003а/В).

мо оптимизировать свою деятельность для пользы всего предприятия, т.е. для пользы всей системы, и только он знает, как эффективно надо использовать рабочее время. Следовательно, участие всех без исключения работников предприятия позволяет на проектной стадии разработки (а в последующем и при поддержании) системы, качества значительно оптимизировать и повысить эффективность взаимосвязей элементов системы качества, позволяющих значительно повысить конкурентоспособность предприятия за счет многих параметров, таких, например, как снижение затрат на управление, снижение затрат на переделку бракованной продукции и т.д. Здесь необходимо также отметить, что благодаря этому повышается заинтересованность персонала в участии создания системы качества, что позволяет использовать потенциальные слабовыраженные способности персонала. Персонал будет понимать, что предприятие не может эффективно функционировать без его участия, что его существование зависит от каждого сотрудника, т.е. у любого работника возникает желание трудиться для пользы предприятия, активизировать свои способности в удовлетворении потребностей как собственных, так и чужих.

Принципы, определяющие систему качества предприятия

Принцип *измерения* заключается в том, что о качестве функционирования какой-либо системы качества можно судить только применительно к системе более высокого порядка. Другими словами, для определения эффективности функционирования системы надо представить ее как часть более общей и проводить оценку внешних свойств исследуемой системы относительно целей и задач суперсистемы. Кроме того, любой элемент системы должен быть сформулирован таким способом, чтобы его можно было количественно оценить. Это позволяет быстро и объективно оценивать элементы системы, а в комплексе и всю систему, т.е. определять «слабые звенья» системы. На основе полученных оценок, после определения слабых и сильных сторон деятельности предприятия, можно будет приступить к корректирующим воздействиям с целью повышения конкурентоспособности предприятия.

Принцип *оптимальности* подразумевает необходимость постоянного выбора лучшего варианта функционирования как всех элементов, так и системы в

целом. Любая деятельность на предприятии связана с принятием оптимального варианта из определенного количества существующих способов достижения конечной цели. Но особенностью принятия оптимального варианта является то, что такой выбор во многих случаях затруднен. Это связано в первую очередь с неопределенностью будущих результатов принятых решений, нехваткой определенных ресурсов или отсутствием опыта высших менеджеров предприятия при принятии решений. Все это приводит к тому, что при выборе оптимальных вариантов необходимо руководствоваться определенными критериями, такими, например, как минимальная трудоемкость, материалоемкость или себестоимость продукции при существующих условиях производства и ограничениях ресурсов, максимальная прибыль и другие конечные результаты. Так как система качества характеризует деятельность предприятия, а ее элементы в большинстве случаев выражают эффективность критериев конечных результатов, то возникает необходимость постоянной оптимизации ее элементов и системы качества в целом. Особенность этого принципа системы качества заключается еще в том, что он тесно связан с принципами эффективности и целенаправленности, так как эти принципы определяют в первую очередь критерии выбора оптимальных вариантов функционирования элементов системы качества.

Принцип *эффективности* требует разработки такого варианта системы качества, который при существующих ограничениях используемых ресурсов обеспечивает получение наибольшего экономического эффекта. Любой плановый эффект показывает степень достижения некоторого заданного результата: как будет выполнена работа по производству товара или услуги, удовлетворит ли она потребителя и как будет продана, какова общая прибыль и т.п.

При оценке эффекта в процессе планирования обычно происходит сравнение ожидаемых показателей с заранее выбранной целью, установленным нормативом доходности и другими сравнительными данными. Оценить реальный эффект на стадии разработки плана практически не возможно, но тем не менее его надо планировать. Известно, что всякий эффект в конечном счете заключается в экономии различных ресурсов на производство единицы продукции. Первым показателем планируемого эффекта может служить превышение результатов над затратами, поэтому одним из требований к системе качества является ее способность оптимизировать все направления деятельности предприятия, обеспечивая тем самым эффективность функционирования, выраженную в снижении затрат, повышении рентабельности, привлечении дополнительных потребителей и т.д.

Принцип *объективности* заключается в том, что функционирующая система качества является показателем деятельности предприятия. Чем совершеннее система качества, тем конкурентоспособнее предприятие, причем эта взаимосвязь прямо пропорциональна. В то же время формально существующая система качества, например системы качества на основе ИСО («ИСО-френия» [6]), когда предприятия, не задумываясь об истинном предназначении этих систем, стремятся всеми методами и способами внедрить тот или иной элемент системы качества, доходит иногда до абсурда [8]. Следовательно, необходимо помнить, что эффективно функционирующая система качества – это объективный показатель качественной деятельности предприятия в глазах как потребителей, так и существующих конкурентов, а значит, она (система качества) является одним из основных способов выживания в конкурентной борьбе и индикатором конкурентоспособности.

Принцип *единства* системы качества предусматривает наличие общего плана социально-экономического развития предприятия, определенного в политике предприятия в области качества и указывающего основные мероприя-

тия по повышению конкурентоспособности продукции и предприятия. Все мероприятия отдельных подразделений предприятия и процессов системы качества должны быть тесно увязаны с единым комплексным планом социально-экономического развития предприятия. В соответствии с этим принцип единства предполагает общность экономических целей и взаимодействие различных подразделений предприятия на горизонтальном и на вертикальном уровнях управления в системе качества для достижения общей цели – постоянного повышения качества выпускаемой продукции и управления, направленного на повышение конкурентоспособности и позволяющего опережать конкурентов в конкурентной борьбе. Этого можно достичь лишь при совместном рассмотрении системы качества как целого и как совокупности частей (элементов). Принцип ориентирован на «взгляд внутрь» системы, на расчленение ее с сохранением целостных представлений о системе.

Принцип *целенаправленности* системы качества заключается в том, что, как и любая система, система качества обладает определенной целью и стремится осуществить эту цель в зависимости от наличия как материальных, людских, так и других ресурсов, поэтому при задании данной цели системы качества необходимо руководствоваться наличием этих ресурсов, а также возможностью их эффективного использования предприятием. Неосуществимых целей и лозунгов быть не должно, что ярко отражает известный американский специалист в области качества Деминг в десятом пункте четырнадцати принципов эффективного управления [4]. Деминг указывает, что такого рода цели только вызывают противодействие, поскольку в большинстве случаев низкое качество и низкая производительность вызваны только самой системой, поэтому вне власти элементов системы качества. Следовательно, принцип целенаправленности заключается в правильном выборе цели функционирования системы качества и оптимального достижения поставленной цели системы при наличии имеющихся ресурсов, определенных (учтенных) при постановке цели.

Принцип *комплексности* выражается в том, что на каждом предприятии результаты деятельности различных подразделений во многом зависят: от уровня развития техники, технологии и организации производства; применяемых систем управления персоналом, мотивации и оплаты труда; использования имеющихся материальных, трудовых и финансовых ресурсов и т.п. Все перечисленные факторы образуют целостную комплексную систему показателей, так что всякое количественное или качественное изменение хотя бы одного из них приводит, как правило, к соответствующему изменению многих других показателей, а значит, и состояний элементов системы качества. Но эти показатели влияют не только на экономические результаты, но и на социальные, технические, организационные и другие элементы системы качества, поэтому необходимо, чтобы система качества предприятия обеспечивала учет изменений как в отдельных объектах, так и в конечных результатах всего предприятия, т.е. характеризовалась комплексностью.

Принцип *интегративности* определяет, что система качества, существующая на уровне предприятия, не может быть столь эффективной без взаимосвязи с системами другого уровня, например без интеграции в систему качества на отраслевом либо региональном уровне. Стратегия, или тактика, системы качества, сформулированная на уровне предприятия, часто не выполняется за счет существующих проблем на других уровнях, поэтому для ее решения необходимо изменять стратегии развития других уровней, например, на уровне региона должна быть разработана четкая политика и тактика в области обеспечения и поддержания качества продукции и конкурентоспособности региональных предприятий и корпораций.

Принцип *связанности* заключается в том, что рассмотрение любой части системы качества совместно с ее окружением подразумевает проведение процедуры выявления связей между элементами системы и выявление связей с внешней средой (учет внешней среды). В соответствии с этим принципом систему качества в первую очередь следует рассматривать как часть (элемент, подсистему) другой системы, называемой суперсистемой, или старшей системой, например как элемент региональной системы качества.

Принцип *непрерывности* предполагает, что на каждом предприятии процессы планирования, организации и управления производством, как и трудовая деятельность в системе качества, являются взаимосвязанными между собой и должны осуществляться постоянно и без остановки. Чтобы не было перерывов или остановок в производственной деятельности, необходимо непрерывно осуществлять мероприятия по повышению качества выпускаемой продукции и управления, например, постоянно повышать качество выпускаемой продукции и выполняемых работ, а также обновлять их в зависимости от запросов рынка. Необходимо постоянно использовать цикл управления: планирование → выполнение → контроль → корректирующее воздействие. Это означает, что на смену одного товара своевременно приходит совершенно новый товар, спроектированный согласно и по требованию рынка. Принцип непрерывности позволяет осуществлять постоянный контроль, анализ и модификацию элементов системы качества при изменении как внутренней, так и внешней среды.

Принцип *гибкости* системы качества тесно связан с непрерывной деятельностью предприятия и предполагает возможность корректировки установленных показателей и координации деятельности предприятия в области качества. Постоянные изменения в технике, технологии, организации производства и в управлении качеством приводят к постоянному анализу (оценке) деятельности предприятия, поэтому одним из условий эффективной деятельности предприятия является его способность быстро и оперативно корректировать текущие отклонения, зависящие от внешних и внутренних факторов, воздействующих на функционирование предприятия, что выражается в гибкости системы качества.

Принцип *динамичности* заключается в том, что любая система качества на предприятии должна постоянно совершенствоваться, т.е. развиваться. Этот принцип определяет философское понятие развития и выражает процесс движения, изменения целостных систем [9]. В процессе развития системы качества происходят постепенные (медленные) изменения ряда количественных характеристик (например, производительность, затраты на качество и др.), которые приводят к постепенным и глубоким качественным изменениям системы, т.е. происходит переход от одного уровня развития системы в более высокую систему развития и т.д. Необходимо помнить и о том, что философски процесс развития связан не только с такой категорией, как прогресс, но и как регресс, т.е. при функционировании систем качества нужно четко определять параметры будущего состояния системы качества, которые не должны противоречить принципам целенаправленности и эффективности, а также четко понимать, что внутренние противоречия, возникающие в системе качества, являются катализаторами развития. От того, как будут точно описаны и охарактеризованы эти противоречия, в будущем будет зависеть либо процесс, либо регресс.

Таким образом, все перечисленные принципы являются необходимым условием эффективного функционирования систем качества и применимы для любой системы, независимо от рода деятельности.

Литература

1. Акофф Р.Л. Планирование будущего корпорации: пер. с англ. М.: Прогресс, 1985. 326 с.
2. Алексеева М.М. Планирование деятельности фирмы. М.: Финансы и статистика, 1997. 248 с.
3. Вудкок М., Френсис Д. Раскрепощенный менеджер: пер. с англ. М.: Дело, 1991. 320 с.
4. Деминг Э. Выход из кризиса. Тверь: Альба, 1994. 498 с.
5. Ковалевский А.М. Перспективное планирование на промышленных предприятиях и в производственных объединениях. М.: Экономика, 1973. 320 с.
6. Лалидус В.А. Конфликт ТQM с постсоветским менеджментом на типичном российском предприятии. «Болезни» российского менеджмента // Стандарты и качество. 2000. № 4.
7. Лебединский Н.П. Основы методологии планирования и автоматизации плановых расчетов. М.: Экономика, 1989. 272 с.
8. Полховская Т.М., Адлер Ю.П. Не зная броду, не суйся в воду // Стандарты и качество. 2001. № 10.
9. Современная философия: Словарь и хрестоматия. Ростов н/Д.: Феникс, 1996. 551 с.

СЕМЕНОВ ВЛАДИСЛАВ ЛЬВОВИЧ – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления качеством и конкурентоспособностью, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (wlad21@mail.ru).

SEME NOV VLADISLAV LYVOVICH – candidate of economic sciences, associate professor of Quality Management and Competitiveness, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 658.56

В.Л. СЕМЕНОВ

ФОРМИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ*

Ключевые слова: качество, механизм, прогнозирование, декомпозиция, продукция, конкурентоспособность.

Разработан концептуальный механизм формирования факторов повышения качества продукции с применением методов прогнозирования, позволяющий спроектировать и разработать продукцию, параметры которой будут отвечать требованиям потребностей потребителей в будущем.

V.L. SEMENOV

THE FORMATION OF FACTORS THAT IMPROVE THE QUALITY OF PRODUCTS WITH FORECASTING APPROACH

Key words: quality, mechanism, forecasting activity, decomposition, product, competitiveness.

We studied the conceptual mechanism of the formation of the factors that improve the quality of products with forecasting approach. This type of mechanism allows for planning and development of the product, the specifications of which will meet the requirements of future consumers.

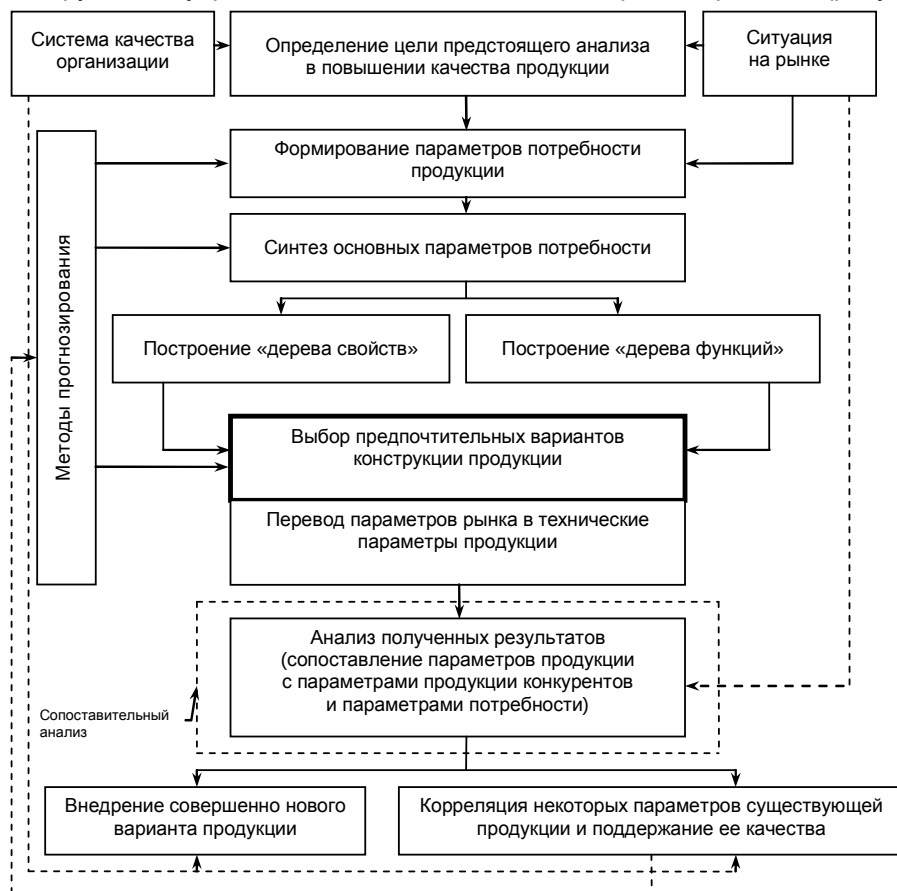
Конкурентоспособность продукции складывается из двух показателей, в совокупности образующих системный эффект конкурентоспособности, где основным показателем является качество продукции. Несомненно, качество является приоритетным показателем обеспечения конкурентоспособности, однако при формировании механизма обеспечения качества нужно учитывать и другие элементы для достижения системного эффекта. Неразумная политика предприятия, направленная только на повышение качества продукции, обеспечивает эффект лишь в краткосрочном периоде, после чего предприятие станет терять свои позиции на рынке, когда конкуренты за счет более прогрессивных методов, создающих условия для системного обеспечения конкурентоспособности продукции, будут завоевывать все новые и новые сегменты.

* Исследование выполнено по проекту № МК-4076.2011.6 гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых.

В зарубежной и отечественной литературе рассмотрены различные алгоритмы, схемы, процедуры, механизмы обеспечения и повышения как конкурентоспособности, так и качества продукции [1-6, 8-10 и др.]. Однако большинство из них либо не приемлемы на практике из-за сложности, либо раскрывают лишь общие направления по повышению качества и конкурентоспособности продукции, либо носят ознакомительный характер, либо акцентируют внимание на одном инструменте, не обеспечивая тем самым системный эффект.

На основе анализа факторов конкурентоспособности региона, а также зарубежных и отечественных источников по вопросу обеспечения конкурентоспособности продукции была предложена собственная концепция обеспечения конкурентоспособности продукции на основе формирования ее качества [11], где основным инструментом является механизм формирования факторов повышения качества продукции.

Механизм формирования факторов повышения качества продукции – это перевод субъективных параметров потребности потребителей в объективные показатели качества продукции с использованием методов системного анализа, инструментов управления качеством и методов прогнозирования (рисунок).

Механизм формирования качества продукции

Любая деятельность по поддержанию и повышению качества продукции начинается с постановки цели предстоящего анализа. Перед тем как приступить

к повышению качества продукции, необходимо определить, почему и зачем это делается, какие факторы будут действовать на эффективность функционирования механизма, какие ресурсы необходимы, каковы будут результаты внедрения и т.д. В результате предварительного анализа определяются основные параметры действия, по которым в дальнейшем предприятие должно системно работать и согласно которым ставится предстоящая цель. Целью может выступить, например, усовершенствование каких-то групп параметров продукции, разработка совершенно нового вида продукции, удаление ненужного узла или детали продукции в связи с потребительской ненадобностью и т.д.

Большое влияние на выбор цели оказывает система качества предприятия. От эффективности, совершенства данной системы зависит проведение качественного внутреннего аудита, внедрение кружков качества, постоянное улучшение и др. На определение цели влияют и ситуация на рынке, т.е. активность конкурентов, степень удовлетворенности потребителей, существующий спрос, участие институциональных структур в повышении качества и т.д., причем большинство этих параметров формируются на основе функционирования региональной системы качества. Следовательно, предприятию, перед тем как приступить к повышению качества продукции, необходимо оценить ее конкурентоспособность.

После определения целей и задач предстоящего анализа по повышению качества нужно перейти к формированию параметров потребности продукции.

Исходя из природы потребности потребитель субъективно воспринимает качество товара. Субъективно воспринимаемое качество товаров неадекватно оценивает поведение потребителя и определяет субъективность его поведения по отношению к товарам. Физические свойства товара определяют его ценность и составляют основу потребительной стоимости, которая по-разному воспринимается на разных рынках, таким образом, ценность товара – это качество, которое воспринимается на рынке в большей степени не полностью и товар может стать полностью неконкурентоспособным.

Потребность обладает следующими свойствами:

1. Закономерностью остаточной стоимости, сущность которой заключается в том, что в товар заложены такие свойства, которые не воспринимаются рынком. Это связано с тем, что потребитель не знает, не уверен полностью в том, какой товар ему нужен для удовлетворения своей потребности.

2. Первичностью потребности и вторичностью товара. Потребность появляется много раньше товара. Первоначально эта потребность не осознана, не сориентирована на какой-то конкретный товар, а только обуславливает мотивацию человеком изменений, которые затем перерастают в спрос, сориентированный на какой-то товар. Товар всегда закономерно отстает от момента возникновения потребности, так как для исследования производства товара нужно время, это время является периодом конкурентного интервала.

После определения всевозможных вариантов параметров потребности нужно перейти к выбору основных параметров, которые в будущем будут влиять на ценность продукции, т.е. на ее конкурентоспособность. Выбор частных потребностей осуществляется на основании поставленной цели и в зависимости от требований рынка как в настоящем, так и в будущем.

Конкурентоспособность товаров определяется совокупностью их потребительских свойств, отличных от товаров-конкурентов по степени соответствия конкретным личным запросам и общественным потребностям, с учетом затрат на их удовлетворение и получаемых доходов, что отражается в показателях качества проектируемой продукции [12]. Поэтому умение прогнозировать будущие потребности потребителей позволяют обеспечить выживаемость в жесточайшей конкуренции [13].

Следует отметить, что при прогнозировании качества продукции должны учитываться изменяющиеся общественные потребности, технические и экономические возможности производства, достижения в области науки, техники и организации труда, дополнительные затраты на эксплуатацию или потребление продукции, необходимость повышения квалификации работников и другие факторы, за счет которых обеспечиваются прогнозируемые значения показателей качества продукции. Поэтому при формировании факторов повышения качества продукции необходимо широко использовать различные инструменты прогнозирования в зависимости от конкретных показателей качества продукции, что позволяет существенно повысить их показатели.

Одним из основных способов определения конструктивных параметров является построение «дерева свойств» объекта, основным инструментом которого является декомпозиция [14]. Декомпозиция – это метод разделения целого на части для последующего анализа, которая проводится посредством построения модели объекта, представляющей собой систему в виде ориентированного графа (дерево структурных элементов). В результате декомпозиции определяются положение исследуемого объекта относительно внешней среды, выделение исследуемой системы из суперсистемы, описание воздействующих внешних факторов. Следующее, что определяем при декомпозиции, – описание внутренней структуры по функциям, элементам и видам отношений между элементами.

Декомпозиция реализуется в виде древесного графа и является вложенной графической моделью исследуемого объекта. Сложность структуры графа, определенной как модель дерева, представляется в виде связи и элементов, где связи, или дуги, выступают как отношение строгого порядка, определяемое закономерностью включения, когда каждый предыдущий элемент включает последующий элемент или группу элементов [7].

Совместно с «деревом свойств» объекта строится «дерево функций», характеризующее взаимоотношение объекта с внешней средой, а также тесноту связей элементов объекта. «Дерево функций» позволяет определить функциональную цепочку взаимосвязи отдельных элементов и окружающей среды с целью последующего учета модернизации или усовершенствования этих элементов. Совместно с «деревом свойств» «дерево функций» позволяет более углубленно изучать конструкцию и структуру объекта, позволяя находить пути и методы дальнейшего его совершенствования [7].

На основе построенных «деревьев потребностей, свойств и функций» объекта осуществляется выбор предпочтительных вариантов конструкций изделия.

Сущность выбора предпочтительных вариантов конструкции для будущего товара заключается в переводе параметров рынка, т.е. требований потребителей, в технические параметры продукции. Действительно, выбор предпочтительных вариантов направлен только на выявление тех элементов объекта, которые в будущем будут формировать ценность в глазах потребителя, что требует использования методов прогнозирования.

Таким образом, перевод параметров потребности в параметры качества продукции осуществляется в два этапа. Первый этап характеризуется совместным построением деревьев свойств и функций продукции. При построении дерева свойств формируются конструктивные элементы продукции, учитывающие факторы повышения качества. Дерево функций позволяет определить существующие связи между конструктивными элементами продукции и влиянием окружающей среды на эти элементы. На основе такого системного подхода формируется перечень предпочтительных вариантов конструкций изделия, т.е. происходит окончательный перевод параметров потребностей потребителей в технические характеристики продукции – второй этап рассматриваемого механизма.

Конечным итогом рассматриваемого механизма формирования факторов повышения качества продукции является анализ полученных результатов, т.е. сопоставление параметров продукции с параметрами продукции конкурентов и с параметрами потребности, на основании чего выбирается один из вариантов дальнейших действий. Первый вариант связан с внедрением разработанной продукции на рынок, когда потребитель получает продукцию совершенно нового уровня качества, а второй – с корреляцией некоторых параметров уже существующей продукции и поддержание ее качества. В результате такого анализа происходит сопоставление полученного результата с целями и задачами, поставленными перед началом мероприятий по повышению качества продукции.

Несмотря на наличие объективных преимуществ, при внедрении алгоритма по повышению качества и конкурентоспособности продукции, несомненно, будут возникать трудности, которые позволят руководству осознать и понять важность тех аспектов процесса, которым при использовании традиционных технологий не уделялось должного внимания. Это, в свою очередь, способствует быстрейшему и эффективному решению возникающих вопросов, а также созданию благоприятных условий для реализации программ разработки новых рыночных продуктов, по обеспечению их конкурентоспособности, а также повышению качества уже существующих товаров.

Таким образом, разработанный механизм формирования факторов повышения качества продукции позволяет переводить требования потребителей в количественные характеристики продукции с учетом определенных факторов повышения качества с применением методов прогнозирования и является составной частью концепции обеспечения конкурентоспособности продукции.

Литература

1. Азгальдов Г.Г. Теория и практика оценки качества товаров. М.: Экономика, 1989. 256 с.
2. Архипова Н.И., Кульба В.В., Косяченко С.А., Чанхиева Ф.Ю. Исследование систем управления: учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2002. 384 с.
3. Версан В.Г., Сильков В.И., Дубицкий Л.Г. Интеграция производства и управления качеством продукции. М.: Изд-во стандартов, 1995. 320 с.
3. Гличев А.В. Основы управления качеством продукции. М.: Изд-во стандартов, 1988. 80 с.
5. Голов Г.А., Коровин И.А., Макаров М.И. Технология оперативной оценки и повышения эффективности и конкурентоспособности продукции // Методы менеджмента качества. 2000. № 9. С. 16-19.
6. Ильенкова С.Д., Ильенкова Н.Д., Мхитарян В.С. Управление качеством: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000. 199 с.
7. Кадышев Е.Н., Семенов В.Л. Модель системной организации процесса обеспечения качества регионального производства. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 156 с.
8. Конарева Л.А. Управление качеством продукции в промышленности США. М.: Наука, 1977. 256 с.
9. Кремнев Г.Р. Управление производительностью и качеством: 17-модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 5. М.: ИНФРА-М, 2000. 256 с.
10. Крылова Г.Д. Зарубежный опыт управления качеством. М.: Изд-во стандартов, 1992. 140 с.
11. Семенов В.Л. Механизм обеспечения конкурентоспособности продукции // Инновации в образовательном процессе: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧПИ МГОУ, 2011. С. 403-407.
12. Семенов В.Л. Теоретические аспекты конкурентоспособности как экономической категории // Вестник Ижевского государственного технического университета. 2011. № 3(51). С. 83-85.
13. Семенов В.Л. Анализ применения методов прогнозирования при оценке параметров качества продукции // Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире: материалы III Междунар. заочная науч.-практ. конф. Краснодар: Пресс-Имидж, 2011. С. 164-167.
14. Системный анализ в управлении: учеб. пособие / под ред. А.А. Емельянова. М.: Финансы и статистика, 2002. 368 с.

УДК 330.101

В.В. СМИРНОВ, О.Е. КАДЫШЕВА

ЭФФЕКТИВНАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: категория, конкурентные преимущества, конкуренция, критерий, модель, образ, понятие, теория, типология, эффективная конкурентоспособность экономики.

Рассмотрены теоретические основы конкуренции, конкурентных преимуществ и конкурентоспособности, разъяснено понятие эффективности и раскрыта её этимология. Установлены основополагающие положения, необходимые для релевантного воспроизведения сущности эффективной конкурентоспособности экономики.

**V.V. SMIRNOV, O.E. KADYCHEVA
COMPETE EFFECTIVELY ECONOMY**

Key words: category, competitive advantages, a competition, criterion, model, an image, concept, the theory, typology, effective competitiveness of economy.

The theoretical basis of competition, competitive advantage and competitiveness, explained the concept of efficiency and disclosed its etymology. Established the basic provisions necessary for the relevant entities play an effective economic competitiveness.

На современном этапе развития теоретических представлений о формах существования системы экономических отношений в структуре знаний, формализованных в экономической теории, зарождается потребность введения нового термина «эффективная конкурентоспособность экономики» (далее ЭКЭ). Понятийный образ ЭКЭ материализуется в форме рациональной совокупности двух терминов – эффективность и конкурентоспособность.

С целью раскрытия генезиса понятия ЭКЭ рассмотрим сущность конкурентоспособности и эффективности. Впоследствии предпримем попытку рационально объединить данные понятия и получить новую функциональную форму восприятия экономических отношений в структуре накопленных знаний в области экономической теории.

Следует отметить, что любая сфера деятельности в развивающемся экономическом пространстве связана с явлениями конкуренции, конкурентных преимуществ и, как следствие, конкурентоспособностью. При этом основой для понимания сущности конкурентоспособности является конкуренция как движущая сила, определяющая изменение траектории эволюционирования экономического пространства.

Сложность восприятия причинно-следственных явлений конкуренции, а также отсутствие целостных теоретических положений о движущих силах конкурентной борьбы побудило учёных в области классической политической экономии в середине XVIII в. представить конкуренцию как нечто само собой разумеющееся, пронизывающее все отрасли экономики и ограничиваемое только субъективными причинами. Ярким представителем классической школы политической экономии был шотландский экономист, философ А. Смит (1723-1790). А. Смит в работе «Исследование о природе и причине богатства народов» (1776 г.) представил результаты анализа формы и содержания конкуренции в ряде научных положений [6. С. 13-14]:

– сформулировал понятие конкуренции как соперничества, повышающего цены (при сокращении предложения) и уменьшающего цены (при избытке предложения);

– сформулировал главный принцип конкуренции – принцип «невидимой руки», в соответствии с которым, «дергая» за ниточки марионеток-предпринимателей, «рука» заставляет их действовать в соответствии с неким «идеаль-

ным» планом развития экономики, безжалостно вытесняет фирмы, занятые производством ненужной рынку продукции;

- разработал теоретически очень тонкий и гибкий механизм конкуренции, который объективно уравнивает отраслевую норму прибыли, приводит к оптимальному распределению ресурсов между отраслями. Тонкость механизма конкуренции заключается в том, что при сокращении спроса на товар наибольшие трудности испытывают фирмы, выпускающие некачественную или излишне дорогую продукцию. Гибкость механизма конкуренции проявляется в его мгновенной реакции на любые изменения обстановки во внешней среде. Быстро адаптируются к среде мобильные фирмы;

- определил основные условия эффективной конкуренции, включающие наличие большого количества продавцов и покупателей, исчерпывающую информацию, мобильность используемых ресурсов, невозможность каждого продавца оказывать существенное влияние на изменение рыночной цены товара (при сохранении его качества или качества сервиса);

- разработал модель усиления и развития конкуренции и доказал, что в условиях рыночных отношений возможны максимальное удовлетворение потребностей потребителей и наилучшее использование ресурсов в масштабе общества в целом.

Конкуренция была и остаётся формой взаимного соперничества субъектов рыночной экономики. Конкуренция обуславливается суверенным правом каждого из субъектов деловых отношений на реализацию своего экономического потенциала, а это неизбежно приводит к столкновению между ними, достижению поставленных производителями целей за счёт ущемления интересов других производителей. При этом в качестве «субъектов конкуренции» могут быть любые социальные, производственные или биологические системы. Носителями конкуренции являются товар или услуга, посредством которых фирмы-соперники стремятся завоевать признание, деньги потребителя [4. С. 37].

Одной из наиболее важных составляющих конкуренции являются конкурентные преимущества. Конкурентные преимущества могут быть наследственными, конструктивными, технологическими, информационными, квалификационными, управленческими, природно-климатическими и др.

Конкурентные преимущества формируются многочисленными факторами: более эффективным производством, обладанием патентами, хорошей рекламой, грамотным менеджментом и хорошим отношением с потребителями. Конкурентное преимущество – внутреннее превосходство в отношении издержек производства, которое позволяет добиться меньшей себестоимости, приобрести устойчивость к снижению продажной цены, навязанной рынком и конкуренцией. В целом конкурентные преимущества воплощаются в товарах, изготавливаемых производственной системой и реализуемых на рынке. Реализация товара, имеющего конкурентное преимущество или произведённого в системе, обладающей внутренним конкурентным преимуществом, позволяет получить доход.

Производственная система полученный доход распределяет на внутреннее потребление либо на получение новой конкурентоспособной продукции (товара). При этом важно полученный доход направлять на приобретение эффективных и конкурентоспособных технологий, которые могут быть реализованы в конкурентные преимущества производственной системы.

Анализ теоретической и практической проблематики экономического развития в формате реализации конкурентных преимуществ создаёт предпосылки к пониманию сущности конкурентоспособности. М. Гельвановский с соавт. утверждал, что конкурентоспособность представляет собой сложное много-

уровневое понятие, анализ и оценку которого необходимо теснейшим образом увязывать с конкретным конкурентным полем и, особенно, с его уровнем. В этой связи можно уверенно утверждать, что основополагающий уровень обеспечения конкурентоспособности – макроэкономический, на котором определяются основные условия функционирования всей хозяйственной системы. За ним по значимости идёт мезоуровень, где формируются перспективы развития отрасли или корпорации, охватывающий группу предприятий. На микроуровне конкурентоспособность как бы обретает свою окончательную, завершающую форму в виде соотношения цены и качества товара. Это соотношение зависит от условий, сформировавшихся на предшествующих двух уровнях и от персонала предприятия, его способности использовать как свои ресурсы, так и сравнительные национальные общехозяйственные и отраслевые преимущества [1. С. 76].

В процессе пояснения термина «эффективность» следует учесть, что эффективность как цель осуществления любой хозяйственной деятельности редко подвергается теоретико-методологическому анализу из-за неясности восприятия её признаков. Сложность и многогранность явления эффективности обусловлены отсутствием единой интерпретации понятия «эффективность» и её этимологии, материализующей сущность и меру в формате наиболее воспринимаемой экономической категории.

Принято считать, что термин «эффективность» появился первоначально в экономической литературе в работах У. Пети (1623-1687), английского экономиста, родоначальника классической политэкономии, основоположника трудовой теории стоимости, и главы школы физиократов, французского экономиста Ф. Кенэ (1694-1774). Однако экономическое понятие «эффективность» как самостоятельное ими не разрабатывалось. Они употребляли этот термин в значении результативности и использовали его для оценки тех или иных правительственных или частных мер в зависимости от того, способствовали те или нет оживлению экономической жизни [3. С. 119].

В конце XIX в. термин «эффективность» утратил своё чисто экономическое значение и используется уже для оценки разнообразных действий и движений. Этому способствовали метаморфозы хозяйственной деятельности. Во-первых, сама экономика перестала быть делом только экономистов. Расширяющееся машинное производство продуцировало определённую смену задач, функций и сферы ответственности инженеров. Во-вторых, расширению понятия «эффективность» на другие сферы деятельности способствовали теоретические разработки, связанные с действиями вообще, в частности разработки в праксиологии – как «общей теории эффективной организации деятельности» [2. С. 20].

В экономической литературе понимание эффективности как отношения объема произведённой продукции к затратам претерпело определённые изменения. С одной стороны, они были связаны с тем, что приходилось пересматривать представления о том, что есть «экономический эффект», особенно в части его инвестиционной и результирующей составляющей, тенденций многократного использования потребительской стоимости, множественности и разнонаправленности эффектов, отсутствия жёсткой детерминации результатов деятельности от дополнительных затрат. С другой стороны, экономисты имплицитно исходили из того, что эффект адекватно объективирует цель деятельности [5].

Эффективность достигается тогда, когда ресурсы распределяются таким образом, чтобы позволить получить максимально возможный чистый выигрыш от их использования. Распределение ресурсов в экономике, взятой как целое,

будет эффективным, когда ресурсы в течение данного периода времени используются таким способом, который делает невозможным увеличение благосостояния одного лица без причинения вреда благосостоянию другого [7. С. 89].

В формате представленных выше теоретических аспектов конкурентоспособности и эффективности материализуем понятийный образ ЭКЭ. При этом выделим основополагающие положения, необходимые для релевантного воспроизведения сущности ЭКЭ:

1) системная ориентация хозяйственной деятельности на организацию перманентного процесса повышения эффективности и конкурентоспособности экономики в контексте существующих ресурсных ограничений;

2) стратегическая направленность на эффективную и конкурентоспособную модальность экономики в формате эволюционных изменений её структуры и трансформации системных ограничителей;

3) эффективная и конкурентоспособная организация процессов хозяйственной деятельности в конфигурации гармоничной совокупности социальной, экономической, политической, культурной и других проявлений государственного устройства должна показать наиболее рациональную форму функционирования экономики.

Предложенный порядок основополагающих положений ЭКЭ должен обеспечить оптимизацию процесса систематизации паттернов к выбору цели и задач в контексте назначенных приоритетов. При этом создаются предпосылки формирования определённых границ ЭКЭ, обеспечивая целевую ориентацию на наиболее важные факторы (детерминанты) развития.

Исходя из вышеизложенных основополагающих положений, сформулируем определение ЭКЭ. Эффективная конкурентоспособность экономики – способность экономической системы обеспечить оптимальную устойчивость функциональных взаимосвязей и структурных взаимодополнений общества, государства и хозяйствующих субъектов, имеющих свои ресурсы, подчиняющихся определённым законам эволюции, выполняющих уникальную функцию по поддержанию структуры экономики.

Литература

1. Гельвановский М., Жековская В., Трофимова И. Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерениях // Российский экономический журнал. 1998. № 3.
2. Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика. 1975.
3. Проблема эффективности в современной науке / под ред. А.Д. Урсула. Кишинев: Штиинца, 1985. 256 с.
4. Смирнов Э.А. Разработка управленческих решений: учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000. 271 с.
5. Солодка М.С. Надежность, эффективность, качество систем управления // Credo. 1999. № 5.
6. Фатхутдинов Р.А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. М.: ИНФРА-М, 2000. 312 с.
7. Хайман Д.Н. Современная микроэкономика: анализ и применение: в 2 т. / под ред. с предисл. и послесл. С.В. Валдайцева. М.: Финансы и статистика, 1992. 362 с.

СМИРНОВ ВАЛЕРИЙ ВЛАДИСЛАВОВИЧ. См. с. 439.

КАДЫШЕВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – аспирантка кафедры отраслевой экономики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (fuiip@chuvsu.ru).

KADYSCHEVA OLGA EVGENYEVNA – post-graduate student of Industrial Economics, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 330.12+330.341.44:332

В.Т. ТАРАСОВ, И.П. ДАНИЛОВ

**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РЕГИОНОВ***

Ключевые слова: качество жизни, инновационный потенциал, человеческий капитал, факторы и результат конкурентоспособности регионов.

Качество жизни населения определяется как конечный результат конкуренции регионов. Оценивается корреляционная связь сводного индикатора благосостояния населения регионов России с их инновационным потенциалом и человеческим капиталом за 2000-2009 гг.

V.T. TARASOV, I.P. DANILOV

QUALITY OF LIVE AND COMPETITIVENESS OF REGIONS

Key words: life quality, innovation potential, human capital, factors and results of regions competitiveness.

People's life quality is defined as the final result of competition among regions. We estimate the correlation of the composite indicator of people's welfare between Russian regions with their potential for innovation and human capital over a period of time from 2000 to 2009.

Конкуренция регионов предполагает состязательность между ними за создание не только благоприятных условий ведения бизнеса, но и проживания населения, формирования высоких стандартов качества его жизни. Иными словами, конкуренция является средством достижения конечных целей, состоящих в обеспечении высокого и устойчивого роста, уровня занятости, социального благосостояния и качества жизни. В долгосрочной перспективе конкурентоспособные регионы, создавшие благоприятные условия для работы и проживания людей, закономерно становятся привлекательными для инвестиций и развития бизнеса. По мере повышения качества жизни людей заметно возрастает роль социально-культурных, экологических и других факторов конкурентоспособности регионов с точки зрения выбора людьми места работы, обучения, отдыха, лечения и проживания.

О возрастании роли социокультурных факторов в общественном развитии и необходимости государственного регулирования качества жизни населения (КЖН) говорится в ряде программных документов. Так, в утвержденной распоряжением российского правительства 17.11.2008 г. «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» в качестве одного из трех вызовов предстоящего долгосрочного развития называется *возрастание роли человеческого капитала* как основного фактора экономического развития. В числе целевых ориентиров провозглашаются *высокие стандарты благосостояния человека*, предполагающие достижение уровня доходов и качество жизни россиян, характерных для развитых экономик. Наряду с этим утверждается: «Формирование инновационной экономики означает превращение интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности» [9].

В итоговом докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика» особо подчеркивается новизна концепции взаимосвязи между социальной политикой и экономическим ростом. Понимая очевидное влияние экономического роста на достижение целей социальной политики, с одной стороны, в документе

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 10-06-00091а).

предлагается осуществить маневр, «...призванный задействовать факторы конкурентоспособности, которые были недоиспользованы в прошлом периоде. Помимо наличия природных ресурсов и большого внутреннего рынка – факторов конкурентоспособности, задействованных в прежней модели экономического роста, это еще и относительно высокое качество человеческого капитала, и определенный научный потенциал» [8].

В концептуальных материалах стран Европейского Союза достижение высокого уровня жизни провозглашается непосредственным критерием конкурентоспособности регионов. Так, проводя параллель между конкурентоспособностью регионов и стран, эксперт Российско-Европейского центра экономической политики (РЕЦЭП) Д. Сепик цитирует Европейский отчет о конкурентоспособности (2001 г.): «Конкурентоспособность... понимается как устойчивый рост уровня жизни в стране и как можно меньший уровень вынужденной безработицы» [12. С. 7]. Далее, подводя итоги рассуждениям, отвечающим на вопрос: что такое конкурентоспособность регионов, Д. Сепик заключает: «Если несколько расширить наше понимание повышения уровня жизни и устойчивости, т.е. связать это с понятием благосостояния в целом, можно легко включить в оценку конкурентоспособности социальные и природоохранные вопросы... Конкурентоспособность определяется результатами (уровнем жизни/доходами), а не факторами, влияющими на нее саму» [12. С. 7].

Таким образом, в ряду факторов формирования конкурентоспособности регионов первостепенная роль отводится человеческому капиталу и инновационному потенциалу регионов. В этой связи представляется целесообразным проанализировать проявление названной закономерности в регионах страны с помощью фактических данных, т.е. оценить взаимосвязь названных факторов с точки зрения их влияния на КЖН регионов как конечный результат их конкурентоспособности. Методы оценки инновационного потенциала регионов и человеческого капитала работников региональных экономик рассмотрены авторами статьи в предыдущих публикациях [5, 6]. Далее изложен один из подходов к измерению КЖН регионов.

Ввиду особой сложности понятия КЖН существуют различные подходы к его толкованию. Известны три основные концепции к определению данной категории: 1) объективистская, 2) субъективистская и 3) синтетическая.

Объективистская концепция трактует КЖН как объективную характеристику, определяющую материальные условия и средства жизнеобеспечения человека (общества). Наоборот, в субъективистской концепции делается упор на ощущаемые характеристики КЖН и субъективные оценки человека к его жизненным условиям, материальным и культурным благам. В исследованиях многих российских ученых преобладает синтетический подход к толкованию данной категории, в соответствии с которым учитываются как объективные характеристики, так и субъективные ощущения КЖН. Тем самым предпринимается попытка охватить все множество сторон, условий и отношений КЖН.

Большинство авторов определяет КЖН как синтетическую, обобщенную, интегральную категорию, аккумулирующую в себе совокупность всех существенных жизненных ценностей, условий существования и развития личности, степень удовлетворения всего комплекса потребностей и интересов людей в различных формах деятельности и субъективном жизнеощущении [1, 2, 6, 7]. Данная категория по сути развивает и углубляет традиционную категорию «уровень жизни» в рамках формирования новой многомерной методологической парадигмы. На основе характеристик, образующих синтетическую категорию КЖН, формируются основополагающие цели социальной политики на всех уровнях управления.

В настоящее время опубликовано значительное количество работ, в которых изложены теоретико-методологические и практические аспекты измерения КЖН. В них также приводятся иллюстративные расчеты частных и обобщающих критериев, реализованных на уровне субъектов федерации. В данной статье предпринята попытка разработать систему объективно контролируемых показателей, предназначенных для измерения КЖН региона и оценки прогресса в достижении обозначенных целей с использованием малоизвестного метода многомерного анализа, основанного на диадном разложении матрицы исходных данных. Методологическая особенность многомерного измерения КЖН регионов состоит в использовании большого количества параметров, характеризующих динамический и пространственный аспекты развития процессов. В качестве сравнительного объекта пространственного анализа использовались среднероссийские значения показателей. Многомерный подход к построению системы статистических показателей, характеризующих отдельные аспекты социального среза общественной жизни региона, позволяет сформировать достаточно полное представление о различных сторонах КЖН. При этом данная система должна обеспечивать генерирование обобщающих представительных характеристик КЖН без потери первоначального информационного разнообразия исходных данных.

В научной литературе предложены различные подходы к построению и оцениванию как частных, так и обобщающих представительных характеристик КЖН регионов с применением разнообразных методов скаляризации исходной информации многомерного характера [1, 6, 7]. Один из наиболее распространенных приемов построения обобщающих представительных характеристик состоит в расчете средневзвешенной величины исходного массива предварительно нормируемых данных. Предполагается, что значения весов будут заданы экспертным путем, что обеспечит их возможную объективность. Однако полностью исключить субъективную составляющую в данном подходе полностью не удастся. Тем не менее из-за его простоты он получил наибольшее распространение на практике.

Другие подходы опираются на специальные методы многомерного анализа, из классического арсенала которого наибольшее распространение получили методы главных компонент и многомерного шкалирования, факторного, дискриминантного и кластерного анализов, поскольку для их реализации разработаны стандартные компьютерные программы.

Наряду с ними мало известен и почти не применяется оригинальный метод диадного разложения матриц, предложенный венгерским математиком Б. Секей [11. С. 77-84], суть которого состоит в следующем. По аналогии с методом главных компонент и при одинаковых предположениях диадный анализ ставит перед собой идентичную цель: максимально точно описать систему взаимозависимых переменных при помощи минимального числа независимых друг от друга факторов. Однако диадный анализ в итоге представляет иную информацию, нежели компонентный. Если в компонентном анализе матрица исходных данных размерностью $n \times m$, описывается n -мерными векторами (компонентами), то в диадном анализе – суммой матриц той же размерностью, что и исходная матрица, т.е.

$$\mathbf{B}_{(n \times m)} = \sum_{p=1}^h \mathbf{F}_p_{(n \times m)},$$

где $\mathbf{B}$ – матрица исходных переменных, записанных в виде матрицы нормированных показателей; $\mathbf{F}_p$ – p -я фактор-матрица.

В отличие от компонентного, диадный анализ не уплотняет информацию об исходных данных, а, наоборот, расширяет: вместо одной матрицы исходных данных в результате разложения получают h фактор-матриц аналогичного размера, т.е. осуществляется весьма подробное разложение исходной матрицы, которое происходит поэтапно.

Вначале исходная матрица раскладывается на сумму первой фактор-матрицы и первой матрицы-остатка так, чтобы элементы первой фактор-матрицы были наилучшими приближениями к элементам исходной матрицы по критерию минимума евклидовой нормы матрицы-остатка:

$$\mathbf{B} = \mathbf{F}_1 + \mathbf{K}_1,$$

где $\mathbf{F}_1$ – первая фактор-матрица; $\mathbf{K}_1$ – первая матрица-остаток.

На следующем этапе матрицу-остаток $\mathbf{K}_1$ разлагают по тому же принципу, что и ранее, на сумму фактор-матрицы наилучшего приближения и матрицы-остатка. Теоретически разложение исходной матрицы можно осуществлять до тех пор, пока не будет получена матрица-остаток, все элементы которой равны нулю. Практически количество итераций определяется уровнем задаваемой точности для матрицы-остатка и очень редко оно оказывается более трех.

Важно отметить, что первая фактор-матрица, как правило, объясняет подавляющую часть изменения переменных исходной матрицы, вторая фактор-матрица – большую часть изменения элементов первой матрицы-остатка и т.д. Таким образом, полное разложение исходной матрицы выглядит следующим образом:

$$\mathbf{B} = \mathbf{F}_1 + \mathbf{F}_2 + \dots + \mathbf{F}_h, \quad h \leq \min(m, n).$$

Поскольку фактор-матрица $\mathbf{F}_1$, как правило, весьма точно характеризует изменение исходных переменных, на долю остальных фактор-матриц остаются лишь незначительные уточнения. Значимость той или иной фактор-матрицы, с точки зрения ее соответствия описываемой исходной матрице, определяется отношением евклидовых норм фактор-матриц и исходной матрицы, которое колеблется между единицей и нулем по мере возрастания номера фактор-матрицы.

Важная особенность данного разложения исходной матрицы $\mathbf{B}$ состоит в особой форме представления фактор-матриц $\mathbf{F}$ в виде так называемого *диадного произведения* вектор-столбца $\mathbf{U}_p$ и вектор-строки $\mathbf{V}_p$ (рис. 1).

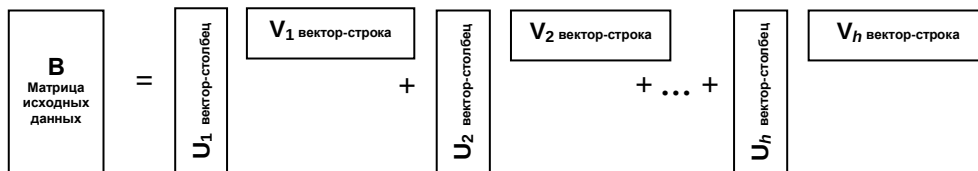

Рис. 1. Схема факторизации в диадном анализе

В диадном произведении первая строка фактор-матрицы получается путем умножения первой компоненты вектор-столбца $\mathbf{U}_p$ по порядку на все компоненты вектор-строки $\mathbf{V}_p$. Вторая строка фактор-матрицы получается путем умножения второй компоненты вектор-столбца $\mathbf{U}_p$ по порядку на все компоненты вектор-строки $\mathbf{V}_p$ и т.д. [11. С. 77-84].

Если первая фактор-матрица $\mathbf{F}_1$ имеет высокую значимость и достаточно точно описывает изменение переменных исходной матрицы $\mathbf{B}$, то с практиче-

ской точки зрения элементы вектор-столбца U_1 можно интерпретировать как сводные представительные компоненты пространственных уровней анализируемой группы признаков (регионов), а элементы вектор-строки V_1 – как представительные компоненты их структуры (набора региональных показателей). Можно показать, что элементы вектор-столбца F_1 и вектор-строки U_1 суть особые средние величины и, следовательно, могут выступать в качестве обобщающей или типической характеристики, отражая основную пространственную (или эволюционную) компоненту развития, т.е. некую закономерность, поскольку в процессе осреднения случайные колебания в силу действия закона больших чисел уравниваются и взаимопогашаются. Однако относиться к средним величинам необходимо с известной долей условности, не абсолютизировать выводы, полученные с их использованием.

Многомерный подход к анализу КЖН региона предполагает формирование системы достаточно представительных показателей, характеризующих различные стороны данной категории и структурированных в разрезе классификационных групп. В различных источниках можно встретить всевозможные классификации показателей социального развития и КЖН. Для мониторинга КЖН на региональном уровне, по нашему мнению, можно использовать перечень сводных критериев, предложенных С.А. Айвазяном [1], которые мы представили в виде трехуровневой системы (рис. 2). Всего было отобрано 54 показателя, представляющих официальные статистические данные Росстата о различных аспектах КЖН субъектов федерации в постреформенном периоде [10]. Их перечень, а также значения базисных индексов за 2001-2009 гг. в целом для Российской Федерации в разрезе выделенных групп приведены в приложении 1.

Первоначально для каждого года анализируемого периода было сформировано по пять матриц исходных показателей в абсолютном выражении. Например, матрица исходных данных, характеризующих благосостояние населения регионов, состояла из 80 строк и 12 столбцов. В ней в качестве элементов строк выступали значения показателей-признаков КЖН в разрезе отдельного региона (включая условный регион со средними по стране показателями), а элементы столбцов соответствовали наименованиям отдельных показателей. Затем показатели КЖН регионов нормировались в линейной шкале стандартным образом.

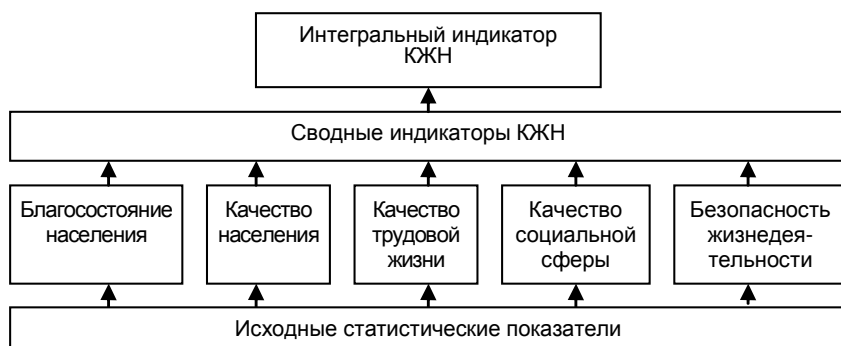

Рис. 2. Система статистических показателей КЖН

Далее, для каждой матрицы нормированных данных было осуществлено диадное разложение. При этом первая фактор-матрица достаточно точно описала элементы исходной матрицы во всех классификационных группах.

Отношения ее евклидовой нормы к аналогичному показателю матрицы исходных данных во всех группах оказались не ниже 0,94.

Таким образом, вектор-столбцы первых фактор-матриц условно интерпретировались в качестве сводных индикаторов КЖН соответствующего региона по соответствующей классификационной группе исходных показателей.

На следующем этапе диадного анализа на основе вектор-столбцов первых фактор-матриц были сформированы матрицы сводных региональных индикаторов КЖН для каждого года анализируемого периода (2000-2009 гг.), которые затем также подверглись диадному разложению. В этом случае первые фактор-матрицы также весьма точно описали исходные матрицы: отношение евклидовых норм составило 0,99. Следовательно, вектор-столбцы данных матриц можно трактовать в качестве интегральных индикаторов КЖН регионов страны.

В завершение исследования рассчитывались оценки регрессионных уравнений связи между характеристиками КЖН, инновационного потенциала и человеческого капитала. В качестве независимых регрессоров для каждого из 79 регионов выступали среднегодовые значения интегральных индикаторов инновационного потенциала, человеческого капитала (в терминах среднегодовой численности занятых в экономике, обладающих накопленным человеческим капиталом как за время учебы в образовательных учреждениях, так и на рабочем месте за годы трудовой деятельности). В качестве зависимых переменных подставлялись среднегодовые значения интегрального индикатора КЖН регионов, а также среднегодовые значения сводных индикаторов, характеризующих различные аспекты КЖН регионов. Все коррелируемые показатели были выражены в нормированной линейной шкале.

В результате исследования количественных взаимосвязей между названными характеристиками сложилась следующая картина.

1. Не удалось выявить статистически значимой связи между интегральными характеристиками КЖН, инновационного потенциала и человеческого капитала в региональном разрезе. По всей видимости, проводимая органами власти социальная политика в значительной мере нивелирует контуры межрегионального социально-экономического неравенства, обеспечивая населению регионов минимальные стандарты качества жизни, что находит отражение в частных показателях КЖН частично 1-й и особенно 4-й группы. Кроме того, категория КЖН включает ряд социокультурных, демографических, политических и других аспектов, которые непосредственно не определяются влиянием исследуемых факторов (в значительной мере частные показатели КЖН 2-й и 4-й групп).

2. Вместе с тем обнаружилась статистически значимая линейная связь между двумя парами региональных индикаторов: благосостояния населения, с одной стороны (1-я группа показателей КЖН), и инновационного потенциала регионов и человеческого капитала занятых в экономике – с другой. Попытка включить в состав регрессоров одновременно оба фактора оказалась неудачной, поскольку они сильно коррелированы между собой, хотя и оценивались различными методами.

3. Связь между указанными характеристиками благосостояния населения, инновационного потенциала регионов и человеческим капиталом работников, занятых в региональной экономике, становится более тесной, если сократить выборку регионов за счет семи замыкающих ранжированный по уровню благосостояния ряд (приложение 2). Среди выпадающих регионов оказались республики: Тыва, Дагистан, Ингушетия Алтай, Коми, Бурятия, Саха

(Якутия) и Забайкальский край. Можно предположить, что значительная помощь федерального центра слаборазвитым регионам в большой мере сглаживает социальные контуры и вместе с тем, возможно, сильно ослабляет мотивационные механизмы развития. Поиск оптимального баланса между «справедливостью» и «эффективностью» представляет собой одну из центральных задач социальной политики.

Таким образом, гипотеза об определяющей роли факторов инновационного потенциала и его составляющей – человеческого капитала – в формировании конкурентоспособности регионов подтверждается на фактическом материале и обуславливает соответствующие направления управленческой деятельности в проведении конкурентной политики.

Приложение 1

Индексы показателей КЖН Российской Федерации

Показатель	2009 г., % к 2000 г.
1. Благосостояние населения	
1.1. Реальные располагаемые денежные доходы населения	229,3
1.2. Реальная начисленная зарплата работников организаций	274,9
1.3. Реальный размер назначенных пенсий	245,7
1.4. Потребительские расходы на душу населения	219,6
1.5. Доля численности населения с доходами ниже прожиточного минимума	45,52
1.6. Общая площадь жилых помещений*	116,7
1.7. Удельный вес общей площади, оборудованной водоотведением (канализацией)	106,2
1.8. Удельный вес общей площади, оборудованной газом (сетевым, сжиженным) и напольными электроплитами	101,7
1.9. Удельный вес общей площади, оборудованной горячим водоснабжением	108,8
1.10. Доля ветхого и аварийного жилого фонда в общей площади всего жилищного фонда	129,2
1.11. Количество легкового автотранспорта*	334,0
1.12. Относительный дефицит располагаемых ресурсов малообеспеченных граждан	84,1
2. Качество населения	
2.1. Коэффициент жизненности (отношение числа родившихся к числу умерших)	153,9
2.2. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	105,1
2.3. Коэффициент младенческой смертности	53,2
2.4. Коэффициент способности образовывать и сохранять семьи (отношение общего коэффициента брачности к общему коэффициенту разводимости)	120,0
2.5. Доля детей, обучающихся в общеобразовательных учреждениях в общей численности детей соответствующего возраста	105,0
2.6. Занятые в экономике, имеющие начальное профессиональное образование*	187,1
2.7. Занятые в экономике, имеющие среднее профессиональное образование*	87,7
2.8. Занятые в экономике, имеющие высшее профессиональное образование*	131,2
2.9. Заболеваемость населения с впервые установленным диагнозом*	109,9
2.10. Численность лиц, впервые признанных инвалидами в возрасте 18 лет и старше*	105,1
2.11. Заболеваемость населения злокачественными новообразованиями*	103,7
2.12. Численность больных с психическими расстройствами на учете*	87,7
2.13. Численность больных алкоголизмом на учете*	93,5
2.14. Число самоубийств*	67,7

Окончание приложения 1

Показатель	2009 г., % к 2000 г.
<i>3. Качество трудовой жизни</i>	
3.1. Уровень занятости населения	106,2
3.2. Уровень безработицы по методологии МОТ	79,3
3.3. Доля безработных выпускников учреждений начального, среднего и высшего профессионального образования в общей численности зарегистрированных безработных	75,0
3.4. Численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности на один рабочий день и более (на 100 тыс. жит.)	28,7
3.5. Травматизм на производстве со смертельным исходом (на 100 тыс. жит.)	42,8
3.6. Задолженность по заработной плате	1,7
<i>4. Качество социальной сферы (инфраструктуры)</i>	
4.1. Охват детей дошкольными образовательными учреждениями	106,2
4.2. Обеспеченность амбулаторно-поликлиническими учреждениями*	106,0
4.3. Численность врачей*	107,1
4.4. Численность среднего медицинского персонала*	99,4
4.5. Число больничных коек*	84,2
4.6. Число мест в домах-интернатах для граждан пожилого возраста и инвалидов-взрослых*	110,6
4.7. Библиотечный фонд*	93,8
4.8. Количество посещений театров*	101,4
4.9. Количество посещений музеев*	111,4
4.10. Число спортивных залов*	131
4.11. Число плавательных бассейнов*	164,1
4.12. Число стадионов*	130,6
4.13. Число квартирных телефонных аппаратов общего пользования в городах*	138,3
4.14. Число квартирных телефонных аппаратов общего пользования в сельской местности*	143,9
4.15. Плотность автомобильных дорог (коэффициент Энгеля)	124,6
4.16. Густота автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (на 1000 кв. км территории)	89,6
<i>5. Безопасность жизнедеятельности</i>	
5.1. Число зарегистрированных преступлений*	104,0
5.2. Число тяжких и особо тяжких преступлений*	48,5
5.3. Число несовершеннолетних, совершивших преступление*	50,1
5.4. Выбросы в атмосферу загрязняющих веществ от стационарных источников**	102,8
5.5. Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты**	79,5
5.6. Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих веществ от стационарных источников в общем объеме их выбросов	94,6

* Показатель нормирован по отношению к среднегодовой численности населения.

** Корень квадратный из отношения показателя к произведению площади на число жителей.

**Оценки параметров уравнений регрессии
между индикаторами благосостояния населения (y),
инновационного потенциала региона (x) и человеческого капитала (z)¹**

Количество наблюдений	$y = a + bx$			$y = a + bz$		
	a	b	Коэффициент детерминации	a	b	Коэффициент детерминации
79	13,96 (2,24)	0,3989 (4,66)	0,2198	44,95 (32,60)	0,2999 (3,88)	0,1635
72	22,35 (6,06)	0,2534 (4,95)	0,2592	48,42 (61,90)	0,2059 (4,89)	0,2548

¹ В скобках указаны t-статистики.

Литература

1. Айвазян С.А. Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: измерения, динамика, основные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 41. С. 1-38.
2. Бобков В. Управление качеством жизни населения // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 3. С. 118-119.
3. Гринчель Б.М., Костылева Н.Е. Важнейшие факторы повышения конкурентоспособности регионов / Ин-т «ЕВРОГРАД» (С.-Петербург) по заказу Исполнительной дирекции Форума. СПб., 2003.
4. Данилов И.П., Тарасов В.Т. Инновационный потенциал регионов России: методы анализа структуры и влияния на эффективность экономического роста // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 343-354.
5. Данилов И.П., Тарасов В.Т. Человеческий капитал и инновационное развитие регионов России // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 359-366.
6. Егоршин А.П., Зайцев А.К. Качество жизни населения региона. Н. Новгород: НИМБ, 2002. 122 с.
7. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М.: Едиториал УРСС, 2003. 264 с.
8. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика» [Электронный ресурс]. URL: <http://2020strategy.ru/data/2012/03/14/1214585998/1itog.pdf>.
9. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Официальный сайт Минэкономразвития России [Электронный ресурс]. URL: http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009.
10. Официальный сайт Росстата. ЦБСД. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
11. Римлер Ю. Эконометрические методы анализа развития / пер. с венг. Ю.А. Данилова; под ред. Э.Э. Батици. М.: Статистика, 1979. С. 240.
12. Сепик Д. Конкурентоспособность регионов: некоторые аспекты. Российско-Европейский центр экономической политики (РЕЦЭП). М, 2005. С. 7. [Электронный ресурс]. URL: http://www.recep.ru/files/documents/regional_competitiveness_ru.pdf.

ТАРАСОВ ВЛАДИМИР ТИМОФЕЕВИЧ – кандидат экономических наук, доцент, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и госслужбы при Президенте Российской Федерации, Россия, Чебоксары (taranet@orionet.ru).

TARASOV VLADIMIR TIMOFEEVICH – candidate of economics sciences, associate professor, Cheboksary Branch of Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Russia, Cheboksary.

ДАНИЛОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, профессор, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (dip41@yandex.ru).

DANILOV IVAN PETRPVICH – doctor of economics sciences, professor, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 316.334.2

Н.В. ТУМАЛАНОВ

**ВОЗДЕЙСТВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
НА МЕЖОТРАСЛЕВОЙ ОБМЕН***

Ключевые слова: эффективный обмен, тип конкуренции, неформальные институты, формализованные институты, институты принуждения, транзакционные издержки, «порядки ограниченного доступа».

Предложены результаты анализа воздействия современной институциональной системы на условия межотраслевого обмена в национальной экономике. Охарактеризовано место институтов в обмене. Определена система институтов, благоприятствующая эффективному обмену. Дана характеристика эволюции институтов в современной отечественной экономике.

N.V. TUMALANOV

THE IMPACT OF ECONOMIC INSTITUTIONS ON THE INTERDISCIPLINARY EXCHANGE

Key words: effective exchange, the type of competition, informal institutions, formal institutions, institutions of coercion, transaction costs, «limited access orders».

Offered an analysis of the impact of modern institutional system in terms of interdisciplinary exchange in the national economy. The present paper describes the place of institutions in exchange. The system of institutions favoring the effective exchange. The characteristic of the evolution of institutions in modern domestic economy.

Место институтов в обмене. В соответствии с постулатами неоклассической теории в любой рыночной экономической системе эффективный обмен возможен при всеобщей совершенной конкуренции, соответствующей сути модели Л.Вальраса. Представители этой школы считают, что вальрасианская модель – «...парадигма эффективного обмена при «совершенной» конкуренции, где равенство спроса и предложения является основным детерминантом условий торговли» [3. С. 306]. «Чистая» конкуренция в идеализированном варианте – это ситуация, при которой упраздняется сила отношений и вообще человеческое влияние и устанавливается эффективный обмен, «магнитным стержнем» которого можно считать «оптимум» по Парето.

Однако на практике возникает рыночная власть фирм (групп фирм), и рынки становятся неконкурентными, малоконкурентными, различной степени конкуренции. Это неизбежно ведет к тому, что обмен становится неэквивалентным и неэффективным. В условиях, когда процесс обмена в экономической системе любого уровня становится все мощнее, а при установлении единых правил торговли по всему миру, упразднении границ национальных рынков он обретает всеобъемлющий характер, проблема неэффективного обмена обостряется.

Это – предпосылка к возрастанию роли институтов. Возникает необходимость упорядочить рыночные отношения, как это констатирует Дж. Ходжсон, «...набором социальных институтов, в рамках которых происходит обмен» [5. С. 306]. Регулирование и структурирование актов обмена обновляются. Обычаи, правовая система, обслуживающие сделки, контрактацию, последовательно внедряются в процесс обмена и дополняя друг друга, формируются в систему.

В этих условиях проблема применимости вальрасианской модели в обмене отходит на второй план. Главным становится вопрос: как устроена система институтов, как воздействуют институты на обмен, как они адаптируются к новым условиям и воздействуют на эффективность обмена. Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо обратить внимание на саму концепцию институтов. Институты в традиционном понимании составляют систему неконтактных отношений в обмене. Это – социальная составляющая обменных отношений. Их основа – обычаи, традиции прошлого. Относительно них Й. Шумпетер отмечал, что капи-

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ (проекты № 11-02-00569а, № 12-12-21002а/В).

тализм их разрушает; ломает докапиталистический каркас общества, потому что традиционные институты являются преградой его прогрессу [6. С. 193].

Действительно, старая институциональная система, которая сформировалась в иной общественно-экономической формации и ее обслуживала, неизменно теряет свою силу, в конечном счете – упраздняется. Чем дальше продвигается капитализм в своем развитии, тем меньше в отношениях обмена остается от прежних институтов, тем больше становится новых институтов. Место устранимых и упраздняемых институтов занимают другие, которые полнее отвечают условиям новой социально-экономической формации.

Поскольку институты, по определению Д. Норта – это способ организации взаимодействия людей, то считается необходимым в новых рыночных условиях формировать их по таким принципам, которые органически вытекают из исторического опыта и позволяют создать верные стимулы. Следует исходить из того, что система институтов структурируется на три группы:

1) неформальные институты, представляющие собой упорядочивающие ограничения в форме традиций, обычаев, норм поведения;

2) формализованные институты (конституция, законы, подзаконные акты, положения, уставы и др.);

3) механизмы принуждения.

Формализованные институты создаются целенаправленно за относительно короткий период времени и, как правило, поддаются совершенствованию. Сложнее обстоит дело с неформальными институтами и механизмами принуждения. Обычаи, традиции формируются десятилетиями. Происходит это неуправляемо, стихийно. У каждой социальной группы и у каждой субкультуры – они свои. Механизмы же принуждения формализуются и принимают вид органов вертикали государственной власти. Однако помимо них формируются и действуют неформальные механизмы принуждения, которые обладают мощной воздействующей силой. В ряде социальных групп (например, кланах, организованных криминальных структурах) сила эта более действенна, чем формализованные механизмы принуждения. Взаимосвязанная и взаимозависимая совокупность этих институтов регулирует процесс обмена.

Система институтов, благоприятствующая эффективному обмену.

Вряд ли можно считать, что в подходах к роли, функциям, предпочтениям институциональных систем существует согласие. Апологеты лидирующих рыночных экономик англо-американского типа считают, что опора на вальрасианскую модель в этом отношении может быть вполне продуктивной. Они исходят из того, что когда все происходит рыночно, то система работает эффективнее, производительность и конкурентоспособность экономики выше.

Институты же призваны обеспечить эту рыночность. Для этого они должны выстраиваться таким образом, чтобы установить порядок на рынке и в обменных отношениях, который без дополнительных усилий управленческо-властных структур исправляет погрешности обмена и делает его эффективным.

Обращается также внимание на необходимость создания максимально благоприятных условий эффективной работы институтов, когда каждый отдельный элемент системы полноценно реализует свои функциональные возможности в условиях иммунитета от вторжения посторонних сил и является своеобразным вариантом «механизма без трения».

Концепция ориентирована на возможность настройки институтов на режим самосовершенствования и автоматической адаптации к меняющимся условиям. Призвано усиливать позиции этой концепции и акцентирование внимания на том аспекте институциональных отношений, который касается функции обеспечения или доминирования «безличных правил» с вытеснением и заменой «личных связей».

Ориентация на «безличные правила» в обмене связана с другими основополагающими положениями концепции, в частности, – с издержками, т.е. непосредственно с тем, что должно отразиться на пропорциях обмена. Речь идет о трансакционных издержках, которые О. Уильямсон образно определил как «экономический эквивалент трения в механических системах» [4]. Считается, что «безличные правила», которые приходят на смену личным связям, способны облегчить бремя трансакционных издержек. Непременным положением этой концепции является и то, что для создания эффективной системы институтов необходимо «открытое общество».

Особое внимание обращается на четко определенное и хорошо обеспеченное право собственности. Система частной собственности, включающая право собственности, почти во всех новых рыночных странах создается и оформляется в спешном порядке. Через короткое время она становится основным институтом, пронизывающим рынок и обменные отношения. Характерно, что обязательность и плодотворность института частной собственности провозглашаются огульно, поскольку, как правило, нет различия по признаку объекта собственности. Такой подход ставит знак равенства между собственностью на финансовый и физический капитал, который нажит трудом и творчеством владельца, и собственностью на землю, природные ресурсы, по сути, приватизированные общественные блага.

В первом случае капитал, собственник капитала – предприниматель-производитель, создаваемую им стоимость по частям распределяет на цену производимого товара (амортизация). Во втором – этот собственник, забравший общественный капитал-недвижимость, не создававший и не создающий стоимость, получает незаработанный доход, который производитель-арендатор вынужден платить собственнику. По сути своей – это надбавка к реальным издержкам и нормальной прибыли.

По отраслям эта надбавка-рента распределяется неравномерно и на обмен воздействует так, что двигает его в сторону неэквивалентности (делает неэффективным).

Нельзя не признать, что есть общие закономерности и тенденции формирования новой институциональной системы, и они правильно отражены в господствующей концепции институтов. Однако есть проблемы частные, которые вызваны противоречивостью ряда элементов предполагаемой новой системы институтов: доминирования «безличных правил», растущих трансакционных издержек, «открытого общества», форм и объектов частной собственности.

Имея в виду эти противоречия, можно безоговорочно согласиться с тезисом Д. Норта «... рабская имитация западных институтов бесполезна» [1], хотя он, возможно, имел в виду вовсе не те проблемы, которые названы нами. Однако нигде не упоминается об очевидном факте: трансакционные издержки являются, по существу, стоимостью смазки для устранения (уменьшения) трения в реально функционирующем рыночном механизме. И цена этой «смазки» непомерно высока, в особенности, в экономиках новых рыночных стран.

Современные институты в системе обмена. За последние два десятилетия накопился немалый опыт познания системы институтов в новых условиях. Есть все условия для того, чтобы проследить, в каком состоянии находятся «безличные правила» и «личные отношения», отношения собственности, «открытое общество», что происходит с трансакционными издержками (стоимостью «смазки» для устранения «трения»).

Время, прошедшее от начала перехода к рыночно-капиталистической социально-экономической формации до сегодняшних дней, оказалось вполне достаточным для того, чтобы сформировались новые институты всех трех названных групп и принципиально иная система обмена в экономике. В начале этого процесса наблюдались стихийность и даже неожиданность. В российском об-

шестве, когда после «смутного времени» разгрома и уничтожения всего накопленного и традиционного в его «темное царство» стали проникать «лучи света», оказалось, что весь процесс обмена уже опутан новыми обычаями и привычками, которые подспудно сформировались в неформальные институциональные структуры. Их носители и исполнители, – посредники, охранники, «крышеватели», «смотрящие» и прочие, они все быстро присосались к цепочке создаваемой стоимости в любом бизнесе, требовали и забирали свою долю дохода.

Неформальные институты сформировались разрозненно, стихийно, под мощным воздействием настроений «безвременья» и иллюзорных ориентиров средств массовой информации. Они специализированы. Для каждой социальной группы и даже для каждой субкультуры – свои, особые. Последовательно сформировались и формализованные институты. Разрабатывались, вводились в действие основополагающие законы: Гражданский, Налоговый, Трудовой, Земельный и другие кодексы. Принято множество частных законов, созданы соответствующие исполнительные органы и службы. Претерпели изменения, трансформировались механизмы принуждения. Во многих сферах они созданы заново.

Институты в своем новом виде оказывают прямое воздействие на обмен: упорядочивают цены, обеспечивают достижение согласия по ценам, дают информацию о товарах, ценах, объемах продаж, потенциальных покупателях и продавцах. Проявляются и порождаемые неформальными институтами отношения долга, доверия, взаимных уступок, формы устных соглашений, хотя как внутри фирм, так и в процессе рыночной конкуренции они не отличаются высокой устойчивостью и быстро разрушаются. Однако в целом институты и связанные с ними трансакционные издержки устойчиво осуществляют свои общественные и рыночные функции, предопределяя характер обмена и его эффективность.

Безусловно, если институты ликвидируют роль «личных связей» и приводят к доминированию «безличных правил», к чему они якобы призваны, это будет важнейшим шагом к созданию рыночного механизма «без трения».

Однако в настоящее время у нас как формальные ограничения, так и неформальные механизмы принуждения не обеспечивают движение в этом направлении. На наш взгляд, причина в том, что они построены по логике «ограниченного доступа» [2. С. 8-13]. В таком виде они не способствуют сокращению трансакционных издержек. Напротив, во многих случаях они приводят к их росту.

Основная причина этого в том, что сдерживание конкуренции – в самой природе этого «порядка ограниченного доступа», основная цель которого – сохранение привилегированного доступа к ресурсам выделившихся и укрепившихся заинтересованных групп. Сохранению и укреплению «порядков ограниченного доступа» служат неформальные правила, которых придерживаются образовавшиеся группы. Это – прямая выгода, поскольку, как обосновывают Д. Норт и его соавт., «привилегии порождают ренты...» [2. С. 8]. Складывается и определенная система обязательств, которые до поры до времени соблюдаются неукоснительно, поскольку их нарушение порождает вражду, которая незамедлительно сокращает ренту.

Естественно, что сохранению этого порядка способствуют и формализованные институты, и механизмы принуждения. Они изначально подстраиваются под него. Эти группировки большей частью контролируют крупные компании рынков олигопольной или монопольной структуры в добывающих отраслях, отраслях первичной обработки, химической промышленности, подотраслях машиностроения, в которых очень высокая степень концентрации по ННП и CR-4. По принципу «порядков ограниченного доступа» организованы также Госкорпорации («Ростехнологии», «Роснанотех», «Росдор», «Олимпстрой» и др.). Они на рынке действуют особняком, вбирая лучшие ресурсы. Все они обладают очень высокой рыночной властью и свободой в ценовой политике, которые можно ог-

раничивать, опять же, только институционально. Положение усугубляется тем, что товары ряда этих отраслей – базисные для всей экономики. Это означает, что рост их цен ложится неизбежным тяжелым бременем на все другие отрасли. В тех отраслях, где структура рынка и тип спроса позволяют, повышают отпускные цены на продукцию, а в отраслях, где это невозможно, производители сталкиваются с диспаритетом цен.

Даже и там, где государственное регулирование осуществляет, казалось бы, очень нужное вмешательство в рынок, оно порой дает нежелательные результаты в отношениях межотраслевого обмена и перелива капитала. Подспудные последствия сдерживания цен на социально значимые товары, например, на продовольствие, – неожиданные. Деньги потребителей, «сэкономленные» таким образом, перемещаются из жизнеобеспечивающих отраслей на легальные или теневые рынки услуг, развлечений и товаров иррациональной оценки. Тем самым ухудшаются условия обмена в ущерб жизнеобеспечивающих отраслей.

Роль институтов в достижении согласия по ценам является позитивным моментом в их деятельности. Но и она исполняется ими не в межотраслевом отношении или в отношении атомистичных рынков отраслей высокой конкуренции, а в тех отраслях, где господствуют крупные фирмы с сильной рыночной властью. Также и способность институтов обеспечивать рынок информацией о товарах, объемах продаж, ценах, предпочтениях покупателей далека от совершенства, поскольку объективность информации часто зависит от интересов тех групп, которые контролируют эти институты.

Неудовлетворительные результаты работы институтов для обмена усугубляются теми процессами, которые вызваны глобализацией. Вступление страны в ВТО, неукоснительное соблюдение принципов «открытой экономики» и фритредерства усложняют условия обмена для ряда отраслей, прежде всего, жизнеобеспечивающих. В условиях глобализации специализация стран и регионов происходит по концепции Б. Олина с ориентацией на дешевизну определенной группы факторов производства [7]. Если специализация осуществилась вопреки этому принципу, сохранить конкурентоспособность отрасли практически невозможно. Вследствие этого обычно усиливается отток природных ресурсов, капитала, высококвалифицированной рабочей силы, еще ниже падает инвестиционная привлекательность обрабатывающих отраслей.

Результатами такого положения на отраслевых рынках являются диспаритет в ценах различных отраслей, обмен, неэквивалентный по затратам труда и неэффективный для экономики страны. Ряд отраслей, оказавшихся в ущербном положении в стоимостно-ценовых отношениях и обмене, приходит в упадок.

Эволюция новой системы институтов. Новая концепция, применимая для понимания экономического развития новых рыночных стран с точки зрения их институционального устройства, которую предложили Д. Норт и его соавт., позволяет соотносить сложившуюся систему институтов с теми, которые образовались в ряде развивающихся стран. По всем ведущим признакам она близка к тому варианту, который упомянутые авторы называют «порядки ограниченного доступа», когда «...элитарные организации ограничивают возможность создания конкурирующих с ними структур...» [2. С. 9]. Действительно, с самого начала формирования новой институциональной системы отдельные группы получили доступ к производственным ресурсам (трудовым, земельно-природным богатствам, капиталу) на основе привилегий. Созданы и применяются формальные ограничения в виде принятых законодательных актов. Широко применяются неформальные ограничения, такие, как препятствия при входе в рынок и расширении производства, при освоении рынков сбыта. Нередки факты физического давления на противников, ограничения при доступе к средствам массовой информа-

ции и другие. По вертикальной модели сложились механизмы принуждения (армия, полиция, прокуратура, суды), соответствующие службы, такие, как налоговая, антимонопольная, ряд других. Кроме них, сформировалась и действует масса механизмов принуждения неформального характера внутри политических партий, этнических групп, кланов, в связках «патрон–клиент». Сложившийся «порядок ограниченного доступа» не только сдерживает насилие в работе механизмов принуждения, но и регулирует его реальное применение. По версии Д. Норта (и его соавт.), взаимные уступки и устные соглашения также являются необходимыми условиями сохранения «порядка ограниченного доступа».

В рыночных отношениях это приводит к тому, что позиции олигополий усиливаются и они становятся основной силой в обмене. В нынешних условиях конкуренции эти отношения на рынках олигополии прочно сохраняются, что происходит в силу характера их структуры, когда сговоры явные (разрешенные) или неявные дают фирмам долгосрочные выгоды. Эти обстоятельства работают в пользу отраслей, состоящих из крупных компаний с высокой рыночной концентрацией. «Порядки ограниченного доступа» ограждают их от возможных новых и уже существующих конкурентов, и они являются непосредственной причиной углубления диспаритета цен и неэквивалентного обмена. Поскольку вертикаль причин по прямой восходит значительно выше, через «порядок ограниченного доступа» к интернационализации производства и обмена вплоть до истоков глобализации, то крупные компании олигополий, обладая прочной рыночной властью, получают возможность дирижировать через ценообразование и манипуляции с объемом предложения стоимостно-ценовыми отношениями в пределах всего национального рынка.

Однако по сценарию вышеназванных авторов [2. С. 13], отношения между элитами от персонального торгога должны перейти к своду правил, т.е. формализоваться. На наш взгляд, это должно привести к «порядку свободного допуска», где «... монополией на потенциальное и реальное насилие» обладают исключительно легитимные исполнительные органы (армия и полиция).

Есть признаки того, что институциональная система вступает в промежуточную стадию перехода от «порядков ограниченного доступа» к «порядкам свободного доступа». В этом случае следует ожидать, что рыночная сила крупнейших олигопольных и монопольных компаний, поддерживаемая в интересах «порядка ограниченного допуска», пойдет на спад. Вполне возможно, что это благотворно повлияет на стоимостно-ценовые отношения на национальном рынке и обмен в целом станет более эффективным.

Литература

1. Норт Д. Китайское меню // Ведомости. 2005. 8 апр.
2. Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С., Вайнгаст Б. В тени населения: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // Вопросы экономики. 2012. № 3. С. 4-28.
3. Уилсон Р.Б. Обмен // Экономическая теория: сб. ст. / под ред. Дж. Итуэллы и др.; пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 306.
4. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат; СЕУ Пресс, 1996.
5. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: пер. с англ. М.: Дело, 2003. С. 464.
6. Шумпетер Й.А. Капитализм, социализм и демократия: пер. с англ. М.: Экономика, 1995. С. 193.
7. Ohlin B. Interregional and international trade. Cambridge, 1967.

ТУМАЛАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tumalanow@mail.ru).

TUMALANOV NIKOLAY VASILYEVICH – doctor of economic sciences, professor, head of Economic Subjects Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 336.748:330.44

Э.Н. ТУМАЛАНОВ, В.В. ИВАНОВ

**ИЗМЕНЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ЦЕН В ОТРАСЛЯХ
В УСЛОВИЯХ ПОВЫШЕНИЯ ОБЩЕГО УРОВНЯ ЦЕН***

Ключевые слова: межотраслевой обмен, повышение общего уровня цен, структура рынка, тип спроса на товар, ценовой диспаритет, ценовая политика.

Рассмотрена проблема изменения относительных цен в базовых отраслях отечественной экономики вследствие повышения общего уровня цен. Охарактеризованы закономерности модификации цен к условиям инфляции на рынках некоторых отраслей.

E.N. TUMALANOV, V.V. IVANOV

**THE CHANGE IN RELATIVE PRICES IN THE INDUSTRY
IN RAISING THE GENERAL LEVEL OF PRICES**

Key words: interdisciplinary exchanges, raising the general level of prices, market structure, the type of demand for the commodity, the price disparity, the price policy.

The paper considers the problem of changes in relative prices in the key sectors of national economy by raising the general level of prices. We characterize the patterns of modifications to the conditions of price inflation in the markets of certain industries.

Рост общего уровня цен – всеобщая тенденция современной экономики. Он непосредственно затрагивает и отношения в межотраслевом обмене. Цены на рынках разных отраслей растут неравномерно, и это неизбежно приводит к их диспаритету. За ним следуют перекосы в развитии отраслей. Отрасли, в которых у производителей есть возможность повышать цены, ориентируясь на рост общего уровня цен, а порой даже опережая его, оказываются в выигрышном положении в обмене. У отраслей же, в которых эта возможность ограничена или отсутствует, ухудшается положение в обмене, и они оказываются перед угрозой упадка. Поскольку рост общего уровня цен и различие в возможностях отраслевых производителей назначать цены занимают ключевое место в межотраслевом обмене, возникает необходимость проследить причинно-следственные связи между повышением общего уровня цен, модификацией цен к условиям инфляции в важнейших отраслях экономики, а также теми изменениями, которые вследствие этого происходят в отношениях обмена. Это может послужить углублению познания данной сферы экономических отношений и выработке эффективной политики регулирования процесса межотраслевого обмена.

В этом аспекте целесообразно рассмотреть такие отрасли и их рынки, как аграрная, легкая промышленность, машиностроение, нефтеперерабатывающая промышленность, являющиеся базисными по отношению к другим отраслям. Аграрная отрасль отличается тем, что повышение закупочных цен на сырое агропродовольствие происходит редко. Вообще, цены реализации продукции аграрных производителей неустойчивы, что ухудшает их положение в обмене. Аграрное производство является отраслью, наиболее быстро испытывающей негативные последствия повышения общего уровня цен и несущей большие потери от этого феномена макроэкономики. Первичная причина этого в том, что предложение продовольствия формируется в условиях атомистического рынка. Производитель не может использовать его для повышения цены на реализуемую продукцию. Спрос на продовольствие имеет низкую эластичность по цене: его потребитель слабо реагирует на рост или снижение цены. Неэластичен спрос на продовольствие и по доходу: при росте уровня дохода потребителя доля продовольствия в предельном потреблении не только не растёт, но и сокращается.

Хотя неэластичность спроса обычно дает выгоду производителю товара, это происходит только тогда, когда структура рынка позволяет управлять объ-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проекты № 11-02-00569а, № 12-12-21002а/В).

емом предложения. На рынке же аграрной продукции неэластичность спроса по цене и по доходу сочетается с высококонкурентной структурой рынка. В годы высокого урожая по этой причине аграрный сектор сталкивается с резким падением закупочных цен.

Мощным фактором повышения власти производителя в ценообразовании во многих отраслях является дифференциация продукции. Однако аграрный производитель использовать ее не может. Продукцию сельского хозяйства трудно дифференцировать в первичной стадии производства. В отношении сортов зерновых, овощей, картофеля в какой-то степени дифференциация возможна, но это мало влияет на оценку потребителя и на формирование цены. Поэтому аграрное хозяйство лишено возможности применять тот способ, который широко используется на предприятиях легкой промышленности и ряда других отраслей, где дифференциация при небольших затратах дает возможность получить значительные возможности в назначении цен.

Между тем аграрное хозяйство, нуждающееся в разнообразных продуктах промышленного производства (сельскохозяйственной технике, оборудовании, транспортных средствах), продукции химической промышленности (удобрениях, средствах борьбы с вредителями и болезнями), нефтяной отрасли и других, более всего нуждается в своевременном повышении отпускных цен на свою продукцию, поскольку кредитные средства, которые необходимы для их приобретения, для него труднодоступны. Доход от реализации сельскохозяйственный производитель получает лишь периодически (в растениеводстве – один раз в год). Полученный доход обесценивается инфляцией. И в отношениях как с поставщиками, так и с кредитными организациями аграрный производитель находится в невыгодном положении. Как правило, особенно тяжелое положение складывается в отношениях с поставщиками дизтоплива, бензина, других горюче-смазочных материалов.

В легкой промышленности в ценообразовании нет сильной рыночной власти со стороны производителей. Если и присутствует возможность воздействовать на рыночные цены – это исключительно дифференциация товара. Вследствие этого ценообразование происходит без сильного воздействия на рынок со стороны структур, обладающих монопольной властью. Предложение в отрасли расчленено по многочисленным группам производителей довольно разнородных товаров. Ни одна группа производителей не может сосредоточить в своих руках крупный объем предложения. Поэтому посредством управления объемом предложения в легкой промышленности трудно влиять на цены. Кроме того, на фрагментированных товарных рынках продукции легкой промышленности в большинстве случаев сокращенный объем предложения незамедлительно замещают товары-субституты.

В то же время рынки товаров легкой промышленности со стороны спроса и оценки потребителей отличаются большим разнообразием. При отсутствии сильной рыночной власти это дает возможность производителям использовать приемы воздействия на спрос. Поэтому-то лучшие результаты в конкуренции приносит углубленная дифференциация продукции, а производители отрасли легкой промышленности в большинстве своем не являются ценополучателями, а более подходят под определение ценоискателей. Дифференциация продукции позволяет создать мини-сегменты рынка и в их пределах дает возможность влиять на ценообразование, назначать цены выше, чем на однотипный товар в среднем по отрасли.

Влияние поставщиков на ценообразование на рынках отрасли не такое сильное, как в сельском хозяйстве, но значительное. В современном производстве многих изделий легкой промышленности, например обуви, происходит такая же сборка из комплектующих, как в отраслях, где сборка традицион-

но является завершающим этапом стадии производства. От согласованности отношений с поставщиками зависят издержки и ценовая политика фирмы и в конечном счете – ее конкурентоспособность на рынке. Вход в рынок и выход из рынка продукции отрасли и по барьерам, и по издержкам несколько затруднительнее, чем на рынке чистой конкуренции. Однако они не требуют крупных издержек, не так сложны организационно, как на рынках олигополии.

Таким образом, особенности структуры рынков продукции легкой промышленности со стороны как спроса, так и предложения позволяют производителям вести определенную ценовую политику и назначать цены по принципу «издержки плюс надбавка», ориентируясь на повышение общего уровня цен, но при значительных ограничениях. Эмпирические исследования свидетельствуют, что цены товаров легкой промышленности, хотя в целом и подтягиваются, следуя за инфляцией, но имеют тенденцию отставать в темпе роста от темпа инфляции.

Машиностроение – отрасль очень разнообразная по входным издержкам, по структуре рынка, по предпочтениям потребителей. Исходя из наших задач можно рассмотреть конкретные подотрасли машиностроения, такие, как сельскохозяйственное машиностроение и производство легковых автомобилей, выяснить, как они адаптируются к росту общего уровня цен.

Рынки легковых автомобилей в структурном отношении являются олигополией и имеют достаточно высокую концентрацию рынка при наличии доминирующих фирм и лидеров в ценах. Однако условия открытой экономики снижают концентрацию и, усиливая конкуренцию, ограничивают производителей этого рынка в ценовых сговорах и контроле над объемами предложения. В последние годы ряд компаний пошли на сокращение поставок, но не из соображений ценовой политики, а под давлением ухудшения рыночной конъюнктуры. При этом снижения цен на автомобили не произошло, что косвенно свидетельствует о том, что возможности воздействия на формирование цен в данной подотрасли есть и их можно использовать.

Своеобразны возможности в ценовой политике в сельскохозяйственном машиностроении. Производители сельскохозяйственной техники на рынке занимают сегменты, где ограниченное количество продавцов. Товар специфичен, применяется только в аграрном производстве, спрос на продукцию ограничен. Дифференциация продукции возможна, но применима в узких рамках. Продавец на данном рынке должен ориентироваться на эластичность спроса по цене и доходу: имея возможность повышать отпускную цену, он сталкивается с вероятностью потерять часть потребителей из-за невысокой их платежеспособности.

Для рынка продукции тракторостроения также характерна значительная сегментация. Производители специализируются на производстве определенных групп продукции, под которую приспособлены его ресурсы и способности, технологические и организационные структуры. Сегментация позволяет производителям использовать ключевые факторы создания конкурентного преимущества, сохранить на рынке свои позиции, удерживая или увеличивая свою долю.

Таким образом, основными сдерживающими факторами повышения цен для рынков продукции машиностроения являются характер спроса потребителя и его ограниченность по доходу. Возможность повышения цен с ориентацией на рост общего уровня цен обеспечивается тем, что рынки фрагментарны в силу специализации продукции. С другой стороны, в реализации производитель, работающий на таком рынке, сильно ограничен, он не может искать другие смежные рынки и рынки товаров-субститутов. Для ведения экспансивной ценовой политики это является сдерживающим фактором. В целом рассматриваемые подотрасли повышающе воздействуют на общий уровень цен по мере роста издержек за счет повышения цен поставщиков и стоимости

факторов производства. В большинстве из них конкуренция присутствует. Кроме того, в ценовой политике им всегда приходится оглядываться на потребителя. Отрасль способствует эффективному обмену до тех пор, пока не касается цен других товаров и не воздействует на них в сторону повышения. Когда продукция машиностроения воздействует на издержки других отраслей в силу того, что повысившиеся цены ложатся на те товары, которые производят эти отрасли, меняются относительные цены во всех отраслях и это, как правило, снижает эффективность обмена.

Особое место в межотраслевом обмене занимает нефтегазовая отрасль. Это базисная отрасль, поскольку ни одно предприятие и домохозяйство не может миновать рынок этой отрасли, обходиться без ее продукции.

В отрасль охотно идут инвестиции. Ряд корпоративных структур способен осуществить инвестиции за счет собственных накоплений. Вложения, как правило, – крупномасштабные и долгосрочные. Отрасль имеет свободу в построении отношений с поставщиками, в их выборе компании отрасли не стеснены. Продукция отрасли дифференцируется на стадии обработки. Возможности дифференциации неширокие, но используются они активно. Прибыльность отрасли зависит от мировых цен, а они обеспечивают высокую норму прибыли, поэтому проблема «издержки плюс надбавка», хотя и присутствует, так остро, как в обрабатывающих отраслях и в аграрном производстве, не стоит.

Для снижения издержек в отрасли активно используется эффект масштаба производства, поскольку основные производители отрасли – крупные корпорации. Используются и такие направления, как эффект опыта, обучение персонала, совершенствование технологий, совершенствование бизнес-процесса. Крупные компании нефтяной и газовой отрасли без труда находят средства на эти цели. В целом, издержки производства и реализации, а также транспортировки и хранения в нефтегазовой отрасли беспрепятственно вписываются в ценообразование.

Отрасль легко приспосабливается к новым условиям общего уровня цен при инфляции. Для этого продавцы используют рыночные параметры отрасли, прежде всего – структуру отраслевого рынка и тип спроса на товар. По количеству производителей и по доле наиболее крупных из них на рынке отрасль обладает высокой концентрацией с возможностью контроля над объемом добычи, продаж, следовательно – и ценообразованием в пределах внутреннего рынка.

Управляемость ценообразования обеспечивается особенностями спроса. Спрос на газ, нефть, нефтепродукты – неэластичный по цене. Объем, предназначенный для производственного применения предприятия, вынуждены покупать при любой цене, даже если это снижает прибыльность и рентабельность.

Жесткость спроса по цене и неэластичная кривая спроса приводят к тому, что рыночные цены меняются при относительно небольшом изменении объема предложения. И эта возможность продавцами отрасли используется. Контроль над объемом предложения становится исключительно доступным инструментом управления ценами в условиях неустойчивого общего уровня цен.

Таким образом, в назначении цен по отраслям в условиях повышения общего уровня цен важнейшими факторами являются рыночная власть производителей, их способность так или иначе влиять на ценообразование в собственной отрасли. Источником же этой рыночной власти являются структурные особенности отраслевых рынков и степень реакции спроса потребителей на изменение цены товара (таблица).

В государственном регулировании, в частности деятельности федеральной антимонопольной службы, целесообразно исходить из того, что оно в сфере межотраслевого обмена должно быть дифференцированным. Дифференциацию необходимо проводить по отраслевому принципу, поскольку общие рычаги

регулирования, такие, как изменение в налогообложении, действия, направленные на увеличение доходов и расходов, стимулирование инвестиций дают неоднозначные результаты. Чтобы добиться значительных положительных результатов, необходимо найти такие регулирующие механизмы, которые действовали бы на ценообразование селективно через отраслевые рынки.

**Возможности отраслей в ценовой политике
при различных сочетаниях структуры рынка и типа спроса**

Тип конкуренции по структуре рынка	Тип эластичности спроса	Ценовая политика фирмы	Отрасли	Рынки товаров
Чистая конкуренция	эластичный спрос	невозможна	аграрная	мясная продукция
	жесткий спрос	невозможна		зерно, хлеб, овощи
Монополистическая конкуренция	эластичный спрос	возможна через дифференциацию продукции	легкая промышленность	дорогая одежда, обувь
	жесткий спрос	возможна через дифференциацию продукции		повседневная одежда, обувь
Олигополия с низкой концентрацией фирм	эластичный спрос	эффективна	автомобилестроение	легковые автомобили
Олигополия с высокой концентрацией фирм	эластичный спрос	эффективна	сельскохозяйственное машиностроение	сельскохозяйственная техника
	жесткий спрос	очень выгодна	нефтеперерабатывающая промышленность	нефтепродукты
Монополия	жесткий спрос	очень выгодна	газовая промышленность	поставка природного газа

Литература

1. Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика: пер. с англ. М.: Экономика, 1997. 479 с.
2. Рикардо Д. Начала политической экономии и податного обложения: пер. с англ. // Соч.: в 2 т. М.: Соцэкгиз, 1935. Т. 2. 295 с.
3. Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции: пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 471 с.
4. Самуэльсон П. Экономика: в 2 т. М.: НПО «Алгон», 1992. Т. 2. 416 с.
5. Тумаланов Н.В. Влияние рыночных структур отраслей на специализацию региона / Чуваш. гос. ун-т. Чебоксары, 2001. 11 с. Деп. В ИНИОН РАН 09.06.2001. № 56553.
6. Тумаланов Н.В. Искаженные цены издают ложные сигналы // Качество и конкурентоспособность в XXI в.: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 289-295.
7. Тумаланов Н.В. Формирование условий межотраслевого обмена в национальной экономике. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2011. 170 с.

ТУМАЛАНОВ ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ – кандидат экономических наук, преподаватель кафедры экономических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (tumalanow@mail.ru).

TUMALANOV EDUARD NIKOLAYEVICH – candidate of economics sciences, lecturer in economic disciplines, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ИВАНОВ ВЛАДИМИР ВАЛЕРЬЕВИЧ. См. с. 428.

УДК 336.22

Л.В. УЛЫБИНА, Л.А. БОЛЬШОВА

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ НАЛОГОВОЙ НАГРУЗКИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ключевые слова: налоговые платежи, налоговая нагрузка, факторы, влияющие на уровень налоговой нагрузки в Российской Федерации.

Исследованы подходы к понятию налоговой нагрузки, выявлены проблемы и особенности ее исчисления в Российской Федерации.

L.V. ULIBYNA, L.A. BOLSHOVA

PROBLEMS OF DEFINING THE TAX BURDEN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: tax payments, tax burden, factors influencing the level of tax burden in the Russian Federation.

The article explores approaches to the notion of tax burden and identifies problems and peculiarities of assessing the tax burden in the Russian Federation.

На сегодняшний день проблема расчета налогового бремени является одной из важнейших и наиболее дискуссионной в теории и практике налогообложения, подходы к которой претерпевают изменения на различных исторических стадиях развития экономики России.

В современной экономической литературе по-разному подходят к определению налогового бремени. Так, в современном экономическом словаре указано, что налоговое бремя – это мера, степень, уровень экономических ограничений, создаваемых отчислением средств на уплату налогов, отвлечением их от других возможных направлений использования [3. С. 238]. А.В. Брызгалин дает следующее определение: «На макроэкономическом уровне налоговое бремя – это обобщающий показатель, характеризующий роль налогов в жизни общества и определяемый как отношение общей суммы налоговых сборов к совокупному национальному продукту» [2. С. 54]. Такого же мнения придерживается Н.В. Миляков, дополняя это определение тем, что на микроуровне налоговое бремя определяется как отношение суммы всех начисленных налогов и сборов к объему реализации [1. С. 213]. Д.Г. Черник считает, что налоговое бремя – это величина, характеризующая долю налоговых отчислений в общем объеме производства и доходов, производная величина от реализуемой модели рыночной экономики [4. С. 445].

Таким образом, общепринятой трактовки показателя налогового бремени в зарубежной и отечественной экономической литературе нет.

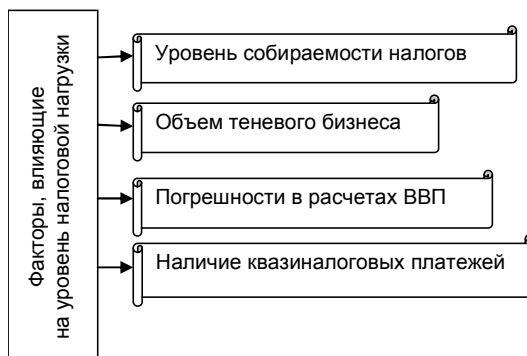
Обобщив все определения, можно сделать вывод, что под налоговым бременем понимается относительный показатель, характеризующий долю начисленных налогов в экономических показателях деятельности государства и хозяйствующих субъектов.

Уровень налоговой нагрузки имеет большое значение для построения эффективной экономической системы любой страны. Известно, что высокий уровень налоговой нагрузки снижает предпринимательскую активность, способствует бегству капиталов из страны и увеличивает объемы теневого бизнеса, что особенно ярко проявляется в условиях, когда налоговые изъятия используются не с полной предельной полезностью для общества.

При анализе уровня налоговой нагрузки в российской экономике надо исходить из того, что многие положения, которые абсолютно ясны и понятны для других стран, в отношении российской налоговой системы и ее нагрузки должны рассматриваться через призму чрезвычайных особенностей развития экономики России на современном этапе.

По официальным данным, уровень налоговой нагрузки в Российской Федерации в 2011 г. составил 35,6% [5]. Но на практике хозяйствующие субъекты испытывают гораздо большее налоговое давление, чем официально декларируемое.

Причиной этого является ряд факторов, оказывающих влияние на уровень налогового бремени в нашей стране. Указанные факторы представлены на рисунке.

Факторы, влияющие на уровень налоговой нагрузки в Российской Федерации

Во-первых, на показатель налогового изъятия ВВП России влияет показатель собираемости налогов. Дело в том, что ВВП рассчитывается исходя из фактически уплаченных в бюджет налогов или же запланированных к поступлению в бюджет на очередной финансовый год. Между тем налоговые обязательства и их фактическое выполнение налогоплательщиком в российской экономике не одно и то же, поскольку многие налогоплательщики уплачивают налоги в бюджет, исходя не из своих реальных, а из созданных искусственно низких финансовых возможностей.

Во-вторых, показатель налоговой нагрузки складывается в условиях значительного объема теневого сектора, которому, по некоторым данным, принадлежит от 25 до 40% ВВП. Этот сектор не уплачивает налоги или уплачивает их не в полном объеме, что в итоге влечет за собой увеличение налоговой нагрузки на легальных налогоплательщиков.

В-третьих, совокупный показатель налоговой нагрузки в России является несовершенным еще и потому, что имеются существенные погрешности измерения ВВП.

И в-четвертых, хозяйствующие субъекты в нашей стране являются плательщиками не только налоговых, но и неналоговых или так называемых квазиналоговых платежей, которые, несмотря на наличие всех признаков налога, выведены из-под налогового законодательства и, соответственно могут не учитываться при расчете налогового бремени. К таким платежам, например, относятся страховые взносы во внебюджетные фонды, таможенные платежи, плата за загрязнение окружающей среды и т.д. Данная система установления платежей незаметно для общественности значительно увеличивает свою фискальную составляющую. В Российской Федерации сегодня налоговая нагрузка постепенно перемещается на неналоговые платежи, увеличивая неналоговые доходы бюджета, в то время как демонстрируемая величина налоговых доходов консервируется или даже уменьшается. В результате налоговая система России имеет на деле минимальное и постоянно сокращающееся количество налогов и сборов, но совокупная налоговая нагрузка при этом не уменьшается, а, наоборот, возрастает.

Таким образом, с учетом этих факторов реальное налоговое давление на бизнес в России является более высоким по сравнению с официальным значением данного показателя.

Высокий уровень налоговой нагрузки, а также постоянное ее увеличение являются объективной закономерностью для последних десятилетий. Данный рост обусловлен расширением роли и функций государства в экономике страны (как

собственника, регулятора, потребителя, посредника в перераспределении финансовых ресурсов). Например, на сегодняшний день доля средств, проходящих через бюджет в Германии, Великобритании, составляет 37-38% от ВВП, в Нидерландах, Дании, Швеции – 50-60%, Австрии, Франции – 42-45%, в США – 30-35%.

Как видно, фискальная нагрузка в Российской Федерации соответствует значениям стран с развитой экономикой. Но если в развитых странах с высоким уровнем бюджетных доходов доля эффективно используемых расходов составляет 95-100%, то в России данный показатель составляет менее 90%, т.е. часть доходов, собранных за счет повышенной налоговой нагрузки, не используется.

Наша страна при формировании бюджетных доходов и их использовании вобрала все отрицательные стороны от двух моделей экономических систем, существующих в развитых странах. Есть шведская, или социальная, модель Северной Европы, где высокий уровень налогов сочетается с высоким уровнем социальных расходов. Есть либеральная модель США, Японии, где низкие налоги стимулируют предпринимательскую деятельность, но при этом и не очень значительны в процентном отношении социальные расходы. Россия же взяла от социальной модели высокие налоги, от либеральной – низкие социальные расходы, а вся эта разница уходит на профицит бюджета. Эти излишки поступают на финансирование внебюджетных фондов-«стабилизаторов», а также на создание резервов Центрального банка РФ. В то же время сохранение высокой фискальной нагрузки при значительных объемах накопления денежных средств на счетах органов государственной власти и росте фондов-стабилизаторов не позволяет в полной мере использовать финансовые ресурсы страны на цели модернизации экономики и наращивания ее инновационного потенциала. Этим целям также не отвечает и принцип распределения налоговой нагрузки в нашей стране.

Налоговая нагрузка в Российской Федерации распределена очень неравномерно по отраслям деятельности. При всех достигнутых высотах в налоговом администрировании существующая налоговая система страны не обеспечивает условия для развития инновационного бизнеса и увеличения уровня собственного производства, не связанного с эксплуатацией природных ресурсов. Так, по данным ФНС России, наиболее высокую налоговую нагрузку несут организации, занятые добычей топливно-энергетических полезных ископаемых (40%), строительные организации (17%), организации, производящие пищевую продукцию (16%). Необоснованно низкую налоговую нагрузку (2-3%) имеют организации, занимающиеся оптовой и розничной торговлей. При том, что уровень рентабельности реализуемых товаров, работ, услуг, соответственно, составляет по рассматриваемым отраслям 31%; 6%; 10% и от 20% и чаще выше в розничной торговле [5]. Понятно, почему практически не развивается производственная отрасль в нашей стране – невыгодно этим заниматься, зато новые торговые предприятия появляются практически каждый день.

На наш взгляд, полноценная налоговая реформа, которая происходит сегодня в России, не может быть завершена без решения указанных проблем. При этом все назревшие вопросы должны решаться комплексно. Только такой подход будет способствовать построению эффективной и социально справедливой налоговой системы.

Литература

1. Милляков Н.В. Налоги и налогообложение: учебник для вузов. 7-е изд. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 213.
2. Налоги и налоговое право / под ред. А.В. Брызгалова. М.: Центр «Налоги и финансовое право»; Аналитика-Пресс, 1997. С. 54.
3. Райзберг Б.А., Стародубцева Е.Б., Лозовский Л.Ш. Современный экономический словарь. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 238.
4. Черник Д.Г. Основы налоговой системы. М.: Юнити, 2000. С. 445.
5. <http://www.nalog.ru>.

УЛЫБИНА ЛАРИСА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и налоговых систем, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (13.larisa@mail.ru).

ULYBINA LARISA VITALYEVNA – candidate of economic sciences, associate professor of World Economics and Tax Systems, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

БОЛЬШОВА ЛИЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА – старший преподаватель кафедры мировой экономики и налоговых систем, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (lab345355@yandex.ru).

BOLSHOVA LILIYA ALEKSEEVNA – senior teacher of World Economics and Tax Systems, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 631(470.344)

Н.В. ФЕДОРОВА

РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВОСПРОИЗВОДСТВА РЕСУРСОВ В СИСТЕМЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Ключевые слова: региональная модель воспроизводства ресурсов в системе земледелия; цели и задачи воспроизводства ресурсов; матрица региональной модели; стратегия развития модели и мероприятия её поэтапной реализации.

Представлены инновационные факторы развития, базирующиеся в региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия на биологизации, адаптивно-ландшафтной интенсификации и природно-естественных способах ведения растениеводческого производства и сохранения и восстановления воспроизводства почвенного плодородия. Дана схематичная матрица региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия. Обоснованы цели и задачи воспроизводства ресурсного, производственного и экономического потенциалов в региональной модели. Обоснован и сформулирован комплекс мероприятий в поэтапной реализации стратегии развития региональной модели.

N.V. FEDOROVA

REGIONAL MODEL OF RESOURCE REPRODUCTION IN AN AGRICULTURAL SYSTEM

Key words: regional model of resource reproduction in agricultural system, objects and tasks of resource reproduction matrix moulds of regional model, the strategy of model development and measures of its step realization.

The influence of innovation development factors, based on the regional model of resource reproduction in agricultural system, biology and adaptive-landscape intensification and natural methods of crop production, preservation and restoration of soil fertility reproduction is discussed in the article. The scheme matrix of the regional model of resource reproduction in agricultural system is represented. Objects and tasks of resource, industrial, economic reproduction potentials in the regional model are substantiated in this work. Complex measures of step realization of strategy regional development model are formed and substantiated in the work.

Назначением моделирования как метода исследования сложноорганизованных эколого-социо-экономических систем является решение насущных практических экологических и хозяйственных задач, а одной из составляющих самого процесса моделирования – разработка сценариев развития систем и выбор наилучшего из них в качестве рекомендуемой стратегии. Решение проблемы устойчивого экономического развития АПК, в том числе и системы земледелия, предполагает учет таких её макроэкономических составляющих, как экономическая устойчивость и обеспеченность финансовыми ресурсами для расширенного воспроизводства; расширенное воспроизводство всех ресурсов; развитие производства на основе инновации; улучшение экологии; устойчивое социальное развитие сельских территорий [3]. Данные составляющие устойчивого экономического развития АПК в каждом конкретном регионе имеют свою специфику проявления. В предлагаемой нами региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия через отражение реальной социо-эколого-экономической региональной ситуации они сфокусированы в целях, задачах и критериях эффективности воспроизводства ресурсного, производственного и экономического потенциалов на примере Чувашской Республики (рис. 1 и 2).

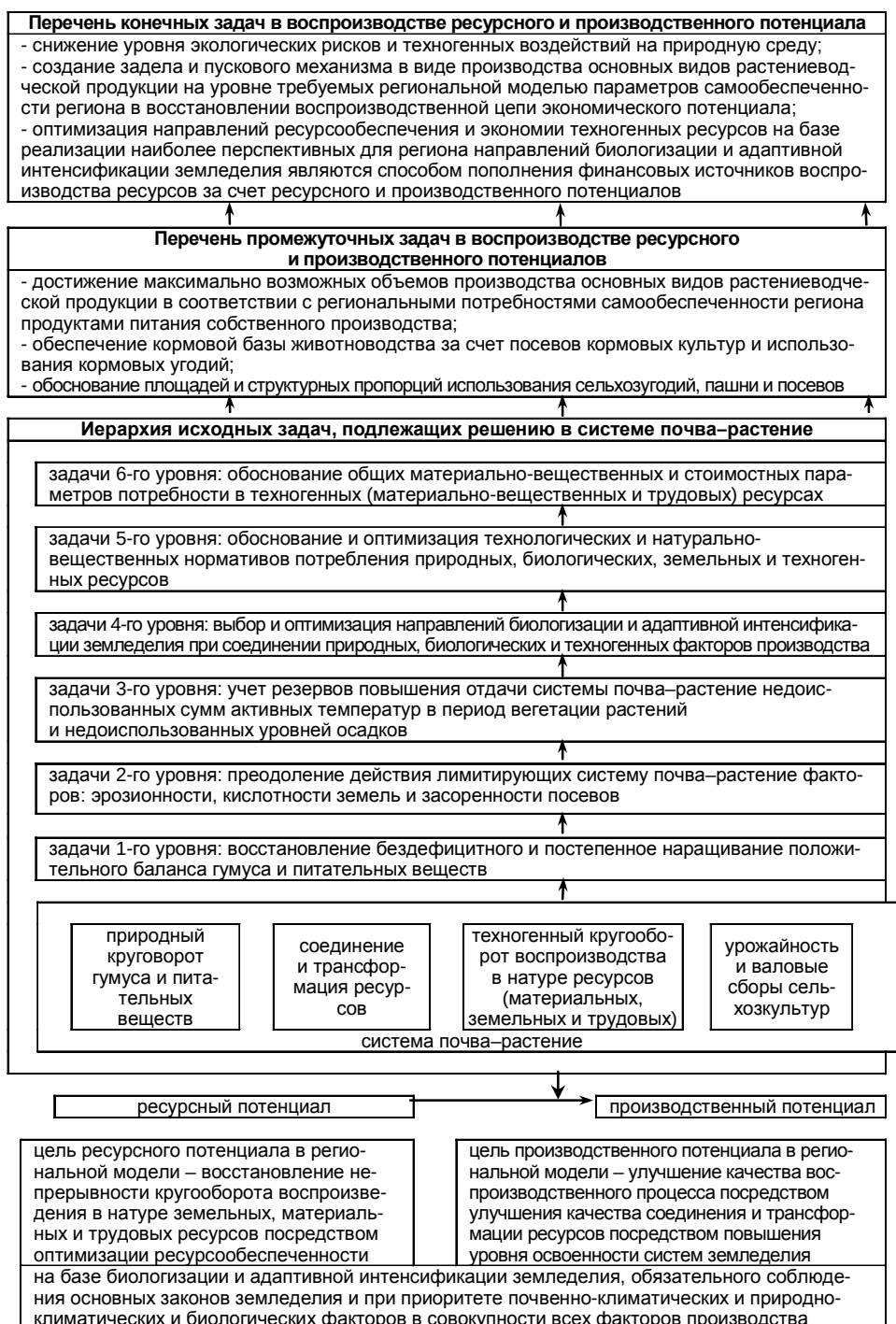

Рис. 1. Особенности кругооборота, цели и задачи воспроизводства ресурсного и производственного потенциалов в матрице региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия

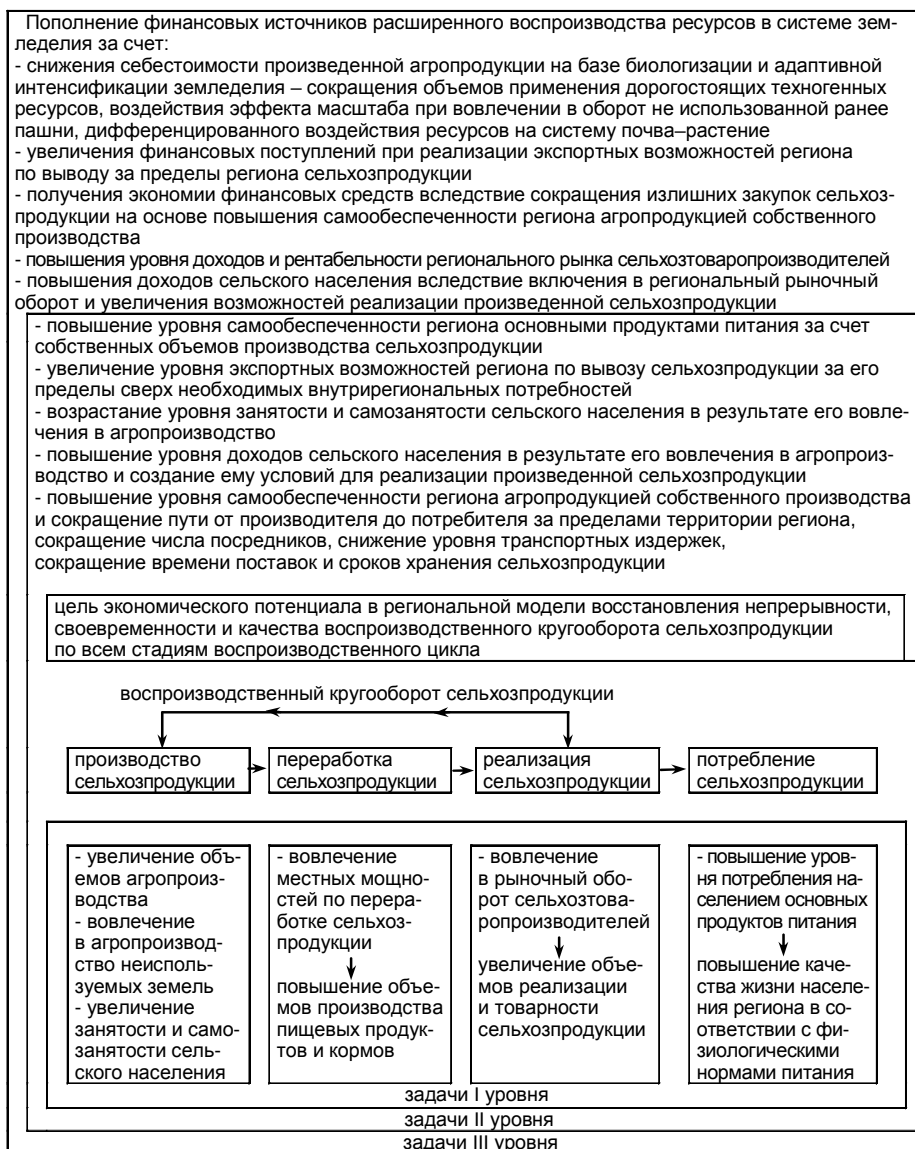

Рис. 2. Особенности кругооборота, цели и задачи воспроизводства экономического потенциала в матрице региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия

В разработанной региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия в качестве направляющего вектора развития положен естественно-инновационный сценарий, в качестве важнейшего фактора развития рассматриваются инновационные процессы, базирующиеся на биологизации и адаптивной интенсификации земледелия, природно-естественных способах ведения растениеводческого производства и ландшафтно-биологических методах сохранения и восстановления естественного почвенного плодородия, в основу стратегии развития и её пошаговой реализации положен эволюционный переход от инерционной к инновационной модели хозяйствования.

Отражение вышеизложенных положений с учетом обобщения результатов исследований автора произведено в схематичной матрице региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия (рис. 3).

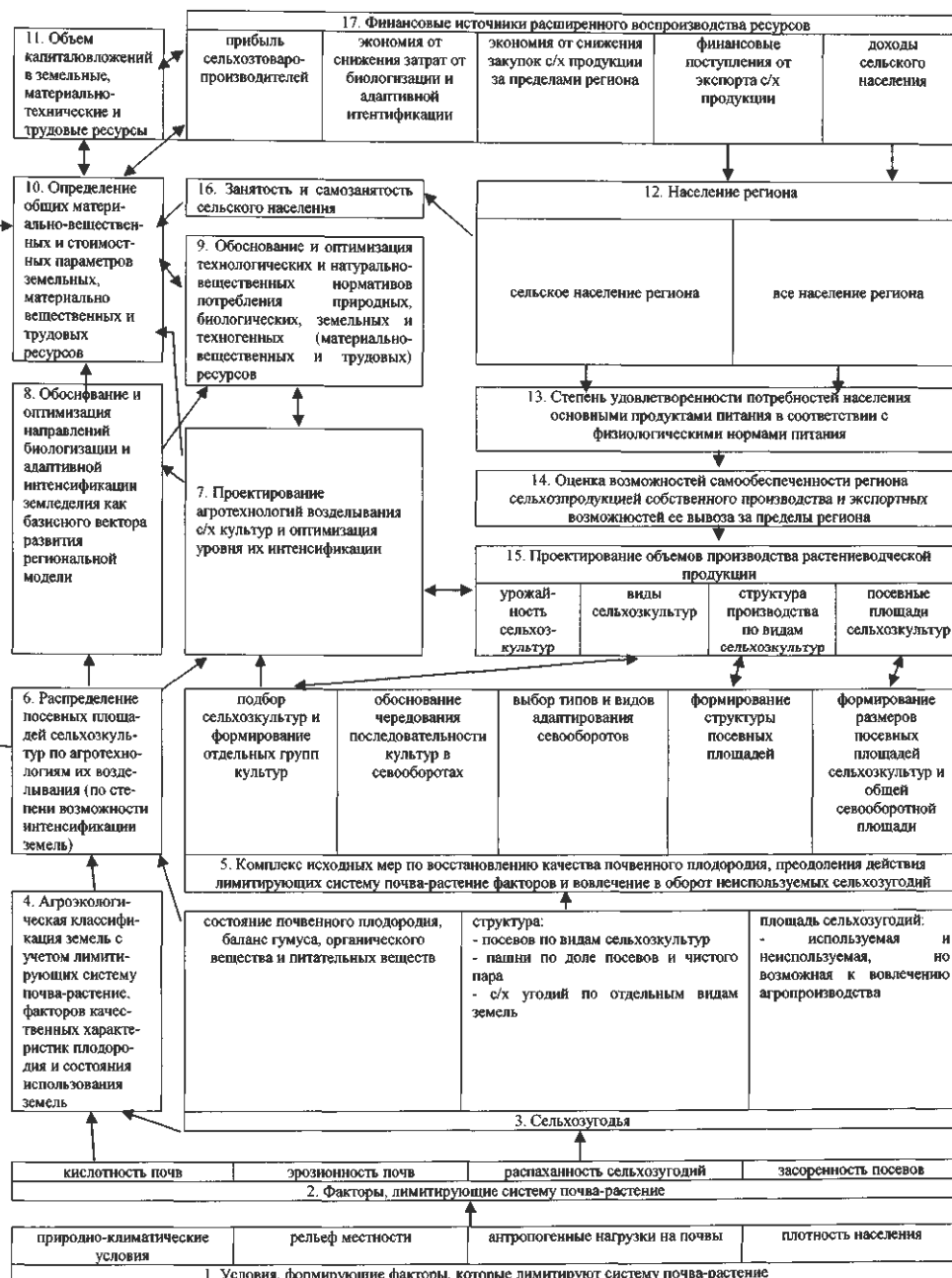

Рис. 3. Схематичная матрица региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия

Эволюционный переход от инерционной модели хозяйствования к инновационной в отрасли земледелия автор связывает в первую очередь с предложенной академиком В.И. Кирюшиным поэтапной технологической модернизацией, основанной на методологии адаптивной интенсификации и включающей последовательное освоение нормальных, интенсивных и высокоинтенсивных (точных) агротехнологий взамен традиционных (экстенсивных).

Региональные условия поэтапного освоения агротехнологий были учтены при построении матрицы и обосновании параметров воспроизводственной модели в части распределения посевных площадей по каждой проектируемой культуре по агротехнологиям возделывания (нормальной, интенсивной и высокоинтенсивной) и определения укрупненных региональных нормативов потребления материально-технических и трудовых ресурсов в расчете на 1000 га посевных площадей и кормовых угодий с учетом их дифференциации по степени интенсификации агротехнологий.

Биологизация и адаптивно-ландшафтная интенсификация в земледелии служат активным инструментом восстановления естественных механизмов саморегуляции кругооборота возобновимых агропроизводству природных веществ. Минимальный срок такого восстановления, по исследованиям ученых-экологов и аграрников, составляет в среднем от 10 до 15 лет. С учетом исследованных особенностей биоклиматического потенциала, а также выбора и оптимизации сочетания наиболее перспективных для Чувашской Республики направлений биологизации и адаптивно-ландшафтной интенсификации региональная модель воспроизводства ресурсов в земледелии рассчитана на срок с 2007 по 2018 г.

В перечень основных мероприятий пошаговой реализации стратегии эволюционного перехода от экстенсивных форм хозяйствования к инновационным применительно к достижению критериев эффективности ресурсного и производственного потенциалов в рамках воспроизводственной эффективности ресурсов автор предлагает включить:

1) мероприятия по переводу землепользования региона на адаптивно-ландшафтную систему земледелия (рис. 4) [1];

2) мероприятия по установлению экологической устойчивости агроландшафтов (рис. 5) [2];

3) мероприятия по преодолению деградации почвенного плодородия биологическими методами (рис. 6).

При выработке стратегии достижения критериев эффективности экономического потенциала в рамках воспроизводственной эффективности ресурсов учтены особенности регионального воспроизводственного оборота сельскохозяйственной продукции и специфика функционирования регионального агропродовольственного рынка.

В составе пошаговой стратегии воспроизводства ресурсов в системе земледелия применительно к экономическому потенциалу предлагаются следующие мероприятия по восстановлению агропродовольственного рынка в соответствии с рис. 7.

Обоснованы технологические, материально-вещественные и экономические параметры региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия на примере Чувашской Республики.

Предложенная региональная модель воспроизводства ресурсов в системе земледелия позволит достичь следующих конечных результатов воспроизводственной эффективности ресурсов:

Во-первых, в соответствии с критерием удовлетворения общественных потребностей в продукте в рамках реализации принципа воспроизводственных возможностей применительно к эффективности экономического потенци-

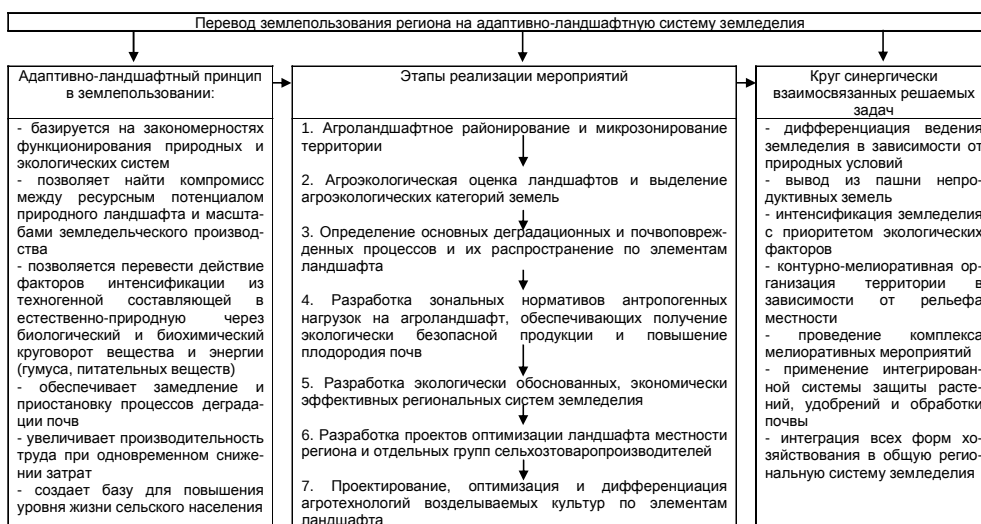

Рис. 4. Мероприятия по переводу землепользования региона на адаптивно-ландшафтную систему земледелия в пошаговой реализации стратегии восстановления воспроизводства ресурсов в системе земледелия в региональной модели Чувашской Республики

Рис. 5. Мероприятия по восстановлению экологической устойчивости агроландшафтов в пошаговой реализации стратегии восстановления воспроизводства ресурсов в системе земледелия в региональной модели Чувашской Республики

ала Чувашская Республика способна удовлетворить потребности населения региона на 100% по хлебобучочным изделиям, картофелю, овощам, молоку, на 98,2% по яйцам и на 80% по мясу и мясопродуктам за счет собственного регионального производства соответствующих сельхозпродуктов. При этом экспортные возможности Чувашии по вывозу за пределы региона 292,1 т картофеля и 35,3 т молока в год сверх необходимых нужд для удовлетворения внутренних потребностей населения и перерабатывающей промышленности являются существенным финансовым источником инвестиций в основную

комплекс аграрного сектора и частичных закупок мясной продукции для закрытия внутрорегиональных потребностей в ней.

Рис. 6. Мероприятия по преодолению деградации почвенного плодородия биологическими методами в пошаговой стратегии восстановления воспроизводства ресурсов в системе земледелия в региональной модели Чувашской Республики

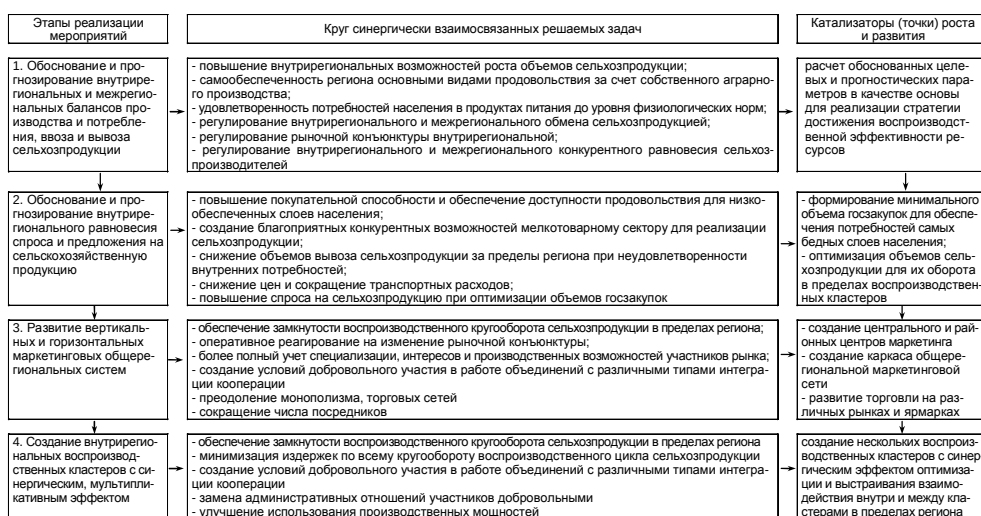

Рис. 7. Мероприятия по восстановлению агропродовольственного рынка в пошаговой стратегии восстановления воспроизводства ресурсов в системе земледелия Чувашской Республики

Во-вторых, в соответствии с критерием уровня финансовой обеспеченности воспроизводства в рамках реализации принципа воспроизводственных возможностей применительно к эффективности экономического потенциала с 2006-2007 до 2018 г. в расчете на 1000 руб. ресурсного потенциала в ценах 2007 г. возрастет: чистый доход – с 69,4 тыс. руб. до 109,3 тыс. руб. (или на 157,5%), прибыль с 24,2 тыс. руб. до 54,9 тыс. руб. (или на 226,9%). При этом возрастет доля чистого дохода в валовой продукции с 28,8% до 41,6%, доля прибыли в товарной продукции – с 28,4% до 42,7%.

Практически полуторакратное увеличение доли прибавочного продукта в составе произведенной и реализованной растениеводческой продукции будет способствовать достижению полуторакратного увеличения абсолютных показателей чистого дохода и двукратному увеличению абсолютных показателей чистой прибыли в расчете на 1000 руб. ресурсного потенциала.

Такое улучшение финансовых показателей в рамках региональной модели воспроизводства ресурсов в системе земледелия является прямым внутренним резервом финансовой обеспеченности и финансовой устойчивости процессов воспроизводства ресурсов.

В-третьих, в соответствии с критерием уровня и качества соединения ресурсов в рамках реализации принципа соединения и трансформации ресурсов применительно к эффективности производственного потенциала качество этого соединения обеспечено выбором и оптимизацией наиболее адаптированных к природным и экономическим условиям Чувашской Республики направлений биологизации и адаптивно-ландшафтной интенсификации земледелия, при посредстве которых рост ресурсного потенциала на 140% обеспечивает опережающее увеличение валовой продукции растениеводства на 152,5% в расчете на 1000 га площади пашни и кормовых угодий. Качественное совершенствование факторов интенсификации на базе биологизации и адаптивно-ландшафтной интенсификации земледелия, являющиеся залогом инновационного пути роста и повышения конкурентоспособности аграрного сектора, рассматривается в качестве магистрального направления восстановления и развития воспроизводственного кругооборота ресурсов в нашей региональной модели.

В-четвертых, в соответствии с критерием уровня ресурсообеспеченности в рамках реализации принципа ресурсообеспеченности применительно к эффективности ресурсного потенциала определены минимально необходимые нормативы ресурсообеспеченности в расчете на гектар пашни и кормовых угодий:

- по основным видам материально-технических, техногенных ресурсов на уровне их постоянного воспроизведения в натуре на уровне не ниже минимально необходимой потребности для простого воспроизводства;

- по трудовым ресурсам на уровне минимально необходимого размера доходов для простого воспроизводства одного сельского жителя в пределах не ниже двух прожиточных минимумов в месяц и с учетом обеспечения занятости и вовлечения в процессы производства и реализации основных видов растениеводческой продукции всего активного сельского населения трудоспособностью возраста в региона;

- среднерегиональные нормативы ресурсообеспеченности материально-техническими и трудовыми ресурсами в предлагаемой модели обосновались с учетом возможностей восстановления и перспективного вовлечения в агропроизводство 193 708 га неиспользуемых пашни и кормовых угодий и поддержания почвенного плодородия на уровне не ниже простого воспроизводства (прежде всего за счет ежегодного обеспечения бездефицитного баланса гумуса и питательных веществ) на всех учтенных в региональной модели сельхозугодий.

В-пятых, за счет экономии техногенных ресурсов в результате биологизации и адаптивно-ландшафтной интенсификации земледелия снижается себестоимость произведенной растениеводческой продукции, а высвободившиеся финансовые средства направляются на обеспечение минимального приемлемого уровня доходов сельского населения и приобретение других финансовых ресурсов. Экономия техногенных ресурсов в результате биологизации и адаптивно-ландшафтной интенсификации земледелия является существенным резервом обеспечения экологической, экономической и финансовой устойчивости воспроизводственных процессов в системе земледелия и рассматривается как один из базовых элементов в реализации принципа воспроизводственных возможностей ресурсов.

Литература

1. Нечаев В.И., Барсукова Н.Г. Организация землепользования Краснодарского края // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2008, № 5. С. 45-47.
2. Трофимов И.А., Трофимова Л.С., Яковлева Е.П., Лебедева Т.М. Управление агроландшафтами и повышение продуктивности и устойчивости сельскохозяйственных земель // Земледелие. 2009. № 6. С. 13-15.
3. Ушачев И.Г. Экономический рост и конкурентоспособность сельского хозяйства в России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 3. С.1-9.

ФЕДОРОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕНТИНОВНА – доцент, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Россия, Чебоксары (9167525@mail.ru).

FEDOROVA NATALIYA VALENTINOVNA – assistant professor, Chuvash State Agricultural Academy, Russia, Cheboksary.

УДК 336.221

Е.Н. ЧЕКУЛАЕВА

ОЦЕНКА И АНАЛИЗ НАЛОГОВЫХ РИСКОВ (на примере ЗАО «АРКАДА»)

Ключевые слова: налоговый риск, выездная налоговая проверка, анализ, оценка, нормативные и фактические критерии налоговых рисков.

Рассматриваются основы оценки и анализа налоговых рисков на примере ЗАО «АРКАДА». Отражены понятие налогового риска и проблемы их возникновения на предприятии, а также предложены основные рекомендации по их решению.

E.N. CHEKULAEVA

ESTIMATION AND ANALYSIS OF TAX RISKS (WITH EXAMPLE OF JOINT-STOCK COMPANY «ARCADE»)

Key words: tax risk, exit tax check, the analysis, an estimation, standard and actual criteria of tax risks.

The bases of an estimation and the analysis of tax risks of the Joint-Stock Company «ARCADE» example are considered. The concept of tax risk and a problem of its occurrence are reflected in the enterprise, and the article offers basic recommendations about their decision.

Финансово-хозяйственная деятельность организаций сопряжена с многочисленными рисками, управление которыми является важным фактором повышения и поддержания стабильности финансового положения организаций. Одной из значимых групп рисков являются налоговые, поскольку с налогообложением связаны все сферы финансовой деятельности организаций. Высокая актуальность управления налоговыми рисками определяется существенной долей налоговых платежей в общей величине как расходов, так и денежного оттока.

Под налоговым риском понимают неопределенность относительно достижения целей хозяйствующего субъекта в результате воздействия факторов, связанных с процессом налогообложения, которая может проявиться в виде

финансовых (и иных) потерь или в возможности получения дополнительной выгоды (дохода) в результате позитивных отклонений [1. С. 30]; опасность для субъекта налоговых правоотношений понести финансовые и иные потери, связанные с процессом налогообложения, вследствие негативных отклонений для данного субъекта от предполагаемых им, основанных на действующих нормах права, состояниях будущего, из расчета которых им принимаются решения в настоящем [2].

Рассмотрев данные определения, можно дать следующее определение налогового риска. Налоговый риск – это возможный ущерб налогоплательщика понести финансовые и иные потери, связанные с процессом налогообложения в результате действий (бездействия) органов государства и органов местного самоуправления.

Формулируя понятие «налоговый риск», необходимо подразумевать его негативный характер. Причем негативный характер налогового риска имеет определенные формы проявления не только для налогоплательщиков, но и для всех субъектов налоговых правоотношений, признаваемых таковыми в соответствии со ст. 9 Налогового кодекса РФ (НК РФ).

В данной статье подробно остановимся на рисках налогоплательщиков – юридических лиц, возникающих в результате деятельности самого налогоплательщика и подлежащих прогнозированию и управлению проблем организации и их анализа.

Как правило, налоговые риски данной категории усиливаются при изменении налогового законодательства, наличии неточных формулировок отдельных налоговых норм, смене бухгалтеров на отдельных участках или главного бухгалтера на предприятии.

Основным источником потенциального возникновения налоговых рисков является выездная налоговая проверка, хотя риски налогового контроля со стороны налогоплательщика могут быть оценены по официальным методикам налоговых органов и минимизированы путем управления показателями, подлежащими оценке. Выездная налоговая проверка – вид налоговой проверки, которая в отличие от камеральной налоговой проверки производится, как правило, по месту нахождения налогоплательщика и на основании решения руководителя (заместителя руководителя) налоговой инспекции. Выездной налоговой проверкой могут быть охвачены только 3 календарных года деятельности налогоплательщика, непосредственно предшествовавшие году проведения проверки, включая охват проверкой периодов текущего календарного года. Она может проводиться как по одному, так и по нескольким видам налогов, уплачиваемых одним налогоплательщиком [3. С. 121].

Проанализируем налоговые риски на примере ЗАО «АРКАДА».

ЗАО «АРКАДА» расположено в Республике Марий Эл, в пгт Медведево. Предприятие было зарегистрировано в Межрайонной ИФНС России № 1 по Республике Марий Эл в 2007 г. и до настоящего времени место постановки на учет является неизменным. Основной деятельностью ЗАО «АРКАДА» является деятельность агентств по операциям с недвижимым имуществом. ЗАО «АРКАДА» находится на общей системе налогообложения.

Бухгалтерский и налоговый учет в ЗАО «АРКАДА» ведется структурным подразделением – бухгалтерией. В состав бухгалтерии входит расчетный и материальные отделы, т.е. самостоятельного отдела (или хотя бы ответственного работника), который призван заниматься налоговыми платежами, управлением и анализом налоговых рисков, не выделено. Задачи по оценке налоговых рисков возложены на главного бухгалтера, который имеет возможность осуществить только последующий контроль уровня налоговых рисков,

что уже не изменит сложившейся в текущем налоговом периоде ситуации. Кроме того, главный бухгалтер не реализует функции текущего учета и анализа данных, а загружен работой по систематизации всех учетных данных, принятый стратегических решений.

В организации учета и анализа налоговых рисков в ЗАО «АРКАДА» существует следующий ряд проблем:

- нет специализированного на проблемах мониторинга налоговых рисков персонально ответственного за сбор и анализ информации, необходимой для оценки и информационной поддержки управления налоговыми рисками;

- не ведется мониторинг налоговых рисков на постоянной основе, а деятельность в сфере управления налоговыми рисками сводится только к оспариванию решений налоговых органов по результатам проверок;

- не разработаны внутренние документы, устанавливающие единые методы учета, анализа и оценки налоговых рисков.

На предприятии часто встречаются ситуации, когда бухгалтер из года в год выявляет одни и те же налоговые риски у предприятия, однако никакая работа по снижению рисков не проводится. Также весьма распространенной причиной материализации налоговых рисков является недостаточное отслеживание сотрудниками организации арбитражной практики и разъяснений по спорным налоговым вопросам, что часто приводит к невозможности своевременно отреагировать на такие изменения и защищать позицию организации при предъявлении к ней аналогичных налоговых претензий. Часто причиной служит недостаточность или перегруженность персонала такими текущими задачами, как: подготовка налоговой отчетности, консультирование подразделений и ведение дел по налоговым вопросам в судах.

Проведем оценку и анализ риска налогового контроля по критериям Концепции планирования выездной налоговой проверки [4, 5].

В табл. 1 представлены показатели финансово-хозяйственной деятельности организации за 2009-2010 гг., необходимые для расчета показателей риска.

Таблица 1

Исходные данные для расчета налоговых рисков ЗАО «АРКАДА» за 2009-2010 гг.

Показатели	2009 г.	2010 г.
Выручка от продажи, тыс. руб.	9910	11866
Себестоимость продукции, тыс. руб.	8833	8189
Валовая прибыль, тыс. руб.	3033	721
Прибыль (убыток) от продаж, тыс. руб.	2350	69
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	122	137
Текущий налог на прибыль, тыс. руб.	24	36
Чистая прибыль (убыток) отчетного периода, тыс. руб.	98	101

Наиболее высокой выручка от продаж была в 2010 г., по сравнению с 2009 г. она увеличилась на 1956 тыс. руб. Однако именно в 2010 г. показатели прибыли до налогообложения и чистой прибыли достигли наивысших значений за 2 года. Этому способствовало сокращение себестоимости продукции. Также предприятие уплатило и максимальную сумму налога на прибыль в размере 36 тыс. руб. в 2010 г.

По данным табл. 1, можно провести расчеты по критериям Концепции планирования выездных налоговых проверок.

Полученные результаты отразим в табл. 2.

Согласно данным табл. 2, в 2009-2010 гг. показатель налоговой нагрузки меньше среднеотраслевой нагрузки за соответствующий период, следова-

тельно, данный показатель может служить основанием для проведения налоговой проверки.

Таблица 2

**Нормативные и фактические значения критериев налогового риска
для ЗАО «АРКАДА»**

Критерий	Нормативное значение критерия	Фактическое значение критерия для ЗАО «АРКАДА»	
		2009 г.	2010 г.
Налоговая нагрузка у налогоплательщика в конкретной отрасли	2009 – 23,7 2010 – 19,7	9,2	11,8
Доля вычетов по НДС от суммы начисленного налога равна либо превышает 89% за 12 мес.	$\leq 89\%$	100,5	96,4
Опережающий темп роста расходов над темпом роста доходов от реализации товаров, тыс. руб.	$T_{\text{расходов}} \leq T_{\text{доходов}}$	$9253 \leq 9910$	$10987 \leq 11866$
Выплата среднемесячной заработной платы на одного работника по виду экономической деятельности, тыс. руб.	2009 – 17 146,8 2010 – 14 677,7	9500	10200
Отклонение, как минимум, на 10% уровня рентабельности по данным бухгалтерского учета от уровня рентабельности для данной сферы деятельности по данным статистики	рентабельность продукции 2009 – 10,4 2010 – 11,8 рентабельность активов 2009 – 3,9 2010 – 4,1	рентабельность продукции 5,7 рентабельность активов 2,4	рентабельность продукции 4,3 рентабельность активов 1,2

Доля вычета по НДС (100,5%) в 2009 г., (96,4%) в 2010 г. больше, чем средняя по Республике Марий Эл (89%). Необходимо держать ситуацию под контролем, так как значение налогового вычета больше среднего по региону. Значительное увеличение или уменьшение этого показателя может вывести предприятие в зону риска налоговой проверки.

Сравнивая полученные показатели со среднеотраслевой заработной платой, можно сделать вывод, что в период с 2009-2010 гг. риск по данному критерию присутствует, так как средняя заработная плата намного меньше, чем среднеотраслевая по Республике Марий Эл.

Рентабельность продукции в 2009 г. равна 5,7, намного меньше среднего уровня (10,4). Это может служить предвестником налоговой проверки. Рентабельность активов ЗАО «АРКАДА» составляет 2,4. Это меньше среднего уровня (3,9).

Рентабельность продукции в 2010 г. равна 4,3, намного меньше среднего уровня (11,8). Это может служить предвестником налоговой проверки. Рентабельность активов ЗАО «АРКАДА» составляет 1,2, что намного меньше среднего уровня (4,1).

Показатели рентабельности за 2009-2010 гг. могут служить основанием для назначения выездной налоговой проверки за эти периоды.

Анализируя табл. 2, можно сделать вывод, что риск налогового контроля со стороны налоговых органов по критериям, представленным в таблице, в период 2009-2010 гг. отсутствует, но, несмотря на это, предприятию необходимо на постоянной основе проводить мониторинг налоговых рисков.

По результатам исследования можно сделать вывод, что в ЗАО «АРКАДА» недостаточно эффективно действует система управления налоговых рисков.

В состав бухгалтерии ЗАО «АРКАДА» необходимо назначить специализированного на проблемах мониторинга налоговых рисков персонального ответственного за сбор, анализ информации, необходимой для оценки и информационной поддержки управления налоговыми рисками.

Помимо подготовки налоговой отчетности в функции специалиста по налогообложению необходимо включить оптимизацию текущих платежей и налоговой нагрузки, а также анализ и снижение налоговых рисков.

В ЗАО «АРКАДА» необходимо разработать документ, устанавливающий единые методы учета, анализа и оценки налоговых рисков. В данном документе необходимо отразить механизм управления налоговыми рисками, анализ причин возникновения и метод устранения налоговых рисков, также необходимо отобразить организационные элементы мониторинга налоговых рисков организации.

Для уменьшения рисков неблагоприятной трактовки налогового законодательства целесообразно разработать детальную налоговую учетную политику предприятия, в которой необходимо прописать единый подход к спорным моментам налогообложения, например способа ведения раздельного учета по НДС, выбору момента признания отдельных видов доходов и расходов.

Учетная политика может также служить инструментом планирования налоговой нагрузки при грамотном использовании предприятием представленных налоговым законодательством вариантов налогообложения, например, таких, как выбор метода налоговой амортизации и использование амортизационных премий.

Как правило, наиболее существенные налоговые риски возникают еще на этапе планирования крупных сделок и принятия таких ключевых бизнес-решений, как реструктуризация бизнеса или начало нового вида деятельности.

В заключение следует отметить, что всесторонняя оценка налоговых рисков со стороны участников налогового процесса как налогоплательщиков, так и государственных органов приведет к росту налоговой дисциплины и снижению количества и объема налоговых споров.

Литература

1. Гончаренко Л.П. Налоговые риски: теория и практика управления // Финансы и кредит. 2009. № 2. С. 30-31.
2. Дятлов С.Г. Категория риск в инвестиционно-строительной деятельности: сб. науч. тр. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2008. 123 с.
3. Миронова О.А., Ханафеев Ф.Ф. Налоговое администрирование: учеб. пособие. М.: Омега-Л, 2007. 428 с.
4. Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок: приказ ФНС России от 30.05.2007 г. № ММ-3-06/333 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О внесении изменений в приказ ФНС России от 30.05.2007 №ММ-3-06/333 «Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок: приказ ФНС России от 08.04.2011 г. №ММВ-7-2/258 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Щекин Д.М. Налоговые риски и тенденции развития налогового права: учеб. пособие. М.: Статут, 2007. 112 с.

ЧЕКУЛАЕВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА – аспирантка кафедры налогов и налогообложения, Марийский государственный технический университет, Россия, Йошкар-Ола (lenchik281287@mail.ru).

CHEKULAEVA ELENA NIKOLAEVNA – post-graduate student of Taxes And Taxation, Mari State Technical University, Russia, Yoshkar-Ola.

УДК 336.1:353

Г.Е. ЯКОВЛЕВ, Э.Г. КУЗНЕЦОВА

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ АГРОБИЗНЕСА

Ключевые слова: агробизнес, финансовые ресурсы, государственное страхование, налогообложение, налоговые льготы, земельная реформа.

Рассмотрены возможности пополнения финансовых ресурсов агробизнеса за счет рынков государственного страхования сельскохозяйственных культур, земли, долгосрочных кредитов и аренды, льготного налогообложения и т.д. В целях эффективной работы агробизнеса обоснована необходимость государственного вмешательства в сферу аграрной экономики.

G.E. YAKOVLEV, E.G. KUZNETSOVA

SOURCES OF FINANCIAL RESOURCES FOR AGROBUSINESS

Key words: agrobusiness, financial resources, state insurance, taxation, tax privileges, land reform.

The article considers possibility for replenishing financial resources for agrobusiness at the expense of the markets of state insurance for crops, the earth, long-term credits and rent, preferential taxation etc. The need for state intervention in the sphere of agrarian economics is proven with a view of effective work of agrobusiness.

Финансовые ресурсы в аграрном секторе формируются за счет сельскохозяйственной и несельскохозяйственной деятельности и являются основой благополучия социально-экономической жизни любого субъекта, будь он отдельный человек, семья, коллектив или общество в целом. Исторический опыт показывает, что при всем этом государство выступает гарантом обеспечения стабильности во всех сферах жизнедеятельности человека.

Так, аномальная жара 2010 г., охватившая большую часть территории страны, убедительно показала, что сельскохозяйственное производство без государственной помощи не может самостоятельно развиваться. Следовательно, государство не должно стоять в стороне от разрешения рисков, которые сельхозтоваропроизводители несут практически ежегодно. В связи с этим страхование агробизнеса – это нужная и важная вещь в формировании финансовых ресурсов АПК страны.

Следует отметить, что действующая до сих пор система сельскохозяйственного страхования с государственной поддержкой имеет ряд существенных недостатков, что тормозит развитие страхового дела в стране. Так, несовершенство действующей нормативно-правовой базы приводит к различным злоупотреблениям при получении субсидий. В соответствии с действующей системой страхования агробизнеса за понесенные убытки следует уплатить страховую премию в размере 100%. Однако возмещение половины этой премии, согласно старому закону, сельхозтоваропроизводители должны получить только через 3-6 месяцев. Это все ложится тяжким бременем на финансовое состояние сельскохозяйственных товаропроизводителей в период проведения сезонных работ.

Опыт показывает, что объем субсидий на страхование за счет федерального бюджета постоянно увеличивается. Так, в 2010 г. он был увеличен на 1 млрд руб., и в целом составил 3,5 млрд руб., но численность хозяйств, заключивших подлежащих субсидированию договоров сельскохозяйственного страхования, сократилась по сравнению с 2009 г. на 37,7% и составила 3919 хозяйств. Поэтому новый закон «О государственной поддержке в сфере сельскохозяйственного страхования» (2011 г.) предусматривает комплексную модернизацию сельскохозяйственного страхования. В него вошли предложения федеральных министерств и ведомств, региональных законодательных и ис-

полнительных органов власти, руководителей и специалистов сельхозпредприятий, страховых компаний России, фермеров и отраслевых союзов по совершенствованию страхового дела.

По поводу нового закона следует отметить, что страховые платежи должны покрывать затраты на страховое возмещение, расходы на ведение дел и формировать прибыль страховщика. Таким образом, баланс страховых платежей и возмещений обеспечивает сельхозпроизводителю высокую норму доходности. При этом обеспечивается, как и раньше, 50%-ное участие государства в страховых взносах. Новое состоит в том, что если раньше страхователь полностью оплачивал страховой полис, а затем получал компенсацию в размере 50% страхового взноса, то с принятием нового закона он напрямую будет оплачивать только 50% взноса, а остальные 50% на расчетный счет страховой компании уплатит уполномоченный орган. Здесь отсутствует положение об обязательности страхования для сельхозтоваропроизводителей для получения государственной поддержки в виде субсидий и других видов финансовой помощи. Также является новшеством положение о том, что страховой случай наступает тогда, когда гибнет 40% урожая. Этот закон направлен на защиту интересов сельхозтоваропроизводителей, а также на удаление с рынка сельскохозяйственного страхования недобросовестных страховых компаний.

От отлаженной системы рынка сельскохозяйственного страхования во многом зависит финансовое благополучие агробизнеса, а следовательно, и социальное развитие села. В 2012 г. заканчивается срок реализации федеральной целевой программы «Социальное развитие села». В ходе реализации данной программы сельчане и горожане должны жить и работать в одинаково комфортных условиях. Этого требует модернизация АПК, а это длительный процесс, связанный с наличием финансовых средств. Поэтому, чтобы реализовать, а не сворачивать социальные программы на селе, сельскохозяйственные предприятия и сельские муниципалитеты должны располагать финансовыми ресурсами. В связи с этим раздел о социальном развитии сельских территорий должен войти в новую Государственную программу развития сельского хозяйства на 2013-2020 гг. Данная программа, как часть модернизации аграрной сферы экономики, должна учитывать новые экономические условия и возможность интеграции нашей экономики в международную экономику. Поэтому в рамках модернизации сельскохозяйственного производства в 2012 г. из государственной казны на развитие сельского хозяйства страны планируется дополнительно выделить 13 млрд руб.

Из-за слабого развития рынка сельскохозяйственного страхования сельскохозяйственные поселения ограничены в финансовых ресурсах. Чтобы возместить понесенный ущерб от природных катаклизмов, сельские поселения вынуждены просить помощь у вышестоящих инстанций. Как известно, собственные доходы более чем половины муниципальных образований не превышают 30% в структуре их бюджета. По статистическим данным 2010 г., у 8009 из 18954 сельских поселений собственные доходы составляли от 10 до 30% доходной части бюджета, у 3150 – менее 10%. С такими ресурсами качественно реализовать свои полномочия очень трудно, даже практически невозможно. Поэтому большинство сельских администраций вынуждено передавать на районный уровень те функции, которые они не в состоянии исполнить самостоятельно. Это касается вопросов покрытия убытков, причиненных природными стихиями, а также землепользования, выдачи разрешений на строительство природоохранных зон и других проблем, которые должны решаться на уровне местной власти, близкой к сельчанам. В этой ситуации, чтобы разрешить возникшую проблему, на наш взгляд, необходимо четко выстроить финансовые от-

ношения по схеме: регион, район и поселение. При этом следует иметь конкретные критерии оказания финансовой помощи сельскому хозяйству.

В условиях отсутствия финансовой помощи на уровне района, а также сельского поселения необходимо предусмотреть, чтобы значительная часть поступлений от налога на доходы физических лиц оставалась на местах. Конечно, этот вопрос сложный, но положение дел требует, чтобы муниципалитеты двигались в этом направлении. Так, по решению правительства на уровень муниципальных районов передается основная часть финансовых поступлений от выдачи патентов индивидуальным предпринимателям. В свою очередь, муниципальные органы районов должны передавать отчисления от этого дохода в пользу поселений.

Существенным дополнением к финансовым ресурсам агробизнеса является продление налоговых льгот для сельхозтоваропроизводителей. Продление льгот по нулевому налогу на прибыль, а также продление льгот по освобождению сельхозтоваропроизводителей от уплаты НДС при ввозе продуктивного, племенного скота будет осуществляться до 2020 г. Все эти меры позволят дополнительно увеличить финансовые ресурсы хозяйствующих субъектов.

Хорошим стимулом развития местной власти должны стать дополнительные источники доходов от нанесения ущерба экологии. Пока такое правонарушение носит административный характер, и финансовые взыскания не поступают в бюджет местных органов власти. Это дало бы право наводить порядок и благоустраивать сельские территории, а также поощрять создание новых производств и рабочих мест, поддерживать малое и среднее предпринимательство на селе, а именно развивать фермерские и личные подсобные хозяйства. Они дают почти половину производства всей продукции российского АПК и, соответственно, наполняют финансами бюджеты разных уровней. Именно местные органы власти должны помочь сельским жителям расширять свое производство, прочно встать в финансовом отношении на ноги, чтобы они не торговали из-под полы, а имели нормальный доступ на рынок и развивали тем самым цивилизованный бизнес. Причем так должно быть не только в сельскохозяйственном производстве, но и в несельскохозяйственных сферах деятельности: в секторе услуг, автоперевозок, производства строительных материалов, организации отдыха и туризма. Все это должно окупиться ростом доходов граждан и пополнением бюджетов сельских поселений. Так, уже в 2010 г. в рамках региональных программ поддержки занятости помощь государства в открытии своего дела получили 105 тыс. сельских жителей. Они, в свою очередь, создали дополнительно 36 тыс. новых рабочих мест, чем обеспечили финансовое благополучие своих семей.

Подспорьем в пополнении финансовых ресурсов в сельской местности является реализация специальной федеральной программы для начинающих фермеров с 2012 г. В соответствии с указанной программой для каждого желающего начать свое дело на селе будет предоставлена возможность получить грант от государства на создание своего собственного хозяйства и льготный инвестиционный кредит, а также единовременную помощь на бытовое устройство. Кроме того, будет расширена финансовая база для реализации программ по развитию семейных ферм. Широкое развитие также получают сельскохозяйственная и потребительская кооперация, сеть предприятий по заготовке, переработке и реализации продукции.

Для укрепления финансового положения агробизнеса страны активно должны участвовать все регионы, районы и сами хозяйствующие субъекты. Из своих бюджетов они должны софинансировать совместные проекты, направленные на модернизацию аграрной экономики.

Существенным источником роста финансовых ресурсов является земельная реформа. Новый этап масштабной земельной реформы начался с 1 июля 2011 г. Целью ее являются становление граждан полноценными хозяевами своих земельных участков и получение ими и сельскими поселениями права распоряжаться земельными ресурсами и дополнительным доходом. Для этого в стране изменено законодательство об обороте земель сельскохозяйственного назначения. В соответствии с ним упрощается процесс оформления границ земельных паев, а органы власти поселений должны помочь гражданам закрепить за ними право собственности на землю. При этом органы кадастрового учета будут бесплатно предоставлять муниципалитетам сведения из Государственного кадастра недвижимости (кадастровый паспорт объекта недвижимости, кадастровую выписку, кадастровый план территории). Что касается неиспользуемых земель (долей), то в дальнейшем ими может пользоваться за определенную плату само население. Перераспределенные земли сельскохозяйственного назначения должны предоставляться по льготной цене сельскохозяйственным производителям и фермерам, работающим на этих участках и собирающимся открыть свое собственное дело. На невозвращенные земельные участки законодательно устанавливается право муниципальной собственности. Цена выкупа таких земель снижается с 20 до 15% кадастровой стоимости. При этом земли сельхозназначения не должны попасть в руки спекулянтов и перекупщиков. Если же земля в течение 3 лет и более не используется для ведения сельскохозяйственных работ, то она принудительно может быть изъята у собственника в судебном порядке в пользу муниципалитета. По данным экспертов, право собственности на более чем половину государственных земель не разграничено до сих пор. Поэтому правительство предоставляет возможность субъектам РФ передавать поселениям полномочия по распоряжению такими землями в целях пополнения финансовых средств местных бюджетов. Пока земельное законодательство не регламентирует процедуру предоставления гражданам земли на льготных условиях. Однако этот вопрос будет решен в течение 2012 г. посредством передачи участков земли в безвозмездное срочное пользование для работающих на этих землях или тем, кто собирается переехать на работу в сельскую местность. При этом такая льгота будет распространяться и на сельскую интеллигенцию – врачей, учителей, библиотекарей и социальных работников.

Гражданам, имеющим трех и более несовершеннолетних детей, предоставлено право бесплатно получать в собственность земельный участок без конкурса и без торгов. Это относится и к федеральным землям, которые государство будет передавать муниципалитетам под эти цели.

Все то, что делается в аграрном секторе экономики, подчинено одной главной цели: село должно быть самодостаточным, привлекательным и комфортным. На Всероссийском аграрном форуме (март, 2012 г.), собравшем глав ряда регионов, руководителей аграрных ведомств и ученых, Президент РФ В.В. Путин заверил сельчан, что поддержка аграрного сектора экономики в финансовом отношении будет продолжена. В 2012 г. на развитие сельского хозяйства в федеральном бюджете заложено 170 млрд руб. Кроме того, крупнейшие банки с участием государства (Россельхозбанк и Сбербанк) будут обеспечивать кредитование еще в размере не менее 150 млрд руб. Объем финансирования федеральной целевой программы «Социальное развитие села» в 2012 г. будет увеличен с 4,5 млрд руб. до 7 млрд, а в 2013 г. этот показатель планируется довести до 9 млрд руб.

Таким образом, развитие отечественного агробизнеса становится объективным фактором финансово-экономической устойчивости российской экономики в целом, улучшения жизни и повышения благосостояния миллионов людей.

Литература

1. Вступительное слово В.В. Путина на пленарном заседании II Всероссийского форума сельских поселений [Электронный ресурс] // Сайт Председателя Правительства Российской Федерации. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/15547/>.
2. Кузнецова Э.Г. Формы хозяйствования в обеспечении продовольственной безопасности страны. Чебоксары: Перфектум, 2011. С. 41-50.
3. Сельское хозяйство Чувашской Республики 2011: стат. сб. / Чувашстат. Чебоксары, 2011. 110 с.
4. Фишер О.В. Современная концепция государственного регулирования социально-экономического развития – гармонизация функций налогов // Казанская наука. 2012. № 1. С. 151-154.

ЯКОВЛЕВ ГЕОРГИЙ ЕРМОЛАЕВИЧ – доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (elvira.kuz.70@mail.ru).

YAKOVLEV GEORGIY ERMOLAEVICH – doctor of economics sciences, professor of Economic Theory Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

КУЗНЕЦОВА ЭЛЬВИРА ГЕОРГИЕВНА – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (elvira.kuz.70@mail.ru).

KUZNETSOVA ELVIRA GEORGIEVNA – candidate of economics sciences, assistant professor of Economic Theory Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *две внешние рецензии;*
- 3) *ходатайство научного руководителя;*
- 4) *лицензионный договор в двух экземплярах;*
- 5) *акт экспертизы (для технических специальностей).*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. **Оформление статьи:**

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *престатейный библиографический список;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. **Рисунки.** Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. **Формулы и буквенные обозначения по тексту.** Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. **Таблицы.** Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовок выделяется полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. **Список литературы.** Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении списка литературы необходимо руководствоваться ГОСТом 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. **Сведения об авторах** набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

10. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

11. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Березин А.А. Военно-политическая ситуация в Северном Причерноморье в I веке новой эры	3
Васильева Ж.С., Михайлова С.Ю. Организационное становление местных народных судов Цивильского уезда Казанской губернии в декабре 1917 – мае 1918 годов	9
Викторов О.Н. Проблемы кадрового обеспечения медицинской системы Чувашии в 1917-1941 годах.....	14
Егорова О.В., Денисов П.В., Сануков К.Н., Федоров Г.И. Межэтнические отношения чувашей и татар	20
Иванов А.Г., Айплатов Г.Н., Филонов А.А. К вопросу о передаче в опекуновское управление Мариинского лесопильного завода козьмодемьянского купца А.И. Шишкина в начале XX века	26
Ильин И.Е. Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской Республики на рубеже XX-XXI веков	32
Ильин И.Е. Человеческий капитал российского села на рубеже XX-XXI веков: состояние, проблемы, перспективы	36
Капранов В.И. «Офицеров нужно готовить в вузах...»: к 50-летию начала подготовки офицеров запаса в Чувашии	39
Кириллова А.М., Широков О.Н. Историко-правовой анализ понятия «территориальные основы местного самоуправления» (на примере сельских поселений Чувашии)	45
Кононов О.И. К вопросу о формировании новой системы местного самоуправления в Российской Федерации (1993-1997 гг.)	48
Леонтьев А.П. Кто и как «советизировал» «Хыпар»	51
Матвеев А.П. Система управления промышленностью строительных материалов во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: региональный уровень	54
Матвеев А.П. Организация труда в промышленности строительных материалов в условиях реформирования социально-экономического развития середины 1950-х – первой половины 1960-х годов (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)	60
Минеева Е.К., Соломина Л.В. Развитие архивного дела в Ямало-Ненецком автономном округе: историография вопроса	70
Морозов В.А., Соколова В.И. Трудовая активность молодежи Марийской и Чувашской автономных республик во второй половине 60-х – середине 80-х гг. XX века	77
Рыжков Т.В. Альтернативы развития нефтепромышленности России и основные модели развития вертикально интегрированных нефтяных компаний (1993-1995 гг.)	83

Стариков С.В., Сергеев В.И., Янцева А.С.

Система профилактики правонарушений среди несовершеннолетних
в начале XX века (на материалах Чувашии) 87

Таймасов Л.А., Денисов П.В.

Казанский комитет Российского библейского общества
и переводы Священного Писания на языки народов Среднего Поволжья 92

Турицын И.В., Рыжков Т.В.

Нефтяная отрасль России 1980-х – начала 1990-х годов:
предпосылки и условия реформирования 96

Федулов М.И., Иванов В.П., Денисов П.В.

Особенности погребального обряда нижнесурских могильников чувашей 103

Хамидуллин С.И.

Берзилия в свете византийских, армянских и арабских источников 107

Шуверов В.Б.

Индустриальная перестройка картофелеводства в Чувашии
во второй половине 50-х – первой половине 80-х годов XX столетия 112

Ялтаев Д.А., Григорьев В.С.

Вооружение полиции Чувашского края Казанской губернии в начале XX века 116

Ялтаева А.В., Сануков К.Н.

Учет этнических особенностей отдельных групп населения
в деятельности податных инспекторов Казанской губернии
на рубеже XIX-XX веков 119

ФИЛОСОФИЯ

Абруков В.С., Ахтямова Г.Э., Степанов А.Г.

Мифологема картины социально-исторической реальности 122

Абруков В.С., Михайлова Р.В., Степанов А.Г.

Антропологические основания мифологемы картины
социально-исторической реальности 125

Арсентьева С.И., Желтов М.П., Степанов А.Г.

Комплексы восприятия и мышления как факторы реализации познания 128

Верстин И.С.

Первобытный социум в этнологических концепциях
Л. Леви-Брюля и К. Леви-Строса 134

Елдин М.А.

Духовная традиция и модернизация российского общества:
философский анализ 137

Кузьмина Г.П., Булавко А.Ю., Сидоров И.А.

Императивы организации компьютерного пространства
на пути к персональной гипертекстовой системе 142

Кузьмина Г.П., Глухова О.Ю.

Всеединство, органицизм и устойчивое развитие
в системе универсальных представлений о мире 152

Кульков Ю.П.

Категория «вера» в естественнонаучном познании 156

Кульков Ю.П.

Познание природы как информациогенез 161

Михайлова Р.В., Ахтямова Г.Э.

Крестьянская духовность в аспекте синергетики 168

Михайлова Р.В., Семёнова Г.Н.

Диалект как форма крестьянской духовности 172

Осипов Н.Е.

Синергетика и исторический процесс 174

Осипов Н.Е., Глебова И.Е., Осипов В.М.

Сущностные изменения духовных компонентов социальных технологий
от древности до современности 179

Пчелина О.В.

«Большая Россия» Д.С. Мережковского: столетие спустя 184

Смойлов А.А., Пурынычева Г.М.

Спортивно-игровые практики в социокультурном измерении 188

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Городнова О.Н.

Свобода воли и ее роль в уголовно-правовом соучастии 191

Городнова О.Н.

Совершенствование законодательного описания гипотезы, диспозиции статьи 177 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности 197

Казаков С.Д.

Проблемы исполнения обязательств по переводным векселям 201

Подгрушный М.А.

Проблемы назначения уголовного наказания в виде штрафа по делам о взяточничестве 208

Тасаков С.В.

Религия и ее роль в духовно-нравственном исправлении осужденных к лишению свободы 213

ПСИХОЛОГИЯ

Данилова Н.П., Славутская Е.В.

Динамика взаимосвязи личностных качеств учащихся в предпододростковом возрасте 219

ПЕДАГОГИКА

Васильева Л.Н.

Формирование основ профессионального мышления бакалавров направления «Радиотехника» на предмете математики 225

Горностаева А.В., Ефремов Л.Г.

Формирование и проверка компетенций обучающихся 231

Метелькова Л.А.

Информатизация лингвистического образования как педагогическая проблема 235

Назырова А.С.

Межкультурная компетентность как содержательная проблема готовности студентов к межкультурной коммуникации 240

Суханова В.И.

Филологизация обучения профессионально ориентированному англоязычному чтению бакалавра нефтегазовой геологии как предпосылка его оптимизации 245

ЛИНГВИСТИКА

Алос И Фонт Э.

Социальное возрождение валлийского языка 252

Ахметова Э.Р.

Классификация иноязычных заимствований в татарском языке (на материале названий овощей и фруктов) 256

Будниченко Л.А.

Подтекст в публицистическом дискурсе 260

Булатова М.Р.

Послелогии татарского диалектного языка в ареале «Южный Башкортостан» 266

Гатауллин Р.Р.

О некоторых структурно-словообразовательных особенностях тюрко-татарских топонимов Южного Урала и Зауралья 270

Канашина Н.Н.

Аттенуативность как компонент функционально-семантического поля диминутивности
в русском, немецком, марийском и чувашском языках..... 276

Корнилов Г.Е.

Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия,
Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXVIII: А-анлаутные географические названия..... 282

Кушнир О.Н.

Эволюция макроконцепта «власть»
как феномен недеструктивного «расщепления» концептосферы 287

Манеркин В.П., Желтов В.П., Боталов В.В., Чеховский В.В.

Методика сравнения семантических моделей текстов ответов
обучающихся в программной системе компьютерного тестирования..... 296

Манеркин В.П., Желтов П.В., Боталов В.В., Чеховский В.В.

Формальные модели текстов
и расширение вариативности логики построения ответов обучающихся
в системе компьютерного тестирования 300

Мукина И.В.

Лексико-семантический анализ лингвоспецифичных слов
в переводах Библии на чувашский язык..... 304

Ошанова Е.С.

Роль модальных частиц в формировании
когнитивно-прагматических аспектов высказывания..... 312

Рец Н.И.

Концессивность как конституент концепта аргументативности 317

Светлова Р.М.

Стилистическая характеристика арабизмов
и их коррелятов в русском и арабском языках..... 319

Сергеева Н.И.

Производность лексического значения и единицы семантического словообразования..... 323

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**Зайцева Т.И., Ившина М.В.**

Жанр комедии в творчестве удмуртских «шестидесятников» 327

Мишина Л.А.

Раскрытие тайн в романе Э.Т.А. Гофмана «Эликсиры сатаны»..... 330

Мухаметзянова Л.Х.

Роль информанта – носителя эпической традиции
в книжных дастанах татар Поволжья в популяризации национального эпоса 337

Поршнева А.С., Бороненко А.В.

Зарубежный «роман о Золушке»: к истории вопроса 341

Родионов В.Г.

Концепт «народ – лидер» в фольклоре и литературе народов Урало-Поволжья 351

Сарбаш Л.Н.

Инонациональный контекст в исторических произведениях А.С. Пушкина
(«История Пугачева», «Капитанская дочка»)..... 355

Сарбаш Л.Н.

Полиэтническая Россия в «Дневнике» В.А. Жуковского..... 363

Тимохин Н.С.

Влияние личных психологических качеств
на речевое поведение журналистов в ситуации интервью 368

Черноярлова М.Ю.

Научная деятельность В.К. Магницкого по изучению и собиранию
устной религиозной прозы русского населения Чувашии 371

Шульга Е.Б.

К вопросу об источниках замысла хроники Н.С. Лескова «Соборяне»
(на материале ранней редакции произведения)..... 376

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Галимова Э.М.

Особенности музыкальной культуры сылвенско-иренских татар Пермского края 383

Мингалеев М.И.

Графическое творчество Б.И. Урманче казанского периода (1926-1929) 387

Мугалимова А.В.

Струнный квартет М. Смирнова в контексте образных исканий

отечественной камерной музыки XIX-XX веков 393

ЭКОНОМИКА

Алексеев М.Ю.

Экономический рост, интеллектуальная собственность – эмпирический анализ..... 403

Алексеев В.Ю., Дедушкина Н.В.

Особенности девелопмента и девелоперских проектов

на рынке недвижимости России..... 411

Алякина Л.А.

Сущность интеллектуального потенциала

как составляющей нематериальных активов региона 417

Воловая Е.В., Асмус О.В.

Развитие конкуренции на рынке социальных услуг 421

Данилов И.П., Емельянова Л.А., Быкова Л.Н.

Корпоративная культура как основной социокультурный фактор

конкурентоспособности промышленного предприятия 424

Иванов В.В.

Усложнение условий конкуренции

на рынке агропродовольственной продукции региона 432

Кадышев Е.Н., Смирнов В.В.

Анализ эффективности развития производственной подсистемы региона 435

Кутеева Т.Н., Шавандина И.В., Дубиновский М.З.

Эффективность и качество услуг организации потребительской кооперации 439

Ляпкина А.В.

Условия осуществления конкурентной стратегии

на рынке агропродовольственной продукции 445

Мамаева В.Е.

Конкурентоспособность интегрированных агроформирований

как фактор инновационного развития аграрного сектора Республики Марий Эл..... 448

Митрофанов Е.П.

Методические основы формирования системы управления

информационным обеспечением развития региональных инновационных подсистем 452

Олоница С.И.

Приоритетные направления функционирования овощеводства 455

Панарин А.А.

Сравнительная характеристика функционирования систем

перспективного и стратегического управления социально-экономическим

и инновационным развитием учреждений профессионального образования 459

Панарин А.А., Кроливецкий Э.Н.

Инновационная активность и анализ

динамики внутренних затрат на научные исследования и разработки

учреждений высшего профессионального образования 463

Романова М.В.

Стратегические направления инновационного развития Чувашской Республики..... 467

Семенов В.Л.

Анализ принципов, определяющих эффективность системы качества организации..... 472

Семенов В.Л.

Формирование факторов повышения качества продукции

с применением методов прогнозирования 477

Смирнов В.В., Кадышева О.Е.	
Эффективная конкурентоспособность экономики	482
Тарасов В.Т., Данилов И.П.	
Качество жизни населения и конкурентоспособность регионов	486
Тумаланов Н.В.	
Воздействие экономических институтов на межотраслевой обмен	495
Тумаланов Э.Н., Иванов В.В.	
Изменение относительных цен в отраслях в условиях повышения общего уровня цен	501
Улыбина Л.В., Большова Л.А.	
Проблемы определения налоговой нагрузки в Российской Федерации	506
Федорова Н.В.	
Региональная модель воспроизводства ресурсов в системе земледелия	509
Чекулаева Е.Н.	
Оценка и анализ налоговых рисков (на примере ЗАО «Аркада»).....	517
Яковлев Г.Е., Кузнецова Э.Г.	
Источники финансовых ресурсов агробизнеса	522
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	527

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Гуманитарные науки
№ 2 2012

Редактор ***Н.И. Завгородняя***
Технический редактор ***О.Н. Павлова***
Компьютерная верстка ***Н.Н. Ивановой***

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-35686 от 19.03.09 г.

Сдано в набор 09.03.12. Подписано в печать 18.06.12. Формат 70×100/16.
Бумага писчая. Гарнитура Arial. Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,1. Уч.-изд. л. 52,9.
Тираж 500 экз. Заказ № 421. Свободная цена.

428015, Чебоксары, Московский просп., 15
Типография Чувашского университета